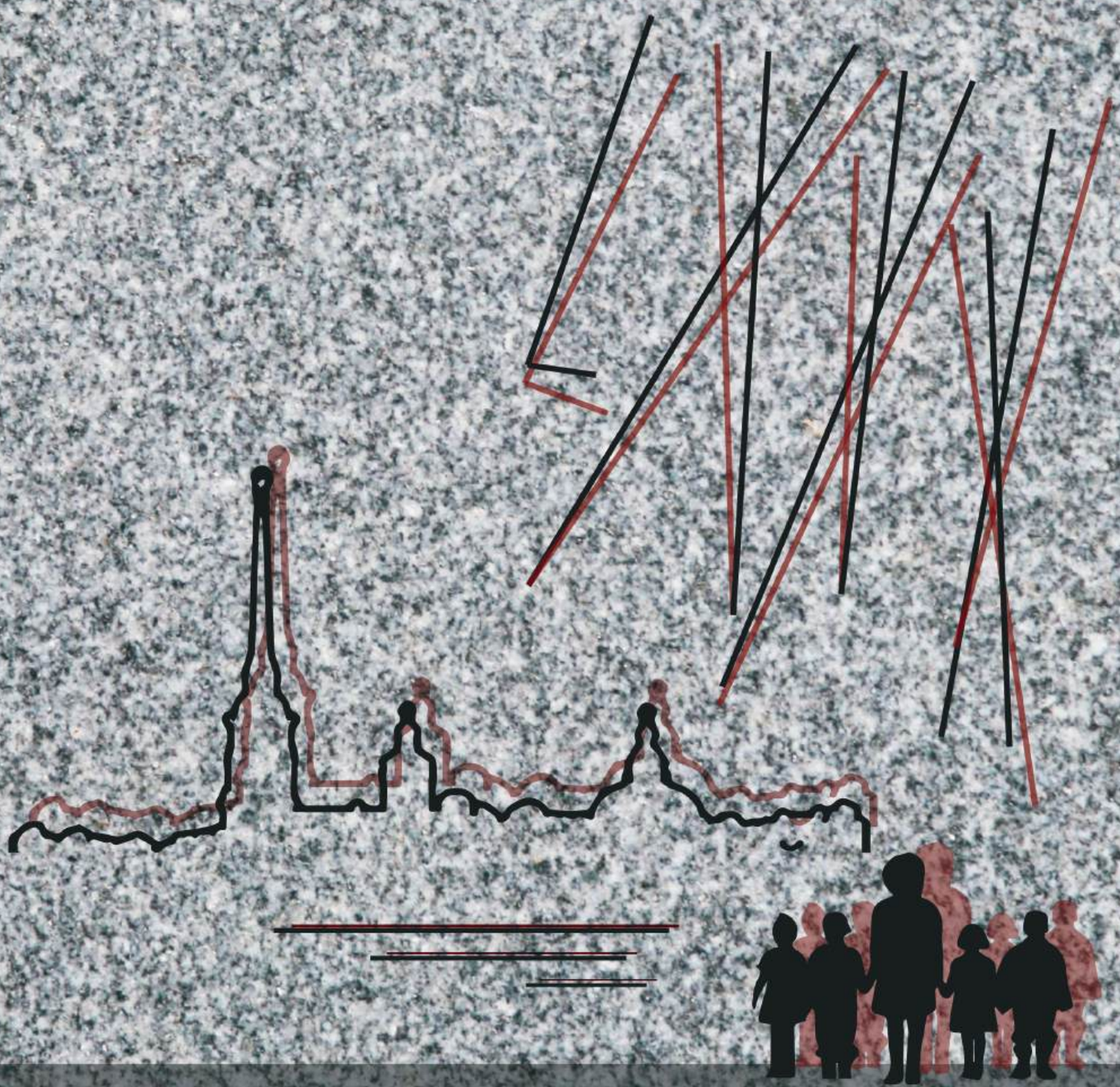
БЛОКАДНАЯ ПЕДАГОГИКА



Санкт-Петербург

Блокадная педагогика – это, как наглядное пособие для воспитания мужества, стойкости, трудолюбия, душевной чистоты, любви к своей Родине – самых ценных качеств человека.

Эти воспоминания останутся в сердцах людей и будут передаваться из поколения в поколение.

Строгонова Н.В.
– учитель с 53 летним стажем,
блокадница,
отличник народного
просвещения

Надежда Васильевна Строгонова
(24 сентября 1920 — 9 июля 2024)
Почетный гражданин Санкт-Петербурга,
педагог-ветеран блокадного Ленинграда,
инициатор создания памятника блокадному учителю.

БЛОКАДНАЯ ПЕДАГОГИКА

Монография

Второе издание, исправленное

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2024

УДК 94 (47+57) “1941/1945”
37 (091); 37.014; 37.017; 37.018.4
ББК 63.3(2Рос=Рус)722-2-2
Б70

Авторы:

Колесникова И. А. — доктор педагогических наук, профессор, действительный член Международной академии гуманизации образования (основной текст, научный аппарат издания)

Груздева Н. В. — кандидат педагогических наук, доцент (раздел «Научно-методический вклад ЛГИУУ в развитие блокадной педагогики», составление приложений I-V, комментарии к таблицам)

Дербилова Л. В. — зав. Педагогическим музеем СПб АППО (составление приложений I–VI)

Рецензенты:

Ломагин Никита Андреевич — доктор исторических наук, начальник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» ГММОБЛ

Сериков Владислав Владиславович — академик РАО, профессор, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ

Б70 **Блокадная педагогика** : монография / И. А. Колесникова, Н. В. Груздева, Л. В. Дербилова ; под науч. ред. И. А. Колесниковой. — 2-е изд., испр. — Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена», 2024. — 556 с.: ил.

ISBN 978-5-8064-3526-3

Блокадная педагогика — научно-документальное издание, приуроченное к 80-летней годовщине блокадных событий Ленинграда 8.09.1941–27.01.1944 гг. На основании изучения массива документальных и архивных материалов представлена панорама жизни детских дошкольных учреждений, школ, детских домов в осажденном городе и в период эвакуации. Значительная часть документов, фотографий, воспоминаний публикуется впервые. Впервые показаны профессиональные механизмы работы педагогов, в условиях блокады обеспечившие сохранение жизни, развитие, воспитание и обучение поколения юных ленинградцев. Книга, в текст которой включены статистические сведения, обширные документальные свидетельства, авторская интерпретация блокадных педагогических реалий, образцы блокадного творчества детей и взрослых, будет интересна исследователям образования, ветеранам блокады Ленинграда, а также широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-8064-3526-3

© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2024
© Колесникова И. А., текст, дизайн обложки, 2022
© Груздева Н. В., раздел «Научно-методический вклад ЛГИУУ в развитие блокадной педагогики», составитель, 2022
© Дербилова Л. В., составитель, 2022

ОТ АВТОРОВ

Наше незнание того, что произошло, огромно.
П. Барскова

Не вырывайте прожитых страниц.
Л. Пожедаева

Блокада Ленинграда расценивается сегодня как одна из крупнейших гуманитарных катастроф XX века. Ее основные события неоднократно описаны и интерпретированы с позиций военно-исторических, социально-политических, историографических, медицинских, психологических (исследования В. М. Ковальчука, А. Р. Дзенискевича, Г. Л. Соболева, М. И. Фролова и др.). Неизвестные стороны и противоречия жизни блокадного города в последнее десятилетие глубоко анализировались в работах Н. А. Ломагина, С. В. Ярова, М. В. Магаевой, Н. Е. Соколовской, Л. Л. Газиевой. Однако не открыто еще до конца то, что М. Б. Пиотровский образно определил как *архипелаг блокады*. Несмотря на восемь десятилетий, отделяющих нас от той трагической поры, по-прежнему велик «неотрефлексированный пласт скорби», куда неотъемлемой частью входит педагогический опыт блокадного времени. Причем не только его жертвенная сторона, связанная с героическим трудом работников образования в осажденном городе, но и сугубо профессиональная, направленная на целенаправленное сохранение в подрастающем поколении ленинградцев Человеческого Качества в нечеловеческих условиях.

Вопрос сохранения исторической памяти о блокадной судьбе ленинградцев оказался не таким простым. 30 апреля 1944 года в городе, освободившемся от блокады, открылась выставка «Героическая оборона Ленинграда». Осенью с экскурсиями, которые планово организовали районы и школы, ее посетило множество школьников. В 1945 году выставка была преобразована в Музей обороны, но после его трагической ликвидации в марте 1953 года к теме обороны осажденного Ленинграда публично снова вернулись лишь в преддверии 20-летия снятия блокады. К этой дате были открыты блокадная экспозиция в Музее истории города и Мемориал на Пискаревском кладбище (1960 г.). Образовательным учреждениям было предложено создавать военно-исторические музеи и залы боевой славы. В последние годы городскими (государственными), а также школьными музеями, архивами, библиотеками, Интернет-ресурсами ведется большая работа по актуализации истории блокады, по объединению связанных с ней разнородных материалов.

Многое уже сделано и постоянно делается для сохранения памяти о воспитании и обучении детей блокадного Ленинграда. Множатся эмоционально-публицистические трактовки воспоминаний и свидетельств педагогов и учащихся, переживших блокаду. Распространение получили музейные экспозиции блокадных реалий в образовательных учреждениях. Собраны интереснейшие данные и выводы по медико-социальным аспектам, заботе о детях Ленинграда и их спасении[1]. Большой массив материалов хранится в Народном музее «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» педагогического колледжа № 8[2]. Но до сих пор не появилось обобщающей работы, охватывающей всю образовательную панораму блокадного города и посвященной профессиональному

---

[1] *Газиева Л. Л.* Горисполком и руководство организацией спасения детей в Ленинграде в 1941–1943 гг.: противоречия и проблемы // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gorispolkom-i-rukovodstvo-organizatsiey-spaseniya-deteyv-leningrade-v-1941-1943-gg-protivorechiya-i-problemy

[2] Народный музей «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда». URL: http://www.pedagog8.ru/images/documents/college/museum/nar_mus_blok/o_museum.pdf

рассмотрению собственно педагогических механизмов работы в тех экстремальных условиях.

Ленинградский городской институт усовершенствования учителей (ЛГИУУ) в годы войны курировал работу школ Ленинграда, учитывая и сохраняя документы того времени. Материалы, связанные с работой детских садов и детских домов во время войны, собирали сотрудники районных методических кабинетов. В дальнейшем этот блокадный архив хранился в Городском методическом кабинете по дошкольному образованию. В 1988 году кабинет вошел в состав Ленинградского городского института усовершенствования учителей, впоследствии — Университета педагогического мастерства (с 1992 г.), и Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования (с 2003 г.). Педагогический музей создан в академии в 2004 году, современная экспозиция появилась в 2012 году. Гордостью музея является блокадная коллекция, включающая разделы:

- Детские сады в годы блокады.
- Ленинградские школы в блокаду.
- Ленинградский городской институт усовершенствования учителей в годы блокады.

В настоящее время блокадный архив АППО открыт для исследователей. Его материалы привлекаются при подготовке телевизионных сюжетов, статей в СМИ, демонстрируются во временных экспозициях, которые организует музей и кафедра культурологического образования Академии[3].

В основу предлагаемого читателям издания, названного «Блокадная педагогика», положены не опубликованные до этого материалы, хранящиеся в Педагогическом музее Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования (ПМ СПб АППО) и Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Это воспоминания педагогов и учащихся; приказы, отчетные документы, статистические сведения; фотографии, детские рисунки, сочинения, стихи периода работы детских садов, школ, детских домов, методических служб Ленинграда в 1941–1945 годах. Часть из них экспонировалась на послевоенных педагогических выставках 1948–1949 гг. и впоследствии была передана в кабинет передового опыта ЛГИУУ. В последнее время блокадный фонд Педагогического музея стал пополняться материалами из домашних архивов, некоторые из них использованы при подготовке этого издания.

В текстах воспоминаний, авторами которых были педагоги, непосредственные участники блокады, отражен уникальный экзистенциальный опыт, представляющий вневременну́ю гуманитарную ценность. Помимо этого, в них присутствует не менее значимая сугубо профессиональная составляющая. В записках учительницы С. Н. Саговской есть такие строки: «Если бы собрать в одно целое все те искания, опыты, все, что сделали ленинградские учителя за эти незабываемые годы, получился бы колоссальный труд. Встретились бы среди этого труда и неудачные опыты, но были бы здесь и настоящие жемчужины». Именно это попытался сделать коллектив авторов, анализируя неизвестные и описанные ранее факты и события, ставшие приметами блокадного образования, во всей их разнородной полноте. Так, как они видятся сегодня в качестве неотъемлемого звена развития отечественной педагогической культуры.

Представляется важным *изучение блокадного опыта как уникального источника педагогического мастерства*. Мастерства, возведенного до высоты подвижничества. Современное обращение к этому опыту показывает, что некоторые довоенные и даже дореволюционные формы и методы обучения, ныне забытые, в ту пору оказались на удивление жизнеспособными. А ряд способов и приемов работы, найденных непосредственно в блокадные дни, не утратил профессиональной значимости и по сей день.

Память о прошлом всегда обусловлена социальным контекстом настоящего. Почему спустя 80 лет в педагогическом сообществе сохраняется потребность вновь возвращаться к блокадной тематике? Тому есть несколько причин.

1. Уходит поколение педагогов и учеников (воспитанников), реальных носителей культурной памяти блокадного периода, чрезвычайно значимого для понимания специфики ленинградской/петербургской истории. Те, кто появился на свет значительно позже, чаще всего имеют дело с мифологизацией, «стандартизированными» или нарочито негативными интерпретациями исторических событий военных лет. Поколения, не причастные к блокаде, нередко вовлекаются в «ритуализацию отфильтрованного военного прошлого». Иногда достаточно формально. Как следствие, у некоторых проявляются эмоциональная усталость и частичное отторжение данной тематики[4].

[3] См., например, проект «Сказки в бомбоубежище: хроники детских садов и школ блокадного Ленинграда» к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. URL: https://spec.tass.ru/skazki-blokadnogo-leningrada/

[4] См.: *Мещеркина Е. Ю.* Историческая память и политики меморизации // Россия реформирующаяся.

В задачи современной системы образования входит противодействие процессу исторической амнезии, в том числе путем развития у детей и молодежи «исторической эмпатии»[5].

2. Чем дальше, тем отчетливее ощущается «временна́я поколенческая дистанция» по отношению к блокаде как завершенному историческому событию. В сознании молодых учителей, учащихся, а иногда их родителей Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война 1941–1945 годов, современные военные события порой сливаются воедино. И на вопрос, что такое блокада, можно услышать от детей удивительные ответы: «В городе была война, теперь это называется блокадой»; «детей заставляли работать и давали за это хлеб»; «это такой праздник для бабушек и дедушек, которые сражались давным-давно с бандитами»; «про нее фильмы страшные»; «это когда облака, когда работают и блоки кладут»[6].
3. Среди жителей нашего мегаполиса становится все больше приезжих, для которых блокада как неотъемлемая часть исторической судьбы нынешнего Санкт-Петербурга не является исконной, родовой принадлежностью. Приобщение к знанию о ней необходимо для новоиспеченных петербуржцев и их детей как сохранение «культурно-исторической ДНК» города. Традиции петербургско-ленинградского воспитания, пронесенные педагогами сквозь военное время и хранимые ныне, составляют неотъемлемую часть культурной идентичности.
4. На фоне общей тенденции к милитаризации исторической памяти далеко не всеми родителями и педагогами осознается опасность для молодежи современного «победного» слогана, успевшего стать мемом: «*Можем повторить*!». Переживший блокаду петербургский академик С. Г. Инге-Вечтомов в одной из недавних дискуссий сказал, что подобный призыв воспринимает как святотатство. Ибо в здравом уме немыслимо по собственной воле желать кому-либо повторения ужасов и жертв войны и блокады[7]. В блокадном дневнике Тани Савичевой «словно кричит за страницей страница: “Вновь не должно это все повториться!”»[8] Л. Пожедаева, ребенком испытав все ужасы реэвакуации, блокады и эвакуации, в своих стихотворных воспоминаниях призывала: «Не играйте, взрослые, в войну! Сколько нас война еще положит!» Одна из центральных экогуманитарных идей современности: любая война — это катастрофа. Поэтому современные исследования военной и блокадной поры должны восприниматься как обращение ко всему человечеству: сделать все, чтобы не допустить повторения этого!
5. Введение в научный оборот новых архивных материалов всегда интересно и профессионально значимо для историков образования. Прикосновение к новым подлинным свидетельствам работы учебно-воспитательных учреждений блокадного Ленинграда позволяет увидеть, как много может сделать для будущего педагог «от бога» в условиях, когда в буквальном смысле весь мир вокруг рушится. Это дополнительный аргумент к столь животрепещущему сегодня вопросу о социальной миссии и престиже учительской профессии.
6. На фоне педагогических проблем периода пандемии, ставшей совершенно новым видом гуманитарной катастрофы, по-иному прочитываются смысл и профессиональная ценность некоторых методических находок блокадных учителей-мастеров. В этом сказывается преемственность отечественной педагогической культуры и гуманитарной педагогической культуры в целом.
7. В одном из современных Интернет-комментариев к материалу о детях блокады звучит призыв: «Пусть каждый, каждый из нас как можно чаще рассказывает своему ребенку и другим детям и подросткам то, о чем плачем мы сами... Чтобы помнили. И чтобы поняли»[9]. Появление первой

2005. № 5. С. 206. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-i-politiki-memorizatsii. См. также: Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. Память о блокаде — блокада памяти. 2019. № 5. С. 153–194. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/127_nz_5_2019/article/21844/

[5] Понятие, прозвучавшее из уст музыканта Кирилла Иванова 07.09.20 г. в ходе благотворительной онлайн-дискуссии «Память и мы».

[6] *Монина Г. Б., Русина М. С.* Отражение блокады в детской речи: психологический и гендерный аспекты. URL: https://psy.su/feed/2229/. См. также: Что знают о блокаде современные петербургские школьники? URL: https://vk.com/wall-308399_5529

[7] Видеоархивы Ассоциации выпускников СПбГУ. Благотворительная онлайн-дискуссия «Память и мы», сентябрь 2020. URL: https://alumnispbu.net/activities/webcast/blagotvoritelnaya-onlayn-diskussiya-pamyat-i-my/

[8] Строки из стихотворения Ильи Малышева, опубликованного в газете «Пионерская правда» (1989. № 74).

[9] Комментарий Елены Голованової к статье «Маленькие жители блокадного Ленинграда». URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5c8f530909148900b5c9009c/malenkie-jiteli-blokadnogo-leningrada-5ca89b5590e0af00b4b14ef4

хрестоматии с блокадными материалами[10] открывает перспективу включения блокадной тематики в учебники для тех, кто решил посвятить себя работе с детьми. Но возникает вопрос: как педагогам говорить о блокаде, чтобы быть услышанными сегодня, в XXI веке.

* * *

В ряду исторических феноменов осады городов блокада Ленинграда остается уникальным опытом мирового значения. Спустя восемьдесят лет возникает обманчивое впечатление, что о ней все уже сказано и написано, что героизм и трагизм этого периода очевиден. Однако использование новых ракурсов рассмотрения позволяет постоянно приоткрывать новые, едва уловимые грани блокадной истории.

Выбор той или иной методологии и способов интерпретации имеющихся архивных документов обусловлен вариативностью теории и практики меморизации блокадного времени и событий. Известно, что со временем представления о мемориальной культуре как культуре воспоминаний меняются. «С вымирающим воспоминанием дистанция не только становится больше, но также изменяет свое качество»[11]. Кроме того, накопление информации не всегда ведет к ее адекватному пониманию. «Семьи, социальные группы, некоторые другие группы с определенным опытом коллективного страдания, преследования, стигматизации культивируют воспоминания исходя из определенных целей»[12]. Из постоянно разрастающегося объема сведений о блокаде приходится выбирать: что именно, зачем и как надлежит сегодня вспоминать.

Специалист по истории блокады С. В. Яров пишет о наличии канона, в соответствии с которым ее очевидцы, выстраивая структуру повествования, последовательность описаний, использовали опробованные формулировки и риторическую лексику. Это в полной мере относится к аутентичным педагогическим документам и «отсроченным» военным воспоминаниям учителей, учащихся, воспитателей и воспитанников детских садов и детских домов. Несомненно, на блокадных материалах, связанных с образованием, лежит печать своего времени. На уровне коллективной памяти педагогического сообщества сформировался достаточно узнаваемый дискурс повествования о блокадных событиях. В определенной степени мифологизированный, поскольку в военное и послевоенное время идеологизации и политизации общественного сознания нельзя было избежать. В отчетах и воспоминаниях, составленных до 1953 года, неоднократно подчеркивается тот факт, что педагогам города было доверено «великое и почетное дело: воспитание детей партии Ленина — Сталина». Однако при редактировании блокадных текстов в более поздние периоды в авторских рукописях многочисленные упоминания о Сталине оказываются вычеркнутыми — наглядный пример того, что в источниковедении определяется как «намеренная информация».

При подготовке данного издания перед авторами встала задача вычленить из текстов и описаний, «идеологически правильно выдержанных» на момент их создания, информацию о том педагогическом опыте, который в период блокады объективно обеспечил ресурс успешной работы. Попытаться дать интерпретацию того, что в блокадные дни составляло профессиональную суть работы учителя, воспитателя, директора, методиста независимо от типа образовательного учреждения, в котором они работали, и заданных сверху идеологических рамок. Тем самым сделана попытка соотнести современное аксиологическое измерение с исторически конкретной картиной педагогического труда блокадного времени.

* * *

С началом осады города образовательные учреждения Ленинграда приняли на себя ряд функций, которые в условиях блокады уже не могли выполнять семьи: обеспечение (насколько это было возможно) полноценным питанием, психологическая поддержка, создание условий для соблюдения основных гигиенических норм и безопасного ночлега. При этом педагогический состав блокадных школ, детских домов и детских дошкольных учреждений в профессиональном плане был неоднородным и подвижным. Его наиболее опытное ядро составляли учителя и воспитатели, родившиеся на рубеже XIX и XX веков, воспитанные на дореволюционных педагогических традициях. Это были подлинные интеллигенты, носители

---

[10] Свидетельства о ленинградской блокаде: Хрестоматия / Сост. П. Барскова. М.: Издательский проект «А и Б», 2017.

[11] *Мещеркина Е. Ю.* Историческая память и политики меморизации // Россия реформирующаяся. 2005. № 5. С. 200. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-i-politiki-memorizatsii

[12] Там же. С. 199.

российской и европейской культуры в ее классических проявлениях.

Представители более молодого поколения, получившего педагогическую подготовку в 1920–1930-е годы, являлись проводниками уже иной образовательной культуры и иного мировоззрения. С одной стороны, их собственная учеба и профессиональное становление пришлось на время новаторских психолого-педагогических экспериментов. С другой (это ясно прослеживается в текстах блокадного времени) — на сознании и поведении подавляющего большинства данной когорты педагогов не могло не отразиться влияние сталинской идеологии. Но в любом случае для довоенного учительства было характерно стремление постоянно развивать свой профессиональный кругозор, приобщаться к культурным ценностям Ленинграда путем посещения театров, музеев, лекций в Университете, приобретения книг.

Война и блокадные лишения резко сократили число работников образовательных учреждений, имеющих базовую профессиональную подготовку. Многие из них ушли на фронт, в народное ополчение. Часть эвакуировалась вместе со школами, детдомами, своими семьями. Оставшиеся в осажденном городе педагоги, как и другие жители, умирали от голода и холода, порой погибали, спасая детей во время обстрелов и бомбежек. В школы, детские сады и детдома вынужденно направлялись необученные кадры, иногда даже без законченного среднего образования. Возникает закономерный вопрос: как, за счет чего в подобных условиях обеспечивалось должное качество обучения и воспитания? Имеющиеся исторические документы и доступные для анализа сведения позволяют выделить, по крайней мере, три важных объективных фактора.

- Это гибкая образовательная политика, которая оперативно разрабатывалась и четко артикулировалась в партийных и правительственных документах и выступлениях представителей власти. Сегодня в социальном пространстве звучит немало критически оценок по поводу стратегических ошибок, совершенных руководством Ленинграда, например, при выборе направления эвакуации детских учреждений в начале войны. Но нельзя отрицать, что именно благодаря последовательной и жесткой линии официальной поддержки педагог в военное время воспринимался населением как представитель государственной власти, как ее лицо[13].
- Это высокопрофессиональная работа городской и районных методических служб, на протяжении всей блокады не прекращавших подвижническую работу по поддержке и сопровождению деятельности школ и детских дошкольных учреждений. В итоге складывалась единая содержательно-целевая линия педагогической деятельности, которая прослеживается во всем: в нормативных документах, методических статьях, личных воспоминаниях, творческих работах учащихся.
- Это постоянный жесткий контроль качества работы образовательных учреждений и индивидуальный учет деятельности преподавателей и воспитателей в сочетании с адресной поддержкой со стороны руководителей школ и детских садов в форме консультаций, семинаров, конференций, соцсоревнования.

К этим внешним факторам следует добавить высокую личную мотивацию и чувство личной ответственности тех, кто в период блокады оказался причастным к физическому и духовному сохранению и развитию молодого поколения ленинградцев. Всех, кто в качестве профессионального лозунга провозгласил: «*Работать лучше, чем в мирное время! Следить за каждым ребенком так, словно это твой собственный ребенок*!»[14] Профессор ЛГПМИ А. Ф. Тур в статье, датированной 1944 годом, подчеркивал, что «в то время как в одних учреждениях было холодно, темно и неуютно, в других совершенно аналогичных и при совершенно таких же условиях снабжения топливом и пищевыми продуктами жизнь протекала более или менее нормально. Это в значительной мере зависело от качества работы педагогического, медицинского и прочего персонала того и другого детского коллектива»[15]. Известны дошкольные

---

[13] *Овчинников А. В.* Реализация государственной политики в отношении учительства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Проблемы и перспективы развития современного образования в контексте его историко-педагогической интерпретации. XXXIII сессия научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки РАО. М., 2020. С. 108–111.

[14] Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей / Редкол.: проф. Ю. А. Менделева, проф. А. Ф. Тур и проф. А. Н. Антонов. Наркомздрав СССР: Гос. изд-во мед. лит-ры. Ленингр. отдние, 1944. С. 8.

[15] Там же. С. 29.

учреждения, где за время блокады не умер ни один ребенок и никто из воспитанников не был оттуда направлен в детский дом. Вплоть до того, что оставшихся без родителей детей брали к себе сотрудники[16]. Поистине, в ту пору человеческая доброта и участие не требовали особого образования!

В обращении, принятом в Ленинграде на общегородском женском митинге 27.09.1941 г., говорилось: «*Нас много! Мы — большая сила. Наравне с мужчинами, братьями и сыновьями мы решаем судьбы нашего города*»[17]. Немалую часть этой силы составили женщины-педагоги. По словам писателя А. А. Фадеева, в блокадном Ленинграде он «видел сотни женщин, молодых и старых, показавших такое знание детской души и такой педагогический талант, какие могут сравниться со знаниями и талантами величайших педагогов мира»[18]. Среди творцов и носителей принципов блокадной педагогики преобладали женщины: ленинградские учительницы, воспитательницы, руководители школ, детских садов, методисты, инспектора, заведующие РОНО, работники Дворца пионеров, библиотекари. Они были очень разными по возрасту, характеру, уровню образования, довоенным, военным и послевоенным судьбам.

Кто-то из них, как, например, завуч Ксения Владимировна Ползикова-Рубец, вел подробные дневниковые записи, позволяющие через много лет прикоснуться к бесценному профессиональному и жизненному опыту. Кто-то обладал пропагандистским даром, как учительница Мария Вячеславовна Кропачева, автор страстной брошюры-призыва к бойцам Ленинградского фронта с красноречивым названием: «Голос детей зовет к мщению»[19]. Или педагог Нина Ивановна Высоковская, известная ленинградцам как «лектор у уличной карты». Кто-то, как дошкольный инспектор Елизавета Леонидовна Щукина, тщательно собирал и хранил методические разработки коллег и детские рисунки времен блокады. Описанию блокадных будней обычной ленинградской учительницы посвятил свою книгу, изданную в 1943 году, и.о. директора Ленинградского городского института усовершенствования учителей Л. Е. Раскин[20].

Большинство ленинградских мужчин-педагогов с началом войны ушли на фронт. Многие погибли, но те, кто, получив ранение, вернулись в блокадный город, как правило, снова вставали к школьной доске. У поэта Вольта Суслова, школьником пережившего блокаду и в 1944 году призванного в армию, есть стихотворение, отражающее образ учителя-фронтовика, слитый воедино с трагически-победной судьбой страны: «Наш учитель со звонком приходит в класс, Начинает по истории рассказ, О стране родной, не дрогнувшей в борьбе, И немножко, может, даже о себе...»[21]

Яркие эпизоды деятельности педагогов блокадной поры представлены в книге В. Г. Даева, написанной по материалам архивов ленинградских учреждений[22]. Коллекция Народного музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» педагогического колледжа № 8 (фонд «Блокадные воспитатели») насчитывает около 250 личных дел[23]. Биографии педагогов блокадного времени оживают сегодня в исследованиях учащихся Санкт-Петербурга. Каждый из тех, кто беззаветно спасал и растил детей в осажденном городе, не думая о том, что ежедневно совершает человеческий подвиг, в равной степени заслуживает бережного сохранения своего имени в исторической памяти. В значительной степени на это ориентированы тексты обширных приложений к разделам данного издания.

* * *

Учительство во все времена оставалось социальной стратой со специфической психологией. Не секрет, что носители педагогической профессии, как правило, консервативны в профессионально-личностных установках, порой категоричны в суждениях, склонны к идеализации, к преимущественно позитивному представлению своего опыта, к вере в лучшее будущее. Возможно, поэтому в учительских воспоминаниях,

---

16 Детский сад № 43 Дзержинского района (ныне № 109 Центрального р-на).

17 Текст обращения был опубликован в газете «Ленинградская правда» от 28.09.1941.

18 *Фадеев А.* Дети // От Советского информбюро: Публицистика и очерки военных лет. М.: АПН, 1982. Цит. по: URL: http://blokada.otrok.ru/text.php?s=gf&t=3

19 *Кропачева М. В.* Голос детей зовет к мщению. Л.: Ленингр. газ.-журн. и книжн. изд-во, 1942.

20 *Раскин Л. Е.* Советская учительница. Л.: ЛГИУУ, 1943.

21 Стихотворение В. Суслова «Наш учитель — политрук», положенное на музыку ленинградским композитором А. Брицыным, выпускником Петришуле 1966 года, стало частью кантаты «О стране родной». См.: URL: http://kkre-2.narod.ru/bricin/osr2.mp3

22 *Даев В. Г.* Педагоги блокадной поры: По архивам ленинградских учреждений. СПб.: Сударыня, 1998.

23 См. сайт музея: URL: http://www.pedagog8.ru/college/museum

рассчитанных на публичное прочтение, практически не встречается муссирования ужасов блокады. Внимание преимущественно сосредоточено на описании обилия организационных и педагогических задач, которые приходилось решать, разнообразных видов активности, уникальных человеческих проявлений коллег и учеников.

Тем интереснее попадающиеся в текстах критические оценки событий и поступков, свидетелями которых становились учителя и воспитатели в 1941–1944 годах. Здесь и горечь от отправки на верную гибель неподготовленных ополченцев, и осознание ошибок в изначальном выборе направления вывоза детей из города, приведших к гибели части из них при реэвакуации в Ленинград. Здесь осуждение «интеллигентских» разговоров о сдаче города «во имя спасения культурных ценностей». Порой работниками школ скептически оценивался излишний формализм со стороны руководителей отделами образования города и его районов, мешающий практической работе. С досадой говорилось о «массе бестолковых заседаний, которые только отрывают от реальных дел».

Сравнительно недавно увидели свет дневники «ленинградской Мадонны», го́лоса блокадного Ленинграда Ольги Берггольц, воспоминания сотрудницы Публичной библиотеки М. В. Машковой и целый ряд других сугубо личных документов, в которых отражено достаточно критическое ви́дение блокадных событий. Возникает вопрос: каким образом в блокаду один и тот же человек в своих личных записях и дневниках давал резкую оценку происходящего, однако в публичной деятельности демонстрировал совершенно иные, официально одобряемые позиции? Можно предположить, что в военных условиях ленинградцы, в том числе представители педагогической профессии, внутренне четко разграничивали свое личное мнение и гражданский долг, осознанно выполняя возложенную на них социальную миссию обеспечения жизни в осажденном городе. Несомненно и то, что среди работников образовательных учреждений было немало людей, искренне верящих: «Вечно ясен, вечно молод нас гений сталинский ведет»[24]. В данном случае утверждение авторов четырехтомного труда о Великой Отечественной войне[25] о преобладании в массовом сознании советских людей государственного патриотизма представляется справедливым.

* * *

Сухие строки официальных документов оживают, только если они вписаны в конкретный жизненный контекст. Когда разнородные голоса блокадных воспоминаний педагогов и детей, дополняя друг друга, сливаются в единый эмоциональный поток, начинает звучать хор вселенского масштаба. Изучение массива хранящихся в архивах и частично опубликованных детских блокадных дневников и воспоминаний свидетельствует о том, что подлинные переживания, мысли, чувства детей того времени также были весьма противоречивы. Весь диапазон человеческих проявлений проходил перед глазами ленинградских ребят: от бескорыстной помощи друг другу совсем незнакомых людей до грабежей и каннибализма. От разговоров о сдаче города немцам до беззаветного стремления отстоять Ленинград любой ценой. В совсем юные годы многим пришлось увидеть жизнь с самых разных, порой неприглядных сторон. Иногда кардинально изменить отношение к родителям, школьным подругам и товарищам.

Известный литератор Наталия Соколовская, много внимания уделяющая осмыслению феномена блокады Ленинграда, отмечает, что блокадные дневники по совпадению описываемых их авторами состояний и переживаний напоминают воспоминания узников концлагерей[26]. И там, и там в страшные моменты вынужденного «погружения в ад» и пробуждения звериных инстинктов человек способен сохранять «желание остаться наверху». Об этом же говорят мемуары Л. Пожедаевой «Война, блокада, я и другие», книга художника Э. Кочергина «Крещеные крестами. Записки на коленях», дневники Юры Рябинкина, Лены Мухиной и многие другие блокадные свидетельства, собранные в «Детской книге войны»[27]. Военное время породило удивительные примеры подростковой саморефлексии, в результате которой происходило не

[24] Строки из стихотворения воспитательницы детского сада В. С. Майзель.

[25] Великая Отечественная война, 1941–1945: Воен.-ист. очерки: В 4 кн. / М-во обороны РФ; Ин-т воен. истории и др. М.: Наука, 1998.

[26] *Барскова П.* Наталия Соколовская: «Музея, соответствующего блокадной трагедии, в городе не существует». URL: https://www.colta.ru/articles/literature/1802-nataliya-sokolovskaya-muzeya-sootvetstvuyuschego-blokadnoy-tragedii-v-gorode-ne-suschestvuet

[27] Детская книга войны. Дневники 1941–1945. «Аргументы и факты». «АИФ Доброе сердце». М., 2015. URL: https://royallib.com/read/kollektiv_avtorov/detskaya_kniga_voyni__dnevniki_19411945.html#0 URL: https://dkv.aif.ru/ URL: https://ncbs.chel.muzkult.ru/media/2020/03/27/1252481295/Detskaya_kniga_vojny_-_Dnevniki_1941–1945.pdf

только стремительное духовное развитие, но порой и распад личности. То, что на занятиях в блокадных классах, в детсадовских группах присутствовали дети и подростки, не только до предела истощенные, но с полностью трансформировавшимся внутренним миром и искалеченной психикой, требовало от учителей и воспитателей поиска новых психолого-педагогических, во многом коррекционных подходов.

* * *

Понятие «блокадная педагогика» многогранно. Помимо обучения и воспитания в государственных учреждениях образования, сюда следует отнести освоение детьми, подростками, а также взрослыми людьми способов поведения, видов деятельности, трудовых навыков, необходимых в военное время (обращение с противогазом, работа на строительстве оборонных сооружений, в группах МПВО, санитарных дружинах, в госпиталях, на огородах и др.). Блокадная педагогика включала также уникальную подвижническую работу руководителей детских творческих объединений, ярким примером которой стала деятельность Дворца пионеров. Можно сказать, что след блокадной педагогики с определенного момента стал проявляться за пределами осажденного города за счет эвакуации значительной части ленинградских детей и педагогов в различные регионы страны.

Но особый педагогический смысл приобретала блокадная повседневность как суровая школа выживания для людей всех возрастов. В этой школе, которую в блокадном Ленинграде вместе проходили взрослые и дети, шкала ценностей изначально была выстроена в координатах Жизнь — Смерть, Добро — Зло. Поэтому неправомерно тотально героизировать и идеализировать все, что происходило в образовательных учреждениях блокадного времени. Ленинградским педагогам, как и другим жителям города, были свойственны чувство страха, человеческие слабости, профессиональные недочеты и ошибки. Многим из них приходилось постоянно думать о спасении членов собственной семьи. Были и те, для кого работа в детском саду или школе оказалась вынужденным средством обеспечения себя и своего ребенка ежедневным питанием. Как уже отмечалось, из-за нехватки квалифицированных специалистов в детские учреждения направлялись люди неопытные, иногда с неоконченным средним образованием. И неудивительно, что в блокадных архивах хранится немало отчетов инспекторов и методистов, где откровенно фиксируются трудности и резко критикуются серьезные недостатки в жизни детских садов и школ.

Известны, хотя до сих пор подробно не описаны и не получили объективной оценки, случаи репрессий в отношении школьных учителей непосредственно перед войной и в период блокады. Поводом для ареста могли служить национальность, хорошее знание иностранного языка, интерес к фотографиям с видами СССР, неосторожно высказанные сомнения в скорейшей победе над врагом, недостаточно патриотичные записи в личных дневниках. Тем не менее во фронтовых письмах домой директор ленинградской школы осмеливался делиться философскими размышлениями о «славянской противоречивости», которая на войне «видна на каждом шагу». Есть дневниковые записи, свидетельствующие о том, что в силу дворянского происхождения, прекрасного дореволюционного образования, религиозности и иных причин некоторых педагогов посещали мысли о том, что «*многое в стране глупо — и непонятно, и ужасно жестоко*». Однако несомненно, что в целом настроение в среде ленинградского учительства «было самое высокое, патриотическое». Именно поэтому своим воспитанникам и ученикам даже в самое тяжелое блокадное время педагоги старались обеспечить живительное общение и «высокую планку доброго, одухотворенного проникновения в жизнь»[28].

* * *

Нельзя не отметить, что, несмотря на сугубо атеистический характер официального воспитания, во многих ленинградских семьях усилиями поколения дедушек и бабушек сохранялся религиозный опыт. В войну многие стали молиться открыто. Когда с конца июня 1941 г. десять действующих ленинградских храмов стали заполняться народом, верующие семьи начали приводить туда своих детей. В Пасху вместо куличей освящали кусочки блокадного хлеба. Кто-то приходил к вере, столкнувшись с необъяснимым чудом спасения себя или своих близких. К периоду блокады относятся многочисленные легенды о чудесных фактах помощи Божией, о спасении по молитве. Блокадники рассказывают, что детьми воспринимали святую Ксению Блаженную как реально существующего

[28] *Рогова Н.Б.* Воспоминания учительницы Н.В. Мансветовой о блокаде Ленинграда. С. 560. URL: https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/6537339add66207c2afecc902cf53fe4b406c3b3.pdf

человека, живущего рядом с ними в осажденном городе. В определенном смысле символично, что в бомбоубежище, устроенном в подвальном помещении Казанского собора[29], какое-то время располагались ясли № 237.

Плиний Старший некогда заметил: «Природа вещей ни в чем не выражается так полно, как в самом малом». Позднее в европейской культуре возникло выражение, который можно перевести как «Бог благ в деталях»[30]. Оно употребляется историками для того, чтобы подчеркнуть важность изучения всей совокупности фактов, даже самых, казалось бы, незначительных. Работа с архивными материалами показала, что именно за неприметными на первый взгляд деталями педагогических действий обнаруживается огромный культурный пласт, обращение к которому позволяет по-иному взглянуть на значение блокадной педагогики в ее общечеловеческой и историко-педагогической обусловленности. Понять, как вопреки царящему вокруг поистине вселенскому ужасу ленинградцам удалось сохранить систему образования в условиях, в которых и выживать-то удавалось не всем. Причем не просто сохранить, но и сберечь, удержать ее гуманно-педагогические смыслы.

Сопоставление архивных материалов из фондов Педагогического музея СПб АППО периода 1940–1945 гг. с многочисленными фактами из открытых источников в их современном профессиональном осмыслении позволило получить достаточно целостное представление об образовательных реалиях блокадного Ленинграда[31]. В результате стало возможным увидеть, понять и оценить «с высоты» прошедших восьми десятилетий масштаб учительского вклада в формирование особого ленинградского поколения, росшего и обучавшегося не только в блокаду, но и в послевоенные годы, вплоть до конца 1960-х годов. Интересно, что в ходе знакомства с архивными документами авторам этого издания встретились фамилии тех, кто в предвоенные годы учил их родителей или учился с ними, а также тех, кто, пройдя войну и блокаду, в 1950–1960-е годы стал их педагогами. Это позволило с учетом пережитого и проверенного временем личного «отсроченного результата» увидеть новые штрихи в педагогических портретах российских Учителей, воспитанных героикой ленинградской трагедии.

* * *

В соответствии с логикой трансформации образовательного пространства и сети детских и школьных учреждений Ленинграда в блокадное время в проведенном исследовании были учтены:

- Изменчивость и противоречивость военно-исторического контекста, в который была вписана система обучения и воспитания Ленинграда в 1941–1945 годы.
- Специфический характер мобилизующих директив в форме приказов, решений, постановлений партии, правительства, Совета обороны, городской администрации, касающихся деятельности детских и школьных учреждений в военное время.
- Единство направленности и содержания методических указаний и рекомендаций, переводящих нормативные требования на язык конкретных педагогических действий.
- Общие тенденции в работе педагогов и учреждений по конкретным направлениям, заданным документами «сверху».
- Реальное состояние системы образования, позиция педагогов, учащихся, воспитанников детских учреждений в разные периоды блокады и эвакуации.
- Наличие субъективного фактора в восприятии и описании блокадных событий их непосредственными участниками.

Основными источниками информации для авторского коллектива стали:

- нормативные и отчетные документы времен блокады из ЦГАИПД СПб, ЦГА СПб и фондов Педагогического музея СПб АППО;
- статистические сведения о деятельности школ и детсадов периода 1940–1948 гг. из ЦГА СПб;
- научно-методические ресурсы периода 1935–1945 гг., которые были доступны работникам блокадных школ и дошкольных учреждений;
- научные исследования по философии и психологии войны, социологии исторической памяти, истории и этике блокады;
- непосредственные и отсроченные описания свидетелей блокадной повседневности, относящиеся ко времени блокады, записанные в послевоенное время (до 1953 года) и в более поздние периоды.

---

[29] С 1932 по 2000 г. Государственный музей истории религии Академии наук СССР.

[30] «Le bon Dieu est dans le detail» (*фр.*).

[31] В данном издании проанализирована система дошкольного воспитания и школьного образования, находившаяся в ведении Ленгороно. История профессионально-технического обучения и вузовского образования в блокадном Ленинграде нуждается в отдельном рассмотрении.

- газетные материалы и интервью с людьми, пережившими блокаду и эвакуацию, в том числе напечатанные в региональных изданиях в разные годы;
- продукты творческой деятельности педагогов и детей блокадного периода (сочинения, стихи, рисунки);
- видеоматериалы с рассказами бывших детей блокады;
- проектные разработки и исследования блокадного периода, авторами которых явились современные школьники из Санкт-Петербурга и других регионов;
- блокадные экспонаты из музеев образовательных учреждений;
- художественные произведения, авторы которых пережили блокаду;
- современные методические разработки занятий и праздников, посвященных блокаде, представленные в свободном доступе[32];
- материалы из домашних архивов, переданные в Педагогический музей СПб АППО.

При работе с массивом блокадных материалов педагогические процессы рассматривались в контексте своего времени и логике исторического развития. Этому способствовало привлечение информации из разнородных по своей природе источников, рассказывающих об одних и тех же событиях и фактах с позиций людей разного возраста и социального статуса, причастных в период осады Ленинграда к образовательным процессам. За архивными текстами, зафиксировавшими военную жизнь дошкольных и школьных учреждений, авторам важно было увидеть реальных носителей педагогической профессии с их жизненными ориентирами, личными и общественными целями, мотивацией поведения. В данном случае, в экстремальных условиях выживания как физического, так и профессионального. Это позволило в определенной степени приблизиться к пониманию специфики ценностей и принципов, задававших в период блокады общую направленность и результативность педагогической деятельности.

Поиск исторических оснований оценки педагогических событий в период блокады осуществлялся на основе описаний, сделанных их непосредственными участниками в разные периоды жизни. Сопоставление воспоминаний детей, педагогов, методистов, директоров школ, датированных 1941–1945, 1948–1949 годами, а также сделанных позднее, в 1980–1990-е и 2000-е годы, позволило обнаружить в переплетении прошлого и настоящего содержательно-смысловые аналогии, подтверждающие достоверность фактов и общность эмоционального восприятия участниками образовательных процессов ключевых событий рассматриваемого периода. Кроме того, избежать однозначности в толковании блокадной педагогической действительности.

При сопоставлении статистических данных военных лет, представленных в архивных документах различных государственных и региональных ведомств (управление НКВД, Ленгороно, районные отделы образования, областные архивы различных территорий и др.), в официальных отчетах учреждений (ЛГИУУ, районные методические кабинеты), диссертационных исследованиях, обнаружились разночтения, иногда существенные. Исходя из этого, в каждом отдельном случае приводимые цифры сопровождаются указанием на конкретные источники.

«Блокадная педагогика» как отражение уникального целостного явления в жизни осажденного города представлена следующими разделами:

- Детские сады и детские дома блокадного Ленинграда.
- Школьная жизнь в осажденном городе.
- Научно-методический вклад Ленинградского городского института усовершенствования учителей в развитие блокадной педагогики.
- Жизнь ленинградских детей и педагогов в эвакуации.
- Блокадное творчество детей и педагогов.
- Блокадная педагогика как ресурс сохранения человечности.

Содержание первых четырех разделов построено в единой логике. Вначале приводятся официальные статистические сведения, хронология и обзор основных событий, позволяющие получить общее представление о том, что являла собой и как менялась сеть дошкольных и школьных учреждений Ленинграда в период блокады и эвакуации. Далее идет авторское комментированное описание, анализ и интерпретация историко-педагогических фактов, профессиональных действий, образовательных сюжетов, из которых складывался феномен блокадной педагогики. Для удобства чтения

[32] При работе с архивными документами и материалами, размещенными в открытом сетевом доступе, авторы опирались на Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.01.2021), ст. 1274: Свободное использование произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях, а также на правила использования контента по лицензиям Creative Commons.

ссылки на цитируемые источники приводятся в постраничных сносках.

Помимо основного текста, в приложениях, которые расширяют и иллюстрируют содержание каждого из разделов, помещены:

- дополнительные данные о количественных и качественных характеристиках системы образования в блокадном Ленинграде;
- фотографии военных лет и сканированные фрагменты подлинных педагогических документов блокадного периода;
- архивные тексты педагогических отчетов военного времени;
- ранее не публиковавшиеся авторские тексты воспоминаний педагогических работников, сценарии праздников, стихи и рисунки, которые, несомненно, найдут живой отклик в сердцах читателей разного возраста;
- тематические списки литературы с указанием (там, где есть) также сетевого варианта текста.

Считаем необходимым сделать следующие оговорки. При работе с источниками не всегда удавалось обнаружить адреса педагогических учреждений, полные имена учителей и воспитателей, некоторые даты. Причина этого — постоянная изменчивость образовательной сети Ленинграда в период 1941–1945 гг., опечатки и повреждение страниц в отчетных документах, пробелы в памяти участников блокадных событий. Сведения приводятся нами на основании текста подлинников. Стилистические особенности языка документов военного времени и авторских воспоминаний во многих случаях сохранены.

Вдумчивый читатель материалов, размещенных в приложениях, не сможет не заметить, какой причудливый идеологический сплав представляло собой сознание советских педагогов военного времени и как потом, с послевоенного периода до начала перестройки, определенным образом смещались акценты в их воспоминаниях и личностной оценке прожитого. По-разному можно оценивать это социально-историческое явление. Но тем важнее понять, в чем заключается непреходящая профессиональная и человеческая сила ленинградских учителей и воспитателей, умевших в трагически противоречивых условиях блокады решать задачи сохранения и возрождения детских душ, которые не всегда под силу одолеть современной педагогике.

Авторы надеются, что «Блокадная педагогика» как первое развернутое научно-педагогическое повествование такого рода привлечет внимание не только историков блокады и исследователей образования, но и широкого круга людей, убежденных в способности подлинного Учителя в любой кризисной ситуации влиять на судьбы учеников, на будущее Отечества путем честного труда и созидательной, жизнеутверждающей позиции.

Литература

1. *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. Л.: Лениздат, 1984.
2. Архив Большого Дома. Блокадные дневники и документы / Сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. СПб., 2004. С. 236–237.
3. Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания (цикл из 7 книг), 2012–2019.
4. Блокада Ленинграда. Народная книга памяти: 300 судеб, 300 реальных историй / Вед. ред. В. Пименова; предисл. А. Константинова. СПб.: Астрель-СПб., 2014.
5. Блокада. Свидетельства о ленинградской блокаде: Хрестоматия / Сост. Полина Барскова. СПб.: Изд. проект «А и Б», 2017.
6. Блокада. Трагедия Ленинграда / Авт.-сост. С. Б. Борзенко, А. О. Кожемякин. СПб.: Реконструкция, СПГУТД, 2014.
7. Блокадные дневники и документы / Сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. Изд. 2-е, доп. и испр. СПб.: Европейский Дом, 2007. 468 с. (Сер. «Архив Большого Дома»).
8. Блокадные нарративы: Сб. статей / Сост. П. Барскова, Р. Николози. М.: НЛО, 2017. https://avidreaders.ru/read-book/blokadnye-narrativy-sbornik.html
9. Боль памяти блокадной: Сб. воспоминаний жителей и защитников блокадного Ленинграда / Сост. Л. П. Петрова. Мытищи: ГНОМ и Д, 2000.
10. *Большакова Т.* Блокадные дневники как исторический источник // Пока сердца стучатся — помните!: Сб. ст. СПб., 2011. С. 449–453.
11. *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–43 годах: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
12. *Газиева Л. Л.* Документы женщин-педагогов о спасении детей в блокадном Ленинграде // Отечественные архивы. 2014. № 5. С. 41–48.
13. *Гулина М. А., Гулин Ф. В.* Травма военного детства (блокада, эвакуация, оккупация): историко-психологическое исследование. СПб.: Европейский Дом, 2016.
14. 900 героических дней: Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / Редкол.: Х. Х. Камалов, В. М. Ковальчук (отв. ред.), Ю. С. Токарев; Сост. Х. Х. Камалов, Р. В. Серднак, Ю. С. Токарев. М.; Л., 1966.
15. Дети города-героя: Сб. / Сост. А. Л. Мойжес. Л.: Лениздат, 1974. 423 с.: ил.
16. Дети и блокада: Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы / Международная ассоциация блокадников города-героя Ленинграда; Ред. комис., [сост.]: д. м. н. Т. М. Голубева и др. СПб.: Вести, 2000.
17. Детская книга войны. Дневники 1941–1945. URL: https://litlife.club/books/257664/read?page=15
18. *Днепровский М., Негинский С.* Народное образование в Ленинграде: В помощь помощнику пропагандиста и агитатора. Л.: Лениздат, 1947.
19. *Дмитриев В.* Блокада Ленинграда. Размышления о подвиге и трагедии. М.: РуДа, 2020.
20. *Иванова И. А.* Цветы блокадного детства. СПб.: Знак, 2004.
21. *Инбер В. М.* Почти три года. Ленинградский дневник. М.: АСТ, 2020.
22. *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады. М.: Изд-во АН СССР, 1959. URL: http://www.detskiysad.ru/raznlit/blokada03.html
23. *Ковальчук В. М.* 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. СПб.: ДБ, 2005.
24. Ленинград в осаде: Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. СПб.: Лики России, 1995.
25. Ленинград (зима 1942/43 г.): Фоторепортаж С. Струнникова. М.: Главархив Москвы, 2020. URL: https://uchebnik.mos.ru/system_2/atomic_objects/files/005/510/115/original/Струнников_Ленинград.pdf
26. Ленинградцы: блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда / Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда; сост., авт. предисл., авт. примеч. И. А. Муравьева. СПб.: Лениздат, 2014.
27. *Лихачев Д. С.* В блокадном Ленинграде. М.: Алгоритм, 2017.
28. *Ломагин Н. А.* Ленинград в блокаде. М.: Эксмо; Яуза, 2005.
29. *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада: В 2 кн. Кн. 2. М.; СПб., 2002. С. 34.
30. *Магаева С. В., Тервонен Л. И.* Дети блокадного Ленинграда. М.: Классика, 2014. 360 с.
31. *Магаева С. В., Тервонен Л. И.* Ленинградская блокада: израненное детство. М., 2012.

32. Мы дети блокадного Ленинграда: помним: жестокие бомбежки, обстрелы, леденящий холод, лютый голод и...: [Сб. / Ил., оформл. и сост. В. Трепцова]. М., [б.и.], 2007.
33. Неизвестная блокада. Ленинград 1941–1944: фотоальбом / Сост. В. Никитин. СПб., 2002.
34. *Новиков В. С.* Блокада снится мне ночами / Рис. авт.; [вступ. ст. В. Сенина]. СПб.: Детское время, 2018.
35. Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / Европейский университет в Санкт-Петербурге; отв. ред. М. Лоскутова. М.: Новое издательство, 2006. 387 с. (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 2).
36. Побратимы / Отв. ред. Ю. З. Кантор. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 951 с.: ил.
37. *Раскин Л. Е.* Дети Великого города: (Ленинградские дети в дни Отечественной войны) // Звезда. 1944. № 5/6. С. 67–74.
38. *Рашитова О. А.* Деятельность Русской Православной церкви во время войны и блокады Ленинграда 1941–1945 гг. СПб.: Альтер Эго, 2008.
39. *Рогова Н. Б.* Школы Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: (По архивным материалам отдела рукописей и редких книг) // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1987. С. 107–121.
40. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942 гг. Л.: Газ.-журн. и книжн. изд-во, 1942.
41. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. Л., 1944.
42. *Селиванов В. Н.* Стояли как солдаты: Блокада. Дети. Ленинград. СПб.: ЭГО, 2002.
43. Слово детям блокады. 1941–1945 // Из истории Кунсткамеры. 1941–1945. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2003. С. 229–316.
44. Смерть стояла у головы каждого ребенка...: Из собранных писателем Ю. Ф. Стрехниным материалов о детях блокадного Ленинграда // Отеч. архивы. 2000. № 1. С. 49–70.
45. *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 — май 1942. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. URL: https://www.litmir.me/br/?b=593767&p=1. Книга вторая: июнь 1942 — январь 1943. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. URL: https://www.litmir.me/br/?b=593766&p=1. Книга третья. Январь 1943 — январь 1944. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. URL: https://www.litmir.me/br/?b=610497&p=1
46. *Соболев Г. Л.* Блокада Ленинграда: от новых источников к новому пониманию // Новейшая история России. 2012. № 3 (5). С. 70–96. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/blokada-leningrada-ot-novyh-istochnikov-k-novomu-ponimaniyu
47. *Солсбери Г.* 900 дней: Блокада Ленинграда / пер. с англ. И. С. Вольской; науч. ред. и авт. предисл. О. А. Ржешевского; Воен.-науч. о-во при Центр. доме Рос. армии; Ассоц. историков II Мировой войны. М.: УРСС, 2000.
48. *Сталева Т. В.* Вечные дети блокады: документальные очерки. М., 1995. 165 с.; ил.
49. Стояли со взрослыми рядом: Сб. документальных очерков / А. М. Осипова, О. Н. Тюлева. Л.: Лениздат, 1985.
50. *Тульский И. В., Багров Г. И.* Блокадный синдром. СПб.: Родные просторы, 2005.
51. *Фадеев А.* Дети. Школа / Фадеев А. Ленинград в дни блокады (из дневника). М.: Сов. писатель, 1944. С. 50–65. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/fadeev/text.pdf
52. *Ясман З. Д.* «Спасти детей блокадного Ленинграда» // Воен.-ист. журн. 2014. № 6. С. 61–65.
53. *Яров С.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2013.
54. *Яров С. В.* Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М.: Центрполиграф, 2012. 603 с.

Интернет-ресурсы:

1. Проект Оборона и блокада Ленинграда. URL: https://blokadaleningrad.ru/
2. Видеоархив проекта «Блокада. Голоса». URL: https://www.blockade-voices.ru/
3. Видеоархивы Ассоциации выпускников СПбГУ. URL: https://alumnispbu.net/activities/webcast/blagotvoritelnaya-onlayn-diskussiya-pamyat-i-my/ сентябрь 2020. Благотворительная онлайн-дискуссия «Память и мы».
4. Российский государственный архив кинофотодокументов. URL: http://www.rgakfd.ru/. Познакомиться с блокадными фотодокументами данного архива в свободном доступе можно на сайте «Победа. 1941–1945»,

размещенном на общероссийском портале «Архивы России». URL: https://victory.rusarchives.ru/tematicheskiy-katalog/leningradskaya-blokada

5. Прожито. URL: https://prozhito.org/notes?keywords=%5B%22Блокада+Ленинграда%22%5D
6. Голоса. Дети блокады Ленинграда #ещенепознер
7. Украденное детство. Истории детей блокадного Ленинграда. URL: https://tass.ru/spec/leningrad_deti

Доступ ко всем сетевым ссылкам раздела проверен 12.09.2021.

ДЕТСКИЕ САДЫ И ДОШКОЛЬНЫЕ ДЕТСКИЕ ДОМА БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Горю учились они по слогам,
Знали о доме по детским домам.
Дети блокады детства не знали,
Только родились — взрослыми стали.
В серых шинелях снятся им папы,
С ликом святых, словно девочки, мамы...

Г. Орлеанская

Звучащий детский голос означал,
что живы, живы малыши в блокаде.

О. Цакунов

Документы, касающиеся работы дошкольных учреждений Ленинграда в годы войны, были сохранены сотрудниками Городского дошкольного методического кабинета, в 1988 году вошедшего в состав Ленинградского городского института усовершенствования учителей[1]. Содержательной основой для написания этого раздела послужили материалы, в 2008 году переданные из этого кабинета в Педагогический музей Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования.

Особую ценность представляют рукописные тетради учета за 1941–1944 годы с ежедневным планированием содержания работы с детьми и описанием конкретных результатов, а также доклады, аналитические отчеты, выступления на конференциях сотрудников дошкольных учреждений по отдельным направлениям деятельности, сохранившиеся с военных лет в виде авторских рукописей. Административное требование к воспитателям детских садов отражать в рабочем плане весь день, фиксируя конкретные факты, поведенческие и эмоциональные проявления ребят, помогает через много лет составить достаточно полное впечатление об основных формах, достижениях и трудностях блокадной работы (*рис. 1*).

Не менее интересны тексты методических рекомендаций тех лет и личные воспоминания дошкольных педагогов. С пожелтевших листов проступают сквозь время забытые современной педагогикой слова «Ребенок», «Дети», «Малыши». Детский очаг![2] Живой неформальный язык, которым пользовались воспитатели, превращает некоторые тексты в подлинно художественные зарисовки, наполненные состраданием к детской жизни, искалеченной войной и блокадой.

Помимо архивных материалов, в разделе приводятся ссылки на научные, художественные и публицистические издания военных лет, с использованием некоторых ярких цитат. Современному читателю это поможет яснее представить социально-педагогический контекст, в котором жили и работали воспитатели детских садов блокадного Ленинграда; конкретизировать круг авторов, научно-методическими разработками которых они пользовались.

---

[1] В то время кабинетом заведовала Ирина Александровна Кутузова.

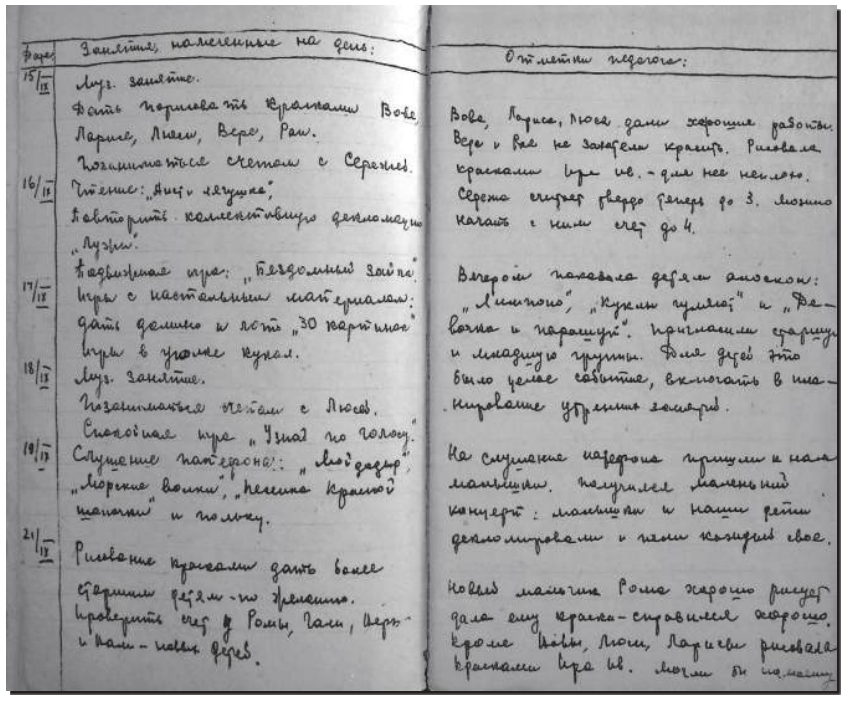
[2] **Детский очаг** (*нов.*) — воспитательное учреждение, куда занятые работой матери приводят своих малолетних детей на время пребывания на работе. **Домашний очаг** (*ритор.*) — *перен.* свой дом, семья. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940).

Планирование
воспит.-образ. работы
группы № 2.

1942 - 43 г.г.

ТЕТРАДЬ
ДЛЯ ЗАПИСИ
(КАРАНДАШОМ)

Средняя группа дет. № 32
Свердловского р-на


Дата | Занятия, намеченные на день:

15/IX Муз. занятие.
Дать порисовать красками Вове, Ларисе, Лизе, Вере, Раю.
Позаниматься счетом с Серёжей.
16/IX Чтение: „Лиц и ягодка".
Повторить коллективную декламацию „Лужи".
Подвижная игра: „Бездомный заяц".
17/IX Игра с настольным материалом: дать домино и лото „30 картинок".
Игра в уголке кукол.
18/IX Муз. занятие.
Позаниматься чтением с Люсей.
Спокойная игра „Узнай по голосу".
19/IX Слушание пластинок: „Моё сердце", „Морские волки", „Песенка красной шапочки" и полечку.
21/IX Рисование красками дать более старшим ребятам - по желанию.
Проверить счет у Ромы, Гали, Жени и Вани - навык дерев.

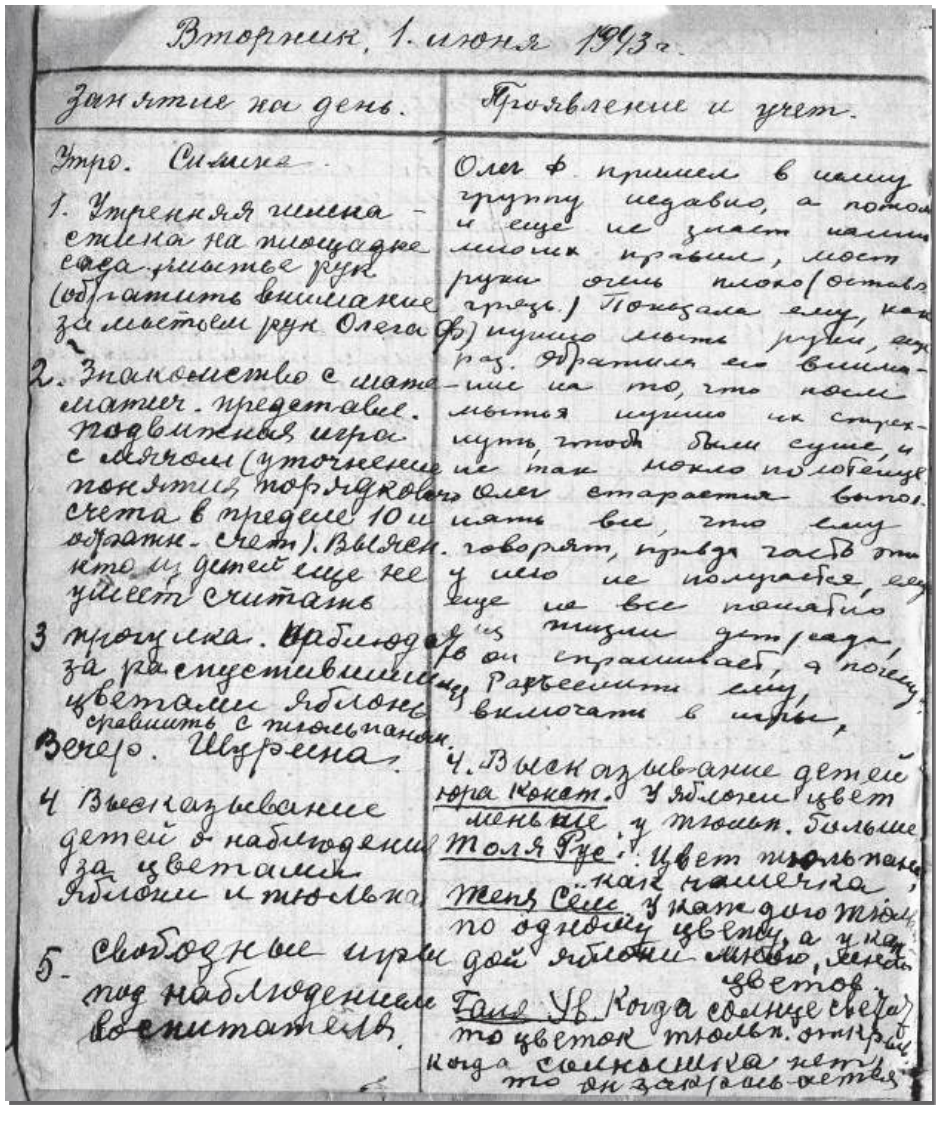
Отметки педагога:

Вове, Ларисе, Люсе дали хорошие работы. Вере и Вове не забудем краски. Рисовала красками Ира Ив. - для нее немного. Серёжа считает вперед только до 3. Можно начать с ним счет до 4.

Вечером показала детям диапозитивы: „Мишутка", „Кукла Нина" и „Девочка и парашют". Пригласим старшую и младшую группы. Для детей это было целое событие, включать в планирование удлинить экскурсии.

На слушание пластинок пришли и наши малыши. Получился маленький концерт: малыши и наши дети декламировали и пели коллективно свое.

Новый мальчик Рома хорошо рисует дала ему краски - справился хорошо. Кроме Вовы, Люси, Ларисы рисовала красками Ира Ив. Можно бы подмазать


Вторник, 1. июня 1943 г.

Занятие на день.

Утро. Смена.

1. Утренняя гимнастика на площадке сада. Мытье рук (обратить внимание за мытьем рук Олега Ф.)
2. Знакомство с математ. представл. подвижная игра с мячом (уточнение понятия, порядковый счета в пределе 10 и обратн. счет). Выяснить кто из детей еще не умеет считать
3. Прогулка. Наблюдение за расцветшими цветами яблони (сравнить с тюльпанами).

Вечер. Прогулка.

4. Высказывание детей и наблюдения за цветами яблони и тюльпана
5. Свободные игры под наблюдением воспитателя.

Проявление и учет.

Олег Ф. пришел в нашу группу недавно, а поэтому и еще не знает наших правил, мест игры очень плохо (оставляет грязь). Показала ему, как нужно мыть руки, один раз. Удивился по вниманию на то, что после мытья нужно их стряхнуть, чтоб были суше, и не так мокро полотенце. Олег старается выполнять все, что ему говорят, нужда была это у него не получается, ему еще не все понятно в жизни детского сада, что он спрашивает, а почему. Разрешить ему включать в игры.

4. Высказывание детей
Юра Кокат. У яблони цветы меньше, у тюльп. больше
Толя Рузе. Цвет тюльпана как наперстка,
Тетя Сеня У каждого тюльп. по одному цветку, а у яблони много цветов.
Галя Ив. Когда солнце светит, то цветок тюльп. открыт. Когда солнышка нет, то он закрывается.

Рис. 1. Тетради планирования и учета работы: детсад № 32 Свердловского р-на и детсад № 3 Дзержинского р-на

Общие статистические сведения и хронология блокадной жизни детских дошкольных учреждений

Для начала обратимся к общим сведениям о контингенте и специфике работы системы детских дошкольных учреждений в блокадный период. Статистические отчеты по районам на 1 января 1940 года и 1 января 1941 года позволяют составить представление о дошкольной сети Ленинграда до начала войны (см. *Приложения I-1 и I-2*). По данным, которые приводит в диссертации Л. Л. Газиева, ссылаясь на исследования Н. Ю. Черепениной, на 22 июня 1941 года в Ленинграде находилось 455 260 детей ясельного и дошкольного возраста (1933–1941 гг. рождения), работало 658 детсадов, которые посещало 46 878 ребят[3], то есть около 10% от общего количества дошкольников города.

С началом войны, после реэвакуации из мест летнего отдыха в Ленинградской области, количество дошкольных учреждений и детей в них начало увеличиваться. В качестве примера приведем данные по Свердловскому району, где в детском саду № 21 с августа по октябрь 1941 года число воспитанников возросло с 935 до 1380 чел. А в 24-м саду с декабря 1941 по май 1942 была зафиксирована следующая динамика:[4]

- Декабрь 1941 — 1792 чел.
- Январь 1942 — 1815
- Февраль — 2051
- Март — 2182
- Апрель — 2360
- Май — 2475

Расширение и трансформация сети детских дошкольных учреждений определялись необходимостью устраивать жизнь ребят, потерявших родителей. В конце июня — первой половине июля в Ленинград начали прибывать потоки беженцев и эвакуированных жителей из Прибалтийских республик, Карело-Финской ССР, Ленинградской области. В эвакопунктах для беженцев скопилось много детей дошкольного возраста, успевших пережить страдания, стать свидетелями вражеских обстрелов, бомбежек, гибели близких людей. Ребята, среди которых были и раненые, оказались в окружении незнакомых взрослых, часто в антисанитарной обстановке, без надлежащего ухода и питания. Для

Таблица 1

Сведения о детских садах 1941—42 гг.

Период блокады	Число детских садов	Число детей
Декабрь 1941	311	23 600
Апрель 1942	342	30 191
Август 1942	318	25 559
Декабрь 1942	269	20 307

детей-беженцев в Ленинграде оперативно приступили к организации специальных интернатов.

В конце сентября согласно решениям районных исполнительных комитетов стали открываться сады для ребят, матери которых уезжали на строительство оборонных сооружений. Туда принимали детей до 11–12 лет, поскольку начальные школы в городе постепенно прекращали работу. В блокадном Ленинграде оставалось от 223 099 до 306 850 детей ясельного и дошкольного возраста. При этом, по данным Л. Л. Газиевой, охват дошкольными учреждениями составлял не более 15,5% от имеющейся потребности[5]. Количество детских дошкольных учреждений в блокадном городе постоянно изменялось из-за подвижности контингента воспитанников (эвакуация, смерть ребят или их родителей и др.), а также в связи с решением новых организационно-педагогических задач, продиктованных военным временем (*табл. 1*, составлена на основании сопоставимых данных на конец 1941-го и 1942 год, взятых из различных источников)[6].

Наряду с детскими садами, относившимися к отделам народного образования, существовали ведомственные сады. Их финансирование полностью брали на себя предприятия или комитеты (например, здравоохранения), военные и оборонные организации. В сводном финансовом отчете Ленгороно об исполнении сметы по внебюджетным централизованным учреждениям за 1941 год приводятся следующие сведения о выполнении плана по контингенту, штату и посещаемости[7] (*табл. 2*).

Некоторые сады собирали детей-сирот, переходили на круглосуточную работу и преобразовывались в интернаты. К концу 1941 года именно в таком режиме стали работать ведомственные

[3] *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–43 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 16.

[4] Эти цифры приведены в отчете дошкольного инспектора Е. А. Балаковской (ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 16).

[5] *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде... С. 21.

[6] Использованы данные из машинописной рукописи отчета «Предварительные итоги работы дошкольных учреждений г. Ленинграда за годы Отечественной войны», сведения об изменении сети детских садов на 1 августа 1942 г. (ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 561); сводного статистического отчета на 1 января 1943 г. (Там же. Д. 571).

[7] Там же. Д. 545 (5 листов). Л. 3.

Таблица 2

Сведения по ведомственным детским садам

№	Показатели	По плану на 1941 г.	Исполнение плана в 1941 г.	Фактическое наличие на 1.01.1942 г. *
1	Количество детских садов	14	14	14
2	Число детей всего	1300	1203	1203
	В т.ч. в 9-часовых садах	–	–	–
	в 12-часовых садах	–	–	–
	в 24-часовых садах	1300	1203	1203
3	Число детодней (посещаемость)	117 000	86 756	–
4	Общий штат	247	210	210
5	В том числе воспитателей	104	85	85
6	Число мест в детских садах	1300	1300	1300

* К 1944 году доля ведомственных садов составила примерно 30%.

дошкольные учреждения. А в феврале 1942 года Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся принял решение о переводе на круглосуточную работу всех детских садов с обслуживанием в них до 70% детей интернатными группами. Такой переход приказывалось осуществить практически в недельный срок. К оборудованию постельными принадлежностями и посудой привлекались родители детей. Потребность в дополнительных кадрах ночных воспитателей предлагалось покрыть за счет учителей начальной школы и учащихся старших курсов дошкольных педучилищ (приказ в *Приложении I-3*).

Увеличение смертности среди взрослого населения блокадного Ленинграда привело к стремительному росту сиротства. Немало ребят, потерявших родителей в результате голода и бомбежек, вынуждены были выживать самостоятельно, переходя в разряд безнадзорных. Работа по борьбе с детской безнадзорностью и устройству детей-сирот регламентировалась решениями Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся[8]. Зимой 1941/42 гг. была проведена огромная работа по выявлению безнадзорных детей, для которых в исключительно короткие сроки начали работу приемники-распределители, детские дома и дома малюток.

В конце 1941 — начале 1942 года *дошкольные детские дома* нередко создавались по инициативе заведующих детскими садами. В течение ноября-декабря 1941 года открылось 4 таких дома; в январе — 7; в феврале — 12. С января 1942 года в каждом районе города работало по одному дошкольному и одному школьному детскому дому, которые находились в ведении РОНО. В первый период их организации старались не разлучать осиротевших детей из одной семьи. Поэтому в одном учреждении могли находиться как школьники, так и ясельники. В *Приложении II-4* приведен подробный отчет о состоянии и специфике работы дошкольных детских домов Ленинграда, составленный на основании материалов обследования, проведенного инспекторами дошкольного сектора Ленгороно в период с 22 апреля по 1 мая 1942 года.

Содержание отчета, в котором объективно оценивается положение дел по городу в целом, исторически интересно в нескольких отношениях. Прежде всего, это всесторонняя и адресная информация о конкретных трудностях, с которыми сталкивались работники детских домов в первый блокадный год работы. Условия в осажденном Ленинграде чудовищные, ресурсов для обеспечения нормальной деятельности детских домов не хватает. Но в одном случае воспитатели стараются не стричь обездоленных детей наголо, одевают их в платьица, костюмы светлых, веселых тонов, по собственной инициативе окрашивая белую фланель в разные цвета. В другом детдоме ребята одеты неопрятно, не мыты в течение длительного времени. Где-то быстро создаются условия для нормальной организации питания, прогулок и сна, а где-то дети совершенно не бывают на воздухе из-за отсутствия одежды и обуви, спят по двое на столах, т. к. нет кроватей. Из текста следует: в критической ситуации выйти из безвыходного положения помогал лишь человеческий фактор, педагогическая добросовестность и личная находчивость сотрудников. В конце отчета сформулированы

[8] О мероприятиях по борьбе с детской безнадзорностью. Решение Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся от 7 января 1942 г. № 59, п. 4 // Бюллетень Ленгорсовета. 1942. № 1–2; Об устройстве детей, оставшихся без родителей. Решение Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся от 13 февраля 1942 г. № 61, п. 48 // Бюллетень Ленгорсовета. 1942. № 3–4. URL: http://militera.lib.ru/docs/0/pdf/sbornik-ukazov1941–1942.pdf с. 265–269

Таблица 3

Динамика изменений основных показателей детских садов с 1940 по 1945 г. (в основном на 1 января)

Годы	Всего детсадов	Из них принадлежат РОНО	Из них принадлежат ведомствам	Детей всего	Педагогов	Персонал (общее число)	Детей военнослужащих	Источник (№ дела)
1940	636	334	302	45 390	2832	4588	Не указывали	438, 528
1941	568	313	225+30 *	40 025	2826	4495	Не указывали	528
1942	316	202	114	26 200			Не указывали	561
1943	269	188	81	20 307	1665	2465		571
1944	345	242	114	31 906			23 307	657
1945 (на 1 янв.)	442	251	184	37 964	3273	4169		664, 758
1945 (на 1 авг.)	521	270	251	45 865			39 930 29 364 (на даче)	758

* 30 детских садов оборонных предприятий.

совершенно конкретные предложения по межведомственному исправлению ситуации, адресованные РОНО, Ленгороно, инспекторским и методическим службам, Горздравотделу, руководителям детских домов.

* * *

Весной 1942 года с началом эвакуации жителей через Ладожское озеро с дошкольными детскими домами в апреле было вывезено 3610, в июне — 4130 детей. После этого к концу лета число детсадов, подведомственных Ленгороно, было приказано сократить с 247 до 203. Количество детей в них на 1 августа составило 18 330. Из 125 ведомственных садов было оставлено 115, рассчитанных на 7229 мест[9]. Ведомственных учреждений закрыли меньше, поскольку родители, работавшие рядом, могли навещать детей, делиться с ними своими пайками, иногда брать домой. Количество мест там было рассчитано в среднем на 60 детей, тогда как в подведомственных Ленгороно это число достигало 90. Прекратившие работу учреждения не сняли с баланса, а законсервировали: так сильна была уверенность в Победе и скором возвращении детей в Ленинград к мирной жизни.

К январю 1943 г. детские дома приняли 15 609 детей. 14 921 ребенок выбыл. Из этого числа 12 468 человек отправили в эвакуацию. В городе оставалось 22 детских дома общего типа с 2502 воспитанниками. В них находилось: мальчиков — 1089, девочек — 1413. Детей в возрасте 7 лет и моложе — 949 человек; 8–11 лет — 875; подростков 12–14 лет — 581; 15 лет и старше — 97 человек.

В работе с ними было занято 207 педагогов и руководителей, 6 инструкторов, 341 человек персонала (всего 548 сотрудников). В десяти детских домах имелись библиотеки с литературой для внешкольного чтения, фонд которых составлял 22 954 издания. В ряде учреждений были мастерские, где старших воспитанников приучали к трудовой деятельности. Трикотажному делу обучалось 20 человек, швейному — 15, сапожному — 4[10].

Архивные тексты и фотографии, представленные в *Приложении II*, позволяют составить достаточно полную картину повседневной жизни детских дошкольных учреждений, остававшихся работать в блокадном Ленинграде до момента его полного освобождения от осады. Динамику изменений основных показателей сети детских садов с 1940 по 1945 г. можно проследить по данным, приведенным в *табл. 3*[11].

За период блокады было уничтожено или повреждено 195 детских учреждений. В их числе: детские ясли № 1, 2, 5, 200, детские сады № 8, 12, 37, 48, испанский детский дом, детские дома № 9, 50, 51 и др.[12]

В 1945 году число дошкольных детских учреждений, как принадлежащих районным отделам народного образования, так и ведомственных, ежемесячно увеличивалось, почти достигнув довоенного уровня (*Приложение I-4*).

---

[9] ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 561 «Приказы Ленгороно № 158–233; 5 июля — 31 августа 1942 г.». Приказ № 205 от 18 августа 1942 г. (в извлечениях).

[10] Статистический отчет о детских домах на 1 января 1943 года // ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 570.

[11] Таблица составлена на основании данных ЦГА СПб. (Ф. 5039. Оп. 3). Номера дел (единиц хранения) указаны в последней графе.

[12] Акт ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1945. С. 23–25. Цит. по: URL: https://www.prlib.ru/item/467450

Детский сад № 28 Выборгского р-на[13]

Тренировочные занятия группы самозащиты детдома № 17. 12.07.1942[14]

[13] Фото воспроизводится по: URL: https://i.mycdn.me/i?r=AyH4iRPQ2q0otWIFepML2LxRiLPZnWCTlYBRixnK4AG-wg

[14] Фото воспроизводится по: URL: https://gubarevan.livejournal.com/828931.html № 161

Методические основания работы дошкольных педагогов

К началу войны воспитатели и руководители детских садов Ленинграда располагали основательными и разнообразными научно-методическими ресурсами для работы по всем направлениям развития детей, которые накапливались несколько десятилетий. Чтобы убедиться в этом, совершим краткий исторический экскурс.

Становление российской системы дошкольного воспитания изначально тесно связано с Петербургом. Здесь в 1863 г. С. А. Люгебиль открыла детский сад по системе Фрёбеля. В 1866 году при благотворительном «Обществе дешевых квартир» появился первый в России бесплатный «народный детский сад» для детей горожан из низших слоев населения. Тогда же начал работу сад для детей интеллигенции А. С. Симонович[15], редактора журнала «Детский сад», где публиковались «систематические записки о формах и методах обучения детей дошкольного возраста». В 1871 году было основано Санкт-Петербургское общество содействия первоначальному воспитанию детей дошкольного возраста.

В задачи учрежденного в 1908 году Общества содействия дошкольному воспитанию входили: помощь родителям в деле воспитания детей; открытие воспитательных учреждений; проведение детских праздников, экскурсий, лекций, организация библиотек, музеев, выставок; создание наглядных пособий и «предметов дошкольного воспитания»; издание книг и журналов для воспитателей, детей и их родителей. По инициативе Общества возник музей «Дошкольная жизнь ребенка», преобразованный позднее в Городскую дошкольную педагогическую станцию. До 1930 года он оставался единственным в стране методическим центром для педагогов-дошкольников.

В 1928 году был опубликован сборник «Дошкольное воспитание», ставший отправным пунктом в издании журнала под таким же названием[17]. Журнал был адресован коллективам, работающим на местах, опытным учреждениям, «практическим работникам глухих уголков, куда с трудом проникает живое руководство». Значительное место на его страницах отводилось вопросам методики, описанию конкретного опыта, в том числе зарубежного, а также библиографическим спискам. С конца 1920-х годов до начала войны читатели журнала могли ознакомиться с педагогическими идеями Я. А. Коменского, И.-Г. Песталоцци, Р. Оуэна, И. Фурье, Ф. Фрёбеля. С опытом дошкольного воспитания в Америке, Англии, Австралии, Австрии, Италии, Швейцарии, Румынии, с процессом фашизации воспитания детей в Германии (Дошкольное воспитание. 1934. № 2).

Дети Колпинского сада для детей фронтовиков и рабочих Ижорского завода. 1944 г.[16]

В 1934 году в стране появилась первая «*Программа работы детского сада*». Это позволило регламентировать вопросы планирования и учета общественно-педагогической работы в детсаду[18]. В 1938 году были опубликованы «*Устав детского сада*», определявший задачи, структуру и особенности функционирования дошкольных учреждений, а также «*Руководство для воспитателей детского сада*» с методическими указаниями по всем разделам работы с детьми.

В предвоенное время в Ленинграде работали многие ведущие специалисты в области дошкольного воспитания, среди которых были:

- **Константин Михайлович Лепилов**, художник, директор музея «Дошкольная жизнь ребенка»;

[15] Ознакомившись с работой швейцарских детских садов, первая в России «садовница» увлеклась идеями немецкого педагога Фрёбеля, но впоследствии стала сторонницей народного воспитания К. Д. Ушинского. В 1907 году в издательстве «Товарищество И. Д. Сытина» вышла ее книга «Детский сад».

[16] ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7.

[17] С архивом журнала «Дошкольное воспитание» военных лет можно ознакомиться по ссылке: URL: https://dovosp.ru/magazine_preschool_education

[18] Программа была опубликована в журнале «Дошкольное воспитание» (1935. № 3).

- **Елизавета Ивановна Тихеева**, руководитель опытного детского сада при Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена[19];
- **Александра Платоновна Усова**, возглавлявшая с 1932 по 1941 год кафедру дошкольной педагогики ЛГПИ;
- **Евгения Иосифовна Зейлигер-Рубинштейн**, изучавшая психологические особенности детей дошкольного возраста и изложившая принципы ведения дневников наблюдений. Автор опубликованных в 1924 году работ «Психологические наблюдения над детьми в условиях педагогической среды», «Структурный анализ и внутренние механизмы детской игры»;
- Один из основателей советской педологии **Михаил Яковлевич Басов**[20] и др.

В целом к моменту объявления войны дошкольное воспитание в СССР находилось на подъеме[21]. В этой педагогической сфере сложилась достаточно четкая система работы. Малышей с 2 месяцев до 3 лет принимали в ясли; с детьми 3–7 лет работали детские сады. Появились также «нулевые» (переходные от детского сада к школе) группы. Существовали летние площадки для оздоровления детей. Велась разносторонняя научно-методическая работа по основам создания детской среды, организации детского труда и праздников. Сложилась практика подготовки квалифицированных кадров дошкольных педагогов. Тем не менее в передовой статье 10-го номера журнала «Дошкольное воспитание» за 1941 год под названием «Боевые задачи воспитателей детских садов» говорилось о том, что военное время требует более высоких образцов работы (*рис. 2*).

Уже с августа 1941 года в журнале стали появляться материалы, связанные со спецификой деятельности в военное время. Вот тематика лишь некоторых из них:

- Значение детских садов и площадок в военное время (ДВ. 1941. № 8).
- Выступление по радио Председателя Государственного комитета Обороны И. В. Сталина (Там же).
- Инструкция по местной противовоздушной обороне детского сада (Там же).
- Вопросы дошкольного воспитания в дни Отечественной войны (Там же. № 11).
- Итоги дошкольной работы за период Отечественной войны и очередные задачи (Там же. 1943. № 3–4).

В каждом номере в помощь воспитателям приводились списки рекомендуемой детской литературы и художественные материалы военной тематики (см., например: Список книг, изданных для дошкольников в 1942–1943 годах // ДВ. 1943. № 10; Книги детям о Красной Армии // Там же. № 11–12). В этих перечнях можно увидеть много произведений ярко выраженной идеологической направленности, таких, например, как стихотворение С. Маршака «В ответ на эту речь», напечатанное в газете «Известия» № 156 от 4 июля 1941 года[22].

Поражает оперативность, с которой печатались материалы, отвечающие динамично развивающейся военной ситуации и представляющие реальный опыт работы детских садов в самых различных уголках страны. Опыт, который в современном понимании может расцениваться как военно-педагогические инновации.

В журнальных публикациях находила отражение и деятельность ленинградских воспитателей:

- как в довоенный период (*Ананьина А., Масленникова Ю.* Опыт педагогической работы дошкольного очага (Ленинград) // ДВ. 1929. № 6; *Леушина А., Махлина М., Тумим Н.* Пролетарский Ленинград в борьбе за дошкольное воспитание // Там же. 1932. № 10–12);
- так и в блокаду (*Лаврикова Е.* Детские сады города Ленина // Там же. 1942. № 11–12; Научно-практическая конференция по дошкольному воспитанию в Ленинграде // Там же. 1944. № 7).

В блокадных отчетах, выступлениях, статьях работников ленинградских дошкольных учреждений упоминаются работы Ж.-Ж. Руссо, И.-Г. Песталоцци, А. С. Макаренко, Н. К. Крупской, М. М. Рубинштейна. Прослеживается знакомство с педагогической системой Е. И. Тихеевой, ведущего специалиста по теории и методике дошкольного воспитания, переработавшей педагогическую систему итальянского педагога М. Монтессори и методики сенсорного воспитания[23]. Из сохранившихся текстов

---

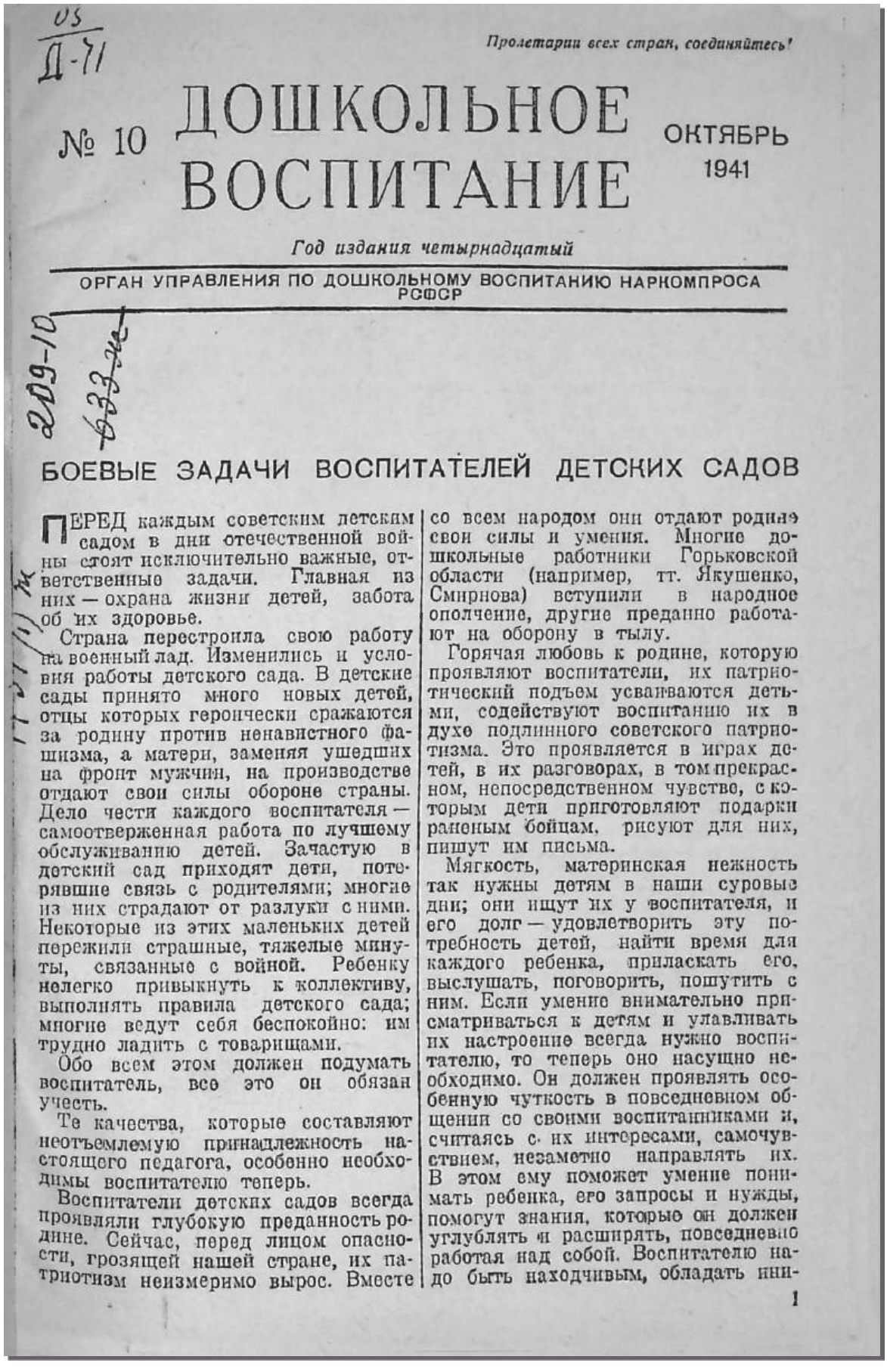
[19] Детский сад по методу Е. И. Тихеевой при Ленинградском государственном педагогическом институте им. Герцена. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928; *Тихеева Е. И.* Развитие речи дошкольника: Из опыта работы в детском саду. М.; Л.: Учпедгиз, 1937.

[20] Опыт объективного изучения детства / Под ред. проф. М. Я. Басова; с предисл. проф. К. Корнилова. Л.: Гос. изд-во, 1924.

[21] «Дошкольное воспитание на подъеме» — именно так называлась передовая статья в пятом номере журнала за 1941 год.

[22] *Маршак С.* В ответ на эту речь // Известия. 1941. 4 июля. № 156. URL: https://0gnev.livejournal.com/5279988.html

[23] *Сватиков Ф.* Талантливый педагог и энтузиаст дошкольного дела Е. И. Тихеева // ДВ. 1945. № 2–3.



Д-71
209-10
633-ж

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 10 ДОШКОЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ ОКТЯБРЬ 1941

Год издания четырнадцатый

ОРГАН УПРАВЛЕНИЯ ПО ДОШКОЛЬНОМУ ВОСПИТАНИЮ НАРКОМПРОСА РСФСР

БОЕВЫЕ ЗАДАЧИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДЕТСКИХ САДОВ

ПЕРЕД каждым советским детским садом в дни отечественной войны стоят исключительно важные, ответственные задачи. Главная из них — охрана жизни детей, забота об их здоровье.

Страна перестроила свою работу на военный лад. Изменились и условия работы детского сада. В детские сады принято много новых детей, отцы которых героически сражаются за родину против ненавистного фашизма, а матери, заменяя ушедших на фронт мужчин, на производстве отдают свои силы обороне страны. Дело чести каждого воспитателя — самоотверженная работа по лучшему обслуживанию детей. Зачастую в детский сад приходят дети, потерявшие связь с родителями; многие из них страдают от разлуки с ними. Некоторые из этих маленьких детей пережили страшные, тяжелые минуты, связанные с войной. Ребенку нелегко привыкнуть к коллективу, выполнять правила детского сада; многие ведут себя беспокойно: им трудно ладить с товарищами.

Обо всем этом должен подумать воспитатель, все это он обязан учесть.

Те качества, которые составляют неотъемлемую принадлежность настоящего педагога, особенно необходимы воспитателю теперь.

Воспитатели детских садов всегда проявляли глубокую преданность родине. Сейчас, перед лицом опасности, грозящей нашей стране, их патриотизм неизмеримо вырос. Вместе со всем народом они отдают родине свои силы и умения. Многие дошкольные работники Горьковской области (например, тт. Якушенко, Смирнова) вступили в народное ополчение, другие преданно работают на оборону в тылу.

Горячая любовь к родине, которую проявляют воспитатели, их патриотический подъем усваиваются детьми, содействуют воспитанию их в духе подлинного советского патриотизма. Это проявляется в играх детей, в их разговорах, в том прекрасном, непосредственном чувстве, с которым дети приготовляют подарки раненым бойцам, рисуют для них, пишут им письма.

Мягкость, материнская нежность так нужны детям в наши суровые дни; они ищут их у воспитателя, и его долг — удовлетворить эту потребность детей, найти время для каждого ребенка, приласкать его, выслушать, поговорить, пошутить с ним. Если умение внимательно присматриваться к детям и улавливать их настроение всегда нужно воспитателю, то теперь оно насущно необходимо. Он должен проявлять особенную чуткость в повседневном общении со своими воспитанниками и, считаясь с их интересами, самочувствием, незаметно направлять их. В этом ему поможет умение понимать ребенка, его запросы и нужды, помогут знания, которые он должен углублять и расширять, повседневно работая над собой. Воспитателю надо быть находчивым, обладать ини-

1

Рис. 2. Передовая статья «Боевые задачи воспитателей детских садов» в журнале «Дошкольное воспитание» (1941. № 10)

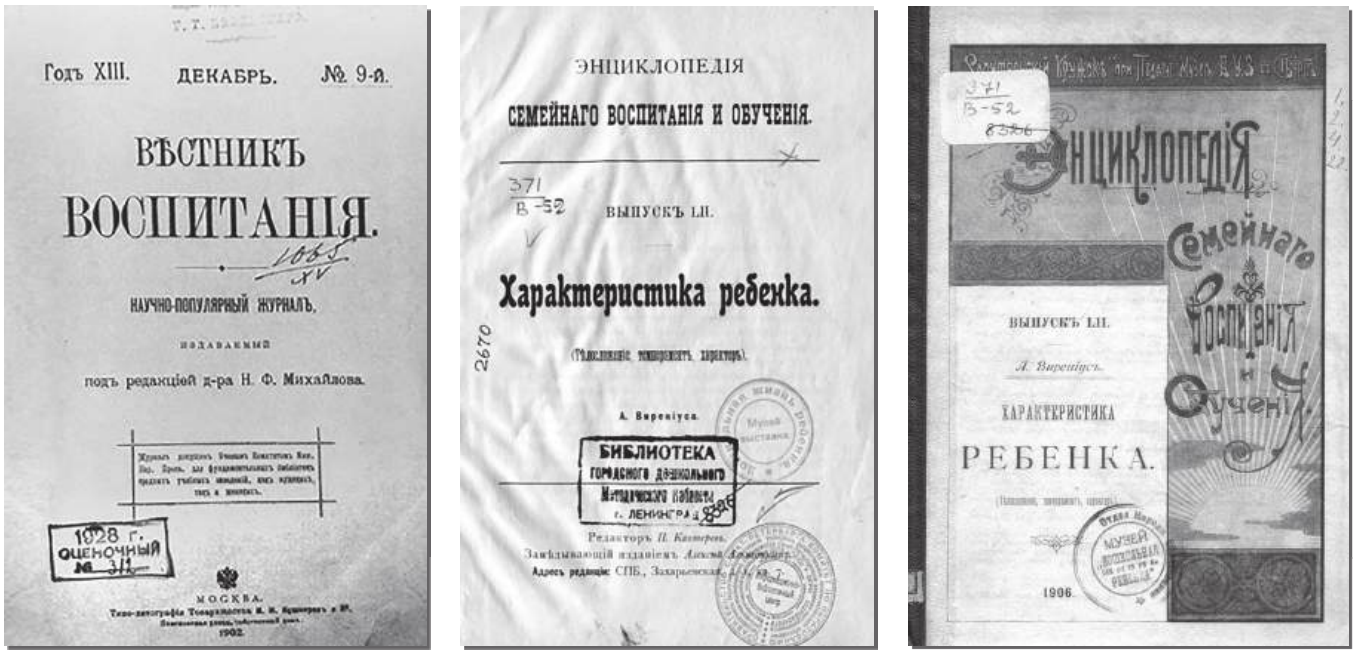


Рис. 3. Обложки дореволюционных пособий по воспитанию

явствует, что ленинградским воспитателям на начало блокады были известны:

- возможности гибкого планирования с учетом интересов детей и их уровня развития;
- методики выработки первоначальных трудовых и поведенческих навыков, формирования культуры языка, воспитания разумной дисциплины с помощью обязательного посильного труда детей и четкого распорядка дня;
- разнообразные приемы развития органов чувств;
- принцип парности, согласно которому на занятиях сопоставлялись предметы, знакомые детям, игрушки, природные материалы.

Особо следует отметить обширный опыт использования в работе с детьми живого слова, произведений народной словесности, поэзии и произведений искусства.

С позиций современного научного знания обнаруживается, что воспитатели осажденного Ленинграда в практике своей работы предварили ряд фундаментальных теоретических положений гуманистической психологии, сформулированных ведущими европейскими психологами лишь в послевоенное время. Так, логика работы с детьми в дошкольных учреждениях 1941–1945 годов во многом соответствовала движению вверх по пирамиде потребностей А. Маслоу, хотя его трактат, где представлена иерархическая модель мотивации, будет опубликован лишь в 1954 году[24].

Педагогические действия опытных воспитателей осуществлялись с опорой на знания о фундаментальных физиологических закономерностях детского развития и поведения, которые подробно рассматривались еще в российских дореволюционных пособиях по воспитанию (*рис. 3*).

В начале 1920-х годов в учении о доминанте[25] (устойчивом очаге повышенной возбудимости нервных центров) великий русский физиолог А. А. Ухтомский показал, что восприятие жизни и, соответственно, реакция человека на происходящее вокруг полностью определяется доминантой, которая в данный момент главенствует.

> В соответствии с его теорией, при формировании любой из потребностей активируется соответствующий ей центр (например, центр голода) и одновременно центр отрицательного подкрепления, что вызывает отрицательные эмоциональные переживания. Когда потребность удовлетворяется, то активируется другой центр (например, насыщения) плюс — центр положительного подкрепления. В итоге возникают положительные эмоции. Таким образом, происходит закрепление тех форм поведения, которые способствуют удовлетворению потребностей, и торможение поведенческих реакций, которые к этому не приводят.

[24] *Maslow Abraham*. Motivation and personality. New York: Harper, 1954.

[25] *Ухтомский А. А.* Доминанта как рабочий принцип нервных центров // Русский физиологический журнал. 1923. Т. VI. Вып. 1–3. С. 31–45.

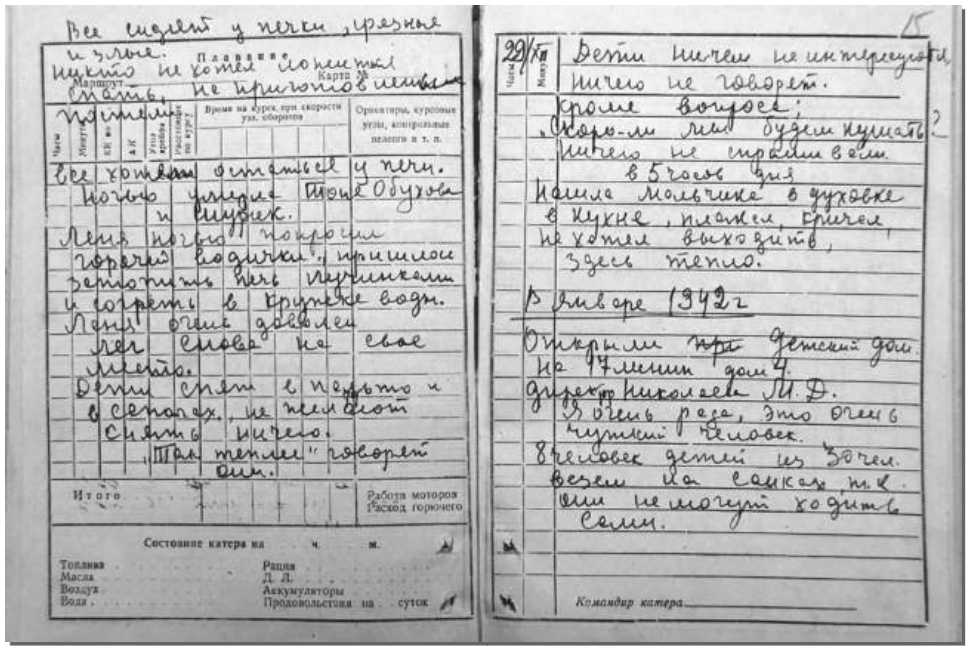


Рис. 4. Из дневника А.Н. Мироновой (декабрь 1941 – январь 1942)[27]

Будучи убежденным в бесполезности прямолинейной «борьбы» с доминантой, А.А. Ухтомский считал, что эффективной может стать *смена впечатлений, расширение восприятия, внедрение нового раздражителя*. При этом активное, *устремленное к реальности поведение и активное отношение к среде* выступают как два необходимых аспекта жизнедеятельности организма. Сегодня трудно сказать, были ли знакомы с работами академика Ухтомского руководители и работники детских садов, но, читая их дневники и педагогические отчеты, видишь, как в условиях блокады работа воспитателей с маленькими ленинградцами целенаправленно и последовательно обеспечивала смещение доминанты с физиологических раздражителей в сторону социальных и моральных впечатлений и переживаний. Как с учетом реальной ситуации детей приучали к новым видам активности в блокадной среде. Попробуем проследить, как именно этот процесс развертывался на практике.

Забота о возвращении детей к жизни

Медиками зафиксировано, что сильнее всего голод отразился на младенцах, которых носили в утробе женщины блокадного Ленинграда, и детях до 12 лет[26]. Малыши двух-трех лет переставали ходить, говорить, а многие — даже улыбаться. Практически во всех блокадных свидетельствах отмечено, что с наступлением войны дети *перестали жить детской жизнью, разучились радоваться*. Резко изменился их облик, в котором стали преобладать *неестественная покорность, вялость, безжизненность*. У маленьких ребят, попадавших в дошкольные учреждения, «не забывших, как выглядит смерть», проявлялись лишь потребности в пище и безопасности (защищенности).

Во всех без исключения известных источниках фиксируются признаки притупления нервной системы, сужения интереса детей к происходящему вокруг (см., например, записи педагога А.Н. Мироновой о детях-сиротах (*рис. 4*)). Воспитатели вспоминают, как «серые печально-молчаливые старички в возрасте от 3 до 8 лет сидели в кучке, чаще всего с закрытыми глазами». В *Приложении II-2* приведены характеристики состояния детей, поступивших в детсад № 60 в период с марта по июль 1942 года. Эти страшные описания красноречиво говорят о том, какую колоссальную работу требовалось провести педагогам и медикам, чтобы вернуть их к жизни[27].

В одном из стихотворений поэта Олега Цакунова, ребенка блокады, разложено на поэтические составляющие слово «победа». Важным звеном в цепочке букв оказалось слово «еда». Еда в первую блокадную зиму воспринималась детьми как священнодействие, которое они стремились продлить до бесконечности. Воспитатели

[26] *Звягинцева М.* «Блокадный ген». Как осада Ленинграда изменила генетику блокадников и их потомков. URL: https://78.ru/articles/2018-01-18/_blokadnii_gen_kak_zhizn_v_osazhdnnom_leningrade_izmenila_genetiku_blokadnikov_i_ih_pot

[27] ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 71. Л. 14 об. — 15. См.: Листая страницы прошлого. Блокадные дневники. URL: https://spbarchives.ru/cgaipd_publications/-/asset_publisher/yV5V/content/listaa-stranicy-proslogo-blokadnye-dnevniki/pop_up

вспоминают, что малыши оживали, едва услыхав звон посуды, проявляли наибольшее внимание и уважение к кухарке и уборщице, раздающим еду. Преобладающей темой детских игр было питание: продуктовый магазин (покупка самого большущего хлеба, бочки варенья), получение съестных посылок, мечты о большом «мичуринском» хлебе, о бочке с супом. Многие из ребят жаждали в качестве подарка на елку получить буханку хлеба.

На фоне современных представлений о голодном блокадном времени удивляет наличие методических рекомендаций и теоретических разработок, датированных 1941–1942 годами, с конкретными указаниями по «культурной и рациональной постановке питания в детских учреждениях». В них рассматриваются его принципы и режим организации, вплоть до обеспечения «четырехкратного питания в интернатных группах» (*рис. 5*).

В детдомах и детсадах для детей с ослабленным здоровьем по решению Исполкома Ленсовета предусматривалось дополнительное питание. На февраль-март 1942 г. дневная норма на одного такого ребенка составляла: вина — 20 г, сгущенного молока — 15 г, экстракта натурального сока — 25 г. Средняя продолжительность выдачи подобного поддерживающего пайка составляла 15 дней. Заведующим районными отделами народного образования следовало по заключению врача детского учреждения «определять количество указанных продуктов, требующихся на пятидневку отдельному детскому дому и детсаду, и устанавливать строжайший контроль за получением и расходованием указанных продуктов»[28]. На оздоровительные нормы питания в 1942 году были переведены 5449 ленинградских детей; в 1943 г. — 4239; в 1944–1945 гг. — 17 895 ребят.

В записках методистов и заведующих учреждениями неоднократно упоминается о том, что персонал садов проявлял необыкновенное «творчество в повышении вкусовых качеств еды». В стремлении следовать конкретным вкусовым предпочтениям детей шло коллективное обсуждение таких, казалось бы, второстепенных моментов: класть масло на хлеб куском или размазывать, давать ли фруктовое повидло к чаю или делать из него кисель. Поразительно, но в голодное блокадное время в методических рекомендациях встречается такое понятие, как «*педагогика питания*», под которым подразумевалось не просто рациональное кормление, но обеспечение условий для формирования у детей культуры приема пищи.

Воспитанники детских яслей за обедом в бомбоубежище[30]

О. А. Положенцева, в блокаду заведующая детсадом № 13 Василеостровского района, в своих воспоминаниях рассказывает о поваре Домне Тимофеевне Ивановой, настолько искусной, что ее привлекали к работе методического кабинета для проведения бесед с менее опытными поварами о секретах приготовления вкусных блюд из небогатого ассортимента продуктов[29].

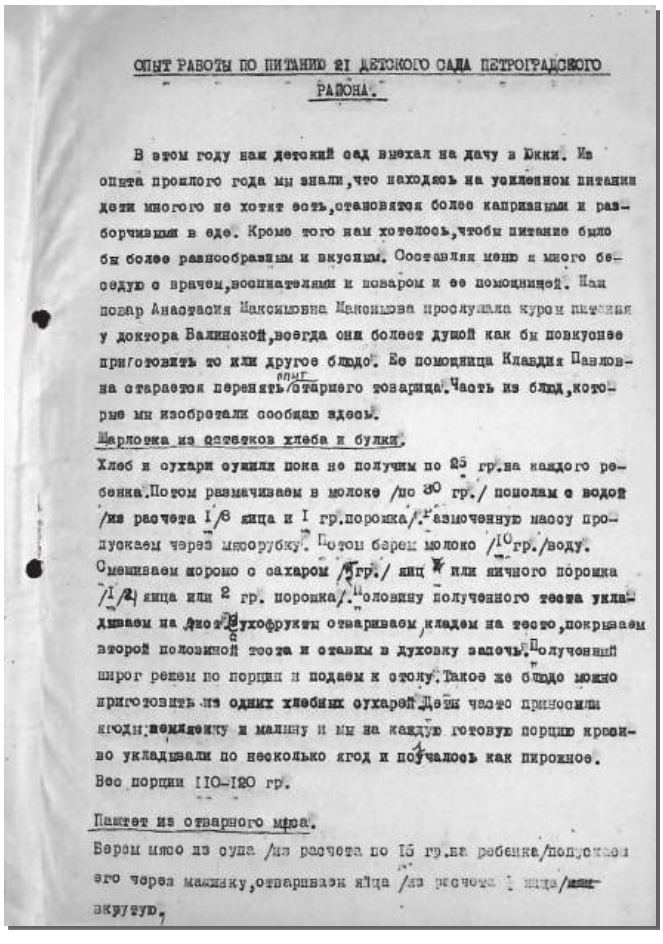
Помимо еды, удовлетворение элементарных физиологических потребностей касалось личной гигиены, пребывания на воздухе, активизации движения. Это составляло необходимый физический ресурс выживания. Характер упражнений на воздухе и в помещении, которые предлагались детям, позволяет думать, что методисты и воспитатели со стажем, скорее всего, были знакомы с системой физического воспитания П. Ф. Лесгафта. По крайней мере, в каждодневных рабочих записях прослеживается рекомендованная им последовательность перехода от спокойных движений к интенсивным, дифференциация упражнений для разных органов и мышц, стремление сформировать у детей умение сознательно управлять своими движениями, овладевая их эстетическими характеристиками. Широко использовались также методические рекомендации о физическом воспитании в детском саду профессора Е. А. Аркина, старавшегося объединить педагогические и медицинские знания в деле детского развития и полагавшего, что «весь окружающий мир преломляется у ребенка чрез призму движений»[30].

---

[28] ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 560 «Приказы Ленгороно № 1–157. 2 января 1942 — 4 июля 1942 г.» (180 листов). Л. 52. Приказ № 57 по Городскому отделу народного образования Исполкома Ленсовета депутатов трудящихся от 9 марта 1942 г.

[29] ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2.

[30] Автор фотографии не установлен. Место съемки: Ленинград. Дата съемки: сентябрь 1941 г. Российский государственный архив кинофотодокументов. Арх. № 0–256966 Воспроизводится по: URL: https://victory.rusarchives.ru/tematicheskiy-katalog/deti-na-voyne



ОПЫТ РАБОТЫ ПО ПИТАНИЮ 21 ДЕТСКОГО САДА ПЕТРОГРАДСКОГО РАЙОНА.

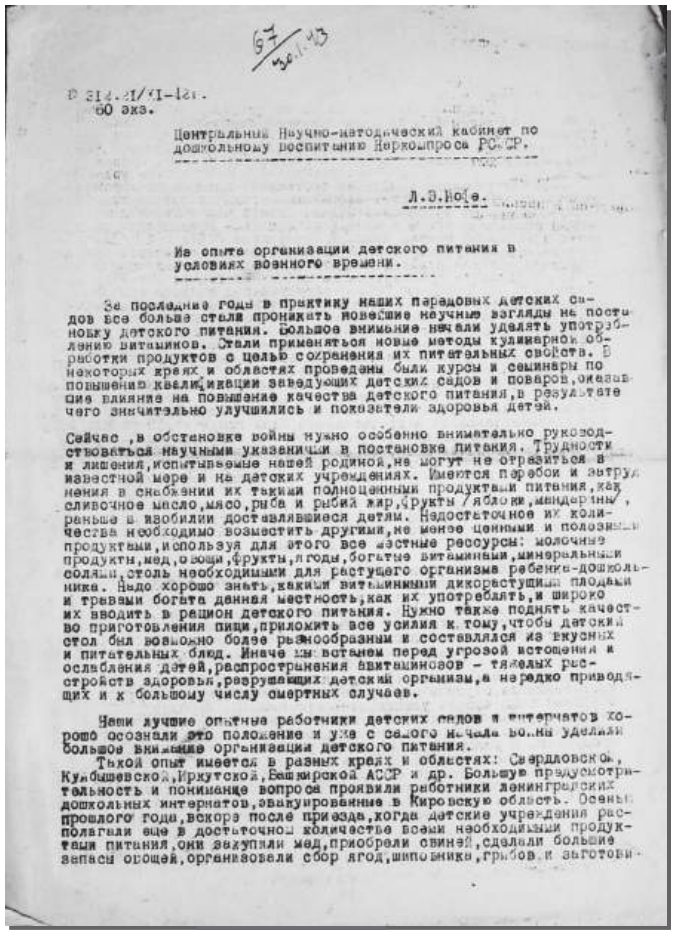
В этом году нам детский сад выехал на дачу в Вики. Из опыта прошлого года мы знали, что находясь на усиленном питании дети много не хотят есть, становятся более капризными и разборчивыми в еде. Кроме того нам хотелось, чтобы питание было бы более разнообразным и вкусным. Составляя меню я много беседую с врачем, воспитателями и поваром и ее помощницей. Наш повар Анастасия Максимовна Максимова прослушала курсы питания у доктора Валинской, всегда она болеет душой как бы повкуснее приготовить то или другое блюдо. Ее помощница Клавдия Павловна старается перенять/отличного товарища. Часть из блюд, которые мы изобретали сообщаю здесь.

Шарлотка из сеяных хлеба и булки.

Хлеб и сухари сушили пока не получим по 25 гр. на каждого ребенка. Потом размачиваем в молоке /по 30 гр./ пополам с водой /из расчета 1/8 яица и 1 гр. порошка/. Размоченную массу пропускаем через мясорубку. Потом берем молоко /10 гр./ воду. Смешиваем муку с сахаром /5 гр./ яиц 1/8 или яичного порошка /1/2 яица или 2 гр. порошка/. Половину полученного теста укладываем на дно. Сухофрукты отвариваем, кладем на тесто, покрываем второй половиной теста и ставим в духовку запечь. Полученный пирог режем по порции и подаем к столу. Такое же блюдо можно приготовить из одних хлебных сухарей. Дети часто приносили ягоды: земляники и малину и мы на каждую готовую порцию красиво укладывали по несколько ягод и получалось как пирожное. Все порции 110-120 гр.

Пантет из отварного мяса.

Берем мясо из супа /из расчета по 15 гр. на ребенка/, пропускаем его через мясорубку, отвариваем яйца /из расчета 1 яица/ вкрутую,



57/мед.03

Р 314.21/41-121.
60 экз.

Центральный Научно-методический кабинет по дошкольному воспитанию Наркомпроса РСФСР.

Л.З.Кофе.

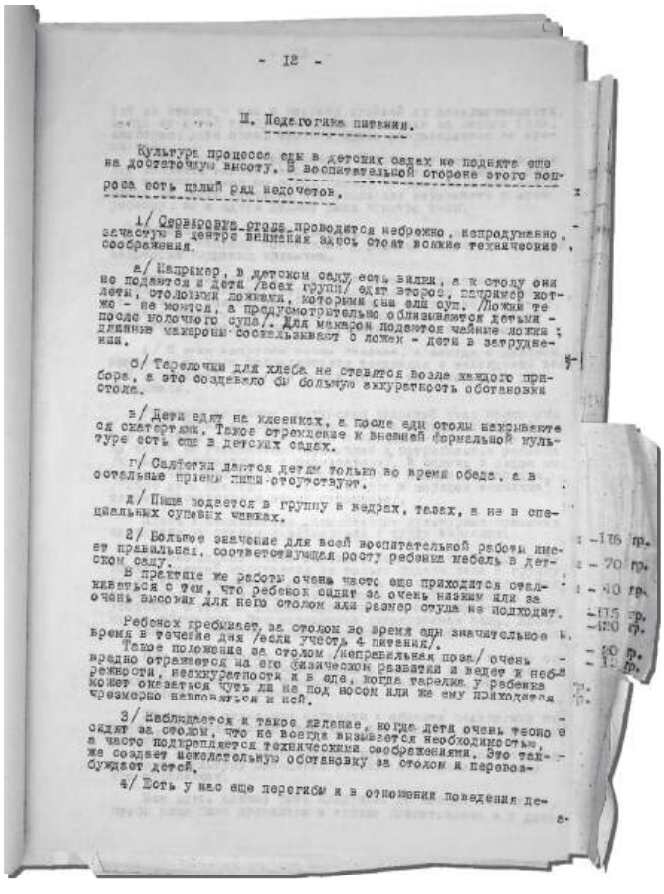
На опыте организации детского питания в условиях военного времени.

За последние годы в практику наших передовых детских садов все больше стали проникать новейшие научные взгляды на постановку детского питания. Большое внимание начали уделять употреблению витаминов. Стали применяться новые методы кулинарной обработки продуктов с целью сохранения их питательных свойств. В некоторых краях и областях проведены были курсы и семинары по повышению квалификации заведующих детских садов и поваров, оказавшие влияние на повышение качества детского питания, в результате чего значительно улучшились и показатели здоровья детей.

Сейчас, в обстановке войны нужно особенно внимательно руководствоваться научными указаниями в постановке питания. Трудности и лишения, испытываемые нашей родиной, не могут не отразиться в известной мере и на детских учреждениях. Имеются перебои в питании, снижения в снабжении их такими полноценными продуктами, как сливочное масло, мясо, рыба и рыбий жир, фрукты / яблоки, мандарины /, раньше в изобилии доставлявшиеся детям. Недостаточное их количества необходимо возместить другими, не менее ценными и полезными продуктами, используя для этого все местные ресурсы: молочные продукты, мед, овощи, фрукты, ягоды, богатые витаминами, минеральными солями, столь необходимыми для растущего организма ребенка-дошкольника. Надо хорошо знать, какими витаминными дикорастущими плодами и травами богата данная местность, как их употреблять, широко их вводить в рацион детского питания. Нужно также поднять качество приготовления пищи, приложить все усилия к тому, чтобы детский стол был возможно более разнообразным и составлялся из вкусных и питательных блюд. Иначе мы встанем перед угрозой истощения и ослабления детей, распространения авитаминозов – тяжелых расстройств здоровья, разрушающих детский организм, а нередко приводящих и к большому числу смертных случаев.

Наши лучшие опытные работники детских садов и интернатов хорошо осознали это положение и уже с самого начала войны уделяли большое внимание организации детского питания.

Такой опыт имеется в разных краях и областях: Свердловской, Куйбышевской, Иркутской, Башкирской АССР и др. Большую предусмотрительность и понимание вопроса проявили работники ленинградских дошкольных интернатов, эвакуированные в Кировскую область. Осенью прошлого года, вскоре после приезда, когда детские учреждения располагали еще в достаточном количестве всеми необходимыми продуктами питания, они закупили мед, приобрели свиней, сделали большие запасы овощей, организовали сбор ягод, шиповника, грибов и заготови-



- 12 -

III. Педагогика питания.

Культуре процесса еды в детских садах не подняте еще на достаточную высоту. В воспитательной стороне этого вопроса есть целый ряд недочетов.

1/ Сервировка стола проводится небрежно, непродуманно, зачастую в центре внимания здесь стоят всякие технические соображения.

а/ Например, в детском саду есть вилки, а к столу они не подаются и дети /всех групп/ едят второе, например котлеты, столовыми ложками, которыми они ели суп. /Ложки те же - не моются, а предусмотрительно облизываются детьми - после молочного супа/. Для макарон подаются чайные ложки; длинные макароны соскальзывают с ложек - дети в затруднении.

б/ Тарелочки для хлеба не ставятся возле каждого прибора, а это создавало бы большую аккуратность обстановки столе.

в/ Дети едят на клеенках, а после еды столы накрываются скатертями. Такое стремление к внешней формальной культуре есть еще в детских садах.

г/ Салфетки даются детям только во время обеда, а в остальные приемы пищи отсутствуют.

д/ Пища подается в группу в ведрах, тазах, а не в специальных супевых чашках.

2/ Большое значение для всей воспитательной работы имеет правильная, соответствующая росту ребенка мебель в детском саду.

В практике же работы очень часто еще приходится сталкиваться с тем, что ребенок сидит за очень низким или за очень высоким для него столом или размер стула не подходит.

Ребенок требуется за столом во время еды значительное время в течение дня /если учесть 4 питания/.

Такое положение за столом /неправильная поза/ очень вредно отражается на его физическом развитии и ведет к небрежности, неаккуратности и в еде, когда тарелка у ребенка может оказаться чуть ли не под носом или же ему приходится чрезмерно наклоняться и ест.

3/ Наблюдается и такое явление, когда дети очень тесно сидят за столом, что не всегда вызывается необходимостью, а часто подчиняется техническим соображениям. Это также создает некоторую обстановку за столом и переговаривает детей.

4/ Есть у нас еще перегибы и в отношении поведения де-

Рис. 5. Документы об организации детского питания

Дети на прогулке. 1941 г. Площадь Нахимсона[31]

Описывая в своем докладе опыт работы по развитию движений детей в интернатном детском саду № 22 Октябрьской железной дороги, А. И. Фомина отмечает, что зимой 1941–1942 года все вопросы физического воспитания сводились к сохранению еле теплившейся в детях жизни. Январские морозы в городе доходили до минус 40 градусов, ослабленным, голодным, плохо одетым детям нельзя было долго находиться на воздухе. Поэтому было решено первые две-три недели ограничиваться ежедневными переходами в бомбоубежище, находившееся довольно далеко от здания детского сада, а занятия по движению проводить в помещении. Большинство упражнений носило имитационный характер, понятный детям: «шевелить ногами, как жучок, перевернутый на спинку», «выгибать спину, как кошка». Интересно, что ряд слов, лексически связанных с военными действиями («окружить», «прорваться»), малыши связывали с конкретными, понятными им игровыми движениями. «Как же ты прошла, мама? Ведь немцы нас окружили. Ты под руками у них прошла?» — с удивлением спрашивал мальчик Рома, связывая слово «окружить» со знакомой ему игрой в «кошки и мышки».

После того как ребята физически немного окрепли, появилась необходимость в упражнениях с гимнастическими снарядами. И такие примитивные снаряды, получившие название «чурочки», сотрудники детского сада научились изготавливать самостоятельно из сосновых бревен. Игры-упражнения с чурочками (таких игр, по словам А. И. Фоминой, было придумано около сотни) способствовали укреплению всего организма ребенка. Так постепенно к детям возвращалась естественная для них двигательная активность. И если пятилетний Гена Никулин в январе, отвечая на предложение поиграть в пограничных собак, задумчиво говорил: «Собак тоже можно есть», — и не двигался с места, то в апреле он уже сам предлагал воспитательнице: «Бросьте мячик, а я побегу за ним, как собака у пограничников»[32].

Однако в блокадном городе важно было не только сохранить детям жизнь, но наполнить ее *«здоровым содержанием»*; не только вывести дошкольников из оцепенения, но вернуть им *радость завтрашнего дня*. Для этого следовало:

- обеспечить чувство безопасности и физической защиты от бомбежек, обстрелов, ужасов блокады;

[31] Воспроизводится по: URL https://vecherka.spb.ru/ ?p=27766

[32] Из опыта работы по развитию движений детей в интернатном детском саду № 22 Октябрьской железной дороги. Доклад А. И. Фоминой // ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19.

- изменить болезненное состояние «ничегонеделания», в котором находились дети, обусловленное естественным стремлением к экономии физических и психических сил;
- наметить для ребят жизненную перспективу.

По утверждению психолога В. Франкла, пережившего заключение в концлагере и обосновавшего систему исцеления смыслом (логотерапию), «*человек должен быть направлен на какую-то цель в будущем, он должен помнить о том, что его ждет жизнь*». В условиях блокады это утверждение оказалось справедливым по отношению не только к детям, но и к работникам детских садов, постоянно испытывающим не только физическую, но и колоссальную эмоционально-психическую нагрузку. Сегодня трудно представить, *что* могли ощутить педагоги, обнаружив на окне РОНО подкидыша, мальчика лет трех «*в ватном одеяле, завязанном веревками в виде пакета, сложенного для удобства пакования, как перочинный нож*»[33]. Что переживали воспитатели, призванные каждодневно во время бомбежек, преодолевая страх, обеспечивать своим подопечным «*спокойное и занимательное пребывание в убежище*». Доминирующей целью, придававшей их существованию смысл, стало спасение и сохранение здоровья и жизни детей, порой «*за счет риска собственной жизни и без учета личных настроений и переживаний*». Тем, кто становился для осиротевших ребят единственными защитниками и спасителями, казалось «*странно быть не вместе с детьми*».

В сборнике работ Института педиатрии[34] приведен ряд рассказов о том, как лишь самоотверженные и стремительные действия персонала дошкольных учреждений смогли обеспечить спасение детей во время бомбежек. Где-то в течение одного дня при сигналах воздушной тревоги воспитателям приходилось неоднократно переносить на руках сотню малышей из яслей в бомбоубежище, находившееся в 100 метрах. В другом месте главный врач и старшая сестра вместе с коллективом детсада до прибытия аварийной бригады успели спасти из-под обломков здания десятки своих воспитанников. Благодаря тому, что одна из заведующих всю зиму отапливала и поддерживала порядок в траншее, 170 детей смогли укрываться там целых два дня после того, как их ясли разбомбили. Сотрудники детских дошкольных учреждений получали ранения и гибли, заслоняя своими телами от обстрела вверенных им детей, как, например, заведующая детским садом Наталья Михайловна Рыжкова или 20-летняя воспитательница 4-го детсада Зоя Лисина. Таких примеров известно множество.

Но далеко не всегда детей удавалось защитить. В материалы Нюрнбергского процесса в раздел «Злодеяния гитлеровцев в Ленинграде и его пригородах» было включено сообщение о трагической гибели воспитанников детского сада фабрики имени Урицкого во время прогулки 9 мая 1942 года. В 12 часов 40 минут по городу был дан залп из 18 снарядов. Одним из них, разорвавшимся у дома № 55 по Среднему проспекту Васильевского острова, были ранены 10 и убиты 12 детей в возрасте от 4 до 6 лет, ранена воспитательница Назарова. Погибших малышей похоронили в братской могиле на центральной аллее Смоленского лютеранского кладбища. На мраморной плите скорбным списком высечены их имена...

Но даже в тяжелейших блокадных буднях воспитатели продолжали мечтать, что у них «*расцветет неподдельная радость детей, зазвучит радостный детский смех*». Сохранившиеся планы и отчеты о состоянии работы детских учреждений Ленинграда за первый военный год позволяют представить тяжелейшие условия, в которых приходилось работать дошкольным педагогам, и круг проблем, которые им приходилось ежедневно преодолевать (*Приложения II-1, II-2, II-5*).

Внимание к каждому ребенку

Каждая ленинградская семья на фоне общих трудностей блокады оказалась несчастлива по-своему, соответственно, каждый ребенок проживал *свое* горе, нередко оставаясь один на один с трагической действительностью, поскольку члены семьи друг за другом погибали на его глазах. Скрытые переживания детей, связанные с потерей близких людей, педагогам предстояло вывести наружу. Без этого невозможно было вернуть их к нормальному психическому состоянию. Все дошедшие до нас ежедневные книги учета воспитателей — яркое свидетельство персонализации работы с детьми, вплоть до составления индивидуального режима жизни. В условиях блокадной повседневности фундаментальный педагогический *принцип изучения ребенка* приобрел первостепенную значимость, поскольку кардинально изменился физический и общий облик детей.

Согласно упомянутому учению о доминанте наиболее отчетливо и прочно закрепляется

---

[33] Случай, описанный инспектором Куйбышевского района Е. Л. Щукиной.

[34] Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда: Сб. I. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей. Наркомздрав СССР. Л.: Медгиз, Ленингр. отд-ние, 1944.

в нервных центрах то, что *переживается эмоционально*. В обычных условиях дети знакомятся с основными эмоциями и получают социальные навыки естественным путем от своего ближайшего окружения: семьи, соседей, в ходе импровизированных игр с другими детьми. Война и блокада, стремительно изменив жизненную ситуацию развития, спровоцировали резкое снижение основных эмоциональных и социальных навыков детей. Современные психологические исследования показывают, сколь серьезные сиюминутные и долгосрочные последствия вызывает постоянное *сочетание чувства тревоги и голода, длительное отсутствие эмоционального взаимодействия с родителями*[35]. Дети становятся нервными и раздражительными, угрюмыми и капризными, подавленными и одинокими, импульсивными и непослушными. Все это в полной мере проявилось в период блокады.

Понимая это, дошкольные педагоги стремились наполнить жизнь малышей яркими доступными возрасту впечатлениями от совместных игр, прогулок, занятий, от общения друг с другом. Вернуть каждому интерес к игре, естественный для ребенка, но блокированный военной ситуацией. Дать возможность переживать отрадные минуты, смеяться. Одним из центральных педагогических понятий того времени стала *забота*. Пособие в помощь начинающему воспитателю, подготовленное в 1941 году Центральным научно-методическим кабинетом по дошкольному воспитанию Наркомпроса, так и называлось — «*Забота о детях во время войны*»[36]. В методическом письме, наполненном конкретными примерами, воспитателям рекомендовалось приложить все старания, чтобы дети не скучали и не плакали. Оказать им ласковый, радушный прием, с первых дней создать радостные впечатления от детского сада. Дать почувствовать радость от совместных игр, прогулок, занятий. Приучать заботиться друг о друге. Воспитывать отзывчивость. Меньше всего обращать внимание на отрицательные поступки. Учить совместному использованию предметов. Развивать внимание к предметной среде, окружающему миру. Стараться формировать художественные впечатления.

Воспитатели блокадного Ленинграда отчетливо осознавали *взаимосвязь между физическим состоянием детей и их поведенческими проявлениями*. Среди поступавших в детсады ребят были те, кто мог тайком взять чужое (чаще всего еду), солгать. У некоторых ярко проявлялись равнодушие, отчужденность и озлобленность в отношении других людей, даже близких. Кого-то из малышей в первые дни пребывания в саду раздражало все: музыка, новые игрушки, даже улыбки взрослых. В одном из дошкольных учреждений педагоги в первый день работы задумали организовать ребятам радостную встречу и прием с музыкой, но были вынуждены закрыть рояль, поскольку он раздражающе подействовал на детей, грустно теснившихся у печки со слезами на глазах. Случалось, что пребывание в детсаду по тем или иным причинам оставляло у ребенка только тягостные впечатления. О. А. Сафарова вспоминает:

> Дети поупитаннее, поздоровее и посильнее дразнили остальных — и меня в том числе — дистрофиками. Как-то во двор упала днем бомба или снаряд. — Огонь, шум, грохот, штукатурка, пыль, дым, вопли детей, крик воспитательницы. Дверь заклинило ударной волной, и когда кончился обстрел, ее выбивали снаружи. После этого случая по утрам, когда мама выводила меня в сад до входа во двор и поворачивалась уходить, торопясь на работу, я, боясь, что больше ее не увижу, стояла плача и не шла в сад[37].

Отклонения в поведении ребят сотрудники садов встречали с состраданием, понимая, что это следствие ужаса окружающей жизни. Судя по содержанию архивных текстов, можно предположить, что, несмотря на официальное осуждение в 1936 году «педологических извращений»[38], теоретические положения о влиянии среды на формирование личности ребенка еще не успели исчезнуть из сознания педагогов-дошкольников со стажем. Отсутствие у детей навыков общественного поведения и плохие домашние привычки повсеместно рассматривались воспитателями «как остатки тяжелых бытовых условий семьи».

Именно поэтому в детских дошкольных учреждениях широко практиковалось посещение семей воспитанников, оказывалась помощь семьям красноармейцев. Кроме того, велась переписка с отцами на фронте, матерей приглашали для проведения бесед. В определенной степени представление о семейной ситуации складывалось из наблюдений педагогов за поведением и содержанием детского

---

[35] *Деклер Д., Готтман Д.* Эмоциональный интеллект ребенка. Практическое руководство для родителей. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015.

[36] Забота о детях во время войны: В помощь начинающему воспитателю / Центр. науч.-метод. кабинет по дошкольному воспитанию Наркомпроса РСФСР. М.: Профиздат, 1941.

[37] *Сафарова О. А.* Я не знала милосердия в блокаду URL: https://www.miloserdie.ru/article/ya-ne-znala-miloserdiya-v-blokadu/

[38] Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 года «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». URL: http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1933

общения во время игр, моделирующих социальные ситуации и отношения (*Приложение II-13*).

О том, что воспитатели были достаточно осведомлены о домашнем положении детей, об обстановке, в которой те росли, свидетельствуют дошедшие до нас рабочие характеристики, звучащие предельно просто и человечно. Мальчик «без надлежащего присмотра одичал, его повадки и выражения недопустимы», потому что долгое время жил у тетки, где за этим не следили. «Мало общается со всеми детьми, необходимо заинтересовывать всем, что у нас есть». Нужно «возместить ласку, которой девочка лишена дома». Индивидуальный подход сопровождало стремление педагогов «выяснить все желания и интересы детей». Насколько тонко нужно было ощущать природу конкретного ребенка, чтобы в характеристике написать: «*девочка глубоких и устойчивых переживаний*»...Чтобы в отчете упомянуть «*топот ножек маленьких существ по коридору детского сада*». По записям в дневниках работы воспитателей детских домов № 13 и № 45 Красногвардейского района (*Приложение II-6*) можно проследить, насколько дифференцированно, вдумчиво и последовательно велась работа с ребятами разного уровня воспитанности.

В методических рекомендациях военных лет подчеркивалось, что как никогда раньше детям, дома обделенным вниманием, нужна «не бивуачная, а нормальная обстановка», уют. Чтобы они не чувствовали себя *бесприютно*. Отсюда в текстах отчетов появляются упоминания о таких штрихах в оформлении помещений, как цветы на столиках в столовой и даже в бомбоубежище. А проверяющими лицами (в разгар блокады!) делаются замечания по поводу того, что при приеме пищи перестают стелиться скатерти, а воспитательница вытирает нос всем малышам одной тряпочкой.

Сохранение эстетики быта для детей, поступивших из промороженных квартир, где не работал водопровод и не действовала канализация, превращалось в важную составляющую блокадной педагогики. Сотрудница детского сада № 1 завода «Красный треугольник» М. В. Пересыпкина вспоминает: «Мы устраивались так, как будто бы это было мирное время. Развешивали белоснежные занавески, картины, организовывали всю обстановку педагогически осмысленно, красиво. Разрывы вражеских снарядов в непосредственной близости от окон детского сада неоднократно разрушали все наше благолепие, но с неослабевающей энергией мы восстанавливали его вновь»[39].

Общим педагогическим правилом того времени было не подавлять малышей непомерными требованиями, не быть навязчивыми. Не фиксировать внимание на негативных сторонах жизни, избегать драматических сюжетов. Повышение голоса и запретительные (отрицательные) требования со стороны воспитателя отмечались методистами как недостатки в работе. Практиковалась установка: чтобы не оскорбить ребенка, следует «говорить любезным спокойным голосом», ставить его «осторожно на место, не задевая самолюбия». В одном из отчетов в качестве достижения своего педагогического коллектива директор отмечает тот факт, что «неопытные воспитатели не приходят с жалобами на отдельных детей, а жалуются на себя, на свое неумение найти нужный подход к ребенку».

Возвращение детей к жизни

Постоянным пугающим фактором в первый блокадный год для детей оставались воздушные тревоги, сопровождавшиеся стремительным перемещением в бомбоубежище, иногда по нескольку раз в день. Примером могут служить записи в одной из тетрадей учета всего за три осенних дня 1941 года:

> 27.11.41. Утро. Не гуляли: тревожно. Перед обедом началась «тревога». В бомбоубежище читала по просьбе детей сказку. Вечер. Муззанятие не состоялось. Тревога затянулась до восьми часов вечера.
>
> 28.11.41. Утро. Не гуляли. Была «тревога». Книжку читали в газоубежище.
>
> 29.11.41. Утро. Не гуляли. Была очень долгая тревога. В газоубежище играли в тихие игры.

В садах интернатного типа случались ночи, когда воспитанников приходилось по 4–5 раз переводить из теплых спален в газоубежище и обратно. В итоге оказывалось, что пятилетний ребенок больше всего в жизни любит отбой воздушной тревоги и твердо верит, что «*папа обязательно убьет тревогу, а отбой останется*». Педагогам требовалось так организовать пространство и время в помещении бомбоубежища, чтобы отвлечь воспитанников от происходящего наверху, создать впечатление защищенности, переключить внимание на какое-то интересное занятие. Когда бомбежки по ночам участились, сон интернатных групп в некоторых учреждениях стали обустраивать прямо в бомбоубежище, чтобы не тревожить ребят постоянным внезапным пробуждением.

Обязательной частью возвращения к жизни и оздоровления дошкольников являлось

---

[39] *Пересыпкина М. В.* История детского сада № 1 завода «Красный треугольник» // ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17. Л. 10–15.

пребывание на воздухе. Холодной зимой 1941–1942 гг., чтобы стимулировать к прогулке ослабленных, испуганных детей, воспитателям приходилось проявлять изобретательность, создавать игровые ситуации, придумывать забавные стихотворные строчки вроде: «Мы закутаны в платки, мы похожи на кульки». Прогулки, которые по плану должны были проходить два раза в день, иногда из-за воздушной тревоги продолжались всего три-четыре минуты. Несмотря на это, их содержание тщательно продумывалось сообразно времени года и погодным условиям. Блокадные малыши, успевшие неоднократно стать свидетелями Смерти, вовлекались в наблюдения за пробуждением и многообразием проявлений Жизни в природе. Важным ресурсом оздоровления стал выезд детских дошкольных учреждений на летний отдых. Л. Е. Раскин вспоминает, что в июле 1942 г. в пригород вывезли 8 тыс. детей, в 1943 г. — уже 14 тыс.

Занятия на природе были ориентированы на комплексное решение многих задач: от развития внешних чувств и наблюдательности до привития трудовых навыков и воспитания любви к Родине. Причем осмысление природных явлений педагоги непосредственно связывали с умственным развитием детей. Во многих тетрадях учета упоминается о наблюдении за живыми существами (гусеницами, бабочками, жуками, рыбками), о создании в детских садах уголков природы. Трогательными в ситуации блокадного города, только что перенесшего страшную голодную зиму 1942 года, выглядят описания того, как радуются ребята принесенному в группу живому котенку, как смотрят на кошку, лакающую молоко, или кормят кролика хлебом, оставшимся после обеда. А ведь среди воспитанников были дети, которые совсем недавно могли удивленно закричать: «*Смотрите, бежит нескушанная кошка*!»[40]

О многообразии направлений развития детей в условиях блокады

В силу комплексного отрицательного влияния на организм длительного голода у маленьких ленинградцев часто наблюдалось отставание в физическом и интеллектуальном развитии на два-три года. Компенсация подобного отставания требовала специальных усилий. Воспитатели указывают, что как только у детей начинал пробуждаться интерес к окружающей жизни и появлялись вопросы: «что сегодня предстоит делать? куда пойти?» — наступало время для реализации задач развития. Его направления были достаточно четко заданы всей системой действующих на тот момент нормативных и методических документов. Это подтверждает аналогия в структуре отчетов, составлявшихся каждым воспитателем и каждым учреждением. Сохранившиеся образцы рабочих документов демонстрируют разнообразие форм деятельности, которые ежедневно предлагались детям. На *рис. 6.* представлена примерная схема занятий с детьми старшей группы, рассчитанная на неделю.

И снова удивительный факт. Задолго до появления теории Г. Гарднера[41] система работы дошкольных учреждений, несмотря на тяготы блокады, фактически стремилась обеспечить развитие того, что через 40 лет будет названо множественным интеллектом. Взрослые давали детям понять, что любые свои наблюдения над природой, над окружающей жизнью, свои эмоции и чувства они могут передать разными способами: «в рисунках, играх, в работе с материалами». И для этого создавались условия, максимально возможные в блокадной ситуации. По записям в рабочих тетрадях и отчетам можно проследить, как методически обеспечивалось усложнение творческих детских замыслов, какие разнообразные формы и приемы работы использовали при этом воспитатели. Иногда в работе явно прослеживается выход на межпредметный уровень. Один из примеров — проверка счетных навыков в сочетании с проверкой произношения шипящих. Вполне вероятно, что это отголоски увлечения комплексными программами времен 1920–1930-х годов.

Развитие дошкольников в блокадном городе самым тесным образом связывалось с воспитанием. Интерес представляет перечень личностных качеств, которые педагогам хотелось бы видеть в своих подопечных. Это смелость, настойчивость, трудолюбие, самостоятельность, любовь к Родине, желание и умение делать самим то, что посильно; бережное отношение к материалам, игрушкам и др. При этом формулировки воспитательных задач звучат предельно ясно, выражены простым языком и обращены прежде всего к ценностно-эмоциональной стороне личности. «Вызвать *брезгливое чувство* к нечистоплотности». Привить навык *спокойного вдумчивого восприятия*. «Закрепить *дружеские отношения* между детьми». «Укрепить в детях *бережное отношение* к труду

[40] Детские дома блокадного Ленинграда. СПб.: Политехника, 2002. С. 180–191. URL: http://www.world-war.ru/siroty-blokadnogo-leningrada/

[41] Теория множественного интеллекта, предложенная Говардом Гарднером в 1983 году, рассматривает интеллект в различных конкретных (в первую очередь, сенсорных) условиях с его разделением на телесно-кинестетический, натуралистический, межличностный, вербально-лингвистический, музыкальный, логико-математический.

Примерная схема занятий с детьми.

Дни недели	с 10-11	с 11-1 г.	с 4-5 г.	с 5-6 г.
Воскрес.	Занятия по выбору детей	Прогулка - Свободные игры.	Чтение сказок беседы	Прогулка творческая игры.
Понед.	Занятие по грамоте	Прогулка - труд в "природе" и своб. игры	свободное Рисование	Прогулка Организов. Игры.
Вторн.	Лепка или работа с бумагой	Прогулка Организ. игры	Чтение рассказов. беседы.	Прогулка. Свободные Игры
Среда.	Занятия по развитию математ. пред.	Прогулка наблюдение за явл. природ. своб. игры	Развитие речи. (разуч. стих.)	Прогулка Организов. игры.
Четверг.	Работа с бумагой, картоном, брос. мяча, прогул. игрушек самодельн.	Прогулка труд в природе. Своб. игры.	Рисование на тему.	Прогулка творч. игры.
Пятница.	Музык. Занятие.	Прогулка Организ. игры	Чтение сказок	Прогулка Своб. игр
Суббота.	Занятие по природоведению	Развитие речи беседы. письма кр. аппл.	Прогулка Организов. игры	Прогулка творч. игры.

Рис. 6. Примерная схема занятий на неделю с детьми старшей группы детского сада № 3 Дзержинского р-на, апрель 1943 г.

других». Помимо этого, в рабочих планах указываются признаки и уровни проявления того или иного качества у конкретного ребенка.

На фоне современной тенденции к формализации рабочих документов весьма справедливым кажется административное требование, предъявляемое в блокаду работникам дошкольных учреждений: четко определять педагогическое содержание (смысл!) предлагаемых детям форм деятельности. Показательно в этом отношении одно из замечаний, сделанное методистом: «*План представляет простой перечень мероприятий без вскрытия их педагогического содержания: попытка формулировать это содержание как цель приводит к формализму*».

Принятая система ежедневного учета работы требовала от воспитателя постоянного наблюдения за приростом опыта ребенка в проявлении нужных качеств (аккуратность, доброта, трудолюбие, правдивость, внимание, вежливость и др.). Обращение к рабочим записям обнаруживает три уровня анализа детского развития: групповые тенденции; дифференциация реакций и поведения мальчиков и девочек; динамика индивидуальных проявлений. Целевое наблюдение за каждым ребенком часто велось с указанием способа и формы проявления определенного умения или навыка в конкретной ситуации, иногда с фиксацией той или иной наметившейся тенденции. «*Неправильно держит ложку, забывает снимать с вешалки полотенце*». «*До сих пор девочка вела себя непринужденно, очень жаль, что начинает жеманиться*». «*Не умеет воспринять содержание картинки*». «*Рисует неважно, но содержание рисунков богатое*». «*Стал менее рассеян и лучше занимается*».

Пережитый детьми блокадный опыт проявлялся в их поведении и общении во время игр. В *Приложении II-13* приведены примеры детских ролевых игр, по содержанию тесно связанных с окружающей блокадной действительностью. Особый интерес представляют педагогические комментарии, характеризующие специфику социальных и профессиональных установок воспитателей того далекого от нас времени. Фотографии в альбоме интерната № 43 (детсада № 21) Дзержинского района наглядно демонстрируют, как по мере оздоровления и вовлечения в разные виды деятельности разительно менялся облик ребенка (*Приложение II-3*).

Особенности воспитания патриотических чувств и интернационализма

Выдвигая в военное время в качестве особой задачи *воспитание патриотических чувств*, педагоги стремились привить каждому ребенку любовь к родине, ее вождям, Красной Армии, сформировать чувство ненависти к врагу и «буржуям». Во всех без исключения планах работы предусмотрено множество бесед, посвященных революционным праздникам, заботе партии и правительства о детях, стойкости и мужеству русского народа, его любви к Родине. В дошкольных учреждениях постоянно проходило чтение рассказов, повествующих о жизни до революции и при советской власти, о героях Отечественной войны. На основе художественных произведений воспитатели старались представить маленьким ребятам образы пролетарских вождей и военачальников (Ленина, Сталина, Буденного, Кирова, Ворошилова), включая эпизоды из их детства. В перечне книг, которые читались в блокаду дошкольникам, встречаются названия, хорошо знакомые тем, кто рос и воспитывался в послевоенные годы: «Рассказы о Ленине» М. Зощенко, «Мальчик из Уржума» А. Голубевой, «Таня-революционерка» Е. Верейской и др.

Вот содержание некоторых занятий, зафиксированных воспитательницей в книге учета работы за 1942 год (стиль изложения сохранен).

- На занятии, посвященном 18-й годовщине со дня смерти Ленина, *слушали траурный марш, пели Интернационал, читали стихи* о Ленине. *Украшение портрета* В. И. Ленина красными и черными флагами. *Слушание любимой песни* В. И. Ленина «Замучен тяжелой неволей». Чтение стихотворения «Два сокола» произвело на них большое впечатление. Ребята сказали, что первый сокол — Ленин, второй — Сталин и что Сталин дал обещание Ленину сделать нашу страну счастливой.
- Дети *рассказали, что слышали* о товарище Сталине, и *прочли стихи* о т. Сталине.
- Группа старших детей *читала самостоятельно сказку* «О военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и о его твердом слове». Дети *слушали* книги «Республиканцы» и «Пороховой погреб». По очереди *читали рассказ* о хасановцах «Боевые дни».
- *Посмотрели открытки* о Красной Армии в войне с белофиннами и по желанию детей *повторили стихи* о Красной Армии. *Написали письмо бойцам* Красной Армии. Повторили *стихотворение* о Красной Армии.
- *Разучивали песни краснофлотцев* «Горизонт зарей окрашен», «Корабли плывут морями». *Слушали песни* «Как у дуба старого», «Катюша», «Москва красная», «По долинам и по взгорьям».
- *Составили альбом* на тему «Красная Армия».

В итоге ловкий, выносливый, смелый красноармеец становился идеалом для всех ребятишек. К образу именно такого бойца педагоги нередко обращали воспитанников, чтобы их успокоить. «Не надо плакать, — уговаривала воспитательница малыша, упавшего в снег при переходе в бомбоубежище. — Не надо плакать, сейчас придем в бомбоубежище, спать ляжем. Тепло, хорошо. А разведчики всю ночь будут лежать в снегу и не заплачут»[42].

* * *

Судя по фамилиям и именам детей, упоминающимся в тетрадях учета, педагоги имели дело с многонациональным составом воспитанников. Воспитанию интернационализма способствовало знакомство с песнями, сказками, танцами народов СССР и других стран. Первое мая в детских садах проводили как праздник дружбы народов родной страны. Дети были одеты в костюмы узбеков, грузин, украинцев, жителей Севера. Дошкольные работники своими силами клеили украинские хаты, делали кувшины, цветы подсолнуха и яблонь, пришивая их к веткам. Из рулонов ватмана сооружались колоннады с яркой крышей для «узбеков», декорации гор для «грузин», пейзажи тундры для «жителей Севера». При этом внимание детей постоянно обращалось на то, что народы разных национальностей и республик СССР воюют вместе.

С ребятами постарше воспитатели систематически беседовали о событиях на различных фронтах, затрагивая при этом вполне взрослые темы: о помощи союзников Англии и США припасами, о наступлении в Африке, бомбежках Рурской области и др. Современного читателя не может не поражать политическая осведомленность детсадовцев блокадного города. Например, не желая принимать на себя во время игр роль врагов-немцев, они могли предложить такое компромиссное решение: «*Пусть наши враги будут французы, только не свободная Франция, она за союзников, а которая за немцев*»...Политическими событиями интересовались больше мальчики. Можно было услышать такой их диалог с воспитательницей:

---

[42] Эпизод из доклада А. И. Фоминой (детский сад № 22 Октябрьской ж. д.).

— *Англичане за нас?*
— *За нас.*
— *А американцы?*
— *Тоже за нас.*
— *Как хорошо, что за нас так много!*

Закономерно, что в самых разных видах детской активности прослеживается приоритетное отражение военной тематики. Это и рисование эпизодов пребывания в бомбоубежище, игры в кукольном уголке в Красную Армию, разучивание краснофлотских песен, составление тематических альбомов и многое другое. Воспитатели с гордостью подчеркивали: «Наши дети живут войной, в их творческих играх и свободной изобразительной деятельности преобладают военные темы».

Этому во многом способствовали встречи с красноармейцами. Например, О. П. Щурина вспоминает, как 8 марта 1942 года в детдом, расположенный в здании детского сада № 5 Куйбышевского района, приезжали бойцы из части знаменитого генерала И. И. Федюнинского и рассказывали ребятам эпизоды из фронтовой жизни. Подобное общение было чрезвычайно значимо и для воинов, которые видели, что вместе с осажденным городом защищают маленьких, исхудавших ленинградских детишек.

В современном мире, где, к сожалению, еще не прекратились военные действия, остается актуальным вопрос: насколько оправданно целенаправленное привитие с раннего детства *чувства ненависти*, пусть даже по отношению к врагам. В блокадных планах работы и отчетах нередко встречаются такие фразы: «Вся воспитательная работа детского сада шла и идет по линии воспитания коммунистического поколения ненавидящих наших врагов — немцев». «Научить детей ненавидеть врага — наша первоочередная задача». Есть также формулировки, отсылающие к 1920–1930-м годам: «воспитание ненависти к классовым врагам».

Понятно, что для военного времени, тем более в городе, осажденном врагами, подобная постановка вопроса представлялась социально оправданной. Щемящее чувство вызывают сегодня записи высказываний воспитанников, отражающие по-детски наивное восприятие изменившейся действительности: «*Все птицы эвакуировались из Ленинграда, потому что здесь близко война*». «*— А птицы в Германию улетают? — Улетают. — Неужели они и немцам песни поют?*» «*Какое небо над Ленинградом красивое, а фашистам все равно. Не желают смотреть и весь город разбили*». «*...Вот как фашисты тебя оголодили*» (см. также *Приложение II-12*).

В дневнике воспитателя Ольга Николаевна Гречина записала: «Дети сегодня нашли во дворе ямку и стали ее раскапывать,

Улица блокадного города. 1942 г.[43]

приговаривая: “Давайте рыть быстрее. Там ведь наши дитеньки. Их всех немцы убили”. Лида: “Там мой Вовочка”, Руфа: “И моя Лиленька”, Лена: “И моя бабушка”...[44] Желание отомстить за горе, причиненное их близким, выливалось у ребят в разных формах. Например, в группе они устраивали соревнование рисунков, кто на них «больше немцев убил за папу». В высказываниях детей сквозит готовность принять деятельное участие в победе над врагом. Так, мальчик Юра был готов три дня не есть, «только бы война кончилась». На возражение товарищей: «Ты бы умер», — он, не задумываясь, отвечает: «Ну и что же, я бы умер один, но всем бы опять стало жить хорошо... Если бы пришел к нам немецкий офицер, я бы ему сказал: “Советский народ непобедим и будет жить, а фашисты все погибнут”». «Тебя бы на виселицу за такие слова», — замечает другой мальчик. «Я бы не побоялся виселицы, а перед смертью бы крикнул: “Мне не страшно умирать, а вы, трусы, боитесь наших красных звездочек и наших красных флагов”».

Боря говорит: «Мой папа был кавалеристом и погиб на фронте. Я теперь маленький, а когда вырасту, пойду вместо папы бить врагов. Хорошо бы маленькую винтовку достать, я бы стал снайпером и уничтожил бы много фашистов». Семилетняя Лия сетует: «Почему маленьких не берут на фронт, я бы стала снаряды и патроны подносить». Гера хочет стать разведчиком:

---

[43] Фото Б. П. Кудоярова. Воспроизводится по: URL: https://rosphoto.org/photo/008/173/

[44] Воспоминания воспитателя детского сада блокадного Ленинграда. URL: http://www.detsad109spb.ru/news/vospominanija_vospitatelja_detskogo_sada_blokadnogo_leningrada/2018–02–02–57

«Я маленький, незаметно бы прополз в тыл к немцам, все бы узнал и доложил нашим»...[45]

Из содержания детских разговоров видно, что ростки мщения уже пустили свои корни в сердцах воспитанников, которые многое пережили и «преломили в своей детской ненависти». Как страшно звучат в устах маленькой девочки слова: «Мы все разрушим хуже, чем фашисты, и дома и сады и квартиры. Пускай хоть прячутся, хоть нет, в убежище всех убьем, и детей их убьем»... А вот запись обмена репликами во время одной из популярных среди ребят игры «Самолет» (20.03.45):

> Полетим сейчас в самую Германию. Будем ее бомбить. Они не знают еще, как мы умеем бомбить. Пускай хоть прячутся в убежище, все равно будем бомбить... Горит, пускай сгорит, чтобы немцев никого больше не было, чтобы дома их все были разломаны, хуже, чем у нас...[46]

Однако далее все-таки возникал вопрос: а как же быть с детьми фашистов? Но участники игры тут же отрицали сам факт того, что у фашистов могут быть дети...

Участник игры «Самолет»

Интересно сопоставить эту ситуацию с отрывком из книги С. В. Магаевой, где рассказывается, как блокадные ребята отреагировали на гибель во время бомбежки мальчика — немца Рудика, жившего в их дворе:

> Кто-то из мальчишек сказал, что скоро наши самолеты разбомбят Берлин и отомстят за Рудика. Ленька ужаснулся: как разбомбят, ведь в Берлине есть дети? И мы решили, что отомстить за Рудика надо, но всех немецких детей надо вывезти за город, в «пионерский лагерь». Ленька скомандовал: «Увезти детей». Мы загоняли перепуганных малышей в дровяной сарай, расправляли руки-крылья, надсадно гудели, изображая самолеты, и «летели» на Берлин отомстить за Рудика...[47]

То есть, советские дети внутренне все-таки противились целенаправленному уничтожению своих сверстников-немцев даже на вражеской территории. Что это, как не проявление гуманности, сохранившейся в ребячьих душах на фоне нечеловеческих испытаний[48]. И возможно, это один из «побочных эффектов» жизненных уроков блокадной педагогики, наглядно показавшей детям ужас и несправедливость смерти мирных людей.

Анализ массива информации о работе воспитателей показывает, что лишь в единичных случаях воспитание у детей патриотических чувств (любви к Родине, Красной Армии, великим вождям) не было сопряжено в их профессиональном сознании с понятием ненависти. Большинство имеющихся текстов отчетных докладов и выступлений свидетельствуют о том, что даже воспитание любви к родному городу строилось «на фундаменте ненависти к врагам». И, описывая внутреннее состояние детей, некоторые педагоги с гордостью за результат своей работы писали: «В ее (его) сердце горело пламя ненависти»...

Все же опытные и критически мыслящие дошкольные работники понимали, как противоречива военная современность и как важно, «останавливая внимание детей на положительных сторонах жизни, отвлекать их от всего того, что идет вразрез с воспитательными задачами». Об этом писала в своем отчете «Отражение современности в детской игре» заведующая детсадом № 36 Куйбышевского района Л. Сержантова: «Воспитывая ненависть к врагу, воспитатель должен помнить, чтобы это чувство не перешло границ и вместо мести не превратилось в жестокость. Воспитатель должен понимать, что если дети говорят “убьем

---

[45] Эти высказывания воспитанников старшей группы детсада № 36 Володарского р-на были приведены в докладе воспитателя П. Г. Овчинниковой на конференции в мае 1944 года.

[46] По материалам детсада № 36 Куйбышевского района (1944–1945) // ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9.

[47] *Магаева С.* Немецкий Рудик // Оптимисты поневоле. М.: Наталис, 2005.

[48] Известно, что когда после войны в Ленинграде появилось много пленных немцев, пережившие блокаду дети их жалели, совали в руки карамельку или печеньице. См.: Детские воспоминания блокадников. URL: https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=956

всех детей фашистских", то это острые моменты, то это уже жестокость»...[49]

Стоит заметить, что и после окончания войны, в мирное время воспитание ненависти сохранялось в перечне задач коммунистического воспитания. Известный педагог В. А. Сухомлинский, переживший в период войны личную трагедию, до конца жизни носивший в груди осколок снаряда, трактовал ненависть к врагам как проявление и мотив патриотического поведения. В его книге «Как воспитать настоящего человека» говорится: «Ненависть необходима нам как щит, ограждающий сердце Родины... Наша ненависть не притязания на чужие земли, а защита»[50]. Об этом же чувстве читаем в стихах Олега Шестинского.

> Но до сих пор при каждой вспышке
> отваги, гнева, прямоты
> я снова становлюсь мальчишкой,
> тем, что не прятался в кусты,
> что жизнь, наверно, узко видел,
> не думая, с плеча рубил,
> и лишь фашистов ненавидел,
> и только Родину любил[51].

Современные психиатры и психологи подчеркивают, что в условиях вооруженного конфликта, с необходимостью обучая детей действиям, сохраняющим жизнь, чрезвычайно важно не культивировать в их сердцах ненависть и стремление отомстить. Внушение ребенку сильных негативных чувств может сказаться в его будущей жизни. Ненависть может транслироваться из поколения в поколение. Кто знает, не это ли стало одной из подспудных причин появления в сознании молодежи XXI века мысли о том, что «1941–1945 можем повторить»...

Детское творчество в блокаду

Сегодня трудно сказать, были ли сотрудникам детских садов известны работы З. Фрейда, появившиеся в российской печати в 1913–1925 годах[52], где показано, как травмирующие и негативные переживания могут быть трансформированы в различные виды конструктивной деятельности на основе механизма сублимации[53]. Так или иначе, знакомство с архивными материалами позволяет увидеть, что чувство мести, агрессии по отношению к врагам как естественная реакция на пережитые страдания находило выход и преобразовывалось в различных видах свободной художественной деятельности, предлагаемых детям. В этом смысле блокадная педагогика предварила современную тенденцию к использованию арт-терапии в системе образования.

> Термин «арт-терапия» (лечение искусством) в 1938 году ввел в употребление английский художник Адриан Хилл, описывая свою работу по обучению рисованию больных в санатории[54]. Методы арт-терапии применялись в США при работе с детьми, вывезенными из нацистских лагерей. Образно их называют «восстановление души» средствами искусства.

Интерес к психологии детского рисунка возник в России в первом десятилетии XX века с появлением переводов работ К. Бюллера, М. Брауншвига, К. Риччи, Г. Кершенштейнера и др. Тогда же художники А. Бенуа и Н. Бартрам начали собирать коллекции детских рисунков. К теме изучения детских рисунков обращались такие ученые, как П. А. Сикорский, В. М. Бехтерев, В. К. Воронов, Л. Г. Оршанский, Н. А. Рыбников[55]. К началу войны российским воспитателям детских садов могли быть известны работы живописца и педагога Е. А. Флёриной «Рисунок как материал для изучения ребенка» (1923) и «Изобразительное искусство в дошкольных учреждениях», (1934).

---

49 Отчет датирован 02.04.1945 г.

50 *Сухомлинский В. А.* Как воспитать настоящего человека. М.: Педагогика, 1990. С. 272.

51 *Шестинский О.* «Мы в мир огня вошли со всеми...» // Песня Победы. Стихотворения. Л.: Детская литература, 1985. Цит. по: URL: https://litlife.club/books/246994/read?page=22

52 *Freud S.* Психоанализ детского страха: (Анализ фобии 5-летнего мальчика) / Авторизированный перевод. М.: Наука, 1913. 150 с.; *Freud S.* Основные психологические теории в психоанализе: (Сб. статей). М.; Пг., 1923; *Фрейд З.* Психоанализ детских неврозов / Пер. с нем. д-ра О. Б. Фельцмана и д-ра М. В. Вульфа; Предисловие проф. И. Д. Ермакова. М.; Л.: Государственное изд-во, 1925. С. 203.

53 Явление сублимации впервые было описано З. Фрейдом, в работах которого показано, что реакция на такие импульсы, как депрессия, страх, сильный стресс, может социально позитивно преобразовываться в ходе творчества.

54 См.: Арт-терапия. URL: https://migis.org/kinds/art-therapy

55 *Бехтерев В. М.* Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении. СПб., 1910; *Оршанский Л.* Современное состояние вопроса о детских рисунках // Русская школа. 1908. № 11; *Соловьев И.* Биографический метод в изучении детских рисунков // Вестник воспитания. М., 1913. № 1; *Рыбников Н.* Детские рисунки и их изучение. М., 1926.

Ф. И. Шмита «Почему и зачем рисуют дети» (1924), А. В. Бакушинского «Художественное творчество и воспитание» (1925).

Непосредственно в Ленинграде в 1910–1940-х годах несколько художников обращались к проблемам детского рисования. Живописцу К. М. Лепилову принадлежит первая в России работа по исследованию детского рисунка, вышедшая в 1910 г. в «Художественно-педагогическом журнале». Он же читал «Психологические основы детского рисования» на курсах подготовки преподавателей рисования в детских садах, приютах, начальных школах и домах, а в 1923 г. стал директором музея «Дошкольная жизнь ребенка». Именно Лепилов ввел практику художественного воспитания дошкольников в детские сады. В ночь с 4 на 5 октября 1941 года художник погиб во время бомбардировки под развалинами дома № 4 по Бронницкой улице. Воспитательные особенности рисования в дошкольном возрасте изучал также художник и педагог Е. В. Разыграев, в 1942 году умерший в блокадном Ленинграде от голода.

Если в работах дореволюционного и довоенного периода рисование выступало как средство развития и воспитания ребенка, в блокадное время оно стало рассматриваться медиками и педагогами как своего рода терапия искусством. По наблюдениям профессора Мариониллы Максимовны Кольцовой, специалиста по физиологии высшей нервной деятельности детей, рисование явно поднимало у детей тонус коры головного мозга. В ее книге «Опаленные блокадой» представлены и прокомментированы примеры отражения в детской речи и детских рисунках пережитых ими страданий и ужаса[56]. Сохранились в архивах методические наблюдения воспитателей, раскрывающие механизмы влияния рисования на развитие способности ребенка к воплощению своих творческих замыслов[57]. Известна уникальная коллекция блокадных детских рисунков, собранная специалистом по дошкольному воспитанию Е. Л. Щукиной, прекрасно понимавшей их историческую и психолого-педагогическую ценность. Особенно значимо, что в некоторых случаях сохранились не только рисунки, но и объяснения к ним, данные самим ребенком и записанные воспитателем.

В мемуарах ребенка войны Л. В. Пожедаевой, помимо текстовых воспоминаний и стихов, помещены зарисовки блокадных сюжетов, сделанные ею в возрасте 16 лет. Обращение к анализу дошедших до нас рисунков помогает лучше понимать, что же происходило в сознании ребенка блокадной поры. Детские рисунки из коллекции Педагогического музея СПб АППО в их современном прочтении и интерпретации представлены в разделе «Блокадное творчество детей и педагогов».

Помимо рисования фактически все виды художественно-творческой деятельности в период блокады становились арт-терапевтическим средством, помогавшим детям справляться со стрессом, депрессией, страхом, тревожностью. Здесь и рисование на снегу, вышивание на картоне цветными нитками, свободные творческие игры, театрализация, импровизированные оркестры (ср. с современными понятиями: сказкотерапия, музыкотерапия, драмотерапия, куклотерапия, игротерапия).

В апреле 1943 года в Ленинграде состоялась первая дошкольная олимпиада. По сохранившимся данным, в одном только Куйбышевском районе с показом детского творчества за два дня (2 и 3 апреля) выступило 287 детей из 18 учреждений. Было просмотрено:

- танцевальных номеров (общих) — 24;
- сольных танцевальных номеров — 10;
- номеров сольных пений — 11;
- номеров хоровых пений — 26;
- исполнителей сольных декламаций — 64;
- исполнителей хоровых декламаций — 6;
- ритмических номеров — 8;
- драматизаций — 2;
- номеров шумового оркестра — 6.

Из 12 стихотворений, прочитанных победителями конкурса индивидуальной декламации (в возрасте 6–7 с половиной лет), почти все (кроме произведения С. Михалкова «А что у вас?») тематически тесно связаны с войной и блокадой. Следует заметить, что по эмоциональному накалу и идейной насыщенности некоторые произведения значительно превышали дошкольный уровень:

- Я. Купала «Мальчик и летчик» (1935; пер. М. Исаковского);
- Джек Алтаузен «Родина смотрела на меня» (1941);
- С. Маршак «Мальчик из села Поповки» (янв. 1943);
- Е. Вечтомова «Блокада прорвана» (18 янв. 1943);
- А. Твардовский «Отец и сын» (1943)[58].

[56] См.: *Кольцова М. М.* Опаленные блокадой. СПб.: Центр развития культур. инициатив; Изд-во В. Немтинова; 2005. Мы в блокаде. Отражение блокады в детской речи и детских рисунках. URL: https://psy.su/feed/2228/16 рисунков; *Снопченко И.* Образ блокады в детских рисунках тех лет. URL: https://www.fontanka.ru/2005/03/19/124070/

[57] См. в Приложении к разделу «Блокадное творчество детей и педагогов» отчет воспитательницы детсада № 12 Типольт «Графическое творчество детей в дни Отечественной войны».

[58] Детьми также были прочитаны стихотворения «Балтийцы», «Наш город», «Тревога», «Мой

Детские праздники

Дошкольные работники старались и в блокадное время не изменять традиции проведения детских праздников, хотя, по признанию инспектора дошкольных учреждений Куйбышевского района Е. Л. Щукиной, первоначально сама мысль о создании мирного праздника в городе-фронте казалась абсурдной. Праздники, которые устраивались к датам «Красного календаря» (годовщины Великой Октябрьской революции, День Красной Армии, Первомай), играли важную роль в патриотическом воспитании. В *Приложении II-11* представлены некоторые иллюстративные материалы, связанные с опытом проведения праздников.

Особое место в осажденном Ленинграде занимали новогодние праздники. Следует напомнить, что, начиная с 1927 года, почти десять лет в рамках антирождественской кампании отмечать Новый год и украшать елки в СССР фактически было запрещено[59]. Соответствующая пропаганда проводилась даже среди маленьких детей. Так, в декабре 1931 года детский журнал «Чиж» опубликовал рассказ А. Финогенова «Без елки» и стихотворение Александра Введенского «Не позволим» на антиелочную тему. Однако родители и воспитатели, у которых хватало смелости, продолжали наряжать елки тайком.

Праздник был возвращен стране в канун 1936 года, и к началу войны в детских учреждениях успели сложиться определенные традиции проведения новогодних утренников, которые поддерживались и в период блокады (*рис. 7*). Дошкольными педагогами тщательно, с любовью продумывалась, педагогически инструментовалась содержательная и эстетическая сторона их организации (см. в *Приложении II-10* отчет воспитательницы С. В. Солодухо о проведении новогоднего праздника). О. А. Положенцева приводит трогательные подробности подготовки к встрече нового 1945 года в детском саду № 13 Василеостровского района.

> В сценарий праздника входили Дед Мороз, Снежная Баба, Снегурочка, медвежата, зайчики и лисички. Встал вопрос о костюмах. Одеть Деда Мороза и Снежную Бабу было легко: выручили халаты врача и медсестры, валенки и шапки, обшитые ватой. ...Но одеть медвежат, лисиц и зайцев было уже сложнее. И тут воспитательница Александра Яковлевна Фролова совершила своего рода «героический» поступок. Она разрезала свое меховое пальто и из него сшила костюмы медвежат. За костюмы зайчиков и Снегурочки взялась мать одной из девочек, которая тоже пожертвовала меховым жакетом. Воспитательница Суханова с помощью родителей одела лисичек, прикрепив к ним на спины горжетки из лисьих шкурок...
>
> Праздник был бы не праздником, если бы не было сюрпризов. И тут Домна Тимофеевна (повариха) превзошла самое себя, соорудив из сои, муки и сахара «снежки», которыми угощала ребят Снежная Баба. Было очень забавно видеть, как малыши с опаской брали их с блюда, боясь, что они холодные[60].

Посещение новогодних елок и прочих праздников входило в обязанности методистов и инспекторов районов. Вот некоторые выдержки из «Анализов проведения елок» в декабре 1942 — январе 1943 года[61]. Интерес представляет перечень выявленных методических ошибок и недоработок с комментариями к ним. (Стиль оригинального текста сохранен.)

> «Мы детально проанализировали опыт проведения елок прошлых лет, не боясь, вскрыли перед товарищами ряд методических ошибок, имевших место на прошлых праздниках...
>
> Портрет т. Сталина оформляется отчего-то массой спускающихся на портрет парашютистов с различными игрушками. Портрет т. Ленина имеет бордюром зайчиков. Правильная политическая направленность воспитания наших детей должна проходить через всю жизнь детского сада, а к портретам вождей, так же как к эмблемам нашего союза, дети должны приучаться относиться с определенным уважением, а воспитатель не должен зайчиками под портретом т. Ленина или т. Сталина создавать праздничное настроение детей...
>
> Отсутствие момента рассматривания елки, перегрузка стихотворных выступлений детей, не продуманная до конца роль Деда Мороза... Мы подробно остановились на показе сюрпризных моментов праздника, на оформлении этих сюрпризов и, особенно, на центральной

папа» и даже «Фашистский гад», содержание которых явно связано с войной, но авторство установить затруднительно.

59 *Амосов Н.* Против рождественской елки. М., 1930.

60 *Положенцева О. А.* Встреча нового 1945 года в детском саду № 13 Василеостровского района // ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2.

61 Анализ проведения елок в д. садах Куйбышевского района в декабре 1942 — январе 1943 года // Там же. Д. 9.

Рис. 7. Новогодние плакаты 1936–1944 годов

фигуре праздника, Деде Морозе... его внешнем виде, характерных данных его облика, его поведения на празднике...

Отдельно хочется остановиться на появлении Деда Мороза в 34-м детском саду. Вдруг в середине праздника гаснет свет. И воспитатель обычно спокойным как при воздушной тревоге или артобстреле голосом объявляет: «Не беспокойтесь, дети, у нас погас свет. Пойду, посмотрю, что случилось». В темном зале, где еще секунду назад звенел радостный смех, слышится какой-то глухой звук “ужаса”. Нельзя забывать условий нашего города-фронта, нельзя вносить такие сюрпризные моменты, которые могут травмировать ребенка. Надо более чутко, более заботливо относиться к детской психике...

Иногда в погоне за так называемой красотой учреждение забывает об удобстве ребенка. Вот в детском саду № 7 снежинки в марлевых, сильно декольтированных платьях. Девочкам холодно, неуютно, а потому не весело. Те же снежинки в детском доме веселы, радостны, активны. Их марлевые костюмчики одеты на теплые трикотажные свитера».

Если оставить в стороне социально-исторически обусловленную политизацию оформления новогодних праздников, стоит отметить, что методические замечания сделаны достаточно справедливые и профессионально тонкие. Особенно в том, что касается необходимости учета особенностей травмированной блокадой детской психики в каждом моменте проведения праздника и поведения его взрослых участников, а также заботы о здоровье и удобстве ребят.

Развитие речи и чувства языка

Любовь и уважение к родному слову, приобщение к устному народному творчеству, понимание текстов с народной лексикой в военное время методически рассматривались прежде всего в русле воспитания патриотических чувств. Однако анализ реальной деятельности воспитателей блокадного города, отраженный в их отчетах и рабочих тетрадях, показывает, что на первый план все-таки выходила работа над детским словом в классическом понимании К. Д. Ушинского, ориентированная на осмысленность, звучность родной речи, ее слияние с непосредственно пережитым опытом. Стремясь «подвести детей к более правильному литературному разговору» путем введения образной литературной поэзии в живую речь, воспитатели проявляли методическое разнообразие: рассказывание по картине, по заглавию, по началу, по предложенному плану, придумывание загадок. Нельзя не отметить постоянное присутствие в работе по развитию речи логопедического компонента, что свидетельствует о наличии у дошкольных педагогов соответствующей подготовки.

Воспитывая интерес к чтению, взрослые старались понять, что именно эмоционально близко и поэтому нравится детям в книгах и устных рассказах. По просьбе ребят они рассказывали *страшное, «чтоб сердце замирало»,* или *«грустное, чтобы плакать хотелось»*. Если попытаться сделать полную подборку произведений, которые в годы блокады предлагались воспитанникам ленинградских детских садов, наберется не одна книжная полка. Здесь русские сказки будут

соседствовать со сказками народов СССР, с английскими народными сказками, сказками братьев Гримм. Широко будет представлена отечественная литературная классика: стихи А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, Н. А. Некрасова, произведения для детей Л. Н. Толстого. И, конечно, — рассказы А. Гайдара, стихотворения А. Барто, журналы «Мурзилка», «Костер», «Чиж», многие другие публикации, которые с увлечением продолжало читать и послевоенное поколение детей.

Е. Е. Меделяева, к началу блокады 8-летняя девочка, вспоминает, как в детском саду воспитатели читали им «Сказки дядюшки Римуса» и «Сказки Андерсена»[62], «Приключения доисторического мальчика», «Хижину дяди Тома». Как с ребятами разучивали «Бородино» Лермонтова. «Воспитательница подбросит щепочек в печурку, устроится поудобнее, а мы облепим ее со всех сторон и слушаем, слушаем. Забываешь про голод, куда-то уходит страх. Захлестывает волнение: что дальше, чем закончится? А когда волнуешься за других, сам становишься лучше»[63]. Интересная книжка, по мнению Елены Евгеньевны, становилась «*главным блокадным витамином*».

По книгам учета можно проследить, как под влиянием интереса к книгам у ребят зарождалось желание научиться читать самим, за которым следовало предложение от взрослых — начать учиться грамоте. (Здесь невольно возникает ассоциация с системой свободного воспитания Ж.-Ж. Руссо, с которой советские педагоги были хорошо знакомы.)

Хочется особо подчеркнуть: несмотря на тяжелое военное время, всегда (пусть даже в идеологических целях) при работе с детьми педагоги привлекали добротный литературный и художественный материал. Для показа, свободного пользования и последующих устных рассказов использовались репродукции картин К. Коровина, И. Левитана, В. Поленова, И. Шишкина. Примечательно, что одной из задач, которые ставили воспитатели в тревожные, неспокойные дни блокады, было формирование у детей навыка «*спокойного вдумчивого восприятия*».

Использование технических средств

Для расширения культурного контекста детской жизни в блокадном городе, помимо прочего, использовались технические средства: патефон, аллоскоп, практиковалась демонстрация диафильмов, слушание пластинок. Воспитатели старались, чтобы прослушивание музыкальных записей способствовало развитию у ребят художественного вкуса и тонкости восприятия музыки, позволяющей чувствовать, что «*у Бетховена музыка грустнее, чем у Чайковского*».

В некоторых детских садах показывали кино, вывешивая вместо экрана простыню. Именно таким образом Вере Михайловне Пахомовой, автору воспоминаний «Детский сад в блокаду», довелось увидеть не только детские фильмы с Яниной Жеймо («Золушка», «Леночка и виноград»), но и такие взрослые киноленты, как «Иван Грозный», «Александр Невский»[64].

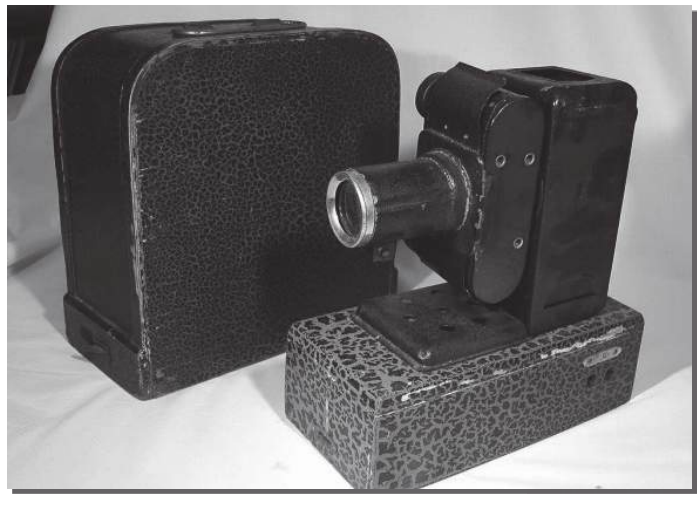


Рис. 8. Аллоскоп

По возможности ребятам демонстрировали документальные познавательные фильмы, выпущенные в конце 1930-х годов кинобазой Наркомпроса, Мостехфильмом, ЦНИИ начальных школ, такие как: «Ручьи и реки», «Африканская саванна», «Родники и колодцы», «На море» и др. К каждому фильму делались педагогические аннотации. В качестве примера ниже приведен фрагмент такой аннотации, подготовленной воспитателем детского сада № 43 Красногвардейского р-на Н. В. Асеевой в июле 1942 года[65].

В тропическом лесу

Узкопленочный немой фильм. 2 части. Длина 605 м.

Выпуск кинобазы Наркомпроса, 1939 г.

Содержание фильма

Тропический ливень. Полноводная река. В воде отдыхает гиппопотам. Недалеко от берега

---

62 Сказки Андерсена с иллюстрациями В. М. Конашевича были напечатаны в блокадном Ленинграде тиражом в 30 000 экземпляров.

63 *Сталева Т.* Особый витамин блокады. М.: Собрание, 2017. С. 175–176.

64 *Пахомова В. М.* Детский сад в блокаду. URL: https://ljwanderer.livejournal.com/89514.html

65 Аннотации к фильмам воспитателя детского сада № 43 Красногвардейского р-на Н. В. Асеевой // ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8.

охотится крокодил. По берегу реки раскинулся лес. Ветви деревьев перетянуты лианами. Между ветвями прыгают обезьяны. С ветви одного дерева на другое перебросил свое тело удав. По лесу на водопой проходит стадо слонов. Нападение тигра на крааль[66]. Охота на тигра с петлей и чучелом. Поимка тигра в краале...

Оценка его

Фильм расширяет кругозор детей, дает возможность познакомиться с животными жарких стран, показывает, как они живут на своей родине. Хорошо показан тропический лес... Фильм дает возможность показать детям разницу между лесом нашей родины, показанным в фильме «Ручьи и реки», и лесом жарких стран... Очень интересны элементы охоты на диких зверей. Мало понятен эпизод поимки тигра западней-петлей.

Фильм рекомендуется для старшего и среднего возраста как имеющий большое познавательное значение, и иными способами нет возможности показать содержание.

Обращает на себя внимание развивающий потенциал фильма, который воспитатель предлагал ребятам, обусловленный:

- экзотичностью видеоряда, призванного на фоне блокадных будней заинтересовать детей яркостью впечатлений;
- обилием новых реалий, а значит, названий и понятий, которые детям предлагается освоить;
- возможностью показать разные природные и культурные условия, в которых живут на земле люди.

Судя по сохранившимся аннотациям, работа с подобными фильмами носила межпредметный характер, объединяя начальные сведения по географии, ботанике, физике, родной речи. При этом воспитатель четко дифференцировал по каждому фильму, какие фрагменты и почему лучше соответствуют младшему (наличие мультипликации), среднему или старшему (фактически уже школьному) возрасту.

Пробуждение у детей желания действовать

Желание действовать активно стимулировалось и реализовывалось в различных посильных для возраста формах. От правила «иметь свои маленькие обязанности», приучения к порядку в группе до труда на огороде и приобщения к большим делам взрослых (подготовка подарков на фронт, посылок детям, эвакуированным в тыл, шефство над госпиталями). Воспитание любви к Красной Армии, «сталинским соколам», славным балтийцам поддерживалось непосредственной живой связью с бойцами. В летний период 1942 года те детсадовцы, дачи которых находились рядом с военными частями, ежедневно могли видеть бойцов и с ними общаться. После чего в свободных творческих играх малыши «со знанием дела» отражали военные действия и жизнь бойцов. Вплоть до того, что, построив терем, который золотая рыбка подарила старухе, когда сделала ее дворянкой, водружали над ним красный флаг!

Широко практиковались выступления ребят в госпиталях, а также посещение воинами детских дошкольных учреждений. Бойцы ставили перед детьми задачи: быть здоровыми и сильными. Просили сообщать в письмах на фронт о прибавке в весе, давая боевой наказ — поправиться и перегнать... Сохранились примеры переписки бойцов с ребятами из детских садов разных районов блокадного Ленинграда. И здесь не столь важны сами письма, имеющие в условиях военной цензуры достаточно стандартное наполнение, сколько их эмоциональная составляющая. Пожалуй, правомерно говорить о *ритуальном* характере связи, которая с помощью воспитателей постоянно поддерживалась между защитниками города и теми, кого они защищали. Получение письма или открытки становилось событием как для бойцов, так и для всего коллектива детского учреждения. Послания с фронта красочно оформляли, помещали в специальные альбомы. Выражая искреннюю благодарность за сохранение жизни маленьких ленинградцев, фронтовики называли воспитателей и заведующих *«заботливыми гражданами»*. В *Приложении II-15* даны примеры подобной переписки и ее оформления.

Важным направлением работы детских садов в блокаду оставалась подготовка к школе, в том числе формирование первоначальных навыков чтения, письма, счета. Воспитатели планировали *«заинтересовать детей школой, развить в них любовь и горячее желание идти учиться»*. То, что в блокадных детских садах вынужденно могли находиться ребята в возрасте до 12 лет, способствовало накоплению опыта преемственности дошкольного и школьного обучения. В старших группах использовались формы работы, обращавшие к коллективной рефлексии о приобретенном опыте. Например, рассказывание по картине «Детский сад» сопровождалось обсуждением того, какие правила, какие игры, забавы ребята запомнили и усвоили из дошкольной жизни.

[66] Крааль — поселение у африканских народов.

Детям рассказывали, как они будут учиться, проводили занятия по счету и развитию речи, говорили о правилах поведения в школе. Иногда во время таких занятий случались курьезы, которые запомнились очевидцам событий на долгие годы. Так, в одном из детских садов воспитательница объясняла старшей группе, что в школе нужно будет вставать, приветствуя того, кто входит в класс. Желая проверить, как дети усвоили это правило, она попросила заведующую войти на занятие. Ребята встали. Заведующая похвалила их и ушла, неплотно закрыв за собой дверь. Когда сразу же после нее в группу вошел детсадовский кот Барсик, все ребята снова встали...[67]

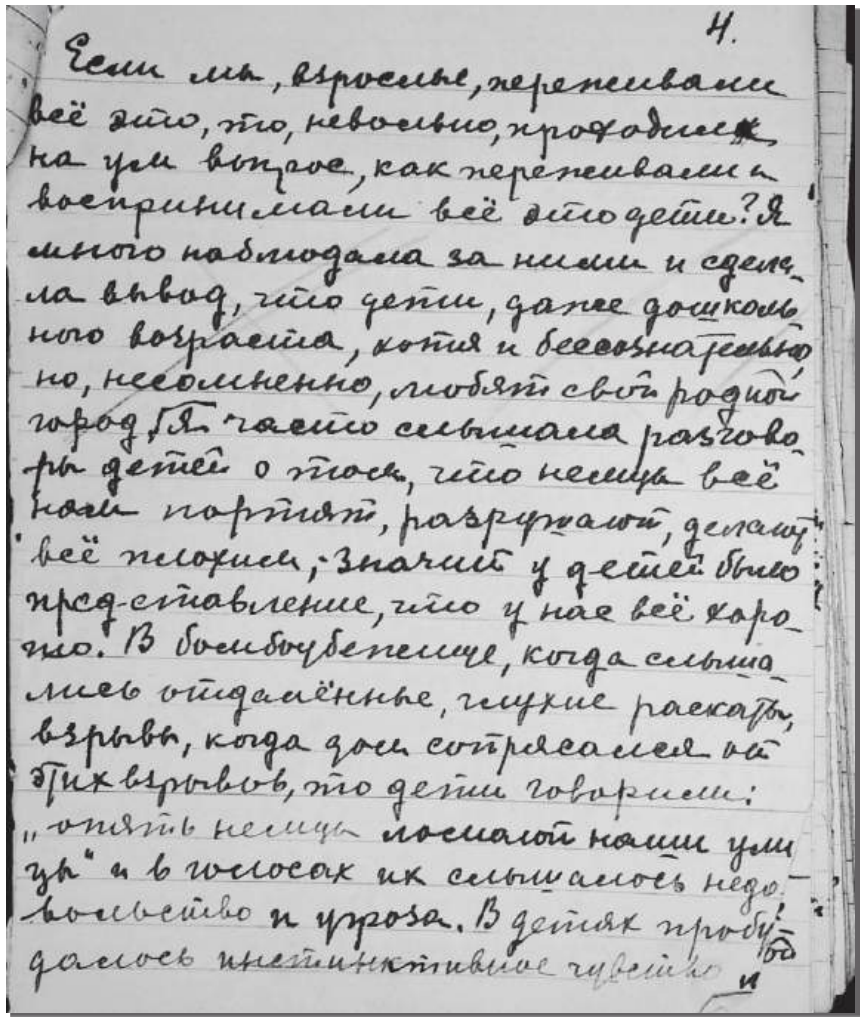


Рис. 9. Рукопись доклада С.А. Тер-Степановой, воспитательницы детсада № 6 Куйбышевского района

Воспитание любви к родному городу

С дореволюционного времени приобщение к особой культуре города в семьях коренных петербуржцев, а также в дошкольных и школьных учреждениях традиционно начиналось с раннего возраста. Эту традицию нарушали лишь революционные и военные события. Сразу после снятия блокады перед воспитателями встала необычная и сложная задача: помочь ребятам, в том числе возвратившимся из эвакуации и неленинградцам, увидеть сквозь картину разрушенного Ленинграда его непреходящую красоту. В Педагогическом музее СПб АППО хранится черновая рукопись доклада воспитательницы детсада № 6 Куйбышевского района С. А. Тер-Степановой, датированная 29 ноября 1947 г., с рассказом о том, как в период с весны 1944 до осени 1945 года она воспитывала у своих подопечных любовь к родному городу (*рис. 9*).

В этом рассказе многое привлекает внимание. Прежде всего доступный дошкольникам принцип движения в восприятии городских улиц и пейзажей «от ближнего к дальнему». Постепенный переход от рассматривания разрушенных близлежащих зданий, где некоторые из детей ранее жили, к наблюдению за ходом работ по их восстановлению. От небольших прогулок в окрестностях детсада до экскурсий по центру и длительных трамвайных поездок через весь Ленинград в ЦПКиО. При этом воспитатель приобщает ребят как к повседневности города-воина, который на их глазах возрождается из руин, так и к его истории.

Поражает широчайший культурно-исторический спектр улиц, площадей, зданий и памятников, о которых воспитанники могли узнать из педагогического рассказа и показа. В ходе прогулок им предлагалось внимательно всматриваться в освобожденный Ленинград, в каждый его уголок, ощутить красоту и величие, которую врагам так и не удалось уничтожить. Тем самым накапливались конкретные, яркие личностные впечатления и наблюдения, связанные с родным городом, пробуждалось желание к его скорейшему восстановлению[68]. Можно предположить, что в определенной мере подспудно решалась задача замещения в детском сознании трагических блокадных впечатлений перспективой мирной жизни Ленинграда.

---

67 Случай описан в воспоминаниях О. А. Положенцевой, датированных 21.11.1968 г.

68 *Тер-Степанова А. С.* Воспитание любви к родному городу // ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9.

Дети на утренней прогулке. 1943 г.[69]

Сложности руководства детскими садами

Сохранившиеся документы Ленгороно военного периода (планы, приказы, отчеты) позволяют судить о характере общего руководства системой детских дошкольных учреждений. Планирование на уровне города изначально строилось с учетом того, что «детские учреждения Ленинграда могут:

- подвергаться артобстрелу и воздушной бомбардировке;
- испытывать затруднения бытового характера (вода, свет, отопление, канализация) и в питании детей;
- иметь затруднения в оборудовании твердым и мягким инвентарем, пособиями и материалами для игр и занятий детей»[70].

В соответствии с этим в задачи воспитателей, помимо выполнения привычных обязанностей, входило тушение зажигательных бомб, дежурство в группах самозащиты, устройство огородов для выращивания овощей и др.

Содержание отчетов заведующих детскими садами, с одной стороны, позволяет составить панорамное представление об общих тенденциях в работе дошкольных учреждений, централизованно заданных методическими указаниями; с другой — высвечивает индивидуальные особенности руководителя. Так, в одном случае текст начинается с анализа работы по укреплению здоровья детей и их развитию, эмоционально насыщен, наполнен интересными подробностями из жизни детей. В другом — основной упор делается на работу по патриотическому воспитанию (любовь к Красной Армии, вождям, ненависть к врагам). Здесь чаще используются общепринятые идеологически «правильные» фразы и эмоционально нейтральная лексика.

Весь массив планов работы заведующих отражает огромный объем и разнообразие направлений их деятельности. Здесь хозяйство, медицина, воспитание детей, управление кадрами и многое другое. Социалистические обязательства у некоторых руководителей включали даже такой пункт, как *овладение винтовкой*. Задачи работы детских дошкольных учреждений формулировались вполне определенно и в духе военного времени. «За что борется детский сад: за обеспечение теплом, полноценный уход за ребенком, организацию полноценного рационального питания в условиях нормированного снабжения продуктами. За содержательную радостную жизнь детей, за то, чтобы развернуть рамки детского интереса, всем детям дать больше ласки».

Зимой 1942 года после эвакуации части детей из города период организации новых учреждений исчислялся днями. На плечи руководства ложились: переезд в новые помещения,

---

[69] Фото ЛенТАСС № 37807. 1.IV.1943 г. Воспроизводится по: URL: https://vk.com/piter_geniusloci?z=photo-123250013_456277748%2Falbum-123250013_00%2Frev

[70] Проект плана Ленгороно по руководству работой дошкольных учреждений 1942/43 гг.

в законсервированные после эвакуации дошкольные учреждения, в школы... даже в квартиры. После этого предстояло привлечение родителей к сбору посуды, пошиву одежды; комплектация кадров, начиная от ночной няни до заведующей. Достаточно подробно повседневные заботы руководителя описаны в отчете заведующей детсадом № 29 трамвайного парка им. В. Володарского О. Г. Шадурской (*Приложение II-8*).

Обращают на себя внимание повышенные, жесткие требования руководства к персоналу. Прежде всего заведующими ценилась любовь к детям, умение проявлять по отношению к воспитанникам заботу и теплоту. И безусловным требованием была честность сотрудника. Однако иногда, в критических случаях, приходилось осознанно идти на сделку с совестью. В книге В. Г. Даева приводится рассказ о том, как зимой 1942 года для тайного перезахоронения трупов малышей, обнаруженных в снегу, врач детского дома расплатилась со сторожем Педиатрического института банками консервов. Как, чтобы обогреть детей, во время бомбежек проводивших многие часы в ледяном подвале, она выменивала у кладовщика керосин на детские порции, полученные уже после смерти тех, кому они предназначались. Но после того как женщина, вступая в члены ВКП(б), открыто рассказала об этом на партийном собрании, ни один голос не был подан «против»[71].

Общей серьезной проблемой являлось отсутствие у большинства работников дошкольных учреждений педагогической квалификации. Значительная часть воспитателей, направленных с началом войны в детские сады, не имела опыта работы с детьми дошкольного возраста. Среди них встречались те, кто даже не успел окончить среднюю школу. Отсюда проистекало неумение организовать детей или должным образом подготовить занятие. Ольга Николаевна Гречина, в блокаду пришедшая начинающей воспитательницей в 43-й детский сад-интернат Дзержинского района (ныне детский сад № 109 Центрального района), приводит такой эпизод из своей практики: «Я получила 35 детей, уже не умирающих от голода, а довольно живых. Они прекрасно поняли, что я их боюсь, и в первый же день после обеда, во время тихого часа, устроили мне бенефис. Никто не спал, носились по спальной, кидались подушками, визжали»[72].

Были воспитатели, которые параллельно с работой заканчивали десятилетку. Некоторые, как, например, Валентина Тарасовна Иванова, стали дошкольными работниками по воле случая. В 1942 году девушка была направлена в детский сад с исторического факультета ЛГПИ. В итоге курсы подготовки воспитателей в блокадном Ленинграде стали ее единственным педагогическим образованием, а «вр*е*менная военная мобилизация» оказалась счастливым жизненным призванием[73].

В детских домах, где в числе воспитанников находились подростки, действовали пионерские и комсомольские организации. Это составляло особую сферу активности воспитанников, которую следовало организовывать сообразно существующим традициям и с учетом военного времени. Например, пионервожатой детского дома № 45 Свириной в соответствии с планом работы на май 1942 года предстояло:

1. Провести организационные сборы по отрядам (выборы председателей отрядов, советов отрядов, звеньевых, разбивка отрядов на звенья). К 6 мая.
2. Составить планы работы отрядов на советах отрядов. 9 мая.
3. Организовать работу в октябрятской группе (привлечь к этому лучшую пионерку).
4. Организовать соревнования между отрядами и звеньями 15 мая.
5. Наладить учет успеваемости пионеров.
6. Оформить пионер-уголок.
7. Принять (*в пионеры*) на отрядных сборах лучших октябрят.
8. Выпустить второй номер детдомовской стенгазеты.
9. Проводить регулярные читки газет по отрядам.
10. Проработать по отрядам приказ тов. Сталина от 1 мая и ноту тов. Молотова.
11. Оформить уголок по ПВХО.
12. Организовать «огород» на окне.
13. Добиться максимального участия пионеров в хозяйственных работах по детдому, а также в обработке земельного участка.
14. Создать швейный кружок и наладить работу хорового кружка[74].

---

[71] *Даев В. Г.* Педагоги блокадной поры: По архивам ленинградских учреждений. СПб.: Сударыня, 1998. С. 42.

[72] Воспоминания воспитателя детского сада блокадного Ленинграда. URL: http://www.detsad109spb.ru/news/vospominanija_vospitatelja_detskogo_sada_blokadnogo_leningrada/2018-02-02-57

[73] *Иванова В. Т.* О красоте профессии воспитателя, или Беседы обо всем на свете. М.: Изд-во «Образовательные проекты», 2016. URL: https://www.litmir.me/br/?b=693982&p=1

[74] Из архивных материалов, переданных Ф. В. Заряновой в Педагогический музей СПб АППО 13.05.21.

* * *

Можно предположить, что результативность деятельности начинающих дошкольных педагогов во многом достигалась простотой и надежностью методик, которыми они пользовались, а также строгой системой учета и контроля в сочетании с постоянной поддержкой со стороны опытных коллег (см. отчет молодой воспитательницы Е. Мыльниковой в *Приложении II-7*). Ситуация требовала от заведующих постоянной просветительской и методической работы с персоналом: посещения и обсуждения занятий, чтения газет и педагогических журналов. В дневниках посещений встречаются записи: «Ввиду неподготовленности занятие проводить не разрешаю». Кого-то из сотрудников приходилось направлять на курсы, что помогало в осмыслении своих действий, способствовало появлению новых профессиональных интересов, знакомству с дошкольной литературой.

В ходе подготовки к педсоветам руководители старались обращаться к методической литературе. Например, в преддверии обсуждения темы «Организация и содержание оздоровительной работы на воздухе» заведующая О. Г. Шадурская познакомилась с материалами журнала «Дошкольное воспитание»: «Летом на даче» (1941. № 2), «Развитие наблюдательности и любознательности», «Воспитание самостоятельности и трудолюбия» (1941. № 3), а своим сотрудникам порекомендовала прочитать статьи «Воспитание детей и природа», «Художественный образ и рисование детей», «Разучивание стихотворений с детьми», «Наши вечера развлечений» (1941. № 2).

Поскольку в годы блокады детские сады были лишены возможности приобретать пособия, необходимые для развивающих занятий и игр, сотрудникам приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы самим изготовлять их из подручного материала. В *Приложении II-9* приводится рассказ воспитательницы Е. И. Ильичевой об опыте создания самодельных пособий для конструктивной деятельности детей.

В сложных блокадных условиях рождались новые способы обмена опытом. Одной из таких необычных форм стали «выставки-передвижки», перемещавшиеся из одного учреждения в другое в портфеле инспектора Куйбышевского района Е. Л. Щукиной. Это позволяло демонстрировать творческие работы (рисунки, поделки и др.), созданные в одном саду, детям и воспитателям другого. В некоторых детсадах практиковались открытые занятия младшего обслуживающего персонала. Опытным няням поручали проводить показ того, как помогать воспитательнице в привитии детям навыков поведения во время еды, как подготовить детей к прогулке, что в условиях бомбежек и обстрелов было очень важно.

Из текстов документов военных лет понятно, что городское руководство хорошо осознавало кадровые трудности как непосредственно в детских учреждениях, так и в обеспечении методической и инспекторской поддержки работы дошкольных учреждений в большинстве районов. От методистов и инспекторов требовалось хорошее знание кадров, коллектива детей, умение увидеть и отметить не только отрицательные, но и положительные черты в работе персонала. Центром методической поддержки педагогов в блокаду оставался Городской дошкольный методический кабинет. Раз в неделю для заведующих детскими садами и воспитателей здесь проводились занятия по распространению лучшего педагогического опыта. С апреля 1942 года постепенно возобновляли деятельность районные методические кабинеты, а в 1943/44 учебном году все они уже приступили к работе. На ежемесячных совещаниях с руководителями дошкольных учреждений рассматривались вопросы организации воспитательной работы с детьми, подготовки к школе, проведения педагогических советов, помощи молодым воспитателям, организации детских праздников. Также практиковались совместные совещания заведующих детскими садами с учителями начальных классов и директорами школ[75].

Со стороны Ленгороно не прекращался жесткий контроль работы действующих учреждений и их руководителей. При этом по конкретным фактам практиковались как наказания, так и поощрения. В качестве иллюстрации в *Приложении I-5* приведены три документа, датированные 1942 годом, за подписью и. о. зав. Ленгороно Г. Левина. В одном случае это теплое письмо коллективу работников детского дома № 38 Куйбышевского района с благодарностью «за материнскую заботу о детях». В другом — жестко мотивированный приказ о снятии с должности заведующей детсадом № 11 Свердловского района «за неудовлетворительное руководство работой детсада и допущенные грубые нарушения в организации детского питания». А в приказе о подведении итогов соцсоревнования, приуроченного к 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, помимо педагогических работников детских садов отмечены представители обслуживающего персонала: прачка, уборщица, повара, заведующий хозяйством.

[75] Петербургская методическая служба: история и современность / Под науч. ред. В. Г. Воронцовой. СПб.: Специальная литература, 2003. 319 с.: ил.

После полного освобождения города от блокады

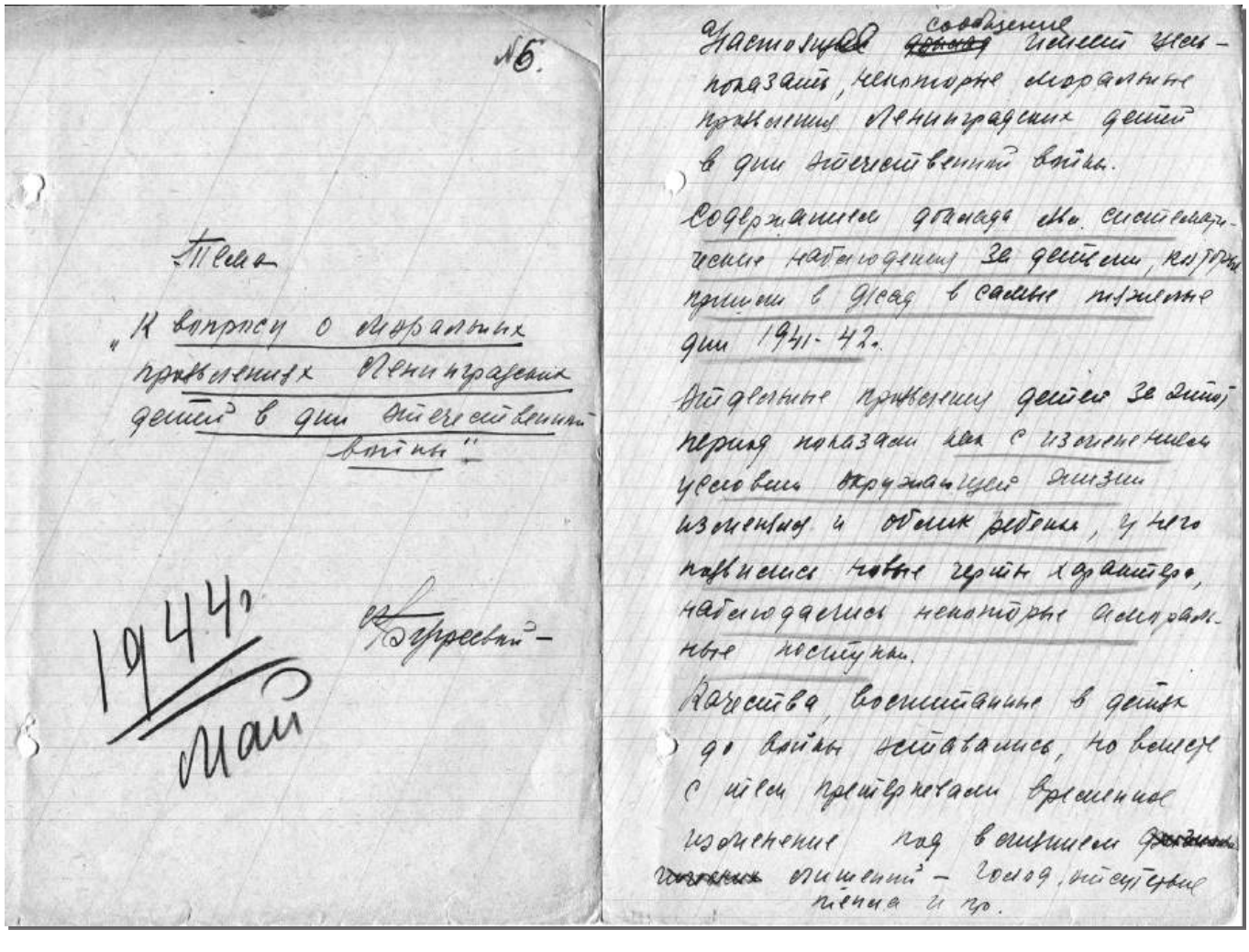
27 января 1944 года город окончательно освободился от вражеской осады. Работники дошкольных учреждений отметили эту победу Большим педагогическим советом. В период с 5 по 8 мая прошла «Вторая ленинградская научно-практическая конференция по дошкольному воспитанию», собравшая около 400 делегатов. На ней был широко представлен блокадный опыт работы ленинградских дошкольных учреждений. Сотрудниками детских садов и Городского методического кабинета обсуждались такие проблемы, как:

- Моральные проявления детей в дни Отечественной войны (М. Н. Бугреева, зав. д/с № 43 Приморского р-на);[76]
- Воспитание любви к Родине в условиях осажденного Ленинграда (Д. Ф. Дегтяр, воспитательница д/с № 26 Смольнинского р-на).
- Трудовое воспитание детей Ленинграда в годы войны (О. Г. Янушевская, зав. д/с № 7 Володарского р-на).
- Воспитание любви к родному слову (П. Г. Овчинникова, воспитательница д/с № 36 Володарского р-на) и др.

Много внимания на конференции было уделено вопросам сохранения здоровья и обеспечения различных направлений детского развития в условиях города-фронта. Основная часть докладов, представленных на конференцию, хранится сегодня в фондах Педагогического музея СПб АППО (*рис. 10*).

* * *

В конце 1944 г. был принят новый «Устав детского сада», утвержденный Наркомпросом РСФСР (15.12.1944 г.). В нем закреплялся статус детского сада как государственного общественного учреждения советского воспитания


№6.

Тезисы

„К вопросу о моральных проявлениях ленинградских детей в дни Отечественной войны"

1944 г. Май

Бугреева –

Участвуя в ~~докладе~~ сообщении хочется показать некоторые моральные проявления ленинградских детей в дни Отечественной войны.

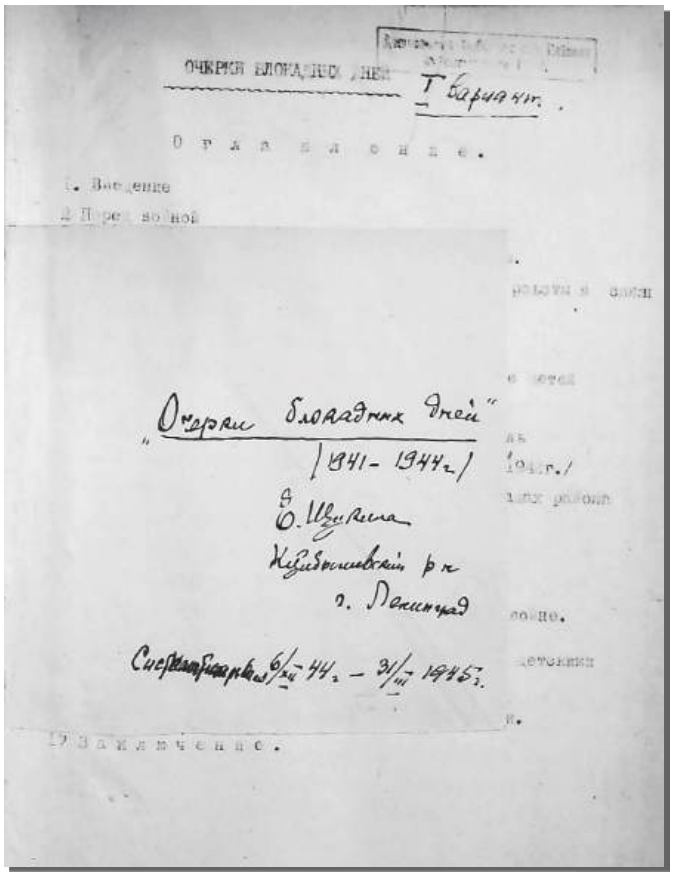
Содержанием доклада явились систематические наблюдения за детьми, которые пришли в сад в самые тяжелые дни 1941-42.

Отдельные проявления детей за этот период показали нам с изменением условий окружающей жизни изменились и облик ребенка, у него появились новые черты характера, наблюдались некоторые моральные поступки.

Качества, воспитанные в детях до войны осталась, но вместе с тем претерпевались временные изменения под влиянием ~~голода~~ лишений – голод, систематическое чтение и пр.

Рис. 10. Черновик доклада на конференции М.Н. Бугреевой

[76] ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15.



Очерки блокадных дней
Г. Барнаул.

Оглавление.

1. Введение
2. Пре[illegible] военной

[illegible] опыта в [illegible]

[illegible] детей

[illegible] ах

"Очерки блокадных дней"
/1941–1944 г./ [illegible] 194[illegible] г./

[illegible] ских районов

Е. Щукина
Куйбышевский р-н
г. Ленинград

[illegible] ление.

Сентябрь 6/XII-44 г. – 31/III-1945 г. [illegible] детских

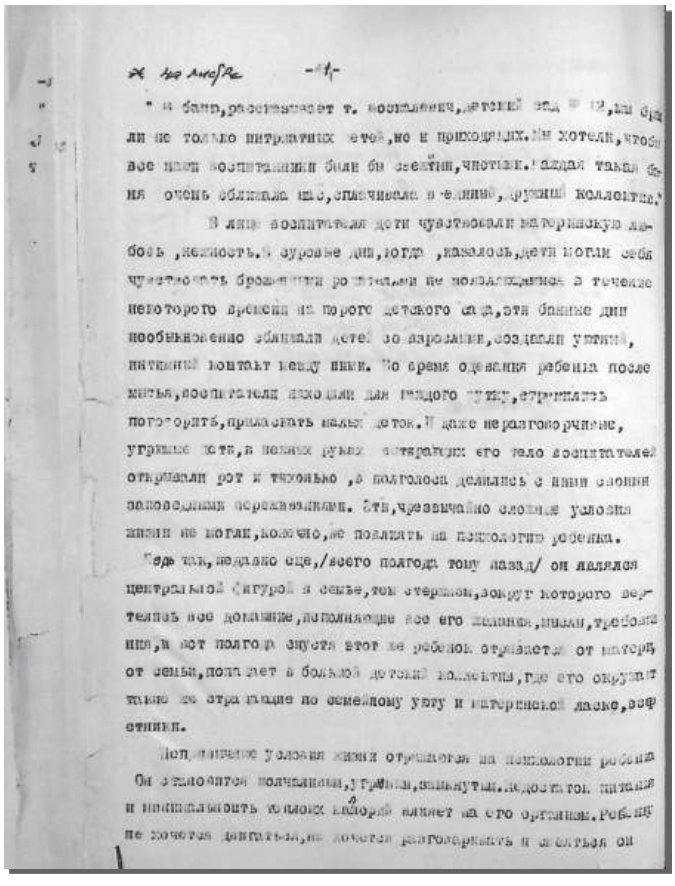
[illegible] п.

Приложение.

и всестороннего развития детей 3–7 лет. В «Руководстве для воспитателя детского сада», утвержденном 4 мая 1945 года, содержались программные и методические указания с обновленными задачами и содержанием работы по обучению в различных областях (умственное и музыкальное развитие, физическое и трудовое воспитание, воспитание нравственных, волевых качеств, чувства патриотизма и любви к Родине). Также были четко определены основные направления деятельности администрации детского дошкольного учреждения в послевоенное время.

* * *

Одна из наиболее ранних и искренних попыток обобщения опыта работы детских дошкольных учреждений в период блокады принадлежит Елизавете Леонидовне Щукиной, в войну инспектору Куйбышевского района Ленинграда. Первый вариант ее «Очерков блокадных дней (1941–1944 г.)», судя по датам, указанным на первом листе, создавался в период с 6 декабря 1944 года по 31 марта 1945 года (*рис. 11*).



[illegible] ноября -44-

[illegible] и баня, рассказывает т. Воскобойник, детский сад № 12, мы берегли не только питомцев детей, но и приходящих. Мы хотели, чтобы все наши воспитанники были бы здоровы, чистые. Каждая такая баня очень сближала нас, сплачивала в единый, дружный коллектив.

В яслях воспитатели дети чувствовали материнскую любовь, нежность. В суровые дни, когда, казалось, дети могли себя чувствовать брошенными родителями не пользующимися в течение некоторого времени из дорог детского сада, эти банные дни необыкновенно сближали детей со взрослыми, создали уютный, интимный контакт между ними. Во время одевания ребенка после мытья, воспитатели находили для каждого ласку, отыскать потеребить, приласкать малых детей. И даже неразговорчивые, угрюмые дети, в нежных руках которых его тело воспитателей открывали рот и тихонько, а подголоса делились с ними своими заповедными переживаниями. Эти, чрезвычайно сложные условия жизни не могли, конечно, не повлиять на психологию ребенка.

Ведь так, недавно еще, /всего полгода тому назад/ он являлся центральной фигурой в семье, тем очагом, вокруг которого вертелось все домашнее, исполняющее все его желания, нужды, требования, а вот полгода спустя этот же ребенок отрывается от матери, от семьи, попадает в большой детский коллектив, где его окружают такие же отрицающие по семейному укладу и интернатской ласке, воспитатели.

Неблагоприятные условия жизни отразились на психологии ребенка. Он становится молчаливым, угрюмым, замкнутым. Недостаток питания и минимальность калорий влияет на его организм. Ребенку не хочется двигаться, не хочется разговаривать и играться он

-42-

[illegible] он тихо уходит от всех этих лишений. Он молчит о своих огорчениях и молча отходит от жизни.

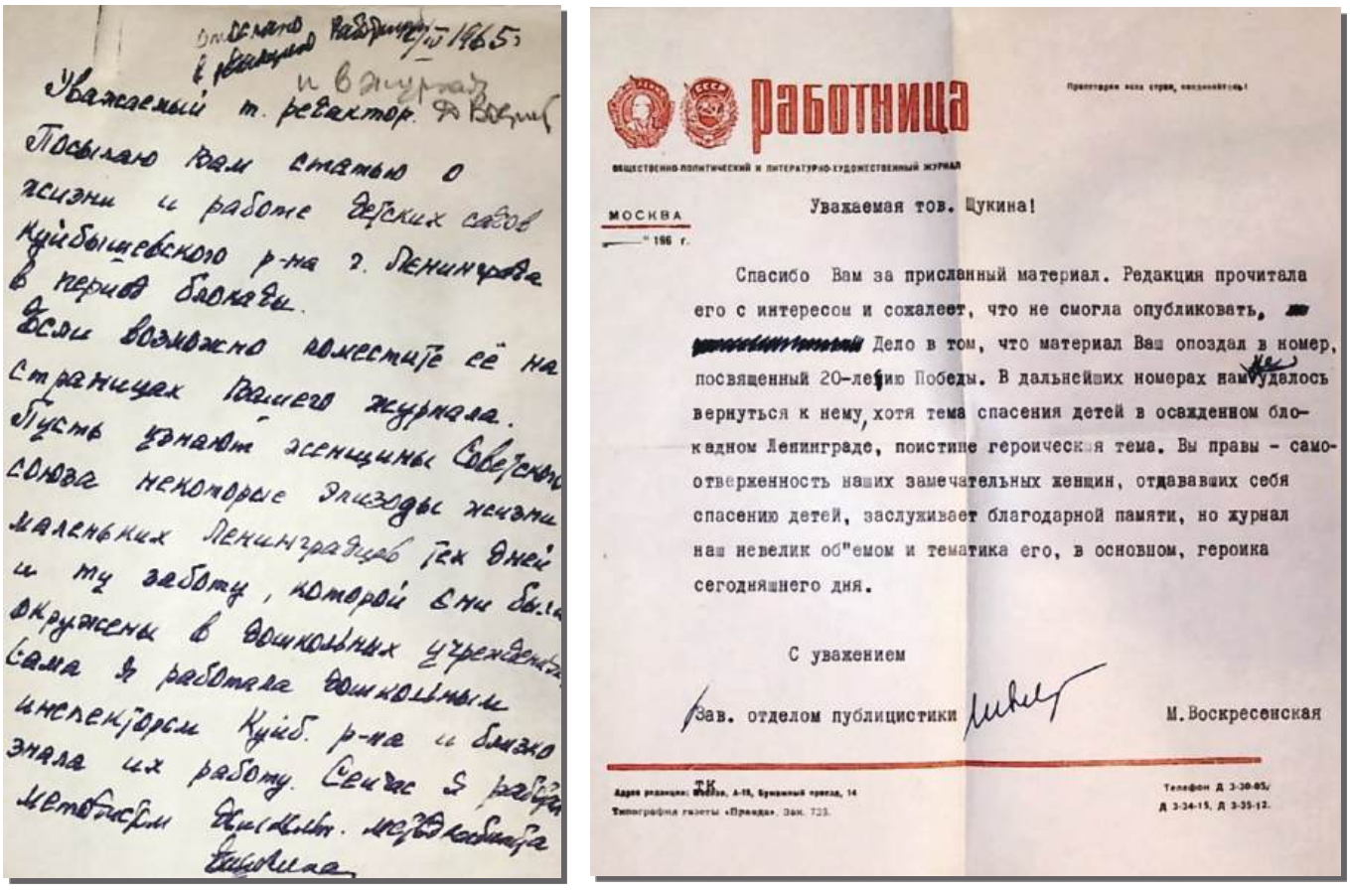
[illegible] начало. К стр. XI
Заботясь о санитарном оборудовании детских садов Ленинградского [illegible] 194[illegible] г. [illegible] районных [illegible] систематически [illegible] раз в [illegible] [illegible] детей детских садов [illegible] [illegible] бани являлись "праздничным" событием маленьких детей блокированного [illegible]

дети быстро переодевались к столу и снова замирали там в ожидании пищи, или сигнал "Т", когда за окном, с пятен, или тянул ногами дети уходили в холодные, серые темные убежища, чтобы там снова прижаться к своему товарищу и снова замереть до окончания тревоги. А там опять переход в помещение детского сада и та же скованность на долгие, долгие часы....

И вот тут то определялась та колоссальная роль дошкольных работников на том этапе военной жизни. Нарушить это состояние пространства у ребенка, обогреть его морально, поддержать его лаской и поцелуем, й тогда то, дошкольные работники, забывая свои собственные недомогания и слабости проявляли максимальную нежность, материнскую заботу о детях, стараясь заменить ребенку мать теплой порцией, веселой шуткой или ласковым об"ятием. В этом, конечно, они спасли жизнь детей.

Рис. 11. Рукопись первого варианта «Очерков блокадных дней» с правками Е.Л. Щукиной[77]

[77] ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9.



Работница

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МОСКВА

Уважаемая тов. Щукина!

Спасибо Вам за присланный материал. Редакция прочитала его с интересом и сожалеет, что не смогла опубликовать, Дело в том, что материал Ваш опоздал в номер, посвященный 20-летию Победы. В дальнейших номерах нам удалось вернуться к нему, хотя тема спасения детей в осажденном блокадном Ленинграде, поистине героическая тема. Вы правы – самоотверженность наших замечательных женщин, отдававших себя спасению детей, заслуживает благодарной памяти, но журнал наш невелик об"емом и тематика его, в основном, героика сегодняшнего дня.

С уважением

Зав. отделом публицистики М.Воскресенская

Рис. 12. Письмо Е.Л. Щукиной в редакцию журнала «Дошкольное образование»; ответ из журнала «Работница»

Интересна последующая судьба этого текста. В том же 1945 году «Очерки» были отданы на рецензию известной советской поэтессе и журналистке Вере Инбер. Признавая бесспорную ценность собранного Е. Л. Щукиной фактического материала, рецензент указала на литературную и композиционную слабость изложения, после чего предложила издательствам оказать помощь путем выделения литератора для обработки и «оживления» текста в порядке соавторства. По каким-то причинам текст так и не был опубликован. В 1960-е годы часть материала из своих очерков Елизавета Леонидовна использовала в докладах «Нет, не забыть нам тех дней» (16.05.1961), «Работа с детьми в период блокады» (28.03.1962), с которыми выступала в Музее истории Ленинграда и на встречах с ветеранами. После этого она дважды пыталась опубликовать в журналах «Дошкольное воспитание» и «Работница» свою статью (*Приложение II-16*), но получила вежливый отказ (*рис. 12*). В наше время, ознакомившись с текстами свидетельницы жизни блокадных детских садов, можно только догадываться, в чем была причина. Слишком много там приведено трагических фактов и ситуаций, которые пришлось пережить маленьким детям и дошкольным работницам Ленинграда. Видимо, в ту пору не пришло еще время открыто заняться тем, к чему призывала Елизавета Леонидовна, — историей дошкольной блокадной педагогики.

По ее убеждению, «история жизни и воспитания детей в условиях осажденного города настолько специфична, настолько героична, что настало время тщательно отобрать все имеющиеся в Ленинграде материалы о работе детских садов во время Великой Отечественной войны и издать специальный труд, посвященный скромным дошкольным работникам, с честью выполнившим задание партии, правительства, народа, — сохранившим жизнь и здоровье детей в трудных условиях 900-дневной блокады. Пора этим заняться!»

Страстный призыв ветерана дошкольной педагогики в ту пору остался без ответа. Впервые отрывки ее воспоминаний были опубликованы лишь в 2007 году в материалах научно-практической конференции студентов и преподавателей колледжей Санкт-Петербурга,

Рис. 13. Обложка книги Е.Л. Щукиной «Очерки блокадных дней»

посвященной 60-летию Победы над фашизмом[78]. А в 2010 году появилось полное издание «Очерков блокадных дней», подготовленное в РГПУ им. А. И. Герцена (*рис. 13*).

В *Приложениях* к данному разделу дается подборка отчетов о деятельности дошкольных учреждений блокадного Ленинграда разного типа, а также ряд воспоминаний их сотрудников. Сопоставительный анализ текстов, составленных руководителями детских садов и детских домов, воспитателями с различным стажем и профессиональным опытом, инспекторами и методистами, позволяет за чередой разнородных цифр и фактов увидеть общность социально-педагогического контекста и специфику механизмов, определявших позитивные результаты работы по развитию и воспитанию ленинградских дошкольников в условиях блокады. Архивные фотографии, запечатлевшие различные моменты из военной жизни маленьких ленинградцев, цитаты из их подлинных высказываний, фрагменты сценариев праздников, в которых они принимали участие, формируют эмоциональный контекст знакомства с дошкольной педагогикой блокадного города.

[78] Эта память — наша совесть...: материалы II научно-практической конференции студентов и преподавателей колледжей Санкт-Петербурга, посвященной 60-летию Победы над фашизмом. Санкт-Петербург, 16–19 апреля 2005 г. СПб., 2007.

Литература

1. *Адрианова А. Е.* Детский дом // Нас жег огонь смертельный: Воспоминания учителей Фрунзенского района Санкт-Петербурга о войне 1941–1945 гг. СПб., 1995. С. 26–28.
2. *Бродоцкая А.* Спасенный детский сад // Моя Победа: сборник произведений победителей и участников открытого литературного конкурса, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. СПб.: Союз писателей России, 2014. С. 37–39.
3. *Васильева Е.* Маленькая ночная няня: повесть // Костер. 1997. № 2. С. 10–20.
4. *Верзилин Н. М.* Воспитание в детских домах во время войны (По материалам Ленинграда и Ленингр. обл.) // Сов. педагогика. 1943. № 11/12. С. 50–54.
5. *Газиева Л. Л.* Феномены времени в дневниках воспитателей дошкольных учреждений блокадного Ленинграда (1941–44) // Вестник С.-Петерб. ун-та. 2008. Сер. 2. Вып. 3. С. 67–74.
6. *Газиева Л. Л.* Использование естественно-исторического наблюдения как способа оздоровления детской психики в период блокады Ленинграда (1941–1944) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 24 (55). С. 361–364.
7. Детские дома блокадного Ленинграда. СПб.: Политехника, 2002.
8. *Дмитриева Е. Н.* «Мы храним бесценное наследство». СПб.: Изд-во Л. Л. Газиевой, 2013.
9. *Кольцова М. М.* Опаленные блокадой. СПб.: Центр развития культур. инициатив; Изд-во В. Немтинова, 2005.
10. *Котов С. Д.* Детские дома блокадного Ленинграда. 2-е изд. СПб.: Политехника, 2005.
11. *Левина М. А.* Детские дома Ленинграда в годы Великой Отечественной войны // Учеб.-воспит. работа в детских домах. Л., 1948. № 11–12. С. 26–35.
12. *Лобанова К.* Творческие игры детей блокадного Ленинграда // Дошк. воспитание. 1988. № 6. С. 22–23.
13. *Люблинская А. А.* In memorium: в борьбе за детей (из блокадных дневников) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2018. № 188. С. 132–152.
14. *Раскин Л. Е.* Год работы с дошкольниками в Ленинграде [Дет. сады и дошкол. дет. дома] // Дошкольное воспитание. 1943. № 1. С. 16–26.
15. *Сапожникова О. Ю.* «Вы жизнь сберегли в Ленинграде» (из воспоминаний Ольги Николаевны Гречиной, воспитателя детского сада блокадного Ленинграда) // Рабочий класс и интеллигенция России на рубеже веков: XIX–XX и XX–XXI вв. Связь времен: материалы международной научно-практической конференции, приуроченной к 70-летию со Дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (14–15 октября 2013 года). СПб., 2013. С. 127–136.
16. *Серова З. А.* Традиции детских садов Санкт-Петербурга // Дошкольное воспитание. 1993. № 5.
17. *Флоренская З. Е.* Воспоминания о работе детского сада № 38, 1941–1945 гг.: Посвящается всем педагогам Ленинграда, выполнявшим свой служебный долг в блокадном городе / З. Е. Флоренская; подгот. А. В. Сергеева // Петербургская школа. 1998. № 2. С. 61–63.
18. *Шарый М. М.* Ленинград в дни блокады: Из дневника директора дет. дома [№ 51] / М. М. Шарый // Учеб.-воспит. работа в детских домах. Л., 1944. № 1. С. 69–78.
19. *Шарый М. М.* «Хотелось сохранить хотя бы часть... семьи...»: запись воспоминаний директора детского дома № 51 г. Ленинграда. М. М. Шарый о работе в условиях блокады 1941–1943 гг. / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Л. Л. Газиевой // Отечественные архивы. 2013. № 5. С. 87–113.
20. *Щукина Е. Л.* Очерки блокадных дней / Редкол. *Л. Б. Береговая, Е. Н. Дмитриева и др.* СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. 247 с.; ил.

Доступ ко всем сетевым ссылкам раздела проверен 12.09.2021.

ПРИЛОЖЕНИЯ I–II

Приложение I-1

Статистический отчет о детских садах по районам на 1 января 1940 года

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 438 (20 листов)

Районы	Всего садов	Отдела народн. образ.	Ведомств.	Групп всего	Всего детей по списку	Всего педагогов (завед. и восп.)	Из них		Обслуживающий персонал
							с высшим образ.	со средним образ.	
Василеостровский	35	23	12	80	2164	135	31	80	211
Володарский	38	15	23	106	2819	171	17	154	309
Выборгский	55	22	33	134	3710	246	30	147	382
Дзержинский	38	31	7	107	3211	125	34	91	286
Кировский	31	9	22	84	2190	152	18	65	254
Красногвардейский	42	16	26	101	2859	179	24	109	283
Куйбышевский	34	22	12	87	2576	166	36	101	243
Кронштадт	12	7	5	33	762	46	1	24	56
Колпино	4	1	3	12	303	15	-	5	24
Ленинский	39	18	21	106	2478	172	51	121	274
Московский	48	16	32	127	3560	261	50	231	430
Октябрьский	49	31	18	142	3959	235	44	132	405
Новый Петергоф	5	5	0	12	292	21	-	13	26
Петроградский	35	17	18	92	2499	154	17	137	232
Приморский	41	21	20	116	3237	241	29	153	340
Пушкин	9	9	0	19	478	34	2	21	42
Свердловский	32	17	15	47	1221	85	23	47	156
Смольнинский	44	23	21	118	3524	195	33	134	307
Фрунзенский	45	31	14	118	3547	199	27	122	328
ИТОГО:	636	334	302	1641	45 389	2832	467	1887	4588

Приложение I-2

Статистический отчет Ленгороно о детских садах на 1 января 1941 года

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 528 (3 листа)

Район	Число детских садов	Число групп	Число детей по списку	Заведующих и воспитателей	Прочий персонал
Василеостровский	18	43	1160	77	132
Володарский	12	41	953	59	131
Выборгский	20	47	1310	85	147
Дзержинский	32	90	2348	159	191
Кировский	7	23	614	42	76
Красногвардейский	16	39	1055	72	95
Куйбышевский	20	53	1449	91	136
Ленинский	17	44	1116	70	125
Московский	17	43	1192	78	113
Октябрьский	31	80	2053	141	263
Петроградский	17	49	1301	88	118
Приморский	22	71	1570	122	173
Свердловский	17	50	1295	80	135
Смольнинский	21	56	1524	110	149
Фрунзенский	26	75	2250	147	191
Колпино	1	2	50	3	6
Кронштадт	8	21	408	26	45
Пушкин	9	18	396	33	46
Петергоф	5	12	278	20	27
ВСЕГО	**316**	**857**	**22 322**	**1503**	**2299**

Приложение I-3

Приказ № 45 по Городскому отделу народного образования Исполкома Ленсовета депутатов трудящихся от 18 февраля 1942 г.

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 560 «Приказы Ленгороно № 1–157. 2 января 1942 — 4 июля 1942 г.» (180 листов). Л. 52

В целях улучшения обслуживания трудящегося населения города детскими учреждениями Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся принял решение о переводе всех детских садов на круглосуточную работу с обслуживанием в них до 70% детей интернатными группами. Представленный мне РОНО план развертывания интернатных групп, за исключением Володарского, Петроградского и Приморского районов, резко занижен и не обеспечивает выполнение решения Исполкома Ленгорсовета. В представленных планах отсутствуют календарные планы развертывания интернатных групп. Считая такое отношение к выполнению решения Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся нетерпимым, приказываю:

§ 1. Зав. РОНО в 3-дневный срок лично разработать план развертывания сети интернатных групп, обеспечивающий точное выполнение решения Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся от 8 февраля 1942 г. (решение № 61–26) и вынести их на утверждение исполкомов райсоветов депутатов трудящихся.

Утвержденные Райисполкомами Райсоветов депутатов трудящихся планы развертывания интернатных групп представить их мне немедленно.

§ 2. В соответствии с решением Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся о расширении сети интернатных групп в детсадах немедленно приступить к развертыванию интернатных групп с тем, чтобы вся сеть была развернута не позднее 25 февраля с. г.

§ 3. К оборудованию постельными принадлежностями и посудой вновь организуемых интернатных групп детских садов привлечь родителей детей, зачисленных в эти группы.

§ 4. Потребность в дополнительных кадрах ночных воспитателей покрыть за счет учителей начальной школы и учащихся старших курсов дошкольных педучилищ.

§ 5. Зав. дошкольным сектором Гороно т. Лавриковой обеспечить контроль за выполнением настоящего приказа и докладывать мне о выполнении его каждые 3 дня.

И. о. Зав. Ленгороно Левин

Приложение I-4

Сводные отчеты о контингенте детей в детских садах 15.01.1945—1.12.1945 г.

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 758*

Районы	Всего дет. садов	РОНО	Ведомственн.	Кол-во детей фактич.	Из них на даче	В том числе инт.	Детей фронтовиков
Василеостровский	31	17	14	2708	2217	124	2232
Володарский	25	9	14	2460	544	297	1803
Выборгский	42	13	29	3580	906	1245	1328
Дзержинский	33	23	10	2935	2067	25	800
Кировский	18	6	12	1794	1619	65	1315
Красногвардейский	42	17	25	3225	1075	1028	2268
Куйбышевский	38	24	14	2892	1915	45	2679
Ленинский	30	15	15	2455	1760	20	1970
Московский	30	14	16	2588	2091	242	2416
Октябрьский	38	21	17	3683	3293	95	3130
Петроградский	34	17	17	3288	2442	65	2542
Приморский	35	22	13	3100	2385	240	2675
Свердловский	25	11	15	2476	1870	76	2105
Смольнинский	37	22	15	3412	2020	50	2428
Фрунзенский	44	25	19	3576	2555	175	2172
Кронштадтский	10	6	4	946	545	0	480
Колпинский	1	1	0	65	0	0	60
Пушкинский	3	3	0	300	0	50	200
Петродворцовый	3	3	9	302	0	25	201
Общегород.	1	1	0	60	60	0	–
ИТОГО на 1 авг. 1945 г:	**521**	**270**	**251**	**45 865**	**29 364**	**3867**	**39 930**
Итого на 1 января 1945 г.	**435**	**251**	**184**	**37 730**	**29 784**	**7954**	**5093**
Итого на 1 января 1945 года по делу № 664*	435	251	184	38 935			
Итого на 1 декабря 1945 г.	**542**	**272**	**270**	**40 902**	**0**	**9682**	**Не учитывали**

* За указанный период заметен резкий рост числа детских садов, как принадлежащих районным отделам народного образования, так и ведомственных. Число детей также ежемесячно увеличивалось. До 1 сентября 1945 года в списках отдельно выделяли детей фронтовиков

** Ф. 5038. Оп. 3. Д. № 664 — приводятся несколько иные сведения, но отличия не принципиальные.

Приложение I-5

Приказы Ленгороно № 1—157 (180 листов). Л. 130—131

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 569

Коллективу работников 38 д/д (детского дома) Куйбышевского района

Дорогие товарищи!

Побывав на Вашем прекрасном во всех отношениях детском первомайском празднике, не могу не выразить свое глубокое удовлетворение Вашей материнской заботой о детях и любовным отношением к порученной работе. Трогательное внимание, с которым вы отнеслись к организации праздника, сделав его интересным и радостным событием для коллектива, особенно ценно сегодня, в суровые дни нашего города-фронта. Праздник заслуженно доставил большое удовольствие. Несмотря на непродолжительный срок работы Вашего детского дома, Вы добились серьезных успехов. Желаю Вам в дальнейшем также хорошо работать!

Зав. Ленгороно Левин

Приказ № 112
по Ленинградскому городскому отделу народного образования Исполкома Ленинградского совета депутатов трудящихся

1 мая 1942 г.

За прекрасно организованный, интересный и радостный детский праздник объявляю благодарность с занесением в трудовой список коллективу воспитателей и зав. детским домом № 38 Куйбышевского района тов. Сержантовой.

И. о. зав. Ленгороно Левин

Приказ № 207 от 18 августа 1942 г.

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 541

§ 1. Проверкой состояния и работы детского сада № 11 Свердловского района (произведено инспектором Гороно т. Сосим и методистом дошкольного методического кабинета т. Харлаб 5 августа 1942 г.)

УСТАНОВЛЕНО:

1. Состояние детсада неудовлетворительно: полы грязные, вещи лежат не на своих местах, в бельевом шкафу беспорядок, нет индивидуальных гнезд.
2. Оборудование ни по количеству, ни по размерам и типу не соответствует требованиям, предъявляемым к нормальному обслуживанию детей.
3. Планы воспитателей педагогически неграмотны, с орфографическими ошибками, совершенно не отражают содержания и учета воспитательной работы.
4. Культурно-гигиенические навыки детей не на высоте.
5. Большинство детей имеют истощенный вид. Дети недостаточно подвижны. По записям в медкарточках фиксируется очень медленное восстановление здоровья детей.
6. В организации обслуживания детей питанием допускаются грубые нарушения установленных норм. Суточные нормы отпускаемых на детей продуктов на вторую декаду июля были снижены. Например, масла вместо 49 г — 22 г, крупы вместо 66 г — 57 г, мяса вместо 50 г — 30 г.

§ 2. За неудовлетворительное руководство работой детсада и допущенные грубые нарушения в организации детского питания заведующего детсадом № 11 тов. Тюльпанову с работы снять.

§ 3. Указать зав. РОНО т. Скрабову на неудовлетворительный контроль со стороны РОНО за работой детсадов и обязать в двухдневный срок направить для ревизии финансово-хозяйственной деятельности детсада № 11 ревизора-бухгалтера.

О результатах доложить мне.

Зав. Ленгороно Левин

Приказ № 270
Исполкома Ленсовета от 26.11.1942 г.
по Городскому отделу народного образования

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 562
«Приказы Ленгороно № 234–445»

...Подведение итогов соцсоревнования, приуроченного к 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, показало целый ряд районов, детских учреждений и людей, давших высокие результаты работы. Работники дошкольных учреждений Ленинграда в истекший год войны проявили исключительную активность, самоотверженность

и настойчивость в преодолении трудностей, стоящих перед ними.

За высокое качество работы детских садов в период Отечественной войны и хорошую подготовку к второй военной зиме Володарский район представлен к премированию и вручению переходящего Красного Знамени Ленгороно и Обкома союза дошкольных работников. За хорошее качество работы детских садов в период Отечественной войны и хорошую подготовку к зиме 1942/43 гг. представляю для премирования Выборгский и Фрунзенский районы. За хорошие показатели дошкольной работы, достигнутые в Куйбышевском и Московском районах, представляю их для премирования.

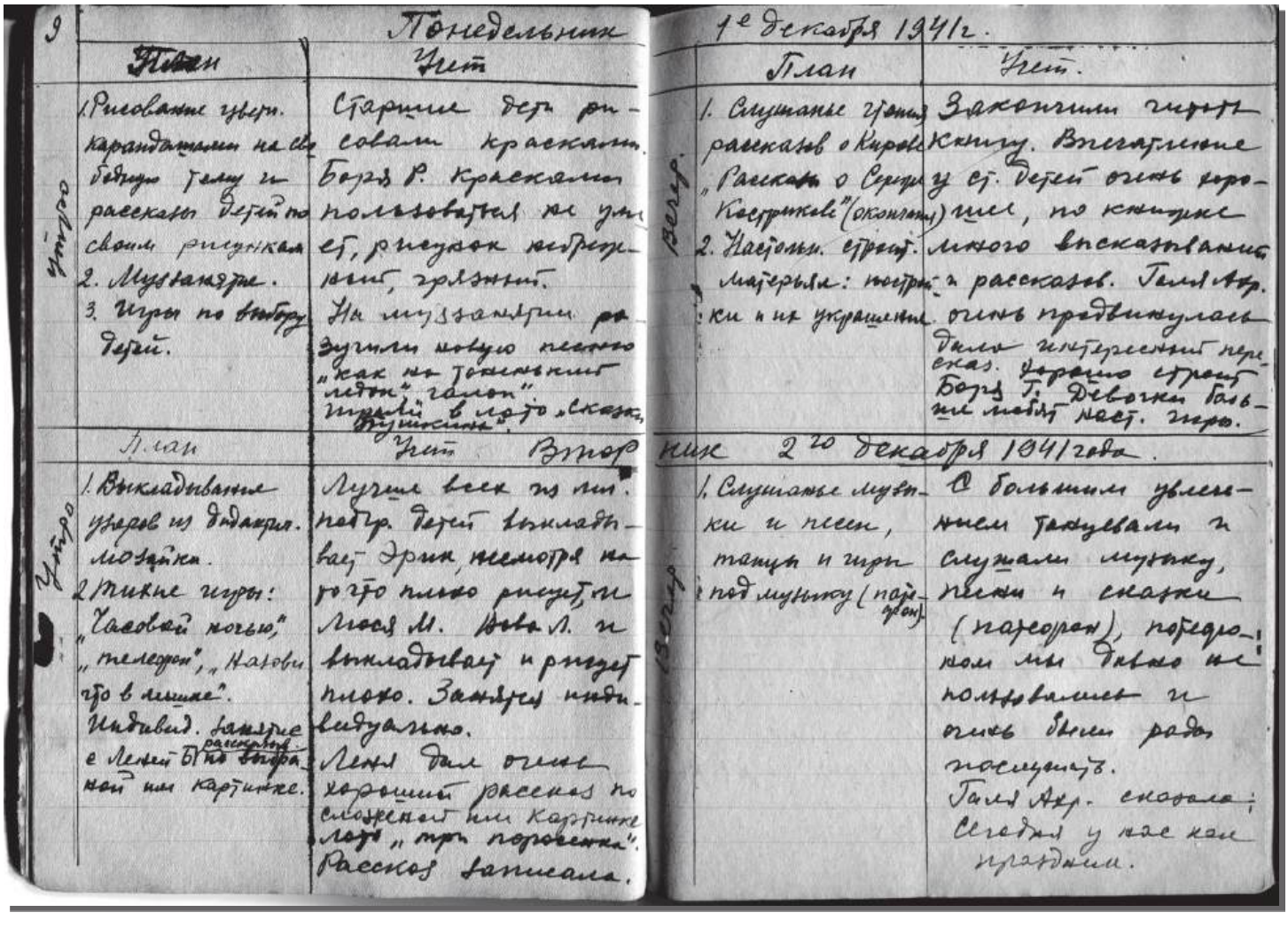
На вручение грамоты Ленгорсовета представляю детские сады № 3 Дзержинского района, № 3 Куйбышевского района, № 20 Петроградского, № 32 Свердловского, № 20 Фрунзенского, № 9 Ленинского района (с ФИО заведующих детсадов)*.

* В приказе к награждениям представлено также 55 работников детских садов (директор детского дома, прачка детского сада, уборщица детского сада, воспитатели, повара, заведующий хозяйством, музыкальный работник).

Приложение II-1

Из плана работы детсада № 38 Смольнинского р-на, декабрь 1941 г.

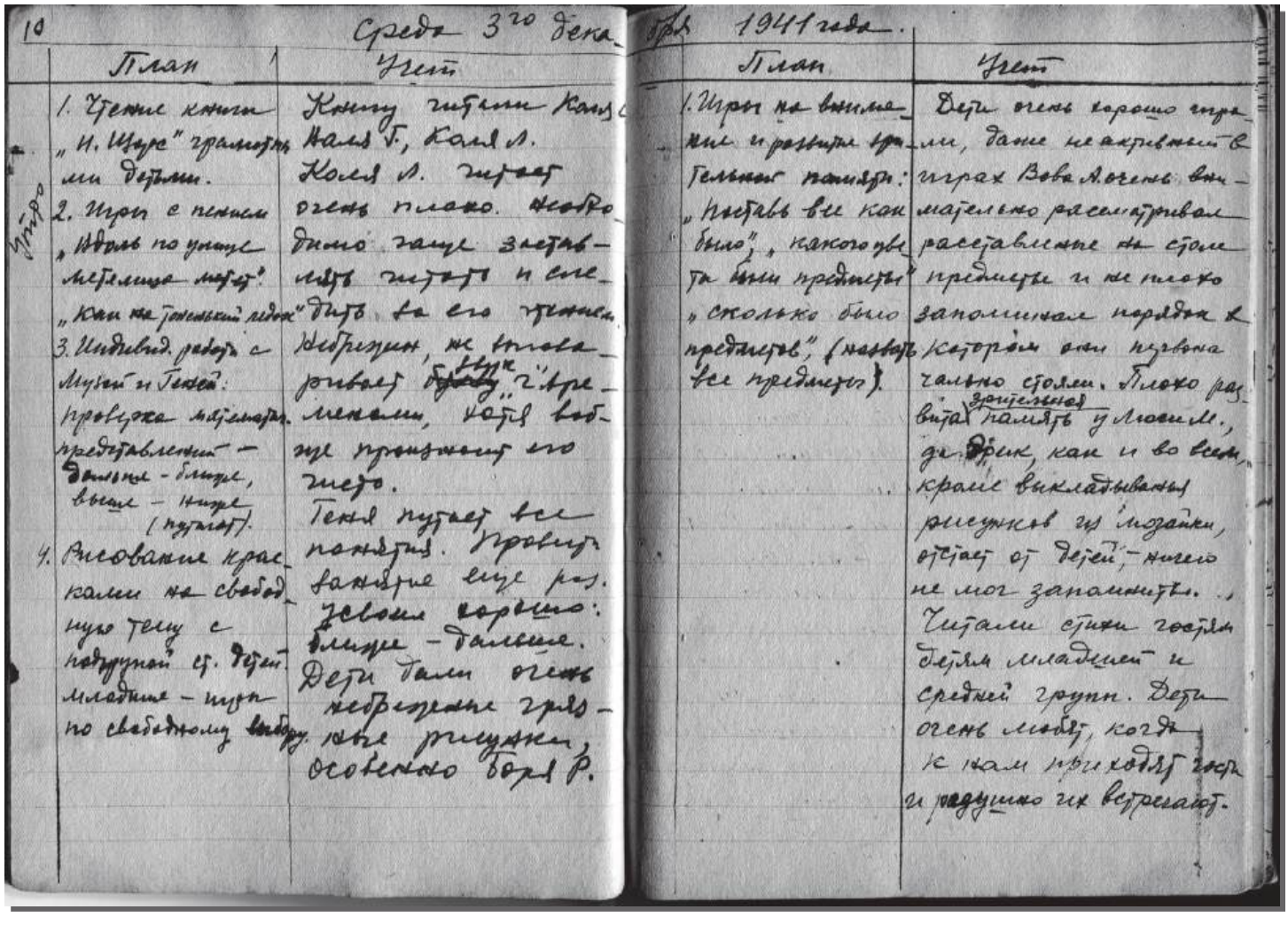
ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17



9

Понедельник 1-е декабря 1941 г.

	План	Учет		План	Учет
Утро	1. Рисование цвет. карандашами на свободную тему и рассказы детей по своим рисункам 2. Музыкальное. 3. Игры по выбору детей.	Старшие дет. рисовали красками. Боря Р. красками пользоваться не умеет, рисунок неряшлив, грязный. На музыкальном разучили новую песню „как на тоненький ледок" голоп" играли в игру „сказка, Пушкина".	Вечер.	1. Слушание грим. рассказов о Кирове „Рассказ о Сергее Кострикове" (окончание) 2. Наблюд. стрит. лит-ры: построй. и рассказов. и их украшение	Закончили чтение книги. Внимательно слушали дет. детей очень хорошо, по книжке много вспоминали рассказов. Галя Ахр. очень продвинулась дала интересный пересказ. Хорошо строит Боря Т. Девочки больше любят наст. игры.
	План	Учет Вчера		ние 2-го декабря 1941 года.	
Утро	1. Выкладывание узоров из дидакт. мозаики. 2. Тихие игры: „Часовой ночью", „телефон", „Найди где в лесу". Индивид. занятие с Лелей Б. по выбранной им картинке.	Лучше всех по ним. подгр. детей выкладывал Эрик, несмотря на то плохо рисует, и Люся М. Вова Л. и выкладывал и рисует плохо. Занятия индивидуально. Лена дала очень хороший рассказ по сюжетной им картинке „Три поросенка". Рассказ записала.	Вечер	1. Слушание музыки и песен, танцы и игры под музыку (пар-ден)	С большим увлечением танцевали и слушали музыку, песни и сказки (пересказ), потом играли мы давно не пользовались и очень были рады послушать. Галя Ахр. сказала: Сегодня у нас как праздник.



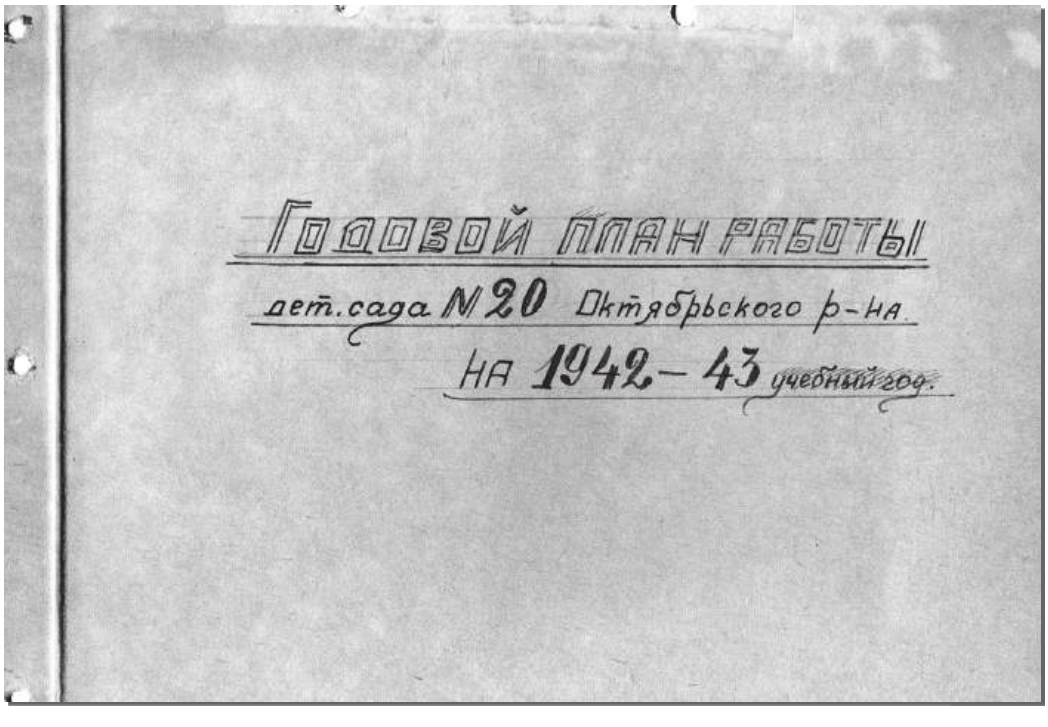
10 Среда 3го дека... 1941 года.

План	Учет
Утро 1. Чтение книги „И. Шуре" группами детьми. 2. Игра с пением „Вдоль по улице метелица метет" „Как на горенки лёдок" 3. Индивид. работа с Мусей и Геней: проверка умения представлять — дальше - ближе, выше - ниже (пугало). 4. Рисование красками на свободную тему с подгруппой ст. дет. младшие - игра по свободному выбору.	Книгу читали Коля Г., Коля Л. Коля Л. играет очень плохо. Необходимо чаще заставлять играть и следить за его темпом. Небрежен, не внимателен, дети не признают его игры. Геня пугало все показывает. Упражнение надо еще раз. Задание хорошо: ближе - дальше. Дети были очень небрежные рисунки, особенно Боря Р.

План	Учет
1. Игра на внимание и развитие зрительной памяти: „Назвать все как было", „какого цвета были предметы" „сколько было предметов", (назвать все предметы).	Дети очень хорошо играли, даже не активные в играх Вова Л. очень внимательно рассматривал расставленные на столе предметы и не плохо запомнил порядок в котором они назвали. Плохо развита зрительная память у Люси М., да Эрик, как и во всем, кроме выкладывания рисунков из мозаики, отстает от детей, - ничего не мог запомнить. Читали стихи Гете для детей младшей и средней групп. Дети очень любят, когда к нам приходят гости и радушно их встречают.

Из плана работы детсада № 20 Октябрьского р-на, 1942/43 г.

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1



Годовой план работы

дет. сада № 20 Октябрьского р-на

на 1942 – 43 учебный год.

Детский сад №20, после приезда с дачи, занял другое помещение по адресу: ул. Дзержинского дом № 1/8 кв. 9, совершенно не приспособленное для дет. сада, с темными коридорами, с сан-узлом, малым по своим размерам и кухней наполовину занятой плитой.

В окнах стекла в своем большинстве выбиты. Помещение грязноватое, окраска панелей темно голубовато-зеленоватая, что не является привлекательным для глаза.

После попавшего в крышу снаряда над помещением дет. сада, имеется трещина, печи не в порядке, дымоходы имеют на чердаке трещины, но незначительные, один дымоход совершенно разрушен. Водопровод и канализация не работают.

Полы паркетные, но плохие, гнилые, много выбитых частей. Электропроводка плохая, сделано все очень неряшливо, в каждой комнате висят длинных шнурки с патронами.

Лестницу дет. сад имеет общую с жильцами дома, содержится грязно. Вход один.

Дет. сад расположен в 3-ем этаже, окон 29, которые выходят на ул. Дзержинского и на пл. Рошаля; виден сад трудящихся и площадь Урицкого. Вид из окон очень красивый. Комнат - 14, метраж дет. сада весь 3[illegible] по домовому фонду 320 кв. метра

общего пользования имеют метраж.

Кухня и сан-узел находятся в одном конце коридора, что является большим неудобством в распределении помещения, к тому же большие комнаты, так же расположены по этому же коридору.

Участка нет, местом для прогулок будет сад Трудящихся, где можно развернуть работу в зимнее время

Бомбоубежище имеется, но небольшое, которое необходимо приспособить.

Дет. сад имеет по смете 150 чел. детей.

Приложение II-2

Из отчета дошкольного детского дома № 60 Смольнинского р-на (Кирилловская ул., д. № 4) за время с 1 марта по 15 июля 1942 г.

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОСПИТАННИКОВ

Архипова Паня поступила в детский дом с дистрофией в 3 степени. Девочка совершенно не открывала глаз, не могла ходить, совершенно не говорила, не понимала окружающих предметов, не понимала, что ей говорят. По прибытии в детдом девочке сразу же был предоставлен особый уход со стороны врача и по развитию со стороны воспитателя. Было назначено усиленное питание, строго соблюдался режим, особое внимание было уделено по развитию речи, т. к. было просто впечатление, что ребенок ни ходить, ни говорить не умеет. Затем девочка постепенно стала вставать на ножки, говорить кое-что, улыбаться, и вот уже теперь ребенок похож на остальных здоровых ребят. Бегает, играет, кричит, смеется и бойко иногда говорит.

Алексеев Петр. — Мальчик поступил из больницы, где пролежал около семи месяцев, раненный в голову в Саблине. Где находятся родители — неизвестно. Помимо раны, которая гноилась, имелась еще довольно большая опухоль во рту, по-видимому, цинготного происхождения. Мальчик был очень дружен с Валяевым, который в больнице научил его ходить. Здоровье мальчика теперь восстанавливается. Повязка с головы снята, раны на голове затянулись, хотя их приходится промывать. Опухоль во рту, благодаря улучшенному питанию, полосканиям, почти совсем опала. Мальчик — один из спокойнейших в группе. Ранение не привело к психической травме. Больше всего интересуется спокойными играми. Не читает и не интересуется книгами и занятиями. Память плохая. Возможно, что это является временным явлением в связи с головным ранением. В последнее время дружба с Валяевым несколько охладевает.

Валяев Владимир поступил из больницы, где пролежал 8 месяцев, имея 7 ранений на ногах. Ранен был под Новгородом во время воздушного налета. Отец пропал без вести, двое братьев убиты, один умер от ран, сестра до сих пор лежит в больнице, выздоровевшая мать, чрезвычайно истощенная, служит в больнице им. Раухфуса. Пережитые ужасы оставили глубокий след в психике ребенка: при воспоминании о прошлом начинает дрожать, глаза наливаются слезами, к горлу подкатывается комок...

От своих ран мальчик совсем оправился, куски дерева больше не выходят, все прекрасно зажило, и на днях Вова с гордостью подзывает меня к постели и показывает радостно, как все великолепно затянулось. Ходит теперь быстро и хорошо. Только легкое прихрамывание, еле заметное для глаза, свидетельствует о прошлом. Пользуется из всех мальчиков большей любовью ребят. Девочки относятся к нему с уважением. Перешел в 3-й класс. Обладает неплохой памятью, но особенной склонности к занятиям не наблюдается. Очень любит кататься на лошади и автомобиле, находящихся среди игрушек младшей группы. Был очень дружен с Петей Алексеевым, теперь дружба несколько охладела, и мальчик находится под влиянием Вовы Федорова.

Деич Сарра — 8 лет. Поступила в детдом в мае мес. Прибыла из распределителя. Девочка была очень слаба, почти не ходила, так как была больна цингой. Лицо ее было по-старушечьи сморщено, рот впалый, десны страшно распухли и кровоточили, на ногах огромные цинготные язвы, особенно на коленях. С первого дня проявила некоторую неуживчивость характера и была встречена ребятами довольно враждебно. Благодаря соответствующей работе, проведенной с ней и с ребятами, отношения между девочкой и группой совершенно нормальные. Для восстановления здоровья девочки она была посажена на усиленное питание и получала пищу 5 раз в день. В настоящее время она немного прибавила в весе, лицо округлилось, появились ямочки на щеках, десны перестали кровоточить, болячки зажили. Девочка не только ходит, но и великолепно прыгает на скакалке и является в этой области чуть ли не чемпионом по детдому. Обладает хорошей памятью, заучивание длинных стихотворений дается ей легко. Из игр предпочитает лото.

Касаткин Евгений — 8 л. Поступил в марте. Внешний вид производил тяжелое впечатление. Сгорбленный, с потупленным взором, голова и лоб ненормально развиты, вся кожа головы, щек и тела сморщилась, шелушилась и покрыта коричневыми пятнами, из носа постоянно текло. Помимо этого, мальчик страдал недержанием мочи. Не проявлял ни к чему никакого интереса. Злобно относился к ребятам и проявлял сухой эгоизм, и очень беспокоился о своем здоровье.

Аккуратно прогуливался и делал утреннюю зарядку, ибо это полезно для здоровья. Страшно неряшлив, даже не умел мыть руки и уши. Болел коклюшем, а затем был посажен на усиленное питание. Теперь мальчик изменился к лучшему. Физически значительно окреп, свидетельством чего является совершенно сухая постель. Кожа стала более гладкой и менее шелушится. Хорошо и даже быстро ходит. Стал менее злобен и приобрел даже покровителя в лице Лени Широкова. Правда, к чтению и к каким-либо другим умственным занятиям по-прежнему не проявляет никакого интереса, зато полюбил рисование. Считаю, что по своему возрасту он в умственном отношении отстает по сравнению с другими ребятами.

Ляшникова Галина поступила в 60-й детдом в 1942 году в марте мес. Девочка поступила в детдом очень слабенькой, дистрофия была в 3 степени, не ходила, очень плохо говорила, большую часть дня лежала, так как совершенно не могла сидеть. Плакала, капризничала, с детьми не ладила. Во время пребывания в детдоме Галя была на усиленном питании, был уделен особый уход воспитателя и врача. Благодаря режиму и особому уходу девочка стала постепенно поправляться, и теперь уже Галя вполне нормальный ребенок, веселая, полненькая, играет с товарищами, бегает в садике, любит своих подруг и ее любят.

Михайлов Николай. У мальчика была дистрофия во второй степени, был слабенький, плохо говорил, очень неразвит, капризничал, плохо относился к своим товарищам, не играл, всегда стоял где-либо в уголке один, всех дичился. Врач назначил Колю на усиленное питание, воспитатели уделяли Коле особое внимание путем подбора ему игрушек его любимых, подбором чтения и рассказывания сказок, бесед. Коля благодаря усиленному питанию окреп здоровьем, стал полным и краснощеким и благодаря занятиям с ним по развитию речи стал заметно развиваться. Он уже играет в коллективе, разговаривает со старшими товарищами, мальчик любит очень ласку. Часто спрашивает: «А вы любите меня?»

Мышак Алексей — 9 лет. Поступил в марте месяце. Отец умер от истощения, мать находилась в больнице. Мальчик был не только физически крайне истощен, но и страшно грязен. Вся голова и одежда были покрыты огромным количеством вшей, руки были покрыты цинготными язвами. Ребенок интеллигентных родителей, которые, по-видимому, уделяли много внимания его развитию. Мальчик был страшно привязан к матери и по ночам вскакивал и голышом бегал к ней. Для восстановления здоровья был посажен на усиленное питание. Больших трудов стоила ликвидация вшивости мальчика. Теперь мальчик физически окреп, хотя в весе прибавил немного. Цинготные ранки на руках зажили. Болезненная жадность к пище почти исчезла, и даже иногда отказывается от нелюбимой им пшенной каши. Обладает прекрасной памятью, хорошо декламирует и очень хорошо читает. Любознателен, очень интересуется походами Суворова и др. полководцев. Более дружен с девочками, нежели с мальчиками, всегда вежлив и ищет ласки.

Широков Алексей — 8 лет. Поступил в апреле месяце в состоянии крайнего физического истощения, цвет лица мальчика был зеленовато-серый, безучастный взгляд, вялый, полное отсутствие каких-либо детских интересов и безучастное отношение ко всем окружающим явлениям. Физическая слабость дошла до такого состояния, что ребенок страдал недержанием мочи и кала. Последнее обстоятельство приводило к тому, что здоровые ребята чурались его и старались спать в некотором отдалении от его постели. В настоящее время мальчик в буквальном смысле слова переродился физически, а вместе с физическим перерождением пришло и психическое возрождение. Постель совершенно чиста. Злополучная клеенка была торжественно предана «аута-да-фе». В течение полутора-двух месяцев ни одного «несчастного случая» не произошло. Появился румянец на щеках, взгляд черных глаз стал веселым и жизнерадостным. Болезненное стремление к пище исчезло, и перестал околачиваться около кухни.

Теперь мальчик часто смеется, проявляет презрительное отношение к «девчонкам» и покровительствует более слабому Жене Касаткину. Увлекается кино. Проявляет большой интерес к историческим кинофильмам, часто ведет разговоры о царе Павле I, Петре I и др. темы. За время пребывания в детдоме прибавил в весе...

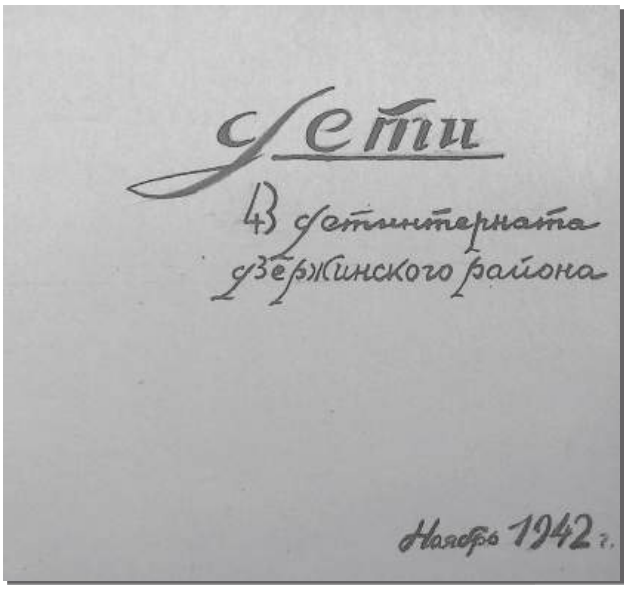
* * *

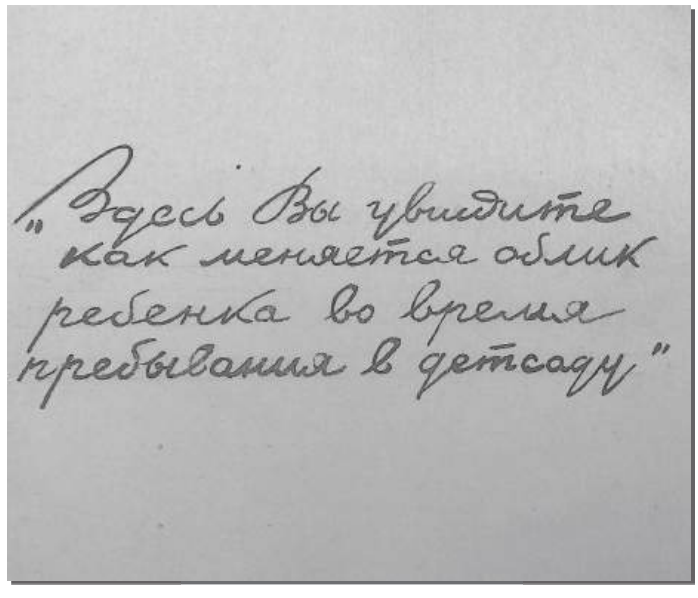
...Само собою понятно, что 60-й детский дом не является лучшим, но коллектив детского дома с гордостью может сказать: «Мы работали честно, не жалея своих сил и времени, мы старались оправдать доверие правительства и партии, поручивших нам воспитание детей воинов нашей Красной Армии, защищающих нашу независимость, наш прекрасный Ленинград от нападения озверелых бандитов». Коллектив работников 60-го детского дома заверяет, что он и в дальнейшем будет вести работу с детьми с еще большим энтузиазмом, если ему и в дальнейшем будет доверено это великое и почетное дело — воспитание детей партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА.

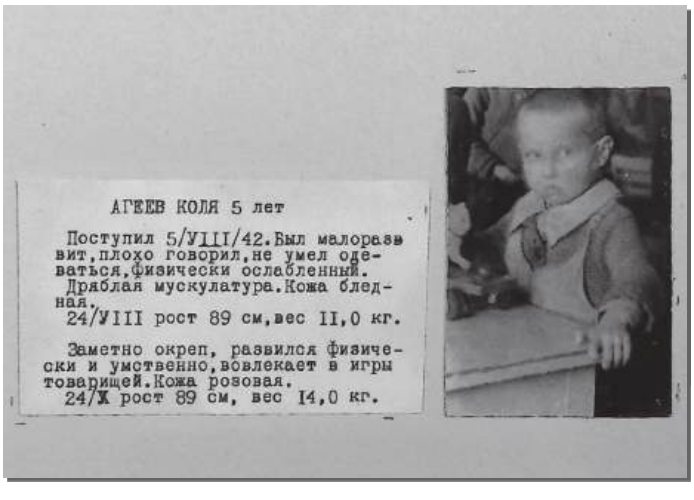
Директор 60-го детского дома
Смольнинского района Кийс Ф. А.

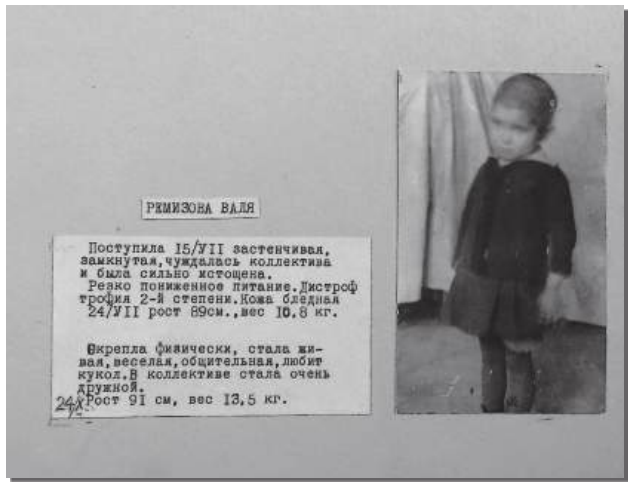
Приложение II-3

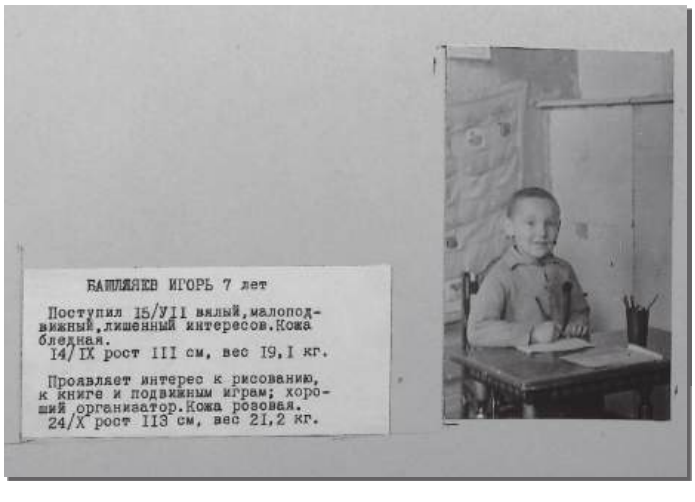
Материалы из фотоальбома детского сада № 21/детинтерната № 43 Дзержинского р-на (ул. Чайковского 45), зав. Зеленкова Елена Владимировна, ноябрь 1942 г.











МОЛЕКОВ СЕРЕЖА 4 года

Поступил 15/VII, передвигался с посторонней помощью, интересы ограничены. Отечность ног, кожа удовлетворительная.
14/IX рост 92 см, вес 13,4 кг

Круг интересов у Сережи заметно расширился / корабли, жуки, цветы, различные подвижные игры/. Вполне здоров. Кожа розовая.
21/X Рост 94 см, вес 15,2 кг.

Дети „в труде и игре"

Лена Горбатова в свободной пляске

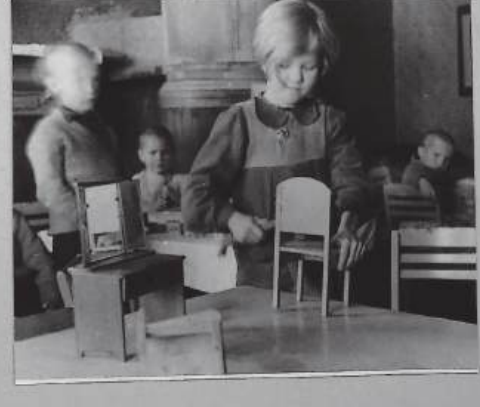
Игорь Башляев рисует

Саша Фридман
рассказал сказку и ждет аплодисментов

Дежурная Зоя Эглид
ей аплодировать некогда, но работа не мешает слушать продолжение.

Маликов Сережа за игрой

Юра Федосеев
читает и чинит книги с одинаковым интересом



всякая вещь требует ремонта.
Наташа Титова это хорошо усвоила

Дежурные младшей группы
при исполнении своих обязанностей

Мане Некрасовой и Нине Андреевой
совсем не скучно мыть посуду

Старшая группа.
За рукоделием

Дети старшей группы
за свободными занятиями

„Как бороться д/сад за восстановление сил ребенка"

Воспитательница
выносит на прогулку
ослабленную
Иру Шадхину

Ослабленный Витя Будцев
проводит тихий час.

Приложение II-4

О состоянии работы дошкольных детских домов г. Ленинграда на 15 мая 1942 г.

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1

Составлен на основании обследовательского материала, представленного инспекторами дошкольного сектора Ленгороно, произведенного ими в срок с 22/IV по 1/V 1942 г.

Сеть

Всего в Ленинграде дошкольных детских домов — 32 (сеть прилагается) с количеством мест в них 4100. Кроме того, есть смешанного типа детские дома: так, в Смольнинском районе — Тверская ул., дом № 11, в детском доме Ленгороно в апреле месяце были организованы 2 дошкольные группы для детей, прибывших из г. Колпино. Во Фрунзенском районе в детском доме № 55/61, ул. Правды, 20 имеются 2 дошкольные группы. В этом же районе на Подольской, в школьном детском доме также имеется 2 дошкольные группы. В Выборгском районе при детском доме (дир. Андреев) создан филиал на 2 группы дошкольников. В первый период организации детских домов строго возрастного принципа не придерживались, чтобы не разлучать осиротевших детей одной семьи. Поэтому и в дошкольных детских домах были дети школьники и даже ясельники, как единичные случаи.

В интересах правильного физического воспитания и педагогической работы необходимо для дошкольников создавать четкий режим, что трудно в современных условиях проводить в школьных детских домах. Поэтому необходимо из школьных детских домов вывести дошкольников в дошкольные детские дома. Временно, как исключение, оставить филиал детдома Выборгского района.

Большинство детских домов возникло после 6 месяцев Отечественной войны, так, за ноябрь-декабрь возникло 4 детских дома; январь 7 детских домов; февраль 12 детских домов. Некоторые детские дома создавались по инициативе самих заведующих детских садов. Так, тов. Николаева М. Н., заведуя 12-м детским садом Василеостровского района (12 линия, дом 23), поняла, что детям, которые потеряли родителей, она должна создать такие условия, чтобы дети смогли здесь найти свой дом. Из трех этажей своего особняка тов. Николаева выделила первый этаж для детей детского дома, оборудовала его, и как только дети оставались одинокими, не переводила их в другие учреждения, а перемещала этажом ниже; вместе с ними и пришли сюда лучшие воспитательницы детского сада. Это свидетельствует о чутком, материнском отношении к детям.

Во Фрунзенском районе РК ВКП(б) дал задание директорам предприятий создать семью для осиротевших детей. В ответ на этот призыв 2-я кондитерская фабрика (директор т. Пастухов), выделив лучших своих работников и отведя помещение б. конторы, создала детский дом на 30 ч-к детей. Характерно, что в числе этих детей совсем не было детей рабочих данного предприятия, а заботу фабрика проявила о них, как о собственных детях. Также были созданы детские дома в этом же районе фабриками «Ленжет» и «Большевичкой». Большинство детских домов было создано районными отделами народного образования.

Помещения

Лучшие детские дома с наиболее приспособленными помещениями, которые важно сохранить как дошкольные детские дома на ближайший период:

1.	№ 63 — 12 линия, 23	на 100 чел. детей
2.	№ 43 — Малоохтинский пр., 55	на 150 чел. детей
3.	№ 19 — Гурдина, 16	на 150 чел. детей
4.	№ 3 — Озерный пер., 1	на 120 чел. детей
5.	№ 38 — пр. Володарского, 60	на 100 чел. детей
6.	№ 44 — Бронницкая ул., 32	на 150 чел. детей

Целую группу детских домов необходимо срочно вывезти в связи с отсутствием при них бомбоубежищ и ликвидировать в них детские учреждения. Это след.:

1. № 70 (Б. Пороховская, 30/2) — помещается в 3-х этажах, бомбоубежище залито и при откачке не дает результатов. Сохранить помещение под детский сад.
2. № 20 (8-я Красноармейская, 14 б) — школа, бомбоубежище залито водой.
3. № 77 (Ковенский пер., 12) — темное, неприспособленное помещение в 3-х этажах, маленькое бомбоубежище, сырое.
4. Новоладожская, 2 — внутри фабрики помещается ФЗУ, убежище залито водой.
5. Полевая аллея, 45 — нет совсем бомбоубежища, окружение неблагоприятное.
6. Демидов пер., 1 — школа пострадала от бомбардировок.

Остальные помещения по вывозу детских домов необходимо использовать под детские

сады. Для детских домов отданы были помещения школ, мало приспособленные для детей дошкольников, огромные комнаты, бесконечные холодные коридоры, отсутствие кухонь и т. д. Однако многие директора детских домов приложили много усилий, стараний, энергии, чтобы создать хорошие условия для детей. И главной их заботой было утеплить помещения, чтобы сохранить жизнь детей. Тепло сыграло огромную роль в сохранении жизни детей; установлены были печки чугунные, кирпичные, железные, где какой материал удалось приобрести.

Коллектив детей

Детские дома имеют различный контингент детей: от 30 до 200 человек. Наиболее типичным является детский дом на 150 человек. Однако в условиях города-фронта существование маленьких детских домов на 30–50 человек оправдывает себя, т. к. в данных случаях нет сосредоточенности большой массы детей, что является положительным фактором. В небольшом коллективе детей наиболее обеспечен каждый ребенок индивидуальным уходом, что исключительно важно для таких ослабленных детей, каких принимали в декабре-январе-феврале. При проявлении малейшей попытки и возможности больного ребенка встать с постели и принять участие в занятиях детей педагогический коллектив старался создать все условия, чтобы вернуть к жизни ребенка, т. к. проявленный интерес свидетельствовал о проявлениях жизни.

В детских домах распределялись дети в определенный период не по возрастному принципу, а исходя из состояния здоровья. Отводились большие комнаты для лежачих детей, для них создавался и другой режим. В подавляющем большинстве детских домов группы перегружены из-за отсутствия кадров.

Внешний вид детей

Почти во всех детских домах дети чистые, опрятно одетые. Особенно хорош внешний вид детей в детских домах: 12 линия Васильевского острова, д. 23 (директор Николаева), дети не острижены наголо, а почти у всех детей прически, здесь часто бывает парикмахер. У детей платьица, костюмы светлых веселых тонов: и голубые, и розовые, и желтые. В детском доме белую фланель сами работники красят в разные цвета и шьют одежду не по стандарту, а придумывают, какого фасона платьица сделать. Одежда играет большую роль в жизни человека, а тем более ребенка. Веселая одежда поднимает его дух, радует, доставляет удовольствие.

В детском доме Литейный пр., 60 (директор Сержантова) детям пошиты халатики с белыми воротничками и бантами, которые очень украшают и радуют детей. Неопрятно одеты дети в детских домах: № 40, № 24 (Карповка, 34). Дети детского дома 2-й конфетной фабрики (Лиговская ул., 52) очень чистенькие, опрятные, но мальчики одеты в платья девочек, т. к. РОНО все время засылает сюда мальчиков, а одежду дает на девочек.

Баня

Проводится в большинстве случаев в самих детских домах, в групповых, где теплее всего, в 10 дней 1 раз или в 7 дней 1 раз. В момент обследования по детскому дому Марата, 78 фабрики «Ленжет» было установлено, что дети не мылись целый месяц. Молодая, еще малоопытная директор т. Богданова не сумела мобилизовать коллектив на стирку белья, т. к. сама не показала примера, в результате и мытья детей организовать не могла. Санитарно-гигиеническое состояние детей зависит от условий, созданных в детских домах.

Инвентарь

Обеспеченность мягким инвентарем недостаточная. И твердым оборудованием некоторые детские дома не обеспечены. В детдоме № 40 (5-я линия, д. 16) дети спят по двое и на столах, т. к. нет кроватей. В детдоме № 51 (Новолитовская, д. 7) недостает столов и стульчиков, дети принуждены обедать в постелях. Кроватей всего лишь на 160 человек, а РОНО считает его на 200 ч-к. В детдоме № 70 (Б. Пороховская, 30/2) мебель не детская. Плохо обеспечены инвентарем мягким и жестким следующие детдома: № 50 (Жданова улица, 23); № 37 (ул. Толстого, 10); № 24 (Карповка, 34); № 42 (Карповка, 34), № 53 (Демидов пер., 1), № 5 (Театр. пл., директор Зыкова); Марата, 78 «Ленжет»; Боровая, 26; детский дом № 29 (Смольный 1/3), № 20.

В детдома № 3, № 47 и др. дается одежда больших размеров, которую обязательно нужно переделывать. Плохо обеспечены некоторые учреждения обеденной и чайной посудой; питание происходит в 2–3 смены в детдомах: № 40, № 58, № 83, № 19, № 70, № 29, № 23, № 34, № 50, № 37, № 53, № 5 и др. уч. В детдоме № 54 чай пьют из глубоких тарелок. Только некоторые учреждения быстро создают условия для нормального проведения режима в учреждениях.

Питание

За последний месяц получение продуктов с базы соответствует нормам, но строится питание в разных учреждениях по-разному. Так, в некоторых учреждениях меню разнообразное благодаря стараниям и изобретательности поварихи. В детдоме № 23 (директор Фельдблюм) крупы даются в виде каши, котлет, запеканок, гарнира к мясным блюдам и т. д. Меланж употребляется в виде гоголь-моголя, омлета, яичницы, блинчиков, начинки в пирог и т. д.

В детдоме № 38 (проспект Володарского, 60) при отсутствии на базе кофе овсянку, лапшу, сухарики пережариваются, мелют, и дети имеют кофе с молоком (молоко получают бесперебойно). Каждый выходной день в детдоме праздничное питание: обязательно что-либо пекут для детей, и увеличивается количество сладостей.

Часто по просьбе детей делается меню или намечаются отдельные блюда для отдельных детей. Ребенок не хочет хлеба, но любит сухарики. Большие дети часто просят сменить питание — здесь стараются удовлетворить желания детей. По большинству детдомов питание довольно разнообразное. Контроль за питанием в учреждениях осуществляется директором, врачом, сестрой; общественного контроля по-настоящему в учреждениях нет.

Режим дня

В большинстве учреждений режим дня общий для всех детей, питание 4-разовое. В детдомах № 63 (12 линия, 23), № 38, № 23 питание только 3-разовое. В детдоме Бронницкая, 32 режим разработан для всех возрастных групп. В некоторых учреждениях дети совершенно не бывают на воздухе из-за отсутствия одежды и обуви (детдом фабрики «Большевичка»). В детдоме Лиговский, 55 (кондитерская фабрика) дети все время проводят на воздухе, даже после завтрака нет никаких занятий. И сразу дети идут гулять. То же после обеда. После обеда не все дети спят. Так, в детдоме № 40 сон послеобеденный только для малышей. В детдоме Марата, 78 фабрики «Ленжет» не все дети спят днем, мала спальня, а использовать прилегающую комнату и выдвинуть туда кровати не догадались. Учитывать состояние здоровья детей, сон необходимо организовать во всех детских домах.

Педагогическая работа

Большинство учреждений совершенно недостаточно обеспечены пособиями и игрушками... Нормальные условия для работы в следующих учреждениях: детдом № 63 (директор Николаева), детдом № 19, № 70, № 29, № 23, № 38, № 34, № 5, Бронницкая, 32; Марата, 78. Систематически планируется работа в детских домах: № 38, № 34, № 56, № 65, № 26, № 42, № 53, № 5, Бронницкая, 32, № 63, 51, № 70, № 3. Озерный, 1. В остальных учреждениях или не планируется вовсе или не систематически. Нужна особенно глубокая педагогическая работа с детьми, чтобы дети забыли тяжелое пережитое и снова стали детьми.

Глубоко продумывает свою работу директор Сержантова. Она постоянно анализирует свою работу, исправляет ошибки, помогает педагогам, наблюдая за детьми и подсказывая, что необходимо для детей. Например, спланированный с воспитателями первый день работы с детьми: радостная встреча и прием с музыкой не оправдал их намерения развеселить детей. «Мы вынуждены были закрыть рояль, так как он раздражающе действовал на детей, которые со слезами на глазах, грустные и печальные, жались к печке».

Создав условия, чтобы дети ожили: дав исключительное тепло во всем помещении, хорошее сытое питание, коллектив строил педагогическую работу на основе детских интересов, отвлекая детей от воспоминаний, пережитых в условиях войны. Заведующая подсказывает педагогам индивидуальный подход к детям. Например, в младшей группе 4 малыша с оживлением включаются в подвижную игру, но слабость ног и всего организма не дает им возможность выполнить все требования игры. Для этих детей игра планируется иначе, например, игра в «аэропланчики», сидя на стульчиках и с подражанием шуму мотора, размахивание ручками, топанье ножками и т. д. В большинстве учреждений муз. работа проводится, она очень много дает радости детям.

Педагогические советы систематически проводятся в следующих учреждениях: № 51 (дир. Шарый), № 58 (дир. Горбунова), № 63 (дир. Николаева), № 19 (дир. Абрамович), № 70 (дир. Елисеева), № 3, Озерная, 1 (дир. Вахмистрова), № 38 (дир. Сержантова), № 34 (дир. Лилина), д.дом Новоладожская дом 2 (дир. Соколова), № 53, № 5, № 44, № 23. В остальных учреждениях работа директора с коллективом не ведется серьезно, и содержание педагогической работы неглубокое. А работа с педагогами особенно необходима, т. к. в детские дома на работу пришли не имеющие специальной дошкольной квалификации.

Как указано уже в начале, большую работу помощи детским домам оказывают шефствующие предприятия. Комсомольцы завода «Экономайзер» собрали для детдома № 34 (Володарский район) белье, одежду, посуду, обувь и др. Фабрики: «Красное Знамя», «1 мая», «Ленжет», «Большевичка», 2-я кондитерская, завод им. Калинина, «Красный Маяк» помогают систематически детским домам, снабжая твердым и мягким оборудованием, транспортом и т. д. Только далеко не все детские дома привлекли шефов, подавляющее большинство детских домов помощи никакой не имеют, и директора детских домов не добиваются налаживания связи с предприятиями и организации помощи от них.

Предложения:

1. Для упорядочения работы детских домов организовать курсы для директоров детских

домов, не имеющих специального дошкольного образования и стажа работы.
2. Включить всех педагогов, не имеющих специальной подготовки, в семинар по освоению руководства для воспитателя детсада.
3. Через инспектуру РОНО потребовать от директоров детских домов соблюдения четкого режима в детском доме, с 4-х разовым питанием, с проведением прогулок не менее 2-х раз в день с обязательным послеобеденным сном для детей.
4. Обеспечить укрытия для всех детских домов.
5. Комплектовать детские дома по возрастным группам, обеспечивая каждую группу детей соответствующим помещением для повседневной работы.
6. Обязать директоров обеспечить детские дома посудой путем приобретения через домохозяйства.
7. Через Гороно и РОНО обеспечить детдома твердым и мягким инвентарем.
8. Добиться планирования и учета педагогической работы во всех детдомах, ведения записей, дневников педагогами.
9. Не реже 1 раза в месяц проводить педагогические советы в детских домах.
10. Провести инвентаризацию имущества во всех детских домах.
11. Организовать контроль за питанием через методические кабинеты.
12. Организовать контроль от РОНО за учетом, сохранением и правильной передачей имущества как государственного, так и поступающего из семьи детского личного имущества.
13. Поставить перед Горздравотделом вопрос о руководстве работой врачей, т. к. врачи не осуществляют контроля за санитарно-гигиеническим состоянием учреждения, не ведут санитарных тетрадей, не взвешивают детей и т. д.

С. Сокольская

Приложение II-5

Отчет о состоянии дошкольной работы в В. О. р-не за год Отечественной войны с 22/VI 1941—22/VI 1942 г.

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2

Общие сведения

До 22 июня 1941 г. все 32 детсада работали нормально, обслуживали 2140 человек и многие из них: 1, 2, 6, 8, 10, 13, 14, 15, 17, 19, 20, 23, 28, 30, 32, 33, 39 — в это время уже работали за городом в условиях дачи. Остальные детсады заканчивали подготовку к выезду на дачу. В первые дни после объявления войны началась усиленная подготовка к эвакуации детей из Ленинграда в Валдайский район. Укомплектовались детсады по 100 человек детей. В первую очередь 29/VI-41 г. выехал 42 детсад в г. Валдай с количеством детей — 108 человек, а потом и другие детсады. В каждом детсаду после выезда первых ста человек детей продолжалась работа по составлению списков детей, сбору инвентаря, посуды, детских вещей, упаковка их и отправка детей со следующими эшелонами. Всего было эвакуировано детей с детсадами В. О. р-на 4500 человек. Вывезены были не только организованные дети, но и дети, не посещающие д/сады.

Условия работы

В Валдайском районе большинство детсадов получили помещения без соответствующего оборудования (отсутствовала детская мебель: столы, стулья, кроватки, не хватало столовой и кухонной посуды, не было выносных кухонь, ледников). Готовили пищу многие д/сады в русской печи, это связано было с большими неудобствами, вследствие чего нельзя было приготовить пищу одновременно на всех детей.

Для воспитательной работы, особенно для оздоровительной работы, работа с природным материалом и работа по воспитанию у детей любви к нашей Родине, доблестной Красной Армии. Богатое природное окружение (леса, озера, луга, поля и огороды) способствовали воспитателям проводить работу с детьми оздоровительного характера и закреплению знаний у детей по природе.

Что касается руководства и оказания помощи зав. д/садами и воспитателям во время работы в Валдае со стороны В. О. РОНО, то нужно признать, что его не было. Особенно это чувствовали работники детсадов в момент организации в Валдае, когда ни зав. РОНО т. Борщенко, ни дошкольного инспектора т. Людмирской там не было. Их краткий приезд был вызван не общим делом — налаживания работ в детсадах, а личными делами (они приезжали за своими собственными детьми). Об этом пишут в своих отчетах

завед. некоторыми детсадами, как, например: зав. д/садами — 18, 35, 42.

По приезде в Ленинград не все детсады начали функционировать, большинство детсадов: 2, 6, 10, 8, 15, 20, 22, 23, 25, 28, 31, 32, 33, 34, 39 и 40 были закрыты и работало всего лишь 11 детсадов с охватом 690 детей. 3 детсада: 2, 11 и 21 не вернулись в Ленинград, а эвакуировались дальше, затем 14 и 17 д/сады второй раз эвакуировались уже из Ленинграда. После их возвращения из Валдая в августе и особенно в октябре и ноябре мес. снова появилась потребность в открытии детсадов, вследствие чего и были открыты детсады 20 и 28 с охватом 175 человек детей и 34 д/сад был открыт в декабре месяце, а несколько позже 33 детсад на 60 человек, в марте мес. открыли 6-й детсад, тоже на 60 человек.

За 3 месяца моей работы открыто еще 3 детсада и на 15 групп расширены существующие детсады с охватом 315 человек детей. Приводили детей для определения в детсад не только родители, но многих детей определяли в детсады через РОНО и непосредственно через зав. детсадами, общественность домохозяйства, предприятия и учреждения. Управхозы приводили детей, члены санитарно-бытовых комиссий, домохозяйства, соседи, проживающие в одном доме или в одной квартире с ребенком, которого определяли в детсад, и даже старшие братья и сестры ввиду смерти или болезни родителей.

Особенности типа учреждения

В связи с тем, что эвакуировались детсады из района, родители с учреждениями и индивидуально и детдома — была в течение всего года большая текучесть в районе, очень часто происходила смена детей в детсадах. Многие родители находились на казарменном положении, а некоторые болели, лежали в б-цах, что и вызвало потребность в организации большого количества интернатных групп в д/садах, количество которых доведено было до 18 групп с охватом 540 человек.

Все детсады работали на непрерывной неделе, с продленным днем по 12 часов. Кроме того, необыкновенные затруднения с доставкой продуктов питания в Ленинград привели к тому, что увеличилось количество сирот, следовательно, появилась новая особенность в дошкольной работе, необходимость в развертывании сети дошкольных детдомов. На 20 июля 1942 года функционирует — 20 детсадов с охватом 1965 человек и 4 детских дома с охватом 591 человек детей. Из общего количества 6 детсадов предприятий с охватом 605 человек детей.

Цифровые данные о контингенте детей по месяцам:

1941 г.
июнь — 205 челов.
июль — 175 челов.
август — 777 челов.
сентябрь — 860 челов.
Октябрь — 955 челов.
Ноябрь — 952 челов.
Декабрь — 1025 челов.

1942 г.
Январь — 1465
Февраль — 1357 + в д/д 168
Март — 1600 + в д/д 477
Апрель — 1798 + в д/д 527
Май — 1905 + в д/д 591

Помещения и оборудования

Все детсады и детдома помещаются в неплохих, а многие в хороших помещениях. Прежде не совсем пригодные помещения 2, 3, 8, 10, 37 д/садов, которые были расположены в 1-х этажах и всегда были сырые и темные, заменяются хорошими помещениями, сухими, светлыми, которые имеют большую квадратную площадь, благодаря чему в районе не стало однокомплектных детсадов. Помещения подыскивали заведующие детсадами, воспитатели, обслуживающий персонал и помогают нам в этом родители. Хуже обстоит дело с оборудованием жесткого инвентаря, кухонной посуды во вновь открываемых детдомах и детсадах, не хватает детской мебели, посуды для приготовления пищи (котлов, кастрюль большого размера). В детдомах и в некоторых детсадах недостаточное количество мягкого инвентаря (полотенец, простыней, наволочек, пододеяльников, одеял, подушек, детского белья и халатов для служащих).

Финансирование детучреждений

Финансирование детских учреждений проходило планово без перебоя и своевременно. До 1-го июня 1942 г. со стороны зав. детскими садами не поступали жалобы на финансовые органы, и только в июне месяце поступили 2 жалобы от производственных детсадов: 18-го ф-ки им. Желябова и 2-го ф-ки им. Урицкого, главки которых отказываются финансировать данные детсады. Вопрос этот находится в стадии разрешения между директорами этих предприятий и завед. РОНО.

Питание в детучреждениях

Питание в детсадах во время пребывания в Валдайском районе было хорошее, продукты доставлялись с базы доброкачественные и в достаточном количестве, отпускались жиры, молоко, творог. Только в первые дни не обеспечивала база овощами, а потом стали отпускать и овощи: картофель, морковь, свеклу. Благодаря тому, что

было хорошее питание, заботливое материнское отношение со стороны большинства работников детсадов к детям, дети хорошо поправлялись, чувствовали себя бодро, весело и зимой некоторые дети вспоминали жизнь в Валдае. Например: дети старшей группы 18 д/сада обращались к воспитателю со словами: «Как мы хорошо жили и питались в Валдае, вот теперь бы так пожить». Первые месяцы и в Ленинграде в д/садах питание было достаточное и доброкачественное, т. к. дети получали дополнительное питание за счет запаса продуктов, привезенных из Валдайского района.

В последующие месяцы, с ноября 1941 года по февраль месяц 1942 года, в связи с уменьшением норм хлеба и несвоевременным обеспечением некоторыми продуктами со стороны базы — питание было недостаточное и однообразное в большинстве детучреждений. И только с февраля месяца, когда увеличили норму хлеба и других продуктов (стали выдавать сгущенное молоко, меланж, витамины — томатный сок и вино), да и сама база начала проявлять большую гибкость в своевременном снабжении продуктами детучреждения, питание в детсадах намного улучшилось. Дети стали поправляться, становились более подвижными, жизнерадостными; в учреждениях снова раздался шум и радостный смех, свойственный этому возрасту.

Работа медперсонала

Работа медперсонала не во всех детских садах проходила удовлетворительно. Неплохо работал медперсонал в детсадах: 4, 7, 18, 28, 30, 33, 34 и 37, где врачи и медсестры регулярно следили за состоянием здоровья детей, вели борьбу за хорошую посещаемость детей и особенно тех детей, до которых не доходила вся порция питания, получаемая в детсадах родителями или родственниками. Требовали и помогали администрации и воспитателям в проведении профилактических мероприятий против педикулеза, а также проводили соответствующую работу с коллективом по вопросу санитарно-гигиенического состояния детучреждения (врачи Ксенофонтова, Кобзарь и друг.). Неудовлетворительно работал медперсонал в детсадах: 2, 6, 19, 35, 39, где врачи не уделяли должного внимания состоянию здоровья детей, не проводили работы с коллективом по вопросам борьбы за санитарно-гигиеническое состояние учреждения (врачи Голубева, Галицына и др.).

Отопление и освещение

В большинстве детучреждений за отсутствием необходимого топлива была нарушена отопительная система, вследствие чего не действовала канализация и водопровод, действовала частично во 2-м и 18-м детсадах.

Работа МПВО

Осенью 1941 года была развернута в большинстве детучреждений работа МПВО, были составлены планы эвакуации детей. Почти все детсады были прикреплены к бомбоубежищам, за исключением 30 и 34 д/садов, проводилась тренировка с детьми, организованы были посты: унитарный пожарный, санитарный и охраны порядка, во многих детсадах эта работа проводилась хорошо, как, например: 1, 7, 18, 20, 19, 35 детсадах. В 1 и 20 детсадах пожарные команды своевременно затушили по несколько зажигательных бомб, которые были сброшены на крыши этих детсадов. В 35 д/саду несмотря на то, что помещение 3 раза пострадало от разрывной волны, вследствие чего 2/3 помещения пришли в негодное пользование для детей, но детей работники спасли, не было ни одного случая даже легкого ранения. Так как дети своевременно были выведены в газоубежище.

Но нужно признать, что с наступлением весны работа МПВО в детучреждениях ослабла. Не во всех детсадах бомбоубежища и газоубежища приведены в порядок (были залиты водой) во 2, 13, 18 и 22 детсадах, большинство бомбоубежищ и газоубежищ не отапливались. Слабо работали, а в некоторых детучреждениях совсем не работали посты, вследствие чего были несчастные случаи в районе: в 13 детсаду дети не были выведены своевременно в укрытие, и часть из них находились недалеко от окон, поэтому ранило стеклами 16 человек детей и 2-х воспитателей. Плохо обстоит дело с укрытием от артобстрела во время пребывания детей на открытом воздухе. Во 2-м детсаду дети младшей группы гуляли около дома, в котором помещается детсад, и от первого артснаряда погибло 12 человек детей насмерть и ранило 8 детей и воспитательницу данной группы.

Со всеми зав. детсадами, председателями МК и профоргами проводились собрания в марте, апреле и мае, на которых обсуждался вопрос о необходимости проводить прогулки с детьми около бомбоубежищ и газоубежищ; о приведении в порядок укрытий, о приспособлении бомбоубежищ в газоубежища. Стоял этот вопрос на заседании Райисполкома, на собрании парторганизации РОНО и в РК ВКП/б, но нет исполнения решений за отсутствием рабочей силы, электроэнергии в газоубежищах и соответствующего материала.

Некоторую работу по МПВО после обсуждения зав. детсадами провели, очистили от грязи, выкачали воду из бомбоубежищ и газоубежищ, просушили их, пошили маски для детей, получили инструктаж по работе МПВО на занятиях, организованных Отделом народного образования, проинструктировали работников д/садов, сами заведующие как начальники МПВО. Но все это недостаточно, т. к. из 23 детучреждений

только 4 детсада имеют проверенные газоубежища, а бомбоубежища в других учреждениях не приспособлены под газоубежища. РОНО проектирует перевести детсады: № 33 и № 34 в другие помещения на 6 лин. д. 29 и на 3 лин. д. 46, где имеется бомбоубежище и газоубежище.

Воспитательная работа

Условия военного времени потребовали некоторую перестановку в воспитательной работе. Основными педагогическими задачами были:

1. сохранение жизни и здоровья детей,
2. борьба за улучшение санитарного состояния детучреждения,
3. борьба с педикулезом,
4. улучшение работ МПВО,
5. воспитание у детей любви к нашей прекрасной Родине, вождям, Красной Армии, Военно-морскому флоту и нашим героям летчикам.

В повседневной жизни на героических примерах Красной Армии, летчиков, бойцов и командиров, а также всех граждан, участвующих в обороне города, мы воспитывали в детях выдержку, смелость, находчивость, правдивость, быструю ориентировку. В начале войны, во время пребывания в Валдае, приходилось проводить большую работу с детьми по отвлечению их от боязни во время тревог, продолжали эту работу проводить и по приезде в Ленинград. И нам удалось отучить детей бояться тревог, они стали вести себя гораздо спокойнее, быстро и организованнее стали собираться по сигналу, одеваться и выходить в бомбоубежище и газоубежище или просто в укрытие (коридоры без окон). Почти все дети стали исключительно дисциплинированными во время налетов и обстрелов проклятого всеми народами озверелого врага.

В воспитательской работе с детьми мы вселили детям веру в нашу победу над врагом и все время поддерживали бодрое настроение у всех детей. Через рассказы и проведение бесед воспитателями и заведующими о героических подвигах бойцов и командиров Красной Армии и летчиков, а также через непосредственную живую связь с бойцами и командирами у детей появилась необыкновенная любовь к нашей доблестной Красной Армии, Военно-морскому флоту и летчикам.

При встрече с детьми в Валдае и здесь в Ленинграде бойцы и командиры рассказывали детям в нескольких словах о своей деятельности, показывали им танки, бронемашины, что производило на детей сильное впечатление. Дети благодарили бойцов и командиров, угощали их своими порциями, как, например, дети старшей группы 18 детсада предлагали свое печенье, которое было им дано в полдник, и говорили им, что их папы тоже на фронте бьют немцев. В играх и свободной деятельности дети отражали учение Красной Армии, летчиков, моряков, санитаров и лучшие моменты из жизни Красной Армии.

Проводилась и проводится работа с детьми по закреплению знания, по ознакомлению с природой путем непосредственного наблюдения природы на прогулках, экскурсиях, в поле, на огороды, озеро, а также в играх и занятиях, что способствовало получению детьми правильных представлений о природе, повысило интерес к природе. Много уделялось внимания со стороны всех дошкольных работников оздоровительной работе с детьми и борьбе за улучшение санитарного состояния учреждения.

В летнее время 1941 года дети принимали пищу на воздухе. Все воспитатели следили за тем, чтобы дети съедали всю свою порцию, а слабым детям по указанию врача давалось усиленное питание (жиры, яйцо, витамины). Ежедневно проводились воздушные ванны со всеми возрастными группами в поле, на сенокосе.

В Ленинграде, несмотря на частые налеты врага, дети тоже большую часть времени пребывали на открытом воздухе, где они играют со скакалками, двигателями, песком. Кроме того, принимали участие в посадке овощей в групповых комнатах и на грядках около домов, где помещаются детские сады, наблюдают за прорастанием этих овощей. Но нужно сказать, что не во всех детсадах и не всеми воспитателями проведена работа с детьми по посадке овощей, как, например: во 2, 13, 27, 37 д/садах, и не все работники перестраивали соответственным образом работу во время пребывания детей в бомбоубежищах и газоубежищах. Планировалась эта работа и неплохо проводилась в детсадах: 1, 18, 19, 20, 35, 39, 42, где воспитатели проводили рассказывание, чтение о подвигах наших героев, разучивали стихотворения, показывали картинки, рассказывали сказки при помощи аллоскопа и без аллоскопа. Проводили игры с куклами, со строительным материалом, которые они брали с собой в бомбоубежище.

В зимнее время, особенно в самые холодные месяцы — декабрь-февраль, ослабла воспитательная работа по привитию культурно-гигиенических навыков у детей. В момент, когда действовал водопровод, многие детские сады не сумели сразу организовать мытье детей, как мы организовывали и проводили в условиях дачи за городом, т. е. имели соответствующие умывальники, а заведующие и воспитатели ограничивались тем, что поливали воду детям на руки из кружек и чашек. Не за всеми детьми, приходящими из дома, воспитатели следили и не добивались того, чтобы дети, которые приходили в детсад с немытыми руками и немытым лицом, тщательно мылись в детсаду. А также во многих учреждениях не были проведены

профилактические мероприятия против педикулеза, вследствие чего была большая вшивость в ряде учреждений: 1, 2, 13, 19, 35, 37, 39 и друг.

Хотя в марте месяце работники д/садов развернули большую работу по борьбе с педикулезом и достигли хороших результатов, но отдельные случаи педикулеза все же имеются и в настоящее время. А в течение года воспитателями была проведена большая работа по улучшению санитарно-гигиенического тела и одежды ребенка, а также по сохранению жизни и здоровья детей, проявляли большую чуткость, внимание и заботу к детям, но, к великому сожалению, не вся повседневная работа воспитателей и заведующих учитывалась. Объясняется это главным образом тем, что заведующие детсадами не включались в руководство воспитательной работой и многие из них сами не планировали и не учитывали своей работы, а переключились в основном на административно-хозяйственную работу. И в РОНО вместо 5-ти работников, которые работали до войны, остался один инспектор, и актива не было создано для оказания помощи по руководству воспитательной работой в районе.

За время моей работы с 16 марта по 20 июня в должности инспектора тоже не было уделено должного внимания воспитательной работе, ввиду большой загруженности организационно-массовой работой (работа с населением, расширение сети, подготовка к эвакуации детей и эвакуация). За это время мне удалось провести с работниками 5 совещаний, с заведующими детсадами и директорами детдомов — 1. В марте по вопросам: расширения сети дошкольных учреждений, подготовки к эвакуации, участия всех работников в посевной кампании, участия работников в очистке города, соцсоревнования. Два совещания в апреле:

- участие в очистке города,
- увеличение количества интернатных групп,
- борьба с вшивостью,
- санитарно-гигиеническое состояние детучреждения,
- работа МПВО,
- подписка на военный заем,
- участие в работе на огородах РОНО.

2 совещания в мае по вопросам:

- сохранения жизни и здоровья детей (намечены были оздоровительные мероприятия),
- выполнения приказа зав. РОНО по вопросу усиления работы МПВО,
- составления годовых отчетов,
- подготовки детей к эвакуации,
- правильного расходования продуктов питания в детучреждениях, своевременного представления отчетов по соцстраху.

На всех проведенных совещаниях присутствовали и принимали участие члены РК Союза, председатели местных Комитетов и профорги, так что работа РОНО и РК Союза проходила в полном контакте. На некоторых совещаниях присутствовала Инспектор Гороно тов. Орлова О. П., которая оказывала нам помощь в разрешении ряда вопросов. Кроме того, О. П. оказывала и оказывает району помощь на местах в детучреждениях по методическим, административно-хозяйственным и другим вопросам. Мне лично как новому работнику Олимпиада Павловна оказывает большую практическую помощь во всей работе. Кроме того, я получаю большую помощь от Гороно на совещаниях, которые проводит с инспекторами тов. Лаврикова Е. Ф. и завед. Метод. кабинетом тов. Гребенщикова, т. к. эти совещания проводятся в виде инструктажа, и они мне помогают улучшать работу в районе, мобилизовать всех работников района на ликвидацию недочетов в учреждениях.

Ввиду отсутствия Методического кабинета я начала прикреплять к детсадам на практику молодых, малоопытных или совсем не опытных воспитателей и заведующих детсадами. Даю лично сама индивидуальные консультации по вопросам: планирования, учета и содержания воспитательной работы, администр.-хозяйственной, политико-массовой и соц. соревнования. Привлекались и привлекаются квалифицированные заведующие и воспитатели Отделом народного образования и РК Союза для проверки работ детучреждений по МПВО и содержания воспитательной работы, сбора материала, организации детсадов. Но нужно сказать, что для повседневной систематической помощи детучреждениям по содержанию работы в них актив не создан и на сегодня. Не проводится объединение воспитателей, не практикуется обмен опытом в работе, а многие воспитатели, особенно вновь поступившие на работу, нуждаются в этих мероприятиях.

Состав кадров по д/садам и д/домам

	Кол. работн.	С высш. образ.	Незак. высш.	Средн. обр.	Спец. дошк.
1 Завед. д/с.	20	7	4	9	16
2 Воспит. д/с.	86	9	6	70	–
3 Директ. д/д.	3	1	2	–	–
4 Воспитатели д/домов	10	–	–	10	8

Трудовая повинность

Все работники с начала Отечественной войны и в настоящее время принимали и принимают участие в трудовой повинности, многие дошкольные работники участвовали в оборонной работе. Сами работники детсадов еще с момента эвакуации и пребывания в Валдайском районе включались в работу по упаковке, погрузке и выгрузке багажа, заготовке (носка, пилка и колка) дров, носке воды. И особенно эта работа интенсивно протекала в трудные месяцы холодной зимы, когда работникам

приходилось много времени тратить на носку воды из реки Невы, носку и распиловку дров, на борьбу за санитарно-гигиеническое состояние детучреждений и санитарно-гигиеническое состояние тела и одежды детей (борьба со вшивостью, мытье детей, стирка, проглаживание горячим утюгом детского белья). Почти все работники принимали горячее участие в очистке города от нечистот, а в данное время активно участвуют в работе на огородах РОНО во Всеволожском районе.

Политико-массовая работа

Детучреждения были обеспечены выпиской газет ЦО, «Ленправда», «Известия», «Смена» и журналами. В большинстве д/садов организованы были читки газет для обслуживающего персонала, и во многих детучреждениях работники организованно слушали информ. сводки и известия по радио. Проводились митинги по ознакомлению с содержанием постановлений Правительства и приказов И. В. Сталина. Многие работники д/садов и детдомов посещают районные мероприятия, проводимые РК ВКП (б) и РОНО и в агитпункте, на которых делали доклады о международном положении, об участии в очистке города, о работе МПВО и об участии во Всесоюзном соцсоревновании.

Но эта работа, главным образом, проводилась осенью 1941 г. и весной 1942 г., а зимой в декабре-феврале мес. политико-массовая работа ослабла, ввиду отсутствия электроэнергии, керосина и керосиновых ламп. А в некоторых детских учреждениях: 1, 2, 22, 33, 34, 35, 37, неудовлетворительно проводилась политико-массовая работа даже и тогда, когда был свет, т. к. завед. д/садами и профорги не занимались этими вопросами, а ограничивались только сбором теплых вещей и подарков для Красной Армии.

Соцсоревнование

Не все детучреждения включались своевременно в общее Всесоюзное соцсоревнование. В течение всего года регулярно применяли этот метод в своей работе следующие детсады: 7, 18, 19, 20, 30, 33, 39, 42. В данных учреждениях ежемесячно проводились производственные совещания, велся учет и проверка выполнения ударных обязательств, что помогало им систематически улучшать работу и выявлять лучших людей, которые давали прекрасные показатели в своей работе. Так, например, воспитательницы 7 д/сада Южанинова А. П. и Дмитриева в течение всего года с большим вниманием и материнской любовью относились к детям, поддерживали чистоту и порядок в групповых комнатах, принимали активное участие в трудовой повинности и в борьбе за санитарно-гигиеническое состояние тела и одежды детей.

Воспитательница 18 д/сада Петропавловская С. П., несмотря на трудности в зимние холодные месяцы, не прекращала проводить с детьми интересные и разнообразные занятия и со всеми другими воспитателями данного детсада уделяла большое внимание борьбе за санитарно-гигиеническое состояние детей. Сами регулярно мыли всех детей в д/саду, гладили горячим утюгом детское белье, ежедневно осматривали детей с целью выявления вшивости у них. В случае обнаружения вшей у детей, принимали немедленно меры сами лично и в этот же день проводили соответствующую работу с родителями. Примерно такая же работа проводилась большинством воспитателей и в других детсадах: 20, 30, 33, 39, 34, 42.

Воспитательницы детсадов: № 1 — т. Буслаева З. Ф., 6 д/с — Путкова А. Н., 28 д/с — т. Курындина М. Н., 34 д/с — Каликина М. Н., 35 д/с — Кудрявцева Н. М., 42 д/с — Николаева В. Н. и Титомирова Д. А. — проявляли много уменья и творчества в работе с детьми, чутко подходили к каждому ребенку в отдельности, воспитывали в детях любовь к нашим вождям и героям Красной Армии и Военно-морского флота. Они очень хорошо знали своих детей, подбирали интересные занятия, способствующие всестороннему развитию ребенка, планировали и учитывали работу систематически, проводили интересные занятия не только в помещении, но и во время пребывания в бомбо- и газоубежищах.

Из числа этих лучших воспитателей, дающие прекрасные образцы своей работы выдвинуты на заведывание в д/сады: Путкова А. Н., Кудрявцева Н. М., Каликина М. Н., Блатова А. Н., Филонова А. Е., Чернушенко М. С. Зав. детсадами Николаева М. Н., Нанова А. Н., Лоцан Т. Д., Гладкова В. А., Филонова А. Е., Сергеева З. П., Милая и другие проявили себя за год Отечественной войны хорошими организаторами, сумели создать сплоченный коллектив, мобилизовали своих работников и родителей на борьбу за сохранность жизни и здоровья детей, систематически следили за улучшением питания детей, за санитарно-гигиеническим состоянием детучреждений.

Зав. детсадами № 20 — Гладкова В. А., № 35 — Гаврилова В. П. и директор д/дома № 63 Николаева М. Н. умело организовали вывод детей в бомбоубежище и газоубежище во время артобстрела и бомбардировки, благодаря чему не было ни одного случая даже легкого ранения, хотя помещения этих детсадов неоднократно пострадали от налета и артил. обстрела противника.

Ст. Дошкольный Инспектор:
Володина

Приложение II-6

Планы и дневник работы воспитателей детских домов. 1942 г.

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 13

План работы Горностаевой и Жегаловой на февраль и март 1942 г. (6-ая группа детского дома № 13 Красногвардейского р-на)

1. Организационная работа. Знакомство с детьми, составление списка детей в двух экземплярах с указанием фамилии, имени, отчества, лет, сведения о родителях и домашний адрес, один экземпляр остается при воспитателе, другой отдается в учебную часть.

Составление списка детей с указанием фамилии и имени, который вывешивается в палате.

Индивидуальные беседы с каждым ребенком, из которых узнаешь жизнь его до поступления в детский дом.

2. Санобработка детей. Все дети должны пройти через санпропускник. Верхнее пальто и головные уборы должны быть сданы в дезинфекционную камеру. Остричь всех детей, как мальчиков, так и девочек, и следить за детьми, чтобы каждый день чесали головы частым гребнем, осматривали нательное белье. Раз в неделю вытряхивать на улице постельные вещи (одеяла, подушки, простыни, матрацы).

3. Придерживаться режима дня, установленного детдомом: вовремя вставать, завтракать, обедать, соблюдать мертвый час, ужинать и вовремя ложиться спать.

4. Прививать санитарно-гигиенические и культурные навыки детям, следить, как они встают, заправляют свои кровати, чтобы дети просматривали свои простыни, подушки и одеяла при вставании, этим самым постепенно можно изжить вшивость. Следить, когда ложатся спать, снимали бы верхнее белье и спали с открытыми головами.

При умывании должны мыть руки до локтя, лицо, уши, шею и за ушами. Выработать привычку перед едой мыть руки. Не позволять детям выходить из-за стола с хлебом, садиться на кровати, приучать соблюдать чистоту в комнате и пользоваться уборной. Приучить детей вежливо обращаться со взрослыми и между собою, изжить среди детей клички и названия полуименем (замечаются случаи, когда они называют друг друга Колька, Верка, косой). Исправлять речь детей и неправильно произносимые ими слова. Добиваться от детей того, чтобы они благодарили воспитателя после завтрака, обеда и ужина.

5. Постепенно выделять таланты у детей и подготовить детей к выступлению на ближайшем намеченном вечере.

6. Оформление спальни: повесить в спальне портреты и картины, этим самым создать уют детям. Поставить шкаф для посуды и привести в порядок вешалку для верхнего платья детей.

7. Культработа. Проводить с ребятами беседы, рассказы, чтение книг и газет, как самими воспитателями, так и детьми. Выявить среди девочек и мальчиков таланты рукоделия и рисования и дать возможности этим заниматься (доставать материал, нитки, краски, карандаши, бумагу и т. д.).

Проводить в марте месяце прогулки и устраивать подвижные игры на воздухе. Приучить аккуратно и бережно относиться к книгам и играм.

8. Политико-воспитательная работа. Провести беседы на темы «Международный женский день» и «Парижская коммуна» с чтением соответствующей литературы на эти темы.

Информировать детей о текущей политике через беседы и читку газет.

5/III-42 г.

Дневник С. М. Правоторовой, воспитателя детского дома № 45 Красногвардейского района

6 июня 1942 г. Сегодня после тихого часа провела с ребятами небольшую беседу о соцсоревновании в группе и заключении договора с группой девочек. Начинаю привыкать к ребятам, но еще с трудом разбираюсь в особенностях каждого ребенка. Вечером, когда легли спать, читала им «Черногорские сказки», слушали очень внимательно, читала до 9.30. Женя Григорьев очень груб, сделала ему выговор и отобрала фантики, на товарищей покрикивает, но без злобы.

7 июня. Встала утром 7.45, сразу же разбудила ребят и провела с ними зарядку. После зарядки санитары и вместе с ними я просмотрели белье у детей. Ребята оделись и приступили к уборке.

После занятий читала ребятам «Герои Отечественной войны» гвардии политрук Иван Старцев и Михаил Цугиба (*фамилия неразборчиво написана*).

Сегодня в 12 часов уехали Лиголайнен, Громов, Тихонова Тамара и Федорова Валя. После обеда из распределителя пришли две девочки и мальчик: Шуплякова Вера, Валя Яковлева и Женя Кузнецов. Ребята чистые и производят впечатление неплохих детей. Женя Кузнецов очень живой, говорун, очень вежлив; видно, что в семье получил хорошее воспитание. Группа приняла новеньких тепло. Боря Русаков вечно жует зелень, сегодня ушел без разрешения в садик и наелся ею. Пришлось сделать внушение, обещал больше не повторять. Во время тихого часа составила план работы на месяц. Вечером девочки занимались рукоделием, мальчики рисовали. Перед сном читала сказку Андерсена «Снежная королева». Перед ужином ушел в изолятор Вова Кудрявцев.

8 июня. Выходной день.

9 июня. С утра после завтрака все ребята сели писать соцобязательства. Решили соревноваться со старшей группой девочек. Во время утреннего осмотра у Левитиной Ани в белье нашли вошь. Довольно странная девочка, абсолютно ничего не хочет делать, лжет. Девочки каждый раз ее разоблачают и делают ей выговор, но это не помогает. Сегодня решила с ней поговорить, но девочка хитрит, и не знаешь, где правда или ложь. Придется обратиться за помощью к старым воспитателям.

Во время обеда закрепила за ребятами места в столовой. Григорьева Женю пришлось наказать. Я 7-го отпустила его домой, он побывал дома, но кроме того, — в двух магазинах, где украл значки, два пакета синьки, детские носочки и колоду игральных карт. Утром это обнаружила Евгения Яковлевна. Говорила с ним. Говорила с ним и Зинаида Петровна, решили, что он сам должен вернуть украденные вещи и извиниться. У мальчика ни внушение, ни то, что он сам должен вернуть вещи, искреннего раскаяния не вызвало.

После ужина провела небольшую беседу «Как вести себя во время воздушной и химической тревоги». Сдала З. П. план работы на июнь месяц и соцобязательство.

Аня Левитина берет без разрешения у девочек нитки и роется в портфелях. Говорила с ней, но надо будет все время следить за ней, не допускать повторений.

В 5 часов было общее собрание воспитанников детдома.

10 июня. Утром прошла по группам, посмотрела, как проводится зарядка. Хорошо проводит в группе старших мальчиков Коля Игнатьев, хуже в группе старших девочек, придется проводить самой. До бани объяснила ребятам противогаз и рассказала об отравляющих веществах. Особенно горячее участие приняли Женя Григорьев, Боря Соколов, Толя Всевнов и Вова Кунев. В 12 часов пошли в баню. Вернулись в 3 часа довольные, пообедали и легли отдыхать. Замечательная девочка Женя Понкратьева, как она быстро привязывается, очень любит ласку, ненавидит ложь и несправедливость. Ребята ее очень любят и все, даже Григорьев, относятся внимательно.

По плану должна была читать «Кавказский пленник», но не успела достать книжку, читала книжку Чуковского «О силе и ловкости».

Ребята очень любят слушать сказки, и когда они ложатся спать, в дни, когда я ночую с ними, стараюсь предоставить им это удовольствие.

11 июня. С утра, пока занимались с 3–4 классами, с остальными убрала (точнее разобрала) игрушки и книги, проверила состояние постелей. Убрала у Русакова под подушкой картинки и книжки. Сделала выговор дежурным и санитарам. После завтрака отпустила домой Женю Кузнецова, он живет в Жерновке. Явился обратно вовремя. После тихого часа провела беседу «Поведение во время химической и воздушной тревоги в убежище». Толя Всевнов стал шалить больше, очевидно, с ним придется быть строже.

Читала «Вести с фронта» в «Ленинградской правде» за 11 июня 42 года.

Приложение II-7

Отчет воспитателя младшей группы детского сада № 29 Дзержинского района Е. Г. Мыльниковой

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5
14/VI-43 г.

Я работаю воспитательницей младшей группы д/сада № 29 с 15 сентября 1942 г., до этого работала в д/саду № 20 этого же района. Я имею образование неполное среднее. В данный момент кончаю 9-й класс вечерней школы (мне 18 лет). На дошкольной работе нахожусь без перерыва 1 год и 3 месяца. В сентябре месяце в группе было 30–33 человека, но уже в октябре насчитывалось

40–44 ребенка. В этом месяце группу разбили на две, и с тех пор средним количеством является 30 человек. В группе находятся дети в возрасте от 3 лет до 4 с половиной лет. В течение этого промежутка времени (сентябрь-июнь) сильно затрудняла воспитательную работу большая текучесть состава.

Помещение группы чистое, но окна выходят на север, зимой было довольно сыро, но всегда тепло. Солнца в комнате никогда не бывает, и это сильно препятствует озеленению помещения. В сентябре месяце ввиду большого коллектива было большое нагромождение мебели, комната была тесная, неуютная. Когда разделили группы, вынесли бóльшую часть мебели, комната стала более приятной, уютной. На стены повесили картины, портреты вождей, внесли несколько горшков с цветами.

В группе очень мало игрушек, в течение года несколько раз покупались куклы, автомобили и др. игрушки, но этого было очень мало, и приходилось просить родителей приносить в д/сад игрушки из дома. Родители многим помогали в этом деле. Охотно приносили игрушки. В пользовании группы находятся краски, кисти, карандаши цветные. Все это было приобретено за осень и зиму, а часто принесено родителями. В данный момент группа располагает достаточным количеством материала, но игрушек все еще недостаточно.

В начале работы в данной группе я взяла на себя несколько основных задач:

1. Оздоровление детского коллектива и отдельных детей, воспитать детей крепкими, здоровыми физически, охранять их здоровье.
2. Привить им необходимые культурно-гигиенические навыки. (Умение правильно держать ложку, тихо сидеть во время еды, не пачкать салфетки и белье. Мыть руки перед едой и после пользования уборной, вытираться только своим полотенцем и др.)
3. Научить детей пользоваться красками, кисточками, карандашами.
4. Научить детей дружно жить и играть в коллективе, воспитывать товарищеские отношения, помогать друг другу. Воспитывать в детях любовь к нашей Родине, ее армии, вождям. Научить детей любить труд, уважать чужой труд.
5. Всемерно развивать и исправлять детскую речь путем чтения, рассказывания, бесед, разучивания стих., рассказывания по картинкам.

Основное место в работе занимало физическое воспитание детей. Не все дети к осени оправились от зимы 1941–1942 г., и именно таким-то детям приходилось уделять наибольшее внимание. В начале работы в группе было несколько ослабленных детей (Рая Б., Нина П., Коля Е., Юра Ш., Мося Х.). Почти всех этих детей поместили в стационар, а остальные были под постоянным наблюдением врача, по мере надобности для этих детей составлялось специальное меню. В течение всего года проводилось много подвижных игр, как на воздухе, так и в помещении. Круглый год дети гуляли в садике и этим укрепляли свое здоровье, закаляли его. При прогулках, играх учитывала состояние некоторых ослабленных детей, следила за тем, чтобы они не переутомились, не очень напрягали свои силы.

В течение всего года проводились частые медицинские осмотры, а также ежедневные санитарные осмотры. Строго соблюдалась чистота помещения, режим дня. Правильно чередовались подвижные игры и занятия со спокойными. До наступления холодов дети ежедневно спали в кроватках, но с наступлением морозов отапливать холодную спальную стало невозможно, и дети отдыхали в группе. Но теперь дети вновь будут спать на кроватях. Проведена работа с родителями по сбору матрасников по перебивке кроватей.

Большую часть своего дня дети проводят на улице. Приобретены обручи, скакалки, вожжи, песочники, ведерки, совочки. Большое место занимают подвижные игры, дети особенно любят «ловилки», «прятки», «гуси-лебеди», «три поросенка», «кто скорее?», игры с флажками и др. Дети научились правильно ходить, бегать и прыгать. Теперь в группе нет ни одного слабого ребенка. Все дети выросли, окрепли, стали подвижными, жизнерадостными, веселыми. Работу по оздоровлению детей я буду проводить беспрерывно и в дальнейшей своей работе.

Воспитание детей в духе советского патриотизма проходило большей частью путем кратковременных бесед, показа иллюстраций журналов и газет. Дети познакомились с жизнью (очень кратко и просто) Ленина, Сталина, Кирова. Узнали о героях Красной Армии путем встреч с бойцами, бесед, рассматривания картинок, разучивания стих., подготовки к праздникам. Таким же образом проходило и интернациональное воспитание, но еще в более простой форме. Читала детям стих. Барто «Братишки», обсуждали прочитанное. Одевали кукол и сами одевались к праздникам в костюмы национальностей, населяющих Советский Союз. Антирелигиозное воспитание проводилось исключительно путем бесед с родителями.

Дети в группе живут очень дружно. Сплошь и рядом дети постарше оказывают посильную помощь малышам, помогают одеваться, раздеваться, мыть руки, вытирать их, показывают за столом, как держать правильно ложку, часто утешают, если тот ушибется, предлагая игрушки. Тепло и приветливо встречают нового ребенка. Очень редки случаи ссор. Но есть дети, которые очень трудно поддаются коллективной жизни (Гера, Славик), у которых сильно еще чувство собственности, они играют

одни. Таких детей вовлекаешь в общие игры, и дети очень скоро привыкают и уже живут и играют очень дружно. Дети научились сами одеваться, мыть руки и лицо, убирать после себя игрушки, собирать чайную посуду после еды, складывают салфетки. С прогулки сами приносят все игрушки.

Детям часто я стараюсь давать поручения принести то, сделать это, посылаю к воспитателям других групп. И дети прекрасно справляются с поручениями. В одно и то же время они привыкают к вежливому обращению, просьбе, привыкают благодарить за услугу. Поручения и дежурства в коллективе исполняют дети постарше (Валерик, Ляля, Таня, Галя, Гера, Ира).

Большую работу пришлось проделать по развитию речи детей. Многие дети впервые поступили в д/сад. Их приходилось приучать говорить, высказываться в коллективе. На достижение этого приходилось тратить очень много труда и времени (Лера Т., Нина Я., Клава Б.) Для развития речи детей я часто беседовала с ними, вела индивидуальные разговоры, вызывала их на разговор. Много сама детям читала, рассказывала, разучивала с ними стихи, проводила много игр, где бы дети могли больше разговаривать, развивать свою речь. (Игры с текстами: «Три поросенка», «Кошка и мышки», «Чей это домик?», «Кто так поет?» и др.) Много рассматривали картинки из журналов «Чиж», «Сверчок» и др. Дети научились сами рассказывать по картинкам, говорить о своих рисунках, перестали стесняться. Некоторые дети могут просто, но все же хорошо рассказать сказочку (Наташа, Лиля, Гера), почти все могут связно ответить на вопрос, передать свои впечатления.

Много помогли мне в развитии и исправлении речи детей консультации, практические занятия дефектолога. Мне удалось исправить речь некоторых детей, научить их правильному произношению некоторых звуков (Валерик Д., Игорь П., Коля Д., Вера П.). Развитию речи детей также помогали беседы во время прогулок, наблюдения в уголке природы, наблюдения за рыбкой в аквариуме.

Работу по художественному воспитанию детей я проводила многими способами. Развитию художественного вкуса помогала сама обстановка д/сада. Всегда чистая, уютная комната, картины и портреты на стенах, горшки с зеленью и ветками на столиках и окнах, всегда чистое белье. У детей появилось желание самим быть чистыми, аккуратными. Они сами старались красиво убрать свои игрушки, аккуратно расставить их на полочках. Дети часто подходили ко мне с просьбой поправить передничек, завязать бантик «как красивее». Дети стали бережнее относиться к игрушкам, книгам. Дети стали обращать внимание (после некоторых моих замечаний) на красивый ровный «беленький как вата снег», на распускающуюся молодую зелень в саду, на яркое голубое небо. Дети стали заметно лучше и красочнее рисовать. Они находят удовольствие в создании яркого красочного рисунка. Бережно относились к нему. Приучились видеть красивое в окружающей обстановке. Часто слышишь такие замечания: «А Тома сегодня красивая, у нее голубой бант», «У Вити чашка красивая!» и т. д.

Во время муз. занятий дети научились петь, слушать музыку, ритмически двигаться. Большое место в жизни детей занимало знакомство с природой. Дети наблюдали осенний листопад, собирали букет желтых листьев, отмечали, что становится холодно, надо надевать теплую одежду. Зимой наблюдали за снегопадами, видели иней на деревьях, замерзшие лужи, позднее рассматривали следы на снегу, играли со снегом. Попутно знакомила детей с жизнью животных и птиц: зайцем, лисой, медведем, волком, вороной, воробьями. Весной наблюдали за таянием снега, удлинением дня. Наблюдали, как распускалась листва на ветках, проращивали горох, фасоль, лук. Много работали и наблюдали в зеленом уголке и в саду. Очень интересно проходили наблюдения за жизнью рыбки в аквариуме. Работа по природоведению продолжается и сейчас.

За истекший промежуток времени дети научились считать до пяти, усвоили понятия «много — мало», «длинный — высокий», «тяжелый — низкий». Научились различать, называть формы (объемные: куб, шар, а также плоскостные: квадрат, прямоугольник, круг). Дети сами считают до 6-ти ложки, тарелки, игрушки. Я пользуюсь всеми подходящими моментами, даю поручения «принеси 3 куклы», «2 автомобиля» и т. п. для того, чтобы упражнять детей в счете. Некоторые дети (Лера, Гера, Ира, Мося) свободно считают до 10-ти.

В пребывании и работе с детьми в условиях бомбоубежища не было необходимости, так как детский сад приходящий, и во время беспокойных и опасных ВТ и арт. обстрелов детей большей частью в помещении уже не было. Но дети знают о применении противогаза, не боятся защитных масок. Совершенно спокойно остаются во время ВТ и арт. обстрелов. Большую работу проводила по организации развлечения детей в этом промежутке времени.

Не считая общих праздников и приезда «зверинца», несколько раз устраивали драматизацию сказок, «кукольный театр». Большим событием в жизни детей был приезд «зверинца». Дети увидели настоящего живого медведя, лису, дрессированных собачек. Дети долго вспоминали этот приезд и обсуждали его, сами подражали движениям зверей, включая их в свои игры. Много впечатлений давали праздники, а особенно праздник «Елки», где особенно яркое впечатление произвел дедушка

Мороз. До этих пор дети с любовью вспоминают его, спрашивают, скоро ли он опять приедет.

Большой любовью детей пользуется и «кукольный театр», на представление этого театра часто собираются несколько (2–3) группы. Таким образом, я поставила сказки «Колобок», «Красная Шапочка», «Кот, петух и лиса», «Лиса и зайка», «Мойдодыр», «Девочка чумазая», «Три медведя». Часто, особенно зимой, организовывали выступления детей. Устраивали игры-драматизации, когда дети сами исполняли роли персонажей сказок. Все эти развлечения дети очень любят и часто просят повторения.

Работа с родителями большей частью заключается в беседах, даче советов (как лучше создать условия ребенку, как его удобнее одеть). В беседах и иногда в посещениях (посещала еще мало, только 5 семей) стараюсь узнать об условиях, созданных для ребенка дома, помогаю советом, достаю необходимое, советую, как лучше сделать то или другое. Стараюсь, чтобы воспитательная работа дома не шла в разрез с работой детского сада. В семьях фронтовиков стараюсь помочь детям не так остро чувствовать отсутствие отца и матери. В группе 26 детей фронтовиков, стараюсь создать детям в д/саду обстановку второй семьи, ласково, внимательно стараюсь подходить к детям, чтобы дети радостно, охотно приходили в д/сад. И отчасти я этого добилась. Матери Лиды Б. нужно было обменять комнату, так как ее комната пострадала. Я узнала, куда нужно обратиться, и помогла ей написать заявление. Б. обменяли комнату.

До мая месяца я работала в группе по 9 часов в день, с мая мне дали смену и теперь я работаю по 6 часов. Прослушала курсы по повышению квалификации и окончила их. Кончаю 9-й класс ср. школы. Читаю газеты, посещаю лекторий, читаю литературу по дошкольному воспитанию. Много работаю над повышением своего культурного уровня.

Главной задачей в году 1942 было физическое оздоровление детей (см. физ. воспит. выше). И результаты этой работы достигнуты. Дети стали крепкими, здоровыми, сильно выросли. В дальнейшей своей работе буду продолжать оздоровление детей, продвигать их и по остальным разделам воспитания. Многого уже добились (дети отдыхали в шезлонгах, на днях будут готовы все кроватки, и дети смогут спать в кроватках). Но еще многое можно сделать для того, чтобы детям жилось хорошо, весело. Чтобы отцы, защищающие нашу Родину, были спокойны за жизнь и здоровье своих детей.

Приложение II-8

Отчет работы заведующей детским садом № 29 трамвайного парка им. Володарского Володарского р-на Шадурской О.Г.

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3

Отчет составлен заведующей ведомственным детским садом на основании записей в книгах учета воспитателей Васюковой, Лыткиной и Устиновой. По отдельным эпизодам указаны числа и фамилии педагогов. Стиль и орфография оригинала в целом сохранены, что позволяет почувствовать специфику времени и личности автора.

В коллектив детей детсада поступили новые дети не с полноценным здоровьем — как Меркулова с дистрофией, Зыковы Боря и Нина, Захаров, Маркевич Нина. Из числа общего коллектива детей — фронтовиков 25 чел. 8-милеток 6 человек и одна школьного возраста. В основу воспитательной работы взято: воспитать здоровых детей, привить любовь к родине, ее вождям, Красной Армии, ее героям[1], воспитание умственного развития, вежливости, наблюдения окружающей природы.

В области физического воспитания большое место занимало пребывание детей на воздухе, где прогулки проводились систематически ежедневно до 3–3$^1/_2$ часов. Это очень помогло нам в приучении организма ребенка к выносливости, и благодаря систематической работе над этим вопросом наши дети не имели простудных заболеваний. Они легко переносили температуру в газоубежище от 7 градусов, да и были ночи, когда дети по 4–5 раз шли из теплых спален в газоубежище и обратно. Эти маленькие существа бодро и быстро вставали (интернат 22 чел.), шли в уже изученное старое помещение без слез и волнений, собравшись за 3–5 минут.

По охране жизни ребенка у нас велась большая работа. Как у меня со всем взрослым коллективом, который часто инструктировала, как быстро организовать выход детей, что взять с собой; так и воспитатели объясняли

[1] Сначала Шадурская написала «Кр. арм.», потом зачеркнула и дала другую последовательность.

детям быстрый и спокойный выход в газоубежище (одежда лежала наготове на стульчиках в спальне). Были случаи, когда во время сильного обстрела района у нас в помещение и у входа влетали осколки. Так, например, 23/III-1943 г. осколок шрапнели весом 750 гр. разбил окно, влетел в группу, а осколок весом 1 кг. 670 гр. упал на крыльце у двери выхода; дети были уже в газоубежище.

Дети, справедливо я назову — «маленькие герои», которые при любой переживаемой обстановке не теряются, не плачут, а даже без сигнала старших они уже готовы к выходу. Я наблюдала в тревожные ночи топот ножек маленьких существ по коридору детского сада, как они в 5 минут уже были у двери выхода, ожидая воспитателя. Неля 4-х лет сказала: «Опять немцы-враги не дают нам спать, надо их прогнать» (*21/I-1943 г.*). Еще больше я переживала и в то же время видела сознательное самосохранение самого ребенка. Как они, выйдя из помещения детского сада, бежали друг за другом у самой стенки дома, чтобы сохранить себя от ранения осколком, т. к. были случаи, когда с объявлением тревоги одновременно работали зенитные орудия. Были такие моменты, когда дети готовы к выходу, но в двери грохотали осколки, дети терпеливо выжидали момента для безопасного выхода.

Дети понимали и переживали все эти тяжелые моменты. Эти чувства и навыки они даже отражали в дни праздников. Так, например, на елке дети получили в подарки барабаны с конфетами, малыши некоторые не знали, куда их деть. Костя П. подошел и громко сказал: «Оденем как противогазы». Мать Вовы Рыжак пришла навестить своего ребенка 5-ти лет. И в первых словах обращения к матери Вова сказал: «Мама, ты знаешь, что уже две ночи нет тревоги, мы в газоубежище не ходили. Наша Красная Армия бьет врага!» (*7/VI-1943 г.*). Сколько в этих коротких словах выражалось переживаний и любви к Красной Армии.

Охраняя жизнь ребенка, работники детского сада ежедневно просматривали площадку для прогулки и очищали от предметов, опасных для жизни ребенка. Воспитатели и я объясняли детям ничего не собирать по дороге, идя в детский сад. И на прогулках говорили, что пуля может взорваться и поранить. Укрепляя организм ребенка, продолжалась работа по развитию движений, ловкости, укреплению мышечной системы для обеих групп с учетом их возраста и физического развития. Занятия строились на играх, включающих в себя упражнения для различных органов и мышц. Для организации коллектива — построение в круг парами, четверками и др. Для рук — ветряная мельница, сжимание в кулак. Для туловища, мышц спины, живота — «рубка дров», «кошечка», «насос», «ласточки»; упражнения в равновесии — хождение по узким скамейкам, лазание. На внимание — построение по сигналу и др., что планировалось в проведении физ. занятий. Например:

5/I.1943 г. В плане: ходьба с высоким подъемом ног, повороты направо, налево. *Учет:* Рудик уже умеет делать повороты. На занятиях я заметила, что еще не все дети умеют ходить «лошадками», высоко поднимать ноги. Особенно слабо Тамара К., Олег П. С ними надо отдельно заниматься.

8/I. В плане — прыжки в длину ст. дети, прыжки через веревку мл. детям. *Учет:* с прыжками дети справились. Вове К. надо поупражняться, сделать веревочку ниже.

1/III. В плане — подползание под веревку, не задев ее. *Учет* — эти упражнения дети легко сделали очень хорошо, кроме Светланы. Очень хорошо получилось у Алика, он быстро умеет ползать.

Вечером на прогулках закреплялись навыки движения детей в играх, напр.:

5/IV. В плане: игры на заставе. *Учет:* дети хорошо подползали к скамейке, обозначающей линию фронта.

20/IV. В плане: переправа через снежный вал. *Учет:* дети все перепрыгнули.

Проводилось много других игр, закрепляющих навыки детей в движениях. Со слабыми детьми проводились вначале игры без движений: бросание шариков, катание мяча, затем со спокойными движениями: хождение в круг, по линейке. С возрастанием их физического состояния усложнялись и движения. Эти дети были вначале малоподвижны, вялы, не принимали участие в играх и занятиях. Теперь они маршируют, поднимают ноги, участвуют во всех играх.

Захаров Шура поступил 6/III-1943 г., Зыковы поступили 11/III-1943 г., Маркович в янв. 1943 г. Меркулова Тома. Этим детям было уделено особое внимание. Я обеспечила их дополнительным питанием: овощи с огорода д/сада, витамины, рыбий жир. Дети стали поправляться. Воспитатель Лыткина пишет разговор с матерью Нины Маркович: «Я думала, что моя Нина никогда не поправится, а теперь знаете, она дома пляшет и поет, знает много стихов. И все время играет, что даже и я ее не могу уложить спать!» (*2/IV-1943 г.*)

Дневной сон обеспечен был для всех детей до 6-ти лет. Были поставлены дополнительно в зале кровати. Проводилось умывание ног на ночь, иногда в тревожные дни его не проводили

во избежание нежелательных последствий. С изменением температуры воздуха и удлинением дня пребывание детей на воздухе увеличивалось до 5 часов. Это создавало условия для оздоровительной работы и проведению всего режима дня на воздухе. Большое внимание пребыванию детей на воздухе уделяли Васюкова и Лыткина.

Нашей задачей было воспитать любовь к Красной Армии и ненависть к врагу. Эта работа ежедневно интересовала детей. Они очень любили слушать, когда им читали или рассказывали про Красную Армию или отдельных героев. В своих играх отображали воспринятую любовь к Красной Армии. Например: «На прогулку дети взяли винтовки. Витя Ц., Тамара Щ. были командирами, остальные бойцами. Маршировали с винтовками, проходили военную подготовку. Дети слушали команду командиров» (*5/III-1943 г.*). Воспитатели детям читали о героях Гражданской войны Чапаеве, Фрунзе, «Разъезд 105», «Григорий Иванович» и др. Об отдельных героях: тов. Бакуме, бондаревцах, читались статьи из газет о доблести и борьбе нашей Красной Армии с фашистами, показывали для рассматривания картинки. Например: картинка «Полевая пушка». Костя К., рассматривая, сказал: «Мой папа в Кронштадте, он с корабля бьет врага». Картинка «Танкисты в атаке». Костя П. посмотрел и говорит: «Я сегодня шел в д/с. и видел героя танкиста, у него на груди золотая медаль и значок».

Сколько было радости, когда они услышали о прорыве блокады города Ленинграда. Разговорам не было конца: «Мой папа артиллерист, он тоже прорывал блокаду», — с гордостью заявляет Рудик Лединский. «А мой папа зенитчик, он сбивает немецкие самолеты. Он военный», — радостно говорит Тамара Щ. «Наши бойцы заняли много селений, городов, пушек, винтовок, пулеметов», — говорит Вера Смирнова 6 лет (*19/I-1943 г.*).

Дети переживали с взрослыми этот радостный день. Они спрашивали у взрослых, что правда теперь у нас в Ленинграде будет лучше. «Правда, дети», — отвечала им воспитательница Васюкова. — Теперь больше подвезут снарядов, чтобы совсем прогнать врага, и больше привезут населению и армии продуктов». Дети часто наблюдали, как проходят воинские части в часы их учебы, как наши герои-соколы летят уничтожать врага. Дети живо это воспринимали. Они любят свою могучую Красную Армию и ненавидят врага.

Окружающая природа создавала условия воспитывать в детях наблюдательность, пытливость, любовь к растениям и цветам, которые они посеяли и посадили в уголке природы вместе с воспитателем: горох, лук, корнеплоды репы, свеклы, моркови, капусты, картофеля. Цветы: резеда, астры, мать-и-мачеха, маргаритки. После посадки Валя Котов сказал: «Теперь польем и будем ухаживать каждый день, что посадили, чтобы выросло все» (*15/II-1943 г.*). Дети часто подходили к своему посеву и замечали изменения. Например: «Вова, посмотри, как моя горошина выросла», — говорит Валя Котов, показывая на горох (*2/III-1943 г.*).

Нина Шепелева, Вова Мухин обратились к детям: «Посмотрите, как семена проросли, а капуста как расцвела, репа тоже распустилась, вот только свекла не растет что-то» (*10/III-1943 г.*). Свекла действительно плохо росла, т. к. была поставлена на теневой стороне. Здесь воспитательница предложила детям поставить свеклу на солнечной стороне, где больше света. «Ох, свекла-то наша стала оживать! — заметил Витя Ц. — Вот какие зеленые листья стали». «А это потому, что мы ее переставили на другое место, где больше солнца и света», — ответила Люба Максимова (*16/IV-1943 г.*). На прогулке дети наблюдали за движением облаков. «Как холодно стало, сколько туч много, и все они движутся», — говорит Нина Шепелева. (*7/III-1943 г.*).

Детям давалось понятие о жизни насекомых, что на зиму они прячутся, где тепло — под кору деревьев, зарываются в землю. Развивая наблюдательность и пытливость детей, воспитательница Мышкина весной с детьми стала вскапывать клумбу. «Ах, смотрите, в земле гусеница живет», — говорит Светлана Малькова, держа гусеницу в руке. «Там тепло ей, наверное, было, возьмите ее в уголок наш природы», — продолжала Светлана (*10/IV-1943 г.*). Воспитатели старались использовать каждый момент в изменениях природы — тепло, похолодание, ветер и др. явления. Использовали снег в играх детей — снежная баба, мягкий снег, можно лепить. Снежная клумба из рыхлого снега. Снег тает — украсить разноцветными льдинками свои постройки.

Воспитывалась любовь к красоте природы. Например «Какой иней густой, все деревья покрыты, как красиво у нас на площадке», — говорит Коля Лукин (*22/II-1943 г.*). «А у нас тоже много инея на деревьях у дома, где живем», — ответил Костя П. (*22/II-1943 г.*) Детям читали и рассказывали о животных на севере, их пользе для человека: олени, собаки, белые медведи и др.

Развитие детского творчества, привитие трудовых навыков проводилось с учетом развития детей. Так, дети Алик Парийский, Тома Карпова, Шурик Захаров, Зыков Боря не имели дома навыка правильно держать карандаш, кисть. В рисунках получались неоправданные линии — каракули (дети 6 лет). Воспитательница Васюкова учла этих детей и, развивая их

интерес к творчеству, старалась посадить во время занятий с более продвинутыми детьми, помогала сама, если дети не знали, какую краску положить на тот или другой свой рисунок.

Воспитательница спрашивала: «Какого цвета, Боря, труба? Вова, а лес какого цвета?» Дети вспоминали и брали соответствующие цвета красок для раскрашивания своих рисунков. И уже в учете воспитательницы отмечено: «Сейчас их рисунки совсем не походят на первоначальные, в них теперь виден определенный сюжет, предметы приобретают свой правильный вид. Если раньше пересеченные каракульные линии обозначали дом у Алика Парийского и других, то теперь можно сказать, что это дом, это пушка» (*1/III-1943 г.*). Дети из бросового материала и бумаги делали игрушки-самоделки: коробочки, пушки, вертушки, кукольную мебель. Здесь дети получали и новые навыки пользования кисточкой, ножницами и др. Дети-новички клей и краску брали, испачкав больше половины ручки у кисточки: «Алик Парийский и другие новые дети всю кисть испачкали в краску и клей. Я им показала, что клей и краску надо брать, только помочить немного края щетины кисточки, а ручка должна быть чистой» (*15/III*).

Детям давалось умение владеть иголкой, навык шитья вперед иголкой, назад иголкой, стебельчатый шов. Данные занятия любил из мальчиков Валя Котов, он сейчас хорошо и аккуратно вышивает, девочки все вышивают и владеют навыками, кроме Светланы Мальковой (6 лет). У нее еще мал навык владения иголкой. Дети научились пришивать себе пуговицы. Со школьным возрастом работа усложнялась постепенно, как с Тамарой Щ., Ниной Ш., Любой М.

Из пластилина дети лепили разных животных, воспроизводили прочитанное из сказки, как, например: «Сказки о рыбаке и рыбке» Пушкина. Здесь целый сюжет был — корыто разбитое, корыто целое, изба, дворец, старуха у разбитого корыта, старуха у дворца, поклон старика старухе. Дети часто меня звали к себе в группу показать свое творчество. На занятиях дети старшей группы изготовляли малышам подарки — лото. Каждый хотел дать лучшую карточку.

Развивая речь ребенка, обращалось внимание на правильность произношения, развития мышления, памяти. Читали детям рассказы, сказки, разучивали стихотворения, рассказ по картинке, пересказ прочитанного, беседа, разговор с детьми. Все это развивало и обогащало речь ребенка, что имело место в плане и учете воспитателей. Например: «Отдельные дети, как Галя В., не могла воспринять содержание картинки. Я стала с ней заниматься индивидуально, старалась ей больше показывать картинки с несложным содержанием, чтобы развить ее восприятие и мышление. Теперь Валя стала говорить стихотворения, рассказывать картинку, простую по содержанию». (*Учет Лыткиной*).

Большая работа проводилась с детьми по воспитанию навыков опрятности, чистоты, как залога здоровья ребенка. Работа отражена в плане и учете. Например: «Сегодня проверила наличие у всех носовых платков. Принесли все». «Просмотреть ногти у всех детей: длинные ногти оказались у Вовы Я. и Нины Ш., я им остригла». «Обратить внимание на внешний вид Веры Смирновой, Вовы Яковлева». «Вера и Вова пришли сегодня чистые, с новыми платками». «Проследить, как умывается Вера С. и Вова Я. (мылись без мыла). Вымыли сегодня лицо, шею, руки с мылом, на пол не капали, аккуратно». «Сегодня просмотреть при приеме детей — снимают ли они галоши у входа». «Сегодня все дети сняли галоши, кроме Бори Зыкова. С Борей надо индивидуально проводить работу». (*Учет Васюковой*).

Вечерняя смена. 3/II. Проследить за Лидией Фроловой, как она моется перед сном. Учет: «Мыла только руки. Предложила ей вымыть лицо, руки, шею. Нина выполнила. Обещала теперь мыть все». 5/III. «Проверить носовые платки». Учет: «Платки у всех, у Веры Смирновой грязный. Поговорить с матерью с просьбой дать чистый платок». 7/IV. «Последить, как дети снимают галоши и очищают снег у входа». «Забыла одна Нина Шепелева, я ей напомнила». (*Учет Лыткиной*).

Дети приобретали потребность к чистоте, и если кто не снимал галоши у входа, это сразу замечали другие дети. Так, например: «Я наблюдала возвращение детей с прогулки. Было приятно смотреть, как дети, подходя к входной двери, снимали галоши, несли и ставили в свои шкафы. Не снял Вова Рыжак, забыл. Ко мне подошла Галя Белова 4-х лет и говорит: “Ольга Григорьевна, Вова Рыжак не снял галоши”. “Галя, сделай замечание”. Галя не растерялась, остановила Вову. “Вова, сними галоши, пойди на крыльцо”, — сказала Галя. Вова пошел обратно к двери, снял галоши, принес, поставил в свой шкаф. Эту работу надо проводить ежедневно, чтобы навыки чистоты и опрятности дети восприняли, чтобы это было их потребностью».

Вежливость, уважение к старшим — законы культуры будущего взрослого человека. Этой работе мы уделяем большое внимание. Раньше дети даже не умели поздороваться со старшими. Теперь вошедшему в группу взрослому предлагают сесть. Здесь взрослые своим примером воспитывали детей. Работу планировали. Например: «Проследить, все ли дети здороваются при входе в детский сад». Дети старшей группы помогали

убирать участок младшим. Дети научились радостно встречать новых детей, пришедших в детский сад. Так, например: «Я наблюдала, когда пришли Зыковы Боря и Нина. Малыши сразу окружили Нину, дали ей стул, а Валя Ловягина принесла настольные игры: “На, Нина, играй. У нас много игрушек, тебе не будет скучно у нас”».

А в старшей группе Боре З. дети стали показывать свои рисунки, поделки, вышивание, игровой уголок. Боря З. повеселел и хорошо провел первый день в детском саду. Наши дети окружили его вниманием и своей дружбой. Боря стал веселый и общительный с детьми и не всегда хочет уходить из детского сада. Я могу еще рассказать, как дети следили за его вежливостью. В учете Лыткиной: «К нам в группу пришел новый мальчик Боря Зыков, он никогда не был в детском саду и естественно мальчик без всяких навыков. После обеда он быстро вскакивал из-за стола и, не поблагодарив, не задвинув стул, уходил в сторону. Дети быстро заметили и говорят: “А Боря какой невежливый — покушал и не поблагодарил”. Нина Ш.: “Он и стул не задвинул за собой”».

Музыкальное воспитание с детьми проводилось. Но музыкальный воспитатель — работник молодой, малоопытный. Желание и интерес к работе есть, с детьми ласкова и внимательна. Я рассказываю об опыте лучших музыкальных работников, с которыми мне приходилось работать. Как план составляли на основе устава детского сада, что надо больше развивать движения детей в играх. Это детям интересно, и легче воспринимается развивать музыкальный слух путем слушания.

Перельман ищет пути своего роста, бывает в Гороно за советами у лучших работников районов. Воспитатели связывают свою работу с работой музыкального воспитателя. Они проводят в играх на участке движения, данные на музыкальных занятиях. Повторяют песенки, пляски, развивают слух через слушание пластинок патефона. Например:

> 12/II-1943 г. Слушали патефон, пластинку «Мойдодыр» Чуковского. Дети воспринимали прослушанное. Коля сказал: «Я дома маме помогаю мыть посуду».
>
> 7/IV. Игра «Кто скорей». Движения были освоены 6 чел. детей.

У нас воспитывается Тамара Щ., сирота, мать умерла в 1942 году. Отец на фронте, часто пишет. Тамаре были созданы условия, она продолжала учебу и окончила 2 класс. В этом помогло РОНО. Наши воспитатели в свободное время от работы помогали Тамаре готовить уроки, следили, как она справляется с ними. Девочка часто грустит, мы уделяем ей материнскую ласку, она стала нашей близкой, родной.

Чтобы обеспечить работу воспитателей и в целом работу детского сада, были продуманы все вопросы, в практике встречались и трудности. Заготовка дров происходила силами работников детского сада: ломка, пилка, колка. Дрова перевозились на санках или переносились, учитывая возможную сложность топлива, в дальнейшем уже сократили часы топки, а также дрова были заменены сбором обломков с участков разобранных домов. Светом обеспечены, вода есть. Но в отношении канализации бывает залив со 2 этажа, где помещается столовая, и засоряются трубы.

Питанию детей уделялось большое внимание, но кроме нормированных продуктов дети получали в меню дополнительно овощи с огорода детского сада, которые у меня спланированы до новой зелени. Так у нас в детском саду еще имеется квашеная капуста, дети ее получают как витамины в сыром виде, в приготовлении щей, пирога, тушеной солянки, котлет. Свежая капуста и овощи были по 1/II-1943 года. Дети получали свежие щи и салаты, соусы: брюквенный, из свеклы. Позднее получили через трест Лентрамвая от рабочих города Кирова в дополнительное питание колбасу, мед, грибы, лук, на что работники детского сада послали тов. Сороке М. Х. и рабочим города Кирова благодарность за заботу о детях. Слабые дети получали рыбий жир, витамины и др.

Перед воспитателями был поставлен вопрос: следить за детьми, чтобы все свои порции съедали. Выдача пищи была поручена кухарке Амосовой, которая изучила каждого ребенка в отдельности и какие блюда дети больше любят. Например, знала, что Вова М. любит пирожки с капустой и рисом, Нина Ш. — салат из свежих овощей, Тамара — овощные котлеты, блинчики с мясом, Юра — гурьевскую кашу, Витя — пышный омлет, Люба — паштет с яйцами и маслом и др. В питании учитывалось состояние здоровья ребенка, которым врач назначил отдельное меню — как Козлову Юре (почечник) бессолевую пищу, Миронову Юре не крутые каши (выпадение прямой кишки), Меркулова, Маркевич (дистрофики). Таких детей мы сами хорошо изучили и приучали их к полноценной норме питания постепенно.

У Меркуловой Т. при поступлении в детский сад (с 1 января 1943 года) голова всегда лежит на плече, глаза мутные, двигаться и говорить с трудом могла. В это время ее мать, тоже дистрофик, легла в больницу. Просьба отца была ко мне оставить ребенка в интернате, иначе она у него погибнет. Несмотря на опасные моменты тревог ночью и с полужизненным состоянием здоровья, мы решили ее оставить в детском саду. В газоубежище, туда и обратно, носили на руках. Через

месяца полтора девочка стала поправляться, глаза выразительные, ходит быстрее. При посещении отец заметил заметную перемену улучшения в ребенке и сказал мне: «Спасибо вам всем за мою дочь, я бы ее не сохранил, да и мать больна».

Сейчас Т. играет вместе с детьми, раньше с трудом сидела с ними, речь уже развита, даже любит много говорить, выросла. Но все же следы дистрофии еще имеются, тем более, что она перенесла воспаление легких еще маленьким ребенком. У Козлова Юры с соблюдением меню заболевание почек не повторялось. Юру Миронова пришлось определить в больницу. Мать обещала, так как требовалось хирургическое лечение с выпадением кишки. Мальчик хороший, ласковый, любил быть среди детей. Часто меня останавливал и спрашивал; «Скоро моя мама придет ко мне?» Я хочу сказать, что любовь матери к Юре была сложная. Мы вызвали ее, чтобы она сходила с ребенком в больницу. Мать обещала, но на следующий день не явилась. Пришлось Юру отвести воспитателям без матери. Пришла через 15 дней узнать о Юре. Направили в больницу ее.

Огород детского сада в жизни детей имел большое место в данных условиях. Сил затрачивается много, обрабатывается исключительно силами работников детского сада. Правда, есть еще несознательные граждане, которые отнимают драгоценное время у всего коллектива. При наличии охраны пришлось всему коллективу по очереди охранять овощи. В этом году участок детского сада в другом месте. Его мы изучаем. Вскопали 900 кв. м, из них целины 400 кв. м исключительно силами работников детского сада, максимум пал на долю младшего обслуживающего персонала. Коллектив работников детского сада имеет свои участки от огорода. Часть участков огорода мы очистили от сора, но впереди еще много работы по очистке. По этому вопросу я обратилась к начальнику военной школы, которая рядом с огородом, тов. Семенову о прекращении засорения участка банками и помоями. Данный участок я закрепила в зем. отделе за детским садом.

В отношении одежды дети были обеспечены, за исключением трех, выдала им валенки детского сада. Детям Зыковым была оказана помощь по линии военкомата, Поляковой Але с места работы отца мне дали для нее ордер, когда ее мать лежала в больнице. По этому ордеру мы купили Але сапоги. Тамаре Щербаковой дали сандалии детского сада и галоши.

В газоубежище оборудовала сон, поставила раскладушки, достала подушки, половик для укрывания ног, чтобы дети не простудились. Одеяла, белье заготовлены отдельно в узле, который няня уже с вечера несет в газоубежище. Во время тревог дети приходили туда, сразу ложатся спать, зная свои места. Воспитательницы и няня их накрывали тепло. Туда брались детские противогазы, сумка хим. разведчика, хим. пакеты. Все имущество каждый раз закреплялось за дежурными по детскому саду. Охрана МПВ организована, выделены ответственные за участок. Оборудование: лопаты, ведра, песок, бочка с водой, ломы, рукавицы, щипцы, — имеется в отведенном месте детского сада.

Для повышения качества работы детского сада проводились производственные совещания, летучки, повседневная индивидуальная работа с младшим обслуживающим персоналом: беседы, читка газет, статей. Работа была распределена среди воспитателей. На производственных совещаниях ставились и разрешались вопросы о работе воспитателей с детьми, младшего обслуживающего персонала, рациона питания, обсуждение соц. договора, соц. обязательства, итоги их, подготовка к проведению праздников. Производственные совещания помогали в работе, подтягивались отстающие, как, например, уборщица Антоненко, которая отставала от товарищей, не успевала выполнять возложенную работу, несмотря на свой возраст (19 лет).

Летучки проводились по охвату займами, где работники сами пожелали помочь Красной Армии. Так, на танковую колонну Л-й осовиахимовец — 100 р., на самолет Лентрамвая — 1040 р., на теплые вещи Кр. Армии — 135 р., на 2-й гос. военный заем — 2270 р. Читали статьи, где освещалась борьба Красной Армии, награждения за доблесть, приказ т. Сталина № 95; статьи, информирующие о борьбе с фашистами наших друзей-союзников; статьи по экономике страны.

Персонально проводила работу с младшим персоналом, как убирать; не стесняясь, сама показывала, особенно Антоненко, которая мало что воспринимала (по характеру упрямая). Показывала накрывание на стол, пример вежливости в разговоре с детьми, внимание к ним. Помощь в одевании детей, роль во время тревог и выводов. Так, например: Васильева и Антоненко не всегда отвечали, когда дети обращались к ним с вопросом. Это получалось не потому, что не жалели и не замечали, а просто не понимали, что своим молчанием они отдаляли любовь и уважение к старшим. Я собрала всех работников, объяснила, какая задача у нас взята по воспитанию вежливости детей и что в выполнении этой задачи должен участвовать и младший обслуживающий персонал.

Беседа дала результаты. Няни вежливые, внимательные к детям. В обращении детей чувствуется любовь к ним, например: Неля идет и просит: «Тетя Дуся, застегни мне резинку, чулок

упал». Тетя Дуся внимательно поднимает чулок Нели и пристегивает на резинку. Таких примеров много. Ночная няня Наумова уделяет большое внимание вежливости детей. Она следит, чтобы дети сказали «спокойной ночи, с добрым утром». С кухаркой Амосовой проведена работа по экономии дров. Прочитали статьи газеты «Ленинградская правда», освещающие вопрос экономии топлива. Сейчас Амосова с утра уже намечает план, где собрать лом дров, и час окончания топки. Каждый день она после работы организует всех работников для сбора дров, которые они ежедневно приносят с пустырей по Троицкой ул.

Улучшение роста жизни в Ленинграде требовало роста воспитательной работы, и моей задачей было повысить рост знаний самих воспитателей в освоении литературы, в методике проведения занятий. Состав воспитателей детского сада — молодые, работают второй год в детском саду. Устинова имеет стаж 10 лет воспитательной работы. Воспитательницы Васюкова и Лыткина недостаточно имеют знания, как построить занятия, как преподнести материал данного занятия, методику проведения занятия.

При посещении мною занятий ст. группы 21/I 1943 г., где Лыткина проводила рассказывание, я заметила, что воспитательница не подготовлена, рассказ не продуман, труден по содержанию для восприятия детей. Рассказать прослушанное она не предлагала детям, а вызывала. Посетила занятие воспитательницы Васюковой, которая проводила рассказывание по картинке «Переполох». Занятие было не подготовлено, метод рассказывания не освоен, дети отвлекались от содержания картинки и зрительного ее восприятия. После занятий я сразу провела беседы с воспитателями Лыткиной и Васюковой.

1. Надо подбирать рассказ для детей по содержанию, доступному восприятию данного возраста и с соответствием намеченной цели. Например, если воспитатель хочет воспитать дружбу детей, то и рассказ должен раскрыть перед детьми эту дружбу и т. д. Затем, после прослушанного рассказа не следует вызывать определенных детей, а предложить рассказать тем, кто внимательно слушал или др., чтобы стимулировать интерес к слушанию и желанию рассказать, а также выявить продвижение детей и в дальнейшей работе наметить план с мало еще продвинутыми детьми.
2. Воспитательнице Васюковой надо подбирать содержание картинки, учитывая умственное развитие группы. Вначале надо начать с не сложной по содержанию картинки, чтобы ребенок мог быстро и легко воспринять и коротко рассказать. К занятиям надо готовиться. Дальше я сама провела занятие — рассказывание по картинке, чтобы помочь в работе воспитателя. Выбрала с воспитателем Васюковой простую по содержанию картинку «Занятия детей с дидактической игрушкой» (пирамидой). Я прежде рассказала, как надо подводить детей к восприятию картинки, например: где происходят занятия, когда (день-ночь), с чем дети занимаются, какого цвета пирамиды, которая выше, которая ниже, сколько пирамид, кто правильно и быстрее собрал, чтобы все эти понятия дети могли вложить в хороший рассказ. Затем за 3 дня до занятия выставить картинку в группе, чтобы дети с нею знакомились. Роль же воспитателя — подсказать детям еще не воспринятые ими моменты содержания картинки, тем самым подготовить их к занятиям.

На проведенных мною занятиях были все воспитатели нашего детского сада. Воспитатель Васюкова сказала мне: «Сейчас поняла и представила конкретно, как надо проводить занятия. Я не знала, что отвлекаться от содержания картинки не рекомендуется». Воспитатель Лыткина не стала брать длинные рассказы для пересказа детям. Дальше я провела в ст. группе занятие «Работа с материалами» для всех воспитателей. Я наметила сделать лото для малышей. С воспитателями составили план занятий, заготовили весь материал, детей разделили на 3 подгруппы — одни рисуют картинки для лото, вторые — изготовляют картонки для наклеивания, третьи — наклеивают картинки. Затем продумали оборудование — ножницы, клей, бумага, подкладные доски, карандаши.

Накануне объяснила детям, какие завтра будут занятия, чтобы создать интерес к ним. На следующий день все материалы были положены на стол, дежурным сказала, как разложить их по столам. В этом занятии я показала роль воспитателя, педагогический тон разговора, подачу навыков, желание свою работу довести до конца. После занятия собрала сделанные картинки и фиксировала внимание детей — кто лучше сделал. Правда, было так аккуратно, чисто выполнено, что дети сомневались: «Кто же лучше?» Остановились на красочном рисунке земляники...

Много работала с воспитателями по подаче культурно-гигиенических навыков, как надо детям привить навыки аккуратного пользования уборной. Надо самому воспитателю присутствовать и объяснять назначение бумаги, умыть руки, тем самым воспитывать брезгливость к неряшливости и потребность к чистоте, особенно у детей

младшего возраста. Проводила консультации с воспитателями о плане и учете, помогала планировать.

С ростом требований к воспитательной работе повышались требования и к проведению педагогических совещаний. Они помогали знакомиться с воспитательной работой в группе. Вначале я сама готовилась, читая литературу, давала максимум для сообщения воспитателю и остальным воспитателям меньше. В беседе проверяла готовность докладчика к сообщению, делала замечания и предложения. Смотрела выводы предыдущего педсовета. На самом педсовете подводила итоги выполнения решений предыдущего педсовета, говорила, чем вызвано текущее сообщение (на основе взятых задач детского сада). Воспитатели серьезнее стали продумывать занятия по плану. Дети стали интересоваться занятиями и уже сами спрашивают: «Какое завтра будет занятие?»

Рост воспитательной работы и требования к ней в условиях блокады города Ленинграда не снимались, а выросли, ибо дети за стойкой защитой Красной Армии обеспечены всем необходимым. Условия уже переросли в более широкие формы работы с детьми. Так, 4 апреля 1943 года была проведена первая дошкольная олимпиада, которая проходила в большом зале райсовета Володарского района. От нашего детского сада участвовало 9 человек детей. Дети вернулись веселые, рассказывали, какие они видели работы, как было хорошо и весело. По предложению РОНО сама я участвовала в оформлении выставки по разделам воспитательной работы с детьми к проведению Дошкольной олимпиады. Это творчество детей на Олимпиаде у меня оставило приятно-радостное чувство за заботу о детях и большую проведенную работу в условиях блокированного города.

Мы знакомили родителей с воспитанниками и жизнью детей в детском саду. Родители всегда были у нас на детских праздниках. Неоднократно мы слышали разговор матерей: «А мы думали, что сейчас детей только кормят, а они еще и занимаются. Костя-то мой как хорошо говорил стихотворение». И мы старались больше их вовлекать в наши праздники. Некоторые мамаши, как Маркевич, помогали шить костюмы к празднику. Мы знакомили их с питанием детей, с нормой продуктов, привлекали дежурить. Но это не совсем удавалось, т. к. матери по специфике своей работы не имели свободного времени.

Мать одного ребенка, Полякова, при исполнении служебных обязанностей получила ранения, лежала в больнице полтора месяца. Девочка Аля была у нас. Мы ходили навещать мать в больницу. Но Але нам пришлось не говорить, что мама получила ранение во время обстрела, так как кто-то из детей ей сказал, Аля стала сильно плакать и отказалась кушать. Когда я узнала, сразу решила переключить Алю и сказала ей: «Заешь, Аля, мама твоя получила большое задание выполнить для Красной Армии, это доверили твоей маме». Аля повеселела и скушала обед в этот день. Затем я говорила всем детям, что Алина мама хорошая. Она готовит Красной Армии подарок. Так Аля совершенно успокоилась, когда я привезла письмо от мамы, тут Аля веселилась, как все дети. Так мы предохранили ребенка от возможного заболевания, она очень любит свою маму.

Проводим беседы с родителями о нуждах детей — одежду починить, зашить шапку и др. О сне ребенка — в определенное время укладывать спать, чтобы не болтались по улице после детского сада. С родителями, ушедшими на фронт, держали связь. Особенно много пишет отец Тамары Щербаковой. Был проведен вечер с выступлением детей и концертом артистов-любителей завода «Большевик» для родителей 8 марта. Присутствовало 35 матерей.

В своем плане я наметила выявить безнадзорных детей и принять их в детский сад... Зыковы Боря и Нина с утра до вечера находились под замком. Их мать умерла, отец на фронте, а тетя, у которой они находились, работала, человек безграмотный. Мы начали работу с тетей этих детей, чтобы она определила их в детский сад. Это ни к чему не привело. Тогда я ей предложила детей передать в детдом, и тут отказ. Здесь помогло РОНО. Когда инспектор дошкольный обследовал условия этих детей, тогда тетя пришла ко мне и заговорила об определении детей в детский сад. Дети были приняты к нам, и сейчас веселые, хорошие ребята. Позднее я выявила Борю Соколова 3-х лет. С 1/V 1943 г. он тоже принят в детский сад. С эвакуированными детьми д/с имеет переписку. Недавно послали письмо Лаврентцовой Гале, послали книги...

С работниками в детском саду освещались текущие моменты, по очереди они направлялись на доклады «Международное положение» при райсовете Володарского района (прослушали 5 докладов). Читали такие статьи, как: «Поддержим Красную Армию самоотверженным трудом» «Лен. правда» 15/III 1943 г., «Приказ т. Сталина № 95» «Лен. правда» 24/I 1943 г., «Экономить и рационально использовать топливо» «Лен. правда» 21/I 1943 г., «Уберечь жилище от огня» «Лен. правда» 20/II 1943 г., «Ускорим разгром гитлеровских разбойников» «Лен. правда» 4/III 1943 г. и др. статьи.

Выпустили бюллетени к елке, дню Красной Армии, 8 марта, 1 мая. Все работники были охвачены предоктябрьскими соц. обязательствами, ко дню Красной Армии, 8 марта, предмайскими. Наш детский сад в этом году посетили почетные люди: т. Сорока М. Х., управляющий трестом Лентрамвая, из горкома партии т. Орлов, зам. Наркома коммун. хоз. СССР, председатель ЦС городского транспорта. Дети радостно их встретили, предложили стулья и стали рассказывать, как живут, показывая им свои работы: альбомы с рисунками, поделки, письма, которые послали на фронт. Гости очень охотно разговаривали с детьми, спрашивали, у кого папа на фронте. Гости познакомились с жизнью детей. Поблагодарили и ушли. Общественность трамвайного парка помогает в работе — помощь матерям, в выявлении беспризорных детей и др. моменты...

15/VI-1943 г. Зав. детского сада Шадурская

Приложение II-9

Ильичева Е.И., воспитательница 21 д/с Выборгского района

Самодельные пособия для развития конструктивной деятельности детей

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4

В тяжелые и долгие годы Отечественной войны детские сады были лишены возможности приобрести пособия в магазинах, что и заставляло нас подумать об игрушках и играх собственного изобретения, чтобы дать детям пищу для умственного развития, для развития детского творчества и художественного вкуса. Я старалась изыскивать и использовать материал, не требующий большой технической обработки. Следила за творчеством детей во время их свободной деятельности и все доступное и полезное применяла в своей работе. Как-то осенью 1943 года, работала я тогда в младшей группе, мне пришлось делать подарок детям старшей группы, уходящим в школу, — палочки для счета. Малыши в это время играли с этими палочками, выкладывали домики, заборчики, строили колодцы и т. п.

Я внимательно следила за деятельностью малышей, и мне пришла мысль, что это будет ценный материал для выкладывания. Жили мы в Шувалове и каждый день ходили к озеру, где мы и нарезали этих палочек разной величины. Дети, которые постарше, принимали активное участие в изготовлении, и мы совместно нарезали очень много разнообразных по величине палочек. Для того чтобы они были привлекательнее, я их выкрасила в разные цвета. По приезде в город эти палочки стали любимым и полезным занятием для детей уже в средней группе.

Дети, играя с палочками, старались каждый раз выложить что-нибудь новое и очень радовались, если у них получалось что-нибудь особенно удачно, а главное — похоже на настоящее. Женя Белоусов выложил как-то «велосипед» и очень был рад, всем показывал и говорил: «Я всех вас покатаю». Дети выкладывали на столе, на песке дома, заборчики, деревья, танки, пушки, цветы. Вначале я сама зарисовывала лучшие из выложенных образцов, потом вывешивала это зарисовки в группе, обращая на них внимание детей. К концу работы в средней группе и нынче в старшей с теми же детьми я предлагаю детям самим зарисовать выложенный на столе рисунок — это очень увлекает детей, и у многих получаются довольно хорошие зарисовки. Я придаю очень большое значение этим зарисовкам, в особенности в плане подготовки к школе, так как таким путем дети научаются переносить чертеж с одной плоскости на другую, что облегчит им при поступлении в школу переписывание в тетрадь изображенного на доске.

Кроме этих палочек я еще сделала мозаику из геометрических форм. Мозаикой дети увлекались еще больше и очень скоро научились выкладывать интересные узоры, а попутно знакомились с геометрическими формами: круг, квадрат, треугольник, прямоугольник... Особенно увлекало детей то, что выложенный на столе узор может быть легко изменен, если это захочется. Хорошие работы я тут же зарисовывала, и эти рисунки служат образцами для выкладывания тем детям, которые пока еще затрудняются в составлении красивых и симметричных узоров. Иногда для закрепления полученных узоров даю детям наклеивание, и полученные работы после использую как пособие для развития связной речи, знакомя детей с пространственными соотношениями. Вот образцы такого выкладывания — достаточно развитый у детей художественный вкус и сноровка

заставляют меня видоизменять мозаику — давать формы разных размеров и цветов, иногда дети сами вырезают для себя нужные им формы.

Играть с палочками и мозаикой дети очень любят и особенно стараются сделать так, чтобы я разрешила сделать зарисовку сложенного узора, так как это значит, что узор сделан хорошо, «по-своему». Вот несколько образцов сделанных детьми зарисовок, но так как они технически еще не совершенны, то я сама копирую их с так называемых детских чертежей. Узоры получились замечательные, как говорят дети — «просто не налюбуешься», и дети очень любят по ним складывать узоры. Часто просят: «Дайте мне Олин или Валерика». Часто бывает так, что, начав с готового рисунка, дети тут же видоизменяют его и заканчивают работу по-своему. Если это такой ребенок, который имеет вообще выдержку для того, чтобы выложить по рисунку товарища, я положила ему такое отступление от образца, если же я преследую цель научить ребенка точно переснять изображенное, то я настаиваю на том, чтобы он сделал так, как имеется в образце. Словом, это индивидуально, в зависимости от целей, какие я ставила, от индивидуальности детей, от их умения.

В нынешнем году у детей прибавился еще новый материал для конструирования — это мелкий настольный строительный материал из сосновой коры. Этот материал мы сделали летом на даче вместе с детьми, и теперь он представляет собой неиссякаемый источник для претворения детской фантазии в конструировании. Строятся и дома, и железная дорога, и мосты, и зоосад, и т. п.

Итак, вот тот дидактический материал, для развития комбинаторных способностей детей, который может сделать каждый воспитатель и который дает очень много для развития творчества, художественного вкуса и чутья у детей. А также помогает им отражать свои впечатления от окружающей жизни более полно и сложно, чем это они делали бы, пользуясь одними графическими средствами. Кроме того, я заметила, что упражнения в конструировании обогащают и изотворчество детей — рисунки их богаче, сложнее и красивее, чем давали мне раньше дети, когда не имели возможности так много мускульно упражняться в складывании узоров и форм из палочек и объемных тел, и плоскостных фигур. Кроме того, данный материал имеет еще и то преимущество, что он ничего не стоит и может быть легко сделан воспитательницей даже с помощью детей.

Приложение II-10

Праздник елки 1941—1942 гг.

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17

Воспоминания Софьи Леонтьевны Солодухо, музыкального работника детского сада № 7 Смольнинского района

Каким-то особым ярким моментом включилась в нашу настороженную предельно собранную работу подготовка к празднику елки. Детские сады получили установку: постараться всеми силами создать для детей радостный эмоциональный праздник. Город задыхался в тисках железной блокады. Тем не менее, горисполком нашел возможным выделить для проведения елки в детских садах продукты и угощение. Дети получили по тому времени замечательный обед, получили угощение: шоколад, конфеты, пряники. Что все это значило в условиях того времени, трудно сейчас себе представить.

Мы старались по мере возможности втянуть всех детей в подготовку к празднику. Это нам частично удалось: дети радостно исполняли свои небольшие музыкально-двигательные композиции, пели песни, разучивали стихи, делали самоделки-украшения к елке. Восторженный, радостный настрой детей передавался и нам, взрослым. Были позабыты весь ужас и кошмар окружающей обстановки. Мы все были заражены одним желанием: наперекор всему, у нас расцветет неподдельная радость детей, у нас зазвучит звонкий детский смех. Мы как будто этим бросали вызов проклятому врагу.

Мы мобилизовали наши слабые физические силы, мы изощрялись в оформлении самой елки, всего зала и учреждения в целом, придумывали сюрпризные моменты, изыскивали костюмы для оформления детей. И действительно, во всех наших детских садах этот праздник прошел на высоком художественном уровне. Дети чудодейственной силой энергии и преданной работы взрослых были вырваны из своего состояния апатии и безразличия. К ним вернулось радостное детство, они были счастливы и долго, в течение следующих тяжелых

месяцев, воспоминания о чудесном празднике согревали и питали детскую фантазию.

Я была свидетельницей огромной детской радости, заполнявшей наши залы, когда открывались двери и традиционный Дед Мороз приглашал детей на елку. Нарядная елка, веселое карнавальное шествие, хороводы, пляски — все это было чудесно, все это уводило от жесткой действительности, все это было как в сказке. И дети окунались в эту атмосферу тепла и радости, забывали о горестях и страданиях повседневной жизни, в которые и они были брошены злодейской рукой ненавистного врага. Чарующе звучал детский смех, беспредельно было оживление и ликование детей. Присутствовавшая на праздниках небольшая группа родителей плакала от счастья за детей, пожимали нам руки, благодарили.

Я посетила несколько праздников елки и в других учреждениях. Была в детском доме № 1 на ул. Бакунина. Дети поразили меня своей страшной худобой и истощенностью. Это были в большинстве круглые сироты, родители которых пали жертвой блокады. Но и на этих бледных личиках заиграла улыбка, потухшие глаза оживились — дети от души веселились вокруг нарядной елки. Когда я заблаговременно пришла на праздник в 26-й детский сад Смольнинского района, то поневоле оказалась в роли соучастницы героических событий, которые прилагал коллектив взрослых детского сада для того, чтобы не сорвать детский праздник и провести его в назначенное время.

Оказалось, что после того, как было оформлено помещение зала и красавица елка заиграла своим блестящим нарядом, решили сделать самое ценное и ответственное по тому времени дело — затопили печь. Печь невыносимо задымила, и пришлось залить водой горевшие дрова. Дети в группах уже переодевались в свои костюмы, но привести их в холодный нетопленный зал было невозможно. Тогда самая большая групповая (комната) как будто по мановению волшебного жезла превратилась в сказочный зал. Со всякими предосторожностями, чтобы не разбить стеклянных игрушек, елка была перетащена и поставлена на середину комнаты. Пианино заняло место в углу. Начался праздник. Никогда я не забуду того трепета, охватившего меня с самого начала чудесного зрелища. Большие группы детей, оформленные с безупречной точностью богато и нарядно, оживленные и радостные; исключительный по своей сказочности Дед Мороз (воспитательница С. Комарова), чарующая проникновенная музыка и все покрывающий какой-то особой задушевностью голос ведущей Е. И. Зажигаевой, заведующей детским садом.

Весь этот праздник по своей красочности, по слаженности, продуманности всех своих моментов, по изобилию неожиданной сюрпризности, по исключительно глубокому художественному музыкальному оформлению являл собою выдающийся образец праздничного действия детского коллектива. В условиях нашего жестокого времени это было просто чудом. Отзвучали последние аккорды, дети покинули зал, а я, как завороженная, сидела, далекая от действительности, вся ушедшая в себя, не в состоянии сбросить очарования только что воспринятого. Вокруг меня задвигались. Я присмотрелась, все были радостно взволнованы. Я подошла к Е. И. Димегле. И тут только меня поразила мертвенная бледность исхудавшего лица, глубоко запавшие глаза. Ей, видимо, сильно нездоровилось. И в таком состоянии этот мастер своего дела провел только что закончившийся праздник! Ведь не было ни одного звука, ни одного оттенка, который бы на секунду изобличил ее страдающее физическое состояние. Все ее исполнение было безупречно, все было предельно законченно и художественно.

Все окружили Евгению Ивановну и Евгению Антоновну. Завязалась общая беседа. Мы делились впечатлениями о празднике, рассказывали друг другу о трудностях нашей работы, говорили о положении на фронте. И во всей этой беседе я не уловила ни одной нотки бессилия и отчаяния. Все рассказы, все реплики были проникнуты чувством глубокой ответственности за достойное выполнение порученного дела. Все было пронизано глубочайшей ненавистью к фашистским извергам, нарушившим нашу цветущую жизнь и повергшим наших детей в бездну лишений и горестей.

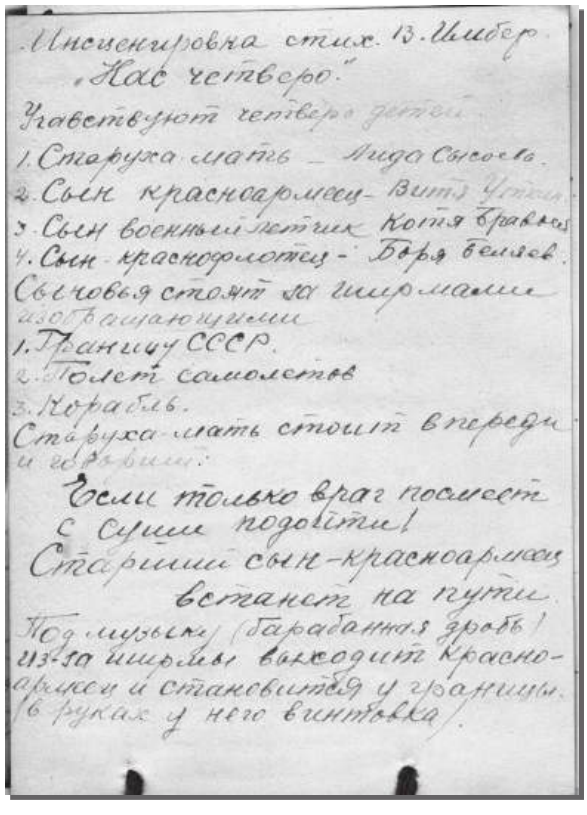
Трудно было подняться, трудно было встать и уйти, расстаться с этим уютом, с этой душевной лаской, с дорогими товарищами. Но темнело... Предстояла далекая пешая дорога, и все мы разошлись. Уходя, вся переполненная своими душевными воспоминаниями, я, ничего не сказав, только до боли стиснула руку Евгении Ивановны. Ответное рукопожатие убедило меня в том, что она меня поняла.

Я незаметно преодолела большое расстояние до дома, временами бежала, временами шла, отдыхая на тихом ходу. И как-то непроизвольно возник в моей памяти мотив испанского марша «Non passaran» «Нет, не пройдет». Да, там, где живут такие люди, там, где с таким восторгом, с такой преданностью выполняют порученное дело, там, где существует такая огромная товарищеская спаянность, там врагу не пробиться, там врагу не пройти! И на фоне этой безусловной уверенности встали наши дорогие дети, крепла вера, что недалек и день победы над проклятым врагом, и снова расцветет наша счастливая жизнь, и снова оживет звонкий смех нашей прекрасной детворы.

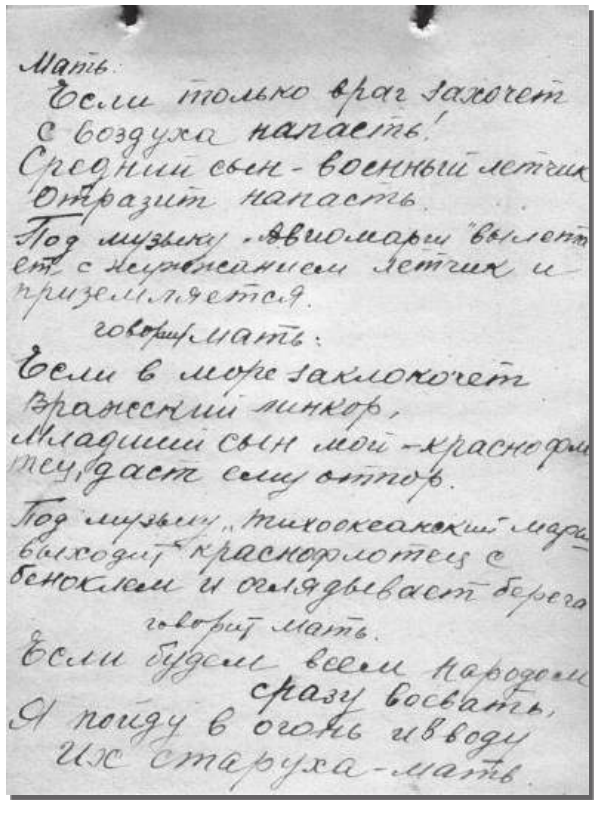
Приложение II-11

Праздники

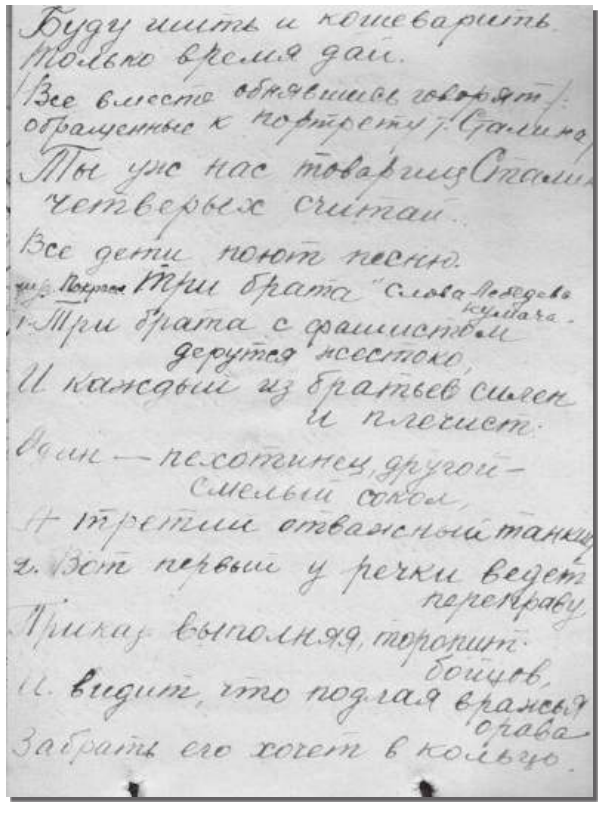
ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19
Музыкальный работник Д. Я. Ковалевская



Инсценировка стих. 13. Шибер.
„Нас четверо."
Участвуют четверо детей.
1. Старуха мать — Лида Сысоева.
2. Сын красноармеец — Витя Устин.
3. Сын военный летчик Котя Бравый.
4. Сын краснофлотец — Боря Беляев.
Сыновья стоят за ширмами изображающими
1. Границу СССР.
2. Полет самолетов
3. Корабль.
Старуха-мать стоит впереди и говорит:
Если только враг посмеет
с суши подойти!
Старший сын-красноармеец
встанет на пути.
Под музыку (барабанная дробь)
из-за ширмы выходит красноармеец и становится у границы.
В руках у него винтовка.

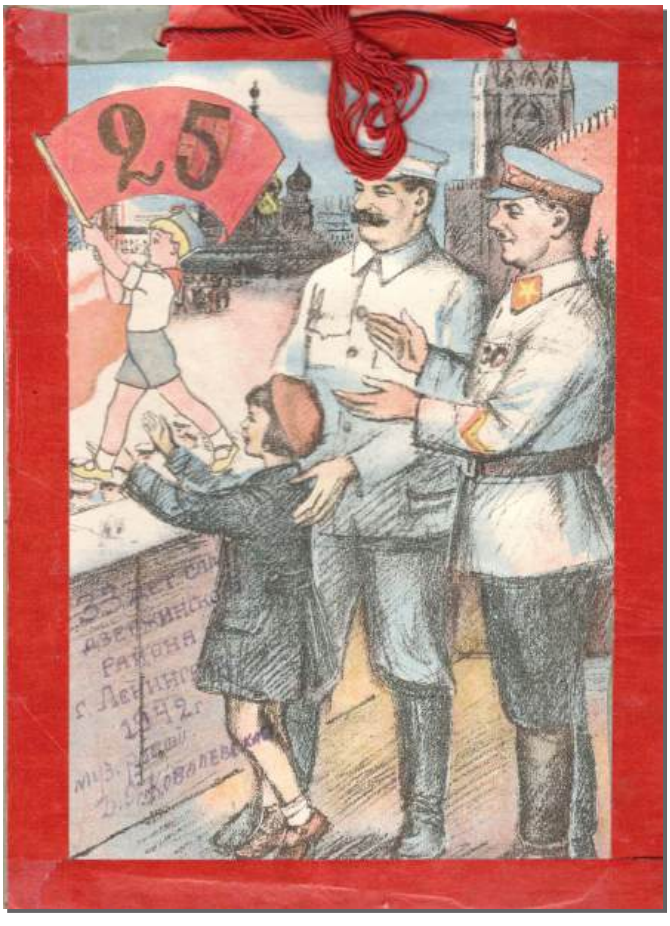


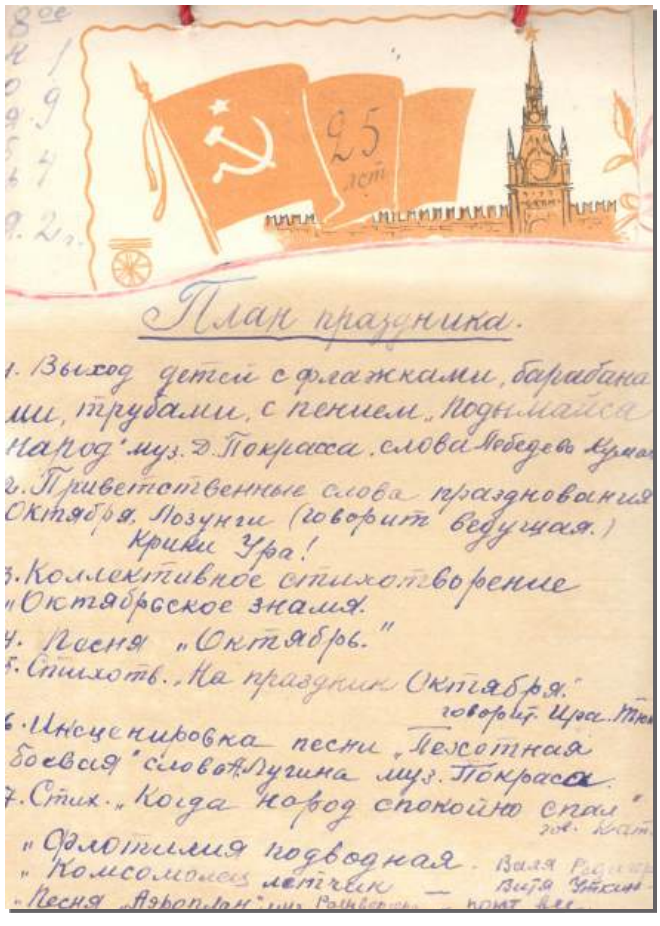
Мать:
Если только враг захочет
с воздуха напасть!
Средний сын - военный летчик
Отразит напасть.
Под музыку „Авиомарш" вылетает с изображением летчик и приземляется.
говорит мать:
Если в море заклокочет
Вражеский линкор,
Младший сын мой - краснофлотец, даст ему отпор.
Под музыку „Тихоокеанский марш" выходит краснофлотец с биноклем и оглядывает берега
говорит мать.
Если будем всем народом
сразу воевать,
Я пойду в огонь и воды
их старуха-мать.



Буду шить и кашеварить
Только время дай.
Все вместе обнявшись говорят, обращенные к портрету т. Сталина
Ты уж нас товарищ Сталин
четверых считай.
Все дети поют песню
муз. Покрасс „Три брата" слова Лебедева Кумача.
1. Три брата с фашистом
дерутся жестоко,
И каждый из братьев силен
и плечист.
Один — пехотинец, другой —
Смелый сокол,
А третий отважный танкист.
2. Вот первый у речки ведет
перекрабу
Приказ выполняя, торопит
бойцов,
А. видит, что подлая вражья орава
Забрать его хочет в кольцо.

Сценарий праздника к 25-й годовщине Октября (1942 г.)





Песенка с движением, „Вот мой флажок качается." (для младш. гр.)
Дети стоят в кружочке, в руках у них флажки. На первый куплет
Вот мой флажок качается
Вот так, вот так, вот так,
Дети качают перед собой флажки.
2. Флажок мой поднимается
Вот так, вот так, вот так.
(поднимают медленно флажки)
3. Мой флажок я потряссу
Вот так, вот так, вот так.
(потрясывают)

4. Мой флажок я опущу.
Тихонько опущу. (опускают медленно флажок)

Плясочка с флажком „Тук, тук."
(содержание имеется в гармонисодежде)

Мишка в гостях на празднике.
Игра для маленьких.

„Матрешки" (песенка с пляской на мотив украинской песенки)
Мы в Кремле родились,
И на славу удались,
Щечки пухленькие, сами круглленькие.
(дети поют, а затем свободно пляшут)

Август — сентябрь 1942 г.

Сценарий летнего праздника
Сказка „В лесу"
(26-й детсад Смольнинского р-на
г. Ленинграда)

Воспитательница старшей
Комарова С. Ф.

Сказка „В лесу" придумана детьми старшей гр-пы во время занятий, рассказ продолжением в начале августа 1942 г.

В августе было проведено открытое занятие для заведующих и воспитателей города (и прошло довольно успешно): „Драматизация сказки: „В лесу".

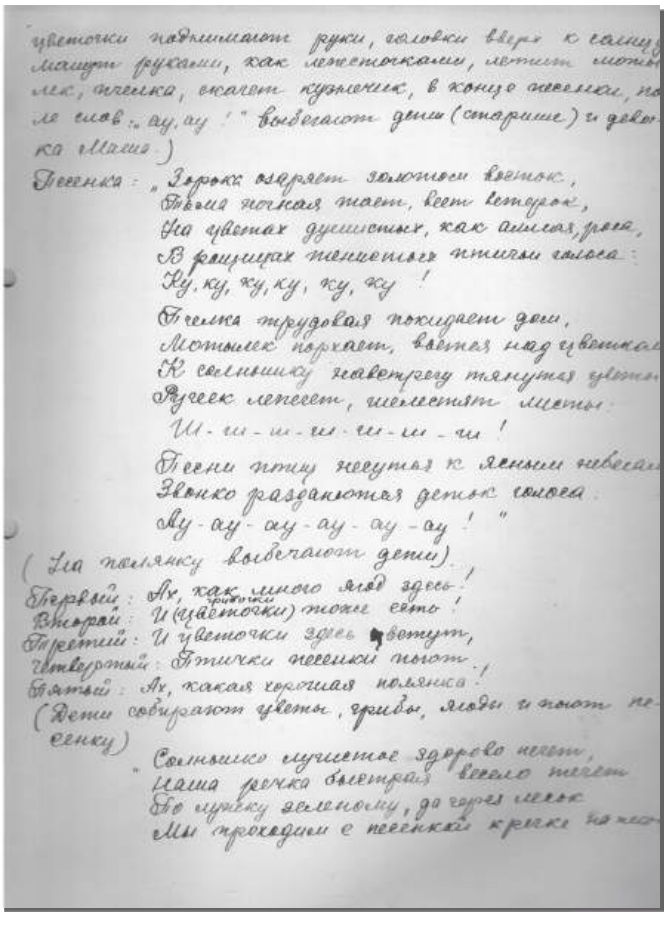
Сказка пользуется большой популярностью и любовью среди детей старшей гр-пы и часто используется в игре и свободной драматизации, а также в кукольном театре. Обработала и дополнила сценарий по сказке „В лесу" для заключительного летнего праздника воспитательница старшей гр-пы 2 детсада Смольнинского р-на С. Ф. Комарова.

Музыка к сценарию написана музыкальным работником 26 го детсада Верой Михайловной Мазниной.

Вступительная песня

„В лесу над рекою прохладной
Соловушка песни поет,
А лес так таинственно, складно
Чудесные сказки ведет;
Про Ваню, про девочку Машу
Про пестрых цветов хоровод,
Про пеньках, нарядных избушек,
Про Мишку, что в гости зовет."

(Дети поют песенку; под песню младшие дети-



цветочки поднимают руки, головки вверх к солнцу
машут руками, как лепестками, летит мотыль-
лек, пчелка, скачет кузнечик, в конце песенки, по-
ле слов „ау, ау!" выбегают дети (старшие) и девоч-
ка Маша.)

Песенка: „Зорюшка озаряет золотистый цветок,
Пчелка ночная тает, вьет хоровод,
На цветах душистых, как алмаз, роса,
В рощицах пернатых птичьи голоса:
Ку, ку, ку, ку, ку, ку!

Пчелка трудовая покидает дом,
Мотылек порхает, вьется над цветком,
К солнышку навстречу тянутся цветы,
Ручеек лепечет, шелестят листы:
Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш!

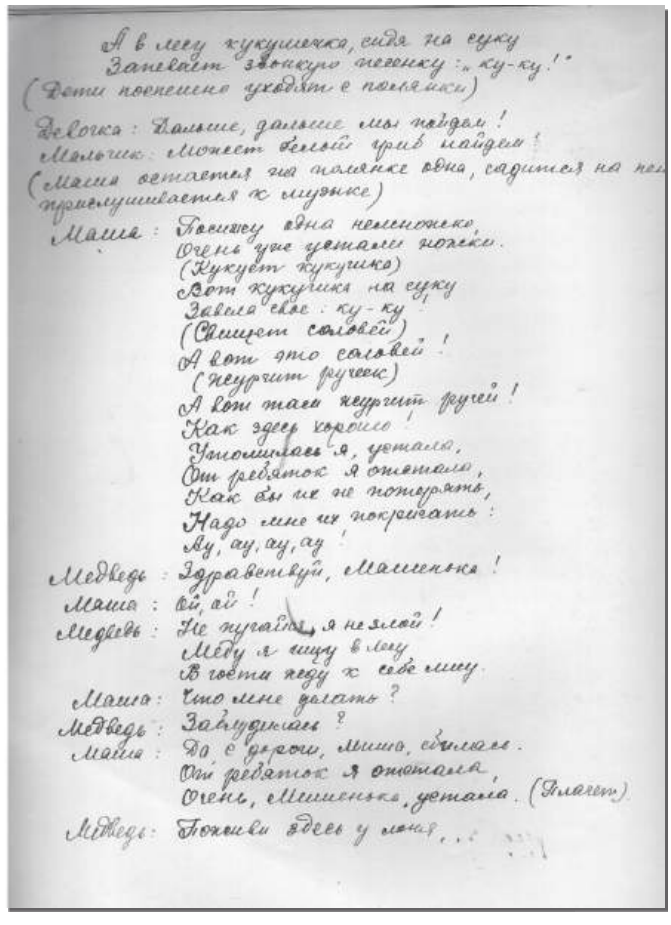
Песни птиц несутся к ясным небесам,
Звонко раздаются детских голоса:
Ау-ау-ау-ау-ау-ау!"

(На полянку выбегают дети)

Первый: Ах, как много ягод здесь!
Второй: И (цветочки) тоже есть!
Третий: И цветочки здесь цветут,
Четвертый: Птички песенки поют.
Пятый: Ах, какая хорошая полянка!

(Дети собирают цветы, грибы, ягоды и поют пе-
сенку)

„Солнышко лучистое здорово живет,
Наша речка быстрая весело течет
По муравку зеленому, до горы легок
Мы проведем с песенкой крепко на нем



А в лесу кукушечка, сидя на суку
Запевает звонкую песенку: „ку-ку!"

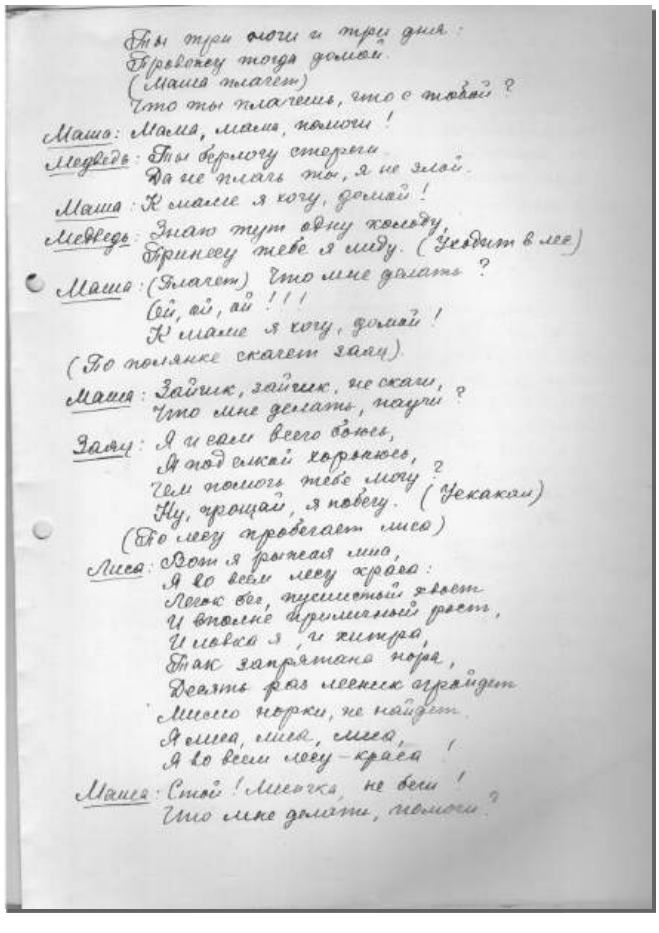
(Дети постепенно уходят с полянки)

Девочка: Дальше, дальше мы пойдем!
Мальчик: Может белый гриб найдем!

(Маша остается на полянке одна, садится на пе-
нек и прислушивается к музыке)

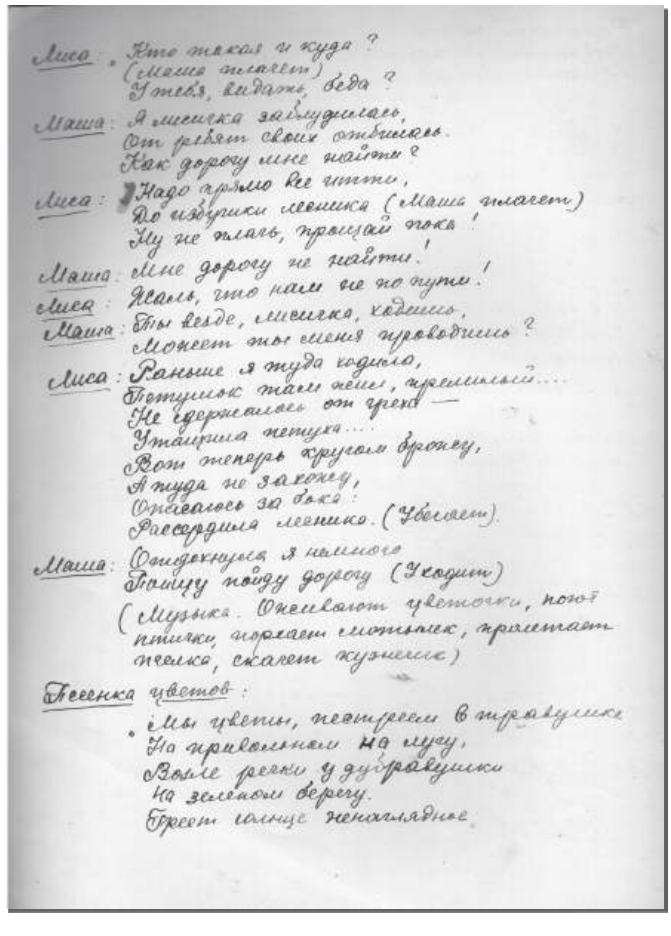
Маша: Посижу одна немножко,
Очень уже устали ножки.
(Кукует кукушка)
Вот кукушка на суку
Завела свое: ку-ку.
(Свищет соловей)
А вот это соловей!
(Журчит ручеек)
А вот там журчит ручей!
Как здесь хорошо!
Успокоилась я, устала,
От ребяток я отстала,
Как бы мне не потерять,
Надо мне их покричать:
Ау, ау, ау, ау!

Медведь: Здравствуй, Машенька!
Маша: Ой, ай!
Медведь: Не пугайся, я не злой!
Мёду я ищу в лесу,
В гости ягод к себе жду.
Маша: Что мне делать?
Медведь: Заблудилась?
Маша: До с дорог, Мишо, сбилася.
От ребяток я отстала,
Очень, Мишенька, устала. (Плачет)
Медведь: Помоги здесь у меня...

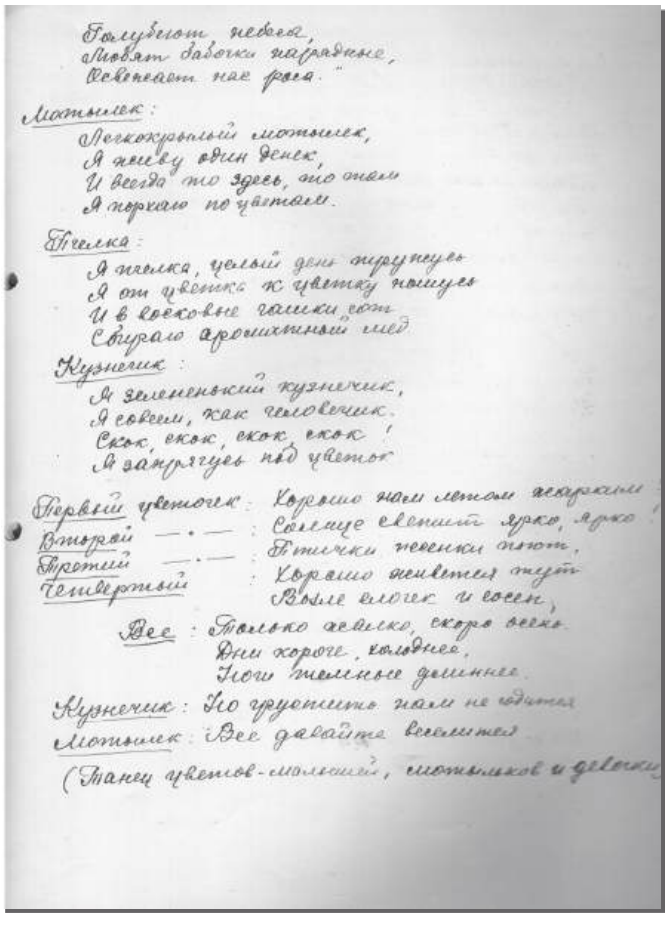


Ты три ночи и три дня
Бурёнку тогда домой.
(Маша плачет)
Что ты плачешь, что с тобой?

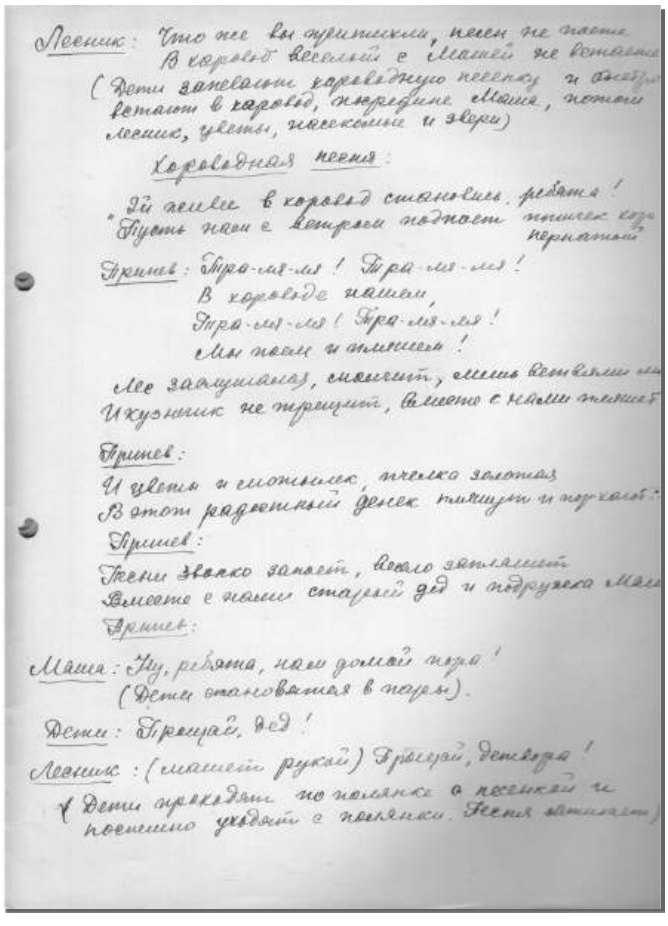
Маша: Мама, мама, помоги!
Медведь: Ты коровку стерегла
Да не плачь ты, я не злой.
Маша: К маме я хочу, домой!
Медведь: Знаю тут одну колоду,
Принесу тебе я мёду. (Уходит в лес)
Маша: (Плачет) Что мне делать?
Ой, ой, ай!!!
К маме я хочу, домой!
(По полянке скачет заяц)
Маша: Зайчик, зайчик, не скачи,
Что мне делать, научи?
Заяц: Я и сам всего боюсь,
А под елкой хоронюсь,
Чем помочь тебе могу?
Ну, прощай, я побегу. (Убежал)
(По лесу пробегает лиса)
Лиса: Вот я рыжая лиса,
Я во всем лесу краса:
Легок бег, пушистый хвост
И вполне приличный рост,
И ловка я, и хитра,
Так запрятана нора,
Десять раз лесник пройдет
Много норки, не найдет.
Я лиса, лиса, лиса,
Я во всем лесу краса!
Стой! Лисичка, не беги!
Что мне делать, помоги?



Лиса: Кто такая и куда?
(Маша плачет)
У тебя, видать, беда?
Маша: Я лисичка заблудилась,
От ребят своих отбилась.
Как дорогу мне найти?
Лиса: Надо крепко все идти,
До избушки лесника (Маша плачет)
Ну не плачь, прощай пока!
Маша: Мне дорогу не найти!
Лиса: Жаль, что нам не по пути!
Маша: Ты везде, лисичка, ходишь,
Может ты меня проводишь?
Лиса: Раньше я туда ходила,
Петушок там пел, кричал....
Не сдержалась от греха —
Утащила петуха....
Вот теперь кругом дорожку,
Я туда не захожу,
Отвязалась за бока:
Рассердился лесник. (Убегает)
Маша: Отдохнула я немного
Больше пойду дорогу (Уходит)
(Музыка. Опускают цветочки, поют
птички, порхает мотылек, трещат
пчелка, скачет кузнечик)
Песенка цветов:
Мы цветы, посмотрели в окошечко
На прилольном на лугу,
Возле речки у дубравушки
На зеленом берегу.
Греет солнце ненаглядное



Голубеют небеса,
Любят бабочки нарядные,
Всюду пчелы
Всюду пчелы
Всюду пчелы



Песенка ребят

Солнце за лесом садится,
Солнцу время на покой.
Поздно бегать и резвиться
Уже пора, пора домой!
Много слёзок наиграли
Мы в приветливом лесу
Зайца серого видали,
В гости встретили лису.
Белый гриб мы отыскали
Мишу в чаще повстречали,
Мы подружку потеряли
Потеряли и нашли.
Солнце за лесом садится,
Солнцу время на покой,
Поздно бегать и резвиться
Уж пора, пора домой."

Приложение II-12

Высказывания детей о войне

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19

Детский сад № 25

Средняя-старшая группа

22/VII-41 г.

— А Гитлер кто, человек? — спросила Аня Р.

— Да, — ответил педагог, — а ты как думала?

— Я думала, что он не человек, я не знаю кто, — ответила Аня Г.

Дети засмеялись.

— Почему его не могут убить, он ведь плохой? Я бы взяла винтовку и застрелила его, — сказала Римма.

13/II-42 г.

— Все равно наши победят, наша армия сильнее. Я писал маме, чтобы лучше кормила раненых бойцов, они скорее поправятся и снова пойдут воевать, — сказал Геня (его мать работает в госпитале).

— Они думали, что мы будем плохо воевать, а теперь самим приходится удирать, — сказал Сема. — Англия и Америка воюют с нами против немцев, а можно там сделать Советскую Россию?

— Не Россию, а страну такую, как наша? — спросил Миша.

10/IV-42 г.

Разговоры после чтения газеты о Красной Армии и партизанах.

Геня: Я бы все-таки пробрался и убил Гитлера и всех фашистов.

Тема: Я бы тоже.

Миша: Так бы вас и пропустили.

Сема: Вас бы в плен взяли, там стали вас допрашивать.

Миша: Наши войска не сдаются в плен, а если их заберут враги, они никогда не расскажут ничего о нашей жизни.

Юра Б.: Как нам рассказывал боец с фронта, у немецких солдат много вшей, а у наших нет, потому что они моются в бане 12 дней в месяц.

Рома: А когда война кончится? Так уж очень скучно жить.

Геня: Теперь скоро закончится. Наши заготовили вкусные конфетки для немцев.

Юра А.: Я бы пробрался на фронт и убил Гитлера.

30/VI-42

Геня Д.: У меня только папа остался в Ленинграде, а мама и Алик переехали в деревню. Хорошо бы если бы был колдун, он сделал бы, чтобы сразу кончилась война и приехали все мамы.

Педагог: Колдунов нет, да и не надо, мы скоро победим фашистов, и кончится война.

Геня: Но все-таки это было бы скорее, если бы был колдун.

Жорик: Он бы всех немцев уничтожил, чтобы ни одного на свете не было.

Галя: Хорошо бы отобрать у них Берлин. Это далеко от нас?

Педагог: Далеко, конечно, да нам их города и не нужны, у нас своего всего много.

Галя: А у них мало?

Педагог: У них мало земли, потому и хлеба мало.

Геня: И они на нас напали и отобрали Украину. Но все равно, Красная Армия все отберет, потому что она самая сильная и больше всех! Ведь правда?

Педагог: Правда, победа будет за нами.

14/XII-42 г.

Разговоры после читки газет:

Как я ненавижу немцев, — сказал Геня Д.

Они такие противные, всю нашу новую жизнь испортили, — сказал Юра Б.

Блокадное время 1942–1943 гг.

Ирочка К.: Папа обязательно убьет тревогу, а отбой останется.

Коля Ш.: Наш город-крепость, его нельзя победить.

Вова Л.: Фашисты даже птиц распугали. В Смольнинском садике снегири на дороге сидели, а теперь даже воробьев нет. Все птицы эвакуировались из Ленинграда, потому что здесь близко война.

Галя Г.: Какой сладкий хлеб кажется.

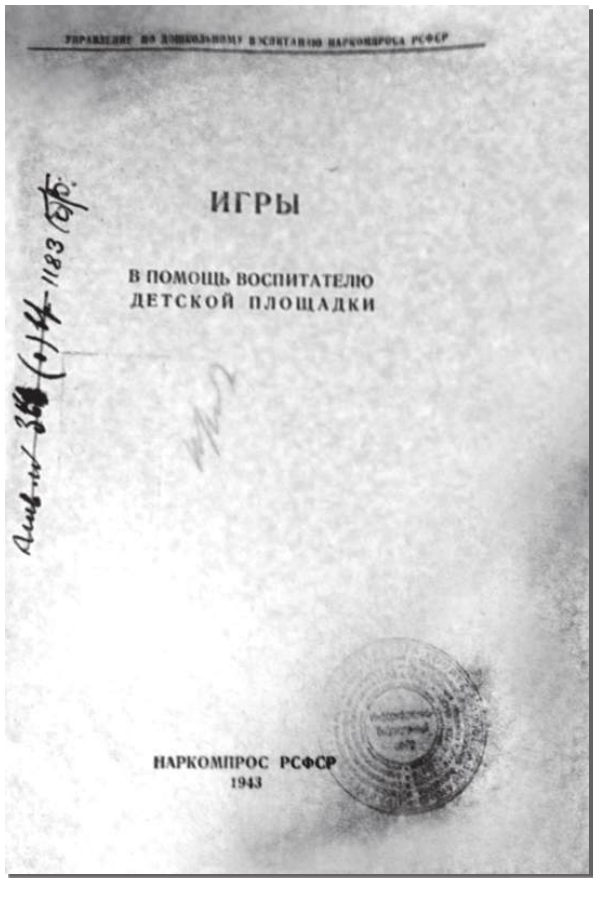
Боря: Это потому, что ты есть хочешь, вот как фашисты тебя оголодали.

Леня Б.: Если бы жил еще Мичурин, он бы вырастил большущий мичуринский хлеб. Он яблони выращивал, хлеб ведь проще.

Руфа: Посмотрите, что осталось от нашего дома — один мусор.

Приложение II-13

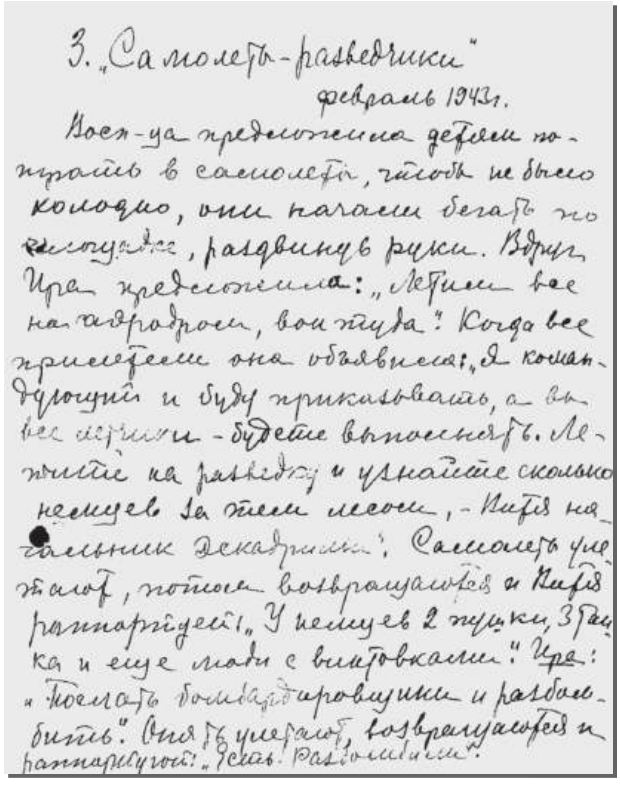
Игры в детском саду


УПРАВЛЕНИЕ ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ ВОСПИТАНИЮ НАРКОМПРОСА РСФСР

ИГРЫ

В ПОМОЩЬ ВОСПИТАТЕЛЮ ДЕТСКОЙ ПЛОЩАДКИ

НАРКОМПРОС РСФСР
1943


3. „Самолеты-разведчики"

февраль 1943 г.

Воспитательница предложила детям поиграть в самолеты, чтобы не было холодно, они начали бегать по площадке, раздвинув руки. Вдруг Ира предложила: „Летим все на аэродром, вон туда". Когда все прилетели она объявила: „Я командующий и буду приказывать, а вы все летите - будете выполнять. Летите на разведку и узнайте сколько немцев за теми лесом, - Катя начальник декады". Самолеты улетают, потом возвращаются и Катя рапортует: „У немцев 2 пушки, 3 танка и еще люди с винтовками". Ира: „Послать бомбардировщики и разбомбить". Они улетают, возвращаются и рапортуют: „Всех разбомбили".

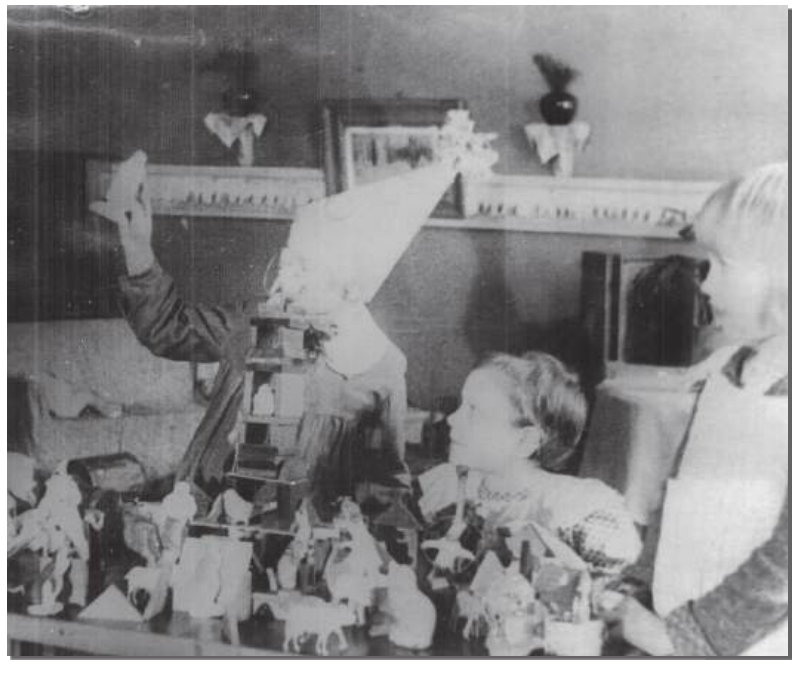
Описание игры «Самолеты-разведчики». Детсад № 6 Куйбышевского р-на, февраль 1943

Игры в детском саду по материалам детсада № 36 Куйбышевского района (1944—1945)

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9

Мост и переправа восстановлены

Игра в дочки-матери



Игра в цирк

Фрагменты описания игр с комментариями

Столовая, в которой сидит масса кукол.

Галя, зав. д/с, обращается к детям, которые окружили уголок и с интересом наблюдают ход игры.

Галя: Мамаша! Пожалуйста, не ходите в группу, дети будут плакать.

Рая говорит за куклу: Я вчера булку с маслом оставила, а я яичницу не съела.

Галя: Все, что ты оставила, все это можете получить сегодня. Обращается опять к родителям. Тов. родители; вы мешаете детям кушать, вы очень рано приходите, вот дети и плачут.

Софа: И на кухню тоже не разрешается ходить, вы же в пальто и в галошах, мамаша.

В конце игры входит *Юра* и говорит: Дайте, пожалуйста, мне моего сына, Колю Петрова. Я его папа.

Рая: У Коли папа еще другой есть, который на войне, он никогда за Колей не приходит, а этот еще другой папа, всегда за Колей приходит.

Софа: И у меня другой папа есть, дядя Саша, и еще другой папа есть на фронте.

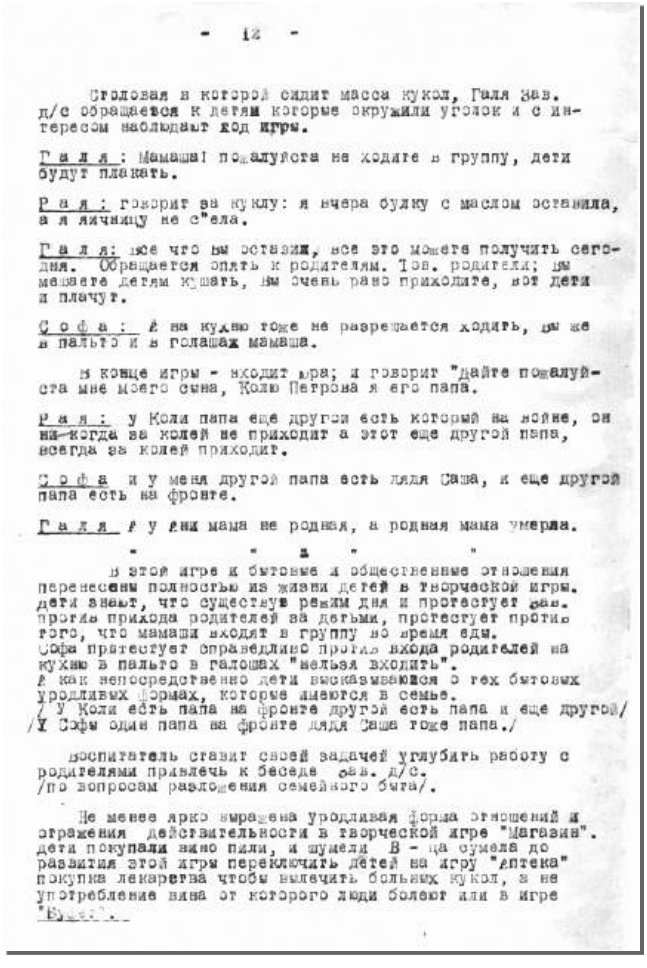
Галя: А у Ани мама не родная, а родная мама умерла.

* * *

Комментарии педагога:

В этой игре и бытовые, и общественные отношения перенесены полностью из жизни детей в творческую игру. Дети знают, что существует режим дня, и протестует зав. против прихода родителей за детьми, протестует против того, что мамаши входят в группу во время еды. Софа протестует справедливо против входа родителей на кухню в пальто и в галошах: «нельзя входить». А как непосредственно дети высказываются о тех бытовых уродливых формах, которые имеются в семье. (У Коли есть папа на фронте другой. Есть папа и еще другой. У Софы один папа на фронте, дядя Саша тоже папа). Воспитатель ставит своей задачей углубить работу с родителями, привлечь к беседе зав. д/с по вопросам разложения семейного быта.

Не менее ярко выражена уродливая форма отношений и отражения действительности в творческой игре «Магазин», дети покупали вино, пили и шумели. Воспитательница сумела



- 12 -

Столовая в которой сидит масса кукол, Галя зав. д/с обращается к детям которые окружили уголок и с интересом наблюдают ход игры.

Галя: Мамаша! пожалуйста не ходите в группу, дети будут плакать.

Рая: говорит за куклу: я вчера булку с маслом оставила, а я яичницу не с"ела.

Галя: все что вы оставили, все это можете получить сегодня. Обращается опять к родителям. Тов. родители; вы мешаете детям кушать, вы очень рано приходите, вот дети и плачут.

Софа: и на кухню тоже не разрешается ходить, вы же в пальто и в галошах мамаша.

В конце игры - входит юра; и говорит "дайте пожалуйста мне моего сына, Колю Петрова я его папа.

Рая: у Коли папа еще другой есть который на войне, он никогда за колей не приходит а этот еще другой папа, всегда за колей приходит.

Софа и у меня другой папа есть дядя Саша, и еще другой папа есть на фронте.

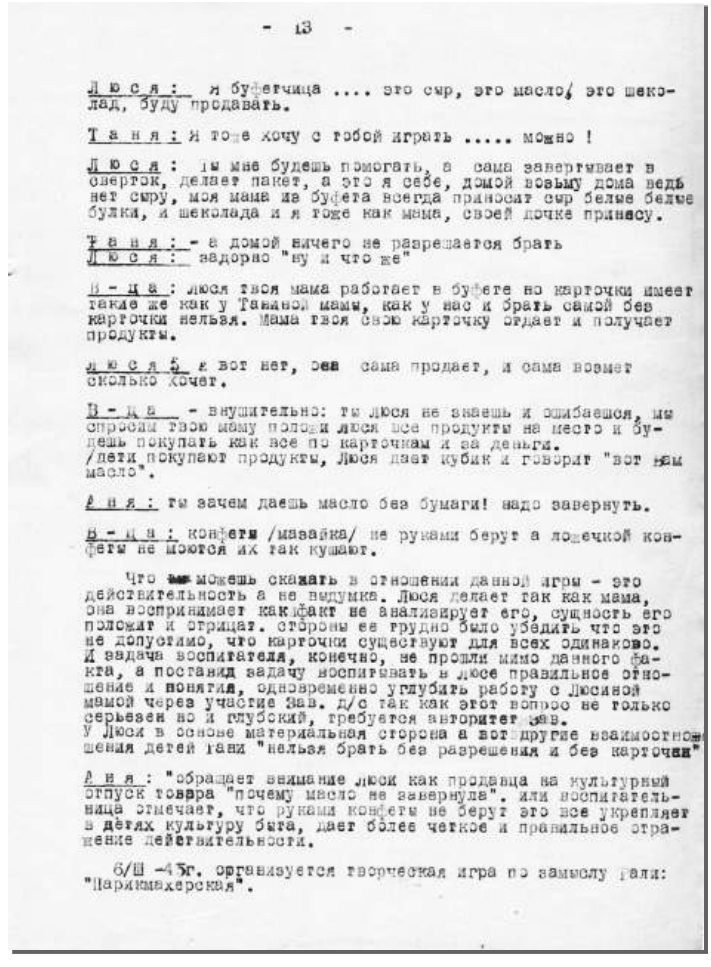
Галя и у ани мама не родная, а родная мама умерла.

" " " "

в этой игре и бытовые и общественные отношения перенесены полностью из жизни детей в творческой игры. дети знают, что существует режим дня и протестует зав. против прихода родителей за детьми, протестует против того, что мамаши входят в группу во время еды. Софа протестует справедливо против входа родителей на кухню в пальто в галошах "нельзя входить". А как непосредственно дети высказываются о тех бытовых уродливых формах, которые имеются в семье. /У Коли есть папа на фронте другой есть папа и еще другой/ /У Софы один папа на фронте дядя Саша тоже папа./

воспитатель ставит своей задачей углубить работу с родителями привлечь к беседе зав. д/с. /по вопросам разложения семейного быта/.

Не менее ярко выражена уродливая форма отношений и отражения действительности в творческой игре "Магазин". дети покупали вино пили, и шумели В - ца сумела до развития этой игры переключить детей на игру "аптека" покупка лекарства чтобы вылечить больных кукол, а не употребление вина от которого люди болеют или в игре "Буфет".



- 13 -

Люся: я буфетчица .... это сыр, это масло, это шоколад, буду продавать.

Таня: я тоже хочу с тобой играть ..... можно !

Люся: ты мне будешь помогать, я сама завертывает в свертак, делает пакет, а это я себе, домой возьму дома ведь нет сыру, моя мама из буфета всегда приносит сыр белые белые булки, и шоколада и я тоже как мама, своей дочке принесу.

Таня: - а домой ничего не разрешается брать
Люся: задорно "ну и что же"

В - ца: Люся твоя мама работает в буфете но карточки имеет такие же как у Таниной мамы, как у нас и брать самой без карточки нельзя. Мама твоя свою карточку отдает и получает продукты.

Люся: я вот нет, она сама продает, и сама возьмет сколько хочет.

В - ца - внушительно: ты Люся не знаешь и ошибаешься, мы спросим твою маму положи Люся все продукты на место и будешь покупать как все по карточкам и за деньги. /дети покупают продукты, Люся дает кубик и говорит "вот вам масло".

Аня: ты зачем даешь масло без бумаги! надо завернуть.

В - ца: конфеты /мавайка/ не руками берут а ложечкой конфеты не моются их так кушают.

Что можешь сказать в отношении данной игры - это действительность а не выдумка. Люся делает так как мама, она воспринимает как факт не анализирует его, сущность его понимает и отрицат. сторона ее трудно было убедить что это не допустимо, что карточки существуют для всех одинаково. И задача воспитателя, конечно, не пройти мимо данного факта, а поставив задачу воспитывать в Люсе правильное отношение и понятия, одновременно углубить работу с Люсиной мамой через участие зав. д/с так как этот вопрос не только серьезен но и глубокий, требуется авторитет зав.
У Люси в основе материальная сторона а вот другие взаимоотношения детей таки "нельзя брать без разрешения и без карточек"

Аня: "обращает внимание Люси как продавца на культурный отпуск товара "почему масло не завернула". или воспитательница отмечает, что руками конфеты не берут это все укрепляет в детях культуру быта, дает более четкое и правильное отражение действительности.

6/Ш -43г. организуется творческая игра по замыслу Гали: "Парикмахерская".

переключить детей на игру «Аптека» — покупка лекарства, чтобы вылечить больных кукол, а не употребление вина, от которого люди болеют, или на игру «Буфет».

Люся: Я буфетчица... это сыр, это масло, это шоколад. Буду продавать.

Таня: Я тоже хочу с тобой играть... можно?

Люся: Ты мне будешь помогать, а сама завертывает в сверток, делает пакет, а это я себе, домой возьму, дома ведь нет сыру, моя мама из буфета всегда приносит сыр, белые-белые булки и шоколад. И я тоже, как мама, своей дочке принесу.

Таня: А домой ничего не разрешается брать.

Люся задорно: Ну и что же!

Воспитательница: Люся, твоя мама работает в буфете, но карточки имеет такие же, как у Таниной мамы, как у нас, и брать самой без карточки нельзя. Мама твоя свою карточку отдает и получает продукты.

Люся: А вот нет, она сама продает, и сама возьмет, сколько хочет.

Воспитательница внушительно: Ты, Люся. не знаешь и ошибаешься, мы спросим твою маму. Положи, Люся, все продукты на место и будешь покупать как все по карточкам и за деньги.

(Дети покупают продукты, Люся дает кубик и говорит: «Вот вам масло».)

Рая: Ты зачем даешь масло без бумаги! Надо завернуть.

Воспитательница: Конфеты («Мазайка») не руками берут, а ложечкой, конфеты не моются, их так кушают...

* * *

Комментарии педагога:

Что можно сказать в отношении данной игры — это действительность, а не выдумка. Люся делает так, как мама, она воспринимает это как факт, не анализирует его сущность, его положительные и отрицательные стороны. Ее трудно было убедить, что это недопустимо, что карточки существуют для всех одинаково. А задача воспитателя, конечно, не пройти мимо данного факта, а поставить задачу воспитывать в Люсе правильное отношение и понятия. Одновременно углубить работу с Люсиной мамой через участие зав. д/с, так как этот вопрос не только серьезен, но и глубок, требуется авторитет заведующей.

У Люси в основе материальная сторона, а вот другие взаимоотношения детей. Для Тани «нельзя брать без разрешения и без карточек». Аня обращает внимание Люси как продавца на культурный отпуск товара: «почему масло не завернула». Или воспитательница отмечает, что руками конфеты не берут, это все укрепляет в детях культуру быта, дает более четкое и правильное отражение действительности...

Приложение II-14

Воспоминания детей о пережитой блокаде

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9

Детский сад № 6 Куйбышевского р-на
Старшая группа
Воспитатель Т. Шманцырь

27 января 1945 г.

Я усадила детей в кружок и спросила у них: «Отчего сегодня так много красных флагов на улицах?»

Витя Ковалев: «День снятия блокады с г. Ленинграда».

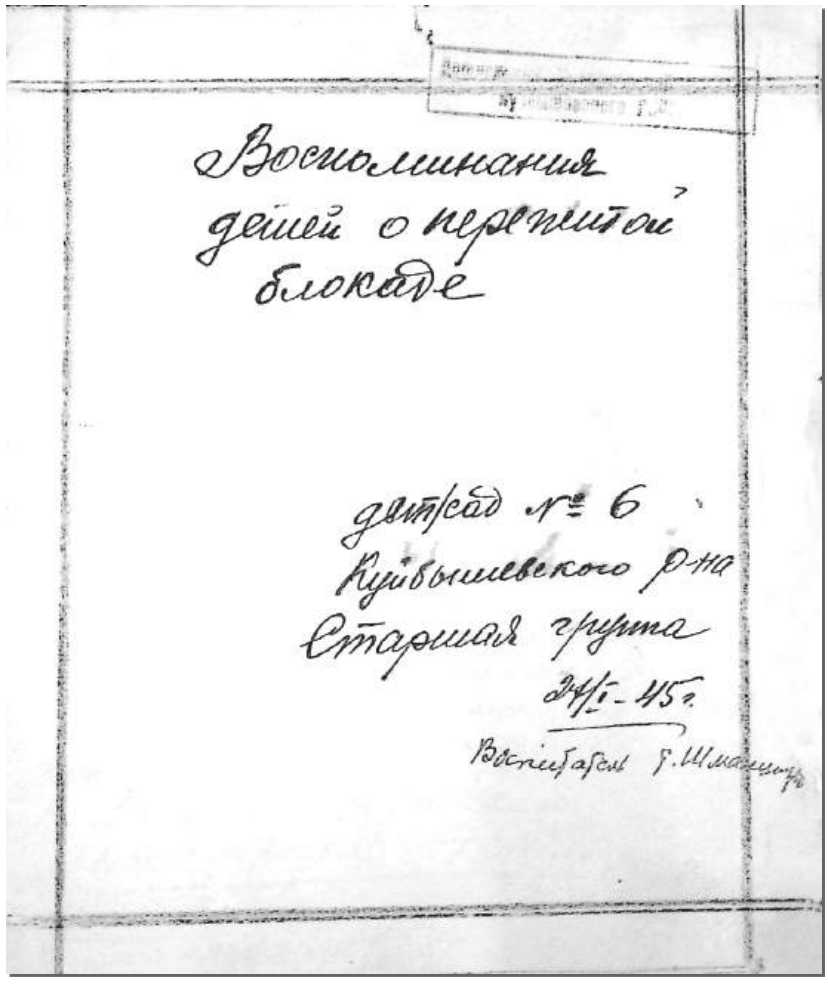
Я детям рассказала, что сегодня ровно год с того дня, когда наша самая доблестная Красная Армия прорвала кольцо немецких войск и прогнала немцев далеко. Сделать это было нелегко. Немцам не хотелось покидать окрестности Ленинграда, и они очень хорошо укрепились, но наши бесстрашные воины заставили их бежать. И вот этот день для нас является большим праздником.

Высказывания детей

Нина Сычева 7 лет: «Когда немцы окружили Ленинград, не было пути подвозить продукты, и нам давали всего очень мало».

Таня Семичастнова 6 лет: «Продукты только на самолетах доставляли».

Витя Ковалев 7 лет: «Было очень голодно. Один мальчик в столовой увидел у другого кусок хлеба, и бросился на него, и выхватил у него из рук. Я так не делал, так как нас кормили в саду».



Воспоминания
детей о перенесённой
блокаде

детсад № 6
Куйбышевского р-на
Старшая группа
24/I-45 г.

Воспитатель Г. Шмаенкова

Аник Савичев 6 л.
Я помню в голодовку я собирал крошки - хотелось есть, но мама мне все уговаривала - "скоро, скоро немцев прогонят наши смелые воины и будет всего опять много" - я маме верил и ждал когда прогонят немцев.

Игорь Иванов 7 л.
Нам воспитательница в саду говорила что скоро немцев прогонят и тогда нам привезут много продуктов.
Папа мой, тоже на фронте он сильный - он уже много убил немцев.

Витя Ковалев 7 л.
Я помню в голодовку мы с мамой были в детском саду. Мама стирала белье. Ребята уже ушли домой.
Вдруг бомба упала в дом напротив нашего сада. В группе стекла повыскакали, а меня волной выбросило из группы на кухню и у меня долго болела голова - я заикался.
Папа был на фронте. Он и сейчас на фронте. Он помогает гнать немцев от Ленинграда. Он смелый.
Когда прорвали блокаду все стали радоваться.
Был вечером салют.

Боря Шефферовский 7 л.
Мы очень хлеб берегли.
У нас не было свечи в доме и была коптилка, - коптилка

Зина Завьялова 7 лет: «Немцы окружили Ленинград, и их нельзя было прогнать».

Лева Пахомов 7 лет: «Папа уехал на фронт и просил нас с мамой не плакать. Он сказал: “Все равно немцев прогоним”. Мы с мамой получали маленький кусочек хлеба, и надо было оставлять на завтра. Мне все время хотелось есть. Мама варила из дуранды кашу, а потом что-то как засвистит вдруг, как бахнет бомба напротив нас, и маму, и меня отбросило. Каша упала, и керосинка погасла. Я долго плакал, мама меня успокаивала».

Нина Сычева 7 лет: «Тете Ане дали орден “За оборону Ленинграда”. Хотите я принесу показать?»

Вова Пантелеев 7 лет: «И моей маме дали орден “За оборону Ленинграда”».

Боря Голубев 7 лет: «Я когда был на Охте с мамой, то видел, как бомбили».

Алик Савичев 6 лет: «Я помню в голодовку я собирал крошки — хотелось есть, но мама меня все уговаривала: “Скоро, скоро немцев прогонят наши смелые воины, и будет всего опять много”. Я маме верил и ждал, когда прогонят немцев».

Игорь Иванов 7 лет: «Нам воспитательница в саду говорила, что скоро немцев прогонят, и тогда нам привезут много продуктов. Папа мой тоже на фронте. Он сильный, он уже много убил немцев».

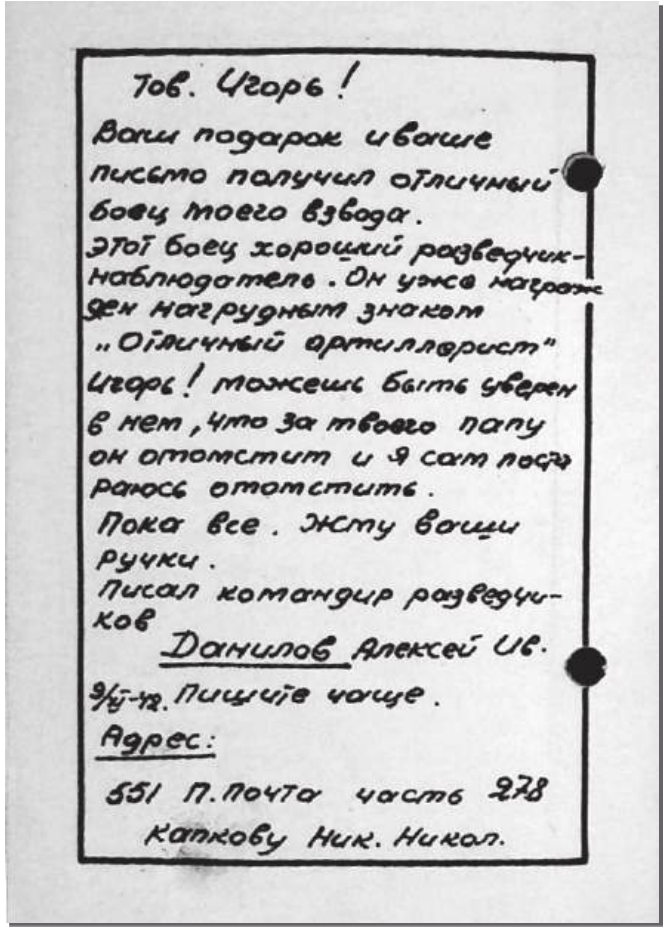
Боря Шеферовский 7 лет: «Мы очень хлеб берегли. У нас не было света в доме, а была коптилка».

Витя Ковалев 7 лет: «Я помню, в голодовку мы с мамой были в детском саду. Мама гладила белье. Ребята уже ушли домой. Вдруг бомба упала в дом напротив нашего детского сада. В группах стекла повысыпались, а меня волной отбросило из группы на кухню, и у меня долго болела голова. Я заикался. Папа был на фронте. Он и сейчас на фронте. Он помогал гнать немцев от Ленинграда. Он смелый. Когда прорвали блокаду, все стали радоваться. Был вечером салют».

Приложение II-15

Переписка детских садов с фронтовиками

ПМ СПб АППО. Ф. 3 Оп. 1 Д. 20



Тов. Игорь!

Ваш подарок и ваше письмо получил отличный боец моего взвода. Этот боец хороший разведчик-наблюдатель. Он уже награжден нагрудным знаком „Отличный артиллерист" Игорь! можешь быть уверен в нем, что за твого папу он отомстит и я сам постараюсь отомстить.

Пока все. Жму ваши ручки.

Писал командир разведчиков

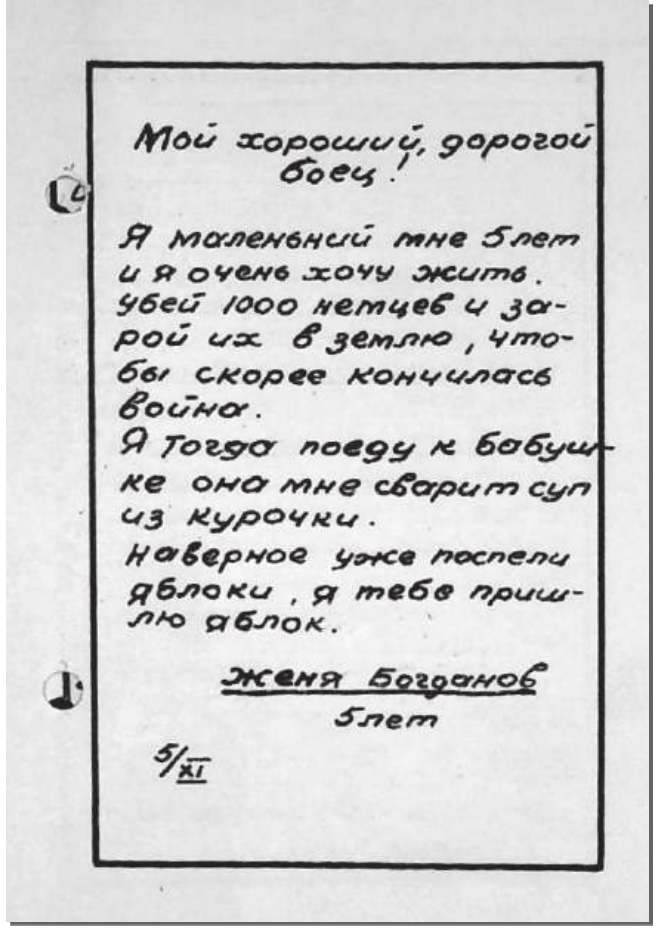
Данилов Алексей Ив.

9/XI-42. Пишите чаще.

Адрес:

551 П. почта часть 278

Капкову Ник. Никол.



Мой хороший, дорогой боец!

Я маленький мне 5 лет и я очень хочу жить. убей 1000 немцев и зарой их в землю, чтобы скорее кончилась война.

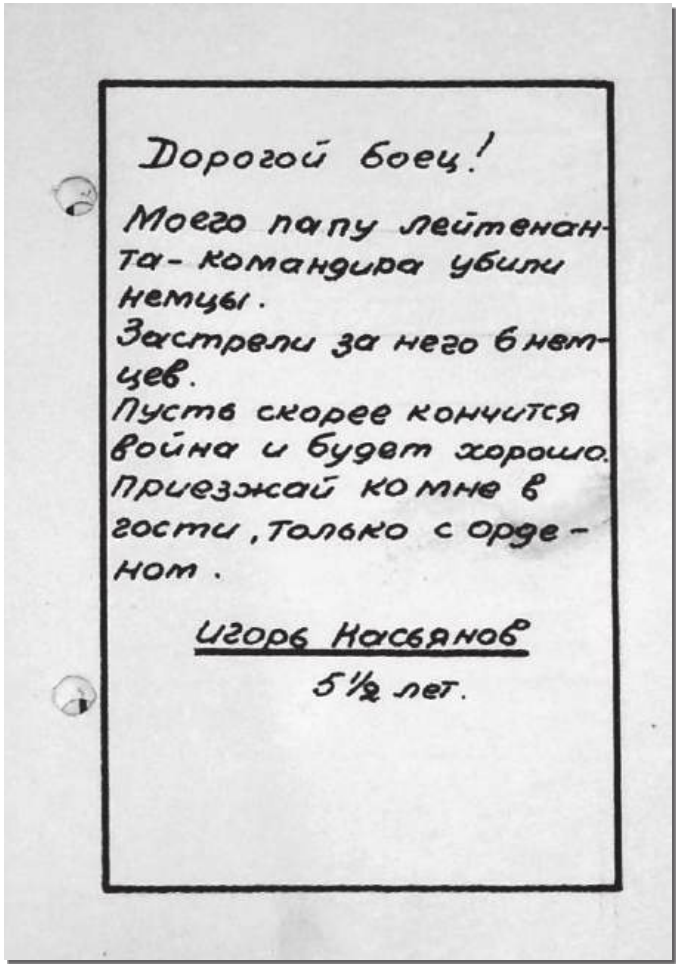
Я тогда поеду к бабушке она мне сварит суп из курочки.

наверное уже поспели яблоки, я тебе пришлю яблок.

Женя Богданов

5 лет

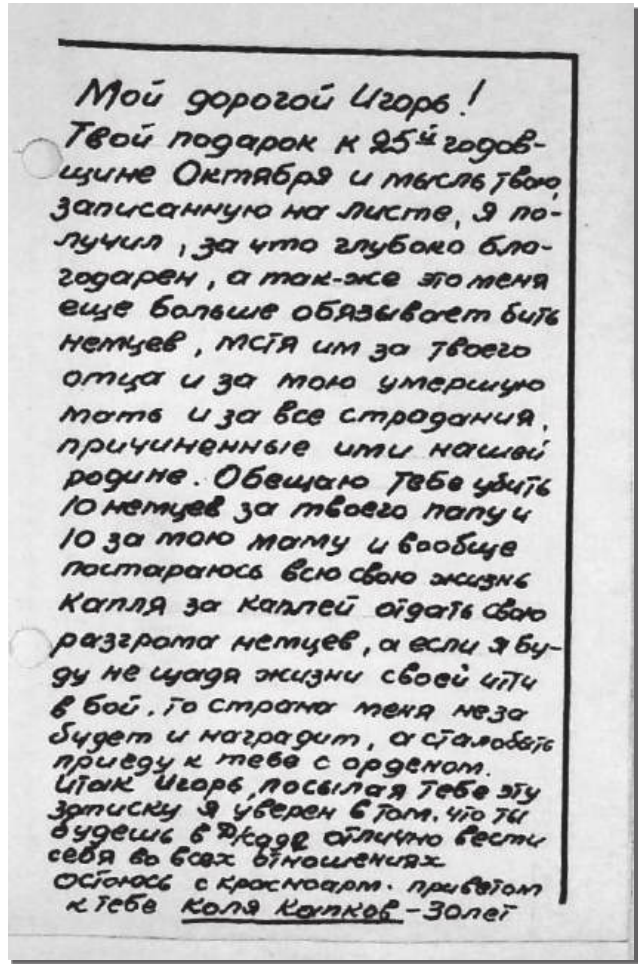
5/XI



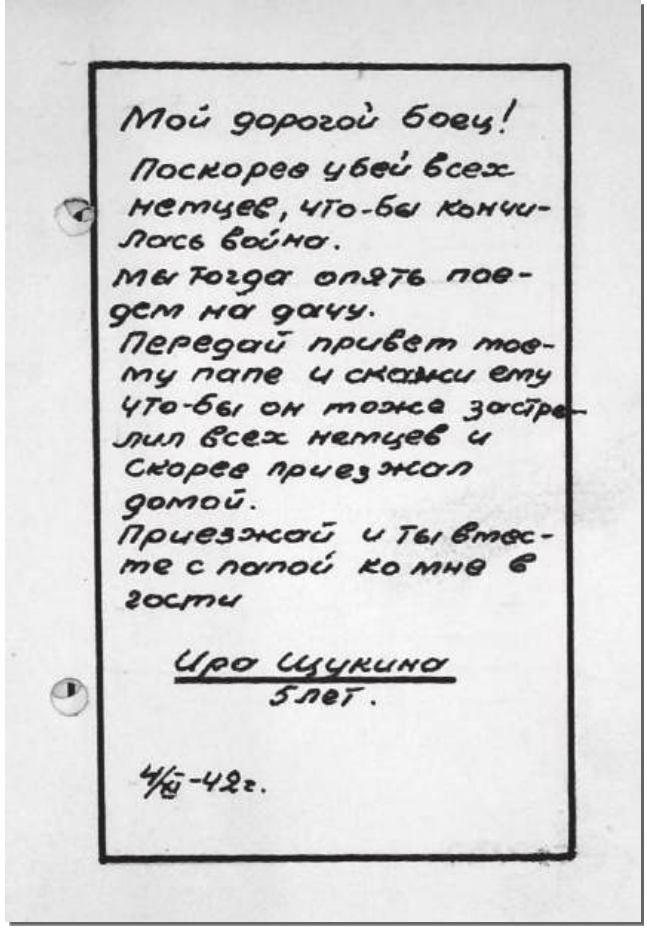
Дорогой боец!

Моего папу лейтенанта-командира убили немцы.
Застрели за него 6 немцев.
Пусть скорее кончится война и будет хорошо.
Приезжай ко мне в гости, только с орденом.

Игорь Насбянов
5 1/2 лет.



Мой дорогой Игорь!
Твой подарок к 25-й годовщине Октября и мысль твою, записанную на листе, я получил, за что глубоко благодарен, а так-же это меня еще больше обязывает бить немцев, мстя им за твоего отца и за мою умершую мать и за все страдания, причиненные ими нашей родине. Обещаю тебе убить 10 немцев за твоего папу и 10 за мою маму и вообще постараюсь всю свою жизнь капля за каплей отдать свою разгрома немцев, а если я буду не щадя жизни своей итти в бой, то страна меня не забудет и наградит, а я тогда приеду к тебе с орденом.
Итак Игорь, посылая тебе эту записку я уверен в том, что ты будешь в дальнейшем отлично вести себя во всех отношениях.
Обнимаю с красноарм. приветом к тебе Коля Колков - 30 лет



Мой дорогой боец!

Поскорее убей всех немцев, что-бы кончилось война.
Мы тогда опять поедем на дачу.
Передай привет твоему папе и скажи ему что-бы он тоже застрелил всех немцев и скорее приезжал домой.
Приезжай и ты вместе с папой ко мне в гости

Ира Шукина
5 лет.

4/XI-42г.

Эдик Оршер
7.12.44

Дорогой тов. Ночин!
Письмо Ваше получили. Это нарисовал Эдик Оршер, мальчик 7-ми лет. Как видите, мальчик способный. Проклятые немцы его и его сестру довели до дистрофии. Детский сад сделал все, чтобы вернуть им радость детства, сделать их опять шумливыми и говорливыми. Они уже у нас поют, играют и выступают с физкультурными номерами.
Бейте за них, за всех детишек и их родителей фашистских выродков!
Воспитатель 25 д/сада, Ида Мичаевна.

8.II. Жанна Оршер

Тов. Колесников!

Дети в количестве 32-х человек шлют свой искренний детский привет Вам и Вашим товарищам. Мы ждем Вас к себе в гости. Хотим услышать стихи и сказки, и о том, как Вы живете и работаете.
До скорой встречи!
Воспитатель и дети старшей группы 25 д/сада.

Письмо детям.

Здравствуйте дорогие ребята; Люся, Соня, Юра и Нелли. Очень рад, что вы мне нарисовали такие хорошие рисунки. Большое вам спасибо. Я знаю, что проклятый немец отнял у вас радостную, счастливую жизнь. Но дети, я вас уверяю, что скоро мы заживем так же весело, как и прежде. Скоро разгромим фашистского гада и отомстим за все перенесенное вами и вашими родителями. Так будьте же дети жизнерадостные. Скоро вернемся домой и снова заживем так же весело, как жили прежде.
Пока досвидания! Будьте здоровы, пишите и рисуйте. Жду от вас ответа.
С приветом боец Алашеев.

Ида Мичаевна!

Очень благодарен Вашим ребятам, что они нарисовали такие хорошие рисунки. Когда я их читал, ко мне подошли все бойцы и тоже с большим интересом рассматривали письма. Я им рассказал, как они меня знают. Наш комиссар взял все письма и зачитал их всему дивизиону. Все бойцы передают пламенный красноармейский привет и дают слово отомстить наголову врагу за все перенесенное детьми за время войны.

Приложение II-16

Е. Л. Щукина
«Нет, не забыть нам тех дней»

I-й доклад в Музее истории Ленинграда 16.05.61

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9

Двадцать лет отделяют нас от дня начала II Мировой войны с гитлеровской Германией. 20 лет отделяют нас от страшных черных дней, которые пережили жители города Ленина, когда сомкнулось кольцо блокады, но не забыть нам тех дней...

Что «дети наше будущее», что «дети цветы жизни», что «дети поколение здоровое, жизнерадостное, способное понять могущество нашей страны» — мы знаем давно. Что, доверяя дошкольным работникам самое главное, самое ценное в нашей стране — маленьких детей, партия и Правительство наложили определенные обязанности на каждого из нас, предъявили определенные требования в деле воспитания их физически сильными, умственно развитыми, морально устойчивыми, с правильной политической и трудовой направленностью, — это мы все давно уяснили. Но именно в период блокады Ленинграда особенно ясно ощутили дошкольные работники всю значимость этой ответственности за вверенных им детей, всю глубину этого доверия партии и правительства, весь объем своей повседневной работы, возросший в стократ больше, чем объем довоенной работы дошкольных учреждений.

8 сентября 1941 года первая упавшая бомба, разрушившая многоэтажный дом на Старом Невском проспекте, заставила нас глубоко задуматься над значимостью сигнала «ВТ»[2] в смысле охраны жизни и здоровья вверенных нам детей. Ожесточила наши сердца к лютому врагу, заставила нас быть особенно собранными, дисциплинированными, суровыми и в то же время особенно нежными и заботливыми с маленькими детьми.

Детский сад № 8 Куйбышевского района, открытый в первую очередь в июле 1941 года, обслуживал сотню детей семейств фронтовиков, работающих на оборонных производствах, и благодаря этому работал с непрерывным, круглосуточным обслуживанием детей (типа детского дома). 19 сентября 1941 года, когда после обеда дети легли отдохнуть, заведующая детским садом (ныне покойная т. Сержантова Л. М.) заботливо проверила всех детей и только что собиралась выйти из спальни, загудела тревога. Весь обслуживающий персонал стал быстро одевать детей и выводить их из помещения детского сада в близлежащее бомбоубежище. В это мгновение фашистский самолет сбрасывает бомбу на соседний дом. Среди кучи пыли, падающей штукатурки, под звон ломающегося стекла персонал детского сада при непосредственном участии заведующей детском садом выводит в убежище последнюю группу детей.

Падает вторая бомба. Помещение детского сада надолго выбывает из строя. В нем нет крыши, обрушился потолок, сорваны двери. Далеко к противоположной стене отброшены оконные рамы с остатками разорванных крепдешиновых занавесей. Но дети и весь обслуживающий персонал не пострадал. «Услышав страшный треск, чувствуя, что весь дом падает мне на голову, — рассказала потом воспитатель этого сада Р. Э. Куклянская, — я хотела сразу же бежать. Но я сразу вспомнила, что у меня группа детей, что мне надо спасать детей, и я стала быстро одевать и выводить свою группу».

И с этого именно дня появляется у дошкольных работников района сознательное чувство ответственности за вверенные им жизни и здоровье детей. Ответственность даже за счет риска собственной жизни, собственных настроений и переживаний, подчиняя все основной задаче — сохранения детей в условиях блокированного города.

В конце сентября 1941 года специальным решением Куйбышевского исполнительного комитета были открыты еще 3 детских сада-интерната, матери которых были отосланы на строительство оборонных сооружений на подступах к Ленинграду. Структура этих учреждений резко отличалась от стационарных детских садов. Мать, сдав ребенка в детский сад, пропадала совершенно с нашего горизонта на две недели. Появляясь, она забирала ребенка домой. Подобная текучесть в детском составе сильно мешала плановой работе сада.

В начале октября 1941 года нам было предложено организовать детский сад-интернат для детей-беженцев Ленинградской области. Обойдя ряд помещений, как школьных, так

[2] Воздушная тревога.

и дошкольных, мы остановились на помещении законсервированной в то время школы, имеющей хорошее обширное бомбоубежище, особенно нужное в тот период времени. Педагогические и технические кадры были собраны из лучших дошкольных работников Куйбышевского района. Новенькое, только до войны купленное оборудование детского сада № 17 как нельзя больше подходило для этой цели. Работники сада провели огромную работу, приспосабливая огромное школьное помещение, внося в него жизнь и дошкольный уют. Воспитатели до открытия сада неоднократно посещали эвакопункт района, знакомились там с детьми, вели разъяснительную работу с матерями, стараясь убедить их в преимуществе воспитания ребенка в детском саду, а не на эвакопункте.

Особенно большую работу провели на эвакопункте воспитатели И. Н. Варламова, В. М. Красневич; получив бесхозное детское имущество, работники сада любовно починили все белье, все платья, все чулки, связали резинки-подвязки для каждого ребенка и с первых же дней, хорошенько вымыв ребенка, одевали его в костюм соответствующего размера. Дети поступили из эвакопункта слабые и больные. Они почти не стояли на ногах. Дети ничего не хотели, ничем не интересовались...

Это были трудные времена в жизни ленинградцев. Кольцо блокады все яростнее и яростнее сжималось вокруг нашего города. Начинались тревоги, длившиеся по несколько часов, тревоги, следующие непрерывно одна за другой. Некогда было раскладываться с плановой работой. Даже за обед дети садились в пальто и галошах. Зачастую обед прерывался тошнотворным завыванием сирены, и все стремительно бежали вниз, в убежище.

Только, бывало, выйдешь из убежища, как нужно опять возвращаться обратно. И так несколько раз подряд. Часто первое блюдо дети успевали съесть в детском саду, а второе ели в убежище. Воспитатели, приспосабливаясь к новым условиям работы, пересмотрели весь имеющийся игровой материал, отобрали наиболее подходящий для игр и занятий в убежище. Был отобран мелкий строительный материал, куклы, картинки для рассматривания, подобраны рассказы и сказки для детей разного возраста.

Музыкальные занятия (с голоса) также часто проводились в убежищах. Шла подготовка к празднованию 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Уверенно и торжественно звучали слова октябрьских песен, аккомпанируемые гудением наших «ястребков» и глухим «тявканьем» зенитных орудий. Многие детские праздники нарушались тревогой. Дети поспешно одевали поверх праздничного костюма пальто и стремительно бежали в убежище, а затем, после окончания тревоги, с радостью и счастьем возвращались обратно в детский сад, чтобы дотанцевать свой танец или досказать свое стихотворение...

В конце ноябрьских праздников интерес детей, да, пожалуй, и многих взрослых, исчерпывался только едой. Бедные маленькие дети. Целыми днями грели они свои посиневшие ручки у полухолодных печей. Дети оживали, только слушая звон накрываемой посуды, и снова впадали в прострацию после окончания еды. Дошкольные работники, не считаясь со своими силами и возможностями, активно участвовали и во всей жизни нашего города. Они с особым воодушевлением выполняли разные оборонные работы. Во время сигнала «ВТ» несли дежурства в группах самозащиты, тушили зажигательные бомбы, падающие вблизи детского сада, дежурили на крышах при налетах фашистских самолетов. А главное, стремились создать все возможное для сбережения жизни маленьких ленинградцев.

«В понедельник, — рассказывает заведующая детским садом № 4 тов. Тузова, — в день открытия нашего сада явилось 50 детей. Вид их ужаснул меня. Многие дети от слабости не могли ходить. Их принесли на руках или привозили на санках слабые, голодные матери...» Усиление блокады, частые тревоги и тяжелые бытовые условия домашней жизни сильно отражались на детях. Они мало двигались, мало разговаривали и чрезвычайно пассивно относились ко всей жизни детского сада. Потребность же в наличии свободных мест в детских садах района продолжала увеличиваться. Вопрос определения ребенка в детское учреждение был равен спасению его жизни, требовал от работников РОНО быстрого и оперативного разрешения вопроса организации все новых и новых учреждений...

В декабре 1941 года потух электрический свет, замерз водопровод, и жизнь детского сада еще более усложнилась. В убежище сидели при свете ночника, а когда керосин кончался, при лучине. Лучины трещали, сыпали искры, дымили, тухли..., но нельзя было оставлять детей в абсолютной темноте. Надо было ободрить их и хоть немного отвлечь от ужасов военных переживаний. Вот в 8-м детском саду в убежище воспитатель Р. З. Коган показывает детям чучело зайца. Воспитатель рассказывает о нраве и повадках зайцев, а сзади стоит уборщица с пучком лучины в руках, освещая стол с зайцем и группу ленинградских детей, с интересом рассматривающих лесного жителя.

Вот в 7-м детском саду — музыкальное занятие. В помещении детского сада холодно. Дети все в пальто, в шапках, в валенках. За роялем в платке Р. Е. Падве. Окоченевшими пальцами берет она аккорды, импровизируя, как сторож в зоологическом саду, заснув, видит разные сны. «И сторож видит сон, будто все зайчики выскочили из клеток». «Зайчики» (дети), замерзшие, накутанные, выскакивают из своих клеток (стульчиков) и начинают медленно прыгать по комнате. Затем из клетки выходит слон — мальчик в огромных валенках с худым бледным личиком, «хитрая лисичка» — бледная девчурка, которая, еле двигаясь, старается отобразить повадки лесного зверька. Дети немного оживали во время этих занятий, а затем снова впадали в прострацию.

Войдешь, бывало, в группу: полная тишина царит в ней. Не слышно веселых голосов детей, их радостного смеха. Середина комнаты пуста. Забытые игрушки чинно стоят на коврике в игровом уголке. Их никто не трогает. Никто ими не играет. В углу, у полуостывшей печки, в кучке сидят дети, маленькие серые комочки, в шапках-ушанках, в пальто, в валенках. Глаза их полузакрыты. Они дремлют. Многие положили свою голову на плечо соседа и так, в таком положении, не шевелясь и почти не разговаривая, проводят они длинные, бесконечно длинные зимние дни...

И вот тут-то определилась огромная роль дошкольных работников на том этапе военной жизни: нарушить это состояние прострации у ребенка. Обогреть его морально, подкрепить его лаской и поцелуем. Дошкольные работники, забывая свои собственные недомогания, проявляли максимальную заботу о детях, стремясь заменить ребенку мать нежным поцелуем, веселой шуткой или ласковым объятием. Окружая большой любовью и заботой вверенных им детей, воспитатели не забывали и родителей. Матери приходили уставшие, с трудом удерживаясь от слез. Надо было успокоить их, сказать им несколько слов. Чувствуя искреннее отношение работников сада, они более или менее спокойными расставались со своими детьми.

Героизмом надо назвать и работу технического персонала дошкольных учреждений района. Под свист снарядов во время воздушных тревог и обстрелов города технические работники ни на минуту не прерывали своей работы, обеспечивая этим четкость и бесперебойность в режиме дня детского сада. Их не останавливали ни тревоги, ни залпы. Во время тревоги еще снаряды свистят в воздухе, еще противно воет неприятельский самолет, а уж эти люди бегут с огромными котлами горячей пищи в убежище, чтобы накормить вовремя детей своей группы.

В трудных, напряженно-трудных условиях проводили работники дошкольных учреждений декабрь 1941 года. Вместе со всеми ленинградцами ночью на 25 декабря со слезами на глазах слушали радостную весть, что с завтрашнего дня паек хлеба со 125 граммов повышается до 200 граммов в сутки, в таких условиях начали подготовку к проведению праздников новогодней елки. Казавшаяся нам в первую минуту абсурдной мысль создания мирного детского праздника в условиях города-фронта в своей реализации показала, что благодаря особенному вниманию партии и правительства к детям, благодаря их исключительной заботе невозможное стало возможным, несбыточное превратилось в реальное. И это реальное, это возможное оживило наших детей, вернуло их к жизни, возвратило им сияние в глазах и радостный смех.

Воспитатели детских садов, музыкальные работники активно включились в подготовку и проведение праздников, своим собственным поведением и настроением способствовали созданию веселья и радости у маленьких детей. Ребятишки, встрепенувшись, с сияющими глазами, радостные, счастливые, даже пробовали танцевать и прыгать вокруг елки. И хотя слабые палочки-ноги плохо слушались своих хозяев и часто подгибались, хотя некоторые дети в середине танца падали, они сразу же вставали с пола и стремительно включались в общее веселье. Так велика была эта потребность детей жить и радоваться, так искренне (впервые за многие месяцы) звучал детский смех, что присутствующие, слабые, черные от истощения матери плакали, видя счастье и радость своих еще молчаливых, печальных детей. И со слезами говорили вслух сердечное спасибо нашей Советской власти, которая дала возможность, несмотря на блокаду города, дать радостный детский праздник детям Ленинграда.

В январе 1942 года, реализуя постановление Ленгорисполкома, 50% детских садов были переведены на интернатное обслуживание детей. Это опять явилось новым этапом в работе дошкольных учреждений. Увеличивающаяся смертность среди родителей, сильная ослабленность многих матерей, большое количество беспризорных детей, оставшихся после смерти матери совершенно одинокими, большое количество подкидышей — поставило перед нами задачу обслужить этих детей, создать им все условия для правильного развития, приютить одинокого малыша, помочь слабой матери оправиться. Это была большая политическая задача, и степень ее разрешения должна быть показать политическое лицо дошкольных работников, их умение быстро и оперативно перестроиться на

новые формы работы и дать высокие показатели в этих новых, ранее неизвестных условиях.

В первую очередь на круглосуточное обслуживание брались ослабленные дети, которым сразу же вводился постельный режим, во вторую очередь дети ослабленных матерей и, наконец, дети санитарно запущенных семейств.

Кроме этого, в детские сады направлялись дети из жактов, пикетов милиции, райсовета и РОНО, куда детей приводили и подкидывали. Вот в РОНО на окне, в ватном одеяле, завязанном веревками в виде пакета, мы обнаружили маленького мальчика с большими голубыми глазами, сложенного как перочинный нож для удобства пакования. Ребенок только и мог сказать, что он Миша. Больше о нем мы ничего не узнали. Часто в прихожей детского сада сотрудники находили подкинутого ребенка. «Мы пытались узнать, чей он? — рассказывает заведующая д/сада № 35 тов. Стацевич, — а он говорил "Мамин". Мы спрашивали его: "Где ты живешь?" А он отвечал: "Дома". Мы интересовались, кто его привел, а ребенок объяснял: "Тетя"».

Иногда же случайности военной жизни творили невозможное, отыскивали родственников детей-подкидышей, возвращали им семью и прежний уют, т. е. то, чего особенно не хватало малышам и что так заботливо старались создать дошкольные работники в детских садах. Заведующая 24 садом т. Казачинская рассказывает: «Нам принесли ребенка, подброшенного в исполком, истощенного до последней степени. Фамилии никто не знал. Звали его Виталием. Мы назвали его "Неизвестный". Виталик прожил у нас два месяца. За это время он как-то окреп и оправился. Однажды воспитатель, созывая всех детей на игру на участке, среди прочих имен назвала "Виталик". И вдруг какая-то женщина, проходящая мимо, кидается к нам с криком: "Где он? Где он?" Оказывается, это тетка Виталика, которая после смерти матери безуспешно разыскивала ребенка. С возгласом: "Ты ли это, мой мальчик? Бедная твоя мамочка!" — тетка обнимала и крепко целовала порозовевшего от радости, пополневшего за это время Виталика...» Как радовались мы все таким случаям, возвращая детям дома, теток, а иногда и мам.

У себя же в дошкольных учреждениях многие работники самовольно переходили на казенное положение, обеспечивая этим увеличение заботы и ласки по отношению к детям. «Домой ходить не приходилось», — вспоминает это время воспитатель 11-го детского сада т. Модестова. — «Тут и ночуешь вместе с детьми. Они рады, что около них один и тот же человек. Укроешь ребенка, подогнешь вокруг одеяльце и так радуешься, слыша детские простые слова: "Совсем, как мама". И эти слова вознаграждали работников детских садов за все их труды и заботу. Воспитатели все свое самое хорошее, самое человечное переносили на детей, стараясь создать им хотя бы иллюзию домашней жизни, стараясь в максимальной степени окружить ребенка теплом, лаской и любовью...

Как-то механически с 1 января 1942 года перерос наш 17 детский сад в дошкольный детский дом. Часть детей эвакуировалась с родителями, жившими до этого на эвакопункте. Оставались дети, потерявшие родителей. По направлению РОНО посылались дети, полусироты и сироты. Подбирая кадры для данного дома, мы не только останавливались на качественно лучших воспитателях района, но старались направить в детский дом товарищей, мягких по характеру, людей, перенесших горе, жаждущих большой, самоотверженной работы с малыми детьми. Так приступила к работе отличница города т. Перфильева, мягкий, опытный, преданный делу работник. Так была направлена лучшая воспитательница района, специалист по работе с маленькими детьми т. Варламова и другие. Нам казалось, что именно такие люди должны были подойти к страждущим детям детского дома, и в этом мы не ошиблись.

Начались случаи и подброски детей. Первую подкинули Анечку Фелдман, 6 лет. Она была совершенно больная, истощенная, вся в фурункулах. Она сразу же объявила, что больше к маме не пойдет, так как мама толкнула ее в парадную, закрыв за собой тяжелую дверь, быстро ушла, оставив ее одну. Так с Анечкой начался новый этап работы детского сада, к этому времени уже фактически переросшего в детский дом. В холодный январский вечер с передовой линии фронта на автомобиле бойцы привезли 2 детей: Витю и Леню, мать которых была убита осколком вражеской бомбы. Привели в детский дом из приемника маленького человека лет трех. На вопрос воспитателя т. Перфильевой: «Как тебя звала мама?» — мальчик отвечал: «Крошка». — А как звал папа?» — «Сыночек». — «Как звала бабушка?» — «Бабушка называла — внучек». — «А как звал дедушка?» — «Дедушки у меня нет».

В конце декабря, начале января 1942 года дети из-за холода и недостатка топлива жили внизу, в убежище. Керосина было мало. Один ночник тускло освещал весь отсек. Дети сидели, не шевелясь, и пели. И таким диссонансом среди этой тьмы звучали слова детской песни: «Солнцем весенним согрета земля». А потом поставили печи наверху, заменив ими неработающее центральное отопление. Детей перевели обратно наверх, и они ожили. Радостно зазвучали детские

голоса, весело зазвенела детская песня. Жизнь детского дома стала налаживаться.

В конце февраля 1942 года, не имея возможности сконцентрировать всех детей-сирот в детском доме, мы открываем еще один дошкольный детский дом. Принцип подготовки остается старый. Все лучшее в районе должно принадлежать детскому дому. Все детские сады очень заботливо снаряжали для перевода в детский дом своих сирот-детей. Дети детского сада помогали воспитателям чинить белье отправляемому ребенку, чистили ему ботинки и т. д. Дети приходили в детский дом печальные, сгорбленные. Их раздражала музыка, с которой их встретил детский дом. Их раздражали приветливые лица обслуживающего персонала. На вопрос воспитателя т. Лилиной: «Почему ты, Ирочка, такая скучная?» — Ира ответила: «А почему вы улыбаетесь? А нам скучно!»

Первые дни пребывания в детском доме дети жили замкнуто, молча переживая свое горе, не показывая его никому. Вот через 10 дней после перехода Лорика Федосеева в детский дом он в бане тихонько передает воспитателю маленькую пудреницу, говоря, что там в ней портрет его мамы и что он хочет один, только один смотреть на нее. Женю, 6 лет, привели прямо в детский дом. Ночью он попросил ночную няню зажечь свет, чтобы еще раз посмотреть на портрет мамы. И на вопрос няни: «Отчего ты не спишь?» — он ответил: «Я все думаю о маме». А вот Эрик, дети и взрослые любят его за исключительную нежность, которую он проявляет ко всем. Но Эрик не включается ни в какие игры и занятия. Он говорит: «Мне что-то не хочется» или «Я плохо себя чувствую». Он всегда молчит и часто подходит к окну. Его взор сразу же устремляется на противоположный дом, откуда его привели и где он потерял свою любимую маму. Бригадой девушек МПВО в детский дом была приведена 6- летняя Аллочка Кантор, которая была найдена после обстрела в момент, когда она безуспешно пыталась приставить оторванную голову мамочки к мамочкиному телу. Аллочка и была обнаружена девушками с этой головой...

Таковы были дети этого детского дома. Л. М. Сержантова, назначенная директором этого дома, горячо взялась за порученное ей дело. Она обучала и воспитывала свои кадры, приучая их чувствовать, видеть и знать каждого ребенка. Она сама знала каждого ребенка и умела найти подход к каждому из них. Начав работу со стационарно-лежащими детьми, окружая их особенной заботой, медицинским и педагогическим уходом, через 2 месяца дети имели максимальную прибавку веса 1800 граммов, минимальную — 300 граммов. Позже, в апреле 1942 года, и тот и другой детские дома с той же любовью и заботой снарядили и отправили в глубокий тыл детей, выполняя этим решение Ленсовета об эвакуации из Ленинграда детей-сирот, а позже и детей, матери которых изъявляли согласие отправить своих ребят за пределы Ленинграда...

Вот с передовых линий Ленинградского фронта приходят в детский дом отцы — командиры и краснофлотцы. Они знакомились с жизнью и условиями обслуживания детей и успокоенными уходили обратно на передовые, чтобы еще яростнее, еще ожесточеннее бить проклятого врага. В детских домах появлялись делегации из Краснодарского края и Узбекистана. Они привозили детям изюм, урюк, орехи. Встречались и бойцы Ленинградского фронта с огромной корзиной собственноручно собранной клюквы для этих детей. Мы все: и взрослые, и дети всегда неукоснительно чувствовали заботу нашей страны об осиротевших детях.

В мае 1942 года, реализуя постановление Ленгорисполкома, мы вывезли 250 детей дошкольного возраста за пределы города, на дачу. Работники детских садов своими силами отремонтировали дачные помещения, собственноручно вспахали свои приусадебные участки, засадив их овощами и картофелем. Дети Ленинграда, травмированные тяжелыми переживаниями, ослабевшие после холодной, голодной зимы, как бы расцветали от покойной, безмятежной жизни в условиях дачи. Привыкнув к непрерывным тревогам и обстрелам в городе, попав в абсолютно тихие условия дачной жизни, дети часто спрашивали приезжающих: «А в Ленинграде тоже война кончилась?»

Но на соседних участках дети встречали раненых бойцов. Ходили в гости в соседние воинские части и очень ясно ощущали ту заботу партии и правительства, которой они были окружены, несмотря на трудные условия военной жизни. Вместе с пробуждением физических сил у ребенка пробуждается и свойственный ему оптимизм и жизнерадостность. Так проходит зима 1942 года...

Ночное сообщение Совинформбюро 18 января 1943 года о прорыве блокады Ленинграда, о героическом подвиге бойцов Ленинградского и Волховского фронтов потрясло каждого живущего в нашем городе. В детских садах района, так же как и во всех учреждениях, во всех квартирах царил 19 января неописуемый праздник. Многие воспитатели, услышав по радио радостную весть поздно вечером, ночью празднично оформили помещение сада, так что к приходу детей красные флажки и зелень на

стенах создавали тот же праздничный настрой, что и на улице, отвечали радостному чувству, которое царило в те дни в каждом ленинградце. Дети вслух мечтают об окончании войны, возвращении отцов с фронта, много говорят о жареной картошке, которую они будут теперь есть. О белой булочке, об эскимо, о котором они смутно помнят, о шоколаде. В этот день многие коллективы детских садов совместно с детьми составили и послали на Ленинградский фронт поздравительные письма. «Шлем Вам горячее спасибо за героические дела в деле защиты нашего любимого Ленинграда. Приезжайте скорей с победой. Мы ждем Вас...»

Игры детей этого дня отражают прорыв блокады. Дети строили из стульев, из строительного материала «Кольцо блокады» вокруг «Ленинграда» и с радостными криками разбивали это кольцо. «Вдруг в середине игры в куклы Ира 5 лет встала, сделала из рук рупор и громко закричала: “Внимание, говорит Москва. В последний час. Прорыв блокады. Немцев гонят и бьют”. Все дети засуетились и пошли слушать Иру, которая рассказывала, изображая радио, как гонят и бьют немцев» (из записи 19 января т. Тер-Степановой, д/сад № 16). «Блокаду прорвали. Гитлера в мешок посадили», — говорит Марик из 7 сада и, реально представив себе Гитлера в мешке, добавляет «Одна голова у него торчит». Мальчик дома слышал выражение: «Немцы в мешке», он представил себе это событие и реально старается объяснить это детям...

Но блокада Ленинграда была только прорвана, но не снята. Детский сад продолжает жить в условиях блокированного города, и задача охраны жизни и здоровья детей после факта прорыва блокады не только не уменьшилась, но в несколько сот раз увеличилась... Ожесточенный враг всеми силами стремился если не завладеть Ленинградом, то хотя бы уничтожить бóльшую часть его населения. Враг обстреливал город из дальнобойных орудий, обстреливал тяжелыми снарядами, пробивающими бреши в жилищах ленинградцев, осыпал наши улицы миллионами осколков из шрапнелей.

Дети наши вместе со взрослыми стоически переносили все эти ужасы войны. Они приучились к быстроте и организованности во время ВТ или сигналов обстрела. Они поспешно бежали в убежище и терпеливо высиживали там, ожидая сигнала отбоя воздушной тревоги. Они доверчиво смотрели на своих воспитателей и заведующих, ожидая от них помощи и защиты. Они были уверены в этой помощи, в этой защите. И дошкольные работники за долгие месяцы Отечественной войны оправдали высокое доверие нашего правительства и, несмотря на все трудности военной жизни, спасли и сохранили тысячи жизней вверенных им детей.

Детский сад № 3. При первом же звуке обстрела дети уже внизу в убежище. Заботливо оберегает их персонал: воспитатели т. Щербакова, Барташева, Тумашева, Ханалеева. Вечером снаряд попадает в помещение младшей группы, почти полностью разрушив ее, разрывается снаряд в игровом уголке малышей на ковре, где еще утром весело и беззаботно играли дети. Воздушной волной были подняты в воздух и пригвождены осколками снаряда к потолку нарядные куклы, плюшевые мишки, маленькие мягкие зайчики. Дети недоуменно спрашивали воспитателя т. Барташеву: «Это немцы сделали? Зачем они разбомбили нашу группочку? Как хорошо было у нас». А матери с ужасом покачивали головой, взирая на детские игрушки на потолке, и думали о том, что было бы со всеми детьми, если бы они мирно, как обычно, играли на ковре...

Детский сад № 34 — заведующая т. Валуцкая. Детский сад трижды переводился из одного помещения в другое, с одной улицы на другую, трижды страдал от артиллерийского обстрела, последствий ВТ. 1 мая 1943 года два снаряда падают и разрываются во дворе под самыми окнами детского сада. Детей нет. Выходной день. От осколка снаряда гибнет муж заведующей, который во время обстрела зашел в детский сад укрыться от опасности, ранена воспитатель детского сада т. Медведева. К приходу детей после праздника часть помещения приводится в порядок. Работа детского сада продолжается...

Детский сад № 15 — заведующая т. Нисневич. Первый снаряд попадает прямо в канцелярию детского сада. Ранена т. Нисневич, мать и один ребенок, находившийся в канцелярии, которые пришли за питанием на дом. Остальные дети дома, т. к. выходной день. Заведующая М. Н. в тот же вечер возвращается из госпиталя. Лежа с забинтованной головой, раненая, она сама руководила восстановительными работами сада. Перерыва в обслуживании детей нет. И таких примеров можно привести много...

Новые условия жизни города-фронта выдвигали и новые методы работы для сохранения жизни и здоровья детей. Надо было обеспечить максимально быструю эвакуацию детей во время сигналов тревоги, и надо было успокоить при этом нервных ребятишек. Нельзя было вселить панику среди детей при быстроте их выхода из детского сада. Нельзя было и не внушить ребенку обязательность быстрого выхода в убежище.

И оба этих положения явились обязательными для каждого воспитателя.

Учитывая, что одним из важнейших условий оздоровления ребенка является питание, работники детских садов особенное внимание уделяли моменту приема пищи, применяя различные способы и методы для того, чтобы добиться от ребенка полного доедания положенной порции. До снятия блокады гуляли исключительно около убежищ с тем, чтобы при первом же залпе сразу же убежать в укрытие. Так шла работа конца 1943 года, начала 1944 года. Регулярное питание, уход, ощущение чувства любви матери, все эти факты, необходимые малому ребенку, способствовали возрождению в нем детского оптимизма. Весь преисполненный верой в грядущую победу, оживший, радостно настроенный ребенок не может больше вернуться к тому состоянию прострации, которое было у него зимой 1941–1942 годов.

27 января 1944 года, тесно группируясь около громкоговорителей, дошкольные работники района так же, как и все жители города Ленина, слушали знаменательные слова приказа о том, что «войска Ленинградского фронта прорвали и преодолели сильно укрепленную, долговременную оборону немцев...» Знакомый четкий голос ленинградского диктора, так недавно еще предостерегавший взрослых и детей о начавшихся артобстрелах, теперь спокойно и уверенно объявлял всему миру, что «город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника».

И сразу же всех потянуло на улицу. Люди с сияющими лицами, с веселым смехом на губах, со слезами радости на глазах, обгоняя друг друга, поздравляя друг друга, стремительным потоком бежали вдоль Невского, все вперед и вперед. Туда, куда манили всех радостные залпы салюта и откуда, взвиваясь к небу, рассыпались тысячью разноцветных звезд праздничные ракеты. А потом, когда последний удар салюта смолк, когда последняя ракета прощально осветила праздничный город, работники детских садов собрались в свои учреждения, чтобы в узком кругу товарищей сказать то большое, теплое, что поднималось внутри каждого, что давало новые силы, новую энергию к последующей работе. Ночью, после окончания митингов, все детские сады района были празднично оформлены, и нарядные, веселые работники радостно приветствовали утром 28 января радостных, нарядных детей.

В детских высказываниях, в детских играх, в детских рисунках, отражающих это историческое событие, — ярко выражается тот политический настрой, который все более и более укреплялся в психологии ребенка. Вместе с воспитателями дети вновь шли в госпиталь к раненым бойцам, непосредственным участникам прорыва, а затем снятия блокады Ленинграда. Выступая там со своими простыми песенками, со своими наивными стишками, дети не забывали еще и еще раз поблагодарить командиров и красноармейцев за то, что они дали им возможность безбоязненно гулять по солнечной (так еще недавно обстреливаемой) стороне Невского проспекта, спокойно спать ночью в своих уютных кроватках, бесстрашно уходить во время прогулки далеко от убежищ. А бойцы, как и раньше, затуманенными от слез глазами смотрели на детей, осторожно гладили их по головке, целовали детские руки, вспоминая собственных детей, своих, далеких. У кого угнанных в чужую страну, у кого — погибших в черные дни зимы 1941–1942 года. Дети доверчиво и ласково льнули к раненым, тихонько рассказывая им эпизоды из жизни детского сада, передавали бойцам последние известия, полученные от отцов с фронта...

Многое можно было бы еще рассказать о жизни детских садов Ленинграда в период блокады: и о систематической связи с госпиталями, находящимися в то время в городе, и о связи с эвакуированными детскими учреждениями, о развитии детского рисунка о войне и о многом другом. Мы рассказали очень кратко о жизни и работе детских садов одного Куйбышевского района. Но ведь так жили и работали тысячи дошкольных работников Ленинграда.

Полученное от партии и правительства задание — сохранить жизнь и здоровье детей, дошкольные работники великого города Ленина выполнили с честью, недаром у некоторых из них, кроме медали «За оборону Ленинграда», присужденной жителям нашего города, имеется правительственный орден или медаль, полученные за самоотверженную работу в детских учреждениях в период Великой Отечественной войны. Эти награды еще раз показывают истинное лицо работников детских садов Ленинграда, лицо советских патриотов, лицо советских женщин, являются памятью тех дней, забыть которые нельзя.

Л. Е. Щукина — методист дошкольных работников Куйбышевского отдела народного образования города Ленинграда.
3.04.61

Приписка в конце машинописного текста карандашом: *«Посылала в Д. Воспитание в апр. 1961 г., не напечатали».*

ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ

Один год в школе горя научит тебя
большему, чем семь лет, посвященных
изучению великих доктрин Аристотеля[1].

Чем труднее жизнь наших учащихся,
тем лучше должны быть наши уроки.

М. П. Ивашкевич

Основу для написания раздела, посвященного жизни ленинградских школ в период 1941–1944 гг., составили:

- Нормативные документы партийных, городских, районных органов управления Ленинграда 1940–1946 гг., касающиеся системы образования, из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).
- Статистические отчеты о работе школ города в период блокады.
- Документы из фондов Педагогического музея Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования.
- Материалы городских педагогических выставок 1948–1949 гг.
- Воспоминания педагогов и учащихся блокадного Ленинграда разных лет.
- Документальные факты, фото- и видеоматериалы из открытых газетных и интернет-источников.
- Материалы из домашних архивов: фотографии, повседневные образовательные документы блокадных лет.

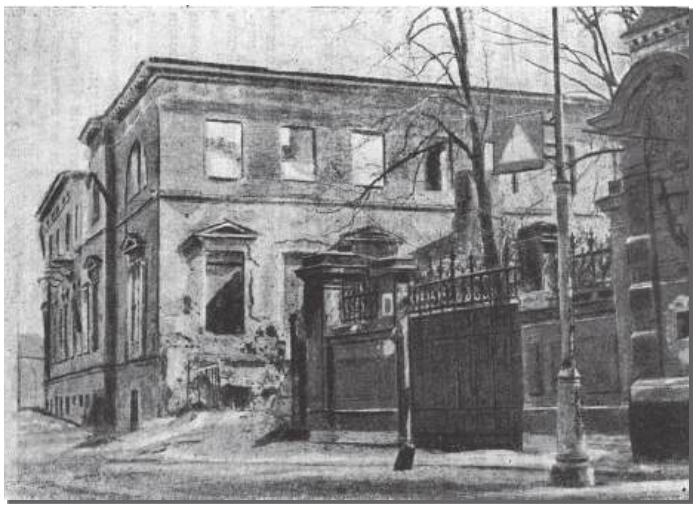
Ленинградские педагоги были людьми высокой культуры, прекрасно владеющими словом. Именно поэтому их воспоминания, как правило, образны, наполнены яркими жизненными зарисовками. Многие тексты сегодня читаются как маленькие новеллы, иногда трагические, порой с нотками грустного юмора, но всегда поучительные. Общую панораму образования в блокадном городе дополняет отражение специфики школьной жизни, «пропущенное сквозь призму детских воспоминаний и переживаний». Особое место в архивных материалах занимают ученические сочинения, которые учителя бережно хранили и отрывки из которых нередко воспроизводили в своих воспоминаниях.

В целом впервые публикуемые материалы, в сопоставлении с известными ранее фактами и информацией, представленной в свободном доступе, безусловно, подтверждают сложившееся за много десятков лет общее представление о героизме и стойкости педагогов и учащихся блокадного Ленинграда. Но возвращение к страницам истории в контексте стремительно меняющегося XXI века открывает совершенно новые, неожиданные грани, казалось бы, в хорошо узнаваемом прошлом. Содержание известной на сегодня информации о жизни школ в блокадном Ленинграде вкупе со вновь открываемыми архивными источниками складывается в единое смысловое целое. Массив блокадных воспоминаний, заметок и отчетов педагогов и учащихся включает *общие сюжеты школьной повседневности осажденного города, сохранившиеся в коллективной памяти*. Среди них:

1. *Начало войны*. Первые личностные реакции педагогов и учеников. Школа как место притяжения и общего сбора учителей и учащихся Ленинграда летом 1941 года. Описания школ и педагогических коллективов, какими они были до войны.
2. *Включение в новые виды деятельности*. Участие в преобразовании школ в госпитали,

[1] Энциклопедия мысли / Сост., предисл., коммент. Н. Я. Хоромина. 2-е изд. М.: Русская книга; Известия, 2004. С. 593.

Разрушенное здание школы № 52 Кировского р-на[2]



Здание школы глухонемых (наб. реки Мойки, д. 120) разрушено прямым попаданием авиабомбы[3]

Разрушенное здание школы № 2 Павловска[4]

в оборудовании новых помещений для учебы. Освоение оборонных, медицинских, агротехнических и иных необходимых в военное время навыков.

3. *Личные воспоминания о тяготах первой блокадной зимы 1941/42 гг.* Долгая зимняя дорога пешком в школу и обратно домой. Подготовка к урокам в холодное и голодное время. Обучение в бомбоубежищах.
4. *Сведения об организации школьного уклада на разных этапах блокады.* Учительский вклад в выполнение новых задач, поставленных перед школой в 1941–1944 гг. (соотнесение содержания обучения и воспитания с военной и блокадной действительностью, раздельное обучение, переход к пятибалльной системе оценок и др.).
5. *Организация праздников для учащихся в период блокады:* елки, годовщины Октябрьской революции, выпускные вечера, олимпиады.
6. *Формы связи школ с фронтом, с бойцами.* Упоминания об ушедших на фронт и погибших в блокаду коллегах и учениках, переписка с фронтовиками, посещение госпиталей.
7. *Рассказы о своих учениках и коллегах.* Отрывки из сочинений и писем учащихся, памятные эпизоды общения.
8. *Особенности руководства школами.* Многогранная деятельность директоров.

Ленинградские школы в блокаду: статистика и хронология основных событий

В историко-публицистических источниках обнаруживаются разночтения по поводу количества образовательных учреждений, работавших в Ленинграде в 1941–1945 годы. Мы опираемся на сведения, взятые из официальных документов Ленгороно, хранящихся в архивах. Согласно адресно-справочной книге «Ленинград 1940»[5] перед началом войны в городе существовала 571 общеобразовательная школа (*Приложение III-1*).

---

[2] Автор фотографии: Струнников Сергей Николаевич. Место съемки: Ленинград. Дата съемки: декабрь 1942 г.: Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Арх. номер: Ф. 8744. Оп. 1. Д. 7.

[3] Фото воспроизведено по: URL: https://pastvu.com/p/124132

[4] Фото воспроизведено по: URL: https://vk.com/photo-998865_270479845

[5] Ленинград 1940: Адресно-справочная книга. Л.: Лениздат, 1940.

В период блокады действовали различные типы школьных учреждений:

- обычные начальные, неполные средние, средние;
- спецшколы (артиллерийские и военно-воздушных сил);
- школы взрослых при военно-лечебных учреждениях;
- с 1 сентября 1942 г. больничные школы;
- с ноября 1942 г. «школы взрослых» или «школы рабочей молодежи»;
- с 1 сентября 1943 года женские, мужские и смешанные школы.

Многие школы располагались в исторических зданиях, являющихся культурными памятниками. Среди них: Петришуле (№ 222), Первая гимназия (№ 321), Павловская гимназия (№ 209), «Дом со львами» (№ 239) и др. Однако вражескими частями, окружившими город, образовательные учреждения рассматривались лишь как военные объекты, находившиеся в квадрате систематического обстрела. Так, 105-я школа числилась на карте противника как объект № 736, по которому рекомендовалось стрелять осколочно-фугасными снарядами. Аничков дворец (Дворец пионеров) был объектом № 192, подлежащим обстрелу фугасно-зажигательными снарядами. За время блокады в результате артобстрелов и бомбежек разрушено 22 школьных здания, нанесен тяжелый ущерб 393 школам. Множественные повреждения получили школы № 208, 211, 218, 220, школа глухонемых, школа слепых детей[6].

Исследователь Л. Л. Газиева выделяет в работе школ блокадного периода шесть этапов:

- с 22 июня по август 1941 г.;
- с сентября по декабрь 1941 г.;
- с января по май 1942 г.;
- лето 1942 г.;
- с сентября 1942 г. по июль 1943 г.;
- с августа 1943 г. по август 1944 г.[7]

На каждом из них перед учительством Ленинграда вставали разные задачи. В самом начале войны это была преимущественно *организационно-подготовительная работа*: преобразование школ в госпитали, участие в строительстве оборонных сооружений. К педагогам активно подключались их ученики. В одном только Смольнинском районе в строительстве оборонительных рубежей участвовало свыше 1000 учащихся. На строительстве укреплений в Пушкине и Петергофе работали 350 школьников Московского района[8].

С конца июня началась эвакуация детей из города, в организации которой педагоги города приняли непосредственное участие. Параллельно создавалась новая конфигурация школьной сети. Под занятия оборудовали бомбоубежища и домовые хозяйства, где до середины декабря в группах по 12–15 человек проводились уроки для первых-шестых классов. Занятия шли по сокращенной учебной сетке: два-три часа в день. Школьников с 8-летнего возраста обучали пользованию средствами индивидуальной защиты. В ряде школ организовывались уроки математики и литературы с бойцами МПВО, несущими дежурство, и группами учащихся-выпускников 7–10-х классов.

Решением бюро Ленинградского горкома партии от 25 октября 1941 г. горисполкому было поручено начать занятия для учащихся 7–10-х классов (*рис. 1*). В связи с этим срочно высвобождались помещения 31 школьного здания, ранее отведенные воинским частям. С третьего ноября в 103-х школах начали учебу 33 176 учащихся старших классов. С учетом военной обстановки акцент делался не на освоении нового материала, а на повторении ранее пройденного.

Условия, в которых вопреки бомбежкам и обстрелам продолжалось обучение ленинградских школьников, многократно описаны очевидцами. Это была череда ежедневных преодолений и подвигов со стороны как педагогов, так и учащихся. Об особенностях блокадных занятий, в том числе в «школьных филиалах» и бомбоубежищах («школах в подземелье»), подробно рассказывается в воспоминаниях педагогов и учеников (*Приложение III*).

> По словам *С. А. Дайновской*, ученицы школы № 7 (впоследствии № 138), с началом войны их школа была закрыта, «учителям дали расчет, и они поехали в эвакуацию. А дети остались в Ленинграде. Осталась и директор Надежда Андреевна Малинина. Именно благодаря ей в дни блокады вновь продолжились занятия. Сначала они проходили в нашей квартире. Собрали 7–10 детей,

---

6 Акт ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады. М.: ОГИЗ; Госполитиздат. С. 23–25. Цит. по: URL: https://www.prlib.ru/item/467450

7 *Газиева Л.Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 годах: Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011.

8 Данные приведены в кн.: Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. М.: Изд-во АН СССР, 1959. URL: http://www.detskiysad.ru/raznlit/blokada03.html

РАССЕКРЕЧЕНО
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ОПРОСОМ ЧЛЕНОВ БЮРО ГОРКОМА

(Прот. № 48 п. 113гс от „25" октября 194 г.)

Шифр 6

О начале учебного года в школах г.Ленинграда.

1. Обязать исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся организовать с 15 октября 1941 г. нормальные занятия учащихся 7-10 классов школ г.Ленинграда(без г.г.Колпино. Кронштадта, Пушкина и Петергофа)
2. Обязать начальника гарнизона войск г.Ленинграда, генерал-лейтенанта т.Иванова в 3-дневный срок освободить помещения школ, занятые воинскими частями, согласно приложению.
3. Обязать военного комиссара г.Ленинграда полкового комиссара т.Расторгуева выделить в распоряжение городского отдела народного образования 37 командиров запаса для военного обучения в школах.
4. Освободить от трудовой повинности на период учебного года преподавателей и учащихся этих школ.

ок.2. Результаты голосования:

Выписки тт.: Лазутину, Попкову, Иванову (Нач. гарнизона войск г. Лда) Расторгуеву, Горкому, РК ВКП(б) г. Ленинграда.

Рис. 1. Черновик протокола Бюро горкома Ленинграда по вопросу начала учебного года осенью 1941[9]

пригласили учительницу и начали занятия. Учительница получила работу и продовольственную карточку. Директор так вдохновилась, что стала собирать других детей и учителей. Железнодорожники Финской ж. д. отдали нам под школу огромный подвал в доме на площади Ленина. Туда внесли солдатские кровати. Часто были тревоги, и в этом подвале мы жили и учились»[11].

Борис Кузнецов вспоминает, как утром шел в школу на ул. Восстания 10, куда «ребят с каждым днем ходило меньше. В ноябре уже ходили из-за тарелки супа. Суп становился все бледнее. Помню последний школьный суп — теплая водичка, замутненная мукой. Заплатил 4 копейки. Школа не отапливалась, занимались в подвале, там немного теплее. Собиралась кучка ребят, кто в чем одет, один жег лучину, учительница наскоро объясняла, что прочитать дома, и расходились»[12].

Ученик 6-го класса 186-й школы Валя Рокотов (в центре) показывает остатки потушенных им зажигательных бомб. Ленинград. 12 сентября 1941 года[10]

[9] Из фондов ЦГАИПД СПб. Воспроизводится по: URL: https://avatars.mds.yandex.net/get-zen_doc/1593239/pub_5e301c4c7749463424e2ddd1_5e301f19b494d27ca1891d15/scale_1200

[10] Фотограф: Павел Машковцев. Источник: URL: https://fotostrana.ru/public/post/231933/1924724821/

[11] Школа № 138 в годы блокады. URL: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/shkola_138_v_gody_blokady/

[12] Воспоминания о блокаде без цензуры. URL: https://proza.ru/2014/10/12/1717

* * *

Голодная и холодная зима 1941/42 гг. оказалась самым сложным блокадным периодом. 6 декабря 1941 г., чтобы хоть как-то облегчить ситуацию для ребят, посещающих школу, Ленинградский горисполком принял решение в первом полугодии не взимать плату за обучение в 8–10-х классах[13]. С 8 декабря 1941 г. было разрешено отпускать учащимся первые блюда (супы) «без вырезки талонов из продовольственных карточек». С середины декабря занятия в домохозяйствах и бомбоубежищах стали свертываться. Из 60 тыс. учащихся 1–6-х классов, занимавшихся в ноябре-декабре, к январю 1942 г. осталось только 36 тысяч. После того как в феврале-марте число детей и учителей резко снизилось, занятия разрешили временно прекратить. Тем не менее в течение первой блокадной зимы старшеклассники 39-ти школ продолжали учиться. (Перечень этих школ см. в *Приложении III-2*.)

* * *

В условиях блокады Ленинград встречал новый год трижды. И это были совсем разные праздники. Ленинградский Совет депутатов трудящихся, исполком при поддержке Военного совета Ленинградского фронта, городского и областного комитетов партии приняли решение об организации школьных елок с первого по десятое января сорок второго года. На фоне тягот блокады детям хотя бы на несколько часов нужно было подарить радость, накормить, вручить подарки. В принятом 23 декабря постановлении Ленгорисполкома содержался специфический пункт, разрешавший устраивать детские праздники там, где есть бомбоубежища, рассчитанные на нахождение определенного количества детей (*Приложение III-3*).

Городская традиция проведения главной елки во Дворце пионеров (Аничковом дворце) в 1941 году прервалась, поскольку в то время в здании размещался госпиталь для гражданского населения. С пятого по седьмое января 1942 года для учащихся 7–10-х классов елки организовали в помещениях ведущих театров, где зажгли электрическое освещение и играли духовые оркестры. В Театре драмы им. А. С. Пушкина давали спектакль «Дворянское гнездо». В Большом драматическом театре — «Трех мушкетеров». В Малом оперном шёл спектакль «Овод». В Театре музыкальной комедии на елке, помимо прочего, «были организованы соревнования учащихся на лучшую разборку винтовки, пулемета, проводились консультации по военным вопросам»[14]. Нарядную елку, сияющую огнями, украшенную множеством игрушек, установили в помещении Педагогического института им. М. Н. Покровского. Праздники прошли и в ряде школ. Например, в 367-ю школу в канун 1942 года елку привезли на артиллерийском лафете друзья-воины. Дерево украсили по-особому, повесив на ветки шерстяные и ватные носки, рукавицы, яркие кисеты, сделанные ребятами в подарок бойцам[15].

Гостями первых блокадных елок стали около 50 тысяч ленинградских школьников[16]. Но какими бы нарядными ни были елки, и в театрах, и в школах, и в бомбоубежищах все ждали обещанной еды. Новогодний обед выдавался без вырезки талонов из продовольственных карточек. Праздничное меню блокадные школьники запомнили на всю жизнь. Вот несколько таких воспоминаний.

> Лились мелодии из механически заводящегося патефона. Ни хороводов, ни танцев, ни пения — у окон и стен стояли изможденные дети. Худоба у иных такая, словно скелеты, обтянутые кожей, многие с неумытыми лицами и грязными руками — водопровод и канализация не работали. У многих ребят в руках были стеклянные баночки, традиционных подарков не было, нас угостили обедом. Что было на первое — не помню, а на второе — каша с крохотной котлеткой, что было уложено в баночки: все затем делилось на всех домашних[17].

> ...Был большой концерт и елка из сосны... А потом был обед. Дали суп из чечевицы, 2 котлеты с макаронами и какое-то желе, очень вкусное. Все очень вкусно. Хорошо все-таки в школе[18].

---

[13] Плата за обучение в 8–10-х классах средней школы была введена в СССР с 01.09.1940 г. Для Ленинграда она составляла 200 рублей, которые равными долями вносились дважды в год: к первому сентября и к первому февраля.

[14] Факт, приведенный в кн.: *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда: ленинградское радио в дни блокады. Л.: Искусство, 1980. С. 40.

[15] Празднику быть! Каким был Новый год в блокадном Ленинграде. URL: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/novomu_godu_byt/

[16] См.: Ленинград, 31 декабря 1943: В домах культуры и клубах проходят новогодние балы. URL: https://tass.ru/spb-news/865924; Новый год в блокадном Ленинграде. URL: https://spbarchives.ru/newyear_4

[17] Подборка воспоминаний: «Санкт-Петербургские ведомости» № 227 (6336) от 05.12.2018 под заголовком «Новому году быть!».

[18] *Куртов А.* Мандарины под пулями. 73 года проходят елки во Дворце пионеров. URL: https://

На празднике в тридцатой школе (угол проспекта Маклина и улицы Печатников) «незнакомая учительница по музыке играла на рояле, преподаватели пытались сбить нас в хоровод. Но это им никак не удавалось. Не было ни сил, ни охоты двигаться... К тому же наше внимание было приковано к столам, составленным в ряд вдоль одной из стен зала. А на столах — глубокие тарелки и возле каждой — ложка и вилка... Тот блокадный обед из трех блюд на празднике новогодней елки врезался в память навсегда. На первое — суп с вермишелью с удивительно вкусной клейкой гущей. На второе — котлета и пюре из сушеной картошки, в котором попадались полутвердые, не разваренные кусочки. На третье — компот из сухофруктов с кругляшками яблок на донышке стакана. И еще ломтик черного хлеба. О, это был замечательный праздник!»[19]

Некоторым детям казалось, что «в этот день война должна была остановиться, закончиться. Это же Новый год!» Но чуда не произошло, новогодняя сказка завершалась порой очень печально. В книге С. Магаевой есть такие строки: «Елка в 28-й средней школе была в конце декабря сорок первого года. В январе сорок второго умерли и блокадная Снегурочка, Елизавета Михайловна, и блокадный дед Мороз, Дмитрий Иванович»[20].

* * *

В феврале 1942 года 39 тысяч ленинградских детей были приняты на полный рацион питания в школьных столовых. В апреле учителя стали получать рабочие продуктовые карточки. По приказу Ленгороно № 104 от 22 апреля, с 3 мая 1942 года школы должны были охватить учебой всех детей школьного возраста, ориентируясь в работе исключительно на повторение пройденного ранее материала и подготовку учеников к прохождению программного материала в новом 1942/43 учебном году. Классы необходимо было скомплектовать к 26 апреля. После этой даты следовало сформировать в школах группы самозащиты: пожарные, санитарные, химические звенья; проверить состояние пожарной безопасности, наличие противогазов для учителей и учащихся. С 27 по 30 апреля требовалось организовать медицинский осмотр. К 28–29 апреля — привести в порядок школьные помещения, дворы и площадки. Поражают сроки, отведенные школам для исполнения приказа: на всю организационно-подготовительную работу предусматривалось от 4 до 10 дней!

С 4 мая для учащихся с 1 по 10-й классы возобновились регулярные занятия. Датой окончания учебного года утвердили 30 июня. В школы возвратились ребята, выжившие после первой ужасной блокадной зимы, многие страдали от дистрофии. «Весенняя школа» предполагала два уклада, два режима школьного дня: для новых и старых учащихся. В школьной блокадной лексике их разделяли на «зимняков», «зимовщиков», «папанинцев» и «диких» (тех, кто от сидения дома так одичал, что вел себя далеко не как школьник). По словам одного из второклассников, которому на тот момент исполнилось десять лет:

Были уроки чтения, пения, рисования. Арифметики не было. Письма не было. Ничего не было. Вот только три этих урока. В основном чтение и пение. Пели все самые любимые песни, чтобы ребята немножко распелись, вспомнили, как это делается. И читали. А читали, конечно, книжки про войну. Или самые лучшие детские книжки. Читала в основном учительница и те, кто хорошо читал[21].

Зинаида Аркадьевна Федюшина (Иткина), второклассница школы № 216, вспоминает:

4 мая 1942 года, несмотря на бомбежки и обстрелы, школа снова открылась. Окна были завешаны одеялами. Света не было, освещали бутылками с керосином, куда был вставлен фитиль. Мы помогали учителям составлять списки, по которым выдавали ДШП (детское школьное питание) или УШП (усиленное школьное питание). Ходили по соседним домам.

Старшим подросткам, которые на несколько месяцев оказались оторванными от занятий, было нелегко возвращаться за парты. Пережив непростую блокадную зиму, многие стали считать себя взрослыми. Это порождало серьезные дисциплинарные трудности, в том числе и потому, что учителям приходилось преподавать в разновозрастных классах, общаясь с учащимся,

spb.aif.ru/leningrad/1423680

[19] Детские воспоминания блокадников. URL: https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=955

[20] *Магаева С.* Оптимисты поневоле. М.: Наталис, 2005.

[21] Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования. URL: https://www.rulit.me/books/pamyat-o-blokade-read-499064-10.html С. 10

которых они видели впервые. Тем не менее директорам школ вменялось в обязанность соблюдать точность выполнения программы по каждому классу с таким расчетом, чтобы подготовить всех школьников к весенним испытаниям.

В качестве примера успешного выполнения этих указаний приведем данные из отчета по 252-й средней школе Октябрьского района от 02.07.1942 г. 10-й класс здесь был скомплектован из учащихся восьми школ. Несмотря на сокращенный учебный год и перерыв с 1 января по 27 февраля, весенние испытания показали успешное прохождение всех учебных программ. Из 14 выпускников у четверых были только отличные оценки: Тамара Белякова, Нина Высочанская, Наталья Вальтер, Лидия Мочалова. Отличные и хорошие оценки преобладали у большинства учащихся, посредственные — получили только три человека в классе. Наибольшее число отличных и хороших оценок было по литературе и немецкому языку.

Учебные предметы	Кол-во учащихся	Отлично	Хорошо	Посредственно
Литература	14	8	6	–
Алгебра	14	5	7	2
Геометрия и тригонометрия	14	8	4	2
Физика	14	6	5	3
Немецкий язык	14	5	9	–
	14	32	31	7

Всего в разные периоды 1941/1942 учебного года в Ленинграде функционировало 139 школ разного типа (*Приложения III-4* и *III-5*). Несмотря на тяжелейшие условия блокады, по итогам успеваемости одна из них — школа № 47 Приморского района, которую за время блокады закончили 54 человека, была признана лучшей в стране[22]. Из 542-х ленинградских десятиклассников, окончивших школу в 1941/42 учебном году, 70 получили аттестаты с отличием.

В Дневнике-отчете директора школы № 33 Василеостровского района Бочаровой (*Приложение III-14*) приведено множество конкретных фактов из жизни школьного коллектива, начиная с 15 августа 1941 года, когда на оборонно-строительные работы было направлено 8 учителей и 10 старшеклассников, и кончая выпускным вечером 30 июня 1942 года. Здесь — открытие пошивочной мастерской для изготовления бойцам теплых рукавиц и белья; сбор посуды для госпиталя; установка плиты, позволившая готовить обеды в школе; оборудование комнаты, где могли ночевать учителя, жившие далеко; заготовка дров для отопления учебных помещений; тушение зажигательных бомб, экзаменационные испытания под аккомпанемент артобстрела и многое другое. Помимо огромного объема работы, которую в самый тяжелый первый блокадный год учителя выполняли вместе с учащимися, обращает на себя внимание предельно демократичный стиль изложения, отражающий особенности личности руководителя.

В отчете о массовой работе школы № 47 Приморского района в первую блокадную зиму и весну, датированном 29.06.1942 г., перечислены разнообразные формы активности. В холодное время года основное место было отведено знакомству с литературными источниками, носящими ярко выраженный воспитывающий характер и патриотическую направленность:

- в классах начальной школы, которые учились в бомбоубежищах ЖАКТов, преобладали громкие читки народных сказок, рассказывающих о силе, уме, храбрости и находчивости народных героев, а также чтение книг с последующими беседами на тему «Два детства»;
- в 5 и 6-х классах при обсуждении книг Гайдара «Тимур и его команда», Жарикова «Повесть о суровом друге» поднимались вопросы воспитания чувства советского патриотизма и пролетарского гуманизма;
- в 7-х классах предлагалось чтение книг на тему «Герой нашего времени у нас и за границей»;
- в 7–10-х классах — книжные обзоры на темы «Война в произведениях русской литературы», «Русские полководцы в художественной литературе».

Помимо этого, массовая работа включала часы головоломок, загадок и литературных игр, слушание музыки. Для старших классов проводились политинформации, книжные обзоры и доклады к датам Красного календаря. На пионерских кострах проходили встречи с бойцами и командирами. Упоминается в отчете встреча с писательницей А. Голубевой, автором популярной книжки о детстве С. М. Кирова «Мальчик из Уржума». С наступлением весны начались посещения кино, прогулки, экскурсии в Ботанический сад с целью ознакомления со съедобными дикорастущими растениями. Тексты подобных отчетов ясно показывают,

[22] Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 3237 от 31 декабря 1945 года за большие заслуги в годы блокады и в связи с 75-летием со дня смерти К. Д. Ушинского 47-й школе было присвоено его имя. Данные приведены на официальном сайте школы: URL: http://sch047.petersburgedu.ru/stranicy-istorii-shkoly/

Школьные занятия на улице и в бомбоубежище. 1942 г.
Учительница А. С. Дубровская с учениками возле разрушенного здания школы.
Учительница школы № 321 А. Ф. Арсеньева в бомбоубежище на Социалистической улице, дом № 6[23]

что школы, продолжавшие работу в наиболее трудное блокадное время, не ограничивались только учебными занятиями.

С весны 1942 года активизировалась внеклассная работа по общественно-политическому и военно-физическому воспитанию. Новыми в практике работы городских школ оказались занятия по агротехнике огородных растений, что было связано с необходимостью обеспечивать население растительной пищей, богатой витаминами. Летом 1942 года началась оздоровительная деятельность, школьников стали вывозить в пионерские и военные лагеря. С 19–20 июня учащиеся 6–10-х классов были направлены в совхозы. Из общего контингента в 5625 человек на сельскохозяйственные работы оказались мобилизованными 4765 детей (84,7%). При этом школьникам полагалась поощрительная оплата натурой в размере 10% от заработка[24]. В то лето учащиеся Ленинграда вырастили и собрали более 30% урожая совхозов и подсобных хозяйств[25]. 86 учеников и 15 учителей были награждены грамотами Исполкома Ленгорсовета[26].

* * *

Даже в условиях войны и блокады важнейшей задачей оставалось привлечение всех остававшихся в городе детей к обучению.

Статистические данные по конкретным школам показывают, что в связи с эвакуацией, гибелью от голода, обстрелами и бомбежками в первый военный учебный год число учащихся существенно уменьшилось, особенно в старших классах. Часть старших подростков (особенно мальчики) бросали учебу, уходя на работы в помощь фронту или же стремясь получить рабочую карточку. Показательны сведения за два первых военных учебных года по средней школе № 319 Фрунзенского района, работавшей в период всей блокады (*табл. 1* и *2*).

Цифры явно свидетельствуют о текучести контингента учащихся. Наполняемость всех классов к концу 1942/43 учебного года значительно уменьшилась, в старших (8–10-х) классах осталось всего по 13–14 учеников, причем среди них преобладали девочки. В 1942 году 7 классов окончили 25 человек, 10 классов — 13 человек, одни девочки. Две из них стали отличницами.

---

[23] Автор: Борис Кудояров. Гос. центральный музей современной истории России. Номер в Госкаталоге: 6250794. Номер по КП (ГИК): 41798/81. URL: http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6491056; Автор: Давид Трахтенберг. Воспроизведено по: URL: https://leningradpobeda.ru/blog/geroicheskoe-obuchenie

[24] ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 540. «Приказы Ленгороно № 1–157» (180 листов). Приказ № 145 по Ленинградскому городскому отделу народного образования Исполкома Ленсовета депутатов трудящихся от 20 июня 1942 г. (Л. 163).

[25] Приказ № 261 по Ленгороно от 17 октября 1942 г.

[26] Решение Исполкома Ленинградского городского Совета от 25 декабря 1942 г. № 82.

Таблица 1[27]

Сведения по контингенту учащихся средней школы № 319 за 1941/42 уч. год

Классы	Количество классов	Учащихся в школе на начало 1941/42 уч. года	Учеников по списку в конце 1941/42 уч. года	Из них девочек
1–4-е (по 1 классу в параллели)	4	147	95	48
5–7-е (по 1 классу в параллели)	3	119	84	59
8–10-е (по 2 класса в параллели)	6	284	57	32
ИТОГО ПО ШКОЛЕ:	**13**	**550**	**236**	**139**

В 1942 году 3 десятиклассника окончили школу с отличием.

Таблица 2[28]

Сведения по контингенту учащихся средней школы № 319 за 1942/43 уч. год

Классы	Количество классов	Всего учащихся по списку к 15.09.42 г.	Принято после 15.09.42 г.	Выбыло из школы		Учеников в конце 1942/43 учебного года	Из них девочек
				Всего	Переданы в другие школы		
1	1	52	80	93	61	39	24
2	1	42	21	25	13	38	19
3	1	57	43	59	44	41	25
4	1	43	42	49	24	36	19
1–4 кл	4 класса	194	186	226	142	154	87
5	1	55	16	40	11	31	22
6	1	53	4	30	5	27	20
7	1	33	21	29	4	25	18
5–7 кл.	3 класса	141	41	99	20	83	60
8	1	18	4	9	1	13	9
9	1	13	18	17	2	14	11
10	1	15	22	24	9	*13	13
8–10 кл.	классов 3	46	44	50	12	40	33
ИТОГО ПО ШКОЛЕ:	**10**	**381**	**271**	**375**	**174**	**277**	**180**

В этот период в школе трудились 27 учителей: с основной нагрузкой — 23 человека и 4 педагога-совместителя. 21 человек относился к категории административно-технического и младшего обслуживающего персонала.

План подготовки к новому 1942/43 учебному году, составленный Ленгороно, носил комплексный характер, задавая конкретные направления и формы работы по подготовке школьных зданий к занятиям, организации учебной и внешкольной деятельности, подведению итогов сельскохозяйственных работ и др. (*Приложение III-7*). Для многих ленинградских школ начать очередной учебный год в сентябре 1942 года казалось почти непреодолимой задачей. Значительное число учебных зданий и школьного оборудования было выведено из строя. Педагоги, ослабевшие от недоедания, еле держались на ногах.

Среди ребят, предоставленных самим себе и целые дни проводивших на улице, далеко не все были готовы вернуться к занятиям. Стоит заметить, что в Ленинграде 87% от количества задержанных безнадзорных детей составляли учащиеся школ[29]. При обходе педагогами квартир в одних родители благодарили за то, что «о детях подумали и в школу снова зовут»; в других грозили спустить учительницу с лестницы, «если она еще раз нос покажет». В. Д. Головчинер рассказывает, как совместными усилиями педагогического коллектива,

[27] ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 501. Л. 100. Ленгороно. Школьный сектор. Отчет о работе школ за 1941/42 уч. год.

[28] Там же. Д. 565. Л. 162–163. Ленгороно. Школьный сектор. Отчет о работе школ за 1942/43 уч. год.

[29] *Емелин С. М.* Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник экономической безопасности. 2010. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organy-vnutrennih-del-v-borbe-s-detskoy-besprizornostyu-i-beznadzornostyu-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945

Занятия по строевой подготовке, школа № 79, Петроградский р-н. 1943 г.[30]

Праздник новогодней елки. 1943 г.[31]

учащихся и шефов школа, куда ее направили работать, всего за несколько дней была подготовлена к началу занятий в совсем не приспособленном для этого здании (*Приложение III-15.2*, Головчинер В. Д. «Школа на Обводном»).

1 сентября 1942 г. в начальных школах Ленинграда к занятиям приступили 11 320 школьников. К концу первой четверти их число увеличилось до 18 125 человек. Начало обучения в 5–10-х классах на основании Постановления СНК СССР было перенесено на 1 октября. При этом учителей и учащихся 7–10-х классов освободили от трудовой повинности[32]. Но если в 5–7-х классах стали обучаться 5300 человек, то в 8–10-х осталось всего 620 старшеклассников. Многие школьники в первой четверти оказались неаттестованными, а значительная часть тех, кого все же аттестовали, не успевала по одному или нескольким предметам. Неуспеваемость по всем школам составила 8,3% (1194 человека).

На первый план в 1942/43 учебном году вышли *дидактические задачи*. В связи с этим значительное внимание стало уделяться методическому обеспечению обучения в военных условиях. Необходимо было искать новые формы работы, позволяющие совместить изучение нового материала с повторением. В 1942/43 учебном году решением Наркомпроса РСФСР в школах был введен «временный учебный план», помимо прочего, призванный обеспечить углубленную подготовку учащихся к обороне страны (*Приложение III-6*). Объем занятий, предусмотренных на освоение физкультуры и военного дела начиная с 5-го класса, увеличился больше чем вдвое: с 398 до 850 часов.

Обширная программа «Военного дела» включала строевую, лыжную, огневую и противохимическую подготовку, а также изучение стрелкового оружия, техники рукопашного боя, военно-санитарного дела. Кроме того, в курс школьного обучения были введены основы сельского хозяйства. Предложенный план способствовал усилению подготовки детей и подростков к службе в Красной Армии, а также к работе на военном производстве и в сельском хозяйстве[33].

В ноябре 1942-го года Ленгорсовет постановил, несмотря на голод и бомбежки, вновь организовать в дни школьных каникул новогодние праздники. Десятого ноября вышло распоряжение Ленгороно о проведении елок во всех работающих школах, детских домах и садах. Далее последовал приказ об улучшении культурного обслуживания детей[34], где говорилось об организации культпоходов школьников в театры и кино на дневные сеансы;[35] о выступлениях детской художественной самодеятельности перед

---

30 Воспроизводится по: Блокада Ленинграда. Фото. Часть 2. № 161. URL: https://gubarevan.livejournal.com/828931.html

31 Фотография воспроизводится по: URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/e4/Блокадная_елка.jpg

32 *Россинский Ю. Г.* Управление школой РСФСР в 1942–1943 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2013. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-shkoloy-rsfsr-v-1942-1943-gg

33 Там же. С. 31.

34 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 562. Л. 169. Приказ Ленгороно № 319 от 24 декабря 1942 г.

35 В 1943 г. каникулы для 1–4-х классов были назначены с 1 по 10 января, для 5–10-х классов — с 1 по 6 января.

демонстрацией кинофильмов; о встречах с Героями Советского Союза и участниками боев. Особое внимание уделялось детям рядового и младшего командного состава РККА и РККФ, из семей пожилых людей и остронуждающихся, для которых предусматривалась выдача благотворительных билетов. Что примечательно — для посещения учреждений культуры педагогам приказывалось обеспечить организованную посадку ребят на трамвай от площади Искусств.

В первые дни января 1943 года детские праздники проходили в разных местах, в том числе в трех ленинградских театрах — Пушкинском, Большом драматическом и Малом оперном. На елку в Аничков дворец пригласили 1500 отличников учебы и активистов из пионерских дружин. В кинотеатре «Молния» на Петроградской стороне детей разместили в зрительном зале на креслах, а на сцене около елки с огоньками, зажженными от аккумулятора, принесенного солдатами, выступали артисты. После внезапного объявления воздушной тревоги взрослые вывели ребят в бомбоубежище, вручив каждому пакет с небольшим набором сладкого.

* * *

На 1 января 1943 года в городе действовало 86 школ: 8 начальных, 53 неполных средних (семилеток) и 25 средних школ (десятилеток); кроме того, две школы для больных детей. Всего в них обучалось 25 803 ученика, и практически все — в первую смену. После прорыва блокады 18 января 1943 года деятельность школ постепенно активизировалась, увеличивалось число старшеклассников, возрос процент успевающих. По итогам 1942/43 учебного года в следующие классы перешли 98,1% учащихся. 0,9% школьников предстояло пройти осенние испытания. 290 человек (1%) были оставлены на второй год (*Приложение III-8*). В городе, все еще находящемся в осаде, составлялись планы ремонта и восстановления разрушенных школьных зданий (*Приложение III-9*).

22 декабря 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «За оборону Ленинграда». Помимо военнослужащих, этой медалью награждались гражданские лица, принимавшие непосредственное участие в защите города. Среди них оказалось немало школьников. Вручение медалей началось 3 июня 1943 года.

Помимо улучшения организации учебной деятельности, в блокадном Ленинграде встал вопрос о возобновлении и поддержке творческого развития детей. В марте-мае 1943 года Дворец пионеров организовал городскую олимпиаду

Школьники, награжденные медалями «За оборону Ленинграда». Декабрь 1943 г.[36]

За нашу Советскую Родину

СССР

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне

ЛЕНИНГРАДА

Китайгородская

Ида Мироновна

Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 22 декабря 1942 г. награждена медалью

«ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль «За оборону Ленинграда» вручена „28" июля 1943 г.

№ Г 01831

Рис. 2. Удостоверение о награждении медалью «За оборону Ленинграда» школьницы Иды Китайгородской

[36] Автор фотографии: Б. С. Лосин. ЦГАКФФД СПб. Арх. № 26350. Воспроизводится по: URL: https://medal.spbarchives.ru/photos#gallery-20

Марсово поле. Школьники Дзержинского р-на идут на работу на огороды[37]

Учащиеся средней школы № 194 Дзержинского р-на пропалывают и поливают грядки на огородном участке в Летнем саду. Июнь 1943 г.[38]

детского художественного творчества. В трех турах (школьном, районном, городском) приняли участие более девяти тысяч школьников. 44 учащихся, 6 объединенных хоров, 4 школьных коллектива, один школьный кукольный театр и танцевальная группа были награждены подарками и грамотами, 11 педагогов были отмечены за руководство художественными детскими коллективами.

В отчете Ленгороно о работе за 1942/43 учебный год перечислен широкий спектр общественно-полезных работ, форм внеклассной работы, направлений деятельности пионерской, комсомольской организаций, ученических комитетов, созданных в ноябре 1942 года. Все школы города к тому времени имели пришкольные земельные участки, часть из которых отвели под опытническую работу, а часть под выращивание овощей для школьных столовых.

Летом 1943 года в 77 сельскохозяйственных лагерях под Ленинградом трудилось 6603 ученика 4–10-х классов. Единый режим дня, для разных возрастных групп отличавшийся по количеству рабочих часов, предусматривал отдых, спортивные занятия, общественно-полезный досуг.

Дневная норма для учащихся 4-х классов составляла пять часов сельскохозяйственных работ, для 5–6-х классов — шесть часов, для 7–8-х — восемь. Школьники 9–10-х классов выполняли взрослые нормы выработки. В итоге учащиеся Ленинграда составили 30–35% рабочей силы совхозов и подсобных хозяйств (см. в *Приложении III-10* сводную ведомость о сельскохозяйственных лагерях на 25.06.1943 г.).

Постановлением СНК РСФСР от 2 августа 1943 года были утверждены общесоюзные «Правила для учащихся»[39]. Стоит подчеркнуть, что в их достаточно кратком тексте ни один из 20 пунктов не отражал специфику военного положения. Сегодня это можно трактовать как: а) уверенность высших эшелонов власти в скором наступлении мира; б) первый шаг на пути к унификации поведения школьников в масштабах всей страны в послевоенный период. Требования к поведению были изложены простым языком, понятным детям и подросткам, и носили достаточно общий характер: не опаздывать, быть внимательными на уроках, соблюдать чистоту, быть почтительными со старшими и пр.[40]

К моменту введения «Правил» еще не была снята осада города, продолжались обстрелы[41]. И порой выполнение таких элементарных требований, как: не опаздывать к началу занятий,

---

37 Автор фотографии: Уткин Б. Место съемки: Ленинград. Дата съемки: 10 июня 1943 г. ЦГАКФФД СПб. Арх. № Ар-3578.

38 Автор фотографии: Федосеев В. Фотохроника ТАСС № 38733-34.

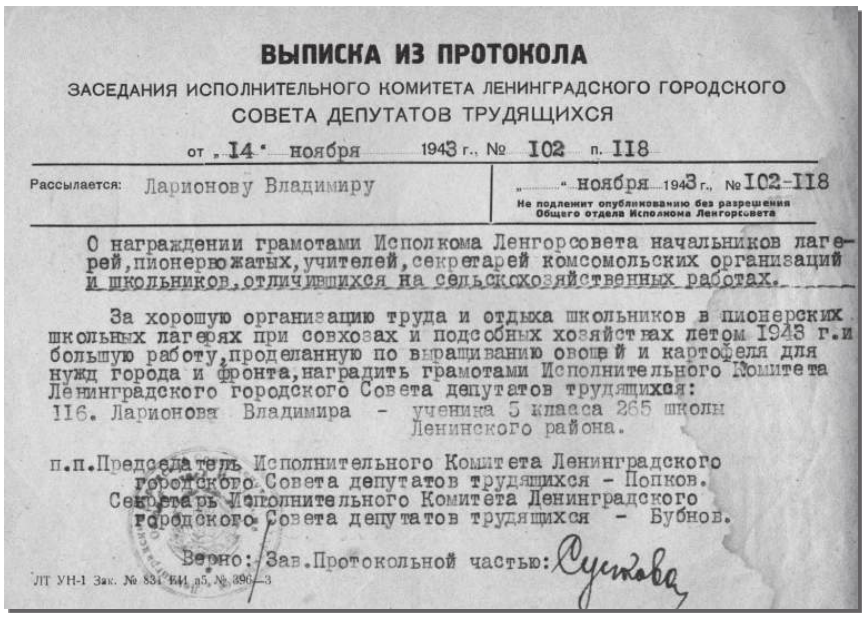
39 Правила для учащихся: Приложение к приказу НКП РСФСР № 58а от 5 августа 1943 г. Утверждены постановлением СНК РСФСР от 2 августа 1943 г. URL: https://4ege.ru/materials_podgotovka/59737-pravila-dlja-uchaschihsja-utverzhdennye-postanovleniem-snk-rsfsr-ot-2-avgusta-1943-goda.html

40 На этом фоне несколько неожиданно выглядит заключительное положение: «за нарушение правил учащийся подлежит наказанию вплоть до исключения».

41 Последний авианалет люфтваффе на Ленинград состоялся 17 октября 1943 года. Обстрелы продолжались до 22 января 1944 года.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ГОРОДСКОЙ СОВЕТ
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ


ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

ЗАСЕДАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

от «14» ноября 1943 г., № 102 п. 118

Рассылается: Ларионову Владимиру

«» ноября 1943 г., №102-118

Не подлежит опубликованию без разрешения Общего отдела Исполкома Ленгорсовета

О награждении грамотами Исполкома Ленгорсовета начальников лагерей, пионервожатых, учителей, секретарей комсомольских организаций и школьников, отличившихся на сельскохозяйственных работах.

За хорошую организацию труда и отдыха школьников в пионерских школьных лагерях при совхозах и подсобных хозяйствах летом 1943 г. и большую работу, проделанную по выращиванию овощей и картофеля для нужд города и фронта, наградить грамотами Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся:

116. Ларионова Владимира - ученика 5 класса 265 школы Ленинского района.

п.п.Председатель Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся - Попков.
Секретарь Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся - Бубнов.

Верно: Зав.Протокольной частью: Суслова

ЛТ УН-1 Зак. № 831 641 а5, № 396—3

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ГОРОДСКОЙ СОВЕТ
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

ГРАМОТА

Ученику 5 класса школы Ленинского р-на 5 кл. Ларионову Владимиру

За хорошую работу на полях совхозов и подсобных хозяйств летом 1943 года по выращиванию овощей и картофеля для нужд города и фронта,— Исполнительный Комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся награждает Вас грамотой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ Попков

СЕКРЕТАРЬ ИСПОЛКОМА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ А.Бубнов

14 Ноября 1943 г.

№ 116

Рис. 3. Грамота, которой был награжден пятиклассник школы № 265 Ленинского р-на Владимир Ларионов[42]

сидеть, не облокачиваясь и не разваливаясь, показывать записи в тетради и дневнике родителям, — в условиях ослабленного физического состояния детей, занятости родителей на военных работах оказывалось проблематичным. Тем не менее данные Правила расцениваются современными исследователями как центральный текст, определивший в послевоенное десятилетие образ дисциплинарного порядка советской школы и отсылающий к гимназическим традициям[43].

[42] Из семейного архива Ларионовой Ирины Владимировны, ст. преподавателя кафедры иностранных языков СПб АППО.

[43] *Маслинский К. А.* Правила поведения в советской школе. Ч. 1: Слово государства в устах учителя // Вестник ПСТГУ. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2015. № 1 (36).С. 56–72. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravila-povedeniya-v-sovetskoy-shkole-chast-1-slovo-gosudarstva-v-ustah-uchitelya (дата обращения: 07.10.2021)

С осени 1943 года в работу советской школы стали возвращаться и другие элементы дореволюционной системы гимназического обучения. Постановлением Совнаркома СССР № 789 от 16 июля 1943 года с 1 сентября вводилось раздельное обучение. В качестве основных причин такого нововведения назывались затруднения в учебно-воспитательной работе и поддержании дисциплины, необходимость учета особенностей физического развития девочек и мальчиков, специфики их подготовки к труду, практической деятельности, военному делу. К 10 августа требовалось закончить распределение помещений, а уже 20-го числа доложить о проведенных подготовительных мероприятиях. И вновь поражает не только краткость сроков, отведенных районам и школам на выполнение пунктов постановления, но сам факт их массовой реализации.

Нужно заметить, что именно в этот период городским учителям была увеличена зарплата, по снабжению их приравняли к рабочим и создали дополнительные условия для приобретения одежды, белья и обуви. В распоряжении Министерства просвещения говорилось: «Обязать Наркомторг СССР в сентябре и IV квартале 1943 года отоварить полностью промтоварные карточки, выданные учителям городских школ на 1943 год, с прикреплением их к отдельным магазинам, организовав в этих магазинах продажу промышленных товаров учителям по ордерам, выдаваемым отделами народного образования»[44].

С началом раздельного обучения школьная сеть значительно расширилась. В сентябре в 117 школах начали занятия 35 764 учащихся. Однако введение раздельного обучения девочек и мальчиков создало немало трудностей. Учителя и учащиеся по-разному реагировали на подобную перемену в их жизни. Историк М. Ю. Поволоцкая пишет: «Преподавать в женской школе для меня было малоинтересно. В такой школе было тихо и спокойно. Девочки были добродетельны, но активно не проявляли такого познавательного интереса, к которому я привыкла в I-ой образцовой школе». По оценке одной из учениц: «Девчоночий коллектив — не чета смешанному, пришедшие из разных школ девочки так и не слились в одно целое». Б. Кузнецов вспоминает, как в мужской школе они «устраивали сплошное хулиганство: к боевому патрону на картонке крепили пулю от другого... все это в нужный момент взрывалось, грохало: взрывались печки в классе, во время уроков гасли лампочки, взлетало фонтаном содержимое чернильниц».

Несмотря на многочисленные проблемы перехода на новую систему работы, учителя-участники городской конференции, состоявшейся осенью 1943 года в Большом зале Дворца пионеров, под гул артиллерийского обстрела активно обсудили результаты введения раздельного обучения и новых правил поведения для учащихся. Впоследствии, в мае 1944 года, решением Исполкома по школьным вопросам эти правила были конкретизированы применительно к условиям Ленинграда и для ситуаций вне школы (*Приложение III-12*)[45].

В протоколе заседания Исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся от 26 октября 1943 г. № 102, п. 27, подчеркнута хорошая подготовка городского и районных отделов народного образования к введению раздельного обучения мальчиков и девочек. Наградами отмечены 126 человек: учителя, другие школьные работники, а также ученик 3-го класса школы № 47 Приморского района Андрей Сороцкий и несколько учащихся 5–7-х классов других школ, отлично подготовившихся к новому учебному году. Грамоты получили 164 работника гороно, включая уборщиц[46].

В статистических отчетах за первое полугодие 1943/44 учебного года приводятся следующие цифры успеваемости: среди 35 265 учащихся (1–4 классы — 25 814 чел.; 5–7 классы — 8305; 8–10 классы — 1146) отличные и хорошие оценки были получены по военному делу (66,3%) и русскому устному (59,7%). Больше всего плохих оценок оказалось: по алгебре (7%); по письменному русскому языку (6,6%) и геометрии (5,8%). Меньше всего — по военному делу (0,3%); Конституции СССР (0,6%) и тригонометрии (0,6%)[47].

* * *

С 1 по 7 января в школах состоялись праздники «Новогодней елки» для учащихся 1–7-х классов. На елке во Дворце пионеров для 8–10-х классов, проведенной в канун 1944 года,

[44] ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп 3. Д. 583. Приказы и распоряжения Министерства просвещения по школьным вопросам. Распоряжение № 16424р от 26 августа 1943 г.

[45] ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 631. Л. 18. Решение Исполкома по школьным вопросам № 114–54 от 22 мая 1944 г. «О правилах поведения детей в общественных местах и на улицах г. Ленинграда».

[46] Там же. Д. 590. Решения Исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся по школьным вопросам. Приводится список на награждение грамотами Исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся.

[47] Там же. Д. 601. Статистические отчеты по начальным, неполным средним и средним школам на 1943/44 уч. год.

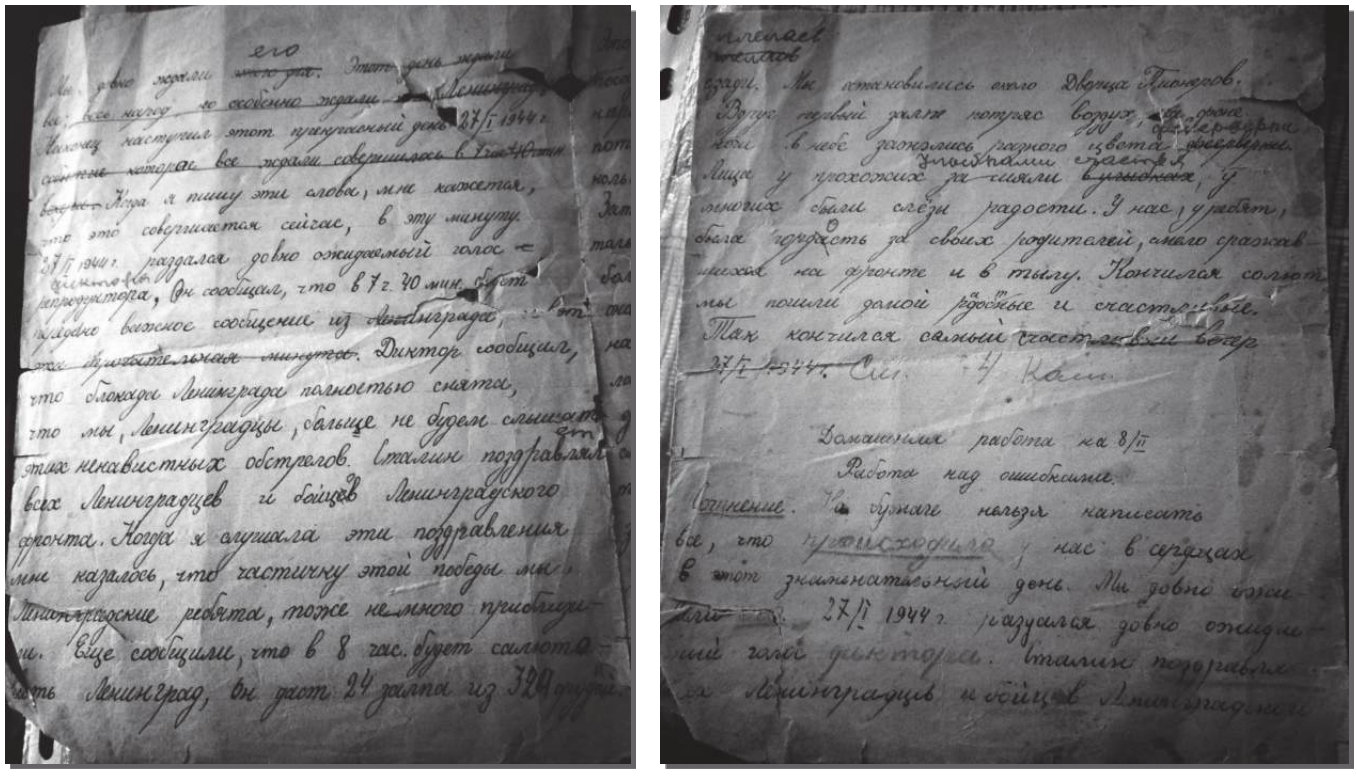


Рис. 4. Сочинение о снятии блокады (Из домашнего архива З.А. Федюшиной)

в отличие от предыдущих лет, уже было тепло. «Там были подарки, был фильм “Три мушкетера” в комедийном варианте, были в гостях союзники — американцы, англичане, вместе фотографировались»[48]. К учащимся ряда школ на новогодний праздник приехали шефы из воинских частей и гости из подшефных госпиталей. В некоторых учреждениях прошли костюмированные выступления. Например, на елку 7–10-х классов школы № 105 ученицы пришли в ярких костюмах, лучшими из которых были признаны наряды черкеса и черкешенки.

1944 год Советский Союз встретил с новым гимном, тем самым, текст которого ветераны войны и дети послевоенных лет помнят лучше, чем его редакцию 2001 г.[49] Гимн, утвержденный постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) 14 декабря 1943 года, впервые был исполнен в ночь на первое января 1944 года, что стало знаменательным событием для всей страны. Построчное разъяснение текста гимна, разучивание его мелодии и обучение выразительному исполнению проводилось учителями на уроках истории, литературы, пения, фактически на межпредметной основе. Свой опыт работы в данном направлении подробно описывает учительница словесности С.Н. Саговская (*Приложение III-15.2*. «Незабываемые дни»).

27 января 1944 года в результате полного снятия блокады закончилась героическая оборона города на Неве, продолжавшаяся 872 дня. Число учащихся в школах начало резко увеличиваться за счет возвращения ленинградцев из эвакуации.

3-я четверть 1943/44 учебного года принесла следующую волну нововведений, среди которых было восстановление ряда направлений внеурочной деятельности. Так, распоряжениями Исполкома предписывалось:

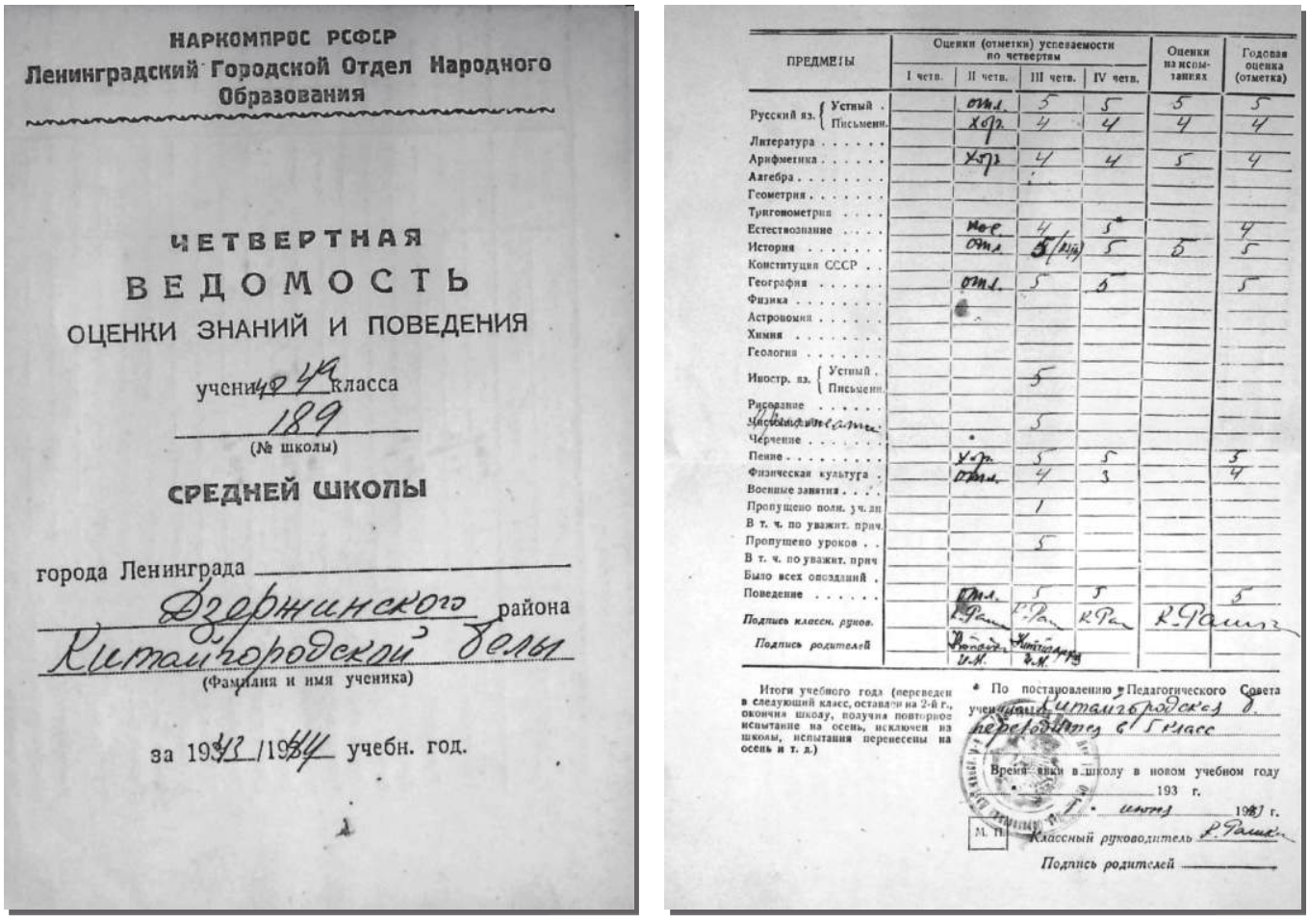
- возобновить с первого мая 1944 г. работу отдела науки и техники во Дворце пионеров, предусмотрев на это соответствующие ассигнования по смете;
- разрешить Гороно возобновить с первого марта 1944 г. работу Городской станции юных натуралистов и опытников сельского хозяйства;
- обязать ГорЭО передать ГорОНО земельный участок, принадлежавший до войны Городской станции юных натуралистов на территории Выборгского района[50].

10 января 1944 г. вышло Постановление СНК РСФСР № 24 «О введении цифровой пятибалльной системы оценки успеваемости

[48] Воспоминания о блокаде без цензуры. URL: https://proza.ru/2014/10/12/1717

[49] Гимн СССР. Слова С. В. Михалкова и Г. А. Эль-Регистана, музыка А. В. Александрова. URL: https://tekst-pesni.online/gimn-sssr-1944-1956/

[50] ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 637. Решения Исполкома Ленгорсовета по школьным вопросам № 107–23 от 24 февраля 1944 г.



НАРКОМПРОС РСФСР
Ленинградский Городской Отдел Народного Образования

ЧЕТВЕРТНАЯ
ВЕДОМОСТЬ
ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ И ПОВЕДЕНИЯ

ученика 4 класса
189
(№ школы)
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

города Ленинграда
Дзержинского района
Китайгородский Боря
(Фамилия и имя ученика)

за 1943/1944 учебн. год.

ПРЕДМЕТЫ	Оценки (отметки) успеваемости по четвертям I четв.	II четв.	III четв.	IV четв.	Оценки на испытаниях	Годовая оценка (отметка)
Русский яз. Устный		отл.	5	5	5	5
Русский яз. Письмен.		хор.	4	4	4	4
Литература						
Арифметика		хор.	4	4	5	4
Алгебра						
Геометрия						
Тригонометрия						
Естествознание		нов.	4	5		4
История		отл.	5 (2/4)	5	5	5
Конституция СССР						
География		отл.	5	5		5
Физика						
Астрономия						
Химия						
Геология						
Иностр. яз. Устный			5			
Иностр. яз. Письмен.						
Рисование						
Чистописание			5			
Черчение						
Пение		хор.	5	5		5
Физическая культура		отл.	4	3		4
Военные занятия						
Пропущено полн. уч. дн			1			
В т. ч. по уважит. прич.						
Пропущено уроков			5			
В т. ч. по уважит. прич						
Было всех опозданий						
Поведение		отл.	5	5		5
Подпись классн. руков.		К.Ра	К.Ра	К.Ра	К.Ра	
Подпись родителей		Китайгор.	Китайгор.			

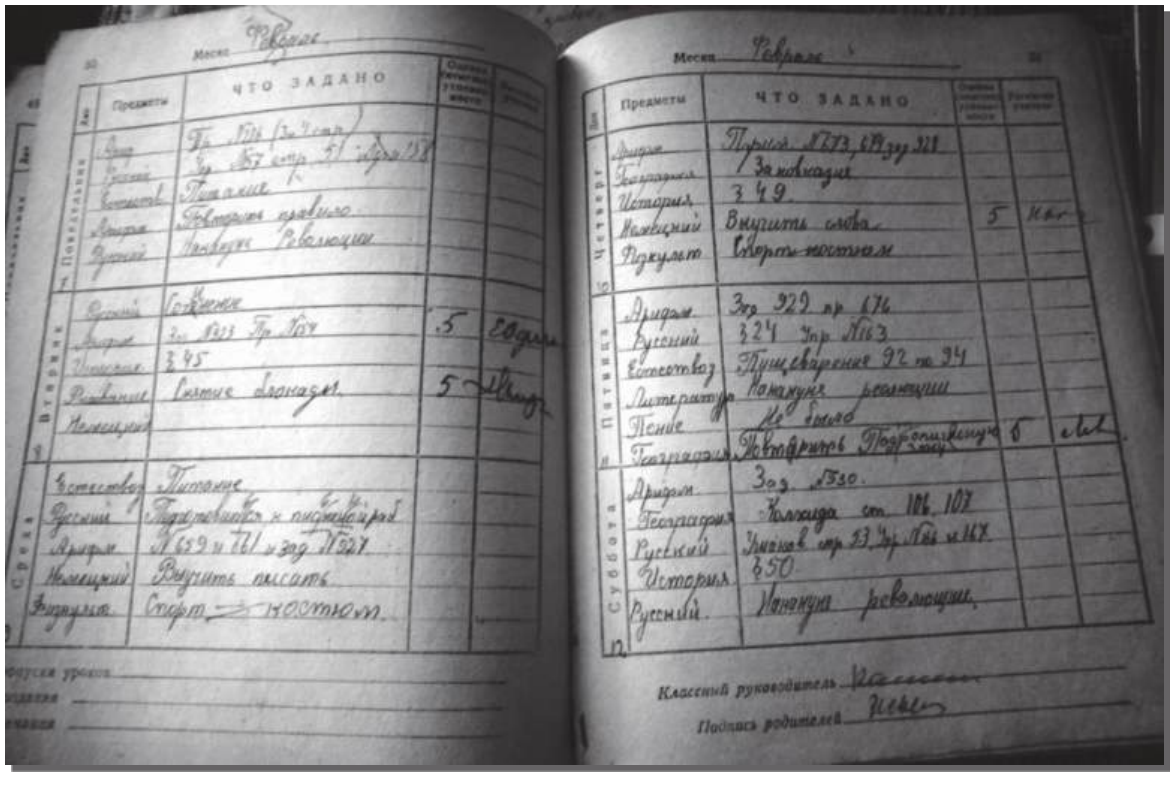
Итоги учебного года (переведен в следующий класс, оставлен на 2-й г., окончил школу, получил повторное испытание на осень, исключен из школы, испытания перенесены на осень и т. д.)

По постановлению Педагогического Совета ученик Китайгородский Б. переведен в 5 класс

Время явки в школу в новом учебном году
1 сентября 1944 г.

М. П. Классный руководитель К.Ра

Подпись родителей



Месяц Февраль

Дни	Предметы	ЧТО ЗАДАНО	Оценки текущих и годовых работ	Различные отметки
Четверг 10	Физика	Прочит. §§ 73, 74, 77, 321		
	География	Записать		
	История	349		
	Немецкий	Выучить слова	5	Кар
	Рисунок	Сорт. посудой		
Пятница 11	Арифм.	Зад. 329 пр. 176		
	Русский	324 Упр. №163		
	Естествоз	Путешествие 92 по 94		
	Литература	Новейшая революция		
	Пение	Не было		
	География	Повторить Подготовить	5	Кар
Суббота 12	Арифм.	Зад. 330.		
	География	Колхида ст. 106, 107		
	Русский	Диктов стр 53 Упр №№ 164		
	Историч	§50		
	Русский	Новейшая революция.		

Классный руководитель
Подпись родителей

Рис. 5. Четвертная ведомость оценки знаний и поведения за 4-й класс (1943/44 уч. г.)

Рис. 6. Страницы из школьного дневника 1944 года

Рис. 7. Школьные медали образца 1945 года

и поведения учащихся начальной, семилетней и средней школы»[51]. Постановлением Совнаркома СССР от 21 июня 1944 года «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе» для учеников, оканчивающих начальную (4 класса) и семилетнюю школу с 1944/1945 года устанавливалась обязательная сдача выпускных экзаменов, а для оканчивающих 10 классов — экзаменов на аттестат зрелости. На *рис. 5* представлена ведомость ученицы 4-го класса Белы Китайгородской, где наглядно отражен переход с 3-й четверти на другую систему оценивания[52].

Впервые с дореволюционного времени 30 мая 1945 года вступило в силу «Положение о золотой и серебряной медалях “За отличные успехи и примерное поведение”». Медали изготовлялись из благородного металла: 11 г золота 583-й пробы, 15 г серебра 925-й пробы. Золотой награждались лица, показавшие при сдаче экзаменов на аттестат зрелости выдающиеся успехи, имеющие примерное поведение и оценку «5» по всем основным предметам средней школы. Учащийся, успешно сдавший экзамены, имеющий примерное поведение и оценку «4» не более чем по трем из основных предметов, мог быть награжден серебряной медалью. Оценки по пению, рисованию, черчению и военно-физической подготовке при этом не учитывались. Представление к медали оформлял педагогический совет школы, а решение о ее присуждении принималось областными и краевыми отделами народного образования.

В публикуемых отчетах и воспоминаниях встречаются фамилии первых ленинградских медалистов выпуска 1945 года. Например, в 321-й школе их было три: *Борис Зив, Анатолий Соколов* и *Виктор Соловьев*.

Сегодня парадоксальным выглядит факт введения серьезных организационно-педагогических изменений непосредственно в военный период. Учебные и дисциплинарные трудности, связанные с переходом на новую систему школьного обучения, наглядно представлены на примере 321-й школы в историческом очерке А. А. Чухмана (*Приложение III-15.4*). Тем не менее, подводя итоги работы за 1943/44 учебный год, Исполком городского Совета депутатов трудящихся отметил, что школы города «удовлетворительно справились с проведением в жизнь раздельного обучения учащихся, осуществили всеобщее обучение в городе и провели значительную работу по внедрению в быт школ утвержденных СНК РСФСР правил для учащихся» (*Приложение III-13*). Правда, в этом же документе фиксировался ряд недостатков, в соответствии с чем было решено:

- обратить особое внимание на воспитание у детей любви к русскому языку, русской литературе, на знание истории и географии своей Родины, на правильное использование в процессе обучения материалов Великой Отечественной войны, отражающих величие русского народа и народов СССР и их героической борьбы на фронте и в тылу против немецких захватчиков;
- поставить задачу усиления краеведческой работы для отличного знания учащимися своего родного города, его славной истории, его борьбы с иноземными захватчиками[53].

По итогам 1943/44 учебного года из 120 148 ленинградских учащихся 90 840 перешли в следующий класс или окончили школу; 15 526 были оставлены на второй год. Для 13 536 человек перевод был отложен на осень. 246 школьников оказались не аттестованными (*Приложение III-11*).

---

[51] Инструкция о применении цифровой пятибалльной системы оценки успеваемости и поведения учащихся начальной, семилетней и средней школы. URL: http://ast-pravgimn.ru/files/5ced74ab39f339.02857955.pdf

[52] ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3.

[53] ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 632. Итоги работы школ в 1943/44 уч. году. Решение № 117-1-з Исполнительного Комитета городского Совета депутатов трудящихся от 13 июля 1944 г.

5-й класс школы № 205. 1944 г.

Выпускной 10-й класс. 1944 г.

Судя по имеющимся отчетам, хуже, чем в предыдущие годы, обстояло дело с организацией летней оздоровительно-трудовой кампании. Изначально предполагалось планово вывезти за город, в пионерские лагеря и на дачи, 30 300 человек. Однако по состоянию на 25 июня 1944 года туда отправились лишь 22 280 человек. Помещения многих лагерей не были подготовлены к приему детей. Педагоги, вынужденные заниматься организационно-хозяйственной работой, не могли уделять ребятам должного внимания. В итоге план мобилизации школьников 5–9-х классов на сельскохозяйственные работы оказался выполнен только на 50%. В документах Ленгороно отмечалось: «Многие родители уклоняются от посылки своих детей на сельскохозяйственные работы, а врачи щедро выдают справки об освобождении. Ряд совхозов нерадиво относятся к приему детей»[54]. Можно предположить, что в данном случае сказалось желание родителей дать своим детям, измученным блокадой, отдохнуть и набраться сил дома.

* * *

Новый 1944/45 учебный год начался в освобожденном городе. Появилась возможность приступить к развернутым восстановительным работам. Ленинградцам предстояло решить множество управленческих и организационно-педагогических задач, в числе которых были:

- восстановление значительной части школ, не функционировавших в годы блокады, и создание на базе восстановленных зданий новых педагогических коллективов;
- решение проблемы всеобщего обязательного обучения с семи лет; повышение качества обучения в связи с введением выпускных экзаменов в 4-х, 7-х, 10-х классах; выравнивание знаний реэвакуированных из разных уголков страны учащихся;
- привитие учащимся правил культурного поведения и повышение их общей культуры[55].

2 сентября на городском совещании работников отделов народного образования после подведения итогов первого школьного дня выяснилось, что наплыв учащихся в школы Ленинграда значительно увеличился. Так, в Василеостровском районе на занятия пришло на полторы тысячи учеников больше, чем планировалось. При этом множество ребят школьного возраста, возвратившись из эвакуации, не смогли начать занятия, поскольку не успели пройти медосмотр. В связи с этим в некоторых школах была введена вторая смена. Встал вопрос об организации продленного дня для детей, родители которых по тем или иным причинам не могли их забирать домой сразу после уроков.

На 18 октября 1944 года общее число школ в городе составило 183. К этому нужно прибавить шесть школ с особым режимом (для слепых, глухонемых и других больных детей). Поскольку война еще продолжалась, в школах по-прежнему велась военная подготовка. В 1944/45 учебном году начальную подготовку в 7-м классе прошли 2174 учащихся из неполных средних школ и 3976 учеников средних школ[56], допризывную подготовку (в 10-м классе) — 844 человека. Результаты представлены в *табл. 3*.

---

[54] Решение № 116 4–3. О проведении оздоровительных мероприятий среди детей летом 1944 года.

[55] ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 639 (479 листов). Ленинградский городской отдел народного образования, школьный сектор. Отчет о работе школ за 1944/45 уч. год.

[56] ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 652*.

Выдача букварей первоклассникам 320-й школы Куйбышевского района. 1-е сентября 1944 г.[57]

Таблица 3

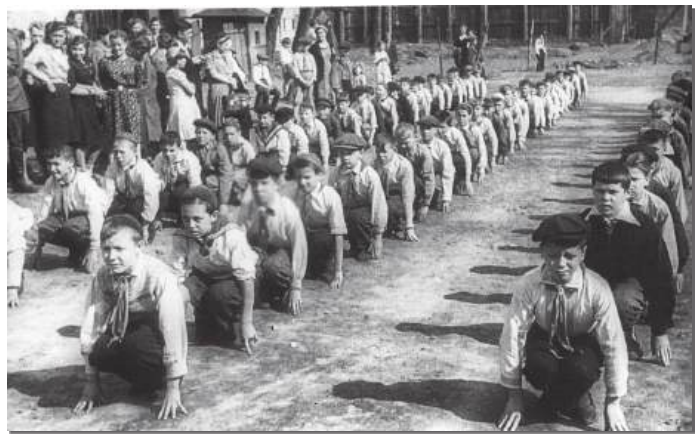
Результаты военной подготовки в 1944/45 уч. году

Подготовлено	В неполных средних школах	В средних школах
Значкистов	5663	7477
Сандружинниц	114	194
Стрелков	140	125
Автоматчиков	119	401
Гранатометчиков	63	–
Телефонистов	–	571
Пулеметчиков	147	273
Радистов	–	34
Сдали сведения	102 неполные средние школы	81 средняя школа

К концу 1944/45 учебного года в Ленинграде работало уже 208 школ: 195 общеобразовательных, 9 — с особым режимом для детей с физическими недостатками, 4 железнодорожных. Всего с 1 по 10-й класс в городе насчитывалось 120 148 школьников[58]. Результаты учебной работы за этот год представлены в *табл. 4* и *5*[59].

В первом послевоенном 1945/46 учебном году для улучшения работы ленинградских школ предстояло обеспечить:

1. Дальнейшее повышение качества обучения.
2. Преодоление формализма в воспитательной работе.



Гимнастические упражнения учащихся 206-й мужской школы Куйбышевского района — участников военно-спортивных соревнований 18 мая 1944 г.[60]

[57] Автор съемки: В. И. Капустин. ЦГАКФФД СПб. Воспроизведено по: Ленинград в ожидании победы. 1944–1945. СПб.: Реконструкция; СПГУТД, 2015. С. 95.

[58] ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 652 (33 листа). Статистический отчет школ за 1944/45 уч. год.

[59] Там же. Д. 639. Л. 27.

[60] Автор съемки: Б. С. Лосин. ЦГАКФФД СПб. Воспроизведено по: Ленинград в ожидании победы. 1944–1945. С. 72.

Таблица 4

Результаты учебной работы школ Ленинграда за 1944–1945 уч. год

Классы	Кол-во учащихся к концу года	Переведены в следующий класс		Оставлены на второй год		Перевод отложен до осени	
		учащихся	в %	учащихся	в %	учащихся	в %
1–4	86 078	69 397	80,6%	10 256	11,9%	6425	7,5%
5–7	6220	4057	65,2%	975	15,7%	1188	19,1%
8–10	120 739	92 316	76,5%	15 327	12,7%	13 096	10,8%

Таблица 5

Результаты учебной работы школ Ленинграда за 1944–1945 учебный год по районам (без классов, коим был продлен учебный год, и без школ специальной сети)

Районы	Всего учащихся	Из них переведены или окончили	Оставлены на второй год	Имеют летние работы или осенние испытания
Василеостровский	6729	5420	669	640
Володарский	4828	3469	770	589
Выборгский	7407	5510	991	906
Дзержинский	10 274	8835	1241	1198
Кировский	2848	2157	385	326
Красногвардейский	6360	4862	852	646
Куйбышевский	8990	6903	1004	1083
Ленинский	7059	4891	1235	933
Московский	5802	3970	1045	787
Октябрьский	11 904	9006	1615	1287
Петроградский	9266	7233	1001	1039
Приморский	7907	6613	590	604
Свердловский	5314	4002	730	582
Смольнинский	9442	7227	1136	1079
Фрунзенский	10 672	7827	1571	1274
Кронштадтский	2005	1448	300	257
Колпинский	634	479	73	82
Петродворец	781	650	63	68
Пушкин	1123	910	194	109
ИТОГО:	**119 365**	**90 412**	**15 476**	**13 478**

Переводные экзамены в четвертых классах из 6737 учащихся сдали 6730 чел.
В седьмых классах из 2431 — 1562 учащихся.
К экзаменам на аттестат зрелости за 1944/45 учебный год в 6 мужских школах из 104 учащихся были допущены 98 человек, не допущено — 6, допущено экстерном — 2. Испытания выдержали 98 + 2 экстерном; из них отличниками стали 11 юношей.
В 23 женских школах из 882 десятиклассниц к экзаменам допустили 854, не допущено оказалось 27 чел., допущено экстерном — 10. Выдержали экзамен 804 школьницы + 3 экстерном. Медали получила 41 выпускница (38 золотых и 3 серебряных).

3. Укрепление инспекторского аппарата и Гороно, углубление работы над методикой контроля.
4. Полное осуществление всеобуча.
5. Развертывание педагогической пропаганды среди населения и родителей[61].

[61] ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 639 (479 листов). Ленинградский городской отдел народного образования, школьный сектор. Отчет о работе школ за 1944/45 уч. год.

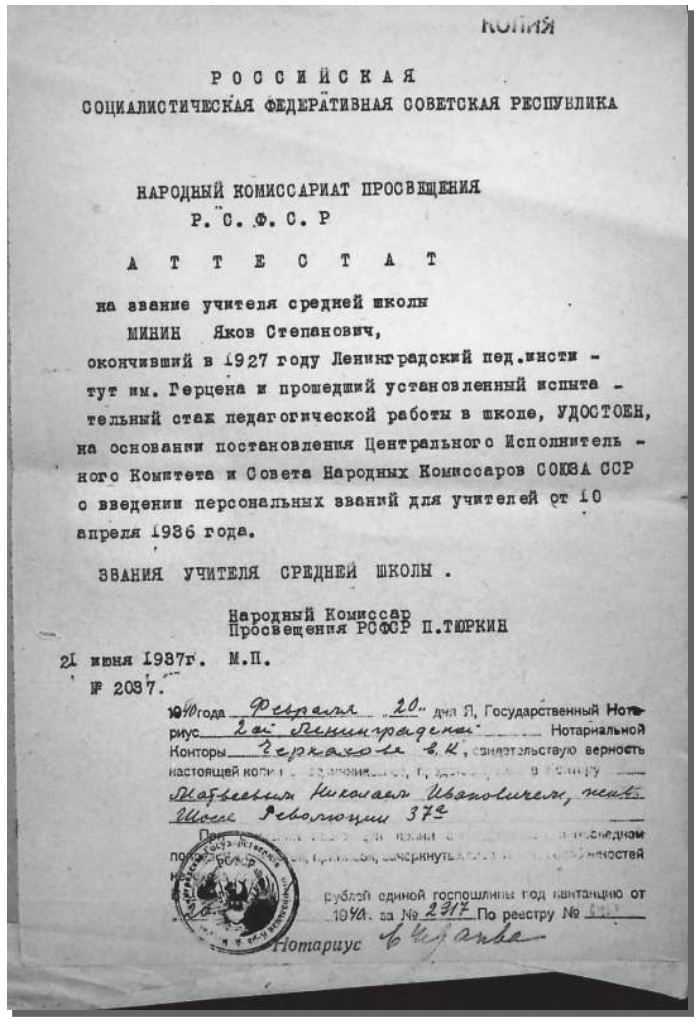
Хронологию блокадной жизни школ города подробно прослеживает Л. Е. Раскин, в блокаду исполнявший обязанности директора Ленинградского городского института усовершенствования учителей. В его «Заметках о работе с детьми в Ленинграде в годы блокады 1941–1943» приведено множество ярких фактов с указанием номеров школ, фамилий педагогов и учащихся, а также отрывков из их военных записей и воспоминаний (*Приложение III-15.1*).

Блокадное учительство как служение

В предвоенные годы в документе о получении педагогического образования делалась запись: «Ф.И.О. ... удостоен звания учителя средней школы» (*рис. 8*). Возможно, после войны в ряде профессиональных аттестатов эту формулировку стоило изменить, указав: «Удостоен звания *Учителя блокадного Ленинграда*», тем самым подчеркнув уникальность миссии педагогов осажденного города, перед которыми стояла поистине экзистенциальная задача — сохранить подрастающее поколение ленинградцев в физическом, духовном, интеллектуальном смысле. Сохранить для «будущей радости» послевоенной жизни, в наступление которой всем свято верилось.

Психологические трансформации и особенности людей, переживших ужасы блокады, неоднократно описаны в художественной и документальной форме. Свое отражение они нашли также в личных дневниках, в воспоминаниях учителей и учащихся военного времени. Известно, что у многих блокадных детей на фоне страданий и физического истощения пропадала мотивация к обучению, утрачивался смысл жизни. Педагогам предстояло, несмотря ни на какие беды и лишения, возвратить учеников в школу, не утратить высокий уровень обучения, обеспечить освоение программы. Для этого с первых дней войны необходимо было срочно решать: где, чему и как учить детей в принципиально новых условиях, какие формы работы и методические приемы при этом окажутся наиболее приемлемыми.

У большинства учителей в самом начале войны наряду со смешанными чувствами возмущения, боли, растерянности, страха, неуверенности возникала острая потребность что-то делать. При этом «многие принимались за работу с недоверием к своим силам, с разговорами о неминуемом провале». Но далее неуверенность излечивалась сочетанием неизбежности действия с любовью к своему делу, желанием во что бы то ни стало добиться нужного результата. Сотрудникам школ с помощью учеников нужно было в кратчайшие сроки своими силами создать и обустроить новые учебные пространства, в том числе в домохозяйствах и бомбоубежищах. В воспоминаниях и официальных отчетах по отдельным школам приводятся конкретные детали и сроки стремительных переездов и переоборудования помещений, поражавшие трудоемкостью и результатами самих организаторов работ. Совсем по-детски удивленно звучат из прошлого учительские слова: «*В несколько дней, как в сказке, создали школу*».



КОПИЯ

РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ
Р. С. Ф. С. Р

А Т Т Е С Т А Т

на звание учителя средней школы
МИНИН Яков Степанович,
окончивший в 1927 году Ленинградский пед.инсти -
тут им. Герцена и прошедший установленный испыта -
тельный стаж педагогической работы в школе, УДОСТОЕН,
на основании постановления Центрального Исполнитель -
ного Комитета и Совета Народных Комиссаров СОЮЗА ССР
о введении персональных званий для учителей от 10
апреля 1936 года.

ЗВАНИЯ УЧИТЕЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ .

Народный Комиссар
Просвещения РСФСР П.ТЮРКИН

21 июня 1937г. М.П.
№ 2037.

1940 года Февраля 20 дня Л. Государственный Нотариус 2-ой Ленинградской Нотариальной Конторы Герцена Е.К., свидетельствую верность настоящей копии ... Минина Николая Ивановича, жительствующего ... Революции 37а ...

... рублей одной госпошлины под квитанцию от 1940 г. за № 2317 По реестру № ...

Нотариус

Рис. 8. Аттестат Я. С. Минина[62]

В одном из ученических стихотворений военных лет говорилось:

Стояли немцы под стенами,
Сменил сирену взрыва звук,
А в школе мы с учителями
Работали, не покладая рук.
Дрова кололи, лед рубили,
Носили воду, пол мели,
Но мы о главном не забыли
И, как на битву, в школу шли[63].

Действительно, школьники в прямом и переносном смысле воспринимали занятия как битву за знания, на которую шли с портфелями и противогазами. И лексика использовалась соответствующая: «*биться за хорошую успеваемость*», продвигаться в учебе вперед «*всем фронтом*», пройти *испытания* (так в ту пору назывались экзамены).

---

62 ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2. Аттестат Я. С. Минина.

63 В разных источниках эти строки приписываются разным авторам-школьникам.

Каждая полученная пятерка расценивалась как снайперский выстрел по врагу. В классе над черной доской мог висеть лозунг, написанный красными буквами: «*Садясь на школьную скамью, не забывай, что ты — в строю*!» В рукописных заметках Н. И. Высоковской встречается даже такое понятие, как «*учительская рота*», политруком которой она была назначена. Такая рота была создана в Октябрьском районе в сентябре 1941 года и существовала около трех месяцев. Занятия роты проводились в 240-й школе. Ежедневно перед началом военных занятий Нина Ивановна проводила политинформацию для ее участников. Чтобы подготовиться к беседе, она рано утром прослушивала несколько передач по радио, все подробно записывала, кроме того, занималась в семинаре при райкоме ВКП(б) (*Приложение III-15.7* «Моя жизнь в Ленинграде в период Великой Отечественной войны»).

Учительница Е. М. Демина ведет урок в 7-м классе средней школы № 10 Свердловского района Ленинграда[64]

Утверждение «*Убежища очень сблизили педагогов с детьми*» сегодня воспринимается как некий парадокс. Но такова была блокадная учебная повседневность. Как правило, учитель имел два плана урока: один — для работы в нормальных условиях, другой — на случай артобстрела или бомбежки. На обложке тетради зачастую записывался не только номер школы, но и номер бомбоубежища, в котором проходили занятия. Во вновь открывающихся школах на первом уроке обязательно рассказывалось о том, как надо вести себя во время воздушной тревоги и как быстро спускаться в бомбоубежище. Почти все педагоги отмечают, что инстинктивный страх перед налетами и обстрелами пропадал у них после первой бомбежки от сознания ответственности за жизнь детей.

Движущим рычагом в работе блокадного учителя становилась сила воли, необходимость «*поддерживать дыхание школы*», рассчитывая только на свои силы. Борьба с физической инертностью заставляла работать мозг. Чувство одиночества и ужаса от многого, происходящего в осажденном городе, смягчалось поддержкой и проявлениями заботы со стороны коллег и учащихся. Педагоги начинали ценить самые простые мгновения жизни. На фоне постоянного ощущения голода и холода «*маленькой вечерней радостью*» для учительницы могла оказаться радиопередача или новая прочитанная книга. Листки сочинений, исписанные ровным детским почерком, буковка к буковке, оставались в памяти как «*превосходные вещи*». Профессиональная деятельность, постоянно ориентированная «на преодоление» и наполненная глубоким жизнеутверждающим смыслом, становилась для педагогов своего рода психологическим убежищем, спасая от фатальной безысходности блокадной «микрожизни» (так О. Берггольц определила простейшие действия, поддерживающие существование жителей осажденного Ленинграда).

Многообразие эмоционального восприятия блокады

По массиву сохранившихся воспоминаний можно проследить смену коллективных эмоций и состояний учеников и учителей в разные периоды блокады. Многие из школьников вначале не поняли всю серьезность происшедшего.

Зимницкая Галя, окончив 6-й класс, через неделю после начала войны (28 июня 41 года) отмечает в дневнике, что ходит в санитарный кружок, где «занятия проходят весело», и ей «не верится, что будут настоящие раненые». В августе появляется такая запись: «Если заглянуть в наши души, то, наверняка, все хотят испытать хоть чуть-чуть боевой обстановки (бомбежки) и попробовать свое умение на раненых» (15.08.41). Из летних дневниковых заметок также следует, что

[64] Автор фотографии: Струнников Сергей Николаевич. Место съемки: Ленинград. Архив: Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 8744. Оп. 1. Д. 7.

несмотря на начало войны «у ребят появилась “болезнь” — учиться танцевать» и перечисляются популярные тогда пластинки: «Утомленное солнце», «Рио-Рита», «Брызги шампанского», «Кукарача»[65].

Аполлон Лесков, в июне 1941 года окончивший 8-й класс 209-й школы, встретил войну в пионерском лагере в Толмачево. 21 июня ребят повезли в гости к шефам в военный лагерь, а в ночь на 22-е подняли по тревоге, которую они посчитали за начало военной игры. Подростки восприняли известие о начале войны достаточно спокойно, как некое приключение. Сохранилась фотография, датированная 3 июля 1941 года, где пионеры и вожатые сняты в лагере вместе с известным артистом Н. Черкасовым. Десять дней как идет война, но многие улыбаются...

Борис Кузнецов, ученик 32-й школы Октябрьской железной дороги, свою жизнь в блокаде вспоминает «скорее с интересом, чем с ужасом». Он, «как все нормальные мальчишки, любил все, что стреляет, взрывается». Дома хранил бутылки, заполненные порохом из винтовочных патронов, найденных на месте разбомбленного эшелона. Со своим другом по школе в большой квартире на Невском проспекте стрелял из немецкого автомата вдоль коридора в поленницу дров[66].

Юрий Маретин пишет о том, как подростки стали щеголять друг перед другом «знанием типов самолетов и танков, наших и немецких, осведомленностью в образцах и калибрах оружия, в видах гранат и мин, умением разобрать и собрать винтовку и даже станковый пулемет», хвастались собственными коллекциями военной техники, боеприпасов, осколков[67].

Однако интенсивное подключение учащихся к работам, связанным с обороной города и подготовкой к эвакуации, заставляло быстро взрослеть. Это было рытье окопов, помощь в госпиталях, размещенных в зданиях школ, обход квартир, участие вместе со своими педагогами в подготовке новых помещений для занятий, строительство бомбоубежищ. Но детство то и дело о себе напоминало. Красноречивый пример: школьница Антонина Тихонова из школы ушла на рытье окопов с портфелем, в котором были бутылка воды и кукла[68].

6-й класс, школа № 50. Июнь 1941 года[69]

В пионерском лагере под Толмачево. 3 июля 1941 года[70]

Зина Иткина после уроков в 1942–1944 гг. на концертах для раненых бойцов с успехом читала стихотворение Симонова «Жди меня» (другое произведение — «Убей его», которое с ней

65 Дневник Гали Зимницкой // Детская книга войны. Дневники 1941–1945. Цит по: URL: https://military.wikireading.ru/44676

66 Воспоминания о блокаде без цензуры. URL: https://proza.ru/2014/10/12/1717

67 Слово детям блокады. 1941–1945 / Сост. Ю. Маретин // Из истории Кунсткамеры. 1941–1945. СПб., 2003. С. 241. URL: https://www.kunstkamera.ru/images/history/65/pdf/1941_1945_04.pdf

68 Детские дома блокадного Ленинграда. СПб.: Политехника, 2002. С. 180–191. URL: http://www.world-war.ru/siroty-blokadnogo-leningrada/

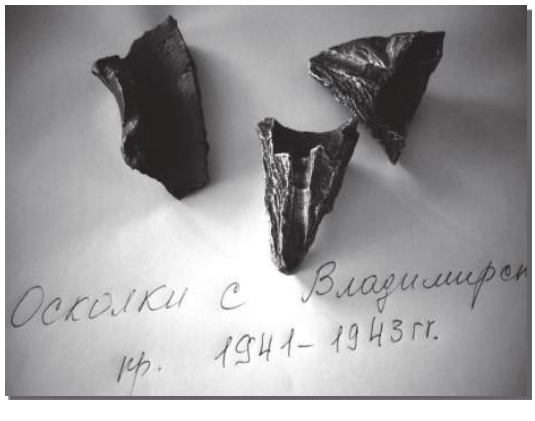
69 ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1.

70 Из личного архива Аполлона Николаевича Лескова (1925–2016), ветерана ВОВ, ученика школы № 209. Аполлон — четвертый слева во втором ряду.

готовила учительница, девочке не нравилось). Часто по поручению бабушки Зина ходила навещать родственников, дважды спасла жизнь своей тети и другой, взрослой, внучки бабушки, найдя их истощенными настолько, что те не могли говорить и двигаться. На санках с родственницей привезла их домой, где бабушка их выходила, меняя на продукты махорку, которую получала мать Зины, работавшая в госпитале[71].

Ленинградские школьники возле обломков самолета «Мессершмитт-110», сбитого над Серафимовским кладбищем. 30.09.1941 г.[72]

А играла девочка осколками снарядов, которые подбирала около разрушенных домов. Осколками снарядов потом играли и дети Зинаиды, уже Федюшиной. Один из таких тяжелых и острых осколков из коллекции Зинаиды Аркадьевны Федюшиной хранится в Педагогическом музее СПб АППО.



Осколки снарядов

Архивные материалы свидетельствуют о том, что и в условиях блокады ленинградцы не утрачивали способность к живому восприятию окружающего мира. Некоторые знаковые символы времени многократно повторяются в воспоминаниях и детей и взрослых: заклеенные крест-накрест окна; аэростаты в небе, похожие на китов; первая бомбежка; чудом не разорвавшийся вблизи снаряд; первая встреча со смертью, первая потеря близких... Но в ряде случаев поражает эстетическое своеобразие и яркость блокадных впечатлений, как учительских, так и ученических, воспринимающихся сегодня как вполне художественный текст.

> Никогда ни ранее, ни после я не видела такой красивой ночи. На небе плыли какие-то странные, разных оттенков продолговатые облака, и луна тоже была какая-то особенная в эту ночь, то пряталась за ними, и тогда окрестность темнела, и звезды становились ярче; то вновь всплывала, и все опять светилось странным матовым светом. А сзади все нарастал, нарастал гул канонады... (Зинаида Ворожейкина, ученица 33-й школы о первой военной ночи).

> Бомбежки все учащались. Во время них огромные волны перекатывались из Невы через каменный парапет набережной и подкатывались прямо к школе. Казалось, что наше здание бывшей Петровской гимназии сейчас поплывет по волнам разбушевавшейся реки... (учительница М. Ю. Поволоцкая).

> Как заколдованные чудовища в сказочном сне стоят заледеневшие трамваи. Длинными белыми нитями свисают оборванные провода (учительница С. Н. Саговская).

> В опустевшей квартире стояла глыба льда — подарок брата, замерзший аквариум с застывшими во льду рыбками. Когда лед растаял, с ним оттаяла и одна золотая рыбка и вновь начала плавать (школьница Таня Вассоевич).

В текстах рассыпаны меткие образные характеристики, которые учителя и ученики давали окружающим людям.

> Коллега «быстрая, как вихрь, и совершенно прозрачная». Ученица «с белокурыми косичками, танцевавшими по плечам». Боец «с простой русской внешностью и сумраком в глазах от того, что увидел сразу так много изможденных детей».

> Учителя все новые. По русскому языку, очевидно, хорошая, добрая. По алгебре

---

71 *Федюшина З. А.* Моя блокада. URL: https://memoclub.ru/2018/11/it58/ и URL: https://20vek.ru.com/oa/bb.pdf

72 ЛГФКФФД (Ленинградский гос. архив кинофотодокументов) Арх. № 29312.

строгая, но хорошо объясняет, по физике — то же самое, у нее какие-то странные губы, такие пухлые. А по истории — как кукла на ниточках, их дергают, и она дергается (Валя Петерсон)[73].

Порой краткая блокадная зарисовка воспринимается как законченная мизансцена.

Вылетели стекла. Наступила тишина. Потом слышно было, как вышла дворничиха и стала хладнокровно подметать стекла на панели, как до войны она подметала только что выпавший снег (Майя Добролюбова, 8-й класс).

...Два мальчика, двое братишек 1 и 2 классов рано утром пришли в школу и заявили мне: «Сегодня разбомбили наш дом, мама погибла под развалинами, папа — на фронте. Не отправляйте нас из школы, будьте нашей мамой (Директор школы № 105 В. Ф. Любова).

А вот тема для целого трагического сценария.

Папа умер. Я жила с мамой. Она обменяла карточки на 1¼ хлеба, съела все и выбросилась из окна 4 этажа (рассказ девочки 12 лет).

Одну из сквозных линий, проходящих через страницы воспоминаний, можно назвать *звукописью блокады*. Звуки и тишина блокадного города запечатлелись в памяти всех педагогов и учащихся, поскольку были наделены жизненным смыслом. С наступлением блокады исчезли живые звуки (птицы, мяуканье кошек, лай собак, звон трамвая). Их сменил вой сирен, зенитки, канонада, тревожный звук метронома. Очень быстро жители, в их числе дети, научились различать звуковые особенности и разновидности падения снарядов и бомб, место их разрыва. А для тех, кто впервые пошел учиться с началом войны, «*школьный вальс звучал мелодией отбоя воздушной тревоги*» (Марина Ильина). С этими звуковыми впечатлениями перекликаются поэтические строки С. В. Сухонина, родившегося после войны, но очень точно написавшего о блокаде: «*Сегодня не бомбили, и с ласкового неба вдруг музыкой упала тишина*»[74].

Неоднократно в воспоминаниях как учителей, так и учащихся типичной блокадной приметой называется отсутствие громких детских голосов. В разных вариантах повторяется: зимой 1941/42 года «дети вернулись в школу *бесшумно*»! «*Сколько бы ни было учащихся, в коридорах царила часто тишина: ученики разговаривали мало. Ни смеху, ни беготни, как было раньше*». Даже школьных гостей, известных писателей и поэтов встречали без привычного для детской аудитории шума. Но иногда именно мгновения тишины оказывались целительными. Так, учеников «на уроках литературы *завораживали тишина и покой, которых не было в жизни*».

Весной 1942 года известные из мирного прошлого, но забытые звуки воспринимались ленинградцами как знаки возвращения к жизни. Это мог быть мотив знакомой песенки, которую напевает прохожая девушка, или «*торжествующий звон трамвая, отозвавшийся в сердце звонче и во сто раз прекрасней, чем все вальсы Штрауса*». С. Н. Саговская пишет: «Защебетали пичужки, сначала изредка, робко, а там с каждым днем все громче, озорнее. И радостно слышать голос какого-то животного существа: ведь так давно не слышно в городе ни чириканья воробьев, ни бульканья голубей, ни мяуканья кошек, ни лая собак».

В текстах встречаются разные по внутреннему настрою фрагменты, свидетельствующие, с одной стороны, о непобедимости и многогранности жизни, с другой — о непредсказуемости человеческих реакций и проявлений в кризисные моменты. Казалось бы, с начала войны школьники так ждали возможности начать учебу. Но вот весьма критическая дневниковая запись подростка, датированная 6–7 ноября 1941 года:

Занятия в школе продолжаются, но мне они что-то не нравятся. Сидим за партами в шубах, многие ребята совершенно уроков не учат. На литературе интересен тот факт, что ребята рассказывают образы из «Мертвых душ» по учебнику, где они есть. Некоторые даже вообще не читали «Мертвые души» (Юра Рябинкин).

Или относящееся к этому же периоду мнение школьницы о своих одноклассниках:

Все переменки и даже на некоторых уроках дуются в «очко» на деньги. А ведь это самый настоящий разврат. Я часто наблюдала за их игрой. Ведь они выигрывают зараз

---

[73] «Зимняки»: Дневники учителей и учеников, переживших первую зиму блокадного Ленинграда. URL: https://rg.ru/2019/01/27/rodna-dnevniki-blokadnogo-leningrada.html

[74] Подробно эта тема анализируется в ст.: *Пянкевич В. Л.* «Симфония войны». Звуки и тишина блокадного Ленинграда в восприятии горожан // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3 (23). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/simfoniya-voi-ny-zvuki-i-tishina-blokadnogo-leningrada-v-vospriyatii-gorozhan

часто рублей 5–7, а иногда и 8. И я видела, как они теряют всякое уважение к деньгам, как небрежно бросается на парту, «в банк», «трешка» — 3 рубля. А если случайно упадет рубль, то владелец не торопится нагнуться, чтоб его поднять, а о 20-ти копейках и говорить не стоит. Зато с какой жадностью многие ребята прячут выигранные деньги, а другие, наоборот, с напускной небрежностью (Лена Мухина, ноябрь 41).

Вот вполне мирные девичьи заметки, если не знать, что они сделаны 26 июня 1942 года в блокадном Ленинграде:

По литературе у меня хорошо, по геометрии четверку получила. Я очень рада, потому что вчера, вместо того чтобы готовиться, я ходила с Асей гулять в сад. Между прочим, в сад Дворца пионеров ходят очень хорошие мальчики, Рома и Лева... Мне они оба очень нравятся. Вообще мальчики на все сто: культурные, вежливые, хорошо одеваются, не подкопаешься (Д. Лозовская, 15 лет).

Когда учительница В. Г. Ананьева попросила детей 6 класса рассказать о каком-то одном незабываемом дне Отечественной войны, у каждого оказался свой неповторимый сюжет. Известие о войне, встреченное в разгар волейбольного соревнования в пионерском лагере; опрокинутый во время ночной бомбежки кисель, стоявший на окне, и сожаление зачем не съела его раньше. Распахнутая дверь булочной, откуда пахнуло приятным, вкусным запахом хлеба. Последнее фронтовое письмо от отца; работа на стройке оборонительных рубежей с мыслью о мести за умершего отца (*Приложение III-15.2*. «Заметки о днях блокады»).

Во многие тексты вставлены блокадные «кулинарные» рецепты.

Варила яйцо вкрутую, мелко его крошила и заливала кипятком, подсаливала воду. На второе из столярного клея заливное. Одна плитка столярного клея распускалась в кастрюле на слабом огне... полученная масса подсаливалась, в нее добавляли перец и лавровый лист. После этого все разливалось по тарелкам и ставилось на холод, чтобы застыло. Заправляли уксусом и горчицей по вкусу... (Из ежедневного семейного рациона).

Варим маленькую кастрюльку пшенной каши на воде, без масла. Туда кладу корицы, изюма, несколько груш сухих и кураги. Сахара нет. Стол накрыт белой скатертью. Кроме каши, рокфор, полученный вместо масла, портвейн (1/2 литра по моей карточке, разливной 33 руб. литр), по мандаринчику из заветной банки с вареньем (Угощение на Новый 1942 год).

Стакан чая с тремя кусками сахара и белой сайкой, обед — наваристый рассольник с потрохами. На закуску свежая икра или селедка. На 2-е большой кусок курицы с рисом под белым соусом и затем стакан какао (Донорам перед взятием крови).

Дошедшие до нас в большом количестве эмоциональные описания повседневных лишений как будто отодвигают на второй план собственно педагогическую составляющую школьной блокадной жизни, на которой хотелось бы остановиться подробнее.

«И мечтают об обеде ученик и педагог»[75]

Учителя в блокадное время как никогда ощущали себя хранителями национальной культуры и стремились поделиться интеллектуальными сокровищами с детьми. При этом они старались связать предлагаемые знания с реальностью страшных дней, которые переживали город и вся страна. Во многих случаях это оказывалось чрезвычайно трудной задачей. В середине 1920-х годов среди положений «Живой этики» Рерихов прозвучал вопрос, имеющий глубокий сакральный и философско-педагогический смысл: «*Как сказать голодному о вечности? Исходя из настоящего, он представит себе вечный голод*». Аналогичный вопрос, вероятно, должны были ставить перед собой учителя блокадного города, призванные «сеять разумное, доброе, вечное» среди тех, кто так же, как они, постоянно испытывал мучительное чувство голода.

В сохранившемся личном дневнике ленинградского школьника Юры Слонимского есть такая запись: «*В школе говорят о высоком призвании человека, о человеческом достоинстве! Ха, ха, ничего себе! Высокое призвание, когда человеку жрать, как собаке, хочется. Единственная мечта теперь у всех — побольше пожрать...*»[76] Юра Рябинкин (29.10.41) задается аналогичным вопросом: «*Я не знаю, как я смогу учиться. Я хотел на днях заняться алгеброй, а в голове не формулы, а буханки хлеба*». Галя Зимницкая 23.10.41 написала в дневнике: «*Стараюсь учиться хорошо. Но если*

[75] Из стихотворения Люси Орловой, школа № 33.

[76] *Слонимский Ю. С.* Блокадный дневник 1941–1942 гг. // Музей «Невская застава». Рукопись. Цит. по: *Афанасьев Д.* Неизвестный дневник жителя блокадного Ленинграда Юлия Слонимского: URL: institutspb.ru/pdf/heritage/НАСЛЕДНИКИ_23.pdf

*честно признаться, все мысли о большой перемене, во время которой в столовке нам дают тарелку жидкого супа и кусочек хлеб*а». Людмила Левизи, неоднократно перечитывая отрывок из «Князя Серебряного» А. Толстого с описанием пира, «удивлялась, как можно было столько съесть»[77]. Софье Болдыревой запомнилось, как мальчик, с которым она училась еще до войны, в блокаду после еды вылизывал тарелки своих соседей.

Но подобные чувства испытывали и учителя. Один из преподавателей школы № 252, который, как и большинство мужчин, тяжело переносил голод, ходил между столиками и облизывал после учеников в основном уже пустые тарелки. По поводу новогоднего вечера для учителей в институте Покровского Н. В. Мансветова замечает: «В памяти ничего не осталось от того торжества — только накрытые столы... Кто-то говорил речи, а мы сидели, и перед нами стоял нарезанный ломтиками хлеб — и мы потихонечку отщипывали кусочки». Поражает предельно откровенное родительское покаяние, озвученное в воспоминаниях учительницей, которой для того, чтобы заставить сына пойти на блокадную елку, пришлось его побить (!). «Никакие уговоры не помогали, а пойти было нужно, потому что там кормили и давали подарки...»

Закономерно, что в первую блокадную зиму именно столовая воспринималась как «нерв школьной жизни». Известны цифры, отражающие изменение норм питания, предусмотренных к выдаче по карточкам школьникам и учителям.

Нормы выдачи хлеба в Ленинграде (в граммах)

Период	Рабочие	ИТР Служащие	Дети до 12 лет
с 18 июля 1941	800	600	400
с 20 ноября 1941	250	125	125
с 11 февраля 1942	500	400	300

Дети, до 12 лет получавшие обычный паек служащего, с 12 лет переходили в категорию «иждивенцев», с минимальным рационом в 125 граммов хлеба в день. В итоге многие подростки начинали искать работу на заводе, чтобы получать рабочий паек. Другим вариантом выживания для них могло стать уличное воровство карточек и хлеба.

Вопросам организации питания учащихся постоянно уделялось огромное внимание, причем на межведомственном уровне. Но только к концу марта — началу апреля 1942 года нормы продуктов, отпускаемых в детские учреждения Ленинграда, позволили организовать более или менее удовлетворительное питание.

> По данным городских педиатров, «школьники в своих завтраках, обедах и ужинах имели 45 г белков, 34 г жиров и 246 г углеводов, что дает около 1500 калорий. Эти пайки при известной настойчивости администрации некоторых учреждений удавалось еще больше расширить за счет использования ненормированных продуктов — соевого молока, отходов сои при изготовлении молока, технического казеина... Недостаточное количество в отпускаемых продуктах витамина “С” с успехом можно было пополнить использованием настоя из хвои, а с наступлением теплого времени и различных дикорастущих трав»[78].

Однако на фоне централизованных усилий по поддержанию жизни ленинградских детей за счет улучшения качества их питания проверками фиксировались случаи хищений и нарушений. Из приказов Главного управления ленинградских столовых, ресторанов и кафе и Отдела народного образования следует:

> В 40 столовых из 15 районов обворовывали детей, недодавая им установленных по нормам продуктов и обвешивая при выдаче готовых блюд (приведены номера столовых и школ). Качество блюд и ассортимент неудовлетворительны. Более 20% школьников не охвачены общественным питанием; не выполняются в ряде школ решения Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся о трехразовом питании детей[79].

Подобные факты выглядят чудовищно и оправданию не подлежат.

---

77 Слово детям блокады. 1941–1945. С. 246. URL: https://www.kunstkamera.ru/images/history/65/pdf/1941_1945_04.pdf

78 Вопросы педиатрии в дни блокады Ленинграда. Алиментарные дистрофии и авитаминозы у детей / Редкол.: проф. Ю. А. Менделева, проф. А. Ф. Тур и проф. А. Н. Антонов. Л.: Наркомздрав СССР: Гос. изд-во мед. лит-ры, Ленингр. отд-ние, 1944. С. 29.

79 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Приказ № 203/313 по Главному управлению ленинградских столовых, ресторанов и кафе НКТ СССР и по Отделу народного образования Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся.

Приоритет воспитания

Любая гуманитарная катастрофа становится неким естественным экспериментом на сохранение человечности всех ее участников. В каждом военном или ином кризисном событии незримо присутствует педагогическая составляющая. Она проявляется в характере поступков, в позиции населения, которые годами формировала та или иная система государственного, общественного, семейного воспитания. Не случайно в европейской истории предметом обсуждения неоднократно становилась роль учителя в военных победах.

В 1866 году немецкий профессор географии Оскар Пешель, подчеркивая стратегическую значимость образования, заметил: «*Народное образование играет решающую роль в войне <...> когда пруссаки побили австрийцев, это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем*»[80]. Генерал-фельдмаршал Хельмут фон Мольтке уточнил: «Одно знание, однако, не доводит еще человека до той высоты, когда он готов пожертвовать жизнью ради идеи, во имя выполнения своего долга, чести и родины; эта цель достигается его воспитанием. Не ученый выиграл наши сражения, а воспитатель»[81].

В российской педагогической традиции знание о том, что обучение и воспитание — процесс единый и неразрывный, всегда относилось к аксиомам учительского дела. Почти все ленинградские педагоги чувствовали себя в дни войны прежде всего и больше всего воспитателями. Это ощущение было подкреплено решением горкома о том, что «школа отныне будет в большей степени воспитательным, а не учебным заведением». Приоритет воспитательных задач был важен потому, что в индивидуальной борьбе за выживание многие взрослые и дети вынужденно оказались вовлеченными в противостояние звериного и человеческого начал. Подтверждение тому скрыто в личных дневниках ленинградцев разного возраста.

«Вся блокадная повседневность свинцовой тяжестью втаптывала человека в грязь — как здесь быть готовым к милосердию и любви?» — справедливо замечает историк С. В. Яров. Там, в блокадном городе, «...в одних умирала трусость, а в других просыпалась совесть», — о том же в поэтической форме утверждает В. Таиров. В нечеловеческих условиях, навязанных осажденному городу врагами, педагогам необходимо было помочь детям и подросткам оставаться людьми, ежедневно делать выбор «в сторону Добра», находя в себе силы для противостояния Злу. Дневники ленинградских подростков — одно из откровенных свидетельств о том, какие чувства могли пробуждаться в юной душе под влиянием военных ужасов и лишений.

> *29 июня 1941 г.* Юра Рябинкин делает запись о том, как «ребята вылепили из песка рожу Гитлера и стали бить ее лопатами». *29 октября* он фиксирует: «Во мне опять просыпается зависть, даже злость, горькая-прегорькая обида в отношении живущих рядом в комнате, где жизнь совершенно иная — всегда хлеб, каша, мясо, конфеты, тепло, яркая эстонская керосиновая лампа, комфорт». Размышления о том, чему научил его ноябрь месяц и чем отличается 30 ноября от 30 октября, соседствуют с думами об эгоизме, о том, что такое человеческая жизнь и чего она стоит. О перспективе, в которой «багровое будущее, окутанное темной пеленой...»
>
> *Валя Петерсон*, семиклассница 239-й школы, делая очередную дневниковую запись, задает сама себе вопросы. *20 октября 1941 года*: «Я ли одна так голодна? Кто же в этом виноват»? И отвечает: «Это проклятые германские изверги. Я никогда не была злой. Я всем старалась сделать что-нибудь хорошее. А теперь я ненавижу этих сволочей за то, что они исковеркали нашу жизнь, изуродовали город». *18 декабря 1941 г.*: «Права ли я, ненавидя отчима? Не могу отдать себе отчета. Почему я забочусь о всех, а он только о себе? Это мне противно. А может быть, голод его сделал таким. Ведь до войны он был другим. Он хотел заменить мне отца. О, если бы я могла, то придумала бы Гитлеру жуткую смерть. Он вина всему. Он виновник войны, а война калечит людей». *29 декабря 1941 г.*: «Сегодня для меня день счастья. Я так рада. А чему? Рада смерти моего отчима... Я так ждала этой минуты. Я его страшно ненавидела. Голод раскрыл его грязную душу, и я его узнала...»[82]

В подобных записях поражает осознанность подростками собственных психологических переживаний, по накалу и остроте приближающихся к тому, что можно назвать «достоевщиной». Сложно сегодня представить, какой тонкий педагогический инструментарий должны

---

[80] Цит. по: URL: https://topwar.ru/37776-voyna-kotoruyu-vyigral-prusskiy-uchitel.html

[81] *Шапошников Б. М.* Мозг армии. Т. 1. С. 64. URL: https://www.litmir.me/br/?b=73170&p=64

[82] Дневник Вали Петерсон // Детская книга войны. Дневники 1941–1945. С. 54–55. Цит. по: URL: https://www.litmir.me/br/?b=257664&p=54

были найти и использовать учителя, работая с ребятами, постоянно ведущими незримую, порой неравную борьбу с пробуждающимся в их душе злом не только по отношению к врагам, но, порой, — к самым близким людям.

Голодных детей и подростков, которые были прекрасно осведомлены о случаях каннибализма в городе, не раз становились свидетелями драк за кусок хлеба, кражи карточек и жестокого мародерства, необходимо было вырвать из рутины животного существования, не допустить их одичания. По словам С. В. Ярова, моральная норма перестает ощущаться, «когда нет контроля над собой, объяснения мотивов своих действий и нет критических мнений со стороны»[83]. В блокадные дни, пожалуй, только школа в какой-то мере могла противостоять подобной моральной утрате путем последовательного нормирования повседневного поведения, сохранения и поддержания культурных потребностей и привычек.

В нормативных документах, методических материалах и учительских воспоминаниях четко обозначены личностные проявления, которые предстояло воспитывать у школьников в условиях блокады. В системе ценностных отношений, соответствующих военной обстановке, на первый план выходили:

- ***Воспитание патриотических чувств*** (любовь к Родине, своему городу, Красной Армии и ненависть к врагам).
- ***Добросовестное отношение к учебе*** как личному вкладу в борьбу с врагом.
- ***Активное посильное участие в трудовой деятельности.***
- ***Идея заботы*** (о близких, школьных друзьях, учителях, бойцах).

Лучше понять специфику воспитательных задач, значимых для этого периода, помогают исследования по психологии войны, а также работы известного специалиста по исторической психологии С. В. Ярова, посвященные этике блокады. Исследователи отмечают, что одной из ключевых проблем военного времени во все времена становится *трансформация нравственных ценностей и морально-этических норм*. Отсюда в сфере работы с детьми возникает смысловое рассогласование между пропагандой ненависти и насилия по отношению к врагу как проявлением гражданского долга и естественным педагогическим стремлением не утратить практики гуманного воспитания ребенка.

Данное противоречие начало рассматриваться педагогами и психологами России и европейских стран еще в период Первой мировой войны. Пути ослабления травмирующего влияния военных событий на детскую психику активно обсуждались в педагогических журналах 1914–1917 гг.[84] Одним из таких путей считалось вовлечение учащихся в систему благотворительной деятельности на благо фронта. Известно, что в годы Первой мировой войны гимназисты Петербурга выступали в госпиталях с концертами и спектаклями, помогали взрослым ухаживать за ранеными. Работы Е. А. Звягинцева, В. В. Зеньковского, С. А. Левитина времен Первой мировой и Гражданской войн ориентировали на смещение акцентов патриотического воспитания в сторону восхищения героизмом соотечественников, на любовь к Родине, ее полям, лесам и людям[85].

Развитие гуманистического направления в педагогике, психологии, педиатрии продолжилось во время Второй мировой войны. Перед педагогами Ленинграда вставал вопрос, каким образом помочь детям и подросткам, вплотную соприкоснувшимся с чудовищными реалиями блокады, соблюдать нравственные нормы, помогающие обуздать ярость и ненависть, «способные полностью захватить человека, превратив в зверя»[86]. Казалось бы, суровое военное время требовало ожесточения школьной дисциплины. Но поражает терпение и гуманизм учителей на фоне работы с непростым контингентом блокадных учащихся. Нигде в тот период не встречается популярного во все мирные времена тезиса о том, что «молодежь нынче хуже, чем взрослые». Напротив, во многих учительских заметках сквозит полное понимание своих учащихся.

---

83 *Яров С. В.* Ленинградцы в «смертное время»: предпосылки изменения нравственных ценностей // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2008. № 4 (История). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/leningradtsy-v-smertnoe-vremya-predposylki-izmeneniya-nravstvennyh-tsennostey

84 *Щербинин П. П.* Детская повседневность в период первой мировой войны (1914–1918 гг.).Тамбов, 2015.

85 *Володкевич Н. Н.* Современная война и задачи воспитания // Дети и война. Киев: б. и., 1915. С. 21–38; *Иорданская Е.* Война и дети // Пермская земская неделя. 1915. № 6. С. 6; *Смирнов О.* Война и дети // Народный учитель. 1914. № 26–27. С. 5–7; *Чуковский К. И.* Дети и война // Нива. 1915. № 51. С. 949–971.

86 *Гулевский А. Н., Гулевская Н. А., Доронин Ю. П.* Анализ концепций войны как социального явления в философии // Философия права. 2019. № 4. С. 55–56 (91). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kontseptsiy-voyny-kak-sotsialnogo-yavleniya-v-filosofii

> Учим людей, знающих, что такое война, голод, блокада. Все эти понятия для них — не литература, не слова, объяснения которым нужно искать в словарях. Для них это жизнь, отнявшая безмятежное детство, научившая их ненавидеть и любить. <...> В душе каждого из них притаился горький комочек человеческих потерь и горя (В. Г. Ананьева).
>
> Нельзя оставаться по-старому требовательными, видя перед собою эти бледные, с синими тенями юные лица, замечая, что часто за уроком ребята погружаются в дремоту, и, в конце концов, все мы знаем обстановку, в которой живут ленинградцы (К. В. Ползикова-Рубец).

Это сугубо гуманистическая трактовка этики педагогических взаимоотношений и вопросов дисциплины, подразумевающая сострадание, милосердие, прощение относительно таких отклонений в поведении, как опоздания, прогулы, грубость, нежелание подчиняться требованиям учителя или отказ изучать немецкий как язык врагов. Парадоксально, но в воспоминаниях неоднократно фигурируют ситуации, когда педагоги неподдельно радуются ребяческой драке: «*Дерутся мальчишки, — значит, появилась сила. Они спасены, они будут жить*!»

В ответ на доброе отношение взрослых рано или поздно наставал момент, когда подростки с улицы возвращались к учебе и, соглашаясь с тактично высказанной учительской просьбой, сдавали на хранение финские ножи, рогатки, дробь, необычайные свистки — все атрибуты дворовой удали, которые «*ведь могут мешать в работе*». Зная сегодня многие ужасающие факты из блокадной действительности, понимаешь: молодым ребятам, на чью долю выпало мастерить умершему товарищу гроб из школьной парты, за которой тот еще вчера сидел рядом с ними, многое можно было простить[87].

Довоенный отечественный опыт работы с трудными детьми и подростками, растущими в кризисных условиях, соотносится в нашем сознании с деятельностью колонии «Бодрая жизнь», школы-коммуны им. Ф. М. Достоевского, колонии им. А. М. Горького, коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Педагогические идеи и принципы С. Ф. Шацкого, В. Н. Сороки-Росинского, А. С. Макаренко, безусловно, были известны ленинградским учителям, что подтверждается рядом характерных примет в организации социальной активности учащихся в блокаду.

Прежде всего, это *воспитание хозяйского, а не потребительского отношения к школе*, где, как вспоминает Л. Е. Раскин, «все обслуживание — от топки печей до откачивания воды из бомбоубежища — проводилось учениками и учителями». Это включение школьников в *реальный производственный и агротехнический труд* с распределением вполне взрослых функций. Совместный со сверстниками общественно значимый труд, без которого в родной город не придет «строгая радость» окончания войны (образное выражение Тани Вассоевич), учащиеся расценивали не только как вклад в победу над врагом, но и как опасное приключение, в результате которого может «совершиться что-то необыкновенное» (Е. Мухина). «Радостное, товарищеское единение в общем труде, — думаю, что такого чувства больше я никогда не испытывала», — вспоминает Е. Маретина.

Школьницы Валя Иванова и Валя Игнатович, потушившие две зажигательные бомбы, упавшие на чердак их дома[88]

[87] Случай описан в «Блокадном дневнике» директора школы № 105 Валентины Федоровны Любовой. URL: http://гимназия105.рф/PDF/siege_notes.pdf

[88] Фото В. Федосеева. 13.09.1941. Воспроизводится по: URL: https://smolbattle.ru/threads/Блокадному-Ленинграду-посвящаю.27606/page-11

Сотни ленинградских подростков активно участвовали в тушении зажигательных бомб.

> Девятилетний Олег Негов потушил 14, Гена Толстой (12 лет) — 19 зажигательных бомб. В Московском районе отличились: Пешков Анатолий (12 лет) — 16 бомб, А. Михеев (15 лет) — 6 бомб. В Ленинском районе: Валя Кузнецов (13 лет) потушил 5 бомб, Коля Манаков (15 лет) — 7, Слава Турчиневич (14 лет) — 5, Петров Валя (13 лет) — 12, Воронович Галя (14 лет) — 8 бомб. А ученик третьего класса 178-й школы Коля Андреев вместе с двумя товарищами затушил 43 зажигательных бомбы[89].

Множество конкретных примеров трудового вклада детей и подростков в поддержание жизни блокадного города приведено в материалах *Приложений III-15.1* и *III-15.5*.

Стимулирующую роль играли различные *трудовые соревнования и конкурсы*, в названиях и содержании которых иногда прочитывается большая выдумка. Например, «соревнования между 3-м и 4-м классами на лучшее выполнение задания по переноске учебных пособий и книг из законсервированной школы» с условием перенести все в целости и на улице вести себя чинно. Или «конкурс на лучшего сборщика верхушек клубня картофеля». Для самых младших предлагались учебно-соревновательные стимулы военной направленности: «Выучите стих хорошо. Завтра кто лучше всех ответит, будет читать его раненым в госпитале»; «Шьем кисеты, чтобы их послали на фронт» (для мальчиков и тех, кто плохо владел иглой).

В отношениях педагогов к своим подопечным повсеместно прослеживается следование макаренковскому принципу *требовательности наряду с безусловным уважением*. Ученик, упрекнувший бригадира-учительницу: «Разве Вы нас не жалеете, что все требуете и требуете?» — в ответ слышал: «Да, у меня нет той жалости, во имя которой покрывают нерадивых. Мой долг советского учителя-гражданина научить вас работать честно и упорно ради нашей Родины, ради победы». А если учительница начальных классов спрашивала: «Где твое гражданское мужество?» — это означало, что кто-то не приготовил урок, соврал, недобросовестно сделал порученное дело.

Школьники Октябрьского района Ленинграда упаковывают ящики с подарками бойцам Красной Армии[90]

Учащиеся 3-го класса женской школы № 216 Куйбышевского района готовят кисеты в подарок фронтовикам. На первом плане Г. Семенова[91]

Из сплочения в труде и учебе *классных коллективов* произрастало школьное блокадное братство, у многих сохранившееся на всю жизнь. Вовлечение учащихся в созидание и упорядочение учебного пространства на фоне царящей вокруг

---

89 Эти данные приводит А. В. Карасев в книге «Ленинградцы в годы блокады» (М.: Изд-во АН СССР, 1959) со ссылкой на Архив ЦК ВЛКСМ (Информсектор. Д. 47. Л. 114) и Архив Ленинградского штаба МПВО «Организация и боевая работа участковых формирований и батальонов МПВО г. Ленинграда в Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Ч. II. Л. 20).

90 Автор фотографии: Уткин В. Место съемки: Ленинград. Дата съемки: июль 1941 г. Архив: Российский государственный архив кинофотодокументов. Арх. № 0-230548.

91 Ленинград, 1943 г. Автор фотографии не установлен. Российский государственный архив кинофотодокументов. Арх. № 0-66733.

всеобщей разрухи воспринимается сегодня сродни вселенской борьбе с хаосом. Подобная борьба требовала неимоверных внутренних усилий и мужества от тех, кто, принимая на себя бремя взрослых забот, в глубине души все еще оставался ребенком. От тех, кто «*с первой блокадной, голодной зимой учился не трусить пред стужей и тьмой. Грыз черный булыжник блокадной науки и плакал украдкой в мамины руки*»[92].

Урок естествознания в 7-м классе школы № 239 Октябрьского района ведет преподаватель А. И. Боконовец[93]

Учительница с детьми на улицах блокадного Ленинграда. Зима 1942/1943 гг.[94]

Чтение как часть блокадной повседневности

Одной из культурных привычек для многих ленинградцев, детей и взрослых, оставалось чтение. Казалось бы, «оцепенение и усталость, охватившие людей в “смертное время”, нежелание тратить драгоценный керосин, повседневный быт, требовавший много времени, — все способствовало тому, чтобы погасить интерес к книге», — замечает С. Яров. Но далее продолжает: «Когда мы задумываемся над тем, почему блокадник не утрачивал человеческие черты, то лучше было бы говорить <...> об этом, порой интимном разговоре с книгой, об этом воспрошании и радости единения с привлекательными героями романов, о том светлом, что тянуло к ним читателя»[95]. По мнению Юрия Васильевича Маретина, ученого-востоковеда, школьником пережившего блокаду, в горе, в беде возрастает потребность в любимом литературном герое как в друге.

Чтение у многих ленинградских подростков оставалось органичной частью блокадной повседневности. «Читать — значит жить!» — в этом был убежден десятиклассник 105 школы Лева Фридман, жадно читавший на переменах, за что ребята называли его профессором. Юра Рябинкин в дневнике пишет: «*Пришел домой, тревога, почитал Вольтера*» или: «*зачитался романом А. Дюма “Графиня Монсоро”*». Другая его запись: «*Дома и холод и голод. Все вместе. Сейчас я бы должен был прочесть снова рассказ Джека Лондона “Любовь к жизни”*». Среди блокадных записей встречаются упоминания о том, как школьники с упоением читали «Пятнадцатилетнего капитана» Жюля Верна, «Отверженных» Гюго, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена, «Всадника без головы» Майн Рида, «Дикую собаку Динго» Фрайермана. В некоторых классах именами любимых героев книг были изрезаны парты. Блокадное «книжное существование» подростков (определение Ю. Маретина) отличалось обилием прочитанного, широким кругом чтения, интенсивным обменом книгами между школьниками.

Девушки предпочитали классику («Войну и мир», романы Гончарова и Тургенева), приключенческие и рыцарские романы. Читали то,

---

92 Строки из произведения поэта А. В. Молчанова (1932–2011). Когда началась блокада, ленинградцу Толе Молчанову было 9 лет, он учился в 321 школе. Как многие другие ребята, он помогал тушить пожары и фугасы, в 1943 году при оказании помощи в поимке вражеских разведчиков был ранен, награжден медалью «За оборону Ленинграда».

93 Автор фото: Капустин В. Место съемки: Ленинград. Дата съемки: апрель 1942 г. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Арх. № Ар-14810.

94 Автор: С. Н. Струнников. Центральный государственный архив города Москвы. Ф. П-8744. Оп. 1. Д. 7. См.: Репортаж из блокадного Ленинграда: Фотографии военного корреспондента Сергея Струнникова / Автор-сост. Л. И. Смирнова. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2005. Воспроизводится по: URL: https://forum.vgd.ru/post/3351/63862/p3203273.htm

95 *Яров С. В.* Блокадная этика (гл. «Досуг»). Цит. по: URL: http://www.kultpro.ru/item_428/

что издавалось в блокадном городе: «Цитадель» Кронина, «Красное и черное» Стендаля. Часто вслух декламировались стихи. Это спасало от тоски, от постоянных мыслей о хлебе, о том, что еще ждет впереди. В книге Тамары Сталевой, посвященной книгам и книжникам блокадного Ленинграда, приводятся выдержки из читательского дневника десятилетнего школьника, где отражены впечатления от таких взрослых книг, как «Гроздья гнева» Д. Стейнбека, «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко. Там же приводится щемящий рассказ скульптора Виктора Сергеевича Новикова о том, как, будучи двенадцатилетним подростком, он читал умирающему от голода школьному товарищу строки из так любимого ими «Тома Сойера»[96], который «*в лихолетье дал возможность одному из нас покинуть мир достойно — со смехом*»[97].

Е. Е. Меделяева, детство которой пришлось на блокаду, причислила интересную книжку к главному блокадному витамину. В этом, вероятно, были убеждены и учителя, и школьные библиотекари, продолжавшие обучать ребят самостоятельной работе с книгой, организовывать внеклассное чтение и даже читательские конференции. Хотя число школьных библиотек в 1941–1942 годах уменьшилось с 451 до 84[98], они продолжали работать.

Сотрудница детской библиотеки Дома пионеров Свердловского района Л. Афанасьева вспоминает, как ранней весной 1942 года в десять утра они с коллегами открывали висячий замок, заходили в библиотеку и работали в течение светового дня, хотя ни отопления, ни освещения не было. Стояли морозы, замерзали чернила, записи в формулярах делались карандашом, но дети и подростки все равно приходили взять книги. Девочка лет четырнадцати спрашивала «что-нибудь про любовь», вероятно, чтобы спрятаться в вымышленный книжный мир от ужасающей действительности[99]. Как это ни покажется удивительным, но и учителя подчеркивают, что за время войны им удалось много прочитать и перечитать, особенно классики, которая действовала целительно.

Георгий Павлович Корольков — библиотекарь школы № 222. Умер от голода зимой 1942 г.[100]

Т. К. Великотная, в довоенном прошлом учитель словесности, 16.02.42 записала в дневнике: «Очень обидно сидеть в темноте при мигалке, когда тянет к чтению хорошей книги <...> читаю Гюго... Я теперь останавливаюсь не только на романтической стороне, а читаю и его философские исследования... Попробую почитать “Историю дипломатии”, пока никого нет. Остановилась на главе “Рим”...» С. Н. Саговская отмечает: «Перечитала я Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах”. Своеобразный язык, красота описаний природы и этот быт — какой далекой, седой стариной веет от всего этого, и как удивительно умиротворяюще действует такое чтение!»

В военное время в ленинградских семьях сохранялась культурная традиция дарения друг другу книг. И это тоже становилось частью блокадной педагогики. В апреле 2021 г. в Педагогический музей АППО Мариной Сергеевной Шургая был передан томик стихов М. Ю. Лермонтова, изданный в Ленинграде в 1941 году[101]. Дарственная надпись, автор которой, к сожалению, неизвестен, гласит:

---

96 Этому трагическому эпизоду скульптор посвятил деревянную композицию «Памяти друга». Мальчик с высоко поднятой головой стоит над умершим подростком, около которого лежит раскрытая книга.

97 *Сталева Т.* Особый витамин блокады. М.: Собрание, 2017. С. 174.

98 Эта цифра приведена в книге С. Ярова «Повседневная жизнь блокадного Ленинграда». Изд. Дом «Молодая гвардия», 2013. С. 173. URL: https://rbook.me/book/15762096/read/page/1/

99 *Черенева В.* Что читали в блокадном Ленинграде. Российская газета — Неделя — Северо-Запад. 2019, № 15 (7773). URL: https://rg.ru/2019/01/24/reg-szfo/bibliotekari-rasskazali-chto-chitali-v-blokadnom-leningrade.html

100 Снимок датирован 1938 г. Репродукция Е. Макаренко, 1994 г. В *Приложении III-16* приведен текст последнего письма Г. К. Королькова директору 222-й школы, который хранится в Музее Петришуле.

101 *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч. / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. Л.: Гос. изд. худ. лит., 1941. Т. 1.

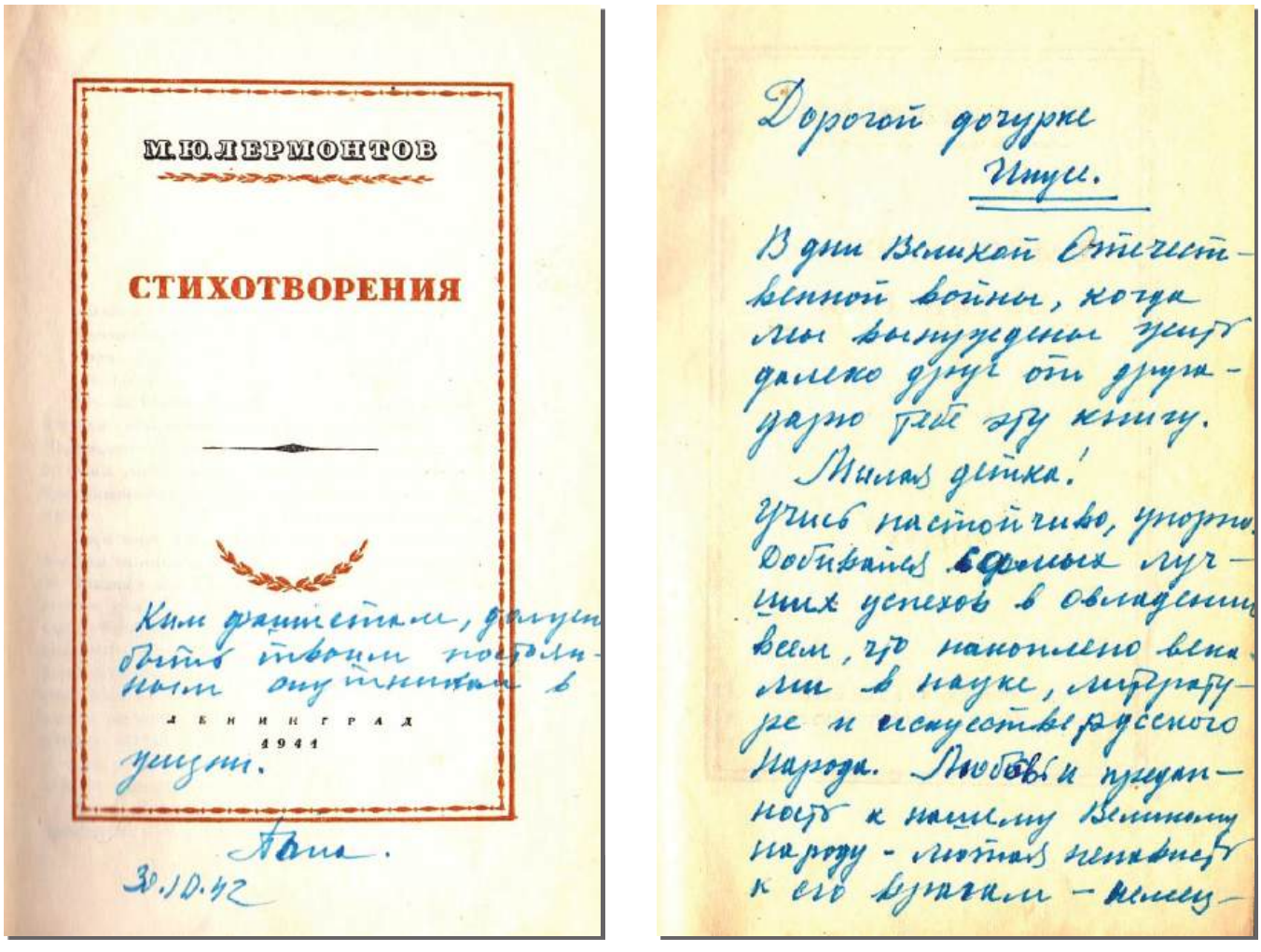


Рис. 9. Дарственная надпись отца дочери на томике стихов М. Ю. Лермонтова. 1942 г.

Дорогой дочурке Инусе.

В дни Великой Отечественной войны, когда мы вынуждены жить далеко друг от друга, — дарю тебе эту книгу. Милая детка! Учись настойчиво, упорно. Добивайся самых лучших успехов в овладении всем, что накоплено веками в науке, литературе и искусстве русского народа. Любовь и преданность к нашему великому народу — лютая ненависть к его врагам — немецким фашистам должны быть твоим постоянным спутником в жизни.

Папа
30.10.1942 г.

В дни блокады продолжал выходить любимый детьми и подростками журнал «Костер»[102], на время сменив бумажную форму на радио-издание. В *Приложении III-19* приведены материалы из печатного майского номера 1945 года, посвященного Победе. В публикации В. Васильева, озаглавленной «О наших молчаливых собеседниках», автор рассказывает о книгах, которые оставили в его памяти неизгладимый след и которые он рекомендует ребятам к прочтению. Приведенный перечень может быть небезынтересен учителям и родителям в контексте современных споров о списке 100 книг, которые необходимо прочесть школьнику.

Педагоги как носители высокой петербургско-ленинградской культуры

Историк педагогики А. В. Овчинников пишет о возрастном кризисе учительства в военный период[103]. Действительно, по статистике

[102] *Сидоренко В.* Негаснущий «Костер» нашей Победы: обзор журнала «Костер» (июнь 1941 г. — январь 1944 г.). URL: https://183spb.edusite.ru/uploads/files/obzor.pdf

[103] *Овчинников А. В.* Реализация государственной политики в отношении учительства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Проблемы и перспективы развития современного

бóльшую часть педагогического состава в блокадном Ленинграде составляли женщины, как правило, со значительным стажем работы. Например, в 1943 году среди работников школ Фрунзенского района их было 92% (122 из 133 чел.). Практически половина педагогов имела среднее общее или среднее специальное педагогическое образование. Сравнительно мало осталось членов ВКП(б) и комсомольцев, которые в основном ушли на фронт[104]. В. Цивин вспоминает, что в 321-й школе в 1944 году первое время у них преподавали одни женщины: «Все они были немолодые и в большинстве своем очень опытные учителя, с многолетним стажем. Были и такие, которые работали еще в дореволюционной гимназии». Подробные характеристики педагогических коллективов Первой образцовой школы Петроградского района и 321-й школы представлены в воспоминаниях учительницы истории М. Ю. Поволоцкой, а также в записках выпускников 321-й школы 1950 года[105].

Некоторые из педагогов, имена которых упоминаются в этом издании, получили прекрасное образование до революции, например А. С. Шарков, С. Н. Саговская. Кому-то даже посчастливилось стажироваться за границей. Кто-то учился уже в период Гражданской войны. Так или иначе, в блокадных школах оставались специалисты, непосредственно знакомые с научно-методическим наследием дореволюционной школы и лучшими образцами педагогической деятельности 1920–1930-х годов, люди широкого кругозора и разносторонних интересов. Среди них встречались профессора (Л. А. Александров), преподаватели вузов (П. Ю. Германович, И. А. Гиттис), известные методисты (Н. В. Андреевская, К. Н. Елизаров). В глазах родителей и учащихся это были «*учителя хорошей старой закалки*».

С. В. Магаева характеризует данное поколение преподавателей как «надежное содружество педагогов, сохранивших традиции дореволюционной российской педагогики — безукоризненную порядочность, честь и достоинство, уважение и сочувствие к детям». На их фоне когорта молодых учителей, получивших педагогическое образование на рубеже 1920–1930-х годов, чувствовала недостаточность своей предметной и методической подготовки и старалась постоянно повышать квалификацию. Об этом увлеченно пишет историк М. Ю. Поволоцкая (*Приложение III-15.3*. «Воспоминания ленинградской учительницы»).

К сожалению, многие из пожилых опытных педагогов погибали в первую очередь. Софья Болдырева (Маретина) вспоминает, как, прозанимавшись с ними месяца два, умерла от дистрофии старенькая учительница литературы Ольга Владимировна. Вера Николаевна Вологдина, в блокаду учившаяся в школе № 252, рассказала о трагической гибели в одну из ночных бомбежек учительницы русского языка и литературы О. К. Бондаревой, начавшей педагогический путь в гимназии Императорского Человеколюбивого общества. После революции она осталась работать в гимназии, преобразованной в школу, жила в дворовом флигеле, семьи не было. «В одну из ночей, когда вокруг все сотрясалось и пылало, Ольга Константиновна, видимо, желая куда-нибудь укрыться, выбежала на лестницу и... шагнула в разбитое, распахнутое настежь окно третьего этажа, приняв его за дверь»[106].

Но в целом голод и смерть не интересовались возрастом учителей. Зинаида Аркадьевна Федюшина (Иткина) помнит, как «в бомбоубежище на Владимирском проспекте, дом 8, в декабре 1941 года какое-то время приходил молодой, худой и очень бледный человек в шапке-ушанке. Он сказал детям: “Садитесь, будем учиться”. В одной из комнат был длинный стол, и мы сидели, занимались по 5–6 часов, даже после отбоя тревоги. Ходили мы к этому учителю дней 10, потом его не было 2–3 дня. Сказали, что в январе 1942 года наш учитель умер».

Георгий Михайлович Калинин рассказал, как учительница Екатерина Степановна Рыжова в тяжелейшее время собрала своих учеников, обойдя сама темные глухие подъезды домов, и, единственная из преподавателей, занималась с ними в пустой промерзшей школе № 26 Петроградского района. Она умерла в середине декабря 41 года, до последнего вздоха исполняя то, что считала своим долгом, в чем видела свое призвание[107].

Миша Тихомиров 24 декабря 1941 года записал в дневнике: «Сегодня узнали в школе о смерти учителя черчения. Это вторая жертва голода... Уже не ходит в школу преподавательница литературы. Папа говорит, что это следующий кандидат. Многие учителя еле-еле ходят».

образования в контексте его историко-педагогической интерпретации. СПб., 2020. С. 108–111.

104 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 600. Сведения о работниках школ Фрунзенского района в 1943 году.

105 *Цыпин В.* Воспоминания о 321-й Ленинградской школе. URL: https://proza.ru/2010/12/24/1024

106 Слово детям блокады. 1941–1943. Софья Маретина. С. 277. URL: https://www.kunstkamera.ru/images/history/65/pdf/1941_1945_04.pdf

107 Страшные были дни. Воспоминания очевидцев о ленинградской блокаде. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2014/01/a_5864797.shtml

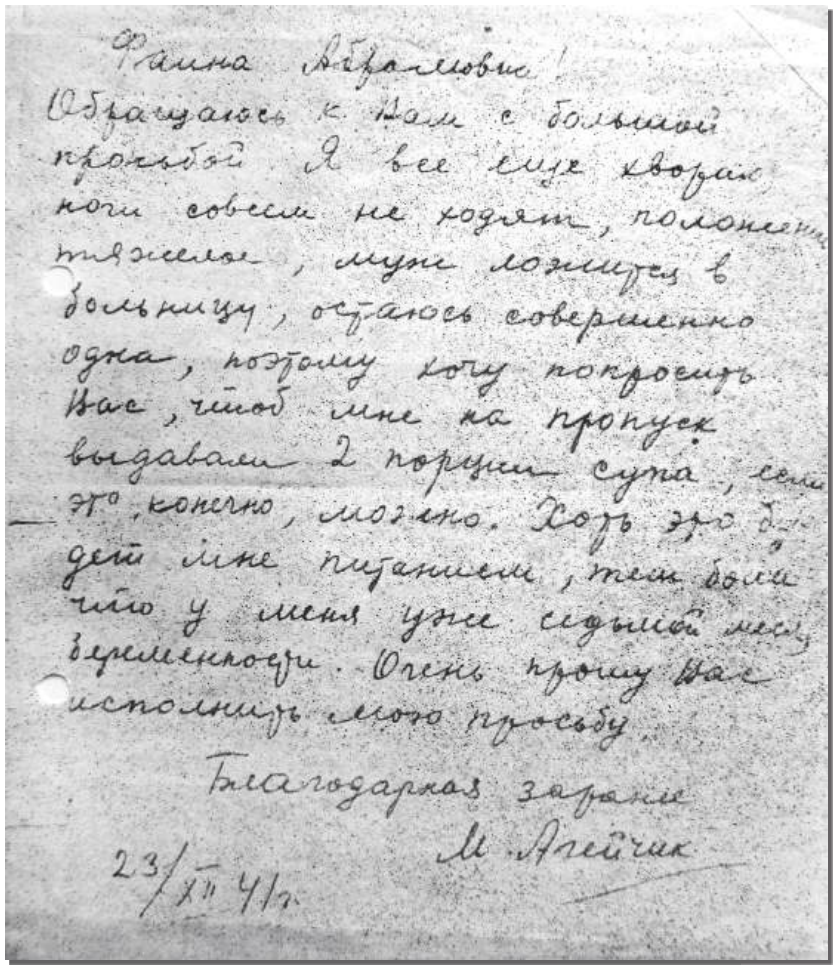

Раиса Абрамовна!
Обращаюсь к Вам с большой
просьбой. Я все еще хвораю
ноги совсем не ходят, положение
тяжелое, меня ложится в
больницу, остаюсь совершенно
одна, поэтому хочу попросить
Вас, чтоб мне на пропуск
выдавали 2 порции супа, если
это, конечно, можно. Хоть это бы
дней мне питанием, так боюсь
что у меня уже седьмой месяц
беременности. Очень прошу Вас
исполнить мою просьбу.
Благодарная заранее
М. Агейчик
23/XII 41 г.

Рис. 10. Записка учительницы 222-й школы Марии Агейчик

На *рис. 10* представлена последняя записка учительницы начальных классов 222-й школы Марии Агейчик. В феврале 1942 года она родила дочку, обе сразу умерли[108].

Из-за нехватки учителей в первую блокадную зиму занятия в действующих школах были нерегулярными. Людмила Левизи вспоминает: «Пришли мы как-то утром в школу, а нам говорят: не приходите больше, некому вести уроки. Я поняла, что единственный учитель, который вел в школе уроки, умер. Если не ошибаюсь, его фамилия была Козлов, до войны он преподавал физику в старших классах»[109]. Замену умершим педагогам находили с трудом. По словам Т. К. Шафрановской, в школе на 8 линии Васильевского острова за зиму 1941/42 года сменилось семь учителей физики. В материалах проверок РОНО фиксировалось, что из-за болезни учителей занятия проходят не по расписанию, а учителя, замещающие больных, проводят занятия недостаточно подготовленными.

Стоит заметить, что число учителей сократилось и еще по одной причине. Перед самой войной и в ее начале педагогов, пусть и работающих творчески, любимых детьми, но носящих «подозрительные» фамилии, могли забрать прямо с урока. Два таких случая, связанных с учительницами начальных классов Августой Алексеевной Тимме и Елизаветой Матвеевной Коц, приводится в книгах С. Магаевой. Речь идет о средней школе № 1 на 22 линии В. О.

> Моя первая учительница (А. Тимме) <...> ушла от нас в первый же день нашего знакомства. Она едва успела рассадить своих первоклассников по партам и начать урок, как распахнулась дверь классной комнаты, и вошли какие-то люди в военной форме... Она безропотно пошла за ними, беспомощно улыбаясь[110]. Что-то страшное повисло над нами и испугало беспечальное детство. Взволнованный директор школы срывающимся

[108] Скан документа предоставлен директором Музея истории Петришуле И. Б. Ермиловой, подлинник хранится в музее.

[109] *Левизи Л. Л.* Незабываемое // Из истории Кунсткамеры. 1941–1945. С. 246.

[110] А. А. Тимме реабилитирована посмертно в связи с отсутствием вины.

голосом пролепетал, что Августа Алексеевна оказалась... «врагом народа». Он сказал, что мы должны забыть ее, как будто ее и не было.

В какой-то момент и Елизавета Матвеевна Коц не пришла в школу, ее «куда-то вызывали <...> по поводу иностранной фамилии». По той же причине в период 1937–1942 гг. пострадало немало старейших и опытных преподавателей немецких школ, в частности № 222 и 252[111]. Случались немыслимые по жизненному и педагогическому трагизму ситуации. Так, Виктору Торкановскому, работавшему переводчиком в системе НКВД, в ноябре 1941 года пришлось участвовать в аресте Г. Ю. Герман, учительницы немецкого языка, которая когда-то его этому языку научила. Он с болью помнил это до конца жизни[112].

В блокадные школы после ранения направлялись молодые педагоги-мужчины. Семиклассница Галя Зимницкая 11 и 14 ноября 1941 года писала в дневнике:

> К нам в школу пришел новый учитель истории Павел Петрович, совсем молодой парень. Ходит он, опираясь на палку. На гимнастерке у него медаль «За отвагу». Мы очень полюбили нашего нового учителя. Павел Петрович приходит в школу раньше всех и разжигает в классах печи. На своем уроке он садится за первую парту к нам лицом и увлекательно рассказывает о разных исторических событиях. Голос у Павла Петровича негромкий, но очень приятный, с хорошей дикцией. Когда он улыбается, то кажется совсем юным.

Но буквально через три дня, 17 ноября. появляется запись о том, что во время зенитного обстрела «тяжело ранило нашего Павла Петровича», который «стоял на дороге и подгонял детей в укрытие»[113].

Сквозь строки воспоминаний, записок, отчетов, планов сквозят типичные черты, характеризующие педагогов блокадного города. Это самоотверженность, стойкость, забота о детях, преданность профессии, требовательность к себе, патриотизм. Обращает на себя внимание *общность эмоциональной окраски* переживаний по поводу одних и тех же событий, связанных с профессиональной жизнью. В частности, победа над страхом перед лицом ответственности за будущее, доверенное в лице детей. Что как не чувство долга помогало ослабевшим от голода учителям в лютый мороз, преодолевая пешком многие километры, «дойти до школы!», каких бы усилий это ни стоило.

Лето 1942 года. Ленинградский фронт. Майор Е. А. Чудаков, до войны заведующий отделом народного образования Фрунзенского района, на танке КВ-1[114]

Алексей Иванович Винокуров, во время блокады работавший учителем географии в средних школах № 5 и № 72 Петроградского района[115], решил измерить по карте путь, который он ежедневно проходил от дома (2-я Советская ул., д. 15) до работы. Оказалось, дорога равна 6 километрам только в одну сторону[116]. Словесница С. Н. Саговская, жившая на Петровском острове в Приморском р-не и работавшая на улице Ткачей в Володарском, проходила до школы расстояние около 10 километров. Путь Марии Анисимовны Молчановой (291-я школа) пролегал с Васильевского острова до Обводного канала. Кто-то из ленинградских учителей шел пешком с Ропшинской на Пряжку; кто-то от Технологического института на Выборгскую сторону, или от Саперного переулка к Московской заставе, или зимой с Большой Охты перебирался по льду через Неву. Валерий Григоров, преподававший химию и физику в 110-й школе и в школе фабрично-заводского ученичества при «Красном Выборжце», каждый день проходил 10 километров по железной дороге от Озерков

---

111 См.: Внуки святого Петра. URL: https://www.youtube.com/watch?v=g2J9Wz80_U8 (фильм, снятый учениками, выпускниками и учителями школы № 222 Петришуле).

112 Блокада. Свидетельства о ленинградской блокаде: Хрестоматия / Сост. Полина Барскова. М.: Фонд «Культура детства», 2017. С. 255.

113 *Зимницкая Г. К.* Блокадные будни. (Дневник ленинградской девочки). URL: https://www.molodguard.ru/heroes2028.htm

114 Воспроизводится по: URL: http://allpetrischule-spb.org/index.php?title=Файл:1942_1_fix.jpg

115 Один из преподавателей, репрессированных в годы блокады.

116 *Винокуров А. И.* URL: https://prozhito.org/person/24

до Финляндского вокзала и далее. В январе 1942 слег, в феврале умер от голода.

Общность настроя и нравственных позиций жителей Ленинграда формировала особое психологическое поле. Его энергетика и сила духа поныне чувствуются при общении со свидетелями блокады. Яркий пример тому Надежда Васильевна Строгонова, отметившая в сентябре 2020 года свой столетний юбилей. Придя в школу перед войной, она всю блокаду проработала учителем начальных классов в школе № 161 на 6-й Советской. После преобразования школы в детский дом № 28 осталась там воспитателем. О секрете своего долголетия говорит: «Оптимизм, бесконечное движение и любовь к своей профессии»[117].

Стойко перенося все бытовые тяготы, которые испытывали жители осажденного Ленинграда, педагоги справлялись с многочисленными не свойственными им ранее профессиональными обязанностями. Плюс к этому на их плечах оставалась забота о своей семье, своих детях. Личностное пространство педагога, проступающее сквозь строки воспоминаний, воспринимается как удивительный оазис человечности.

Т. Моторина, учительница истории и Конституции женской школы № 143 Калининского района, цитирует слова К. Д. Ушинского: «Воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности». Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить личности в деле воспитания. Перенеся в XXI век память о первой блокадной учительнице, успевшей поседеть в свои 19 лет, Мария Ильина пишет: «Наше горе было ее горем, а о своем она никому не говорила». Время показало, что именно личностные проявления учителя как человека, который «может вместе с детьми горевать и радоваться», запечатлевались в памяти учащихся блокадного периода и вспоминались через многие годы.

> М. П. Ивашкевич в ответ на жалобы детей про уменьшение пайка до 125 грамм рассказала им о своей жизни в Петрограде в 1918–1919 гг., когда хлеб заменяла восьмушка овса, и этого оказалось достаточно, чтобы выжить. И добавила: «Прошло с тех пор больше 20 лет, а чудодейственный овес не терял для меня своей силы: я и сейчас любой воз свезу... школьный, разумеется».

> После того как блокадной зимой на уроке черчения замерзшие ученики демонстративно прекратили работу, учитель Виктор Владимирович Верещагин вспомнил, как в девятнадцатом году ветер свистал из одного окна в другое, в желудках урчало от голода, но никто из учеников изостудии не хныкал, не отказывался учиться. И задал классу вопрос: «А вы? Неужели вы, завтрашние бойцы нашей армии, позорно сдадитесь перед препятствиями? Не может быть!..» И урок возобновился, головы ребят склонились над бумагой, в руках заблестели циркули и рейсфедеры[118].
>
> Тамара Васильевна Брынская вспоминает, как в учительницу географии, высокую, худую, на которой шуба висела как на вешалке, мальчишка на уроке выстрелил из рогатки комком бумажки. Она обернулась, посмотрела и ничего не сказала. На перемене ребята его побили...

Между педагогами и ребятами нередко складывались отношения взаимного доверия и поддержки. Рисуя на конкретном примере портрет советской учительницы военного времени, директор ЛГИУУ Л. Е. Раскин приводит такие факты. «Тринадцатилетняя Рая Разумова не умеет мыть полы, и учительница истории идет к ней на квартиру, дает ей предметный урок: она показывает, как нужно смачивать тряпку, как выжимать ее. Нина Жизневская не умеет стирать и пилить дрова. Александра Николаевна показывает ей приемы стирки, а затем вместе с девочкой пилит дрова»[119].

Трогательно воспринимаются сегодня блокадные знаки внимания и заботы со стороны школьников: суконные рукавички в подарок, стремление погладить учительницу по рукаву, сахарный песок в коробочке, бутылочка с морсом или чудом собранный огромный букет, который едва умещался в руках учительницы, вызывая изумление у встречных изможденных голодом ленинградцев.

Несколько наивным, но по-девичьи искренним и вполне в духе времени выглядит желание ученицы Лены Мухиной, мечтающей жить, как учил Ленин, обращенное к одному из учителей:

> ...Я бы хотела, чтоб он начал бы нас перевоспитывать, и добрался бы до наших душ, и мы бы стали советскими школьниками, коммунистами в душе <...> чтобы он изжил из нас всю обывательщину, чтобы мы пошли

---

[117] *Артеменко Г.* «Малый блокадный радиус» Нади Быстровой. URL: https://mr-7.ru/articles/207700/

[118] Эпизод рассказан пионервожатой 114-й школы Тульской.

[119] *Раскин Л. Е.* Советская учительница. Л.: Ленингр. газетно-журн. и кн. изд-во, 1943. С. 22.

Рис. 11. Обложка книги Л. Е. Раскина, рассказывающей о биографии учительницы Александры Николаевны Мироновой, в 1943 году награжденной медалью «За оборону Ленинграда»

с ним слушать симфонию, чтобы у нас открылись глаза на весь мир... И чтоб каждый из нас твердо решил прожить свою жизнь по-настоящему[120].

Что в первую очередь ценили в блокаду школьники в своих учителях? Ответственность, любовь к детям, героизм, искреннюю веру в то, что несмотря ни на что идеи гуманизма победят; умение внушить эту веру своим ученикам: «Высокую планку доброго, одухотворенного проникновения в жизнь, живительное общение» (Н. В. Мансветова). При этом не стоит думать, что на фоне блокады образы всех педагогов воспринимались ребятами идеализированно. Когда в одной из школ на замену прислали учительницу литературы, добросовестно зачитавшую главу из учебника, а потом потребовавшую такого же досконального изложения учебника от учащихся, они возмутились. «Что тут поднялось, — через много лет вспоминает В. Н. Вологдина. — Нам всем поставили двойки за поведение. Но мы не сдались, дружно всем классом в следующий раз “промотали” урок литературы...»[121]

Лучшие педагоги учили ценить все доброе и прекрасное, давая уроки, которые не укладывались в казенные рамки школьной программы. Доктор медицинских наук С. Б. Тихвинский в интервью говорил: «Я часто вспоминаю своих учителей. Через годы осознаешь — как много нам дала школа. Педагоги приглашали к нам известных ученых, которые выступали с докладами. В старших классах занимались не только по школьным, но и по вузовским учебникам. Мы выпускали рукописные литературные журналы, в которых дети помещали свои стихи, рассказы, скетчи, пародии. Проводились конкурсы рисунков. В школе было всегда интересно. Так что никакие обстрелы нас остановить не могли. Мы проводили в школе все свои дни»[122].

Выпускники 8-го класса 209-й школы 1941 года десятилетиями, до самой смерти хранили в памяти имена учителей, благородный труд которых «стал надежным стартом» в их жизни. На страницах биографического очерка, написанного в конце жизненного пути, доктор медицинских наук Г. Н. Бурыкина перечисляет «мудрых и талантливых педагогов: классного руководителя, географа Елизавету Яковлевну Бронзову, физика Сергея Сергеевича Молодецкого, русиста Лидию Матвеевну Цыпленкину, математика и директора Георгия Виссарионовича Воробьева, павшего жертвой войны». Стихотворение ее соученика, поэта Германа Гоппе, посвященное «*светлой памяти С. С. Эфрусси,*

[120] Блокадный дневник Лены Мухиной. URL: https://www.litmir.me/br/?b=154711&p=22

[121] *Вологдина В. Н.* Наравне со взрослыми // Слово детям блокады. 1941–1945. С. 291. URL: https://www.kunstkamera.ru/images/history/65/pdf/1941_1945_04.pdf

[122] Каждое утро мы с мамой прощались: Из воспоминаний детей, переживших ленинградскую блокаду. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/kazhdoje_utro_my_s_mamoj_proshhalis_2011-09-27.htm

нашего учителя истории», звучит грустным воспоминанием о довоенной инсценировке событий войны 1812 года, где вместе с одноклассниками они играли солдат и генералов, не ведая, что скоро придется надеть настоящие шинели.

Наш учитель истории выбрал прекрасную пьесу,
С головой мы ушли в знаменитый двенадцатый год.
И не знали пока, как умеет охотиться «мессер»...
Моего «генерала» он нынешним летом убьет...[123]

В интервью Европейскому университету прозвучал рассказ о мужественном поведении учительницы 321-й школы Раисы Соломоновны Зусмановской в ходе обстрела, прервавшего ее урок. Раненная осколками оконного стекла, она постаралась скрыть это, чтобы не тревожить своих учеников. Только в бомбоубежище мальчики увидели, что вся ее правая рука залита кровью...[124]

Героизм воспитателей, учителей, методистов, руководителей школ не возникал на пустом месте. Чтобы уберечь детские жизни, чтобы учить и воспитывать в нечеловеческих условиях, когда физические силы отказывают, нужно было иметь огромный внутренний ресурс, духовный потенциал, накопленный в предшествующие довоенные годы. Одна из учительниц вспоминает, как «радовалась тому, что специальность словесника заставила в свое время много читать, многим интересоваться, многое запомнить. Сколько раз образы, мысли, чувства, впечатления, терпеливо накапливаемые в течение долгих лет, помогали <...> в трудную минуту овладеть вниманием детей, заинтересовать их, завоевать их доверие, возбудить в них нужные эмоции». Характерно признание опытной преподавательницы литературы: в стремлении вызвать на уроке определенное эмоциональное состояние учащихся иногда ей было жаль портить впечатление от рассказа детальным анализом содержания.

В ходе описаний своих занятий учителями-предметниками вскользь упоминаются названия книг, фамилии, которые могут остаться незамеченными современным читателем на фоне общего трагического впечатления от блокадной действительности. Решив выяснить, *что* стоит за некоторыми такими упоминаниями, мы обнаружили ряд интереснейших моментов, дополняющих картину преподавательской работы в невероятных условиях и во многом объясняющих ее позитивные результаты. Прежде всего, это высочайший культурный уровень ленинградских педагогов, их устойчивая приверженность гуманистическим традициям европейской и отечественной педагогики, начиная с дореволюционных времен.

Об этом свидетельствует множество культурных аллюзий, рассыпанных по страницам блокадных воспоминаний и понятных далеко не каждому современному учителю. Например, при описании воздушной тревоги между строк возникает мимолетная отсылка к стихотворению «Псовая охота» Н. А. Некрасова: «Мы услышали ласкающую музыку отбоя. “*Что твой Россини? Что твой Бетховен*?”» Удивительная профессиональная эрудиция учителей-словесников обнаруживалась в многочасовых устных пересказах отрывков из литературных произведений в бомбоубежище, в уличной щели-укрытии, в каморке перед столовой в ожидании обеда, в спальне после рабочего дня в поле, прямо на грядках во время прополки.

Поражает необычайная начитанность, профессиональная память и исторический диапазон сюжетов и персонажей, предлагаемых детям. Здесь народные сказки, авторские сказки Л. Толстого, Г.-Х. Андерсена. Пекопен и Больдур из «Легенды веков» В. Гюго, «Пер Гюнт» Ибсена, «Фауст» Гёте; герои произведений Гофмана и Мериме; ныне забытый, но весьма популярный до революции новеллист В. Гауф; Э. Лабулэ с его сказкой «Пиф-паф, или Искусство управлять людьми». Учителя вспоминают, что после длительных рассказов испытывали «утомление актера, удачно справившегося с трудной ролью» (В. А. Беер). И, вероятно, вслед за французом Лабулэ они вправе были сказать: «Во дни нашей молодости волшебные сказки занимали важное место в воспитании. Оттуда черпало наше поколение те твердые убеждения, которые не могли поколебать ни жизнь, ни перевороты»[125].

О противоречиях в педагогическом мировоззрении

Ведущий специалист по истории педагогики, член-корреспондент Российской академии образования М. В. Богуславский в одном из интервью заметил: «Можно условно сказать, что в Великой Отечественной войне победил советский десятиклассник. Юноша, заканчивающий школу, имел такой технический и политический уровень подготовки, что ему хватало 3 месяцев офицерских

---

123 *Гоппе Герман.* Мы все равно виновны. Л., 1991. С. 284.

124 Память о блокаде. С. 15. URL: https://www.rulit.me/books/pamyat-o-blokade-read-499064-4.html

125 Цит. по: URL: https://vk.com/wall191539885_6475

курсов, и в 18 лет он был готов командовать взводом, а затем и ротой, и батальоном»[126].

Действительно, советская школа с начала 1930-х годов из трудовой школы последовательно превращалась в школу знаний[127]. В силу этого содержание образования, которое осваивали школьники в годы блокады, отличалось научностью и обилием конкретных фактов. Вместе с тем оно было пропитано коммунистической идеологией. Это явственно прослеживается в тематике уроков, в текстах отчетов и воспоминаний, рассчитанных на публичное прочтение. Тем не менее педагог блокадного города не должен восприниматься только как послушный государев слуга, «ведущий ребенка», куда ему велено[128]. В первую очередь это был подвижник, спасающий детство, осознанный участник созидания для своих подопечных иной, наполненной светлыми мыслями и делами действительности на фоне тотального расчеловечивания жизни.

Безусловно, в работе учителей блокадного Ленинграда преобладала ярко выраженная военно-патриотическая составляющая, что подтверждает тематика сочинений («За что я ненавижу фашистов»), пионерских сборов («Народные мстители», «Страна помогает фронту»), бесед с учащимися. Темы уроков, записанные в дневниках: *Песня о Сталине* (литература), *Накануне революции*; *Будем на страже* (история)[129]. Следует понимать, что в большинстве случаев в этом отражалась искренняя педагогическая позиция. Один из показательных примеров — раздумья учительницы о методике проведения первого занятия в 1944 году на основе анализа плаката «Приказ Сталина — приказ Родины!» (*Приложение III-15.2*. «Незабываемые дни»).

Некоторые факты, которые сквозь годы сохранили в памяти блокадные подростки, идут вразрез с мнением о тотальной идеологизации сознания и деятельности советского учителя в военный период. Так, ученицы 252-й школы с особой благодарностью вспоминали преподавательницу русского языка и литературы Надежду Николаевну Брюллову. Рассказывая об эпохе, в которой жил и творил тот или иной писатель, поэт, она нередко упоминала и его окружение, куда входили авторы, о которых школьная программа предпочитала умалчивать. О многом говорит список книг, рекомендованных учащимся 6-го класса школы № 367 учительницей А. А. Знаменской для подготовки докладов по теме «Военный быт рыцарского общества» (1942/43 уч. г.). Сюда включены:

- Дореволюционное пособие Н. Г. Тарасова и С. П. Моравского по европейской медиевистике.
- Дореволюционное издание книги Иванова К. А. «Средневековый замок и его обитатели», в предисловии к которой говорится, что при написании были использованы лучшие иностранные монографии, относящиеся к данному вопросу, в частности: Gautier и Schultz'a, мемуары Sainte-Palaye, превосходное издание Lacroix, лекции Fauriel'я, монографии Kottenkamp'a и von der Hagen'a.
- «Хрестоматия по истории средних веков» доктора исторических наук, зав. кафедрами в двух московских педагогических институтах Николая Павловича Грацианского. Трехтомный труд, опубликованный в 1938–1939 гг.
- Книга Е. А. Разина «История военного искусства», которая до сих пор считается классикой истории военного дела.
- Очерки истории техники докапиталистических формаций. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 462 с. Под общей редакцией академика Владимира Федоровича Миткевича, ученого-электротехника, академика Академии наук СССР, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, лауреата Сталинской премии.
- Песнь о Роланде. По оксфордскому тексту перевод со старо-французского. Вступительная статья и примечания Б. И. Ярхо, известного филолога-медиевиста.
- О. Д. Дрожжин. «Удар и защита» с подзаголовком «От стрелы и щита до танка».

Следует пояснить, что тема рыцарства рассматривалась в советской школе с позиций марксистско-ленинского понимания истории. Это делалось «в противовес фашистской идеализации грубой воинственности средневековых рыцарей, их беспощадности к побежденным как проявлению истинного "нордического", "германского" духа; прославлению жестокости,

---

126 Из интервью с чл.- корр. РАО М. В. Богуславским. URL: http://kolokolrussia.ru/obrazovanie/boguslavskiy-plan-vasilevoy-shoji-s-kontrreformami-obrazovaniya-stalina

127 См.: *Богуславский М. В.* Проблемы реформирования российского образования (историко-педагогический контекст) // Проблемы современного образования. 2010. № 1. С. 41. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-reformirovaniya-rossiyskogo-obrazovaniya-istoriko-pedagogicheskiy-kontekst

128 Понятие «педагог» (ведущий ребенка) в Древней Греции относилось к рабу или слуге, сопровождавшему детей в школу.

129 Из записей в школьном дневнике ученицы 4-го класса Зины Иткиной.

Рис. 12. Обложки книг из списка литературы для 6-го класса

казней и пыток»[130]. В Методических указаниях по преподаванию истории в школах в годы войны говорилось: «Учитель призван “подчеркнуть в средних веках процесс постепенного освобождения человека от слепого подчинения силам природы, от власти церкви и суеверия, рабской зависимости от господ, показать, что фашисты желают взять и берут у прошлого все самое темное, жуткое, жестокое”»[131].

На этом фоне не могут не вызывать профессионального изумления два момента. Во-первых, целенаправленное приобщение учащихся-подростков к весьма серьезным историческим и литературным источникам и обеспечение доступа к ним в блокадных условиях. Тем самым стремление к развитию у школьников научных интересов даже в ситуации физического выживания. Во-вторых, использование работ ученых с позицией, на тот момент «идеологически неоднозначной». Так, автор одного из рекомендованных изданий, полковник Е. Разин в 1940 году критиковался преподавателями военной истории за то, что недостаточно показал роль В. И. Ленина и И. В. Сталина в разоблачении «буржуазных теорий о сущности войн», а также поставил полководцев Красной Армии в один ряд с дореволюционными. Филолог и переводчик Б. И. Ярхо вместе с группой московской интеллигенции в 1935 году был арестован по «делу о Большом немецко-русском словаре» и с 1940 года находился в ссылке. Безусловно, привлечение внимания учащихся к книгам этих авторов свидетельствует о смелости и самостоятельности профессиональной позиции школьного учителя-историка.

Не менее поразителен научный уровень авторов, участвовавших в военное время в подготовке методических указаний для учителей. Это ведущие ученые-историки страны с мировым именем, получившие университетское образование до революции.

Всеволод Игоревич Авдиев — известный советский востоковед и египтолог, окончил классическую гимназию, в совершенстве владел немецким, французским и английским языками, изучал санскрит, латынь, древнегреческий и древнеегипетский языки, доктор исторических наук (1943), профессор (1944)[132].

Евгений Алексеевич Косминский, в 1909 году стажировался в Гейдельбергском университете; работал в библиотеках и архивах Англии. В 1928 г. участник VI Международного конгресса историков в Осло. Доктор исторических наук (1936), профессор, член-корреспондент АН СССР (1939), лауреат Государственной премии СССР (1942)[133].

130 Как преподавали Всемирную историю в годы ВОВ. URL: https://belayaistoriya.mirtesen.ru/blog/43752826892/Kak-prepodavali-Vsemirnuyu-istoriyu-v-godyi-v-VOV

131 Преподавание всеобщей истории в средней школе в дни Отечественной войны против германского фашизма. URL: https://prorivists.org/inf_his1945/

132 Преподавание всеобщей истории в средней школе в дни Отечественной войны против германского фашизма. История древнего мира // Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 122–124; Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны: Методическое пособие для учителей средней школы. УзССР, 1942.

133 Средние века в изображении германских расистов // Против фашистской фальсификации истории: Сб. статей / Академия наук СССР,

Алексей Владимирович Ефимов, из дворянской семьи, советский ученый-американист, заведующий кафедрой новой и новейшей истории и декан исторического факультета МГУ (1941–1943), доктор исторических наук (1938), профессор, член-корреспондент Академии наук СССР (28.01.1939), лауреат Сталинской премии I степени (1942). Автор многократно переиздававшегося учебника для средней школы «Новая история (1640–1870)».

Возможно, именно за счет привлечения специалистов подобного уровня к формированию содержания школьного обучения воспитание ненависти к врагам-захватчикам не повлекло за собой отказа от знакомства с лучшими образцами классической немецкой культуры, представленными в творчестве Гёте и Гофмана; с достопримечательностями Германии, такими как Кельнский собор, Дрезден с его картинными галереями. В упомянутых методических указаниях подчеркивалось: «В Советской стране, которая воюет не с немецким народом, а с фашистами и с интервентами, вторгшимися на нашу землю, высоко чтят всех великих деятелей человечества. Имена Гёте, Канта, Гегеля, Бетховена чтит каждый гражданин Советского Союза. <...> Величайшее уважение к культуре и ее представителям проявлял Карл Маркс! Каким страстным поборником прогресса, демократии был больной, прикованный к постели Генрих Гейне!»

Воспоминания учительницы словесности М. П. Ивашкевич, помещенные в *Приложении III-15.2,* озаглавлены «*Продолжаю прерванную традицию трубадуров и менестрелей*». В привлечении педагогом цитаты В. Маяковского сегодня прочитывается некий подтекст, заложенный сознательно или подсознательно. Как известно, трубадуры были *свободными* певцами-странниками, сочинявшими и исполнявшими музыку по собственному усмотрению. В то время как менестрели, профессиональные музыканты и поэты, *состояли на службе* у феодалов, вынужденно выполняя заказы своих хозяев.

В этом плане интересно сопоставить сугубо гуманистическую направленность рассказа М. П. Ивашкевич о своем опыте преподавания литературы, наполненном искренним интересом и любовью к учащимся, с жесткостью ее позиции относительно трудовой дисциплины школьников в совхозе, которая прослеживается в другой ее статье[134]. Там оправдывается невозможность для педагога отпустить блокадных подростков за полчаса до окончания работы и разрешить им подкармливаться на соседнем поле, где растет брюква. Обосновывая свои действия, которые некоторым коллегам казались безжалостными, учительница пишет, что в военную пору начинает говорить «другая жалость», обусловленная жертвенностью во имя Победы. По ее убеждению, «не желая, чтобы наших девочек и мальчиков увозили в гитлеровскую Германию и продавали на невольничьих рынках, чтобы их морили голодом и травили собаками на немецких фермах», педагоги должны всегда быть требовательными, когда дело касается военной дисциплины. Цитируя статью М. П. Ивашкевич в качестве примера трансформации представлений о морали в условиях блокады, С. В. Яров пишет о трагической неизбежности педагогического выбора: «или пожалеть сейчас и создать угрозу для жизни в будущем, или проявить жестокость, которая в конечном счете обернется спасением»[135].

Двойственность позиции думающего человека относительно блокадных событий обнаружилась спустя много лет после окончания войны благодаря «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина, дневникам поэтессы Ольги Берггольц, заметкам сотрудницы Публичной библиотеки Марии Машковой, шокирующим фотоснимкам Владимира Никитина[136]. Безусловно, и среди педагогов в то время оставались те, кто, осознавая жесткую зависимость от официальной линии, старался по возможности сохранять внутреннюю свободу мыслей, как К. В. Ползикова-Рубец, относившая «боязнь подумать по-своему» к общему несчастью. Некоторые довольно откровенные и смелые для своего времени суждения, зафиксированные в личных записках, говорят о сохранении способности критически оценивать действия коллег и даже вышестоящих органов.

> Ничего конкретного в своем докладе не сказала. Лепет, взгляд и нечто человека, не знающего вообще школу и плохо себе представляющего школу наших дней. <...>

Институт истории; ред. Ф. И. Нотович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 455 с.; Фашистская фальсификация истории средних веков // Исторический журнал. 1942. № 9. С. 40–49.

134 *Ивашкевич М. П.* Замечательные помощники // В осажденном Ленинграде: Воспоминания участников обороны Ленинграда, воинов и тружеников Октябрьского района. СПб., 1993. С. 114–115.

135 *Яров С.* Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. // ЛитМир — Электронная Библиотека. С. 37. URL: https://www.litmir.me/br/?b=162612&p=37

136 *Никитин В.* Неизвестная блокада. Путь к победе. Ленинград 1941–1944, издания 2009 и 2013 гг.

Сделали, что смогли, но мешали всякие комиссии. Как из рога изобилия, сыплются весной циркуляры РОНО. Что за всем этим? Глупость, вредительство? Что бы это ни было, школе это вредно, потому что мешает директору и завучу вести учебно-воспитательную работу (К. Ползикова-Рубец).

Часто приходилось сталкиваться с неправильными попытками руководителей школ, а таже представителей военных комиссариатов укреплять общешкольную дисциплину, механически перенося приемы и формы дисциплинированности, принятые на уроках военного обучения, на другие предметы, на весь режим школьной жизни (Л. Е. Раскин).

Среди педагогов, воспитывавшихся в дореволюционное время, было немало таких, кто с детства приобщился к религии и в советское время продолжал тайно хранить в душе веру. Некоторые даже осмеливались говорить ученикам: «Не спешите решать для себя отношение к религии. Наука не может доказать, что Бога нет, Церковь не может доказать, что Бог есть. А сам Бог не считает нужным вам являться в каком-то образе. Подождите, с возрастом ваше мнение может измениться». К числу таких учителей относилась Павла Дмитриевна Магаева, преподававшая биологию в школах Васильевского острова в 1920–1950-е годы. Будучи с детства православной верующей, она всю жизнь бережно хранила маленькую икону Божией Матери с Младенцем, подаренную матерью[137].

Клавдия Андреевна Семенова (1888–1972), в блокадные дни работавшая учительницей младших классов в 216-й и 217-й школах, была глубоко верующим человеком, увлекалась музыкой и театром. Об этом свидетельствуют записи в ее дневнике, датированные 1942/43 годами (орфография и пунктуация сохранены).

29.03.1942 г. — В 6 ч. утра арт. обстрел — по радио сообщили. В 7 час. Пошла в церковь. Много народу. Исповедь общая. Причастилась св. Тайн. Слава Богу!.. Сегодня Вербное Воскресенье. Слушаю по радио хорошую передачу. Чилийская песня на гавайской гитаре, Лемешев.

2 апреля 1942 г. — Страстной Четверг. Днем работала. В 4 часа пошла к стоянию. Пришла читали I-е Евангелие. Прослушала все 12 Евангелей. Выйдя из церкви Св. Николая — начался сильный арт. обстрел. Идти было страшно. Дома зажгла лампадку — стало спокойно.

5 апреля 1942 г. — Пасха Господня сегодня. Одинокая Пасха. В половине 7-го утра пошла в церковь. Простояла обедню. Христос Воскресе![138]

Педагогам, ушедшим на фронт, довелось познакомиться с укладом жизни в освобождаемых Советской армией европейских странах, где они соприкоснулись с совершенно иной культурой быта и организации труда. В сознании некоторых это вызывало определенные вопросы и раздумья. В этом плане интересны записи, сделанные через 43 года после окончания войны Михаилом Григорьевичем Меняевым. До войны он заведовал РОНО Ленинского р-на, будучи зачисленным в армию с 1 октября 1941 г., дошел до Берлина. После возвращения в Ленинград в 1946 году работал инспектором РОНО, преподавателем истории, директором школы, заместителем директора ЛГИУУ. На страницах ученической тетради, заполненной убористым почерком, М. Г. Меняев подробно восстановил свои действия как заведующего РОНО в начале войны и личный военный путь 1941–1945 годов[139]. Наряду с описаниями боев и запомнившихся военных эпизодов ленинградским руководителем образования зафиксированы неожиданные для него самого впечатления от ряда европейских городов и селений. В их числе — удивление по поводу аккуратности и результативности хозяйствования немецких крестьян и «гросс-бауэров»: «Посмотришь, и диву даешься, чего они к нам лезли». И сопутствующее этому замечание:

М. Г. Меняев

[137] *Магаева С. В.* На краю жизни // Мученики ленинградской блокады. М., 2006. С. 5.

[138] Клавдия Андреевна Семенова — учительница начальных классов во время блокады Ленинграда. URL: https://vk.com/@lenrezervgroup-klavdiya-andreevna-semenova-uchitelnica-nachalnyh-klassov-vo

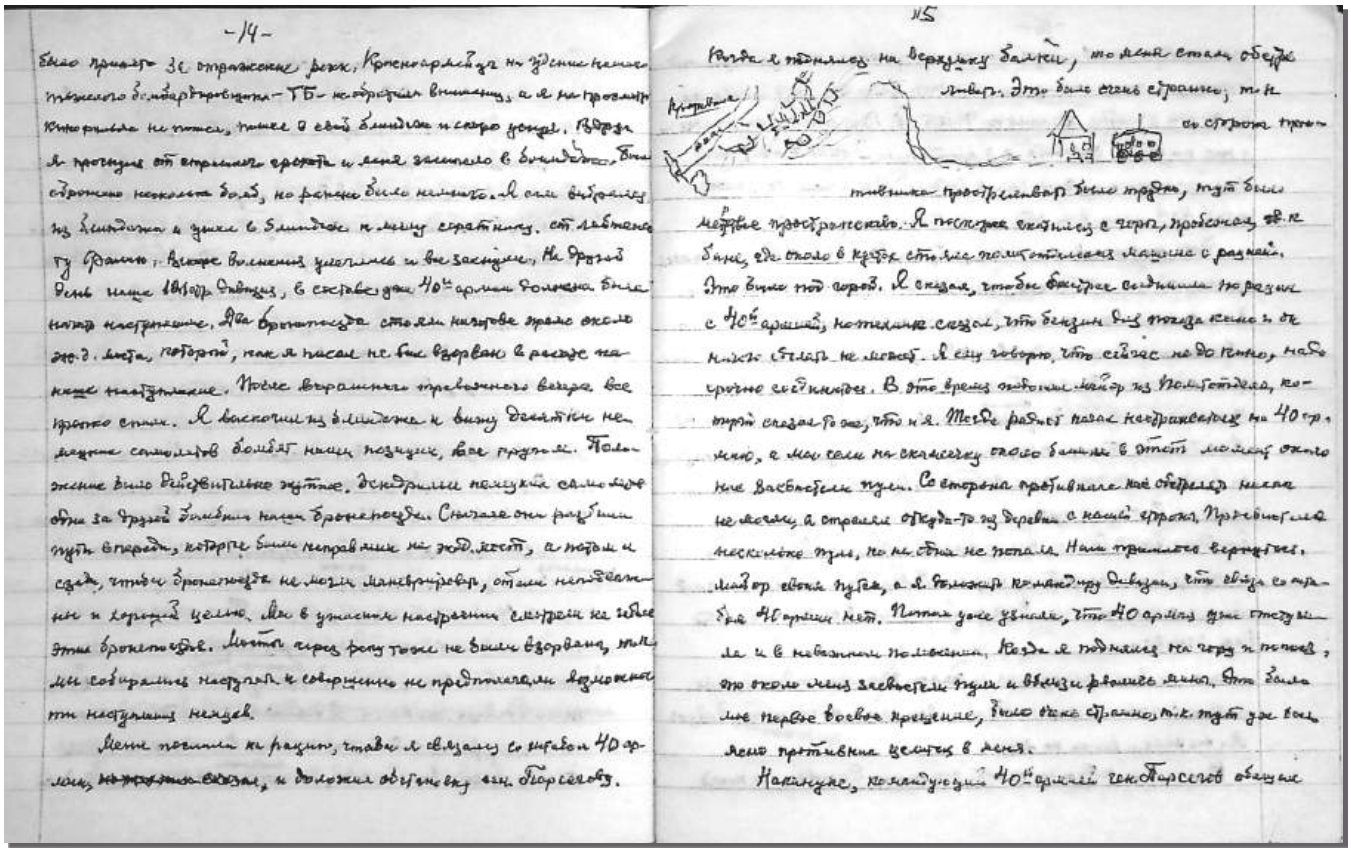
[139] ПМ СПб АППО. Ф. 3 Оп. 3. Д. 4.

-1-

Война 1941 – 1945 годов

Еще до начала войны, я, работая зав. РОНО Ленинского р-на г. Ленинграда, учитывая напряженную международную обстановку, провела, как и все зав. РОНО, работу в Всеобуче Ленинска по разработке мобилизационных руководящих работников РВК комиссии Константинова, который к концу войны стал полковником и военкомом Ленинграда в конце войны. Нужно сказать, что эвакуация, системный план, колхозная, План эвакуации детей детских садов и школ был нарушен

Сразу начавшаяся война с финнами. Однажды на Фонтанке в Институте надзора немецкими происходило совещание зав. РОНО и нас вдруг усиленная танковая артиллерия и отрезала здание от воздушной связи. Это, видимо, начала действовать финская артиллерия Кронштадта и укрепления на Карельском перешейке. Мы перешли в подвал здания и уже там продолжали работу. Так началась война, которая продолжалась 4 года и нанесла колоссальный ущерб нашей стране и народам Европы и не только Европы. Началась фашистская война, а потом присоединилась Германия, Италия, начался II мировой войны, вступили все европейские страны, Азия, Америка и Африка. Начался II Мировой войне 1941-1945 г., принесшей неисчислимые бедствия: гибель 20 млн. людей, масса сирот, разорение городов



-14-

было приказано 30 отражение реки, Красногвардейск на Пушкинском направлении бомбардировщика – ТБ – которые вылетали, а я на полуторке которые не пошел, также в свой батальон и скоро уехал. Вдруг я проснулся от страшного грохота и меня засыпало в блиндаже. Было сначала несколько боли, но раненых было немного. Я сам выбрался из блиндажа и ушел в блиндаж к нашему старшине, он лейтенанту Сурову. Вскоре волнения улеглись и все закончилось. На другой день наше 191 стр. дивизия, в составе двух 40-х армии должна была начать наступление. Два броневагона стояли низовье прямо около ж.-д. моста, говорят, так и не был взорван в расчете на наше наступление. После вчерашнего тревожного вечера все прошло спокойно. Я вернулся в блиндаж и вижу большие немецкие самолеты бомбят наших позиций, все грузят. Положение было действительно жуткое. Эскадрильи немецких самолетов за друзей бомбили наши броневагоны. Сначала они разбили путь впереди, которые были направлены на Ленинград, а потом и сзади, чтобы броневагоны не могли маневрировать, отошли неповрежденные и хорошей целью. Мы в ужасном напряжении смотрели на убитые броневагоны. Мотор через фонтанку не были взорваны, мы не собирались наступать и совершенно не представляли возможности наступления немцев.

Меня позвали к рации, чтобы я связался со штабом 40 армии, установил связь, и доложил обстановку ген. Борисову.

№5

Когда я поднялся на вершину балки, то меня стали обстреливать. Это было очень странно, т.к. со стороны противника пространство было чудесное. Я посмотрел вокруг и увидел в черте, пробежал до балки, где стояло в кустах столько полуторок машин с людьми. Это были тыл города. Я сказал, чтобы быстрее сообщили по радио с 40-й армией, потому что сказал, что бензин был тогда самое и от него стоял не далеко. Я ему говорю, что сейчас не до того, надо срочно сообщить. В это время отвечает майор из Политотдела, который сказал то же, что и я. Тогда радист начал передавать 40 армии, а мы сели на скамейку около блиндажа в этой момент очень мне захотелось пить. Со стороны противника не обстреливали. Я стрелял откуда-то из дерева с нашей стороны. Противник несколько пуль, но не одна не попала. Наш политрук вернулся, майор свою пулю, а я доложил командиру дивизии, что связи со штабом 40 армии нет. Потом уже узнали, что 40 армия уже отступила и в назначенный положении. Когда я поднялся на гору и посмотрел, то около меня засвистели пули и вокруг и кто-то упал. Это была мне первое боевое крещение, было очень странно, т.к. тут уже было против меня целых в меня.

Наконец, командующий 40-й армией генерал Борисов обошел

Рис. 13. Страницы из тетради воспоминаний М.Г. Меняева

Майору МЕНЯЕВУ
Михаилу Григорьевичу

Приказом Верховного Главнокомандующего
Маршала Советского Союза товарища Сталина

от 24 июля 1943 года

за отличные боевые действия по ликвидации Белгородско-Орловско-Курской группировки немецких войск ВАМ ОБЪЯВЛЕНА

благодарность

Начальник о-части пп 73832 ( )

ПОЛКОВНИК /ЛЫЧКИН/

Рис. 14. Благодарность майору М. Г. Меняеву

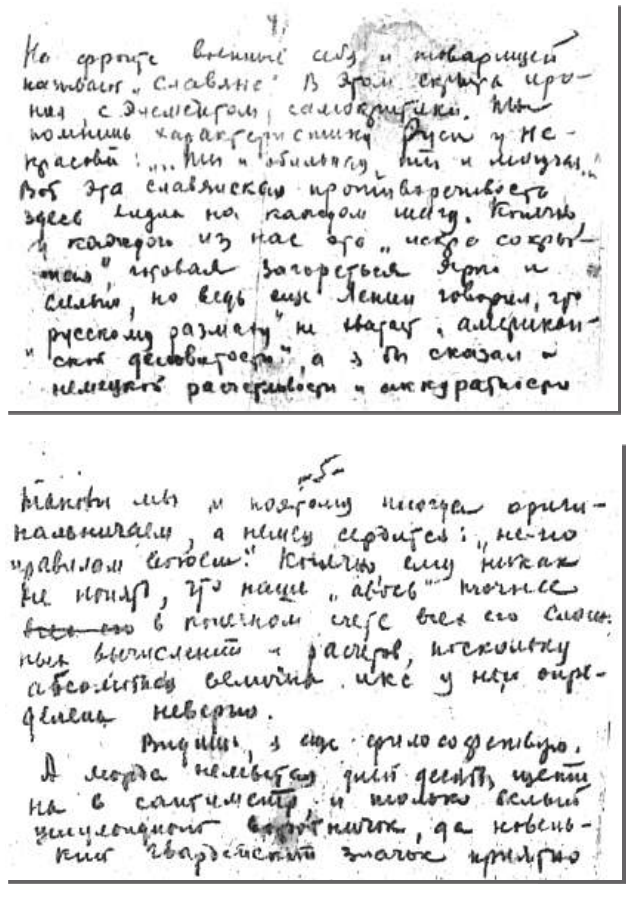


Рис. 15. Фрагменты из фронтового письма А. С. Шаркова жене[140]

«*Наши еще не привыкли к должному отношению к результатам труда. Много ломали и портили, иногда по злости и желая отомстить. Уроки из этой войны мы могли бы сделать, полезные выводы и для ведения своего хозяйства*».

Понравился советскому педагогу и обряд конфирмации, который он наблюдал в польском городке Жеркуве. В частности то, как «*ксендзы умеют все картинно и торжественно обставить*». Но даже десятилетия спустя после войны автор записок понимает: некоторые из подобных наблюдений и выводов «не для общего сведения, все это написано не для всех»...

Близкие по смыслу рассуждения звучат в военном письме директора 185-й школы А. С. Шаркова, написанном жене прямо с передовой: «На фронте военные себя и товарищей называют “славяне”. В этом скрыта ирония с элементами самокритики. Ты помнишь характеристики Руси у Некрасова: “Ты и обильная, ты и могучая...” Вот эта славянская противоречивость здесь видна на каждом шагу. Конечно, у каждого из нас эта “искра сокрытая”, готовая загореться ярко и сильно, но ведь еще Ленин говорил, что “русскому размаху” не хватает “американской деловитости”, а я бы сказал, и немецкой расчетливости и аккуратности». Но далее автор письма продолжает: «Таковы мы и поэтому иногда оригинальничаем, а немец сердится: “Не по правилам воюем”. Конечно, ему никак не понять, что наше “авось” точнее, в конечном счете, всех его сложных вычислений и расчетов»...

Таким образом, немало фактов свидетельствуют о неоднородности и сложности мировоззренческих установок ленинградского учительства военной поры при общей самоотверженной направленности их мыслей и действий на победу над врагом.

Контроль и методическая поддержка деятельности учителя

Приказ Гороно № 283 от 21 ноября 1942 года ориентировал на усиление контрольно-инспекторской работы и проверку всех школ города до 1 января 1943 г. силами городской и районной инспекции; организацию регулярной методической помощи учительству через ЛГИУУ

[140] Материалы из семейного архива Шарковых любезно предоставлены Педагогическому музею СПб АППО дочерью А. С. Шаркова Галиной Андреевной.

и зав. РОНО[141]. В каждом районе должны были появиться предметные методобъединения по средней школе и поклассные методобъединения по начальным классам. Приказывалось повсеместно на базе лучших педкабинетов создавать районные педагогические кабинеты, обеспечив их нормальную работу в вечернее время. Деятельности Ленинградского городского института усовершенствования учителей в блокаду посвящен отдельный раздел.

Невзирая на тяжкие условия работы и физические лишения, которые претерпевали учителя в блокадном городе, со стороны государства и местной администрации им не делалось поблажек. Сохранялись жесткие требования к организации процесса обучения. Вопросы обеспечения всеобуча постоянно находились в центре внимания. К. В. Ползикова-Рубец 30 апреля 1942 г. записывает в своем дневнике: «РОНО вызывает каждую минуту директора и сыплет экстренными заседаниями, как из рога изобилия. Фактически очень трудно работать»[142].

С определенного момента даже при обнаружении значительных пробелов в школьных знаниях перевод кого-либо на класс ниже стал оцениваться Ленгороно как грубое нарушение прав учащихся. Контроль учительской работы не прекращался, причем имеющиеся записи посещений уроков инспекторами и методистами, тексты приказов по результатам проверок позволяют судить о высокой планке предъявляемых требований к оснащению школ и качеству занятий. Существовал единственный критерий: *дело сделано или не сделано*, а причины упущений никого не интересовали. Например, в суровом 1942 году инспекторами, проверяющими деятельность школ, фиксировались следующие недостатки:

- Военрук самоустранился от проведения обязательной физзарядки.
- «Чисто меловое преподавание физики» без проведения лабораторных работ и опытов.
- Учитель вел урок, держа руки в карманах, с поднятым воротником пиджака, в калошах.
- При посещении урока математики обнаружено снижение требований к учащимся.
- Хороший урок, культурный преподаватель, но вот от вопросов методики отмежевывается.

В приказе № 208 от 3 августа 1942 г. «О недостатках за два учебных дня» отмечается:

- недостаточная разъяснительная работа по всеобучу;
- опоздания с началом уроков от 15 мин. до 1 часа;
- парты поставлены без учета роста учеников;
- не подготовлены методические кабинеты (указаны номера школ и фамилии директоров).

Зная, с каким трудом добирались учителя до места работы, может показаться странным, что опоздание в четверть часа считалось проступком. Но если вспомнить, что при постоянной угрозе налетов и бомбежек приходилось экономить каждую минуту учебных занятий, которые иногда длились всего по 25–30 минут, — вопрос сам собой снимается. Ценность времени, в течение которого в блокадном городе возникала возможность продолжать обучение, оставалась безусловной, поскольку имела стратегическое значение. Вот почему за срыв занятий даже по объективным причинам (неисправность отопления и низкая температура в классах) мог быть отстранен от должности директор школы.

Сохранились рукописные заметки о посещении занятий, содержание которых подтверждает, что в блокадные дни требования к методике проведения уроков не снижались. Не делая никаких скидок на неимоверные условия труда, инспектора и методисты отмечали недостатки:

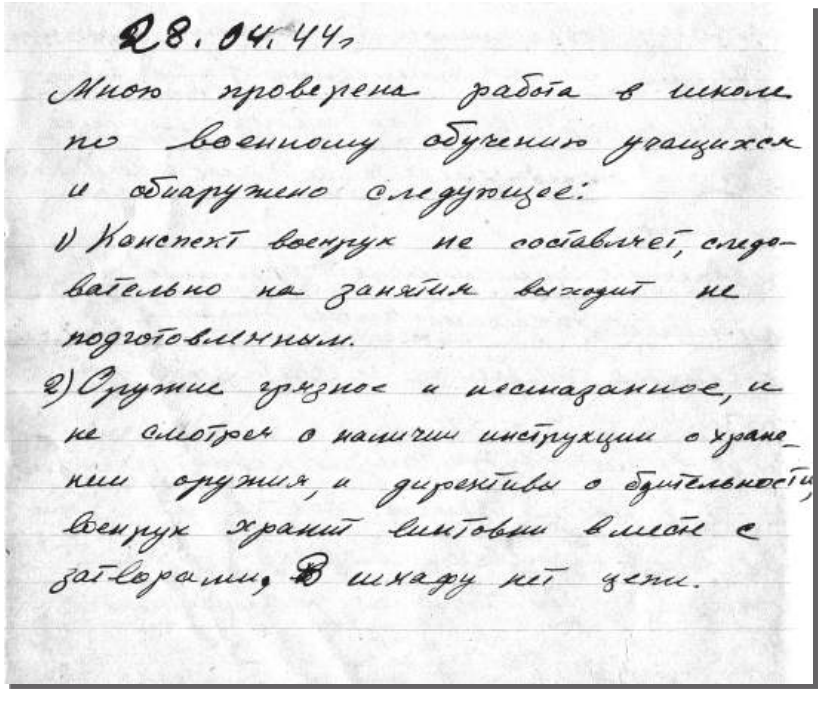
- *в обеспечении наглядности:* на уроке географии про Германию (Рурский бассейн) присутствует только одна карта (Европы); ученики рельеф зоны смешанных лесов показывали по зональной карте (физической не было); отсутствие указки; на уроке географии «новый материал дала в размере учебника без каких-либо иллюстраций»;
- *в организации работы*: учительница мало спрашивала учеников с места. При объяснении нового материала не рассчитала время. Удачно использовала графический метод, но не заставила учащихся сделать чертеж в тетради. Лишняя картина на стене, которую на уроке не использовали;
- *в стиле общения:* учитель не сумел найти нужного языка с учащимися 7-го класса (называл их «товарищи»);
- *в состоянии и оформлении классного помещения*: на партах пыль, небрежно, криво висит портрет тов. Ворошилова; нет ни стенной газеты, ни боевого листка; совершенно не оформлено социалистическое соревнование.

---

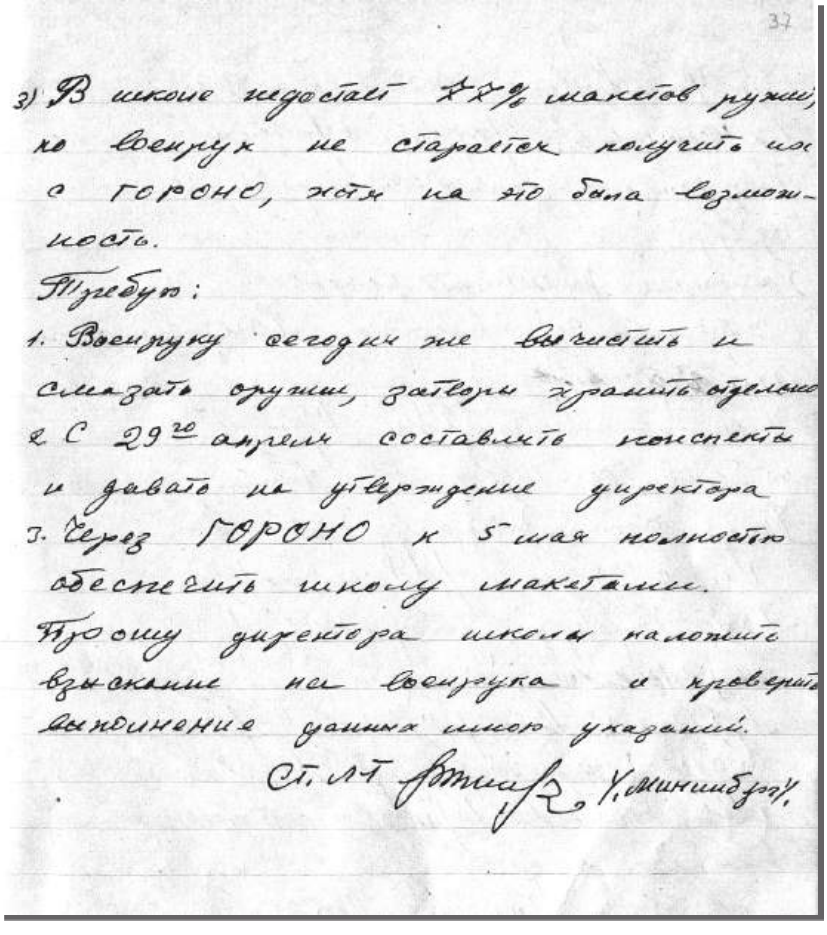
141 ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 562. Отчет за 1 четверть 1942 года Приказ. № 283 от 21 ноября 1942 года. С. 67–68.

142 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 94. Л. 54. Цит. по: URL: https://spbarchives.ru/cgaipd_publications/-/asset_publisher/yV5V/content/listaa-stranicy-proslogo-blokadnye-dnevniki/exclusive?inheritRedirect=false

По итогам проверки школе могли вменить в обязанность ликвидировать «черные доски» с записями фамилий лодырей и другие «извращения в учебно-воспитательной работе». Требования к внешнему виду учителей и учащихся, к ежедневному соблюдению гигиенических правил предупреждали опасность «одичания» в антисанитарных условиях, царящих вне школьных стен. Руководителям школ рекомендовалось: «Обеспечить каждый класс вешалками и предложить снимать пальто учащимся и учителям. Воспитателю до начала занятий ежедневно проводить



28.04.44г.
Мною проверена работа в школе по военному обучению учащихся и обнаружено следующее:
1) Конспект военрук не составляет, следовательно на занятия выходит не подготовленным.
2) Оружие грязное и неисправное, и не смотря о наличии инструкции о хранении оружия, и директивы о бдительности, военрук хранит винтовки в шкафу с затворами, в шкафу нет цепи.



37

3) В школе недостает XX% макетов оружия, но военрук не старается получить их с горОНО, хотя на это была возможность.
Требуют:
1. Военруку сегодня же вычистить и смазать оружие, затворы хранить отдельно
2. С 29го апреля составить конспекты и давать на утверждение директора
3. Через ГОРОНО к 5 мая полностью обеспечить школу макетами.
Просим директора школы наложить взыскание на военрука и проверить выполнение данных мною указаний.
Ст. лейт. Артиллерии Х. Минцберг

Рис. 16. Записи по итогам обследования военной работы

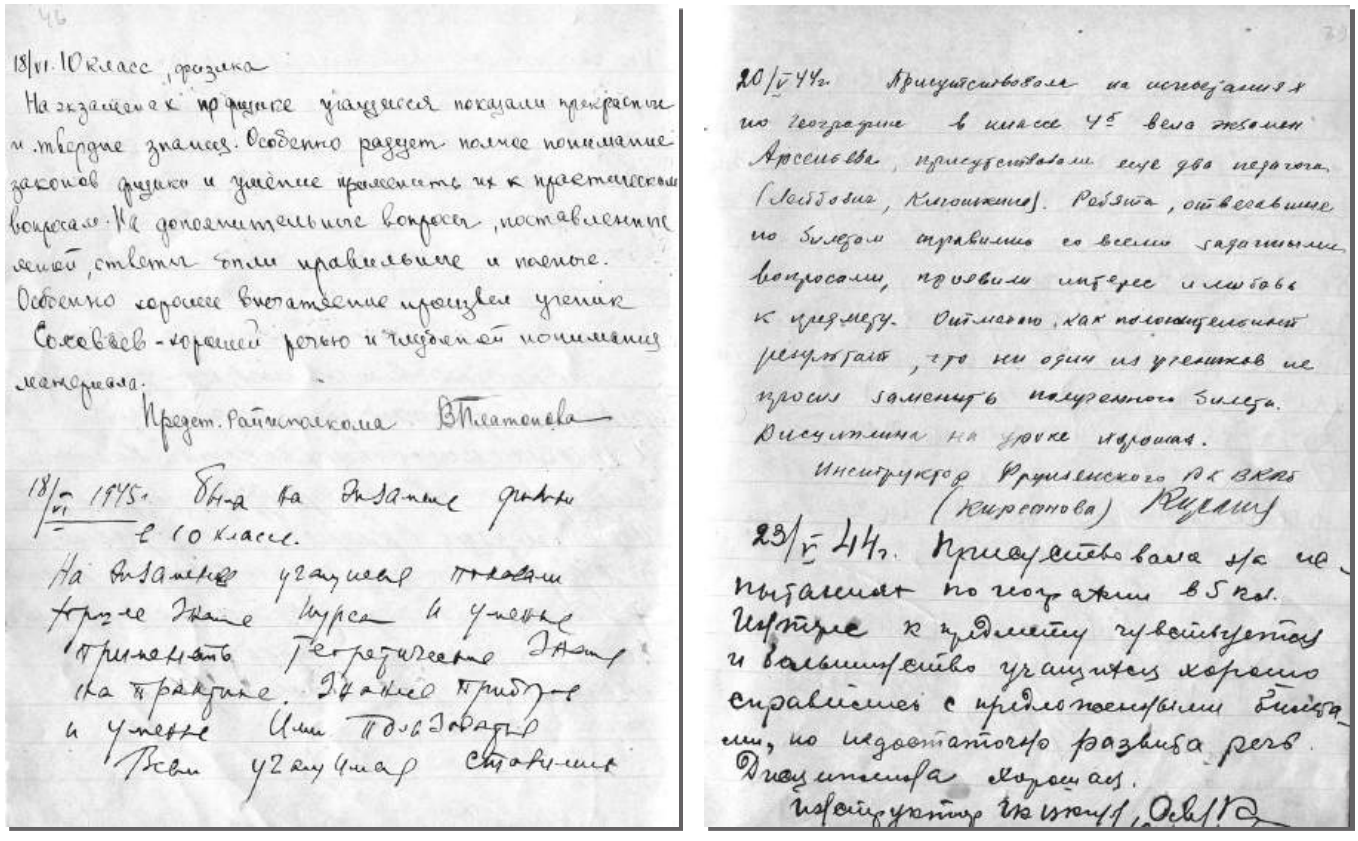


Рис. 17. Записи из тетради посещений школы № 321

самостоятельный осмотр учащихся. Обеспечить мытье рук учащихся перед едой. Иметь в каждом классе вешалки для индивидуальных полотенец учащихся»[143]. Запретить учащимся сидеть в классе в пальто и шапках (конец апреля 1943).

Особенно строго проверялось и оценивалось качество военного обучения, состояние оружия, нормативы его хранения.

Знаки поддержания ленинградской культуры в образовательной среде проявлялись в мелочах. Таких, например, как обязательность белых рубашек при приеме в пионеры. Или появление на трибуне учительской конференции в начале 1942/43 учебного года зам. председателя Ленгорисполкома Е. Т. Федоровой в белых шелковых перчатках с элегантной дамской сумочкой[144].

За что же учителей и директоров школ в блокаду поощряли? Оказывается, не только за успехи учеников, но и за широту взглядов, которую они демонстрировали! Так, присутствующего на занятии инспектора мог порадовать тот факт, что учитель «умело и удачно в доступной для учащихся форме сравнивает демократический строй в Афинах и у нас; греческий театр с нашим современным театром». На экзамене по истории в 10-м классе 321-й школы (май 1945) проверяющего «особенно радует *отсутствие штампов*». Внимание на всех экзаменах обращается на культуру речи (*рис. 17*).

Но и сами учителя достаточно строго оценивали результаты своей работы и работы других преподавателей. Учитель литературы школы № 156 А. А. Бардовский, уроками которого восхищалось не одно поколение учеников, после посещения одной из своих коллег записал в дневнике: «Отвечали прекрасно, лучше, чем у меня. Она умеет держать дисциплину...» Однако далее он размышляет: «Действительно ли я так плохо преподаю? У нее зубрят наизусть, я бужу мысль, у меня класс весь горит»[145].

Методические традиции и находки

Многолетнее фиксирование внимания на героизме и стойкости педагогов блокадного Ленинграда оттесняет на задний план значение огромного пласта их методических наработок,

[143] ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1. Из записей посещения 321-й школы 17/X-42 г. школьным инспектором Гориной Александровной Леч.

[144] Факт, приведенный в книге В. Г. Даева «Педагоги блокадной поры: По архивам ленинградских учреждений» (СПб.: Сударыня, 1998).

[145] *Блок М.* Они слышат Вас, учитель // Ленинградская правда. 1982. Февр. № 43 (20685). URL: http://sch163.acentr.gov.spb.ru/download/bardov1982.pdf

достойных отдельного рассмотрения и анализа. «Чем труднее жизнь наших учащихся, тем лучше должны быть наши уроки. В наши дни в нашем городе духовная пища должна быть первосортной», — была убеждена учительница М. П. Ивашкевич и многие ее коллеги. Постоянная смена места и условий работы, контингента учащихся, состава коллег, «мозаичные» разновозрастные классы, «школа в подземелье», «весенняя школа» с уроками в саду на скамейке. Два уклада, два режима школьного дня для новых и старых учащихся. Все это побуждало к изобретению гибких методик преподавания своего предмета. Сокращение времени урока, использование принципа *«новое в старом»* требовало поиска форм сжатого изложения содержания. Развернутое объяснение нового материала вынужденно заменялось самостоятельными заданиями, консультациями, зачетами по отдельным темам, индивидуальной и групповой работой.

Многие из молодых преподавателей до войны прошли подготовку у ведущих специалистов Покровского института, Педагогического института им. А. И. Герцена, ЛГИУУ, развивавших методические традиции преподавания конца XIX — начала XX века[146]. В частности, связанные с наглядным обучением и осмысленным усвоением знаний. Наглядность обеспечивалась по мере возможностей: от множества мелких приемов, таких как использование цветных мелков или цветных шнурков и бумажных стрелок для показа на карте, до демонстрации кинофильмов. Практиковалось изготовление учащимися пособий, проведение дома опытов, велась работа с периодической печатью и плакатами. Для преодоления формализма в изучении литературы (фактически для активизации познавательной деятельности) использовались *вопросы, заставляющие детей думать* (в современной трактовке — проблемные вопросы). После огородных работ в Летнем саду там же проводились беседы, чтения, маленькие исторические экскурсии по ближайшим достопримечательным местам.

Хотелось бы подчеркнуть, что ряд форм и приемов работы, которые использовались на блокадных уроках, восходят к лучшим образцам дореволюционной педагогики. Вот лишь несколько примеров.

Круговая тетрадь. В архивных блокадных текстах встречаются упоминания о круговых тетрадях, где фиксировался весь ход занятий. Понятие «cahiers de roulement» (катящиеся или передвижные тетради) пришло из французских школ в Российскую империю в начале XX века. В 1902/03 учебном году одной из первых такие тетради применила на практике Вера Константиновна Пото, дочь Константина Дмитриевича Ушинского. Круговая тетрадь служила для совместного использования классом путем ее передачи от одного ученика к другому. Каждый школьник в течение учебного дня выполнял в ней все письменные работы, какие предлагались классу. На следующий день тетрадь передавалась следующему по алфавиту ученику, совершая в течение определенного периода времени несколько круговых оборотов по всему классу[147].

Синхронистические таблицы. Судя по словарям, это понятие было известно с XIX века[148], в начале которого вышло пособие Мередиха по отечественной истории, где имелась синхронистическая таблица. Это был квадрат из 100 клеток, куда вписывались даты важнейших событий (смена правителей, начало войн, издание законов и др.), обозначенные условными значками. В 1830-е гг. появились таблицы изобретателя мнемонического метода преподавания А. Ф. Язвинского. В их основе также находился квадрат, разделенный на 100 небольших квадратиков и представлявший 100 лет истории. Использовать синхронистические таблицы в преподавании рекомендовалось в учебной книге всеобщей и русской истории П. Е. Медовикова. В 1903 г. на Венской всемирной выставке была представлена синхронистическая таблица немецкого педагога Мертенса, рубрики которой отражали историю различных народов и эпох и были раскрашены в различные цвета. Согласно циркуляру МНП о введении программ по истории (1913 г.) ученики должны

---

146 *Студеникин М. Т.* Методика преподавания истории в русской школе XIX — начала XX века. М., 2016. URL: https://iknigi.net/avtor-mihail-studenikin/115398-metodika-prepodavaniya-istorii-v-russkoy-shkole-xix-nachala-hh-v-mihail-studenikin.html

147 Образы ушедшей эпохи: круговая тетрадь. URL: https://vk.com/@spbarchives-obrazy-ushedshei-epohi-krugovaya-tetrad. См. также статью в журнале «Русская школа» (1904. № 1). URL: https://proshkolu.ru/user/olganikina/blog/541292

148 «Исторические таблицы, в которых события в разных государствах излагаются современно одно с другим» (Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. Михельсон А. Д., 1865); «Таблицы, в которых на нескольких столбцах записаны события, случившиеся одновременно в разных странах» (Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Чудинов А. Н., 1910); «Исторические таблицы, в которых важнейшие события в жизни различных народов представляются современно одно с другим» (Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Павленков Ф., 1907).

были составлять синхронистические таблицы по всему курсу истории[149].

Словесная наглядность. В условиях блокадной стужи, когда замерзали чернила, а пальцы не могли держать ручку, универсальным средством обучения становилась устная речь. На уроках практиковалось зачитывание отрывков из исторических сочинений, устные диктанты, сочинения и изложения, устные вычисления, доказательства теорем и выведение формул[150]. Внимание учителей к родному слову, несомненно, восходит к педагогическим традициям К. Д. Ушинского и С. А. Рачинского. И, видимо, не случайно под влиянием задушевных рассказов педагога у городских учеников возникали ассоциации, обращающие к российскому крестьянскому быту. В. А. Беер пишет в воспоминаниях: «Когда я рисую картину долгих зимних вечеров в дымных избах, освещенных лучиной, я вспоминаю стариков, которые своими сказками вносили праздник в монотонную жизнь. Ребята говорят: "А вы вот рассказываете в бомбоубежище, и электрический свет мигает совсем как лучина"».

Проекты. При описании организации самостоятельной работы в некоторых случаях отчетливо проступают черты проектной деятельности, столь популярной в советской школе в 1920-е годы. Ярким примером может служить работа учеников 6-го класса над темой «Военный быт рыцарского общества». Вначале в рамках общей темы идет распределение индивидуальных докладов:

- замок феодала, его военное значение;
- рыцарское общество;
- воспитание рыцаря;
- рыцарское вооружение;
- военный строй;
- характер феодальных войн.

Ученики начинают работу с индивидуального прочтения главы учебника. Помимо этого, каждому даны рекомендации для самостоятельной работы с источниками и указанием конкретных страниц. Далее следует групповая работа с текстом «Песни о Роланде» с четким распределением функций. Одному поручено представить содержание песни, другому — подобрать отрывки-цитаты, характеризующие рыцарское общество. На основании прочитанной литературы составляются и обсуждаются с учителем планы будущих докладов. Каждый докладчик при этом наметил, какие рисунки необходимо сделать в качестве иллюстраций к своему сообщению. Их выполнение поручается ученику, умеющему рисовать. Устные доклады учащихся предваряло вводное слово учителя о плане занятия и вопросах, которые должны найти совместное решение. Часть работы перенесли на внеклассное время, и все закончилась обобщающей беседой о классе феодалов, его положении в обществе и идеологии. После чего на классном собрании было решено оформить самостоятельную работу группы учеников в виде альбома (*Приложение III-17*).

Интересно проследить, как трактовался в преломлении к конкретным обстоятельствам войны и блокады принцип связи с современностью. Методисты предостерегали от сведения «современности» только к военной тематике. Предполагалось, что широкая трактовка данного понятия подразумевает «не только военные темы сегодняшнего дня, но и весь комплекс вопросов, связанных с жизнью родины, ее героическим прошлым и настоящим, ее языком, природой, бытом» (Л. Е. Раскин). Так, при составлении военного словаря по русскому и иностранному языку рекомендовалось не забывать о словаре производственном и бытовом; работая над военными очерками, помнить про описания природы. На конкретном предметном материале можно увидеть, что включение в содержание урока актуальных военных сведений позволяло опытным педагогам успешно формировать то, что впоследствии назовут практико-ориентированным знанием.

Использование комплекта задач по физике, связанных с военной техникой, предполагало, что ученик будет их решать с позиций будущего бойца, стреляющего в движущуюся цель (бегущего противника, скачущего всадника, движущуюся танкетку). Учителя математики показывали, как принцип пользования логарифмической линейкой можно применить для соответствующих расчетов при минометной стрельбе. Для грамматических упражнений и диктантов привлекалась военная тематика из газет, журналов, радиопередач, книг военно-оборонного характера. В практику преподавания немецкого языка включалось изучение военного разговорника. Каждый оканчивающий школу, попадая в боевую обстановку, должен был уметь прочитать захваченный у врага документ, помочь допросить пленного.

Удивительно, но и в некоторых организационных моментах блокадная педагогика

---

149 *Студеникин М. Т.* Методика преподавания истории в русской школе XIX — начала XX в. М.: Прометей, 2016.

150 Можно предположить, что преподавателям математики были известны дореволюционные пособия для учителей Сергея Александровича Рачинского, в частности «1001 задача для умственного счета», 1899.

приобретала опережающий характер. Так ленинградская школа с весны 1942 г. фактически превращалась в *школу продленного дня*[151]. Ученики приходили туда в половине девятого утра и оставались до 5–6 часов вечера, получая здесь завтрак, обед, а потом и ужин. Учебные занятия сменялись кружковыми, а те, в свою очередь, выполнением какого-нибудь общественно-полезного дела. В 1944/45 году для учеников первых классов в школах стали работать *комнаты продленного дня* с трехразовым питанием.

После окончания войны группы продленного дня стали создаваться в общеобразовательных школах для помощи семьям, где все взрослые работали. Законодательно их работа была закреплена в 1955 (для Москвы и Ленинграда) и 1956 годах. И лишь начиная с 1962 года, в период перехода от всеобщего 8-летнего образования к всеобщему среднему, появляются школы продленного дня, где после уроков могли оставаться под присмотром педагогов не менее 80% учащихся.

* * *

Индивидуальная мотивация ленинградских юношей и девушек на продолжение образования в военные годы по мере возможностей поддерживалась созданием условий для выравнивающего и преемственного обучения. Применительно к блокадному времени это можно определить как принцип обучения, *пока продолжается твоя жизнь*. В. И. Полякова вспоминает: «Весной все, кто мог держать в руках лопату, вышли скалывать лед, убирать улицы. Я тоже вышла вместе со всеми. Во время уборки увидела на стене одного учебного заведения начертанную таблицу Менделеева, <...> стала ее заучивать. Сгребаю мусор, а сама повторяю таблицу про себя. Чтоб время зря не пропадало. Я училась в 9-м классе и хотела поступить в медицинский институт»[152]. Еще одним ярким примером может служить история Гали Бурыкиной, в июне 1941 года окончившей восьмой класс 209-й школы.

> В первые дни войны она «металась между школой и домом... участвовала в устройстве защитных сооружений во внутреннем дворе школы» <...> В июле подала заявление в Мореходное училище, где обучали азбуке Морзе и сигнализации флажками. Когда занятия прервались, «энтузиазм переключился на строительство оборонных сооружений в Обухове» и устройство защитных траншей на Марсовом поле... Пропустив четыре месяца школьных занятий, девушка пришла в 206-ю школу на Фонтанке, куда перевели девятиклассников ее школы. Но после краткого опроса по математике, проведенного в коридоре завучем, последовал отказ в приеме, мотивированный тем, что «ей не догнать». Работая хлеборезом, уборщицей, тележницей в магазине, вечерами она стала посещать 9-й класс вечерней школы на Греческом проспекте...

Стремление «не отстать!» руководило Галиной многие годы. Весной 1943 года 2-й Ленинградский медицинский институт объявил прием на подготовительные курсы. Девушка подала туда заявление и в числе 40 слушателей, не имеющих законченного среднего образования, была принята в заочную школу на базе института. После 3-месячных летних занятий по уплотненной программе в сентябре были сданы экзамены по всем предметам, кроме математики. На протяжении первого семестра пришлось выполнять письменные задания по математике по программе 10-го класса. В феврале 1944 года вместе с успешной сдачей экзаменов за первый семестр медицинского вуза был получен аттестат об окончании средней школы[153].

* * *

Изменения в системе образования Ленинграда в военный период наглядно демонстрируют цифры, приведенные в *табл. 6*. Как следует из статистических данных, блокада существенно уменьшила количество школ, учащихся и учителей. Тем не менее даже в экстремальных условиях бомбежек, голода и холода во всех районах города оставались работающие школы. На фоне трагических фотосвидетельств состояния блокадного города выделяются блокадные снимки, запечатлевшие удивительные лица ленинградских ребят, в глазах которых светится недетская мудрость, приобретенная не только на школьных уроках, но, прежде всего, в жестокой повседневности военного времени.

«Если в этом городе есть еще такие дети и я им нужна, то правильно я сделала, оставшись здесь. Именно здесь, в Ленинграде». — К такому

---

[151] Школы продленного дня появились в Петрограде и других крупных городах в 1919 году для усиления педагогического надзора за детьми, но развития не получили.

[152] Из воспоминаний детей, переживших ленинградскую блокаду. URL: https://mywebs.su/blog/history/7319/

[153] *Бурыкина Г. Н.* XX век в жизни петербургской семьи. СПб., 2008. С. 15–22.

Отличники блокадного Ленинграда:
Люся Алексеева (13 лет) и тимуровец Витя Смирнов (12 лет)[154]

выводу пришла учительница словесности М. П. Ивашкевич. И эту профессиональную и человеческую позицию, несомненно, разделяли многие ленинградские педагоги.

* * *

После снятия блокады школьная сеть Ленинграда начала быстро восстанавливаться. Оживали ранее законсервированные школы, все больше становилось полных (10-летних) школ, куда возвращались из эвакуации опытные учителя. Полное среднее образование давало возможность выпускникам поступить в институт. Можно привести множество примеров, демонстрирующих, что при желании и упорстве ленинградский старшеклассник, исходя из своего уровня подготовки и жизненной ситуации, мог найти тот или иной вариант продолжения образовательного пути.

По словам одного из учителей, «война убрала с работы <...> налет обыденности и скуки», поставив грандиозную задачу сохранения и воспитания поколения «восстановителей». И задачу эту педагоги блокадного города выполнили вопреки трагизму предлагаемых обстоятельств. В этом им помогли «глубокая любовь к детям, школе, к своему

Дети у репродуктора в Екатерининском сквере слушают сообщение о капитуляции Германии[155]

[154] Источник: Ленинград (зима 1942/43). Фоторепортаж С. Струнникова. Главархив Москвы, 2020, фотографии № 51 и 52. Центральный государственный архив города Москвы. Ф. П-8744. Оп. 1. Д. 7.

[155] Ленинград. 9 мая 1945 г. Автор фотографии не установлен. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Арх. № Ар-9650.

Таблица 6

Динамика изменений в системе образования Ленинграда за 1939–1946 гг.

Учебные годы	**Начальные школы**	**Неполные средние школы**	**Средние школы**	Итого массовых школ	**Прочие школы с особым режимом****	Всего школ	**Уч-ся на конец года *** **	**Переведены в следующий класс**	**Оставлены на второй год**	**Оставлены на осенние испытания**	**Кол-во учителей**
1939/1940*	15	106	343	464	107 школ для взрослых и 5 спец **	576	Не указано	Не указано	Не указано	Не указано	Не указано
1940/1941	9	69	357	435	107 школ для взрослых и 5 спец **	547	374 766	333 031	12 827/ 668 исключены	22 355	
1941/1942 ***	1 8	31 53	107 23	139 84	7 2	146 86	26 854	Практически нет***	Повтор. курс обуч. 77 отличн.	Нет	1537
1942/1943 ***	8	54	24	86	5 больничных	91	27 092	26 854	464	Не указано	1477
1943/1944	8	80	29	117	3 больничных	120	37 034	28 389	3621	5024	2252
1944/1945	7 9	102 126	82 153	191 288	10 10 Из них 6 особых и 4 ж/д	201 298	120 739	92 316	15 327	13 096	4866
1945/1946	7	135	152	294	15	309	167 239	138 816	15 327	13 096	8299

* 1939—1940: Ленинград 1940: Адресно-справочная книга. Л.: Лениздат, 1940.

Все данные за годы войны взяты из ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 464 (1940/41 г.); 495 (1941/42 г.); 434, 565, 568, 569, 597 (1942/43 г.); 601 (1943/44 г.); 639, 652 (1944/45 г.); 639, 752, 759 (1945/46 г.).

** К прочим школам относятся школы с особым режимом, для глухих, слепых детей.

*** В 1941/42, 1944/45 уч. гг. даны сведения на начало и конец года, поскольку шло активное перераспределение учащихся в связи с разрушением и повреждением школ, эвакуацией и реэвакуацией детей и др.

**** Школы начали работать в разные сроки: старшие (9—10-е классы) 1—15 ноября, многие из выпускников были аттестованы; в большинстве школ занятия начались в начале мая и продолжались до 15—30 июня, дети занимались повторением пройденного и оставлены на повторный курс обучения.

***** Учебный год продлен на срок от 150 до 288 дней.

делу и огромная выдержка, огромная сила воли» (С. Н. Саговская). Символичен кадр из хроники снятия блокады 1944 года, о котором десятилетие спустя вспоминает Мария Ильина, ученица 138-й школы: «Под нестрашный, наконец, грохот салютующих орудий по белому полю замерзшей реки идут навстречу свету две детские фигурки. Маленькие, тощенькие, но выжившие»...[156]

Педагоги, ушедшие из стен школ защищать страну, преподаватели, оставшиеся работать в блокадном городе, а также их ученики, ставшие учителями, с послевоенного времени вплоть до конца оттепели 1960-х годов создавали в Ленинграде особую педагогическую атмосферу. Их человеческое влияние на учащихся оставалось удивительным и непостижимым, ибо каждый был незабываемой личностью. Вот лишь несколько имен из упомянутых в данном разделе.

Нина Михайловна Шестак (в блокадные 1944–1945 гг. молодой директор 321-й школы) в начале 1960-х годов возглавила первую в городе школу продленного дня № 300. Ее искреннее и тактичное вмешательство в порой непростые семейные ситуации школьников счастливо определило для многих дальнейшую линию обучения.

Андрей Сергеевич Шарков окончил земскую учительскую школу, находившуюся на территории удивительного городка-пансиона «Сан-Галли». Чувства и поведение питомцев этой школы определяла идея «служения народу». К началу войны Андрей Сергеевич работал директором 185-й школы, в эвакуации стал директором интерната на Рыбаковщине. Будучи призванным в армию в 1943 году, получил тяжелейшее ранение на переправе Днепра и до конца жизни проходил с осколком в легких. После войны возглавил коллектив нового 3-го Ленинградского педучилища на Костромском проспекте, где учились дети, потерявшие родителей в годы войны. Многие ребята считали его своим отцом и сами, став родителями, обращались к нему за любым советом.

В 1949 году А. С. Шарков, будучи зав. РОНО Курортного района, задумал и добился строительства школы № 445 в Зеленогорске. Это было первое школьное здание, построенное в СССР после Второй мировой войны. В стены новой школы, которая стала для него воплощением детской мечты о «*Domus gloria*», Андрей Сергеевич привнес дух идей К. Д. Ушинского. Впоследствии педагогическую династию продолжили его дочери[157].

Борис Германович Зив, выпускник 321-й школы, один из первых золотых медалистов Ленинграда (1945 г.), после службы в армии и окончания ЛГУ стал блистательным преподавателем математики, проработавшим полвека в школах № 217, 222, 524), удостоенным звания «Заслуженный учитель Российской Федерации». Им создана серия учебников и пособий по математике, которые учителя всей страны признавали лучшими пособиями для учащихся 7–11-х классов и педагогов. Девочки-старшеклассницы говорили: «В его устах и теоремы звучат, как Пушкина поэмы». Была даже поговорка: «Не родись красивой, а учись у Зива». Обладая потрясающим чувством юмора, свою фамилию он расшифровывал как «Завод имени Ворошилова»[158].

Ефим Александрович Чудаков[159] перед войной заведовал отделом народного образования Фрунзенского района. Организовав отправку в эвакуацию вверенных ему школ и дошкольных учреждений, ушел добровольцем на фронт. В составе танковой бригады участвовал в прорыве блокады Ленинграда, после демобилизации в 1947 году был назначен директором 107-й мужской школы на Выборгской стороне, в одном из самых «неблагополучных» районов. Через несколько месяцев школа заняла 1-е место в городе по дисциплине и успеваемости. С 1953 года и до конца жизни Ефим Александрович проработал завучем в 222-й школе, став душой уникального коллектива учителей и учащихся.

Об удивительном уважении и любви к нему учеников говорит следующий факт. 25 декабря 1965 года, в самый разгар новогоднего бала старшеклассников в огромном старинном актовом зале школы, на сцену поднялся один из ребят и тихо произнес в микрофон три слова: «Умер Ефим Александрович...» Этого оказалось достаточно, чтобы веселье мгновенно прекратилось и все стали в полной тишине покидать праздник...

Педагогическая позиция учителей блокадного Ленинграда долгое время и после войны оставалась нравственным камертоном, настроенным на непреложность следования чувству профессионального долга, уважения к личности ученика, поддержку всех видов творчества. Соответственно, эти качества исподволь культивировались в их учениках. Когда при подготовке данного издания выпускникам одной из лучших ленинградских школ середины 1960-х был задан вопрос: что в первую очередь воспитывали в вас учителя, в ответах неизменно упоминалось чувство собственного достоинства и понимание ценности знания.

---

156 *Ильина М.* Наш школьный вальс // СПб ведомости. 2001. 26 янв. URL: https://diletant.media/upload/medialibrary/dc4/dc4d6c7949ee42538683c473de68e466.jpg

157 См.: URL: http://www.erono.ru/art/? SECTION_ID=41&ELEMENT_ID=5172

158 См.: URL: http://allpetrischule-spb.org/index.php?title=Зив,_Борис_Германович

159 См.: URL: http://allpetrischule-spb.org/index.php?title=Чудаков,_Ефим_Александрович

Литература

1. *Анисимова К. К.* Школы в дни блокады // Выстояли и победили: Воспоминания участников обороны Ленинграда, воинов и тружеников Октябрьского района. СПб., 1993. С. 44–55.
2. *Аскназий А. А.* Выпускники 1942 года: 236 школа // Эстафета вечной жизни: Сб. воспоминаний уходящего поколения блокадников. СПб., 1995. С. 30–34.
3. *Базанова В. В.* Вчера было девять тревог... / Публ. В. С. Бахтина // Нева. 1999. № 1. С. 123–147.
4. *Байков В. В.* Память блокадного подростка. Л.: Лениздат, 1989.
5. *Батурина А. А.* Подвиг ленинградских учителей // Народное образование. 1984. № 12. С. 63.
6. Блокадная книга гимназии № 144 — страницы славы и бессмертия. Вып. 1–2. СПб.: Крисмас+, 2002.
7. *Бондаревская Т. Т.* Учительница 105-й школы Ленинграда // Женщины Ленинграда в годы блокады: науч. конф. 10–11 марта 2005 г.: тез. докл. / Редкол.: А. Р. Дзенискевич (отв. ред.) и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 25–28.
8. *Булина И. Г.* Блокадная зима моего детства. М.: СовЛит, 2015.
9. *Вассоевич Т. Т.* Военный дневник Тани Вассоевич: 22 июня 1941 — 1 июня 1945 / [авт. предисл. Л. П. Решетников; авт. вступ. ст. А. Л. Вассоевич]. СПб.: Балтийская звезда; Аврора, 2015.
10. *Градусова Л. Л.* Школа в бомбоубежище // Как мы пережили войну: Народные истории. М., 2016. С. 58–61.
11. *Громова В. В.* Блокадный дневник школьного учителя [Ивана Ивановича Мальяревского] // Журналистика и войны: к 100-летию Первой мировой войны: материалы 53-й международной научной конференции «Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения» (СПб., 23–25 апр. 2014 г.). СПб., 2015. С. 239–272.
12. *Даев В. В.* Педагоги блокадной поры: По архивам ленинградских учреждений. СПб.: Сударыня, 1998.
13. *Данилов П. П.* И в блокадном Ленинграде дети учились // Отеч. история. 2004. № 3. С. 35–41.
14. *Добротворская К. К.* Блокадные девочки. М.: Новое изд-во, 2013.
15. *Зимницкая Г. Г.* Блокадные будни (Дневник ленинградской школьницы) // Блокада глазами очевидцев. URL: https://www.molodguard.ru/heroes2022.htm
16. *Зотова А. А.* Исторический опыт школьной реформы в Ленинграде в 1944 г. и его современное значение // Образование и наука в современных условиях. 2015. № 3. С. 21–22.
17. История школы № 47 в годы блокады / А. Сапрыкин [и др.]; рук. В. Н. Пашкова // Моя Петроградская сторона. Люди Петроградской стороны вчера... сегодня... завтра... (лучшие работы участников конкурса школьников Петроградского района в 1998 г.) / Под общ. ред. Л. Г. Тариты. СПб., 1998. С. 133–167.
18. *Кобыш И. И.* Из дневника директора 114-й средней школы Выборгского района г. Ленинграда (1941/42 учебный год) // Советская педагогика. 1943. № 1. С. 61–63.
19. *Кропачева М. М.* Ленинградские школы в годы Великой Отечественной войны // Материалы научной сессии, посвященной 250-летию Ленинграда. М.: АПН РСФСР, 1959. С. 51–66.
20. *Крюков А.* Ради спасения: дети и музыка в осажденном Ленинграде. СПб.: Композитор, 2018.
21. *Кутыев Н. Н.* Великая Отечественная война в жизни ленинградского школьника. СПб.: Институт инноватики, СПб. гос. политех. ун-т, 2003. 54 с.
22. *Ивашкевич М. М.* Замечательные помощники // В осажденном Ленинграде: Воспоминания участников обороны Ленинграда, воинов и тружеников Октябрьского района. СПб., 1993.
23. *Любова В. Ф.* Одной семьей: Записки директора школы / Лит. запись Ю. Бродицкой. Л.: Лениздат, 1952.
24. *Молчанов А. В.* Я на войне был школьником блокадным // Дети и блокада: Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы / Сост. Т. М. Голубева [и др.]. СПб.: ИПК «Вести», 2000. С. 23–45 (Сер. «Блокада рассекреченная»; Кн. III).
25. *Мухина Е. В.* «...Сохрани мою печальную историю...»: блокадный дневник Лены Мухиной / [С.-Петерб. ин-т истории; отв. ред. В. М. Ковальчук; подгот. дневника, коммент. В. М. Ковальчука, А. И. Рупасова, А. Н. Чистикова;

вступ. ст. С. В. Ярова].СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2011.

26. Нас жег огонь смертельный: Воспоминания учителей Фрунзенского района Санкт-Петербурга о войне 1941–1945 гг. / [сост.: Н. Г. Кухарник, Л. С. Кудряшова]. СПб., 1995.
27. *Новопашенная К. К.* Внеклассная работа по истыории в ленинградских школах в годы блокады // [Учен. зап. в ознаменование 25-летия пед. и науч. деятельности] / ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л.; Челябинск, 1947. С. 113–133.
28. *Плахов В. В.* Война. Блокада. Школа // Universum: Вестник Герценовского университета. 2010. № 5 (79). С. 26–36. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voyna-blokada-shkola
29. *Ползикова-Рубец К. В.* Они учились в Ленинграде. Л., 1964.
30. *Ползикова-Рубец К. В.* Дневник учителя блокадной школы (1941–1946). СПб.: Тема, 2000. 245 с.
31. *Раскин Л. Е.* Ленинградские школы в дни Отечественной войны // Советская педагогика. 1942. № 11–12. С. 21.
32. *Раскин Л. Е.* Героические будни школ Ленинграда // Начальная школа. 1965. № 5. С. 13–21.
33. *Раскин Л. Е.* Это было в Ленинграде // Нар. образование. 1965. № 5. С. 22–34.
34. *Раскин Л. Е.* О работе школ и детских учреждений в условиях блокады // Оборона Ленинграда. 1941–1944: Воспоминания и дневники участников. Ч. 2. Л.: Наука, 1968. С. 738–753.
35. *Рогова Н. Н.* Вкус 125 г хлеба (они учили и учились в блокадном Ленинграде) //Женщины Ленинграда в годы блокады: науч. конф. 10–11 марта 2005 г.: тез. докл. / Редкол.: А. Р. Дзенискевич (отв. ред.) и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 105–108.
36. *Рогова Н. Н.* Воспоминания учительницы Н. В. Мансветовой о блокаде Ленинграда // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: сб. статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 547–577.
37. *Серебряков В. В.* Школа в двойном блокадном кольце. СПб., 2015.
38. *Соболев Г. Л.* Подвиг ленинградской учительницы // Женщины Ленинграда в годы блокады: науч. конф. 10–11 марта 2005 г.: тез. докл. / Редкол.: А. Р. Дзенискевич (отв. ред.) и др. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2005. С. 117–118.
39. *Тихомиров М. М.* Дневник Миши Тихомирова: Ленинград, 1941–1942 гг. СПб.: Вести, 2010.
40. *Федюшина З. И.* Моя блокада (воспоминания). СПб., 2014. URL: https://20vek.ru.com/oa/bb.pdf
41. *Хомякова Т.* Костры не гаснут // Учителя — герои Великой Отечественной войны. М.: Педагогика, 1974. С. 59–69.
42. *Шмелев О. О.* Память блокадного мальчишки. СПб.: Изд-во СПб. гос. политех. ун-та, 2008.
43. *Яковлева Т. Т.* Юннаты блокады // Судьбы. М.: Правда, 1989. С. 11–16 (Библиотека «Комсомольской правды». № 8).
44. «Я на войне был школьником блокадным...». Работа образовательных учреждений Ленинграда в период блокады и эвакуации. Материалы открытой городской конференции к 75-летию Победы / Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных; авт.-сост.: И. Г. Васильева, О. И. Савельева, Т. Г. Смирнова; редакторы С. Дм. Мангутова, В. А. Петрова. СПб., 2020.

Интернет-ресурсы

1. Фильм о школе № 47. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Aa2oV_bNcfM&t=65s
2. Военный Дневник Тани Вассоевич. URL: www.youtube.com/watch?v=YFdZ50moCMI

Блокадные дневники и воспоминания в фондах отдела рукописей РНБ

Ф. 1273 (Собр. материалов о Великой Отечественной войне).

URL: http://expositions.nlr.ru/proriv_blokada/ dnevnik.php

Меерсон (рожд. *Гутшабаш*) *Софья Яковлевна*. Из дневника блокадной школьницы (Отрывки). Июнь 1941 — январь 1944 гг., Ленинград. Копия начала 1970-х гг. 13 л.

Мымрикова Елена, бывшая ученица 155-й школы Смольнинского района. «Воспоминание о военных годах, 1941–1944 гг.». [1980-е гг., Ленинград]. 1 л. 1941–1944 гг. Возвращение из пионерского лагеря в Сиверской 22 января 1941 г. Работа в совхозе «Оборона» на станции Лахта летом 1941 г. Занятия в школе в условиях блокады. Уход за ранеными из частей

Ленинградского фронта в эвакогоспитале в Александро-Невской лавре.

Ползикова-Рубец Ксения Владимировна (1889–1949), педагог, руководитель Центральной станции гуманитарных экскурсий для школьников в Аничковом дворце, автор книги «Они учились в Ленинграде: Дневник учительницы». Блокадный дневник. 31 декабря 1941 — январь 1944 гг., Ленинград. 324 л. События и атмосфера в городе, транспорт, школьная жизнь, блокадные дети, служащие ГПБ и Эрмитажа. Ф. 1397 (Банк Н. Б.). № 26.

Смирновская Анастасия Михайловна (р. 1904), педагог. «Мои воспоминания, 1941–1942». [1980-е гг.], Ленинград. 1941–1942 гг. Начало войны. Подготовка здания школы под нужды госпиталя. Занятия с детьми в помещении бомбоубежища. Скудные припасы. Походы за водой на Петропавловскую крепость. Детский сад. Работа в детском доме. Вши. Смертность среди подростков. Вывозка трупов под угрозой штрафа. Очищение города от наледей. Приказ об отказе в выдаче хлебных карточек для родителей с двумя детьми. Эвакуация в Томскую область.

Шаврова Евгения Вадимовна (1928–1991), дочь В. Б. Шаврова, впоследствии — геолог, инженер. «Дневник блокадной школьницы». Июль-октябрь 1942 г. Ленинград. 16 л. «Дневник». Октябрь-декабрь 1942 г. Ленинград. 27 л. «Дневник». Январь-май 1943 г. Ленинград. 15 л. «Дневник». 2 сентября — 27 ноября 1943 г. Ленинград. 10 л. Ф. 1466 (Шавровы В. Б., Н. Л. и Е. Б.). № 18–21.

Доступ ко всем сетевым ссылкам проверен 07.10.2021.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

В Приложениях представлены выдержки из нормативных документов, регламентировавших учебную и воспитательную деятельность в военное время; сводные данные по ленинградским школам, работавшим в блокаду; фрагменты из записей посещений уроков и школьных испытаний инспекторами и методистами; сканированные страницы ученических работ; портретные характеристики учителей.

Авторские тексты подобраны таким образом, чтобы представить школьную жизнь Ленинграда в блокаду так, как ее увидели и запомнили руководители школ, учителя разных предметов, учащиеся разных возрастов. Именно так, как они сочли возможным рассказывать о ней сразу же после войны или через несколько десятилетий. Пусть не смущает современного читателя исторически обусловленная форма изложения событий в узнаваемой советской стилистике. За строками публикуемых текстов важнее увидеть другое — то, о чем в Нагорной проповеди сказано: «По плодам их узнаете их». В содержании отчетов и воспоминаний зафиксирована конкретика блокадных действий во всем многообразии и сложности эмоциональных и поведенческих проявлений, свойственных военному времени. Множество невыдуманных деталей школьной повседневности позволяет через много лет по реальным плодам волевых усилий ленинградских педагогов составить представление о том, что определяло суть блокадной педагогики.

Приложение III-1

Ленинград 1940: Адресно-справочная книга. Л.: Лениздат, 1940

Общеобразовательные школы

№ п/п	Районы	Начальные 1–4 классы	Неполные средние 1–7 классы	Средние 1–10 классы	Всего без школ взрослых	Заочные средние школы взрослых Ленгороно	Всего школ в районе
1	Василеостровский	1	4	19	24	5	29
2	Володарский	1	9	19	29	9	38
3	Выборгский	1	12	21	34	10	44
4	Дзержинский	0	6	20	26	5	31
5	Кировский	1	5	17	23	8	31
6	Красногвардейский	4	7	20	31	7	38
7	Куйбышевский	0	2	18	20	5	25
8	Ленинский	2	4	23	29	6	35
9	Московский	0	9	23	32	8	40
10	Октябрьский	0	13	30	43	10	53
11	Петроградский	0	0	27	27	4	31
12	Приморский	0	6	23	29	5	34

№ п/п	Районы	Начальные 1–4 классы	Неполные средние 1–7 классы	Средние 1–10 классы	Всего без школ взрослых	Заочные средние школы взрослых Ленгороно	Всего школ в районе
13	Свердловский	1	7	13	21	6	27
14	Смольнинский	0	5	25	30	7	37
15	Фрунзенский	0	10	31	41	6	47
16	Колпино	1	4	3	8		
17	Петергоф	2	2	5	9		
18	Пушкин	1	1	6	8		
	ИТОГО:	**15**	**106**	**343**	**464**	**101**	**565**

Приложение III-2

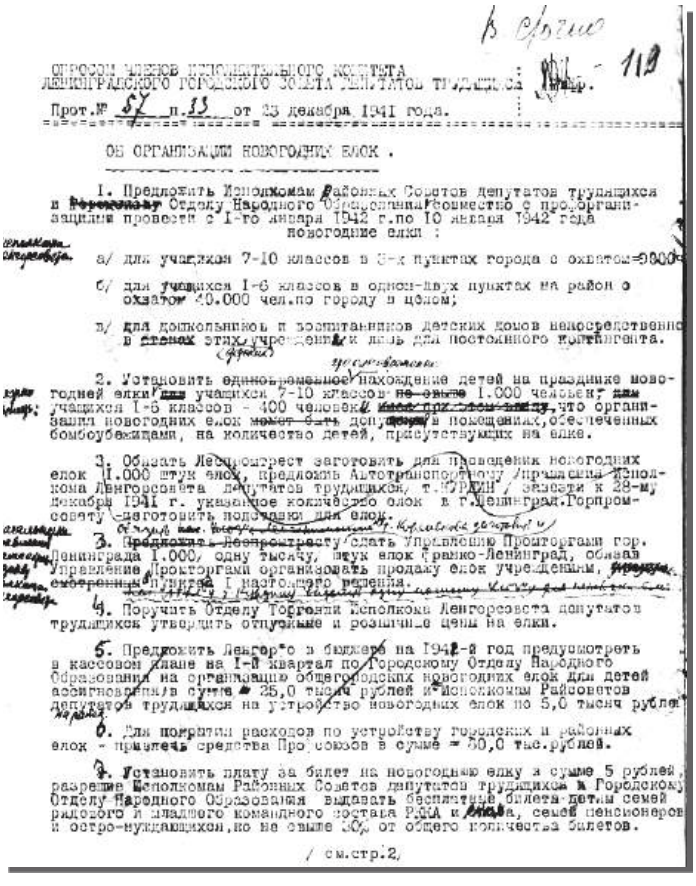
Список 39 школ, работавших в блокадную зиму 1941—1942 г.

- 25-я средняя школа — 7 линия Васильевского острова, дом 52.
- 27-я средняя школа — 8 линия Васильевского острова, дом 17.
- 33-я средняя школа — 12 линия Васильевского острова, дом 13.
- 47-я средняя школа — улица Плуталова, дом 24.
- 50-я средняя школа — Пионерская улица, дом 25.
- 85-я средняя школа — Петроградская набережная, дом 2/4.
- 90-я средняя школа — Зверинская улица, дом 35/37.
- 98-я неполная средняя школа — улица Елизарова, дом 3.
- 105-я средняя школа — Бабурин переулок, дом 5.
- 110-я средняя школа — Костромской проспект, дом 50/52.
- 114-я средняя школа — Большая Озерная улица, дом 32.
- 122-я средняя школа — улица Раевского, дом 32.
- 132-я средняя школа — Покровская улица, дом 14.
- 148-я средняя школа — улица Панфилова, дом 31.
- 155-я средняя школа — Греческий проспект, дом 21.
- 166-я средняя школа — Прудковский переулок, дом 1/8.
- 205-я средняя школа — Кузнечный переулок, дом 20.
- 206-я средняя школа — набережная реки Фонтанки, дом 62.
- 207-я средняя школа — улица Маяковского, дом 1.
- 216-я средняя школа — набережная реки Фонтанки, дом 48.
- 221-я средняя школа — улица Плеханова, дом 7.
- 222-я средняя школа — улица Софьи Перовской, дом 5.ы
- 236-я средняя школа — набережная реки Мойки, дом 108.
- 239-я средняя школа — проспект Рошаля, дом 12.
- 249-я средняя школа — улица Союза Печатников, дом 26а.
- 251-я средняя школа — проспект Майорова, дом 40.
- 252-я средняя школа — Крюков канал, дом 15.
- 272-я средняя школа — 1-я Красноармейская улица, дом 3/5.
- 280-я средняя школа — Лермонтовский проспект, дом 52.
- 316-я средняя школа — Предтеченская улица, дом 30.
- 317-я средняя школа — Мало-Детскосельская улица, дом 34.
- 319-я средняя школа — Чернышов переулок, дом 11.
- 321-я средняя школа — Социалистическая улица, дом 7.
- 329-я неполная средняя школа — Смоленская улица, дом 20.
- 331-я средняя школа — улица Бабушкина, дом 7.
- 333-я средняя школа — Слободская улица, дом 3/5.
- 338-я средняя школа — правый берег Невы, дом 178-182.
- 356-я средняя школа — Заставская улица, дом 9.
- 367-я средняя школа — Тамбовская улица, дом 17.

Приложение III-3

Решение Ленгорисполкома об организации детских новогодних елок 23 декабря 1941 г.

ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1431. Л. 119–120



ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА
заседания Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся
Прот. № 57 п. 33 от 23 декабря 1941 года.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ НОВОГОДНИХ ЕЛОК.

1. Предложить Исполкомам Районных Советов депутатов трудящихся и Отделу Народного Образования совместно с профорганизациями провести с 1-го января 1942 г. по 10 января 1942 года новогодние елки:

а/ для учащихся 7-10 классов в трех пунктах города с охватом 9000 чел.;

б/ для учащихся 1-6 классов в одном-двух пунктах на район с охватом 40.000 чел. по городу в целом;

в/ для дошкольников и воспитанников детских домов непосредственно в стенах этих учреждений и лишь для постоянного контингента.

2. Установить одновременное нахождение детей на празднике новогодней елки учащихся 7-10 классов не свыше 1.000 человек; учащихся 1-6 классов – 400 человек, что организация новогодних елок допускается в помещениях, обеспеченных бомбоубежищами, на количество детей, присутствующих на елке.

3. Обязать Леноблторгсбыт заготовить для проведения новогодних елок 1.000 штук елок, предложить Автотранспортному Управлению Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся, т. ГРАДИН / завезти к 28-му декабря 1941 г. указанное количество елок в г. Ленинград. Горпромсовету заготовить подставки для елок.

3. Предложить Леноблторгсбыту сдать Управлению Промторгами гор. Ленинграда 1.000, одну тысячу, штук елок франко-Ленинград, обязав Управление Промторгами организовать продажу елок учреждениям, указанным в пункте 1 настоящего решения.

4. Поручить Отделу Торговли Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся утвердить отпускные и розничные цены на елки.

5. Предложить Ленгорфо в бюджете на 1942-й год предусмотреть в кассовом плане на I-й квартал по Городскому Отделу Народного Образования на организацию общегородских новогодних елок для детей ассигнования в сумме 25,0 тысяч рублей и исполкомам Районных Советов депутатов трудящихся на устройство новогодних елок по 5,0 тысяч рублей.

6. Для покрытия расходов по устройству городских и районных елок – привлечь средства Профсоюзов в сумме 50,0 тыс. рублей.

7. Установить плату за билет на новогоднюю елку в сумме 5 рублей, разрешив Исполкомам Районных Советов депутатов трудящихся и Городскому Отделу Народного Образования выдавать бесплатные билеты-детям семей рядового и младшего командного состава РККА и РККФ, семей пенсионеров и остро-нуждающихся, но не свыше 30% от общего количества билетов.

/ см. стр. 2 /

1. Предложить исполкомам районных советов депутатов трудящихся и отделу народного образования совместно с профорганизациями провести с 1 января 1942 по 10 января 1942 г. новогодние елки:

а) для учащихся VII–X классов в трех пунктах города с охватом 9000 чел.;

б) для учащихся I–VI классов в одном-двух пунктах на район с охватом 40 тыс. чел. по городу в целом;

в) для дошкольников и воспитанников детских домов непосредственно в стенах этих детских учреждений и лишь для постоянного контингента.

2. Установить, что одновременное нахождение детей на празднике новогодней елки учащихся VII–X классов — не свыше 1000 чел., учащихся I–VI классов — 400 чел. и что организация новогодних елок допускается в помещениях, обеспеченных бомбоубежищами на численность детей, присутствующих на елке.

3. Обязать т. Коренкова заготовить и сдать Управлению промторгами г. Ленинграда 1000 елок франко-Ленинград, обязав Управление промторгами организовать продажу елок учреждениям, указанным в пункте 1 настоящего решения.

4. Поручить отделу торговли исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся утвердить отпускные и розничные цены на елки.

5. а) Выделить в распоряжение заведующего городским отделом народного образования т. Левина из городского бюджета 25 тыс. руб. для организации общегородских новогодних елок для детей;

б) в пределах кассовых планов декабря 1941 г. разрешить исполкомам райсоветов депутатов трудящихся израсходовать по 5 тыс. руб. на устройство новогодних елок.

Обязать т. Левина реализовать выделенные средства до 1 января 1942 г.

6. Для покрытия расходов по устройству городских и районных елок привлечь средства профсоюзов в сумме 60 тыс. руб.

7. Установить плату за билет на новогоднюю елку в сумме 5 руб., разрешив исполкомам районных советов депутатов трудящихся и городскому отделу народного образования выдавать благотворительные билеты детям семей рядового и младшего командного состава РККА и РККФ, семей пожилых людей и остронуждающихся, но не выше 30% от общего количества билетов.

8. Разрешить Ленглавресторану организовать обслуживание участников на праздниках новогодних елок обедами без вырезки талонов из продовольственных карточек и елочными подарками, представив отделу торговли исполкома Ленгорсовета данные о расходе на указанные цели продовольствия.

9. Поручить Управлению по делам искусств (т. Рачинский) и Управлению кинофикации (т. Павлов) обеспечить художественно-зрелищное обслуживание новогодних елок.

10. Утвердить комиссию по организации новогодних елок в следующем составе: т. Пономарев — председатель комиссии, Г. С. Левин — и. о. заведующего Гороно, Н. А. Гайсенок — председатель ЦК союза судостроителей, А. М. Гольдин — ЛГК ВЛКСМ, А. И. Фельдман — начальник Ленглавресторана.

Приложение III-4

Отчеты школ о работе за 1941–1942 учебный год

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 501 (220 листов)

№№ школ	Адреса школ (представлены в соответствии с источником)	Тип школы	Кол-во учащихся на начало года	Кол-во учащихся на конец года	Оставлено на второй год и переведено	Отличников
Василеостровский р-н: 9 школ (2 неполных средних, 7 средних)						
21	Университетская наб. 11	Средняя	164	162	162	
24	5 линия. 16	Средняя	437	290	287	
25	8 линия, 29	Неполная средняя	172	153	153	
26	7 линия, 52	Средняя	787	595	530	5
27	8 линия, 17	Средняя	236	168	45	
29	Пер. Каховского, 2	Средняя	421	371	371	
32	2 линия, 43	Неполная средняя	381	396	396	
33	12 линия, 13	Средняя	377	280	137	3
36	10 линия, 49	Средняя	419	370	346	
				2785		
Володарский район: 8 школ (1 неполная средняя, 7 средних)						
329	Пр. Смоленского, 20/1	Неполная средняя	201	132	126	
331	Ул. Бабушкина,7	Средняя	1325	520	502	1
333	Слободская ул., д. 3/5	Средняя	749	267	232	
338	Правый берег Невы, 182	Средняя	487	286	269	
334	Смоленский пер., 31	Средняя	778	761	739	
339	Белевский пер., д. 5/6	Средняя	97	94	29	
341	Правый берег Невы, 108	Средняя	145	197	197	
342	Б. Смоленский пр., 26	Средняя	198	312	304	
				2569		
Выборгский район: 15 школ (4 неполных средних, 11 средних)						
94	Ломанская ул., 17	Неполная средняя	143	185	185	
96	Ярославский пр., 24	Неполная средняя	400	231		
98	Шувалово, Елизав., 3	Неполная средняя	224	117	117	
101	Никитинская, 18	Неполная средняя	300	128	128	
103	Институтский пр., 25	Средняя	260	196	196	
105	Бабурин пер., 5 б	Средняя	399	275	36	1
106	Лесной пр., 20	Средняя	209	170	170	
108	Нейшлотский пр., 2/4	Средняя	208	155		
110	Костромской пер., 50–52	Средняя	350	242	-	
111	Нет адреса	Средняя	306	136		
112	Английский пр., 13–15	Средняя	503	356		
114	Большая Озерная, 50	Средняя	298	221	35 перев.	
116	Сердобольская ул., 50/52	Средняя	436	311		
122	Пр. Раевского, 32	Средняя	331	116		
123	Новолитовская ул., 7	Средняя	578	353		
				3192		
Дзержинский район: 11 школ (6 неполных средних, 5 средних)						
181	Соляной пер., 12	Неполная средняя	594	387		
182	Ул. Пестеля, 16	Неполная средняя	569	522		

N°N° школ	Адреса школ (представлены в соответствии с источником)	Тип школы	Кол-во учащихся на начало года	Кол-во учащихся на конец года	Оставлено на второй год и переведено	Отличников
183	Салтыкова-Щедрина, 28 а	Средняя	348	109		
186	Наб. Робеспьера, 24	Неполная средняя	157	102	24 перев.	
187	Ул. Чайковского, 62/5	Средняя	453	151		
192	Моховая ул., 33/35	Средняя	219	233		
194	Ул. Некрасова, 15	Неполная средняя	575	427		
199	Инженерная, 3	Средняя	311	165		
201	Ул. Халтурина, 14/ Мойка, 13	Неполная средняя	220	191		
202	Ул. Желябова, 9	Неполная средняя	328	201		
203	Салтыкова-Щедрина, 8а	Средняя	657	235		
				2768		
Кировский район: 4 средних школы						
384	Пр. Стачек, 13	Средняя	286	262		1
395	Новосивковская ул., 7	Средняя	251	187		
389	Пр. Стачек, 52	Средняя	215	168		
392	Промышленный пер., 16	Средняя	170	190		
				807		
Красногвардейский район: 7 школ (2 неполных средних, 5 средних)						
132	Покровская ул., 14	Средняя	635	504	465	
134	Отечественная ул., 3	Средняя	672	96		
136	Тепловодский пр.	Неполная средняя	431	173	Весенне-летняя	
138	Ул. Михайлова, 8	Средняя	376	329		
145	Средний пр., 33	Средняя	580	452		
146	Пр. Мечникова, 2	Неполная средняя	389	53		
148	Ул. Панфилова, 31	Средняя	272	96	44 перев.	2
				1703		
Куйбышевский район: 9 средних школ						
205	Кузнечный пер., 20	Средняя	522	272	130 перев.	
206	Фонтанка, 62	Средняя	739	553		4
207	Пр. 25 Октября, 98	Средняя	799	493		
211	Плеханова, 7	Средняя	373	385		2
212	Лиговский пр., 46	Средняя	265	232		
216	Фонтанка, 48	Средняя	673	262	67 перев.	
218	Ул. Рубинштейна, 13	Средняя	444	382		
221	Ул. Плеханова, 7	Средняя	373	385		
222	Пр. 25 Октября, 22/24	Средняя	1036	462		
				3426		
Ленинский район: 7 школ (1 неполная средняя, 6 средних)						
268	Пр. Огородникова, 56/58	Средняя	658	580		
272	1 Красноармейская, 3/5	Средняя	419	574		3
274	Дровяная ул., 7а	Неполная средняя	621	548	416 перев.	
277	8 Красноармейская, 3	Средняя	551	523		
280	Лермонтовский пр., 51 /52	Средняя	789	414	68 перев.	5
281	Ул. Егорова, 26 а	Средняя	720	567		
289	Нарвский пр., 6 / 8	Средняя	689	536	462 перев.	
				3742		

№№ школ	Адреса школ (представлены в соответствии с источником)	Тип школы	Кол-во учащихся на начало года	Кол-во учащихся на конец года	Оставлено на второй год и переведено	Отличников
Московский район — 9 школ (1 неполная средняя, 8 средних)						
356	Заставская ул., 9а	Средняя	303	351	348 перев.	3
360	Тамбовская ул., 80	Неполная средняя	384	267		
367	Тамбовская ул., 17/ 19	Средняя	310	200	44 перев.	3
368	Ул. Самойлова, 12	Средняя	156	242	114 перев.	
369	Воронежская ул., 42/44	Средняя	333	244		
370	Международный пр., 90	Средняя	280	210		
373	Волковская ул., 15	Средняя	184	270	251 перев.	
374	Киевская ул., 16	Средняя	307	259		
375	Воронежская ул., 79	Средняя	365	292		
				2335		
Октябрьский район: 15 школ (4 неполных средних, 11 средних)						
226	Пр. Майорова, 38	Неполная средняя	345	276		
231	Ул. 3-го июля, 104	Неполная средняя	280	232		
232	Фонтанка, 105	Неполная средняя	345	276		
236	Мойка, 108	Средняя	442	289	45 перев.	2
239	пр. Рошаля, 12	Средняя	512	460	7 перев.	1
240	Крюков канал, 20	Средняя	278	275		
241	Ул. 3-ьего июля, 52	Неполная средняя	325	267		
243	Ул. Печатников, 1	Средняя	501	351		
245	Пр. Римского-Корсакова, 69	Средняя	307	158		
246	Ул. Войтика, 7	Средняя	324	212		
249	Ул. Союза Печатников, 26а	Средняя	569	357	38 перев.	2
251	Пр. Майорова, 40	Средняя	418	261	256 перев.	1
252	Крюков канал, 15	Средняя	178	286	58 перев.	4
255	Фонарный пер., 4	Средняя	437	401		
256	Пр. Майорова, 34 а	Средняя	548	433		
				4534		
Петроградский район: 7 средних школ						
72	Ул. Льва Толстого, 9	Средняя	1182	571		
78	Зверинская ул., 21	Средняя	394	422		
80	Пр. Карла Либкнехта, 29а	Средняя	411	541		
81	Малая Посадская, 26	Средняя	449	336		
85	Петроградская наб., 2 /4	Средняя	582	351	48 перев.	4
89	Большая Посадская, 16	Средняя	640	320	319 (2-й год)	
90	Зверинская ул., 35 /37	Средняя	586	816	77 перев. 636 — 2-й год	
				3357		
Приморский район: 8 школ (1 начальная, 2 неполных средних, 5 средних)						
44	Песочная наб., 14	Начальная	439	246		
47	Плуталова, 24	Средняя	686	489		3
48	Подковырова, 48	Средняя	712	323		
49	Полозова, 2	Неполная средняя	600	560		
50	Пионерская, 25	Средняя	592	394	13 перев.	1
52	Карла Либкнехта, 18	Неполная средняя	339	271		
62	Новая Деревня. Набережная ул., 123	Средняя	809	505		
65	Крестовский пр., 34	Средняя	712	540		
				3328		

N°N° школ	Адреса школ (представлены в соответствии с источником)	Тип школы	Кол-во учащихся на начало года	Кол-во учащихся на конец года	Оставлено на второй год и переведено	Отличников
Свердловский район: 7 средних школ						
2	14 линия В.о., 29	Средняя	380	440		
3	14 линия В.о., 39	Средняя	780	589		
5	Косая линия, 15 а	Средняя	146	132		
9	Остроумова, 19 в	Средняя	152	267		4
13	17 линия, 34–36	Средняя	219	134		
15	19 линия, 22	Средняя	345	281		
16	Пр. Пролетарской Победы, 84	Средняя	321	272		
				2115		
Смольнинский район: 10 школ (2 неполных средних, 8 средних)						
155	Греческий, 21	Средняя	529	444	170 перев.	3
156	9-я Советская, 4 /6	Средняя	408	571		
157	Лафонская, 1	Средняя	559	518		
161	Калашниковская наб., 64	Неполная средняя	251	119		
164	6-я Советская,24	Средняя	258	244		
166	2-я Советская, 3/7	Средняя	601	292	70 перев.	4
169	Харьковская, 13/2	Средняя	753	648		
174	Дегтярный пер., 24	Неполная средняя	231	210		
177	Исполкомская, 16	Средняя	561	501		
179	Ул. Моисеенко, 19	Средняя	635	400		1
				3947		
Фрунзенский район: 13 школ (6 неполных средних, 7 средних)						
293	Глазовая, 16	Неполная средняя	475	121		
294	Ул. Марата, 27	Неполная средняя	404	400		
299	Разъезжая, 5	Неполная средняя	393	125		
301	Лиговский, 87	Неполная средняя	262	183		
306	Верейская, 20	Неполная средняя	415	439		
313	Серпуховская, 39	Средняя	369	205		
314	Торговый пер.,2а	Средняя	356	300		
316	Предтеченская, 30	Средняя	540	275		
317	Малодетскосельский, 34	Средняя	468	311	17 перев.	2
318	Чернышев, 11	Средняя	266	179		3
321	Социалистическая, 7	Средняя	785	405		1
322	Бородинская, 11 /13	Неполная средняя	464	441		
323	Предтеченская, 17/49	Средняя	311	96		
				3480		
ИТОГО по Ленинграду: 139 массовых школ, 1 начальная, 31 неполная средняя, 107 средних школ, 7 спец.школ НКП			41 851	44 088	8924	69

Приложение III-5

Отчет школ Ленгороно о работе за 1941–1942 учебный год
(с указанием периодов реальной работы)

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 500 и 501

Районы	Начало и конец уч. года	Число классов на начало уч. года	Число учащихся на начало уч. года	Число учащихся на конец уч. года	Из них девочек	Отлично закончивших 10-й класс
Василеостровский	20.10.41–30.06.42	92	3377	2865	1681	8
Володарский	30.09.41–30.06.42	111	3980	2572	1581	1
Выборгский	03.11.41–30.06.42	182	6359	3345	798	10
Дзержинский	01.09.41–24.06.42	124	4431	2723	1530	Не было выпуска
Кировский	04.05.42–01.07.42	32	922	807	485	1
Красногвардейский	8.05.41–30.06.42		1580	1859		Не указано
Куйбышевский	4.05.41–31.06.42	160	5083	3299	1722	12
Ленинский	3.05.41–30.06.42	215	7060	6077	3373	14
Московский	4.05.41–30.06.42	86	2622	2235	545	6
Октябрьский	11.41–05.42	171	5755	4537	2668	10
Петроградский	4.05.41–30.06.42	126	4344	3357	1913	4
Приморский	04.05.42–30.06.42	255	9339	6574	3941	4
Свердловский	03.09.41–03.05.42	79	2343	245	1176	1
Смольнинский	04.05.41–01.07.42	159	5254	4017	2263	8
Фрунзенский	03.09.41–1.07.42	173	6382	3629	2120	5
Итого:			**67 831**	**48 141**		**84**

Комментарий к таблице. Все школы, кроме одной в Красногвардейском районе, занимались в первую смену, во вторую смену учился только 1 класс (21 человек).

Из 1537 педагогов, работающих в школах, учителей:

- начальных классов — 680;
- математики, физики — 302;
- химии, географии, естествознания — 287;
- музыки, пения, рисования, черчения, физкультуры, военного дела — 268.

Административно-технический и младший обслуживающий персонал — 39 человек.

Приложение III-6

Учебный план на 1942–1943 учебный год

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 562. Л. 65

Название предмета/ Классы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Русский язык и литер чтение. Литература	14*	14*	10/8	8	10	8	6	5	6	3
Арифметика Алгебра, геометрия, тригонометрия	7	7	6	7	7	6	6	6	6	6
Естествознание	–	–	2	2	2	3	2	2	2	2
История	–	–	0/3	2/3	2	3/2	2	4	4	4
Конституция СССР	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–
География	–	–	3/2	2/3	3	2/3	2	3/2	2/3	–
Физика							2	3	3/2	4

Название предмета/ Классы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Астрономия										1
Химия							3/2	2	2/3	4/3
Иностранный язык					4	4	2/3	3/4	2/3	3/4
Военно-физкультурная подготовка, начальная и допризывная военная подготовка	1	1	2	2	2	2	3	4	4	5
Рисование	1	1	1	1	1					
Пение***	1	1	1	1	1	1				
Черчение							1	1	1	1
Основы сельского хозяйства **					*1*	*1*	*1*	*1*	*1*	
ИТОГО	24	24	26	27	32	32	32	32	32	32

* В том числе 2 часа на чистописание.
** С 5 по 9-й класс будет введено особым распоряжением.
*** Пение остается, но сверх плана, тогда итоговая нагрузка будет 33 часа в неделю.

В военные годы шел многолетний эксперимент по апробации 2-часового курса пения в 7-летней школе. В нем принимали участие и школы блокадного Ленинграда.

Приложение III-7

План работы Ленгороно на 1942—1943 учебный год

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 593 (л. 9)

План подготовки к новому 1942–1943 учебному году

1. Подготовка школьных зданий

- провести необходимый ремонт;
- оборудовать пищевые блоки в школах, где их нет;
- провести ремонт печей и установку кирпичных времянок (до 27 августа);
- закончить переоборудование бомбоубежищ, газоубежищ и привести в полную готовность укрытия;
- обеспечить все школы противопожарным инвентарем;
- обеспечить всех учащихся и работников школ личными средствами противохимической защиты;
- скомплектовать и обучить команды МПВО, составить план ПВО объекта;
- обеспечить все школы топливом на зимний период (учесть все запасы топлива, организовать бригады в школах для заготовки дров по нарядам для слома к 15.09).

2. Подготовка учебной и воспитательной работы

- регистрация всех детей для обеспечения выполнения всеобуча (проведение собраний с родителями первоклассников и с родителями семиклассников о переходе в 8 класс); окончательный контингент предоставить к 5 сентября;
- провести осенние испытания и испытания для учащихся, занимавшихся самостоятельно, для перевода в следующий класс;
- для экзаменов за 7 и 10 класс организовать экстернат с 15 августа в 211 школе Куйбышевского района; с 1 сентября — в 239 школе Октябрьского района; с 20 сентября — в 185 школе Смольнинского района;
- подготовить все кабинеты, пополнив пособиями из консервированных школ;
- организовать в школе продажу учебников и скупку у перешедших в следующий класс;
- через Канцторг организовать продажу тетрадей и прочих принадлежностей (в соответствии с нормами расходования тетрадей и бумаги школьниками);
- ознакомить учителей со школьными программами; обеспечить материалами для отчетности (журналы, бланки, дневники)...

3. По внешкольной работе

- обеспечить работу Дворца пионеров (до 7 ноября);
- составить указания по внеклассной работе;

- обеспечить работу школьных библиотек;
- составить указания по режиму дня и трехразовому питанию в школе.

4. Провести ряд мероприятий:
- организовать городское совещание директоров и завучей с инструктивными докладами о задачах школ в 1942/43 уч. году;
- провести районные совещания по той же тематике;
- кустовые совещания учителей начальной школы (до 30 августа); остальных — в сентябре;
- провести совещания с библиотекарями школ города;
- провести педагогические советы в школах.

5. Подвести итоги сельскохозяйственных работ (с 20 по 25 сентября):
- обработанная площадь школьных участков;
- сбор урожая (культуры, в тоннах и кг);
- сбор дикорастущих растений;
- обработанная площадь в совхозах и подсобных хозяйствах;
- производительность труда (в % от нормы);
- количество участвовавших в сельскохозяйственных работах (мобилизованных, в порядке общественно полезных работ);
- ударники-учителя (с отчетом и фотографиями в Гороно);
- провести родительские собрания во всех школах;
- создать комиссии по приему школ.

Школьному сектору и ЛГИУУ составить план подготовки выставки «**25 лет советской школы**».

Приложение III-8

Отчет Ленгороно о работе школ за 1942—1943 учебный год

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 563, 568

Район	Общее кол-во школ	Из них			Число учащихся 1–10 кл.	Число учащихся в 8–10 кл.	Число отличников	% успеваемости
		Нач. 1–4 кл.	**7-летки**	**Сред. 10-летки**				
Василеостровский	6	0	5	1	1607	62	189	96,3
Володарский	6	2	2	2	1452	37	182	94,6
Выборгский	10	0	6	2	2240	90	188	91,1
Дзержинский	5	1	3	1	1853	41	235	90,6
Кировский	1	0	0	1	399	11	32	94,8
Красногвардейский	7	1	4	2	2247	22	192	93,1
Куйбышевский	6	0	3	3	1859	167	216	96,2
Ленинский	4	0	3	1	1663	68	107	89,0
Московский	4	0	3	1	1239	7	94	92,1
Октябрьский	7	0	4	3	2455	91	172	93,1
Петроградский	6	0	5	1	2261	65	Нет	93,8
Приморский	6	0	5	1	2088	54	270	96,9
Свердловский	3	0	3	0	1264	–	158	–
Смольнинский	8	2	3	3	2252	99	193	95,2
Фрунзенский	6	1	5	2	2191	61	226	93,7
Колпино	1	1			22	4	нет	91,3
ВСЕГО:	**86***	**8**	**54**	**24**	**27 092**	**900**	**2459 (9,1%)**	**93,4**

* Без двух школ для больных детей (там временное пребывание детей).
По Кронштадту, Пушкину, Петергофу сведений нет.

Комментарии к таблице. Обращает на себя внимание резкое уменьшение числа старшеклассников (8–10-й классы), они составляют 3,3% от общей численности учащихся. Тем не менее в этот тяжелый год блокады отлично закончили 10-й класс 38 учащихся.

Подробный анализ успеваемости дан в отчетах по всем учебным предметам, также выведен средний уровень успеваемости по школам, районам и городу в целом. Для блокадного города это высокий уровень успеваемости — 93,4%.

В отчетных материалах прослеживается информация об изучении иностранных языков в школах города: в 35 школах — английский язык, в 76 школах — немецкий, в 14 школах — французский язык; в некоторых школах изучали 2 иностранных языка. Известно, что многие школьники сначала отказывались учить «язык фашистов», и учителям нужно было проявить большое педагогическое мастерство, чтобы разъяснить ребятам разницу между немецким народом и фашистами, показать роль культуры немецкого народа в развитии цивилизации.

Приложение III-9

Планы восстановления школ Ленинграда на 1943 год

Титульный список объектов капитального ремонта по системе Ленинградского городского отдела народного образования на 1943 год

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 598

Номера школ и др. учреждений	Адрес
Василеостровский район — 17 ОУ — 100 тыс. руб.	
21	Университетская наб., 11
24	5 линия, 16
28	8 линия, 29
29	Пер. Каховского, 6
33	12 линия, 13
30	10 линия, 37
9 законсерв. учрежд.	
Дет/дом № 30	12 линия, 13
Дет/дом № 40	4 линия, 40
Володарский район — 10 ОУ и др. — 120 тыс. руб.	
331	Прямой пр, 1
333	Шлиссельбургский пр, 67
338	Правый берег Невы, 182
334	Смоленский пер., 41
341	Правый берег Невы, 116
347	Пр. Обуховской обороны, 67
Дет/дом № 18	Б.Щемиловка, корп. 4
Дет/дом № 26	Ольгинская, 8
Дет/дом № 35	Б. Щемиловка,13
Дет/дом № 73	Пр. села Смоленского, 67
Прочие детсады и библиотека им. Крупской	
Выборгский район — 14 ОУ и др. — 150 тыс. руб.	
94	Ломанская ул., 17
97	Ул. Аккуратова, 11
101	Никитский, 18
103	Институтский пр., 25

Номера школ и др. учреждений	Адрес
Ленинский район — 7 ОУ — 160 тыс. руб.	
265	Курляндская, 14
272	1-я Красноармейская, 3
274	Зеленина, 7
280	Лермонтовский, 52
283	8-я Красноармейская, 14б
289	Ул. Розенштейна, 21
Детдом № 20	Обводный канал, 128
Детсады и пр.	
Московский район — 7 ОУ и др. — 100 тыс. руб.	
356	Заставская ул., 9а
359	Расстанная, 20
367	Тамбовская, 17
370	Международный пр., 90
Дет. сад № 14	Лиговская, 130
Дет. сад № 30	Воронежский, 37
Дет. сад № 40	Смоленская, 31
Октябрьский район — 22 ОУ и др. — 170 тыс. руб.	
223	Демидов пер., 1
225	Пл. Воровского, 2/9
231	Ул. 3-ьего июля, 104
232	Фонтанка, 105
236	Мойка, 108
237	Мойка, 90
239	Пр. Майорова, 1
249	Ул. Союза Печатников, 26
252	Крюков канал, 15

Номера школ и др. учреждений	Адрес
106	Бабурин пер., 5 б
112	Б. Объездная, 11
114	Б. Озерная, 50
123	Литовская, 7
Дет/дом № 9	Английский, 14
Дет/дом № 51	Флюгов, 9
Дет/сад № 32	3-я линия, 55
Дет/ сад № 45	Дорога в Гражданку, 4
Дет/ сад № 49	Батенина, 9
Дет/ сад № 56	Лесной пр, 59
Дзержинский район — 8 ОУ и др. — 160 тыс. руб.	
180	Ковенский, 10
187	Ул. Чайковского, 62
188	Ул. Чайковского, 48
189	Салтыкова-Щедрина, 8
194	Ул. Некрасова, 15
201	Ул. Халтурина, 14
202	Ул. Желябова, 9
Дет/дом № 47	Ковенский пер., 12
Дет/сады и др.	
Кировский район — 3 ОУ — 50 тыс. руб.	
384	Ул. Стачек, 13
395	Новосивковская, 7
396	Сергиевский пер., 26
Красногвардейский район — 7 ОУ и др. — 130 тыс. руб.	
132	Ул. Жукова, 9
134	Шоссе Революции, 70
138	Ул. Михайлова, 8
145	Мало-Охтинский, 51
146	Ул. Мечникова, 6
148	Конторская, 6
Дет/дом № 43	Мало-Охтинский пр., 55
Дет. сады и пр.	
Куйбышевский район — 8 ОУ и др. — 180 тыс. руб.	
205	Кузнечный, 20
206	Фонтанка, 62
207	Пр. 25 Октября, 98
210	Пр. 25 Октября, 14
211	Без адреса
216	Фонтанка, 48
218	Ул. Рубинштейна, 13
220	Ул. Жуковского, 59
Другие	
Фрунзенский район — 8 ОУ — 180 тыс. руб.	
291	Обводный канал, 49
297	Социалистическая, 16
299	Разъезжая, 5
301	Лиговский, 87
316	Предтеченская, 30

Номера школ и др. учреждений	Адрес
Дет/дом № 18	Демидов пер., 1
12 дет. садов	
Петроградский район — 9 ОУ и пр. — 150 тыс. руб.	
72	Ул. Льва Толстого, 9
73	Пр. Карла Либкнехта, 59
79	Пр. Карла Либкнехта, дом не указан
82	Пр. Кирова, 5
89	Б. Посадская, 16
90	Зверинская ул., 35/37
Дет/дом № 24	Ул. Литераторов, 19
Дет. сад № 4	Гулярная ул., 14
Дет. сад № 15	Съезжинская ул., 18
Пр.детсады, ОУ	
Приморский район — 17 ОУ — 170 тыс. руб.	
40	Карповка, 43
44	Попова, 37 а
47	Плуталова, 24
49	Ул. Полозова, 2
50	Пионерская ул., 25
52	Карла Либкнехта, 18
62	Ново-Деревенская наб., 123
65	Крестовский пр., 34
Дет/дом № 25	Без адреса
Дет/ дом № 50	Без адреса
Дет. сад № 21	Б. Зеленина, без № дома
Дет. сад № 23	Песочная наб., 26
Дет. сад № 64	Кировский, 64
Дет. сад № 3	Ординарная, 4
Дет. сад № 12	Бармалеева, 30
Дет. сад № 20	Без адреса
Дет. сад № 26	Полевая, 45
Пр. учрежд.	
Свердловский район — 5 ОУ — 120 тыс. руб.	
7	Опочинина, 42
10	13 линия, 14
15	19 линия, 32
Дет. сад № 4	22 линия, без № дома
Дет. сад № 7	Детская ул., 14 а
Смольнинский район — 22 ОУ и др. — 160 тыс. руб.	
155	Греческий, 21
157	Лафонская, 1
160	Бакунина, 8
161	6-я Советская, 21
161 а	Калашниковская наб., 64
165	Кирилловская, 11
169	Миргородская, 2
174	Дегтярный, 24
176	Калашников, 5
Пр. школы — 6	

Номера школ и др. учреждений	Адрес
317	Бронницкая, 33
319	Чернышев, 13
321	Социалистическая, 7
Дет/дом № 49	Загородный пр., 58
Кронштадт — 16 тыс. руб.	
Пушкин — 30 тыс. руб.	
Пушкин — 30 тыс. руб.	

Номера школ и др. учреждений	Адрес
Дет/дом № 28	Без адреса
Дет/дом № 29	Без адреса
Дет/ сад № 1	Пр. 25-го Октября, 146
Дет. сад № 2	Дегтярный пер., 39
Дет. сад № 10	Пр. 25-го Октября, 109
Дет. сад № 13	Советский пр., 34
Дет. сад № 38	Ул. Моисеенко, 28
ИТОГО: 2146 тыс. руб.	

Централизованные учреждения:

1. Дворец пионеров, пр. 25 Октября — 114 тыс. руб.
2. Детский дом № 80, Тверская ул., 11 — 40 тыс. руб.
3. Детский дом № 17, Лафонская ул., 3 — 40 тыс. руб.
4. Школа-интернат с особым режимом, Мойка, 26 — 49,6 тыс. руб.
5. ЛГИУУ, Фонтанка, 10 — 25 тыс. руб.
6. Законсервированные учебные заведения — 10 тыс. руб.
7. Техническая экспертиза состояния зданий — 10 тыс. руб.
8. Технический надзор за ведением работ — 10, 4 тыс. руб.
9. Центральная библиотека, Фонтанка, 44 — 55 тыс. руб.

Итого: 354 тыс. руб.

ИТОГО: 2.5 млн руб.

Приложение III-10

Сводная ведомость о сельскохозяйственных лагерях на 25.06.1943 г.

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 564. Отчет Ленгороно о работе за 1942/43 уч. год

Количество лагерей — 77.
Количество отрядов — 295.
Количество учащихся всех лагерей — 6603.
Учителей — руководителей отрядами — 288.
Пионервожатых — 61.
Военных руководителей — 40.
Преподавателей военной гимнастики — 19.
Все школы города имеют пришкольные земельные участки.

Часть их используется как опытные участки, так как они малы по площади, но часть школ сумеет вырастить овощи для школьной столовой.

Все учителя и ученики, выехавшие на с/х (сельскохозяйственные) работы, прекрасно понимают значение выращивания овощей для города-фронта и, не жалея сил, трудятся на благо своей Родины.

Режим дня

7.15 — подъем; 22.30 — сон

Для учащихся 4-х классов:

8.40–11.40 — с/х работы
17.00–19.00 — с/х работы, итого 5 часов с/х работ
11.40–12.40 — культурно-массовая работа
14.00–16.00 — свободное время
19.30–22.00 — военно-физкультурная подготовка, кружковая работа, отрядные и звеньевые занятия

Для учащихся 5–6-х классов:

8.40–11.40 — с/х работы

17.00–20.00 — с/х работы, итого 6 часов с/х работ
11.40–12.40 — культурно-массовая работа
14.00–16.00 — свободное время
20.30–22.00 — военно-физкультурная подготовка, кружковая работа, костер, отрядные и звеньевые занятия

Для учащихся 7–8-х классов:

8.40–13.40 — с/х работы
17.00–20.00 — с/х работы, итого 8 часов с/х работ
11.40–12.40 — культурно-массовая работа
15.00–16.30 — свободное время, отдых
20.30–22.00 — военно-физкультурная подготовка, кружковая работа, костер, отрядные и звеньевые занятия

Для учащихся 9 и 10-х классов:

Сельскохозяйственные работы в соответствии с рабочим днем и нормами выработки рабочих совхозов.

Приложение III-11

Отчеты школ о работе за 1943—1944 учебгый год

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 597

№№ школ	Адрес школы	Тип школы	Кол-во учащихся на начало года	Кол-во учащихся на конец года	Переведены	Оставлены на второй год	Оставлены на осень*
Василеостровский район — 7 ОУ = 5 неполных средних + 1 средняя; 3 мужских и 4 женских							
21	Университетская наб., 11	Женская неполная средняя	199	212	200	2	10
24	5 линия, 16	Мужская неполная средняя	409	470	353	52	65
28	4 линия, 43	Женская неполная средняя	362	376	347	17	12
29	Пер. Каховского, 2	Женская неполная средняя	102	110	98	5	7
30	10 линия, 37	Мужская неполная средняя	277	299	216	42	41
33	12 линия, 13	Женская средняя	453	522	451	19	52
34	Адрес не указан	Мужская неполная средняя	108	100	79	15	6
			1910	**2089**	**1744**	**152**	**193**
Володарский район — 6 ОУ = 2 начальных + 3 неполных средних + 1 средняя; 3 мужских и 1 женская; в начальной школе — совместное обучение							
331	Прямой пр., 1	Мужская неполная средняя	223	229	149	30	50
332	Троицкое поле, 9	Мужская неполная средняя	217	223	142	29	52
334	Пр. села Смоленского, 41	Мужская средняя	310	324	260	32	33
338	Правый берег Невы, 182	Начальная	132	128	115	6	6
341	Правый берег Невы, 116	Начальная	153	159	127	17	15
347	Пр. с. Володарского, 125	Женская неполная средняя	442	463	347	57	63
			1477	**1526**	**1140**	**171**	**219**
Выборгский район — 11 ОУ = 1 начальная + 8 неполных средних + 2 средних; 4 мужских + 6 женских, в начальной школе — совместное обучение							
93	Пр. Карла Маркса, 97/99	Мужская средняя	329	338	260	35	42
94	Ломанская ул., 17	Мужская неполная средняя	186	210	153	26	31
98	Большая Озерная, 14	Мужская неполная средняя	118	114	9	5	12
101	Никитинская, 18	Начальная	131	130	115	6	9
103	Старопарголовский пр., 51	Женская неполная средняя	239	257	207	30	20
105	Бабурин пер., 5 б	Женская средняя	552	600	478	48	74
110	Ярославский пр., 2	Женская неполная средняя	248	240	192	17	31

N°N° школ	Адрес школы	Тип школы	Кол-во учащихся на начало года	Кол-во учащихся на конец года	Переведены	Оставлены на второй год	Оставлены на осень*
112	Б. Объездная, 11	Женская неполная средняя	151	164	133	14	17
114	Большая Озерная, 50	Женская неполная средняя	165	162	137	7	8
116	Сердобольская, 50/52	Женская неполная средняя	184	197	140	20	37
117	2-й Муринский, 47	Мужская неполная средняя	331	315	245	26	44
			2664	**2727**	**1584**	**234**	**325**
б/н	*Школа при детской кожной больнице***	*Выборгская наб., 53. Дети учились по 2–2,5 месяца*	*30*	*63*	*91*		
Дзержинский район — 7 ОУ = 5 неполных средних + 2 средних; 4 мужских и 3 женских							
187	Ул. Чайковского, 62	Мужская средняя	441	533	339	60	134
189	Ул. Салтыкова-Щедрина, 8	Женская средняя	538	683	417	71	195
190	Ул. Воинова, 10	Мужская неполная средняя	199	207	165	19	23
193	Ковенский пер., 12	Мужская неполная средняя	325	439	256	79	104
194	Ул. Некрасова, 15	Женская неполная средняя	409	465	310	48	107
201	Мойка, 26	Мужская неполная средняя	202	217	176	16	35
202	Ул. Желябова, 9	Женская неполная средняя	233	321	229	37	55
			2347	**2865**	**1892**	**330**	**653**
Кировский район — 3 ОУ = 1 начальная + 2 средних; 1 мужская + 1 женская; в начальной школе — совместное обучение							
384	Пр. Стачек, 13	Женская средняя	330	393	306	37	50
395	Новосивсковская, 7	Мужская средняя	232	265	199	28	38
б/н	*«Канонерская».* Адрес не указан	Начальная	15	17	16	0	1
			557	**675**	**521**	**65**	**89**
Красногвардейский район — 13 ОУ = 2 начальных + 9 неполных средних + 2 средних; 5 мужских и 6 женских, в начальной школе — совместное обучение							
126	Нр. Мечникова, 2	Мужская неполная средняя	103	102	84	9	9
127	Пр. Ленина, 27 с/х «Ручьи»	Начальная	83	81	64	9	8
132	Ул. Жукова, 9	Мужская неполная средняя	295	310	243	20	47
133	шоссе Революции, 37 а	Женская неполная средняя	326	312	226	36	50
134	шоссе Революции, 72	Мужская неполная средняя	222	211	151	22	28
135	М. Охта, Таллиннская, 7	Мужская неполная средняя	185	177	132	24	21
137	Ржевка, ул. Кабаниха, 66 а	Начальная	264	227	214	11	2
138	Ул. Комсомола, 13	Женская средняя	220	260	223	6	31
139	Полюстровский, 16	Женская неполная средняя	228	246	205	21	20
143	Георгиевская, 54	Мужская неполная средняя	206	199	152	20	27
145	Весенняя, 10	Женская неполная средняя	247	250	200	31	19
146	Пр. Мечникова, 6	Женская неполная средняя	170	154	120	12	22
148	Конторская, 27	Женская средняя	333	340	282	24	31
			2882	**2869**	**2296**	**245**	**315**
Куйбышевский район — 8 ОУ = 5 неполных средних + 3 средних; 2 мужских и 6 женских							
205	Кузнечный пер, 20	Женская неполная средняя	311	388	281	29	68
206	Фонтанка, 62	Мужская средняя	588	711	435	71	205
208	Мойка, 38	Женская неполная средняя	146	161	128	9	24
211	Ул. Плеханова, 7	Мужская неполная средняя	269	337	234	48	55
216	Фонтанка, 48	Женская средняя	448	462	364	41	52
218	Ул. Рубинштейна, 13	Женская неполная средняя	192	248	218	18	12
220	Жуковского, 59	Женская неполная средняя	229	270	225	13	32
221	Ул. Плеханова, 7	Женская средняя	343	353	273	17	63
			2526	**2930**	**2158**	**246**	**511**

№№ школ	Адрес школы	Тип школы	Кол-во учащихся на начало года	Кол-во учащихся на конец года	Переведены	Оставлены на второй год	Оставлены на осень*
Ленинский район — 6ОУ = 5 неполных средних + 1 средняя; 3 мужских и 3 женских							
265	Курляндская, 14	Женская неполная средняя	403	421	329	45	47
267	Обводный канал, 122	Мужская неполная средняя	327	386	183	123	80
272	1 Красноармейская, 3/5	Женская средняя	452	495	264	83	46
280	Лермонтовский пр., 52	Женская неполная средняя	412	371	289	21	61
281	Ул. Егорова, 26а	Мужская неполная средняя	238	295	196	40	59
284	Измайловский, 29	Мужская неполная средняя	274	272	162	26	84
			2106	**2240**	**1423**	**338**	**377**
Московский район — 5 ОУ = 3 неполных средних + 2 средних; 2 мужских и 3 женских							
356	Заставская, 9а	Женская средняя	502	365	271	41	53
359	Расстанная, 20	Женская средняя	524	558	423	62	73
365	Международный, 90	Женская неполная средняя	160	168	113	36	19
367	Тамбовская, 17/19	Мужская неполная средняя	325	390	301	44	45
370	Международный пр., 90	Мужская неполная средняя	332	353	225	58	70
			1843	**1834**	**1333**	**241**	**260**
Октябрьский район — 9 ОУ = 7 неполных средних + 2 средних; 5 мужских и 4 женских							
225	Ул. Связи, 2/9	Мужская неполная средняя	322	344	271	28	5
226	Майорова, 38	Мужская неполная средняя	181	215	170	31	14
231	Садовая, 104	Женская неполная средняя	370	435	338	27	70
232	Фонтанка, 105	Женская неполная средняя	177	199	174	10	15
236	Мойка, 108	Мужская неполная средняя	200	211	135	38	38
237	Мойка, 90	Женская неполная средняя	326	358	294	25	39
239	Адрес не указан	Женская средняя	414	474	358	25	91
249	Ул. Союза Печатников, 26а	Мужская неполная средняя	248	243	157	48	38
252	Крюков канал, 15	Мужская средняя	419	288	146	48	44
			2657	**2767**	**2043**	**280**	**354**
Петроградский район — 8 ОУ = 1 начальная + 5 неполных средних + 2 средних; 4 мужских и 3 женских; в начальной школе — совместное обучение							
70	Ул. Литераторов, 9/11	Начальная	148	164	114	28	22
73	Большой пр., 59	Женская неполная средняя	290	300	252	9	39
79	Большой пр., 29/2	Мужская средняя	459	522	396	47	79
82	Кировский пр., 5	Мужская неполная средняя	319	323	272	11	40
83	Ул. Проф. Попова, 15/17	Мужская средняя	274	320	214	47	59
87	Введенская, 16	Женская неполная средняя	210	296	251	20	25
89	Ул. Мира, 4	Женская неполная средняя	478	570	475	33	62
90	Зверинская ул., 35 /37	Мужская неполная средняя	258	301	229	22	50
			2436	**2796**	**2203**	**217**	**376**
Приморский район — 8 ОУ = 1 начальная + 5 неполных средних + 2 средняя; 3 мужских и 4 женских; в начальной школе — совместное обучение							
44	Ул. проф. Попова, 37а	Женская средняя	467	479	372	43	64
45	Песочная наб., 14	Мужская неполная средняя	153	154	137	6	11
47	Плуталова, 24	Женская средняя	469	476	457	5	14
50	Пионерская ул., 25	Женская неполная средняя	473	505	475	15	15
52	Левашовский пр., 5	Мужская неполная средняя	150	149	128	5	16
62	Новая Деревня, Набережная ул., 22	Женская неполная средняя	157	165	131	16	18
63	Школьная ул., 41	Мужская неполная средняя	123	133	99	20	14
65	Крестовский пр., 34	Начальная	193	197	157	20	20
			2185	**2258**	**1956**	**130**	**172**

№№ школ	Адрес школы	Тип школы	Кол-во учащихся на начало года	Кол-во учащихся на конец года	Переведены	Оставлены на второй год	Оставлены на осень*
Свердловский район — 5 ОУ = 4 неполных средних + 1 средняя; 2 мужских и 3 женских							
2	14 линия В. О., 29	Женская средняя	376	364	257	35	72
3	Большой пр. В.О., 67	Женская неполная средняя	295	326	247	50	29
4	Детская, 5	Мужская неполная средняя	222	236	173	26	37
6	Канареечная, 11	Женская неполная средняя	347	350	275	38	37
10	Не указан	Мужская неполная средняя	492	518	418	62	38
			1732	**1794**	**1370**	**211**	**213**
Смольнинский район — 10 ОУ = 8 неполных средних + 2 средних; 4 мужских и 6 женских							
154	Лафонская, 3	Женская неполная средняя	286	350	269	36	45
155	Греческий, 21	Мужская неполная средняя	266	321	241	30	50
156	Суворовский пр., 32а	Женская неполная средняя	249	254	221	21	12
157	Лафонская, 1/2	Мужская средняя	256	309	224	40	46
160	Бакунина, 8	Мужская неполная средняя	292	307	267	14	25
161	Не указан	Мужская неполная средняя	293	306	241	25	40
165	Кирилловская, 11	Женская неполная средняя	437	450	354	43	53
169	Харьковская, 13/2	Женская средняя	525	603	469	40	93
175	5-я Советская, 42	Женская неполная средняя	228	249	172	35	42
176	Калашниковская наб., 5	Женская неполная средняя	210	235	219	11	5
			3042	**3384**	**2677**	**295**	**411**
Фрунзенский район — 7 ОУ = 4 неполных средних + 3 средних; 3 мужских и 4 женских							
291	Наб. Обводного канала, 49	Женская неполная средняя	323	322	269	30	23
300	Малая Московская, 1/3	Женская неполная средняя	534	604	476	51	77
301	Лиговский, 87	Мужская неполная средняя	370	366	266	56	44
307	Подольская, 2	Женская средняя	463	540	421	57	62
317	Бронницкая, 32	Мужская неполная средняя	305	321	235	39	47
319	Чернышев пер., 13	Женская средняя	426	442	349	23	70
321	Социалистическая, 7	Мужская средняя	487	541	364	80	97
			2908	**3136**	**2380**	**336**	**420**
Кронштадт — 2 ОУ = 2 неполных средних школы, 1 мужская и 1 женская**							
		Женская неполная средняя	459	501	388	55	58
		Мужская неполная средняя					
			459	**501**	**388**	**55**	**58**
Колпино — 3 ОУ; 2 неполных средних + 1 средняя; 2 мужских и 1 женская							
400	Ул. Ленина, 5	Неполная ср. совместного обучения	98	144	104	20	20
422	Пр. Володарского, 7	Мужская неполная средняя	190	198	162	24	12
423	Коммунистическая, 3	Женская средняя	269	303	226	31	46
			557	**645**	**492**	**75**	**78**
Итого по Ленинграду:			**34 308**	**37 036**	**27 691**	**3621**	**5024**

ИТОГО: 117 массовых (общеобразовательных) школ в ведении Ленгороно (без специальных школ).
В Ленинграде: 8 начальных школ, 80 неполных средних школ, 29 средних школ; среди них — 49 мужских и 59 женских. В одной школе Колпино и 8 начальных школах осуществлялось совместное обучение мальчиков и девочек. 5 больничных школ имели непостоянный контингент учащихся***.
Итого по Ленинграду на конец года обучалось 37 036 учащихся, остались на второй год 3621 человек, 5024 оставлены на осень; успеваемость составила 97,8%, с учетом оставленных на осень — 77,7%.

* В отчетных ведомостях показателя «отлично» окончивших 10-й класс нет.

** Сведения даны обобщенно, без адресов и номеров школ. Лист дела поврежден.

*** Во время блокады в городе работало 5 больничных школ:

- при институте охраны материнства и младенчества — 159 детей;
- при детской кожной больнице — 51 ребенок;
- средняя школа при институте хирургического туберкулеза — 137 учащихся;
- школа глухонемых — 120 учащихся;
- школа слабослышащих — 128 учащихся.

Комментарии к таблице. Обращают на себя внимание значительное сокращение количества школ в каждом районе, переезд ряда школ по другому адресу, колоссальные изменения контингента учащихся в течение года. После прорыва блокады детей стали реэвакуировать из отдаленных районов СССР; их знания зачастую оказывались слабыми, сказались и некоторые потери учебного времени при переезде в Ленинград, поступлении и переходе в другие школы. Успеваемость была 97,8% в целом по городу, с учетом оставленных на осень — 77,7% (почти каждый четвертый ученик в конце года имел одну или две двойки).

Приложение III-12

Решение Исполкома по школьным вопросам Решение № 114-54 от 22 мая 1944 года

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 631 (18 листов)

О правилах поведения детей в общественных местах и на улицах г. Ленинграда

(в извлечениях)

1. В общественных местах (театрах, кино, парках, трамваях) г. Ленинграда дети должны строго соблюдать установленный общественный порядок, а также правила поведения для учащихся.

2. В дни учебных занятий допускать посещение детьми и подростками кино и театров в организованном порядке в сопровождении педагога, воспитателя или старшего пионервожатого.

3. Запретить пребывание детей и подростков до 16 лет в кино, театрах и других зрелищных предприятиях после 20 часов.

6. Запретить детям до 16 лет:

а) появление на улицах после 22 часов без сопровождения взрослых;

б) торговлю папиросами, спичками и другими предметами;

в) проезд на подножках трамваев, буферах, а также катание на коньках и санях по улицам, площадям и тротуарам г. Ленинграда.

7. Воспретить покупку от лиц, не достигших 16-летнего возраста, каких-либо предметов или вещей, за исключением централизованной покупки учебников в школах.

8. Обязать управляющих и комендантов домов и общежитий строго наблюдать за поведением детей во дворах и на прилежащих к домам участках, привлекая к ответственности родителей (опекунов) за нарушения общественного порядка их детьми.

9. Взрослое население г. Ленинграда и общественность обязаны наблюдать за поведением детей и в случае необходимости задерживать нарушителей общественного порядка и направлять их к родителям (опекунам) или в органы милиции.

10. Обязать органы милиции в случае нарушения правил поведения детьми в общественных местах и на улице подвергать родителей (опекунов) штрафу в административном порядке до 200 рублей или привлекать к судебной ответственности.

Приложение III-13

ИТОГИ РАБОТЫ ШКОЛ в 1943—1944 учебном году Решение № 117—1-з Исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся от 13 июля 1944 года

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 632

В 1943/44 уч. году городской и районные отделы народного образования, руководители школ и учителя города удовлетворительно[1] справились с проведением в жизнь раздельного обучения учащихся, осуществили всеобщее обучение в городе и провели значительную работу по внедрению в быт школ утвержденных СНК РСФСР правил для учащихся.

Государственная программа выполнена в школах по всем предметам, за исключением рисования и черчения. Значительно выросли требования учителей к знаниям учащихся, на выпускных и переводных испытаниях учащиеся обнаружили удовлетворительные знания.

Военное обучение осуществлялось во всех школах города, испытания показали, что учащиеся в своем большинстве успешно овладели знаниями и навыками, предусмотренными программами военного обучения.

Отмечено, что имели место и существенные недостатки:

- знания и навыки учащихся все еще не являются достаточно прочными, а грамотность значительной части школьников неудовлетворительна;
- основным недостатком в школьном преподавании является еще не изжитый формализм вследствие совершенно недостаточной постановки в школах лабораторных, экспериментальных работ по естественным наукам, недостаточной наглядности преподавания, не использования экскурсий, недостаточного развертывания самостоятельной работы учащихся;
- слаба начитанность детей; у части учащихся устная и письменная речь крайне бедна;
- не выполнены решения Исполкома об организации во всех мужских школах мастерских и комнат ручного труда;
- недостаточно развернута массовая и внеклассная военно-спортивная работа среди детей;
- правила для учащихся выполняются лишь частично; поведение детей, особенно мальчиков вне школы неудовлетворительное; слабо проводилась школами работа с родителями, крайне слабо была развернута педагогическая пропаганда среди населения;
- в инспекторских ревизиях школ города и районов инспекторами не было проявлено необходимой требовательности и плановости.

Соответственно обозначенным недостаткам были выработаны решения, в том числе:

- в целях патриотического воспитания учащихся в процессе обучения обратить особое внимание на воспитание у детей любви к русскому языку, русской литературе, на знание ими истории и географии своей Родины, истории русской науки и культуры, на правильное использование в процессе обучения материалов Великой Отечественной войны, отражающих величие русского народа и народов СССР и их героической борьбы на фронте и в тылу против немецких захватчиков;
- поставить перед школами задачу усиления краеведческой работы — отличного знания учащимися своего родного города — Ленинграда, его славной истории, его борьбы с иноземными захватчиками, обеспечив широкое использование школами материалов выставки героической обороны Ленинграда и краеведческих музеев и учреждений.

[1] Для решений парткомов, исполкомов был выбор из двух оценок: удовлетворительно и не удовлетворительно.

Приложение III-14

Дневник-отчет директора школы № 33 Василеостровского района Бочаровой (первый блокадный учебный год)

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1

15 августа 1941 г. Послали от школы на оборонно-строительные работы 18 человек — 8 учителей и 10 учащихся старших классов. Молодежь отправилась с большим подъемом.

20 августа. Сегодня решили открыть при школе пошивочную мастерскую, чтобы изготовить для бойцов теплые рукавицы, белье. Ребята решили собирать материал по домохозяйствам и у себя дома. В. М. Кошкина взяла на себя роль закройщика.

24 августа. Ребята и учителя нанесли много материала, собрали 360 руб. денег и командировали П. И. Миронову с ребятами закупить байку. Мастерская начала работать. Команды МПВО пришлось переформировать и по просьбе 5–6 классов пришлось включить их в дежурство по школе.

25 августа. Мастерская изготовила 20 пар байковых варежек на вате. Вид довольно красивый. Скроили 12 пар теплого белья для бойцов. Сегодня принесли много теплых вещей из домохозяйств микрорайона; есть ватные пальто, бушлаты, меховые шапки, теплые носки и белье.

30 августа. Послали новую партию учителей и учащихся на оборонно-строительные работы, в количестве 15 человек.

2 сентября. Сегодня занимались сбором металлолома и бутылок. Решили начать сбор посуды для госпиталя.

8 сентября. Поступление посуды значительное, уже собрали около 1000 штук, не считая ложек, вилок, ножей. Закончили сбор металлолома. Всего собрали и сдали 44 кг. Сегодня ездили на огороды для сбора овощей, приняли участие 40 человек.

12 сентября. Сегодня сдавали собранные и изготовленные теплые вещи и белье. Райком Союза просил взять в починку собранное ими белье и часть выстирать. Быстро распределили задания.

15 сентября. С утра послали бригаду учащихся — 8 человек и 2-х учителей для подготовки под госпиталь помещения исторического факультета Университета.

Работа по сбору посуды продолжается. Мастерская работает и утилизирует все обрезки и остатки для носовых платков, для починки белья.

20 сентября. Получили заказ от Райкома Союза сшить белье для бойцов. Школа занята проходящими частями Красной Армии. Ребята бегали и ездили по городу, разнося и развозя письма бойцов к родителям.

22 сентября. Снова работали по подготовке госпиталя 2 бригады по 10 человек.

25 сентября. Закончили сбор посуды для госпиталя. Сдали 1243 штуки, не считая ножей, вилок и ложек. Мастерская продолжает работать. На дом взяли для вязки носков шерсть. Послали 2 бригады для работы в госпитале. Послали смену на оборонно-строительные работы.

4 октября. Сегодня снова была бурная и напряженная ночь. На школу во время воздушного налета было сброшено 5 зажигательных бомб. 3 из них упали в песок на дворе, 2 попали в чердачные перекрытия над залом верхнего этажа. Пожарная команда не растерялась. Логачев и Сметанин, дежурившие в ту ночь, очень быстро изъяли их из перекрытия и потушили. Энтузиазм был настолько велик, что не ограничились тушением на школьной крыше, но перелезли на соседний дом, где также приняли участие в тушении бомб.

6 октября. Начали заниматься в трех бомбоубежищах с детьми 1–6-х классов. Детей нашего домохозяйства устроили в школе. Пошивочная мастерская продолжает работать.

15 октября. Начали готовить школу к работе в зимних условиях.

20 октября. Готовимся к началу занятий с 7–10 классами. В микрорайоне продолжается работа в 8-и точках. Учителя ведут работу и с родителями. Началась подготовка к празднованию 24-й годовщины Октября.

25 октября. Ребята собирают подарки для бойцов Красной Армии, пишут письма, готовятся к утреннику, пишут лозунги, выпускают стенгазеты.

3 ноября. Открыли занятия с 7–10 классами. Учащиеся собраны из 6 школ, также и педагогический персонал. Сдавали теплые вещи и подарки бойцам — всего 348 штук.

5 ноября. Начали питание учащихся.

11 ноября. Несмотря на отсутствие света, учителя тщательно готовятся к урокам, которые

ведут строго по плану. У большинства учителей, где пришлось быть на уроках, уроки проходили живо, интересно.

15 ноября. Сегодня было 5 воздушных тревог во время учебных занятий.

20 ноября. Учителя имеют двойной план работы: один — на случай бомбежки для занятий в бомбоубежище, другой — при условиях спокойного дня. Сегодня пришлось вести часть занятий в бомбоубежище. Разделились на группы и не мешали друг другу. Такое мероприятие переключило внимание детей от бомбежки на учебу.

25 ноября. Сегодня в школе закончили установку плиты и можем готовить обеды в школе. Питание очень поддерживает детей. После обеда восстанавливается их работоспособность.

27 ноября. Учителя остаются после уроков в школе. Отвели им комнату, где поставили несколько диванов и кроватей, дома нет ни света, ни дров, и некоторые живут очень далеко. Вечером собираются, читают газеты, готовятся к урокам. У каждой учительницы руки заняты во время чтения (вяжут носки для бойцов, шарфы и др.).

1 декабря. Температура в классах невысокая. Ребятам приходится сидеть в пальто. Дров мало, приходится экономить.

5 декабря. Пошивочная мастерская начала замирать — холодно.

10 декабря. Производили сбор на танковую колонну.

12 декабря. Получили письма от бойцов с фронта. Благодарят за подарки.

20 декабря. Готовимся к празднику «Елка». У ребят идут разговоры, что будет на «Елке». Пока пожелания пищевого порядка, но это не мешает готовиться к художественному выступлению.

27 декабря. Начали приносить игрушки для украшения елки. Ребята собирают подарки бойцам к Новому году.

29 декабря. Успеваемость очень хорошая, несмотря на то что многие занимались при свете коптилок и лучинок.

2 и 4 января. Проводили «Елку» для учащихся нашей школы. Было шумно, хотя в последнее время дети отвыкли от шума и веселья. Были самодеятельные выступления учащихся, а затем выступала концертная бригада. Праздник закончился прекрасным обедом для учащихся и раздачей им подарков. Ребята разошлись радостные и удовлетворенные.

5 января. Замерз водопровод. Чрезвычайно затруднена работа столовой. Выручают ребята, помогают техническим работникам носить воду.

10 января. Дров в школе почти нет. Приходится оставить для столовой, чтобы не было перебоев с питанием.

15 января. Начали занятия в школе с 7–10-ми классами. Дров нет. Ребята принесли из дома по несколько поленьев и сами отапливают классы.

20 января. Сегодня 8–10 классы ездили с санками на о. Голодай. Напилили дров (были очень длинные бревна) и привезли в школу. Завтра будем топить.

22 января. Несмотря на топку, классы не удается согреть настолько, чтобы можно было проводить все уроки. Ограничиваемся 3–4 уроками.

26 января. Снова ездили за дровами с ребятами (9 человек 7-го класса). 6-й урок — ежедневная читка в госпитале, за усердие рабочую карточку дали Елизавете.

29 января. Сегодня опять пилили и носили дрова в этажи и воду для столовой с помощью учащихся. Занимаемся в варежках. Чернила замерзли.

2 февраля. Температура в классах ниже 0. Собираемся для занятий в самых маленьких комнатах, делается теплее к концу занятий. Сами пилили дрова, носили их в этажи, но здание настолько остыло, что тем количеством дров, которым мы располагаем, его невозможно натопить.

8 февраля. Ребята все же собираются в школе ежедневно, просят давать задания и консультации, что мы и делаем. Здание совсем не отапливается.

15 февраля. Ребята носят воду для столовой и продолжают приходить на консультации.

20 февраля. Снова начали заниматься. Холод адский. Чернила оттаиваем горячей водой, но они замерзают к концу урока. Ребята усердно готовят домашние задания, несмотря на отсутствие электрического освещения, говорят, что приспособились с коптилками.

25 февраля. С помощью ребят снова привезли дрова с Голодая и распилили. Классы топим, но достаточного тепла нет.

1 марта. Продолжаем заниматься в прежних условиях.

15 марта. Природа приходит на помощь. В классах теплее и светлее. Посещаемость учащихся возрастает.

15 апреля. Начали систематические занятия и с 1–6 классами.

4 мая. Ребята получают в школе котловое питание. Количество учащихся возрастает с каждым днем.

9 мая. Занимаются ребята с удовольствием. Большое внимание уделяется политико-массовой работе. Начали заниматься кружки литературы, физики, химии и группы МПВО.

15 мая. Большую работу проводят ребята по разгрузке чердаков домохозяйства от торфа. Обеспечили чердачное помещение над школой песком и водой, очистили газоубежище, убрали

мусор от ремонта школьных плит. Работает комсомольская организация. Правда, количество комсомольцев 6–7 человек, но помощь их чувствуется во всех звеньях работы школы: в столовой и в кружках, в библиотеке и в общественно-полезной работе. Большую помощь оказывает комсомол и пионерской организации, и Учкому. Это комсомольцы помогли наладить соцсоревнование, это они помогли работе Учкома, это они организовали вечера встречи с бойцами Красной Армии. Они помогли сделать целеустремленной жизнь школы. С их помощью всегда организуются поездки на огороды подсобного хозяйства.

29 мая. Скоро начинаются испытания в школе. Учителя и учащиеся в этом году особенно серьезно относятся к этому отчетному смотру школы.

20 июня. Сегодня проводили первые испытания в 7-м и 10-м классах. Требования к учащимся без всяких скидок на бомбежки, артобстрел и объективные условия. Испытания прошли хорошо в 7-м и 10-м классах.

21 июня. Почти каждый день испытания проходят под аккомпанемент артобстрела. Классы, в которых проходят испытания, выбраны с безопасной стороны, но во время испытаний сегодня обстрел был настолько бурный, что мы с завучем решили перейти во второй этаж, более безопасный. Ребята стали уверять, что снаряды летят на Петроградскую сторону и что это совершенно безопасно, и только по приказу завуча они быстро спустились в указанное место, где и продолжилось испытание.

27 июня. Сегодня после окончания испытаний начался сильный артобстрел. Снаряды рвались где-то поблизости от школы. Учащихся быстро спустили в газоубежище. Едва успели рассредоточить детей, раздался сильный, оглушительный взрыв. Было ощущение, что снаряд разорвался в здании школы. Посыпались стекла, вылетели косяки из некоторых окон, и двор наполнился огненной пылью. Снаряд попал в 6-й этаж бокового флигеля во дворе школы. Все окна фасада школы и других зданий во дворе были перебиты.

30 июня. Сегодня закончились испытания в нашей школе. Прошли удачно. Учащиеся удовлетворены. Был вечер для выпускников, совместно с 26-й школой. Выпустили 14 человек. Приятно, что этот тяжелый год не прошел даром.

Приложение III-15.1

Л. Е. РАСКИН, бывший заведующий
кафедрой педагогики
Ленинградского городского
института усовершенствования
учителей

Отрыкок из книги «Героические будни»

(Заметки о работе с детьми в Ленинграде в годы блокады — 1941—1943)
Школа. Первый год блокады[2]

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2

Учебный год не мог, конечно, начаться, как обычно, но десятки оставшихся в городе нуждались в том, чтобы их обучали и воспитывали. Как это сделать, когда многие школы заняты — одни для военных нужд, другие — для размещения в них эвакуированных из пригородов жителей. И все же школы не теряют связи со своими воспитанниками. Своевременно были организованы занятия с учениками, которые должны сдавать осенние испытания. Регулярно выполняя указания учителей, получая у них необходимые консультации, 2598 ленинградских учащихся в течение августа-сентября успешно сдали испытания и перешли в следующие классы. У многих детей, однако, весь уклад жизни был настолько нарушен, что они не имели никакой возможности заниматься. В Володарском районе, например, из 962 учащихся выдержали испытания только 207 школьников, в Ленинском — из 1223 только 787 учащихся.

По приказу Военного совета Ленинградского фронта 31 школьное здание, занятое военным ведомством, было освобождено для учебных занятий. Отделы народного образования

[2] Печатается по авторскому машинописному тексту, хранящемуся в педагогическом музее СПб АППО и датированному 1949 г. Рукопись работы Л. Е. Раскина «Героические будни (год работы с детьми в Ленинграде)» также находится в ЦГАИПД СПб. (Ф. Р-4000. Оп. 7. Д. 2231).

распределяли учителей, обеспечивали получение учебников и тетрадей, содействовали организации школьных столовых. Директора и учителя уточняли состав учащихся, комплектовали классы и группы в домохозяйствах, вместе с учениками старших классов приводили в порядок здания и кабинеты. О помощи, которую оказывали учителям комсомольцы-школьники, говорит запись, сделанная одним учеником 7-го класса в конце сентября 1941 года:

> Много работы было сегодня нам в школе: приготовили классное помещение для занятий, принесли стол, парты, доску, вешалку, разлили в чернильницы чернила, заготовили мел, вытерли пыль. Затем мы помогали учителям оборудовать физический, химический, естествоведческий и методический кабинеты. Мы понимали, что нужно все приготовить так, чтобы завтра ничто не помешало начать нормальные занятия. В таком классе, где все оборудовано, убрано и поставлено нами самими, сидеть будет как-то особенно приятно.

Огромную работу провели учителя и школьники-старшеклассники по подготовке помещений с учениками младших классов. Они обходили район, вели разъяснительные беседы с родителями, привлекали общественность домов для подыскивания нужных учебных пунктов. Бомбоубежища и красные уголки, помещения мастерских или торговых предприятий успешно использовались для классных занятий с малышами. Важно было не только найти достаточно светлое и теплое помещение, но и обязательно найти его вблизи от бомбоубежища. В подобранные помещения относились парты, столы, классные доски, чернильницы, а кое-где и картины, и учебные пособия. Управляющие домами снабжали учебные группы керосином и дровами. Там, где не нашлось свободных помещений, на помощь приходили сами родители: они выделяли под классы комнаты в своих квартирах. Учебные группы поневоле были маленькими. Они состояли обычно не более чем из 12–15 учеников.

В этих школьных «филиалах» (их было по 6–10 у каждой школы) занятия происходили по сокращенной учебной сетке: были включены только основные учебные предметы. Учащиеся занимались по 2–3 часа в день. На смену им приходили другие группы. Занятиями в домовых хозяйствах охватывались только дети с первых по четвертые классы. Необычная дислокация школьной сети поставила перед руководителями школ новые задачи. Нужно было выделить учителя, ответственного за каждую учебную «точку», обеспечить необходимый контроль, по иному, чем обычно, построить здесь школьный режим.

Учителя, дежурные родители, а иногда и учащиеся приходили на пункт до начала занятий, проветривали помещения, убирали его, топили печи. Когда не хватало дров, ученики облагались своеобразным дровяным «налогом» — каждый приносил по полену. Перед занятиями проводился санитарный осмотр детей, затем учитель рассказывал о последних известиях с фронтов войны, напоминал о правилах поведения во время воздушной тревоги. Уроки в бомбоубежищах и домохозяйствах, несмотря на необычность обстановки, проводились со всей тщательностью и добросовестностью. Было введено новое расписание, учитель детально разрабатывал план урока, когда это только было возможно, использовал на занятиях наглядные пособия, дидактический материал, задавал уроки на дом, спрашивал учеников и ставил отметки. Во многих классах велись круговые тетради, где фиксировалось все содержание урока.

Этот строй учебной жизни все же часто нарушался. Сигнал тревоги — и дети, строясь парами в колонки, ходили в убежище или прекращали занятия потому, что бомбоубежище занималось взрослыми. Отбой воздушной тревоги — и дети, занимавшиеся в бомбоубежище, выходили на прогулку в сопровождении учителей и дежурных родителей. Помещение тем временем проветривалось, дети возвращались, и уроки продолжались. После окончания учебных занятий дети получали питание в столовой школы или тут же на пункт его доставляли дежурные родители.

Наряду с учебными занятиями в учебных пунктах систематически проводилась и разнообразная внеклассная работа. Детям читали отрывки из газет, рассказывали им о важнейших политических событиях, о героях войны, о речах товарища Сталина. В Октябрьские дни для детей проводились утренники. Развернули занятия с младшими школьниками в бомбоубежищах и домохозяйствах школы Колпино и Кронштадта, находившиеся на передовой линии фронта.

...3 ноября 1941 года в 103 школах города сели за парту 33 176 учащихся старших классов... Но уже через день-два после начала занятий намеченный четкий ритм их пришлось изменить. Воздушные налеты происходили не только вечером или ночью, но и днем в часы занятий. Иной раз тревоги следовали одна за другой с перерывом в 10–15 минут, и за один учебный день учащимся с учителем приходилось по пяти раз спускаться в бомбоубежище. Уроки вначале срывались воздушным налетом или артиллерийским обстрелом. Урок фактически пропадал, и после отбоя приходилось заниматься другим предметом по

расписанию. Школы быстро, однако, приспособились: во время тревоги занятия продолжались в бомбоубежище.

На первых порах было трудно. В одном «отсеке» убежища располагались 2–3 класса, соответствующего оборудования для занятий не было. Но потом нужда научила, подсказала выход. Ученики усаживались вокруг учителя, и тот вполголоса, чтобы не мешать соседям, продолжал объяснение, проводил какую-нибудь беседу или, наконец, спрашивал учеников по заданному на дом. Об обстановке, в какой проходили в это время занятия, говорят воспоминания учителей. Вот страничка из дневника учительницы 222-й школы тов. Сухоруковой:

> Вспоминается мне один из уроков в 8 классе. Темой урока был классицизм в России. Только начался урок, раздалась сирена воздушной тревоги. Через несколько минут мы уже сидели в бомбоубежище и в темноте при мигающем свете дымящей коптилки ребята слушали рассказ о влиянии античного искусства на русскую культуру, говорили о памятнике Суворову, об архитектуре наших дворцов, о картинах. Странно звучат мои слова в непривычной суровой обстановке, но слушают ребята внимательно и на следующем уроке толково и обстоятельно рассказывают прослушанное.
>
> Другой урок в 10-м классе. Чернила замерзали, на окнах иней в сантиметр толщиной. Мне еще жарко после проделанного мною 9-километрового пути, а ребята жмутся, прячут лица в воротники. Но начинается работа, ученики забывают на время о трудностях. Уверенно громко рассказывает Фомин о творчестве Блока. Вера Мореншильд спокойно и толково говорит о романтических произведениях Горького, и моментами кажется, что все остальное — тяжелый сон: и мерзлый класс, и иззябшие ученики.

У многих учителей два плана уроков на день: один — для работы в условиях нормального дня, другой — на случай бомбежки или обстрела для занятий в бомбоубежище. «Школа в подземелье» — так называли эти свои занятия ученики 367-й школы. Вот как описывает один из учащихся эту свою школу:

> Где-то там наверху свистели фугаски, рвались снаряды, а у нас под землей было тихо, тепло, светло. Радио приносило к нам под землю вой сирены. Мы знали: в городе воздушная тревога, в сером небе кружатся черные зловещие птицы с загнутыми назад крыльями. То одна, то другая ныряет вниз, к земле, и от нее отделяется черная точка, затем вой... разрыв... но это было там, на земле. А у нас шел урок. Отвечали у доски ученики, скрипели перья, шелестела бумага. Однако, когда вздрагивали стены и мигал свет, невольно возникала мысль — может быть, это бомба попала в твой дом, может быть... Но преподаватель продолжал объяснять, нужно было слушать, запоминать, записывать. Уроки начинались с 9 часов утра. Часто приходилось идти в тревогу, но на уроки мы не опаздывали. А заниматься становилось все труднее и труднее.

Все меньше и меньше приходило на уроки учеников. В школе еще было электричество, а дома приходилось заниматься при коптилках. Скоро престал ходить трамвай. Преподаватели и ученики приходили в школу пешком. И те, и другие голодали, выглядели плохо, но занятия все же не прекращались. От площади Труда приходил наш старый учитель Александра Михайловна. Она садилась за стол и начинала рассказывать. Забывались холод, голод. За столом сидела опытная, пожилая учительница, которая шла несколько километров по темным улицам Ленинграда, чтобы рассказать нам о великих писателях прошлого столетия. Она умела связать прошлое с настоящим, и потому уроки ее проходили интересно. Вообще, каждый преподаватель старался объяснять так, чтобы было понятно, чтобы дома нам меньше и легче было заниматься.

А заниматься стало, наконец, совсем трудно. Кочегарка не работала. Начался ужасный холод. Коченели на уроках руки и ноги, замерзли чернила. Мы прятали лицо и руки в воротники, в платки, но все равно было холодно... В класс входит Антонина Ивановна — преподаватель химии. Она обычно начинала журить нас за то, что мы сидим, укрыв голову в воротник. Мы смущенно отворачивали воротники, снимали перчатки. Учительница умела расшевелить и рассмешить нас. В нужный момент она умела одернуть, в трудный — поддержать, дать совет. Такими были все преподаватели. Только благодаря поддержке преподавателей мы не бросили заниматься... Я могу сказать, что ни один год нашей совместной работы не сблизил так преподавателей и учеников, как этот тяжелый год. Из бомбоубежища, из нашего подземелья нам все-таки пришлось опять перебраться в класс. А случилось это очень просто. В подземелье погас свет. Мы перешли в класс, где в одном лишь окне было вставлено стекло.

Ночные тревоги лишали нормального сна. Многие ученики старших классов несли службу в группах самозащиты домов. А наутро, вздремнув 2–3 часа, снова шли в школу. Вот 10-классники 47-й школы Выховский и Амосов. Они пришли в школу почему-то не в спецовке, как обычно, а в штатском платье. «Почему вы сегодня такими франтами?» — спрашивает учительница. «Да так, захотели». Потом выяснилось, что они всю ночь работали на пожаре, был обстрел, пришлось лежать, а сейчас они сушат спецодежду. После бессонной ночи они нашли нужным прийти в школу.

...Во всех школах ученики привлекались к заготовке дров. Вместе с учителями они разбирали деревянные дома, подвозили бревна в школу. Ребята хотели учиться и умели бороться с трудностями. Когда в одной из школ в ответ на предложение перетаскивать бревна в сарай девятиклассница Б. заявила: «Это не наша работа» — все возмутились. «Школа наша, своими руками мы будем ее хранить и беречь», — ответили ей. На «дровяную повинность» пришли все, в том числе и Б. В городе нет света, не работают водопровод и канализация. Стал трамвай. С каждым днем в классах все меньше и меньше учеников. Вот их в 7-м классе было 54, потом 30, через месяц уже 20. Стало тише в школе. Сколько бы ни было учащихся, в коридорах царила часто тишина: ученики разговаривали мало. Школам было разрешено временно прекратить занятия.

Но в 39-ти школах мужественные ученики и учителя не сдаются. «Будем преодолевать трудности, будем поддерживать дыхание школы, сделаем все, чтобы перейти в следующий класс, окончить школу», — так говорили ученики, об этом заявляли учителя на январских конференциях. В этих школах занятия продолжались. Это были «зимовщики», «папанинцы», как их прозвали ученики. Нельзя было заниматься в нескольких классных комнатах — устанавливались «времянки» в 2–3 классных комнатах, и там вокруг железной печки усаживалась группа учеников. Они пишут, держа тетрадку на коленях. Дым разъедал глаза, залезая в горло, вызывая кашель. Пахло горелыми валенками, иногда страдала и одежда. Но занятия не прекращались...

> Очень холодно. Тепло только около печурки, да и то только тогда, когда она хорошо топится. В нее беспрерывно нужно подбрасывать топливо, которое сами же разыскиваем. Счастливым считается тот, на кого выпадает обязанность кочегара во время уроков и у кого парта стоит ближе к печке. Все с завистью смотрят на таких счастливцев. Тяжело, невыносимо тяжело высиживать 45 минут на одном месте, далеко от печурки. Как хочется, чтобы быстрее кончился урок, когда снова можно будет окружить нашего "божка" и наслаждаться его теплом до звонка на следующий урок. Холод мешает нашей работе, не дает возможности проводить письменные работы, рассеивает наше внимание... Но мы все-таки закончили учебный год», — так писали в своем коллективном дневнике учащиеся 7-го класса 148-й школы.

...В одной комнате, рассаживаясь по углам, занимались сразу два-три класса. Так было теплее. Дыханием людей согревали помещение. В одном углу шел урок истории, в другом — физики, в третьем — ученики упражнялись в грамматическом разборе. Изменился и режим дня. Вот, к примеру, как выглядел режим дня в 155-й школе. Утром один урок в 25–30 минут, затем горячий суп в столовой, затем второй урок уже в 35 минут, затем уборка снега перед школой, потом еще урок — 25 минут, затем ученики расходились по домам. В тех школах, где было чуть-чуть теплее, уроки продолжались, как обычно, 45 минут. Жизнь заставляла менять и самую систему обучения. Нельзя было давать развернутый урок, его давали сжато, экономя каждую минуту. Срывались уроки — их заменяли заданиями на дом, консультациями, сдачей зачетов по темам. И ученики, оставшиеся в школе, упорно занимались, проходили и программу.

Вот как ученик 8-го класса 166-й школы Юрий Желудев описывает картину занятий в эти дни:

> В маленькой канцелярии собралось сразу несколько классов. Все усаживались вокруг печурки, хотя эта печурка чаще была холодной, чем горячей. Урок продолжался 25 минут. Более этот холод выдержать нельзя было. Когда мы брали в руки мел, чтобы писать на доске, руки моментально замерзали. Что руки — чернила замерзали на всю зиму, и все записи, диктовки, конспекты приходилось писать карандашом, но и записи карандашом требовали большого упорства. Пальцы у нас коченели. Приходилось прибегать к различным ухищрениям: дуть на пальцы, прижимать руки к щекам, прятать под пальто, но ничего, конечно, не помогало. Очень уж было холодно. Занятия у нас были не совсем обычные. За 25 минут полностью по-довоенному урока не проведешь. В результате урок проходит так: учитель объясняет задание, рассказывает самое главное, самое трудное, потом задает урок. Несколько минут уделялось опросу учеников. Приходилось работать более самостоятельно, чем мы привыкли. Но это пошло нам

на пользу. Мы научились работать серьезно. По некоторым предметам занятия проходили как в вузе, а не как в средней школе. Учитель давал для домашней работы тему, а ему сдавали по этой теме зачет.

Зима, холодная и суровая, наступила неожиданно рано. Занятия в бомбоубежищах и домохозяйствах уже к половине декабря начали постепенно свертываться. Отдельные классы продолжали еще заниматься там, где учебный пункт обслуживал 1–2 больших дома, там, где удавалось обеспечить его топливом и освещением. Всего в течение ноября-декабря 1941 года учебными занятиями в бомбоубежищах и домохозяйствах было охвачено 60 тысяч учащихся 1–6-х классов...

Декабрь на исходе. Наступает новый 1942 год. В школах, где занятия продолжаются, объявлены краткосрочные каникулы. Учащиеся получили табели с отметками за первую четверть. Как не похожи эти каникулы на прошлогодние. Война и блокада наложили и на них свою суровую печать...

В дни, когда в семьях учеников резали ежедневно норму хлеба на тончайшие порции-листочки, когда бескарточный школьный суп был высшим благом, когда взрослое население Ленинграда испытывало тяжелые лишения, и голод властно давал себя чувствовать, для школьников Ленинграда в крупнейших академических театрах, в концертных залах были устроены новогодние елки, где учащиеся получали вкусный обед из трех блюд с хлебом без карточек.

В городе стоит трамвай, нет света, не действует паровое отопление. А в театры со всего города, иной раз за десяток километров, идут ученики. Исполнительный комитет Ленинградского городского Совета выносит специальное постановление: включить электрический свет в помещении театров во время проведения там елок, пустить в ход паровое отопление, чтобы хоть чуть-чуть обогреть здания. И пусть артисты в спектакле «Дворянское гнездо» играли в верхней одежде, пусть в зрительном зале было холодно, пусть вокруг нарядной елки ребятишки жались в шубенках, праздник все же состоялся.

Артиллерийский обстрел района. Артисты прерывают спектакль, Дед-мороз замолкает. Все — и младшие школьники, и старшие, и Дед-мороз, и Лаврецкий с Лизой из «Дворянского гнезда» спускаются в бомбоубежище. Когда обстрел закончился, продолжался спектакль. Детей тепло приветствовали бойцы Ленинградского фронта, к ним пришли в гости писатели и поэты. Школьники восторженно, но без привычного для детской аудитории шума встречали своих дорогих гостей. Они пожелали успехов бойцам, обещали им помочь, чем могут. После спектакля и игр был подан обед. Восторгу детей не было, конечно, границ... Такие же праздники прошли во всех школах города. Елка начала 1942 г. надолго осталась в памяти наших ленинградских детей, о ней рассказывал каждый школьник, вспоминая об истекшем учебном годе.

Бытовые условия жизни учителей и учащихся становились все тяжелее и тяжелее. Многие ученики совмещали занятия в школе с работой — одна на заводе, другая в Институте переливания крови, третий в районной комсомольской пожарной дружине, четвертая — управляющая домом. Делая по десяти километров в день, по обледенелой дороге, по сугробам снега добирались учителя из дому в школу. От Технологического института шли пешком на Выборгскую сторону и от Саперного переулка к Московской заставе. А как мужественно, с сознанием ответственности готовились они к урокам. Одна из замечательных учительниц города Л. Н. Леончукова так рисует картину своей подготовки к урокам, всю обстановку домашнего быта учителя в те дни:

Темно и холодно. Окна забиты фанерой, в щели намело снегу, сквозь уцелевшее стекло форточки пробивается тусклый свет. Что же делать. Пока не совсем стемнело, приготовляю все нужное на завтра — вставать приходится в полной темноте. Разогреваю в печке между кирпичами на бумажечках и щепках школьный суп и сажусь в угол кушетки грузным тюком — в зимнем пальто, платке, галошах, перчатках. На ноги кладу старую шубу и замираю без движения, чтобы согреться. Сначала обдумываю урок. Тема большая, обычных лабораторных занятий провести нельзя. Как изложить ее наглядно, ясно, как добиться, чтобы учащиеся усвоили все в классе. Ведь дома готовить урок они не могут, света нет, да и все условия неблагоприятны. Обдумывать методику урока приятно, так хочется какой-то творческой педагогической работы. Мысли начинают бежать одна за другой, урок постепенно оформляется, делается стройным, законченным, простым для усвоения. Отдельные мысли, факты записываю на приготовленной рядом бумаге наощупь, на память свою не надеюсь.

Вот подготовка к урокам закончена. Радио не работает, я одна, темно, тоскливо. Невольно мысли принимают беспокойное направление: что с моей дочерью в Володарском райсовете. Ничего не знаю о ней уже месяц, телефон не работает, почта не ходит... Как следователю, ей приходится ходить по всему городу и ночью, бóльшая часть дороги идет по

пустынному берегу Невы, во время тревоги и укрыться некуда... Что с приемным сыном. С сентября нет о нем вестей из армии. Что с родными, оставшимися на Украине...

И в таких тяжелых условиях жизни хороший учитель тянулся к книжке. Тов. Леончукова пишет в своих воспоминаниях:

У дверцы топящейся печи, при свете коптилки, в длинной декабрьской продуктовой очереди удавалось и почитать немного. Библиотеки не работали, книги раздобывать удавалось с трудом. Зато какое наслаждение давало чтение.

Необходимо было в то же время бороться с физической инертностью, которая временами одолевала; не прислушиваться к ощущению пустоты в желудке, заставлять свой мозг работать. Главное сознавать себя и быть советским учителем и ленинградцем, жить жизнью всей страны, работать бодро, охотно, дому помогать, чем возможно. Быть все время занятой и в общении с людьми, разделяя их трудности и горе, сознавать, что все личное отступает перед общим, что все невзгоды — ничто по сравнению с бедствиями людей во всем Союзе, с задачами любимой Родины.

В этих словах голос ленинградских учителей, стойко переносивших тяготы зимы, людей с высоким сознанием своего долга, патриотов своего города и своей страны. Учителя и ученики вместе переносили трудности, поддерживая друг друга и учась друг у друга. «В этом году работа школ проходит так: мы, учителя, воспитываем наших учащихся, а они воспитывают своим бодрым настроением нас, своих руководителей и воспитателей», — говорила учительница 206-й школы Н. А. Бублеева. «Пожалуй, только в этом году я поняла, как я люблю свой труд, как дорога мне моя специальность, как много радости она мне доставляет... Для достижения цели нужны были усилия, борьба. И мы должны прямо сказать, что совершить победу в этом учебном году нам помогли и сами ученики своим твердым желанием получить знания, закончить свое образование», — говорит опытная учительница 148-й школы т. Связева.

В январе 1942 г. учащихся осталось 36 тысяч, в феврале-марте произошло дальнейшее резкое снижение — выбывали дети, выходили из строя учителя. Ленинградская зима в первый год Отечественной войны держалась долго. В марте стояли еще крепкие морозы. Только в апреле стало пригревать весеннее солнце. И школа постепенно стала перестраивать сложившийся в течение зимних месяцев уклад. Продолжительность уроков вновь была доведена до нормальных 45 минут. Ученики с каждым днем регулярно посещали учебные занятия в школе, стремясь поскорее наверстать упущенное. Консультации и зачеты еще сохранились, но ими пользовались только ученики, которые продолжали совмещать школу с работой на стороне. Все остальные вошли в обычный строй учебной жизни.

На приготовление домашних уроков стало возможным выделять больше времени — день увеличился, не мешало раннее наступление темноты. Печки-времянки, фанерные щиты и шкафы, перегораживавшие один зал на несколько комнат, были убраны. Ученики сидели в своих классных помещениях, заблаговременно их собственными силами приведенных в порядок. Наши школьники хорошо научились за этот год мыть полы, обтирать стены и потолки. С большой энергией очищены были силами учащихся и учителей школьные дворы. Это требовало большого физического напряжения, но это нужно было сделать, и было сделано в несколько дней. В школе было еще холодно, сидеть на уроках приходилось в пальто, но это было несравнимо с зимней обстановкой. Улучшившееся продовольственное снабжение сказалось и на физическом состоянии школьников. Они двигались немного быстрее, смеялись звонче. Они знали — самое тяжелое уже позади...

В школах обучалось к этому времени 2300 учащихся, а за стенами школы оставались десятки тысяч школьников. Нельзя было пропускать ни одного дня для повышения их культурного уровня, нужно было сделать все, чтобы втянуть их в учебные занятия, заняться их систематическим обучением и воспитанием, организованно использовать их на общественной работе в помощь фронту и городу. В апреле, как только весна начала вступать в свои права, Исполнительный комитет Ленинградского Совета депутатов трудящихся разрешил возобновить с 4 мая во всех школах регулярные занятия с учащимися всех классов — от первого по десятый. Срок окончания учебного года был определен 30 июня. Ослабевшие после пережитой осени и зимы дети нуждались в поправке. Без этого нельзя было и думать о регулярных учебных занятиях, о выполнении домашних уроков.

В школах для всех учащихся было введено 2–3-х разовое котловое питание по нормам, значительно превышающим нормы снабжения детей и служащих. Перед отделами народного образования, директорами и учителями школ встала новая задача. Нужно было снова учесть детское население, наметить сеть школ, привести их в должный порядок, укомплектовать кадрами, подготовиться к учебным занятиям

в новых условиях, обеспечить работу школьных столовых — этого важного теперь нерва школьной жизни. В школы хлынул поток заявлений. Дети хотели учиться, они знали и о том, что их будут в школе хорошо кормить.

К началу мая в Ленинграде, Колпине и Кронштадте было открыто 137 школ, которые охватывали 63 719 учеников. Ослабленным и истощенным детям, которым нельзя было еще заниматься, не отказывали в приеме: их зачисляли на питание, временно освободив от учебных занятий. Через неделю-другую они появились в классе. Вот запись учительницы 113-й школы об этом периоде школьных занятий:

> Детей явилось много. Много печального мы узнали от них: поумирали наши ребятишки, некоторые семьи вымерли целиком. Да и эти-то, оставшиеся, прибрели в школу чуть живые: ни смеху, ни беготни, как бывало прежде. До столовой путь был всего-то 5 минут, но и эта дорога не всем была по силам. Некоторых мальчиков вели под руки или посылали с товарищами вперед, чтобы они отдохнули на полпути. Но солнышко и питание делали свое дело. Через 20 дней впервые подрались два мальчугана. Этой драке, как это ни странно, мы все радовались, как празднику: в детях, значит, пробуждалась жизнь. А в июне девочки принесли мячики, мальчики начали ими метать — одним словом, жизнь школьная потекла по-старому.

Вся система школьной работы в этот двухмесячный период выглядела в новых классах необычно. Учебная сетка была сокращена: три часа ежедневных классных занятий в начальных классах, три-четыре в средних и четыре-пять в старших. Часть уроков выносилась за сетку и проводилась на воздухе: физкультура, наблюдения природы, работа на земле. Основная задача учебных занятий сводилась теперь к повторению пройденного в прошлом учебном году и втягиванию учащихся в систематическую учебную работу, чтобы они могли организованно начать новый учебный год в том же классе. В обязательный режим учебного дня включалась и внеклассная работа: чтение газеты, беседы, доклады и лекции, кружковые занятия, разнообразные виды работ с книгой. Выделялось также свободное время для проведения общественной работы — школа планировала ее и руководила ею. Работа на школьном огороде, на полях совхоза, сбор дикорастущих растений, уход за классным и школьным помещением — все это, естественно, вошло в распорядок дня школьников.

Ученики приходили в школу в 8 с половиной часов утра и оставались до 5–6 часов вечера. Здесь они получали завтрак, обед, а потом и ужин. Учебные занятия сменялись кружковыми, а те в свою очередь выполнением какого-нибудь общественно-полезного дела. Так ленинградская школа весной 1942 г. превращалась в школу продленного дня. Во всех старших классах, в том числе и в тех, где занятия не прерывались с начала года, вводился краткий курс агротехники огородных растений. По условиям Ленинграда, нужно было сосредоточить внимание учащихся только на этом. Нам не нужно было в этом году готовить трактористов, комбайнеров или водителей автомашин, но элементарные знания и практические навыки по посеву огородных растений, уходу за ними и уборке их необходимо было ребятам дать. Учащиеся первых 6 классов также привлекались для посильных им практических работ на пришкольных участках. Городской Институт усовершенствования учителей дал школам подробные указания, что и как повторять с учениками; руководители школ инструктировались в районах по организации общественной и внеклассной работы. Для преподавателей агротехники был организован специальный практический семинар — наши учителя-естественники оказались недостаточно агрономически подготовленными.

4 мая, первый день занятий в школах после перерыва, был встречен учителями, учащимися и родителями с большим подъемом. Дети в большинстве пришли, едва двигаясь, и скрывать не приходится, с особенным энтузиазмом были встречены завтраки и обеды. Первые дни питание проходило с небольшими перебоями, в частности, в тех школах, где пищевых блоков не было, где обеды и завтраки привозились в термосах. Впрочем, эти недочеты быстро были устранены.

В школах, где занятия зимой не прекращались, вновь пришедшие ученики встретили мужественных старшеклассников, преодолевших все трудности суровой зимы. Они, эти «зимовщики», как их называли в 105-й школе, были в центре внимания. У них был уже большой опыт организаторской, трудовой, общественной работы. Они были воплощением стойкости и силы духа. На них «новички» смотрели с завистью, относились к ним с большим уважением, хотели им подражать. «Это наши папанинцы, они прожили год на льдине», — говорили о них. В этих школах с первых дней определились два уклада, два режима школьного дня для «новых» и «старых» классов. Одни повторяли старое, другие проходили новый материал. Одни занимались 4–5 часов, у других ежедневно было 6 уроков — прибавилась агротехника, больше часов давалось на те предметы, по которым

в течение года накопились проблемы. Одни на 2–3 часа уезжали на сбор одуванчика и крапивы, другие в это время решали задачи, готовились по физике и истории. Им нужно было закончить всю программу, чтобы перейти в следующий класс или окончить школу.

С большой любовью вели учителя уроки, накапливали опыт проведения внеклассных занятий в этот период так называемой «весенней» школы. Повторяя старое, они расширяли знания учеников, дополняли старое новыми деталями, эпизодами, картинами, широко использовали в этот период наглядные пособия. «Новое в старом» — этим правилом обучения хорошо воспользовались ленинградские учителя. С первых дней занятий ученики стали получать домашние задания, сначала небольшие, а потом, по мере укрепления их сил и втягивания в школьную жизнь, все бóльшие по объему.

...Школа видела свою важнейшую задачу в том, чтобы воспитать в школьниках чувство советского патриотизма, в котором, как в фокусе, отражаются все лучшие проявления воли, характера, ума. Каждый урок был как бы ступенью в воспитании советского патриота. Любовь к родине, готовность отдать служению ей все силы, знания, а если потребуется, то и жизнь, жгучая ненависть к врагу, нарушившему мирную жизнь советского народа, — эти высокие чувства, словно знамя, осеняли каждый шаг педагогической работы учителей ленинградских школ. Сколько творческой инициативы и изобретательности проявили в этот год наши учителя, чтобы сэкономить каждую столь дорогую минуту урока, чтобы в минимальное время дать учащимся знаний больше, сделать их доходчивыми для каждого школьника.

Главное заключалось и в том, чтобы ни при каких условиях не страдала учебная работа. Учитель-математик В. В. Тихомиров, прекрасный методист и знаток своего дела, путем подбора соответствующих вопросов и материала тщательно подготовлял учащихся к каждой новой теме. Усвоение шло быстро, знания становились прочными. Широко применял он, как и другие учителя, небольшие самостоятельные занятия на уроке, давая для них новый, неизвестный еще для ученика материал. Контроль учителя здесь же и на следующем уроке обеспечивал успешность этих занятий, приучал ученика самостоятельно работать дома. Из урока в урок велось систематическое повторение в разнообразных формах: самостоятельная работа в классе и на дому, контрольные работы, опрос. Это целиком себя оправдало в условиях военной обстановки. Получался выигрыш времени, не приходилось затрачивать дополнительные часы на повторение курса в конце учебного года.

Часто применялись на уроках математики устные вычисления. Писать было трудно, порой невозможно — живая беседа учителя, сопровождаемая устной вычислительной работой учащихся, отчасти компенсировала недостаточность письменных записей. Наконец, своеобразие учебной обстановки диктовало необходимость проведения индивидуальной работы с отдельными учениками. Они часто болели, пропускали занятия, приезжали из других районов, приходили из разных школ. Без индивидуальных занятий, заданий, консультаций выравнять знания класса и двигаться вперед всем фронтом нельзя было. Учителя математики приучали учеников излагать устно ход доказательства теоремы, план выведения формулы или решения задачи по алгебре и геометрии. Эта интересная сама по себе форма занятий в текущем году оказалась особенно благотворной.

Много поработали учителя математики над подбором военной тематики в задачах, показывали, например, как принцип пользования логарифмической линейкой можно применить для соответствующих расчетов при минометной стрельбе. «Артиллерия — бог войны», — говорил товарищ Сталин. И учителя, приводя эту сталинскую формулу ученикам, добавляли: «а без математики не овладеть артиллерией». В школу пришло письмо бывшего ее воспитанника, курсанта артиллерийского училища. Он писал об огромной помощи, которую оказало ему усвоение школьного курса математики, извинялся за то, что иногда работал нерадиво. И это письмо было использовано учителями — оно действовало очень убедительно на учеников.

Учителя русского языка и литературы практиковали устные диктовки: учительница диктует, а ученики подробно объясняют расстановку знаков препинания. Устные сочинения по литературе, устные изложения — эти виды работы помогали приспособиться к окружающей обстановке, когда писать было невозможно. Широко использовалась учителями военная тематика для изложения, для творческих сочинений. «Разведка», «Храбрость и отвага», «Мое участие в обороне Ленинграда», «Первый налет», «Школьники осажденного города», «Родина зовет», «Город славы боевой» и др. — вот темы письменных и устных, классных и домашних работ. Эти темы волновали учащихся, будили в них лучшие чувства, учили стойкости и мужеству. Сколько искренней и неподдельной любви к Родине и ненависти к врагу вкладывали ученики в эти свои работы. Как хотелось им быть хоть чем-нибудь полезными фронту, хоть

немного походить на славных героев Великой Отечественной войны.

В 112-й школе учительница А. Ф. Княжева для творческих сочинений на свободные темы выбрала такие:

1. Осень 1941 года в Ленинграде.
2. Зима 1941–1942 гг. в Ленинграде.
3. Весна в Ленинграде в 1942 г.
4. Самый памятный день в моей жизни.
5. Снова в школе.
6. За что я ненавижу фашистов.

В сочинении Ады Богдановской на тему «Весна в Ленинграде в 1942 г.» даны изумительные по силе, чувству и художественности картины оживающего после зимнего кошмара весеннего Ленинграда. Тут и сдержанное, тяжелое горе утраты — воспоминание о смерти отца, и непоколебимая вера в будущее, которая дает силы осиротевшей девочке спокойно и уверенно смотреть вперед. В словах девочки и горячая любовь к своему городу, и жгучая, неутолимая ненависть к лютому врагу.

Сочинения на тему «Самый памятный день в моей жизни», как пишет А. Ф. Княжева, — «это куски ленинградской жизни, пропущенной сквозь призму детских воспоминаний и переживаний». Для ученика Рыжова это поездка на фронт к отцу, для Иванова — разгром квартиры, для Нахибина — смерть бабушки. Это подлинные, неприкрашенные картины жизни ленинградцев. Вот темы творческих сочинений в 9-м классе 114-й школы: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть», «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая пересилила бы русскую силу?», «Важно только одно — любить свой народ, Родину, служить им сердцем, душой». А в другой школе, в связи с изучением «Слова о полку Игореве», учитель дает учащимся тему: «Лучше убитому быть, чем полоненному быть». Широко использовали учителя военную тематику в связи с программным материалом по курсу литературы. Они учили учащихся не только понимать и познавать художественное произведение, но и переживать его. Связывая изучение героев былин с богатырями современности, учителя стимулировали развитие творческой мысли учащегося.

Талантливая учительница Е. И. Печанская в теме «Пушкин» дает учащимся 7-го класса целый цикл его стихов, объединенных ею в тему «Пушкин и Родина». В теме «Лермонтов», наряду с программными «Бородино», «Родина» и «Мцыри», учительница смело берет и «Гарун». Изложение, данное по этому стихотворению, показало, что трус Гарун, бежавший с поля брани, не сумевший отомстить за кровь близких и потому презираемый всеми, заслужил и со стороны учащихся презрение и отвращение.

Впервые в нынешнем году учителя в 7-м классе давали образ Кутузова по отрывку из романа «Война и мир»: «Кутузов и Бородинский бой». Черты замечательного русского полководца, понимание того, что дух армии — важнейший жизненный нерв войны, надолго останутся в памяти школьников. Даже для грамматических упражнений, для диктантов и разборов, привлекалась, наряду с обычной, и военная тематика из газет, журналов, радиопередач, из книг военно-оборонного характера. При изучении советских писателей Горького, Маяковского, Фадеева учителя литературы талантливо, разнообразными путями и средствами органически связывали курс литературы с актуальными проблемами современности. Ученики наших школ научились сами связывать литературу и жизнь. Ученик 10-го кл. 207-й школы М. Азбель свое сочинение на выпускном испытании на тему «Образы свободолюбивых и самоотверженных людей в творчестве Горького» развертывает в таком плане: 1. Гимн человеку в творчестве Горького. 2. Человек советской эпохи. Вот концовка этого сочинения:

> Рыцари воздушных просторов и герои труда, скромные мичуринцы, творцы техники, да и мои товарищи, которые, несмотря на блокаду, занимались в бомбоубежище, где при мерцающем огне коптилки, а то и совсем в темноте слушали о творениях великого Ньютона, на слух воспринимали сложные химические формулы, пробирались с Данко сквозь дремучий лес, — разве это не новые, прекрасные люди, люди несгибаемой воли...

Характерно, что по литературе, в частности, в 10-х классах, во многих школах пройдены и те темы, которые разрешалось опускать (Шекспир, Гёте) — так велики были тяга к культуре, жажда знаний, настойчивость учащихся, так велико было чувство ответственности у наших учителей, готовности отдать все силы благородной задаче воспитания молодежи. Образность и яркость в подаче материала, умелый отбор для учащихся соответствующих отрывков из работ классиков марксизма-ленинизма, широкое использование художественной литературы, иллюстраций, плакатов, — все это помогало показать связь великого военного прошлого нашей родины с задачами ее в нынешней войне. Весной в 4–5–6-х классах уроки истории были посвящены повторению отдельных тем из героического прошлого нашей родины. «Ледовое

побоище», «Суворовская тактика», «Крушение похода Наполеона на Москву» — таковы темы отдельных уроков учителей истории в этих классах. Иногда маленькие доклады на эти темы с соответствующими иллюстрациями делались на уроках и самими учащимися. Опыт самостоятельных докладов учащихся, даже в 4–5 кл., полностью себя оправдал.

В самых тяжелых условиях во время урока в бомбоубежище или в уголке класса не оставлялась работа по карте: без знания карты нет знания географии. Карта изучалась и непосредственно путем показа, и путем устного пересказа, например: «Как доставить военные группы из Канады на Ливийский фронт».

При изучении географии нашей Родины на основе газетных фактов и сообщений иллюстрировалась мысль, что вся страна живет интересами фронта, что каждая область все свои богатства приносит на алтарь победы над врагом, что все народы Советского Союза сплочены и спаяны единой волей, направленной на ускорение разгрома ненавистного фашизма.

Трудно было вести занятия по черчению. Зимой, в холодном классе, нельзя было снять рукавиц, нечего было и думать о том, чтобы чертить тушью на уроке. Учитель занимался теорией, чертили ученики дома. И в эти дни у учителя Зимина (251-я шк.) ученики выполняли сложные чертежи, полностью овладев программой, десятиклассники расширяли знания, полученные ими раньше по топографическому черчению.

...Уроки естествознания в старших классах школы протекали в исключительно неблагоприятных условиях. Нельзя было не только поставить практические лабораторные работы, но и провести экскурсию, сохранить природный материал. В городе не работали музеи и выставки. И все же учителя не унывали. Учительница Вьюшкова (384-я школа) даже зимой сумела провести несколько демонстрационных уроков. Каждый раз она, где-то доставая необходимые учебные пособия, приносила их в школу. Глубоко и серьезно, с политической заостренностью и большим мастерством проведен был курс основ дарвинизма учительницей В. М. Корсунской в 280-й школе.

Уроки агротехники вызвали большой интерес со стороны учащихся. Огородная проблема была в центре внимания ленинградцев. Статьи в газетах, плакаты на улицах, радиопередачи — все это било в одну точку: «Ленинградцы, на огороды!»; «Возделывая огород, ты помогаешь не только себе, но и городу, стране, армии». Теоретические занятия по агротехнике были сокращены, зато практическим занятиям было уделено достаточно времени. При каждой школе, где это только было хоть сколько-нибудь возможно, разбивались грядки пришкольного огорода. Некоторые школы получили участки на окраинах города, другие закрепляли практические навыки в подсобных хозяйствах предприятий. С большим подъемом работали школьники на земле. Работа спорилась, семена были своевременно получены, и маленькие школьные огородики вошли в строй. В этой агротехнической работе выделились и учителя-энтузиасты. Учительница 272-й школы т. Зарубина силами своих учащихся возделала огород площадью до $1^1/_2$ га, учительницы Киршина и Попович из 104-й школы умело организовали труд детей на большом и неудобном участке.

Первый, далекий от совершенства опыт агротехнической подготовки учащихся полностью себя оправдал. Учащиеся умели ценить кропотливую повседневную честную работу учителя. Вот письмо, полученное учительницей 103-й школы т. А. В. Буториной:

> Дорогая Анна Васильевна! Уезжая вместе с семьей из Ленинграда, мне захотелось оставить воспоминание о себе. Гербарий, который я принесла, пусть будет пособием для школы, в которой я так долго училась и с которой мне так трудно расставаться. Пусть он обогатит ваш кабинет, который вы так берегли и так о нем заботились, чтобы заинтересовать ребят и привить воспитанникам любовь к естествознанию. Ваших забот о том, чтобы дать по своему предмету больше знаний, я, как и многие ребята, никогда не забуду. Вы привили мне любовь к своему предмету. Желаю Вам благополучно прожить это тяжелое время, а затем спокойно продолжать плодотворную работу.
>
> *5 июля, Броновицкая Тамара, ученица 9-го класса*

...Военная подготовка учащихся мальчиков 9–10-х классов протекала на пунктах всеобуча. Ученики 8-го класса и девушки 9–10-х классов должны были проходить этот курс по особой программе. Только весной удалось поставить эти занятия, уделив основное внимание ПВХО и военно-санитарному делу. В школах, которые подыскивали опытных руководителей, военно-санитарное дело дополнялось занятиями и по другим разделам программы. 136-я школа была связана с курсами командного состава. Для проведения занятий по теме «Знакомство с топографией и как производить разведку, пользуясь планом» курсы прислали 50 лейтенантов. Каждый взял двух учащихся и с компасом и планом в руках обучал их. Силами курсантов были проведены занятия по ознакомлению с ручным

пулеметом, боевой винтовкой, наганами русской и немецкой системы и по злободневной для Ленинграда теме: «Как различать, кто стреляет». К сожалению, такие занятия были проведены не во всех школах.

...Каждый школьник знал и чувствовал — учитель и школа не на словах, а на деле интересуются его жизнью, в трудные часы его жизни они придут ему на помощь. Чувством бодрости, веры в жизнь учителя заражали своих воспитанников, сами мужественно перенося невзгоды и лишения. «Будем бороться, будем жить» — этот неписаный лозунг читали ученики в сердцах и мыслях, в делах своих воспитателей. А когда — бывали и такие дни — сомнения в возможности преодолеть трудности закрадывались в душу ученика, он обращал свой взор к учителю, вслушивался в его задушевные слова и, видя его оптимизм и стойкость, отбрасывал прочь всякие сомнения.

В одном из 7-х классов 15-й школы в тот день, когда хлебная норма была уменьшена до 125 грамм, дети обратились к учительнице: «А с хлебом-то как, ведь еще меньше дают?» Учительница помолчала, потом сказала: «Ну, дети, почитаем». И стала читать статью «Борьба за дорогу».

— Вы поняли?

— Поняли.

— А что вы поняли?

— А то, что нам стыдно жаловаться на уменьшение хлебной нормы. Нам стараются доставить хлеб, наладив дорогу

...Устроить заболевшего ученика в больницу, поместить временно в детский дом ученицу, у которой больны родители. Это делали во всех школах, какие бы трудности ни пришлось для этого преодолевать. У ученицы больна мать, она не ест в школе супа, а уносит его домой для матери. Директор разрешает давать ей лишнюю тарелку супа. Мать выздоравливает, девочка оживает. Сколько таких примеров заботы о здоровье ученика или члена его семьи можно было встретить за этот год в школе. Как чутко относились учителя к переживаниям учащихся, к их заботам о близких, как тонко отвлекали они их от тяжелых дум и переживаний. Вот два эпизода:

> В 8-м классе урок физиологии, первый по расписанию. Вхожу в класс, привычно окидываю взглядом своих 14 учеников и среди знакомых лиц на задней парте замечаю еще «ученицу»: в пальто, в капоре, с красным замороженным носиком сидит 6-летняя Мила Комлева. Ее сестра Нина Комлева со смущением хочет дать объяснение, но я и так понимаю, в чем дело, не задерживая начала урока, я делаю знак Нине, кладу перед девочкой бумагу и два карандаша и начинаю заниматься. Мать Комлевых военврач, отец тоже на казарменном положении, бабушка умерла, а девочку еще не успели устроить в детский сад. Сестра привела ее в школу, чтобы самой не пропустить занятий. После уроков учащиеся занимались сколкой льда и уборкой снега, Мила тоже принимала участие в работе, накладывала маленькой лопаткой снег в ящики, впрягалась вместе с сестрой и тащила санки с ящиком. Так длилось три дня.
>
> Урок зоологии в 7-м классе. Только что закончилась бурная пальба зениток. Всегда внимательная и интересующаяся предметом ученица Роза обратила на себя мое внимание. Она вертелась на месте, ничего не слушая, чем-то была озабочена. На мой вопрос, что с ней, Роза ответила, что ее трехлетний братец заперт один в квартире, и она боится, что стрельба его напугала. Я ей предлагаю сбегать посмотреть, что с ним. Через 10 минут Роза вернулась, на мой вопросительный взгляд молча кивнула мне головой, села за парту, заглянула в тетрадь соседки и приняла участие в дальнейшем ходе урока (*Из материалов 367-й школы*).

...Выросли и окрепли школьные классные детские коллективы. Их было немного, но они были спаяны крепко, нерушимо узами товарищества и дружбы, и никакой силе не сломить этих в горниле войны выкованных высоких человеческих чувств. Ученики всегда были готовы помочь больному товарищу, или отставшему в занятиях, или нуждающемуся в поддержке — заболели родные, и семье тяжело жить.

Раненная во время обстрела, четыре месяца пролежала в больнице ученица 10-го класса Зоя. Товарищи навещали ее, помогали, занимались с ней, и Зоя успешно кончила школу. Маня П. похоронила за зиму несколько членов семьи, сама была сильно истощена. В классе получает силу неписаный закон: всем, чем можно, поделиться с Маней. Ей подвигают в столовой кто блюдце, кто тарелку. Маня сначала жаловалась, что ей неловко, но товарищи проявили такой такт, делали это так просто и естественно, что она на это перестала обращать внимание. У ученицы Соколовой мать уехала на оборонные работы за город, где жила на казарменном положении. Товарищи замечали, что Соколова чем-то расстроена. Идет теплая дружеская беседа. Выясняется, что дома надо нагреть воды, да и чаю вечером хочется, а дров никто не поможет напилить, так как в квартире никого нет. Со всех

сторон голоса: «Мы тебе поможем». В тот же вечер пионерка Спиридонова пошла к Соколовой, с которой напилила дров...

Сколько заботы проявляли ученики в своих отношениях к учителям. «Вы опять 12 километров пешком прошли, а сегодня трудно ходить, отдохните, мы подождем, задержимся попозже», — так ученики 8-го класса встречали свою любимую учительницу. Ученица узнает о том, что учительница живет дома одна, в квартире все жильцы уехали. «Перекочевывайте на ночь к нам — у нас теплее, главное, не одна будете», — просто и задушевно приглашает ученица. Во время работ по очистке города ученики внимательно следят за тем, чтобы учителя не переутомлялись. «Смирнову из 8-го класса все время нужен лом, которым я орудую, и он каждую минуту забирает его», — о таких фактах рассказывали десятки учителей. Сколько нежности и любви проявляли наши дети, прожившие годы блокады в Ленинграде, к своим родным. Они делились с ними последними граммами хлеба, заботливо ухаживали за ними, облегчали, чем могли, их бытовые заботы.

Воля учеников закалялась не только в учебных занятиях, но и в напряженном физическом труде. Все обслуживание школы в эти годы — от топки печей до откачивания воды из бомбоубежища — проводилось учениками и учителями. Они не гнушались ни самой трудной работой — в жестокие морозы переносили окоченевшими руками обледенелые плахи ни самой неприятной — выносили ведра из уборных потому что канализация не действовала нигде. Ученикам прививали хозяйское, а не потребительское отношение к школе. Учителям не приходилось упрашивать учеников. Они отдавали им распоряжения, сами делались бригадирами, намечали для каждого ученика или группы урочное задание и в положенное время в школу переносили 30 кубометров дров или завозили разобранное деревянное здание...

Нужно спасти город от возможной эпидемии, убрать грязь, расчистить улицы, чтобы можно было пустить трамвай. Ученики вместе с учителями на посту. Ни пронизывающий ветер, ни холод, ни тяжесть физической работы не останавливают их. В числе 8900 ленинградцев, награжденных Ленинградским Советом за очистку города, есть десятки и сотни учителей и учащихся. Город очищен от грязи. Эпидемии предотвращены. Сколько радостных чувств вызвала у учащихся весенняя победа 1942 года — победа над эпидемией, возрождение Ленинграда. Эти чувства всех школьников, всех ленинградцев выразила школьница Зина Ворожейкина в своих страничках из дневника:

> Март... Как радостно забилось у меня сердце, когда однажды, спускаясь к Неве за водой, я услышала, как девушка, идущая мимо, тихонечко напевала знакомый мотив давно забытой песенки. Казалась ли мне когда-нибудь прекрасней весна. Как раньше приветствовала я ее появление в первых солнечных бликах на стенах, в первых робких иглах травы под стаявшим снегом, в ранних бледных фиалках, так теперь я вижу ее наступление в уборке улиц и дворов, в улыбке прохожего, в объявлении, что вновь открывается баня, в звоне первого трамвая, прошедшего по очищенным нашими руками улицам, в победном, торжествующем звоне трамвая, отозвавшемся в моем сердце звонче и во сто раз прекраснее, чем все вальсы Штрауса... Ленинград оживал... «Раненый витязь» поднял голову...

В течение всего года велась в школе систематическая и разносторонняя ребота по идейно-политическому воспитанию учащихся. Политическая информация, групповые беседы с учениками, вывешивание газетных вырезок, чтение важнейших политических документов (речи и приказы товарища Сталина, ноты и доклад тов. Молотова), комментарии важнейших событий международной жизни, небольшие доклады и лекции, тематические альбомы и выставки, посвященные Великой Отечественной войне, партизанскому движению, политическим карикатурам, — таковы были формы политического воспитания учащихся. Большое распространение имели классные и школьные газеты. Учащиеся охотно помещали в них статьи и заметки: там было много нового, и хотелось поделиться своими мыслями с товарищами.

Но самой действенной формой идейно-политической закалки учащихся была широкая общественная работа, которую они провели тогда под руководством школы и комсомола. Очень удачно увязывалась общественно-практическая работа с важнейшими политическими событиями дня в 50-й школе. Собрание, посвященное докладу т. Калинина для комсомольцев в Куйбышеве, заставило проверить работу учащихся по всеобучу и провести смотр работы групп самозащиты. Митинг, посвященный разгрому немцев под Москвой, сопровождался сбором денег на танковую колонну. В первый же день было собрано 525 рублей. Митинг, посвященный разгрому немцев под Волховом, закончился сбором денег на новогодние подарки бойцам. Было собрано 479 рублей. Библиотекой был устроен утренник, посвященный Короленко, на нем были сделаны сообщения о разгроме

немцами-вандалами Ясной Поляны и домика П. И. Чайковского. На этом же утреннике было решено собрать художественную литературу для бойцов подшефного госпиталя. 1-го января эти книги были им вручены.

Какими только видами общественно полезной работы ни занимались ленинградские школьники и учителя в первый год блокады. Осенью они работали на уборке овощей в пригородных совхозах, летом 12 тысяч учащихся под руководством сотен учителей работали на огородах. Весь год они охраняли школу, мыли полы, кололи дрова. Ученики собрали около миллиона бутылок, тонны цветных, десятки тонн черных металлов. Они работали на эвакопунктах, занимались там с эвакуированными детьми, обслуживали их многообразные нужды. Они выявляли безнадзорных и определяли их в детские дома, обходили домохозяйства, вовлекали подростков в школы ФЗО и ремесленные училища. Они обследовали почтовые учреждения, разбирали и разносили почтовую корреспонденцию, повестки народных судов и милиции, работали по перегистрации паспортов, разбирали архивы отделов социального обеспечения, приводили в порядок дела пенсионеров, выявляли свободную жилплощадь для переселения эвакуированных из других районов города, проверяли правильность выдачи пособий семьям красноармейцев. Пионеры Колпина собирали патроны для фронта. Ученики многих школ собирали оборудование, посуду, одежду и книги для детских домов и сами шили эту одежду для эвакуированных детей-сирот.

К сожалению, ни отделы народного образования, ни школы не вели учета этим будничным делам. Но показатели по отдельным школам могут дать представление о масштабах проведенной работы. Так, только в одной 179-й школе кружки рукоделия за период с октября 1941 г. по 1 апреля 1942 г. починили для бойцов 1400 комплектов белья. Весной 1942 г. все школы провели большую работу по сбору дикорастущих съедобных растений. В 317-й школе под руководством учительницы Летуновой была организована выставка этих растений с указаниями, что можно приготовить из них и как это делать. Эту выставку перенесли потом в районный Совет, где она пользовалась успехом у населения.

Не менее широко развернулась деятельность учителей и учащихся по оказанию помощи раненым: в виде дежурств и санитарной службы в госпитале, чтения и рассказывания больным в палатах, организации самодеятельных выступлений для выздоравливающих. В течение всего года не оставляли учителя и ученики этой своей почетной обязанности. Для нужд бойцов действующей армии учителя и ученики посылали подарки, теплые вещи. Усевшись вокруг времянки, они вязали шарфы, варежки, шили кисеты. Многие учителя (Чулкова, Орлова и др.) были организаторами и руководителями пошивочных мастерских. Своими руками заслуженная учительница школы РСФСР З. А. Орлова оборудовала мастерскую машинами, перенеся их на руках из разных школ района. Свыше 6 тысяч комплектов теплого белья было пошито в этой мастерской. Среди учителей и учащихся были десятки доноров, безвозмездно отдававших свою кровь раненым. Когда учительница Малкина (Кронштадт) узнала о смерти сына на фронте, она досрочно дала кровь раненому краснофлотцу.

47-й школе райком партии поручает разыскать по письмам, полученным с фронта, семьи фронтовиков. Задание дается 5-му классу. Ученики, получив 9 писем, отправляются по указанным адресам, и в результате по всем письмам учащиеся принесли исчерпывающие ответы. Они нашли матерей, братьев, сестер, детей фронтовиков и сообщили им о близких, писавших с фронта. Связь с армией поддерживалась путем личного контакта. Некоторые директора школ выезжали с делегатами на фронт для вручения подарков; бойцы ленинградского гарнизона бывали на школьных собраниях, пионерских кострах, вечерах, военные части помогали школе в повседневных их нуждах.

Вот краткие сведения о шефстве одной военной части над 47-й школой. Моряки одного из подразделений полковника Фрумкина под непосредственным руководством комиссара И. А. Степанова обеспечили школу дровами. Два деревянных дома были разобраны ими и свезены в школу. Благодаря этому можно было не прерывать учебных занятий и в холодные зимние дни. Краснофлотцы этой же части перевезли для ремонта школы, пострадавшей от артобстрела, материалы и мебель. Для организации в школе пищевого блока нужно достать и установить большую плиту и мойку. Школа вынуждена опять обратиться к т. Степанову, так как районные организации не в состоянии оказать быстрое содействие. Комиссар, получив разрешение райисполкома, посылает краснофлотцев разобрать плиту, снять мойки в одном из учреждений и на своей машине привозит их в школу. Все это сделано буквально в несколько часов. Тов. Степанов интересовался всей работой школы. Он организовал для учащихся и учителей шесть международных обзоров, лично провел беседы в отдельных классах. Когда в классе нужно было проводить занятия по военному обучению, военная часть выделила

своего преподавателя, а комиссар т. Степанов проверял постановку дела и лично визировал все отметки на контрольных работах учащихся. На переводных и выпускных испытаниях присутствовали шефы-моряки.

Но не только личный контакт поддерживала школа с армией. Широко развернулась переписка и с ранеными в госпиталях, и с бойцами и командирами Ленинградского фронта. 249-я школа по инициативе ученицы Земцовской завязала переписку с генерал-майором Федюнинским. Вот письмо, присланное им в школу в ответ на полученные от школьников подарки:

Дорогие ребята, юные ленинградские патриоты! От имени бойцов, командиров, политработников, от моего имени спасибо вам за дружеский привет, за теплые пожелания, за новогодние подарки. Вас, родные ребята, радуют наши успехи на фронте. Вы просите написать вам о наших героях, о боевых эпизодах. Трудную задали вы мне задачу. Вся наша 54-я армия героически дерется с гитлеровскими полчищами. Наши люди, все, от бойца до генерала, помнят, что мы выполняем великую и священную миссию — прорвать кольцо блокады вокруг любимого города Ленина, дать вам, вашим сестричкам и братьям, вашим матерям больше хлеба. Мужайтесь, ребята. Скоро, скоро мы прогоним ненавистного немца с нашей родной земли, скоро снова зацветет наша освобожденная советская Родина.

Дорогие ребята. Знайте, что наши красноармейцы, наши командиры преодолевают большие трудности. Во время перехода по глубоким снегам и малопроходимым лесам, в жестоких схватках с врагом, во время короткого отдыха, — всюду нас согревает мысль, что с нами вы — наши родные, наши друзья, все советские люди. Мы чувствуем дыхание любимой Родины, мы ощущаем ее могучую руку, подпирающую нас. Вы желаете нам истреблять фашистских бандитов, поскорее разгромить немецких оккупантов. Это желание всего нашего народа, и мы его выполним. Порукой этому — безграничная отвага и преданность наших воинов.

Итак, ребята, мы с вами обменялись письмами, познакомились. Это хорошо. Нашу дружбу, надеюсь, не прервем. Ведь это правда? Учитесь отлично, воспитывайте в себе железную волю, выносливость, закаляйте свое тело. Это нужно стране. Крепко жму ваши руки, желаю вам всяческих успехов.

Ваш генерал И. Федюнинский.
10/1–1942 г.

В ответ на это письмо школьники и учителя писали:

Ленинград 21/1–1942 г.

Дорогой тов. Федюнинский, бойцы, командиры и политработники 54-й армии!

Отвечаем на ваше замечательное письмо от 10 января 1942 г. Ваше простое, но прекрасное письмо было получено в наиболее тяжелый момент нашей школьной жизни. В момент, когда школа отдала свои дрова для отопления детского дома, когда мы, по местным обстоятельствам, не получили тарелки супа, нам передали ваше письмо от героических защитников города, письмо теплое, дружеское, призывающее стойко перенести наши трудности, чтобы выйти победителями из этой ужасной борьбы против врагов всех детей, всего народа. Трудно описать то громадное действие, которое ваше письмо произвело на всех нас. Нет границ нашей благодарности. Мы поняли отчетливее, что нам нужно заниматься еще лучше, нужно закалять себя, чтобы оправдать то доверие, которое оказали нам вы, наши доблестные защитники, которое оказывают нам великая партия и правительство.

Ваше письмо обошло всю школу. Мы устроили общешкольное собрание, где зачитали его и наш ответ вам. Письмо все внимательно слушали, оживленно обсуждали, горячо благодарили вас. Сегодня, когда мы услышали по радио, что подразделение генерал-майора Федюнинского истребило за два дня 1600 бандитов, каждый из нас с гордостью произнес: «Это они, наши друзья, с которыми мы переписываемся, так прекрасно выполняют наше пожелание, пожелание всего народа — истребить всех до единого фашистских захватчиков». И мы снова говорили, что должны ответить на это еще лучшими показателями учебы. И мы ответили... Все школьники нашей школы шлют вам горячий привет. На протяжении всей нашей учебы ваши светлые образы ни на минуту не оставляют нас. Мы стараемся быть достойными вас, ваших замечательных воинов, стараемся мужественно переносить наши трудности. У нас есть тоже замечательные герои, которые, несмотря на все тяжелые условия, занимаются отлично, помогают общественной жизни школы; по ним равняются остальные. Мы заканчиваем свое письмо. Просим, по возможности, ответить нам.

Учащиеся и учителя 249-й школы
Октябрьского района

Школьная печать помещает и письма с фронта, полученные учащимися от их отцов и братьев. Эти письма показывают, как много внимания уделяют фронтовики думам о школе, как они заботятся о том, чтобы их дети лучше учились и работали. В каждой школе ведется переписка с недавними ее бывшими воспитанниками, ныне сражающимися на фронтах Великой Отечественной войны. В их письмах проявляется большая любовь к школе, благодарность за то, что она дала своим питомцам, призыв к ученикам ценить и беречь школу. Эти письма — гордость школы. Вот отрывок из одного такого письма, полученного учительницей 105-й школы:

> Напишите, как работаете, живете, как работают преподаватели и вообще вся школа, как живет город Ленинград, который мы оберегаем. Если знаете, напишите, кто где находится из бывшего нашего 10-го класса, чем занимается. И если знаете что-нибудь о моем отце и сестренке (я от них почти год ничего не имею), тоже напишите. За все это я буду Вам всю жизнь обязан и благодарен.
>
> Не сочтите меня за человека, упавшего духом из-за личных неудач. Совсем нет. Основываясь на боевой практике, я написал одну небольшую работу — характеристику нашего орудия и боеприпасов к нему. Работа была оценена командованием как неплохая и была принята, а мне дали тему для второй работы, думаю ее закончить к 1 мая. Трудновато в этой обстановке заниматься таким делом, но приходится. Нужно... Если Вас что будет интересовать из нашей жизни, пожалуйста, спросите, в следующем письме могу написать. Передайте привет всем преподавателям и работникам школы.
>
> Разрешите поблагодарить Вас, Александра Федоровна, и преподавателей за все то, что Вы дали мне в стенах школы. Особенно мне пригодились в военном училище математика, физика, химия, черчение, физкультура и военное дело. На фронте приходится иногда расшевеливать в памяти познания по немецкому языку и по истории. Вообще, еще раз повторяю, что школу приходится мне вспоминать часто. Время учебы в школе — золотое время. Плохих воспоминаний о школе не может быть.
>
> Желаю Вам всего хорошего. Буду с нетерпением ждать ответа.
>
> *Ваш бывший ученик, ныне гвардеец, воентехник 2-го ранга Николай Пономарев.*

Крепли и росли комсомольские организации школы. И там, где в начале года было 5–6 комсомольцев, к концу года их становилось уже 30–40. Во всех школьных начинаниях, на самом трудном и ответственном участке впереди были комсомольцы и пионеры. Они организовывали учеников, возглавляли школьные ученические организации, вместе с учителями сплачивали учащихся, бодрили и подтягивали отстающих, всюду подавали личный пример стойкости, самообладания, инициативы, ответственности.

Весной в школе развернулась кружковая внеклассная работа. Дети поправились и окрепли, уже тянулись к физкультурным играм, хотелось им петь, играть. Появились волейбольные площадки, замелькал в воздухе мяч. Значительно возрос спрос на книгу. Школьные библиотеки, не прекращавшие своей деятельности и зимой, заработали полным ходом. Появились тематические бюллетени, проводились книжные обзоры. В некоторых школах начали функционировать лектории для учащихся. Ученики охотно слушали лекции по занимательной математике, о богатстве нашей Родины, о новейших достижениях в области овощеводства и северного земледелия. В нескольких школах работали над темой «Ленинград — город боевой славы».

Лишь в отдельных школах для учащихся младших классов удалось организовать рабочие комнаты, где дети получили не только навыки по шитью и рукоделию (это было во многих школах), но и по простейшим работам с деревом, проволокой, металлом. Внеклассная работа в природе ограничивалась практическими занятиями на участке и сбором дикорастущих растений. О прогулках за город или экскурсиях, которые так любили наши школьники, учащиеся пока не могли и мечтать.

В новых условиях руководить по-новому

В условиях войны, в обстановке города-фронта необычайно возросло значение руководства детскими учреждениями. В школе, в детском саду и в детском доме, в отделах народного образования директора, инспектора, заведующие отделами умели сплачивать людей, заражать их бодростью и готовностью превозмогать любые трудности и лишения, показывать политическое и военное значение работы с детьми. Четкость и оперативность, умение быстро принять единственно правильное решение, широкий и всесторонний охват разнообразных задач, поставленных жизнью перед детскими учреждениями, — вот что определяло успех работы руководителя. Как много новых, ранее неведомых работ выдвигала обстановка перед детским учреждением. Сколько новых политических, учебных, хозяйственных и бытовых задач, без разрешения которых нельзя было работать.

Сколько было «мелочей», каждая из которых вырастала в большую и сложную проблему.

Приведем несколько записей планов работы на день директора 367-й школы Я. М. Каменецкого.

5 ноября 1941 г.

1. Организовать по классам читку статьи А. Толстого «Кровь народа» из «Ленинградской правды» от 28/X — 1941 г.
2. Собрать вновь избранных классных организаторов для беседы об организации работы классных коллективов.
3. Послать 10 человек — лучших учащихся на встречу с бойцами Ленфронта. Подготовить подарки бойцам от учителей и учащихся.
4. Просмотреть и утвердить планы работы учителей в домохозяйствах.
5. Продумать мероприятия по экономии электроэнергии.
6. Составить инструкцию для ответственных дежурных по МПВО.
7. Проверить наличие кипяченой воды в коридорах и убежищах.
8. Предупредить учителей об обязательной явке на доклад секретаря РК ВКП (б) т. Бадаева.

1 декабря 1941 г.

1. Утвердить планы воспитательной работы на декабрь (вызвать учителей т. т. Ремизову, Леончукову, Кондратьеву и Минкину).
2. Обойти классы, разместившиеся в убежище, проверить, как устроились ученики, какова посадка, удобно ли писать. Наличие доски, столиков, чернильниц. Действие уборных, чистота в них, проветривание.
3. Послать за стеклами и свечами в РОНО.
4. Переговорить с учителями В. В. Тихомировым и Е. Н. Печанской о лучшей организации учебной работы в убежищах.
5. Продумать план и организацию разборки дома на дрова по Обводному каналу.
6. Провести беседу с учителями о подписке на билеты денежно-вещевой лотереи.
7. Произвести в кочегарке осмотр котлов, запаса угля, состояния моторов и т. д.
8. Вызвать учительницу естествознания т. Писареву и переговорить, как сохранить школьные цветы и растения, в связи с наступлением морозов.
9. Разрешить вопрос о прикреплении учителей к столовой.
10. Проверить, как идет шитье теплых вещей для бойцов Красной Армии.
11. Послать больным учителям Голубеву и Лапиной суп и повидло.

25 декабря 1941 г. .

1. Продумать вопросы, связанные с новогодней елкой.
2. Проверить состояние классных журналов.
3. Посетить урок литературы в 9-м классе и физики в 8-м классе.
4. Договориться с заводом об изготовлении временных печей для школы и учителей.
5. Выдать 5 куб. м. дров наиболее нуждающимся учителям.
6. Разработать план подведения итогов работы школы на ноябрь-декабрь.

12 марта 1942 г.

1. Подготовиться к докладу для учащихся и учителей на тему «Международный обзор».
2. Договориться в РОНО о новом преподавателе английского языка в 9–10-х классах.
3. Послать к т. Голубеву (учит. физики) узнать, как его здоровье, в чем он нуждается.
4. Провести по классам беседу о взятии шефства над 7-м почтовым отделением.
5. Поговорить с председателем МК и группой товарищей, чем помочь семье Акимова (учит. истории).
6. Договориться о выпуске стенгазеты.
7. Вызвать учительницу Дучицкую (русск. яз. и литерат.) для беседы о выполнении программы и знаниях учащихся, посетить ее уроки в 9-м классе.
8. Выявить, кто из учителей нуждается в дровах.
9. Проверить состояние дворовой уборной (заявление врача, что она содержится в плохом состоянии).
10. Договориться в РОНО о пропуске всех учителей через стационар.

24 апреля 1942 г.

1. В связи с предполагаемым возобновлением занятий с 1–4-ми классами провести подготовку к встрече детей (убрать помещения, художественно оформить коридоры, заготовить тетради, провести регистрацию детей и медосмотр, проверить наличие противогазов для младших школьников).
2. Пересмотреть состав команды МПВО школы.
3. Вместе с В. В. Писаревой и А. В. Голубевой разработать план создания при школе огорода.
4. Договориться с В. В. Стратовой об организации рабочей комнаты для 1–4-х кл.
5. Проверить выполнение программы по географии и истории в 8-м и 9-м кл.
6. Подготовить собрание родителей.

28 мая 1942 г.

1. Проверить состояние учебной и воспитательной работы в 1–4-х кл., привлечь для этой работы учителей старших классов, созвать совещание по итогам проверки.
2. Предложить в 10-м кл. на уроке литературы написать сочинение на тему «Ленинград был, есть и будет советским».
3. Начать сбор материалов для сборника «Наша школа в дни Великой Отечественной войны».
4. Посетить урок арифметики в 3-м кл., географии в 8-м кл., занятия в рабочей комнате.
5. Проверить дежурство родителей в столовой.
6. Составить план продленного дня 1–4-х кл. и внеклассной работы 7–10-х кл. на июнь.
7. Проверить состояние противопожарных мероприятий.

В этих записях, как в зеркале, отражаются типичные условия работы школы, характер руководства ею. Руководство политико-воспитательной работой среди учителей и учащихся и проверка занятий в убежищах; слом дома на дрова и посещение уроков; сохранение цветов от морозов и забота о здоровье учителей; организация рабочей комнаты для малышей и проверка противопожарных мероприятий; шитье вещей для армии и работа школьной столовой; план внеклассной работы и состояние кочегарки. Все эти вопросы стояли в центре внимания директоров школ.

С 20 по 30 июня в классах, где занятия не прекращались в течение всего года, прошли весенние испытания. С большим, трепетным напряжением ждали школа, учителя, ученики и их родители этих дней. Что-то они дадут? Выполнила ли школа свой долг перед страной? И хотя текущий учет успеваемости учащихся говорил о том, что ученики знают предметы хорошо, что неуспевающих в классах почти совсем нет или нет ни одного, все же испытаний ждали с некоторым волнением. Школы выглядели празднично. В коридорах красуются приветственные транспаранты. На испытаниях кроме учителей школы, как всегда, присутствуют представители района, городских организаций, профессора, научные работники. Все как обычно, только огневая точка, которую видишь через окно школы, да противогазы через плечо у учителей и учащихся напоминают о необычных днях этой экзаменационной сессии.

Идет письменная работа. В это время начинается сильный артиллерийский обстрел. Ученики переходят вниз, в столовую, работы они захватили с собой, там будут кончать. Кто-то достал чернила, экзамен продолжается. «О чем ты больше думала, — спрашивает учительница ученицу 8-го класса, — о работе или об обстреле?» — «Конечно, о работе, у меня задача сначала не выходила».

Результаты испытаний превзошли все ожидания. Требования были высокие, без всяких скидок на трудность занятий в году. Спрашивали учителя много, оценки ставили строго. И все же из 532 учеников, окончивших 10-й класс, 70 получили аттестаты отличников, около 70% учащихся, переведенных в следующие классы (около 2500 ч.), получили на испытаниях только хорошие и отличные отметки.

Испытания показали, что наши ученики хорошо решают математические задачи, что они грамотны, хорошо знают литературу и физику. (Задачи по физике были решены, пожалуй, лучше, чем в прошлом предвоенном году.) Что они овладели знаниями иностранного языка, а главное, испытания еще и еще раз показали, что наши ученики — мужественные люди, что они настоящие советские патриоты. Окончание учебного года — большая победа ленинградской школы, ее учителей и учащихся.

Внешкольные учреждения в городе не работали весь год. Но как только в мае дети начали нормальную учебную работу в школе, они получили чудесный подарок — любимый ленинградскими школьниками, созданный по инициативе С. М. Кирова под руководством А. Жданова Ленинградский Дворец пионеров начал снова работать. Весь год в нем не было детей, но дети не забыли его. Да и как забыть прекрасные залы, игровые комнаты, отдел техники с десятками богатейших мастерских, художественные студии, научные кабинеты. Как забыть радость пребывания во Дворце, многоголосый звонкий смех, веселые игры, пионерский ансамбль песни и пляски.

Чтобы восстановить Дворец пионеров после занимавших его многочисленных обитателей, нужно было много поработать. Директор дворца Н. М. Штейнварг, отдавший много энергии эвакуации населения, заботам об эвакуированных, вновь появился во Дворце. В короткий срок, работая неутомимо, привлекая своих бывших сотрудников и новых людей, которых нелегко было найти, он привел дворец в должный порядок. Он сохранился, этот чудесный дворец. Любовно сохранены и любимые игрушки, и оборудование мастерских, и любимые картины на стенах. И если кое-где чуть-чуть «тронута» штукатурка, если не всюду сохранились цельные гарнитуры, если в окнах вместо стекол фанера, а каменный забор изрешечен снарядами, — не беда: придет время и все засияет прежним, ослепительным блеском.

Вновь появились затейники — руководители детской самодеятельности, снова дети могли посмотреть здесь в кинозале новую кинокартину, услышать лекцию или концерт, встретиться с бойцами фронта; снова начали свою работу разнообразные оборонные, технические, художественные кружки и студии; открыта библиотека, читальня, много настольных игр. В мае пришли старые питомцы Дворца и новые музыканты, художники, поэты, танцоры. Только меньше стало детей во Дворце: их должно быть столько, сколько позволяет бомбоубежище. Только службу МПВО наряду со взрослыми несут сами школьники, занимающиеся в кружках; только на занятия кружков все являются в противогазах, а на дворе вместо газонов с цветами огородные гряды, которые возделывают школьники ближайших школ.

30 июня закончился учебный год в школе. А 3 июля для окончивших 10-е классы во Дворце пионеров был организован традиционный праздник. 532 выпускника и их учителя заполнили залы Дворца. Он необычен, этот праздник, в Ленинграде в июле 1942 года. Начало праздника назначено на 2 часа дня, потому что закончить его нужно не позже 10 часов вечера. Город все еще остается фронтом, среди гостей много военных от шефствующих частей Советской армии и флота. Какое-то чувство особенного подъема охватывало каждого, кто видел здесь эту замечательную молодежь, сломившую все преграды, чтобы выйти в жизнь с аттестатом об окончании средней школы. Как искрились улыбкой их радостные лица. Как по-особому близки и внимательны были они к своим учителям, вместе с ними не дрогнувшими перед испытаниями жизни. У окончивших в руках цветы, много цветов.

В театре Дворца — торжественное заседание. Яркие приветственные поздравления городских организаций. Пламенный привет от бойцов фронта. И в каждом выступлении глубокая благодарность учителям. Со скромностью и гордостью пронести всюду высокое знамя ленинградцев — это лейтмотив приветственных речей и ответных слов выпускников. А потом, после заседания, большой концерт. Гремит оркестр. В залах дворца танцы... Много смеха и юношеского задора. Щелкают затворы фотографов, ослепительно сияют «юпитеры». Это привычное для выпускных вечеров оживление переживается сейчас по-иному. Выпускники никогда не забудут этого торжественного праздника, устроенного для них Ленинградским Советом депутатов трудящихся, как не забудут никогда последнего года своего обучения в школе.

Выпускные вечера для старшеклассников состоялись во всех районах. Десятиклассники получили подарки. У каждого в руках книга с надписью: «Окончившему полный курс школы Ленинграда в 1941–1942 учебном году, в год Отечественной войны с фашизмом, блокады и героической защиты города Ленина». Это память о героических буднях, о днях мужества и отваги. Закончившийся учебный год показал, что ленинградские школы, их учителя и ученики успешно выдержали суровый и строгий экзамен перед советским народом.

С июля 8162 учащихся 5–10-х классов были мобилизованы на сельскохозяйственные работы, однако в процессе работы многие эвакуировались, и всего работало до конца сезона 5258 человек. Организованные по школам ученические бригады вместе с учителями выехали в ближайшие совхозы и подсобные хозяйства предприятий. Они принялись за труд на земле с высоким сознанием ответственности этой своей новой обязанности. В первые дни школьники не смогли дать высоких показателей. Они не знали приемов работы, у них не было практического опыта, да и администрация не оценивала первое время значение участия учащихся в сельскохозяйственных работах, не создавала необходимых условий для их размещения, для работы, для удовлетворения их бытовых нужд. Однако школьники, только оправившиеся после тяжелой зимы, много претерпевшие за год блокады, проявили высокие образцы сознания гражданского долга. На слете пионерского актива Красногвардейского района пионер Митя Тиннер рассказывал:

> Трудно было в первый день работать — дело это для нас новое, непривычное. На второй день мы снова не выполнили нормы. Некоторые ребята приуныли, а потом мы все призадумались, как бы нам перестроить свою работу, чтобы обязательно выполнить задание. Ведь овощей ждет фронт, ждет Ленинград. Раньше мы пололи одной рукой, потом попробовали полоть двумя руками. Сначала было немного неудобно, потом стали привыкать и к концу дня справились с заданием.

Через одну-две недели все учащиеся-«огородники» (так их у нас называли) овладели приемами работы и начали выполнять норму. За весь сезон школьниками было обработано 2388 гектаров площади, прополот 2091 гектар и собрано урожая свыше 4816 тонн. В целом учащимися было выполнено 30% работ в совхозах и подсобных хозяйствах, для отдельных же хозяйств этот процент был значительно выше. Вместе с учащимися много и добросовестно работали выехавшие с ними 464 учителя. Кроме

работ в хозяйствах, учащимися была собрана 71 тонна дикорастущих трав, 2,3 тонны ягод и свыше 1 тонны грибов.

Дети, по состоянию здоровья не имевшие возможности заниматься физическим трудом, привлекались в совхозах для несения службы связи, для охраны помещений. Через неделю-две, окрепнув, они входили в состав бригад. Школьники сами выполняли всю работу по уборке помещений, поддерживанию санитарно-гигиенического режима, ежедневно по бригадам проводили читки газет. Старшие ученики выступали в качестве чтецов газеты в бригадах взрослых рабочих. Школьные библиотеки выделили передвижные фонды для совхозных ученических бригад, школы послали туда и небольшой ассортимент игр. В дни отдыха по 400–600 школьников с огородов на целый день приезжали во Дворец пионеров. Там в этот «день огородника» их ждали интересные развлечения, хорошо организованный отдых. В рабочие дни в сельскохозяйственные детские лагери выезжали концертные бригады военных частей, шефствовавших над школами, театров, проводились вечера самодеятельности и художественного рассказывания.

Учителя проводили большую и важную воспитательную работу среди учащихся. Воспитать у школьников честное отношение к труду, научить их любить и уважать труд — эту задачу ставили учителя как главную и основную. Для этого нужно было бороться с пережитками собственнических настроений («вот если бы это моя гряда — тогда другое дело»), с принципом «постольку-поскольку» («поскольку я норму выполнил, то от меня требовать больше нельзя»). Упорная, настойчивая, мастерская работа бригадиров увенчалась, в конце концов, успехом. У детей вырастало чувство ответственности за порученное дело, они убирали морковь под дождем, убирали редис поздно вечером, когда колокол возвещал, что можно идти ко сну. У них вырастало чувство товарищества: кто поздоровее, справившись со своим заданием, спешил помочь слабым товарищам, чтобы вся бригада выполнила норму...

Ученики младших классов остались в городе. Но школа не оставила заботы о них. По-прежнему дети бывают здесь ежедневно с утра до 5–6 час. вечера. По-прежнему здесь организовано для них питание, проводится оздоровительная и разнообразная внеклассная работа. Часто целый день младшие школьники проводят во Дворце пионеров. Там они отдыхают, играют, смотрят кино, выступления кружков, слушают сказки, там они получают в этот день трехразовое питание.

В школе летом ученики заняты работой на школьных огородах, различными другими видами трудовой и общественно-полезной деятельности. В 50 школах, где были свои пришкольные участки, дети собрали 17,5 тонн овощей. Регулярно, не более двух часов в день, проводятся с учащимися учебные занятия по русскому языку и арифметике. Это помогало сохранить у них необходимые знания и навыки. В трех районах города, где были расположены совхозы и подсобные хозяйства, дети даже первых-вторых классов ежедневно на полтора-два часа привлекались к участию в прополке. Этот труд малышей имел большое значение. Все учащиеся Ленинграда летом 1942 г. были охвачены влиянием школы и ее заботами.

Организация сельскохозяйственных работ учащихся и летней оздоровительной работы с детьми достойно завершила трудовой подвиг учителей и детей на всем протяжении первого учебного года в условиях осажденного города.

Второй год блокады

Второй военный год школа встречала в той же обстановке города-фронта, города, только узким горлышком Ладожского озера связанного со всей страной. Артиллерийские обстрелы стали еще более частыми и интенсивными, чем раньше, продолжались, хотя значительно реже и в меньших масштбах, воздушные бомбардировки. Но школа, ее ученики, учителя и весь Ленинград после тяжелого первого года блокады приспособили свою жизнь и деятельность к фронтовым условиям. Ладожская переправа была уже отлично освоена, и связь с внешним миром стала более регулярной и систематической. После прорыва блокады 18 января 1943 г. установилось и прямое железнодорожное сообщение, не всегда, правда, безопасное.

Всего функционировало в 1942–1943 гг. 84 школы, из них только 15 средних (в том числе одна в Кронштадте); в Колпино были только 5-е, 6-е и 7-е классы. Младшие классы не работали — в городе на передовой линии не оставалось детей младшего школьного возраста. К концу года в школах обучалось 26 854 ученика в 863 классах, из них 1–4-х классов было 594 с 21 693 учащимися; 5–7-х классов — 215 с 4928 учащимися и 8–10-х классов 54 с 733 учащимися. Таким образом, по сравнению с довоенным годом, когда в городе было 467 школ, школьная сеть составляла 17,7%, число классов — 7,7%, количество учащихся — 6,2%. От довоенного школьного населения Ленинграла оставалось меньше одной шестнадцатой его части.

В школах дети продолжали получать трехразовое котловое питание, а с февраля 1943 г. большинство учащихся некоторое время

получало усиленное питание. Здоровье школьников значительно улучшилось. Приведем данные по 236-й школе:

	К началу года	К концу года
Ученики с резко пониженным питанием	174 чел.	—
Ученики с дистрофией I ст.	50 чел.	—
Ученики со скорбутом	47 чел	—
Ученики с дистрофией II ст.	16 чел.	—

В начале 1942/43 учебного года Исполком Ленгорсовета принял специальное решение «Об освобождении от работы на предприятиях всех детей до 14-летнего возраста и вовлечения их в школы». Одновременно с 1-го октября восстанавливалась и быстро росла сеть школ для рабочей молодежи без отрыва от производства. В условиях блокады с особой силой чувствовалась потребность создания школ, где недавние учащиеся школы, занятые работой, продолжали бы свое прерванное войной образование. Всего в 1942/43 учебном году функционировала 51 школа рабочей молодежи с 5561 учащимся. Среди них было 89,3% обучавшихся до войны в общеобразовательной школе.

К концу года всеобщее обязательное обучение детей до 14 лет в блокированном Ленинграде было почти полностью осуществлено. Школы работали в одну смену, число учащихся в каждой школе было невелико. 5-е и 10-е классы были немногочисленны по составу учащихся; в 5–7-х классах в среднем приходилось на класс по 28 учеников; в 8–10-х по 14 учащихся. При школе, где в 10-м классе число учащихся снижалось до пяти, контингенты старшеклассников удалось удержать в школе. Они потом успешно завершили свое образование.

...Некоторые дети-школьники оставались временно без надзора. У одних родители попали в больницу, у других были мобилизованы на оборонные работы, на торфоразработки или лесозаготовки. Такие дети нуждались в уходе, иначе они не могли бы ни учиться, ни даже жить. Вот почему в двух районах города при школах были организованы интернаты, преимущественно для детей фронтовиков. В связи с трехразовым питанием учащихся во всех школах фактически вводился продленный день. Дети приходили в 8–9 часов утра и оставались в школе до 6–7 часов вечера. Длительное пребывание детей в школе перегружало учителей, но зато оно позволяло обеспечить более четкий надзор за детьми во время артиллерийских обстрелов и более планомерную внеклассную работу.

Мелкие нарушения школьного режима, невыполнение отдельных распоряжений учителя, иной раз уход с уроков в учебное время (правда, в единичных случаях), отсутствие должной подтянутости и внешней организованности, — эти факты имели место в ленинградских школах и в годы блокады. Введение военного обучения в школах не вызвало коренного перелома в состоянии общей дисциплины как в школе, так особенно вне ее. Часто приходилось сталкиваться с неправильными попытками руководителей школ, а таже представителей военных комиссариатов укреплять общешкольную дисциплину, механически перенося приемы и формы дисциплинированности, принятые на уроках военного обучения, на другие предметы, на весь режим школьной жизни. Школа и учителя получили исчерпывающие указания Гороно по поводу этих ошибок в практике дисциплинирования ребят. Учебная работа в школе и руководство ею развертывались более планомерно, хотя непрерывный поток поздно поступивших детей мешал учителям и сказывался на всей организации обучения.

Одним из важнейших вопросов содержания преподавания в школе, имевших рещающее значение для повышения идейного уровня обучения, являлся вопрос о связи преподавания с современностью. Эта важнейшая принципиальная педагогическая проблема в некоторых школах решалась без достаточной предварительной подготовки учащихся, односторонне и неправильно. В практике школы в первый, особенно во второй год войны приходилось сталкиваться с двумя группами ошибок. Первая из них заключалась в недооценке связи с современностью там, где современность органически сочеталась с программным материалом, вводила ученика в понимание круга жизненных фактов и явлений, активизировала эмоциональную сферу ученика в процессе обучения, где, не нарушая логики предмета и его последовательности, она способствовала успешному разрешению задачи формирования личности учащихся.

С этой недооценкой можно было встретиться, например, на уроках географии, когда ученики, перечисляя советские порты на Черном море, бесстрастно упоминали про Одессу и Севастополь, не отмечая при этом ни героической борьбы этих городов с фащистскими захватчиками, ни даже того факта, что эти города-герои временно оккупированы врагом. Эта недооценка сказывалась и на уроках истории, когда при изучении войны 1812 года не подчеркивался в достаточной мере ни всенародный ее характер, ни особое значение тогдашнего партизанского движения. А если об этом и упоминалось, то вне какого бы то ни было

сопоставления с современной Отечественной войной и партизанским движением наших дней.

Впрочем, такие явные погрешности преподавания характеризовали только отдельных учителей, они ни в какой степени не были типичны для всего ленинградского учительства. Значительно более серьезной эта недооценка выглядела у тех немногих учителей, которые формально придерживались старых учебников и, не внося в них никаких корректив, дезинформировали учащихся о действительных фактах, имевших место в лагере наших врагов. Так, например, при изучении географии Германии Кёльн характеризовался только как просветительный центр, как город, славящийся своим собором; Дрезден — как город с картинными галереями, Рейнско-Вестфальский бассейн — как промышленный центр Германии. Таким образом, то обстоятельство, что Кёльн — крупнейший центр по производству синтетического горючего и синтетического каучука, что Дрезден — город с военной промышленностью, что Рейнско-Вестфальский бассейн — один из мощных арсеналов военной промышленности Германии, оставалось неизвестным для учеников.

Ясно, что недооценка связи преподаваемого материала с современностью в этих случаях становилась уже политически опасной. Значительно чаще приходилось сталкиваться, однако, с совершенно другим ошибочным разрешением вопроса о связи с современностью. Эта группа ошибок заключалась в том, что самое понятие «современность» трактовалось узко, сводилось только к военной тематике. Многие учителя-словесники все изложения и сочинения строили исключительно на военных очерках. Учителя географии растворяли географический материал в беседах по текущему моменту, так что иной раз на уроке трудно было сказать, идет ли занятие по географии или беседа в кружке текущей политики.

Институт усовершенствования учителей разъяснял учителям и руководителям школ, что понятие «современность» нужно трактовать широко, так, чтобы оно включало в себя не только военные темы сегодняшнего дня, но и весь комплекс вопросов, связанных с жизнью нашей родины, ее героическим прошлым и настоящим, ее языком, природой, бытом. Принципиальная позиция заключалась в том, чтобы преодолеть как механическую увязку с современностью, так и недооценку ее. Логика курса и его последовательность — эти основные требования должны быть соблюдены во что бы то ни стало, чтобы связь с современностью в обучении дала необходимый педагогический и политический эффект.

В мае 1943 г. закончился второй военный учебный год. За несколько дней до начала школьных испытаний в городе участились артиллерийские обстрелы. Они продолжались по несколько часов сряду и по несколько раз в течение дня. По специальному решению правительства в 4-х, 5-х, 6-х, 8-х и 9-х классах переводные испытания были отменены. Выпускники 7-х и 10-х классов держали испытания в установленном порядке. 10-й класс закончил 181 учащийся. (В июне 1941 года 10-е классы окончило свыше 14 000 учащихся.) Через месяц закончились испытания в школах рабочей молодежи и в школе заочного обучения. Там 10-й класс закончили 99 человек.

В течение 1942/43 учебного года школьники Ленинграда, пионерские организации, тимуровские команды провели огромную и разнообразную общественно-полезную работу. Приведем только два примера:

Учащимися Смольнинского района собрано:

- золы — 129 ведер;
- аптечной посуды — 1500 штук;
- листьев — 16 мешков;
- металлического лома — 576 кг;
- книг для освобожденных районов — 354;
- тетрадок, чашек для госпиталей — 319;
- белья — 233 пары;
- книг для госпиталей — 976;
- мелких подарков — 2 182 735;
- цветов — 288 горшков;
- рукавиц и наушников — 64 пары;
- на самолет «Ленинградский школьник» — 10 126 руб.;
- на танковую колонну — 31 504 руб.

Заготовлено дров — 327 м^3; распилено и доставлено дров — 420 м^3; замазано и зафанерено окон — 1746; поставлено печей — 12, проведено читок и бесед в госпитале — 176; проведено художественных выступлений в госпиталях — 37.

Пионерами Василеостровского района собрано:

- книг для бойцов — 6884;
- бутылок для зажигательной смеси — 3962;
- металлического лома — 5530 кг;
- кленового листа — 1066;
- подарков для бойцов — 6332;
- золы — 370 кг;
- тарелок для госпиталей — 1024.

Участвовали в комсомольском воскреснике по постройке дзота — 1248 чел.; провели воскресник «Пионер — фронту»; починили белья — 5078 шт.; разыскали семейств бойцов — 40; провели концертов в госпиталях — 60.

Общественная работа учащихся, их связь с фронтом и помощь ему, их помощь родному городу стали буднями жизни школы, пионерской организации и школьного комсомола.

Летом 1943 года учащиеся 4–9-х классов вновь выехали для работы в совхозах и подсобных хозяйствах предприятий города. За активное участие в обороне города, за разностороннюю общественную работу в помощь фронту, за снабжение города овощами свыше пяти тысяч ленинградских школьников были награждены летом и осенью 1943 г. почетной медалью «За оборону Ленинграда».

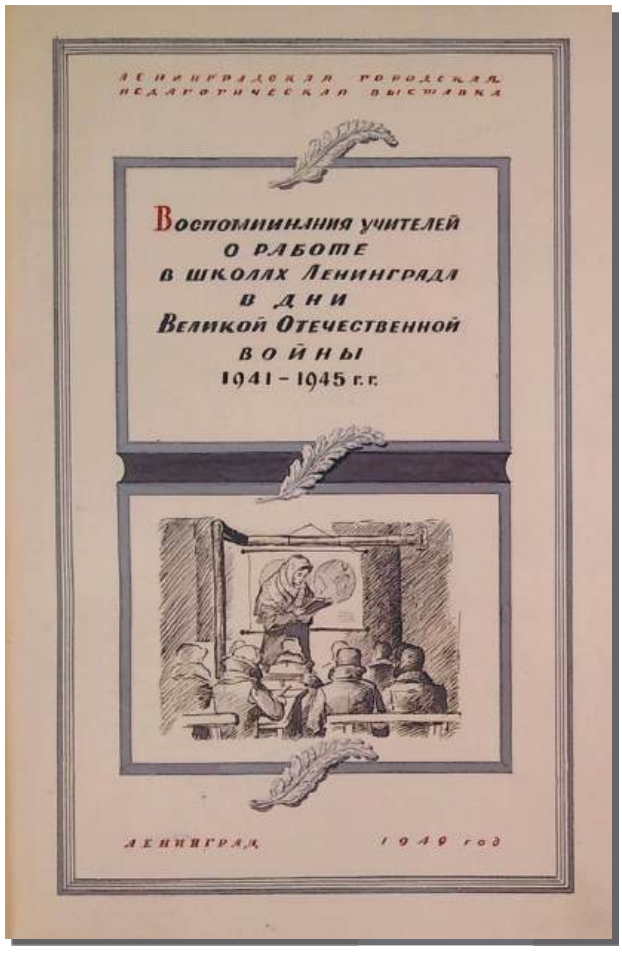
Август 1943 года. Все тот же блокированный Ленинград. Артиллерийские обстрелы города усиливаются. Детям все еще нельзя возвращаться из эвакуации. Новая сеть школ, в связи с раздельным обучением мальчиков и девочек, значительно расширена. К началу года функционирует 117 школ с 35 764 учащимися. Расширяется и сеть школ рабочей молодежи. Их функционировало 65 с 9287 учащимися. Перед школой поставлены новые задачи: обучение детей с семи лет, раздельное обучение мальчиков и девочек, введение «правил для учащихся»...

...Еще в декабре город подвергался сокрушительным артиллерийским обстрелам. Это была предсмертная агония гитлеровцев под Ленинградом. 27 января 1944 г. вместе со всеми ленинградцами учащиеся и учителя под отсвет разноцветных ракет победного салюта отпраздновали день снятия блокады Ленинграда. Закончился исторический этап в жизни ленинградской школы — жизни в условиях блокады, в обстановке города-фронта...

Приложение III-15.2

Ленинградская городская педагогическая выставка «Воспоминания учителей о работе в школах Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2



Этот сборник воспоминаний, подготовленный по инициативе кафедры литературы ЛГИУУ, стал первой попыткой подытожить жизненный и методический опыт, накопленный словесниками Ленинграда за годы Отечественной войны. Рукопись охватывает период с 22 июня 1941 года по 27 января 1944 года, когда была окончательно снята блокада Ленинграда. В текст включена также речь директора 105-й средней школы В. Ф. Любовой, произнесенная на антифашистском митинге в Москве в ноябре 1942 г. от лица ленинградских учителей, избравших ее делегатом. Сборник был представлен на Ленинградской городской педагогической выставке в 1949 году.

С. Н. Саговская

Род. в 1882 г. В 1941–1942 гг. — учительница русского языка и литературы 20-й школы Володарского района. В 1942–1944 гг. — учительница 50-й школы Приморского района. Заслуженная учительница РСФСР[3]

Незабываемые дни

22-е июня 1941 года. Ясное летнее утро. Все кругом залито ослепительным светом. Еще рано, но на улице уже чувствуются движение и оживление воскресного дня. Все как обычно, только у ворот каждого дома сидит дворник с красной повязкой на руке и с противогазом через плечо. Спрашиваю дежурного у наших ворот, что это значит? «Не знаем сами, — говорит он, — сегодня с ночи от милиции приказ дежурить у ворот». «Наверное, какая-нибудь учебная тревога по району будет», — подумала я. Вернувшись домой, я занялась домашними делами. Вдруг ко мне в комнату вбегает соседка, взволнованная: «Софья Николаевна, война! Вот горе-то!!»

— Какая война, с кем война?

— С Германией, с немцами! Идите к нам, слушайте, что по радио говорят.

Бегу, узнаю о войне с Германией. Сложные, трудно поддающиеся анализу переживания: чувство глубокого возмущения, боль за предстоящие жертвы, чувство какой-то растерянности и одновременно потребности что-то делать, где-то в глубине еще не вполне осознанный страх перед надвигающейся опасностью.

Отчетливо помню вечер первого дня войны Только что я легла спать. Вдруг протяжно, заунывно и зловеще завыла сирена. Моментально все были на ногах. Остро пронизала мысль, что это не та учебная тревога, к которой мы привыкли, а настоящая, боевая, несущая за собой смерть и разрушение. Что-то сжалось внутри, и самой хотелось сжаться, стать меньше и незаметнее. Казалось, что враг здесь, над головой, вот-вот грохнет и разорвется бомба. Но все было тихо, а вскоре дали отбой. Бесчисленное множество тревог было пережито впоследствии, но воспоминание о первой осталось навсегда.

Летние каникулы. Отпуск. Но разве можно думать об отдыхе? На следующий день после объявления войны еду в школу. Там уже собралась часть учителей, через некоторое время подъехали и остальные, находящиеся в Ленинграде. Никто не вызывал нас из отпуска, но сидеть без дела было невозможно. Началось свертывание многих школ, предназначенных для госпиталей, свертывалась и та школа, где я работала, 20-я школа Володарского района. Это была школа-дворец с прекрасно оборудованными кабинетами, с богатейшим физкультурным залом, с огромной библиотекой. Все эти сокровища надо было уложить, перевезти в кратчайший срок. Учителя работали и днем, и ночью. Это была первая работа учителя в военное время. Взятые под госпиталь школы сливались с соседскими. В это время уже начинались настоящие бомбежки, а так как наша школа находилась рядом с заводом Ленина, то она неоднократно была под угрозой.

Мы, ленинградцы, тогда еще не привыкли к налетам, звуки сирены, грохот зениток нас пугали. Иногда, правда, мы продолжали заниматься с детьми, но чаще занятия прекращались, и мы отводили детей в убежище. Я лично очень боялась бомбежек. Когда я слышала над головой гул немецкого самолета, чувствовала, как все во мне сжималось, холодело, а сердце начинало бешено стучать. «Я боюсь, что ты умрешь от разрыва сердца», — говорила сестра, когда воздушный налет заставал меня дома. Я хотела не волноваться, но ничего не могла с собой поделать: страх был сильнее моей воли. И вдруг однажды этот страх пропал разом и навсегда.

Случилось это так. Я была в школе. Занятия кончились, но часть детей еще оставалась в школе, когда была объявлена воздушная тревога. Почти сразу же послышался тяжелый полет немецких бомбардировщиков. Загрохотали зенитки. Стало очевидно, что немцы собираются бомбить завод. Дети быстро сбежались в бомбоубежище, вслед за ними вошла туда и я. Едва я успела закрыть за собою дверь, как раздался оглушительный грохот, здание школы вздрогнуло до основания, послышался звон стекол, шум чего-то рушащегося. Погас свет. Началась паника: плач, крик насмерть перепуганных ребят. И вот в эту минуту, когда казалось, что кругом все рушится, я поняла, что из взрослых я одна

[3] URL: https://vk.com/wall468226254_1528

среди них, и вдруг почувствовала, что мой страх пропадает. Одно только желание было у меня: успокоить эту перепуганную толпу малышей. Я закричала: «Не бойтесь, не бойтесь, я здесь, я с вами».

И когда я почувствовала, как ко мне на мой голос со всех сторон через бревна, плача, всхлипывая, ползут ребята, я поняла, что мой страх пропал окончательно. Я нащупала в кармане огарок свечки, которую всегда носила при себе, и зажгла. Тусклый свет озарил пространство около меня. Здесь и столпились ребята, прижимаясь ко мне, спрашивая, что случилось. Ответа дать им я не могла. Ясно было одно, что где-то совсем близко разорвалась бомба, но пострадала ли школа, было неизвестно. Может быть, бомба попала в самое здание, может быть, мы погребены здесь заживо на более или менее продолжительный срок...

Подойти к дверям и попытаться узнать, что случилось, я не могла. Кажется, сделай я шаг от детей, и снова поднимется крик и плач. И я стояла на месте, гладя, обнимая их и успокаивая тех, которые были ближе ко мне. По существу, что я могла для них сделать, чем помочь? Но сознание, что с ними взрослый человек, учительница, успокаивало детей. Вдруг дверь в убежище распахнулась, с улицы стали прибегать дети, приходить взрослые, некоторые раненые, окровавленные. Пришлось оказывать им первую помощь. Вид крови всегда вызывал у меня тошноту и ощущение дурноты, но тут все пропало, и я помогала, чем я могла. От прибежавших мы узнали, что бомба попала в дом напротив школы. А школа цела, в ней только вылетели стекла да местами рамы. Так, в минуту опасности, от сознания ответственности за жизнь доверенных мне детей я окончательно исцелилась от страха. Больше страх не возвращался.

Незаметно подходит осень. Школа вступила в первый новый учебный год. Где же проводить занятия? С одной стороны, многие школы взяты под госпитали, с другой — опасно скоплять большое число детей в одном месте: бомбежки стали ежедневными. Бывало, регулярно в 8–9 часов вечера слышится заунывный звук сирены, а затем тяжелый полет неприятельских аэропланов. Все жильцы нашего маленького домика на Петровском острове спускались вниз под лестницу и часами сидели там на своих чемоданах. А над головой летали немецкие аэропланы, непрерывно стреляли зенитки, перекрещивались лучи прожекторов. Нередко бывало несколько тревог за день. Помню день, когда было 13 тревог. Решено было проводить занятия в бомбоубежищах.

Начались поиски подходящих помещений, разговоры с управхозами, оборудование бомбоубежищ кое-какой школьной мебелью. Наконец, все подготовлено. Занятия начались. Подвальное низкое помещение. Маленькие окна почти не пропускают света. Кругом толстые деревянные подпорки, поддерживающие потолок. Под ногами тоже бревна. Посредине один или два длинных стола, вдоль столов скамейки. Сверху спускается электрическая лампочка, освещая склоненные над тетрадями детские головки. Ровно и спокойно звучит голос учительницы. А кругом по стенам нары с матрацами и подушками, а иногда просто прикрытые какимто тряпьем. Ночью здесь спят жильцы дома, спасаясь от налетов. Холодно, под ногами сыро.

Нередко урок прерывается. Приходят люди, чтобы укрыться на время налета. Кончается тревога — снова продолжаются занятия. Дети учатся. Они уже привыкли к опасности. Но постепенно начинается отсев учащихся. Часть из них эвакуируется вместе с родителями, часть начинает слабеть, хворать, к тому же холод и сырость в убежищах дают о себе больше и больше знать. Учебная жизнь начинает замирать. Положение Ленинграда ухудшилось. Продовольственный вопрос обострялся с каждым днем. Росли очереди за хлебом в продуктовых магазинах и на рынках. Учителя еще крепились и работали с оставшимися детьми.

Подошел день 7 ноября. Первый раз проводился этот праздник в условиях военного времени. Не было демонстраций, которыми ленинградцы привыкли отмечать этот день. Не гремели оркестры, их сменили звуки сирены, грохот зениток, гул отдаленной артиллерийской канонады. Школы все отметили этот день. С детьми по группам были проведены беседы, декламации, а мы — учителя, организовали небольшой митинг совместно с той воинской частью, которая стояла в здании школы.

Поредела к этому времени наша учительская семья. Одни эвакуировались, другие сражались на фронте, а один, ушедший добровольцем, погиб в первом же бою. Вспомнили мы его, Михаила Зиновьевича Романовича. Молодой, худощавый, с портфелем подмышкой, летит он, бывало, по нашим длинным коридорам. И вот уже нет его, отдавшего свою молодую жизнь за Родину. Вечная память тебе, дорогой товарищ, один из незаметных героев Великой Отечественной войны! Просто и тепло прошел митинг. А дальше потекли дни, незабываемые для ленинградцев дни. Железными тисками сжимала город блокада, голод вступал в свои права.

Страшно вспомнить зиму 1941–1942 года! Ничего, кроме 125 граммов хлеба! Разве еще иногда какое-то подобие желе, сваренного из столярного клея, тягучее, отвратительное. Трескучий

мороз. Ртуть в термометре приближается к 40. Под ногами или лед от пролитой воды, которую приходится таскать ведрами, или огромные сугробы снега, которых некому убирать. И бесконечная дорога от дома до школы (живу я на Петровском острове, в Приморском районе, а работаю на улице Ткачей в Володарском — расстояние около 10 км). Как заколдованные чудовища в сказочном сне, стоят обледеневшие трамваи. Длинными белыми нитями свисают оборванные провода. По утрам вереницей тянутся санки с мертвецами в белых саванах. Идешь, а дорога тянется, катится, нет и не будет ей конца. Думаешь: «Дойду ли? Может быть, это мой последний путь?»... Но заставляешь себя думать: «Дойду!» Сосредоточиваешь на этом слове всю свою волю.

Вот и школа. Жизнь в ней едва теплится. Занятий нет. Проживешь там дня два, отдежуришь — и обратно тем же путем. Снова бесконечной белой лентой тянется дорога. Охватывает желание присесть, отдохнуть на какой-нибудь ступеньке, тумбочке, но понимаешь, что нельзя. Идешь по инерции, как заведенная машина, а сядешь — не встанешь. Светлым маяком маячит где-то родной дом, где с нетерпением и тревогой ждут тебя родные. Чем ближе к дому, тем тревожнее становится на душе. Ленинградцам хорошо знакома эта все нарастающая по мере приближения к дому тревога. Внимательно всматриваешься в окружающее: что произошло здесь за два долгих дня отсутствия? Нет ли новых выбитых стекол, вырванных рам, не зияют ли новыми провалами дома? Вот среди деревьев Петровского парка показываются двухэтажные маленькие домики городка имени Ушинского. Вот, наконец, и последний из них. Цел, на месте. Даже стекла целы. Значит, надо надеяться, что живы и все домашние. Стучишь. Звонок не действует. Из-за дверей слышишь голос внучки! «Баба Соня пришла, баба Соня пришла!»

Сумерки. В комнате тихо играют дети, Коленька и Катюша 4–5 лет. Странная игра! Торопливо запихивают они что-то в маленький чемоданчик. «Скорей, скорей, немцы летят! Бежим в убежище!» И оба с чемоданами в руках лезут под стол. Уселись. Прижались друг к другу. Потом: «Слышишь, бомбу сбросили». Притихли, притаились, как мышата. Им страшно. А через несколько минут громко и радостно: «Отбой, отбой!» Это игра, а вот и действительность: со свистом проносятся снаряды над домом, рвутся где-то совсем близко. Дрожит все кругом. Сильнейший обстрел района! На ходу натягиваем пальто на ребят, нахлобучиваем шапку, накидываем платок. Выбираем какую-то секунду между разрывами, чтобы сбежать с ребятами в подвал, который заменяет нам бомбоубежище. Сидим на бревнах. Холодно. Кругом все обледенело. Непрерывно свистят и рвутся снаряды. Вот грохнуло совсем близко. Взметнулся за окном столб черного снега. «Я не боюсь, я мужчина, я ленинградский мальчик», — говорит Коленька. «А я боюсь, — отвечает Катюша, сидя у меня на коленях и крепко прижимаясь ко мне. — Ведь я девочка, правда, баба Соня?» Что правда, не знаю: то ли что она девочка, то ли что она боится?

А вот картинка из повседневной жизни того же ребенка. На маленьком стульчике перед огнем топящейся «буржуйки» сидит Катюша. Она голодна, страшно голодна. Мы знаем это по тому, как облизывает она губенки, шлепает ими, но молчит. Никогда ни разу не попросила она, чтобы ей дали есть, сидит и ждет, когда ей, наконец, дадут ее долю. Удивительная выдержка! Далеко не каждый взрослый умел так владеть собой, как эта маленькая четырехлетняя ленинградка. Или общий режим, царивший в нашей семье, сказывался так на ней? А режим у нас был очень строгий. Крошечный дневной паек, получаемый каждым, идет в общий котел; варится жидкая хлебная похлебка, которая делится на 3 части: на завтрак, обед, ужин. Для ребенка из этого пайка выделяется частица «на перекуску», как мы говорим. В промежутки между установленными часами нашей скудной еды никто не позволял себе съесть ни крошки. Думаю, что такой режим помог нам пережить голод и всем уцелеть. Пусть это было ничтожное количество пищи, но оно поступало в организм регулярно.

Текут дни. Подходят зимние каникулы, время обычной детской елки. Хочется чем-нибудь порадовать малышей, хоть на миг оторвать их от окружающего ужаса! И вот у нас елка, хоть и необычная: большой цветок заменяет ее. Блестят елочные украшения. Горят огарки свечей, случайно сохранившихся от прошлогодней елки. Все жильцы нашей квартиры, вся наша тесная педагогическая семья-коммуна собралась здесь. Смотрит каждый на эту своеобразную елку, и перед каждым проплывают картины прошлого... Двое наших ребятишек сидят на диване и внимательно смотрят на огоньки свечей. Немножко оживившиеся сначала, они теперь снова притихли. Играет радио. Вот раздались звуки русской плясовой песни. Смотрим: Катюша медленно слезает с дивана, так же медленно вынимает платочек из кармана и начинает плавно двигаться под такт музыки.

С каждым днем все труднее и труднее становилось проделывать бесконечный путь от дома до школы. Все меньше оставалось сил, все медленнее становились движения. И как ни тяжело мне было оставить Володарский район,

где я проработала 38 лет, которому отдала все лучшие силы и годы, с которым срослась и сроднилась, но пришлось хлопотать о переводе по месту жительства в Приморский район, заново начинать и строить в нем свою работу. В половине апреля направилась я впервые в 65-ю школу Приморского района, помещающуюся на Крестовском острове. Был назначен педагогический совет. Комната, где он должен был проходить, помещается на 3-м этаже, Третий этаж! Как высоко! Отекшие ноги, сжатые точно железными обручами от цинги, с трудом передвигаются со ступеньки на ступеньку. Идешь, как ходят маленькие дети. Шагать нормально нет сил. Дошла. Небольшая комната, топится печка-времянка, посреди стол. Твердо и отчетливо звучит голос директора школы Антонины Александровны Шепуто. Она говорит, что 1 мая будут возобновлены занятия в школе, что к этому времени необходимо привести школу в порядок, подготовить к приему детей, что все это надо сделать своими собственными силами. А школа только что освобождена от постоя воинской части.

Со следующего же дня началась работа по уборке помещения. Тяжело давалась она нам, совершенно обессиленным людям. Но сила воли заставляет двигаться и двигаться. Только в дни войны, в дни тяжких испытаний осознала я до конца, что значит сила воли, какой это огромный рычаг в жизни и деятельности человека. И мое глубокое убеждение, что многие ленинградцы пережили эти годы не потому, что они были сильны физически, а потому, что обладали сильной волей. Все время в самых трудных местах видишь, бывало, одну и ту же невысокую, коренастую фигуру одного и того же неутомимого работника — директора школы Антонину Александровну Шепуто. То она организует работу, отдавая распоряжения, то с мокрой тряпкой в руках принимает участие в мытье полов, то, стоя на окне, заколачивает фанерой раму, то пилит дрова, то что-то убирает на дворе. Смотришь и удивляешься, откуда берется эта кипучая энергия, эта удивительная работоспособность. Не думайте, что перед нами молодой человек, нашему директору 60 лет.

Помню, пришла я как-то в школу, расстроенная домашними неурядицами, стала говорить на эту тему с Антониной Александровной, Но скоро оборвала себя: «Да, впрочем, это частные дела, не касающиеся школы», хотела перейти к школьным вопросам. Как вскипит, как набросится на меня директор! «Какие это частные дела, что за частные дела могут быть в беседе с директором? — Директор должен знать все, что касается условий жизни его работников». И пришлось рассказать, что дома дров нет, что не сегодня-завтра останемся без крыши над головой, так как дом назначен на слом, и т. д. В устах Антонины Александровны «директор должен все знать» были не просто слова. Зная положение своих работников, она, где могла, шла им на помощь.

В 1943 году, когда происходила реорганизация школ в связи с делением школ на мужские и женские, А. А. Шепуто была назначена директором 50-й школы. Туда сначала был назначен другой директор, более молодой, но школа была в таком запущенном состоянии, а срок такой жесткий, что назначенный туда директор отказался. В десятидневный срок справилась Антонина Александровна с этой работой. Одновременно она помогала молодому директору, назначенному на ее место в 65-ю школу. Если, начиная совместную работу с Антониной Александровной в апреле 1942 года, я удивлялась, откуда берется такая энергия, такая работоспособность, то теперь, после двухлетней совместной работы, я знаю, что действует в данном случае: глубокая любовь к детям, школе, к своему делу и огромная выдержка, огромная сила воли. Рядом с ней работает ее неизменная помощница, неизменная сотрудница в течение 22-х лет, завуч школы Ольга Васильевна Колчина, всегда спокойная, выдержанная, ровная.

Работают люди, делают свое дело, а природа между тем живет своей жизнью. Весна с каждым днем все более и более вступает в свои права. Побежали ручьи по дорожкам парка, через который идет мой путь в школу. Почернел лед на маленькой речушке парка. На Неве и Финском заливе засверкала, заиграла голубая водная гладь под лучами весеннего солнца. Набухли и зазеленели почки на деревьях. Идешь по аллее, смотришь вдоль, а впереди группа кустов, покрытых как будто бледно-зеленой вуалью. По краям дороги, среди желтой прошлогодней травы, пробивается свежая, молодая. Защебетали пичужки, сначала изредка, робко, а там с каждым днем все громче, озорнее. И радостно слышать голос какого-то животного существа: ведь так давно не слышно в городе ни чириканья воробьев, ни бульканья голубей, ни мяуканья кошек, ни лая собак. Идешь. Кругом такая тишина, такой покой, отдыхают усталые, всегда напряженные нервы...

Навстречу начинают попадаться люди. С палочками в руках, с мешком на руке бредут они, но не по дороге, а по краям ее, по траве. Поминутно останавливаются, потом опускаются на корточки или на колени, вытаскивают из земли маленькую, свежую, зеленую травку, вытаскивают бережно, осторожно. Ведь это витамины,

какая-то крошечная частица жизни. Сорванная травка заботливо складывается в мешок, чтобы сварить дома из собранной с таким трудом травы зеленые щи. Большую роль в жизни Ленинграда сыграли эти щи. Из чего только не варили их! Из различной травы, крапивы, лебеды! Часами стояли за ними ленинградцы в очереди в столовых, где их давали без выреза талонов. Многим помогли эти щи оправиться от цинги.

Шла весенняя работа в природе, шла своим чередом и работа в школе. Здесь тоже каждый день приносил что-то новое, какой-то новый сдвиг в работе. То, что казалось совершенно невозможным, было выполнено в срок: вся грязь убрана, классы оборудованы, столовая организована. Одновременно сплачивался и педагогический коллектив, который был сборным, состоявшим из учителей разных школ. Сорганизовался местком, и в день Первого мая, во время митинга, на стенах учительской красовался № 1-й стенгазеты.

Дети вернулись в школу бесшумно, без обычного детского крика и смеха, без шалостей, так свойственных детскому возрасту. Все их интересы сосредоточиваются на мысли о том, чем и скоро ли их накормят. Проходит немало времени, пока школьная жизнь начинает налаживаться. Большая задача стоит перед учителем: переключить, отвлечь интересы детей от вопросов питания, поднять их умственные интересы. Идут дни, и медленно, постепенно дети начинают оживать: то раздастся громкий разговор, то прозвучит смех, а то и поссорятся, подерутся вдруг. И вот, что в другое время, может быть, и рассердило бы учителя, вызвало бы замечание с его стороны, сейчас радует его. Ведь это, значит, возрождается жизнь, возвращается подлинное детство! Молодые ростки, трогательно оберегаемые партией, правительством и всеми взрослыми, не заглохли. Ненавистный враг не смог окончательно задушить их, и они снова тянутся к свету, к жизни. Постепенно умственная работа, учебные занятия становятся возможны. Нового материала детям не дается. Идет повторение материала, пройденного учащимися в предыдущие годы. Занятия продолжаются два месяца, затем наступает летний перерыв.

Наступил летний перерыв, но это не значило, что наступили каникулы, как их понимали в довоенное время. Работа школы и школьников не прекратилась. Она только потекла по другому руслу. Все учащиеся, начиная с 5-го класса, выехали в совхозы и колхозы на огородные работы вместе со своими учителями. Добросовестно потрудились дети, много сделали их детские руки. Большинство работало с полным сознанием важности своего дела, с полным сознанием ответственности за него. Недаром многие ленинградские дети награждены медалью «За оборону Ленинграда». Вот что писали дети бойцам:

> Я все лето была на огороде в 80 км от Ленинграда. Жила там 4 месяца. Мы ни разу не приезжали домой, но я радовалась, что приношу пользу фронту... Сначала работать было трудно, я не выполняла нормы, но я очень старалась, в конце концов, стала не только выполнять норму, но и перевыполнять. Осенью за работу получила почетную грамоту (*Громова VI кл.*).

Учащиеся старших и средних классов работали на огородах, но и младшие не сидели без дела. Как муравьи, копошились они, помогая взрослым готовить школу к зиме.

1942–1943 учебный год поставил перед школой и учительством большие задачи. Учителю было предъявлено требование — пройти программу полностью и закрепить материал, несмотря на то что занятия в средней школе начались на полтора месяца позднее в связи с огородными работами.

Необходимость разрешить этот вопрос встала передо мной сразу же при планировании работы на год. Нельзя ли ускорить работу по ознакомлению с новым материалом, оставляя больше времени на его закрепление? Я решила попробовать сделать это в отношении грамматического материала. Обычный метод сообщения нового материала таков: наблюдения учащегося на ряде примеров, данных учителем; вывод из них, подтверждение вывода примерами учащегося, закрепление материала.

Не отбрасывая этого метода, я начала применять и другой: давала сразу материал по учебнику. Читали, разбирали его, проверяли данными примерами, составляли план к разнообразному материалу, рассказывали его в классе, иллюстрируя своими примерами. Иногда, если новый материал был легок или аналогичен ранее пройденному, я давала учащимся самостоятельно разобрать и выучить его дома. Считаю, что такой метод ускорял работу и заставлял учащегося глубже, внимательнее изучать учебник и лучше запоминать материал. Думаю, что это была одна из причин, благодаря которой учащиеся 7-го класса смогли совершенно самостоятельно повторить весь пройденный материал и подготовиться к испытаниям, когда весной я прохворала 3 недели и вышла на работу только в день испытаний. Испытания были сданы всеми хорошо. Так я разрешила для себя первую задачу. Но передо мной стояла еще и другая, крайне важная и ответственная задача — развитие в детях чувства патриотизма, любви к Родине.

Вся жизнь в дни Отечественной войны, особенно жизнь в условиях осажденного города, способствовала этому. Богатые возможности для работы в этом направлении в классе давал и литературный материал современности: газеты, новые книги и брошюры, плакаты. Материал богатый, но надо его найти, отобрать нужное, увязать с программой. Никаких ранее проложенных путей нет. Их надо искать. И вот, несмотря на голод, от которого еще страдали ленинградцы, несмотря на вечную угрозу смерти над головой, начались эти искания, началась творческая работа учителя. Никогда, может быть, так творчески, так напряженно не работала педагогическая мысль, как в эти дни...

Вместе с другими взялась и я за эту работу. Как провести первый урок в 6–7-х классах? Я отлично помнила, как трудно было втягивать учащихся весной в умственную работу. Теперь они опять были оторваны от школы три с половиной месяца. Чем, как захватить их сразу с первого часа учебы? Сделать это тем труднее, что оба класса новые, дети совершенно мне неизвестны. В то же время мне хотелось подчеркнуть, что наступающий учебный год является необычным годом, что перед всеми, в том числе и перед школой, и перед учащимися он ставит большую задачу — задачу помощи Родине.

Долго думала я и решила, что на первом уроке проведу работу с плакатом. Остановилась на плакате: «Приказ (*в тексте зачеркнуто слово* Сталина. — *Примеч. ред.*) — приказ Родины»[4]. Большой, красочный, яркий, он мне нравился своим содержанием. Думалось, что он должен привлечь внимание и заинтересовать учащихся. На переднем плане плаката фигура женщины-работницы. Суровое, энергичное лицо дышит ненавистью и одновременно затаенной грустью. Одной рукой она обнимает мальчика-пионера, другой указывает вдаль. А там, вдали, идет горячий бой между немецкими и русскими войсками. На лице мальчика отпечаток той же суровости, что и на лице женщины. Он внимательно всматривается в развертывающуюся перед умственным взором картину, внимательно вслушивается в слова женщины. Обе фигуры так выразительны, дышат такой силой, что приковывают к себе внимание.

На фоне этой картины я развернула беседу. Рассмотрели каждую фигуру, ее позу, особенно выражение лица. Определили, кто эта женщина, каково ее настроение, какие чувства она переживает. Сделали предположения, чем они вызваны. Решили, что, судя по названию

Плакат худ. В.А. Серова. Государственное издательство «Искусство», 1942

плаката, женщина говорит о приказе. Вспомнили содержание Первомайского приказа, частично учащиеся, частично дополняла я. Женщина не только сама думает о приказе, она знакомит с ним и мальчика. Она так ярко, красочно рассказывает о борьбе Советской Армии, что перед глазами мальчика как бы встает картина этой борьбы нашей армии, воодушевленной приказом.

Чтобы оживить картину, предлагаю учащимся рассказать несколько эпизодов из этой героической борьбы, которые могли быть рассказаны женщиной. Рассказов сыплется много. Затем снова возвращаюсь к плакату и задаю вопрос: «А как эта женщина, говорящая о выполнении приказа бойцами, сама выполняет его? Как вообще выполняется приказ товарища (Сталина) на производствах, в учреждениях? Указывая на выполнение приказа всеми трудящимися, чего требует женщина от пионера и школьника? Как могут выполнить школьники этот приказ? Какие задачи он ставит перед учениками?»

Дома подвожу итоги тому, что дал мне этот урок. Плакат, привлеченный мною к уроку, безусловно, повысил интерес учащихся и помог их более свободному высказыванию, а мне дал возможность легче познакомиться с классом в целом и с некоторыми отдельными учащимися. Вот передо мною Галя Алексеева, худенькая, высокая девочка. Она высказывает свои предположения о возможной причине грусти женщины. Ее рассказ эмоционален, говорит она взволнованно, речь строит правильно и даже красиво. Марат Архипов, невысокого роста, коренастый паренек с энергичным лицом, очевидно, достаточно начитан, следит за политикой. Он лучше всех остальных знает содержание приказа. Наташа Липьянен, Таня Пластина приводят ряд эпизодов героической борьбы. Володя Павлов, серьезный, несколько медлительный, основательно

[4] Речь идет об известном плакате худ. В. А. Серова «Приказ Сталина — приказ Родины». URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/2896232

рассказывает о работе на производстве, которую он знает из собственной практики. Передо мной сейчас уже не какая-то неизвестная мне группа, а отдельные личности со своими особенностями, со своей индивидуальностью. Эта первая беседа дала мне возможность показать учащимся те задачи, которые стоят перед ними, вместе с тем ознакомить их с теми требованиями, которые лично я буду к ним предъявлять в качестве преподавателя русского языка, и сделать это не в виде сухого наставления, а как естественный заключительный вывод из беседы...

...Так шли первые месяцы работы. Я остановилась на работе с материалом современности как совершенно новом материале. Но и работу с классиками надо было строить по-новому, увязывать с современностью. Разве можно было, знакомя учащихся с биографией Пушкина, говоря о его лицейских годах, проведенных в Царском Селе, переименованном в Пушкин, не говорить о том, что такой дорогой для нас по воспоминаниям город находится сейчас в руках варваров? Нельзя было, разбирая «Днепр» Гоголя, не упомянуть об Украине, порабощенной немцами, или, проходя «Тараса Бульбу» и говоря о любви Тараса к отечеству, о чувстве товарищества, не сопоставить его с героями Отечественной войны. А стихотворения или прозаические отрывки, рисующие картины родной природы! Разве они не давали материала для развития любви и к природе, и к Родине? Старый знакомый материал надо было дать в новом освещении, под иным углом зрения, а это требовало вдумчивой работы от учителя.

Жизнь учителя охватывала не только уроки. Осенний вечер. Дежурю в школе у телефона, отвечая за сохранность школы. Я — одна. Обошла здание, проверила, все ли в порядке, и теперь сижу в канцелярии. В школе пусто и тихо. Тишина нарушается стуком дождя, который льет сегодня непрерывно, да писком и возней крыс в коридорах. Работа не клеится. Угнетают тишина, тьма, царящая в длинных коридорах, кое-где освещенных синей лампочкой. Боюсь крыс. Скоро ли 9 часов, когда придет смена? Кажется, стрелка на часах едва движется. Стук в наружную дверь. Спрашиваю: «Кто там?» Входит новая дежурная, промокшая до костей: «Ну и погода, не знаю, как вы пойдете. Ни зги не видно». Я и сама не знаю, как пойду. Выходишь на улицу и сразу погружаешься в какую-то темную бездну. Полная тьма охватывает со всех сторон. Ни одна полоска не пробивается сквозь тщательно затемненные окна.

Долгие месяцы войны хорошо научили нас затемнению. Идешь ощупью. Ноги то и дело проваливаются в лужу, промокли насквозь. Тебя поливает холодным дождем. Ветер забирается в каждую щелку. Боишься потерять направление и заблудиться на хорошо знакомых улицах. Кругом ни души! Улицы пустынные, малолюдные даже и днем-то, а теперь точно вымерли. И вдруг из-за угла навстречу мелькнул огонек. Закачался крошечный фонарик в руках прохожего. Свет бледным пятном упал на землю. Тороплюсь воспользоваться им, взглянуть кругом, спросить у встречного, скоро ли улица Ленина, не прошла ли я ее. С каждой минутой огонек удаляется. Вот он совсем пропал, затерялся во тьме. Еще темнее кажется кругом, еще острее чувство одиночества, заброшенности. Вся продрогшая, через час и больше добираешься до дому, хотя ходьбы от школы до дома не более 20–30 минут...

...Вспоминаются и зимние вечера дома. Холодно и здесь. На ногах валенки, на плечи накинуто пальто, иногда одеяло. На столе коптилка, маленький язычок пламени слабо освещает комнату. Передо мной ученические тетради. Напрягаешь зрение, разбирая почерки учащихся; здесь же рядом книги и всегда кипа газет. Роешься в них, делаешь пометки, вырезки, выбираешь материал, который можешь использовать на уроке. Составляешь диктовки на новом материале, примеры для разбора, тексты для пересказов. Работа интересная. Увлечешься и забудешь все тяжелое, что приходится переживать. А если урвешь время на чтение книги, то и совсем хорошо. Помню, мне удалось купить только что вышедшее новое издание Толстого «Война и мир». С каким наслаждением перечитывала я бессмертные страницы великого русского писателя! Вообще, надо сказать, что за время войны я читала очень много. Так, перечитала я Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». Своеобразный язык, красота описаний природы и этот быт — какой далекой, седой стариной веет от всего этого, и как удивительно умиротворяюще действует такое чтение! Да, много, очень много было мною прочитано и перечитано за это время, только от плохого освещения болели глаза.

1943–1944 учебный год. Осенняя учительская конференция. Большой зал Дворца пионеров, где назначена конференция, полон народа. Первая настоящая конференция за годы войны. Теперь это уже не собрание каких-то призраков. Это люди, более или менее оправившиеся от страшного перенесенного ими голода. Оживленные лица, быстрые движения. В зале стоит гул громких разговоров. Кое-где прорывается смех. Происходит ряд радостных встреч с прежними товарищами, друзьями. Сталкиваешься с ними, в первую минуту даже слов не находишь, а только радостно, крепко жмешь руку да смотришь друг на друга. Как, неужели выжили? Неужели

встретились? Проходят первые минуты, и только тогда засыпаешь друг друга вопросами: как прожили эти годы, где теперь? Звонок заставляет занять свои места. Разговоры стихают. Начинается деловая работа. Во весь рост встают перед учительством вопросы огромной важности о раздельном обучении, о повышении дисциплины и новых правилах поведения для учащихся. Внимательно, напряженно слушают учителя о тех новых задачах, которые встают перед ними. Слушают учителя о задачах школы, а неумолимое радио объявляет артиллерийский обстрел района. Свистят снаряды, иногда доносится гул разрыва, а конференция идет своим чередом. Жаль было бы прерывать ее!

Опять новые классы, новые лица детей. Нужно с ними познакомиться, установить контакт, без чего для меня работа почти немыслима, нужно учесть специфические особенности девочек, ведь я теперь работаю в женской школе. 6-й класс, в котором мне пришлось заниматься русским языком, класс довольно трудный. В нем много детей, которые по своему возрасту должны были быть в более старших классах; есть дети, которые потеряли по году и более. Они отвыкли от школьных требований, привыкли считать себя равными с взрослыми. Устанавливать дисциплину в классе было трудно. Ставишь, бывало, отметку и сейчас же слышишь реплики:

«А почему только “хорошо”, а не “отлично”? — Почему “посредственно”?»

Требуешь, чтобы ученица пересела. «А зачем? Мне и здесь хорошо». «Сними пальто!» «Ну, вот еще, а мне холодно». Бесконечное число возражений на каждое слово. Дисциплину во время урока я поддерживаю (у меня всегда хорошая дисциплина), но это требовало с моей стороны большого напряжения, да и не люблю я таких отношений между учителем и учениками, когда все держится только на принуждении, когда нет контакта у той и другой сторон. Я искала путей, как установить другие, более близкие отношения с классом, искала и не находила.

Между тем приближалась 26-я годовщина Октября. Заговорили в школе о письмах бойцам к празднику. Научить написать письмо, деловую бумагу — одна из задач преподавателя русского языка, правда, более младших классов, но я решила проверить это уменье у своих учениц. Впрочем, я не только эту цель ставила перед собой, когда решила отвести урок на письма, мне хотелось положить начало связи с фронтом, хотелось посмотреть, что представляют собой эти дети, попытаться затронуть внутренние струны их души.

И вот я пришла в класс и сказала, что цель нашего урока сегодня — письменное сочинение, но сочинение особого рода, именно, письмо на фронт. Гул протеста встретил мои слова: «Ну, вот еще, зачем мы будем писать?» «Мы не знаем, о чем писать» и т. д. «Вы сначала послушайте меня, а уж потом шумите», — ответила я. Притихли. Я начала говорить. Старалась сказать немного, но ярко и красочно. «Вот глухой лес, кругом непроходимые болота. Осень. Воет ветер. Шумит лес. Моросит холодный дождь. Чуть видны землянки, а в них наши бойцы, оторванные, отрезанные от своего родного угла. У некоторых из них есть родные, есть дети, но они их давно не видели, у других нет никого. Глубокое одиночество. А над головой — постоянная угроза смерти. Тоскливо становится порой... И вдруг письмо! Какую радость доставляет бойцам письмо даже от незнакомых людей, письмо, говорящее, что их помнят, о них думают, заботятся! Особенно любят бойцы получать письма от детей».

Передала детям рассказ одного очевидца, отвозившего письма на фронт: старый боец получает письмо от какой-то школьницы. Он отходит с письмом в сторону, читает и плачет над ним. Я рассказывала и чувствовала, как меняется настроение ребят, как стихает класс, как на меня смотрят десятки серьезных и грустных глаз. Говорила я взволнованно и чувствовала, что протягиваются между нами какие-то очень нужные для меня нити. Я кончила. Несколько минут в классе царило глубокое молчание. Затем раздались слова: «Но мы не знаем, о чем и как писать». «Ну, в этом я вам помогу, — сказала я — Подумаем вместе, о чем написать, наметим короткий план, как для сочинения». Наметили, что сначала нужно поздравить бойца с праздником, написать о себе, расспросить бойца о его жизни и семье и т. д. После этого дети принялись писать.

Писали серьезно, не отрываясь, не задавая мне почти никаких вопросов. Вот эти письма в моих руках. Читаю их и думаю: «Как мало все-таки знаем мы еще детей! Ведь наши дети — уже не дети... Каждый их них пережил много тяжелого. Особого, внимательного, более теплого подхода требуют они к себе. Много горя, много озлобления и ненависти таится в глубине их душ». Вот выдержки из этих писем: «У меня немцы убили папу». «У меня умерла от голода мама». «Я осталась совсем одна и живу у чужих людей». «Мне даже и вспоминать о прошлом тяжело». У каждой свое горе, в каждом письме звучит: «Боец, дорогой товарищ, отомсти за смерть папы, мамы, за все пережитое нами».

Прочитав все письма детей, я, нисколько не снижая своих требований на уроке, чаще стала беседовать с ребятами в свободное время, расспрашивать их об их жизни, интересах. Я убедилась, что и их отношение ко мне стало меняться, стало

ближе, теплее. Прихожу как-то на урок. Уже был звонок, а ребята не на месте. «В чем дело?» «Софья Николаевна, Советова получила письмо с фронта, мы читаем его». «Ну, давайте читать вместе». Прочли, обменялись впечатлениями. В другой раз ребята уже сами встречают меня словами: «Галя Громова получила письмо». «Ну, Галя, читай». «Нет, прочтите Вы, я не буду читать». Я удивилась, но начала читать. И только читая письмо, видя, как горько плачет Галя, слушая мое чтение, я поняла, почему не хотела она сама читать его вслух. Не могла она без слез прочесть это письмо! Галя потеряла отца, а ей отвечал человек, потерявший дочь такого же возраста, как Галя, и жену. Писал он ей, как отец писал бы своей дочери. Вот это письмо:

Привет с фронта! Здравствуй, уважаемая школьница Галя! Сегодня мне вручили твое письмо, за которое сердечно благодарю и много хороших пожеланий желаю в твоей школьной учебе: учиться «на отлично», что будет являться лучшим подарком для фронта и помощью для скорейшего разгрома немецкой своры. Галя! Ты пишешь, что твой папа погиб на фронте бесстрашной смертью на защите нашей Родины. Мы постараемся громить врага, не щадя своей крови и жизни, чем отомстим за смерть твоего папы.

Галя! У меня также погибла моя любимая дочь Нина, 13-ти лет от бомбежки и ее мама, моя жена. Я со дня войны стараюсь мстить наглому врагу за смерть моей семьи. Мое отделение, в котором я командиром, прочло твое письмо и дало обещание мстить врагу за все злодеяния, которые они натворили на нашей родной земле.

Все мое отделение со мной шлет тебе, Галочка, боевой сердечный привет, а также передавай от нас боевой привет всему вашему классу, учителям и учительницам и прошу, Галя, пиши письма. Мы будем всегда рады и будем писать ответ так, как писал твой папочка. Привет, Галя, твоей маме от всех нас. Скажи ей, что мы берем на себя мстить за смерть твоего папы.

Галя! Желаем тебе учиться «на отлично», слушаться маму и помогать ей, слушать учителей, что будет лучшей помощью фронту. До свидания, уважаемая девочка нашего советского тыла, любимая наша помощница в скорейшем разгроме врага. В. К.

Ждем, Галя, Вашего письма.

Привет всей школе.

Какая глубокая тишина царила в классе! Мы все были одинаково взволнованы, все переживали одно и то же, дети это чувствовали. Они поняли, что учитель — не только учитель, но и человек, который может вместе с ними и горевать, и радоваться. С этого момента я и 6 класс — друзья. Неоднократно после чтения этого письма читали мы совместно письма бойцов с фронта. Долгое время продолжалась переписка с бойцом К., регулярно писавшим Гале, но вдруг, когда началось наше наступление под Ленинградом, она прекратилась. С тревогой ждали мы его писем, но так и не дождались. Наверное, в списке погибших еще одним героем стало больше. Искренне горевала о нем Галя. «Когда я получала письмо с фронта, мне казалось, что вместе с ним оттуда доносится голос моего папочки», — говорила Галя.

Большое внимание и заботу проявляли дети по отношению ко мне. Подходят как-то в перемену: «Не нужно ли Вам помочь распилить или расколоть дрова?» — спрашивает Белоногова, девочка, на которую поступают жалобы. Когда я сказала, что недавно нанимала человека, чтобы это сделать, девочки выразили крайнее сожаление: «Почему же Вы нам не сказали, мы-то сами не догадались раньше». Я должна была обещать девочкам, что в следующий раз позову их на помощь. В другой раз неожиданно получаю маленький пакетик с надписью: «От 6 класса». Развертываю — самодельные суконные рукавички. Никогда не беру подарков, а здесь взяла и колебаться не стала — обидела бы своим отказом ребят, вложивших в подарок свой труд и заботу. Прихожу после этого в класс и говорю: «Ну, и бранить же вас буду сегодня!» «За что? Что мы сделали?» «А зачем мне сверточки передаются с тем, с чем не надо». Смеются, довольны. Поблагодарила, но просила больше ничего такого не придумывать.

Далее, поднимаюсь как-то по лестнице, а 6 класс спускается вниз на урок физкультуры, здоровается со мной, и почти каждая девочка считает нужным или погладить по рукаву пальто или как-то прикоснуться, чем-то выразить свою ласку. Почувствовала я как-то себя плохо и не могла дать последнего урока. Зашла в класс предупредить, что урока не будет. Обычно бы надо ребятам обрадоваться, а здесь большое сожаление: «Вы захворали? Что с Вами? Идите скорей домой, ложитесь. Не хворайте». А на другой день, когда я несколько оправилась и пришла за обедом (было воскресенье), то одна подбежит, то другая, справляясь о моем здоровье. Вообще, отношение учащихся меня трогает.

На уроке мне не нужны сейчас окрики и замечания. Достаточно мне на секунду приостановить урок или просто укоризненно посмотреть и покачать головой, как сейчас же кто-нибудь отзовется: «Девочки, что же это вы?» Но и это бывает редко. Теперь мы поставили задачу

добиться дисциплины, ни минуты не терять на уроке. Заключили как бы договор в устной форме по таким пунктам;

1. Подготовка к уроку классного помещения и рабочего места (все нужное на месте, все лишнее убрано).
2. Встреча учителя (все на месте, встают).
3. Сообщение дежурного об отсутствующих, чтобы не тратить времени на вопросы, кого сегодня нет.
4. Дисциплина на уроке.
5. Выделение нарушителей — хочу надеяться, что таких не будет.

Хочу еще отметить встречу Нового года. 31 декабря вошла в класс на урок, я была удивлена абсолютной мертвой тишиной, которой меня встретил класс. Даю разрешение сесть. Но класс продолжает стоять. Я очень удивлена. Вдруг выходит делегатка от класса и от имени класса поздравляет меня с Новым годом, очень тепло желает мне здоровья и долгой жизни и т. д. А в заключение делегатка полетела к администрации, попросила прийти в класс завуча и упросила разрешить передать мне подарок. «Мы хотим, чтобы Вам слаще было встречать Новый год». Просит принять маленький, скромный подарок... В коробочке оказался сахарный песок, который дети скопили для меня. Тронули они меня своей заботой. Вместе с поздравлением они обещали учиться во втором полугодии «на отлично», но обещание в такой форме я отвела как невыполнимое. Я сказала, что мы возьмем обязательство учиться «хорошо» для части класса и «отлично» для остальных. Сделать весь класс отличниками я не в силах, и из всех учащихся часть определенно не может добиться этого. Будем совместно биться за хорошую успеваемость.

Новый, 1944, год Советский Союз встретил новым гимном. Я хочу первый урок русского языка после зимних каникул посвятить изучению этого гимна. Долго я думаю над вопросом, как это лучше сделать, и тщательно готовлюсь к уроку. В нашей школьной практике работы над изучением гимна не было. Учащиеся обычно знакомились с текстом гимна и с музыкой на уроках пения. Мне хочется так работать над гимном, чтобы раскрыть полностью его содержание, сделать понятным для учащихся каждое слово. Пусть гимн захватит их, пусть они всей душой почувствуют, что это свое, родное, близкое.

Урок я начала с вопроса, знают ли школьники о таком важном историческом событии в жизни народа, как создание нового гимна. Большинство ответило, что знают; одни читали, другие слушали по радио. «Вот мы говорим гимн, а кто может объяснить значение этого слова?» Так как учащиеся не знают, то я говорю сама, что гимн — это торжественная песня. Переходим к тексту гимна. Текст читаю сама. К чтению тщательно готовлюсь: хочется прочесть выразительно, чтобы создать настроение. Отмечаем, что гимн состоит из 6 строф. Задаю вопрос, в каких строфах заключается главное содержание гимна. Делаем вывод, что три строфы являются основными по содержанию, а три — припевом.

Предлагаю: «Прочти основные строфы гимна. Прочти первую строфу. О какой стране говорится в этих строках? Каким эпитетом характеризуется Русь? Почему Русь названа “великой”? Какие народы населяют Русь? Назовите, какому народу обязана Русь тем, что она стала великой? Припомните, с кем приходилось бороться русскому народу, от кого защищать Русь?» «От половцев, печенегов, татар, французов, шведов, немцев», — отвечают девочки.

«Прочти, что сделала Великая Русь?» «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь».

— Что значит слово «сплотила»?

— Объединила.

ГИМН
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!

Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

— «Что сплотила Русь? Сколько республик и во что сплотила Русь? Что заставило народы объединиться в Союз, как говорят слова гимна: “созданный волей народов?” Какими словами характеризует гимн наш Союз?»

— Союз нерушимый, единый, могучий.

— Как объяснить значение каждого из этих эпитетов?

— «Постоянный, прочный, общий, сильный».

После этого передается кратко содержание первой части гимна. По воле народов, населяющих наше отечество, все 16 республик объединились в единый, могучий, навеки нерушимый Союз. Так же работаем над второй и третьей строфами гимна. Затем прочли строфы, служащие припевом.

— Что прославляется во всех трех строфах?

— Наше свободное отечество.

— Как называется наше отечество во всех трех строфах?

— Оплотом.

— Что значит слово «оплот»?

— Защита.

— Оплотом чего является наше отечество?

Перечислили: «Дружбы народов, счастья народов, славы народов надежный оплот».

— Каким пожеланием заканчивается каждая строфа припева?

— Знамя советское, знамя народное, пусть от победы к победе ведет!

«Вот мы разобрали содержание текста нового гимна. Скажите, соответствует ли его содержание нашей жизни?» Поднимается лес рук. Отвечает Митряшова, серьезная девочка, говорит горячо: «Конечно, это наш родной, советский гимн. Каждое слово его, каждая строчка говорит об этом». «А я вот что хочу сказать, — продолжает Белоногова, очень подвижная, впечатлительная девочка. — Мне кажется, если я закрою глаза, то передо мной так и поплывут картины из нашей истории: вот русские бьются с кочевниками — половцами, татарами; вот они преследуют французов, одетых в разное тряпье, бегущих из России в 1812 году; вот шведы во время Полтавского боя. “Ура, мы ломим! Гнутся шведы”», — заканчивает она свой ответ отрывком из «Полтавского боя», стихотворения, которое ей очень нравится.

«Новый гимн заставляет нас вспомнить и всю нашу революционную борьбу. Он говорит и о нашем вожде, о Ленине», — отвечает Андреева, одна из сильных учениц класса. А Галя Громова указывает на то, что новый гимн говорит и о Красной Армии, и об Отечественной войне. «Теперь, когда мы будем петь гимн, мы будем хорошо припоминать, что мы поем», —заканчивает маленькая Галя Пашкова.

Я удовлетворена. Ответы учащихся говорят, что содержание гимна ими понято. В заключение еще раз отмечаю, что создание нового гимна важное событие в истории нашей Родины. Этим гимном наша Родина встретила новый 1944 год. Торжественная песнь прозвучала во всех уголках нашей многонациональной страны, во всех республиках. С этим гимном наша Красная Армия будет входить в освобожденные ею города, этот гимн будет звучать всюду: на демонстрациях, на военных парадах, в далекой холодной Сибири и в солнечной Грузии. Наш новый гимн — великий народный гимн, гимн борьбы и победы.

Условия жизни города становятся все напряженнее. Артиллерийские обстрелы бывают ежедневно и по нескольку раз в день. Иногда радио успевает предупредить об обстреле, иногда же снаряд разрывается неожиданно. Обстрелы очень длительны. Только и слышишь по радио: «Артиллерийский обстрел района продолжается». С нетерпением ждешь, когда, наконец, радио сообщит: «Артиллерийский обстрел района прекратился. Движение на улицах восстанавливается», хотя прекрасно знаем, что нет никакой гарантии в том, что через несколько минут не будет снова объявлен обстрел.

Редкий ленинградец не побывал под обстрелом в эти дни. Помню, как я ехала в Институт усовершенствования учителей. Выезжая из дому, я знала, что идет обстрел города, но какой именно район обстреливается, не знала. А ведь ленинградцы обычно укрывались куда-нибудь только тогда, когда обстреливался непосредственно их район. Поэтому поехала и я. Переехала Троицкий мост. Трамвай встал — обстрел. Идти нельзя: не пропустят, только под штраф попадешь. Вернулась обратно. Иду через мост. Обстрел сильнейший. Тороплюсь перейти мост. Над головой свист снаряда. Свист — это не страшно, разорвется где-нибудь значительно дальше, наблюдение почерпнуто нами из опыта. И вдруг такой оглушительный грохот, что, кажется, лопнут барабанные перепонки; ощущение такое, что все кругом рушится и что впереди высокий столб воды. Оказалось, что снаряд, к счастью, упал около моста в воду. Страшно? Нет, особого страха в данный момент не чувствуешь. Только позднее, дома, когда начинаешь вздрагивать при каждом стуке, понимаешь, насколько все-таки была потрясена.

Ряд картин рисуется перед глазами, когда вспоминаешь время этих жестоких обстрелов. Вот груда стекол, окна, белье, занавески, бьющиеся по ветру, зияющие провалы в домах. Еще вчера, когда я возвращалась из школы, ничего этого не было. В другом месте, у Тучкова моста,

разбитый трамвай. Вспоминаются и другие картины. Ежедневно, когда я иду утром в школу, мне навстречу попадаются две маленькие фигурки — девочки 4 и 6 лет. Одинаково одетые, они очень похожи друг на друга. Очевидно, сестренки. Идут всегда чинно, взявшись за руки. В одной руке у старшей вязаный мешок, который почти волочится по земле, так «велика» его хозяйка. В нем большая металлическая банка; другой рукой она крепко держит младшую сестренку. Идут девочки обычно молча, торопясь. И вот однажды, когда мы почти сошлись, вдруг начался обстрел. Я слышу, как маленькая спрашивает старшую: «Юлечка, ведь это наши стреляют? Правда?» Видно, что ей страшно хочется, чтобы старшая ответила утвердительно, но Юлечка молчит, не зная, наши или немцы. Жаль мне пугать ребятишек, но надо. Разрывы близки. Я вмешиваюсь в их разговор: «А где ваш очаг, девочки? Далеко?» «Нет, близко. За углом завернуть, тут и очаг». «Ну, так бегите туда бегом. Это стреляют немцы и близко стреляют. На улице быть нельзя». На лицах ребятишек испуг. Быстро замелькали ножонки, и скоро маленькие фигурки скрылись за углом. Надо было бы проводить их до очага, но я хожу очень медленно и только бы задержала детей. Разрывов снарядов вблизи не было, следовательно, девочки добежали благополучно. Но больше я их не встречала. Куда они девались? Какова их судьба? Живы или погибли где-нибудь?

Эти жестокие обстрелы нарушали правильный ход школьных занятий. Ведешь урок, а вблизи грохот разрыва. Поражаешься, как мало реагируют на них дети. «Да ничего, Софья Николаевна, ведь мы привыкли, мы не боимся», — говорят они, когда замечают, что начинаешь беспокоиться. А как не беспокоиться, как не бояться, если отвечаешь за жизнь каждого из них? Мне волей-неволей приходилось неоднократно спускать детей в убежище. Неохотно, ворча, шли они туда. «Давайте заниматься, успеем уйти», — говорили ребята. Все ожесточеннее, все сильнее становился обстрел города. Немцы, предчувствуя свою близкую и неизбежную гибель, яростно забрасывали город снарядами.

Наступило 14 января. В этот день я, как районный методист, решила пойти на уроки в одну из школ района. Вдруг началась сильнейшая канонада, от которой задрожали земля, здания. Небо запылало непрерывным огнем. Что это? Обстрел? Идти или не идти в школу? Переждала я несколько мгновений. Нет, не похоже на немецкий обстрел! Немецкий обстрел изменнический, воровской, а здесь залпы твердые, точно уверенные в своей правоте. Да ведь это наши стреляют, наши пошли в наступление! И я отправилась в школу, хотя не знала, будут ли проходить занятия.

Мужская школа. Спокойно ведет урок учительница, спокойно выходят к доске, пишут и отвечают ученики. Дрожит земля, вздрагивает школа, пылает небо за окном, никто, ни один ученик не обращает на происходящее ни малейшего внимания. Удивляешься привычке ли, выдержке ли учащихся. Урок проходит современно, нормально. Катятся дни один за другим то под звуки нашей канонады, то под звуки немецкого жестокого обстрела. Раненный смертельно, издыхающий зверь корчится в последних конвульсиях и обрушивает на Ленинград всю свою ярость. Напрасно! Не сломить ему твердыни Ленинграда, города-борца, города-фронта, пережившего все выпавшие на его долю тяготы!

27 января. Историческая дата, навсегда памятная для Ленинграда и ленинградцев, живших в нем в это время. День протекал как обычно, ничем не отличаясь от ряда таких же дней: урок в школе, собрание с учителями в районе. Только вечером, подходя к дому, слышу сообщение по радио: «В ночь с 27 на 28 января хождение по городу разрешается до часу ночи». Недоумеваю: праздника никакого нет, сообщений особых не было, в чем дело? Прихожу домой и делюсь своим недоумением с домашними. И вдруг: «Внимание! Внимание! Сегодня в 7 ч. 45 м. вечера слушайте из Ленинграда важное сообщение». И снова: «Внимание, внимание! Сегодня в 7 ч. 45 м. слушайте важное сообщение». Открываю форточку, забираюсь на окно, но так как радио в квартире нет, приходится слушать передачу с улицы.

Важное сообщение! Значит, сообщение о какой-то новой победе. Внимание и слух напряжены до крайности. А радио точно дразнит, повторяя то же самое сообщение, а минутная стрелка на часах точно застыла на месте. От волнения сердце начинает стучать. Да скоро ли? Наконец-то заговорило радио. И вдруг вместо обычных слов: «Говорит Москва. Приказ верховного главнокомандующего», слышишь: «Говорит Ленинград. Приказ войскам Ленинградского фронта...» Далее слышишь долгожданную весть, что Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и вражеских артиллерийских обстрелов и что обстрелов Ленинграда больше не будет, что город Ленина салютует доблестным войскам Ленинградского фронта 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. Слушаешь и не веришь. Сон или действительность?

А вдруг проснешься и снова услышишь над головой грохот рвущихся снарядов? Но нет, это не сон! Через несколько минут грохочут залпы, но не залпы вражеского обстрела, а свои, родные, радостные и торжествующие, возвещающие всему миру о том, что Ленинград сбросил с себя ненавистные оковы, что, израненный, он жив, тверд, непоколебим. Дрожит земля, дребезжат стекла, дрожит и колотится сердце в груди. Город, обычно настороженный и затемненный, освещенный лишь светом синих лампочек у ворот, карманными фонариками в руках прохожих да вспышками трамваев, сейчас весь залит огнем, полыхает небо, перекрещиваются белые ослепительные лучи прожекторов, взлетают кверху сотни, тысячи ракет и разноцветным дождем, зелеными, синими, красными, оранжевыми падают на землю. Сказочное, феерическое зрелище!

На улицах, обычно пустынных и тихих, толпы народа. Неужели эта ликующая, возбужденная, радостная и шумная толпа — это ленинградцы? Ленинградцы, которых за годы войны мы привыкли видеть сосредоточенными, молчаливыми, часто угрюмыми и суровыми? Да, это мужественные, стойкие ленинградцы, вместе с войсками Ленинградского фронта героическим трудом и стальной выдержкой отстоявшие родной город, не отступившие ни на шаг, грудью заслонившие его! Бегут люди на берег Невы, на Невский, на Марсово поле, а то и сами не зная куда. Радость, возбуждение гонит людей куда-то вперед. Трогательные сцены разыгрываются кругом. Люди приветствуют друг друга, крепко жмут руки, громко разговаривают, смеются, кто-то плачет от радости.

С грохотом выстрелов сливается могучее «ура!». Несутся приветствия в честь славной Красной Армии. Ликует Ленинград! Вот бежит девочка лет 10–11-ти. Бежит одна и громко, радостно разговаривает сама с собой: «Наконец — дожили!» Или вот еще трогательная сценка: два мальчика 5–6-ти лет обнимаются, целуются, прыгают и кричат: «Мы на Большой земле»!

Я тоже остро, всем своим существом чувствую, что мы, ленинградцы, и Большая земля — одно неразрывное, нерушимое целое. И звучат в устах торжественные слова советского гимна:

Славься, отечество наше свободное,
Славы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет[5].

[5] Материалы С. Н.Саговской об изучении Гимна Советского Союза см.: ЦГА СПб. Ф. Р-4966. Оп. 4. Д. 30.

М. П. Ивашкевич

«Продолжаю прерванную традицию трубадуров и менестрелей» ... (В. Маяковский)

I

В каждой специальности есть истины, с которыми все молчаливо соглашаются. К таким аксиомам нашего учительского дела относится положение, что обучение и воспитание — процесс единый и неразрывный, что нельзя быть учителем, не будучи воспитателем. Кому из нас приходило в голову спорить против этой истины и доказывать ее справедливость? Она просто принималась нами, но мы недостаточно вдумывались в нее, и она покрывалась налетом обыденности, тускнела. Война по-новому поставила вопрос и о работе воспитателя. Налет обыденности и скуки был стерт безжалостной рукой, отпали многие досаждающие мелочи и формальности и тем значительнее и ярче выступили основные задачи воспитания наших учащихся.

Думаю, я не ошибусь, если скажу, что почти все ленинградские учителя чувствовали себя в дни войны, прежде всего и больше всего, именно воспитателями. Я не собираюсь рассказывать о важности воспитания на уроках литературы, хотя именно в дни войны словесники с особой радостью почувствовали, каким могучим орудием воспитания они владеют. Ощущение смертельной опасности, нависшей над городом, и физическая слабость только усиливали желание поделиться с детьми всеми теми сокровищами национальной культуры, хранителями и пропагандистами которой мы с особой, с партийной остротой осознавали себя. И не просто поделиться, а связать их с торжественными и страшными днями, переживаемыми Родиной, найти в них объяснение непобедимой силы советского народа, прочитать в них обещание конечной победы. Обо всем этом нужно бы писать подробно и четко, но сейчас мне просто хочется дать две-три картинки воспитателя и словесника в дни войны.

II

Как живой с живыми говоря...
В. Маяковский

Поздняя осень 1941 г. Занятия еще идут в классах (позже мы перешли в помещение столовой), но уже мерзнут чернила, а похудевшие ребята кутаются, кто во что горазд. С продовольствием становится все трудней и трудней.

И вот директор школы собирает нас как-то после уроков. Оказывается, что хлебный паек будет временно снижен до 125 граммов — надо провести соответствующую разъяснительную работу среди ребят. Смеркается. Я плетусь домой, в свою темную, холодную комнату. Наша школьная жизнь представляется мне переходом усталого и голодного каравана по ледяной пустыне. Только не позволять ребятам падать духом, отчаиваться, останавливаться в пути! Как передать детям то, чем я живу, что меня поддерживает, мою твердую уверенность, что все трудности пережить можно и нужно, что все страшное на нашем пути — временное явление, что мы победим?

Как всегда, берусь за поэму «Хорошо». Читаю и перечитываю лирические страницы, воскрешающие дни и ночи холодной и голодной московской зимы, читаю о трогательных и жалких морковинках, о березовых дровишках, о примерзшей к ладони щепотке соли, о том, что по-настоящему любишь только страну, «которую отвоевал и полуживую вынянчил». И благодарность поэту, который и после своей смерти говорит с нами как живой с живыми, который протягивает мне сейчас свою крепкую, свою надежную руку, теплой волной заливает мне сердце.

Утром прихожу в свой класс, как всегда, минут за 20 до звонка. Лица бледнее и серьезнее, чем обычно. Здороваюсь, затеваю разговор в привычном шутливом и бодром тоне. Мне хочется, чтобы дети сами заговорили о пайке. И они начинают. Они говорят, что на 125 граммах не выживешь, что учиться при таких условиях невозможно, что школу придется оставить. Я хладнокровно отвечаю, что учиться можно при любых условиях. В юмористических красках я описываю свою жизнь в Петрограде в 1918–1919 гг., когда хлеба мы вовсе не получали: его заменяла восьмушка овса. «Как видите — говорю я, — этого все же было достаточно, чтобы выжить. Прошло с тех пор больше 20 лет, а чудодейственный овес не терял для меня своей силы: я и сейчас любой воз свезу... школьный, разумеется».

Лица детей немного повеселели.

— А теперь послушайте, как об этих годах говорит поэт, испытавший всю их тяжесть.

Я читаю отрывки из «Хорошо», читаю их... «во весь голос».

— Эти строки написаны давно, в 1927 году. Но это и есть чудо поэзии. О чем говорят они нам?

— О нас самих, о Ленинграде в дни блокады, о наших страданиях...

— И о том, что все ужасы мы переживем, и о том, как надо любить советскую Родину, советского человека.

III

— Зубы заговариваете?
— Хуже: желудки.

Из разговора

Сегодня начинает работу школьная столовая. Дети будут получать по тарелке горячего супу. Как всегда, «первый блин — комом»... в этот темный декабрьский день 1941 г. моему девятому классу придется долго дожидаться своей очереди. Уроки кончились. Чтобы не сидеть в огромном холодном классе, мы забились в полутемную комнатенку завхоза. Для 15-ти человек места хватит, но перспектива долгого ожиданья нервирует ребят. Слышатся жалобы. «Остается только сказки сказывать», — бросает иронически один из мальчиков.

Я отбиваю реплику: «Если хотите, я расскажу вам одну из сказок В. Гюго». Ребята, конечно, хотят. Чем они рискуют? «Легенда о прекрасном Пекопене и прекрасной Больдур» — действительно прелестная сказка. И скоро разговор четырех птиц, предсказывающих герою, красавцу-рыцарю, чрезмерно любившему охоту, его странную судьбу; талисман, полученный им от султанши и спасающий Пекопена в минуты смертельной опасности; дьявольская охота, длящаяся целое столетие, и другие подробности увлекательной и иронической сказки захватывают слушателей. Я стараюсь припомнить мельчайшие детали: чего-чего, а времени у меня много. А обедать нас все не зовут!

«Приключения Пекопена напоминают жизнь Пер Гюнта», — несмело замечает чей-то голос. Многие, оказывается, не слыхали о Пер Гюнте. От норвежской народной сказки перехожу к ее обработке Ибсеном, от ибсеновского Пер Гюнта — к Ибсену вообще, затем возвращаемся к пьесе Ибсена, потому что кому-то ее тема напоминает «Фауста» Гёте. Ставлю вопросы, рассказываю, помогаю сравнивать, а время, к счастью, все же идет. Нас зовут, наконец, в столовую. Украдкой смотрю на часы: почти 6 часов. Итак, мы три часа просидели в каморке. Тут мной овладевает счастливое утомление актера, удачно справившегося с трудной ролью.

IV

Что отдашь, твоим пребудет...

Ш. Руставели

Лето 1943 года мы провели в совхозе «Красная заря». Не без труда овладевали мы новой овощеводческой специальностью. Не слишком привлекательна и внешняя обстановка: большое

неуютное общежитие, наспех зафанерированные окна, сквозняки, отсутствие самой необходимой мебели и освещения (если не считать работы небесных светил). А лето, как нарочно, холодное, дождливое. Утром мы выходили в поле, возвращались к обеду после короткого перерыва — минут 45 — опять в поле, и только к 8-ми часам были дома. Когда я, поужинав, поднималась в спальню, бывало темно, девочки успевали вымыться и лечь. Когда и я ложилась, немедленно раздавался чей-нибудь голос: «Расскажите что-нибудь интересное!»

Я чувствовала огромную усталость: 8 часов в поле, 2 часа на дорогу туда и обратно, но отказать своим честным работягам я не в силах, прошу дать мне минут десять на размышления, затем приступаю к делу. Сначала благодарная и нетребовательная аудитория была рада любой духовной пище, но потом начали поступать специальные заказы. Любительницам фантастического я рассказывала повести Гофмана, любительницам страшного и таинственного — новеллы Мериме. Большой успех имели русские народные сказки. Девочки так пристрастились к вечернему моему рассказыванию, что горевали всякий раз, когда очередное собрание бригадиров или какое-нибудь поручение, заставлявшее меня ночевать в городе, лишало их привычного удовольствия. Вскоре оказалось, что рассказывать можно и в поле. Помню, как-то пропалывали мы кормовую свеклу. Девочки стали жаловаться на то, что руки огрубели, покрылись мозолями.

«Ничего, — пошутила я, — зато немая Маланья вас первыми за стол посадит». «Какая Маланья?» Я обещала девочкам рассказать после обеда толстовскую сказку об Иване-дураке. «А вы расскажите сейчас. Сами не работайте, а станьте среди грядок, чтобы всем нам слышно было». Сказка понравилась. Благодарная аудитория заставила рассказать еще несколько толстовских сказок. С этих пор, если позволял характер работы, я часто рассказывала девочкам и в поле. Время проходило быстрей, качество работы только повышалось.

V

За годы войны я неизменно радовалась тому, что моя специальность словесника заставила меня в свое время много читать, многим интересоваться, многое запомнить. Сколько раз мысли, образы и чувства, впечатления, терпеливо накапливаемые в течение долгих лет, помогали мне овладеть вниманием детей, заинтересовать их, завоевать их доверие, возбудить в них нужные эмоции, словом, помогали мне в моей работе воспитателя!

М. П. Ивашкевич

Рассказ о многих превосходных вещах

Огородная кампания 1942 года была в полном разгаре. Все мы, уговаривая и подбадривая друг друга, охая и кряхтя, взывая к профсоюзной дисциплине, сантиметр за сантиметром вскапывали неблагодарный участок, отведенный нам во дворе Дома культуры промкооперации. Сюда я и пригласила 8-й класс на консультацию, о которой учащиеся просили накануне в субботу. А почему бы и не помочь им? Ведь занимались мы и в столовой, и в бомбоубежище. Домашнее сочинение у девочек явно не клеилась. Тема: «Образы крестьянских девушек у Карамзина и у Радищева» казалась им слишком трудной. Часов в 11 утра, когда я со вздохом воткнула лопату в землю и разогнула усталую спину, по дороге, ведущей к огороду, бежали четыре девочки. Впереди неслась Инна, у которой белокурые косички танцевали по плечам, «шествие замыкала» бледная Аня, солидная не по годам (сердечница).

Инна рассказывала, как она думает построить вступление: «Радищев и Карамзин — современники, оба писатели-сентименталисты, разница в изображении крестьянской девушки не зависит от их общественно-политических взглядов». Я успела только сказать, что необходимо подчеркнуть общественно-политический характер деятельности Радищева, а также отметить элементы реализма в его творчестве. Оглушительный удар, ощущение землетрясения, лай зениток — все произошло, как мне показалось, одновременно, досадно нарушив спокойствие радостного весеннего утра. «Куда отвести девочек?» — спросила я у военного, пробегавшего мимо. «Укройтесь в щель», — бросил он мне. И вот мы сидим, согнувшись в три погибели, в темной и сырой щели. Когда мы отдышались и осмотрелись, девочки решили, что нет оснований прекращать консультацию. Мы заговорили о Лизе, об Анюте, хотя у меня было смутное ощущение чего-то упущенного. Часа через полтора мы услышали ласкающую слух музыку отбоя. «Что твой Россини! Что твой Бетховен!»

Три дня спустя сочинения были поданы. Два из них сохранились в моем архиве. Вот сочинение Инны. Работа написана ровным детским почерком, буковка к буковке, на $5\,^1/_2$ страницах. Узкие поля (режим экономии!) аккуратно отделены двойной линией:

> В XVIII веке два писателя, Карамзин и Радищев, изображали русскую девушку-крестьянку. Оба они представители

сентиментализма, но сентиментализм у Карамзина сочетается с монархическими убеждениями, а у Радищева — с революционными. Этим объясняется идеализация жизни крестьян Карамзиным и более реальное изображение ее Радищевым.

Так началась эта работа. Дальше была проведена параллель между Анютой и Лизой, отмечена идеализация образа Лизы:

В жизни Анюты и Лизы много общего. Отец Анюты был богат, но после его смерти Анюта остается единственной работницей в доме. Отец Лизы был зажиточный крестьянин, но тоже умер. Лиза должна вести хозяйство и содержать мать. Анюта красива, красива и Лиза. Но даже в изображении наружности сказываются различные точки зрения авторов. Анюте 17 лет, но она так здорова и сильна, что выглядит двадцатилетней. У нее лицо загорелое, обветренное, здоровье на щеках, руки сильные, мускулистые, фигура крепкая. Красота Анютина — ее здоровье. Да и в самом деле, могла ли она быть другой под действием работы, солнца и ветра? Между тем, в изображении Лизы Карамзин на протяжении всего рассказа подчеркивает ее иную красоту. Она стройная, на щеках ее алые розы, улыбка — как майское утро. Могла ли девушка-крестьянка обладать такой красотой? Нет, конечно. Уже в этом видна идеализация Карамзиным крестьянской жизни. У него Лиза — крестьянка лишь по названию, во всем остальном она больше напоминает тепличное растение города.

Не скрылось от молодого автора то, что Карамзин затушевывает классовые противоречия:

Лиза доверчиво, с наивностью ребенка предается любви к Эрасту. Она не подозревает обмана или измены с его стороны. Совсем не так относится к Радищеву Анюта. Она полна недоверия к нему, советует ему «проходить своей дорогой». Объяснить это можно словами Радищева: «Да и быть так должно, ибо кто не знает, с какой наглостью дворянская дерзкая рука поползается на непристойные и оскорбительные целомудрию шутки с деревенскими девками? Они в глазах дворян суть твари, созданные на их угождение. Так они поступают, а особливо с несчастными, подвластными их велениям». Радищев по происхождению дворянин, но он сумел оторваться от своей среды и понять чувства и переживания крестьян.

Лиза и Анюта трудолюбивы. Но Карамзин показывает Лизу лишь за красивой работой: она собирает ландыши, вышивает. А могла ли она, выполняя лишь эту работу, жить небедно да еще содержать мать? Анюта исполняет черную работу. Радищев показывает ее за стиркой белья. В работе Анюты не меньше красоты, чем в работе Лизы, но это красота именно крестьянской работы. «А как пойдет в поле — загляденье!» — говорит об Анюте ямщик.

Останавливается, разумеется, наш автор и на том, как изображают авторы любовь героини:

Лиза нежна, мечтательна, скромна... Не лишена мечтательности и Анюта, но ее мечты реальны. Она мечтает о семейной жизни: увидя подругу с сыном, мечтает о таком же пареньке... В Анюте живет здоровая любовь девушки-крестьянки. Любовь Лизы романтична. Анюта встречается со своим Иваном у дома, и они вместе любуются сыном подруги. Свидания Лизы и Эраста происходят на берегу реки, под развесистым дубом. Обе верны своей любви, но верность их различна, как и любовь. Примером верности Анюты может послужить ее ответ Радищеву на поцелуй: «Рассуди сам, барин, как же не сердиться за поцелуй, когда все они посулены другому. Они заранее все уже отданы, и я в них не властна». Лиза, не встретив Эраста, никому не отдает ландышей, собранных для него, и бросает их в Москву-реку со словами: “Никто не владей ими!”»

И на речь героинь обратил внимание наш автор:

Если сравнивать речь, у Лизы она литературная, у Анюты чисто крестьянская. Лиза, обращаясь к Эрасту, говорит: «Без глаз твоих темен светлый месяц; без твоего голоса скучен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен». Анюта говорит о сыне подруги так: «Кажется, будто и паренек-то матушку свою любит. Как она скажет ему: “агу-агу!” — он и засмеется!»

А в концовке автор говорит об идеях, которые вложили Карамзин и Радищев в свои описания:

Идея Карамзина — показать, что крестьянки, как и дворянки, любить умеют. Идея Радищева — показать, что только крестьянки любить умеют, дворянкам же следует у них поучиться.

В сочинении Тани Морщихиной та же мысль, но более удачно сформулированная: «Изображая крестьянскую девушку и говоря о ее любви, Карамзин провел мысль: “И крестьянки любить умеют”». Радищев же старался доказать, что только крестьянки могут так правдиво и искренно любить». Таня тоже неплохо справилась с сочинением. Эта белокурая серьезная девочка со строгим лицом обслуживала в 1941–1942 году бабушку, малолетнюю сестренку и ухитрялась совмещать ученье с работой в одной из лабораторий больницы им. Эрисмана.

У меня Таня начала с оценки «о. плохо» по орфографии и пунктуации. На весеннем испытании она сидела бледная, с плотно сжатыми губами. Покойный В. Н. Лебедев, мой ассистент, просмотрел ее сочинение. «Мысли и чувства — почти взрослого человека. Отличная работа». «По содержанию?» — спросила я. «По стилю, орфографии, пунктуации тоже», — ответил он. Действительно, девочка не сделала ни единой ошибки, но какой работы в году это ей стоило, об этом знаем только мы с ней.

Вспоминается мне, как по окончании испытаний староста 8-го классса попросила меня подняться к ним на 3-й этаж. Ничего не подозревая, я вошла в класс и обомлела. Девочки стояли, вытянувшись в струнку, а в руках Иры Паршиной пламенел и переливался огромный букет. И каких только цветов в нем не было! Гиганты-маки, розовые и малиновые пионы, гвоздика, флоксы всех оттенков, даже розы. Оказалось, что девочки больше недели бегали по городу, раздобывая это великолепие. Сама малиновая, как пион, волнуясь и заикаясь, Ира поблагодарила меня «за любовь, за чуткое отношение к классу...» Когда я возвращалась к себе на Аптекарский, немногочисленные прохожие оглядывались на болезненную худую женщину с букетом, который пришось держать обеими руками. Какая-то старушка не выдержала: «И подумать, что в этом городе есть еще такая вещь!» «Есть», — ответила я ей, но думала я в этот момент не о цветах, а о своем 8-м классе. Если в этом городе есть еще такие дети и я им нужна, то правильно я сделала, оставшись здесь. Именно здесь, в Ленинграде. «И стоило жить, и работать стоило».

Да, о многих превосходных вещах напоминают мне чуть потрепанные листы, написанные ровным почерком буковка к буковке.

В. Д. Головчинер

Школа на Обводном

25 августа 1942 года меня вызвали в Гороно и спросили: «Можете ли Вы взять работу завуча в очень трудной школе? Надо вывести ее из прорыва. Первого сентября начинаются занятия, а там еще нет ничего, надо сделать буквально в несколько дней». Я осталась в Ленинграде с твердой решимостью не отступать перед трудностями. Я согласилась. В школе № 291 на Обводном канале я застала пожилую учительницу, регистрировавшую учащихся. Безнадежно спокойно поведала она мне невеселые вещи: прекрасное здание 316-й школы выведено из строя, его невозможно отопить. Пришлось перевести школу в это тесное помещение. Здесь есть печи, может быть, удастся провести учебный год, если уцелеет здание. Когда-то здесь помещалась небольшая начальная школа, но сейчас дом занят под квартиры. Учащиеся идут в школу слабо, записалось всего 22 человека. Оборудования никакого, можно, правда, взять скамьи, столы, доски из соседних законсервированных школ, но нет транспорта. Учебных пособий нет, библиотеки тоже никакой. Учителя все больны от недоедания, еле на ногах держатся. Учащиеся не идут в школу, родители или на фронте, или на казарменном положении, ребята предоставлены сами себе и целыми днями озорничают на улице или у канала. Мне стало как-то не по себе от того, что я увидела. Открыть учебный год в такой школе в срок — задача почти фантастическая.

На следующий день я познакомилась с директором школы тов. Богдановым. Он назначен в эту школу недавно, сделать успел мало, главным образом, отвоевывал помещение от частных жильцов. В РОНО намекнули, что в крайнем случае можно начать занятия в прежнем здании, а дней через десять нужно перевести учащихся в новое. Обдумали мы с директором наше положение и решили не отступать перед встретившимися трудностями, выполнить поставленную перед нами задачу. Так как оттяжка времени в десять дней существенного значения иметь не могла: все равно устраивать школу надо именно в этом неприглядном, маленьком здании, и надо сделать так, чтобы ребята сразу пошли в эту школу, чтобы она стала для них родной. Но как всего этого добиться?

В тот же день мы созвали всех преподавателей, распределили работу, рассчитали все наше скудное время до первого сентября и принялись за дело. Двум учителям, наиболее подвижным, мы поручили обойти район и записать в школу всех, кто не пришел сам на регистрацию. Преподаватели с хозяйственными наклонностями взялись за уборку помещения. Учащиеся старших классов были нами организованы для переноски парт и досок под командой завхоза.

Между третьим и четвертым классами началось соревнование на лучшее выполнение задания по переноске учебных пособий и книг из одной законсервированной школы. С этим надо было особенно

спешить, так как помещение уже почти целиком было занято батальоном МПВО. Ребята строились парами, и мы, пользуясь короткими передышками между воздушными тревогами, в сопровождении еле успевающей за нами учительницы 4-го класса Елизаветы Васильевны шли в полном порядке на улицу Правды добывать себе наглядные пособия. Там каждый принимал из моих рук таблицы, ящики, карты, приборы, черепа, скелеты, чучела, химическую посуду, книги и бережно доставлял драгоценную ношу в школу. Условием соревнования было принести все в школу в целости и на улице вести себя чинно, слушать команду старшего. Не помню, сколько таких переходов совершили мы, но к вечеру ноги у нас, взрослых, распухли, а в голове гудело от усталости.

Когда мы шли по улице, прохожие останавливались и с нескрываемым изумлением следили за небывалым зрелищем. Иногда по дороге приходилось делать остановку и спускаться в бомбоубежище. Тогда было особенно трудно. В хвосте следовала «аварийная группа». Она помогала тем, с кем случилось несчастье: или ящик раскрылся, и все жуки выпали, или руки и ноги отказались служить, или связка книг рассыпалась. Каждая такая авария остро и болезненно переживалась классом. Учителю физики Домбровскому был дан наказ наладить отлив в уборной школы (вода шла лишь из пожарного крана на улице, а в здание не поднималась). Директор взялся за подготовку столовой.

Справедливость требует сказать, что многие принимались за работу с недоверием к своим силам, с разговорами о неминуемом «провале», но когда через два дня пришел из РОНО инспектор и осторожно, с тревогой спросил: «Не лучше ли все же начать год в прежней школе?» — отклика он уже не встретил ни в ком. Люди загорелись желанием во что бы то ни стало добиться своего. Учительница иностранного языка Мария Капитоновна, которая еще вчера охала и плакалась на действительно больные ноги, с гордостью показывала два огромных класса: стены стали чистенькими, стекла блестели, уютно синели железные печи...

Меланхолическая Анна Ивановна Козельская в десятый раз составляла расписание уроков и вырабатывала график дежурств преподавателей, поясняя углубленному в дело соседу, что она совсем не такая уж вялая, как это кажется некоторым, работала раньше неплохо, не раз благодарность в приказе получала. Пятнадцать рейсов совершила неутомимая Елена Петровна Смирнова и была несказанно горда тем, что именно ее класс особенно хорошо выполняет эту почетную работу. Все словно забыли о том, что в желудке пусто, что ноги слабы, что сердце иногда вдруг как-то нехорошо замирает.

Шефы школы, девушки с шоколадной фабрики, не достав обещанной машины (ее срочно мобилизовали для фронта), недолго думая, сами впряглись в тележку и вместе с нашим восемнадцатилетним, но всеми уважаемым библиотекарем Ирой Варакутой привезли целую гору книг и до позднего вечера затаскивали их на пятый этаж. Даже самые отчаянные головорезы из 4-го класса: Пулковский, Алексеев и Хотин, сначала наотрез отказывавшиеся участвовать в переноске книг и грубо заявлявшие, что «носить должны те, которые получают I-ую категорию», через день, увидя в штабе школы гору книг до потолка и целые штабеля пособий, сразу притихли и незаметно для себя как-то вдруг очутились в роли наиболее активных строителей.

Это была настоящая победа: лучших организаторов в классе невозможно было себе представить. Всякое поручение выполнялось ими молниеносно. Теперь приходилось уже умерять их пыл: казалось, по первому требованию они не задумались бы притащить в школу хоть целый дом. Это они разыскали рабочих с соседней фабрики, позвали каких-то товарищей и водрузили в школу библиотечные шкафы и рояль, к неописуемой радости учительницы пения, которая сразу заявила, что теперь и она видит: школа — «настоящая», и тут же организовала хор. С ребятами у меня скоро установились самые дружеские отношения, основанные на взаимном доверии.

Я даже решилась сделать им (правда, в самой необидной форме) настойчивое предложение сдать мне на хранение финские ножи, рогатки, дробь, необычайные свистки, вообще, все атрибуты уличной удали, которые «ведь могут мешать в работе». Мои помощники на минуту задумались, вздохнули, а один из них даже укоризненно сказал: «Какой у вас тяжелый характер!» А все же мое требование было выполнено.

Через шесть дней мы открыли школу. Она выглядела не так уж плохо, даже приветливо. Ровно в 9 часов по звонку все уселись за чисто накрытые столики в столовой. Директор пропускал мимо себя стройные ряды ребят, сиявших от радостного возбуждения. Со стены глядел на них улыбающимися глазами Сталин (зачеркнуто. — *Примеч. ред.*) с девчуркой на руках. Уроки начались точно в срок.

Приехала комиссия Райисполкома и РОНО принимать школу. Я показала все. Долго и внимательно сверяла комиссия учебный план с планом учителей, с расписанием, красовавшимся на видном месте; удивленно перелистывала тетрадь с записью учащихся, которых явилось в школу 132 человека. Не забыла обратить внимание на оформление классов, на красивую

скатерть в учительской, на графин с водой, на букет цветов, на график питания по классам, на полотенце и коптилку в умывальной комнате. Пошли на урок. Мария Анисимовна Молчанова, доставившая мне немало горьких минут своим скептицизмом, была неузнаваема: расставила на столе модели, развесила по стенам таблицы самых невиданных зверей и вдохновенно рассказывала о них ученикам. Надо было видеть, как слушали ее ребята. Она всецело завладела вниманием и мыслями своих маленьких слушателей, о которых еще вчера отзывалась как о «неисправимых». Это был настоящий мастер своего дела, умеющий зажечь огонь в сердцах. Я поняла, что Мария Анисимовна любит школу и детей, неуверенность ее в своих силах со временем уйдет — любовь к делу излечит ее. Вспомнила я и то, что она пешком приходила с Васильевского острова.

Школу приняли с оценкой подготовки к учебному году «на хорошо». Через неделю состоялась встреча ребят с бойцами, приехавшими с фронта. Витя Пулковский, с горящими глазами, весь мокрый от волнения, рассказывал героям о том, что школа наша «особенная», что мы сами устроили ее, начиная с водопроводных труб, парт и кончая физическими приборами: «Каждый гвоздь своими руками вбили». Ребята гордились своей школой и наперебой докладывали бойцам о том, что и как они добыли. Бойцы не удивились и, видимо, даже разочаровали немного ребят. Один из них сказал: «Так и должно быть сейчас, а как же иначе? Мы на фронте наступаем — и вы наступаете. Вы, ребята, сами все должны себе припасти, хоть и мешает бомбами проклятый немец. Кто же кроме вас сделает? Отцы на фронте, а матери — у станка. Справились сами — хорошо, да смотрите, учитесь хорошенько, не подведите. Не забывайте, что вы все и учителя ваши — бойцы, что вы служите Советскому Союзу».

Из толпы ребят, сгрудившихся около бойцов, отделился вдруг шестиклассник Коля Парийский и, волнуясь, стал читать свои стихи... Бойцы смотрели на мальчуганов, и в глазах у них теплилась нежность. Я встретилась взглядом с нашим директором. Он слыл у нас жестким человеком, но сейчас он как-то смущенно отвел от меня глаза. «Вот, — сказал он, — ко всему я привык. Бывало всякое. Но, знаете, не могу слышать, когда так говорят наши дети! Трогает меня это, не в силах я сдержаться. Вы не находите, что наши ленинградские дети — это дорогие дети?»

Мне недолго пришлось оставаться в этой школе, надо было приняться за новую работу. Но я так ярко помню все дни, прожитые в этой «трудной» школе! И я до сих пор считаю ее «своей». Там многое было пережито, многое сделано. Никогда не забуду: ленинградцы, большие и малые, спаянные творческим порывом труда, в дни голода и лютой блокады сделали невозможное — в несколько дней, как в сказке, создали школу!

В. Г. Ананьева

Заметки о днях блокады

Наконец, у меня есть радио. Теперь вечером начинается самое интересное. Я спешу домой скорее затопить печку — этот очаг жизни, средоточие многого отрадного в блокадные месяцы. При свете топящейся печки коптилка не кажется такой тусклой, передо мной родное личико сына, которого я вижу только при этом освещении. К этим маленьким вечерним радостям прибавилось радио — оно нарушает тягостную тишину в полупустой холодной квартире, заставляет вспоминать далеко отодвинутые пережитым бессмертные творения слова и музыки. Я слушаю Пушкина словно в первый раз, даже «Травиата», которую я не любила раньше, теперь звучит как-то тепло, содержательно. Мы молчим, бесшумно передвигаемся по комнате, говорим жестами, чтобы не пропустить ни одного звука.

Жизнь города, родного, выстраданного и тем более горячо любимого, во всех мелочах проникает ко мне. Вот рапорты героинь-девушек. Они просто, без позы и декламации, рассказывают о своей помощи слабым и больным в городе. Я слышу голос Всеволода Вишневского, слышу его дыхание в микрофоне, и для меня он — символ наших защитников, сильных, умных и глубоко душевных русских людей, говорящих с линии огня. Эти голоса связаны с целой эпохой борьбы и накопления сил и воинского ожесточения на каждом ленинградском заводе, в каждой ленинградской квартире, в душе каждого выстоявшего осаду ленинградца.

Слава им, этим друзьям наших тяжелых, темных ленинградских вечеров! Они согревали и подымали нас, пробуждали в каждом из нас людей в самом лучшем смысле и значении этого слова. Декабрь 1942 года. Уже три месяца работает школа. Враг обстреливает город, бедный Васильевский остров весь в ранах. Часто приходится ходить пешком, но теперь уже не за тарелкой супа, как бывало, а работать. Школа полна теперь шумливой толпой ребятишек, которых поставило на ноги второе военное лето. И мы, учителя, и они, умудренные жизнью, преждевременно хлебнувшие от горькой чаши страданий, мы все с жадностью взялись за работу. В душе таился страх: а вдруг опять прервется учебный год? Нет, теперь этого не будет. Угол школьного здания разрушен снарядом, корпус

законсервирован из-за попавших туда снарядов, а мы, наперекор стихии, работаем, учим.

Каждое утро я проделываю путь от 1-й линии до 13-й по Большому проспекту. Это путь от трамвая до школы. Это пятнадцать минут разговора с собой, когда я продумываю очень важное для меня. Я думаю, планирую, мечтаю, мучаюсь, радуюсь, делаю открытия, и все о тебе, школа! Каждый искривленный фонарный столб, снесенные кусты зеленого бордюра, зияющий пустой циферблат электрических часов на углу Большого; развалины Андреевского рынка, занесенные снегом трамвайные пути Большого с висящими, покрытыми пухом инея проводами настойчиво напоминают, что эти вещи терпеливо ждут заботливых рук, которые заставят передвигаться часовую стрелку на Большом, зеленеть еще ярче кусты, весело блестеть стеклами ожившие дома милого Васильевского, священного для меня острова, где я 8 лет с любовью воспитывала и обучала девушек и юношей, многие из которых теперь проливают кровь за Родину.

Я иду по Большому... Только что кончился обстрел. Девушки-дружинницы ремонтируют электрическую сеть. Я смотрю на этих тружениц в серой мужской одежде, они возмужали в войне, из детей сделались девушками. И вдруг одна из них бросается ко мне, я едва узнаю в ней свою питомицу, окончившую 9 классов весной 1941 года. Радостная встреча людей, считавших друг друга погибшими и переживающих эту встречу, как находку. Глаза ее сияют, она с нескрываемым интересом всматривается в меня, ища, как, вероятно, и я в ней, черты старого, давно знакомого, и новое, что пока еще нельзя передать словами. Мы говорим о юношах и девушках, которые так дороги нам, радуемся каждому имени в списках живых и расстаемся, радостно взволнованные.

Еще одна согревающая душу мысль: если эта и ее подруги, и те, адреса которых обозначаются полевой почтовой станцией, такие патриоты, значит, Радищев, Белинский, Чернышевский в свое время дошли до их сердец:

> Молодые — это те,
> кто бойцовым рядам поределым
> скажет именем всех детей:
> «Мы земную жизнь переделаем!»

Обязательно переделывайте, мы куем вам помощь, учим людей, знающих, что такое война, голод, блокада. Все эти понятия для них — не литература, не слова, объяснения которым надо искать в словарях. Для них это жизнь, отнявшая у них безмятежное детство, научившая их и ненавидеть, и любить...

Передо мною тридцать человек, имеющих жизненный опыт, несмотря на неполные полтора десятка прожитых лет. Помню, как до войны молодежь не знала, что писать в своих автобиографиях при вступлении в комсомол. У них было только настоящее, прошлого они не имели. А эти — не только свидетели великой эпохи, но и участники всех героических этапов борьбы. Половина их помогала подымать второй военный урожай. Несколько человек были на строительстве оборонительных рубежей вместе с матерями. В душе каждого из них притаился горький комочек человеческих потерь и горя.

Но будущее принадлежит им, этим неловким, вихрастым подросткам, этим худеньким девочкам. Пожалуй, ни одно поколение еще не имело перед собой с детских лет таких определенных гражданских целей впереди. Они свидетели варварских, чудовищных преступений, чинимых врагами человечества, они уже с детства знают, что на их поколение Родина возлагает серьезнейшую обязанность восстановить разрушенное, создать новые очаги труда, творчества и радостной жизни. Это поистине поколение восстановителей, и мы можем гордиться тем, что нам доверили воспитание такой молодежи! Надо, обязательно надо, чтобы они сами заговорили о себе, о своей жизни, без посредника, без прикрас, без литературного вымысла, чтобы они нарисовали самое яркое, незабываемое, что никогда не сотрется в памяти, что легко выйдет из-под пера, что принадлежит истории. Наши писатели пока в долгу у детей, так пусть дети сами заговорят о себе.

Так родился замысел создать сборник воспоминаний детей VI класса о каком-нибудь одном незабываемом для каждого из них дне Отечественной войны. Предложение мое было встречено восторженно и с полным сознанием серьезности задачи. Решено было эту работу сделать в подарок ко дню Красной Армии, громящей немцев под Сталинградом. Но на чем остановиться? Что выбрать из пестрого калейдоскопа страданий, радостей и потрясений? Незабываемо многое, но выбрать надо самое сильное, что еще и сейчас, вставая из прошлого, заставляет сильнее биться сердце. Выбор надо сделать каждому, перелистать, оставшись наедине с собой, страницы прошлого и остановиться на самой значительной. Тут никто не может быть советчиком.

Чтобы не ошибиться в выборе темы, решено было два дня отвести на обдумывание. Два дня какое-то особое оживление чувствовалось в классе. На переменах группы ребят о чем-то горячо и взволнованно говорили. Работа началась. Темы выбраны. Чтение было назначено через 10 дней. Предварительную проверку я решила не делать, чтобы и самой пережить с детьми этот торжественный день оглашения сокровенного... В душе была какая-то твердая уверенность, что все будет

хорошо, а все же волновал риск: а вдруг это самообольщение, вдруг моя затея не по плечу детям 14 лет? День был такой розовый и яркий, что свет, казалось, льется даже через фанерные квадраты окон. Сохранившиеся стекла разрисованы причудливой рукой мороза. Мы слушаем, мы в недавнем прошлом, произвольно превращенном в настоящее:

> Яркий солнечный день. Мне показалось, будто все солнечные лучи направлены только на одного меня. В такие дни хочется петь и прокричать на весь мир: «Как хорошо жить!» — взволнованно читает свои воспоминания Миша Левин. — В лагере происходило волейбольное соревнование. Игра становилась все интереснее и интереснее. И вдруг в самый разгар игры, как гром среди ясного неба, прозвучал голос пионервожатой: «Ребята! Сейчас передавали по радио, что объявлена война с немцами!» Пораженные, все как-то притихли, застыли на миг. Это сообщение потрясло нас тогда, пожалуй, безотчетно. Имея за плечами тринадцать лет, я не мог иметь ясного представления о тяжелом грядущем, вызванном войной.
>
> Но вот оцепенение прошло. Не сговариваясь, поддавшись общему порыву, все сорвались с мест и столпились вокруг пионервожатой. Я отошел в сторону. Слезы душили меня; мне было стыдно за себя, и, желая их скрыть, я побежал в лес. Я, должно быть, долго бродил, потому что вдруг услышал звук фанфары, зовущей на вечернюю линейку. И вот я стою в строю. В момент спуска флага оркестр играет «Интернационал». Звуки его переполняют душу, они стали во сто крат дороже. Это звуки свободы, чести, справедливости, гуманности. Уже ночь вступила в свои права. Я взглянул на небо. На нем по-прежнему сияли звезды. Ночь казалась такой же спокойной, как пять дней назад. Но это было не так. Это была первая ночь советского народа с фашистскими варварами.

Говорит Зоя Салькова, девочка мечтательная, скромная. Она заметно волнуется:

> Ночь. Я лежу одна в комнате, мама на работе. Радио включено и тикает громко-громко. Вдруг оно замолкает. Я настораживаюсь, и в тот же момент воздух оглашает вой сирены.

Она быстро одевается, хватает портфель со сменой белья. Привычная хозяйственность юной ленинградки в осенние месяцы 1941 года. Сбегает по лестнице к соседке, «а то одной страшно». Зенитки бьют, настойчиво приближая грохот выстрелов. Теперь уже с соседкой она сбегает по лестнице вниз, где сгрудились все жильцы:

> Мы прижимаемся друг к другу, не обращая внимания, знакомые это или нет... Вдруг раздался страшный свист. Я прижалась к какой-то женщине, закрыла глаза и жду, что будет дальше... Раздался страшный треск и звон разбитого стекла. Мы еще теснее прижимаемся и ждем, когда на нас все свалится. Стоим, ждем... Ничего не валится. Когда немного стихло, мы открыли глаза и смотрим на потолок. Ничего; цел, только штукатурка обсыпалась.

Здесь даже сквозь ужас сквозит юмор, обращенный к себе, насмешка над своим малодушием:

> В комнате следы разрушения от недалеко разорвавшейся бомбы. Штора на окне разорвана, стекол нет, абажур от настольной лампы очутился на диване, сама лампа на полу, кисель, который стоял на окне, опрокинулся прямо на будильник. Потом я пожалела: зачем не съела киселя раньше. Утром мы стали с мамой убирать комнату, сняли кастрюлю с будильника, а он ходит, только на нем 4 часа, а сейчае 9!

Зою сменяет ее неразлучная подруга Зоя Гущина, маленькая, смуглая, с тугими короткими косичками. Она запинается вначале, но после некоторого усилия овладевает собой:

> Суровая военная зима. В городе голод. Приходит мама с хлебом. Приносит 250 грамм на двоих, и это на целый день. Кажется, ни один магнит так сильно что-нибудь не притягивает, как хлеб — руку. Но подумаешь, что день еще впереди, и со вздохом оставляешь кусочек на вечер. Я беру кастрюли и направляюсь за водой. На площадке под ногами труп с раскинутыми руками. Сбегаю вниз, громыхая кастрюлями. На улице солнце, мороз. Прохожу мимо булочной. Распахнулась дверь, и оттуда пахнуло приятным, вкусным запахом хлеба. Кажется, нет ничего на свете отраднее этого запаха. На улице тихо. Ни трамваев, ни весело катающихся на коньках ребят. Пройдет женщина, везя на санках завернутого в простыню покойника. Люди идут, понурив голову, истощенные, худые. Я невольно закипаю злобой на немца. Кажется, так бы и разорвала его на части, затоптала ногами, чтоб и духу его не оставалось. А солнышко пригревает лицо, оно как будто ласкает и говорит: «Ничего, крепись! Твоя воля будет сильнее немецкой блокады.

Не будет вечно она существовать! Придет ей конец». И под влиянием этой мысли я подбадриваюсь и уже веселее иду и думаю: «Нет, мы должны выжить, и мы выживем!»

Я смотрю в глаза детей, как в зеркало. Они взволнованы, по-взрослому взволнованы. Я смотрю в сторону Марии Никифоровны, случайно пришедшей на урок, и в ее глазах читаю то же волнение. Неслышно подходят к столику один за другим мои юные очеркисты, в настороженной тишине звенят их детские голоса.

Мы приготовились слушать Люсю Ветрову. Она стоит у столика, перебирая листки. Она медлит, но никто не выражает нетерпения. Она говорит о своей еще не зажившей боли, о последнем письме погибшего отца:

Надо вам сказать, что я и папа были не только дочь и отец — мы были товарищами. Мама часто говорила, что мы оба, как рыба с водой. Если у меня была радость, то он, как ребенок, радовался моему детскому пустяковому счастью. Я гордилась таким отцом. Но вот от отца нет писем с фронта. Я знаю только, что его часть стоит в стороне Петергофа. Теперь я ходила из угла в угол, подавленная непоправимым горем, перечитывала по нескольку раз старые письма, по целым часам смотрела на его карточку. Каждый угол, каждая вещь напоминала мне его, папу, но я не плакала, я была уверена, что письма будут. Наконец, я дождалась письма от отца. Мне хотелось бегать, смеяться, кружиться, но ноги от счастья ослабли, я села на стул, прижимая к груди драгоценное письмо, и шептала: «Как я люблю тебя, папа, как люблю!» В эту минуту мне казалось, что я буду вечно счастлива, но нет, это было последнее письмо!

Девочка превозмогает слезы, берет себя в руки. «Я еще не знала, — продолжает она, — что это было последнее письмо, которого я так ждала, так ждала!»

Нина Жизневская — тоненькая девочка с длинными тонкими косами и умным, серьезным личиком. Она живет одна. Отец умер зимой 1941–1942 г., мать в армии. Мы мало знали Нину, она недавно приехала с оборонного строительства, где работала ее мать. Медленно, чуть глухим голосом она начинает:

Я стояла около папы, и не верилось, что его нет — так неожиданно это случилось. Это был мой друг, мой учитель! Усталый, утомленный возвращался он с работы и все-таки находил минуту для своей «корзинки», своего «Чапая» (так звали меня папа и ребята)... Шесть месяцев работала я на стройке оборонительных рубежей вместе с мамой. Я помогала гнать немца своей работой, работала с мыслью о мести. Выполняла норму взрослых. Два дня не приходила машина с хлебом. Пот градом катился по моему лицу, рубашка прилипла. В этот день работали как-то особенно. Яростно врезались в землю лопаты. Я не отставала от взрослых, хотя совсем обессилела, а ведь мне, как-никак, 13 лет. Только вечером на митинге я остро ощутила все пережитое, и когда комдив объявил мне благодарность и назначил связистом, я заплакала. Мне не стыдно было слез.

Утром, как связист, я направляюсь со срочным донесением. В 7 часов утра под проливным дождем я месила на дороге грязь, бережно прижимая к груди драгоценный пакет. Незаметно прошла я половину пути. Виден лес, там дорога лучше. Вдруг окрик. Обернулась. Часовой: «Детка, идти дальше нельзя. Там обстреливают участок леса». Но я знаю, что пакет должен быть доставлен в срок. Без сна, без куска хлеба трудно было идти в обход. Но я пошла. Это был мой долг. Идти было трудно. Места болотистые. Глухо. Ни души. В 10.00 донесение сдано. В ПСД бойцы дали мне ватник: я была по пояс мокрая. Накормили. Обратно меня доставила машина. Только после отдыха я подумала, как трудно мне было все выполнить.

Когда вручали Красное знамя Ленинградского 8-го управления маминому батальону, и она получила грамоту, я, стоя с ней рядом, с гордостью прижимая к груди премию, поняла, какую большую работу мы делаем. Мы стоим с мамой, стоим рядом, плечо к плечу. Проклятый Гитлер, он разбил нашу «тройку счастливых», как называла нас соседка. И я ему за это отомщу!

Трудно передать то волнение, которое испытывали мы все, 32 советских человека-ленинградца, 2 взрослых и 30 подростков, слушая эти воспоминания. Они были полны гневом, стремлением к мщению, в них было много горя, но никакого нытья, никакого минора...

В. А. Беер

19 июля 1943 года

Артобстрел длился с вечера. Несколько раз я пыталась поехать на Поклонную гору — надо было дежурить на огороде, но дальше Литейного моста я не пробиралась. Милиция через мост не пропускала, да и самой было страшно. Тяжелые

снаряды рвались где-то совсем недалеко, а шрапнельные рассыпались в воздухе прямо над головой. Я решила зайти в школу, чтобы узнать расписание на следующую неделю. Мои ученики были в сельскохозяйственном лагере, и мне приходилось заниматься с малышами. После огородных работ в Летнем саду я с учащимися 2-х и 3-х классов обычно проводила там же беседы, чтения, маленькие исторические экскурсии по ближайшим достопримечательным местам.

Сегодня, конечно, никаких работ в Летнем саду не состоялось. Около 10 часов я попала в школу. Сразу меня окружили мальчики и в сильном возбуждении начали рассказывать, что в школу рано утром попал снаряд, что он из четвертого этажа, пробив перекрытия, попал на второй, что он не разорвался. Что он лежит на кровати Маруси Петровой (классы на время каникул были превращены в комнаты отдыха), что ножки у кровати подогнулись, что величина снаряда такая-то. Многое еще сообщили мне наперебой ребята. С трудом я разобралась, в чем дело. Меня поразили полное отсутствие страха у мальчиков, их точная ориентировка во всем происшедшем и компетентность в форме, весе, объеме, калибре снаряда.

Много усилий пришлось употребить администрации, чтобы отправить ребят в бомбоубежище и не допустить их активной помощи, когда бойцы МПВО пришли за неразорвавшимся снарядом. Разговоров о «нашем» снаряде было немало. Через час после моего прихода начался усиленный перекрестный обстрел улицы Некрасова. Снаряды попадали на обе стороны улицы, по нескольку в один и тот же дом.

Школьники со своими воспитателями были эвакуированы в бомбоубежище. Один отсек пришлось отвести для проходящих мимо граждан. На тротуаре около школы лежит несколько убитых. Стоны раненых доносятся в бомбоубежище. Из канцелярии то и дело бойцы МПВО и милиционеры сообщают по телефону о новых очагах поражения. В школе ни одного целого стекла. Классные руководители с трудом успокаивают детей. Дети волнуются за своих родных, за свой дом, а тут еще обывательские разговоры посторонних, укрывшихся в нашем бомбоубежище...

Я стараюсь подавить свои чувства, свой страх и начинаю читать детям сказку «Кощей Бессмертный» (у меня в портфеле оказалась хрестоматия по народной словесности Сиповского)[6]. Не могу рассказывать, трудно сосредоточить свое внимание, потому читаю, и мне кажется, что голос у меня звучит недостаточно спокойно. Вначале около меня был небольшой кружок, человек 7–9. Понемногу он увеличивается, и вот я окружена со всех сторон ребятами. Кто-то облокотился на меня сзади, две девочки тесно прижались к моим коленям, кто-то положил руки мне на плечи. При каждом разрыве ребята теснее прижимаются ко мне, а некоторые вздрагивают. Мне неудобно и тесно, но им хорошо около меня, и мы все вместе с Иваном-царевичем отправляемся искать Василису Кирбитьевну. Я овладеваю собой вполне, уже не смотрю в книгу, а рассказываю про приключения Ивана-царевича и Булата-молодца. Но вот одна девочка, при особенно близком сильном звуке разрыва, испуганно говорит: «Это, верно, в мою маму!» Я авторитетно заявляю, что по звуку слышно, что «в никого», и опять все слушают, упиваются чудесным вымыслом, переживают вместе с героем его борьбу с бесконечными препятствиями.

Какой-то мальчуган заметил, что я рассказываю «Звериное молоко» не так, как написано в его книге. Выясняю, в чем разница, стараюсь дать понятие о вариантах сказок, сообщаю детям о сказителях. Когда я рисую картину долгих зимних вечеров в дымных избах, освещенных лучиной, я вспоминаю стариков, которые своими сказками вносили праздник в монотонную жизнь, ребята говорят: «А вы вот рассказываете в бомбоубежище, и электрический свет мигает, совсем как лучина».

Обстрел длится. Я устала, а дети готовы слушать еще и еще. Предлагаю различные игры, но слышу требовательные возгласы: «Рассказывайте! Нам тогда не страшно». Иссяк, наконец, мой запас русских народных сказок. Потревожила я Андерсена, Гауфа и, наконец, дошла до сказки Лебуля «Принц Пиф-Паф». Тут объявили (около 6 часов вечера), что обстрел района прекратился. Наши храбрые мальчики, желавшие непременно участвовать в изъятии снаряда, были очень довольны, когда их пошли провожать учительницы: длительный обстрел, стоны раненых не могли не отразиться на состоянии духа ребят, а главное, каждый боялся того, что он застанет дома.

Никогда в жизни мне не приходилось столько говорить, как 19 июля, и, думаю, никогда меня так не слушали. Иногда теперь встречаю в районе мальчиков, слушавших меня. Они с укоризной мне напоминают, что я им сказку про принца Пиф-Паф так и не закончила. А девочки в школе, где я теперь не работаю, но куда изредка захожу, спрашивают, когда же я, наконец, доскажу то, чего не успела тогда, 19 июля?..

[6] *Сиповский Василий Васильевич*. Историческая хрестоматия по истории русской словесности: Применительно к «Истории русской словесности» того же автора. ... Санкт-Петербург: Бр. Башмаковы, 1908–1915. — *Примеч. ред.*

**Речь директора
105-й школы В. Ф. Любовой
на антифашистском
митинге учителей
(ноябрь 1942 г.)**

Товарищи!

С огромным волнением поднимаюсь я на трибуну этого митинга, чтобы передать участникам его — и тем, кто присутствует здесь, и тем, кто слушает нас во всех уголках мира, привет от города-героя, города-бойца, города, имя которого стало синонимом победы.

Учителя героического Ленинграда прислали меня сюда, чтобы заявить о своей решимости бороться до полного разгрома озверевших банд гитлеровцев, до того часа, когда последний фашист найдет себе могилу в нашей земле. И этой воли к победе не сломить никому и никогда! Враг сделал все, чтобы подорвать моральные и физические силы ленинградцев. Он стянул кольцо блокады вокруг города, намереваясь задушить нас голодом. Он обрушил на наши жилища смертоносный груз бомб и артиллерийских снарядов. Он готов был торжествовать победу, назначая день и час парада на улицах северной столицы. Но детоубийцы, потерявшие человеческий облик, наткнулись на железную, несокрушимую стену морального единства, высокого патриотического духа, давшего нам силу перенести все испытания.

Не быть гитлеровским псам в Ленинграде, пока будет жив хоть один ленинградец! Мы, ленинградцы, пережили очень многое за эти месяцы войны и осады, мы знаем, что такое бандитские воздушные налеты и обстрелы, разрушение ценнейших памятников культуры, науки, искусства, голод, холод, смерть. Но мы знаем и что такое советская Родина, мы знаем заботу партии и правительства (*часть текста зачеркнута*) и товарища Жданова о ленинградцах и ленинградских детях. Мы хорошо помним ледяной путь, по которому доставляли для нас продовольствие. Мы знаем и помним новогодние елки для детей и выпускные вечера для десятиклассников в осажденном городе; мы знаем, что такое свобода, честь, все возрастающая ненависть к врагу, — все это вселяет в нас силы, стойкость и уверенность, что не быть гитлеровским разбойникам в Ленинграде...

Ничто не сломило и не сломит воли ленинградцев! Мы под умелым, твердым руководством организатора ленинградских большевиков

Директор школы № 105 В. Ф. Любова[7]

тов. Жданова работали и работаем, не жалея сил, для победы с одной мыслью — все для фронта, все для победы! Наше правительство приняло решение об эвакуации детей из Ленинграда. Педагоги формировали детские коллективы, готовили их в далекий путь в тыл страны, грузили в эшелоны, сопровождали эти эшелоны, но несколько тысяч детей осталось в Ленинграде. Им, маленьким гражданам города-титана, мы отдавали все свое время, все свои заботы. Школы и детские сады продолжали работать. Воздушные тревоги и обстрелы на время прерывали нашу учебу. Тогда мы вместе со старшими учащимися занимали боевые посты, и школа становилась действительно крепостью. Несколько школ было разрушено, но мы своевременно уводили учащихся в укрытия. Были случаи, когда в зданиях школ летели переплеты окон, стекла, штукатурка, выходили из строя водопровод и канализация. Мы быстро своими силами восстанавливали очаги поражения.

Товарищи, когда я говорю об этом, живые люди, живые лица встают перед моими глазами. Я вспоминаю холодный январь, похудевшие от длительного недоедания милые лица наших «зимовщиков» (так мы называли учащихся 7–10 кл.), но с какой настойчивостью и каким желанием они тянулись в школу, к знаниям, работали целые дни в полухолодном помещении, довольствуясь тарелкой жидкого супа! Знали они, что их знания нужны Родине. Вспомним Зою Прусакову, жизнерадостную ученицу 10-го класса. В новогоднюю ночь она потеряла ноги от фашистского обстрела, лежала три месяца в больнице и вернулась в школу. Жизнерадостности она не потеряла, но появилась новая

[7] Фотография воспроизводится с официального сайта гимназии № 105. URL: http://гимназия105.рф/im/lubova.jpg

черта в характере — жгучая ненависть к лютым врагам, жажда мстить. Ей помогли товарищи по классу наверстать пропущенное, и она успешно закончила десятилетку.

При несчастных случаях учителя бережно выносили детей из-под обломков, просиживали ночи у кроватей пострадавших, возвращали их к жизни, учебе и труду. Когда один из детских домов подвергся внезапной бомбежке, воспитатели стали переносить ребят в убежище. Воспитательница Лавринович, несшая двух детей, была ранена осколком в голову и ноги. Истекая кровью, она ползком продолжала путь к укрытию. На ее пути лежала убитая работница фабрики «Скороход», под которой плакал маленький ребенок. Напрягая последние силы, тов. Лавринович извлекла ребенка из-под убитой фашистами матери, уложила к себе на спину всех трех малышей и поползла с ними до убежища. Дети были спасены...

У детей гибли родители. Но ни один ребенок не почувствовал себя сиротой. Педагоги совершали подворные обходы, направляли осиротевших ребят в детские учреждения, на своих руках доставляли ослабевших малышей в больницы. Я помню, как два мальчика, двое братишек 1-го и 2-го класса, рано утром пришли в школу и заявили мне: «Сегодня разбомбили наш дом, мама погибла под развалинами, папа — на фронте, не отправляйте нас из школы, будьте нашей мамой...»

Мы организовали детские дома, шили детям белье и теплое платье, мыли их, готовили им пищу, а с наступлением весны позаботились о создании продовольственной базы. В парках и садах, в освобожденных от асфальта дворах, в ящиках, даже на скатах блиндажей разбивали огороды, готовились ко второй военной зиме. Мы встречаем ее во всеоружии. Заготовлено топливо, отремонтированы все помещения, где занимаются школы, обеспечено горячее питание всем учащимся. И в эту зиму дети будут также учиться!

Враг и сейчас еще стоит у ворот города. Немало педагогов с оружием в руках защищают родной Ленинград. А те, кто остались на педагогической работе, растят достойную смену бойцов-героев. Мы учим любить Родину и ненавидеть врага, учим стойкости и самопожертвованию во имя будущего своей страны, своего народа. Слово педагога должно звать к борьбе...

Мы, ленинградцы, обращаемся к вам, учителя Украины и Белоруссии, Эстонии и Латвии, Литвы и Молдавии! Напомните вашим воспитанникам слова гениального Шекспира: «Справедливо оружие, поднятое в защиту правого дела!» — и вместе с ними вставайте против ненавистного врага, множьте ряды народных мстителей! Мы обращаемся к вам, учителя-бойцы, кто сегодня на всех фронтах с оружием в руках отстаивает каждую пядь советской земли: мы с вами, товарищи! Пусть город-твердыня, о которую разбилась не одна волна исступленного фашистского напора, воодушевляет вас на новые подвиги! Пусть каждый город станет неприступным Ленинградом!

Мы обращаемся к вам, учителя Сталинграда, Воронежа, предгорий Кавказа: сегодня вы сменили оружие-слово на винтовку, гранату, бронебойное ружье, вошли в оружейные расчеты, водите танки. Помните — бок о бок с вами сражаются ваши бывшие воспитанники. Личным примером вдохновляйте их на борьбу с врагом! Пусть каждый дом, каждая улица станут непроходимой преградой! Не давайте никакой пощады врагу! Смерть детоубийцам! В волжских и донских степях, в горных кавказских ущельях фашисты найдут свою могилу!

Товарищи фронтовики! Громите без устали, ожесточеннее фашистскую нечисть, не давайте им топтать и позорить нашу священную землю, нашу честь! Помните, что вашим детям мы не только даем знания, практические навыки — мы окружаем и будем окружать их вниманием, теплом, любовью, лаской, в чем они сейчас нуждаются без вас.

Смерть немецким оккупантам!
Да здравствует наша великая Родина!
Да здравствует наша советская детвора!

Приложение III-15.3

К 40-летию Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) Воспоминания ленинградской учительницы

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2

М. Ю. Поволоцкая

Глава 1

Школа и учителя накануне и в начале войны. Оборона Ленинграда

До войны я преподавала историю в 1-й образцовой школе Петроградского района, по ул. Мира 14 (до революции — Б. Ружейная улица). Школа была интересная, известная на весь Советский Союз. В социалистическом соревновании с московской 25-й школой 1-й образцовой школе (победительнице) было присвоено звание образцовой-краснознаменной, т. к. школа была награждена Красным Знаменем.

Первая краснознаменная славилась кабинетной системой преподавания, продуманной методикой обучения, талантливым педагогическим коллективом. В школе располагало к себе все, начиная с самого ее здания. Здание школы строилось в начале XX века по решению Городской думы в связи с чествованием 24 мая 1899 года столетней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина. Строилось оно по проекту архитектора И. И. Яковлева как городской дом для начального народного училища, с 20-ю классными помещениями для детей обоего пола, на 1000 человек.

...Во главе школы стояла умная, энергичная учительница, директор школы Мария Яковлевна Перкина, по специальности — преподаватель истории и обществоведения, она умела руководить школой и заслуженно пользовалась авторитетом среди учителей школы, учеников и их родителей. Мария Яковлевна удачно подобрала кадры учителей. Плохие педагоги в школе не задерживались. Они уходили сами, т. к. не выдерживали высокие требования, которые предъявлялись к ним. В педагогическом коллективе разумно соотносились кадры старых, опытных мастеров своего предмета и молодых, способных к творческой работе, как теперь принято говорить, «перспективных» учителей. Из опытных учителей в школе работали: старшим завучем школы — литератор Мария Алексеевна Митропольская, человек, всю жизнь отдавший делу народного образования, в прошлом делегат Первого съезда учителей; ее помощниками были по старшим классам географ Нина Михайловна Мозина, по начальной школе — Екатерина Петровна Веселова.

В школе также работали большие специалисты своего дела: заслуженная учительница Софья Петровна Еремеева, Софья Филипповна Рыскина, Пелагея Петровна Черняева, Марфа Павловна Гольдгорд по начальной школе. То были энтузиасты, для которых школа была самым главным в их жизни. В старших классах литературу и русский язык вели такие мастера своего дела, как Ольга Львовна Петцольд, Зинаида Петровна Каверзнева, Лилия Александровна Кольчевская, Наталия Михайловна Гердзей-Капица. Эти учителя учили любить и понимать родную литературу, прививали любовь к чтению, учили писать не только грамотно, но и литературно. Школа славилась тем, что на всех олимпиадах по творческим сочинениям учащихся выходила на первое место.

Математика в школе была представлена известными, опытными учителями: Верой Никифоровной Ушаковой, Полиной Ильиничной Савиной. Председателем математической комиссии в школе был видный специалист, преподаватель вуза Пантелеймон Юльевич Германович. Он вел увлекательную, глубокую работу с одаренными учениками по развитию математического мышления. Многие его ученики стали известными математиками. Пантелеймон Юльевич терпеть не мог лодырей, лентяев. Не мог примириться с тем, что иным отстающим ученикам натягивали оценки за успеваемость. Он был противником процентомании, аттестации школ и учителей по среднему баллу. «В среднем в болоте было неглубоко, но корова все-таки утонула», — шутил он.

П. Ю. Германович был человек разносторонний, страстный любитель симфонической и оперной музыки, крупный коллекционер граммофонных пластинок. У него дома постоянно проводились тематические концерты, на которых присутствовали его близкие друзья, приглашались учителя и ученики. Среди приглашенных бывали и оперные артисты, которые хотели послушать арии в том или ином исполнении. Пантелеймон Юльевич был постоянным посетителем абонементных концертов

в Большом и Малом залах Ленинградской филармонии. Эту страсть к музыке он сохранил до конца дней своих и сумел передать многим своим ученикам.

Физику в школе преподавали профессор Данила Александрович Александров, известный преподаватель-методист Константин Николаевич Елизаров. Опыт преподавания физики в нашей школе был заимствован многими учителями Ленинграда. Д. А. Александров, так же как многие учителя нашей школы, погиб от голода в блокаду. К. Н. Елизаров после войны несколько лет вел методическую работу и заведовал кафедрой в Ленинградском городском институте усовершенствования учителей. Химия и естествознание в нашей школе также находились в крепких руках. Их преподавали Софья Ефимовна Чертова, Елизавета Осиповна Александрова, Елена Михайловна Рутковская, прекрасные педагоги и чуткие воспитатели, знавшие и любившие свое педагогическое дело, не порывавшие связи со своими учениками до конца своей жизни.

Любимым учителем всех учеников школы был учитель физкультуры Юрий Аркадьевич Огановский, человек, влюбленный в свое дело. Под его руководством школа не раз занимала первые места на районных и городских соревнованиях. Юрий Аркадьевич знал и любил своих учеников, умел сохранить с ними связь на весь период войны и весь послевоенный период, на всю свою жизнь.

Остановлюсь более подробно на преподавании истории. Основными учителями по истории до войны были учительницы-комсомолки, в прошлом пионервожатые, студентки педагогического института им. Герцена: Раиса Менделевна Ховина-Гуревич и автор этих строк Мария Юлиановна Поволоцкая. Нам, молодым учителям, в 30-е годы очень много пришлось работать в области содержания своего предмета. Мы обучались в педагогическом институте в период с 1928 по 1932 годы, т. е. еще до постановления партии и правительства 1934 года о преподавании гражданской истории (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года). Заканчивали общественно-экономический факультет. Естественно, что знаний по гражданской истории у нас было недостаточно, хотя по общественно-экономическим дисциплинам: истории партии, политэкономии, истории развития общественных форм и другим — мы получали обстоятельную подготовку. В области исторического и диалектического материализма мы также были хорошо подготовлены. После постановления «О преподавании истории в школах СССР» и других постановлений 30-х годов о школе мы, учителя истории, остро почувствовали необходимость пополнения знаний. Мы поступили на курсы для учителей истории при Ленинградском университете, а затем многие из нас, в том числе и я, учились на вечернем отделении исторического факультета ЛГУ. Таким образом, нам приходилось беспрерывно учиться самим и учить других.

Нашей 1-й образцовой школе повезло в том, что педагогические институты: пединститут им. Герцена и пединститут им. Покровского, вели в нашей школе большую методическую работу. Именно в нашей школе проводили практику такие крупные методисты-историки, как Наталия Владимировна Андреевская, Изабелла Васильевна Гиттис, Виктор Николаевич Бернадский. Андреевская и Гиттис сами вели уроки истории в нашей школе: Изабелла Васильевна в 4-х, а Наталия Владимировна в 9-х классах. Особенно много с нами, молодыми учителями, работала Н. В. Андреевская. На материале уроков истории по теме «Французская буржуазная революция XVIII века» она написала свою кандидатскую диссертацию по проблеме «Идеология поднимающейся буржуазии».

Я с гордостью могу назвать себя ее ученицей, хотя мне порой доставалось от нее крепко. Я пользовалась ее обширной библиотекой. Наталия Владимировна требовала, чтобы я составляла подробные конспекты уроков. К моему огорчению, многие из них, казавшиеся мне прекрасными, перечеркивались, и я опять должна была разрабатывать их заново. Вероятно, это и научило меня работать по методике обучения истории. Наталия Владимировна также требовала, чтобы мы хорошо знали первоисточники, включали в ткань урока исторический документ, оборудовали свои уроки наглядными пособиями, заставляли своих учеников не только внимательно слушать, но и учили бы их анализировать отрывки из исторических документов, классиков марксизма-ленинизма, самостоятельно объяснять исторические картины, диаграммы и самостоятельно пользоваться исторической картой. Учили бы локализации исторических событий, умению относить их ко времени и пространству. Уже в 4-м классе Изабелла Васильевна Гиттис учила своих четвероклассников составлять план под руководством учителя. Они должны были уметь иллюстрировать рисунками услышанное, составлять исторические пересказы. Эта линия на осмысленное усвоение истории продолжалась во всех классах.

В нашей школе весь педагогический коллектив работал над методикой единых педагогических требований к ученикам. В них большое

внимание обращалось на ведение тетрадей и записи учащихся в тетрадях по предмету. Очень много внимания уделялось вопросам наглядности в обучении истории. Мы широко пользовались серией исторических картин, которые достались нам от старой школы (серии учебных картин Лемана и Князькова). Всей методической работой школы руководил методический кабинет: при нем работали методические комиссии по предметам.

Много внимания в нашей школе обращали на оборудование предметных кабинетов. Ряд исторических карт, схем и диаграмм был подготовлен самими учениками. Особенно много сделал для кабинета истории ученик Михаил Гордон, в будущем ставший художником. При кабинете работали исторические кружки. Уроки по древней истории часто проводились в кинокабинете, где мы широко пользовались проекционным фонарем (учебных кинофильмов по истории в тот период еще не было).

Некоторые уроки по истории Египта, Древней Греции и Древнего Рима под руководством методиста Ксении Владимировны Ползиковой-Рубец проводились в Эрмитаже. Нужно сказать, что в те годы Государственный Эрмитаж много делал для учителей Ленинграда. При нем работали семинары для учителей, читались лекции по искусству, которые разрабатывались методистами-экскурсоводами К. В. Ползиковой-Рубец, Л. Антоновой, О. Дмитриевой, ими же проводились учебные экскурсии для учителей. Также много сделал Ленинградский университет. Для учителей истории читали лекции такие видные ученые, как В. В. Струве, С. И. Ковалев, С. В. Вознесенский и другие.

Я была в числе учительского актива и посещала с увлечением все мероприятия, организуемые до войны для преподавателей. Мы, молодые в те годы учителя, были влюблены в историю. Наша увлеченность предметом передавалась нашим ученикам. Не случайно некоторые из них впоследствии сами стали учеными-историками, например, мои ученики Рафаил Шоломович Ганелин и Наталия Ивановна Запорожец.

Многие из учеников, окончивших нашу школу, стали кандидатами наук, доцентами, профессорами, талантливыми математиками, физиками, видными историками, крупными военными специалистами, инженерами и передовыми рабочими. Например, профессора, доктора наук В. Ахутин и Н. Воробьев были учениками нашей школы, в том числе и моими. Об учениках нашей школы можно прочитать в книге М. Панича «Размышления у порога». — Лениздат, 1972 г. Среди моего исторического актива могу назвать еще ученика Константина Ивановича Газа, сына легендарного комиссара Гражданской войны И. И. Газа, и ученицу-отличницу Аэлиту Ильиничну Фулиди-Гусеву, о которых у меня сохранились самые теплые воспоминания.

Война, неожиданно обрушившаяся на нашу страну, не пощадила никого. Школа была закрыта. Ее здание было превращено в госпиталь, в котором мы, молодые учителя, работали санитарками, сестрами и агитаторами. Мне недолго пришлось поработать в госпитале, т. к. меня мобилизовали на оборонные работы на Карельский перешеек, несмотря на то что я была матерью двоих детей: 3-летнего и 9-летнего возраста. Мой муж, Ярослав Александрович Поволоцкий, инженер по специальности, ушел добровольцем на фронт в армию народного ополчения. Оставив детей у своей матери, Марии Федоровны Плиско, я отправилась на перешеек на оборонные работы на линии Маннергейма. Отряд, в котором пришлось мне работать, состоял из молодежи различных организаций Петроградской стороны...

Место расположения нашего отряда было очень красивое: большое озеро, вокруг ели и сосны, песчаные берега. Жилых построек, кроме разрушенного здания, в котором мы разместились, никаких не было. Трудно было сказать, каково было его назначение. Это был большой двухэтажный сарай, наверное, это была рига или сеновал. Маленькие, редкие окошки на высоте второго этажа были плотно забиты досками. Сквозь щели едва пробивался свет. Двери в сарай были широкие, в них свободно мог въехать воз с сеном или снопами. Крыша здания зияла дырами, их заделали при нас. Пол был деревянный, местами совсем прогнивший. На него каждый из нас в своем углу настелил еловых веток, на них мы спали.

Пищу первые дни готовили на костре, а затем на дворе была сложена плита. Многие из продуктов выдавались сухим пайком: хлеб, сахар, консервы; горячий обед мы получали один раз в день. Это был густой суп, в котором плавало все, что только находилось под рукой у наших дежурных, незадачливых поваров. После утомительных, напряженных работ, которые проводились в быстром темпе в течение 12 часов подряд, под присмотром военных специалистов, мы с волчьим аппетитом поглощали горячее варево, которое нам заменяло первое и второе блюдо. Как это было вкусно! Мы буквально вылизывали свои тарелки, которые затем полоскали тут же в озере. Мы не чувствовали отсутствия самих элементарных удобств и засыпали, как мертвые, на наших еловых подстилках. С оборонными

работами нас торопили, потому что фашистские самолеты летали над нашей головой. Фашисты рвались к Ленинграду. Нас неоднократно бомбили. Помню, что я лежала на дне рва во время бомбежки и чувствовала себя маленькой песчинкой, которой нет спасения от фашистских стервятников. Мне казалось, что фашистские летчики целятся прямо в нас, тем более что все самолеты летали над нами на бреющем полете. Но все бомбы упали вдали от нас, и в нашем отряде никто не пострадал.

Работали мы на оборонных работах около двух недель, а затем отступали вместе с войсками Карельского фронта к Ленинграду. Половину пути мы прошли пешком, а вторую половину нас подбросили на грузовиках до железной дороги. <...> Я была очевидцем отправки ополченцев на фронт из поселка Александровское по Варшавской ж. д. Более неорганизованного зрелища я никогда не видела. Нестройные ряды ополченцев никак не могли построиться так, как требовали командиры. Ругань висела в воздухе. Начавшийся марш прерывался окриками командиров: «Отставить, веревки забыли», «лопаты не взяли», «винтовки оставили»... и т. п. Внешний вид ополченцев был жалкий. Видно было, что им мучительно стыдно, а ведь это были, как правило, преподаватели, инженеры, учителя, врачи, люди интеллектуального труда, честные советские граждане, готовые отдать свои жизни Родине, но не умеющие как следует стрелять, не говоря уже о том, что их познания о стратегии и тактике современного боя оставляли желать лучшего. Неудивительно, что в первых же боях значительная часть армии народного ополчения была разбита, а оставшиеся в живых бойцы перебрасывались с места на место. Несмотря на то, что многие части народного ополчения были разбиты, они совершили подвиг, приняв на себя удар. Они задержали силы врага на подступах к Ленинграду. Это была суровая необходимость этой страшной войны.

Глава 2

Зима в блокадном Ленинграде

Сами ленинградцы еще не отдавали себе отчета в серьезности военного положения. Среди отдельных представителей ленинградской интеллигенции ходила версия о «свободном городе», о необходимости таким путем спасти культурные ценности города. Услышав об этом от достойных, пожилых людей, я пришла в ужас, потому что поняла, как страшна и опасна была вражеская пропаганда, тем более что немецкие войска подошли к самому городу. В сентябре кольцо блокады замкнулось вокруг Ленинграда. Обстановка в городе резко изменилась. Окна домов были заклеены крест-накрест полосками бумаги, якобы для предохранения стекол от взрывной волны. На практике оказалось совсем не так. Стекла вылетали независимо от того, заклеены они были или нет.

С осени начались регулярные занятия в школе. Жизнь в осажденном городе становилась все труднее. Бомбардировки усиливались с каждым днем. Начались артобстрелы. Путь от дома в школу и обратно был небезопасен, тем более что сама школа стала от нас значительно дальше. Дело в том, что старшие классы (5-е — 10-е) всех школ района теперь занимались в здании, где сейчас находится Нахимовское училище, а до войны была 21-я экспериментальная школа, директором которой была Ф. М. Пугач. Осенью 1941 года в здании школы собрались учителя и ученики из разных школ района, которым по тем или иным причинам не удалось эвакуироваться из города. Или это были те, которые вынуждены были вернуться из эвакуации обратно в Ленинград, так, как случилось с нами. К этой группе принадлежали учителя и ученики нашей 1-й образцовой школы. Директором 21-й школы после ее объединения с другими школами района сначала была Мария Яковлевна Перкина, до тех пор, пока она не стала заведующей Петроградским РОНО. Затем директором стала М. А. Митропольская (завуч 1-й образцовой школы), а завучем Лавров (бывший завуч 21-й школы). Мария Александровна Митропольская погибла в блокаду от голода, как многие учителя нашей школы.

Младшие классы, первые-четвертые, занимались при жактах, небольшими группами, ближе к месту жительства детей. Так, мой сын Лев был учеником третьего класса, учился он у Пелагеи Петровны Черняевой, женщины в высшей степени интеллигентной, гуманной, опытной преподавательницы, мастера своего дела. Дети очень ее любили.

Занятия проводились в помещении бывшего винного магазина, который находился на углу Кировского проспекта и М. Посадской улицы. Во время бомбардировок детей уводили в бомбоубежище. Занятия проходили всю осень до конца ноября. В декабре посещения школы учениками постепенно прекращались, т. к. родители уже не отпускали в морозы детей из дома. Частые бомбежки и обстрелы были небезопасны для их жизни. С отдельными учениками, добиравшимися до места, где велись занятия, учителя проводили свои уроки. Конечно, они ничего не имели общего с уроками в довоенной

школе. Обычно с детьми беседовали, им читали, показывали картинки, обязательно прочитывали в классе учебник, т. к. в условиях осажденного города, когда дома не было тепла и света, дети не могли выполнять домашних заданий.

Со старшими классами занятия тоже носили своеобразный характер. Ученики были из разных школ. Учителя тоже. Часто одновременно приходилось заниматься с учениками 5–6-х или 7–8-х классов. Некоторые учителя так же, как ученики, пропускали занятия. Голодная, холодная блокадная зима давала себя знать. Естественно, что в отдельные дни не было сил идти в школу. За этим в школе следили, обычно к таким учителям и школьникам шли домой, узнавали, в чем дело, выкупали им хлеб, приносили суп из школьной столовой. Учителя и родители не давали детям лежать и постоянно требовали, чтобы они шли в школу. Лежать было нельзя. Те, кто залеживался, быстрее умирали.

...Бомбежки все учащались. Во время них огромные волны перекатывались из Невы через каменный парапет набережной и подкатывались прямо к школе. Казалось, что наше здание, бывшей Петровской гимназии, сейчас поплывет по волнам разбушевавшейся реки. С наступлением зимы бомбежки стали утихать, зато участились артобстрелы, и ходить в школу с каждым днем становилось все опаснее и опаснее. Несмотря на то, что заниматься было трудно, мы, учителя, старались, сколько возможно, учить детей в пределах программы. Рассказывали, писали на доске, читали учебники вслух, разбирали их содержание, вели беседу по прочитанному. Если удавалось на урок принести карты, таблицы, схемы, то внимательно анализировали их содержание. При этом постановка вопросов толкала учеников на самостоятельный анализ их содержания. Конечно, не всегда мы имели возможность использовать учебные пособия, т. к. из-за бомбежек, обстрелов нас то переводили в другую часть здания, то мы спускались в бомбоубежище и там продолжали рассказ или беседу с учащимися.

Все, что мы делали, было направлено на то, чтобы в условиях блокады дать ученикам хоть какие-то знания, отключить их мышление от тяжелой войны и выпавших на их долю мучений и заставить их переключиться на усвоение рассказанного. Это было очень трудно, т. к. все мысли учеников были заняты событиями, невольными участниками и очевидцами которых они стали. Поэтому неудивительно, что мой рассказ часто прерывался их вопросами о положении на фронтах, об успехах нашей армии, о тяжелых потерях. Необходимо было воздействовать на моральный дух учеников, надо было показать героизм наших воинов, уберечь психику детей от бесконечных волнений. Именно поэтому мы, учителя, старались переключить их внимание, заставить учеников хоть временно забыть ужасы, которые принесла война, сосредоточить их мысли на героических подвигах наших бойцов, на их стойкости, целеустремленности в их борьбе за освобождение Родины. Вместе с тем нам важно было показать роль тыла в его помощи фронту, объяснить каждому ученику, что он и его близкие тоже являются защитниками родного города, что от их организованности, поведения и активной помощи в школе и дома многое зависит.

Мы, учителя, всячески уберегали детей от ненужного смакования жестокостей, которые неизбежно несла с собой война. Поэтому нашим девизом в школе было: «О бомбардировках мы не разговариваем». Как сейчас помню, что первый предложил его на уроке у меня в классе Алексей Юров. Алексей Дмитриевич Юров был сыном Дмитрия Гавриловича и Ольги Александровны Юровых, известных в то время в Ленинграде педагогов и методистов. Ольга Александровна была преподавателем математики, а Дмитрий Гаврилович был зам. директора Педагогического института им. Покровского по научной части. А. Юров был очень способный, умный и остроумный ученик, одаренный гуманитарий, один из представителей моего исторического актива. Тогда никто не знал, что в будущем он станет преподавателем географии в вузе, научным сотрудником, секретарем парторганизации. Мне довелось затем работать вместе с ним в НИИ общего образования взрослых АПН СССР.

В конце ноября и в декабре занятия в школе постепенно все сокращались и сокращались. Многие ученики и учителя уехали в эвакуацию, пока еще можно было уехать. Другие оставались в Ленинграде, но ходить в школу уже не могли. Холодная зима и голод делали свое дело. Очень поддерживала наши силы школьная столовая. Порции были мизерные — ½ маленькой тарелочки супа и 2 столовые ложки каши. Какое это было счастье — получить обед. Конечно, все давалось по карточкам. Иногда в школьной столовой учителям можно было купить отруби, жмых. Это была удача, т. к. дома нечего было есть. У меня была служащая карточка, две детских, а у моей матери — иждивенческая.

С 20 ноября на рабочую карточку стали выдавать по 250 г хлеба, а на служащую, детские и иждивенцев по 125 г. Это значит, что я на день получала 500 г хлеба на четверых. Это было третье снижение хлебных норм. Полученный по

карточкам хлеб делился на 12 кусочков, с тем чтобы каждый мог получить по кусочку три раза в день. Для того чтобы кусочек возможно было держать во рту как можно дольше, его сильно поджаривали прямо на поверхности маленькой печурки — «буржуйки». Если в детском саду в те дни, когда мой маленький сын не ходил в садик, а это случалось все чаще и чаще, выдавали на дом яйцо, я из него варила суп на всю семью. Варила яйцо вкрутую, мелко его крошила и заливала кипятком, подсаливала воду. На второе я приготовляла из столярного клея заливное. Ничего, ели и считали, что это вкусно. Тем более что уксус и лавровый лист у меня были.

Помню, что еще осенью, до наступления первых заморозков, Педагогический институт им. Покровского сделал попытку обеспечения преподавателей института овощами. Я работала в институте методистом на кафедре методики истории, совмещала эту работу в вузе с учительской работой в школе. Как преподаватель этого института я приняла участие в поездке за картошкой в одну из деревень Ленинградской области. Выехали мы на грузовике еще до восхода солнца. Примерно к 11 часам утра добрались до места. Деревня была расположена на горке, вокруг сосновый лес, воздух прозрачный, день солнечный. Мы были удивлены, когда увидели, что деревня окружена оборонительными валами, еще более нас поразило, что два танка курсировали вокруг них, кроме того, мы увидели около рубежей отдельных солдат, очевидно, остальные скрывались в укрытии, вероятно, бойцы были рассредоточены. Один из бойцов нам сказал, что вся деревня эвакуирована, никакой картошки мы не найдем, самое лучшее, что он может нам посоветовать, это возвращаться восвояси, пока еще не поздно. Несмотря на это предупреждение, мы все-таки поднялись в гору и пошли в деревню.

Действительно, жителей в ней почти не было. Кроме нескольких старух и стариков, мы никого не видели. Они сказали, что все жители ушли и все, что можно, забрали с собой. Если мы хотим что-нибудь достать, то единственно, что они могут посоветовать, это пойти на поля, где росла картошка, и пособирать там клубни, которые остались после уборки в земле. Мы послушались их совета и пошли в поле, но наш поход был безуспешен. Поля были чисто убраны, или до нас их уже кто-то перекопал. Несмотря на это, мы стали искать в поле оставшуюся картошку. Некоторым из нас повезло, и они смогли кое-что собрать. Я же и большинство собирателей картошки остались ни с чем. Кто-то предложил перекапывать поле палками, но это мало помогло. Мы ничего найти не могли. Неожиданно к нам подошли двое военных. Они спросили, кто мы и откуда, потребовали у нас документы, которых у нас не было. Военные строго сказали, чтобы мы срочно возвращались в Ленинград.

...В январе у школьников начались зимние каникулы. К этому времени была построена ледовая трасса через Ладожское озеро. Город получил первые грузы с продовольствием. По постановлению Ленинградского совета было решено организовать для детей школьные елки. Мой старший сын ни за что не хотел идти на елку. Он ослабел от голода, в квартире было холодно, и он много лежал. Для того чтобы заставить его пойти на елку, мне пришлось его побить. Стыдно вспоминать об этом, но это было единственное средство, т. к. никакие мои уговоры не помогали, а пойти было нужно — там кормили и давали подарки. Когда я его побила, он не плакал, а заплакал мой маленький сын и я вместе с ним.

Вот так мы отправились на елку в блокадном Ленинграде. Шли пешком по Карповке до Большой Посадской улицы. Шли медленно, я с малышом на руках. Домой вернулись поздно. Много было разговоров дома о том, как было красиво, какой был вкусный обед. Маленькие подарки — несколько конфет, печенье и апельсин — дети принесли домой. Они уговаривали бабушку взять хоть немножко, попробовать. Бабуля долго отказывалась, но потом не удержалась и взяла у них по конфетке...

После зимних каникул занятия в школе не начинались. Мне сообщили, что есть решение Ленгорисполкома об эвакуации по Дороге жизни, в первую очередь матерей с малолетними детьми. Я попала в их число. Нужно сказать, что ранее, осенью, когда я была на оборонных работах, уже было предписание об эвакуации. Тогда моя мама категорически отказалась, т. к. отец детей был на фронте, а мать детей на оборонительных работах. Без родителей никто не имел права эвакуировать детей и бабушку. Потом эвакуация была приостановлена, т. к. кольцо блокады сомкнулось вокруг города. По окончании строительства трассы через Ладожское озеро эвакуация населения возобновилась вновь...

Вопрос об эвакуации в январе был поставлен перед нами остро. Меня вызвали в РОНО и сказали, что выехать я с детьми и матерью обязана. Это мой долг. Есть специальное решение исполкома об эвакуации. Город бедствует. Запасов продовольствия в городе нет. Я должна подчиниться решению Ленгорсовета, прежде всего, как коммунистка. ...Взять с собой в эвакуацию что-нибудь из вещей я не могла. Надела на себя платье, костюм и на детей по два костюмчика. Кое-что

взяла с собой мама: небольшую перинку, подушку, одеяло, фотографии, серебряные чайные ложки и небольшой запас белья. Должна сказать, что именно то, что взяла с собой мама, и осталось у нас от всего нашего имущества. Остальное во время нашего пребывания в эвакуации у нас пропало, кое-что мы потом собрали в нашем доме у соседей... <...>

Глава 4

Снова в Ленинграде. Окончание войны. Восстановление средней общеобразовательной школы

В Ленинграде я отсутствовала с 23 февраля 1942 года по 12 февраля 1944 года. Прошло два года, война подходила к концу. Я была поражена внешним видом города. Ленинград был приведен в полный порядок. Чистые улицы, на месте разрушенных зданий сделаны ограждения. Во многих местах поставлены декоративные щиты: нарисованные на них дома, решетки скверов и т. п. издали создавали полную иллюзию порядка и благополучия. На заборах развешаны плакаты, лозунги, призывающие к полному разгрому гитлеровских бандитов. Во многих местах маскировка разрушений была сделана так искусно, что разрушенные здания, ограды, воронки от бомб в глаза не бросались. Восстановление шло полным ходом. Работали бани, в них можно было получить чистое полотенце и мыло, купить воду с сиропом. На Невском в Елисеевском магазине всегда можно было купить горячий кофе и чай.

Карточки отоваривались полностью без всяких очередей. В магазинах готового платья продавались реставрированные пальто, костюмы, в основном мужские, за 500–600 руб. (в ценах тех лет). Дамского платья почти не было, хотя мне удалось купить коверкотовый жакет и юбку. Непарные, но они вполне заменяли мне костюм...

Если говорить о первых впечатлениях после приезда, то поражена я также была огромным количеством крыс. Крысы по Ленинграду ходили стадами. Школа, в которой я начала работать, буквально кишела ими. Они совершенно не боялись людей. Даже не уступали дороги. Крысы смотрели на идущих мимо них черными, как угольки, глазами и с какой-то наглостью наступали людям на ноги. Мне довелось испытать это ощущение.

Прежде всего я пошла в РОНО, заведовала РОНО бывший директор нашей 1-й образцовой школы Мария Яковлевна Перкина. Она много сделала для того, чтобы вызвать в Ленинград опытных учителей школы: Е. О. Александрову, П. П. Черняеву, Н. М. Гердзей-Капицу и многих других. Меня направили на первых порах в 78-ю школу Петроградского района, где директором была Анна Иосифовна Ровенских. Это была милая, добрая, отзывчивая женщина. Она всю блокаду провела в Ленинграде. Жила прямо в школе. Рядом с учительской была небольшая смежная комната, в которой стояла ее кровать. Питалась А. И. Ровенских в школьной столовой. Убирала ее комнату школьная уборщица. Она же покупала ей продукты. Частная жизнь Анны Иосифовны в тот период была тесно слита со школьной жизнью. Это было, с одной стороны, хорошо, т. к. она всю себя отдавала работе. А с другой стороны, плохо, т. к. она сама не отдавала себе отчета, где кончалась ее личная жизнь и начиналась служебная, школьная.

Особенно это бросалось в глаза мне, новому человеку в коллективе учителей той школы. В чем-то А. И. Ровенских напоминала очень добрую, но немножко взбалмошную помещицу, которая делала то, что сама желала сделать в первую очередь, а это не всегда было педагогически целесообразным. К учителям и ученикам относилась неровно. Поэтому у нее были резко выраженные симпатии и антипатии, а это мешало налаживанию школьной жизни. Как бы там ни было, но меня она встретила очень хорошо. Сразу же дала мне курс истории в 7-х и 8-х классах, поместила меня в школьное общежитие для учителей. В школе я встретилась с учителями, которых знала по Первой школе: Наталией Михайловной Гердзей-Капицей и Пантелеймоном Юльевичем Германовичем. 78-я школа так же, как и остальные школы, отличалась от школ довоенного времени. Прежде всего, теперь они были разнополыми, т. е. они делились на женские и мужские по своему составу. Преподавать в женской школе для меня было малоинтересно. В такой школе было тихо и спокойно. Девочки были добродетельны, но активно не проявляли такого познавательного интереса, к которому я привыкла в 1-й образцовой школе.

Объясняется это не только делением по полу, но и тем, что пришлось ученицам перенести в период войны, блокады и эвакуации. В такой обстановке необходимо было так ставить свое преподавание, чтобы познавательная активность у учащихся проснулась. Это было очень трудно, т. к. никаких методических пособий у меня под рукой не было. Учебный год шел к концу, и единственным методическим орудием в первые месяцы моей деятельности (в марте-мае 1944 г.) было мое живое слово учителя; из наглядных пособий у меня под рукой всегда была

географическая карта, на которой показывалось все, что нужно и можно было показать. Помню, что именно в этот период мною широко применялись цветные шнурки и бумажные стрелки при показе по карте. В то время мною также широко использовались классная доска и мел. На доске писалось все, что нужно было записать: важнейшие даты, рисовались диаграммы, таблицы. Применялись для этого цветные мелки (белый, красный, синий). Большего я ничего не смогла в эти месяцы сделать. Мне много помог в моей послевоенной педагогической работе опыт наглядной агитации, приобретенный в период моей партийной работы в эвакуации.

Наплыв в Ленинград возвращающихся из эвакуации людей возрастал с каждым днем. Городские службы не справлялись с этим людским потоком. Во всех учреждениях города стояли огромные очереди. Нужно было обеспечить людей жильем, работой, питанием, Я приехала в Ленинград по вызову одна из первых и то настоялась в очередях. Весной 1944 г. въезд в город, как временная мера, был прекращен. С каждым днем стало труднее возвращаться, не все могли вернуться на свою прежнюю работу, т. к. многие учреждения перестали существовать. Кроме того, разрешали въезд только тем, у кого сохранилась площадь, а у многих она оказалась утраченной.

Увеличение количества жителей города сразу же сказалось на положении школ и учителей. Учеников становилось все больше и больше. Как правило, возвращающиеся в свой родной город учащиеся отличались от школьников, находившихся в Ленинграде в период войны: физически возвратившиеся ученики были крепче, а знания у них были хуже. Многие из них потеряли один, а то и два учебных года. Так было и с моим старшим сыном. Он отстал на год от своих ленинградских сверстников. Перед школой стала задача выравнивания знаний учащихся, оказания им помощи в их приобретении, ликвидации пробелов в знаниях и педагогической запущенности.

Очень нуждались в методической помощи сами учителя. Многие из них не работали по специальности в условиях эвакуации. В лучшем случае, были воспитателями в детских садах, домах, яслях. Другие в условиях эвакуации совсем не могли найти работу и занимались домашним хозяйством, огородами и т. п. Например, опытная учительница из первой образцовой школы, биолог по образованию и опыту работы, до войны руководитель методического объединения учителей-естественников в Петроградском районе Елизавета Осиповна Александрова в своем письме ко мне из Казани, где она жила у своего сына, академика А. Д. Александрова, писала:

> Я живу очень серо, однотонно, неинтересно, нигде не работаю. Когда я подала заявление о приеме на работу, его даже толком не прочитали, сказав, что естественников перепроизводство. Я была рада: я еще не набралась сил тогда после Ленинграда. Теперь я совершенно поправилась... Весь мой труд — от плиты в коридор и от ведра к грязной кастрюле. Голова отдохнула еще не совсем, но тело в довоенной норме. Хожу на огород за 5 км, там работаю часа 3 и, придя домой, могу еще варить, парить и жарить. Я бы с наслаждением работала сейчас в Ленинграде (*письмо от 04.07.43*).

Конечно, жить только сельским хозяйством наши учителя не могли, как правило, они вели активную общественную жизнь. Им приходилось принимать участие в дежурствах по дому, на огороде, в организации посылок с подарками на фронт, они состояли в группах МПВО и т. п. Та же Е. О. Александрова в одном из своих писем ко мне в Новосибирск пишет об этом:

> Я здесь уполномоченная по лестнице, как здесь называют, по секции, и поэтому собираю взносы, подарки бойцам, назначаю очередь дежурства и, кроме того, я начальник группы самозащиты дома. Последнее, слава богу, делать не приходится, т. к. немцев к нам не допустили ни разу, только тревога была два раза, но самолеты не долетели до нас (*из письма от 08.08.43*).

Война разбросала нас в разные концы Советского Союза. Для нас всех, эвакуированных ленинградцев, характерной чертой было желание во что бы то ни стало как можно скорее вернуться в родной Ленинград. Помню, с каким волнением я в Новосибирске слушала передачу из Ленинграда — митинг бойцов Ленинградского фронта. Меня взволновали и запомнились навсегда слова неизвестного мне воина: «Без Ленинграда жить нельзя. За Ленинград — умереть можно»...

Да, мы, ленинградцы, любили и любим свой родной город. Немудрено, что все, кого война забросила в разные уголки нашей страны, мечтали о скорейшем возвращении в свой город, на свою работу, к себе домой, хотя у многих уже не было близких, не было дома и даже любимой раньше работы...

Кандидат педагогических наук,
член Дома ученых, ветеран партии
и комсомола М. Ю. Поволоцкая

Декабрь 1984 г.

Приложение III-15.4

История школы № 321

История 321-й школы блокадного периода печатается по тексту авторской машинописной рукописи с разрешения Екатерины Александровны Григорьевой, дочери А. А. Чухмана. Восстанавливая историю работы школы в военное время, Александр Абрамович использовал приказы Ленгороно, отчеты Фрунзенского РОНО, Фрунзенского райкома профсоюза работников начальной и средней школы из фондов ЦГА СПб. (Ф. 4949. Оп. 1; Ф. 5039. Оп. 3; Ф. 9958. Оп. 1), тексты дневников и воспоминаний учащихся, записи из тетрадей посещений, хранящихся в музее школы № 321.

Чухман Александр Абрамович *(23.10.1932–20.07.2010) — выпускник и учитель истории школы № 321, кандидат педагогических наук, краевед. Один из основателей музея истории школы*

Часть I
Школа в первый год войны

Это страшное слово «ВОЙНА». Июнь 1941 года. В школе закончились выпускные экзамены, отгремел прощальный вечер выпускников бывших десятиклассников. Часть педагогического коллектива ушла в отпуск, другие готовились к отдыху. 22 июня началась война с фашистской Германией. «Первое впечатление, — вспоминает Павел Лукницкий, — ощущение, будто, нарушив космическое равновесие, темная, враждебная масса ворвалась в атмосферу земли. И вслед за сумятицей мысли сразу ясность. И мгновенное решение: МОЕ МЕСТО В СТРОЮ!»[8]

С началом войны в армию ушли мужчины-педагоги: Иконников Борис Петрович, Миренков Иван Георгиевич, Радин Сергей Семенович и другие. Несмотря на отпуск, все учителя собрались в школе. Вскоре поступило распоряжение об эвакуации школьников вместе с учителями. «Эвакуация предполагалась под Лугу, — рассказывала Дорогуш Любовь Алексеевна, заслуженная учительница РСФСР, — существовало убеждение, что война продлится неделю, просили взять летние вещи, к осени вернемся. Учителя составляли списки, ходили по домам, уговаривали родителей согласиться на эвакуацию детей. Через домовые комитеты и детскую поликлинику учителя выявляли детей и предлагали родителям их эвакуировать».

Часть школ города закрывалась, и в их помещениях размещались госпитали и военные объекты. Был оборудован госпиталь в 308-й школе. Часть учеников и учителей во главе с директором эвакуировались, оставшиеся учителя перешли в коллектив 321-й школы. Было составлено расписание дежурств. Вместе с приходившими в школу учениками начали окраску чердаков и других деревянных конструкций, заготавливали и таскали на чердак песок. В городе формировались дивизии народного ополчения. Из трудящихся Фрунзенского района формировалась 3-я дивизия, штаб которой располагался в доме № 20 по улице Правды, наискосок от 321-й школы. Вил Дмитриевич Тарасов, в 1941 году ученик 7-го класса, рассказывал, что он с другими старшеклассниками дежурил посыльным в дивизии народного ополчения. 14 июля 3-я дивизия народного ополчения, усиленная батальоном рабочих Выборгской стороны, отправилась на фронт в район Красного Села. Большинство юношей в старших классах вместе с учителями были направлены на строительство укреплений. Вспоминает ученик школы Лахтин Г. Н. «На третий день войны нас, старшеклассников, вызвали в школу и сказали, что отправляют на спецзадание. Велели вечером явиться, имея кружку, ложку и еды на сутки. Довезли до Белоострова, высадили, и мы пошли походной колонной чудесной белой ночью довольно далеко до места назначения. Место это называлось Мертуть. Там мы строили укрепрайон — рыли рвы, тянули проволочные заграждения строили доты, дзоты. Потом эти укрепления остановили продвижение фашистов к Ленинграду. Там проходил передний

[8] *Лукницкий П. Н.* Сквозь всю блокаду. М.: Воениздат, 1975 (Гл. 1: 22 июня 1941 г.).

край обороны. Через две недели нас срочно перебросили на реку Луга. Там сооружалась лужская линия обороны, на которой пытались остановить немцев. Работали до изнемога, по 12 часов в сутки, после чего прямо падали на землю и засыпали, даже если шел дождь. Вскоре немцы возобновили наступление и нас направили ближе к Ленинграду в район Дудергофа. Мы эти высоты окружили противотанковым рвом».

В конце августа 1941 года немецко-фашистские войска возобновили наступление вдоль шоссе Москва-Ленинград. 30 августа вышли к Неве и перерезали железную дорогу, связывающую Ленинград со страной. С 30 августа наиболее ожесточенные бои развернулись в районе города Красногвардейска, где противник понес большие потери и был остановлен. Однако, прорвавшись через станцию Мга, немецкие войска овладели 8-го сентября Шлиссельбургом (Петрокрепостью) и отрезали Ленинград с суши. Началась блокада города, массовые артиллерийские обстрелы и бомбежки.

Подготовка школы к занятиям. С началом войны в школе создавались посты МПВО. Учителя прошли курсы инструкторов ПВХО, был приобретен необходимый инвентарь. С учащимися проводились занятия по сдаче норм ПВХО, тренировки по наложению повязок. «Старшеклассники, кто не был призван в ополчение, держались ближе к школе, — вспоминает Г. А. Лахтин, — здесь была организована команда МПВО. Комендантом был Коля Агапов, отличный организатор, честный, хороший парень». Дежурство в школе было днем и ночью. Педагогический коллектив школы возглавляла директор Агриппина Галактионовна Паронова, отличный педагог, которая постоянно осуществляла контроль дежурств постов МПВО. Посты школьников менялись каждые четыре часа: с восьми утра до восьми вечера. Во время массовых бомбежек учителя и ученики смогли защитить здание школы от пожаров...

1 сентября 1941 года в школах Ленинграда не начались занятия. Условия боевых действий не позволяли начать учебу. Только в отдельных школах города проводились занятия по математике и литературе с несущими дежурство бойцами МПВО и с группами учащихся — выпускников 7–10 классов. Только 25 октября Ленинградский городской комитет ВКП(б) обязал Ленгорисполком возобновить занятия учащихся 7–10 классов. На период учебного года преподаватели и учащиеся освобождались от трудовой повинности. Для учащихся 1–6 классов занятия организовывались в домохозяйствах. 26 октября приказ Гороно определил программу действий педагогических коллективов. В срок до 31-го октября школы должны были осуществить учет всех учащихся 7–10 классов и до 1 ноября утвердить сеть классов по каждой школе. Гороно требовало обратить особое внимание на обеспечение оборудования военных кабинетов и физкультурных залов. До 28-го октября следовало привести школы в полный порядок, то есть убрать и расставить мебель, подготовить здания школ к зиме: заделать оконные проемы, проверить состояние бомбоубежищ, проверить освещение.

Далее приказ предлагал пересмотреть личный состав команд МПВО и докомплектовать их; пополнить пожарные звенья учащимися мальчиками 9–10 классов, а также в звенья включить учителей. Нужно было проверить все средства и орудия тушения возможных пожаров, пополнить недостающий инвентарь. Предлагалось провести медицинский осмотр учащихся с 31 октября по 2 ноября, а также открыть библиотеки в школах и организовать выдачу книг. Всего в городе открывалось 78 школ, в том числе и 321-я школа на Социалистической улице, дом 7.

В короткий срок была проделана огромная работа по подготовке школ. Учителя начальной школы обходили микрорайон школы, вели разъяснительную работу с родителями, подыскивали удобные помещения, где было бы светло и тепло, вблизи бомбоубежищ. В эти помещения сносили парты, столы, классные доски, учебные пособия. Заботились о дровах и керосине, которые получали от управляющих домов. В школы по решению горкома партии было направлено 37 командиров запаса для проведения военного обучения. За несколько дней до начала занятий в школах открывались киоски, где торговали учебниками, тетрадями и учебными пособиями. Школы были укомплектованы педагогами... «Во всех школах, — сообщала газета “Смена”, — имеются бомбоубежища, а в значительной части и газоубежища». Бомбоубежища 321-й школы находились в домохозяйствах по Социалистической улице (дома № 1, 2, 4, 6), где должны были находиться учащиеся 1–6 классов во время бомбежек.

Начало 1941/42 учебного года. Занятия в начальной школе начались с конца октября. «В бомбоубежище на углу улиц Дзержинского и Садовой приходили ученики разных классов микрорайона, с которыми я занималась, — вспоминает Л. А. Дорогуш, — занятия шли по 2–3 часа. К двум часам они заканчивались». 3-го ноября к занятиям приступили ученики 7–10 классов. В школе открылось восемь классов: три седьмых, один восьмой, два девятых, два десятых. Всего 161 ученик. Уроки начинались в девять часов утра, школа занималась в одну смену. Занятия проводились по сокращенной учебной сетке, в которую

включались основные предметы. 5–8 ноября для детей проводились утренники, школьные библиотеки организовывали для них передвижки, а учителя помогали выпускать детские боевые листки. Главную задачу, которую ставила перед собой школа, это изучение основного материала на уроке и немедленное его закрепление...

В свободное от занятий время ученики дежурили в школе. Рассказывает З. Милютина:

> В ноябре темнота наступает быстро. На чердаке слабо мерцали две синие лампочки — у входа и у выхода. До войны я, как всякая нормальная девочка, была страшной трусихой и жутко боялась темноты... На дежурстве, бойся, не бойся, а обойти весь наш громадный, темный, холодный чердак надо. Мы с Майкой, осторожно ступая на цыпочках, старались не шуметь и не дышать. Шли навстречу друг другу, расходились, прислушивались вновь и вновь, десятки раз шли в темноте. Страшно! Надо осмотреть углы, заглянуть за огромные ванны с водой: не спрятался ли где чужой человек. По сигналу воздушной тревоги на чердак спешили бойцы самозащиты дома. Ну, и нас спроваживали в подвал... Однажды сияющий Толя Казаков принес нам в убежище еще теплую, наполовину расплавленную зажигалку: «Во, какую Вовка Чугунов погасил! Со мной вместе». Все стали хвалить ребят, бомба пошла по рукам.

Положение в осажденном городе в ноябре 1941 года резко ухудшилось. Прекратился подвоз продовольствия через Ладожское озеро. Хлебная норма 20 ноября сократилась для рабочих до 250 г, для служащих, иждивенцев и детей до двенадцати лет — до 125 г. Пищу в школу привозили на тележках, в металлических баках. Столовая находилась на первом этаже, где сейчас находится столярная мастерская. Дети на первое съедали бульон, а на второе крупу. На человека полагалось 20 г. Хлеб дети приносили из дома. С декабря 1941 года начался массовый мор. В столярной мастерской одно из помещений было оборудовано для ослабевших учителей, которые не могли идти домой и оставались в школе. В школе становилось холоднее, замерзали чернила, не хватало дров, топили старыми партами, обломками стульев. Все меньше приходило учеников. Нередко в одном помещении занимались два-три класса. Железная печка и дыхание согревали воздух. Урок продолжался 35–30–25 минут. Уроки заменялись заданиями, консультациями, сдачей зачетов по теме. Заканчивался 1941 год. В школах объявляют о краткосрочных каникулах. Ученики получают табели с отметками за первую четверть.

Зимние каникулы. На каникулах ребят ожидала новогодняя елка. Решением Исполкома Советов депутатов трудящихся Фрунзенского района новогодние елки для учащихся 1–6 классов проводились в двух школах района. Новогодняя елка в 321 школе должна была охватить 2450 учеников. Трест столовых организовал обслуживание участников новогодних елок обедом из трех блюд (без вырезки талонов) и стандартными подарками для детей (несколько штук печенья, несколько штук кураги и конфетка). Билеты на елки продавались, но детям военнослужащих, пенсионеров, опекаемых и остро нуждающихся выдавались бесплатно. Начальник 3-й ГЭС должен был обеспечить школу электроэнергией. Елка в школе проводилась в вестибюле и столовой (нынешняя столярная мастерская).

5 января 1942 года новогодняя елка для школьников-старшеклассников прошла в помещении Театра драмы им. А. С. Пушкина. Заснеженный и пустынный Невский. Света в городе уже давно нет. В фойе стояла огромная сверкающая огнями елка. Играла музыка. Ребята танцевали вокруг елки. Школьники едва держались на ногах, но сколько радости было в их глазах. Этот вечер вспомнил Лев Федорович Брылёв, курсант артиллерийской школы[9]. 5 января 1942 года была елка в Малом театре оперы и балета на площади Искусств. И все повторилось: музыка, концерт, танцы, сверкающая огнями новогодняя елка (из фронтового леса, добытая ценою жизни), а потом угощение в одном из залов. Порядок и здесь был образцовым.

Еще в декабре 1941, когда условия блокады стали особенно тяжелыми, было разрешено прекратить учебные занятия. После январских каникул учебные занятия 7–10 классов продолжались в 39-и ленинградских школах, в том числе в 321-й.

Зима 1941–1942 гг. Об учебе в блокадные дни вспоминают Николай Луцко и Виктор Винокуров, они пришли в 321-ю школу на Социалистической в 10-й класс, где было 12 человек, классным руководителем была Ивашенцева Марфа Дмитриевна, преподаватель математики:

> На уроке она замерзшими пальцами чертит треугольник на доске, увлеченно доказывает теоремы... Доказательство закончено. Марфа Дмитриевна старательно закутывает голову, закладывает руки в рукава и некоторое время молча сидит у стола, согревается. Потом поднимает голову, спрашивает, все ли понятно, есть ли вопросы. В свой класс Марфа Дмитриевна заглядывает на каждой

[9] Из воспоминаний Льва Федоровича Брылёва. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=7179

перемене... После уроков... никто не бежит домой. Возник вопрос о делах на фронте, о Дороге жизни, называются фамилии учеников, которые не посещают школу, даются задания, кого и где нужно посетить. Марфа Дмитриевна с беспокойством говорит о текущих школьных делах и заботах. Преподаватель химии лежит: сильное истощение. Нужно его навещать и пока кем-то заменить... Преподаватель истории эвакуировался на Большую землю. Нашли новую учительницу. Скоро появится преподаватель английского языка.

...Физику преподавал пожилой седой мужчина с белой бородой. На уроках он всегда точно и ясно выражал свою мысль... Часто рассказывал... о блестящих экспериментах великих ученых. Третий предмет — история. Ее преподавала высокая учительница в светлом платье с воротником и в шапке-ушанке. По изможденному лицу и впавшим щекам трудно было установить ее возраст. Иногда она казалась молодой, иногда пожилой. Рассказывала увлеченно и выразительно... За окном тишина, мороз. Слышатся близкие разрывы снарядов. Урок продолжается.

Помимо учебной работы учителя проводили политико-массовую работу в школах, среди населения, в подшефном госпитале в помещении 308-й школы на Бородинской улице. В докладной записке в областной союз работников начальной и средней школы отмечалось, что комсомолки Нина Журавлева и Панфилова «проводят большую политико-массовую работу в школах, и они же являются лучшими учителями 321-й школы». С хорошими докладами о текущем моменте в подшефном госпитале выступал учитель географии Демидов. Скупые цифры сводного отчета Фрунзенского райкома профсоюза работников начальной и средней школы красноречиво говорят о разнообразной деятельности учителей в эти трудные блокадные месяцы. Учителя работали в госпиталях — 28, на эвакопунктах — 250, агитаторами — 18, в райсовете — 30, на трудовых работах — 275, в звеньях самозащиты — 218, шили белье — 75 человек. В районе было 12 эвакуационных пунктов, которые обслуживались силами учителей.

«Часть учителей, — вспоминает Л. А. Дорогуш, — с дружинницами ходили по домам, выявляли детей, оставшихся без родителей, и направляли их в детский приемник района, во Фрунзенский дом пионеров и школьников на Загородном». В приемнике работало несколько учителей школы. В январе 1942 Дорогуш и Бессонова были направлены на работу в детский приемник и считались его работниками, но зарплату получали в школе. В марте 1942 года началась эвакуация детей в Ярославскую область, и с группой детей туда эвакуировалась Любовь Алексеевна. Учителями района проводилась в подшефном госпитале художественная читка, доклады, обслуживание бойцов. Педагоги участвовали в сборе теплых вещей для бойцов Красной Армии. Собрано было 635 (штук) теплых вещей. Организовали и отослали на фронт подарки учителям, добровольно ушедшим на фронт. В дни красного календаря собирались подарки для бойцов подшефного госпиталя.

Учителя болели и умирали. В скорбном списке в музее народного образования Фрунзенского района в школе № 367 записаны фамилии учителей 321-й школы, погибших в блокаду: Алексеев Т. К., Кадинков С. П., Львова И. И., Потехина А. Д., Рудольф Е. Г., Фролова Е. И., Шитрейс П. Б.

Завершение учебного года. Наступила весна 1942 года, которую так ждали ленинградцы. Но весной появились и новые заботы. Зимой город не очищался. Населению угрожал новый смертельный враг — эпидемия. Партийные организации призвали измученных за зиму голодных людей на очистку города. С 27 марта по 8 апреля была назначена уборка, на которой учащиеся были обязаны отработать ежедневно шесть часов. Во Фрунзенском районе в уборке улиц, площадей, дворов участвовало свыше 900 предприятий и учреждений в количестве 12 тысяч человек и 10 тысяч человек, проживающих в домах района. Город был очищен и спасен от эпидемии.

В апреле 1942 г. было принято решение о возобновлении работы школ. Ребята будут учиться в тех же классах, в которые они пришли весной 1941 года... 4 мая возобновились занятия в школах № 99, 301, 306, 314, 316, 317, 318, 319, 321, 322 Фрунзенского района. Здание 301 школы было освобождено от воинской части, 319 — от учреждений военкомата и сборных пунктов. В этот день в школу принято 785 учеников 1–10-х классов, в школе открылся 21 класс. Многие старшеклассники в школу не вернулись. Одни ушли на работу, как В. Д. Тарасов, который в январе 1942 года поступил на телефонную станцию учеником телефониста, другие погибли, третьи эвакуировались. В ноябре 1941 года в школе был 161 старшеклассник, в июне 1942 года их осталось 52, из них 35 девушек. 4 мая на школьных переменах было обычно тихо. Учебная сетка была сокращена до 3-х часов ежедневных занятий в начальной школе, 4-х в средней, 5-и в выпускных. На улицу выносились занятия физкультурой, изучение природы. Во всех старших классах вводился курс агротехники огородных растений, учителя на уроках ботаники рассказывали об употреблении

в пищу дикорастущей зелени, учили ребят отличать съедобные травы от несъедобных. Гороно обязало педагогические коллективы организовать раз в неделю сбор дикорастущих трав, годных для приготовления пищи, на территории расположения школы.

В дневнике Германа Попова, ученика 3-го класса 321 школы, мы читаем строки:

> 25 мая. Погода сегодня хорошая. Было два урока — арифметика и чтение. Мы вспоминали стихотворения и говорили их. Я рассказывал басню Крылова «Волк и кот». Нина Романовна похвалила меня...
>
> 24 мая. Было несколько уроков. Погода хорошая... Пообедали довольно быстро. Кормили ничего себе, хотя есть по-прежнему очень хочу...
>
> 26 мая. Был ужасно длинный урок русского языка. Целый день льет проливной дождь. Но зато деревья в саду совершенно зазеленели. Весна в полном разгаре. Вот только война...

Определились два уклада: для «старых» и «новых», с одними повторяли материал, а с другими проходили новый. На уроках математики часто применялись устные вычисления. Много внимания уделялось индивидуальной работе, т. к. учащиеся часто болели, приходили из разных школ. Были устные сочинения по литературе. Военная тематика: «Храбрость», «Разведка», «Мое участие в обороне Ленинграда» и т. д. Для грамматических разборов подбирались предложения из газет, журналов, книг военно-оборонного характера. 30 июня закончились занятия в школе. Перевода в другие классы не было, т. к. в школе занимались только повторением. По окончании учебного года пять классов школы были переведены в другие школы: 226 учеников перешли в 294 школу и 17 человек в 301 школу. Выпускные экзамены прошли в 10-м классе. 13 десятиклассников их успешно сдали, среди них был отличник. 3 июля во Дворце пионеров состоялся общегородской праздник в честь выпускников, окончивших школу. Начало в два часа, концерт, танцы, подарки — книги с подписью, что ее владелец окончил полный курс школы в Ленинграде в годы Отечественной войны и блокады.

Лето 1942 года. Учебный год приближался к концу, и школы готовились к летней работе. Предприятиям и учреждениям выделялись земельные участки под коллективные и индивидуальные огороды. РОНО Фрунзенского района получило участок в 2 га земли в Парголовском районе и несколько участков в городе — 200 м кв. на Коломенской 4/6, 100 м кв. на Серпуховской 33, 150 м кв. на Транспортном 3 и 300 м кв. на Бородинской 11/13. В июне из сельхозартели им. Кирова был получен и распределен среди работников РОНО семенной картофель.

В 321-й школе по окончании учебного года в 7–10 классах было 53 учащихся, из них 43 девочки. По окончании учебного года часть учащихся начальной школы была эвакуирована, часть уехала в пионерлагеря на станцию Песочная и другие места, часть осталась на летней площадке при школе. 19 июля ленинградский Горком партии и Исполком совета депутатов трудящихся постановили направить учащихся старших классов на сельскохозяйственные работы. По приказу Гороно из шести действующих школ Фрунзенского района на сельскохозяйственные работы привлекалось 753 человека, учащиеся 7–10 классов. Предполагалось создавать бригады не менее пятнадцати и не более тридцати человек, отдельно мальчиков и девочек во главе с учителями. Школьники брали с собой личные принадлежности (одеяло, подушку, две простыни), предметы личной гигиены (полотенце, мыло, зубную щетку), две смены нательного белья и посуду (тарелку, ложку, кружку, вилку, нож).

О жизни школьников в сельскохозяйственном лагере можно получить представление по описанию лагеря в совхозе имени Кирова. Длинный сарай, бывшая конюшня. Внутри два ряда нар. Завернувшись в байковые одеяла, сладко спят ребята. Ровно в шесть часов утра голос ответственного дежурного: «Ребята, вставайте!» Через несколько минут новая команда: «На зарядку становись!» Умываются, готовятся к линейке. Рапорт председателя 316-й школы Люси Ивановой ответственному дежурному. Подъем флага. С восьми часов в лагере дневальные и два дежурных по бараку. Остальные в поле до двенадцати часов. Обед. Тихий час, а с шестнадцати до девятнадцати часов вечера снова работа. Ужин и до 21.30 свободное время (беседы, игры, выпуск боевых листков). В 21.30 линейка и отбой.

Во всех отрядах Фрунзенского района, работавших в совхозах, было организовано социалистическое соревнование. Летом 1942 года в совхозах и на подсобных предприятиях школьники города пропололи 2059 га овощей, собрали 71 256 кг дикорастущих трав, 2367 кг ягод, 1123 кг грибов и 4815,3 тысячи тонн овощей. В воспоминаниях Д. В. Беляева отмечалось: «Ребята старше десяти лет были посланы на “морковку”, занимались выращиванием и заготовкой на зиму овощей. Из “наших” в эту группу попал Коля Алексеев, который осенью вместо второго сразу пошел в третий класс».

В июле 1942 года учителя в школе участвовали в подписке на вторую денежно-вещевую лотерею. Все 347 работников Фрунзенского

РОНО приняли в ней участие, сумма подписки составила 1858 рублей. Активно участвовали учителя и в подписке на военный заем 1942 года. Сумма подписки учителей Фрунзенского района составила 123 тысячи рублей.

Второй блокадный год учебы и жизни

Начало учебного 1942/43 года. В течение лета в школе шла подготовка к новому учебному году. Первого сентября начались занятия в 1–4 классах. Учащиеся 5–10 классов оставались на сельскохозяйственных работах. У них учебный год начнется позднее — 15 октября. В школу пришло 88 первоклассников, составивших два класса. Всего в 1–4 классах к занятиям приступило 345 учеников, из них 74 учившихся в 1941/42 учебном году и 271 вновь поступивших в школу. Коллектив школы состоял из 31 педагога, пионервожатой и 16 технических служащих. В 1942/43 учебном году существовал примерно такой распорядок дня: ученики приходили в школу в 9.15, где до 10.00 шла физкультурная зарядка и завтрак. Затем с 10.00 до 14.00–15.00 шли уроки, далее обед, потом приготовление уроков и внеклассная работа в кружках, с 17.00 до 18.00 был ужин, после чего учащиеся расходились по домам.

В предоктябрьские дни ученики собирали подарки бойцам на фронт, так, в шкафу, стоящем в одном из классов 321-й школы, две полки доверху заполнены подарками фронтовикам. Галя Клишес вышивала белый батистовый платок. Арнольд Артемьев отдал бойцам вечное перо, подаренное ему отцом. Среди подарков можно увидеть кисеты, мыло, бритвенные приборы, конверты, бумагу...

К празднику 7 ноября детям в школах выдавали подарок: клюква, пюре, кедровые орехи. 8 ноября состоялся общегородской воскресник пионеров и школьников «Пионеры — фронту». 96,8% учащихся Ленинграда вышли, чтобы завершить подготовку к зиме (утепление помещений, заготовка дров, противопожарных средств, засыпка чердака песком).

В деятельности школы были большие трудности. Резко изменился состав учащихся школы, многие дети, по разным причинам, имели неодинаковый уровень знаний, часто нарушалась дисциплина, и нередко пропускались уроки. Не случайно при посещении школы инспекторами Гороно и РОНО неоднократно обращалось внимание на то, чтобы воспитатели классов срочно проверяли причины непосещаемости учащимися школы. Нарушился график завозки топлива, его привозили на месяц, и это приводило к понижению температуры до 4–5 градусов, учащиеся сидели в пальто и шапках. Не хватало тетрадей, они выдавались в обмен на исписанные, в городе не хватало туши, и задания по черчению выполнялись в карандаше.

Из-за нехватки электроэнергии перестали проводить киноуроки и использовать проекционные фонари. Учитель физики Домбровский не проводил лабораторных работ и опытов и вел «чисто меловое преподавание физики», хотя возможности для проведения их в школе имелись. Частые обстрелы и бомбежки заставляли школу заниматься ремонтом. «321-я школа Фрунзенского района, — отмечал отчет Гороно, — дважды готовилась к зиме». Ученики активно участвовали в работах по утеплению помещений, установке фанеры в окнах, утеплении водопровода, в заготовке и распиловке дров. «Особенно быстро работали учащиеся по восстановлению школ после вражеских налетов»...

Школьники участвовали в сборе средств на строительство танковой колонны и авиаэскадрильи истребителей. 321-я школа сдала 1300 рублей. Художественная самодеятельность учеников выступала в подшефном госпитале на Бородинской улице. Ученики-тимуровцы восьмого класса доставляли на дом дрова пожилым учительницам. Тимуровцы четвертого класса шефствовали над домами по Загородному проспекту. Носили воду, пилили и кололи дрова для Анны Дмитриевны Львовой, навещали больную Анну Алексеевну Харламову.

Учащиеся школы вели переписку с бойцами Красной Армии подшефной части, адрес которой был 506 ППС, части 208. В письме к бойцам Ада Шевчук, ученица четвертого класса, просила воинов отомстить фашистам за нее и других ребят, которых они сделали сиротами. Пришло письмо из воинской части от гвардии старшины М. В. Страшнева Диме Беляеву:

> Здравствуй, Дима! Благодарю тебя, вашу пионерскую организацию и вашу учительницу за то, что вы написали мне, младшему командиру гвардейской части письмо. Письмо, правда, без адреса, но передали его мне, и поэтому я считаю, оно послано мне лично... Дима, наши орудия каждый день громят собак-немцев. Мы стараемся каждым снарядом мстить за вас — наших городских ребят и за город Ленинград. Недалеко то время, когда вы свободно будете шагать в школу. Мы отомстим врагу за все.

Второе полугодие 1942/43 учебного года. Это время приближалось. В школах встретили Новый год и прошли каникулы. Для старших классов они закончились 7 января, а для младших 11 января. На каникулах состоялся большой

военно-спортивный праздник школьников, соревнования сборных команд в ходьбе на лыжах, в переползании по-пластунски, преодолении барьеров, перевозке пулеметов, транспортировке раненых на волокушах. Прошли также соревнования школьников по скоростному бегу на коньках.

18 января 1943 года была прорвана блокада Ленинграда. Ученик блокадной школы и ее выпускник 1951 года Анатолий Молчанов позднее писал:

Мы ждали прорыва блокады
Полтысячи дней и ночей
В мучениях блокадного ада
Средь тысяч и тысяч смертей.
Сплоченные общим страданием.
Без света, тепла и еды
Мы жили, крепясь ожиданиями,
Единою верой тверды.
...Как медленно он приближался,
Прорыва святой день и час,
И этого дня не дождался
Почти каждый третий из нас.

В третьей четверти учителя заканчивали учебные программы и переходили к повторению. Во всех школах были проведены контрольные работы по иностранному языку, охватившие 5–10 классы. Прекрасные работы были поданы в Гороно учительницей немецкого языка 321-й школы В. Я. Саламатинковой. Интересную работу с учениками проводила Н. А. Залкинд, учительница истории. Отчет Гороно отмечал, что в ряде школ, в том числе и в 321-й школе, «успеваемость учащихся по истории, качество знаний стоит значительно выше среднего». Учебный год закончился 19 мая, и в младших классах начались летние каникулы, а в 7–10 классах это был первый день экзаменов. Приказ Гороно разрешал продлить учебу до первого июня для учащихся, поступивших в школу в середине учебного года. Отменены были экзамены в 4, 5, 6, 8, 9-х классах.

31-го мая младшие школьники собирались на пригородные участки Ленинграда, подсобные хозяйства и позже, сдав экзамены, к ним присоединились старшеклассники. Многие из ребят отправились в пионерлагеря. Для учащихся 1–3 классов, не уехавших в лагеря, и вновь поступающих в первый класс открывались площадки при школе. В школе экзамены сдавали семиклассники. Десятого класса в этом учебном году в школе не было. Экзамены прошли успешно. Вот записи посетившего экзамен по географии 20 мая 1943 года декана географического факультета Института усовершенствования учителей:

> Подготовка к экзамену была проведена тщательно. В чисто убранном классе висели все необходимые карты, в том числе и карта территории, освобожденной Красной Армией. Все школьники первой группы (восемь человек) явились вовремя. Проведенные испытания показали хорошее усвоение учащимися пройденной программы. Умение излагать материал в форме связного рассказа, свободную (за редким исключением) ориентацию на карте. Все ответы были связаны с современностью. Общий вывод: экзамен первой группы седьмого класса свидетельствует о высокой квалификации и добросовестной подготовке к делу учительницы Арсеньевой, а также хорошей организации экзаменационной сессии в 321-й школе.

Отзыв корреспондента ТАСС Ив. Бондаренко был краток: «Впечатления об экзамене по географии самые хорошие. Ребята отвечают уверенно, толково. Знают роль районов в Отечественной войне».

Экзамены в седьмых классах прошли успешно. Все учащиеся перешли в следующий класс. Наступало последнее лето осажденного города. Война, блокада, обстрелы, бомбежки не помешали учебе детей, но они ее очень осложнили. Большие трудности, вставшие перед педагогическим коллективом, были преодолены совместной мужественной работой. Можно гордиться ребятами, которые учились, работали, помогали взрослым в ремонте школы, в уборке помещений, в уходе тимуровцев за сельхозпродукцией и т. д.

Часть II
Школа в 1943—1944 годах

Подготовка к новому учебному году. Летом 1943 года многие ленинградские ребята прекрасно отдохнули в пионерских лагерях и на оздоровительных площадках, ударно трудились в сельскохозяйственных лагерях, накопили много сил и здоровья для учебы и труда. Еще во время 1942–1943 учебного года началась подготовка к поездке в сельскохозяйственный лагерь. Школьники с удовольствием вспоминали о работе и жизни в лагере в прошлом году. В газете «Смена» было опубликовано письмо учениц 5-б класса:

> Мы все были очень рады, когда прошлым летом приехали работать на огороды. Мы знаем, что чем лучше будем работать, тем больше овощей будет у нас зимой. Каждый из нас старался не только выполнить, но и перевыполнить норму. И мы вырастили много хороших овощей. Скоро мы сдадим проверочные

испытания и снова поедем в совхозы. Там и на огородах поработаем, и отдохнем[10].

До 25 июня завершился выезд школьных отрядов на сельскохозяйственные работы. Учащиеся Фрунзенского района выехали в районы станций Пери и Кузьмолово. Ученики 321-й школы трудились хорошо. За большую работу по организации труда и отдыха школьников в пионерских лагерях при совхозах и подсобных хозяйствах и по выращиванию овощей и картофеля для нужд города и фронта Исполком Ленгорсовета наградил грамотами: учителя-бригадира 321-й школы Андрееву А. А., учительницу математики Ивашенцеву М. Д. и учениц пятого класса Зинаиду Быкову и Валентину Глухову. Летом при школе работала оздоровительная площадка. За проявленную заботу о детях, хорошо поставленную работу и оказанную помощь в организации и проведении летней оздоровительной кампании 1943-го года грамотой Исполкома Ленгорсовета была награждена учительница географии Анастасия Филипповна Арсеньева. Летом в школе осуществлялся ремонт. Много волнений вызвали работы по кровле, которые затянулись до 15 сентября. Но школа подготовилась к началу учебного года, и за хорошую работу по подготовке школы Исполком Фрунзенского райсовета объявил благодарность и премировал директора школы Николая Николаевича Горбунова. Благодарности Исполкома райсовета получили учителя А. Ф. Арсеньева, Р. Я. Гессен, Н. А. Болонкин, Борисова, Попова, Мартынова, Мукленова. Директор Н. Н. Горбунов и учителя Болонкин Н. А. и Арсеньева А. Ф. за подготовку школы к новому году были награждены грамотами Исполкома Ленгорсовета.

Особенностью третьего учебного военного года стало введение раздельного обучения мальчиков и девочек. В августе 1943 года Исполком Фрунзенского совета определил сеть мужских и женских школ района. Мужскими стали неполные средние школы № 301, 317, 321, а женскими — неполные средние школы № 291, 299, 307. Средней женской стала 319-я. В мужских школах создавались военные кабинеты и оборудовались физкультурные площадки.

Школа в первом полугодии. 1 сентября 1943 года начались занятия в 1–4 классах. Тысячи ленинградских школьников вновь сели за парты. Так рассказывает о первом дне занятий ученик первого класса 321 школы Витя Караськов:

> Первым уроком было рисование. Каждый рисовал, что захочет. Я нарисовал дом, а сверху советский самолет для охраны дома от фашистов. Очень интересно было, когда мы решали задачу. Я сразу нашел ответ, и мне хотелось об этом сказать вслух. Но я удержался потому, что учительница уже сделала за это другим замечание. Я только руку поднял, как нас учили. Мне очень понравился первый день в школе.

1 октября приступили к учебе учащиеся 5–10 классов, вернувшиеся с полевых работ. В школе открылось по три первых и вторых класса и по два третьих и четвертых. 382 мальчика учились в начальной школе. Пятых классов было два и по одному шестому и седьмому, в которых учились 105 мальчиков. В школе изучали два иностранных языка: английский и немецкий. Было 15 классных помещений, в которых размещалось 14 классов и кабинет пения. Во всех школах города было введено трехразовое горячее питание. Столовая в 321 школе находилась на первом этаже, там, где сейчас находятся столярная мастерская и библиотека. Многое в школе тогда было не так, как сейчас. Например, библиотека была на месте канцелярии. Там, где сейчас гардероб, находились классы, а школьники раздевались в своих классах. Почти все крыло, выходящее на улицу Правды, было закрыто, и занятия там не проводились.

Как вспоминает А. В. Молчанов, который учился в 1943–1945 учебном году в 3-а классе, занятия начинались с 10 часов утра (чтобы меньше включать свет и экономить электроэнергию). В школу ученики ходили не только с портфелями, но и с противогазами, часто тренировались на уроках сидеть в противогазах. После уроков ученики нередко ходили в госпиталь к раненым. Госпиталь был расположен в помещении 308-й школы на Бородинской улице. Дети писали письма под диктовку раненых, которые были не в состоянии сами писать, читали им книги, стихи, пели песни.

К сентябрю 1943 года активных воздушных налетов на Ленинград не было, так как наши зенитчики и истребители не допускали немецкие самолеты к городу. Тогда враг решил бомбежками и обстрелами разрушать город и убивать его жителей. Когда начинался обстрел, вспоминает А. В. Молчанов, учащиеся 321 школы по команде учителя спускались в вестибюль. Дождавшись очередного взрыва снаряда, они перебегали через улицу и спускались в бомбоубежище, которое находилось на Социалистической, 6. Подвалы дома № 6 были оборудованы и для школьных занятий, поэтому, спустившись в бомбоубежище, дети продолжали учиться.

В новом учебном году педагогический коллектив школы оказался в трудном положении. Школу возглавил новый директор Н. Н. Горбунов, до этого работавший в школе учителем

[10] Смена. 14.04.1943.

рисования и черчения, частично изменился педагогический состав и совершенно другим стал ученический коллектив школы: большинство мальчиков пришли из других школ. Одним из самых больных и острых вопросов стал вопрос дисциплины и посещаемости, которая составила в школе 87,1%. Учителя постоянно сталкивались с опозданиями и прогулами учеников. Причины их были разные. В одних случаях выяснялось, что родители не отпускают школьников потому, что они должны сидеть дома с младшими братьями и сестрами, в других — из-за того, что у детей не было одежды и обуви. Часть вышла из-под контроля родителей и не стремилась к учебе. Школа не смогла наладить со стороны классных воспитателей должный контроль за посещением занятий учениками. Расширение микрорайона школы, появление множества новых учеников помешало установлению тесных связей школы и родителей. В результате систематических пропусков уроков в первом полугодии не был аттестован ряд учеников.

Большие сложности возникли с учебной подготовкой учащихся. У учеников был неодинаковый уровень знаний. По разным причинам многие из них пропустили по полгода, по году в прошедшем учебном году и уже в начале года показывали низкий уровень знаний. Эту проблему администрация школы попыталась решить путем перевода недостаточно подготовленных учеников на класс ниже. В сентябре из четвертого класса в третий было переведено 22 ученика. Эти действия директора Н. Н. Горбунова и завуча Малышевой были оценены Ленгороно как грубое нарушение прав учащихся. Администрации школы был объявлен выговор, а учащиеся возвращены в четвертый класс. Ленгороно обязал директора «оказать необходимую помощь учащимся в закреплении знаний и навыков» и предупредил директоров школ, что будет «строго наказывать виновных в ущемлении прав учащихся».

В дальнейшем переводы из класса в класс были, но носили другой характер. Анатолий Молчанов по возрасту должен был учиться в третьем классе, но второй не закончил и учебу начал снова во втором классе. «Я проучился первую четверть, — вспоминает он, — получил табель с четвертными оценками (семь “отл” и одно “хор” по рисованию), и вдруг меня вызывают к завучу. “Толя, — сказала она, — мы посмотрели твои оценки и решили попробовать перевести тебя со второй четверти в третий класс. Я думаю, что ты справишься с программой третьего класса. Ну, а если не сможешь, ничего, не страшно — вернешься во второй”». Учительница Р. С. Зусмановская задавала Толе «на дом больше, чем другим, и спрашивала чаще». Учительница английского языка К. М. Самсонова проводила с ним дополнительные уроки, и через две недели он догнал класс. Вторая четверть была закончена успешно уже в третьем классе.

По приказу Ленгороно от 14 ноября 1943 года в школах города проводились педсоветы, где обсуждались вопросы всеобуча и посещаемости. После педсоветов учителя провели повторную проверку микрорайонов, что позволило резко сократить число необучаемых детей. Если в первом полугодии не было охвачено обучением 1444 человека, то на 1 января 1944 года в школе не обучалось 64. Хороших результатов в учебе и поведении в первом полугодии добиться не удалось. Определенные успехи были. Так, в книге записи посещений 321 школы от 13 декабря есть запись: «Очень хорошее впечатление осталось о дисциплине на уроках класса 3-а, желаю дальнейших успехов в учебе. От шефов капитан-лейтенант Яковлев». Но в целом в отчете Гороно отмечалась неудовлетворительная дисциплина в школе. Успеваемость учащихся в первом полугодии была невысокая, что было связано с недостаточным контролем администрации за работой учителей.

Н. Н. Горбунов, занятый хозяйственными вопросами, во второй четверти посетил всего четыре урока. Одной из причин слабой успеваемости была неудовлетворительная система постановки учета успеваемости, неравномерность опроса, необоснованность вывода четвертных оценок, как отмечалось в приказе Гороно. Отдельные учителя иногда все еще не являлись особым примером подтянутости, аккуратности и четкости. Например, учитель физики вел урок, держа руки в карманах, с поднятым воротником пиджака, в калошах.

В первом полугодии недостаточно внимания уделялось воспитательной работе. Пионерская организация школы создавалась заново. Старших классов в школе не было, комсомольская организация была в стадии становления. В третьих классах прошел прием в пионеры.

> — Готовились к этому акту заблаговременно, — рассказывает Д. Б. Беляев. — Главной проблемой были белые рубашки, которые являлись неотъемлемой частью парадной формы... Принимала нас в пионеры Бела Моисеевна Саминская. Торжественная линейка проходила в зале на первом этаже, рядом со столовой. Для красных галстуков предназначались специальные застежки с зажимом, на которых в пламени пионерского костра горели молот и серп, разделявшие известный лозунг: «Всегда готов!» У кого зажимов не было, завязывали галстуки узлом, отчего они заминались, и приходилось их все время подглаживать, что не было в наших условиях легкой процедурой.

Второе полугодие. Блокада снята. В связи с нехваткой топлива зимой 1943–1944 учебного года температура в классных помещениях составляла 12–15 градусов С, в коридорах — 6–8 градусов С. Кабинет химии вообще не отапливался, поэтому в нем нельзя было заниматься и проводить экспериментальные работы. 11 и 12 января 1944 года из-за неисправности отопления и низкой температуры были отменены занятия. За срыв занятий директор школы Н. И. Горбунов решением Исполкома Ленгороно и приказом Гороно был снят с должности и назначен учителем рисования и черчения. Директором школы стала Нина Михайловна Шестак.

14 января 1944 года, как рассказывает А. В. Молчанов, первый урок в школе шел под гул далекой канонады, Такой мощной артиллерийской подготовкой началась операция по освобождению Ленинграда от блокады. На следующее утро загрохотало уже в городе, правда, далеко от Фрунзенского района. Это были залпы тяжелых орудий наших кораблей, стоявших в Неве и в порту. Но обстрелы продолжались. На второй неделе третьей четверти в дневнике А. В. Молчанова было четыре записи об обстрелах. Несмотря на это школьники продолжали учиться и ждали, что скоро наступит день, когда не надо будет прислушиваться к каждому шуму на улице.

Наконец такой день наступил. Утром в классе обсуждалась радостная новость о том, что наши наступающие войска захватили последнюю фашистскую тяжелую батарею, обстреливавшую Ленинград, о том, что варварские обстрелы города кончились. На уроке дети по привычке встревоженно поднимали головы при любом раскатистом шуме на улице, тут же начинали смеяться над своей настороженностью. Вдруг на втором или третьем уроке послышался знакомый звук — разрыв снаряда. Все были очень удивлены. Директор позвонил в районный штаб МПВО, откуда получил распоряжение подготовить школу к эвакуации в бомбоубежище. В вестибюль стали спускаться классы, но в бомбоубежище пока никто не переходил. Вдруг над головами детей и взрослых что-то грохнуло. Это был снаряд. К счастью, он попал не в ту часть школы, где занимались учащиеся, а в старый купол над закрытой частью школы, выходящей на улицу Правды. Видимо, снаряд был не очень большой, так как купол не разрушился, но в его кирпичной кладке осталась большая и глубокая выбоина. В начале пятидесятых годов 321 школа закрылась на ремонт. Вот тогда на чердаке был обнаружен снаряд. Может быть, это был тот самый, последний. Снаряд не взорвался, а только ударил в купол, сделал в нем большую выбоину, соскользнув, упал на крышу, пробил ее и остался лежать на чердаке. 27 января была полностью снята блокада, и в честь этого в Ленинграде состоялся салют.

Третья четверть 1943/44 учебного года принесла в школу сюрпризы. После каникул изменилась система оценок за учебу и поведение. Цифровая система заменила старые оценки «отлично», «хорошо», «посредственно», «плохо» и «очень плохо». В школах началось изучение нового гимна Советского Союза. В начальной школе на уроках русского языка дети должны были учить текст и читать его выразительно, на уроках пения они учились петь новый гимн. В 5–10 классах эту работу проводили учителя русского языка и литературы, истории, пения, классные руководители. С текстом гимна знакомились на уроках русского языка или литературы, с идейным смыслом на уроках истории, практическое знакомство на уроках пения. Хоровое исполнение гимна отрабатывалось на внеклассных занятиях.

Во второй половине января 1944 года в школе прошли соревнования по ПВХО, в которых участвовали 5–8 классы. За помощь в организации соревнований была награждена грамотой райсовета депутатов пионервожатая школы Цвинева Татьяна Владимировна. 22–23 февраля прошли утренники, посвященные годовщине Красной Армии. «Мы, — вспоминает А. В. Молчанов, — учились уже спокойно, отвыкая от блокадной настороженности, собирали книги для школ освобожденных районов Ленинграда, навещали раненых в госпитале, помогали инвалидам».

При школе имелся стрелковый тир, военный кабинет, спортивная площадка. Работали кружки стрелковые и гранатометные, физкультурные. Военно-физкультурной подготовкой было охвачено 419 учеников начальной школы, начальную военную подготовку изучали 115 учеников 5–7 классов, завершили ее 23 семиклассника. В школе подготовили 54 значкиста БГТО по лыжам. В марте 1944 года проходила проверка проведения обязательной физзарядки в школах Ленинграда. Было отмечено, что в 321 школе утренняя физзарядка проводится не со всеми классами и в помещении. Дисциплина учащихся неудовлетворительная. Военрук школы Виноградов самоустранился от проведения физзарядки, за что ему был объявлен выговор.

В третьей четверти завершилось изучение учебных программ, и учителя переходили к повторению, а ученики, начиная с четвертого класса, готовились к переводным и выпускным экзаменам. В отчете Гороно отмечалось, что в 321 школе особенно старательно и ответственно относится к своей работе, к вопросам методики предмета и повышения квалификации учительница математики Марфа Дмитриевна Ивашенцева,

добивается хороших результатов по арифметике в пятых классах Зинаида Александровна Воскресенская. (В декабре 1943 года коллектив школы и Обком профсоюза работников начальной и средней школы отметили 35-летний юбилей педагогической деятельности З. А. Воскресенской.)

Школа подготовилась к экзаменам. Инспектор Фрунзенского РОНО Небольсина отмечала в книге записи: «13 мая 1944 года проверяла подготовку школы к испытаниям. Программы пройдены. Повторение спланировано в третьей четверти. Расписание испытаний составлено своевременно и вывешено. Расставлены ассистенты». С 19 мая начались экзамены. 20 мая в 4-б классе экзамен по географии вела Арсеньева. Присутствовали еще два педагога и инструктор Фрунзенского РК ВКП(б) Кирсанова, которая так отзывалась об экзамене:

> Ребята, отвечавшие по билетам, справились со всеми заданными вопросами, проявили интерес и любовь к предмету. Отмечаю как положительный результат, что ни один из учеников не просил заменить полученного билета. Дисциплина на уроке хорошая.

На экзамене по истории в пятом классе инструктор ГК ВКП(б) Лукина отмечала, что «интерес к предмету чувствуется и большинство учащихся, 34, хорошо справились с предложенными билетами, но недостаточно развита речь. Дисциплина хорошая».

В 1943/44 учебном году 321 школа работала фактически 205 дней. К концу года увеличилось число учащихся. Если к 15 сентября 1943 года в школе обучалось 487 человек (1–7 классы), то к концу года — 541. Из них 364 были переведены в следующий класс, 50 оставлено на второй год и 97 — на осенние испытания. 9 июня 1944 года ЛГК ВКП(б) и Ленгорисполком постановили мобилизовать учащихся 5–9 классов на сельскохозяйственные работы в совхозах и подсобных хозяйствах. Еще в мае при каждой действующей школе была создана ремонтно-восстановительная бригада из пятнадцати человек учащихся 6–9 классов. Они были освобождены от сельскохозяйственных работ летом. Каждому члену бригады школа выдала спецодежду и легкую летнюю обувь. С 30 июня был установлен рабочий день ремонтно-восстановительной бригады: 5–7 классы — 6 часов (3 часа утром и 3 после обеда), 8–9 классы — 8 часов (5 утром и 3 после обеда). Учащимся выдавались продовольственные карточки по норме рабочих. Школы оплачивали их труд два раза в месяц.

С 12 по 30 июня проводился военно-лагерный сбор учащихся 8–9 классов, а с 1 по 15 июля военно-лагерный сбор младших командиров из учащихся мужских школ. Летом проходило восстановление и ремонт школьных зданий, подготовка их к учебному году. На ремонт кровли, системы отопления, классных помещений, разрушений от обстрелов было затрачено сто тысяч рублей.

Последний военный год

Трудности учебной работы. 1 сентября начался новый учебный год в младших классах, а в старших классах занятия начались 2 октября. О начале работы 321 школы так отзывался представитель отдела народного образования: «Обследование школы, произведенное мной 2 октября в старших классах, произвело на меня благоприятное впечатление. Чувствуется большая подготовительная работа, благодаря которой так организованно прошло начало занятий. Хочется пожелать, чтобы в дальнейшем школа работала так же хорошо, как сегодня».

В 321 школе к началу года насчитывалось 29 классов, из них 19 — это 1–4 классы, 3 пятых, по 2 шестых и седьмых и по одному 8–10 классов. Всего обучалось 1035 человек. Все учащиеся занимались в первую смену. В школе было 43 учителя, из них 1 учитель музыки и пения, 1 — рисования и черчения, 3 — физкультуры и военного дела и 2 учителя продленного дня.

Новый учебный 1944/45 год принес перемены. Обучение детей в школе начиналось с семи лет, вводились, начиная с 4 класса, переводные и выпускные экзамены во всех классах, выпускники-отличники 10-х классов награждались золотыми и серебряными медалями. В течение всего года школа испытывала постоянный приток учащихся, которые вместе с родителями возвращались в родной город из эвакуации. Многие из них не смогли учиться от года до трех лет. Особенно трудное положение было с иностранными языками. Все это требовало четкого определения задач и методов работы перед педагогическим коллективом.

Директор школы Н. М. Шестак использовала для этого форму педсоветов. За год было проведено 20 педсоветов, обсуждавших план работы школы, по четвертям и за год, о повторении, о культуре устной и письменной речи, о работе пионерской организации и выпускных классов. На одном из педсоветов обсуждался доклад завуча Лесниченко Г. С. о состоянии преподавания, проверке и анализе качества работ, о состоянии грамотности в выпускных классах. Прошел педсовет о состоянии военной и физкультурной работы.

Администрация просматривала планы уроков, помогала готовить доклады к педсоветам,

посещала уроки учителей. За учебный год Н. М. Шестак посетила 93 урока, а завуч Г. С. Лесниченко 140. Четко была спланирована работа по контролю, выработаны общие требования к урокам учителей. Кроме посещения отдельных уроков в течение нескольких дней посещались классы одной параллели директором и завучем. Завершилась работа совещанием учителей данной параллели. После фронтальной проверки тетрадей в 1–3 классах ставился вопрос о состоянии тетрадей в начальной школе. Директор хорошо знала работу учителей, а завуч четко и вдумчиво планировала ее, с большим тактом подходила к работе учителей и не снижала требований. В школе была налажена работа методических объединений и практиковалось взаимное посещение уроков. Молодые, недостаточно опытные учителя посещали уроки опытных товарищей, которые всегда приходили на помощь.

Очень сложным делом оказалась организация повторения, так как многим учащимся приходилось учить материал. Повторение было начато с начала учебного года и планировалось в течение всего года. Попутно с изучением нового материала на отдельных уроках было организовано и повторение старого. Например, по русскому языку при прохождении материала причастных и деепричастных оборотов повторялись причастные и деепричастные частицы. Сложносочиненные предложения сопоставлялись с однородными членами предложения. Учителя русского языка 321 школы Арефьева М. А. и Бари А. А. при повторении использовали специальные карточки, в которых указывали литературный материал и к нему грамматические вопросы для разбора. Это дало положительный результат. Учительница математики Иванова М. И. организовала повторение дробей следующим образом: была проведена конференция между двумя четвертыми классами, где учащиеся задавали друг другу вопросы. По истории материал повторялся в конце крупных разделов путем составления синхронистических таблиц.

Учитель математики М. Д. Ивашенцева давала отдельные темы для самостоятельного повторения с последующими докладами учащихся, отдельные задания из 10–15 примеров и задач сроком на 10–15 дней с охватом определенной темы повторения. В каждую контрольную работу она включала вопрос в виде повторения примера, задачи, доказательства, задачи на построение и т. д. Учитель математики в пятых классах 321 школы Воскресенская З. А. уделила много времени на дополнительную работу по подравниванию учащихся. Большая работа проводилась ею по решению задач с полным объяснением в письменной форме.

Трудность в изучении истории заключалась в том, что учащиеся не могли самостоятельно разобраться в тексте учебника, и учителям приходилось тратить много времени на работу с текстом. В 5–7 классах большое внимание уделялось повторению. Особенно сложен был седьмой класс, так как был большой материал по истории средних веков, и к тому же приходилось повторять 5–6 классы. Учитель истории Карякина В. Ф. активно использовала словесную наглядность, зачитывая отрывки из различных исторических сочинений. Она практиковала устные доклады с целью приучить учащихся использовать источники, показывала их происхождение.

Педагогическую запущенность обнаружил десятый класс 321 школы. Первую диктовку из девяти только два написали на оценку «3». Плохо обстояло дело с сочинениями. Учитель литературы Т. Н. Дьяконова разработала систему приемов. Для грамматических упражнений подбирался литературный материал из различных литературных произведений классиков. Грамматический разбор связывался со стилистическим. Повторение грамматики, повторение литературы шло путем домашней самостоятельной работы: краткие и развернутые доклады, ответы на вопросы. Все это дало хороший результат. Учитель А. П. Попова проводила серьезную работу по развитию речи. Она учила сознательному чтению и умению связанно и хорошо передать содержание прочитанного. Она глубоко и вдумчиво работала над преодолением формализма в курсе литературного чтения 5–7 классов, над умением ставить вопросы, заставляющие учащихся думать.

В десятом классе много внимания уделялось обучению самостоятельной работе с книгой. В школе было организовано систематическое чтение во внеклассное время, рекомендация книг для внеклассного чтения, проводились читательские конференции. Для воспитания культурной речи была проведена конференция по темам «Дружба», «Наши вожди», «Отечественная война и ее герои». В работе над культурой речи участвовали и учителя географии Лесниченко Г. С. и Арсеньева М. Ф. Они требовали правильного произношения географических терминов, объяснения происхождения отдельных слов.

Воспитательная работа. В школе в 1944/45 учебном году работал методический кабинет, организовавший обмен опытом учителей, выдачу пособий учителям, обобщавший опыт по изготовлению наглядных пособий. Учитель математики Ивашенцева М. Д. при помощи учащихся провела большую работу по изготовлению наглядных пособий для школы и районного методического кабинета. Баженова С. Г. учитель

естествознания, применяла пособия, сделанные учащимися (схема самоопыления, приспособление цветов для устранения самоопыления и т. д.). В школе постоянно выполнялись лабораторные работы, особенно по физике и естествознанию. На этих уроках, а также на уроках географии и истории почетное место занял показ кинофильмов. Учителя естествознания использовали 45 кинофильмов, а это больше, чем в других школах Фрунзенского района. Ставились опыты и наблюдения дома с последующими докладами в классе. Учащиеся изготавливали схемы и таблицы, посещали лекции во Дворце пионеров (8-й класс посетил четыре лекции, 9-й — три лекции).

Учитель географии Лесниченко Г. С. большое внимание уделила на уроке в 6–7 классах вопросам международного положения в связи с победами Красной Армии, вопросам восстановления хозяйства. Учащиеся были разбиты на группы по изучению отдельных районов, следили за периодической печатью, делали вырезки из газет и журналов. В 321 школе был физический кружок. Члены кружка под руководством учителя Саперсон С. М. готовили опыты, учились правильно обращаться с аппаратурой, чинили и собирали приборы. Кружок имел и прикладной характер: мелкий ремонт электропроводки, демонстрация кинофильмов. Был организован вечер «Тепловые машины».

Учителя и классные руководители проводили воспитательную работу. С 24 по 27 октября 1944 года школы Фрунзенского района посетили выставку «Героическая оборона Ленинграда». Группы учащихся на двухчасовую экскурсию определялись директорами школ. В школах отмечалось 175-летие со дня рождения И. А. Крылова. Как указывалось в отчете, в 321 школе был изготовлен «прекрасно оформленный бюллетень по Крылову», который был представлен на выставку в институт.

2 января 1945 года проводились соревнования среди учащихся по стрельбе на первенство школ города и личное первенство. Участвовали школьные команды всех районов, за исключением Куйбышевского и Ленинского районов. Команды средних школ соревновались в стрельбе на дистанции 50 м. Отличный индивидуальный результат показал ученик 321 школы Дмитриев. Команды-победительницы и индивидуальные победители получили премию — лыжи. С 11 января во всех школах вводилась массовая подготовка по лыжам, 20 и 30 часов. Из них 10 часов — в учебное время, остальные — во внешкольное. Обучение завершилось лыжными соревнованиями на первенство школ и районов.

С 15 января по 1 февраля в школах отмечался юбилей А. С. Грибоедова, 150-летие со дня рождения. Были проведены беседы, литературно-художественные утренники и вечера, посвященные великому классику. А 27-го января первым уроком был урок мужества — беседы о победе под Ленинградом. В 1944/45 учебном году во всех школах были организованы комнаты продленного дня для учащихся первых классов с трехразовым питанием. Недостатком в работе этих комнат была утомляемость детей из-за отсутствия сна.

В школе проходила интенсивная работа по изучению правил для учащихся. Постоянно выходили сатирические газеты. В отчете РОНО указывалось, что 321-я школа одна из лучших школ района по выполнению правил для учащихся. Большую помощь в воспитательной работе оказывала учительница физкультуры Мария Георгиевна Громова. Она вела драматический кружок, ставила спектакли «Сказка о царе Салтане», «Сказка о рыбаке и рыбке». Дети играли, делали декорации, изготовляли костюмы, играли женские роли; например, ученик Волчий Аркадий играл рыбака, а Феркович-Вильгорский — старуху. Как вспоминает Конюхова Лариса Александровна (ныне учитель английского языка), познакомившаяся с Громовой М. Г. спустя тринадцать лет после войны:

> На первый взгляд она производила впечатление подвижного, активного и, возможно, властного человека. При своем сравнительно небольшом росте, где-то около 160 см, она обладала изумительным даром организовывать массовые мероприятия, в которых принимали участие учащиеся не одного, а около десяти классов одновременно. Это были сказочные зрелища, и их стоило смотреть. Красочно оформленные, они производили ошеломляющее впечатление. Все дети — в нарядных ярких костюмах, сшитых, уверена, руками родителей, — а это нужно было суметь организовать. Это были спектакли с песнями, танцами, иногда целые оперы на сюжеты детских сказок. Школа буквально оживала в дни представлений и по окончании каждого из них с нетерпением ждала следующего.

Весна 1945 года. Победа. 1944/45 учебный год подходил к концу. Приближалась к концу и Великая Отечественная война. Ленинградцы с нетерпением ждали сообщения о Победе. 9 мая в 2 часа 10 минут ночи радио разбудило жителей города, было передано долгожданное сообщение о Победе. Сотнями загорались окна в домах, люди стучались к соседям, обнимались, выходили на улицы. Радостный гомон и крики ликования раздавались отовсюду. С утра площади, улицы,

скверы заполнили толпы людей. Было много детворы, потому что школы 9 мая впервые тоже не работали. Днем во всех районах города состоялись грандиозные митинги, а вечером над Невой вспыхнули огни праздничного фейерверка. Так ленинградцы встретили День Победы.

15 мая завершился учебный год в десятых классах, а в остальных он закончился 19 мая. Вскоре начались экзамены, которые подводили итоги большой работе, проделанной учителями. На экзамене по русскому языку ученики четвертого «запущенного» класса показали «прочные четкие знания». Учительница этого класса Ефимович Е. В. была одной из лучших учителей Фрунзенского района. Выразительное, громкое, с правильным произношением слов и с логическим ударением чтение показали ученики четвертого класса учителя Н. Б. Осетинской. Но на экзамене по истории учащиеся не давали связанного рассказа, путались с определением века. Недостаточной была работа с исторической картой, картиной, усвоением хронологии, культурой устной и письменной речи учащихся. Из 97 четвероклассников 34 получили оценку «5», 30 — «4», 31 — «3» и двое получили «2».

Хороших результатов добилась учительница 6–7 классов Вейц А. С., только в этом учебном году начавшая работу в школе. На экзамене учащиеся показали хорошую подготовку по алгебре и геометрии. Они разбирали задачи на построение, анализировали и исследовали задачу, давали несколько решений одной и той же задачи. Язык у учеников был строго математическим, точным, без лишних слов. Семиклассники на экзамене по истории показали понимание материала. Ученики объясняли, почему парламент эпохи Тюдоров был послушным парламентом, а парламент первых Стюартов — непослушным. По итогам испытаний 16 учащихся получили оценку «5», 15 — «4», 8 — «3» и 1 — «2». Это был и первый экзамен для учительницы Карякиной В. Ф., начинающего педагога, которая «втянулась в работу и почувствовала твердую почву под ногами».

Из всех десятых классов Фрунзенского района более высокое качество знаний показал класс 321 школы. Литературу в десятом классе вела Дьяконова Т. Н. Темы сочинений на экзамене были такие: «Идейное богатство и душевная красота героев романа М. Горького “Мать”», «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы», «Слово о полку Игореве». Последняя тема оказалась трудной для учащихся, так как они проходили ее не в подлиннике, а усваивали содержание со слов учителя или со страниц учебного пособия. На экзамене по литературе учащиеся показали «прекрасные знания» и грамотность в экзаменационных сочинениях. Из 7 десятиклассников 5 сдали экзамены почти по всем предметам на «5». Среди лучших учителей по литературе Фрунзенского района названы Дьяконова Т. Н. и Попова А. П.

Экзамен по математике в десятом классе (учитель Ивашенцева М. Д.) показал «крепкие» теоретические знания учащихся, которые излагались строго математически с полным объяснением. Упражнения выполнялись быстро и свободно. Пять учеников получили оценку «5» по трем предметам (алгебра, геометрия, тригонометрия), один получил по всем предметам «4» и один учащийся получил две «3» и одну «4». Ивашенцева, Вейн и Воскресенская были названы лучшими учителями математики среди других учителей района.

Об экзамене по истории в десятом классе (учитель Миникес Н. М.) так отзывался доцент Фридкин: «Глубина знаний, умение их выразить, строгая логика без лишних слов, скупо и четко. Особенно радует отсутствие штампа. Все учащиеся убежденно говорили и доказывали свои положения». В отчете Гороно отмечалось, что на экзаменах по истории в десятых классах лучшие знания обнаружили ученики 47, 272, 307 и 321 школ. В этих школах учащиеся умели дать характеристику и оценку выдающимся историческим деятелям и явлениям, умели связать знания учебника с рассказом учителя, привлекали дополнительный материал из художественной литературы, из работ классиков марксизма-ленинизма. Среди лучших учителей истории во Фрунзенском районе были названы учителя 321 школы Карякина В. Ф. и Миникес Н. М.

На экзаменах по химии в 7–10 классах 321 школы учащиеся показали «глубокие и серьезные знания». Преподавание химии в течение года шло на высоком уровне, широко использовались экспериментальные работы в химическом кабинете. Экзамен в десятом классе 5 человек сдали на «5» и 2 — на «3». Среди лучших физиков Фрунзенского района была названа и учитель 321 школы Саперсон С. И. Об экзамене по физике в десятом классе отзывался инспектор РОНО Фрунзенского района:

> Учащиеся показали хорошее знание курса и умение применять теоретические знания на практике. Знание приборов и умение ими пользоваться. Всем учащимся ставились дополнительные вопросы. Особенно положительное впечатление произвели ответы учащихся Соловьева и Калашникова, особенно у последнего умение применять на практике полученные теоретические знания.

На экзамене по физике присутствовал представитель Райисполкома В. Платонова, которая отмечала:

Учащиеся показали прекрасные и твердые знания. Особенно радует полное понимание законов физики и умение применить их к практическим вопросам. На дополнительные вопросы, поставленные мной, ответы были правильные и полные. Особенно хорошее впечатление произвел ученик Соловьев — хорошей речью и глубиной понимания материала.

В 1944/45 учебном году 321 школа фактически проработала 209 дней. К концу года обучалось 1053 ученика, из них 198 было оставлено на второй год, а 125 — на осенние испытания. Три выпускника получили золотые медали: Соколов Анатолий, Соловьев Виктор, Зив Борис. В конце года не училось шесть человек: два больных и четыре по неуважительным причинам. Были исключены пять учащихся: три за хулиганство и два за неуспеваемость. Такими были итоги работы школы за последний военный учебный год.

* * *

Великая Отечественная война не остановила работу школы. Учителя много сделали для обучения и воспитания детей в сложные для страны годы, и в этом их великая заслуга. Можно гордиться людьми, которым пришлось учить и работать в условиях войны и блокады. 321-я школа продолжила славные традиции, заложенные во время Великой Отечественной войны. За 1945–1961 годы 62 ученика получили золотые медали и 91 — серебряные. Их списки висят в актовом зале школы, и именно фамилии трех выпускников 1944/45 учебного года открывают ряд памятных досок с именами учеников, окончивших школу с медалью.

Приложение III-15.5

Школа Ленинграда в дни Великой Отечественной войны в воспоминаниях учащихся (Ленинград, 1949)

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2

Воспоминания учащихся 239-й школы Октябрьского района о блокадной жизни были представлены на Городской педагогической выставке в 1949 году. Большую работу по сбору уникального документального материала проделала учительница истории этой школы Ксения Владимировна Ползикова-Рубец, автор книги «Они учились в Ленинграде».

Небольшие тексты, расположенные в хронологическом порядке, отражают личностное восприятие школьниками тех событий, к которым они оказались причастны как полноправные участники защиты осажденного города. В ряде случаев в изложение фактов «встроены» все необходимые «взрослые» идеологические отсылки, достаточно хорошо и искренне усвоенные старшими подростками. Но чаще всего это живые и по-детски непосредственные рассказы. И в том и в другом случае перед нами подлинные исторические свидетельства огромного вклада учащихся в блокадный подвиг Ленинграда.

Галина Тиванова,
ученица 10-го класса 239-й школы

Первый день занятий в школе города-фронта

Идет война... В это лето 1941 года из города не уезжали. Почти все ученики оставались в городе. Ребята не теряли связи со школой, со своими одноклассниками. Некоторые из них дежурили в своих школах. Иногда по просьбе администрации школы разносили повестки, работали в военкомате. Время шло, но мы не скучали и втянулись в новую для нас работу. Однако приближалось 1-е сентября, а о начале занятий ничего не было слышно. Мы стали искать в газетах заметки, где сообщалось бы что-нибудь о школе, но, увы, об этом в газетах ничего не было.

Пришел октябрь, а мы все еще не начали заниматься. Тогда ребята решили, что раз идет война, следовательно, занятий в этом году не будет. В течение всего сентября мы мало думали об учебе и, можно сказать, не особенно расстраивались. Однако сейчас, в октябре, нам всем уже хотелось посидеть за партой, а дома заняться уроками. Нас стало тянуть в школу. Когда же время перешло за 15 октября, мы уже стали не на шутку волноваться. «А что, если и верно, занятий не будет?» — испуганно говорили ребята. Теперь мы еще чаще стали посещать школу, расспрашивали педагогов, но никто ничего определенного не знал.

А время шло своим чередом. И вот однажды, зайдя, как всегда, в школу, мы, к своей радости, увидели объявление, где сообщалось о регистрации учащихся. Так как мы все имели друг с другом связь, эта радостная весть в тот же день облетела всех ребят. Оказалось, что вместе с нами в одном и том же помещении должны были заниматься учащиеся еще шести школ Октябрьского района, так как в связи с военным временем их здания были отведены под госпитали и военные части. Мы особенно были горды тем, что заниматься будем в своей школе. Предварительно все прошли медицинский осмотр и стали ждать дальнейших распоряжений. Наконец, 24 октября в школе появилось извещение о начале занятий 26 октября.

Вечером 25 октября я собрала книги и страшно волновалась, чтобы меня вовремя разбудили — хотелось первой прийти в школу. Ночью не спалось, все думала, как проведу завтра день в школе, и каков же новый состав. Оказалось, что я заснула только под утро, потому что прошло сравнительно мало времени, а меня уже будили. Я быстро встала, оделась и побежала в школу. Но, очевидно, в этот день все старались прийти как можно раньше, поэтому в школе было уже полно ребят. После длительного перерыва мы, наконец, начали заниматься.

Давно в этих стенах не слышно было такого веселого смеха, таких звонких голосов. Школа ожила, да и ребята выглядели такими праздничными. Коридоры и классы полны учеников. Все встречаются со своими педагогами, рассказывают последние новости, интересуются отсутствующими. В этом году состав ребят крайне разнообразен: много новых учеников, много и новых педагогов. Ребята чувствуют себя не совсем уверенно на новом месте и очень рады, когда встречают своих старых учителей. Тогда они чувствуют себя менее одинокими, не «новенькими», как мы их называли. Педагогам, конечно, труднее будет заниматься с новыми учащимися, а ребятам нужно познакомиться и привыкать к своим учителям. Наконец, раздается звонок. Все расходятся по классам, и в школе на 45 минут водворяется полная тишина. Идет первый урок в этом новом учебном году.

А. Виленчик, Н. Скворцов,
ученики 7-го класса 239-й школы;
Т. Капица, ученица 9-го класса
239-й средней женской школы
Октябрьского района г. Ленинграда

Учеба зимой 1941—1942 года

Учеба прошлой зимой — одна из наиболее замечательных и героических страниц в жизни осажденного Ленинграда. Это время навсегда останется в памяти ребят и преподавателей. Занятия в 1941 учебном году начались с большим опозданием, незадолго перед Октябрьскими праздниками. Ребят, записавшихся в школу, было так много, что пришлось создавать по 3–4 параллельных класса. В первые дни занятия пошли нормально, но потом начался период частых воздушных тревог. Ребята спускались в бомбоубежище. Сидеть там приходилось долго, так как тревоги продолжались по три, по четыре часа. Иногда они бывали непродолжительными, но следовали одна за другой. В таких условиях в классах заниматься было невозможно, и ребята стали заниматься в бомбоубежище.

Школу посещало все меньше и меньше ребят. Остались только 8-е, 7-е и 6-е классы, в них было по 20–25 человек. Некоторые ребята ходили в школу только затем, чтобы получить тарелку жидкого супа, но многие из нас посещали школу, так как хотели учиться. Вскоре наступили зимние каникулы. Наиболее выдающимся

событием на каникулах была новогодняя елка. Для маленьких она была проведена в школе, для старших в Малом театре.

Занятия в 7–10-х классах начались сразу после каникул, 20 января, а в 6-м классе — 2 февраля. Ученики 6-го класса сами ходили к директору до тех пор, пока с ними не согласились заниматься. В феврале условия для занятий были необычно трудные. Придешь, бывало, в школу, а в классе темно, холодно, как в погребе. За ночь чернила промерзли до дна. Возьмешь чернильницу в руки и начинаешь дуть, чтобы отогреть ее своим дыханием. Только перестанешь дуть, она опять покроется ледяной коркой. На переменах не было никакой беготни по коридорам и залам. Шумели мы только в столовой. Всем хотелось скорей получить тарелку супа, который выдавался только тем, кто был на занятиях. О качестве супа можно было судить по тому, что стоил он 5–10 копеек, но тогда всем казалось, что ничего лучшего и быть не может. На перемене, бывало, наберем где-нибудь щепок или палок, затопим печку, сядем полукругом около огня, и тут начинаются бесконечные разговоры о еде. Учителя с этим боролись и в шутку обещали за такие разговоры штрафовать.

На уроках мы писали в перчатках, сидели, закутавшись, в пальто. Преподаватели очень внимательно относились к нам. Они нарочно подбирали такой материал, который хотя бы немного развеселил нас, да и мы сами старались «не скисать». Как-то на уроке истории в 7-м классе произошел такой случай: преподаватель истории Ксения Владимировна задала следующий вопрос: «Кто открыл Индию?» Ученица Орлова, быстро встав с места, ответила в шутку: «Леонардо да Винчи». Или такой случай: первый урок в 6-м классе идет в темном классе. Нам очень холодно, клонит ко сну. Ксения Владимировна говорит: «Ребята, ведь и темнота интересна. Кончится война, и вы долго, долго будете вспоминать и рассказывать, как вы отвечали урок истории впотьмах». Учителя часто придумывали интересные рассказы, чтобы как-нибудь развлечь нас, поднять бодрость.

Наш класс очень сдружился за это время. Мы вместе учили уроки, объясняли неясное тем, кто плохо понимал, следили, чтобы ребята не пропускали занятий. Нас всего было 12 человек, но мы всегда были вместе. Весной мы всем классом ходили на ступенях Исаакиевского собора греться на солнышке. Некоторые учителя стали нашему классу давать уроки в саду. Мы сидели на скамейках, как на жердочках, а учителю ставили другую скамейку против нас. Прохожие улыбались, глядя на такую необычную веселую школу.

С 4 мая в школе стали заниматься все классы. Эта многолюдная, шумная школа была не похожа на ту школу, которая была зимой. Мы себя называли «зимниками», а остальных — «дикими», так как многие от сидения дома «одичали» и вели себя не как школьники. Так, например, один малыш, когда Ксения Владимировна потребовала, чтобы во время «ВТ» он спускался в бомбоубежище, сказал ей: «Ишь, тетка, чего захотела! Я тебе не трус, чтобы идти в бомбоубежище».

В мае ученики, которые посещали школу всю зиму, стали готовиться к испытаниям. В конце месяца все ученики сдали испытания и перешли в следующий класс. На время каникул ученики поехали на огороды, чтобы посильно помочь Родине, Красной Армии, городу-фронту.

Гурбанова Алла,
ученица 10-го класса

Зимой 1941—1942 года

Зиму 1941–1942 года я провела в Ленинграде, училась в 239-й школе. В самом начале учебного года в школе было три восьмых класса, в конце же декабря остался только один. Многие эвакуировались, некоторые предпочли сидеть дома, и только немногие продолжали заниматься. После слияния трех классов один наш класс стал многочисленным, насчитывая свыше 30 человек. С течением времени это количество уменьшилось до 10. Я никогда не предполагала, что мне придется заниматься в таких тяжелых условиях. Однако все пришлось пережить.

В декабре в городе ухудшилось положение с продовольствием. Приходилось пропускать иногда школу, чтобы выкупить продукты, которые выдавались по карточкам. Как раз в это время участились налеты немецких самолетов. Иногда в школе нам приходилось до 6–7 раз в течение дня спускаться в бомбоубежище. Когда воздушные тревоги стали более продолжительными, уроки проводились в бомбоубежище. В глубине часто доносились глухие удары, от которых содрогалось все здание школы — значит, где-нибудь недалеко упала бомба. Мальчики сразу же определяли, какая это бомба, где она упала, а вскоре и девочки усвоили все звуковые особенности падения и разрыва бомб.

Тревога иной раз продолжалась до 4–5 часов. Уроки кончались, и тогда между педагогами и учениками завязывалась непринужденная беседа. Темы для бесед у нас были обширные. Очень мы полюбили политинформации, которые проводил покойный Александр Маркович Москалев. Часто мы просили его рассказать нам о создавшейся обстановке и объяснить некоторые непонятные места в сводках Информбюро.

Об Александре Марковиче у меня осталось очень теплое воспоминание. Я его знала, когда он был преподавателем географии в 7-м классе в мирное время. Его уроки все ребята очень любили и охотно к ним готовились. Занятия по географии проходили очень весело и оживленно.

Разговоры в убежище очень часто вращались вокруг одной темы — еды. Ксения Владимировна предложила брать штрафы за эти «вредные» разговоры. Проштрафившихся было много, очень трудно было пересилить себя и не говорить о том, что тебя тогда сильнее всего мучило. Конечно, штрафов на самом деле никто ни с кого не брал.

Наступили каникулы, но я их не ждала, как бывало прежде. Мне гораздо легче было в школе, чем дома. В школе время шло скорее, да и голова у тебя все время была занята уроками. Во время зимних каникул для старших классов была организована новогодняя елка в помещении Малого оперного театра. Там нам был показан спектакль «Овод» и устроен праздничный обед. «Гвоздем» программы был, разумеется, обед. Однако в этом учебном году каникулы продолжались до 20 января. Когда у нас возобновились занятия, в нашем классе число учеников снизилось до пяти.

После каникул начались занятия только в 7–10-х классах. Ребята 6-го класса, в свою очередь, добились разрешения заниматься (по распоряжению Гороно 6-й класс не должен был заниматься). Двенадцать ребят этого класса были необычайно дружны и следили за тем, чтобы школу посещали все. В одной комнате иногда занимались два-три класса: 10-й, 9-й и 8-й. В школе не было дров, не было возможности отопить такое большое помещение. Заниматься было очень трудно, одежду нельзя было снимать, так и делали все записи, не снимая варежек. Единственное, что согревало нас, это обед, который состоял из одной, иногда и двух тарелок супа. В это время уроки продолжались только 30 минут, опять-таки из-за холода.

Часть учебных предметов была сокращена распоряжением Гороно, часть не могла проводиться из-за болезни или из-за отсутствия учителей. Учебный день начинался в 10 часов, кончался в 2 часа. Расписание уроков было несложное: литература, история, биология и немецкий язык. Регулярнее всего у нас проходили уроки литературы (Анна Карловна), истории (Ксения Владимировна), химии (Клавдия Сергеевна), биологии (Александр Александрович) и немецкого языка (Адель Генриховна). Математики почти целый месяц не было из-за болезни преподавателя. Готовить уроки приходилось при свете коптилки, так как керосину не было. Мы старались готовить между уроками и обедом.

Уроки немецкого языка мы часто проводили у печки. Соберемся вокруг нее вместе с Аделью Генриховной и отвечаем урок. В самое светлое время от нашего когда-то многочисленного класса осталось только 5 человек: Лида Софронова, Олег Колобов, Галя Тибанова, Боба Рабинович и я. В это время маленький наш коллектив потерял одного своего члена, Юру Шпатова. Он умер от дистрофии. Я его очень хорошо знала, так как училась с ним с 1-го класса. Когда подул весенний ветерок, увеличился и состав класса. Стали посещать школу Алеша Вернер и Нина Кураскова. В начале марта к нам перевели несколько человек из 240-й школы: Веру Иванову, Клаву Кудрявцеву, Лиду Лиленко, Ирину Аглиш и Рину Зинченко. Последней было очень далеко ходить в школу, так как она жила на улице Стачек, другой же школы поблизости не было.

К середине апреля мы праздновали победу: наш класс увеличился до 15 человек. В таком количестве мы и окончили учебный год. 4 мая в школу пришло еще пополнение. Начались занятия в младших классах и возобновились в тех средних классах, где занятий не было из-за отсутствия педагогов. Новое пополнение, особенно младшие ребята, причинило вначале нам много хлопот. Они совсем отвыкли от школы. Впрочем, эти новые школьники не были той веселой и шумной толпой, которая каждое 1-е сентября появлялась в стенах школы. Новые ребята были утомлены переживаниями суровой зимы, они были вялые, безразличные ко всему. Мне кажется, здесь наступает новое время для школы. Пусть об этом времени расскажет тот, кто пришел к нам с новым пополнением.

Юрий Артюхин
ученик 8-го класса

Елка старших классов в дни блокады

Это было 6 января 1942 года. В этот день мы, школьники старших классов, праздновали елку в помещении Малого оперного театра. Праздник был назначен на 11 часов, но уже задолго до начала ребята, несмотря на сильный мороз, стали собираться к театру. При входе мы обменивали наши пропуска на театральные билеты. На обратной стороне каждого билета была цифра, показывавшая, в какую очередь получать обед. Войдя в фойе, мы останавливались в изумлении — там возвышалось много елей, богато, красиво украшенных. Весь театр был залит электрическим светом. Это тоже было

приятным сюрпризом для ребят: ведь почти ни у кого света уже не было, и все сидели дома при коптилках.

Праздник начался спектаклем театра имени Ленинского комсомола «Овод». В зале и на сцене было очень холодно: зрители, сидя в пальто, притоптывали ногами, чтобы согреться, но слушали все очень внимательно. В антрактах ребята выходили в фойе, где играло несколько оркестров, или беседовали с артистами. В буфете стояла большая очередь ребят за елочными игрушками, которые там продавались. После спектакля был обед. В те суровые дни он являлся очень ценным подарком. На обед дали суп с лапшой, граммов 100 пшенной каши и немного желе, кроме того, ломтик хлеба в 50 граммов. После обеда все разошлись домой, очень довольные этим праздником. Мы приносим глубокую благодарность Ленинградскому Горкому партии и Гороно за организацию этого праздника, который в то тяжелое время доставил ребятам много радости. Эту елку в условиях города-фронта, в условиях блокады мы запомним навсегда.

Терехина Ирина,
ученица 7-го класса

Елка младших классов

Известие о том, что в суровых условиях зимы 1941 года для школьников будет устроена елка, нас страшно удивило и очень обрадовало. Мы, ребята осажденного города Ленинграда, ждали ее с нетерпением. Наш 6-й класс очень волновал вопрос, считаемся ли мы маленькими или младшими. Хотелось, естественно, всем быть младшими, так как старшие не получали подарков. Когда наш воспитатель К. В. Ползикова-Рубец сказала, что мы младшие, мы бурно аплодировали от радости. На эту елку приглашали всех ребят школьного возраста. Билеты этим ребятам выдавали на елку в школе, за ними выстроилась большая очередь. Мы получили билеты в классе от воспитателя.

Ребят на елку 2 января собралось много, но было очень холодно и нам позволили оставаться в пальто. Новогодний праздник открыл тогдашний директор школы Дмитрий Тихонович Торгашин, затем был показ самодеятельности учеников 5-го класса. Ребята слушали плохо, все время спрашивали: «Скоро ли обед?» Елка была большая, хорошо украшенная, но не освещенная, так как не было электричества. Ребята почти не обращали внимания на нее. Между тем обед запаздывал. Чтобы развлечь ребят, выступил педагог математики с рассказом «Рваные башмаки»[11]. После этого играл патефон, но никому не хотелось танцевать.

Учителям не удалось организовать игры. Ребята думали лишь об обеде и подарках. Ребята обедать сели группами по 15 человек. Когда пришли в столовую, столы были покрыты белыми чистыми скатертями и были разложены ложки. Все это придавало столовой праздничный, торжественный вид. После того, как уселись за столы, учителя принесли нам хлеба по 100 гр., затем стали подавать нам сначала суп, после него второе — две ложки лапши и мясной биточек, а на третье — желе с черешнями (1–2 штучки). Обед нас привел в восторг, но многие ребята говорили: «Вот если бы дали таких четыре обеда!»

После обеда В. В. Бабенко, тогда завуч школы, раздавала подарки: «фунтики» из белой бумаги (они весили 250 граммов). В них было 5 штук печенья, один кусочек шоколада, изюм и миндаль. После этого все, очень довольные обедом и подарками, отправились домой. Малыши прижимали свои «сокровища» к груди, боясь за их целость... Дома мы всей семьей сели пить чай. На столе горела коптилка, но самовар и мои сладкие подарки делали вечер праздничным. Как хорошо, что нам устроили этот праздник! Стало бодрей и веселей на душе!

Люся Егорова,
бывшая староста 10-го класса
239-й школы

Наш выпуск весной 1942 года

Как сейчас помню тяжелый 1941–1942 год. Враг был у ворот Ленинграда. Кровожадные орды фашистов в бешеной ярости рвались к городу. Встречая решительный отпор наших войск, немецкое командование бросало новые и новые силы, чтобы любой ценой захватить город. В этот грозный час каждый способный держать винтовку, каждый, в ком билось сердце советского патриота, кто хотел видеть свою Родину свободной, кто не хотел стать немецким рабом, потерять честь и свободу, поднялся на борьбу с озверелым фашизмом. Многие девушки и юноши — молодые патриоты и патриотки — встали на защиту своего священного города. Среди них были также ученики нашего класса,

[11] Вероятно, речь идет о пересказе сюжета первого советского детского звукового художественного фильма «Рваные башмаки» (Межрабпомфильм, 1933. Режиссер М. Барская. Операторы: Г. Бобров, С. Геворкян) о жизни пролетарских ребят буржуазной Германии. URL: http://cinemafirst.ru/gazetnye-publikatsii-pravda-10-dekabrya-1933/

нашей школы: Авран, Трубятчинский, Будихин, Сомов, Гринблат, Чебанов, Гурвич и другие. Ленинград стал фронтом.

Суровые испытания предстояло пройти трудящимся нашего города. Каждый из нас понимал, что остановить злодеяния врага, сеющего смерть, разрушения, голод, нищету и рабство, уничтожить этого врага невозможно без самой напряженной борьбы, требующей жертв и лишений. Мы мужественно встретили испытания и преодолели их. В эти тяжелые дни блокады мне пришлось заканчивать школу-десятилетку. На улицах рвались снаряды, шли частые бомбежки. Город с каждым днем получал все больше и больше ран. Сильно ощущался недостаток в питании, люди гибли каждый день. Но ни на минуту не прекращала свою работу школа. Приходилось заниматься в нетопленом помещении, было холодно, стекла в окнах были разбиты, чернила замерзали, в классах сидели в пальто и шапках. Но учителя не считались ни с чем: человек уже был на краю смерти, но продолжал обучать, вдохновлял нас. Таким был Василий Васильевич Бакрылов.

Многие мои товарищи и учителя умерли от голода. Как жаль мне учителя географии Александра Марковича Москалева и Василия Васильевича Бакрылова, преподавателя математики. Слезы ненависти невольно навертываются на глазах, когда подумаешь, что нет больше в живых наших дорогих товарищей: Пети Федорова, Жени Ожогова, Оли Тырсы, Жени Жариковой и многих других. На место отца (после смерти В. В. Бакрылова) пришел его сын Владимир Васильевич, который также самоотверженно трудился.

Наши учителя старались дать нам как можно больше знаний. Они также воспитывали в нас ненависть к врагу. Ничто не могло испугать нас. Школа продолжала жить. Враг неистовствовал, бил по городу бронебойными снарядами. Снаряды рвались вокруг школы, мы переходили в бомбоубежище, чтобы при свете коптилки продолжать учебу. Варварскими обстрелами немецкие фашисты пытались парализовать жизнь города, хотели, чтобы ленинградские учителя перестали учить детей, чтобы наши школы превратились в развалины.

После школы мы скорей спешили домой, где нас ждала тяжелая обстановка: холодные комнаты, отсутствие света и пищи. Мать ютилась около времянки, но чаще дома никого не бывало. Вот в такой обстановке приходилось готовить уроки и в то же время носить воду, выносить грязные ведра и делать массу работы, связанной с условиями тяжелой жизни в блокаде. Несмотря на то, что было крайне трудно с питанием, мы все же ощущали теплую заботу со стороны городских советских и партийных организаций. В школе было организовано питание. Зимой черные, покрытые копотью, в пальто и ушанках, с тарелкой в дрожащих руках стояли в очереди за супом, чтобы хоть немного согреться, а весной мы уже получали трехразовое питание. В столовой стало тепло, чисто и уютно, было организовано дежурство.

Приближались выпускные испытания. Наступили горячие дни подготовки к ним. Туговато иногда приходилось: ослабевшие после зимы, мы должны были восполнить в короткие дни, оставшиеся до экзаменов, все плохо усвоенное. Сдавали мы по государственным программам, без всяких скидок на обстановку в Ленинграде. Испытания прошли оживленно. Во время испытания по физике начался жестокий артиллерийский обстрел. Нас перевели в другое помещение. Мы гордились тем, что нам пришлось сдавать выпускные испытания в условиях военного времени, да к тому же в блокированном городе.

После экзаменов мы, как и в довоенное время, получили возможность отпраздновать окончание школы. Для нас устроили скромное чаепитие со шротовыми биточками («шроты» — отходы от соевых бобов после выработки из них соевого молока). Были у нас и районный, и городской вечера выпускников во Дворце пионеров. За все мы благодарны партии, правительству, нашему дорогому товарищу Сталину и его соратнику тов. Жданову. Мы веселились, радовались, что вот и мы, хоть немного, но все же, так или иначе отмечаем окончание школы-десятилетки. Это были для нас самые веселые и радостные дни.

Петерсон Валентина,
ученица 8-го класса

Странички из дневника

9 октября 1941 года.

Итак, я начинаю описание текущей жизни и событий. Возможно, скоро начнутся занятия в школе. Я с нетерпением жду этого желанного дня.

3 ноября 1941 года.

Сегодня ребята пошли учиться. Я очень рада. Наконец- то! Обещали кормить обедами, давать 50 гр. хлеба за день без вырезки талонов из продкарточки. В школу ходить далеко. Ближайшие школы не работают. Впечатление от первого дня в школе очень хорошее. Правда, в классах довольно холодно. Классы чистые светлые. Ребят много, все парты заняты. Некоторые сидят втроем на одной парте. Я все перезабыла. Но надо взять себя в руки и учиться как можно лучше.

8 ноября 1941 года.

Вчера был праздник — 24-я годовщина Октября. Против ожидания немцы не бомбили наш город. Пока учусь. По геометрии получила «хор». Учимся в бомбоубежище. Света нет. Приходится заниматься при коптилке или при лучине.

12 декабря 1941 года.

Суп в школе давать прекратили. Все по карточкам. Положение тяжелое. Город окружен. Немцы бомбят и стреляют из дальнобойных орудий. Мы начинаем привыкать к такой боевой обстановке. Письма не доходят. Учителя советуют подтянуть потуже кушаки...

15 декабря 1941 года.

Пока с учебой все благополучно. Имею две «четверки», одну «пятерку» «троек» нет. С едой очень плохо. Сегодня не было во рту ни крошки до 3 часов. В 3 часа съела тарелку жидких кислых щей и выпила 2 чашки пустого чая. За хлебом огромные очереди. Приходится из-за них пропускать занятия. Голова кружится от недоедания. Что же будет дальше? Неужели так будет продолжаться долго? Хлеба дают 150 гр. Пока сидишь в школе, о еде не думаешь, а как придешь домой, сосет под ложечкой. А впереди еще не одна трудность, а что делать? Слезами не поможешь. Приходится все переносить. Ведь пока еще не такой уж страшный голод. Надо все-таки учиться как можно лучше и добросовестнее. Надо мужаться, быть выносливой и силой воли подавить ужасы голодной смерти. Другого выхода нет...

25 декабря 1941 года.

Сегодня исключительный день: прибавили хлеба по 75 граммов. Это огромная радость для всех ленинградцев. Ведь это жизнь! Люди от радости чуть не плачут. Настроение у всех сразу поднялось. Теперь уже ничто не страшит. Буду ждать дальнейших улучшений.

6 января 1942 года.

Сегодня была елка! И какая великолепная! Я даже не ожидала. Правда, холод был такой, что пока мы сидели и смотрели постановку «Овод» Войнич, ноги совершенно окоченели, и пальцев не чувствовалось. После постановки должен был быть обед, и каждый думает больше всего о нем. Лица у всех одутловатые, под глазами налитые водой белые мешки, все время постукиваем ногами, чтобы согреться. Наконец, постановка окончена. Артисты, вероятно, сильно замерзли, они были без головных уборов. В театре мороз в 15 градусов. Занавес опустился. Все хлынули к выходу, к столовой.

Мы все стояли в ожидании на лестнице, тесно прижавшись друг к другу. Думали только об одном: скорее бы обед. Стояли и мерзли долго. Наконец, дверь отворилась. Нас впустили. Столы накрыты белыми скатертями. Здесь немного теплее. Обед подали замечательный: мы получили тарелку супа, лапши 150 гр., хлеба 50 гр. и желе. Ребята забыли все: стужу, боль в ногах от долгого стояния. Все жадно поглощали пищу, усердно облизывая тарелки. Все были очень довольны.

Эта елка надолго останется в памяти. Она показала, что в такое трудное, тяжелое время, когда продовольствие в город почти не поступает, правительство сумело выкроить из ничтожного количества наличных продуктов праздничный обед для школьников.

Юрий Булатов,
ученик 7-го класса

Моя краткая биография в дни войны

За два дня до начала Отечественной войны я поехал в г. Валдай, дер. Добывалово. В окрестности нашей деревни эвакуировали ребят из Ленинграда. В нашу деревню попали дети от 11 и до 16 лет. Моя мать стала воспитательницей самых младших детишек. У нас тоже жило двое ребят. Местность у нас красивая, вокруг много озер. К сожалению, мирная жизнь длилась недолго. После взятия Новгорода и Пскова фашисты двинулись к нам. Жизнь стала напряженной. Часто появлялись немецкие самолеты, летевшие, чтобы бомбить аэродром, который находился в нескольких километрах от деревни. Когда немцы сбрасывали там бомбы, мы видели дым и слышали разрывы. Первые моменты были жуткие, так как никто раньше этого не видел.

Я часто беседовал с ребятами о том, как бы помочь Родине. Мы ходили на станцию узнавать новости. Немцы пускались на всякие средства для подрыва тыла, в том числе высаживали десанты с самолетов. Я говорю ребятам: «Давайте организуем отделение для выловки диверсантов». Так и сделали. Я все тропинки вокруг знал на несколько километров, так как жил на даче здесь 4 года подряд, и стал командиром отделения старших ребят. Мое отделение состояло из 8 человек. Всего за наше пребывание в деревне мы выловили троих шпионов. Первый пойманный нами был в военной форме: замаскировавшись, он заявил, будто отстал от своей части. Второй был в одежде крестьянина — мы указали на него, так как он показался нам нездешним.

Третьего шпиона мы поймали при особо интересных обстоятельствах. Я с тремя ребятами пошел в лес полакомиться ягодами. Идем по дороге и видим, что идет старуха-инвалид.

А у меня была привычка все лица рассматривать. Так было и тогда. Старуха удивила меня, так как дом инвалидов уже 15 дней назад эвакуировался. Поравнялись, смотрю, на лице грим, а когда старуха прошла, то увидел, что фигура не женская. Ну, нашего брата трудно провести. А главное, идет — оглядывается. Дали знать в воинскую часть, через минут двадцать приехали бойцы. Мы им показали, по какой дороге ехать. Диверсант был пойман.

Мы часто дежурили на вышке. Помимо этого, помогали строить аэродром и посадочную площадку. Около аэродрома вырыли шесть землянок, сверху заложили камнями и хворостом. После этого пришло распоряжение, что аэродром будет ложным, чтобы ввести в заблуждение немцев. Привезли два поврежденных наших штурмовика и поставили. Меня это интересовало, и я старался как мог. Немец приближался. Через нашу деревню проходили войска на фронт. Воздушные бои стали чаще. Пришел приказ об эвакуации ребят обратно в Ленинград. Уезжали со станции Едрово. Когда мы приехали туда, мы разместились в школе. Рано утром была тревога: немец бомбил станцию, но мы были не там, а в 100 метрах от места, где разрывались бомбы. Я и еще трое ребят залегли в канаву около дороги. Это нас спасло, так как осколки врезались вокруг в землю. Сбросили немцы тогда 7 бомб. Вернулись мы невредимые. В 9 часов вечера опять был налет, но уже я не обращал на него внимания, так как грузил вагоны. В эту тревогу был спущен десант, но, к великой радости всех ребят, весь он был захвачен.

Погрузка ребят шла в 12 часов ночи на запасном пути. Ехали в товарных вагонах, в которых еще недавно были привезены лошади. Двери были полузакрыты, ястребки сопровождали нас. В Бологом был большой налет. Бомбы сбрасывались как попало, били зенитки, стоял такой шум, что ничего не было слышно. По нашему вагону шлепали осколки, как град. Все ребята сидели на полу, разговор смолк, руководители, насторожившись, следили за всем происходившим на станции. Вдруг нас будто подбросило вверх: бомба попала в ближайший состав, и несколько вагонов было разбито. Хоть нам и было запрещено смотреть, но удалось увидеть в щель, как работали дружинницы, рискуя жизнью. Тревога, казалось, длилась целую вечность. Не дождавшись ее конца, прицепили к нашему эшелону еще вагоны и повезли, чтобы спасти ребят. Некоторые, самые маленькие, плакали от страха, большие их успокаивали. Нам, старшим, разрешили для развлечения играть в карты, чтобы забыть пережитое.

Долго добирались мы до Ленинграда. В дороге почти не спали. Наконец, приехали домой. В тот же день был набор на окопы. Я поехал добровольно. Под Петергофом были противотанковые рвы. Рыть их было тяжело — пекло солнце, а за водой было далеко ходить. Спать приходилось кое-где. Я спал две ночи в бане, остальное время — в сене, под открытым небом. После приезда с окопов я зачислился в пожарное звено. Очищал чердаки от мусора, заполнял кадки водой, носил песок, окрашивал внутреннюю поверхность чердака противопожарным раствором. Дежурил я и у ворот. По ночам мы с товарищем часто дежурили на крыше. С ним я все тревоги провел на крыше. Иногда сидишь на крыше, бомбы так близко падают, что, того и гляди, тебя волной сбросит на землю.

Мы, ребята, также помогли оборудовать санпункт, который впоследствии очень пригодился. Во время бомбардировки в один из домов попала бомба. Были пострадавшие, которых доставили в наш санпункт для оказания первой помощи. Помню маленького изуродованного ребенка и его мать, скончавшуюся от ранений. Много за время войны пришлось мне видеть несчастий от бомб.

По окончании зимы началась очистка города от снега и нечистот. В очистке участвовал и я, как и все ленинградцы. Наступил май, все ребята пошли в школы. По поручению директора, мы с ребятами на машине привезли 450 кирпичей. Потом поехали на огороды. Я стал работать в строительной бригаде. Когда поспели овощи, я охранял огороды. Наш лагерь получил переходящее Красное знамя. Во время каникул занимался на ВУПе всего 48 часов. У нас в школе хорошо было поставлено военное дело. Я сдал нормы по лыжам, участвовал в районных соревнованиях, где школа заняла первое место. 3 февраля 1942 я вступил в комсомол.

Михельсон В., Капица В.,
ученики 7-го кл.;
Миронова Анна,
ученица 8-го класса

Как мы старались быть полезными городу-фронту

Началась война с немцами. В первые дни войны все ребята вступили в группы самозащиты. Была поставлена задача — в кратчайший срок убрать весь мусор с чердаков, сломать все деревянные перегородки, обеспечить чердаки песком, водой. Эту задачу, решения которой требовал от нас Ленисполком, мы выполнили с честью. Следует, между прочим, сказать, что

ребята во многих домах не всегда жили дружно, иногда ссорились, дрались. Но война всех сплотила. Мы дежурили в штабе у телефона, на чердаках, на крыше. Были мы в доме также и связистами — разносили повестки, вызывали в штаб домохозяек, помогали управхозу во всем, о чем бы он нас ни просил. Но вот начались первые бомбежки. Немцы безжалостно, варварски сбрасывали на жилые дома, школы, даже на госпитали и больницы фугасные и зажигательные бомбы.

Группы самозащиты, в которых было немало школьников, стойко боролись с зажигательными бомбами, с последствиями вражеских налетов, извлекая из-под обломков людей. Вот один случай: во время тревоги зажигательные бомбы, пробив крышу, попали внутрь склада. Загорелись находившиеся там доски. Пламя быстро распространялось по складу. Мы вызвали пожарную команду и еще до ее прибытия на место поражения носили в ведрах воду, заливали горящие доски. Пламя перестало распространяться. Приехавшим пожарным было легче полностью ликвидировать пожар.

Аня Волкова, Регина Зелень,
учащиеся 8-го класса

Общественно полезные работы школы

От учителей мы слыхали о круглосуточном дежурстве в школе, о сборе теплых вещей для бойцов, о спешной уборке овощей от буквально из-под носа наступающих на наш город фашистов. Знаем мы также, что в марте школьники чистили улицы и дворы Ленинграда, трамвайные пути. Весной мы сами ездили два раза на поднятие целины в огородные хозяйства. Работали мы в течение дня всего 4 часа, но какая это была тяжелая и утомительная работа! Почва была покрыта дерном и была твердой, как камень. Но поездка за город в зеленые поля сама по себе была очень приятна. Задание мы выполнили раньше срока и уехали домой с букетами черемухи.

В этом году нами проделано тоже много работ. Мы собирали листья для табачной фабрики, относили повестки родителям эвакуированных детей, обходили дома микрорайонов в помощь учителям для выявления детей школьного возраста, собирали бутылки для Института переливания крови, собирали деньги на танковую колонну, подготовляли школу к зиме. Наша школа также участвовала в общегородских воскресниках: на оборонных и дровяных работах, на ломке домов, по очистке города.

Подробно я остановлюсь на той работе, которую мы проводили в госпитале, так как она для нас была самой интересной. В конце января у нас просили помощи из подшефного госпиталя. На это откликнулось много ребят, так как каждый чувствовал, что он этим помогает фронту. В ближайший выходной день мы пошли в госпиталь. Нам всем дали чистые белые халаты и разделили на две группы. Одна попала в первую роту, вторая в третью. Бойцы встретили нас тепло и приветливо. Они рассказывали нам про свою жизнь и охотно слушали про нашу жизнь. Мы, в свою очередь, старались уделить им как можно больше внимания и заботы. Мы убирали у них в палатах, поправляли постели, выполняли их различные просьбы: отвозили письма, покупали карандаши, папиросную бумагу, одеколон. Мы также помогали оборудовать новые помещения для раненых. Бойцы были очень довольны, что ленинградские школьники уделяют им столько теплого внимания.

Ребята нашей школы также очень часто выступали в госпитале с художественной самодеятельностью. В этих выступлениях принимали участие ученики от первого до восьмого классов. Выступления были интересные, разнообразные: пение, декламация, народные танцы, а также музыкальные номера. Особенно интересно прошел день 25-й годовщины Красной Армии. Ребята хотели отметить этот день чем-то особенным. Было собрано 1900 рублей, на которые мы закупили подарки для бойцов и командиров Красной Армии. Подарки были различные: музыкальные инструменты, грампластинки, шахматы, шашки, книги, игры и многое другое. Все это мы делали с большой любовью.

Вечером мы попали в госпиталь. Когда мы туда пришли, там уже началось торжественное заседание. После заседания мы вручили подарки, потом устроили самодеятельный концерт. Бойцы остались очень довольны концертом. Особенное впечатление произвели ученики первых и вторых классов: многие вспомнили при этом своих собственных детей. На следующий день мы доставили индивидуальные подарки бойцам и командирам Красной Армии. Бойцы после этого присылали нам письма, приходили к нам на вечер. Один из них взял шефство над седьмым классом. В этом госпитале также проходил прием в пионеры учеников 2-го класса. Этот прием произвел очень большое впечатление на ребят и останется у них в памяти на всю жизнь. Для нашей школы госпиталь очень часто присылал лекторов. У нас были лекции на международные темы, ко дню 25-й годовщины Красной Армии, к Первому мая.

Клавдия Кудрявцева,
ученица 10-го класса

На огородных работах летом 1942 года

Весной, заканчивая учебный год, мы узнали о постановлении Совнаркома, что все ученики 5–10 классов мобилизуются на огородные работы. Нашу школу прикрепили к подсобному хозяйству «Судомеха». Еще до выезда на поля из школьников были составлены бригады во главе с педагогом. 6 июля рано утром все с вещами пришли к школе. Погода стояла отвратительная: ветер, дождь, холод. Из столовой получили на дорогу хлеб и кусочек масла. Наконец, все собрались, вышли на улицу, построились в колонну. Впереди шла Валентина Васильевна Бабенко, директор школы, завуч школы К. В. Рубец с рюкзаком на спине. С боков шло несколько мамаш, помогавших нести вещи, напутствовавших нас разными советами, задававших вопросы учителям. Создавалось впечатление проводов в дальнее путешествие. Некоторым ребятам было трудно идти — сказывались последствия тяжелой блокадной зимы. На площади Лассаля нас ожидал трамвай, на котором мы благополучно добрались до Финляндского вокзала и оттуда без особых приключений до ст. Пери. Приятно было слышать стук колес, видеть мелькавший в окне пейзаж.

Надо было пройти 4 километра до подсобного хозяйства. За нашими вещами на станцию была выслана машина. Комсорг М. И. Барская и Шура Клейменова ехали на ней, так как идти пешком у них не было сил. По дороге шли, смеялись, радуясь тишине, пению птиц, зеленой траве, цветам. Как-будто мирное время, приятное, необычное! Устроили привал на горке, закусили и двинулись дальше. Пришли, наконец, к какому-то поселку, к сараю. Ребята разложили вещи, одни стали играть, другие разбрелись по полю. В это время рабочие настилали нары в сарае, нас повели в столовую, накормили соевым супом и соевой кашей. Все были голодны, поэтому ели с аппетитом эти маловкусные блюда.

Ночь проспали, как на бивуаке, и почему-то многие видели во сне воздушные тревоги, слышали свист бомб, на самом же деле была полная тишина. Первые два дня не работали, отдыхали, набивали матрацы, вымыли пол в сарае, наводили в нем порядок. Помню первый день работы. Утром после завтрака пришел к нам в сарай директор подсобного хозяйства тов. Валуев и повел на участок. Распределили грядки. Работа заключалась в прополке травы. Все заросло, не разобрать, где грядка, где межа, посевов никаких не видно. Принялись за работу. Работа вначале не клеилась, некоторые порезали руки травой, было жарко, все устали, поминутно кричали на соседний участок: «Анна Людвиговна, который час? Скоро ли обедать?» Считали минуты. Наконец, слышим долгожданное: «Домой!»

После обеда, отдохнув, в 5 часов вечера снова вышли на работу. После работы в лагерь принесли патефон с пластинками из совхоза, поставили на камне перед сараем, стали танцевать, мальчики играли в футбол. В общем, первый вечер прошел весело. На другой день — тоже прополка, затем подкормка и удобрение почвы. Никто не унывал, все было ново, интересно, и ребята усердно работали на полях. С питанием было неважно: не хватало пайка. В конце июля, по постановлению Ленсовета, всех школьников, работающих на полях, перевели на рабочий паек. Настроение стало великолепным.

Однажды к нам пришел т. Валуев и объявил: «Ближайший к вашему сараю участок закрепляется за вами, вы должны за ним ухаживать и, когда вырастут овощи, стеречь!» Мы посадили на этом школьном участке капусту, свеклу, картошку и брюкву. Подсобное хозяйство отвело нам в личное распоряжение участок земли, где мы вскопали индивидуальные грядки. Завод отпустил нам рассаду и семена. Мы заключили соцдоговор со школьным лагерем завода Марти, пригласили ребят в гости, организовали самодеятельность, выпустили стенгазету. Все получилось очень хорошо, им у нас понравилось. Ребята подобрались дружные, скучать не приходилось: днем на поле время горячее. Ведь от того, в каком состоянии будут находиться грядки, зависит дальнейший урожай.

Обед в столовой часто запаздывал. Ребята приходили усталые, голодные, сердились. Надо было найти выход из создавшегося положения. Выяснилось, что обед запаздывает из-за нехватки дров. Решили организовать бригаду пильщиков из мальчиков старшей бригады. Бригада была создана, прорыв ликвидирован. Начинался покос, рабочих рук в совхозе не хватало, к тому же очень большая площадь была еще не прополота. Наши ребята и здесь поработали добросовестно и не раз получали благодарность от администрации совхоза. Дни стояли жаркие, речки близко нет. Пошли ребята на поиски. В 4 километрах от дома нашли озеро. Стали после работы ходить купаться.

Когда подвели итоги прополочной кампании, наше подсобное хозяйство получило переходящее знамя Исполкома и мы такое же знамя. Следовательно, мы вышли победителями в соревновании с мартийцами. Время незаметно подходило к осени. Дни стали холоднее, вечера темнее. Мы уже ознакомились с местностью,

стали ходить за ягодами, грибами. Вечером играть на улице стало неудобно, и мы перебрались в сарай. Когда все было готово, садились в кружок, рассказывали поочередно, делились мнениями и впечатлениями о фильмах, постановках и книгах. Ксения Владимировна Рубец, начальник лагеря, принимала активное участие в наших беседах. Она очень много интересного рассказала нам о своих путешествиях по СССР и за границей. Спала она с нами в сарае...

Грибов в этот год уродилось очень много. Из леса мы приходили нагруженные грибами, которые мы сушили, солили, варили на костре. Было несколько случаев, что ребята теряли дорогу в лесу. В таких случаях приходили в волнение, но от радости, что все очень благополучно кончалось, нас не очень бранили за долгую отлучку. Незаметно подошла осень. Многие из наших ребят вступили в комсомол, получили благодарности и премии от администрации завода. Поспевал урожай овощей, собирать было приятно, так как все эти овощи выросли, и радостно было сознавать, что наш труд не пропал даром.

На отдельных брюквенных участках мы вырастили брюкву по 6–8 килограммов каждая. Надо было собрать урожай так, чтобы не пропало ни одного грамма овощей. Для этого подсобное хозяйство начало засаливать на зиму ботву свеклы и хряпу капустную, так как зимой все это очень пригодится. В нашем «дворце», т. е. сарае-клубе, где нас принимали в комсомол, устраивались концерты, проводились собрания, мы установили корыто для рубки ботвы, и здесь наши ребята славно поработали: каждое корыто давало по 30 ведер рубленых листьев, за день по 15 бочек.

Так вот мы и работали. За уборочную кампанию подсобное хозяйство опять получило знамя. 15 октября мы выехали в город. Наша школа за огородные работы получила переходящее Красное знамя Октябрьского района и заняла 2-е место по всему Ленинграду.

В. Ланцов, К. Соколов,
Олег Самойлов,
Валентина Петерсон,
учащиеся 8-го кл.

Воспоминания об огородной жизни

1 июля 1942 года мы, ученики 239-й школы, выехали на огородные работы на станцию Пери. В день отъезда погода стояла пасмурная. Моросил дождик. Пока с вещами шли до остановки трамвая, мы основательно промокли. Поезд с Финляндского вокзала отошел в 12 часов. Погода разгулялась. Мы высохли и были очень веселы. Поезд был наполнен до отказа школьниками, ехавшими в различные подсобные хозяйства. На станции Пери нас встретили работники нашего завода. Вещи были уложены на машину и отправлены и нашему новому месту жительства. Машине пришлось сделать два рейса, а мальчикам — сторожить вещи. В сутолоке на вокзале были забыты два огромных бидона, которые затем счастливо были найдены.

Мы налегке отправились вслед за машиной. Пришли на место назначения. Наше новое жилище — сарай, где когда-то был скотный двор. Крыша течет, кроватей нет, ветер свистит в многочисленных щелях. Местность довольно красивая. Кругом лес, но нет реки. Наш сарай расположен на холме, с которого видны обширные поля подсобного хозяйства. Погода переменчивая, но чаще хорошая. Ребята сначала приуныли. Многие думали: «А не уехать ли домой? Неужели можно жить без кроватей, в грязном, холодном помещении сарая?» Но долго думать и унывать не было времени. Отдохнув, ребята с большой энергией принялись оборудовать свое новое помещение. Работа спорилась. Мальчики заделывали щели, устраивали нары и полки, девочки носили воду и мыли пол. Время пролетело незаметно. Наступил обеденный час. Сарай преобразился. Везде чисто. Ребята устали, но были очень довольны, что работа выполнена хорошо. С большим аппетитом принялись за еду. Обедали на воздухе, и все казалось необычайно вкусно.

На следующий день мы приступили к полевым работам. Сначала было очень трудно. Приходилось полоть гряды, заросшие мощными сорняками, а навыков в работе у многих не было. После работы нестерпимо болели руки и спина. Несмотря на это, ребята работали не за страх, а за совесть. Для каждого было ясно, что богатый урожай может быть только при хорошей работе. Развернулось соцсоревнование. Ребята не покидали грядок до тех пор, пока задание не было перевыполнено. Благодаря доброкачественной работе на школьном участке был снят хороший урожай, и отношение к нам администрации завода и подсобного хозяйства, сперва недоверчивое, резко изменилось. Получили также премии Мира Исаевна и Анна Людвиговна.

Уборочная кампания прошла с большим подъемом. Ребята работали по 9–12 часов в сутки. Ночь они охраняли поля подсобного хозяйства, днем пилили дрова, плели корзины, работали на полях. В свободное время ребята ходили в лес собирать грибы и ягоды, которых в этом году было особенно много. Стены сарая были обвешаны гирляндами сушившихся на солнце

грибов. Мы часто ходили купаться на озеро, играли в волейбол, читали книги и газеты. Жизнь протекала очень весело и разнообразно. Здесь было так хорошо и весело, что не хотелось уезжать. Вечерами девочки устраивали танцы, пели песни, с песнями ложились, с песнями вставали, работали в такт веселой, живой песне, поэтому выполняли задания быстро и не уставали.

Вова Ланцов вместе с ребятами приехал работать на поля подсобного хозяйства, но работать ему пришлось недолго. Семья его решила эвакуироваться, и он уехал в город. Между тем дела с эвакуацией затянулись, эвакуироваться не пришлось. Ланцов решил вернуться обратно на огородные работы, но серьезно заболел. За время болезни он мечтал о возвращении на поля подсобного хозяйства. Он понимал, что только добросовестной работой на огородах совхоза он окажет настоящую помощь фронту. Кроме того, жизнь на огородах, наряду с работой, привлекала своей простотой, весельем, жизнью в бодром коллективе. После выздоровления Вова снова приехал в лагерь и в работе не отставал от своих товарищей.

Благодаря соцсоревнованию между бригадами мы получили неплохие результаты. Наша школа заняла одно из первых мест по городу, и за хорошую работу школьные огородники 239-й школы получили переходящее Красное знамя района. Его во что бы то ни стало надо удержать и в этом году!

Юра Васильев,
6-й класс

Отъезд из лагеря

12 октября, с утра, ребята стали волноваться — надо было уезжать с огородных работ в Ленинград. Еще с вечера все вещи были уложены. После завтрака мы все собрались в нашей спальне-сарае и стали ждать подвод, которые должны были подвезти наши вещи к месту, где ждали машины, обещанные директором подсобного хозяйства. Наконец пришли подводы. Поднялась суматоха. Каждый старался положить свои вещи первый. Было очень смешно смотреть, как Нина Орлова стоит посередине сарая и ревет во все горло. Когда у нее спросили, в чем дело, она заявила, что ей не дают положить вещи, а ей их не стащить. Потом все уладилось, и шум утих.

Подводы довезли вещи до шоссе, и там их сложили около машин. Ребята побежали и стали кидать вещи на машину. Но вдруг оказалось, что у машины лопнула шина и нет чурок для газогенератора. Тут опять поднялась суета. Через короткое время в вагонах сидели наши ребята, добравшиеся до вокзала пешком раньше нас и волновавшиеся за свои вещи. Но там, говорят, никто не плакал, а начальник лагеря не знал, ехать ли с частью учеников в город или идти успокаивать застрявших у машин. Не волновалась лишь Чара Эльбергер, которая во всех случаях жизни сохраняет полнейшее спокойствие. Наконец, к радости всех, машина подкатила к станции. Вещи общими усилиями перетащили в вагон, там каждый стал искать свой узел.

В вагоне все веселые и беззаботные ребята играли в почту. Но вот стали подъезжать к Ленинграду, каждый хотел пробраться первым к выходу и бежать к машине, которую нам обещали шефы. Машины, однако, не оказалось. Кто мог, потащил свои вещи к трамваю, а часть ребят с Мирой Исаевной и Ксенией Владимировной остались у вокзала около груды вещей. Педагоги звонили по телефону на завод, товарищ Калиновский обещал машину через час, но пришла она через 4 часа, когда уже темнело, и Чара спокойно говорила: «Я думаю, что машины не будет, и мы здесь просидим до утра». Машина подъехала к школе уже в темноте. Ребята все уехали по распоряжению Ксении Владимировны трамваем домой, а вещи, как мы после узнали, в вестибюль школы носили Валентина Васильевна, Ксения Владимировна и наша нянечка Маруся.

А. Шестакова,
ученица 8-го класса

Как нас принимали в комсомол

6 сентября. Погода с утра чудесная. Солнце ярко светит, ни ветерка, тепло. С горы, где расположен наш лагерь, виден уже желтеющий лес. Ясное утро ранней осени, но у нас в лагере с раннего утра большое оживление. Еще бы! 15 ребят нашего лагеря вступают в комсомол. Не было ни одного комсомольца и вдруг 15! Вступать в комсомол мы долго не решались. Теперь уже трудно себе дать отчет в том, почему мы медлили. Отчасти мы боялись возлагаемой на нас ответственности... Решено было принимать нас там же, в условиях лагеря, не выезжая в город. К тому же сегодня праздник — Международный юношеский день[12]. Накануне вечером приехал председатель райкома комсомола. Сначала она сделала доклад о Международном юношеском дне.

[12] **Международный юношеский день (МЮД)** установлен решением Бернской международной социалистической конференции молодежи на Пасху в апреле 1915 года в целях мобилизации молодежи на борьбу за мир, против империалистической войны. Проводился в 1915–1945 годах.

Принимали в комсомол в сарае, в котором раньше спали мальчики. Обыкновенный деревенский сарай, но сегодня он выглядел по-праздничному. Земляной пол был чисто выметен, стоящий посреди стол накрыт белой скатертью. На столе букет цветов. С потолка свешивались гирлянды. За столом сидели начальник лагеря К. В. Рубец, старший бригадир т. Заборская, представитель райкома комсомола комсорг лагеря М. И. Барская, бригадир старших девочек М. Н. Чуркина. Как мы волновались! Сегодня мы не работаем в поле. Все были нарядно одеты. Друг другу задавали вопросы из Устава комсомола. Наконец, стали всех по очереди вызывать. Это был незабываемый момент в нашей жизни!

Тов. Пластун, вручая комсомольский билет, каждому из нас говорила: «Храни комсомольский билет», и каждый из нас думал: «Да, я буду хранить свой комсомольский билет, буду хранить свою честь комсомольца». Затем нас приветствовала К. В. Рубец и тов. Заборская. Они говорили о наших комсомольских задачах и большом значении коммунистического воспитания молодежи в нашей стране, особенно в период Великой Отечественной войны. На нас это произвело такое впечатление, что у многих даже текли слезы. Но мы были счастливы. Нам даже казалось, что мы выросли. А как было приятно чувствовать себя членом большой и сильной организации, объединяющей молодежь нашей великой страны!

Вечером мы долго не могли уснуть и говорили о том, как все это произошло и как хорошо, что мы уже комсомольцы, и именно теперь, когда весь советский народ ведет ожесточенную борьбу с немецкими захватчиками.

Е. Арсеньева,
ученица 7-го класса

Елка на корабле

31-XII.1942 года около пяти часов вечера к маме на работу позвонил папа и пригласил нас от командования к себе на корабль встречать Новый год. Мы быстро собрались домой, так как надо было еще успеть вытащить из чемодана и прогладить наши платья. Без 20 минут 9-ть часов вечера мы вышли из дома. Трамвай ушел, как это говорят, прямо из-под носа. Мы решили часть пути пройти пешком. Была темная безлунная ночь: в двух шагах ничего не было видно. В такой темноте очень трудно было ориентироваться, и мы шли почти ощупью, что очень затрудняло наш путь.

Пошли от улицы 3 июля по проспекту Майорова до угла улицы Гоголя и проспекта 25-го Октября, решив, что там будет легче сесть в трамвай. Минут через 10 подошел трамвай, но он был так переполнен, что сесть в него не было никакой возможности. Больше вдоль Невского не было видно ни одного трамвая. Мы с мамой стояли в раздумье, ждать ли следующего трамвая или идти пешком. Впрочем, наше раздумье прервал разговор нескольких женщин, которые говорили, что ждут трамвая уже целый час, а за это время прошло всего два трамвая, в которые сесть было невозможно. Они приглашали публику идти на Петроградскую сторону пешком. Мы присоединились к ним. За разговором мы очень быстро дошли до угла Введенской ул. и Большого проспекта. Тут мы свернули на Введенскую, где было очень скользко. Мама упала и очень сильно разбила колено. Некоторое время после этого мы не шли, а еле-еле плелись.

Мы стали очень беспокоиться, успеем ли мы к 11 часам дойти до места стоянки корабля и не придется ли нам вместо того, чтобы встречать Новый год у папы, встречать его в милиции, так как после 11 часов было запрещено ходить по улицам. Когда мы свернули в одну из маленьких улочек на Кировских островах, нам показалось, что мы идем не туда, куда нам надо. Но вскоре по некоторым приметам мы поняли, что идем правильно, и пошли быстрее и увереннее. Навстречу нам шел какой-то человек, который освещал своим электрофонарем каждого прохожего и очень слепил каждого своим светом. Поравнявшись с нами, он осветил и нас. Оказалось, что это краснофлотец, высланный нам навстречу, так как папа очень беспокоился, что мы так поздно не приходим. С этим краснофлотцем мы довольно быстро добрались до места. Было уже 22 часа 45 м.

Разгоряченные и немного уставшие после такого длительного и трудного пути в темноте, мы сразу сели отдохнуть. Немного отдохнув, мы переоделись и стали ждать папу, ушедшего по различным хозяйственным делам. Папа еще не был уверен, смогу ли я присутствовать за общим столом или же мне придется сидеть у него в каюте. Вернувшись, он принес и мне приглашение командования. Без 10 минут в 12 часов ночи мы спустились в кают-компанию, где посредине комнаты был накрыт большой стол. В углу комнаты, на чурбане, стояла елка средней величины, украшенная елочными игрушками и освещенная электрофонариками. Напротив елки стояло пианино. Ровно в 12 часов ночи были произнесены тосты. После тостов начался веселый новогодний ужин. Взрослым сладкого не давали, а детям — мне и пятилетней дочери одного из командиров — дали грецкие орехи.

За столом мы сидели до двух часов ночи. Потом мы перешли в большое помещение, где

стояла вторая украшенная елка, тоже освещенная электричеством. Здесь начались танцы, а позже, около половины четвертого утра, смотрели фильм «Концерт фронту» и очень интересный киножурнал о боях в Сталинграде. По окончании кинофильма, в пять часов утра, был подан чай. Все немного озябли и устали, поэтому с удовольствием пили сладкий горячий чай.

В шесть часов утра мы поднялись к папе в каюту и уже собрались уходить, как папе сказали, что скоро будет машина, которая отвезет нас в город. Мы решили подождать и немного прилегли. Через пятнадцать минут к папе постучали и сообщили, что машина готова, но пока мы собирались, она уже ушла. Нам пришлось пойти пешком домой до кольца трамвая № 12. В 8 часов утра мы уже были у себя дома. Мне целый день очень хотелось спать. Так я встретила на боевом корабле 1943-й год.

Добролюбова Майя,
ученица 8-го класса

Прорыв блокады

18 января 1943 года — незабываемый день для ленинградцев, День прорыва блокады. Героические войска ленинградского фронта штурмовали высокий берег Невы. В несколько минут было преодолено пространство Невы, и бойцы уже вели бой во вражеском расположении. Один красноармеец, чувствуя недомогание, пришел в П.П.М., чтобы, как он сказал, «попросить порошку от кашля». Его осмотрели и сказали, что он должен быть немедленно эвакуирован как тяжелобольной. «Как, — сказал он, — я уйду из боя, из такого боя в самую горячую минуту? Нет, я иду в полк». И он сражался до тех пор, пока его часть не выполнила боевое задание. Тогда его уговорили отправиться на лечение. Он пришел в П.П.М., лег на носилки и умер.

Геройские дела совершались не только на фронте. Они были и в городе. Ленинградцы всеми силами помогали фронту. Нередко, не выходя с заводов по суткам, трудились они, снабжая армию трудовыми припасами, танками, орудиями для своей Родины. Все жили одной мыслью — скорей бы уничтожить проклятого врага. В историческую ночь 18 января ленинградцы услышали по радио радостную, долгожданную весть: «Блокада прорвана». Всю ночь не спал город, всю ночь играло радио. Некоторые граждане, у которых нет радио, идя утром на работу, с удивлением спрашивали, почему город разукрашен флагами. «Блокада, блокада прорвана!» — кричали в ответ на их вопросы радостные, спешившие на работу люди. У нас в школе тоже было очень радостно в это утро. Ребята поздравляли друг друга. Пришли в класс директор В. В. Бабенко и завуч К. В. Рубец. В школе темно, и В. В. держит в руках фонарь «летучая мышь». Мы здороваемся и поздравляем их, а они нас. После завтрака нам сказали, что будет митинг. Митинг открыли директор школы Валентина Васильевна, командовал митингом военрук. Выступали учителя, учащиеся. В школе было холодно, занимались в пальто, но все знали, что скоро наступит время, когда ненавистные фрицы отступят от стен Ленинграда.

В эти дни немцы в бессильной злобе обрушили на город сильный артиллерийский огонь. Снаряды падали на улицы и дома, убивали мирных жителей. Очень часты и продолжительны стали воздушные тревоги. 22.1 у нас в школе были выбиты стекла. Но мы не унывали, заколотили окна и продолжали заниматься. В ночь с 25.01 до 26.01 была очень продолжительная тревога. Я сидела, делала уроки, весь дом содрогался от зенитной стрельбы. Вдруг что-то засвистело, послышался оглушительный взрыв. Дом зашатался. Вылетели стекла. Наступила тишина. Потом слышно было, как вышла дворничиха и стала хладнокровно подметать стекла на панели, как до войны она подметала только что выпавший снег. Ленинградцы знали теперь только одно — самое худшее в их испытаниях уже позади. Но самые решительные битвы еще впереди. Ленинград снова входит в бой.

Ирина Аглиш,
ученица 9-го класса

Лето 1943 года на огородах

Когда теперь вспоминаешь об огородных работах, кажется, что никаких трудностей не было, осталось в памяти только одно хорошее. Я начну с отъезда нашей школы в Ольгино. Все школьники, ехавшие на огороды, были разбиты на 8 бригад, причем было 3 бригады мальчиков 4-го, 5-го, 7-го и 8-го классов. Сначала день отъезда был назначен на тридцать первое мая, но уже с утра этого дня стало известно, что отъезд в этот день не состоится. Все ребята оставили свои вещи в пустом классе, так как относить их домой не было смысла. Три дня приходили мы в школу, уверенные, что, наконец, поедем, но каждый раз разочарованно уходили домой. Родные смеялись: «Ну вот, не успели попрощаться, как снова здороваемся».

Наконец, 4 июня, придя в школу, мы узнали, что действительно едем. Ребята побежали

в класс и, суетясь и толкаясь, стали разыскивать свои вещи. Оказалось, что некоторые из вещей уже были увезены в Ольгино на машине. К 12 часам к школе подали специальный трамвай. Погрузив вещи, мы разместились сами, но так как нас ехало около 120 человек, было очень тесно. До вокзала ехали долго, потому что кружили по Васильевскому острову и Петроградской стороне. Несмотря на это, на вокзал мы попали задолго до отхода поезда. На перрон еще не пускали. Как только был подан состав, нас пустили на платформу. И вот, несмотря на тяжелые рюкзаки и чемоданы, мы побежали к поезду, обгоняя друг друга.

Вагоны были еще закрыты. Кто-то из мальчиков догадался влезть в один из них через буфер, за ним последовали и другие ребята. Тем, кто влез туда, стали подавать вещи через окно. Эти «счастливцы» уже спокойно сидели в вагоне, насмешливо смотря на «неудачников». Но скоро их радость кончилась. Пришел кондуктор и велел всем выйти, так как это был вагон для военнослужащих. В это время открыли другой, и те, кто еще оставался на перроне, хорошо в нем расположились. Теперь торжествовали они. Скоро вошли и «неудачники». Мы потеснились, так что всем хватило места.

До Ольгино ехать было недалеко. Выйдя из вагона, мы попали прямо... в стадо коров. Мы смотрели на них с таким видом, как будто они были музейной редкостью, кроме того, стадо рисовало нам перспективы «настоящего молока», вкус которого уже был забыт. Со станции мы пошли в штаб, где и оставили на время свои вещи. Отсюда мы отправились в столовую. Путь до нее очень долог и утомителен — добрых два километра по открытому пыльному шоссе.

Каждый отряд нашего лагеря должен был работать в отдельном подсобном хозяйстве, поэтому каждому была отведена отдельная дача. Наш комсомольский отряд девочек был прикреплен к заводу «Судомех». Дача, предоставленная нам, произвела на нас хорошее впечатление. Нам дали помещение на втором этаже, состоявшее из больших комнат и террасы. Девочки старались занять комнаты, так что при этом не обошлось без ссор, наконец, все разместились хорошо, и каждый остался доволен. Во всех комнатах были кровати, а в одной даже плита, хотя и развалившаяся. Мы ее покрыли доской, затем постелили салфетку, и получился неплохой стол. Через несколько времени нам привезли тумбочки, куда можно было класть посуду и другие мелкие вещи. Плохо, однако, было то, что несколько дней мы спали без матрацев, а прямо на голой сетке, подстелив кто что мог. Затем нам дали вату, чтобы набить подматрасники, но она была мокрая, и ее пришлось сушить на солнце. Только через месяц мы получили настоящие матрацы.

Уборку помещения мы производили на другой день после приезда. Когда вся пыль была вытерта, полы вымыты и стекла протерты, наше помещение совсем преобразилось. Нельзя никак сравнить его с прошлогодним, когда мы спали на нарах в сарае. Вокруг дачи был сад, в одном конце которого находилась беседка. Сад был очень грязный и запущенный, и расчищать его было довольно трудно. По сравнению с нашей дачей, другие отряды имели более красивые помещения. Так, в саду 4-го отряда девочек были клумбы, небольшой пруд, дачу окружали стройные березы. Часто по вечерам где-то близко играл патефон, раздавался голос Козловского: «Прости, небесное создание!» По ночам пел соловей. После уборки все спали крепко. Но вдруг среди ночи раздался грохот. Спросонья мы подумали, что где-нибудь бомба разорвалась. Оказалось, что у одной девочки развалилась кровать, и она упала на пол. Мы все долго хохотали над этим происшествием и не скоро уснули.

Наступил и первый день работы. Встали мы в 7.30 утра. Спать хотелось ужасно, но как только мы вымылись холодной водой, сон сразу прошел. Около «штаба» сделали зарядку и отправились в дальний путь в столовую. Такую прогулку нам приходилось делать 2 раза в день, а то и больше. Поля были рядом со столовой. Пришлось полоть свеклу. Сорняки оказались в два раза выше нее, так что работа оказалась кропотливой. Другой отряд девочек работал на поднятии целины. Одна девочка, выполнив задание, не хотела начать другое. Она стала возмущаться: «Я приехала сюда отдыхать, и вы не имеете права меня эксплуатировать». Подруги разъяснили ей, что сейчас некогда отдыхать, нужно приносить пользу Родине, а слово «эксплуатация» в советских условиях совершенно неуместно. Наши доводы подействовали, и через минуту она принялась за работу. В первый день мы работу перевыполнили. Между отрядами было заключено соцсоревнование, все старались не уступать друг другу в работе.

В начале июня дни стояли жаркие. Мы решили сходить выкупаться. Мальчики из младшего отряда разыскали речку, куда они и отправились. Но нас ожидало разочарование. Речка была мелкая, дно вязкое, глинистое. Вода стала совсем мутной и черной, как только ребята стали в ней плескаться. Вдруг одна девочка заметила какой-то круглый предмет, торчащий из воды, и в испуге закричала: «Мина, плавучая мина, осторожней!» Девочки все выскочили на берег. Но одна девочка подошла поближе и рассмеялась: «Да что вы испугались? Ведь это глиняный

горшок с ручкой». С веселым смехом мы продолжали купаться.

Однажды ночью стали стрелять зенитки. Видимо, немецкие самолеты пытались пробиться к Ленинграду. От сильного грохота дрожала дача и дребезжали стекла. Но девочки уже привыкли к такой «музыке» еще в Ленинграде. Они только закутались с головой, думая, что «так осколком не ранит». К концу июня погода испортилась, стало холодно, как осенью. Проснувшись 1-го июля, девочки говорят: «Наступает самый жаркий месяц лета», а у самих зуб на зуб не попадает. Почти каждый день идут дожди. Если дождь небольшой, мы продолжали работу, а иногда бывало так: работая далеко от столовой, мы не успевали до нее добежать, начинался сильный ливень, и мы вымокали до нитки.

А в столовой тоже некуда было скрыться: из всех щелей в крыше вода текла на стол, на пол, а иногда прямо в суп. Мы даже карикатуру поместили в стенгазете: вместе с горячим супом по карточке мы получаем добавочно холодный — без выреза талонов. Чтобы как-нибудь спастись от дождя, мы перетаскивали столы и скамейки с места на место. Но капало везде, и мы сидели, как под «Петергофским грибком». Мокрые и продрогшие, мы думали хоть согреться супом, но и он был холодный.

В конце июня у нас было открытие лагеря, когда нам вручили Красное знамя Октябрьского района. В 12 часов началась линейка. На ней присутствовали представители горкома и райкома комсомола. Нас поздравили с открытием лагеря и пожелали хороших успехов на трудовом фронте. На этом празднике старших мальчиков не было: они находились в военном лагере. У некоторых девочек на груди красовалась медаль «За оборону Ленинграда», которую они получили накануне на собрании всего лагеря. Остальные ребята дали слово так же хорошо работать, чтобы добиться этой награды.

Незаметно прошел месяц. Все ребята были довольны своими дачами. Только Ксении Владимировне Рубец, начальнику лагеря, и Зое Резеповой, старшей пионервожатой, не нравилось распределение нашего лагеря, так как дачи разных отрядов находились на довольно больших расстояниях друг от друга. Это мешало создать хороший, дружный коллектив. Ксения Владимировна не раз говорила с председателями исполкома и РОНО о переводе нас в Конную Лахту, но это все откладывалось.

Когда начались обстрелы Ольгина, пришел приказ немедленно оттуда вывезти всех ребят. Такое известие всех опечалило. Все мы так хорошо устроились, обжились, что совсем не хотелось переезжать. Ксения Владимировна называла нас «дачниками». Наконец, мы узнали, что уезжаем 10 июля. Все другие подсобные хозяйства отвели для ребят домики, откуда работниц переселили в Ольгино. А нашему отряду комсомольцев «Судомех» предоставил чердак. Там должны были разместиться девочки и старшие мальчики, возвращающиеся из военного лагеря, а также три учительницы. Перед переездом в последние дни мы ходили смотреть, как двигаются работы в нашем «дворце» (так называла Ксения Владимировна наше жилище, по-татарски сарай — дворец).

В день переезда мы работали только до обеда, а затем отправились в Ольгино складывать вещи. Все суетились, кричали, как будто уезжали в какое-нибудь далекое путешествие, а не за два километра в соседнее селение. Наконец переезд состоялся. Оставалось расставить кровати. Чтобы никому не было обидно, их пронумеровали и стали тащить жребий. Конечно, при этом не обошлось без слез и ссор. Девочкам маленького роста пришлось разместиться на антресолях, которые мы называли «скворечником». Действительно, там было так тесно, что можно было только сидеть, и то упираясь головой в балку, а спускаться приходилось по приставной лестнице. Кроме того, когда девочки там шевелились, мох и мусор летели в наш Красный уголок, где жили Ксения Владимировна и Мария Николаевна Чуркина, а раз на них был пролит кофе, принесенный Зоей Сегаль.

На следующий день дневальные вымыли пол, все убрали, так что наш «дворец» совсем преобразился. Работницы приходили и восхищались, как мы изменили вид бывшего их жилья. А затем мы так привыкли к нему, что перестали сожалеть об Ольгино. Здесь было совсем близко от полей. Чуть только начинался дождь, мы возвращались к себе на чердак и занимались кто чем хотел. Чаще всего мы играли в почту и различные игры на смекалку.

Вскоре приехали мальчики. Они расположились за перегородкой, ближе к выходу. За загородками спали Ксения Владимировна с Марией Николаевной и Анна Людвиговна. Из комнаты Ксении Владимировны в наше общежитие сквозили большие щели, и Ксения Владимировна все видела, что у нас делается. Особенно плохо приходилось нам во время «мертвого часа». Мы должны были спать, а мы потихоньку читали. Чтобы Ксения Владимировна этого не видела, девочки заделали щели газетой, но Ксения Владимировна все-таки проделала дырочки в ней, и нам приходилось спать. По вечерам мы играли в прятки, горелки, пятнашки, а затем пели хором песни. Когда Ксения Владимировна приезжала из города, мы, старшие мальчики

и девочки, ходили ее встречать. Идя по дороге, мы дружно и громко распевали, так что Ксения Владимировна еще издали узнавала, что лагерь вышел ей навстречу.

Однажды нам сказали, что приедет военрук Бруно Фабианович Плепис. Мы со страхом ждали его. «Вот уж нагонит жару, — думали мы, — теперь не будет свободного времени после работы». И действительно, как только он приехал, было составлено расписание военно-физкультурной работы, и мы должны были в определенное время играть в городки, ходить в лес. Утром Бруно Фабианович не любил, чтобы кто-нибудь опаздывал, и мы старались выходить точно, чтобы он не сердился.

Культурно-массовая работа у нас велась хорошо. Часто ребята устраивали концерты, каждый день читались по отрядам статьи, а наиболее важные из них разбирали на собрании военного лагеря. После ужина проводилась линейка, на которой подводили итоги дня. Каждый день учащимися делались коротенькие информации из газет. С большим удовольствием узнавали мы о победах Красной Армии. Однажды Ксения Владимировна приехала из Ленинграда и сообщила о взятии Харькова. Мы уже спали, но тут сон как рукой сняло. Все захлопали, закричали «ура» и долго не могли уснуть, разговаривая о текущих событиях.

Часто мы ходили в лес за клюквой и грибами. Однажды произошел такой случай. Несколько девочек пошли в лес за морошкой. В лесу хорошо, обдает приятный холодок. Ноги погружаются в мягкую влажную почву. Вдруг раздается крик одной девочки: «Змея, змея!» Мы все рассыпались в разные стороны. Немного опомнившись, стали расспрашивать девочку, где она видела змею. А она со страху ничего не помнит, прыгает на одной ноге и кричит: «Я сандалию рядом с ней оставила и не разглядела ее, помню, что она была с ножками». Стали мы искать сандалию и видим: лежит огромная коряга, похожая на скорпиона, а сандалия рядом с ней. Вот было хохоту!

А два раза мы ловили шпиона. Первый раз это случилось так: мы пололи морковку, вдруг увидели человека в военной форме, пробирающегося между грядок. Крикнули ему: «Что Вам здесь нужно?» Но он, не обратив внимания, пошел дальше. Тогда одна девочка побежала в избу, где была расположена военная часть, и вместе с двумя краснофлотцами догнала подозрительного человека. Оказалось, это был лейтенант. Документы у него были, но не было отпускной. Чтобы разобраться, его отвели в комендатуру, а нас поблагодарили за бдительность.

Другой раз мы работали на свекле. Двое каких-то мужчин (один с автоматом) подошли к нам и спросили, как пройти на Горскую, а затем сказали, что у них идет учение, поэтому нам не следует говорить, куда они шли, пограничникам с собакой, которые их ищут. Девочки все же сказали о них морякам. Мы вернулись и спокойно продолжали работать. Вскоре подошли пограничники с собакой и спросили, не видали ли мы двух мужчин. Оказалось, что те в действительности были диверсантам, их уже давно преследовали. Неизвестных, конечно, задержали.

Был еще один интересный случай. Скворцов Коля, Жорес Петров и Юра Васильев любили ходить на поле, где происходило учение воинских частей, и собирать патроны, обоймы и пр. В одну из таких прогулок они увидели торчащую проволоку и предмет, прикрытый дерном. Сняв дерн, они увидели ящик из серого гофрированного железа. Жорес, сын военного комиссара, заявил, что это противотанковые мины. Вместо того чтобы сообщить о находке учителям или в воинскую часть, они отнесли это в старый дот, с которого мы караулили огородные поля. Само собой разумеется, что все мальчики устремились к доту. Это привлекло внимание М. А. Валуева и Ксении Владимировны, и они отправились туда выяснять причину сборища. Конечно, это сборище было моментально ликвидировано и вызваны представители НКВД. Тов. Волков нам потом сообщил, что это были немецкие противотанковые мины большой мощности.

Удивительное дело, сколько раз у нас в лагере велись беседы об осторожности при находках любых вещей в поле и в лесу, а наших мальчиков все-таки тянуло к военным предметам! Так, мальчики 5-го класса бросили в костер патрон. Последовал взрыв, пуля ударила в окно, пробила два стекла, пролетела над головой работницы и застряла в стене. Мальчики испугались. Дело разбирал совет лагеря, виновники были лишены отпуска в город.

С первых чисел сентября мы должны были дежурить на полях, охраняя урожай. Участков было несколько. На дальних участках дежурило по два человека, а на ближнем — на вышке, по одному. Вышка представляла из себя высокий дзот с крутыми склонами. С него было видно поле на большое расстояние. По ночам дежурили рабочие подсобного хозяйства, а днем ребята. Хорошо было на вышке в теплую, но не в жаркую погоду, когда тебя обвевает прохладный холодок. Зато в холодную ветреную погоду нам приходилось несладко. Мы надевали все, что могли, и все же промерзали до костей, так как ветер пронизывал насквозь. Несмотря на все трудности, мы хорошо поработали все лето и получили за уборочную работу Красное знамя горкома комсомола, сохранив и свое, Октябрьского района. На этой

линейке при получении знамени были директора подсобных хозяйств. Они благодарили нас за отличную работу и оказанную им помощь.

Люся Ширкевич,
ученица 8-го класса,
секретарь комсомольской
организации школы

Комсомольская работа в школе

До войны в нашей школе было много комсомольцев. Когда началась война, многие комсомольцы ушли на фронт, поступили на производство, эвакуировались из Ленинграда. В школе остались две комсомолки. Зимой 1941–1942 года в школе не было комсомольской организации. С наступлением лета, как и все ленинградские школьники, ученики старших классов нашей школы поехали на огороды. Работали ребята хорошо, дружно, весело. Многие из них выполняли больше полутора норм. С самого начала по приезде К. В. Рубец и М. И. Барская начали агитационную работу с учащимися.

Среди мальчиков большую работу провела А. Л. Артюхина, бригадир отряда мальчиков. Первым взял анкету Ю. Артюхин. Девочки долго колебались. Педагогов вопрос очень волновал. Как-то раз вечером, когда мы уже лежали в постелях и, как обычно, болтали со старшими девочками, повела беседу Ксения Владимировна. Она говорила о том, какие тяжелые моменты переживает наша Родина, какая над ней нависла смертельная опасность и какую роль партия и комсомол играют и на фронте, и в тылу. Девочки молча слушали. «Быть может, вы боитесь вступить в ряды комсомола в такой тяжелый момент?» — спросила Ксения Владимировна. «Нет, нет», — возмущенно ответили девочки. «Спокойной ночи!» — сказала она. Весь вечер девочки долго шептались, а Ксения Владимировна, спавшая с нами в сарае, вопреки обыкновению, не останавливала девочек. Они решили вступить в комсомол. В комсомол пошли лучшие производственники, активно участвовавшие в жизни лагеря. Это был замечательный день, который ребята запомнят на всю жизнь. Описала его Ара Шестакова.

Окончились огородные работы. Ребята возвратились в город. Начался второй учебный год в дни блокады. Теперь уже в школе была комсомольская ячейка, секретарем был избран Юра Артюхин. Он учился тогда в 8-м классе. Юра — свободный, талантливый организатор. Наша школьная комсомольская организация начала быстро расти. В этот год комсомольцы нашей школы выполняли много общественной работы: скалывали и убирали снег, грузили, перетаскивали, пилили и кололи дрова. Почти каждую неделю были воскресники, на которые являлись почти все комсомольцы. В нашей школе было уж так заведено, что если дано поручение, то его надо обязательно выполнить.

В начале года комитет состоял из 3 человек, а к концу — из 5. Члены комитета проверяли успеваемость комсомольцев. В школе был переходящий вымпел. Каждую четверть он передавался комсомольцам того класса, где успеваемость была лучше и выполнено много общественной работы. Весь год вымпел держали комсомольцы 7-го класса, они остро переживали, когда кто-нибудь из них получал плохую отметку, очень боясь, что у них отберут вымпел.

Пионервожатыми в школе были комсомольцы. Вначале они работали плохо. Это были неопытные пионервожатые, ученицы 7-го и 8-го класса. С ними много беседовали, проводили семинары, на которых ставились вопросы, как нужно работать с ребятами, заинтересовать их, устроить интересные сборы. В начале года у нас была старшая пионервожатая, которая так же была неопытна в работе, как и остальные вожатые. Ее сняли, и к нам прислали Зою Резепову. В классах сразу закипела пионерская работа. Пионерские отряды подготовляли тематические сборы, устраивали культпоходы в кино, театр или школьные вечера.

У нас хорошо проходили школьные вечера. Ребята ждали этих вечеров с нетерпением, уже заранее к ним готовились. Прекрасно у нас прошли вечера, посвященные 25-летию ВЛКСМ, дню Красной Армии, дню 8 марта, был хорошо встречен Новый год. На этих вечерах мы демонстрировали свою самодеятельность. Очень часто мы давали концерты в подшефных госпиталях. В день Красной Армии мы собрали много подарков и отнесли их раненым бойцам. В конце мая комсомольцы начали готовиться к испытаниям. Было проведено комсомольское собрание, на котором выступали ребята. Они говорили, что стыдно комсомольцам оставаться на второй год, — какой же тогда пример будет видеть несоюзная молодежь? Все комсомольцы сдали испытания и перешли в следующие классы.

В начале лета наша школа начала подготовку к отъезду на огороды. Составлялись списки отрядов. В эти отряды были назначены пионервожатые и прикреплены воспитатели. Была выпущена специальная газета. На доске был вывешен список тех вещей, которые нужно было взять на огороды. На огороды мы уехали 4 июня. Там быстро наладилась пионерская работа в отрядах. Из старших ребят были организованы

2 комсомольских бригады. Они все время шли впереди. Комсомольцы следили за проведением физкультурных соревнований в пионерских отрядах, проводили беседы в отрядах, устраивали военные игры под руководством Зои Резеповой, проводили лагерные вечера.

Людмила Бурдоль,
ученица 10-го класса

Работа в госпитале

Одним из многих замечательных качеств, присущих нашему народу, является его нерушимая спаянность. Это качество помогло нашей Красной Армии в настоящее время успешно оттеснить врага до государственной границы, помогло продолжать гнать его дальше на запад. В те периоды, когда в личной жизни наступают тяжелые моменты, когда тобой овладевает отчаяние, мысль о необходимости делать все для фронта заставляет отбросить все личное и с еще большей страстью отдаться делу великой борьбы, направленной на пользу Родины. Когда человек из-за ранения, нанесенного ему фашистами, вынужден лежать, прикованный к постели, не имея возможности ни заняться любимой работой, ни видеться с родными и близкими, громадное значение имеет внимание к нему даже совершенно незнакомых людей. Этим и объясняется то, что нас радушно принимали бойцы в подшефном госпитале № 2010.

Помню, как первый раз в октябре 1943 года Нюра Шоц и Нина Кутаева, Лариса Рудакова, Лида Лиленко, Вера Иванова и я с пачками книг в руках, одетые в белые халаты, волнуясь, словно шли на экзамен, поднимались по лестнице госпиталя. Каждую из нас беспокоило, как примут нас бойцы, и, может быть, то, что мы будем делать, совсем не нужно. Чувствующая себя более уверенно, чем мы, Клава Кудрявцева, которая работала в госпитале в прошлом году, сопровождала каждую из нас в отдельности в палаты и знакомила с ранеными.

Как только я вошла в палату, все мои сомнения исчезли. Я почувствовала себя нужной больным. Каждый раненый боец звал к себе, вопреки больничным правилам усаживая на кровать. Начинался хороший, задушевный разговор, заказывалась интересующая бойца книга. Аккуратно два раза в неделю, а иногда и чаще, посещали мы госпиталь. В палатах, когда мы приходили, раздавалось привычное: «А вот и девушки пришли!», и раненые окружали стол, за которым мы размещались. «Принесите, пожалуйста, книгу...» — раздавались возгласы. «На казахски, на казахски», — просил раненый боец книг на родном языке. «Кныжечка по-киргизски», — раздавалось из противоположного угла палаты, а в другом месте уже пожилой раненый смущенно просил: «Мне бы с буквами покрупнее». Всеми правдами и неправдами доставали и русских классиков, и советских авторов, и А. Дюма, и приключенческие романы, и национальную литературу, и сказки с картинками и крупными буквами. За короткое время мы совершенно неожиданно для самих себя сумели завоевать симпатии и доверие бойцов. Нас ждали, когда нас не было, радовались, когда мы приходили, с восторгом встречали концерты самодеятельности как старших, так в особенности младших ребят нашей школы.

Анна Шац,
ученица 10-го класса

Связь с шефами и поездка на фронт

До войны над школами шефствовали разные предприятия, чаще всего фабрики и заводы. Началась война. Ленинград стал городом-фронтом, и шефство над школой приняло совсем другой характер. Каждый день перед школой возникал ряд вопросов: то надо заделывать окна, так как стекло, целлофан и даже фанера вылетали при артиллерийском обстреле и бомбежке города, то превратить в дрова деревянный дом, то привезти дрова в школу и приготовить школьное помещение к зиме.

У нашей школы было много шефов: морская часть, батальон связи, несколько предприятий. Все эти шефы помогали школе в хозяйственном отношении. К сожалению, ученицы школы не имели с ними дружеской связи. Нам очень хотелось установить связь с действующей частью Красной Армии, и вот в этом учебном году (1943–1944) над нашей школой взяла шефство Н-ская дивизия Ленинградского фронта. Весть о таком шефстве была встречена нами, учащимися, радостно. С нетерпением мы ждали того момента, когда делегаты дивизии приедут к нам в школу. Мы пригласили их на наш вечер. Какова же была наша радость, когда вместе с героями-бойцами к нам приехали и джаз-оркестр, и участники самодеятельности. Казалось, что такого вечера у нас никогда не было. Очень интересно прошла торжественная часть. Наши гости рассказывали нам о своих боевых делах, обещали бить врага еще сильнее. Капитан Павловский, обращаясь к нам, сказал: «Связь вашей школы с дивизией обязывает вас ко многому. Вы не должны отставать от своих шефов». В ответ на это обращение каждый взял на себя

обязательство учиться только на «5» и «4», чтобы быть достойными своих шефов.

Всем очень понравилось выступление самодеятельности дивизии, все номера были хорошо поставлены. Когда надо было расходиться, никто этого не хотел. Этот первый вечер, проведенный вместе с делегатами дивизии, заставил нас еще больше полюбить школьные вечера. И теперь каждый праздник мы устраиваем вместе с шефами. Но наша связь не заключается только в вечерах. Мы, школьники, стараемся чем только можем отблагодарить своих друзей-шефов. Мы собрали много книг, сшили кисетов, причем каждая школьница с любовью делала подарок.

Наша связь с Красной Армией заключается не только в шефстве над нами. Наша школа сама шефствует над двумя госпиталями. В одном госпитале ученицы X класса проводят политико-массовую работу с ранеными бойцами, для другого госпиталя мы чинили белье. Самодеятельность школы часто дает концерты в этих госпиталях. Этой нашей небольшой работой мы хотим отблагодарить любимую Красную Армию за ее победы. Каждый из нас мечтает побывать на фронте. Каждому хочется самому отомстить за гибель товарищей и близких, за свой любимый Ленинград. Но Родине нужны культурные и образованные люди, нужны специалисты, поэтому наша важнейшая задача — отлично учиться. Все же мы очень хотим хотя бы посмотреть, как воюют наши доблестные воины. Побывав у нас в гостях, шефы предложили прислать к ним делегацию от школы. Каждой ученице, естественно, хотелось поехать на фронт, но взяли только лучших, всего 10 человек. Решено было ехать 5 декабря, в день сталинской Конституции. Мы все боялись, чтобы не случилось чего-нибудь опять, что могло бы помешать нам ехать.

Наступило 5 декабря. День был морозный, но солнечный и ясный. На улице было светло от снега, который блестел на солнце. Мы пришли в школу с тревогой, что вдруг опять не состоится поездка. Никаких сообщений из дивизии не было, и мы поехали на вокзал. Как-то еще не верилось, что сегодня мы увидим все, что происходит на фронте. Но мы уже ехали в поезде, и никаких сомнений больше не возникало. Это придавало нам бодрость и веселье. Всю дорогу мы пели, веселились, предвкушая много интересного от того, что нам предстояло увидеть. Время прошло очень быстро, и мы уже были на станции. Нас встретили представители дивизии, и сразу почувствовалась забота и любовь в обращении с нами.

Сначала мы пошли в политотдел, где к нам прикрепили руководителя. Для нас была вызвана машина. Мы удобно уселись и поехали по направлению к фронту. Но нам не повезло: не успели мы немного отъехать, как у машины пропал газ. Тогда мы пошли в землянку, но нам показалось, что это что-то мрачное, холодное. Каково же было наше удивление, когда нас привели в чистенькую подземную квартиру с электричеством и радио! Это и была землянка. Здесь нас накормили. К этому времени машину уже починили, и мы отправились дальше, на передовые позиции.

Дорога проходила по Выборгскому шоссе. На пути нам попадались противотанковые рвы, проволочные заграждения, ряды окопов и траншей. Нам даже удалось увидеть звукоулавливатели. Мимо нас проезжало много лыжников. Все они в совершенстве овладели лыжами, но особенно хорошо ходил на лыжах боец-казах, на которого мы обратили внимание. Было странно, что казах не только привык к нашему климату, но и овладел лыжным спортом. Всю дорогу мы пели песни и с восторгом ждали прибытия на передовые. К часу дня мы прибыли в полк майора Шильмина. Майор очень приветливо встретил нас и сам пошел с нами в свои подразделения. Мы вышли в лес и направились по снеговой тропинке к артиллеристам...

Погода благоприятствовала нам. В лесу было тихо. Деревья стояли покрытые снегом. Иногда в воздухе появлялся дымок от землянок, а затем опять видны были только белая пелена снега и солнце, окутанное белой дымкой. Мы шли молча, и только снег хрустел у нас под ногами. Наконец мы пришли к артиллеристам. Нас пригласили посмотреть, как живут бойцы. В землянках было очень чисто и уютно, но особенно было чисто около орудия. Земляной пол был посыпан песком. Сама пушка блистала чистотой. Все было на своих местах.

Терехина Ирина,
ученица 8-го класса

Как я была пионервожатой в оздоровительном лагере

Райком комсомола мобилизовал меня на работу вожатой в лагере для младших школьников. Работа, с которой я должна была встретиться, меня пугала, так как я никогда не была вожатой. В Левашово, где помещался наш лагерь, приехали сначала одни вожатые. Дачи для приема ребят были подготовлены, и мы, вооружившись тряпками, стали мыть и убирать их. Благодаря упорной и настойчивой нашей работе, мы в 10 дней привели в порядок все дачи и территорию лагеря. 21 июня должны были приехать

ребята. Все мы ждали этого дня, так как он должен был принести много перемен в нашей жизни. Мы ясно понимали, что нам поручено ответственное дело — создать хороший отдых для маленьких ленинградцев, которые впервые за время войны выехали в лагеря. Поэтому нас волновал вопрос: справимся или нет. Думать, однако, было некогда, так как надо было готовиться к приезду ребят.

В назначенный день, в час дня, приехали ребята. Мне дали 18 человек, из них 10 мальчиков и 8 девочек. Ребята были в возрасте 10–12 лет. В первый же день я разбила их на звенья, а на следующий — познакомила с местностью. Так началась наша жизнь в лагере. С завтрака до обеда мы всем отрядом ходили работать на огороды и на торф, но это повторялось не систематически, а два раза в неделю. В те дни, когда не надо было идти работать, я ходила с ними в лес по ягоды и грибы, в очень жаркие дни ходили к озеру. Ребята очень любили играть в военные игры на песчаных горах. 7 июля состоялось открытие лагеря. К этому дню все ребята лагеря готовили самодеятельность.

Мы убирали и украшали дачу елкой и цветами, а прилегающую к ней территорию посыпали песком, делали клумбы. Военрук учил ребят маршировать. Открытие лагеря началось парадом. Затем была показана самодеятельность ребят и артистов Ленгосэстрады. В лагере ребятам было весело. Они ходили в авиагородок смотреть кинофильмы. Часто приезжали артисты Ленгосэстрады и ребята из кружков Дворца пионеров.

Малыши отдыхали 45 дней. Дни отъезда были очень трудными для нас, вожатых. Мы упаковывали и надписывали вещи. Когда уехала первая партия ребят, мы пошли на озеро, где ребята купались до вечера. Через 3 дня приехала новая смена. Ребят со знаменем встречали на станции. В эту смену мне дали 36 человек (дошколят) в возрасте 7–9 лет. Октябрят я познакомила с местностью, названиями деревьев, водила на торфоразработки, рассказала им, для чего нужен торф, как он образуется и из чего, ходила с ними по ягоды и грибы в лес. Мы собирали также листья, травы, цветы для коллекций, ловили бабочек и жуков. Ходили с ними на просмотр кинокартины в авиагородок, в дом Красной Армии. Я читала малышам рассказы, проводила беседы о событиях на фронте Отечественной войны, готовила самодеятельность к слету, разучивала песни, учила ходить строем. Ко дню слета я научила ребят прочесть рапорт о работе отряда, вместе с ребятами украшала дачу и ее территорию.

Дней через 5 после слета состоялись прощальная линейка и закрытие лагеря. Мы уехали вместе с ребятами.

Тимуровцы класса 2-б

После летних каникул, когда мы пришли в школу и начали новый учебный год, наша учительница Анна Людвиговна прочла нам книгу «Тимур и его команда». Нам эта книга очень понравилась, и мы решили организовать из ребят нашего класса тимуровскую команду. Мы разыскали старушку, которая оказалась очень слабой и немощной, а дети ее, дочь и три сына, были на фронте. Сил у нас после отдыха в лагерях было достаточно, чтобы приняться добросовестно за тимуровскую работу. Мы стали ее посещать через день. Мы делали все необходимое для нее: приносили воду, кололи дрова, выносили мусор, вытирали пыль, мыли пол, ходили в столовую за обедом.

Чтобы порадовать старушку, мы даже решили устроить бабушке на Новый год сюрприз. Притащили елку, собрали деньги, купили игрушки, украсили ее и устроили концерт своими силами. Бабушка была всем так довольна, что решила послать письмо нашей учительнице Анне Людвиговне. Мы были рады, мы чувствовали, что наши труды не пропали даром. В нашем классе сначала была организована одна тимуровская команда, а теперь их уже три. Все они добросовестно исполняют возложенные на них обязанности. Это подтверждают благодарности, полученные от инвалидов, которых они обслуживают.

Тимуровский отряд класса 3 «а»

Наши тимуровцы

У нас в отряде не было тимуровской команды до декабря. В декабре мы узнали, что по улице Якубовича проживает старушка Белоновская; ей 60 лет, она больна, совершенно одинока и беспомощна. Бабушка работала при доме и вдруг заболела водянкой. В первый раз мы пришли, стали пилить дрова, колоть, вымыли пол и истопили печь. Так стали по очереди помогать бабушке. Однажды она нам рассказала, что у нее не получена пенсия. Наши девочки: Ширкевич, Кронберг и Винник похлопотали и получили для старушки пенсию.

Как-то бабушка сказала нам, что 24 января день ее рождения. Сначала мы сделали генеральную уборку, нанесли воды, чтобы вымыть бабушку. Собрался весь отряд. Все девочки принесли подарки, потом стали веселиться, танцевать под патефон. У бабушки на глазах были слезы радости. Она говорила, что никогда не забудет этого дня. Между тем бабушка все болела. Раз, когда мы пилили дрова, на двор въехала машина.

Это приехали за бабушкой, чтобы отвезти ее в больницу. Мы были рады за бабушку. Теперь мы ходим ее навещать в больницу и носим ей сухари. Она очень радуется нашему приходу, а также все больные в палате. Бабушка написала нам благодарность. Вот она:

Благодарность от Белоновской К. Т.

Я, Белоновская К. Т., работала сторожем при доме и вдруг заболела водянкой. У меня два сына на фронте. Я лежала одинокая в очень тяжелом состоянии. Узнав о моей болезни, девочки 239-й школы класса 3-а Винник, Ширкевич, Кронберг, Малафеева, Бурдикова, Корытова, Мехова, Чавлецова и Черноносова оказывали все возможное, например, пилили дрова, кололи, носили золу, выносили грязное ведро, мыли пол, топили печь, варили обед. Прошу школу отметить чуткое и сердечное отношение детей ко мне, за что приношу глубокую благодарность.

Белоновская К. Т.

Тимуровцы 5-го класса

В «Пионерской правде» мы читали о работе тимуровцев. Радио сообщало об их помощи бойцам и их семьям. Наш отряд решил взять шефство над инвалидами Отечественной войны. Первый адрес получило 1 звено. Ребята с радостью взялись за долгожданную работу. В назначенный день мы собрались в 4 часа в школе. Пришли к инвалиду. Долго стучали. Вышла какая-то женщина и сказала, что его нет дома. Ребята расстроились: мечтали оказать помощь, а некому. Наконец, в третий раз застали его дома. Вошли в квартиру, кругом грязь. Постучали в комнату. Вошли. То, что мы увидели, глубоко поразило нас. Пол грязный, холодно. Больной без помощи лежал на кровати. У него открылось воспаление раненой ноги, и он не мог двигаться.

Со слезами на глазах благодарил он нас за внимание и заботу. Мы решили облегчить его страдания, сделать так, чтобы ему было легче. Мы пилили, кололи дрова, мыли пол. Но мы еще не все возможное сделали для инвалида. Очень хорошо помогает инвалиду 4 звено. Звено получило благодарность от раненого бойца. Вот благодарность:

Я, Снетков И. А., получил тяжелое ранение в левое бедро разрывной пулей, что перебило кровеносные сосуды и кость. Сейчас я инвалид Отечественной войны. Раны, нанесенные немецкими фашистами, до настоящего времени не зажили. Мне двигаться не приходится, а приходится лежать в постели без всякой помощи. Но не забывают инвалидов пионеры 239 школы отряда 4 звена: Сергеева, Терещенко, Есипова, Александрова, Кольцова и Дмитриева. Они мне оказывают большую помощь, например, пилят и колют дрова и носят их в квартиру, а также по уборке квартиры, что я не в силах сделать. Они с большой охотой все это делают. Я очень доволен за их оказываемую помощь.

Однажды после 5 урока к нам в класс пришла старшая пионервожатая Зоя. Она сказала: «Ребята, нужно получить и перевезти дрова для жены фронтовика». Ребята с большой охотой взялись за эту работу. Они сами вместе с Зоей достали тележку и на ней привезли дрова. Помощь была оказана, и жена фронтовика была обеспечена дровами.

Первое звено обслуживает двух инвалидов, один из которых очень молодой. Когда ребята пришли к нему убираться, он очень радушно встретил их. Во время уборки он шутил с ними, беседовал. Когда ребята уходили, он благодарил, глядя на них со счастливой улыбкой. Теперь все ребята в пионеротряде помогают инвалидам. Они с честью выполняют почетную работу.

Рудакова Лариса,
ученица 10-го класса

Как ребята получили медаль «За оборону Ленинграда»

Работа трудящихся, направленная на укрепление обороны нашего города, оценена правительством наравне с вооруженной защитой его бойцами и командирами нашего города. Медаль «За оборону Ленинграда» с изображением Адмиралтейства украшает грудь как командира и бойца Красной Армии, так и рядовой работницы и школьника города Ленинграда. Многие учащиеся нашей школы, в том числе и мальчики, которые сейчас ушли в другие школы, институты или армию, также удостоились этой высокой награды. Школьники, трудившиеся на огородах, получили медаль «За оборону Ленинграда» на месте работы.

Это было 26 июня 1943 года. День этот для всех, получивших медаль, запомнился на всю жизнь. Помещение для вручения медалей было отведено в столовой. Простая фанерная постройка в этот день была неузнаваема: ребята украсили стены гирляндами папоротника и ветками ели,

целые елочки стояли в углах, букеты цветов стояли на столе, а земляной пол был покрыт слоем чистого песка. Волнуясь, подходили ребята за медалью. Многие говорили ответные слова, обещали еще лучше учиться. Некоторые от избытка чувств расплакались. Учительница В. В. Усенко от волнения забыла, что она хотела выступить, и вспомнила об этом, уже сев на свое место. К. В. Ползикова-Рубец, начальник лагеря, подчеркивала в своем выступлении необычайность обстановки в нашей стране, когда учителя и ученики, старики и молодежь объединены одним горячим желанием быть как можно полезнее Родине, когда правительство отмечает их одной и той же высокой наградой.

О чувстве, пережитом в тот момент, рассказывает ученица 9-го класса Валя Петерсон: «От избытка чувств, нахлынувших на меня, я как-то сразу растерялась. Я от радости смогла только вымолвить: “Я все сделаю, что от меня будет зависеть”. Я была как во сне. Под аплодисменты я села на место и долго не могла прийти в себя. Меня кто-то поздравлял, мои пионеры целовали меня. Я как будто на их поздравления отвечала: “Спасибо!” Возвратившись на дачу, где я жила со своими пионерами, я решила работать еще лучше. Я всю ночь не могла уснуть, много думала о проделанной работе и о работе, которую я еще могу проделать».

Медаль «За оборону Ленинграда» большей части учениц нашей школы вручали в здании Дома пионеров и школьников. И здесь школьники сильно волновались, вскакивали со своих мест, не расслышав ясно вызванной фамилии. Получившие медаль, счастливые, возвращались на место и усевшись тотчас прикалывали медаль на грудь. Когда меня вызвали к столу, я забыла все заранее приготовленные слова, но более сильные слова подсказало мне сердце. Я сказала, что медаль обязывает нас еще более усилить помощь фронту, которая должна выражаться в нашей отличной учебе.

Петрова Людмила,
ученица 9-го класса

Окончательное снятие блокады

Необычной была утром 14 января наша дорога в школу. Мы шли под гул артиллерийских залпов и ярких вспышек, на фоне которых чудесен был Исаакиевский собор. Но было ясно — стреляют наши. В школе дрожали, а иногда вылетали стекла. Беспрерывные выстрелы и огненные вспышки вселяли бодрость в сердце. Было очевидно, началось наступление. Сразу вспомнились наши защитники. В эту минуту они яростно уничтожали врага, и мы мысленно желали им полнейшей удачи. Начались занятия. Несмотря на беспрерывную канонаду, мы сидели спокойно, так как знали, что стреляют наши. День прошел быстро. Возвращаясь домой, мы встречали оживленных, веселых ленинградцев, смело шагающих по улицам, не обращающих внимание на грохот канонады. Каждому хотелось как можно скорее поделиться радостной новостью со своими родными, знакомыми, друзьями. В этот день все почувствовали, что недалек час освобождения Ленинграда, настает и «на нашей улице праздник».

Следующие дни прошли в ожидании важных сообщений с Ленинградского фронта. Наши ученицы каждый раз при залпе спорили, кто именно дает залп. Многие уверяли, что узнают по звуку, стреляет ли «Киров» или «Адмирал Дроздов». Оба, во всяком случае, были так близко от школы, что их мощные залпы заставляли дрожать немногие стекла, уцелевшие в нашем здании после многократных вражеских обстрелов и близкого падения бомб.

Каждый день приносил радостные вести. Уже освобождены Лигово, Красное Село, Дудергоф, Петергоф — места, знакомые каждому ленинградцу. В школе шли оживленные разговоры. До начала занятий и на перемене мы вспоминали о дорогих нашему сердцу местах, о жизни на дачах, о веселых поездках в Петергоф, о прогулках на Воронью гору. И вот тяжело было сознавать, что разрушен Петергофский дворец, увезен в Германию «Самсон», разрушены места, с которыми связаны такие светлые воспоминания. Мы думали о том времени, когда вновь поедем в освобожденные места, и мечтали их увидеть такими, какими они были до войны. Но мы понимали, что это только мечта, ибо знали о тех разрушениях, которые произвели немцы в Ленинградской области, и безграничная ненависть кипела в наших сердцах. Мы с радостью думали о том времени, когда заставим подлого захватчика расплатиться за все зло, причиненное любимому Ленинграду.

Время летело быстро. Наступило 27 января 1944 года. В этот незабываемый день мы услышали по радио долгожданную весть об окончательном снятии блокады. Трудно передать ту радость, которую мы почувствовали, услышав это радостное сообщение. Перед глазами быстро промелькнула картина суровой зимы 1941–1942 г. Вспомнились товарищи, погибшие от голода, дети, искалеченные вражескими снарядами, близкие, родные люди, не перенесшие тяжелых условий ленинградской блокады.

Неужели не будет больше обстрелов? Неужели можно будет, наконец, спокойно идти

в школу, не боясь, что ты не дойдешь до нее? Неужели не надо больше бояться за целость своего дома, который мог быть разрушен в твое отсутствие, не нужно будет думать о матери, братьях, сестрах, которые могли погибнуть от вражеских снарядов? При этих мыслях о доблестных защитниках, освободивших Ленинград, гордость переполняла наши сердца. Мы всегда любили Красную Армию, все наши мысли были с нею, но в эту минуту она особенно была дорога нам. Было желание громко крикнуть: «Спасибо вам, дорогие товарищи, за освобождение Ленинграда! Мы никогда не забудем 27 января, так же как не забудем ваших героических подвигов, совершенных в дни освобождения Ленинграда!»

...В 8 часов вечера освобожденный Ленинград салютовал в честь одержанной победы. Много народа было в этот вечер на площадях и улицах Ленинграда. «Как много народа, словно в мирное время!» — смеялись ленинградцы. Некоторые плакали от радости. Многие целовались тут же на улице. В 8 часов ударили пушки, небо покрылось разноцветными ракетами. Как красив был Ленинград в этот вечер!

...С какой радостью мы шли на следующий день в школу! Разговорам не было конца. В 9 часов начался митинг старших классов. Выступали многие девочки. От имени своего коллектива они обещали исправить все недочеты, имеющиеся в их классах, ответить высокой успеваемостью на победы Красной Армии. Выступали ученицы с индивидуальными обязательствами. Некоторые из них плохо до сих пор занимались. Но в этот день им стало стыдно своей неуспеваемости, и они дали твердое обещание повысить успеваемость, чтобы быть достойными звания ленинградца. Затем выступили учителя. Они поздравляли нас с блестящей победой, одержанной на Ленинградском фронте, и, в свою очередь, обещали не жалеть сил для подготовки молодого поколения. Они обещали передать нам свои знания, чтобы подготовить из нас достойную смену нашим отцам, подготовить настоящих строителей новой, счастливой послевоенной жизни.

День окончательного снятия блокады навсегда останется в нашей памяти. Мы слишком многое пережили, чтобы позабыть радость освобождения. Мы никогда не забудем, что этой радостью мы обязаны нашим доблестным защитникам-воинам Ленинградского фронта. Все свои силы мы отдали на помощь Красной Армии, для скорейшего разгрома врага. Помня, что основная наша задача — учеба, мы постараемся учиться только на 5 и 4, чтобы быть достойными наших героев-освободителей.

Письмо генералу армии Говорову

Глубокоуважаемый и дорогой
генерал Говоров!

Услышанная нами вчера по радио весть о блестящей победе войск Ленинградского фронта наполнила наши сердца большой благодарностью доблестным защитникам нашего города. Победе этой салютовала Москва, победе этой радовалась наша страна. Мы, ленинградцы, радовались, как никто другой. Мы, школьники города Ленина, испытали всю тяжесть вражеской блокады в памятную зиму 1941–1942 года. Мы были свидетелями того, как враг своими многочисленными налетами и яростными артобстрелами пытался задушить жизнь города. Мы видели, как гибли родные и близкие нам люди. Среди жертв Ленинграда было много учащихся. Но и во время вражеских налетов мы не прекращали занятий в школе, спускались в бомбоубежище. В холод и голод мы учились и твердо верили, что наступят дни наших побед.

Нам очень больно и горько, что мы не можем Вам сказать, что мы, ученицы 239-й школы, так же выполняем долг перед Родиной, как офицеры и бойцы на фронте: среди нас есть ученицы с плохими отметками. Но уже сегодня 5-й класс в честь Ваших побед дал слово написать работу по арифметике на 5 и 4. Весь класс это слово сдержал, кроме одной ученицы. Примеру этого класса, мы убеждены, последуют и все другие классы, и мы придем к концу учебного года не с 90% успеваемости, а со 100%.

По мере сил мы помогаем фронту. Мы работаем в госпитале, чиним белье для раненых, ходим в два госпиталя со своей самодеятельностью, очищаем улицы наши от снега. Летом мы работали на огородах. Наша школа 2 года держит переходящее Красное знамя района и занимает второе место по городу за работу на полях подсобных хозяйств. Многие из нас имеют медаль «За оборону Ленинграда». Мы приложим все силы, чтобы работать еще лучше, еще больше. Мы были бы очень счастливы, если бы Вы могли когда-нибудь побывать в нашей школе. Передайте горячий привет от нас, комсомолок и пионерок и всех учениц 239-й школы, всем бойцам и командирам Ленинградского фронта.

Секретарь комсомольской организации
Л. Ширкевич

Председатель учкома
Л. Рудакова

Начальник дружины
Страдовская

20.01.1944 г.

Приложение III-15.6

Интервью с Зинаидой Аркадьевной Федюшиной
(в школе — Зина Иткина)

В ходе акции по сохранению исторической памяти о блокаде Ленинграда, которую проводит Президентская библиотека совместно с газетой «Петербургский дневник» и «Радио России — Санкт-Петербург», петербурженка Марина Голоушина принесла на оцифровку уникальную книгу «Моя блокада» (СПб., 2019). Она была создана исключительно силами ее семьи, всего в двух печатных экземплярах. В издании — воспоминания мамы Марины Голоушиной, Зинаиды Аркадьевны Федюшиной, которая провела в городе на Неве все 872 блокадных дня, а позже описала свои впечатления о горестях и маленьких радостях блокадного детства. Книга оформлена рисунками внучки Зинаиды Аркадьевны — Юли Голоушиной[13].

Несколькими годами ранее Зинаида Аркадьевна дала сыну своей подруги, десятикласснику Никите интервью, выдержки из которого приводятся ниже.

Жила я с бабушкой на Владимирском проспекте в доме № 3. Мама-фельдшер работала в госпитале на 7-й Красноармейской улице и почти не приходила домой, а папа ушел на фронт, он был техником-ремонтником. В начале сентября вышли во двор и смотрели на красивое багряно-красное небо, побежали на Невский, было очень интересно. А это горели Бадаевские склады... С этого времени начались бомбежки, сначала они были далеко, а потом — рядом. Голос диктора о воздушной тревоге звучит часто и сейчас. Бомбежки длились час-полтора. Первое прямое попадание бомбы в соседний дом тоже очень хорошо помню: вытаскивали раненых, было множество носилок, дружинницы на руках выносили детей. В бомбоубежище мы не всегда спускались, просто быстро не могли добежать. Помню, что в нашей парадной была ниша, в которую отправляла соседка тетя Маруся своих двух детей девяти и пяти лет и брала меня. Сама вставала, раскинув руки, чтобы защитить нас от падения и возможных осколков.

Зима: бомбежки, голод, карточки (125 граммов у меня и 125 г у бабушки); не было воды. На детскую карточку давали дуранду, какао, яичный порошок (вместо сахара). Дядя работал на «Монумент-скульптуре», приносил с работы клей в плитках, из него варили студень; картофельные очистки с олифой были для нас оладьями. Варить студень надо было долго на примусе, потом доваривали на буржуйке. Готовили тоже на керосинках. Керосиновая лавка была в доме № 7, и надо было умудриться получить керосин, когда его привезут. Топили через день-два; спали одетыми. Бабушка найдет щелочку в одежде и обдувает, чтобы мне было тепло. До войны она была полной женщиной, а потом носила пальтишко 15-летней внучки; зубы у нее выпали.

Мама изредка прибегала из госпиталя, приносила кашу, которую им давали на обед. Бабушка ругала маму: «Лиза, ты сама ешь, иначе мы умрем без тебя». Махорку мама меняла на дуранду и картофельные очистки. Воды тоже не было, напротив кинотеатра «Октябрь» на Невском проспекте была колонка, около нее обледенелая горка. Однажды увидела около колонки лежащего человека. Дружинницы собирали упавших людей: и живых, и мертвых. Канализация не работала. Дистрофия вызывала понос. Из горшка выливали прямо на улицу, не выходя из парадной. С ноября по апрель 1942 года я не мылась, были вши. Многие умирали. Дежурили солдаты, заворачивали в простынь и вывозили на саночках.

Наша 216 школа находилась на улице Рубинштейна, 13; военной зимой 1941–1942 года не работала, но 4 мая 1942 года, несмотря на бомбежки и обстрелы, школа снова открылась. Окна были завешаны одеялами. Света не было, освещали бутылками с керосином, куда был вставлен фитиль. 1 сентября начались занятия, но все время прерывались бомбежками. В школе было 5 классов, по одному с 1 по 5 класс. Учила нас Елена Левицкая, которую мы звали между собой «Наполеон» за белую шляпу с широкими полями. В 1942–1943 учебном году в нашем третьем классе учились и мальчики, и девочки. Решили

[13] URL: https://memoclub.ru/2018/11/it58/

поставить к Новому году спектакль «Сказка о царе Салтане». Разучивали роли в бомбоубежище, без костюмов. 18 мая возле школы на улице Рубинштейна, там, где сейчас располагается детский театр «Зазеркалье», произошел взрыв в доме напротив школы, осколки попали в столовую на первом этаже. Директор Вера Борисовна схватила наш класс и через другой выход вывела во двор. У окон столовой были дети, многие погибли и были ранены. Одна девочка осталась без ноги. Первый этаж школы был разрушен.

Юлия Федоровна Каменская была нашей учительницей, с которой наши девочки летом выезжали в Ручьи на поля и пололи грядки. Я же работала три летних месяца у мамы в госпитале, в кабинете лечебной физкультуры, разносила бинты, истории болезней, при бомбежках помогала выводить раненых и приводить их обратно в палаты. Ходила с котелком на кухню. Давали одну порцию каши (мамину порцию ели пополам) на завтрак, но на обед я получала тоже порцию. Свои карточки оставила бабушке.

В сентябре 1943 года я пошла в 4 класс. После уроков наша пионервожатая Дора вела нас в госпиталь около улицы Некрасова. Ангелина Михайловна вела у нас уроки пения. Для раненых пели «Ладогу», «Вечер на рейде», «Пляшет Аленка и песню поет», «Священная война». Мы ходили в госпитале по палатам, читали стихотворение К. Симонова «Жди меня».

И вот в это страшное время, когда люди умирали от голода и гибли под обстрелами, наша молодая учительница естествознания Людмила Михайловна Голицынская (Псюрок) организовала в школе кружок юннатов! Помню, как мы, 11–12-летние ребята, в короткие промежутки между тревогами 1–2 раза в неделю шли за своей учительницей по улицам, прижимаясь к стенам домов на случай бомбежки, если что, можно нырнуть в подворотню. А шли мы в Михайловский сад. Там собирали моллюсков, ветки деревьев и приносили их в пустой холодный класс.

В это трудно поверить, но в те годы мы начали собирать живой уголок! И радовались любому живому существу, которое хоть как-то могло напомнить о мирной жизни. Мама одной из наших девочек, Леры Румянцевой, работала рыбачкой и принесла нам в живой уголок миногу. И она жила у нас в аквариуме, а ведь это было время, когда, казалось, съесть можно было все что угодно... Людмила Михайловна договорилась, чтобы нам в соседней школе дали аквариум с лягушкой. Я и две моих подруги вызвались сходить за ним в школу на Невский проспект. Когда мы шли назад, началась бомбежка. Кругом рвались снаряды, а мы семенили вдоль серых стен домов, сжимая продрогшими пальцами драгоценную ношу. Но когда мы шли по Пролетарскому переулку (ул. Марии Ульяновой, ныне Графский переулок), начался обстрел нашего района. Что в те минуты пережила учительница, выбегая то и дело на улицу из укрытия, где находились другие дети. Девчонки уже почти дошли... и вдруг совсем близко взорвался снаряд! Маленький кусочек осколка попал в аквариум, и лягушка погибла, а вода стала сочиться сквозь трещину прямо в старенькие стоптанные ботинки... Девочки, не отрывая взгляд, смотрели на то, что осталось в руках, и беззвучно плакали... К ним перебегала дорогу Людмила Михайловна, раскинув руки, стараясь обнять сразу обеих, что-то шептала и тоже плакала! «Лягушку жалко», — подумали мы тогда, рассказала Зинаида Аркадьевна.

В январе 1943 года Людмила Михайловна попросила нас написать доклады: меня — о моллюсках, а Леру — о рыбке колюшке. Людмила Михайловна дала книжечку. На обложке красовался моллюск! Она предупредила, что желательно его срисовать в доклад. Если мы хорошо напишем, то наши работы отправят в Москву! Зачем? Это показало бы, что дети в блокадном городе *живы* и даже учатся... Ох, уж мы и расстарались! У Леры с рыбкой рисунок не получился. А мне повезло! С фронта на пару дней приехал отец, Аркадий Ефимович! Именно он помог мне нарисовать моллюска для доклада! Он отменно рисовал. Посадил на санки и отвез к учительнице. Людмила Михайловна погладила по голове и пообещала отправить в Москву мою работу. Мы часто пытались разузнать, куда делись наши доклады. Людмила Михайловна хранила в секрете правду — удалось ли ей тогда отправить посылку. Отец привез нам сухарей! Это был пир! Он посмотрел мой дневник и, как положено, расписался внизу... Дневник храню до сих пор. Отец очень гордился моими маленькими достижениями. Вскоре пришло известие о прорыве блокады 18 января. А папа вскоре погиб, 16 февраля...

Весной мы работали в Летнем и Михайловском садах — «лечили» деревья: замазывали известью отверстия от осколков бомб и снарядов. А в 1944 году Людмила Михайловна привезла нас в Озерки. На земле, которую изуродовала война, мы стали копать первые грядки будущей станции юннатов. Людмила Михайловна тогда говорила нам, что потом дети будут здесь растить цветы, овощи и деревья и что уже получена с Большой земли посылка с семенами. Тогда в это трудно было поверить — совершенно изрытая снарядами и бомбами земля, а вокруг лес, где иногда наш руководитель Виктор Леонидович Голицынский своим необыкновенным свистом «разговаривал» с птицами! А скоро мы посадили здесь первые яблони...

Приложение III-15.7

Нина Ивановна Высоковская
Моя жизнь в Ленинграде в период Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 года

Во время войны я жила в Октябрьском районе Ленинграда. Ушла из своей квартиры с Васильевского острова 6 сентября 1941 года и вернулась домой 28 января 1944 года, т. е. на другой день после освобождения Ленинграда от блокады. За время войны я была директором 261 школы, инспектором РОНО, завучем 237 школы. Работая в школе и РОНО, я была внештатным лектором и пропагандистом р/к КПСС и культпропом учительской парторганизации. В свободное время от основной работы я читала лекции, проводила беседы в школах, детских домах и по путевке р/к КПСС на промышленных предприятиях и домохозяйствах. И это было ежедневно. Иногда в один день я проводила две, три беседы[14].

В сентябре 1941 года в Октябрьском районе была создана учительская рота, которая существовала месяца три. Занятия роты проводились в 240 школе. Я была зачислена в учительскую роту и назначена ее политруком. Ежедневно перед началом военных занятий я проводила политинформацию для участников роты. Чтобы подготовиться к беседе, я рано утром прослушивала несколько передач по радио и все подробно записывала и, кроме того, занималась в семинаре при р/к КПСС.

Перед ленинградцами стояло много больших задач, чтобы отстоять город, сохранить жизнь. В начале войны мы рыли окопы за городом, строили огневые точки в самом городе, тушили и обезвреживали фугасные и зажигательные бомбы, заготовляли дрова, ломая деревянные здания, весной очищали улицы и дворы от льда и грязи, обрабатывали индивидуальные и совхозные огороды. По роду своей производственной работы я не только работала сама, но должна была организовать учителей на оборонные работы, а потому мне надо было работать лучше других. Октябрь и ноябрь 1941 года. В свободное время ходила по госпиталям Ленинграда, где наводила справки о своем брате Борисе, т. к. пришло сообщение, что он ранен и направлен в госпиталь в Ленинград. Но след о нем пропал, и он числился «без вести пропавшим».

В ночь с 16.02 на 17.02 1942 года я была ранена вражеским снарядом в стационаре Максимилиановской больницы. Лечилась от ран два месяца. К счастью, последствий ранения не осталось. Во время войны в Октябрьском районе работало 10 школ. Во время обстрелов и бомбардировок учащиеся занимались в бомбоубежище. Летом учителя и учащиеся работали в огородах. В 1942 году учителя Октябрьского района работали в совхозе «Ланская». В 1943 году я была начальником с/х лагеря учащихся 237 школы в совхозе «Восход» на станции Горская по направлению к Сестрорецку. В моем ведении находилось 100 человек учащихся (мальчики и девочки 5–7 классов) и учителей. В совхозе мы работали четыре месяца (с 1 июня по 30 сентября) и совершенно излечились от дистрофии. Мы работали в совхозе хорошо, план перевыполняли, а потому нас кормили хорошо. Я вела политическую работу не только с учителями своей школы, но и с рабочими совхоза. Два раза в неделю я ездила в Ленинград в Дом политического просвещения (Мойка, 57) и там получала большую помощь для ведения политической работы.

С сентября 1944 года я стала штатным лектором р/к КПСС. Любимой моей работой до конца войны было проведение бесед у громадной карты на улице (угол ул. Садовой и ул. Майорова). Собиралось много народу, занимали не только панель, но и мостовую (за что я получала замечания от дежурного милиционера). А я вставала на переносную лестницу и указкой на карте указывала движение советских войск на запад, передвигала шнур и ставила красные флажки на занятые нашими войсками города. Радостно было говорить о победах Советской армии! О моей работе на улице писала «Ленинская правда», заметку «Лектор у карты» рассказывали по радио.

[14] ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Нина Ивановна Высоковская, 1894 года рождения. 16 сентября 1941 года назначена директором 261-й школы. Декабрь 1941 года — старший инспектор РОНО Октябрьского района. С 1 августа 1942 года — заведующая 227-й школы.

Лектор у карты положения на фронтах в блокадном Ленинграде[15]

СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ

№ записи	Дата: год	Дата: месяц	Дата: число	Сведения о приеме на работу и увольнении	Сведения о работе, перемещениях по работе (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
1	2				3	4
				19.2 зачислена в числ. Окт.р-на		
7	1939	сент.	1.	Зачислена преподавателем начальной военной подготовки в 6 кл.		Прик. №32 вн. 31/VIII-1939 г.
8	1941	сент.	1.	Освобождена от работы в школе в связи с переходом на должность директора 261 школы		Прик. №52 вн. 29/IX-1941 г.
				Директор школы		
9	1941	авгус	16	Назначена директором 261 школы		Приказ №127 по Ленгорно-Промышленному Отделу
10.	1941	авгус		Освободить от работы директора школы в связи с переходом в Ленгорно-Промышленный Отдел. Снять с учета. Секретарь		Приказ Роно №242 от 5 сент. 1941 г.

Трудовая книжка Н. И. Высоковской

Что давало силы быть бодрой и работоспособной в осажденном городе? Забота партии и правительства, мужество окружающих ленинградцев и товарищеская поддержка в самые тяжелые моменты. У меня были хорошие друзья, с которыми я делила и горести и радости. Это были А. Н. Горелова, О. И. Шкорбатова, М. А. Попова и др. В самые тяжелые дни блокады Ленинграда 1941–1942 гг. мы с А. Н. Гореловой жили вместе в 237 школе в маленькой комнате. В этой комнате стояла чугунная печка, которую я вспоминаю как одну из спасительниц в холодном и голодном Ленинграде. В сарае школы было немного угля, и мы очень экономно топили свою печку по возвращении с работы. К нам приходили погреться учителя. Печка хранила тепло до утра. На плите печки мы кипятили чай, разогревали суп, который приносили из столовой, подсушивали ломтики суррогатного хлеба, около печки многие стирали. При жизни А. Н. Гореловой (она умерла в 1955 г.) мы часто вспоминали чугунную печку в 237 школе. Между прочим, большинство ленинградцев, несмотря на большие трудности, по возможности содержали себя в чистоте, и потому в Ленинграде не было инфекционных заболеваний.

В заключение еще раз хочется сказать, что коллективная работа, поддержка друг друга — все это согревало наши сердца и давало силы для большой работы по обороне любимого города. Очень жалко, что не стало музея обороны Ленинграда.

1961 г.

[15] Фото Д. Трахтенберга, 1944 г. Воспроизводится по: URL: http://nowbibl.ru/wp-content/uploads/2021/04/karta.jpg

Приложение III-16

Предсмертное письмо Георгия Павловича Королькова директору 222-й школы от 8 января 1942 года

Фаина Абрамовна!

Я у предела. t° — 35,5. Случайный врач, забежавший ко мне, нашел органы здоровыми, но истощение организма крайне критическим! Мучительный голод, хочется что-нибудь грызть, хоть дерево, а у меня с дочерью с сегодняшнего дня по 200 грамм хлеба, т. к. вчера оказалось ясным, что в столовых отрезают только по 200 грамм на супы и за восемь дней у меня и у нее все исчерпано. В кооперативе за прошлую и текущую декаду ничего нет. Топливо исчерпал почти совсем. Получив деньги в школе (за первую половину декабря), 110 руб. истратил на рынке на свечу, парафин, гарное масло, так что на время горит коптилка, а то не двинуться во тьме с места.

За школой числится больше шестисот рублей (две пенсии; за вторую половину и пр.), в кармане же гроши. До смерти хочется курить, охватывает тоска — нет ни папирос, ни табаку. Нельзя ли через столовую спецшколы достать кондитерских изделий или чего другого? У Нины все карточки.

Дмитрий Ив. Жуков говорил о возможности достать отрубей, но я его в последние дни не видел. Спасибо за одобрение на собрании. Умирать так бессмысленно — не хочется. Я страстно хочу и могу работать. Работа всегда была моей высшей страстью — но не от меня зависит, что настал предел.

Временами, лежа под одеялом, вдруг начинаю коченеть, останавливается сердце; что есть силы массирую себя и... немного оживаю. Не могу без страдания смотреть на голодную Нину, которая стойко вьется около меня и всем, чем может, отдаляет гибель отца.

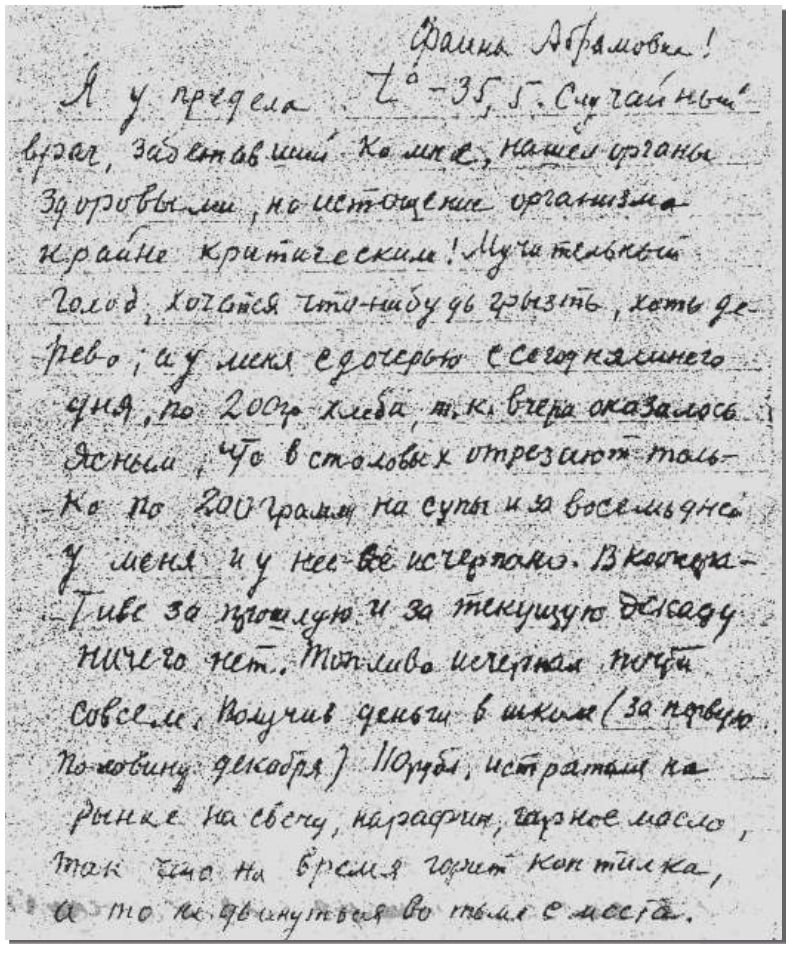
Мы оказались одни в осажденном городе. В квартире по соседству умирает старушка и инженер, оба тоже одинокие. Когда я был на ногах, я мог им помочь.

Отсутствие в квартире воды еще больше осложняет дело. Коммунальн. врача не добиться, и не знаю — как быть с бюллетенем для себя.

На вас, администратора, выпала тяжкая доля выслушивать нас, гибнущих, но избежать этого, к сожалению, нельзя. Хочется напоследок сказать Вам большие человеческие слова и пожелать лучшей доли — и бодрости. Будьте здоровы и благополучны и не поминайте лихом. Коллективу передайте мой сердечный привет и благодарность за товарищеские заботы в прошлом. Грустно. Но да живет и растет моя исстрадавшаяся Родина и горячо любимый родной Ленинград, где прошло у меня все. Пусть будет проклят Гитлер и демонические разрушающие силы, растаптывающие жизнь и бессмертную красоту мира.

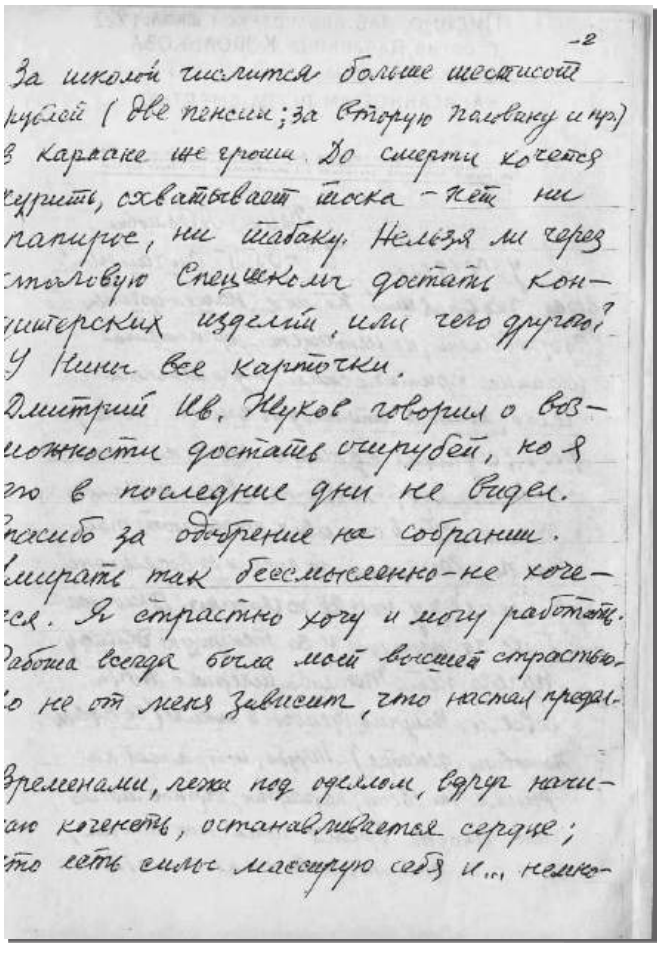
Верю в торжество преодоления наших неслыханных страданий. Я в это глубоко верю! Очень грустно и тяжело умирать.

Корольков —
8 января 1942 г. Ленинград



Фаина Абрамовна!

Я у предела. t° – 35,5. Случайный враг, забетонировавший Ладогу, нашел органы здоровья, но истощение организма крайне критическое! Мучительный голод, хочется что-нибудь грызть, хоть дерево; у меня с дочерью с сегодняшнего дня по 200 гр. хлеба, т.к. вчера оказалось ясным, что в столовых отрезают только по 200 грамм на супы и за восемь дней у меня и у нее все исчерпано. В кооперативе за прошлую и за текущую декаду ничего нет. Топливо исчерпано почти совсем. Получив деньги в школе (за первую половину декабря) 110 руб., истратили на рынке на свечу, парафин, гарное масло, так что на время горит коптилка, а то не двинуться во тьме с места.



-2

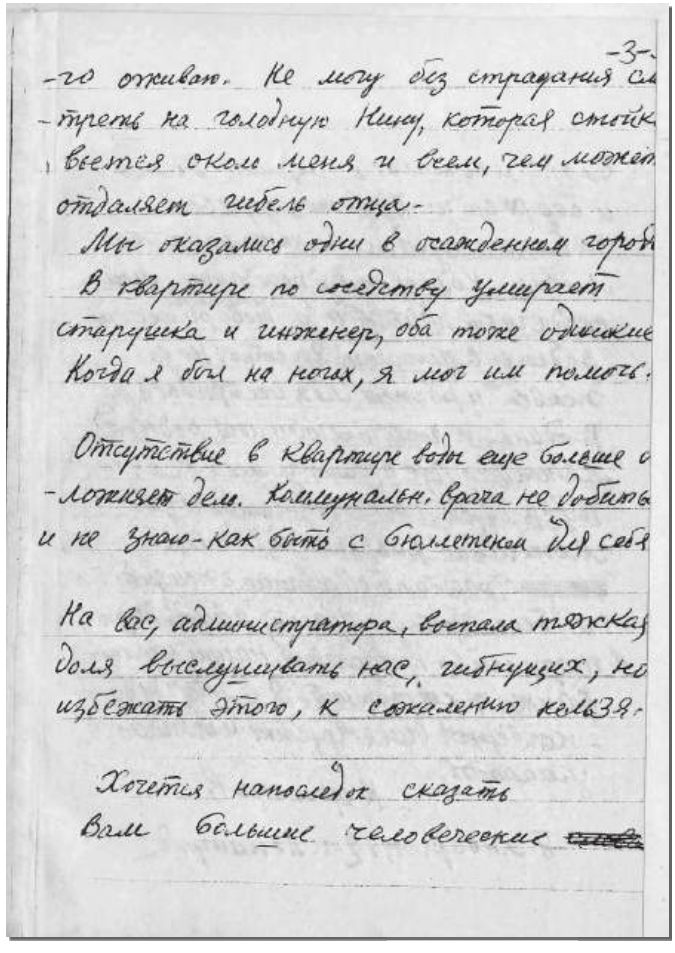
За школой числится больше шестисот рублей (две пенсии; за вторую половину и пр.) в кармане ни гроша. До смерти хочется курить, схватывает тоска – нет ни папирос, ни табаку. Нельзя ли через столовую Спецшколы достать кондитерских изделий, или чего другого? У нинч все карточки.

Дмитрий Ив. Жуков говорил о возможности достать сигарет, но я его в последние дни не видел.

Спасибо за одобрение на собрании.

Умирать так бессмысленно – не хочется. Я страстно хочу и могу работать. Работа всегда была моей высшей страстью. Но не от меня зависит, что настал предел.

Временами, лежа под одеялом, вдруг начинаю коченеть, останавливается сердце; кто есть силы массирую себя и... немно-



-3-

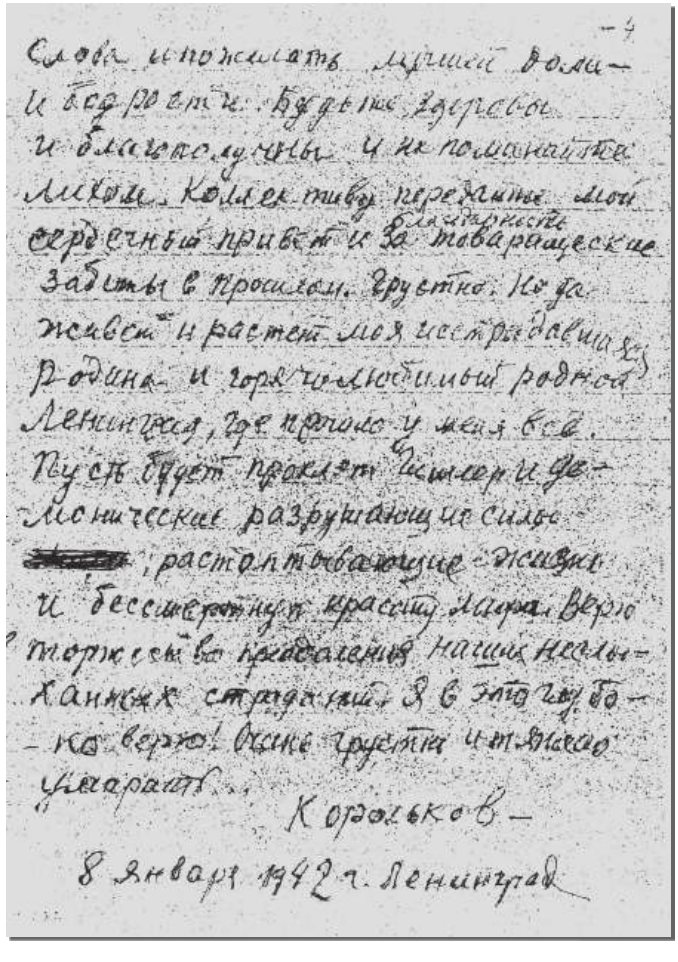
-го оживаю. Не могу без страдания см
-треть на голодную Нину, которая стойк
вается около меня и всем, чем может
отдаляет гибель отца.

Мы оказались одни в осажденном горо
В квартире по соседству умирает
старушка и инженер, оба тоже одинокие
Когда я был на ногах, я мог им помочь.

Отсутствие в квартире воды еще более о
-ложняет дело. Коммунальн. врача не добить
и не знаю - как быть с бюллетенем для себя

На вас, администратора, вопала тяжка
доля выслушивать нас, гибнущих, но
избежать этого, к сожалению нельзя.

Хочется напоследок сказать
вам большие человеческие



-4

Слова и пожелать лучшей доли -
и бодрости. Будьте здоровы
и благополучны и не поминайте
лихом. Коллективу передайте мои
сердечный привет и за товарищеские
забавы в прошлом. Грустно. Но да
живет и растет моя несгибаемая
Родина и горячелюбимый родной
Ленинград, где прошло у меня все.
Пусть будет проклят Гитлер и де-
-монические разрушающие силы
~~[illegible]~~ растаптывающие жизнь
и бессмертную красоту мира. Верю
торжеству победителя наших несча-
-стных страданий. Я в это ве-
-рю верно. Очень грустно и тяжело
умирать...

Корольков -

8 января 1942 г. Ленинград

Приложение III-17

Страницы из альбома с самостоятельными работами учащихся 6-го класса школы № 367

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1

Самостоятельная работа учащихся VI кл.

по теме:

„Военный быт рыцарского общества."

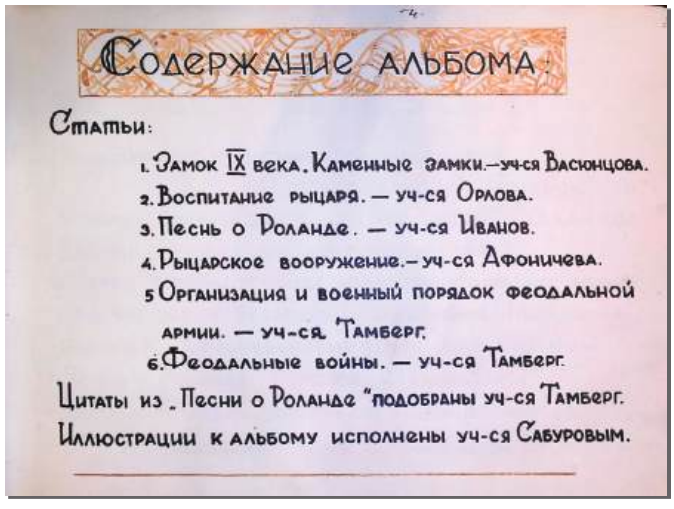
А.А. Знаменская

учительница 367-ой

средней школы

Московского района.

1942-43 учебный год.



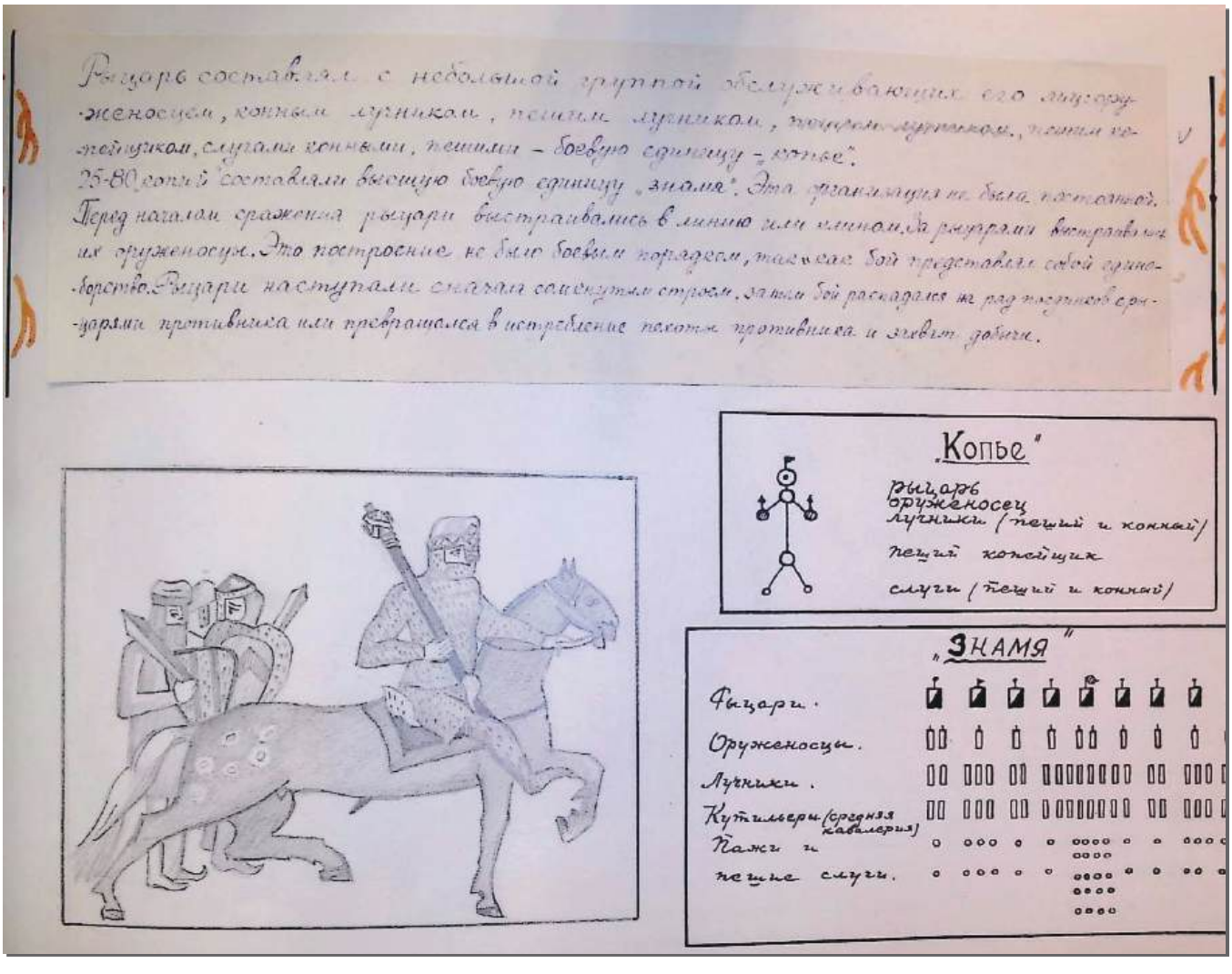
Содержание альбома:

Статьи:

1. Замок IX века. Каменные замки.—уч-ся Васюнцова.
2. Воспитание рыцаря. — уч-ся Орлова.
3. Песнь о Роланде. — уч-ся Иванов.
4. Рыцарское вооружение.— уч-ся Афоничева.
5. Организация и военный порядок феодальной армии. — уч-ся Тамберг.
6. Феодальные войны. — уч-ся Тамберг.

Цитаты из „Песни о Роланде" подобраны уч-ся Тамберг.

Иллюстрации к альбому исполнены уч-ся Сабуровым.



Рыцарь составлял с небольшой группой обслуживающих его лиц оруженосцем, конным лучником, пешим лучником, конюхом-лучником, пешим конюхом, слугами конными, пешими – боевую единицу – копье".

25-80 копий составляли высшую боевую единицу „знамя". Эта организация не была постоянной. Перед началом сражения рыцари выстраивались в линию или клином за рыцарями выстраивались их оруженосцы. Это построение не было боевым порядком, так как бой представлял собой групповое. Рыцари наступали сначала самостоятельным строем, затем бой распадался на ряд поединков рыцарями противника или превращался в истребление пехоты противника и захват добычи.

„Копье"

Рыцарь
оруженосец
лучники (пешие и конные)
пешие копейщики
слуги (пешие и конные)

„Знамя"

Рыцари.
Оруженосцы.
Лучники.
Кутильеры (средняя кавалерия)
Пажи и пешие слуги.

Это были бои, в которых воины сражались один на один

✓

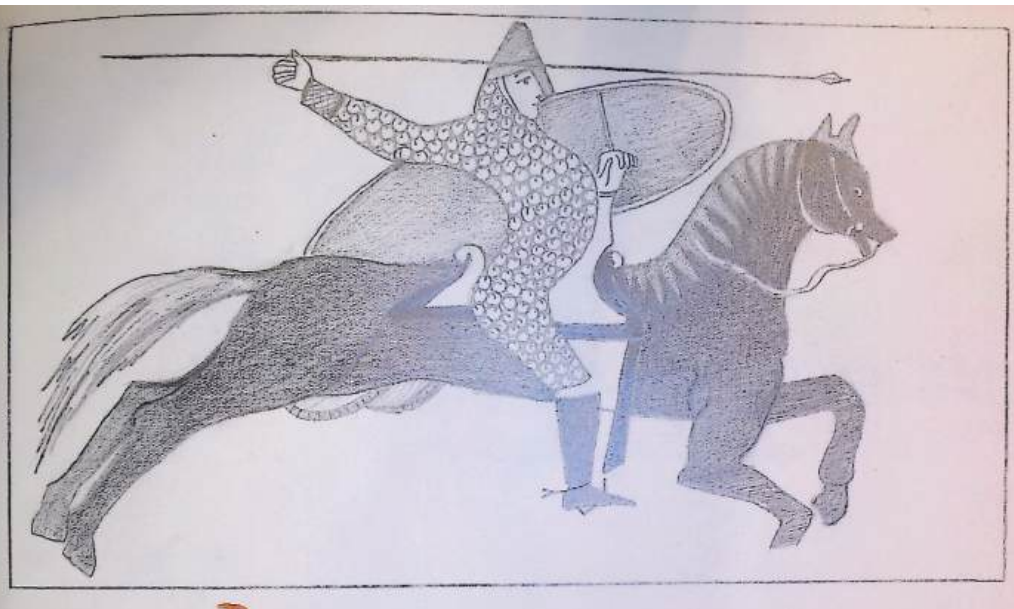
„Баронов Карла – всех пятнадцать тысяч
Сидят на белых шелковых коврах,
Играют в кости; те же, кто постарше
И полегче, – те в шахматы играют.
Вдали проворных юношей толпы
Увлечены потехой богатырской..."

Печать Тибо II графа Наварры 1140 г.

Печать Тибо IV графа де Блуа 1198 г.

Эйнхард в „Жизнеописании Карла Великого".
Из этого рассказа узнаём, что Карл в 778 г. вступил в Испанию. Приближённый Карла Эйнхард рассказывает: „Перевалив через Пиренейский хребет, приняв в подданство все города и крепости, к которым подошёл, он с успехом возвратился с победоносным войском домой. Обратно лишь в самых Пиренеях пришлось ему при возвращении домой выдержать одно сражение. Ибо когда войско длинным обозом, растянувшись, как того требовал характер местности и леса, начало спускаться по вершине горы засаду, – а место в густоте лесов, как нельзя более подходило для устройства засады, – начали с верху на заднюю часть обоза и прикрывавший ее арьергард сторожащие сбегаться с ними бой, всех до одного перебив, разграб

„Песнь о Роланде" — поэтическое народное творчество Франции. „Песнь о Роланде" прошла через ряд певцов и переписчиков. Время её сложения не позже 20-х гг. XII в. и не ранее 1778, когда умер Роланд. „Песнь о Роланде" — один из наиболее красочных памятников воинской доблести. Рыцарство в ней представлено в идеализированном виде. Для автора „песни" абсолютно необходимо над всеми христианскими восхваляемыми за то, что хорошо дружат конями и мечами. Все рыцари — храбры, кругом одни их сеньоры. Вассалы преданы своим сеньорам. В основу „Песни о Роланде" легли исторический факт, имевший место в 778 г. и нашедший



Воспевание коня.

И начал бой Турпин архиепископ;
Под ним скакун, отбитый у Гроссаля,
Царя датьян: прекрасен бодрый конь —
Тонки бока, стройны и сухи ноги,
И круп широк, висок хребет, хвост белый,
Покрыта шея гривой золотой
И голова гнедая, уши малы, —
На свете нет пригодней скакуна.

Приложение III-18

Материалы музея «ЛУч»

Музей «ЛУч» («Ленинградский учитель») был организован в 1971 году при средней школе № 7 Василеостровского района г. Ленинграда (в настоящее время — гимназия № 642 «Земля и Вселенная») по инициативе Антонины Степановны Батуриной, учителя литературы, ветерана Великой Отечественной войны, остававшейся его бессменным общественным директором до 1998 года. Среди экспонатов, посвященных истории образования в Петербурге—Ленинграде, хранятся архивные материалы, фотографии, документы, рассказывающие о подвиге ленинградских учителей и школьников в годы Великой Отечественной войны; о жизни школьных учреждений, эвакуированных из Ленинграда в 1941–1942 гг. в различные районы СССР. Особое место занимают конспекты уроков 1943–1944 годов, письма воспитанников учителям из эвакуации и мест военной службы периода 1943–1945 гг. Часть этих материалов ныне находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, куда в конце 1990-х они были переданы А. С. Батуриной[16].

Публикуемые фотографии были в числе экспонатов для выставки «Ленинградские учителя: антология подвига», приуроченной к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Инициатором выставки в 2015 году стала кафедра культурологического образования совместно с Педагогическим музеем и библиотекой СПб АППО. Комментарии к фотографиям даются в соответствии с информацией, предоставленной Татьяной Борисовной Фалалеевой, на тот момент заведующей гимназическим музеем «ЛУч».

Контрольную по географии в 9-м классе школы № 203 проводит педагог Г. М. Михайлов. Ленинград, 09.12.1941

[16] Собрание материалов музея «Ленинградский учитель». Опись. — СПб.: РНБ, 2002. URL: http://nlr.ru/manuscripts/dep/img/manuscripts/Opisi/1434.pdf

Ученики 10-го класса на уроке физики. Ленинград, 09.12.1941. Фотохроника ЛенТАСС

Ученики десятого класса 206-й школы Куйбышевского района осваивают методы и приемы обработки почвы на занятии по агротехнике

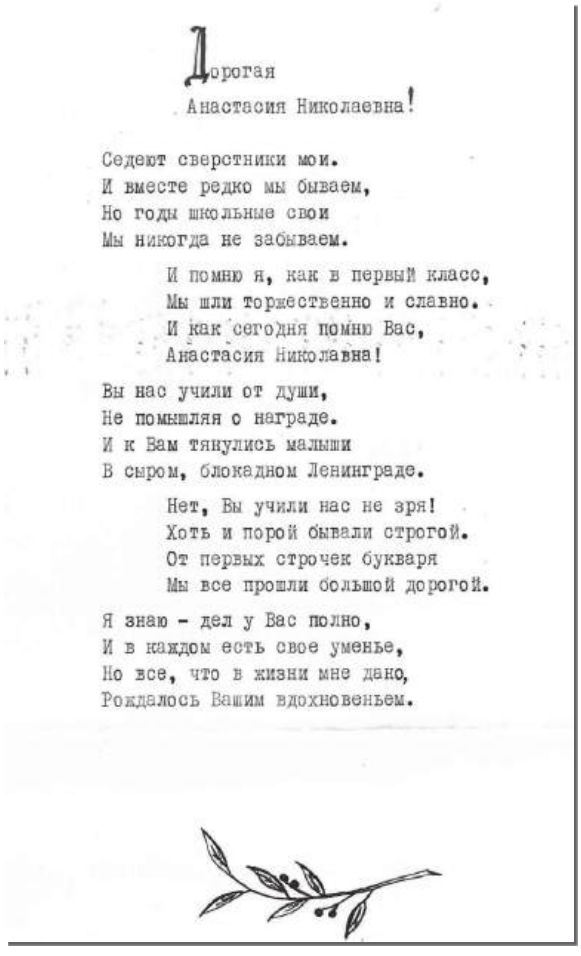
Первого сентября 1943 года на перемене в неполной средней женской школе № 202 Дзержинского района

395-я мужская школа Кировского района. 10 сентября 1943 года. Учитель Дмитриева Анна Дмитриевна после работы на огородах занимается с учениками в кружке естествознания. Тема занятия «Консервация растений»

Директор школы № 47 Александра Самсоновна Лечкова и воспитатель Антонина Владимировна Веселова с отличниками 3-го и 4-го классов

Учительница 1-й Детскосельской школы (ныне СОШ № 500) Гертруда Александровна Хотина с первоклассниками

Анастасия Николаевна Покровская с 1938 года работала учительницей начальных классов в 16-й средней школе Свердловского района. В сентябре 1941 года помогла оборудовать класс в помещении бомбоубежища, где работала до тех пор, пока из-за сильных морозов и голода учащихся почти не осталось. В апреле 1942 года, будучи воспитателем детского дома № 58, вывозит детей по Дороге жизни, в тяжелейших условиях не потеряв ни одного ребенка. С сентября 1945 года и до выхода на пенсию в 1962 году продолжала работу в начальных классах школ Василеостровского района



Дорогая
Анастасия Николаевна!

Седеют сверстники мои.
И вместе редко мы бываем,
Но годы школьные свои
Мы никогда не забываем.

И помню я, как в первый класс,
Мы шли торжественно и славно.
И как сегодня помню Вас,
Анастасия Николаевна!

Вы нас учили от души,
Не помышляя о награде.
И к Вам тянулись малыши
В сыром, блокадном Ленинграде.

Нет, Вы учили нас не зря!
Хоть и порой бывали строгой.
От первых строчек букваря
Мы все прошли большой дорогой.

Я знаю - дел у Вас полно,
И в каждом есть свое уменье,
Но все, что в жизни мне дано,
Рождалось Вашим вдохновеньем.

Стихи одного из блокадных учеников, через много лет посвященные своей учительнице А. Н. Покровской

Ученики 4-го класса, которые осенью 1941 года занимались с А. Н. Покровской в бомбоубежище по адресу: 14-я линия Васильевского острова, д. 21

Приложение III-19

Первый послевоенный выпуск журнала «Костёр»

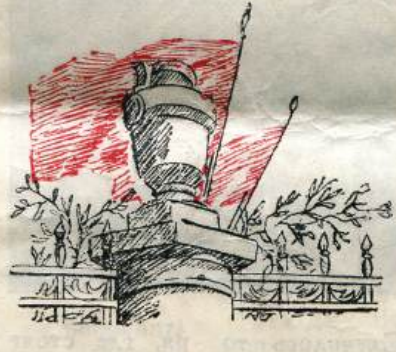
КОСТЁР

5

МАЙ

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ" ★ 1945 ★ ГОД ИЗДАНИЯ ДЕВЯТЫЙ



ПОБЕДА

А. Прокофьев *Рис. Т. Цинберг*

Через горе, слезы, через беды,
Через дни в свинцовой душной мгле
Видели, как ты идешь, Победа,
По родной обугленной земле.

Проходи в цветах, венках и флагах.
Мы твои, великая, твои.
Так же, как поила нас отвагой,
Радостью священной напои.

Пусть она от края и до края,
Праздничная, яркая, святая,
Поднимается, шумит и льется,
Пусть она любой души коснется!

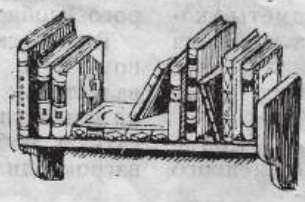
Радуясь, ликуя, торжествуя,
Прав не уступая никому,
Принимаем мы тебя такую
В нашем свеже-прибранном дому.

Будь благословен могучий год
И Победы солнечной, державной —
Той, которой нет на свете равной, —
Сталиным предвещанный приход!

★

Инв. 077/6.

РАССКАЖИТЕ НА ПИОНЕРСКОМ СБОРЕ



О НАШИХ МОЛЧАЛИВЫХ СОБЕСЕДНИКАХ

В. Васильев

Какая прелесть эти книги — мои молчаливые собеседники! Они делают человека настоящим волшебником. За окном бесится вьюга, а я вместе со Стэнли брожу по дебрям тропической Африки, или с Чарльзом Дарвином плаваю по экваториальным морям на „Бигле".

С помощью книги я проникаю в самые отдаленные времена, беседую с героями, знакомлюсь с тысячами людей.

„Прочитать хорошую книгу, — говорит старая китайская поговорка, — все равно, что найти себе нового друга. А перечитывая знакомую книгу, ты на свиданьи со старым другом".

Не легко посоветовать „что читать". Ведь у всех нас способности, вкусы и интересы различные. И все-таки, мне кажется, что я могу быть полезен вам в выборе книг. Я постараюсь припомнить, что и как я читал в вашем возрасте, какие книжки были моими друзьями и оставили в моей памяти неизгладимый след.

Мое первое знакомство с книгой началось со стихов и сказок. Пушкинскую сказку „О рыбаке и рыбке" я никогда не забуду. В детстве мысль этой сказки, ее идею я понял так: „не жадничай", чтобы не остаться у „разбитого корыта". Это самая первая польза, которую принесла мне хорошая книга.

Надолго запомнились мне стихи Маршака „Багаж" и „Рассеянный". Пожарный из книги „Пожар" был первым любимым моим героем. А переводы Маршака с английского: „Дом, который построил Джек" и „Король и пастух" пробудили во мне интерес к иностранной литературе.

Потом моим любимым героем сделался и князь Гвидон из „Сказки о царе Салтане". Его я полюбил за смелость, решительность. А любимой героиней моей много лет была Герда из „Снежной королевы" Андерсена. Я восхищался Гердой. Она не побоялась обойти весь мир босиком и пробраться в замок снежной королевы, чтобы освободить своего друга Кая.

Чудесные сказки Киплинга „Откуда у носорога шкура", „Слоненок", „Кошка, гулявшая сама по себе" и „Приключения Алисы в стране чудес" Л. Кэролла — это первые книги, которые научили меня смеяться. Уменье находить смешное в жизни — юмор поддерживает в человеке бодрость и жизнерадостность. Цените, ребята, писателей, которые заставляют вас смеяться: Марка Твена, Гоголя, Чехова.

Сказки Киплинга и его „Книга Джунглей" о мальчике Маугли, выросшем в семье волков, заставили меня полюбить рассказы о животных. Я с наслаждением прочитал „Рикки-Тики-Тави", того же Киплинга, „Карабаш" Бианки (о собаке, спасшей девочку от бешеного пса), „Животные герои" и „Динго" Сэтон-Томсона. Когда я стал постарше, в круг моего чтения вошли и „Жизнь животных" Брэма, и книга о жизни насекомых Фабра, и еще много других. Мои молчаливые собеседники помогли мне полюбить природу, открыли передо мною множество ее тайн.

„Почта" Маршака и „Книга Джунглей" пробудили во мне интерес к дальним странам, приключениям и путешествиям. Я прочитал множество самых увлекательных книг: „Всадник без головы" Майн-Рида, „Кожаный чулок" и „Последний из Могикан" Ф. Купера. Книги Жюль Верна: „Дети капитана Гранта", „80 000 километров под водой", „Таинственный остров" и „Пятнадцатилетний капитан" подготовили меня к чтению, сначала популярных, а потом и научных книг по географии.

„Жизнь и приключения Р. Амундсена" Яковлева, „Фрегат-Паллада" Гончарова, „Путешествие на корабле Бигль" Дарвина, „В ледяных просторах" Пинегина, „Дерсу Узала" Арсеньева и „Жизнь на льдине" Папанина познакомили меня с миром и с великими открывателями новых земель. На долгие годы я стал страстным „географом".

Я подбирал и разыскивал книги и постоянно выспрашивал у товарищей и у взрослых, что можно еще почитать по интересующей меня теме. И, сам того не заметив, я стал выбирать книги сознательно, читать их систематически. А это было правильно, потому что такое чтение последовательно развивает ум.

К счастью для меня, за моим чтением следил отец. Он советовал мне какие книги читать, в какой последовательности. И это избавило меня от многих ошибок. А то бывает так: прочтешь не по возрасту трудную книгу, ничего в ней не поймешь, и на всю жизнь пропадет у тебя интерес к вопросу, затронутому книгой. Вот, поэтому я очень советую вам, ребята, читать не безалаберно, а по системе и обязательно прислушиваться к мнениям взрослых: родителей, учителей, библиотекарей.

В школьные годы меня надолго увлекла тема: „Детство". Я рос в дружной семье и мне очень хотелось знать у всех ли такое хорошее детство, как у меня. И я нашел целый клад книжных сокровищ на интересующую меня тему.

Прежде всего это книги русских писателей: „Детские годы Багрова-внука" С. Т. Аксакова, „Детство и отрочество" Л. Н. Толстого. Начиная с шестого класса, следует прочитать и те главы романа Толстого „Война и мир", где описано детство в семье Ростовых. Прочтите „Детство Тёмы" и „Гимназисты" Гарина, „Детство Никиты" А. Н. Толстого и уж, конечно, „Том Сойер" Марка Твена.

О трудном, тяжелом детстве прочтите у русских писателей: „Гутаперчевый мальчик" Григоровича, „Ванька", „Спать хочется" Чехова, „Дети подземелья" Короленко, „Детство Горького". И. Груздева. У иностранных писателей „Гаврош" и „Козетта" В. Гюго. „Оливер Твист", „Давид Коперфильд", „Крошка Доррит", „Домби и сын" Диккенса. От каждой из книг просто невозможно оторваться, покуда не дочитаешь до конца, до того они интересны.

Не мало увлекательных книг о детстве написано нашими современными писателями. Младших школьников забавляют приключения братьев Чука и Гека из повести А. Гайдара. Девочки увлекаются книгами „Марийкино детство" Л. Бродской, „Повестью о рыжей девочке" Л. Будагосской или историей „Клаши Сапожковой" А. Голубевой. Мальчики задумываются над проступком Черемыша из книги Л. Кассиля „Черемыш брат героя". А вот книгу А. Гайдара „Тимур и его команда", без сомнения, знают все школьники. У этой книги своя особая судьба. Писатель еще задолго до войны сумел пробудить в детях самые лучшие и благородные стремления и указал им, как следует помогать Красной Армии — заботиться о семьях бойцов и всех тех, кто слаб и беспомощен.

Такие книги как „Школа" А. Гайдара, „Белеет парус одинокий" В. Катаева и уж, конечно, замечательная книга Н. Островского „Как закалялась сталь" учат мужеству и выдержке, воспитывают волю и чувство дружбы. Эти книги помогают вырасти честным, мужественным человеком — настоящим гражданином своей Родины.

Те же чувства пробуждают и книги о детстве или о жизни наших вождей. По книге А. Голубевой „Мальчик из Уржума" вы знакомитесь с детством Сережи Костикова. Шаг за шагом вы следите как постепенно растет Сережа, как он начинает свою революционную работу — и вы видите как зарождаются в нем и крепнут черты будущего большевика. Как увлекательна книга С. Мстиславского „Грач — птица весенняя" о революционере-подпольщике Николае Баумане. Сколько мужества, самообладания, изобретательности, воли нужно было этому замечательному революционеру, чтобы продолжать борьбу с самодержавием, чтобы избежать ловушек охранки, чтобы найти выход из самого трудного положения и выполнить поручение партии. Вот почему произведения о жизни наших вождей — Владимира Ильича Ленина, товарища Сталина, Куйбышева, Серго Орджоникидзе должны стать спутниками вашей юности.

Когда прочитаешь интересную книгу до конца, непременно спроси себя: „А что она открыла мне нового по сравнению с тем, что я знал до нее?" Если ответ на этот вопрос тебя затруднит, перечитай книгу еще раз. Только лучше перечитывать не сразу же, а немного погодя.

Чем больше я читал, тем яснее мне становилось, что жизнь не для всех одинаково хороша и радостна, что в ней много горя, несчастья и несправедливости. Но вместе с тем, почти каждая книжка убеждала меня, что во всякой решительно области жизни есть свои настоящие герои, способные совершать великие подвиги.

Читать о героях, а потом ставить себя на их место всегда было моим любимым занятием.

О героях науки есть целая серия книг „Жизнь замечательных людей". В свое время я не пропустил ни одного выпуска этой серии, и вам советую побольше читать о Колумбе, о Джордано Бруно, Ломоносове и других знаменитых людях.

О героях, боровшихся за свободу и независимость родины, за свой народ есть множество прекрасных и увлекательных произведений.

Я зачитывался кавказскими поэмами Лермонтова: „Беглец", „Измаил-Бей", „Хаджи-Муратом" Л. Н. Толстого и главами из „Войны и мира", о сражении под Шенграббеном и под Бородино. Советую вам прочитать „Александр Суворов" Григорьева, и обратить внимание на серию книг: „Великие люди русского народа". Из этой серии книг вы узнаете очень много интересного о жизни вождей нашей партии, выдающихся русских полководцев, путешественников, ученых, писателей и художников.

По мере того как я читал, у меня появлялось все больше и больше любимых писателей. И уж раз полюбив писателя, я непременно старался раздобыть все, что он написал.

Мне всегда хотелось узнать о моих любимых писателях — где, когда и как они жили, что это были за люди.

И я всюду разыскивал их биографии, воспоминания и рассказы о них. Иногда бывало и так, что история жизни писателя вызывала у меня интерес к его произведениям. Помню, что прочитав книжку Выгодской о Сервантесе, я с особенным увлечением принялся читать знаменитое произведение этого писателя — „Дон Кихот".

С иностранными поэтами я впервые познакомился по переводам Жуковского. Я уверен, что тот из вас, кто последует моему примеру, не выпустит книги из рук, пока не прочитает „Перчатки" и „Кубка" Шиллера, „Лесного царя" Гёте, „Замок Смальгольм" Вальтер-Скотта, „Шильонского узника" Байрона и „Рустема и Зораба" Фирдуоси.

Помню, мне нравилось пересказывать интересные книжки товарищам. Рассказывая, я снова переживал прочитанное и старался выбрать в нем главное. От этого мне самому книга становилась понятнее. Помню мне кто-то посоветовал: если в книге встретится интересная, новая мысль или самому придет в голову ценное соображение по поводу прочитанного, взять перо и выписать или записать эти мысли. Я стал так делать. Теперь у меня есть уже девять тетрадей, в которых записаны самые для меня интересные мысли, выписанные из книг, или же мысли по поводу прочитанного.

В школьные годы мы часто делали так: начнем читать вместе какую-нибудь увлекательную книгу и на самом интересном месте закроем ее. А потом каждый старается угадать: что будет дальше, придумывает продолжение. Как интересно было проверить: верно мы угадали или нет? Эта игра тоже помогала нам разбираться в книгах и развивала нашу фантазию.

Очень любили мы также, прочитав книгу, спорить о том, правильно ли сделал Жан Вальжан, в романе Гюго „Отверженные" когда, пожалев полицейского шпиона Жавера, отпустил его на свободу. При этом спрашивали друг друга: — А как бы ты поступил? А почему ты так думаешь?

Вот и все, что я вам хотел рассказать, ребята. Буду рад, если мои советы помогут вам найти себе новых друзей среди наших молчаливых собеседников — книг. И еще мне хочется, чтобы вы вдумались в замечательные слова Алексея Максимовича Горького: „Любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пестрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий; она научит вас уважать человека и самих себя: она окрылит ум и сердце чувством любви к миру и к человеку".

Вл. Лифшиц.

От отца привез в подарок
Сослуживец-капитан
Пять почтовых ярких марок
Из пяти различных стран.

Ты за папу будь спокоен.
Знаю папу с давних пор.
Папа — смелый русский воин.
Папа — гвардии майор.

Он в походе неустанном
И в сраженьях закален.
Он провел по этим странам
Свой стрелковый батальон.

Сам бойцов на штурм водил он,
И, ворвавшись в Бухарест,
Антонеску посадил он
В Бухаресте под арест!

Немцев так он гнал из Польши,
Что лишь дым стоял кругом!

Рис. К. Думаревской

Не бывать полякам больше
Под немецким сапогом!

За свободу благодарен,
Долгожданной встрече рад,
Говорил ему болгарин:
— Здравствуй, русский!
Здравствуй, брат!

Поддержать его атаки
Средь крутых карпатских гор
Вышли чехи и словаки:
— Вместе в бой пойдем, майор!

Много немцев было бито!
Не жалели мы огня!
Югославский маршал Тито
Подарил ему коня!..

Ты рожден в гнезде орлином,
У тебя отец — орел.
Он сражался под Берлином,
Он в Берлин бойцов привел!..

Пять в конверте этом марок,
Но шестой — немецкой — нет:
На немецкой марке — Гитлер
Напечатал свой портрет..

Мы их рвем — с портретом гада,
Нам в альбом таких не надо.

Поглядеть с отцом подарки
Сядешь ты когда-нибудь...
Вам расскажут эти марки
Про его отважный путь.

Вам места покажут марки,
Где водил когда-то он
Свой ударный,
Легендарный,
Свой стрелковый батальон!

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ВКЛАД ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО ИНСТИТУТА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ В РАЗВИТИЕ БЛОКАДНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Вы потом нас вспомните по книгам этим.

Ю. Воронов

Начало войны

Ленинградский городской институт усовершенствования учителей (ЛГИУУ), учрежденный приказом Народного комиссара просвещения РСФСР 15 ноября 1938 года, получил здание на набережной Фонтанки, дом 10. В 1938—1939 учебном году там работало 234 человека. Из них: 5 академиков, 72 профессора, 82 доцента, 32 ассистента, 43 научных сотрудника[1]. Летом 1941 года на Первую научно-практическую конференцию в ЛГИУУ съехались представители из многих городов Советского Союза. 22 июня в 10 часов утра, когда в переполненном зале шло пленарное заседание, пришло ошеломляющее сообщение — война с Германией! После срочной отправки гостей сотрудники института переключились на новый, военный ритм жизни.

На начало войны в штате числилось 120 человек. Половину из них (62 чел.) составляли профессора, преподаватели и научные сотрудники. 4-го июля вышел приказ Ленгороно «О сокращении объема работы Ленинградского городского института усовершенствования учителей», и уже с 5 июля началось сокращение кадров. Первыми были уволены совместители. Далее последовали увольнения, связанные с призывом сотрудников в Красную Армию или эвакуацией:

> 24 июня на фронт ушли помощник директора П. В. Переборщиков, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма А. Н. Волынчук, сотрудники кафедр русского языка (И. Г. Васильев) и физики (С. С. Мошков), аспиранты И. А. Токмаков, К. Я. Харьков, Д. В. Эпштейн. 22 июля в армию призвали рабочего агроучастка С. Ф. Чуропрова и заведующего раздаточным отделом учебного материала Н. М. Прокофьева. 4 августа — и. о. доцента кафедры истории К. П. Смирнова. На фронт также ушли А. А. Преснов, А. Н. Коковин, А. М. Семибратов, Г. Н. Пивоваров, Зина Елагина.

Часть сотрудников была направлена на строительство оборонных сооружений в районе деревни Фанфары Ленинградской области, часть — на оборонные работы в черте города. Некоторые эвакуировались. Директор ЛГИУУ Андрей Аверьянович Письменский в июле 1941 года был назначен уполномоченным Ленинградского Совета по эвакуации ленинградских детей в Кировскую область, где проработал в должности заведующего областным отделом народного образования с марта 1942 по февраль 1944 года. Исполняющим его обязанности на этот период стал кандидат педагогических наук историк Леонид Евгеньевич Раскин. Онисим Филимонович Маланюк был назначен заместителем директора по учебной и научной части. Секретарем партийного бюро остался Генесин, председателем месткома — Т. В. Шатунова[2].

В скором времени в здании Института расквартировали часть ленинградского ополчения.

---

[1] ЦГА СПб. Ф. 4966. Оп. 1. Д. 5.

[2] Там же. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 560 «Приказы Ленгороно № 1—157. 2 января 1942 — 4 июля 1942 г.» – (180 листов). Приказ № 8 по Городскому отделу народного образования Исполкома Ленсовета депутатов трудящихся от 12 января 1942 г.

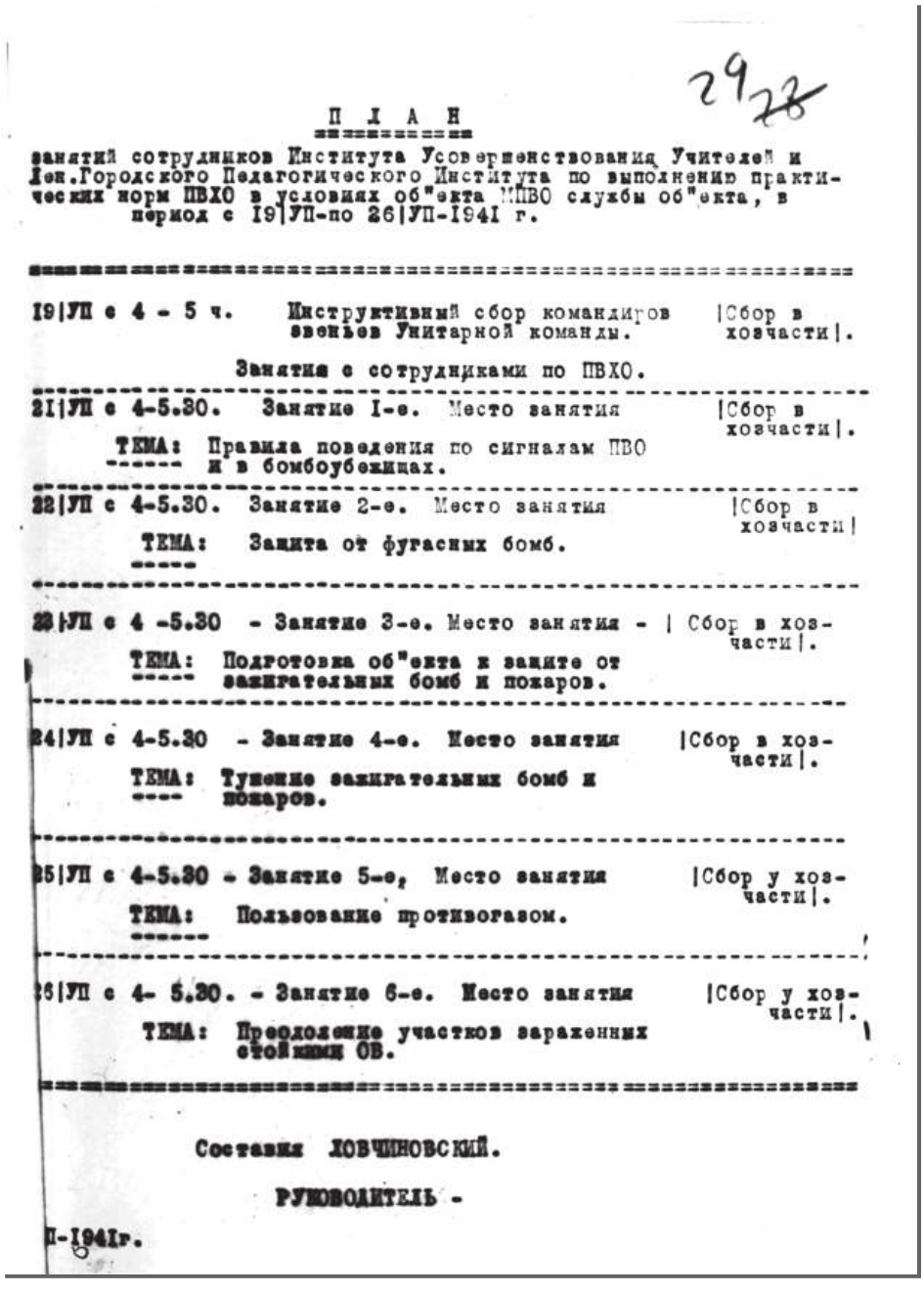
Затем на смену бойцам сюда поступили женщины с маленькими детьми, эвакуированные из пригородов Ленинграда: Павловска, Гатчины, Петродворца. Им собирали белье, одежду, оказывали медицинскую помощь. Некоторые сотрудники работали на эвакопунктах. Подошла осень. Несмотря на первую волну эвакуации, детей в городе оставалось много. Работа по консультированию и обучению учителей города в Институте продолжилась, но был введен пропускной режим. Студенты Городского педагогического института могли посещать ЛГИУУ по студенческим билетам. Остальные должны были получать разовые пропуска с указанием, куда и к кому они пришли.

С 27 июля 1941 года исполняющий обязанности помощника директора по административно-хозяйственной части товарищ Салым обеспечивал круглосуточное дежурство швейцаров для контроля за приходящими лицами и выдачи разовых пропусков. Главной задачей Института стала помощь школам в организации занятий, которые начались позже обычного и в непривычных условиях. Сотрудники кафедр срочно пересматривали программы и учебники с целью изъятия второстепенного материала и приближения их содержания к жизни военного города. Параллельно они вели дежурства и почти не уходили домой.

Оборонные меры

С первых месяцев войны началась подготовка персонала Института к обороне города. С 19 июля по 26 июля 1941 года предлагалось провести учения по выполнению практических норм противовоздушной и противохимической обороны (ПВХО). Прошли занятия по правилам поведения при сигналах ПВО, по защите от фугасных бомб, по подготовке объекта к защите от зажигательных бомб и пожаров, а также их тушению, по пользованию противогазом и преодолению участков, зараженных стойкими отравляющими веществами (*рис. 1*).

Помимо этого, все сотрудники включились в подготовку к военной зиме огромного одноэтажного здания Института, занимавшего целый квартал от улицы Пестеля до Гангутской улицы. Деревянные перекрытия большого чердачного помещения были покрыты пожароустойчивым составом, посты обеспечены необходимым инвентарем. Неотъемлемой частью жизни блокадного Ленинграда являлась светомаскировка. В фондах Педагогического музея хранятся документы о нормах блокадного освещения Института. Например, для уборки помещений



П Л А Н

занятий сотрудников Института Усовершенствования Учителей и Лен.Городского Педагогического Института по выполнению практических норм ПВХО в условиях об"екта МПВО службы об"екта, в период с 19|УП-по 26|УП-1941 г.

19|УП с 4 - 5 ч. Инструктивний сбор командиров звеньев Унитарной команды. |Сбор в хозчасти|.

Занятия с сотрудниками по ПВХО.

21|УП с 4-5.30. Занятие 1-е. Место занятия |Сбор в хозчасти|.
ТЕМА: Правила поведения по сигналам ПВО и в бомбоубежищах.

22|УП с 4-5.30. Занятие 2-е. Место занятия |Сбор в хозчасти|
ТЕМА: Защита от фугасных бомб.

23|УП с 4 -5.30 - Занятие 3-е. Место занятия - | Сбор в хозчасти|.
ТЕМА: Подготовка об"екта к защите от зажигательных бомб и пожаров.

24|УП с 4-5.30 - Занятие 4-е. Место занятия |Сбор в хозчасти|.
ТЕМА: Тушение зажигательных бомб и пожаров.

25|УП с 4-5.30 - Занятие 5-е, Место занятия |Сбор у хозчасти|.
ТЕМА: Пользование противогазом.

26|УП с 4- 5.30. - Занятие 6-е. Место занятия |Сбор у хозчасти|.
ТЕМА: Преодоление участков зараженных стойкими ОВ.

Составил ЛОВЧИНОВСКИЙ.

РУКОВОДИТЕЛЬ -

-1941г.

Рис. 1. План занятий сотрудников

разрешалось включать свет только с 8 до 9 часов утра. С 17 часов до 19 часов это было запрещено. В жилых помещениях, расположенных в здании Института, электричество давалось на два часа утром (с 6-ти до 8-ми) и на четыре часа вечером (с 18-ти до 22-х). В остальное время свет выключался общим рубильником, а все «штепсели бытового электрообслуживания» были демонтированы. За несоблюдение приписанных норм сотрудникам грозил строгий выговор с занесением в личное дело.

Сохранились приказы, фиксирующие случаи нарушений. Так, 27 августа 1941 года в четверть первого ночи в одной из комнат второго подъезда «проходившими чинами милиции сквозь щели досок были замечены лучи света». Было установлено, что комендант здания оставил включенной лампочку, а специальные светомаскировочные створки не были плотно закрыты. Из-за того, что ключи от помещения были переданы в главное здание, быстро отключить лампочку не удавалось. За допущенную халатность коменданту здания товарищу Моторновой был объявлен выговор.

Для обеспечения безопасности и правопорядка 4 августа 1941 года в Институте была создана так называемая *унитарная команда,* включавшая звено пожарной и противохимической защиты, медико-санитарное звено, звено охраны и наблюдения. В состав каждого звена входил командир, его заместитель и несколько бойцов. Приказом утверждался специальный порядок круглосуточных дежурств по штабу и по объекту. Первая смена дежурила с 8.30 до 17.00, вторая — с 17.00 до 23.00, третья — с 23.00 до 8.30.

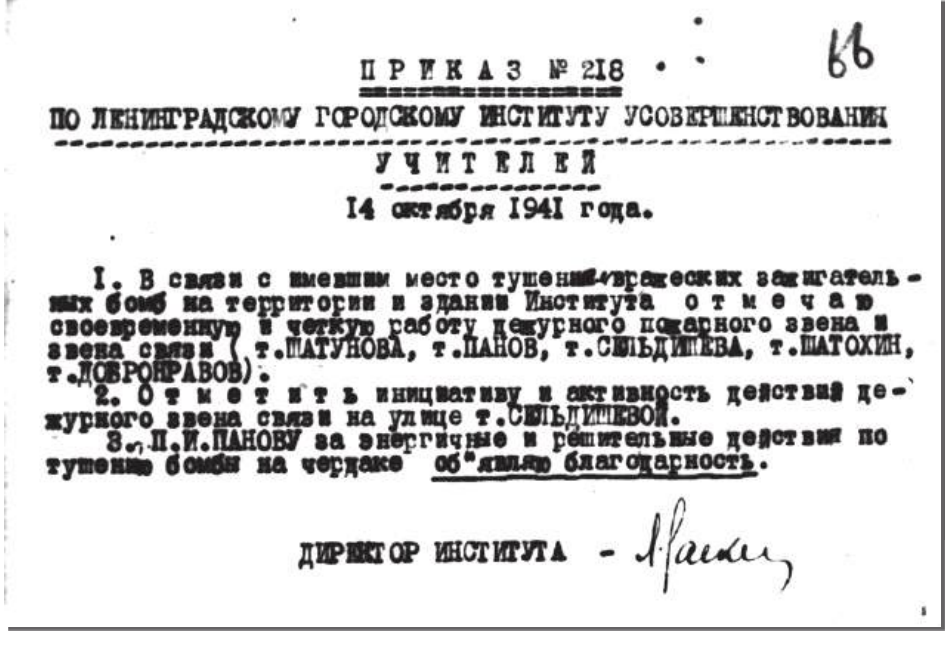
Помимо дежурных, все сотрудники института, живущие в здании Института, в случае воздушной тревоги были обязаны явиться на свои посты, если сигнал тревоги застал их дома. Проживающие в здании женщины с детьми и больные должны были спускаться в бомбоубежище. За невыполнение данных требований сотрудники могли быть уволены без предупреждения. Согласно имеющимся документам, в ночь с 8 на 9 сентября 1941 года была объявлена воздушная тревога. На посты не вышли товарищи Баранова, Чернова, Семенова, Чулкова, ввиду чего оказалось не обеспеченным должным образом дежурство по пожарному звену. Им был вынесен выговор, а директор Института Л. Е. Раскин предупредил, что сотрудники, которые впредь не выйдут по сигналу тревоги на свои посты, будут не только уволены, но понесут ответственность по законам военного времени.

Помимо жесткой системы наказаний, действовала практика поощрений. Например, приказом от 14 октября 1941 года за четкую работу пожарного звена и звена связи при тушении вражеских зажигательных бомб на улице и на территории Института были отмечены тов. Шатунова, Панов, Сельдишева, Шатохин, Добронравов. П. И. Пановой за энергичные и решительные действия по тушению бомбы на чердаке объявлена благодарность (*рис. 2*).

Зимние приказы по личному составу содержат сведения об исключении из списка сотрудников в связи со смертью или переводом на соцстрах в результате болезни.

> Умерли М. С. Бинес, секретарь Института, В. В. Шатохин, секретарь партбюро тов. Генесин, С. В. Калитин, декан факультета русского языка и литературы, преподаватели Института К. А. Постникова, В. А. Кэк, А. А. Давыдов, И. М. Михайлов. Погиб во время артиллерийского обстрела заместитель директора по административно-хозяйственной части Л. А. Беницианов. Всего за время блокады из жизни ушло 17 сотрудников ЛГИУУ.

Но работа не прерывалась. На смену погибшим вставали их коллеги. Секретарем партбюро стала В. Д. Кригина, деканом факультета



ПРИКАЗ № 218

ПО ЛЕНИНГРАДСКОМУ ГОРОДСКОМУ ИНСТИТУТУ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ

14 октября 1941 года.

1. В связи с имевшим место тушением вражеских зажигательных бомб на территории и здании Института отметить своевременную и четкую работу дежурного пожарного звена и звена связи (т.ШАТУНОВА, т.ПАНОВ, т.СЕЛЬДИШЕВА, т.ШАТОХИН, т.ДОБРОНРАВОВ).

2. Отметить инициативу и активность действий дежурного звена связи на улице т.СЕЛЬДИШЕВОЙ.

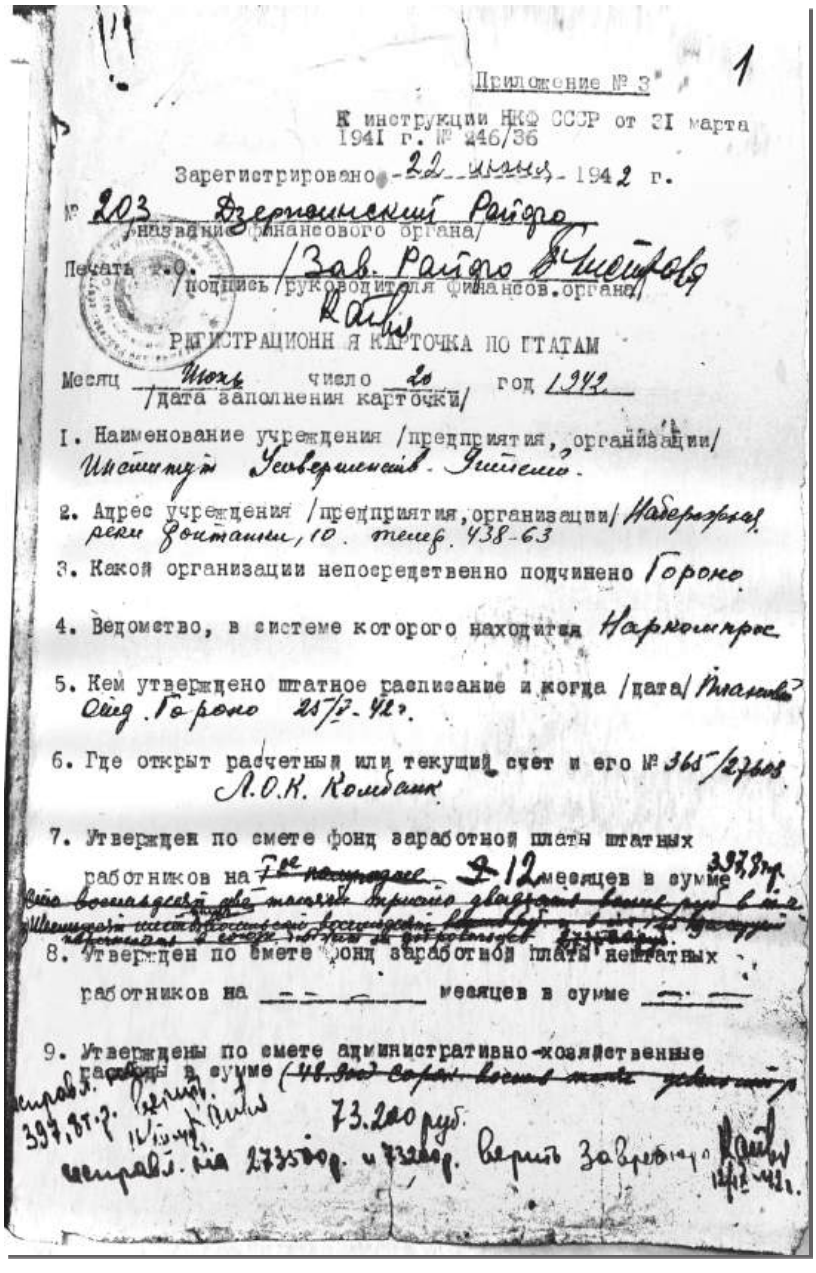
3. П.И.ПАНОВОЙ за энергичные и решительные действия по тушению бомбы на чердаке об"являю благодарность.

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА - Раскин

Рис. 2. Приказ с объявлением благодарности

русского языка и литературы М. Н. Эгерштром, закончившая аспирантуру в Институте. По воспоминаниям сотрудников, вдохновляющее влияние на окружающих оказывал и. о. директора Л. Е. Раскин, энергия которого была неистощима, а творческая мысль била ключом. Он неустанно поднимал значительно поредевший коллектив на выполнение новых задач, продиктованных военной жизнью. Для согласования с Министерством просвещения разработанных учебных материалов, пособий даже летал в Москву.

Блокадные жертвы множились, на каждом факультете оставалось совсем немного людей.



Приложение № 3 1

К инструкции НКФ СССР от 31 марта 1941 г. № 246/36

Зарегистрировано 22 июня 1942 г.

№ 203 Дзержинский Райфо

(название финансового органа)

Печать Р.О. (подпись руководителя финансов. органа) Зав. Райфо Дзержинского

РЕГИСТРАЦИОННАЯ КАРТОЧКА ПО ШТАТАМ

Месяц Июнь число 20 год 1942

(дата заполнения карточки)

1. Наименование учреждения (предприятия, организации) Институт Усовершенствования Учителей.

2. Адрес учреждения (предприятия, организации) Набережная реки Фонтанки, 10. телеф. 438-63

3. Какой организации непосредственно подчинено Гороно

4. Ведомство, в системе которого находится Наркомпрос

5. Кем утверждено штатное расписание и когда (дата) Облоно Гороно 25/7-42 г.

6. Где открыт расчетный или текущий счет и его № 365/27603 Л.О.К. Комбанк

7. Утвержден по смете фонд заработной платы штатных работников на 7-ю пятидневку 12 месяцев в сумме 397,87 р.

8. Утвержден по смете фонд заработной платы нештатных работников на ___ месяцев в сумме ___

9. Утверждены по смете административно-хозяйственные расходы в сумме 73.200 руб.

исправл. 397,87 р. Регистр. 1/VI-42 г.

исправл. на 273500 р. и 73200 р. верить Заведующ. 1/VI-42 г.

Рис. 3. Черновик регистрационной карточки по штатам ЛГИУУ. 12.11.42 г.

Так, на факультете языка и литературы работало 2 человека: декан М. Н. Эгерштром и методист В. Ф. Фролова. На отделении химии — Т. В. Шатунова, на факультете естествознания — В. Л. Голицынский, М. П. Хохлова, на станции юннатов — М. Н. Арсеньева и И. А. Ваккер, на факультете географии — Е. В. Савелова, И. М. Швайченко и А. Т. Герасимова, на кафедре математики — Н. Н. Полозова, на начальной школе — Тюрина К. Ф. и Бочковская О. Т., на кафедре педагогики — Ю. А. Самарин и В. Д. Кригина. На факультете иностранных языков осталась одна Ю. К. Кудрявцева. Исключение составила только кафедра истории. Осенью 1941 «застрял» в Ленинграде приехавший из Москвы В. А. Орлов. Продолжали работать преподаватели И. В. Гиттис, И. А. Залкинд, А. А. Знаменская, библиограф Е. В. Каменская-Кезевич.

По мере сокращения кадрового состава усиливалась нагрузка на тех, кто оставался в Институте. Голодные, больные сотрудники под стук метронома разрабатывали учебные материалы, несли дежурства на постах, защищали здание от зажигалок, вязали теплые вещи для фронта, посылали на фронт посылки, читали лекции в госпиталях. И по-прежнему посещали школы, работавшие в исключительно тяжелых условиях, в бомбоубежищах и холодных подвальных помещениях. Кроме того, всю зиму 1941/42 учебного года учителя Ленинграда могли пользоваться институтской библиотекой, в чем была огромная заслуга Е. Г. Кондратьевой.

Финансирование

На I квартал 1942 года Институту было утверждено финансирование в размере около 300 тысяч рублей[3]. Во II квартале сумма оказалась уже в два раза меньше, едва превышая 150 тысяч рублей. Почти в три раза снизились расходы на научную работу, в два раза — на приобретение научных пособий. Не были выделены деньги на стипендии аспирантам и на оборудование кабинетов. Но зарплату продолжали выплачивать; выдавались карточки; выделялись небольшие деньги на приобретение книг (2500 руб.), печатание программ, лекций, материалов к занятиям (1000 руб.), поддержание агроучастка

[3] ЦГА СПб. Ф. 4966. Оп. 1. Д. 119.

(1000 руб.) и некоторые другие нужды. Наряду с оплатой отопления, освещения, водоснабжения и канализации, в документах отдельно были учтены: мытье и натирка полов; вывоз 300 возов мусора и снега; содержание в порядке двора и тротуаров, дезинфекция и истребление грызунов, очистка дымоходов.

Зимой 1941/42 года здание Института сильно пострадало от разрыва фугасной бомбы, после чего он переехал в художественный корпус Ленинградского Дворца пионеров (наб. реки Фонтанки, дом 33). Когда весной начались огородные работы, сотрудникам выделили землю на Поклонной горе, около юннатской станции, принадлежащей Институту. Большую помощь при этом оказали работники станции М. Н. Арсеньева и Н. А. Ваккер, обеспечившие всех своих коллег семенами и рассадой.

Новое в методической работе

В октябре 1941 года Городским институтом усовершенствования учителей для учителей средней школы были проведены конференции, посвященные пересмотру учебных программ в соответствии с требованиями военного времени и существенными изменениями в условиях обучения. Перед сотрудниками Института встала задача разработки и включения военной тематики в различные предметные курсы.

Профессор Д. А. Александров, заведующий кабинетом физики и один из талантливейших методистов, умело насыщал традиционные учебные темы «военным» материалом, сопровождая это методическими указаниями по их разъяснению учащимся. Предполагалось, что в сознании школьников удельное давление гусениц танка должно будет связаться с понятием о давлении; подводная лодка и аэростат заграждения вызовут в памяти закон Архимеда; дальность полета и высота подъема аэроплана окажутся в связи с курсом механики. В новом варианте преподавания физики, по замыслу Д. А. Александрова, должны были соотноситься такие технические атрибуты и физические явления, как: взрыватель снаряда и инерция; теплотворная способность взрывчатых веществ и калорийность топлива; магнетизм и магнитная мина; электричество и электризация проволочных заграждений и др.

Профессор редактировал свой труд, оказавшийся предсмертным, в квартире, где температура не поднималась выше нуля и не было электричества. Сидя у маленькой печки, он писал при тусклом свете четырехвольтной лампочки, питавшейся от аккумулятора. Работу над рукописью Д. А. Александров на исходе сил завершал в марте 1942 года, уже находясь в стационаре.

В курсе географии внимание учащихся привлекалось к перемещению отечественной промышленности на восток, богатству ресурсов Родины, способствующему победоносному завершению войны. Давались сведения о странах Ближнего Востока, Голландской Индии как возможных территориях открытия новых фронтов. В изучение государств Европы вносились сообразные военному времени политические и экономические акценты. Проходя курс географии, советские учащиеся должны были убедиться в огромном перевесе людских, продовольственных, промышленных резервов антифашистской коалиции.

На уроках истории школьники стали подробно изучать героическое прошлое своей Родины и славянских народов. Старшеклассники знакомились с некоторыми элементами военной науки и истории дипломатии. В курс литературного чтения для 7-го класса вошло чтение отрывков из романа «Война и мир» (образ Кутузова и русского солдата). Содержание программных произведений, таких как «Слово о полку Игореве», стихотворения Пушкина, Лермонтова, Блока, Маяковского, проза Горького и Фадеева,— интерпретировалось учителями в соответствии с текущими военно-историческими задачами. В курсе анатомии и физиологии человека был усилен прикладной аспект, связанный с санитарным делом, в частности с оказанием первой медицинской помощи при переломах, ожогах и т.д. В блокадных условиях подобные знания и навыки были необходимы бойцам МПВО, санитаркам в госпитале, фронтовым дружинницам.

Разработанные учеными и методистами ЛГИУУ программные материалы и методические рекомендации помогли учителям Ленинграда в первый блокадный учебный год соотнести содержание обучения с военной действительностью. Наглядным примером может служить фрагмент анализа содержания билетов по русскому языку для 7-го класса 367-й школы, приведенный в *Приложении IV-1*. В августе 1942 года прошла 2-я общегородская конференция учителей с пленарными и секционными заседаниями. Каждый методист института готовил несколько докладов для выступлений. С. Е. Кудрявцевой в отсутствие необходимых специалистов пришлось оказывать преподавателям методическую помощь по трем различным иностранным языкам.

На 1942/43 учебный год директор ЛГИУУ Раскин поставил перед коллективом ряд серьезных задач, связанных с методическим обеспечением перестройки содержания школьного обучения, выравниванием уровня знаний и умений школьников; всемерной поддержкой

внеклассной работы; развитием предметных методических объединений в районах; укреплением районных педагогических кабинетов. Особая роль отводилась разработке методик самостоятельной работы учащихся на уроках и дома как одного из рычагов развития личности, а также формам контроля деятельности учителей, позволяющим изучать динамику изменений в преподавании и эффективность методических рекомендаций[4].

Во втором полугодии 1942 года в штате остался всего 61 сотрудник. Из них: 18 человек административно-управленческого, 10 человек научно-технического персонала, 6 — технического и обслуживающего и 27 представителей профессорско-преподавательского состава (в том числе один профессор, два доцента, четыре кандидата наук). В обстановке фронтового города связь по линии школа — район — институт была затруднена. Читать систематические лекции в стенах института, как это делалось до войны, стало невозможным. Сотрудники кафедр, кабинетов, несмотря на обстрелы и бомбежки, стали выезжать непосредственно в школы для проведения на местах семинаров, практических занятий, консультаций.

В 1942–1943 учебном году состоялось 969 таких выездов, в их числе 73 консультации. Каждую из 86 работавших на тот момент школ методисты посетили по 11–12 раз. Хотя в учебные учреждения на окраинах Ленинграда было добираться трудно, за год сотрудники Института сумели побывать в каждой школе в среднем на 20 уроках. Отчет о работе института за 1942/43 учебный год стал убедительным доказательством того, что для ленинградских учителей в трудных условиях блокады учреждение оставалось верным помощником.

За годы войны в школах увеличился контингент начальных классов, что потребовало усиления методического руководства начальной школой. В ЛГИУУ преподавательский состав факультета начальной школы был укреплен за счет привлечения специалистов с предметных факультетов, в том числе с учеными степенями. Вынужденное «смешение возрастов» в детских садах, куда в блокаду принимались дети до 11–12 лет, открыло новые возможности для понимания психолого-педагогических механизмов преемственности обучения в системе «дошкольное образование — начальная школа».

В 1942 году впервые за время существования Института его сотрудникам пришлось принять на себя функцию методического сопровождения преподавателей и руководящих кадров школ для взрослых. Дело в том, что к этому времени такие школы, по сути, превратились в школы для подростков. Около 70% тех, кто в них обучался, совсем недавно покинули общеобразовательные школы в связи с вынужденным переходом на производство или другие места работы[5]. К концу учебного года каждый факультет Института выделил специального научного сотрудника по методическому обслуживанию школ взрослых. Возникла потребность в создании методических рекомендаций для преподавания в «мозаичных», то есть разновозрастных классах.

В вечерних школах за парты сели подростки, уже взрослые по жизненному опыту, но еще дети по опыту учения. Ситуация требовала исследования и разработки гибких форм работы, ориентированных на ликвидацию конкретных пробелов в подготовке каждого учащегося. После войны эти научно-методические знания пригодились при совершенствовании методик преподавания в вечерних школах и «доучивании» на подготовительных курсах в вузы молодых ребят, которые, не успев окончить 10-й класс, были призваны в армию.

В 1942–1943 учебном году большое внимание стало уделяться повышению квалификации руководящих кадров школ. В связи со значительными изменениями в личном составе директоров, заведующих учебной частью, инспекторов районных отделов народного образования и заведующих РОНО с января 1943 года в Институте был восстановлен существовавший до войны факультет руководящих кадров. Проведение лекций и докладов, регулярных совещаний с директорами и заведующими учебной частью школ, организация семинаров для тех, кто не имел опыта руководства, позволило постоянно улучшать качество работы этой категории педагогических работников. Центральными вопросами при этом становились: деятельность педагогического совета, анализ уроков, работа с отстающими учениками, система улучшения дисциплины, связь обучения с современностью.

К работе Института в блокаду подключались оставшиеся в Ленинграде преподаватели

[4] См.: Отчет о работе ЛГИУУ в 1942–43 уч. году // ЦГА СПб. Ф. 4966. Оп. 1. Д. 103.

[5] ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 564. Отчет Ленгороно о работе за 1942—43 уч. год; Там же. Ф. 4966. Оп. 1. Д. 103. Отчет о работе ЛГИУУ за 1942—43 уч. г. Л. 34.

других вузов. Учителя города активно посещали индивидуальные, тематические консультации, семинары, лекции по методическим проблемам и по вопросам международного положения. Например, многолюдными были лекции Эммы Львовны Наровлянской.

Лектор Горкома ВКП(б) Э. Наровлянская читает лекцию на тему «Политическая карта мира». 30 апреля 1943 г. (Фотохроника ТАСС)

Учителя охотно участвовали в семинарах по развитию их собственного литературного творчества. Руководил этой работой Виктор Андроникович Мануйлов, старший научный сотрудник Отдела новой русской литературы, в 1942–1944 гг. уполномоченный Президиума АН СССР по ИРЛИ, ответственный хранитель оставшейся в городе части фондов Пушкинского Дома, пришедший в Институт в 1942/43 учебном году[6]. Это был удивительный человек, которому в студенчестве довелось слушать лекции Вячеслава Иванова — одного из столпов Серебряного века; исследователь наследия Пушкина и Лермонтова, знакомый с Анной Ахматовой.

Он верил, что обучить писать можно всякого, кто этого захочет. На семинарских занятиях читались и обсуждались написанные их участниками рассказы, очерки, повести по тематике блокады, военных лет Ленинграда. В. А. Мануйлов руководил также семинаром, посвященным поэзии. Особенно тепло проходили встречи с писателями: В. Инбер, О. Берггольц, И. Андрониковым. Неоднократно приезжал в институт поэт В. Рождественский, читавший учителям свои еще не изданные произведения. В памяти участников этих встреч они оставляли «неизгладимое чарующее впечатление». У многих ленинградцев и в голодные дни блокады сохранялась потребность в пище духовной. Поэтому занятия в Институте усовершенствования учителей получили большой резонанс в городе. Сюда потянулись люди других специальностей: врачи, инженеры.

В. А. Мануйлов (фотография 1943 г.)[7]

Зимой 1943 года при помощи сотрудников института в школах города были широко отмечены юбилеи И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого. Совместно с учителями сотрудники Института подготовили ряд методических материалов: сборники задач по математике, физике, химии, разработки по иностранным языкам, наглядные пособия по литературе и истории, хрестоматии, составленные на материалах Великой Отечественной войны. Показательна для характеристики творческого роста ленинградских учителей проведенная Институтом усовершенствования 27–31 мая 1943 года Третья научно-педагогическая конференция (предшествующая ей Вторая конференция состоялась в феврале 1942 года). Несмотря на исключительно трудные условия работы в обстановке постоянных артиллерийских обстрелов, она вызвала большой интерес, продемонстрировав стремление широких кругов учительства к педагогическим и научно-методическим знаниям. Книжный киоск Института усовершенствования за несколько часов продал литературы на три тысячи рублей, включая довоенные издания.

> В пленарном заседании участвовало 450 человек, на заключительный пленум, несмотря на артиллерийский обстрел города, собралось около 200 человек. На секциях, где работало 718 учителей, было заслушано 35 докладов. Всего конференция охватила 1368 учителей — почти как в довоенное время, хотя число школ, продолжавших работу

[6] URL: http://literatura5.narod.ru/manyjlov_biogr.html

[7] URL: https://vk.com/wall-74710186_446

в Ленинграде в 1942–1943 учебном году, сократилось по сравнению с этим периодом в шесть раз.

В центре внимания педагогов и методистов находились проблемы развития творчества, воспитание самостоятельности школьников на уроках и во внеклассное время, активизация методов преподавания и его связь с современностью, организация опытной работы. Вот темы лишь некоторых докладов:

- «Развитие творческого воображения учащихся начальной школы на уроках чтения» (Л. А. Орлова);
- «Творческие работы учащихся 5–6-х классов на темы Великой Отечественной войны» (В. Г. Ананьева);
- «Воспитание самостоятельности и творческой инициативы на уроках физики» (Л. В. Войтман);
- «Связь преподавания географии с современностью» (В. А. Демидов);
- «Работа с документом по курсу новой истории» (Л. В. Лившиц);
- «Активизация словарного запаса в преподавании иностранного языка» (Э. К. Книттель);
- «Устные задачи и упражнения в курсе математики» (П. Ю. Германович);
- «Использование иллюстраций на уроках физики» (В. Е. Никольский);
- «Работа с картиной в 5–6-х классах» (Л. М. Цыпленкова);
- «Место и роль опыта в преподавании геометрии» (Б. И. Крельштейн);
- «Комнатное овощеводство» (О. С. Яковлева) и др.

Участникам конференции продемонстрировали самодельные пособия, созданные для активизации познавательной деятельности учащихся, и схемы, кратко отражающие основное содержание урока. Делегатам, расходившимся после завершения последнего заседания, пришлось задержаться в нижних этажах здания, пережидая окончание обстрела района.

Методическое сопровождение военного обучения

С января 1943 года в школах Ленинграда было введено военное обучение. Институт начал разработку соответствующих методик, адаптированных для блокадного города. Главным направлением научно-методической деятельности сотрудников всех кабинетов в этот период стали вопросы воспитания патриотизма. Силами сотрудников Института непосредственно в дни войны и блокады были подготовлены сборники задач на военную тематику по предметам естественно-математического цикла. Преподаватели факультета истории создали хрестоматии по Великой Отечественной войне. Кафедра военного дела занялась усиленной разработкой вопросов военной педагогики. Ее основная учебная работа сводилась к педагогическому усовершенствованию военных руководителей, вооружению их практическими навыками в разнообразных отраслях военного дела (гранатометание, рукопашный бой, военная гимнастика).

В рамках массово-методической работы прошли трехдневные семинары для 135 преподавателей военного дела, гимнастики и зимних видов спорта. В мае 64 преподавателя стали участниками восьмидневного семинара по военно-физической работе в летний период. Практиковалось также проведение однодневных семинаров для военруков, преподавателей связи, школьных врачей. Сотрудниками Института было подготовлено 40 лекций военно-патриотической тематики: «Военное прошлое русского народа», «Военный гений Суворова», «Полтавская битва», «Красная Армия в дни Великой Отечественной войны», «Военно-физическая подготовка в школе», «Военное воспитание и вопросы военного обучения на уроках общеобразовательных предметов», «Дружба, товарищество и взаимная выручка в бою». Также были разработаны и прочитаны лекции по методике проведения уроков военного дела на разных ступенях обучения.

В 1943/1944 учебном году 205 руководителей и преподавателей военного дела прослушали 20-часовой курс по педагогике. 103 военных руководителя стали участниками месячных военных сборов. Сотрудники кафедры посетили 65 школ, 89 уроков военного дела, а во время испытаний по военному делу присутствовали в 18 школах[8].

Основными вопросами при изучении постановки военного дела в школах были: организация утренней физзарядки, проведение уроков по строевой, огневой и тактической подготовке (особое внимание обращалось на использование наглядности), работа с младшими командирами. На общегородской конференции по военному обучению, в которой участвовали 220 человек, был обобщен опыт военного воспитания в Ленинграде и представлен опыт лучших школ (№ 160, 367, 47). Преподаватели кафедры

[8] ЦГА СПб. Ф. 4966. Оп. 1. Д. 141.

активно пропагандировали вопросы теории и методики военного обучения и воспитания среди директоров и завучей школ, инспекторов РОНО, учителей-предметников.

На тринадцати площадках блокадного города проводилась научно-исследовательская работа, по результатам которой был издан «Сборник по вопросам военного воспитания в высказываниях лучших руководителей военного искусства», а также составлен альбом «Военное обучение учащихся г. Ленинграда в 1942–1943 учебном году». Кафедра педагогики занималась изучением наследия виднейших представителей русской военной педагогики для последующего его использования при решении общепедагогических и общевоспитательных проблем. Все это свидетельствует о том, что работа по данному направлению велась в Институте на межпредметном уровне.

Методическое сопровождение раздельного обучения

В 1943 году в семилетних и средних школах Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик, областных и краевых центров и ряде крупных промышленных центров СССР ввели раздельное обучение мальчиков и девочек. Вопрос об этом обсуждался еще в предвоенные годы, но окончательное решение было принято только после победы советских войск под Москвой и Сталинградом. Частично оно было связано с необходимостью учета специфики преподавания военных дисциплин для юношей и девушек.

Кафедрой педагогики была подготовлена серия докладов, разъясняющих и обосновывающих эту реформу на осенних учительских конференциях, на специальных совещаниях директоров мужских и женских школ. С самого начала года специалисты Института отмечали необходимость строгого соблюдения равенства объема и содержания общего образования в мужских и женских школах. Отдельные кафедры (факультета математики, русского языка, естествознания, педагогики) собирали материал о работе учащихся по соответствующим предметам и их интересам. В течение года вопросы раздельного обучения неоднократно поднимались при освещении общих воспитательных проблем. После внимательного изучения состояния внеклассной работы, дисциплины и причин недисциплинированности были отмечены оправдавшие себя начинания, специфически отраженные в практике мужских и женских школ.

Некоторый итог был подведен Институтом на Четвертой научно-педагогической конференции 8–11 июня 1943 года, в повестке которой пять сообщений касались проблем раздельного обучения. В обобщающем докладе было подчеркнуто, «что всякие тенденции искать своеобразие образовательного материала для мужских и женских школ неправомерны, что само раздельное обучение должно помочь успешно разрешить общие для школ дела воспитания и устранить те недостатки, которые чаще встречаются то у мальчиков, то у девочек». Вместе с тем указывалось, что некоторые моменты обучения и воспитания, в частности, отбор деталей (а отнюдь не основного материала), можно варьировать для школ мальчиков и девочек.

Развитие детского творчества

В мае 1943 года в городе прошли олимпиады детского творчества по всем предметам. Первый тур был организован в школах. Его победители представили на заключительный тур Олимпиады при факультетах Института свыше 700 работ разнообразной тематики, в том числе выполненные коллективами авторов. Здесь были научные доклады о кометах и метеорах, об электричестве в военном деле. Материалы, рассказывающие о римской военной организации, великом полярном исследователе Беринге, партизанском движении в Ленинградской области. Модели гидротурбины и грузового автомобиля. Школьники продемонстрировали результаты опытной работы по гидробиологии и форсированным методам выращивания картофеля. В поэме Игоря Западалова «21 месяц (Ленинград в блокаде)» и лирическом дневнике Зины Ворожейкиной нашли отражение мысли и чувства подростков блокадного времени.

К оценке конкурсных работ привлекли ведущих специалистов, в том числе известных ученых и писателей. Например, в жюри по литературе, помимо декана факультета русского языка и литературы М. Н. Эгерштром, вошли писатели Н. Тихонов и В. Инбер, которая впоследствии, тепло вспоминая об олимпиадных работах школьников, цитировала их в своем «Ленинградском дневнике»:

> 28 мая 1943. Была у меня Мария Николаевна Эгерштром из Института усовершенствования учителей. Мария Николаевна пришла ко мне с просьбой участвовать в жюри детского литературного конкурса. Она принесла мне множество папок и тетрадей: стихи, поэмы, повести, дневники, научные сочинения. Тематика разнообразная. Ученик 4-го класса 26-й школы описывает вторжение фашистов в русские города: «В города они входили, Магазины все громили, Пили водку, брали шпик, И консервы открывали...

И съедали в один миг». Более «зрелый», Гребенников (ученик 6-го класса), представил исследование: «Книга — друг человека»...

Есть по-настоящему ценные вещи, такие, например, как «Отечественная война в мемуарах ленинградских школьников» (6-й класс 10-й школы). Интересен рассказ пионерки Зины Карасевой «Первая бомба». Ученица 9-го класса 47-й школы Инна Битюгова написала сочинение под скучноватым названием «Что мне дала работа в совхозе». Но на деле — это полно очарования и поэзии. Инна пишет, что еще до войны «мечтала сделать что-нибудь очень хорошее и полезное, чтобы я почувствовала, что живу не зря. <...> Я знаю теперь, что такое труд, чувствую ответственность за этот труд, чувствую, что я уже не школьница-ребенок, а школьница-боец. Я работала для города и фронта». На обложке рассказа Инны Битюговой изображены в красках свекла, брюква, турнепс и мелкие редиски: все с милыми, дружелюбными лицами[9].

Общее число участников заключительного тура олимпиады по математике, физике, химии, истории, географии, естествознанию, литературе составило 1400 человек. 32 победителя были награждены книгами и грамотами Гороно и Горкома ВЛКСМ. 149 учащихся и 15 школьных коллективов получили поощрительные книги и грамоты. За умелое воспитание у учащихся научных интересов были отмечены 26 учителей. Олимпиада не только подвела итог учебным достижениям, накопленным школами, но стала стимулом для дальнейшего развития внеклассной работы.

Восстановление годичной системы усовершенствования учителей

Летом 1943 года в Институте возобновилось проведение лекционных занятий. С 15 июня по 15 июля прошли краткосрочные курсы в объеме 78 часов на факультете начального образования. До начала учебных занятий для оставшихся в городе учителей средней школы были организованы семинары (раз в неделю, по 4 часа). В ходе этих семинаров посещение лекций сочеталось с самостоятельной разработкой слушателями актуальных курсовых тем и их выступлениями. 17 семинаров охватывали различную предметную тематику, такую как: «История русской химии», «Основные вопросы методики химии». «Развитие абсолютизма на Западе», «Методика Новой истории». «Основные вопросы физической и политической географии» и др.

В 1943–1944 учебном году была восстановлена годичная система усовершенствования. Занятия проходили один раз в неделю с утра по 6 часов в день. В целом за год повысили квалификацию 168 педагогов и 98 военруков. В январе 1944 года на курсах для молодых учителей присутствовало 43 человека. Занятий не было всего пять дней из-за сильного артобстрела. Массовая методическая работа факультетов и кафедр Института осуществлялась в форме лекций и докладов, тематических и индивидуальных консультаций. Слушателям предлагались лекционные циклы. На факультете русского языка и литературы это были: «Патриотические идеи и героические страницы в русской литературе», «Изучение биографии писателя в школе», лекции о творчестве Шекспира и о советской художественной литературе военных лет. В области физики — занятия по проблемам астрономии, метрологии и стандартизации. На кафедре математики Н. И. Лобачевский вел консультации «Иррациональные числа (научные основы темы)» и «Теория пределов в арифметическом изложении». Учителя биологии слушали лекции о расовой теории фашизма и об элементах дарвинизма в зоологии.

Изучение планов и конспектов директоров, посещавших курсы ЛГИУУ в 1943–1944 уч. г., позволяет составить представление о том, в каких именно направлениях в тот период проходило усовершенствование школьных руководителей. Директор в военное время рассматривался как единоначальник школы, ее идейно-политический руководитель. Очевидно, что основной целью было подготовить его к осмысленному руководству, подразумевающему глубокое проникновение в суть процессов обучения и воспитания.

Раз в неделю руководителями школ изучались: педагогика, психология, школьная гигиена и (что удивительно!) французский язык. Среди преподавателей были такие известные ученые, как Б. Г. Ананьев, А. Д. Люблинская, Ш. И. Ганелин, Л. Е. Раскин. Директорам давались знания об основных психических функциях. Обучение рассматривалось как психический процесс, направленный не на накапливание сведений, а на формирование интеллигентности и развитие творческого ума. Значительное место в курсе психологии отводилось культуре речи учителя и способу общения, в котором «раскрывается человек».

Содержание обучения тесно связывалось с воспитанием. При изучении истории предлагалось обращать внимание на «могучий облик русского народа». Ставилась «задача не только прочные знания дать, а чтобы дети подошли сознательно, понимали освободительные и несправедливые

[9] *Инбер В. М.* Почти три года. Ленинградский дневник. Запись от 28.05.1943.

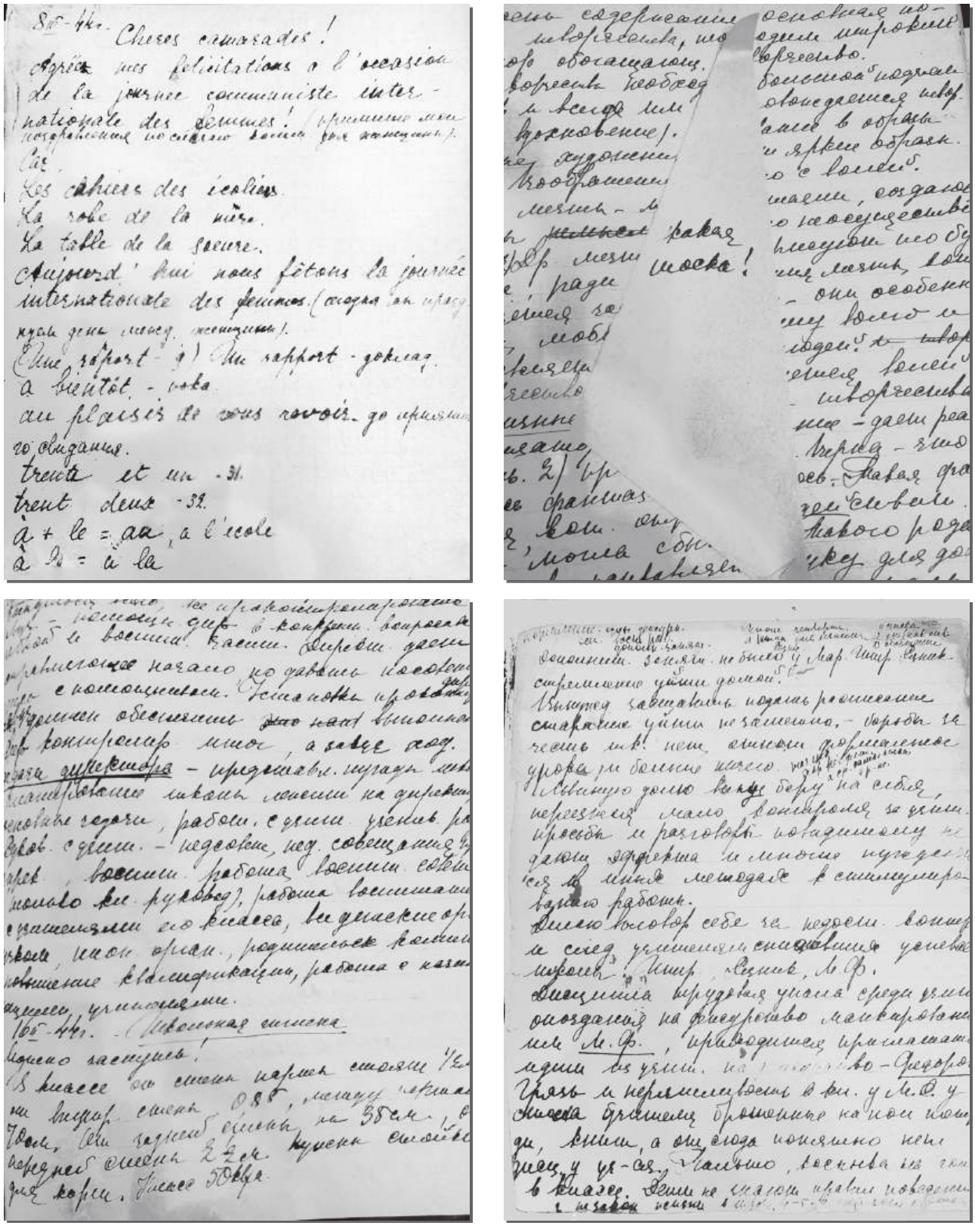


Рис. 4. Конспекты по французскому языку (тема «8 марта»), психологии, школьной гигиене

войны». На лекциях по педагогике наряду с дидактическими принципами рассматривались принципы нравственного воспитания.

Наличие единой вводной лекции к методике преподавания отдельных дисциплин вызывает ассоциации с современным понятием «мета-методики». Поскольку директорам вменялось в обязанность хорошо знать содержание обучения школьников, на курсах преподаватели Института анализировали с ними программы по географии, математике, истории, русскому языку и др. Особый акцент делался на знакомстве

с программами для начальной школы, интересы которой требовалось особо оберегать. От директора школы требовалось «*все видеть, все знать, коснуться всего, все проконтролировать*». Однако сидя на курсах, некоторые взрослые руководители даже в военное время порой проявляли чисто ученическую реакцию. В сохранившихся конспектах попадаются записи: «Школьная гигиена — можно заснуть!» Или переданная коллеге краткая записка: «Какая тоска!» (*рис. 4*).

Среди записей лекций в конспекте директора школы № 133 Т. Ф. Стеклянниковой неожиданно появляются размышления по поводу ухудшения трудовой дисциплины в коллективе. В частности, говорится о стремлении одной из учительниц, формально проведя уроки, незаметно уйти домой, манкируя дополнительными занятиями и дежурством. Упоминается грязь и неряшливость в ее классе, где на пол у стола брошены тетради и книги, чем объясняется отсутствие дисциплины у учащихся, которые не знают правил поведения. Больше всего, судя по данной записи, директора огорчает то, что «нет борьбы за честь школы». И в этом львиную долю вины она берет на себя, считая, что недостаточно времени уделяет контролю. «Просьбы и разговоры, по-видимому, не дают эффекта, и многие нуждаются в иных методах к стимулированию работы. Делаю выговор себе...»[10] Можно предположить, что подобные критические рассуждения, в том числе в свой адрес, навеяны полученными на лекциях знаниями по теории управления.

* * *

В 1943–1944 учебном году до февраля на лекции в Институте собиралась небольшая аудитория: сказывались условия блокадного города. Но консультациями все-таки удалось охватить большое число учителей.

> На факультете иностранных языков через консультации прошло 2351 человек, на факультете литературы — 1892, на факультете математики — 2225 человек, на факультете истории — 987 по истории и 284 чел.— по Конституции. На отдельных факультетах широко была организована выездная работа по чтению докладов для учителей. Так, на факультете литературы и языка за год состоялось 32 выезда, охватившие 1224 человека. Подобную работу для молодых учителей также практиковали факультет начальной школы, кафедры математики и педагогики.

[10] ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3. Конспекты занятий с курсов директоров.

С 1943–1944 учебного года в школах начали проводить так называемые Открытые дни, когда уроки посещали заведующие и инспектора РОНО, представители Гороно и ЛГИУУ. В *Приложении IV-6* можно ознакомиться с планом открытого урока по биологии, проведенного Е. Ермоленко, учительницей школы № 79 Петроградского района 28 октября 1943 года. Поражает обилие форм наглядности, в том числе натуральной, которые привлекает учитель, разнообразие способов активизации учащихся, ориентация на достаточно высокий уровень их теоретических знаний.

Работа Института после окончательного освобождения города от блокады

В 1943 году в Москву, в Наркомпрос, был направлен отчет о передовом опыте учителей блокадного города, о чем сообщалось в газете «Ленинградская правда». 27 января 1944 г. блокада города была окончательно снята. В феврале в Ленинград из командировки возвратился директор А. А. Письменский. Институт переехал в здание на ул. Ломоносова, д. 11/13, где после преобразования в Университет педагогического мастерства (1991) и Санкт-Петербургскую академию постдипломного педагогического образования (2003) находится по настоящее время. Начали возвращаться с фронта и из эвакуации сотрудники, приступали к работе новые преподаватели.

> Вернулись: зав. учебной частью Б. А. Фельдблюм, сотрудники кафедры педагогики Д. Г. Юров, Н. Д. Куликов, Н. Д. Яковлев, Л. Л. Додон, Е. Г. Голдина, по кафедре физики: С. С. Мошков, Л. И. Скрелин, К. Н. Елизаров; по начальной школе М. А. Белецкая, С. Б. Сорина; по рисованию и черчению Л. Т. Вяхи-Ильвес; по естествознанию: Н. М. Верзилин, Н. А. Рыков, В. М. Корсунская, А. Г. Поляновская, по географии: В. А. Демидов, В. М. Пахомов; по истории: М. Ю. Поволоцкая; по литературе; В. А. Беер, Н. Э Тиме и др. Вернулись фронтовики: А. Н. Волынчук, И. М. Харлип, Г. Н. Пивоваров, Н. И. Громов. Но многих недосчитались.

Полный список сотрудников ЛГИУУ, прошедших войну, приведен в *Приложении IV-4*.

М. Ю. Поволоцкая вспоминает, что весной 1944 года, придя первый раз после возвращения в Ленинград в Институт усовершенствования учителей по старому адресу, она была поражена увиденным. «Все двери огромного

здания были открыты. В помещениях гулял ветер, из людей почти никого не было. У шкафов возились несколько человек в ватниках». Во всех помещениях была одна и та же картина. «У историков сваленные в кучу у стены таблицы и карты, у естественников открытые, с высокими стеклами стенные шкафы с экспонатами, в углу, прямо на полу, лежали таблицы и схемы и другие наглядные пособия. Везде валялись обломки штукатурки, какие-то доски и мусор». На потолке одной из комнат, в том месте, куда попала бомба, зияла огромная дыра, через которую виднелось небо.

Спасая имущество, методисты-предметники часть материалов забирали с собой. Однако увезти все сотрудникам было не под силу. Со временем часть книг и пособий была перемещена в новое здание ЛГИУУ, часть — в НИИ педагогики АПН РСФСР, где впоследствии находился НИИ общего образования взрослых АПН СССР. Возвратившиеся в Институт научные сотрудники начинали работу на прежнем месте, однако в ходе процесса передвижения и расстановки кадров часть из них перешла в Педагогический институт им. А. И. Герцена, НИИ педагогики РСФСР, Библиотечный институт им. Н. К. Крупской и Ленинградский университет. На их место брали зарекомендовавших себя еще с довоенного времени опытных учителей-методистов. Об этом периоде подробно рассказано в воспоминаниях М. Ю. Поволоцкой (*Приложение IV-7*).

После снятия блокады Институт вновь развернул полнокровную методическую работу во всем ее многообразии. В январе 1944 года встал вопрос о полном восстановлении ЛГИУУ как крупного научно-исследовательского педагогического учреждения. И уже в феврале возник замысел проведения III научной сессии по итогам научной деятельности коллектива в годы блокады. На сессии, состоявшейся 22–26 июня 1944 года, прозвучало 40 научных докладов. Особое внимание уделялось проблемам воспитательной работы школы и научности преподавания. Кроме того, рассматривались дидактические проблемы, в частности проблема прочности усвоения знаний. Важное место в плане научной работы Института заняла подготовка пособий для учителей по русскому языку и математике (для начальной школы), по иностранному языку, по методике биологии и физике, а также серии брошюр по нравственному воспитанию.

Согласно постановлению Совета народных комиссаров РСФСР № 18 от 10 января 1944 года и приказу Народного комиссара просвещения РСФСР № 24 от 10 января 1944 года, с января 1944 года в школах произошел переход от словесной системы оценки успеваемости и поведения учащихся (отлично, хорошо, посредственно, плохо, очень плохо) к пятибалльной системе. Все кафедры Института включились в проверку того, как применяются критерии цифровых оценок. Удалось установить, что в целом уровень требования к учащимся повысился, отметки соответствуют знаниям учащихся, но остался нерешенным вопрос о гибкости учета с его плюсами и минусами. Серьезно дискутировался вопрос о педагогической целесообразности проведения соревнования по успеваемости между классами.

В 1944 году в русле выполнения закона о всеобщем обязательном обучении в школах Ленинграда начали прием в первый класс детей семилетнего возраста. (До этого учеба начиналась с восьми лет.) В плане кафедры педагогики появились темы, касающиеся особенностей работы в классах семилеток. Необходимо было обобщить опыт этой работы, изучить формы взаимодействия работников школ и детских садов, разработать методику обучения письму и чтению на основе применения нового дидактического материала и приемов буквообразования.

После снятия блокады Ленинграда началась активная работа по восстановлению разрушенного городского хозяйства. В соответствии с решением Дзержинского райисполкома и полученными трудовыми нарядами сотрудниками Института в августе 1944 года проводились восстановительные работы по двум объектам: набережная реки Фонтанки, д. 10 и Моховая улица, д. 4. Было организовано две бригады (23 и 19 человек), каждая из которых должна была работать с 5 до 9 часов вечера.

Если на 1 января 1944 года в ЛГИУУ числилось 103 сотрудника, то в 1945 году их было уже 122 человека, из них 79 — профессорско-преподавательский состав (6 ставок профессоров, 12 доцентов, 15 старших научных сотрудников, 36 научных сотрудников, 10 ассистентов)[11]. Учебные занятия в Институте в 1944–1945 учебном году начали проводить с 9 октября по 16 апреля два раза в неделю по 4 учебных часа, а на факультете руководящих кадров — раз в неделю по 6 часов. В ходе годичных курсов на всех факультетах читались учебные дисциплины: «Основы марксизма-ленинизма» (20–28 час.), «Педагогика» (34–40 час.). Затем, в зависимости от набранных групп, основы научных знаний по преподаваемому предмету (от 40 до 90 часов) и методика его преподавания (примерно по 30 часов).

[11] ЦГА СПб. Ф. 4966. Оп. 1. Д. 203.

На факультете начальной школы изучали русский язык и математику, методику преподавания каждого из них; на факультете руководящих кадров — психологию, логику, историю русской педагогики, основные вопросы преподавания отдельных дисциплин и методы инспектирования. Годичные курсы были разной продолжительности: от 128 часов у учителей математики 5–7-х классов до 208 часов у филологов. Экзамены на всех факультетах проводились в течение двух недель — с 16 по 30 апреля[12].

Все кафедры провели осенние и зимние предметные конференции учителей с обсуждением докладов, связанных с планированием учебной работы. Факультет литературы организовал общегородскую конференцию по внеклассному чтению, кафедра математики — по подготовке испытаний. С 8 по 11 мая 1945 года состоялась Пятая научно-педагогическая конференция учителей 5–10-х классов, на которой было представлено 37 докладов от учителей и научных сотрудников Института. Научно-методическая работа с учителями младших классов была завершена первой в Ленинграде специальной педагогической конференцией по начальному образованию, прошедшей 28–30 мая 1945 г. На ней прозвучало 17 докладов учителей и научных сотрудников Института.

Всего в 1945 году для учителей города было проведено 120 лекций и докладов. Из них наибольшее количество — на факультетах истории, литературы и в кабинете детского чтения. Кафедра педагогики подготовила 12 докладов, на которых присутствовало 922 человека. Массовой методической работой было охвачено 21 570 человек. Состоялось 210 тематических групповых консультаций, работало 35 семинаров, включавших от 1 до 8 занятий. Эти семинары посетили 1697 человек[13].

Учителя ленинградских учителей в период блокады

Высокое качество работы ЛГИУУ с начала его работы, а также в военные и послевоенные годы обеспечивалось тем, что многие сотрудники, и, прежде всего руководители, обладали огромным жизненным и профессиональным опытом. В подтверждение тому лишь несколько биографий.

Андрей Аверьянович Письменский (1902–1965). Директор ЛГИУУ в 1938–1941 и 1944–1950 гг.

Родился на хуторе в Ростовской области в крестьянской семье, обучался в церковно-приходской школе и реальном училище. В 1919 году добровольцем вступил в Красную Армию, был помощником командира полка, несколько раз подвергался смертельной опасности. В 1926 году демобилизовался по состоянию здоровья. В 1927–1930 гг. продолжил свою учебу в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена, совмещая это с работой в Охтинской профтехшколе. После окончания аспирантуры в 1932 году стал заместителем директора ЛГПИ по учебно-научной части, а в сентябре 1938 года — директором вновь созданного Ленинградского городского института усовершенствования учителей. В июле 1941 года в качестве уполномоченного Ленсовета по эвакуации ленинградских детей выехал в Кировскую область, где проработал в должности заведующего облоно с марта 1942 по февраль 1944 года. Возвратившись в Ленинград, вновь возглавил Институт усовершенствования учителей. Жил скромно, его семья из пяти человек обитала в одной комнате коммунальной квартиры при ИУУ среди других сотрудников, потерявших жилье[14].

О встречах с А. А. Письменским в Ленинграде и на угро-финской земле тепло вспоминал в своих записках известный драматург Е. Шварц, который, увидев его в первый раз на заседании постоянной школьной комиссии, «сразу отличил от всех»[15].

Леонид Евгеньевич Раскин (1897–1948). Директор ЛГИУУ с 1941 по 1944 г.

Родился в Орловской области в семье служащего лесной конторы. Окончил реальное училище и Московский коммерческий институт. С 1921 года работал научным сотрудником Центрального института инструкторов и организаторов народного образования НКП. Был репрессирован. Во время ссылки работал преподавателем

12 ЦИА СПб. Ф. 4966. Оп. 1. Д. 149.

13 Там же. Д. 256.

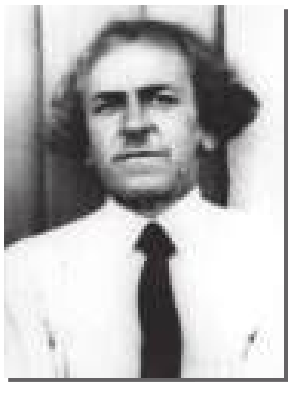
14 Там же. Ф. 7449. Оп. 17. Д. 541.

15 *Шварц Е.* Телефонная книжка. М.: Искусство, 1997.

математики и педагогики в старших классах, занимался организацией опорной фабрично-заводской школы и ее педагогического концентра. Впоследствии стал методистом Губроно по профессионально-техническому образованию, преподавал на курсах повышения квалификации.

К моменту переезда в Ленинград в 1934 году Леонид Евгеньевич имел опыт работы научного сотрудника в НИИ методов школьной работы, НИИ Детского коммунистического движения при ЦК ВЛКСМ, Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, преподавал педагогику в вузе. Автор нескольких книг по проблемам воспитания («Воспитательные задачи школы», «За коммунистическое воспитание дошкольников», «За интернациональное воспитание детей», «Проблемы мальчиков и девочек в воспитании»). Защитил кандидатскую диссертацию по педагогике. С 1938 года — заведующий кафедрой педагогики ЛГИУУ. Три года в блокадном Ленинграде был директором ЛГИУУ. Оставил подробные очерки воспоминаний о блокадной жизни ленинградских школ.

Виктор Леонидович Голицынский (1892–1951).



Из семьи военнослужащего, закончил физико-математический факультет МГУ. Владел четырьмя иностранными языками. Был музейным работником, преподавателем в школе, ФЗУ, техникуме, старшим научным сотрудником кабинета биологии Естественнонаучной городской станции Ленгороно, заведующим кабинетом ботаники в ЛГИУУ. В декабре 1943 г. назначен деканом естественного факультета и заместителем директора ЛГИУУ. В период блокады остался единственным хранителем агроучастка на обстреливаемой вражеской артиллерией Поклонной горе, где организовал выращивание овощей сотрудниками ЛГИУУ в голодные годы блокады. Во время войны сумел подготовить кандидатскую диссертацию «Самостоятельная работа учащихся по ботанике».

Потребность в кадрах высокой научной квалификации обусловила привлечение в систему усовершенствования учителей легендарных фигур ученых и методистов, которые одновременно преподавали в ведущих вузах города, готовящих педагогические кадры разного уровня: Ленинградский педагогический институт имени М. Н. Покровского, Академия коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской, Государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, ЛГУ. С конца 1930-х годов в Ленинграде сформировалось поистине звездное сообщество психологов, педагогов, методистов. Интенсивное «перекрестное» сотрудничество ведущих ученых с различными учебными, научными, академическими и художественными учреждениями города позволяло насыщать пространство Института усовершенствования передовыми идеями и новейшими практическими разработками в области обучения и воспитания.

Этот процесс с началом войны частично прервался, но возобновился с прорывом блокады и возвращением в город специалистов, находившихся в эвакуации. Не только у учителей города, но у самих сотрудников ЛГИУУ имелась счастливая возможность слушать лекции, общаться, консультироваться у ведущих специалистов в области психологии, различных направлений педагогики и предметных методик. Все они были ярчайшими личностями с огромным и разнообразным жизненным опытом. Вот лишь несколько имен.

Борис Герасимович Ананьев (1907–1972).

Заведующий отделом психологии Института мозга, самый молодой доктор наук среди психологов своего времени начал сотрудничать с ЛГИУУ в 1938 году, работая на кафедре педагогики. Его первая монография «Психология педагогической оценки» (1935) содержала важные для методистов идеи, касающиеся воспитательного воздействия на школьника посредством оценки. Б. Г. Ананьев рассматривал школу и учителя в качестве важнейших факторов формирования индивидуально-психологических особенностей ребенка и подростка.

Иван Яковлевич Депман (1885–1970).

Российский математик эстонского происхождения, выдающийся историк математики и популяризатор науки. Выпускник СПб университета, участник первого Эстонского математического конгресса в Тарту, профессор Ленинградского педагогического института имени М. Н. Покровского и сотрудник ЛГИУУ.

Изабелла Васильевна Гиттис (1889–1965?).

В 1906–1907 гг. училась в Лозаннском университете, была вольнослушательницей

Санкт-Петербургского университета, по окончании Высших женских курсов (1912), сдав госэкзамены при университете, продолжила научные занятия в качестве ассистентки проф. И. М. Гревса, теоретика и проводника экскурсионного метода в преподавании истории. Преподавала в школах Петрограда—Ленинграда, в Педагогическом институте им. Герцена (1925–1935). С 1942 по 1949 г. работала в Академии педагогических наук и по совместительству — на кафедре истории ЛГИУУ. К началу войны вышли ее методические пособия «Уроки по истории СССР: Из опыта работы по истории СССР в 3 классе учительницы И. В. Гиттис». (Л., 1939) и «Начальное обучение истории: Очерки по методике преподавания истории» (Л., 1940).

Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980).

Дочь протоиерея собора Исаакия Далматского в Санкт-Петербурге, историка церковного права. В 1918 году с золотой медалью окончила Демидовскую гимназию, в 1922 году — историческое отделение факультета общественных наук Петроградского университета, преподавала на историческом факультете ЛГУ, была хранителем фондов Государственной публичной библиотеки.

Вера Михайловна Корсунская (1900–1991). Педагог, популяризатор биологических знаний, видный специалист в области методики естественнонаучного образования. Росла в учительской семье, где царило романтическое отношение к детям, школе, каждодневным обязанностям. Будучи учителем биологии, создала образцовый предметный кабинет, организовала уголок живой природы, пришкольный участок. В сентябре 1941 года Вера Михайловна была приглашена на работу в ЛГИУУ на кафедру биологии. С июля 1942 года ее откомандировали в Ярославскую область, где она работала заведующей учебной частью детского дома и школы для эвакуированных ленинградских детей. В августе 1944 года была вызвана для продолжения работы в ЛГИУУ. Известна не только как методист-биолог, но и как детский писатель, автор научно-популярных публикаций.

Николай Михайлович Верзилин (1903–1984).

Известный советский ботаник, педагог, методист, продолжатель традиций русской натуралистической беллетристики. С детства был неравнодушен к природе, любил читать приключенческие книги, играть в индейцев и путешественников, изучал природу родного края. Учительствовать начал с 16 лет в сельской начальной школе. «Его уроки были живыми, как леса, как поля, как сады»[16]. В 1938 году становится деканом факультета естествознания ЛГИУУ. В 1941 году по распоряжению Ленсовета назначается уполномоченным по эвакуации детей в Кировской области. В 1943 году выходит его первая работа для детей «Лечебница в лесу». После возвращения в 1944 году в Ленинград проработал в ЛГИУУ до 1950 года, был членом Ученого совета, защитил докторскую диссертацию «Методика преподавания ботаники».

Вся деятельность Института в период войны и блокады была подчинена государственным интересам в полном соответствии с документами, определявшими в 1941–1945 гг. принципиальные нововведения в образовании страны. Специфика всех форм работы сотрудников (и не только учебной) диктовалась задачами обороны Ленинграда и сохранением системы школьного обучения в самое тяжелое блокадное время.

В военный период работы Института четко прослеживается преемственность методических традиций, обеспеченная:

- разновозрастным составом сотрудников, среди которых было много опытных специалистов, прекрасно знавших не только содержание своего предмета, но и основы психологии и педагогики;
- сохранением и творческим использованием дореволюционных наглядных пособий и научно-методических работ, которые

[16] *Михалева А. В.*, студентка РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Творческая деятельность и вклад Н. М. Верзилина в развитие естественнонаучного образования // Связь поколений ученых — исследователей проблем естественнонаучного образования: Сб. статей студенческой научно-практической конференции, посвященной методистам-биологам — участникам Великой Отечественной войны. 8 апреля 2015 года, Санкт-Петербург. СПб., 2015. С. 59–64 .

бережно накапливались и хранились в институте с момента его возникновения;

- постоянным развитием научных основ предметных методик за счет использования новейших для своего времени психологических, педагогических разработок и результатов экспериментальной работы.

Поддержание многообразия форм научно-методической работы, применявшихся до начала войны, сочеталось с их модификацией применительно к блокадному времени. С учетом постоянной смены условий обучения сотрудниками Института вместе с учителями города создавались гибкие методики, предполагавшие включение эмоциональной составляющей и творческой импровизации с целью оживить, расшевелить учеников, страдающих от холода и голода. Привлекает простота, доступность и надежность рекомендаций, предлагаемых во время блокады массовому учительству и всегда подкрепленных множеством конкретных примеров. В военный период это было особенно важным, поскольку адресаты, особенно молодые педагоги, иногда не имели даже законченного среднего образования. Нельзя не отметить и дифференциацию форм работы по усовершенствованию педагогов разного предметного профиля и уровня подготовки. (Ряд сведений о составе и уровне образования педагогов и руководителей школ Ленинграда в разные годы приведен в *Приложениях IV-2* и *IV-3*.)

Деятельность ЛГИУУ была вписана в широкий культурный фон и фундаментальный научный контекст, сформированный в предвоенные и военные годы за счет тесного взаимодействия ученых из разных структур (Институт мозга, институты Академии педагогических наук СССР, Ленинградский государственный университет, Эрмитаж, Государственная Публичная библиотека). В каждом из этих специалистов присутствовало соединение блестящего фундаментального (часто еще дореволюционного) образования, собственного богатого преподавательского опыта, экспериментальной научной деятельности, дополнительных увлечений, литераторской деятельности, личного вклада в победу над врагом (руководство эвакуированными учреждениями, маскировка зданий, просвещение населения в сфере использования трав для лечения и питания и др.).

О том, что научная работа сотрудников ЛГИУУ во время блокады не прекращалась, свидетельствует значительное число подготовленных в этот период серьезных исследовательских работ, среди которых 4 докторских и 9 кандидатских диссертаций, несколько фундаментальных пособий[17]. Вот лишь несколько названий.

Диссертации на соискание степени доктора педагогических наук:

- Верзилин Н. М. «Система преподавания ботаники»;
- Павлович С. А. «Наглядность в школьном курсе естествознания»;
- Депман Н. Я. «Очерки по истории математического просвещения в России»;
- Кушков В. Г. «Экзамены в школе».

Пособия:

- Голлербах М. М. «Биологические основы школьного курса ботаники» (10 п. л.);
- Знаменский П. А. «Методика преподавания физики в средней школе» (12 п. л.);
- Кушков В. Г. «Директор школы и система его работы» (10 п. л.).

Тематика публикаций и защищенных диссертационных исследований свидетельствует о преемственности в развитии ленинградских методических школ в довоенные, блокадные и послевоенные годы. Полная библиография работ ЛГИУУ за 1939–1947 годы включает 340 публикаций[18]. Непосредственно сотрудниками Института подготовлено 145 работ, в основном это издания 1939, 1940, 1941, 1945, 1946 годов. Многие из них построены как сборники статей ученых ЛГИУУ и лучших учителей Ленинграда, отражающие опыт преподавания математики, литературы, истории, географии; повышения качества обучения в начальной школе, преодоления формализма в работе средней школы; описывающие передовые методики школьного обучения и воспитания (*Приложение IV-5*).

* * *

В Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования вплоть до 2010-х годов еще оставались сотрудники, в детстве бывшие непосредственными свидетелями жизни блокадного города. Среди них: Ефросинья Ульяновна Жукова (1920–2002), Дмитрий Николаевич Мурин (р. 1928), Валентина Федоровна Терещук (1928–2020), Фатина Викторовна Зарянова (р. 1930), Инна Алексеевна Мухина (1930–2014), Тереза Георгиевна Браже (1931–2019), Алевтина Романовна Арская (1931–2011), Наталия Ильинична Элиасберг

[17] ЦГА СПб. Ф. 4966. Оп. 1. Д. 174.

[18] Там же. Д. 10.

(1933–2014), Лариса Гавриловна Татарникова (р. 1935), Роза Борисовна Щелкунова (1935–2021), Валентина Николаевна Ивлева (1936–2021), Валентина Андреевна Шукейло (р. 1937), Алла Петровна Баранова (р. 1937), Валентина Николаевна Семенцова (1937–2014), Тамара Трофимовна Буровцева (1940–2010), Юрий Павлович Виноградов (р. 1941). Избрав для себя в послевоенные годы педагогический путь, который в итоге привел их в стены ЛГИУУ, каждый внес свой уникальный вклад в развитие научно-методических традиций Ленинграда — Санкт-Петербурга.

В собрании видеозаписей АППО хранятся волнующие рассказы сотрудников кафедр и методистов о пережитом в блокаду[19].

> Когда началась война, Ларисе Татарниковой было шесть лет. Но по сей день она помнит, как, надев большие рукавицы, щипцами тушила зажигалки, которые ее мама потом сбрасывала с крыши. Помнит, как поезд, увозивший их семью в эвакуацию, разбомбили. Последний вагон, куда они, опаздывая на вокзал, едва успели вскочить, отцепился. И только те, кто там был, остались в живых. Юрий Павлович рассказывал: в блокаду настолько ослабел, что бабушка начала изготовлять для него гробик из шкафа. Фатина Викторовна не забыла тех чувств, которые она, как и все ленинградцы, испытала летом 1942 года, когда в осажденном городе из всех репродукторов зазвучала Седьмая симфония Д. Шостаковича...

По словам Дмитрия Николаевича Мурина, начавшего школьное обучение в 1936 году, из всех методов, которые привлекались для его образования в первые пять лет, он «смутно запомнил, что в какие-то карточки-схемы надо было записывать сведения о литературных героях». После войны, окончив Ленинградский государственный университет, Дмитрий Николаевич с годами стал талантливым литературоведом, известным учителем-методистом, который провел в школах города около 20 000 уроков и написал ряд увлекательных книг и пособий. Как верного и творческого продолжателя отечественных традиций преподавания словесности его огорчает то, что современный учитель «чувствует себя свободным от методической опеки, от методического (а не инспекторского!) контроля»[20].

Заслуженный учитель РСФСР Валентина Николаевна Семенцова, будучи уже в преклонном возрасте, рассказала о своих детских блокадных воспоминаниях в книге «Лист фикуса», обращенной к дошкольникам (*рис. 5*)[21]. На эту публикацию откликнулся благодарственным письмом Патриарх Московский и Всея Руси Алексий (*рис. 6*).

Напутствием нынешним научно-методическим службам Санкт-Петербурга могут служить заключительные слова из военных воспоминаний доктора педагогических наук, профессора Наталии Ильиничны Элиасберг, заслуженного учителя РСФСР, проработавшей в ЛГИУУ — Университете педагогического мастерства — СПб АППО тридцать пять лет. «Я хочу сказать, что нет большего горя, чем война, война с сильным врагом, чем те потери, которые понесли почти все семьи в этой войне, и пожелать нашим коллегам, тем, кто работает в этом здании, счастья, безопасности, не видеть того, что пришлось видеть нам...»[22]

---

[19] Встреча ветеранов 27.01.20. URL: https://www.youtube.com/watch?v= 3zCvI7ZFPA4
Встреча ветеранов 13.05.21. URL: https://www.youtube.com/watch?v=jkwMNzpWbrM

[20] URL: https://lit.1sept.ru/article.php? ID= 200902410

[21] *Семенцова В. Н.* Лист фикуса. СПб.: Паритет, 2005.

[22] Н. И. Элиасберг, трудилась в ЛГИУУ — Университете педагогического мастерства — СПб АППО с 1969 по 2014 год, автор разработки и внедрения в школы города уникальной системы гражданско-правового и этического воспитания. Интервью записано 16 апреля 2014 года, за три месяца до ухода Наталии Ильиничны из жизни. См.: URL: https://www.youtube.com/watch?v=btaDAkrW-Fw

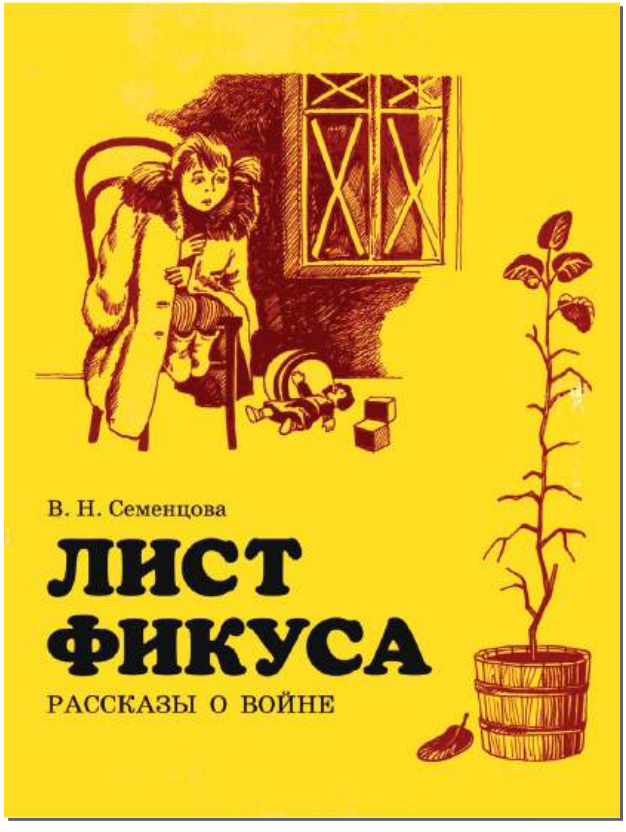
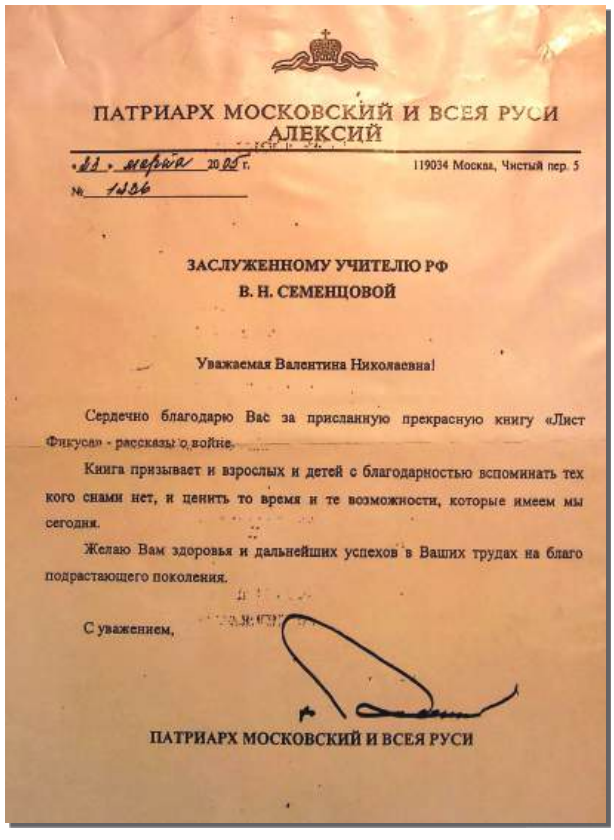


Рис. 5. Обложка книги «Лист фикуса»



ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЙ

21 марта 2005 г. 119034 Москва, Чистый пер. 5
№ 1126

ЗАСЛУЖЕННОМУ УЧИТЕЛЮ РФ
В. Н. СЕМЕНЦОВОЙ

Уважаемая Валентина Николаевна!

Сердечно благодарю Вас за присланную прекрасную книгу «Лист Фикуса» - рассказы о войне.

Книга призывает и взрослых и детей с благодарностью вспоминать тех кого снами нет, и ценить то время и те возможности, которые имеем мы сегодня.

Желаю Вам здоровья и дальнейших успехов в Ваших трудах на благо подрастающего поколения.

С уважением,

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Рис. 6. Благодарственное письмо Патриарха Московского и Всея Руси Алексия

Сотрудники СПб АППО (ЛГИУУ) — дети блокадного Ленинграда[23]

[23] Запись встречи с ветеранами блокады СПб АППО см.: URL: https://www.youtube.com/watch?v=jkwMNzpWbrM

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

Приложение IV-1

Из отчетов школ за 1941—1942 учебный год. Школа № 367, учительница Е. Н. Печанская. О том, как были построены билеты для испытаний по русскому языку и литературному чтению в 7-м классе

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1

1. Помимо материала по программе, каждый ученик читал стихотворение о событиях и героях Великой Отечественной войны, подобранное и заученное по собственному желанию.

Кроме того, учащиеся имели право вместо стихотворения рассказать какой-либо эпизод, прочитанный ими в газете. Так было при опросе по литературному чтению.

2. По русскому языку текст для разбора предложений также давался современный — из газет, журналов, радиопередач, из книжек военно-оборонного значения. Такой текст стоял буквально через билет.

3. Сами учащиеся давали свои примеры или из литературного текста или тоже на темы современных событий.

Привожу содержание некоторых билетов:

Билет № 2.

1. Расскажи кратко содержание повести Пушкина «Капитанская дочка».

2. Прочти наизусть стихотворение Маяковского «Последняя страничка гражданской войны». Идея стихотворения...

3. «Бьем за вольный край и милый,
Чтоб согнулись в три дуги,
Чтоб легли везде в могилы
Ненавистные враги».

Разбери предложение, построй его схему.

4. Придаточное дополнительное. Прямой и косвенный вопрос.

Текст для разбора предложений:

1. «Бойцы идут в поход кровавый
И гонят вражескую рать,
А мы лекарственные травы
Идем с рассвета собирать».

2. «Кого изранит, искалечит
Противник в схватке боевой,
Того целебною травой
Страна родимая излечит».

3. «Среди твоих полей нашел могилу враг,
Там русские снега убийцам сшили саван,
И воскресают вновь в твоих делах
Суворовская мощь, кутузовская слава».

4. Враг, ринувшийся на подступы к Ленинграду, испытал на своей шкуре, как умеют биться сыны и дочери великого города.

Приложение IV-2

Сведения о работниках школ Фрунзенского района в 1943 году

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 600

Общее число работников	Количество учителей	В том числе женщин	Директора	Всего	Из них женщин
Начальных школ	48	48			
5–7 классов	45	45	Неполных средних школ	5	5
Средних школ	18 /26	16/22	Средних школ	2	2
Всех учителей этих школ	113 /26	109/26			
Учителя музыки, пения, рисования, черчения	7/1	7			
Учителя физкультуры и военного дела	13/–	6/–			
Всего учителей	133/27	122/22			
Членов и кандидатов в ВКП(б)	7	1			
Членов ВЛКСМ	10	–			
Лиц, имеющих высшее законченное образование				64 (48,1%)	17
Из них с педагогическим стажем					
До 5 лет	6				
От 5 до 10 лет	4				
От 10 до 25 лет	32	5			
25 и более лет	22	12			
Имеющих среднее законченное образование (общее и педагогическое)				65 (48,8%)	6
Из них имеют среднее педагогическое образование				52 (80,1%)	
Не имеющих полного среднего образования				3 (4,6%)	
Окончивших 2-х и 3-х годичные учительские институты и лиц, к ним приравненных				1 (0,8%)	

Комментарий к таблице: абсолютное большинство среди педагогов — женщины (122 из 133, т. е. 92%).

Практически половина педагогов со средним общим или средним специальным (педагогическим) образованием. Сравнительно мало членов ВКП(б) и комсомольцев (в основном ушли на фронт).

Приложение IV-3

Характеристика уровня образования и стажа директоров и завучей школ в 1944—1945 учебном году

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 639

Группы работников	Всего	С законч. высшим образов.	В т. ч. с образов. Учительского института	Со средним образованием	По педагогическому стажу			
					до 5 лет	от 5 до 10 лет	от 10 до 25 лет	Свыше 25 лет
Завучи начальных школ	10	4	4	2	3	2	4	1
Директора 7-летних школ	118	98	8	2	2	20	61	22
Завучи 7-летних школ	113	91	9	2	2	27	61	18
Директора средних школ	81	78	7	1	2	13	50	20
Завучи средних школ	81	79	5	2	2	14	50	20
ИТОГО:	**398**	**350**	**33**	**15**	**11**	**76**	**226**	**81**
В процентах:	**100%**	**87,9%**	**8,3%**	**3,8%**	**2,8%**	**19,1%**	**56,8%**	**20,4%**

Комментарий к таблице: как следует из данных последнего военного учебного года, почти 90% руководителей школ на тот момент имели высшее (не педагогическое) образование. Это позволяло после прохождения курсов в Институте усовершенствования учителей успешно освоить школьное дело. Педагогическое образование имели менее 10% руководителей и примерно столько же не получили даже среднего образования. В ленинградские школы после снятия блокады возвращались эвакуированные педагоги с опытом административной работы. Тем не менее им требовалось усовершенствовать свои организационно-педагогические умения с учетом изменившихся условий. Очевидной была необходимость продолжения целенаправленной подготовки руководящих кадров к профессиональной работе в школе, начатой ЛГИУУ в 1942–1943 годах.

Значительно хуже обстояло дело с профессиональным и общекультурным уровнем учителей. Менее половины из них не имели высшего образования. Зачастую учителями в начальных классах продолжали работать девушки с незаконченным средним образованием — бывшие ученицы школ, которым в период блокады доверили преподавание по причине эвакуации или смерти учителей. А в средние и старшие классы приходили преподавать фронтовики, списанные из-за ранения.

Классы	Количество учащихся	Количество учителей
1–4	85 079	2232
5–7	28 640	2089
8–10	6304	545
ВСЕГО:	120 023	4866
Из них с высшим образованием:		**46,3%**

Приложение IV-4

Сотрудники Ленинградского городского института усовершенствования учителей в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

(По данным СПб ГКУ «Центр архивных документов»)

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Должность	Годы работы в ЛГИУУ	Награды
1	**Ананьев Борис Герасимович**	Профессор кафедры педагогики	1938–1945	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За трудовую доблесть» Медаль «За трудовое отличие» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
2	**Абельская Рися Шмуэл-Зусиевна**	Научный сотрудник кафедры педагогики	1939–1942; 1942–1944 — воспитатель эвакуированного из Ленинграда дома-интерната в Кировской области; 1944–1946	
3	**Беер Вера Адольфовна**	Научный сотрудник факультета школ рабочей молодежи	1943–1957	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
4	**Богданова Пелагея Герасимовна**	Истопник	1938–1951	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
5	**Бочковская Ольга Тимофеевна**	Методист по методике арифметики в начальной школе	1944–1961	Орден Ленина Знак «Отличник народного просвещения РСФСР» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Должность	Годы работы в ЛГИУУ	Награды
6	**Верзилин Николай Михайлович**	Декан факультета естествознания	1938–1950	Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
7	**Волынчук Анатолий Николаевич**	Заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма	1938–1947	Орден Отечественной войны II степени Орден Красной Звезды Орден Александра Невского Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
8	**Воробьева Мария Михайловна**	Научный сотрудник по воспитательной работе	1939–1942; 1956–1960	Орден Красной Звезды Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
9	**Гердзей-Капица Наталия Михайловна**	Методист по литературе	1938–1947	Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
10	**Герке Ольга Альфредовна**	Библиотекарь	1942–1944	В личном деле сведений нет
11	**Голицынский Виктор Леонидович**	Сотрудник кафедры биологии (по кабинету ботаники)	1938–1951	В личном деле сведений нет
12	**Гостева Серафима Алексеевна**	Старший преподаватель кафедры методики математики	1938–1949	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
13	**Гуревич Приам (Перец) Владимирович**	Научный сотрудник кафедры географии	1938–1952	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Знак «Отличник народного просвещения РСФСР»
14	**Дегтярев Александр Николаевич**	Научный сотрудник кафедры математики	1940–1957	Орден Ленина Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
15	**Загребина Мария Максимовна**	Преподаватель факультета географии	1942–1952	Орден Ленина Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Заслуженный учитель РСФСР
16	**Иогансен Анна-Эдит Владимировна**	Научный сотрудник, позже декан факультета иностранных языков	1942–1954	Медаль «За оборону Ленинграда»
17	**Ельманов Александр Александрович**	Научный сотрудник кафедры физики	1939–1941; 1945–1949	В личном деле сведений нет
18	**Залкинд Изабелла Абрамовна**	Научный сотрудник по факультету истории	1943–1961	Орден «Знак Почета» Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
19	**Знаменская Александра Алексеевна**	Сотрудник по факультету истории	1942–1951	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Должность	Годы работы в ЛГИУУ	Награды
20	**Каменская-Кезевич Екатерина Васильевна**	Библиограф	1938–1946	В личном деле сведений нет
21	**Кирсанов Василий Иванович**	Научный сотрудник военной кафедры	1943–1945	В личном деле сведений нет
22	**Коварская Мария Иосифовна**	Научный сотрудник, заведующая кафедрой химии факультета школ рабочей молодежи, канд. хим. наук	1944–1959	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
23	**Кондратьева Евгения Георгиевна**	Библиотекарь, заведующая библиотекой	1938–1957	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
24	**Корсунская Вера Михайловна**	Научный сотрудник кафедры биологии, заведующая кабинетом дарвинизма, завуч детского дома эвакуированных детей спецработников в Ярославской области	1941–1942; 1942–1944; 1944–1951	В личном деле сведений нет
25	**Костин Никифор Алексеевич**	Старший научный сотрудник, заведующий секцией русского языка факультета начальной школы	1944–1947	В личном деле сведений нет
26	**Крашевская Мария Константиновна**	Кассир, бухгалтер	1938–1948	В личном деле сведений нет
27	**Кригина Валентина Давыдовна**	Научный сотрудник, декан факультета руководящих кадров	1939–1958	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
28	**Кудрявцева Ольга Евгеньевна**	Декан факультета иностранных языков	1938–1943	Орден «Знак Почета» Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Знак «Отличник народного просвещения РСФСР» Заслуженный учитель РСФСР
29	**Лапченков Иван Владимирович**	Заведующий кабинетом производственного обучения	1940–1958	Орден Красной Звезды Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Медаль «За безупречную службу» Медаль «30 лет Советской Армии» Медаль «В память 250-летия Ленинграда» Знак «Отличник народного просвещения РСФСР»
30	**Левина Мира Абрамовна**	Заведующая кабинетом детских домов	1944–1958	Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
31	**Леман Александр Александрович**	Научный сотрудник факультета географии	1944–1949	В личном деле сведений нет

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Должность	Годы работы в ЛГИУУ	Награды
32	**Леонтьев Тимофей Васильевич**	Помощник директора по административной части; редактор издательства	1939–1941; 1944–1949	В личном деле сведений нет
33	**Линко Григорий Михайлович**	Научный сотрудник кабинета школ рабочей молодежи	1943–1945	В личном деле сведений нет
34	**Лямин-Коц Натан Александрович**	Заведующий кафедрой педагогики	1938–1950	Орден Красной Звезды Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
35	**Маркин Василий Иванович**	Научный сотрудник факультета начальной школы	1941–1958	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
36	**Михайлов Дмитрий Дмитриевич**	Старший преподаватель по факультету начальной школы по русскому языку	1938–1948	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
37	**Мотовилова Ольга Павловна**	Научный сотрудник кафедры военного обучения	1943–1944	В личном деле сведений нет
38	**Мошков Сергей Сергеевич**	Научный сотрудник кафедры физики	1938–1952	Орден Отечественной войны I степени Орден Красной Звезды Медаль «За отвагу» Медаль «За оборону Заполярья»
39	**Невельштейн Григорий Соломонович**	Старший преподаватель кафедры географии, канд. геогр. наук	1944–1957	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
40	**Никитский Иосиф Иванович**	Методист по естествознанию	1941–1955; 1942–1945 — работа в эвакуации	В личном деле сведений нет
41	**Никольский Виктор Евгеньевич**	Научный сотрудник по кафедре физики	1943–1946	Медаль «За оборону Ленинграда»
42	**Пивоваров Геннадий Николаевич**	Научный сотрудник, с 1947 г.— заведующий кафедрой математики	1937–1971	Орден «Знак Почета» Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За победу над Германией» Медаль «За боевые заслуги» Медаль «За трудовые заслуги» Отличник народного образования РСФСР
43	**Пиотровский Михаил Юлианович**	Заведующий кафедрой физики, профессор	1938–1942; 1942–1946 — работа в эвакуации	В личном деле сведений нет
44	**Письменский Андрей Аверьянович**	Директор ЛГИУУ Уполномоченный Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся по Кировской области Директор ЛГИУУ	1938–1941; 1941–1944 — ответственный за эвакуированных ленинградских детей; 1944–1950	В личном деле сведений нет
45	**Полозова Надежда Николаевна**	Научный сотрудник кафедры математики	1941–1950	Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Орден Трудового Красного Знамени Медаль «За оборону Ленинграда»

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Должность	Годы работы в ЛГИУУ	Награды
46	**Раскин Леонид Евгеньевич**	Заведующий кафедрой педагогики Исполняющий обязанности директора ЛГИУУ Заведующий кафедрой педагогики	1938–1941; 1941–1944; 1944–1948	В личном деле сведений нет
47	**Рождественская Татьяна Васильевна**	Научный сотрудник по физике для школ рабочей молодежи		Орден Ленина Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
48	**Рыков Николай Александрович**	Заведующий кафедрой биологии	1938–1942; 1946–1960	Орден «Знак Почета» Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
49	**Саговская Екатерина Николаевна**	Старший преподаватель кабинета математики	1941–1956	Орден Трудового Красного Знамени Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
50	**Салтыкова Мария Николаевна**	И. о. декана факультета литературы	1941–1951	В личном деле сведений нет
51	**Серебренников Александр Павлович**	Научный сотрудник по истории русской педагогики	1940–1942	В личном деле сведений нет
52	**Скрелин Лев Иванович**	Научный сотрудник	1939–1965	Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
53	**Соловьев Василий Родионович**	Научный сотрудник кафедры географии факультета школ рабочей молодежи	1944–1958	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Георгиевский солдатский крест за отличие в бою под городом Сейны в Первую мировую войну
54	**Устрицкий Иван Витальевич**	Научный сотрудник кафедры русского языка, канд. пед. наук	1942–1949	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
55	**Фельдблюм Бенциан Абрамович**	Заведующий учебной частью Старший научный сотрудник факультета начальной школы, канд. пед. наук	1938–1942; 1942–1946 — в Красной Армии; 1946–1949	Орден Красной Звезды Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль « За боевые заслуги» Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
56	**Фролова Вера Федоровна**	Старший преподаватель кафедры литературы	1938–1956	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Знак «Отличник народного просвещения РСФСР»
57	**Хоружик Софья Марковна**	Ассистент кабинета детских домов	1945–1949	Медаль «За оборону Ленинграда»

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Должность	Годы работы в ЛГИУУ	Награды
58	**Шатунова Таисия Васильевна**	Заведующая кабинетом химии	1938–1966	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Знак «Отличник народного просвещения РСФСР»
59	**Шереметьева Надежда Михайловна**	Заведующая кабинетом музыки и пения	1941–1958	В личном деле сведений нет
60	**Шибаев Александр Алексеевич**	Старший научный сотрудник по графическим дисциплинам и трудовым процессам	1943–1955	Медаль «За оборону Ленинграда» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
61	**Шпаковская Елена Васильевна**	Ассистент по кафедре химии	1945–1953	Медаль «За оборону Ленинграда»

Приложение IV-5

Список трудов сотрудников Ленинградского городского института усовершенствования учителей (1941–1945 гг.)

Из летописи петербургской педагогической системы дополнительного образования: Библиографический указатель работ сотрудников СПб ГУПМ с 1938 г. по 1998 г., СПб ГУПМ. СПб., 1998. 134 с.

1941

Общая педагогика, психология

117. *Ананьев Б. Г.* Воспитание характера школьника (Беседы с учителями о психологии) / Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Вып. 6. Л., 1941. 84 с.

118. *Ананьев Б. Г.* О современном состоянии психологической науки в СССР // Сов. педагогика. 1941. № 5. С. 10–117.

119. *Журавлев Б. В.* Спрашивание учащихся в средней школе / Под ред. Л. Е. Раскина / Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л., 1941. 136 с.

120. *Раскин Л. Е.* Воспитание воли и дисциплины // Общественница. 1941. № 2. С. 31–34.

121. *Раскин Л. Е.* Дисциплина и культура поведения школьника. М.: Мол. гвардия, 1941. 112 с. (Кн. для родителей).

Естественные науки

122. *Верзилин Н. М.* Об организации порядка в оборудовании кабинетов биологии // Природа и школа. Вып. 2. Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л., 1941. С. 1–3.

123. *Корсунская В. М.* Работа над учебником // Биология в школе. 1941. № 4. С. 25–26.

124. *Никитинский И. И.* Самостоятельные занятия учащихся III–IV кл. по естествознанию // Труды II конф. по трудовому воспитанию ленинградских учителей. Л., 1941.

125. *Никитинский И. И.* Новое в оборудовании кабинета биологии // Природа и школа. Вып. 2. Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л., 1941. С. 26–28.

126. *Рыков Н. А.* Из опыта преподавания биологии в средней школе. М.: Учпедгиз, 1941.

Ботаника. Зоология

127. *Верзилин Н. М.* Как организовать школьный ботанический участок // Природа и школа. Вып. 1 /Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л., 1941. С. 19–14.

128. *Рыков Н. А.* Зоологические работы на школьном агробиологическом участке // Природа и школа. Вып. 1 / Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л., 1941. С. 9–12.

129. *Рыков Н. А.* Зоологический отдел агробиологического участка средней школы // Природа и школа Вып. 3 / Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л., 1941.

География

130. Вопросы методики преподавания географии (Посв. памяти В. П. Буданова) / Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Геогр. факультет. Л., 1941. 124 с.

Физика

131. *Елизаров К. Н.* Вопросы методики преподавания организации урока физики / Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л., 1941. 172 с.

132. *Савелова Е. В.* История физики и техники в курсе физики средней школы / Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л., 1941. 68 с. (Библиогр.: с. 60–67).

История

133. *Бернадский В. Н.* О последовательности в изложении исторического курса // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1941. С. 5–25.

134. Вопросы методики преподавания истории в V–VII кл. школы: Сб. ст. / Под ред. О. Е. Ивановой; Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л., 1941. 172 с. — Среди авт.: *Житомирова Н. Н., Поволоцкая М. Ю.*

135. *Гиттис И. В.* Организация ответа ученика III и IV кл. по истории (К методике спрашивания) // Нач. шк. 1941. С. 30–34.

136. *Новопашенная К. В.* Внеклассная и внешкольная работа по истории в старших классах // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена Т. 37. Л., 1941. С. 27–88.

Русский язык. Литература

137. *Гуковский Г. А., Клитин С. В.* К вопросу о преподавании литературы в средней школе / Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л.: Детгиз, 1941. 124 с.

138. Лермонтов в школе / Под ред. Г. А. Гуковского, С. В. Клитина / Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л., 1941. 215 с.

139. *Адрианова М. Е.* Изучение глагола в III кл. // В помощь учителю. Вып. 3. Л., 1941. С. 17–22.

140. *Костин Н. А.* О повторении по грамматике и правописанию // В помощь учителю. Вып. 3. Л., 1941. С. 19–14.

141. *Тюрина К. Ф.* Об испытаниях по русскому языку в IV кл. // В помощь учителю. Вып. 4. Л., 1941. С. 33–35.

Иностранные языки

142. *Борщова А. Н., Кудрявцева О. Е.* Диктанты и переводы по немецкому языку: Пособие для учителей IX и X кл. / Под ред. О. Е. Кудрявцевой; Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л., 1941. 72 с.

Трудовое обучение и воспитание

143. *Никитинский И. И.* Трудовое воспитание на занятиях по естествознанию в начальной школе / Труды II конф. по трудовому воспитанию ленинградских учителей. Л., 1941.

1942 год

Общая педагогика

144. *Костин Н. А.* Примерные планы и конспекты уроков по обучению грамоте в период прохождения азбуки / Марийск. ин-т усоверш. учителей. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1942. 64 с.

145. *Раскин Л. Е.* Ленинградские школы в дни Отечественной войны // Сов. педагогика. 1942. № 11/12. С. 18–29.

1943 год

Общая педагогика, психология

146. *Ананьев Б. Г.* Из оборонного опыта советской психологии // Сов. педагогика. 1943. № 2/3. С. 48–50.

147. *Верзилин Н. М.* Воспитание в детских домах во время войны (По материалам Ленинграда и Ленингр. обл.) // Сов. педагогика. 1943. № 11/12. С. 50–54.

148. *Раскин Л. Е.* Год работы с дошкольниками в Ленинграде [Дет. сады и дошкол. дет. дома] // Дошкол. воспитание. 1943. № 1. С. 16–26.

149. *Раскин Л. Е.* Советская учительница: [Очерк о ленингр. учительнице А. Н. Мироновой]. Л.: Лениздат, 1943. 30 с.

Естественные науки

150. *Верзилин Н. М.* Лечебница в лесу. М.: Детгиз, 1943.

151. *Никитинский И. И.* Родная природа: Учеб. для начальной школы // Нач. шк. 1943. № 10. С. 17–21.

Химия

152. *Колосова К. Г.* Внеклассные занятия по химии и их значение в идейном воспитании учащихся // Идейное воспитание в процессе обучения. Л., 1943. С. 345–351.

История

153. *Гиттис И. В.* Исторические сравнения в начальном обучении истории // Нач. шк. 1943. № 2/3. С. 13–19.

154. *Гиттис И. В.* Оценка знаний учащихся по истории // Нач. шк. 1943. № 8/9. С. 13–20.

Русский язык. Литература

155 *Костин Н. А.* Грамматические определения в курсе школы // Нач. шк. 1943. № 10. С. 17–21.

Гражданская оборона

156. *Рыков Н. А.* Чтение замыслов противника по применению дымовых снарядов // Воен. вестник. 1943.

1944 год

Общая педагогика, психология

157. *Ананьев Б. Г.* Характерные черты русской научной психологии [Тез. докл.]. Л.,

1944. В надзаг.: Науч. сес., посвящ. 125-летию Ленингр. ун-та.

158. План массовой учебно-методической работы с учителями Ленинграда на декабрь 1944 г. / Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л., 1944. 34 с.

159. *Раскин Л. Е.* Воспитание дисциплинированности. М.: Лениздат, 1945. 96 с. — В надзаг.: Ленингр. ИУУ.

160. *Раскин Л. Е.* Дети Великого города (Ленингр. дети в дни Отеч. войны) // Звезда. 1944. № 5/6. С. 67–74.

161. *Шарый М. М.* Ленинград в дни блокады: из дневника директора детского дома [№ 51] // Учеб.-воспит. работа в дет. домах. Л., 1944. № 1. С. 69–78.

Естественные науки

162. *Верзилин Н. М.* Внеклассная работа школьников по сельскому хозяйству // Биология в школе. Вып. 1. М., 1944. С. 63–77.

163. *Корсунская В. М.* Работа с картофелем // Природа. 1944. № 4.

Математика. Физика

164. *Знаменский А. А.* Виды лабораторных работ по физике в школе // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 52. Л., 1944. С. 153–169.

165. *Соминский И. С.* О работе учащихся шестого класса в связи с изучением первых теорем геометрии // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 52. Л., 1944. С. 149–152.

История

166. *Бернадский В. Н.* Самостоятельная работа учащихся средней школы над вопросами местной истории // Сов. педагогика. 1944. № 5/6. С. 1–6.

Русский язык. Литература

167. *Адрианова М. Е.* Басни Крылова в начальной школе // Нач. шк. 1944. № 10. С. 16–24.

Технические средства обучения

168. *Меламелов И. Я.* Кино на уроках в средней школе. М.: АПН, 1944.

1945 год

Общая педагогика. Психология

169. *Абельская Р. С.* Учебные занятия с воспитанниками (Из опыта ист. дет. интерната Киров. обл.) // Учеб.-воспит. работа в дет. домах. Л., № 3. 1945. С. 19–30.

170. *Ананьев Б. Г.* К. Д. Ушинский — великий русский педагог // Сов. педагогика. 1945. № 12. С. 98–111.

171. *Ананьев Б. Г.* Очерки психологии. Л.: Лениздат, 1945. 160 с. Библиогр.: с. 159.

172. *Ананьев Б. Г.* Русская научная психология и ее роль в мировой психологической науке // Сов. педагогика. 1945. № 3. С. 47–56.

173. В Ленинградском городском институте усовершенствования учителей [О работе ин-та в 1944 году] // Природа и школа. Вып. 3 / Лен. ин-т усоверш. учителей. Л., 1945. С. 44–45.

174. О повышении качества обучения в V–X кл.: О преодолении формализма в учебной работе в средней школе: Метод. указания / Под ред. Н. Г. Кушкова; Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л., 1945. 40 с. Среди авт.: *Устрицкий И. В., Эгеритром М. Н., Депман И. Я., Савелова Е. В., Орлов В. А., Леман А. А., Верзилин Н. М., Кириллов Б. Г.*

175. *Раскин Л. Е.* Воспитание дисциплинированности / ЛГИУУ. Л.: Лениздат, 1945. 96 с.

Естественные науки

176. *Маркин В. И.* О преодолении формализма в преподавании естествознания/ Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л., 1945.

177. На факультете естествознания Ленинградского института усовершенствования учителей // Природа и школа. Вып. 3, 5 / ЛГИУУ. Л., 1945.

178. *Верзилин Н. М.* Биология // О повышении обучения в V–X кл. Л., 1945. С. 35–38.

Ботаника

179. *Верзилин Н. М.* Методика построения уроков ботаники // Природа и школа. Вып. 4. ЛГИУУ. Л., 1945. С. 40–41.

180. *Верзилин Н. М.* Новое в гербаризации растений // Природа и школа. Вып. 3 / ЛГИУУ. Л., 1945. С. 40–41.

181. *Верзилин Н. М.* Содержание ученической тетради по биологии: Метод. рекомендации // Природа и школа. Вып. 4 / ЛГИУУ. Л., 1945. С. 31–32.

182. *Верзилин Н. М.* Экскурсия на поле с хлебными злаками //Природа и школа. Вып. 3 / ЛГИУУ. Л., 1945. С. 1–9.

География

183. *Гуревич П. В.* География: IX кл. Л., 1945. С. 93–95.

184. *Загребина М. М.* География: IV–VII кл. // Система и методика повторения в IV–X кл. Л., 1945. С. 83–90.

185. *Леман А. А.* География // О повышении качества чтения в V–X кл. Л., 1945. С. 31–35.

186. *Соловьев В. Р.* География [VIII кл.] // Система и методика повторения в IV–X кл. Л., 1945. С. 90–93.

187. *Соловьев В. Р.* О повторении материала географии в 8 кл. // Система и методика повторения в IV–X кл. Л., 1945. С. 9.

Математика

188. *Депман И. Я.* Математика: [О преодолении формализма в учеб. работе] // О повышении качества обучения в V–X кл. Л., 1945. С. 15–18.

189. *Отто Е. И.* Виды арифметических задач / Лен. облоно. Л., 1945.

190. *Полозова Н. Н., Депман И. Я.* Математика [Организация повторения] //Система и методика повторения в IV–X кл. Л., 1945. С. 59–68.

Физика

191. *Знаменский Л. А.* Физика // Система и методика повторения в IV–X кл. Л., 1945. С. 96–101.

История

192. *Бернадский В. Н.* История: VIII–X кл. // Система и методика повторения в IV–X кл. Л., 1945. С. 76–82.

193. *Залкинд И. А.* История: [Повторение курса V и VI кл.] // Система и методика повторения в IV–X кл. Л., 1945. С. 71–76.

194. *Орлов В. И.* История: Метод. указания // О повышении качества обучения в V–X кл. Л., 1945. С. 22–31.

Русский язык. Литература

195. *Адрианова М. Е.* Развитие устной речи у семилеток // Нач. шк. 1945. № 2/3. С. 15–21.

196. *Костин Н. А.* Повторение пройденного по русскому языку в IV кл. // Система и методика повторения / Лен. гор. ин-т усоверш. учителей. Л., 1945. С. 90.

197. *Костин Н. А.* Работа над трудными русскими звуками в нерусских школах // Нач. шк. 1945. № 9.

198. *Костин Н. А.* Русский язык: IV кл. [Повторение] //Система и методика повторения в IV–X кл. Л., 1945. С. 18–26.

199. *Костин Н. А.* Таблицы по обучению грамоте (13 таблиц). 2 изд. / Лен. обл. ин-т усоверш. учителей. Л., 1945.

200. *Костин Н. А.* Учебник русского языка. Для Марийской школы: Морфология. 4 изд. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1945.

201. *Костин Н. А.* Учебник русского языка. Для туркменской неполной средней и средней школы.: Морфология. 4 изд. Ашхабад: Туркменгиздат, 1945.

202. *Костин Н. А.* Учебник русского языка. Для туркменской неполной средней и средней школы: Синтаксис. 4 изд. Ашхабад: Туркменгиздат, 1945.

203. *Устрицкий И. В.* Русский язык // О повышении качества обучения в V–X кл. Л., 1945. С. 5–11.

Приложение IV-6

Открытый урок Е. Ермоленко, учительницы биологии школы № 79 Петроградского района Ленинграда 28/X-43 г. Учет знаний по теме «Раздельнолепестковые растения»

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1

По предложению инспектора РОНО т. Пятницкой был организован «День открытых дверей» в 79 школе для директоров и завучей Петроградского района. Учителя начальной и средней школы делились своим опытом по методике урока.

Методическая цель моего урока — показать разнообразные формы учета знаний по ботанике, используя при выполнении элементы самостоятельной работы как на уроке, так и во внеурочное время.

Оборудование урока:

1) живые цветы капусты, редьки, редиса, гороха, душистого горошка, донника, клевера;
2) гербарий — шиповник, яблоня, земляника, черемуха и др.;
3) таблицы «Представители розоцветных»;
4) портрет И. В. Мичурина, таблица «Методы работы Мичурина», сорта яблок, груш и др.;
5) работы учащихся 6 класса;
6) таблица «Цветы и плоды гороха», бумажные складные модели цветков капусты, яблони и др.;
7) определители семейства бобовых, крестоцветных и др. (10 таблиц) и раздаточный материал — лекарственный донник.

Ход урока:

Вызываю двух учеников к доске:

1. Нарисуйте диаграмму цветка гороха.
2. Нарисуйте диаграмму цветка яблони.

Расскажите об образовании и строении яблока, используйте свою модель яблока.

2. Расчлените цветок гороха, скажите его формулу.
3. Исправьте взаимно ошибки своих товарищей.
4. Расскажите о строении цветка шиповника и его значении. Используйте гербарий,

таблицы. Один ученик рассказывает, а три остальных готовятся к ответу.

5. Начертите на доске схему «Систематика розоцветных». Покажите представителей.
6. Задайте ботанические загадки. Заранее было предложено дома придумать несколько загадок по определенному плану.
7. Ботаническая игра. Назвать как можно больше названий видов растений, относящихся к семейству розоцветных. Кто будет наиболее активным в игре и последний скажет не названный ранее вид растения, тот получит отличную отметку.
8. Сообщаю о значении растений семейства розоцветных в хозяйстве человека и о влиянии человека на природу.

Доклады учеников:

Крундышев делает сообщение «Методы работы Мичурина».

Иванов А. «Мичурин — ученый-революционер».

Использую доклады учащихся с воспитательной целью: советую заимствовать у Мичурина его настойчивость, работоспособность, скромность и др. качества.

9. Определение неизвестного растения по определителю (лекарственный донник). Самостоятельная работа учащихся. Рассказ о пользе донника лекарственного.

Прилагаю 2 загадки, предложенные учащимися:

1. Назвать растение, у которого стебель укороченный, листья толстые и сочные, цветы правильные с 6 тычинками, плод — стручок (капуста).
2. Назвать растение, у которого корень стержневой с клубеньками, в них бактерии-азотособиратели. Цветки неправильной формы. Листья тройчатые, плоды — бобы. Все растение покрыто волосками (соя).

Приложение IV-7

М. Ю. Поволоцкая

Глава V
Методическая работа с учителями накануне окончания войны и в послевоенный период восстановления народного хозяйства страны

Из авторской рукописи «К 40-летию Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Воспоминания ленинградской учительницы»

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2

Несмотря на все препоны на пути возвращения: отсутствие жилплощади, прежнего места работы и другие,— реэвакуация ленинградцев проходила быстро, и количество возвратившихся в Ленинград учителей возрастало, им необходимо было срочно оказывать методическую помощь. На их учительской работе сказывался отрыв от школы в период войны и блокады. У подавляющего большинства преподавателей не было программ по истории, необходимых методических пособий, учебников, хрестоматий, книг для чтения. В школах, как правило, за годы войны были утрачены необходимые наглядные пособия. Надо было помочь учителям в овладении содержанием и методиками обучения. Остро вставали вопросы коммунистического воспитания в процессе обучения истории, тем более что война заострила ряд проблем идейно-политического и нравственного воспитания: военно-патриотического, интернационального, трудового. Эти задачи встали перед школой и Институтом усовершенствования учителей.

Во время войны, естественно, объем деятельности Института усовершенствования учителей сократился. Количество школ и учителей сильно уменьшилось. Методисты по истории, так же как и другие работники методического фронта, частью были эвакуированы, ушли на фронт, многие из них погибли в блокадном Ленинграде. Несмотря на это, институт не прекращал своей работы. После того, когда в здание института (Фонтанка, 10) попала бомба, Городской институт усовершенствования переехал в один из корпусов Ленинградского дворца пионеров (Фонтанка, 33). Институт находился по

этому адресу до тех пор, пока не получил свое самостоятельное помещение у Пяти углов по ул. Ломоносова, д. 11.

...ЛГИУУ сохранил свою довоенную вузовскую структуру. В институте были факультеты и кафедры. В моей трудовой книжке от 1944 года записано: «ЛГИУУ — зачислить научным сотрудником по факультету истории». Директором института был в то время знающий педагог, человек отзывчивый и в то же время требовательный к себе и другим, Андрей Аверьянович Письменский. Он пользовался большим авторитетом и любовью со стороны научных сотрудников института. К сожалению, скоропостижная смерть рано вырвала его из наших рядов. На его место пришел Александр Афанасьевич Бобовский, который много лет затем возглавлял институт и снискал себе авторитет и уважение со стороны учителей и методистов.

За время войны сильно изменился состав ЛГИУУ. Многие сотрудники тогда, в 1945 году, еще не вернулись. Часть из них была на фронте, часть не вернулась из эвакуации. Некоторые из них погибли на войне или умерли в блокадном Ленинграде. По мере возвращения сотрудников института, в конце или после войны, на всех факультетах можно было наблюдать один и тот же процесс. Как правило, вначале научные сотрудники поступали на место своей прежней работы в институте, а затем многих из них вышестоящие организации переводили в другие институты: Педагогический институт им. А. И. Герцена, НИИ педагогики РСФСР, Библиотечный институт им. Н. К. Крупской и Ленинградский университет. Шел послевоенный процесс передвижения и расстановки кадров. Например, после войны в Институте усовершенствования работали известные ленинградские учителя-методисты: М. Н. Эгерштром — у литераторов, В. М. Корсунская, Н. М. Верзилин, Н. А. Рыков — у естественников, В. Н. Бернадский, И. В. Гиттис, М. А. Коган — у историков, Б. Г. Ананьев у педагогов и другие. На их место, по мере их перевода в другие институты, брали зарекомендовавших себя опытных учителей-методистов, известных еще с довоенного времени. Видимо, и я таким путем попала в институт.

Вместе с тем, не всем прежним сотрудникам удалось вернуться на свое прежнее место работы. Особенно тем, кто возвращался позднее, тогда, когда штаты учреждений были укомплектованы. Например, у историков это прежде всего относилось к А. А. Вагину и А. М. Фрумкину. До войны Вагин работал в Областном институте усовершенствования, а Фрумкин — в Городском. Я очень хорошо знала их обоих. С Александром Менделевичем я училась вместе в Педагогическом институте им. Герцена, а с Алексеем Алексеевичем Вагиным была знакома по совместной методической работе в школах Петроградской стороны. Кроме того, дочь Вагина училась в нашей Первой образцовой школе.

Александр Менделевич в период войны был в армии. 24 апреля 1944 года от него в Институт усовершенствования пришло письмо. Мы его читали на факультете. Затем В. А. Орлов, наш декан, ходил с этим письмом «по начальству». К сожалению, штаты у нас на истфаке были уже заполнены, и Александр Менделевич к нам не попал. Это письмо А. М. Фрумкина случайно сохранилось у меня. При разборе переписки военных лет я наткнулась на него. Теперь, много лет спустя, при написании этих воспоминаний, оно заинтересовало меня. На конверте было написано: Ленинград, Фонтанка, 33, Ленинградский институт усовершенствования учителей, кафедра истории. Указан обратный адрес: Полевая почта № 06592. Стоял штамп: «Просмотрено военной цензурой».

> В письме А. М. Фрумкин пишет, что узнал из письма Изабеллы Васильевны Гиттис о работе Ленинградского института усовершенствования учителей в период блокады. Далее в письме указывалось, что в феврале с. г. в Москве ему удалось осмотреть выставку ленинградских школ в Наркомпросе. Александр Менделевич в письме спрашивает: «Какие вопросы решает кафедра? Какие успехи сделаны в методической работе?» Он также интересовался: «Приехал ли Алексей Алексеевич Вагин? Как только увидите Виктора Николаевича (Бернадского), передайте ему от меня самый горячий привет. Не зная состава кафедры, я шлю привет всем работникам и отдельно старой знакомой и коллеге Екатерине Васильевне Кезевич! Кончится война, и я надеюсь вернуться в Ленинград. Посчитал бы счастьем работать опять на кафедре, будьте здоровы. С приветом, Фрумкин А. М».

Александр Менделевич так и не смог вернуться в ЛГИУУ. До последнего времени он работал учителем истории и обществоведения в Дзержинском районе г. Ленинграда. А. М. Фрумкин все время вел серьезную методическую работу в районе и в городе. Его хорошо знают учителя истории и обществоведения.

Также после войны не вернулся на свою прежнюю работу в Областной институт усовершенствования учителей Алексей Алексеевич Вагин. Он долго работал в школах Ленинграда учителем истории, в частности, некоторое время вместе со мной в 87-й школе Петроградского района.

В этой школе директором была А. И. Черняева — умная, образованная, гуманная женщина. Она много сделала для развития школы. В школу были перенесены многие традиции 1-й образцовой школы. Главное — это стиль единых педагогических требований к учащимся, разработанный еще в Первой школе, единый фронт борьбы за поднятие качества учебно-воспитательного процесса, за лучшее оборудование уроков наглядными пособиями, за единство педагогических и методических требований к урокам. В школе работала группа учителей 1-й школы: Наталия Михайловна Гердзей-Капица, Лидия Александровна Кольчевская и я. В такой школе А. А. Вагину и мне интересно было работать. В школе учились многие из учеников Первой школы, которые до войны только начинали учиться в ней. Заведовала Петроградским РОНО бывший директор 1-й образцовой школы М. Я. Перкина. В те далекие послевоенные годы А. А. Вагин много сделал для развития методики истории. Учителем истории он был вплоть до 50-х годов, когда он прошел по конкурсу в педагогический институт г. Тулы, где и работал до конца своей жизни.

Несмотря на то что движение кадров в Институте в послевоенный период проходило постоянно, оно отрицательно не влияло на работу института по нескольким причинам: все методисты знали друг друга еще с довоенного времени, поэтому с уходом людей связь с нами не прерывалась, а видоизменялась, укреплялись межвузовские связи. Методисты, поменявшие место своей постоянной работы, продолжали ходить в ЛГИУУ, читать лекции, консультировать учителей, принимать участие в заседаниях кафедр, Ученого совета института, конференциях и т. п. Ниже я напишу об этом подробнее на примере работы факультета истории.

Вообще, для периода 1944–1950-х годов характерна необычайная сплоченность людей — все пережили войну, продолжали ощущать ее последствия на себе и своих семьях, образ жизни людей еще был по-военному суров и прост. За время войны сотрудники утратили многие связи с близкими, вероятно, поэтому они тянулись к общению друг с другом. В институте в послевоенный период проходили интересные собрания, Ученые советы. Методисты радовались возможности собраться вместе. За время войны рабочие и служащие не знали отпусков, они редко отмечали памятные даты, а если это случалось, то не в такой обстановке, как бы им этого хотелось. Этим, вероятно, объясняется то, что мы все, преподаватели института, стремились к тому, чтобы вместе со всеми отметить то или иное событие.

Помню, каким всеобщим ликованием было встречено известие об окончании войны. На торжественном собрании в ознаменование Дня Победы 9-го мая присутствовали все члены коллектива института. С огромным вниманием слушали чтение текста Акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Многие сотрудники выступали с речами и долго аплодировали друг другу.

С большим успехом в послевоенное время проходили в институте «ученые елки» для детей сотрудников. Душой этих праздников был Николай Михайлович Верзилин. Он был одним из организаторов их проведения. На елках детям раздавались «ученые» подарки. Книги закупала библиотека института. В подборе книг, в организации на елках веселых познавательных игр самое активное участие принимал тогда молодой, энергичный, всегда жизнерадостный Н. М. Верзилин. Тогда еще никто не знал, что в будущем он станет профессором, крупным ученым, директором НИИ педагогики РСФСР.

Сплоченность коллектива была характерной чертой послевоенного восстановления ЛГИУУ. Особенно это проявлялось в участии института в субботниках и воскресниках, организуемых в масштабе района и города, по расчистке территории города от обломков разрушенных во время войны зданий.

Если внешний вид города во время моего возвращения из эвакуации поразил меня чистотой и порядком, то очень скоро я поняла, что этот порядок был только внешним. За глухими заборами, маскировочными стендами и макетами еще скрывались зияющие раны войны: разрушенные дома, остатки в них комнат, мебели, различной утвари. Многое лежало в развалинах. Помню, на Петроградской стороне, на Ординарной улице, на четвертом этаже разрушенного дома чудом уцелела часть комнаты. У стены сохранился шкаф, столик и на нем засохший большой фикус. Все это могло в любую минуту рухнуть вниз. Неразобранных строений было много. Предстояла трудная работа по их разборке. Особенно много работ по расчистке территорий проводилось в конце 1944 года и в 1945 году. Систематически организовывались массовые субботники и воскресники. Я была по линии Института усовершенствования одной из активных участниц этих работ.

Назову несколько адресов, по которым нам, сотрудникам института, приходилось трудиться: здание Государственного института научной педагогики (ГИНП) — набережная Фонтанки, 10, и Соляной переулок, 2, кинотеатр «Олимпия» — Московский проспект, жилые дома в переулке Ильича, на улице Марата, улице Пестеля. Эти

работы физически были тяжелыми и опасными, так как во время их проведения неожиданно могли упасть остатки перекрытий, балок. Нужно было очень аккуратно и последовательно разбирать их. Это разборка напоминала мне детскую игру в бирюльки, только с другой целью и в другом масштабе. Разбирать развалины нужно было так же осторожно, терпеливо и аккуратно. Работали мы киркой, лопатой, топориком, нагружали носилки, выносили строительный мусор или вывозили его на тачке. Мужчины, которых было очень мало, поднимали тяжелые бревна, женщины помоложе помогали им, остальные делали всю другую работу.

Очистка города от развалин была необходима, нужно было как можно скорее ликвидировать последствия войны. В субботниках и воскресниках принимали участие люди всех возрастов и званий. Помню, что в нашей бригаде работал известный ленинградский ученый-психолог Борис Герасимович Ананьев, вскоре возглавивший НИИ педагогики АПН РСФСР. Его работы того времени по психологии, например, «Очерки психологии» (Лениздат, 1945 г.), хорошо знали учителя. Одновременно с очисткой территории города от развалин велись восстановительные работы, к которым во многих местах привлекались пленные немцы... даже в центре города, на улице Пестеля, в Новой Деревне, в Колпино и других местах. Пленные немцы работали повсеместно.

Я вспоминаю статью Алексея Толстого «Кровь народа», напечатанную в «Ленинградской правде» еще 3 октября 1941 года. Статья призывала к мщенью за все страдания советских людей, в ней было написано: «*Но не вы, а Германия будет отвечать за все эти разрушения, за наши жертвы. Мы заставим немцев восстанавливать наши заводы и города до последнего кирпичика. Так будет справедливо. Теперь уже не наши капли пота, а немецкие будут цементировать бетон новых плотин Днепрогэса, немцы пусть за это благодарят Гитлера... Немецкому народу, если он не опомнится и не покончит с кровавым режимом Гитлера, вновь придется пройти по кровавым следам своим, но уже не как воину-агрессору, потрудиться восстановить разрушение и залечить наши раны*». Эти слова А. Толстого звучали пророчески, и я часто вспоминала их в тот период.

Кроме общеинститутских мероприятий, вызванных велением времени, на которых был занят весь коллектив института, каждому факультету и кафедрам приходилось вести кропотливую работу по организации и содержанию методической работы с учителями по различным предметам в соответствии с требованиями школьной программы. Остановлюсь на характеристике организации методической работы с учителями на истфаке ЛГИУУ в конце войны и в послевоенный период. Методическая помощь учителям осуществлялась по следующим направлениям:

- Чтение докладов по темам школьной программы и по проблемам, знакомящим учителей с новыми достижениями исторической науки, главным образом по вопросам методологии школьного курса, представляющими сложность или имеющими важное значение для повышения их квалификации.
- Консультации по вопросам содержания и методов обучения учеников.
- Семинары и практикумы для учителей.

Эти мероприятия осуществлялись по линии массовых мероприятий, на которые учителя приходили по желанию, руководствуясь типографскими планами, рассылаемыми Институтом по школам. Кроме того, при институте работали годичные курсы. Посещение занятий на них было обязательным для учителей, которых для повышения их квалификации направляли на курсы раз в пять лет органы народного образования в соответствии с приказом Министерства просвещения СССР. Для чтения лекций, кроме научных сотрудников института, привлекали известных ученых, крупных специалистов. Так, например, на годичных курсах и по линии массовых мероприятий были преподаватели университета: С. Б. Окунь, К. В. Колобова, А. Д. Люблинская и другие. Их лекции много давали учителям, способствовали повышению их квалификации.

Мы, научные сотрудники института, в свою очередь, выступали с лекциями и докладами. Наши лекции в большей степени носили методический характер, читались они применительно к требованиям школьной программы по истории, по годам обучения. Никогда до войны не было такого размаха методической работы, которая развернулась после окончания Великой Отечественной войны. Лекции проводились в большом лекционном зале. Мест не хватало, приходилось ставить дополнительные стулья. В своей методической работе научные сотрудники факультета истории опирались на опыт методической работы института в предвоенный и военный период времени. Для осуществления такого объема методической работы прежде всего необходимо было правильно распределить обязанности между сотрудниками с учетом их методического опыта и знаний. Деканом исторического факультета являлся Всеволод Алексеевич Орлов. До войны он вел преподавательскую и методическую работу в школах и техникумах

Москвы. В Ленинград он был переведен в период войны. Ему было поручено возглавить истфак вместо уехавшего в эвакуацию профессора В. Н. Бернадского.

Силы научных сотрудников для проведения методической работы с учителями по историческим курсам распределялись так:

- История Древнего мира — А. А. Знаменская;
- История Средних веков — И. А. Залкинд;
- Новая история, I период — А. В. Ерюхин и В. А. Орлов;
- Новая история, II период и Новейшая история — В. А. Орлов;
- История СССР до Советского периода — Н. В. Сперанская, В. О. Резникова, А. В. Ерюхин;
- Советский период истории СССР — М. Ю. Поволоцкая.

Работу по библиографии продолжала вести Е. В. Кезевич. Собранная ею картотека долго служила учителям. При таком распределении сил сотрудников по мере возможности учитывались их желания и опыт методической работы в прошлом. На факультете было организовано две кафедры: всеобщей истории (руководитель В. А. Орлов) и истории СССР (М. Ю. Поволоцкая). Такова была расстановка сил на историческом факультете ЛГИУУ в послевоенный период. Связь с другими факультетами и кафедрами института у нас была самая тесная, она осуществлялась через взаимные посещения заседаний, чтение лекций на годичных курсах, выполнение общественных поручений и заданий по изучению состояния знаний учащихся и качества работы школ и учителей.

Посещавшие наши лекции преподаватели записывали их содержание. Нам, лекторам, приходилось самим много работать в читальном зале Института, в Публичной библиотеке. Мы понимали, насколько ответственно чтение лекций. Мне особенно трудно было читать лекции по советскому периоду — как по содержанию, так и по методам обучения. Многое было неясно. Сложен был отбор фактов и их оценка. Я все время находилась в напряжении. Много читала, консультировалась в университете, в парткабинете, в райкоме КПСС.

Кроме чтения лекций мы проводили большую и разностороннюю работу в школах, знакомились с постановкой методической работы, организацией руководства ее со стороны администрации, посещали уроки учителей, проводили их обсуждение, присутствовали на внеклассных мероприятиях, знакомились с состоянием и работой школьных библиотек, кабинетами, присутствовали на заседаниях педагогических советов. Обследовали мы школы по заданиям Гороно, Горкома и Обкома КПСС. Декан истфака Всеволод Алексеевич Орлов был очень требовательный организатор. Про него говорили, что Всеволод Алексеевич любит держать сотрудников в разгоряченном состоянии.

Да, нам было трудно. Но, возможно, что именно эта требовательность в сочетании с умелым руководством, четкая организация, своевременные указания, личный пример необыкновенной трудоспособности научил многих из нас, в том числе и меня, работать так, как требовало время. Кроме этой большой напряженной работы, мы ухитрялись писать статьи в журнал «Преподавание истории в школе». Например, в 1-м номере этого журнала за 1947 год была опубликована моя статья «Работа над понятием “Военно-феодальный империализм” в курсе истории СССР X классов»[24]. В этом же году вышел из печати первый послевоенный сборник трудов сотрудников кафедры и учителей истории. Содержание этого сборника готовилось еще во время войны[25]. Подобные сборники в последующие годы подготавливались факультетом систематически. Их бессменным редактором был В. А. Орлов. Постепенно все сотрудники принимали в них участие.

Вся работа исторического факультета, направленная на повышение квалификации учителей, была продолжением той линии, которая проводилась по методике истории еще в довоенный период. Естественно, что война и послевоенное восстановление выдвинуло свои задачи. В этой связи нельзя не вспомнить о том, что с постановления партии и правительства 1934 года «О преподавании гражданской истории» до начала Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) прошло еще не так много лет. Перед войной учителя все время крайне нуждались в оказании им методической помощи. Школьные исторические курсы тогда еще не были разработаны. Учитель часто не мог сам правильно решать задачи, связанные с объемом их конкретного содержания и глубиной его раскрытия. Об этом пишет в предисловии к сборнику методических указаний по истории его редактор Н. В. Андреевская. В сборнике давались методические указания к темам I полугодия 1935/36 гг.[26] Издание этого сборника в те годы

---

[24] *Поволоцкая М. Ю.* Работа над понятием «Военно-феодальный империализм в курсе истории СССР X класса // Преподавание истории в школе. 1947. № 1.

[25] Вопросы преподавания истории: Сб. I / Под ред. В. Н. Бернадского и И. В. Гиттис. Л., 1947.

[26] Сборник методических указаний по истории / Под ред. Н. В. Андреевской. Л.: изд. Облоно, 1935.

оказало большую услугу учителям, которым самим приходилось строить содержание школьного курса истории. В те годы велась активная методическая работа по вопросам обучения и воспитания на уроке истории в средней школе. Следует также отметить, что в довоенный период времени методика начального обучения истории была разработана лучше по сравнению с методикой обучения истории в старших классах.

У преподавателей старших классов наблюдался нигилизм к вопросам методики. Об этом пишет В. Н. Бернадский в предисловии к своей книге «Методика преподавания истории в старших классах»[27]. Особенно большую экспериментальную работу по методике начального обучения истории на базе 1-й образцовой школы Петроградского района провела научный сотрудник НИИ педагогики И. В. Гиттис. Ею была написана книга «Методика начального обучения истории»[28]. В старших классах многие учителя считали, что методика здесь не нужна, и, как правило, читали в 8–10-х классах лекции вузовского типа. Об этом-то и писал Виктор Николаевич в предисловии к вышеупомянутой книге. Он подчеркивал, что в школе лекция должна быть другой по форме и содержанию и отличаться от лекции в вузе. Им были разработаны необходимые методические указания и введен термин «школьная лекция».

Вопросы методики стояли тогда остро. Актив учителей работал в семинарах по методике истории как в городе, так и в районных методических объединениях. Так, при Городском институте усовершенствования учителей до войны работали методические семинары. По старшим (9–10) классам такой семинар функционировал под руководством профессора В. Н. Бернадского, по 7–8 классам под руководством О. В. Ивановой, по 5–6 классам — С. Н. Малюковой. На этих семинарах учителя выступали с докладами и сообщениями. Например, на семинаре по старшим классам были заслушаны доклады по темам: «Самостоятельная работа учащихся в 10-м классе» — доклад учителя А. А Вагина; «Культура в наука в России в 60–70-х годах XIX в.» — доклад учительницы В. О. Резниковой; «Повторительно-обобщающие уроки по истории СССР» — доклад учительницы А. Д. Кадомской и другие.

Опыт работы семинара по 7–8 классам был обобщен в сборнике, подготовленном еще до войны и увидевшем свет в 1941 году. Сборник назывался «Вопросы методики преподавания истории в V–VII классах» (под редакцией О. Е. Ивановой). Этот сборник опирался на практику ленинградского учительства в области преподавания по истории. В сборнике рассматривался ряд важных проблем, таких как:

1. Методика построения урока по истории в V–VII классах средней школы. О. Е. Иванова.
2. Самостоятельная работа учащихся по истории в V классах. С. Н. Малюкова.
3. Экскурсии по курсу истории V–VII классов. С. С. Эфрусси.
4. Беседа на уроках истории в V–VII классах. М. Ю. Поволоцкая.
5. Работа учителя истории V–VII классов по руководству внеклассным чтением. Н. Н. Житомирова.
6. Повторение по истории в V–VII классах. О. Е. Иванова.
7. Исторические кружки в V–VII классах средней школы. Г. Э. Петри.

Вопросы, затронутые авторами статей, были крайне важны для практики преподавания истории и заслуживали внимания широких учительских кругов, т. к. являлись стимулом для методического роста учителей. Таким образом, еще до войны исторический факультет ЛГИУУ много сделал для обобщения опыта работы учителей. Значительную роль в этом сыграли методические семинары. Занятия семинаров посещались многими учителями истории. В вопросах разработки методики истории внесли свой вклад районные методические объединения. Так, например, в Петроградском районе действовало методическое объединение, руководителем которого был Алексей Алексеевич Вагин, тогда уже известный учитель-методист, а впоследствии крупный ученый, выпустивший в 50-е годы ряд фундаментальных пособий для учителей по методике истории.

Председателем этого районного методического объединения была я как учительница 1-й образцовой школы и методист Педагогического института им. Покровского. Наше объединение проводило интересную работу: открытые уроки с последующим обсуждением их с учителями, подготовку и проведение докладов, лекций для учителей. Посещаемость и активность нашего объединения была очень большая. Я много работала вместе с Алексеем Алексеевичем по подготовке и проведению заседаний РМО. Руководитель объединения А. А. Вагин был очень знающий, творческий человек, немножко колючий и резковатый, особенно по отношению к тем, кто не на должном уровне выполнял порученную ему работу. Некоторые его побаивались, особенно его критических замечаний

---

[27] *Бернадский В. Н.* Методика преподавания истории в старших классах. Л., 1939.

[28] *Гиттис И. В.* Начальное обучение истории. Л., 1939.

и разносов, которые он умел делать. Зато он был замечательный лектор, прекрасный преподаватель-методист, изобретатель ряда интересных приемов и средств обучения истории. Достаточно напомнить его работы «Наглядность в преподавании истории», «Подготовка учителя к уроку истории»[29]. Все работы, написанные в те годы, были опубликованы уже в 50-х годах. В сборнике «Вопросы преподавания истории в школе»[30], о котором я упоминала выше, был помещен ряд статей, принадлежащих перу методистов и учителей, обобщающих опыт ленинградской школы в годы войны: Кругловой — 395 школа, К. В. Ползиковой-Рубец — 239 школа, И. И. Воробьевой — 206 школа, В. О. Резниковой — 240 школа и др.

Ведущие методисты-историки выступили на страницах сборника со статьями, в которых остро поставлены проблемы, выдвинутые в период войны перед школой вообще и преподаванием истории в частности, такие вопросы, как повышение научного уровня преподавания истории, политической целеустремленности, формирования у учащихся марксистско-ленинского мировоззрения и другие. Это нашло свое отражение в статьях: «О связи отечественной истории с всеобщей» — В. Н. Бернадский, «Современность в школьном курсе истории» — И. В. Гиттис, «Изложение, разбор и обобщение исторических фактов в V–VII классах» — Н. В. Андреевская, «О работе над историческими понятиями в курсе V класса» — А. А. Знаменская.

Ряд статей посвящен отдельным методическим приемам конкретизации истории. Это нашло свое отражение в статьях «Литературно-художественный образ в уроке истории» (Н. Н. Житомирова), «Использование материала греческих писателей в рассказе учителя на уроках истории Древней Греции в V классе» (Н. А. Чистякова) и в статье «Историко-художественная картина и ее познавательное значение в школьном обучении истории» (И. В. Гиттис). В этих статьях показаны методические пути и средства, заставляющие учащихся конкретно представить, правильно понять и оценить историческое прошлое, уметь извлекать из него уроки необходимой идейной направленности, важные для понимания настоящего. Кроме того, в этом сборнике в статье Г. М. Липко «Доклады учеников на уроках истории в VI–VII классах» поднимались вопросы организации самостоятельной работы и развития у учащихся познавательного интереса к истории. Таким образом, в сборнике отразились искания ленинградских методистов, мастеров своего дела и опытных учителей, обобщающих свой личный педагогический опыт.

В том же 1947 году вышла «Методика преподавания истории в семилетней школе» (*Андреевская Н. В.*, *Бернадский В. Н.* Методика преподавания истории в семилетней школе. М.: Учпедгиз, 1947). Это была первая методика истории. На экземпляре, подаренном мне авторами, рукой Натальи Владимировны Андреевской написано: «Дорогой Марии Юлиановне в воспоминание о совместной работе в школе и институте». Наталия Владимировна имела в виду нашу педагогическую работу в 1-й образцовой школе Петроградского района и на историческом факультете Педагогического института им. Покровского перед войной. Характерным для этого периода была тесная связь работы Городского института усовершенствования с научными учреждениями, прежде всего связь с Педагогическим институтом им. А. И. Герцена. В 1944 г. усилиями Н. В. Андреевской была создана кафедра методики истории в ЛГПИ, которой она руководила до пятидесятых годов. И. В. Гиттис в 1947 г. опубликовала свою методику начального обучения истории. (Изабелла Васильевна тогда работала в НИИ педагогики АПН РСФСР.)

Вышеупомянутые методисты-историки принимали самое активное участие во всех массовых мероприятиях Института усовершенствования. Ленинградский университет — в лице преподавателей кафедры истории — также активно участвовал во всех мероприятиях Института усовершенствования. Профессора и преподаватели С. И. Ковалев, К. В. Колобова, С. Б. Окунь, А. Д. Люблинская и другие читали лекции и консультировали научных сотрудников и учителей.

Огромную работу по методике проведения школьных исторических экскурсий проводил Ленинградский Государственный Эрмитаж в лице Л. В. Андреевой, К. В. Ползиковой-Рубец, О. И. Дмитриевой и других. При Эрмитаже работал семинар для учителей V–VIII классов. Перед войной научным сотрудником Матье была выпущена книга, которой широко пользовались учителя[31]. На годичных курсах института для слушателей проводились учебные экскурсии

[29] *Вагин А. А.* Наглядность в преподавании истории. М.: Учпедгиз, 1952. Работа написана на материале кандидатской диссертации: *Вагин А. А.* Подготовка учителя к уроку истории в 8–10 классах. М.: Учпедгиз, 1953.

[30] Вопросы преподавания истории: Сб. Л., 1947.

[31] *Матье И.* Что читали египтяне 4000 лет тому назад. 2-е изд. Л., 1935.

в Эрмитаж по темам школьного курса истории. Работа методистов в период войны (1941–1945) и восстановления народного хозяйства (1945–1950) имела огромное значение для развития советской методики истории как науки. На страницах журнала «Преподавание истории в школе» в 50-е годы прошла дискуссия по этому вопросу, в которой мы, ленинградцы, принимали самое активное участие.

В конце 40-х — начале 50-х годов ряд методистов: А. А. Вагин, Н. С. Мичурина, М. Ю. Поволоцкая — защитили кандидатские диссертации. На всем протяжении этого периода укреплялась связь с московскими методистами. В Ленинград приезжал известный тогда методист А. И. Стражев. Он выступал перед ленинградскими учителями истории на педагогической конференции в 1944 году. Кроме того, опыт ленинградских методистов и учителей внимательно изучал и обобщал Павел Соломонович Лейбенгруб, в частности, и мой опыт обучения истории в старших классах[32]. Этот опыт отражен в методическом пособии для учителей X классов.

Частым гостем в Ленинграде был Федор Петрович Коровкин, автор учебника по древней истории. Его учебник неоднократно обсуждался ленинградскими учителями-историками. В послевоенный период та методическая работа, которая велась в Ленинграде и в Москве, была продиктована велением времени, задачами, поставленными КПСС и Советским правительством перед средней школой и преподаванием истории. В частности, в конце 40-х и начале 50-х годов все острее и острее чувствовалась необходимость в создании методики истории для учителей старших классов. Алексей Алексеевич Вагин предложил мне и Наталии Сергеевне Мичуриной вместе с ним написать эту книгу. Н. С. Мичурина слыла человеком ярким, талантливым. Она отличалась острым неприятием окружающего, критическим отношением ко всему серому, будничному и заурядному. Ее лекции, семинарские и практические занятия вызывали интерес и охотно посещались студентами. Она была человеком разнообразных интересов, большим знатоком музыки, искусства, литературы, активной посетительницей театра, филармонии, выставок и т. п.

На протяжении многих лет под руководством Н. С. Мичуриной велась работа по созданию объемных наглядных пособий силами самих учеников под наблюдением педагогов. Эти муляжи создавались из материалов, доступных ученикам, — глины, пластилина, камня, картона и т. п. Деятельность Н. С. Мичуриной привлекала к себе внимание многих методистов.

Предложение написать методику истории со стороны А. А. Вагина в соавторстве с нами не было случайным. Он знал наши сильные стороны и предложил Наталии Сергеевне писать главы по методике обучения темам культуры народов СССР, а мне — методику раскрытия сущности основных понятий в курсах истории СССР по старшим классам. Как сейчас помню, это было у него на квартире, на Гатчинской улице Петроградской стороны. Мы сидели за столом и горячо обсуждали проблемы методики, которые должны были составить содержание книги. Алексей Алексеевич излагал нам свой проект. Мы его одобрили, но писать с ним вместе мы обе не захотели и отказались под всякими предлогами.

Уговорить ему удалось Надежду Владимировну Сперанскую. Вместе они написали основные вопросы методики. Работали они несколько лет, а издана эта книга была в конце пятидесятых годов. У Надежды Владимировны был ангельский характер. Умная, чуткая, добрая, остроумная и необычайно работоспособная, она сумела сработаться с Алексеем Алексеевичем, хотя это ей было нелегко, и она не раз рассказывала мне, какие препятствия ей приходится преодолевать. Главное было в том, что Вагин, как творческий человек, забывал то, о чем они договаривались, и в процессе работы многое изменял. Как бы там ни было, книга была написана и увидела свет[33].

В своих воспоминаниях я не могу обойти молчанием свою дружбу с Надеждой Владимировной Сперанской. Несмотря на наши противоположные характеры, мы очень дружили. Мне импонировали ее мягкость, спокойствие, умение из всякого пустяка сделать что-то остроумное, значительное; ей — моя решительность, обязательность в выполнении задуманного, моя работоспособность и увлеченность. Способствовало нашей дружбе и то, что мы обе жили на Петроградской, недалеко друг от друга, были знакомы домами, наши сыновья — ее Иван и Михаил и мои Лев и Вадим — дружили. Надежда Владимировна была обаятельная женщина. Она всегда кому-нибудь помогала, всегда кого-нибудь опекала, всегда придумывала что-нибудь интересное. Например, я до сих пор храню

[32] *Васильева М. С., Кинкулькин А. Т., Лейбенгруб П. С.* Изучение истории СССР в X классе. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1955.

[33] *Вагин А. А., Сперанская Н. В.* Основные вопросы методики преподавания истории в старших классах. М.: Учпедгиз, 1953.

подарок — маленький альбомчик в скромной синей обложке, на страницах которого наклеены фотографии, а под ними подписи. Все это было очень скромно, но это все сделано было руками Надежды Владимировны. Альбомчик сделала она, фотографии ее, подписи сочинила также она. Каждая из них остроумна и удивительно метка. Приведу некоторые из них:

> Заглавие: «На одном блестящем банкете по поводу блестящей защиты диссертации, посвященной некоторым вопросам теории». К фотографии моей и Н. В. Андреевской: «Талантливая диссертантка со своим научным руководителем (в изнеможении)». К фотографии моей и Сперанской: «Отрешившаяся от мира диссертантка с фотографом».

Подобные краткие, но остроумные подписи сделаны ко всем другим фотографиям альбома. Завершается альбом фотографией моего младшего, тогда тринадцатилетнего сына Вадима. Снят он на кухне у Сперанских. Подпись гласит: «Бедный ребенок знаменитой диссертантки, собирающий посуду для банкета». Конечно, никакого банкета и в помине не было. Просто ко мне приехали методисты ЛГИУУ и ЛГПИ меня поздравить.

Каждая строчка, каждое слово в этих подписях характерны для нее, моей задушевной подруги, незабвенной Надежды Владимировны. Она была удивительной женщиной. В их доме всегда было занимательно: выпускались семейные стенные газеты, юмористические журналы, поощрялись всякие хитроумные поделки. Всегда было уютно, весело. При этом каждый был при деле. В доме была большая библиотека, пишущая машинка, всякие инструменты — столярные, слесарные. Самой большой гостиной дома была кухня, действительно большая, метров двенадцати, в ней с превеликим удовольствием собирались гости и хозяева. Угощение было самое простое: чай с булкой, хорошо если с вареньем. Но атмосфера этих чаепитий была невероятно приятная. Всегда что-то шумно обсуждалось. Сидели долго, и всем не хотелось уходить. У Н. В. Сперанской и ее мужа В. И. Феоктистова всегда был кто-нибудь из друзей, знакомых или товарищей ее сыновей. Часто у них бывала я, так как мы много вместе писали и обычно работали у нее дома (ул. проф. Попова, угол ул. Грота) или у меня на Карповке, в зависимости от того, у кого в квартире было теплее.

У Надежды Владимировны было паровое отопление, но топили плохо, а у меня печное, но так как я жила в здании бывшего Иоанновского монастыря, то, при всех преимуществах моей квартиры (много света, воздуха, большая площадь), натопить огромные изразцовые монастырские печи было очень трудно. Для того чтобы разжечь печь, надо было сжечь мешок березовых дров. Зато печь держала тепло равномерно и долго, обычно три дня. За год мы сжигали 10 кубометров дров. Муж Надежды Владимировны был профессор, доктор, зав. кафедрой Военно-медицинской академии. Виссарион Иванович Феоктистов был исключительно разносторонний человек. Он был энциклопедистом в подлинном смысле этого слова. Виссарион Иванович принимал самое активное участие в обсуждении волнующих нас проблем и при этом давал нам весьма ценные советы. Вместе с Н. В. Сперанской мы написали несколько статей, а итоги нашей экспериментальной работы, частично описанной в моей диссертации, мы подвели в статье, опубликованной много позже, в конце 50-х годов, в сборнике «Активизация учащихся на уроках истории»[34].

Именно в эти годы совместно с московскими методистами стали готовиться подробные методические пособия по новой истории. В. А. Орлов принимал в них самое активное участие. В 1949 году вышло в свет методическое пособие по новой истории для 8-го класса под редакцией профессора А. В. Ефимова[35], а в 1957 году методическое пособие по новой истории для 9-го класса под редакцией члена-корреспондента Академии наук СССР В. М. Хвостова[36]. Создание этих пособий еще раз показало, что в послевоенные годы шел непрерывный процесс развития советской школы. Советская методика истории неустанно развивалась в тесном творческом союзе деятельности московских и ленинградских ученых, преподавателей и методистов, направленной на создание пособий для учителей истории.

Итак, можно подвести итоги методической работы по истории за период Великой Отечественной войны и начала восстановительного периода. Методическая работа за период войны в Ленинграде не прекращалась. Во многом она углубилась и нашла свое новое направление, особенно в вопросах:

---

[34] *Сперанская Н. В., Поволоцкая И. Ю.* Формирование исторических понятий при изучении десятиклассниками темы «Первая народная революция эпохи империализма» // Активизация учащихся на уроках истории. М.: Учпедгиз, 1958. С. 3–40.

[35] Методическое пособие по новой истории для 8-го класса / Под ред. проф. А. В. Ефимова. М.: Учпедгиз, 1949.

[36] Методическое пособие по новой истории для 9-го класса / Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. И. Хвостова. М.: Учпедгиз, 1957.

1. Связь отечественной истории с всеобщей.
2. Вопросы современности в школьном курсе истории.
3. Проблемы урока истории: подготовка учителя к уроку, содержание уроков, методы обучения.
4. Изложение и разбор исторических фактов. Работа над понятиями.
5. Наглядность в обучении истории.
6. Вопросы самостоятельной работы учащихся.

Очевидно, что решение этих проблем было бы невозможно без учета всего того, что было найдено в методике истории в советской школе как в довоенный, так и в послевоенный период, без преемственности в развитии методической мысли, ее дальнейшей дифференциации применительно к формам обучения и составу учащихся.

Если мои воспоминания в какой-то мере помогут заинтересованному читателю познакомиться с отдельными моментами развития методической мысли, я как автор этих строк буду рада, тем более я не претендую на систематическое изложение проблем методики истории и деятельности методистов по совершенствованию квалификации учителей. Это только мои воспоминания. Моя задача скромная — поделиться тем, что сохранилось в моей памяти...

1984 г.

Приложение IV-8

Последнее интервью Наталии Ильиничны Элиасберг 16 апреля 2014 года

Воспоминания о войне

День Победы — это день великой радости... Эту радость я пронесла через много-много лет. Но это и день памяти о погибшем мамином брате, который погиб под Гродно в первый день войны; о моей маме, которая в годы войны была главным инженером Новолялинского бумажного комбината, который готовил продукцию для фронта; моих сверстниках, которые вместе со мной переживали и победы, и поражения. Это большой день... это день радости и гордости за свое Отечество.

Можно я поделюсь одним воспоминанием, которое связано с началом войны? Дело в том, что перед войной моя семья жила очень близко от этого места, на улице Рубинштейна, дом 15/17, квартира 307, она была коммунальной квартирой. Сейчас там живет, как мне рассказывали, народный артист Штиль, но я там не была... И вот, когда началась война, мы сначала были на даче. Мы — это мама, бабушка и я. Отец к этому времени уже погиб. И мы приехали в город, и я хорошо помню разговоры даже в нашей коммунальной квартире, где было ощущение не только тревоги, но и растерянности. И, может быть, этой растерянностью можно объяснить то, что случилось со мной. А я ходила в детский сад. Только в этом году я должна была пойти в школу. И было кем-то издано распоряжение всех детей вывезти из Ленинграда. А если это дети детсадовские, вывезти вместе со школой.

И вот я хорошо помню, как мама и бабушка почти всю ночь собирали мне, малышке, вещи, которые утром надо принести в этот же дом (в начале дома там был детский сад, сейчас там театр «Зазеркалье»), и мне ехать с этой школой. Но так распорядилась судьба, что, когда мы, пройдя через два двора, вышли на улицу Рубинштейна, школы не было, школа уехала. И что делают мои мама и бабушка? Они берут машину и едут догонять школу.

И мне много раз в жизни снилось переживание, как мы ходим у Московского вокзала, почему-то среди сидящих на земле людей, и спрашиваем, где эта школа. Но школу мы не нашли, вернулись очень встревоженные домой, и только потом, через день, мы узнали, что поезд, в котором ехали дети этой школы, разбомбили немецкие самолеты, и многие дети погибли. А мы с мамой через месяц были отправлены (она была инженер-строитель) в мамину командировку в город Новый Лялин Свердловской области, где провели почти всю войну.

И я помню радостные лица людей, выбежавших на улицу, поздравлявших друг друга (я это хорошо помню), когда пришла весть о Победе. А потом мы оказались в Ленинграде и встречали наших воинов, возвращавшихся с фронта...[37]

---

[37] См.: URL: https://www.youtube.com/watch?v=btaDAkrW-Fw

ЖИЗНЬ ЛЕНИНГРАДСКИХ ДЕТЕЙ И ПЕДАГОГОВ В ЭВАКУАЦИИ

Детей не надо в городе, не надо,
ведь родина согреет их везде.

Е. Вечтомова

Песня колес не кончается, грустная,
Как километры, проходят года.
Ах, почему это слово нерусское
С нами осталось теперь навсегда?

А. Городницкий. Эвакуация

Круг публикаций, посвященных эвакуации и пребыванию детей блокадного Ленинграда в регионах Советского Союза, постоянно расширяется. В сохранившихся воспоминаниях, в современных исследованиях и журналистской публицистике затрагиваются в основном военно-психологический, социально-экономический и организационный аспекты жизни детей в эвакуации. Общими, многократно повторяющимися темами при этом являются:

- Трагические эпизоды эвакуации разных блокадных периодов.
- Факты бескорыстной и самоотверженной помощи местного населения ленинградским детям.
- Создание местными органами власти условий для работы детских домов и интернатов.
- Отдельные яркие эпизоды из жизни детских домов в воспоминаниях педагогов и детей-блокадников.
- Взаимодействие местной и ленинградской культур.
- Послевоенная судьба ленинградских детей, выросших и оставшихся жить на новой обретенной родине.
- Сохранение в местах эвакуации памяти о людях и событиях тех лет в наше время.

Однако исследований, обращенных к *педагогическому* содержанию работы в местах эвакуации, практически нет. Сведения об эвакуации из Ленинграда учреждений дошкольного образования, детских домов и интернатов в этом разделе приводятся на основании изучения:

- приказов Ленгороно об отправке в эвакуацию детских и школьных учреждений, датированных 1941–1943 гг., из ЦГА СПб;
- архивных документов: ленинградских и местных (постановления, справки о проверках деятельности учреждений в местах эвакуации);
- материалов районных периодических изданий военных лет и современных региональных публикаций, посвященных блокадной тематике;
- письменно зафиксированных воспоминаний участников эвакуации, педагогов, детей, местных жителей;
- музейных и архивных материалов, хранящихся в местах эвакуации;
- художественных произведений, созданных в послевоенные периоды и содержащих личные свидетельства и описания событий в эвакуации;
- информации, представленной в открытом доступе региональными и международными объединениями жителей блокадного Ленинграда.

При написании раздела привлекались материалы фондов Педагогического музея Академии постдипломного педагогического образования, где хранятся авторские рукописи, тексты воспоминаний ленинградских учителей, методистов, заведующих детскими садами, детскими домами и интернатами, а также альбомы фотографий об их пребывании в эвакуации.

Эвакуация ленинградских детских и школьных учреждений в датах и цифрах

Ленинградская эвакуационная городская комиссия, созданная 27 июня 1941 года, действовала до 4 декабря 1943 года, когда было принято решение Ленгорисполкома о ее ликвидации. Эвакуацию населения из Ленинграда принято делить на три этапа. Первый (до начала блокады), с 29 июня по 27 августа 1941 года, оказался неудачным из-за стратегической ошибки в выборе направления. В результате к концу лета из 395 091 ранее вывезенных из города детей 175 400 были возвращены назад[1]. После того как город был блокирован полностью, в октябре и ноябре 1941 года спасение жителей продолжилось водным путем через Ладогу. Этим путем свыше 48 тысяч детей (из них почти половина дошкольников до 7 лет) были отправлены в глубокий тыл.

Второй этап начался в январе 1942 года, когда детей стали вывозить из Ленинграда по ледовой Дороге жизни, и с наступлением тепла длился до осени 1942 года. Весной и летом отправляли в основном детей-сирот из детских домов и домов малюток. Осенью, после завершения массовой эвакуации гражданского населения, детским учреждениям разрешили вывезти ребят до 12 лет, родители которых, занятые на оборонных работах, не могли эвакуироваться.

На третьем этапе, после прорыва блокады, весной и летом 1943 года из полуразрушенного города в эвакуацию отправляли в основном только детей.

По имеющимся данным, за 1941–1943 гг. из Ленинграда было вывезено не более 377 787 детей и подростков в возрасте до 16,5 лет. Из них 174 833 чел. в 1941 г. — преимущественно с детскими учреждениями.

Потери детей при эвакуации оказались значительными и только за 1941 г. составили 92 025 чел.

С 1 января по 15 апреля 1942 г. эвакуировали 45 535 чел., из них с детдомами — 12 639.

С 27 мая 1942 г. по 17 декабря 1943 г. с детдомами было отправлено 47 784 чел. Потери за 1942 год по детдомам насчитывали 11 800 чел.

Всего в период блокады в городе оставалось не менее 531 575 чел. в возрасте от 0 до 16,5 лет[2].

Статистика числа ребят, вывезенных из блокадного Ленинграда и погибших в дороге, весьма приблизительна. Хотя лица, ответственные за отправку, старались составлять списки тщательно, сказывалась военная неразбериха на вокзалах, человеческие потери при железнодорожных переездах и ладожской переправе, утрата документов. Испуганные малыши, оторванные от родителей, часто не могли назвать не только фамилию, но и свое имя. В результате судьба многих эвакуированных с детскими учреждениями так и осталась неизвестной. По данным исследователя Л. Л. Газиевой, **из 235 256** человек, в 1941–1943 гг. вывезенных из Ленинграда с детдомами и интернатами, **пропало от 127 568 до 159 095** человек[3]. Что стало с ними, об этом узнать вряд ли суждено. Но поражает сам порядок цифр...

Эвакуация 29.06.41[4]

[1] Эти цифры приведены в: Блокада. Трагедия Ленинграда. СПб.: Реконструкция; СПГУТД, 2014. С. 22.

[2] *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941—43: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. Гл. 3.

[3] Эти цифры получены при сопоставлении числа вывезенных из Ленинграда детей с числом детей, находившихся в эвакуации (от 76 161 до 107 688 человек).

[4] *Фото В. Тарасевича.* Гос. каталог Музейного фонда РФ. № 26892466. ГИК ГММОБЛ. КП 14327. ФФ-989. Воспроизводится по: URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=27045473

Эвакуация. 1941[5]

* * *

С началом войны детей, отдыхавших летом на дачах и в лагерях, стали возвращать в город для последующей централизованной эвакуации. Ее первая волна началась 29 июня 1941 г. на основании решения Ленгорисполкома «О вывозе детей из Ленинграда в Ленинградскую и Ярославскую области». В разных источниках количественные данные по этому периоду разнятся: от 162 439[6] до 166 403[7] человек.

> Согласно архивным документам Ленгороно, в Ленинградскую область отправили 166 403 ребенка, в том числе ясельного возраста — 18 673, дошкольников — 58 957, школьников — 88 772. После начала бомбежек вражеской авиацией железных дорог, связывавших Ленинград со страной, эвакуация в Ленинградскую область была прекращена. Городская комиссия спешно приступила к реэвакуации детей в безопасные районы. 27 августа железнодорожное сообщение Ленинграда со страной было прервано. К моменту, когда была перерезана последняя железнодорожная линия, из Ленинграда успели вывезти 219 691 ребенка[8].

К работе штабов и эвакопунктов власти в срочном порядке привлекали учителей, воспитателей, старших школьников, учащихся ремесленных училищ. В соответствии с довоенными планами, разработанными на случай угрозы со стороны Финляндии, дети отправлялись на юг Ленинградской области. Пунктами назначения были Валдайский, Окуловский, Боровичский, Демянский, Хвойнинский, Маловишерский и другие районы нынешней Новгородской области; Бокситогорский и Тихвинский районы современной Ленобласти.

Около половины ребят составляли дошкольники. На каждые пятьдесят человек полагался взрослый руководитель, на триста — медсестра, на пятьсот — врач. В качестве сопровождающих ехали воспитатели детских садов и школьные педагоги. Педагогов мобилизовали, давая на сборы одну ночь. Чтобы предотвратить панические настроения, родителей убеждали в том, что не нужно давать детям теплые вещи, так как война не продлится долго. Учительница С. Н. Саговская, принимавшая непосредственное участие в эвакуации детей в данный период, пишет:

> К вокзалу один за другим подъезжали автомобили и автобусы, из которых выносили белые свертки с малютками. Матерей здесь не было. Им не разрешили провожать детей. Несли крошек ученики ремесленных училищ. У каждого из мальчиков было по два свертка на руках. С мальчишеской неловкостью, но бережно, с полным сознанием своей ответственности и братской нежностью несли они свою дорогую ношу. Трудно было смотреть на них и сохранять спокойствие: невольно слезы навертывались на глаза. После этой эвакуации началась эвакуация школьников — лихорадочная, спешная работа: обходы по домам, составление списков и т. д. Наступил, наконец, день отъезда. У вагонов назначенного для нас поезда собиралась огромная толпа: человек 200 детей и столько же, если не больше, родителей. Пора садиться! Разыгрываются тяжелые сцены. В вагонах дети и крик: «Мамочка, мама!» Мы прощаемся с товарищами, уезжающими вместе с детьми. Увидимся ли когда-нибудь? Кто из нас уцелеет, кто погибнет?[9]

Сначала многие ребята воспринимали экстренный выезд за город как неожиданную и увлекательную прогулку. Но очень скоро ситуация стала тревожной. После стремительного наступления вражеских войск началось

---

[5] Госкаталог Музейного фонда РФ. № 14378512. ГИК ГММОБЛ. КП 14326. Инв. номер ФФ 988.

[6] По данным старшего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН, кандидата исторических наук Дмитрия Асташкина. URL: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/navstrechu-voyne-kak-detey-iz-leningrada-evakuirovali-pryamo-pod-obstrely-vraga/

[7] *Белозеров Б. П.* Дети блокадного Ленинграда: проблемы спасения и защиты. URL: https://spbarchives.ru/conferences_2/-/asset_publisher/pM3V/content/deti-blokadnogo-leningrada-problemy-spasenia-i-zasity

[8] ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1.

[9] ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2.

Р. С. Ф. С. Р.

РАЙОННЫЙ СОВЕТ
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
г. Ленинграда

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

17 августа 1941 г.

№ 5

Гр-ке Федюшиной Е. И.
(фамилия, имя и отчество)

пр. Нахимсона д. № 3 кв. 28
(адрес)

Районная Комиссия по эвакуации Петроградского р-на . . . . . района обязывает Вас вместе с Вашими детьми выехать из гор. Ленинграда на все время войны в порядке эвакуации населения.

Для подготовки к отъезду Вам предоставляется 3 дня. Отъезд 19/VIII

Не позже этого срока Вам надлежит явиться в районную комиссию по эвакуации ул. . . . . д. № . . . . . комн. № . . . . . для получения эвакуационного удостоверения и посадочного талона на поезд.

Справки по вопросам эвакуации выдаются в помещении комиссии с . . . . до . . . . часов.

Председатель районной комиссии по эвакуации

М 76522 Тип. им. Володарского. Зак. № 3943.

Рис. 1. Извещение об эвакуации (из семейного архива З. А. Федюшиной)

поспешное возвращение детей: кого-то везли в Ленинград, кого-то сразу отправляли дальше — в Ярославскую и Кировскую области. Трудности этого начального этапа эвакуации описаны в очерках Л. Е. Раскина (*Приложение V-3*). Зинаида Аркадьевна Федюшина (Иткина) вспоминала:

> В июне 1941 года мне было 9 лет, и я была ученицей второго класса. В городе стали говорить об эвакуации детей по районам и школам. Брат моей матери отправил меня со своими дочками, моими двоюродными сестрами. На Московском вокзале нас поместили в теплушки, доехали до Пестово (это районный центр Новгородской области), а потом на телегах повезли в деревню. Разместили по возрасту, женщины приносили нам молоко, творог, хлеб, картошку, лук. Мы топили русскую печку. Но у взрослых была нервная обстановка: немцы наступали, следующий состав, который вывозил детей, был разбомблен, и все дети погибли... В августе 1941 года было принято решение вернуть детей в Ленинград. Снова мы ехали на подводах в Пестово, а потом в теплушках — в Ленинград[10].

В воспоминаниях учительницы истории М. Ю. Поволоцкой (*Приложение V-4*) подробно описан период эвакуации в Новгородскую область с эшелоном, предоставленным шефами завода «Электрик». Она со своими коллегами и подопечными оказалась в числе тех ленинградцев, кто «хлебнул горе войны» еще до начала блокады. В тексте отражены ее первые личные переживания от рева «мессершмиттов» над головой, от верениц беженцев из уже оккупированных районов. Также рассказывается о новых непростых организационно-педагогических задачах, связанных с сохранением здоровья детей, обеспечением обучения в мало приспособленных для этого сельских условиях. Описаны трудности августовской реэвакуации в Ленинград и картина полностью разбомбленного эшелона, который шел впереди[11].

В рассказах и дневниках детей и взрослых, возвратившихся в Ленинград в начале блокады, многократно повторяются первые образы военного города. Это окна с бумажными крестами, аэростаты в небе, стада коров на улицах, первый обстрел, первая встреча со смертью...

[10] Отрывок из интервью, взятого в 2010 г. Никитой Степаненко, учеником 10-го класса школы № 13 Санкт-Петербурга. Подробнее см. в книге З. А. Федюшиной «Моя блокада»: URL: https://memoclub.ru/2018/11/it58/

[11] См. также: *Брук Л. М.* Как нас эвакуировали из Ленинграда навстречу немцам в июле 1941. URL: http://samlib.ru/b/bruk_l_m/bbruk2m.shtml

Первые жертвы среди ленинградских детей и педагогов появились еще до наступления блокады, в период реэвакуации. Сравнительно недавно обнародованы сведения о трагических событиях на станциях Боровенка, Лычково, Званка, Тихвин, где авиация вермахта летом и осенью 1941 года прицельно бомбила эшелоны с детьми. Вот трагическая хронология тех событий:

13 июля 1941 года на 226-м километре Октябрьской железной дороги вблизи станции Боровенка вражескими самолетами обстрелян детский эшелон.

18 июля 1941 года расстрелян эшелон с детьми на станции Лычково возле Валдая[12].

7 сентября вблизи станции Званка Волховского района немцы разбомбили поезд с детдомовцами,

14 октября 1941 года на станции в Тихвине под шестичасовую бомбежку попали два эшелона с детьми[13].

Зрелище последствий такого варварства было столь ужасным, что детям, находившимся в вагонах, следующих по пути разбомбленных составов, запрещали подходить к окнам. Погибшие ребята вместе с сопровождавшими их педагогами и медсестрами захоронены в братских могилах. На Лычковском кладбище об этом напоминает памятник: пламя взрыва, подбросившего в воздух ребенка[14]. На старом тихвинском кладбище над могилой погибших детей установлена памятная стела. В 2016 году около вокзала в Тихвине появилась гранитная плита, на лицевой стороне которой мозаичное панно с изображением скорбящей коленопреклоненной женщины. Рядом — упавший на рельсы игрушечный медвежонок. На оборотной стороне — копия архивного фото: малыши, отправляющиеся из Ленинграда. Сверху изображение Тихвинской иконы Божией матери, считающейся покровительницей младенцев и подростков[15].

Памятник погибшим при бомбежках ленинградским детям на кладбище в Лычково[16]

Памятник погибшим при бомбежках ленинградским детям на Тихвинском кладбище[17]

---

12 Справка об эвакуации ленинградских детей из Залучского, Молвотицкого, Демянского и др. районов Ленинградской области с приложением списков погибших в результате авианалета на ст. Лычково. 29 июля 1941 г. ЦГИ СПб Ф. 7179. Оп. 53. Д. 38. Л. 168–176. URL: https://victims.rusarchives.ru/spravka-ob-evakuacii-leningradskikh-detey-iz-zaluchskogo-molvotickogo-demyanskogo-i-dr-rayonov

13 *Никифорова Д.* Памятник ленинградским детям в Тихвине. URL: https://memory-map.1sept.ru/#/memorial-6379/type=map&center=59.656367,33.522472&zoom=13

14 *Евгеньев С.* Ленинградское напутствие в Лычково. URL: https://lenoblast.bezformata.com/listnews/leningradskoe-naputstvie-v-lichkovo/832814/; *Паслянова А.* Выживший в обстреле детского эшелона в Лычкове: В Ленинграде к бомбежкам привык. URL: https://www.spb.kp.ru/daily/217181.5/4286841/

15 URL: http://диалог-поколений.рф/?page_id=10566

16 Воспроизводится по: URL: https://mtdata.ru/u2/photo1F8D/20311319347–0/original.jpeg

17 Фотография Анастасии Антоновой, ученицы Тихвинской гимназии № 2, 2015 г.

Памятник погибшим детям в Тихвине

* * *

Представить колоссальные масштабы эвакуации вглубь страны сегодня помогают некоторые цифровые данные. Только за июнь 1941 года из Ленинградской области в Киров прибыло 22 907 детей, вывезенных на Большую землю самолетом[18]. Всего же в *Кировскую область* из Ленинграда и Ленобласти эвакуировали 231 детское учреждение: 143 детсада, 27 детдомов и 61 интернат. Свыше 28 тысяч детей распределили по 28 областным районам[19]. Во второй половине июля 1941 года поезда с ленинградскими детьми стали отправлять в *Костромскую область*.

В Буйском районе их размещали в специально подготовленных детских домах в селах: Новографское (интернат № 82), Махрово (интернат № 84), Шушкодом (интернат № 85), Контеево (интернат № 86), Воскресенье (детдом № 67), Борок (детдом № 152), в деревне Костиново (интернат № 69).

Надпись на мраморной доске вокзала Ярославль-Главный гласит, что сюда с 27 января по 25 апреля 1942 года прибыло 162 эшелона с эвакуированными жителями блокадного Ленинграда. За время войны *Ярославская область* приняла 140 тысяч детей. Здесь было открыто 200 детских домов для блокадников.

Из пятисот юных беженцев в *Ульяновской области* 250 человек отправили в летние пионерские лагеря, 50 — в детский санаторий, 200 поместили в детские дома. Для помещений детдомов использовались даже квартира-музей В. И. Ульянова-Ленина и дом-музей поэта Н. М. Языкова. В 27-ми районах Горьковской области за годы войны поселилось около 5500 ленинградских детей. В *Казани* на 30 мая 1942 года находилось 24 детских школы-интерната из Ленинграда (2706 детей). В их числе был интернат детей работников Академии наук Ленинграда (194 ребенка). Эвакуированные дети и взрослые жили также в Елабуге, Бугульме, Тетюшах, в Буинском, Мамадышском, Мензелинском и других районах Татарии.

Еще одним местом эвакуации стал *Южный Урал*, к началу войны превратившийся в крупный индустриальный центр. В октябре 1941 года в село Варламово Чебаркульского района прибыли ученики ленинградских школ № 240 и 233, а также воспитанники детских садов № 6 и 38 Смольнинского района. Всего 500 человек. В *Омской области* на 1 июня 1942 г. располагались 109 ленинградских интернатов. В *Свердловской области* сирот размещали в Малоистокском детском доме, о чем на фасаде здания напоминает доска с надписью: «От уральцев — детям героического Ленинграда». В деревне Тураево Тюменской области находился 20-й детский сад прядильно-ниточного комбината им. С. М. Кирова (интернат № 178).

Отъезжающие в эвакуацию с детсадом № 19 воспитанники детдома № 46 Красногвардейского района. 17.06.1942[20]

---

[18] *Арасланова Л.* Дети блокадного Ленинграда на вятской земле: 70-летию прорыва блокады посвящается // Библиотечное дело. 2013. URL: http://naukarus.com/deti-blokadnogo-leningrada-na-vyatskoy-zemle-70-letiyu-proryva-blokady-posvyaschaetsya

[19] Подробную статистику по учреждениям с указанием фамилий заведующих см.: Эвакуированные в Кировскую область детские учреждения. URL: https://maxpark.com/user/884694586/content/944675 и URL: http://www.1archive-online.com/archive/rushkovsky/children-gardens.html

[20] Фотография из коллекции ПМ СПб АППО.

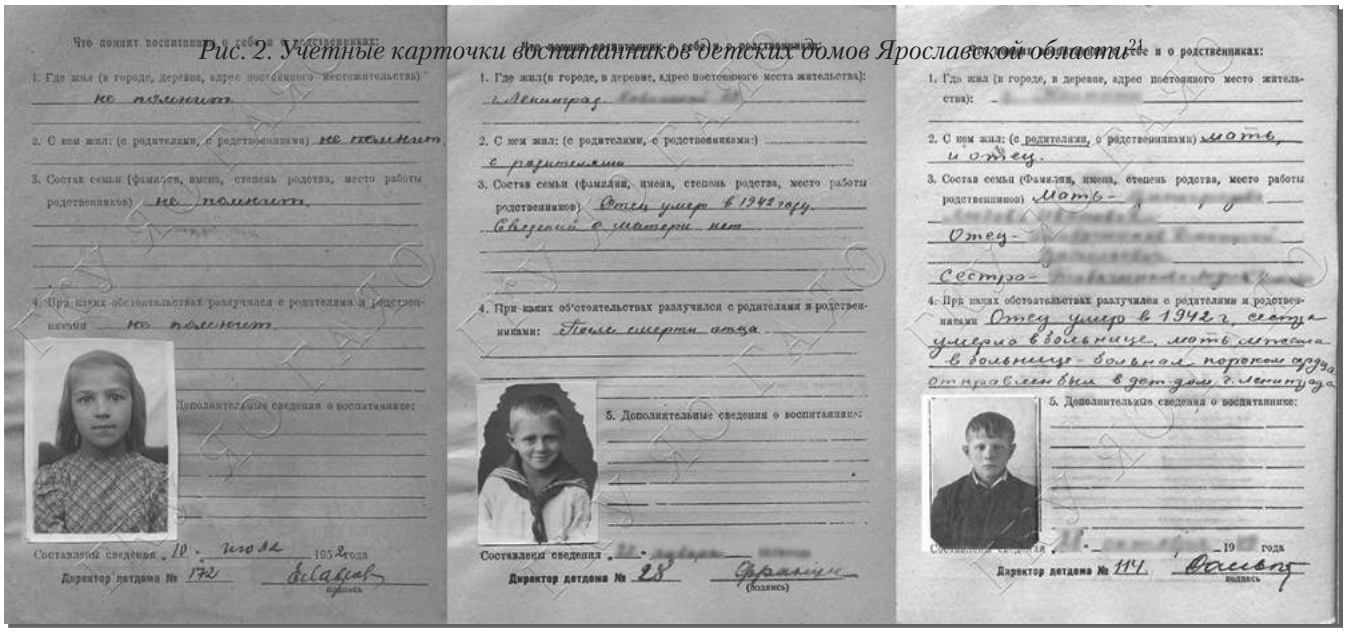


Рис. 2. Учетные карточки воспитанников детских домов Ярославской области[21]

Группа пионеров детдома № 46 Красногвардейского р-на[22]

В 19 районах *Алтая* на декабрь 1942 года числилось 4714 ленинградских детей, в том числе 1532 человека из детских домов[23]. В Государственном архиве Алтайского края и в 10 муниципальных архивах хранятся отчеты, докладные записки, справки об эвакуации на территорию детских учреждений и их работе, книги записи воспитанников детских домов, личные дела воспитанников, личные карточки на эвакуированных детей без родителей.

Детский дом № 47 с. Веретея Некоузского р-на Ярославской области[24]

На *Кузбассе*, куда отправили 15 ленинградских детских домов, 300 детей принял Новокузнецк, 400 — Кемерово; 125 — Прокопьевск (Зенково), в том числе специальный детдом № 4 для детей «врагов народа». В конце сентября 1942 года почти полторы тысячи детей прибыло в *Красноярский край*. Среди них: 22 школы, 5 яслей, 13 детских садов и 4 детских дома. Ленинградских детдомовцев отправляли также в *Нарымский край*: в Айполово, Средний Васюган, Усть-Чижапку. Дорога в эти отдаленные края была длительной и тяжелой. Так, в таежный поселок Вертикос, расположенный почти в 500 километрах от Томска, 80 ребят из детского

[21] Учетные карточки на воспитанников детских домов Ярославской области, эвакуированных из Ленинграда в 1941—1943 гг. Из фондов Государственного архива Ярославской области. Воспроизводится по: URL: https://ok.ru/infanterie/topic/152359924530155

[22] Фотография из коллекции ПМ СПб АППО.

[23] Решение Алтайского крайисполкома от 29 августа 1942 года № 640 «О размещении детей, эвакуированных из Ленинграда».

[24] Фотография воспроизводится по: URL: https://vk.com/@nekmus-iz-istorii-detskih-domov-nekouzskogo-raiona

дома № 82 добирались под бомбежкой через Ладожское озеро, ехали на полуторках двести километров по лесной ухабистой дороге, потом в поезде, наконец, по Оби на двухпалубном колесном пароходе. В это островное поселение посреди самых больших в мире Васюганских болот ранее отправляли ссыльных белогвардейцев, священнослужителей, а потом свозили репрессированных и трудных.

Были учреждения, которые эвакуировали на юг страны. Так, в 1943 году Ленинградский детский дом № 76 в полном составе попал в *Тбилисский район Краснодарского края*. Среди жителей он был известен как детдом № 1. В селе Ванновском для детей блокадного Ленинграда на базе педучилища был открыт детский дом № 2. Воспитанники детского дома № 51 оказались в армянском селе Санаин. Пять тысяч ленинградских детей за годы войны были эвакуированы в *Узбекистан*. И это далеко не полный перечень.

В 2019 году увидела свет фундаментальная коллективная монография «Побратимы. Регионам, принявшим эвакуированных ленинградцев, посвящается»[25], первое комплексное исследование, воссоздающее картографию эвакуации из блокированного города. Ее авторами стали представители почти тридцати регионов России и бывших республик СССР, среди которых сотрудники институтов истории РАН, музеев, вузовские преподаватели и школьные учителя[26]. В каждом разделе, в том числе, содержатся сведения об эвакуированных из блокадного города детских учреждениях, снабженные системой обширных ссылок на архивные документы:

- Ленинградская область, с. 119–145 (Д. Ю. Асташкин);
- Вологодская область, с. 95 (Ф. В. Копылов);
- Ивановская область, с. 166–176 (Г. А. Будник);
- Кировская область, с. 190–195 (Н. В. Чернышева);
- Ярославская область, с. 231–242 (Е. Ю. Волкова);
- Горьковская область, с. 267–274 (Г. В. Серебрянская);
- Куйбышевская область, с. 289–290 и 293–296 (Е. М. Малинкин);
- Мордовская АССР, с. 343–347 (Л. Г. Скворцова);
- Пензенская область, с. 364–366 (В. А. Власов);
- Саратовская область, с. 411–412 (В. Н. Данилов);
- Татарская АССР, с. 431–439 (А. Ш. Кабирова);
- Молотовская область, с. 522–524 (С. А. Шевырин, М. Г. Нечаева);
- Свердловская область, с. 555–557 (М. Н. Потемкина);
- Челябинская область, с. 597–599 (М. Н. Потемкина);
- Алтайский край, с. 675–679 (Ю. А. Мелехова);
- Красноярский край, с. 705—712 (Л. Э. Мезит);
- Новосибирская область, с. 759–773 (В. А. Исупов, Л. И. Снегирева);
- Омская область, с. 802–809 (М. А. Кожевина);
- Киргизская ССР, с. 866–870 (Б. О. Жангуттин, Ш. Т. Нурман);
- Узбекская ССР, с. 881–885 (Т. В. Котюкова, О. А. Махмудов, Т. И. Дорошенко).

Решение в ходе эвакуации новых педагогических задач

Как уже говорилось ранее, с наступлением блокады некоторые детские сады по своей инициативе начали собирать детей-сирот и переходить на круглосуточную работу, превращаясь в интернаты, а позднее — в детские дома. В декабре 1941-го в Ленинграде появилось 17 детских домов, в марте 1942-го их было уже 98. Еще 32 действовали в области. Весной 1942 года в ходе подготовки к эвакуации стали формироваться сборные детские и педагогические коллективы, члены которых часто даже не были знакомы друг с другом. Это были учителя и воспитатели, как и все жители города, сильно ослабевшие после зимнего голода и холода. Остро ощущалась нехватка квалифицированных кадров. Новоиспеченным воспитателям приходилось по ходу дела осваивать формы и приемы работы с детьми разных возрастов и разных социальных судеб.

Педагогические проблемы в условиях эвакуации приобретали новый характер. Каждый ее этап выдвигал перед ленинградскими педагогами принципиально новые задачи, для решения которых ни у кого на тот момент не было соответствующего профессионального и жизненного опыта. Первые проявления героизма учителей и воспитателей при спасении детей зафиксированы

---

[25] Автор идеи и ответственный редактор книги — главный научный сотрудник ИВИ РАН д. и. н. Юлия Кантор. URL: https://www.spbmuseum.ru/events/61/50667/

[26] Радиопередача. URL: https://echo.msk.ru/programs/victory/2358895-echo/

уже в момент летней и осенней реэвакуации 1941 года. В очерках Л. Е. Раскина приводится целый ряд таких примеров (*Приложение V-3*). Порядок подготовки детских учреждений к эвакуации и их отправки в глубь страны был четко регламентирован соответствующими приказами Ленгороно. Примеры таких приказов, датированных весной 1942 года, даны в *Приложении V-1*. Из текстов становится понятно, какая интенсивная организационная нагрузка, колоссальная финансовая, педагогическая и просто человеческая ответственность ложилась на плечи тех, кого на период эвакуации назначали начальниками эшелонов и заведующими детскими домами. Как правило, это были люди образованные, имеющие опыт руководящей работы, зарекомендовавшие себя как добросовестные сотрудники: заведующие РОНО, инспектора, директора учреждений. Им на руки выдавались крупные суммы денег и документы, предоставляющие достаточно широкие полномочия.

Порой эвакуационные документы передавались работникам железных дорог, иногда терялись, подчас превращались в неразборчивые тонкие листочки. В некоторых случаях сопровождающие лица кормили детей в дороге за счет личных средств. Приведенные в *Приложении V-2* выписки из отчетных документов отражают затраты на эвакуацию детей из блокадного города, в данном случае в Ярославскую область. Обращает на себя внимание активная роль уполномоченного Ленгорисполкома по Ярославской области В. К. Зензинова, автора служебной записки с просьбой списать с представителей РОНО города суммы, на которые не были по разным причинам предоставлены документы. Кроме того, он просил районные отделы образования вернуть затраченные личные средства по перевозу детей.

На долю ленинградских педагогов выпало из нечеловеческих условий блокады в жутких условиях эвакуационного переезда сопровождать детей, по сути, в неизвестность. Обеспечивать их выживание при длительных переездах в отдаленные районы страны в необорудованных теплушках. Пережить потрясения от того, как на глазах гибли при бомбежке или умирали по дороге от истощения и тяжелых болезней вверенные им подопечные.

В ребячьей памяти эвакуация осталась как продолжение ужасов войны и блокады. Детей, в том числе совсем маленьких, при экстренной отправке массово забирали у родителей, что создавало огромное психологическое напряжение. Малыши, оторванные от родителей, боялись и сторонились воспитателей. Педагогам непросто было наладить отношения с большим количеством детей, напуганных, внезапно оторванных от дома. Воспитательница дошкольного интерната № 51 Кировской области Д. Авербух в статье, напечатанной в журнале «Дошкольное воспитание», приводит записи из своего дневника, сделанные в июле-августе 1941 года, где представлены некоторые приемы, которые использовались ею при работе с разновозрастным коллективом незнакомых ранее ребят (*Приложение V-6*).

Для транспортировки эвакуированных нередко выделялись не приспособленные для этого вагоны, где, по воспоминаниям очевидцев, «ясельники лежали по четыре-пять человек поперек вагонных полочек». На ручки малышей прикрепляли бирки с именем и фамилией. У некоторых надписи по пути постепенно стирались от слез. Воспитателям нужно было как-то смягчить психоэмоциональное воздействие на детей обстрелов, бомбежек, страшного голода; обеспечить постепенный переход к совершенно иной жизни; по мере возможности создать атмосферу, близкую семейной; сохранить контакты с родителями через переписку. В соответствии с требованиями времени детскую тоску по дому педагогам следовало «*заменить ненавистью к врагу, желанием мстить ему*». Учитывая перспективу длительного пребывания в экстремальных условиях, у ребят всех возрастов предстояло воспитать готовность к лишениям, бесстрашие, стремление приносить пользу своему маленькому коллективу.

Поиск соответствующих форм и приемов работы осуществлялся в буквальном смысле на ходу. При этом, как следует из воспоминаний руководителей детских учреждений, действия воспитателей далеко не всегда оказывались успешными. Приходилось обсуждать постоянно возникающие проблемы на импровизированных педсоветах, вначале непосредственно в вагонах, потом — вечерами на кухнях помещений, выделенных под детские дома в местах эвакуации. В постановлении одного из таких педсоветов значилось: «*Быть готовыми за детей отдать жизнь*».

Случались ситуации, когда ленинградским педагогам приходилось идти просить продукты у местного населения, иными словами, «побираться». Психологически это было непростой задачей. Наталья Федотовна Крахмалева вспоминает, как, будучи 17-летней воспитательницей яслей, с мешком за плечами доезжала товарным поездом до какой-нибудь деревеньки, заходила в дом и говорила: «Дайте хоть что-нибудь поесть для детей из блокадного Ленинграда». Люди «давали картошечки, свеколки, а кто одну луковицу или тыковку. Но некоторые

и прогоняли укоряя: “Как не стыдно таким молодым побираться!”»... Девушка плакала от обиды, но шла дальше, чтобы вечером было чем накормить детей[27].

Перед массовой эвакуацией по льду Ладожского озера, которая началась 22 января 1942-го, педагогам и медикам предстояло провести нелегкий отбор, поскольку самые ослабленные дети не в состоянии были перенести тяжелого переезда. Те, кто мог самостоятельно, без помощи взрослых дойти до противоположной стенки, заносились в списки на эвакуацию. Не сумевших преодолеть это расстояние оставляли в детдоме набираться сил[28]. За зиму 1942 года на Большую землю было перевезено 544 тыс. жителей, в том числе 12 639 детдомовцев. Эвакуация продолжалась до октября 1943-го.

Эвакуированные ленинградские дети в селе Сентяк Елабужского р-на. Сентябрь 1943[29]

Во время эвакуации 1942 года также не удалось избежать жертв. Так, один из эшелонов с детьми блокадного Ленинграда попал под вражескую бомбежку под Рыбинском, в районе деревни Почесновики. Тела погибших увозили на подводах на Тверицкое кладбище и ночью сбрасывали в общие могилы. По приблизительным подсчетам, в тех местах похоронено около семисот человек[30].

В трудном положении оказались 12 детских домов, эвакуированных в Краснодарский край. Подробные сведения о пребывании ленинградцев на Кубани в 1942–1943 годах приводятся в статье М. Ю. Давыдовой и Д. А. Чибириковой[31]. Список погибших и умерших воспитанников ленинградских детдомов, хранящийся в местном архивном фонде, содержит 98 фамилий с пометками: «умер в больнице», «убит под Майкопом», «умер от дистрофии по пути из Ленинграда». С началом стремительного наступления вражеских войск часть детских домов была отправлена из краснодарских станиц в Армянскую, Киргизскую, Казахскую ССР. Подробное описание одного из таких трагических передвижений содержат воспоминания директора детского дома № 51 Х. А. Гершенок (*Приложение V-8*).

Сохранение жизни детей в период эвакуации зачастую было равносильно подвигу. Вызывает глубокое уважение личное мужество руководителей детских учреждений, сумевших сориентироваться в критической ситуации и, не боясь грозящего им обвинения в паникерстве, принять на себя бремя ответственности за непростые решения, противоречащие приказам «сверху». Были моменты, когда только решительность и административная смелость директора школы или заведующей детдомом помогала спасти детские жизни.

А. С. Шарков

Так, директор школы № 185 Андрей Сергеевич Шарков летом 1941 года, в момент реэвакуации, не подчинившись требованию о возвращении детей в Ленинград, самовольно направил их со станции Бологое в Кировскую область. При переезде он сумел не потерять

---

27 *Бодагова А.* Зажгите свечи в нашу память. URL: https://www.ap22.ru/paper/paper_6807.html

28 См.: *Яров С.* Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941—1942 гг. СПб., 2012. Цит. по: URL: mel.fm/otryvok/2645837-siege_leningrad_ethics

29 *Аверьянова Г. Н.* Военный след в судьбе одной семьи. URL: http://journal.spbu.ru/?p=10276

30 Памятник детям блокадного Ленинграда (Ярославль). URL: https://www.liveinternet.ru/users/4013579/post310170368

31 *Давыдова М. Ю., Чибирикова Д. А.* Ленинградские детские дома на Кубани в 1942—1943 годах // Манускрипт. 2019. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/leningradskie-detskie-doma-na-kubani-v-1942—1943-godah

ни одного ребенка, в то время как с других эшелонов детские трупы снимали десятками (*Приложение V-5*). Заведующая детским домом № 51 Хана Александровна Гершенок, вопреки указаниям начальства, летом 1942 года тайком подготовила отъезд детей из кубанской станицы, которую вскоре занял враг.

Директор детского дома № 41 Кировского района В. И. Чернуха самовольно посадила воспитанников на грузовые платформы, стоящие на запасных путях, чтобы вывезти их из станицы Родниковской в сторону Сухуми, тем самым спасая от вражеских войск. Она была уверена, что железнодорожники не посмеют высадить детей. При этом все казенное имущество, за которое директор лично несла ответственность, пришлось оставить на платформе[32].

При наступлении вражеских войск часть детских домов оказалась на оккупированных территориях. Немцы требовали выдачи детей-евреев. С риском для жизни Е. А. Ивановская, директор Удобненского детдома, в списках воспитанников заменила все еврейские имена и фамилии на русские. В детском доме, эвакуированном в Краснодарский край из поселка Всеволожский, на девочку Эльзу Шалыт составили документы как на православную; ее взяла в свою семью местная учительница[33]. Директору детского дома № 1 станицы Передовой Ю. И. Белоруссовой[34] на протяжении длительного времени удавалось оттягивать посещение детдома оккупантами, ссылаясь на угрозу их заражения от воспитанников тифом и дизентерией. Помощь в питании эвакуированных детей в занятых немцами станицах оказывали колхозники, тайком привозя овощи и продукты.

Вошел в историю случай массового героизма жителей черкесского аула Бесленей, куда в начале августа 1942 года прибыл обоз с эвакуированными ленинградцами в возрасте от 6 до 14 лет. Среди 32 ребят, находившихся в тяжелом состоянии от недоедания и долгой дороги, большинство были еврейской национальности. Аул, как и близлежащие территории, был занят немцами. На совете старейшин приезжих решили разобрать по домам, а в колхозной хозяйственной книге записать черкесами, изменив имена и фамилии. Никто из 1800 жителей аула не выдал детей врагам[35].

Встреча ленинградских детей в регионах

О том, что реально происходило в осажденном Ленинграде, население регионов, куда прибывали эвакуированные, практически ничего не знало. Люди слышали о блокаде, о тяжелой военной обстановке, но масштабы страшного голода в крупнейшем советском городе, колыбели революции, не могли себе представить. Девочка-подросток Мила Анина писала: «*Я как наглядное пособие блокады была для всех, кто ничего о ней не знал*». При виде истощенных, полуживых детей местные жители испытывали психологический шок. По их словам, ленинградцев нельзя было воспринимать без содрогания. Это были изможденные, немощные люди, «малолетние старики — дети трех-четырех лет с тоскливыми серьезными глазами», «косточки да мешочки», ходячие тени. «Беспомощные, бледные, просвечивающиеся насквозь люди, будто неземные». Возраст эвакуированных детей медикам приходилось определять приблизительно, по состоянию костей и зубов. Многие малыши не могли назвать своего имени, не помнили лиц своих родителей. Михаил Пришвин писал: «Когда видишь крошечные существа четырех, пяти лет, тянущиеся к нам с вопросом: “Не вы ли папа и мама?” — это потрясает»[36].

Сегодня в Интернете на одном из форумов, посвященных эвакуации детей во время Великой Отечественной войны, размещен рассказ о том, как ленинградские малыши, попав в Киргизию, расплакались, услышав незнакомую речь, поскольку решили, что попали к фашистам. Четырехлетний мальчик, вынесенный на руках из вагона, не услышав привычных звуков бомбежки, решил, что война кончилась и, сидя на руках, кричал: «Победа!» А взрослые

---

32 См.: *Даев В. Г.* Педагоги блокадной поры: По архивам ленинградских учреждений. СПб.: Сударыня, 1998. С. 64.

33 См. воспоминания воспитательницы Всеволожского детдома. URL: https://vk.com/wall-171473788_8956

34 *Серкова О. А.* Белоруссова Юлия Ивановна, директор детдома из блокадного Ленинграда // Сельская жизнь. 2014. № 96. URL: http://www.mus-peredovaj.ru/publ/detskie_doma_v_stanice_peredovoj/belorussova_julija_ivanovna_direktor_detdoma_iz_blokadnogo_leningrada/9-1-0-7

35 Фотографии жителей аула и спасенных ими ленинградских детей см.: Спасение детей Бесленея. URL: https://infourok.ru/cherkesskiy-aul-besleney-i-deti-blokadnogo-leningrada-3027736.html

36 Находившийся в эвакуации в г. Переславле-Залесском М. М. Пришвин написал «Рассказы о ленинградских детях», созданные на документальной основе и посвященные привезенным в усадьбу Ботик — Переславль-Залесский краеведческий музей ребятам из блокадного Ленинграда. URL: http://www.skazayka.ru/soloveyrasskazyi-o-leningradskih-detyah/

не знали, как объяснить маленькому страдальцу, что он приехал в тыл и до победы еще очень далеко[37].

В восприятии жителей разных областей слово «эвакуированные» трансформировалось в «*выковырянные*». Так произносили новое, сложное для себя слово приезжие ленинградские ребята. В подобной народной этимологии скрывалась большая доля истины: разговорное «выковыривать» означает *вытаскивать, с усилием изгонять откуда-либо*. Именно так, насильно были отлучены от привычной жизни ленинградцы, прибывавшие в разные районы страны «как птенцы с одного гнезда — одинаковые: все дохлые, гладко подстриженные». Их приходилось лечить не только от дистрофии, но и от нервного потрясения.

Эвакуированные из Ленинграда дети и педагоги оказывались в очень разных исходных условиях, как природных: от жаркого климата кавказских республик до болотных сибирских топей, так и социальных: от ярко выраженного гостеприимства местных жителей до глухой настороженности. Судя по воспоминаниям педагогов и данным из официальных документов местных властей, к переселенцам не везде относились благожелательно. В некоторых пунктах назначения по разным причинам (на крупных станциях — перегруженность района приезжими; в поселениях, близких к местам боев, — жители опасались немцев) эшелоны просто отказывались принимать или надолго задерживали их отправление. Это создавало для педагогов, сопровождавших детей, большие трудности. Во многих случаях приходилось проявлять настойчивость и упорство при взаимодействии с местным железнодорожным и иным начальством.

Были области, где ленинградцев встречали откровенно неприветливо, не отпускали положенного количества продуктов, самовольно занимали выделенные детдомам квартиры. Известны случаи халатного отношения к делу эвакуации детей и подростков со стороны руководителей ряда учреждений и учебных заведений. Документы свидетельствуют, что при контроле над ходом приема детей выявлялись серьезные нарушения: невнимательное, подчас равнодушное отношение к эвакуированным; их размещение в полуразрушенных строениях, не приспособленных для нормального пребывания детских учреждений[38]. Видимо, не случайно в некоторых детских воспоминаниях проскальзывает: «Местные относились к нам плохо, ничего не давали, ничем не делились». Множество выдержек из официальных документов, подтверждающих наличие подобных явлений, приводится в коллективном издании «Побратимы»[39]. Немало фактов зафиксировано в постановлениях местных властей и партийных органов. Однако, как правило, при обнаружении критической ситуации немедленно принимались административные меры[40].

В других местах жители делились с эвакуированными детьми последним. В абсолютном большинстве районов их встречали радушно, размещали в санаториях, лагерях отдыха. Ребят разбирали по избам, аулам, переоборудовали для проживания ленинградцев местные школы или бывшие купеческие дома, всячески старались помочь прибывшим учреждениям в обзаведении хозяйством. Для сирот, потерявших родителей, в местах нового пребывания создавались интернаты и детские дома. В эвакопунктах, куда отправляли тяжелобольных, не хватало кроватей, простыней, не было лекарств. Местное население принимало в свои дома и отхаживало осиротевших детей из блокадного города. Например, в Ярославле жилищные нормы для горожан временно уменьшили до 4 квадратных метров на человека. Это дало возможность разместить тысячи ленинградских семей. Жители Ярославской области приютили и усыновили более 400 ленинградских сирот. Жители поселка Мстера Владимирской области, куда в местный детский дом прибыли эвакуированные ребята, многих взяли в свои семьи, а Большую Миллионную улицу переименовали в Ленинградскую[41].

23 марта 1942 года работницы Уфимской швейной фабрики им. 8 марта обратились к женщинам Башкирии с призывом взять на воспитание детей, оставшихся без родителей. В некоторых регионах по решению горкома каждый партийный работник должен был усыновить одного, иногда и двух ленинградских детей. Три

---

37 Эпизод рассказан Светланой Ерыгиной. URL: https://forum.vgd.ru/1329/evakdetei/40.htm

38 См., например: *Славко А.А.* Детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник ЧГУ. 2010. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/detskie-doma-i-shkoly-dlya-detey-sirot-v-rossii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-i-poslevoennyy-period

39 Побратимы. Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается. М.: Политическая энциклопедия, 2019.

40 *Лысков А.П.* Эвакуация детских домов в Каменский район. Ч. 5. Детские сады из Ленинграда. URL: https://vokrugkamenska.livejournal.com/9029.html

41 См. сайт Администрации МО «Поселок Мстера». URL: http://mstera-adm.ru/istoriya.html

с половиной тысячи детей приютила Киргизия, до которой из Ленинграда им пришлось добираться целых 5 месяцев. Большая часть эвакуированных была помещена в детские дома на берегу озера Иссык-Куль. Восемьсот маленьких ленинградцев, оставшихся без родителей, киргизы приняли в свои семьи. Так, каждая семья из киргизского села Курменты взяла шефство над двумя-тремя приезжими ребятишками[42].

Архивные материалы и газетные публикации военных лет свидетельствуют, что к созданию нормальных материально-бытовых условий для ленинградских детей повсеместно привлекалась общественность. В Горьковской области развернулось шефство колхозов и предприятий над 42-мя детскими домами. В мае 1942 г. здесь был создан «Фонд помощи детям», куда комсомольскими организациями промышленных предприятий и колхозов перечислялись средства, заработанные на воскресниках. Был также организован сбор детского белья, обуви, верхней одежды. Бюро Горьковского обкома ВКП(б) обязало районные комитеты партии, исполкомы райсоветов и земельные органы выделить земельные участки из расчета не менее 10 га на каждые 100 воспитанников, оказать необходимую помощь тягловой силой, сельскохозяйственным инвентарем и семенами.

В Госбанке Ульяновска 4 июня 1942 года был открыт специальный счет для перечисления денег, создан фонд шефской помощи, часть средств из которого шла на обеспечение детских домов. Кировчане проводили воскресники в помощь эвакуированным детям. Так, 10 мая 1942 года в Кирове прошел литературный вечер, где выступили писатели Г. Гребнев, Н. Никитин, Е. Чарушин, драматург Е. Шварц. Вырученные средства пополнили фонд помощи детям.

Юннаты Омской области приготовили для эвакуированных ленинградских ребят свыше 90 кг овощей и более 2 тыс. огурцов. Тимуровцы омского Дома пионеров подарили 400 комплектов белья, книги, игрушки. Педагогам и ребятам, вдали от дома нуждавшимся «в веселых звуках и красивых мелодиях», местные жители помогали доставать музыкальные инструменты, патефоны. В апреле 1943 года, в Ленинград из Ярославля отправили четыре вагона дымчатых кошек, считавшихся лучшими крысоловами. Подобных примеров искреннего участия и поддержки зафиксировано множество.

Дети из ленинградского дома малютки в Советске Кировской области[43]

Ленинградские дети, эвакуированные в Оричевский р-н Кировской области. 1944 г.[44]

Новые социально-педагогические реалии

Из общего массива сведений, во многом аналогичных по смыслу, можно выделить *черты, определяющие социально-педагогическую специфику жизни ленинградских детских учреждений в эвакуации*. Приоритетной задачей взрослых в любой точке страны оставалось спасение и сохранение здоровья эвакуированных детей, их дальнейшее постепенное оздоровление. По-прежнему педагогически важной была идея «возвращения детства», для реализации которой следовало как можно быстрее наладить повседневную жизнь и создать «облагораживающую обстановку».

[42] Земной поклон Женщине, приютившей в годы войны 150 детей-блокадников. URL: https://zen.yandex.ru/media/mayara/zemnoi-poklon-jenscine-priiutivshei-v-gody-voiny-150-deteiblokadnikov-5ec128b8e4967a1da6a32d7c

[43] ЦГАКО. Ф. П-6976. Оп. 1. Д. 66. Л. 1. Воспроизводится по: URL: http://herzenlib.ru/evak/

[44] Там же.

Ленинградский детский дом в селе Ардатово Горьковской области[45]

Детский дом в Кургане, 1942 г.[46]

Вдали от дома ребят ждало освоение совершенно нового для них мира. Городские дети, не имевшие опыта тесного соприкосновения с живой природой, получали неизведанные доселе впечатления. Это были южная жара Краснодарского края, Черное море, яркое солнце, горы «до неба» в Армении и Грузии. Экзотические растения: пальмы, бамбук, фрукты на деревьях. Или же, напротив, — сорокоградусные морозы Кировской области и Сибири, заснеженная тайга, где, глядя на кроны хвойных деревьев, уходящие высоко вверх, взрослые и маленькие ленинградцы «ощущали себя лилипутами, затерявшимися у подножия этих гигантов». Удивительная природа становилась поводом для восхищения и эстетического восприятия. Используя любую минуту, педагоги старались концентрировать внимание детей «*на красоте*». Не случайно в воспоминаниях воспитателей неоднократно встречается слово «любовались». Детское восприятие окружающей природы и особенностей эвакуационной жизни в деревне Коршик Кировской области отражено в воспоминаниях С. А. Никитиной, хранящихся в семейном архиве (*Приложение V-12*).

Неотъемлемой частью жизни и вопросом выживания эвакуированных учреждений стал *производительный труд*. В 1943-м вышло правительственное постановление о создании при детдомах подсобных хозяйств. Специально для ленинградцев местные власти и колхозы выделяли сенокосные участки, землю для подсобного хозяйства, покупали лошадей, коров, свиней, коз. В детских домах обустраивали приусадебные участки, организовывали швейные, столярные, слесарные мастерские.

Ленинградским женщинам-педагогам, до этого не знавшим реалий деревенской жизни, приходилось с нуля, в срочном порядке осваивать роль селян: работу на земле, знакомство с новыми сортами овощей и зерновых, уход за животными и домашней птицей. Иногда нужно было верхом, в распутицу в сохранившихся городских изящных шубах и шляпках ехать, чтобы «отбить» для детского дома или интерната продукты.

Иногда жизнь детей эвакуированным учреждениям приходилось налаживать буквально на пустом месте, как, например, коллективу интерната № 38 в деревне Городище, где оказались учащиеся школы № 2 Кировского района (*Приложение V-9*). Близок к документальному свидетельству диалог из повести М. П. Сухачева «Там, за чертой блокады». На реплику одной из воспитательниц: «Мы же приехали сюда не сельским хозяйством заниматься, а воспитывать детей», звучит ответ директора дошкольного детдома: «Да, ты права, но здесь только воспитывать детей — недостаточно. Нам надо научиться выращивать овощи, косить траву для скота, заготавливать дрова, доить коров, ухаживать за животными»...[47] Чтобы должным образом проводить занятия с младшими детьми, воспитателям приходилось также учиться прикладным умениям: изготовлению

[45] Дети блокады. Фото воспроизводится по: URL: https://present5.com/blokada-leningrada-v-istorii-nashego-rajona-dannye/

[46] Воспроизводится по: URL: http://wikikurgan.ru/images/4/4a/МНО._Дети_из_Блокадного_Ленинграда._Детский_дом._Курган._1942_г..jpg

[47] Михаил Павлович Сухачев пережил блокаду Ленинграда, приняв активное участие в обороне города (член отряда МПВО); подросток был награжден медалью «За оборону Ленинграда». Автор повести «Дети блокады» (1989), посвященной тяжелому блокадному детству маленьких ленинградцев. Цит. по: *Сухачев М. П.* Там, за чертой блокады. М.: Детская литература, 2015. С. 11 (Гл. 2: Освоение нового мира). С. 11. URL: https://www.litmir.me/br/?b=588175&p=11

пособий, самодельных игрушек, шитью и вышиванию. Вышитые воротнички и рубашки, банты и галстуки, которые видны на архивных снимках (*Приложение V-17*), сделаны руками педагогов и воспитанников.

Александра Ивановна Сорокина, старшая воспитательница интерната для эвакуированных ленинградских детей в Соликамске, сделала пособие «Чудесный мешочек» и разработала систему дидактических игр с ним. Мешочек наполнялся простыми предметами: ключами, коробочками, катушками, бутылочками, камешками и пр. Его содержимое постоянно менялось, там появлялись мелкие игрушки, плоды, овощи. Игры с «Чудесным мешочком» развивали у детей способность к сенсорному обследованию предметов, умение производить с ними многообразные действия, рассказывать об их свойствах. Опыт проведения подобных игр впервые был представлен А. И. Сорокиной в одном из номеров журнала «Дошкольное воспитание» в 1943 году. Позднее он получил широкое распространение, а «чудесный мешочек» используется в работе с дошкольниками до сих пор[48].

В справке Алтайского крайкома ВЛКСМ о состоянии работы эвакуированных детских домов и интернатов подчеркивалось, что ленинградские дети в большинстве своем способные, развитые, вежливые, «умеют танцевать, начиная с дошкольного возраста. <...> Хорошо поставлено художественное воспитание, но недостаточно военно-физическое и совершенно неудовлетворительно — трудовое»[49]. И именно этим физически ослабленным городским ребятам предстояло наравне со взрослыми включиться в трудовую деятельность. Младшие участвовали в сборе колосков, лекарственных растений, грибов и ягод, бересты; подростки работали в поле, зарабатывали трудодни в колхозах. Старшие осваивали различные прикладные специальности, шили одежду, делали мебель. Немало примеров, когда после обучения в местных школах ФЗО это стало их будущей профессией. В трудовую деятельность активно включались и ребята, как теперь принято говорить, с особыми потребностями. Об этом рассказывается в воспоминаниях директора школы-интерната № 1 для глухих детей З. И. Тельновой (*Приложение V-11*).

На архивных фотографиях представлены моменты включения детдомовцев в многообразные виды хозяйственной деятельности (*Приложение V-17*). Все формы новой для ребят трудовой активности педагогам следовало четко организовать. В этом им помогали старшие воспитанники. Показателен фрагмент из воспоминаний ленинградской девочки, эвакуированной с детским домом № 39 в село Сусанино Ярославской области:

> К старшим воспитанникам были прикреплены младшие. Во время прогулок в лес надо было набрать ягод не только в общий котел, но и принести своему прикрепленному. Работали на кухне: чистили картошку, котлы и кастрюли, при этом можно было из котлов съесть шкварки и немного принести сестре. На досуге девочек учили рукоделию — вышивали узоры на простынях[50].

Во всех уголках страны эвакуированные ленинградцы оказывали посильную помощь фронту. Участвовали в кампаниях по сбору вещей для Красной Армии, шефствовали над семьями бойцов, ушедших воевать, в госпиталях дежурили около тяжелобольных, писали письма их родным, давали концерты. В детских домах воспитанники стирали и чинили солдатское белье. Из заработанных средств перечисляли деньги на строительство самолетов и танков. Многогранная трудовая и социальная активность требовала постоянной поддержки и личного участия преподавателей и воспитателей. Свою деятельность в эвакуации подробно описала Е. С. Тищенко, во время войны директор детского дома № 34 Гаврилов-Ямского района Ульяновской области (*Приложение V-7*).

Советская страна располагала уникальным опытом организации физического труда и коллективного трудового воспитания, представленным в работах и реальной практике С. Т. Шацкого, А. С. Макаренко, И. В. Ионина и высоко оцененным международным сообществом[51]. Однако к началу 1940-х годов этот опыт фактически оказался отринутым официальной педагогикой. С. Т. Шацкому было отказано

---

48 *Сорокина А. И.* Дидактические игры в детском саду: (Ст. группы). М.: Просвещение, 1982.

49 Эвакуация детских домов Ленинграда в Алтайский край. URL: http://www.archiv.ab.ru/prosvet/Tem_doc/Evak_detdom/

50 *Котов С.* Сироты блокадного Ленинграда. URL: http://www.world-war.ru/siroty-blokadnogo-leningrada/

51 С. Т. Шацкий создал уникальную систему подготовки подрастающего поколения к труду и жизни через кооперирование усилий детей и взрослых. У Джона Дьюи после посещения школы-колонии «Красные зори» сложилось впечатление, что «потенциальные способности русского народа неимоверны». А. С. Макаренко назван ЮНЕСКО в 1988 году в числе четырех педагогов, определивших способ педагогического мышления в XX веке.

в создании детского производства. В 1939 году скоропостижно ушел из жизни Антон Семенович, к этому моменту уже отстраненный от руководства коммуной им. Ф. Э. Дзержинского. В этом же году в лагерной больнице скончался репрессированный И. В. Ионин, директор школы-колонии «Красные Зори».

Но время показало, что *наиболее продуктивной в трудных условиях эвакуации оказалась система организации жизни, основанная на создании самоуправляемого разновозрастного трудового коллектива*, где «выполнение гражданского долга являлось не доблестью, а нормой поведения для взрослых и детей». Именно привычка к производительному труду на земле, опыт самоуправления и хозрасчета помогли бывшим воспитанникам школы-колонии «Красные Зори» быстро освоиться при эвакуации в Ярославскую область.

В одной из публикаций профессор Г. И. Щукина рассказала, как в эвакуационный период ей, молодой ассистентке кафедры педагогики ЛГПИ им. А. И. Герцена, пригодился опыт А. С. Макаренко по педагогически целесообразной организации деятельности детей. Это касалось сменности бригадиров (чтобы все могли учиться планированию, организации и руководству), смены функций сводных отрядов (чтобы дети не укреплялись в лидерстве, «упоенные собственной властью»), сочетания труда с учебой, организации культурно-просветительской работы (праздники, доклады для колхозников)[52].

М. В. Пересыпкина, описывая жизнь детского сада № 1 завода «Красный треугольник» в эвакуации, подчеркивает, что в своей работе воспитатели многое заимствовали из «замечательной теории Макаренко». Перечисляя виды совместного труда взрослых и детей, она вспоминает, как «взрослые валили в лесу вековые сосны, распиливали их на небольшие колобашки, а дети выкатывали их из леса и по дороге, играючи, катили к своим домам». Как ребята участвовали в приготовлении белья к бане, следили за порядком и чистотой помещения, помогали делать необходимые учебные пособия, принимали участие в работах по подсобному и парниковому хозяйству, ухаживали за животными: шестью коровами, тремя лошадьми, стадом свиней[53].

Ишакский детский дом. 1943 г.[54]

Те детские дома, которые за время эвакуации превратились в сплоченные учебно-трудовые коммуны со своим особым жизненным укладом, стремились этот уклад сохранить. Впоследствии многое из принципов и правил коллективной организации жизни было взято на вооружение в послевоенное время. Об этом, в частности, свидетельствуют воспоминания ленинградцев, воспитанников интерната в селе Каменка Кировской области (*Приложение V-13*). На *рис. 3* представлена грамота, которой в июле 1944 года старостат наградил Валентину Гречишкину «за отличное строительство Каменского коллектива в течение 3-х лет».

Помимо различных видов трудовой деятельности, обеспечивших выживание детских учреждений в эвакуации, постепенно здесь возобновились занятия по материалам детского сада и учебникам начальной школы.

В местностях, где не было обучения на русском языке, для ребят школьного возраста на базе детских домов и интернатов фактически был реализован вариант домашнего обучения. В ряде случаев учащиеся, которым и в эвакуации не всегда удавалось поесть досыта, уходили работать на местные заводы, где получали обед. Однако руководством школ это не приветствовалось. Заведующий Кировским облоно А. А. Письменский (до эвакуации директор Ленинградского ИУУ) сообщал в Облисполком 24 апреля 1942 года: «По имеющимся в ОблОНО сведениям на заводе № 32 и других практикуется

---

[52] *Щукина Г. И.* Урок длиною в четыре военных года: (Историко-публицистический очерк): [О жизни детей сотр. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена]. Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб.: РГПУ, 1991.

[53] СПб АППО ПМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17. *Пересыпкина М. В.* История детского сада № 1 завода «Красный треугольник». С. 10—15.

[54] В Ишакский детдом Чебоксарского (Ишлейского) р-на, открывшийся в августе 1943 года, было эвакуировано более 100 детей из трех детских домов: детского дома № 73 Невского района, № 9 и № 43 Выборгского района. URL: http://bichurin.cap.ru/Content2020/orgs/GovId_748/deti_blokadnogo_leningrada_(ishakskij_detskij_dom).pdf

Грамота, выданная старостатом Гречишкиной Валентине 28 июля 1944 года

Рис. 3. Грамота старостата «За отличное строительство коллектива»

Дети, эвакуированные из Ленинграда, в Карагандинской школе[54А]

[54А] Фотография из архива Юрия Александрова. Воспроизводится по: URL: https://russiainphoto.ru/photos/252897/

прием на работу подростков без документов и согласования со школами, что ведет к срыву Закона об обязательном семилетнем обучении. Так, в период с 1 января по 15 апреля 1942 года по заводу № 32 было принято на работу 385 таких подростков»[56]. Для освоения воспитанниками трудовых навыков в некоторых детских домах и интернатах были организованы свои мастерские.

Воспитанницы детского дома № 10 г. Ульяновска в швейной мастерской. Занятие ведет Вера Ивановна Пашуто. 1940-е гг.

В слесарной мастерской детского дома № 10. 1944–1945 гг.[57]

* * *

Обязательной частью жизни эвакуированных детских учреждений стали праздники: государственные и «домашние», организации которых педагоги придавали большое значение. Это могли быть праздники здоровья или труда, приезд родителей и гостей, дни рождения, самодеятельные представления (литературные монтажи, спектакли, концерты). Помимо сохранения радостного и бодрого настроения, их целью становилось приобщение воспитанников «к одной из форм уважения взрослых», привитие «умения создать приятное для тех, кто сейчас является для них самым близким, кто в повседневной жизни осуществляет большую заботу о них».

Примером подобной творческой педагогической инициативы служит датированный 30 ноября 1943 года рассказ воспитательницы Н. Ф. Валериановой, организовавшей силами школьной группы детского сада № 11 кукольный театр (*Приложение V-10*). Ей хотелось дать детям, оказавшимся в далеком алтайском селе Бельтыр, яркие впечатления, наполнить коллективную жизнь новым творческим содержанием. Наталия Федоровна подробно описывает, как сама осваивала технологию изготовления кукол из подручного материала, как по ее инициативе возникла групповая «лаборатория» по производству кукол и бутафории для спектаклей.

Ульяновск, детский дом № 6

Е. С. Тищенко, директор детского дома № 34, находившегося в Гаврило-Ямском районе Ульяновской области, упоминает о Е. В. Викторове, воспитателе-мужчине, редком явлении в дошкольной практике. Будучи по образованию инженером-конструктором, он изобретал интересные игры-забавы, делал для детей настольный строительный материал (*Приложение V-7*).

Эвакуированные педагоги активно включались в местную жизнь. Формы работы были типичными для военного времени: лекции, читки газет и художественной литературы, методическое сотрудничество с местными облоно, помощь

---

[56] ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 679. Л. 109.

[57] Фотографии из фонда Ульяновского областного музея комсомольской славы. Воспроизводятся по: URL: https://vk.com/doc-107791040_573823105

Рис. 4. Поздравление воспитательнице

в инспекторских проверках детских учреждений. Подробно об этом говорится в воспоминаниях Е. С. Тищенко (*Приложение V-7*) и М. Ю. Поволоцкой (*Приложение V-16*). Постоянную методическую помощь эвакуированным работникам детских учреждений оказывали в их работе ленинградские коллеги, с которыми по мере возможностей поддерживалась теплая переписка *(Приложение V-14*).

Известны строки О. Берггольц: «...И мы везде и всюду ленинградцы». В глазах местных жителей ленинградцы были совершенно особыми людьми, которые поражали культурой и эрудицией. В воспоминаниях Г. И. Щукиной о жизни эвакуированных ребят в Ярославской области подчеркивается: воспитатели постоянно уделяли внимание убранству и чистоте комнат, внешнему виду воспитанников, их манере разговаривать. Нарушать установленные правила было не принято: «ведь мы ленинградцы!» Одна из воспитанниц помнит, что за грубое слово их наказывали. Когда однажды во время «тихого часа» она сказала девочке «на фиг», ее «за это лишили отдыха, подняли с постели и заставили мыть парты».

Жители Кировской области вспоминают, что специально приходили послушать, как «больно красиво да приятно» говорят ленинградцы. Благодаря приезжим из Ленинграда в армянском селении Санаин в преддверии наступающего 1942 года люди впервые в жизни увидели и услышали настоящий рояль. С огромной теплотой отзываются сегодня в Чебаркульском районе о той роли, которую сыграли в их судьбах педагоги, эвакуированные из Ленинграда, в частности, Клеопатра Ивановна Мешковская, ставшая «кладом» для жителей села Звягино[58].

Расставание местных жителей с ленинградцами порой оказывалось трогательным. Когда летом 1945 года жители села Каратуз Красноярской области провожали обратно в Ленинград подросших и окрепших детей, местные ребята, знавшие по рассказам о том, что в городе за время блокады не осталось ни кошек, ни собак, подарили на память своим друзьям маленького котенка. Крошечное существо берегли всю дорогу и благополучно привезли в Ленинград...

Судьба преподносила эвакуированным ленинградцам не только уроки выживания, но и удивительные сюжеты, достойные стать основой художественного произведения. Весной 1945 года в далеком поселке Вертикос воспитанник Саша Венедиктов выловил из штормящей Оби бутылку с вложенной запиской: «*Директору ленинградского детского дома, всему коллективу. Сегодня, 9 мая, в 10 часов получено сообщение:* ОКОНЧЕНА ВОЙНА». Случилось так, что именно этот мальчик, окончив после войны архитектурно-художественное училище и став известным резчиком по камню А. В. Венедиктовым, участвовал в реставрации скульптур Летнего сада, Большого Петергофского дворца и Монплезира, Елагинского дворца, помогал запечатлеть в камне записи из дневника Тани Савичевой на гранитном обелиске у Дороги жизни[59].

Интернациональная тема в эвакуации

Для эвакуированных детей и взрослых жизнь, обычаи других областей страны, других национальностей казались непривычными. Встреча

---

[58] *Керзин В.* Дети блокадного Ленинграда на Чебаркульской земле, 2014 г. URL: https://smolbattle.ru/threads/Детские-дома-для-ленинградских-детей.57855/

[59] Данные факты приведены в статье: *Пигарев Н.* Этот спасительный берег детства // Правда. 2016. 17—20 июня. № 64 (30415). URL: https://gazeta-pravda.ru/issue/64-30415-17-20-iyunya-2016-goda/etot-spasitelnyy-bereg-detstva/

разных национальных культур сопровождалась обоюдным влиянием. Чаще всего начальный диалог проходил с помощью искусства в ходе обмена национальными песнями, танцами, знакомства с местными блюдами. Ленинградские дети изучали местный фольклор, незнакомые языки, составляли словари народных выражений и слов. Показательна реализация идеи содружества шести национальностей в коллективе детского дома № 51, представленная в воспоминаниях Х. Гершенок (*Приложение V-8*).

Интернациональная тема неразрывно связана с историей эвакуации учреждений, где воспитывались испанские дети. До войны в Ленинграде работал интернат для испанских детей № 9, в Пушкине — испанский детский дом № 10. В правительственных документах декларировалась задача воспитать из «советских испанцев» энергичных строителей коммунистического общества, борцов против фашизма и борцов за свободную и независимую Испанию, обеспечить каждому знание литературного испанского языка и полное овладение русской устной и письменной речью. Но главной задачей провозглашалось: «заставить полюбить жизнь, которая должна сейчас заменить им семью и помочь сознательно осваивать советскую действительность»[60]. С педагогической точки зрения обращает на себя внимание формулировка «*заставить полюбить*».

Война, от которой в 1936–1937 годах ребята бежали на территорию СССР, в 1941 году именно там их настигла. Уже 4 июля 1941 года началась эвакуация младших воспитанников детдома № 10 из Пушкина в Молотовск Кировской области (ныне город Нолинск), где они оставались до перевода в 1944 году в Черкизово Московской области. Первая группа в составе 123 человек прибыла туда в конце сентября. Как подчеркивается в воспоминаниях педагогов и самих детей, темпераментные юные испанцы оказались непростым контингентом в плане воспитания. На их родине в семьях и школах существовал совсем иной жизненный и учебный уклад, практиковалось даже наказание розгами. По словам Веры Гедройц, преподававшей в пушкинском детдоме, «*если испанцы разбаловались, их трудно было остановить <...> Еле отвечают на тройку, в тетрадях чертенят рисуют*». Дочери завуча испанского детского дома Вере Никитиной, которой во время пребывания в эвакуации было 7–9 лет, запомнилось, что «испанские ребята были очень своенравные, так что с ними трудновато было». У некоторых любимым словом было «*no quiero*» (не хочу), что обусловило появление в детдоме такой необычной формы воспитательной работы, как «неделя борьбы со словом не хочу».

Возможно, именно дисциплинарными трудностями объясняются отраженные в архивных документах факты применения в работе с испанскими ребятами антипедагогических воспитательных мер. Известны случаи, когда за свои проступки они лишались обеда или не допускались на уроки родного языка. В справке о проверке работы детского дома инструктором местного обкома ВКП(б), проведенной в мае 1942 года, отмечалось отсутствие единых требований к воспитанникам, низкая успеваемость и дисциплина, а также ряд других серьезных недостатков, связанных с «неправильным руководством со стороны директора» (*Приложение V-15*).

Иногда недоразумения возникали в силу того, что русские педагоги не знали испанского языка, а испанские воспитатели и воспитанники плохо понимали по-русски и слабо ориентировались в русских реалиях. Однажды дети пошли в лес за грибами. Узнав, что есть такой гриб сыроежка, они решили, что его можно есть сырым. В итоге несколько ребят (под присмотром своих воспитателей!) наелись не то мухоморов, не то бледных поганок. После чего попали в больницу в тяжелейшем состоянии. Это было страшным потрясением для всех. К счастью, ни один ребенок не погиб, всех выходили, всех вылечили[61].

Серьезной проблемой было то, что ребята забывали родной язык: мало на нем читали из-за нехватки испанских книг, мало писали за недостатком бумаги. Если младшие обучались отдельно и исключительно испанскими преподавателями, старшие подростки отправлялись в русские образовательные учреждения. В молотовской средней школе № 1, по данным на 1943 год, обучалось 65 испанцев: 36 — в шестом классе, 24 — в седьмом, 3 — в восьмом и 2 — в девятом. Шесть мальчиков учились на первом курсе техникума механизации сельского хозяйства; две девочки — на втором курсе школы медсестер. Интересный штрих: среди педагогов, учивших испанских детей, была Юлия Иосифовна Полевая, жена автора «Повести о настоящем человеке».

Судя по воспоминаниям и документам, хранящимся в Кировском областном архиве, со временем воспитанники детдома в значительной

---

[60] *Фернандес-Эрес А.П.* «Заставить их полюбить эту жизнь...»: испанские детские дома в СССР (1937–1939) // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 1 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zastavit-ih-polyubit-etu-zhizn-ispanskie-detskie-doma-v-sssr-1937-1939

[61] Об этом случае рассказала Вера Николаевна Губарева (Никитина).

мере адаптировались к условиям эвакуации и дисциплинарным требованиям педагогов, стали включаться в общественную жизнь. Можно предположить, что борьбе с ребяческой анархией и «иждивенческими настроениями» способствовала как смена руководства (новым директором был назначен Н. Г. Сокольский), так и последовательное приобщение испанских детей к советской системе коллективной ответственности и соревнования в учебе, поддержания чистоты в помещениях, трудовых делах. Дополнительным стимулом для воспитанников при этом служила перспектива получения нарукавных знаков, переходящего Красного знамени, приглашение на прием к директору, где их ожидало угощение.

Были сферы деятельности, в которых испанские ребята особенно отличались. Будучи одаренными в художественном отношении, они охотно знакомили местных жителей с народными песнями и танцами. Хорошие результаты они показывали и в спорте. Гимнастическая секция детдома получила право участвовать в областной олимпиаде. Ученик Луис Родригес был признан лучшим лыжником города. Футбольная команда детдома стала первой в военно-физкультурном кроссе.

Воспитанники испанского детдома, как и учащиеся русских школ области, активно включались в проведение многочисленных хозяйственных политических кампаний. Так, ими было собрано 700 кг металлолома, 115 книг для Сталинграда; в ходе военизированного похода за шиповником в помощь ленинградским блокадникам собрано 90,5 кг ягод. Участвовали испанцы и в сборе средств на нужды Красной Армии. Подлинным событием стала полученная 14 апреля 1943 года телеграмма, адресованная директору тов. Сокольскому, детям Луису Родригесу, Хоакину Берналю, Люсии Руис, Сельсо Лопесу и подписанная самим И. Сталиным[62]. В ней он просил передать сотрудникам и воспитателям детского дома № 10 для испанских детей, собравшим 14 тыс. руб. на постройку танка «Молотовский комсомолец», братский привет и благодарность Красной Армии.

После этого в детдоме возникла традиция — на вечернем рапорте дежурный член Детского совета обращался к строю с призывом: «*Viva el camarada Stalin!*» На что под революционный салют Испании следовал ответ: «*Viva!*»

Помещенные ниже фотографии сотрудников и испанских детей, предоставленные Верой Николаевной Губаревой[63], сделаны в 1943 году.

Педагогический коллектив испанского детского дома № 10 (1943 г.)

Девочки-испанки, воспитанницы детского дома № 10, в эвакуации

[62] *Фернандес-Эрес А. П.* Труд детей и подростков в эвакуации на примере испанских детских домов // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы межд. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 387–391.

[63] Фотографии, принадлежавшие завучу испанского детского дома № 10 Е. Ф. Никитиной, хранились в домашнем архиве ее дочери В. Н. Губаревой.

Испанские ребята. Воспитанники детского дома № 10 в эвакуации.1943 г.

Более трагично сложилась судьба испанских детей из ленинградского интерната № 9, до эвакуации располагавшегося на Тверской улице[64]. В начале войны младших воспитанников успели отправить на Урал. Старшие пережили в осажденном городе страшную зиму 1942 года. С наступлением весны около 200 ребят и сотрудников с семьями вывезли из Ленинграда по Дороге жизни в Краснодарский край, где они четыре месяца прожили в селе Мостовом. Руководил группой эвакуированных директор интерната Аркадий Ефимович Подгаецкий. В августе 1942 года, после стремительного продвижения немецких войск к предгорьям Кавказа, было решено увести испанцев горными тропами в сторону Сочи и Сухуми. Бóльшая часть воспитанников успела уйти через перевал и присоединиться к испанцам других детских домов, эвакуированным с Украины. Но лежачие и ослабленные дети вместе с сопровождавшими их взрослыми попали в плен. Под охраной они были возвращены обратно в Мостовое и затем через оккупированную Европу, больные и оборванные, отправлены в фашистскую Испанию, откуда в свое время бежали[65].

Малоизвестная сторона жизни ленинградских детей в эвакуации

Среди оказавшихся в эвакуации ленинградских детей и подростков существовала особая категория, к которой можно отнести тех, кто по разным причинам становился беспризорным и безнадзорным. Особо драматичными в истории ленинградской эвакуации стали судьбы детей репрессированных родителей, отданных иногда еще до начала войны в детские дома и детприемники НКВД. В одной из книг С. В. Магаевой высказано такое суждение: «Сейчас принято полагать, что у советских детей не было счастливого детства. Никто не сможет меня убедить в этом. Дети были счастливыми, если их родители не были репрессированы...» Тема воспитания детей «врагов народа» пока не нашла отражения в педагогических исследованиях. И лишь с 2010-х годов стали публиковаться воспоминания тех, кто побывал в соответствующих учреждениях.

Как в свое время появление произведений А. Солженицына и В. Шаламова, повествования детей репрессированных ленинградцев о своей жизни в блокадном городе, эвакуации, побегах, о скитаниях по стране в стремлении вернуться домой стали откровением. Заметными в этом разножанровом ряду являются книга Э. Кочергина[66], дневник С. П. Мещеряк-Булгаковой (Гумберт)[67], воспоминания Л. Мысякиной[68], повесть А. Кресина[69], дающие первоначальное представление о некоторых сторонах исправительной «педагогики» сталинского времени, которые долгие годы замалчивались.

Как это ни парадоксально, но репрессивный, а потому изначально диссоциальный характер воспитания в учреждениях данного типа некоторыми ребятами преодолевался путем ученичества в Школе Жизни, где Добро не убиваемо, пока в мире существуют его носители. Навыкам выживания подростки из детприемников НКВД

---

64 *Вирхилио де лос Льянос Мас.* «Ты помнишь, tovarisch...?» Из архива одного из детей, вывезенных в СССР во время гражданской войны в Испании / Пер. с исп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. URL: https://perexilandia.net/pamyat/ty-pomnisch-tovarisch

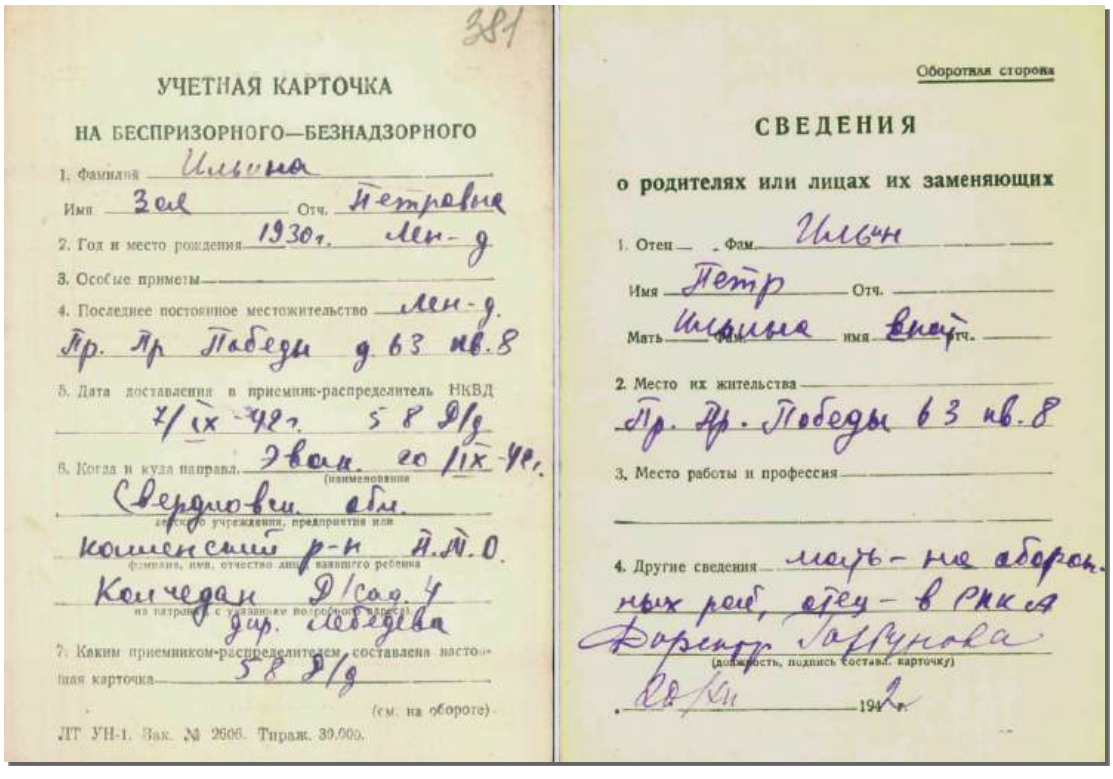
65 *Крапивина В.* Испанские дети войны: история с продолжением. URL: http://predgorie-online.ru/article/ispanskie-deti-vojny-istoriya-s-prodolzheniem/

66 Эдуард Кочергин о детстве в детприемниках НКВД. URL: https://arzamas.academy/materials/1683; *Кочергин Э.* Крещеные крестами. Записки на коленках. СПб.: Вита Нова, 2018.

67 Эвакуация из блокадного Ленинграда глазами воспитательницы детдома. URL: https://zen.yandex.ru/media/dorogoi_dnevnik/evakuaciia-iz-blokadnogo-leningrada-glazami-vospitatelnicy-detdoma-5dcea75b9f1ed62dfcea47b2, а также: URL: https://prozhito.org/person/4175

68 *Ким И.* Нас выносили на носилках и укладывали на подводы, как дрова. Дети блокады в Сибири. URL: https://www.sibreal.org/a/30041747.html

69 *Кресин А. К.* Мы из блокады. Хроника одного блокадного детского дома. URL: https://proza.ru/2010/02/12/899 https://proza.ru/2010/02/12/899



281

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА

НА БЕСПРИЗОРНОГО—БЕЗНАДЗОРНОГО

1. Фамилия Ильина
Имя Зоя Отч. Петровна
2. Год и место рождения 1930 г. Лен-д
3. Особые приметы
4. Последнее постоянное местожительство Лен-д. Пр. Пр Победы д 63 кв. 8
5. Дата доставления в приемник-распределитель НКВД 7/IX-42 г. 58 Д/д
6. Когда и куда направл. Эваак 20/IX-42 г. (наименование Свердловск. обл. детского учреждения, предприятия или Комиссия р-н А.М.О. фамилия, имя, отчество лица, взявшего ребенка Кончедан Д/сад 4 на патронаж с указанием подробного адреса) дир. Победова
7. Каким приемником-распределителем составлена настоящая карточка 58 Д/д

(см. на обороте)

ЛТ УН-1. Зак. № 2606. Тираж. 30.000.

Оборотная сторона

СВЕДЕНИЯ

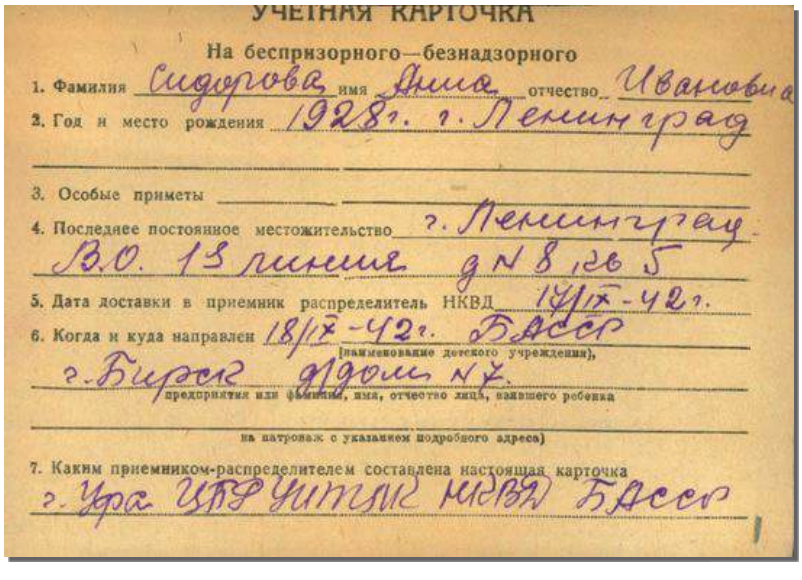
о родителях или лицах их заменяющих

1. Отец Фам. Ильин
Имя Петр Отч.
Мать Ильина имя Евг. Отч.
2. Место их жительства Пр. Пр. Победы 63 кв. 8
3. Место работы и профессия
4. Другие сведения мать - не оборон. ных раб, едет - в РККА

Директор Горбунова

(должность, подпись составл. карточку)

20/IX 1942 г.



УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА

На беспризорного—безнадзорного

1. Фамилия Сидорова имя Дина отчество Ивановна
2. Год и место рождения 1928 г. г. Ленинград
3. Особые приметы
4. Последнее постоянное местожительство г. Ленинград. В.О. 13 линия д N 8, кв 5
5. Дата доставки в приемник распределитель НКВД 17/IX-42 г.
6. Когда и куда направлен 18/IX-42 г. БАССР (наименование детского учреждения), г. Бирск 9 дом N 7. предприятия или фамилия, имя, отчество лица, взявшего ребенка на патронаж с указанием подробного адреса)
7. Каким приемником-распределителем составлена настоящая карточка г. Уфа УПР УНКВД БАССР

Рис. 5. Учетные карточки беспризорных-безнадзорных ленинградских детей, эвакуированных с детскими домами в различные регионы[70]

обучались в криминальной, маргинальной среде. В противовес этому, нравственную подпитку они подспудно получали от встречавшихся на жизненном пути людей, даривших им душевную теплоту и участие. Иногда таким человеком мог оказаться не только педагог, но даже ночная няня. В мире тотального Зла в какой-то момент Добро все-таки оказывалось сильнее. Тем самым спасались детские души, и в прошлом трудные детдомовцы впоследствии нередко оказывались социально состоявшимися людьми, на всю жизнь сохранившими память об ощущении доброты и заботы, которая исходила от учителей и воспитателей.

Хотя осознание того, с какими подлинно ленинградскими интеллигентами им довелось общаться в эвакуации, пришло лишь во взрослом

[70] Воспроизводится по: URL: https://ic.pics.livejournal.com/vokrugkamenska/84910439/50267/50267_2000.jpg, URL: https://sun9-32.userapi.com/impg/9w-HASWdi3JnoKVep6QqGh49dt1_tCwxAZAm7w/Q-H-xo9kloU.jpg?size=545x381&quality=96&sign=6527f6981115924bf26bf69b8140f0dc&type=album

возрасте. Известный петербургский художник Э. Кочергин вспоминает: «Воспитателями были слабые интеллигентные женщины, выросшие в городских условиях, которые не всегда могли что-то организовать или что-то потребовать в условиях сельской жизни. Почти со всеми происходили наши мальчишеские конфликты, но воспоминания о них остались как о душевных, искренне о нас заботящихся женщинах».

Сходными у взрослых педагогов и их подопечных оказываются внутренние оценки поступков, заведомо расходящихся с принятыми социальными нормами, но спровоцированных ситуацией выживания вдали от дома. «Незаконно раздобывая пищу, а ни на что другое наше воровство не распространялось, мы все-таки, очевидно, в глубине души, в подкорке знали, что это не основа нашей жизни, а лишь временное отклонение», — пишет А. Кресин. Принося домой ворованный картофель и ограждая своего сына от недетского нравственного потрясения, воспитательница детского дома, урожденная дворянка, записывала в дневнике: *«Пусть не знает пока, что бывает так, что и честные люди воруют»*.

Межкультурные и межнациональные связи

Знакомство с материалами по эвакуации ленинградских детей обнаруживает установление в непростое военное время удивительных *межкультурных и межнациональных связей*. В основу отечественной исторической памяти о войне и блокаде заложен общий для всех людей символ материнства. Лик Матери-Родины на Пискаревском кладбище Ленинграда сегодня воспринимается как собирательный образ скорбящей матери всех тех, чья жизнь оборвалась в годы военных блокадных дней и среди которых были тысячи детей. Этот образ конкретизируется в мемориальных композициях в разных областях Российской Федерации, а также на территории республик, ранее входивших в состав СССР, где принимали эвакуированных. В Кемерово это скульптурная группа — женщина и ленинградские дети, которых в военные годы приютил Кузбасс. На черной гранитной плите надпись: «Преклоняемся перед бессмертным подвигом жителей и защитников блокадного Ленинграда. Память о мужестве и героизме вашем всегда будет жить в наших сердцах».

В черкесском горном ауле Бесленей в центре мемориального комплекса «Мать-черкешенка» помещена фигура женщины, символизирующая приемных матерей аула, приютивших в своих домах 32 эвакуированных ребенка. В Парке Победы города Бишкека на плите из черного мрамора высечен шпиль Адмиралтейства и лучи прожекторов над Невой. Ниже — барельеф белого мрамора: киргизка с русским ребенком на руках и надпись: *«Мужеству ленинградцев, благородству кыргызстанцев посвящается»*. Прообразом памятника послужила Токтогон Алтыбасарова, «женщина-легенда» из киргизского села Курменты, ставшая приемной матерью 150-ти детям блокадного Ленинграда. Под монументом заложена капсула с землей Пискаревского кладбища. В 2015 году в столице Армении был открыт памятник детям блокадного Ленинграда и тем, кто в годы Великой Отечественной войны помог им выжить. Думается, что с образом женщины-матери неразрывно связана не только миссия защиты, но и миссия воспитания, Учительства...

Скульптурная группа в Кемерово

Памятник в парке Победы Бишкека

Сохранение памяти об эвакуации в наше время

Известие о снятии блокады в январе 1944 г. стало поводом для обращений руководителей эвакуированных детских учреждений к органам власти по поводу разрешения вернуться в Ленинград. Первая волна реэвакуации началась в конце марта 1944 г. Эвакуированные педагоги-ленинградцы мечтали как можно скорее вернуться в родной город. Однако въезд в город оказался возможным только при наличии специальных пропусков, и уже к осени этот процесс был приостановлен.

В письме от 11.03.44 г. из Верте-Кос Каргосогского района Новосибирской области, куда был эвакуирован 82-й ленинградский детский дом, Пелагея Петровна Черняева, учительница 1-й образцовой школы, писала своей коллеге М. Ю. Поволоцкой:

> ...Поздравляю Вас и всю Вашу семью с блестящими победами нашей героической армии — с окончательным разгромом немцев под Ленинградом... Когда будете в Ленинграде, попросите Марию Яковлевну (Перкину М. Я.) вызвать наш детский дом поскорее, иначе мы не успеем отсюда выбраться, <...> т. к. сообщение с Верте-Косом возможно лишь во время навигации на Оби <...> Сплю и вижу, когда я опять буду работать в Ленинграде... Жду от Вас письма о Ленинграде, о всех, кого Вы там видите, о нашем школьном коллективе.

Бесленей. Мать-черкешенка

Памятник детям блокадного Ленинграда в Ереване.

К концу 1944 года смогли вернуться домой всего 4070 учащихся школ. Из-за отставания в прохождении учебных программ многим пришлось пройти повторный курс обучения или осенние экзаменационные испытания[71]. Официально массовое возвращение жителей Ленинграда из регионов началась после 29 мая 1945 г. С 25 мая начали выписываться пропуска на въезд в город детям и сотрудникам эвакуированных детских учреждений, а также детям, вывезенным родителями в индивидуальном порядке[72]. В мае-июле из учреждений, эвакуированных в 1941—1943 гг., подлежали возвращению только ребята, у которых родители на тот момент проживали в Ленинграде, а также сироты 14-ти лет и старше[73]. Статистические данные по реэвакуации из отдельных областей и республик и анализ возникавших при этом проблем приводятся в статье Л. Газиевой[74].

---

71 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 11. Д. 263. Л. 22.

72 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1513. Л. 72.

73 Распоряжение ГКО № 7907 от 22 марта 1945 г. и Распоряжение СНК РСФСР № 927-р от 26 апреля 1945 г.

74 *Газиева Л. Л.* Проблемы организации реэвакуации ленинградских детей в 1944—1945 годах // Вестник Пермского ун-та. 2016. Вып. 3 (34). С. 108–116.

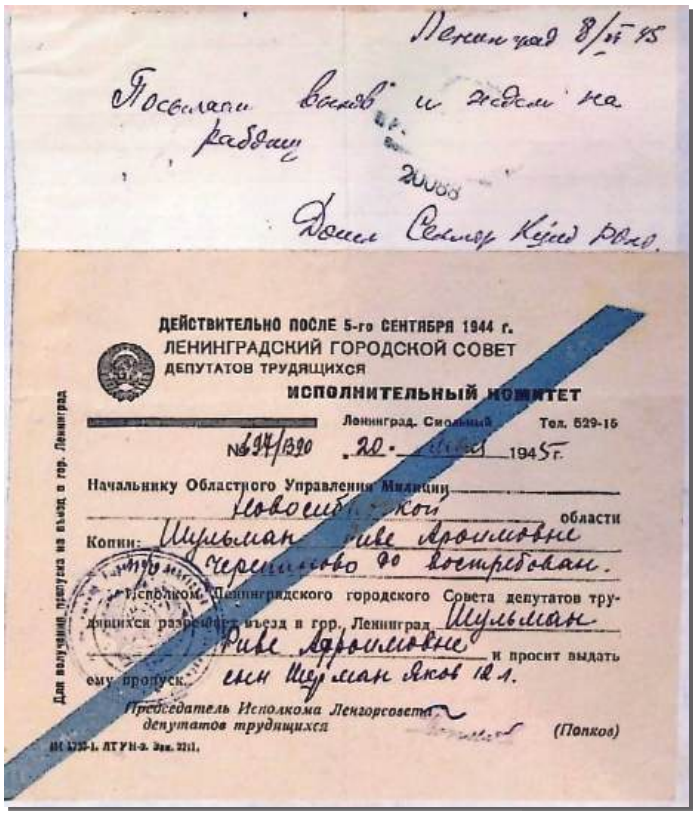

Ленинград 8/IX 45
Посылаю вызов и жду на работу
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОСЛЕ 5-го СЕНТЯБРЯ 1944 г.
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Ленинград. Смольный Тел. 529-16
№ 197/1390 1945 г.
Начальнику Областного Управления Милиции
области
Копии:
Исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся разрешает въезд в гор. Ленинград
и просит выдать ему пропуск.
Председатель Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся (Попков)
Для получения пропуска на въезд в гор. Ленинград

Рис. 6. Разрешение на въезд в город

Отъезд ленинградских детей из эвакуации в Кировской области. 1945 г.[75]

По разным причинам (потеря жилплощади в Ленинграде, обретение новой семьи, профессии, места работы, отсутствие средств, необходимых для переезда и др.) немало эвакуированных детей, подростков и педагогов оставалось жить, учиться, трудиться на приютившей их земле. Отсюда сохраняющаяся десятилетиями глубинная связь культуры Ленинграда с культурой и жителями десятков городов, областей, республик (некоторые из которых теперь стали независимыми государствами). Сегодня география отделений «Международной ассоциации общественных организаций блокадников города-героя Ленинграда» охватывает более ста городов ближнего и дальнего зарубежья. В их числе: Греция, Германия, Израиль, Казахстан, Молдова, страны Прибалтики, США.

Закономерно, что в местах, принимавших эвакуированных ленинградских детей и педагогов, созданы и продолжают создаваться мемориальные комплексы, музеи, осуществляются школьные проекты и исследовательские работы, издаются сборники воспоминаний. В поселке Шатки, где в июле 1944 года умерла вывезенная из Ленинграда Таня Савичева, в центре памятного мемориала можно увидеть скульптуру девочки с дневником в руках.

Шатки. Мемориальный комплекс

В течение пяти лет краеведами 46-й школы Заволжского района г. Ярославля велась работа по поиску места массового захоронения ленинградских детей, умерших в ходе эвакуации, о котором не осталось никаких документальных свидетельств. В память о горестном событии было решено поставить памятник, средства на который собирали всем миром. Школьники Заволжского района внесли почти четырнадцать

[75] Автор не установлен. ЦГАКО. Фотофонд. Оп. 18Р позитивов. Ед. хр. 18. Воспроизводится по: URL: http://herzenlib.ru/evak/

тысяч рублей. Во многом этому поспособствовало стихотворение-призыв, стихотворение-плач, написанное Мариной Афанасьевой, восьмиклассницей школы № 59 Заволжского района г. Ярославля[76].

Давно мы помним дни блокады —
Обстрел, бомбежки, голод, мор,
Домов холодные громады,
В глазах тревога и укор.
Там черные кружили птицы,
Не перечесть ребячьих тел...
А где же мера, где граница,
Где всем несчастиям предел?
Часть ленинградцев к нам однажды
Еще живыми привезли,
Но люди те, почти что каждый,
Прожить подолгу не смогли.
Умерших этих хоронили
В тех городах, где смерть брала,
И по могилам развозили
Их неокрепшие тела.
А у окраин Ярославля
Скопились груды детских тел,
Но те, кто знал тогда об этом,
Сказать про то не захотел.
Чего скрывать? Чего бы ради?
Они невинны и чисты,
Как в новой, чистенькой тетради
Белеют тонкие листы.
Как жаль, что прошлое святое
Война попрала грозно в грязь,
Горжусь я Русью дорогою,
Но вот за этот грех упасть
Хотелось бы мне у иконы,
Просить прощения у тех
Алеши, Саши иль Алены —
У всех погибших, да, у всех!

Жить было нам легко, привольно,
Но вот теперь раскрыта ложь,
Смотреть в глаза друг другу больно,
И оправданья не найдешь.

И темной ночью на могилах
Нам слышен стон и плач детей...
Мы вспомним их, любимых, милых,
Исправим грех дурных людей!
Их без вниманья не оставим,
Ведь мы у тех детей в долгу.
Давайте памятник поставим
В их честь на Волжском берегу!

В июне 1998 года такой памятник появился. Из десятков детских эскизов и макетов была выбрана фигура скорбящего ангела с гирляндой цветов. Четыре раза в год: в день начала войны, начала и снятия блокады и 23-го февраля, — ветераны войны, блокадники, заволжские школьники проходят скорбный путь от станции Филино до Тверицкого мемориального кладбища... Земляные холмики, невысокая металлическая ограда и табличка: «*Здесь покоятся дети блокадного Ленинграда, похороненные в декабре 1942 года. Имена неизвестны, но люди помнят о них, безвинных жертвах войны*»...[77]

В алтайском селе Боровлянка из перевезенных в глубокий тыл 209-ти ленинградских малышей восемьдесят восемь не выжили и остались лежать на местном кладбище. Их имена выбиты на мемориальных камнях, возле которых жителями села установлен православный крест. Торжественное открытие мемориала на этом месте состоялось 23 октября 2012 года.

Памятник детям блокадного Ленинграда на Аллее памяти и скорби Тверицкого кладбища

[76] Памятник детям блокадного Ленинграда (Ярославль). URL: http://letopisi.org/index.php/Памятник_детям_блокадного_Ленинграда_(Ярославль)

[77] Памятник детям блокадного Ленинграда: Тверицкое кладбище, Ярославль. Авторы проекта: скульптор Роза Сафаргалеева, член Союза художников, художник-дизайнер Лев Кожевников. Открыт в июне 1998 г. Памятник детям блокадного Ленинграда (Ярославль). URL: https://www.liveinternet.ru/users/4013579/post310170368

Мемориал в Боровлянке[78]

Зенковский парк[79]

В Зенковском парке Прокопьевска одиннадцать сосен, входящих в число кузбасских деревьев-раритетов, обрамляют парковую скульптуру, выполненную в виде Адамова дерева и композиции голубей. На памятной

Памятная табличка в Костроме

Памятная доска на здании школы в Тюменском районе

табличке надпись: «*11 Победных сосен. Посажены детьми из блокадного Ленинграда в августе 1945 года*»[80].

Огромная работа по поиску сведений о судьбах детей-ленинградцев, оказавшихся на Кубани, проделана краеведом Отрадненского района Краснодарского края журналистом С. К. Филипповым. Его документальная повесть «Прошедшие через ад» основана на воспоминаниях, дневниках, письмах очевидцев тех далеких событий. В кубанской станице Надежной действует Музей ленинградского блокадного детского дома № 26, где усилиями Нины Семеновны Долгополовой собраны многочисленные предметы быта, документы, фотографии детей, эвакуированных из города на Неве в 1942 году[81]. В 101-й казанской школе, в свое время принявшей на обучение ленинградских детей, открыт уникальный для

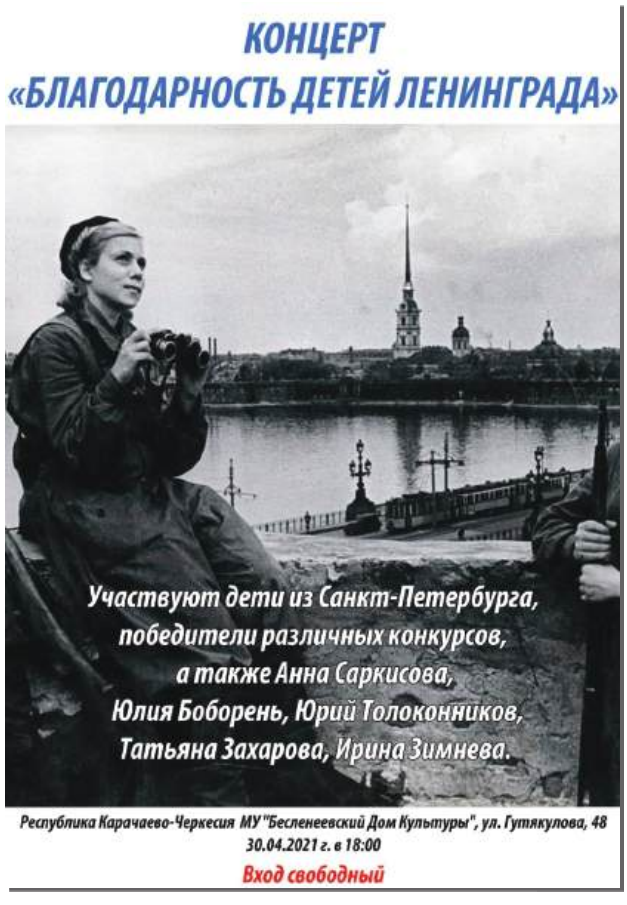
[78] Воспроизводится по: URL: https://memory-map.1sept.ru/#/memorial-7067/type=map&center=52.864351,84.70089&zoom=13

[79] Воспроизводится по: URL: https://ic.pics.livejournal.com/alex_khodov/60106406/958299/958299_1000.jpg

[80] *Панова И., Макеева И.* «11 Победных сосен. Посажены детьми из блокадного Ленинграда в августе 1945 года». URL: https://memory-map.1sept.ru/#/memorial-9425/type=map&center=53.80069,86.770334&zoom=13

[81] Сайт Музея ленинградского блокадного детского дома № 26. URL: https://muzey-nadejnaya.ru/

Памятная стела в селе Каменка



Объявление о концерте ленинградских детей в Карачаево-Черкесии[84]

Татарстана Музей истории блокадного Города-Героя Ленинграда. Его хранительница, директор Татьяна Николаевна Петрова — дочь и внучка блокадников[82]. Интереснейшие сведения, основанные на изучении архивных документов и воспоминаний ленинградцев из детского дома № 10, эвакуированного в Ульяновск, оформили в 1985 году в виде коллективного реферата учащиеся дошкольного педагогического Ульяновского училища[83].

Памятная доска размещена на здании средней школы села Кулаково Тюменского района, куда в 1941 году было эвакуировано около сотни ленинградских детей. Памятная стела установлена в селе Каменка, где учились ребята из ленинградской школы № 185.

В 2012 году в Алтайском крае вышла в свет книга, посвященная детям-ленинградцам, эвакуированным в село Боровлянка. В ее создании приняли участие 34 человека, в том числе семь учителей местной школы, бывшие эвакуированные воспитанники детского дома[85]. В 2013 году издана книга «Породнились Нева с Волгою... Ярославское эхо блокады»[86], где собраны воспоминания ленинградцев, нашедших приют на Ярославской земле, и приведены сведения о ярославцах, взявших на себя заботу об эвакуированных детях-сиротах. В январе этого же года в Москве прошла презентация второй части исторической поэмы Николая Чистякова «Память сердца. Ленинградские

---

82 *Бахтиярова А.* Дневник блокады. Казанцы собирают воспоминания эвакуированных ленинградцев. URL: https://kazan.aif.ru/society/persona/1088390

83 Государственный архив новейшей истории Ульяновской области. Ф. 162. Оп. 2. Д. 547. Текст реферата доступен по ссылке: URL: https://vk.com/doc-107791040_573823105

84 См.: URL: https://vk.com/zvezdachas?z=album-142883511_279545152

85 В Алтайском крае вышла книга о детях-ленинградцах, эвакуированных в село Боровлянка. URL: https://altapress.ru/afisha/story/v-altayskom-krae-vishla-kniga-o-detyah-leningradtsah-evakuirovannih-v-selo-borovlyanka-95669

86 Породнились Нева с Волгою...: Ярославское эхо блокады: посвящается 70-летию победы в Великой Отечественной войне и полному снятию блокады Ленинграда: [Сб. / Авт.-сост. Ю. П. Беляков; авт. вступ. ст. Сергей Ястребов]. Ярославль: Индиго, 2013. С. 527.

черкесы Бесленея». Режиссером Вячеславом Давыдовым снят фильм «Бесленей. Право на жизнь». Весной 2017 года аул в Карачаево-Черкесии посетили ученики Санкт-Петербургского образовательного комплекса «Малая Охта» из лицея № 533. В знак благодарности они высадили аллею из тридцати двух кустов роз, по числу спасенных местными жителями ленинградских детей[87].

Множество интересных исследований, посвященных ленинградским педагогам и детям в эвакуации, в последние годы проводится в разных концах страны школьниками. В качестве примера сошлемся на работу Евгении Киселевой «Блокада Ленинграда глазами жителей города Рыбинска»[88], презентацию одиннадцатиклассника В. Керзина из деревни Звягино «Дети блокадного Ленинграда на Чебаркульской земле»[89], исследование вятской старшеклассницы Л. Богатыревой «Две родины — и одно сердце ("судьба русского испанца")»[90]. Некоторые из приведенных ими фактов использованы при подготовке данного раздела.

В последние годы современной формой сохранения памяти о военном времени стали межрегиональные проекты, связанные с темой эвакуации. Один из них, «Спасенное детство», явился мощным стимулом для установления взаимодействия школьников из разных концов России[91]. Так, основой для объединения учеников Санкт-Петербурга и Перми послужили хранящиеся в музее школы № 5 Чернушинского района рисунки, стихи, письма, воспоминания, стенгазеты воспитанников Легаевского интерната (детский сад № 20 Октябрьского района Ленинграда, заведующая Е. Н. Скотникова). В январе 2019 года к 75-летию полного снятия блокады Ленинграда в петербургском Историческом парке «Россия — Моя история» прошла выставка «Во имя жизни. Спасенное детство», рассказывающая об эвакуации ленинградцев, в том числе в Молотовскую область. В мае того же года в здании пермского Речного вокзала, куда прибывали баржи и пароходы с эвакуированными ленинградскими детьми, открылась экспозиция «Река жизни. Спасенное детство».

В начале октября 2020 года воспитанники историко-краеведческого клуба «Петрополь» изучали тему эвакуации детей блокадного Ленинграда на территорию Некоузского района. После работы в местном архиве они сходили в поход в деревню Лукино, где находился детский дом, съездили в поселок Красный Рыбак, откуда с пристани осенью 1941 года на теплоходе отправляли детей на Урал; побывали в местечке Андреевском и в селе Веретея, где в годы войны располагались детские дома. Из помещения Борковской школы был дан старт межрегиональному дистанционному курсу для участников проекта из разных регионов. В январе 2021 года в рамках социально-образовательного проекта «Великая Победа объединяет народы» в Ереване прошла Международная конференция «Блокадный Ленинград — грани Подвига». Таким образом, спустя десятилетия сохранение памяти о ленинградской блокаде и эвакуации обретает все новые и новые социально-педагогические формы, в том числе созвучные цифровой эпохе.

Педагогический потенциал подобного живого соприкосновения молодых петербуржцев XXI века, подрастающих в условиях мегаполиса, с жизнью других областей страны, с жителями российской глубинки трудно переоценить. Символично, что в непростое время тотального разобщения трагическая тема эвакуации выполняет функцию человеческого объединения. Соприкосновение с историей массовых проявлений взаимной помощи и поддержки эвакуированных ленинградцев людьми разных национальностей, культур, вероисповеданий способствует воспитанию у современных школьников толерантности как гуманитарного ценностного отношения, основанного на приобретении опыта благодарения.

Для Санкт-Петербурга, в образовательных учреждениях которого постоянно растет процент детей мигрантов, это весьма актуально. Горьким

---

87 URL: https://www.riakchr.ru/alleyu-iz-32-rozovyix-kustov-vyisadili-shkolniki-sankt-peterburga-v-aule-beslenej-v-znak-blagodarnosti-mestnyim-zhitelyam%2C-kotoryie-spasli-detej-blokadnikov-v-voennyie-godyi/

88 *Киселева Евгения.* Ученица 11 «А» класса школы № 26 г. Рыбинска. Научный руководитель: Ершова Наталья Алексеевна, 2007. Блокада Ленинграда глазами жителей города Рыбинска. URL: http://www.microanswers.ru/article/Blokada-leningrada-glazami-zhitelej.html

89 *Керзин Василий Павлович.* 11 класс МОУ «СОШ д. Звягино». Руководитель работы: Волгина Ирина Петровна, 2014.

90 *Лидия Богатырева.* «Две родины — и одно сердце (судьба "русского испанца")». Вятская гуманитарная гимназия, 11-й класс. Научный руководитель: Г. А. Кропанева. URL: https://urokiistorii.ru/article/275

91 *Стальмак Е. П.* Проект «Спасенное детство» как модель межрегионального научно-исследовательского взаимодействия // Исследователь/Researcher. 2020. № 2 (30). С. 237—240. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-spasennoe-detstvo-kak-model-mezhregionalnogo-nauchno-issledovatelskogo-vzaimodeystviya/viewer

эхом войны звучит реплика на интернет-форуме: «Когда ругаетесь на гастарбайтеров на наших улицах, вспомните, что они, возможно, внуки или правнуки Токтогон[92]. И подумайте о том, что когда-то в тяжелую годину она и ее односельчане отдавали ленинградским детям последнее, чтобы они выздоровели и выросли». Проектно-исследовательская деятельность учащихся и педагогов из разных концов России, воссоздающая события эвакуации, содержательно обогащает их межличностное общение, обращая к вечной теме Жизни, преодолевающей Смерть, к теме человеческой жертвенности и необходимости объединения усилий всех людей в ситуации катастрофы.

* * *

Тема эвакуации детских учреждений Ленинграда имеет много ответвлений, достойных дальнейшего историко-педагогического изучения. Среди них особый интерес представляют:

- Общность социально-педагогической истории республик, ранее входивших в состав СССР и впоследствии избравших самостоятельный путь развития.
- Понятие ленинградской педагогической культуры и ее длящегося во времени влияния в местах эвакуации.
- Современные формы сохранения и трансляции в будущее памяти о пребывании ленинградцев в местах эвакуации местными жителями, педагогами и школьниками.

Возможности современного Интернета позволяют обнаруживать в свободном доступе все новые свидетельства об эвакуации детей и педагогов Ленинграда, в том числе интервью с ее очевидцами, ссылки на архивные материалы из регионов, информацию об акциях, проводимых областными и городскими организациями жителей блокадного Ленинграда, действующими в самых разных уголках России. Некоторые из таких ссылок даны в конце раздела.

В Приложениях можно найти дополнительные статистические сведения, нормативные документы, а также впервые публикуемые отрывки из воспоминаний педагогов и детей, фотографии из фондов Педагогического музея СПб АППО, материалы из домашних архивов, помогающие ощутить особенности педагогического труда и жизни ленинградцев в эвакуации.

---

[92] Имеется в виду Тохтогон Алтыбасарова. URL: https://zen.yandex.ru/media/valerongrach/toktogon-altybasarova-vy-pro-nee-i-ne-znaete-a-ona-vospitala-150-evakuirovannyh-detei-iz-leningrada-5caeb12bddae5a00b30d1454?utm_source=serp

Литература

1. Побратимы. Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается / Отв. ред. Ю. З. Кантор. М.: Политическая энциклопедия, 2019.
2. *Алексеева Л. В., Букренева К. Г.* Размещение ленинградских детских домов в период эвакуации на территории Ханты-Мансийского национального округа // Клио. 2014.
3. *Антонова Л. В., Орлова О. П., Шпринцин Д. Г.* Дети Ленинграда на Урале: Воспоминания, дневники, письма, документы о жизни на Урале детей, эвакуированных из Ленинграда во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Пермь, 2000.
4. *Арасланова Л. З.* Дети блокадного Ленинграда на Вятской земле // Библиотечное дело. 2013. № 3. С. 33—34. URL: http://naukarus.com/deti-blokadnogo-leningrada-na-vyatskoy-zemle-70-letiyu-proryva-blokady-posvyaschaetsya
5. *Аурон Я., Охтов А. Д.* Эвакуация и спасение: ленинградские блокадные дети в черкесском ауле Бесленей // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evakuatsiya-i-spasenie-leningradskie-blokadnye-deti-v-cherkesskom-aule-besleney
6. *Барабаш А.* Как дети блокады выживали на Алтае. URL: https://brl.mk.ru/articles/2012/10/31/768227-kak-deti-blokadyi-vyizhivali-na-altae.html
7. *Букренева К. Г.* Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны: Дисс. ... канд. ист. наук.: 07.00.02 [Место защиты: Ин-т истории и археологии УрО РАН]. Нижневартовск, 2015. 219 с.: ил. Библиогр.: с. 165—185.
8. *Вычеров Д. А.* Эвакуация в дневниках ленинградских детей и подростков в 1941—1942 гг. // Наука. Общество. Оборона. 2019. № 2 (19). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evakuatsiya-v-dnevnikah-leningradskih-detey-i-podrostkov-v-1941-1942-gg 21).
9. *Газиева Л. Л.* Статистика эвакуированных из блокадного Ленинграда детей и подростков в документах органов государственной власти и управления // Отеч. архивы. 2013. № 3. С. 33—40.
10. *Глезеров С.* Навстречу войне. Как детей из Ленинграда эвакуировали прямо под обстрелы врага // Санкт-Петербургские ведомости. 2019. 4 сент. № 164 (6517). URL: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/navstrechu-voyne-kak-detey-iz-leningrada-evakuirovali-pryamo-pod-obstrely-vraga/
11. *Давыдова М. Ю., Чибирикова Д. А.* Ленинградские детские дома на Кубани в 1942—1943 годах // Манускрипт. 2019. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/leningradskie-detskie-doma-na-kubani-v-1942—1943-godah
12. Дети блокадного Ленинграда в Ульяновске. Реферат учащихся педагогического училища г. Ульяновска. 1985 г. URL: https://vk.com/doc-107791040_573823105
13. Дети блокады в Сибири. URL: https://zen.yandex.ru/media/sibrealii/deti-blokady-v-sibiri-5d748b8f8600e100add154ac
14. Дети блокадного Ленинграда в эвакуации в Ярославле. URL: https://pogo-on-air.livejournal.com/1466682.html
15. Детские дома для ленинградских детей. URL: https://smolbattle.ru/threads/Детские-дома-для-ленинградских-детей.57855/
16. *Дунаевская Н. В.* Наше совершеннолетие: повесть о блокаде и эвакуации. СПб.: Нестор-История, 2014.
17. Дух и культура Ленинграда в тылу Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. гор. науч. конф. / Сост., ред. Е. А. Аброзе, М. А. Корюкаева. СПб.: Изд-во СПбКО, 2010.
18. «Здесь нас ждали и заботливо готовились»: Дети Ленинграда в Чувашии: (1941—1944 гг.) // Отеч. архивы. 2004. № 2. С. 85–93.
19. *Корнева Ю.* Как место ссылки стало детским домом. URL: https://tv2.today/Istorii/Kak-mesto-ssylki-stalo-detskim-domom#ixzz6WPXkfmgE
20. *Кочергин Э.* Крещеные крестами. URL: https://libking. ru/books/prose-/prose-contemporary/346131-28-eduard-kocherginkreshchennye-krestami-zapiski-na-kolenkah-bez-illyustratsiy.html#book
21. *Кресин А. К.* Мы из блокады. Хроника одного блокадного детского дома. URL:

https://proza.ru/2010/02/12/899https://proza.ru/2010/02/12/899

22. *Леонтьева О. Г., Ефремов Д. А.* Проект тверских архивистов «Блокадный Ленинград глазами детей» // Отеч. архивы. 2004. № 4. С. 45—50.
23. *Мещеряк-Булгакова С.* Эвакуация из блокадного Ленинграда глазами воспитательницы детдома. URL: https://zen.yandex.ru/media/dorogoi_dnevnik/evakuaciia-iz-blokadnogo-leningrada-glazami-vospitatelnicy-detdoma-5dcea75b9f1ed62dfcea47b2
24. «Мы живем вдали от Ленинграда дружною, веселою семьей...» / Отв. ред. Миков П. В., Уполномоченный по правам человека в Перм. крае [авт. сост. Зенич Н. Ю., Васильева И. Г., Ладыжникова А. Е., Стальмак Е. П.; под ред. П.В. Микова]. Пермь, 2020. URL: http://ombudsman.perm.ru/files/files/«Мы%20живем%20вдали%20от%20Ленинграда%20дружною%2C%20веселою%20семьей...».pdf
25. *Николенко А. В.* Помощь эвакуированным детям в Архангельской и Вологодской областях в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. // Клио. 2015. № 1 (97). С. 141—143.
26. Подвиг горного аула Бесленей. URL: https://pikabu.ru/story/podvig_gornogo_aula_besleney_6870218
27. Постановление СНК СССР от 01.09.1943 № 942 «Об улучшении работы детских домов». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9774&dst=100001#06588362862382067
28. *Скробина О.* И жизнью смерть побеждена. URL: https://city-news.ru/news/society/i-zhiznyu-smert-pobezhdena/?VOTE_ID=1&view_result=Y
29. *Славко А. А.* Детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник ЧГУ. 2010. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/detskie-doma-i-shkoly-dlya-detey-sirot-v-rossii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-i-poslevoennyy-period
30. *Снегирева Л. И.* Прием и размещение эвакуированных детских учреждений в Западно-Сибирском тылу (1941—1943 годы) // Вестник ТГПУ. 2018. № 5 (194). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priem-i-razmeschenie-evakuirovannyh-detskih-uchrezhdeniy-v-zapadnosibirskom-tylu-1941-1943-gody
31. *Соколова М.* Эвакуация на восток. Как Сибирь принимала жителей блокадного Ленинграда. URL: https://spb.aif.ru/society/people/evakuaciya_na_vostok_kak_sibir_prinimala_zhiteley_blokadnogo_leningrada?utm_source=pj17linkb&utm_medium=click&utm_campaign=pj17linkb
32. Справка об эвакуации ленинградских детей из юго-восточных районов области от 29 июля 1941 г. // ЦГА СПб. Ф. 7179 (Ленинградский областной совет народных депутатов,1927—1993 гг.). Оп. 53. Д. 38. Л. 168—172.
33. Стенограмма сообщения Марии Михайловны Шарый — директора детдома № 51 Выборгского района г. Ленинграда // Отечественные архивы. 2013. № 5. С. 89—113.
34. *Степанов К. А.* Ленинградские дети на Ростовской земле в годы Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. 2005. № 4. С. 82—87.
35. *Суворова К.* «Были смерти, очень печальные». URL: https://takiedela.ru/2016/09/byli-smerti-ochen-pechalnye/

36. *Сухачев М.* Там, за чертой блокады. URL: https://kartaslov.ru/книги/Михаил_Сухачев_Там_за_чертой_блокады/2#content

37. *Фернандес-Эрес А. П.* «Заставить их полюбить эту жизнь...»: Испанские детские дома в СССР (1937—1939) // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 1. С. 63—71. URL: https://history.rsuh.ru/jour/article/view/256/257
38. *Шестакова Л. В.* «Окружить вниманием и повседневной заботой эвакуированных»: Документы Госархива социально-политической истории Тюменской области о пребывании в годы войны ленинградцев, 1941—1944 гг. // Отечественные архивы. 2010. С. 101—110.
39. *Шувалова К. Н.* О спасении детей детского дома № 43 из блокады Ленинграда эвакуацией в Ярославскую область / Сост.: Д. А. Шувалов, А. А. Шувалов. СПб.: СИНЭЛ, 2014.

Интернет-ресурсы

1. Виртуальный проект «Блокада Ленинграда. Эвакуация». URL: https://evacuation.spbarchives.ru/about

2. Архивные данные по эвакуации в Алтайский край. URL: https://www.amic.ru/news/?news_id=192916

3. Эвакуация детей во время ВОВ. Форум. URL: https://forum.vgd.ru/post/1329/evakdetei/p2354179.htm

4. Страницы мужества. Помощь Ярославской области блокадному Ленинграду 1941—1944 гг. URL: https://www.yararchive.ru/exhibitions/exhibition-vov70/

5. Дети Нарыма. Экспедиция ТВ2. URL: https://www.youtube.com/watch?v=odHUE7YLTF8&list=PLIO_mtvG6JV32jbjapY7f2tqmK8gCK6L3&index=3&t=0s

6. Подвиг советской матери-героини А. А. Деревской. Виртуальный музей памяти. URL: http://derevskaja.com/

7. Дети блокадного Ленинграда. Ишакский детский дом (Чувашия). URL: http://bichurin.cap.ru/Content2020/orgs/GovId_748/deti_blokadnogo_leningrada_(ishakskij_detskij_dom).pdf

Блокадные дневники и воспоминания в фондах отдела рукописей РНБ

Ф. 1273 (Собр. материалов о Великой Отечественной войне)[93]

Авдышев Вениамин Донхович. Детский дом в таежном поселке: Воспоминания. 1985 г., Ленинград. 2 л.
Детский распределитель на Кировском проспекте, создание 82-го детского дома, эвакуация его в пос. Верте-Кос (Вертикос) Томской области.
Горох (рожд. *Толстова*) *Елена Федоровна*. Воспоминания о моем детстве. 4 дек. 1985 г., Ленинград. 3 л. 1941 г.
Эвакуация в Боровичи в первые дни войны. Возвращение в Ленинград. Смерть близких в феврале 1942 г. Детский приемник-распределитель. Отъезд в Верте-Кос (Вертикос) Томской области. Условия проживания и питания в детском доме. Детские стихи. Концерты и спектакли к праздникам. Пароход «Николай Тихонов».
Иванова Валентина Александровна. Воспоминания [1980-е гг., Ленинград]. 3 л. 1942–1980-е гг.
Эвакуация с заводом им. М. И. Калинина на Валдай в начале июля 1941 г. Возвращение в Ленинград. Введение карточек. Добывание пищи. Бомбардировки Ленинграда. Очищение города от снега и нечистот в апреле 1942 г. Продовольственная поддержка в школах. Работа в совхозе летом 1942 г. Эвакуация с сестрами в сентябре 1942 г. в пос. Усть-Чижапка и Верте-Кос (Вертикос) Томской области. Учителя и воспитатели. Новогодние карнавалы.
Ленцман (урожд. *Иванова*) *Екатерина Павловна*. Воспоминания о войне. 1944 г., Санкт-Петербург. 10 л. 1929–1990.
Довоенное детсытво, начало войны, голод, смерть родных в 1942 г. Эвакуация с детским домом в Горьковскую область. Учеба в школе, выступления с детским хором в деревнях. Возвращение в Ленинград в 1945 г.
Шалунина (урожд. *Васильева*) *Ираида Сергеевна*. Мои воспоминания [о блокаде Ленинграда (1941–1942) и о детском доме в Новосибирской области [1980-е гг.], Ленинград. 2 л. 1941–1942 гг.
Жизнь в детском доме после смерти матери, отношение к детям воспитателей и учителей. Эвакуация в Сибирь. Встреча воспитанников после войны.

Доступ ко всем сетевым ссылкам данного раздела проверен 11.10.2021

[93] URL: http://expositions.nlr.ru/proriv_blokada/dnevnik.php

ПРИЛОЖЕНИЕ V

Приложение V-1

Приказ № 69 по Городскому отделу народного образования Исполкома Ленсовета депутатов трудящихся от 21 марта 1942 г.

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 560 «Приказы Ленгороно № 1–157. 2 января 1942 — 4 июля 1942 г.» (180 листов). Л. 83–84

На основании решения Исполкома Ленсовета депутатов трудящихся от 17 марта об эвакуации детских домов ПРИКАЗЫВАЮ:

§ 1. Вывезти из Ленинграда 24 марта с. г. в Ярославскую область детей нижеследующих детдомов: 6-го, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 25, 27, 35, 43, 48, 49, 52, 59, 62, 70, 75 в количестве 2073 человека.

§ 2. Зав. РОНО Октябрьского, Красногвардейского, Свердловского, Кронштадтского, Куйбышевского, Выборгского, Смольнинского, Приморского, Московского, Кировского и Фрунзенского районов подготовить детдома к отправке, обеспечив всех воспитанников:

а) теплой одеждой (пальто, шапки, обувь);
б) верхней одеждой;
в) двумя сменами нательного и постельного белья;
г) подушкой и одеялом;
д) матрацами — два на 4-х человек, а на остальных — матрацные наволочки;
е) посудой для приготовления и приема пищи в пути;
ж) медикаментами по согласованию с райздравотделами;
з) топор, пилка, осветительные приборы и др.;
и) наличными деньгами из расчета по 100 (сто) рублей на воспитанника (80 руб. на питание и 20 руб. на путевые расходы);
к) продуктами в пути по следующей норме: хлеба — кг, сахара — 150 г, масла — 100 г, чая — 5 г на человека.

Все расчеты с персоналом по зарплате произвести в г. Ленинграде, включая выплату зарплаты по 1 апреля с. г.

§ 3. Директорам эвакуированных до выезда составить именные списки по форме книг учета на всех эвакуируемых воспитанников и сдать 1 экземпляр списков в Гороно, 1 — в РОНО, 1 — уполномоченному эшелоном и 1 — директору детского дома. Личные дела воспитанников и всю документацию на детей и персонал иметь с собой, обеспечив их хранение.

§ 4. На оказание помощи в проведении эвакуации детских домов командировать с 22 по 25 марта с. г. на станцию Борисова Грива директора 17 детского дома тов. Рюмина М. Н. и на станцию Лаврово — моего заместителя тов. Лазова А. С. Организацию отправления на вокзале Октябрьской ж. д. (Ленинград) возлагаю на начальника сектора детских домов тов. Венкова И. Г. и начальника конторы снабжения тов. Ратнера Л. Е.

§ 5. Ответственность за доставку детей и имущества детских домов на вокзал возлагаю на заведующего РОНО лично. Обязываю зав. РОНО присутствовать при отправлении на вокзале.

§ 6. Начальнику сектора детдомов тов. Венкову И. Г. обеспечить проверку готовности детских домов к эвакуации 22 /III с. г.

§ 7. Начальником эшелона назначаю директора детского дома № 10 тов. Иванова Сергея Степановича.

§ 8. Директорами эвакуируемых детских домов НАЗНАЧАЮ:

а) по Октябрьскому району, д/дом № 54 — тов. Мучник Елизавету Михайловну;
б) по Красногвардейскому району, д/дом 19 — тов. Васильева Михаила Николаевича; д/дом № 12 — тов. Астахову Елизавету Григорьевну;
в) по Свердловскому району с г. Кронштадтом д/дом № 27 — тов. Радионову Елену Андреевну;
г) по Куйбышевскому району д/дом № 10 — тов. Иванова Сергея Степановича;
д) по Выборгскому району д/дом № 13 — тов. Ковалева Семена Никитича и д/дома № 16 тов. Лаврентьева Гаврилу Лаврентьевича;
е) по Смольнинскому району д/дом № 17 — тов. Побожей Григория Тимофеевича и д/дома № 48 — тов. Казанина Павла Васильевича;
ж) по Приморскому району д/дом № 6 — тов. Савчукова Фому Егоровича;
з) по Московскому району д/дом № 21 — тов. Фишман Тамару Федоровну;
и) по Фрунзенскому району д/дом № 9 — тов. Сандигурского Льва Исааковича.

§ 9. Зав РОНО использовать помещения и оборудование детских домов для организации новых детских домов не позднее 27/III с. г.

В целях сохранения преемственности в работе детских домов дополнить, а где нужно — вновь назначить штат работников организуемых на базе эвакуированных д/домов не позднее 20/III с. г., обеспечив тщательную сдачу-приемку помещения, имущества, оставшихся детей и работников.

Зав. Ленгороно Левин

Приказ № 91 по Городскому отделу народного образования Исполкома Ленсовета депутатов трудящихся от 9 апреля 1942 г.[94]

На основании решения Исполнительного комитета Ленсовета депутатов трудящихся от 16 марта 42 г. за № 64 Об эвакуации детей детских домов в глубь нашей страны ПРИКАЗЫВАЮ:

§ 1. Подготовить и отправить детей по:
1. Выборгскому району при детском доме № 63а — 150 чел.,
2. Свердловскому району — № 27а — 171 чел.,
3. Фрунзенскому району — № 49б — 100 чел.,
4. Куйбышевскому району — 31а — 151 чел.,
5. Ленинскому району — № 39 а — 100 чел.,
6. Василеостровскому району — № 32а — 148 чел.,
7. Октябрьскому району — № 84—150 чел.,
8. Красногвардейскому району — № 68—120 чел.,
9. Кировскому району — № 37а — 100 чел.,
10. Кронштадту — 40 чел.

§ 2. Начальником эшелона назначаю тов. Капитонова Михаила Федоровича, директора школы Ленинского района.

Зав. Ленгороно Левин

[94] ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 560 «Приказы Ленгороно № 1—157. 2 января 1942 — 4 июля 1942 г.» (180 листов). Л. 101.

Приложение V-2

Сметы и переписка по эвакуации детей. 1941—1942 гг.

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 540 (35 листов)

Список подотчетных лиц, получивших авансы на расходы, связанные с эвакуацией детей из г. Ленинграда в Ярославскую область в 1942 г. (на 1 окт. 1943 г.). листы 17–20

№ п/п	Фамилия, и. о.	№ учреждения по Ленинграду	№ учреждения по Ярославлю	Получен в Ленинграде аванс	Отчет по авансу, номера авансовых отчетов, примечания (отдельными графами) *
Приморский РОНО					
1.	Савщуков Ф.Е.	6	16	19 000	
2.	Петров И.П.	57	5	13 500	
3.	Маскинская В.А.	25	18	8300	
4.	Розина Б.К.	25	13	14 600	Перерасход 803 р. 43 к. из личных средств директора
5.	Соколова Н.С.	97	97	6250	
6.	Смирнов В.Ф.	6	100	6250	
7.	Андрианова А.Е.	26	94	6250	
8.	Малис Э.С.	56	118	6250	
				80 400	65 334
Куйбышевский РОНО					
9.	Ермолаева Е.Г.	5	76	6022–50	
10.	Красневич В.М.	33	8	13 000	
11.	Козлова В.В.	33	110	8700	
12	Стацевич Л.Ф.	41	91	8250	
13.	Иванов С.П.	10	26	11 000	
14.	Коротченко П.Г.	31	59	750	
				47 722–50	40 911–92
Василеостровский РОНО					
15.	Всеволодов Ф.А.	30	25	14 000	
16.	Скородумова	30	71	13 500	
17.	Горохова Н.Н.	30	111	6250	
				33 750	23 743–45
Ленинский РОНО					
18.	Гончарова А.А.	14	38	14 200	
19.	Иванова Н.Г.	87	74	17 272–12	
20.	Петропавловская Е.В.	87	114	9375	
21.	Целинская А.Г.	87	88	5350	
22.	Успенский А.А.	87	134	5600	
23.	Кружилова ——	86	113	9375	
				61 172–12	23 284–28
Свердловский РОНО					
24.	Волошинова К.М.	81	68	9600	
25.	Фейгина С.К.	27	«КИМ»	8100	
26.	БухинаЛ.М.	27	12	10 000	
27.	Аверьянова Е.И.	10	74	2650	
28.	Дорон Б.Я.	27	131	5100	
29.	Мальцева А.С.	58	64	8925	
30	Сорокина В.А.	58	84	5500	
31.	Синякова М.М.	81	122	6985	
				212 996	1553–56
Смольнинский РОНО					
32	Пушкарева Н.Г.	10	73	9000	

№ п/п	Фамилия, и. о.	№ учреждения по Ленинграду	№ учреждения по Ярославлю	Получен в Ленинграде аванс	Отчет по авансу, номера авансовых отчетов, примечания (отдельными графами) *
33	Крамаренко Н.Л.	28	37	15 000	
34	Андрианова М.Е.	29	29	9000	
35	Повожеев Г.Т.	14	38	20 600	
36	Винклер А.А.	17	101	6500	
37	Беднякова А.Ф.	1	70	3000	
				63 100	31 173–02
Дзержинский РОНО					
38	Кальницкая О.И.	1	125	12 275	
39.	Сергеева В.П.	94	120	9000	
40.	Житомирская Р.С.	3	65	9000	
41.	Анненкова Е.И.	1	47	7000	
42.	Фридман Л.С.	47	48	10 000	
43.	Козьминская В.К.	1	53	9000	
				56 275	43 650–76
Петроградский РОНО					
44.	Мишина О.И.	24	35	12 000	
45.	Яковлева А.М.	42	117	8625	
46.	Файнштейн А.Г.	23	36	17 100	
47.	Хабаров И.С.	64	69	13 500	
48.	Лавданская М.Н.	82	112	6250	
49.	Петров В.П.	43	130	6500	
				63 975	43 387–38
Московский РОНО					
50.	Малеева А.М.	39	69	3500	
51.	Александрова А.А.	5	67	5450	
52.	Фишман Т.Ф.	21	–	10 000	
53.	Егорова А.Я.	21	133	6450	Перерасход, собраны деньги с сотрудников
54.	Чупрова-Тищенко Е.С.	22	34	11 077–66	
55.	Першина К.А.	22	82	6250	
56.	Захаров А.А.	76	62	13 500	
57	Лукьянова М.г.	76	124	6250	
				62 477–66	37 795
Октябрьский РОНО					
58	Рябинская Г.М.	5 ДД	90	6350	
59	Майзель А.А.	5 ДД	92	5850	
60	Галиева А.З.	5 ДД	136	2350	
61	Мучник Е.М.	18 ДД	22	20 500	
62	Бондарь З.К.	54 ДД	44	14 600	
63	Андреева М.М.	18 ДД	129	6825	
64	Варенчуг	18 ДД	–	6000	
65	Буров Н.М.	18 ДД	Лесная школа	9825	
66	Травин П.И.	92	159	10 500	
67	Фомина П.Я.	53	–	9375	
68	Рогозина П.К.	11	63	3050	
69	Федорова Е.Р.	45	69	5250	
70.	Воронина А.И.	10	77	6000	
				106 475	70 051–70
Выборгский РОНО					
71.	Гладких М.М.	48	65	3000	
72.	Соболева В.Р.	51	21	9000	

№ п/п	Фамилия, и. о.	№ учреждения по Ленинграду	№ учреждения по Ярославлю	Получен в Ленинграде аванс	Отчет по авансу, номера авансовых отчетов, примечания (отдельными графами) *
73.	Ковалев С.Н.	13	15	19 400	
74.	Кобзев А.П.	15	70	13 500	
75.	Франце Е.Э.	83	28	9000	
76.	Калашникова Л.Б.	52	93	6250	
77.	Летошко М.Ф.	9	98	6500	
				66 650	57 102–21
Красногвардейский РОНО					
78.	Попова Л.И.	3	75	6000	
79.	Туркина З.П.	19	116	9975	
80.	Романова А.М.	19	89	5500	
81.	Васильев М.А.	19	20	3200	
82.	Михайлова А.М.	46	14	15 00	
83.	Мосолова Ф.Г.	68	–	8625	
84.	Бабич О.В.	12	60	9225	
85.	Жимская О.А.	45	66	9000	
86.	Алексеева Ф.Я.	43	40	25 000	
				113 123	87 901–29
Кировский РОНО					
87.	Старикова В.И.	8	Д/д Октябрьской революции	10 200	
88.	Жмаева П.Т.	37	39	8165	
89.	Шиллинг А.Г.	8	52	8625	
90.	Игнатьева М.И.	8	108	8075	
				35 065	18 912
Ленгороно					
91.	Калинкин В.И.	Школа с особым режимом	31	8037–43	
92.	Старицкий —	Школа с особым режимом	Школа Карла Маркса	9156–55	
93.	Лукашева З.Ф.	80	119	9000	
				26 156–55	15 581–20
	Всего:			873 203–82	579 272–24

* Данные по этим трем графам не приводим. Указываем только сумму финансового отчета по районам и отдельные примечания.

Уполномоченный Исполкома Ленгорсовета Зензинов В. К.

Разночтения в финансовых документах выразились в следующих обращениях, которые отправлены во все РОНО Ленинграда. Например, на листе 23:

Зав. Октябрьским РОНО и гл. бухгалтеру

Ленгороно ставит вас в известность, что вам надлежит списать следующие подотчетные суммы, выданные на расходы по эвакуации в 1942 г. Всего на сумму 70 051–70.

(Далее идет столбик фамилий с инициалами, местом работы и суммой)

Основание: отношение Уполномоченного Ленгорисполкома по Ярославской области Зензинова В. К. за № 20/10 от 20/X-43 о получении им на месте оправдательных документов на вышеуказанные суммы.

Зам. Зав. Ленгорисполкома Иванов
Главный бухгалтер Мореева

Приложение V-3

Л. Е. Раскин,
бывший заведующий
кафедрой педагогики
Ленинградского городского
института усовершенствования
учителей

Отрывок из книги «Героические будни»
(Заметки о работе с детьми в Ленинграде в годы блокады — 1941–1943)

Школа. Первый год блокады[95]

Дыхание войны город почувствовал в первые же дни после 22 июня 1941 года. Тысячи детей были на лето вывезены на дачи в районы, прилегающие к Ленинграду. Прежде всего нужно было этих детей вернуть домой. В городе было спокойнее, чем в пригородах. Городской отдел народного образования стал штабом по эвакуации детских учреждений в город. К вечеру уполномоченные районов на автомашинах выехали за детьми. «В 12 часов ночи, — рассказывает одна из уполномоченных, — на открытых машинах выехали из Оллилы в Ленинград. Не успели отъехать и полкилометра, как заметили над головой фашистские самолеты, начавшие обстреливать местность. Дети очень испугались, стали плакать и кричать. Воспитательница, сама бледная от страха, быстро нашлась и сказала детям, что это “учебная стрельба”. Дети успокоились, но мы, взрослые, много пережили за эту дорогу».

В течение 3—4 дней дети были вывезены из опасной зоны. А там, где детские сады, дома и лагеря оставались, вся жизнь приобрела новый, особый, военный характер. Там рыли надежные щели, устанавливали круглосуточные дежурства, собирали и держали наготове имущество, не отпускали детей в далекие прогулки. Эти профилактические меры сохранили жизни многих детей. В течение трех суток в августе детский сад, которым тогда заведовал т. Кобок, находился в обстановке жесточайшего артиллерийского обстрела. После получения приказа о выезде в Ленинград за два часа все дети и имущество были доставлены в город. Так было всюду.

Но вскоре встала серьезная задача. Из города, над которым нависла угроза блокады, предстояло эвакуировать детей на восток, в тыл. Детей нужно было оградить от тягот войны, от возможных случайностей, нужно было сохранить их жизнь. Во всех районах Ленинграда были организованы местные штабы (эвакуационные тройки при райисполкомах), которыми руководил Городской отдел народного образования, центральный штаб по эвакуации. Старшие школьники разносили повестки родителям, учителя и воспитатели детских садов вели разъяснительную работу на квартирах. В несколько дней нужно было отправить из города сотни тысяч ребят. Каждая школа, каждый детский сад стали в эти дни эвакопунктом. Здесь советовали родителям, какие вещи давать ребенку, представляли необходимую помощь в организации отъезда.

Титаническую работу проделали в районах руководители дошкольных учреждений. Стремительными темпами, иногда в несколько часов, сколачивались новые детские коллективы, подбирались необходимые кадры воспитателей, собиралось оборудование. Нужно было во главе каждого такого коллектива поставить хорошего организатора, имеющего опыт работы с малышами, нужно было подготовить в местах эвакуации необходимые помещения, обеспечить там бесперебойное снабжение детей. Эшелон за эшелоном уходил из Ленинграда. Представители Исполкома Ленинградского совета, Гороно, районов города провожали поезда. Транспортники работали с величайшим напряжением; как и все трудящиеся нашей страны, они проявляли исключительную заботу о детях. За десять дней, с 27 июня по 6 июля, из Ленинграда было организованно вывезено 235 тысяч детей.

Однако вскоре выяснилось, что эвакуация детей в районы Ленинградской области была неудачной. Вражеская авиация, не допущенная к Ленинграду, налетала на эти районы. Уже с половины июля нужно было либо реэвакуировать детей в другие области, либо возвращать их в город, чтобы отсюда уже с родителями снова отправлять в глубокий тыл. Несмотря

[95] Печатается по авторскому машинописному тексту, хранящемуся в ПМ СПб АППО. Рукопись работы Раскина «Героические будни (год работы с детьми в Ленинграде)» также находится в ЦГАИПД СПб. (Ф. Р-4000. Оп. 7. Д. 2231).

на напряженное положение, и эта задача была разрешена. Всего было возвращено в город из Ленинградской области 150 тысяч детей. Фашистские пираты обстреливали детские эшелоны. Детям пришлось много пережить. Появились первые жертвы среди детей и педагогов. Педагоги проявили исключительное мужество, беспредельную заботу о детях, охраняя их жизнь и безопасность.

Заведующая детским садом Н. В. Миропольская возвращалась с детьми в Ленинград. Немецкие стервятники обстреляли ее поезд. Не потеряв самообладания, она четко руководила действиями взрослых и, забыв о себе, из-под вагонов вытаскивала и детей своего сада, и маленьких ясельников, оказавшихся соседями в дороге. Ни один ребенок детского сада не пострадал. Не успев отдохнуть и прийти в себя после тяжелого пути, она вернулась к месту обстрела и привезла в детский сад весь оставшийся инвентарь. Учительница 199-й школы И. М. Жукова во время обстрела с воздуха быстро остановила автобус, вывела детей, спрятала их в придорожном кустарнике и спасла всех. Автобус был весь разбит пулеметными очередями с самолета. Директор 180-й школы Зоя Федоровна Рейнфельд пала жертвой воздушного налета на детский эшелон. Спасая детей вверенного ей сада, погибла заведующая детским садом, опытный дошкольный работник Наталья Михайловна Рыжкова; трое ее собственных детей доехали до Ленинграда невредимыми...

...В 1942 году, когда Ленинград был зажат в кольце блокады, когда десятки тысяч детей лишились родителей, организованная эвакуация детей из города была проведена в три этапа: весной — в марте-апреле по ледяной Ладожской дороге, летом — в июле-августе и осенью — в сентябре-октябре — водным путем через Ладожское озеро. Весной и летом 1942 г. вывозились исключительно дети-сироты, находившиеся в детских домах и в домах малюток. Осенью, после завершения массовой эвакуации гражданского населения, детским учреждениям было разрешено вывезти детей до 12 лет, родители которых, занятые работой по обороне города, не могли эвакуироваться.

Организация и проведение эвакуации детей представляли тогда особенные трудности. Нужно было не только хорошо экипировать детей (особенно ранней весной), снабдить всем необходимым для длительного иной раз пребывания в пути, не только обеспечить их хорошим питанием перед отъездом на вокзал, но и безопасно перевезти до «Большой земли». План эвакуации, распределение контингента эвакуируемых по районам города, комплектование эшелонов, подбор кадров, перевозка на вокзал детей, вещей, питание на вокзале перед отъездом (по повышенным нормам), посадка в вагоны, — все это требовало четкой, как механизм, работы.

Дети доезжали поездом до конечной железнодорожной станции Борисова Грива. Здесь их встречал специальный уполномоченный Гороно с бригадой своих помощников — представителей районных и городских организаций. На автобусах или на автомашинах дети отправлялись по тридцатикилометровой ледяной дороге через Ладожское озеро. На другом берегу их встречал уполномоченный Гороно, отсюда они уже отправлялись в поездах до места назначения в глубоком тылу.

В Ленинграде и в районе Ладожского озера неоднократно бывали воздушные тревоги и артиллерийские обстрелы. Одна автомашина с детьми была обстреляна фашистским самолетом в озере, причем были легко ранены двое детей. Осколок снаряда попал в автомашину с детьми в районе Финляндского вокзала, при этом была легко ранена работница детского дома. Когда детский эшелон прибывал к озеру, когда он переезжал на другой берег, когда поезд двигался оттуда на восток, все было подчинено одному: детей нужно оберегать, окружить заботой, обеспечить им максимум удобств. Грузчики и шоферы, краснофлотцы и железнодорожники с исключительной любовью встречали детей, помогали персоналу детских учреждений. Дети чувствовали великую любовь, великую всенародную заботу о них, и это им помогало мужественно и терпеливо переносить трудности далекого пути.

Свыше 48 тысяч детей, из которых почти половину составляли дети до 7 лет, и почти 9 тысяч обслуживающего персонала со своими семьями в исключительно сложных условиях были благополучно эвакуированы в глубокий тыл. В январе 1943 г. в 14 краях и областях РСФСР находилось уже 107 688 эвакуированных детей-ленинградцев, живших в детских интернатских учреждениях.

Ленинград неустанно заботился о своих детях. Несмотря на труднейшие условия связи через узкое горлышко Ладожского озера, детям посылались тысячи вещевых посылок, сотни тысяч тетрадей, учебников, много школьно-ученических принадлежностей. Через уполномоченных Исполкома Ленгорсовета при местных обл- и крайоно, через свою районную инспектуру Ленинград руководил воспитанием и обучением своих питомцев. Органы народного образования, советские организации повсюду окружали ленинградских детей большим вниманием и оказывали им всемерную помощь...

Приложение V-4

М. Ю. Поволоцкая

Воспоминания ленинградской учительницы

Глава II. Эвакуация школьников в Боровичи. Реэвакуация

Первая забота органов народного образования после начала войны состояла в том, чтобы спасти детей, вывезти их из Ленинграда. Я в числе учителей нашей школы попала в эшелон, организованный заводом «Электрик». Этот завод был шефом нашей школы. Завод помогал школе материально, все мастерские (столярная, слесарная), оборудование нашей библиотеки, кинокабинет и многое другое было в известной мере результатом шефской помощи завода. Завод взял на себя все необходимые заботы для своевременной отправки детей. Администрация завода и общественные организации, партком и завком в изобилии снабдили эшелон продуктами. Масло, консервы, шоколад, различные крупы, сахар, мука были в достаточном количестве. В пути и по прибытии в места назначения эвакуированных детей и учителей снабжали хорошо.

В эшелоне ехали школьники, дошкольники и даже дети ясельного возраста, которым были отведены два спальных вагона. Грудички лежали поперек вагонных сидений. Их головенки беспомощно качались в такт колесам поезда. Ухаживали за ними, вернее, смотрели, чтобы они не упали, две женщины, выделенные заводом, и няни заводских ясель. Мне было бесконечно жаль малышей, больно смотреть на эти беспомощные свертки, лежащие на твердых скамейках. Сколько мужества надо было иметь, чтобы решиться отправить своего грудного ребенка в эвакуацию с заводскими яслями без себя! Матери на это шли, т. к. каждая из них прежде всего хотела сохранить жизнь своему ребенку. В условиях осажденного города это был единственный путь спасения жизни детей. Кроме того, матери могли с большой отдачей трудиться, а труд каждой из них был нужен в тылу и на фронте.

Первоначально предполагалось, что нас вывезут в Сибирь, но, очевидно, внезапное наступление немецкой армии заставило срочно изменить планы эвакуации. Вместо Сибири мы попали в Боровичи, город Новгородской области. Не знаю, было ли запланировано там наше появление. Думаю, что оно не было достаточно подготовленным. Первоначально нас, прибывших с эшелоном, разместили в большом зрительном зале местного клуба. Здесь были проведены первые необходимые организационные мероприятия. Нас распределили по отрядам, назначили ответственных лиц и распределили по окрестным деревням Мошенского района Новгородской области. Во главе всех эвакуированных школьников Петроградского района стоял директор нашей школы Мария Яковлевна Перкина. Из учителей нашей 1-й образцовой школы в эвакуации были Наталия Михайловна Гердзей-Капица, Прасковья Николаевна Богоявленская, Пантелеймон Юрьевич Германович и другие. Меня назначили начальником одного из лагерей Мошенского района. По прибытии на место учителей и детей распределили по избам местных крестьян. Мы старались соблюсти возрастной принцип. У нас в лагере были младшая, средняя и старшая группа. Во главе каждой из групп стоял ответственный учитель. Первое время, пока не была построена кухня, мы питались сухими продуктами и получали в деревне парное молоко. Срочно нам сколотили топчаны, набили сеном матрасики и наволочки.

Учителя всячески старались заполнить время школьников и особенно дошколят, читали книги, которые доставали в деревне, играли, беседовали с ребятами, пробовали петь песни, но общая военная обстановка сказывалась на их настроении — песни не очень у нас получались. На дисциплину ребят пожаловаться было нельзя. Понимание безвыходности нашего положения: отдаленность от Ленинграда, возможность военного нападения — как-то сплачивало ребят. Мы, учителя, боялись, что у нас мальчишки побегут на фронт, тем более что мимо нашей деревни (название деревни точно не помню, кажется, Меглецы) по дороге все время шли бесконечные толпы жителей из районов, оккупированных немцами. Тянулись голодные, усталые, мычащие от жажды и голода коровы, овцы, лошади и т. п. В сознании и практике людей действовал неуклонно принцип «ничего не оставлять врагу», все, что можно, брали с собой, остальное уничтожали. Крестьяне и горожане действовали так, как было сказано в речи И. В. Сталина от 3 июля 1941 г.

Я как заведующая лагерем все время была настороже.18 суток почти не спала, если и ложилась, то не могла уснуть. Немецкие самолеты

с воем носились над лесом, вернее всего, они рвались на юг, на Москву. То, что высокий лес прикрывал нас от мессершмиттов, было счастьем. Вместе с тем, когда мне одной приходилось идти через лес в район, где находились все районные учреждения: магазины, сберкасса, РОНО, здравпункт, аптека, — и совершать там различные деловые операции и покупки, с наличными деньгами, различными накладными на получение продуктов и другими документами за пазухой, то, не скрою, идти одной было страшно.

Лето стояло сухое, жаркое, в нашем лагере очень скоро стала сказываться неприспособленность деревни к приему такого количества эвакуированных детей. Нам было очень трудно с детьми. Для того чтобы удовлетворить элементарные потребности детей и подростков, у нас под рукой не было самого необходимого. В поезде, в пути можно обойтись без многого, но в эвакуации, когда тебя поселили на какое-то время в определенном месте, жизнь выдвигала свои права и требовала постоянного обеспечения, создания условий жизнепребывания в лагере. В нашем распоряжении для занятий с детьми ничего не было в буквальном смысле этого слова. Несколько учителей-воспитателей, выполнявших функции нянь, санитарок, воспитателей, учителей, как ни трудились с утра до вечера, не могли обеспечить надлежащий уход за детьми. Этим можно объяснить то, что дети часто болели, к счастью, это были небольшие недомогания. Серьезный случай заболевания у нас был один, о котором я расскажу ниже.

Мои дети: Лев, 9 лет, Вадим, 3-х лет, и дочь моей близкой подруги, Нелли, 3-х лет, перенесли все трудности достаточно стойко. Они ничем не болели. Правда, Нелли не повезло. Она упала с высокого крыльца и раскроила себе лоб. По-настоящему на ранку надо было наложить шов, но в наших условиях мы не смогли этого сделать. Врача и медицинской сестры у нас не было, а везти девочку в больницу за 20 километров было некому и не на чем. Я боялась это сделать. Отправить ее на попутной машине или телеге было рискованно. Положение на фронте было нестойкое. Страшно было расставаться с ребенком даже на время, тем более что в пути могло быть всякое. Столько детей было потеряно в те дни на дорогах войны! Тем более что за Нелли у меня была двойная ответственность: перед самой собой и подругой, доверившей мне своего ребенка.

На трудности нашего быта прежде всего сказывались недостаточность и отсутствие чистой воды в колодцах. Как говорили местные жители: «Теперь мы сами если не от немца, то от жажды помирать будем». Сказалось также отсутствие канализации. Скоро вспыхнули желудочные заболевания. Очень тяжелый случай у нас был один. У мальчика старшей группы оказалась дизентерия. Наталия Михайловна Гердзей-Капица не отходила от больного, ухаживала за ним, как только могла, у больного совсем не было сил. С трудом достав лошадь, на телеге мы отправили его в больницу. Удалось ли ему выжить, добраться до своих, не знаю. Нас после его отправки быстро реэвакуировали обратно в Ленинград. Желудочные заболевания были и у учителей, в тяжелом состоянии был П. Ю. Германович, который с трудом добрался до Ленинграда. Похож он был на скелет, обтянутый кожей.

В общем, эта попытка вывезти нас из осажденного города, спасти детей и учителей оказалась неудачной. Немцы наступали под Псковом и Новгородом, рвались к Москве, но взять Ленинград не смогли. Оставлять нас в Мошенском районе было невозможно. Нас реэвакуировали в Ленинград. Это возвращение было трудным. Эшелон, который вышел до нас, немецкие самолеты разбомбили в щепочки. До Пестова мы шли пешком, дошкольников и слабых, больных школьников подвозили на телегах. От Пестова уже по железной дороге мы возвращались домой. Картина кругом жалкая. Развороченные подъездные пути, обгоревшие вагоны, вывороченные балки... Горе войны мы хлебнули раньше, чем сами ленинградцы. Возвращались мы в начале августа. Когда мы вернулись, я не поверила своим глазам. Город еще жил полной жизнью, как будто не было войны. Горело электричество, работали кино, филармония, театры, еще шли трамваи, люди ходили друг к другу в гости. Работал водопровод. Мы смогли, кто дома, а кто в бане, вымыться. В условиях эвакуации мы умывались только на речке. Никакие бани тогда в деревне не топились. Вид у всех нас был жалкий. Наших малышей еще в деревне пришлось ножницами остричь наголо. Другого выхода у нас тогда не было. Главное, что мы, работники лагеря, довезли их до Ленинграда живыми.

Сами ленинградцы еще не отдавали себе отчета в серьезности военного положения. Среди отдельных представителей ленинградской интеллигенции ходили версии о «свободном городе», о необходимости таким образом спасти культурные ценности города. Услышав об этом от достойных пожилых людей, я пришла в ужас, потому что поняла, как страшна и опасна была вражеская пропаганда, тем более что немецкие войска подошли к самому городу. В сентябре кольцо блокады замкнулось вокруг Ленинграда.

Приложение V-5

Сапожников Л.З.

Спасенное поколение[96]

Мы ехали в эвакуацию из большого города, который уже подвергался бомбежкам. Нас везли в южном направлении в Молвотицкий район Ленинградской области (ныне Маревский р-н Новгородской обл.). Когда поезд прибыл на станцию Лычково, эвакуированных школьников 185-й, 195-й и еще двух школ Ленинграда пересадили на подводы, повезли в дер. Седловщина. Там разместили нас в 2-этажной сельской школе. Под руководством директора 185-й школы Андрея Сергеевича Шаркова учителя быстро наладили быт, питание, работу на колхозных полях и отдых ребят. Учителям активно помогали старшеклассники. Очень скоро выяснилось, что война стремительно приближается прямо к нам. Село тоже подверглось бомбежке. Хорошо помню, что во дворе школы упала бомба, которая не разорвалась, и мы видели торчащий из земли ее стабилизатор.

...В школе побывал командующий Ленинградским фронтом К. Е. Ворошилов со свитой. Его узнала одна из наших школьниц, случайно вышедшая в коридор (всем было запрещено выходить из комнат), по большим маршальским звездам-нашивкам. Эту информацию летом 2012 г. подтвердили и жители Седловщины. Маршал громко возмущался и ругал тех, кто «привез детей на фронт». Нас в срочном порядке отправили в Свапуще на оз. Селигер. Вещи и самых маленьких погрузили на подводы, остальные шли пешком. Этот переход около 60 км проходил через поселения Манцы, Волговерховье. Днем было очень жарко и пыльно — была макушка лета, 17–18 июля. Руководил переходом Андрей Сергеевич. Он шел вместе с нами, постоянно перемещался вдоль каравана, подбадривал, шутил, подгонял отстающих хворостинкой, организовывал привалы. Иногда останавливались, пережидая бомбежки. Дату перехода удалось установить точно, так как 17 июля был день рождения Андрея Сергеевича, и старшие школьники поздравляли его букетами земляники, собранными по пути. В настоящее время в Санкт-Петербурге живут около десяти известных нам участников того перехода. Нас, спасенных тогда, особо поражает дата 18 июля, когда мы уже пришли в Свапуще, а на ст. Лычково в этот день был варварски разбомблен фашистами эшелон с детьми, прибывший из Ленинграда.

Итак, мы драпали от немцев на восток. Ночью нас переправили на пароходе на другой берег озера в Осташков. Видимо, пароход с детьми был не один и из-за бомбежек не все благополучно доплыли — на воде плавали детские панамки... В Осташкове нас погрузили в товарные железнодорожные вагоны. Начальником эшелона (около тысячи детей) был Шарков А. С. Дети были разделены на возрастные группы (может быть, по классам). Нас в вагоне было человек 25 или больше. С нами была воспитательница (учительница) и две школьницы старших классов. В качестве одной из таких помощниц в наш вагон попросилась моя сестра, чтобы быть поближе ко мне. Что было постелено на нарах вагона, я не помню (может быть, там было сено). Поезд двигался то быстро, то медленно, с неожиданными остановками, о продолжительности которых никто не знал. Столь же неожиданно, без всяких объявлений, поезд начинал движение. Так как вагоны не были оборудованы отхожими местами, во время остановок старшие быстро высаживали поочередно по 2–3 ребенка рядом с вагоном. Иногда ребят подсаживали обратно в вагон уже на ходу поезда. Минимум раз в день, а иногда и дважды, по вагонам раздавали горячую еду. Над поездом часто появлялись фашистские самолеты, обстреливали, а то и бомбили нас. В такие минуты было очень страшно. Мы забивались под нижние нары и там ревели. Одежда, особенно штаны, иногда были мокрыми не только от слез...

В это время и началось самое невразумительное. Из Ленинграда стали поступать телеграммы о возвращении эшелонов с детьми обратно в Ленинград. В одном из таких эшелонов была моя двоюродная сестра; эшелон завернули в Ленинград, так как впереди был разбомблен поезд с детьми (может быть, в Лычково?). Часть поездов возвращалась, другие по-прежнему шли на восток. На железнодорожных станциях пути были забиты воинскими эшелонами, поездами с оборудованием и людьми эвакуированных предприятий. К ним добавлялись эшелоны с детьми, шедшие в разных, в том числе встречных, направлениях. Эти скопления подвергались массовым бомбардировкам. Немало детей погибло в этой неразберихе, ранеными детьми были буквально заполнены больницы

[96] *Сапожников Л.З.* Спасенное поколение: Воспоминания о событиях, связанных с эвакуацией ленинградских детей в начале Великой Отечественной войны. 1941–1945. СПб.: ООО «Архей», 2012. С. 3–6. Печатается с разрешения автора.

Ленинграда. Многие ленинградцы, не имея достоверной информации о своих эвакуированных детях, разыскивали их по больницам. Когда наш поезд прибыл на ст. Бологое, там все горело после бомбежки. К поезду бросились десятки женщин. Они спрашивали номер школы, район и выкрикивали фамилии и имена разыскиваемых детей. Наша мама также пыталась разыскать нас до своего отъезда в эвакуацию (она уехала из города со своим заводом с одним из последних эшелонов, прорвавшихся на восток). Но ей удалось узнать, что наш поезд направился в Кировскую область.

Наш эшелон продолжал свое движение вперед, на восток, несмотря на то что телеграммы о его возвращении в Ленинград неоднократно поступали на станции, которые мы проезжали. Главным «виновником» нашего продвижения, нашим подлинным спасителем был Андрей Сергеевич Шарков, наш директор. Со слов старших мне известно, что Андрей Сергеевич просьбами и угрозами, уговорами и продуктами (в том числе и из нашего общего «котла») добивался от начальников станции, начальника поезда, машинистов паровозов только одного: наш эшелон должен отправляться в первую очередь и не назад, а только вперед, на восток. Так, на путях горящей станции Бологое не стали задерживаться даже для дозаправки паровоза водой. Он делал все возможное и невозможное, чтобы вопреки командам из Ленинграда увезти детей дальше и дальше от фронта, чтобы СПАСТИ нас. Андрей Сергеевич добился своей цели, он вывез нас из сжимающегося кольца немецких войск. В августе 41-го наш эшелон прибыл на ст. Свеча Кировской области. Я не помню, как нас везли в деревню Рыбаковщина Мочаловского сельсовета, что в семи километрах от станции. Помню, что несколько старших ребят уезжали на поиски вагонов с багажом, которые были почему-то отцеплены от нашего поезда и где-то застряли (возможно, это было раньше, еще в пути, до прибытия в Свечу). Среди этих ребят были раненые. Багаж у многих был прострелен, в вещах находили осколки.

Андрей Сергеевич со своим учительским коллективом организовал интернат для эвакуированных ленинградских школьников, который разместился в деревнях вокруг Рыбаковщины (Каменка, Коробейники, Казань и др.). Вскоре наш директор ушел на фронт. Добрые люди говорили, что это спасло его от кары соответствующих органов за непослушание, допущенное при эвакуации детей. На самом же деле это самоуправство позволило сохранить и спасти детей. Ни один ребенок не погиб.

Приложение V-6

Д. Авербух,
воспитательница дошкольного интерната № 51
Кировской области

Моя работа с эвакуированными детьми[97]

Уже несколько месяцев прошло с того момента, когда наши дети попрощались со своими родителями, и вся ответственность и забота о них легли на нас, воспитателей детского сада. Эти дети никогда раньше не посещали детского сада, не знали и не видели нас. Некоторые из них резко протестовали против своего положения, капризничали, плакали. В нас они видели как бы виновников всего случившегося: не только не подходили на зов, но даже сторонились нас и в каждом новом человеке искали поддержки и сочувствия. Так, Ида, Оля, Толя, Юра хватали за руки проходивших по вагону кондукторов, все время стремились выйти на площадку вагона, убежать от нас — людей, увозящих их от родителей, от дома.

В поезде дети жили впечатлениями Ленинграда, были поглощены игрой в войну, объявляли воздушную тревогу. Вмешательство воспитателя ненадолго прерывало игру, затем вновь и вновь звучала «сирена» по всему вагону. Перед нами встала задача ближе познакомиться с детьми, изучить их, чтобы найти правильные методы и приемы в подходе к каждому из них; стараться заменить детям родителей, чтобы сделать незаметным временное отсутствие родителей; наладить жизнь детей таким образом, чтобы оградить их от неудобства и лишений; воспитывать чувство любви и преданности Родине, героической Красной Армии, любимому вождю товарищу Сталину, развивать ненависть к врагам-фашистам. Наряду

[97] Статья опубликована в журнале «Дошкольное воспитание» (1941. № 12).

с работой по оздоровлению, закаливанию и физическому развитию детского организма мы считали необходимым воспитывать у детей бесстрашие, храбрость, бодрость, стремление быть полезным в своем маленьком коллективе.

Наша группа была сформирована не по возрастному принципу, а по принципу объединения малышей со старшими сестрами и братьями (в возрасте 10—14 лет). Это необходимо было сделать, так как в Ленинграде дети не посещали детского сада, и родители поручали своим старшим детям «надзор» за малышами. Опека старших была трогательной: Тамара, например, никогда не съедала свою порцию конфет или ягод, все отдавала маленькой Рае. Но вскоре потребовался пересмотр комплектования групп. С одной стороны, малышам угрожала опасность развития отрицательных черт характера: эгоизм, индивидуализм, отсутствие самостоятельности. Опека старших доходила до того, что самая краткая разлука сопровождалась неистовым криком малышей. С другой стороны, такое «самопожертвование» старших ограничивало их способности и возможности. Перевод школьников в отдельную группу уже через несколько дней дал хорошие результаты. Так, например, Тамара оказалась хорошей певицей, стала запевалой у старших, ее жизнь сделалась полнее, интереснее. Сестра Тамары Раечка в младшей группе легко подружилась с коллективом, участвовала в играх и занятиях детей.

Условия эвакуации потребовали тесного контакта с родителями. Нужно было наладить систематическую переписку так, чтобы она давала каждому родителю подлинную картину состояния его ребенка. Дети посылали свои рисунки, цветы. Для того чтобы родители ясно представляли себе, как живут дети в нашем интернате, мы с первых же дней эвакуации письменно знакомили их между собой, направив им адреса родителей, имеющих в нашем интернате детей 14—15 лет... Беспокойство отдельных матерей улеглось. Сейчас мы получили письма родителей, полные доверия. Вместе с тем мы собирали адреса тех родственников и знакомых детей, которые в случае надобности могли бы проявить интерес к ним.

Условия жизни детей в интернате выдвинули перед нами новые задачи. Нужно было учесть, что дети постоянно находились в коллективе, что их окружали одни и те же люди и, наконец, то, что родители не принимали участия в их воспитании. Некоторых детей, плохо мирящихся с новыми условиями жизни, более замкнутых, мы приглашали в гости к себе, предоставив таким образом ребенку на некоторое время новую обстановку, способствующую сближению с воспитателем. Мы считали, что внезапность перемены жизни нужно сгладить для детей. Это делало менее заметным переход к новым условиям жизни. Большая работа предстояла по воспитанию чувства коллективизма у малышей. Как мы работали в этом направлении? Вся жизнь в интернате дает больше возможности направлять и воспитывать детей. Остановимся для примера на том, как мы использовали для этой цели прогулки в лес.

В первые дни во время прогулок каждый ребенок собирал ягоды в свой собственный кулачок, каждый воевал за «место». Пришлось много поработать над этими настроениями детей. Воспитатель собирал ягоды в ведерко, усаживал детей и делил между ними все собранные ягоды; при этом говорилось детям, что педагог собирает для всех, что Вова тоже не жадный — угощает Витю, что Тома собирает для себя и Раи. Надя первая отозвалась на предложение воспитателя собирать ягоды вместе для всех, а за нею и остальные дети. Только Владик и Мая не захотели участвовать в общем сборе. За обедом собранные ягоды, посыпанные сахаром, были розданы всем детям. Мы подчеркнули детям, что дадим и Мае, и Владику. Те были очень смущены. Приведем несколько страничек из дневника, иллюстрирующих приемы воспитателя:

28/VII. Нина, Оля, Эрик очень огорчены своим неумением найти ягоды: лица озабочены, в голосе нотки раздражения, когда вместо ягоды оказывается красный листик. Я предлагаю поискать вместе, каждую найденную ягодку долго не срываю, поочередно привлекая внимание детей. Это вызывает у них много радости, и они постепенно научаются находить ягоды.

Толя собирает ягоды самостоятельно, но все же очень огорчен, что у него их мало. Нет ли здесь чувства неполноценности у одноглазого ребенка? Каждый раз, когда дети насыпают ягоды в общую корзину, я наряду с другими именами называю также Толю: «Молодец, Толя, он маленький, а собирает столько же, сколько и большие!» Толя доволен. Мая и Владик хоть и приносят ягоды в общую корзину, немножко оставляют для себя. «Это для мамы», — говорит Мая, но по пути ее горсточка ягод становится все меньше и меньше.

Сегодня сбор ягод кончился тем, что я дала каждому ребенку понемногу тут же в лесу, а остальные было решено принести домой и спрятать на завтра: «Когда будет ягод побольше, тогда и съедим их на третье». Дома никто из детей не стал просить ягод, все терпеливо ждут завтрашнего дня. Я думаю, что этим мы способствуем воспитанию у детей терпения, умения владеть собой.

1/VIII. Сегодня ягоды дружно собирали все дети, собрали два ведерка. Я предложила обсудить, что будем делать с этими ягодами, выразила сожаление, что Геня, Вова, Эдик, Мая

заболели, не пошли с нами на прогулку в лес, что им в изоляторе скучно, а нам в лесу весело. Женя первый предложил отнести ягоды больным. Мнения разделились: Гога, Коля, Толя и Юрик захотели сами поесть ягоды. Я без возражения наделила всех четырех ягодами, остальные отказались от своих порций в пользу больных.

6/VIII. Сбор ягод продолжает интересовать детей. Почти все они научились замечать и срывать ягоды. Жадность постепенно улеглась. Сегодня мы предложили детям собирать ягоды на зиму: засушивать их, нанизав на травку. Нанизывание оказалось легким даже для самых маленьких, кроме Вити. Все дети нанизывали ягоды, радовались тому, как красиво они выглядят на травке, принесли домой и развесили. Мятые ягоды они съедали. Дети стараются набрать и насушить побольше ягод, проявляют заинтересованность общим делом. Мне хотелось привлечь к этому и Маю; я насыпала в ее ведерко горсть ягод, говоря: «Маечка, вот тебе травинка, ты заодно и мои ягоды нанижи на травинку вместе со своими, а я пока соберу еще». Мая с недоумением встала, поглядела на меня и стала нанизывать ягоды. Предстоит еще большая работа по воспитанию Маи, более общественного отношения к детям с ее стороны.

Такие представления, как «красненькая», «черненькая», «маленькая», «большая», «много», «мало», — стали более точными. Словарь детей обогатился новыми словами: «ароматный», «душистый», «полезный», «вредный». Эти примеры иллюстрируют, как мы использовали прогулки в лес в воспитательных целях. Опорой воспитателя в налаживании правильных взаимоотношений в группе явились дети, не «единственные» у своих родителей. Пример Гоги, Вали, Жени, их обращение с младшими сестрами, братьями мы используем в воспитательной работе. Эти дети пользуются авторитетом в группе, их любят товарищи.

Мы часто беседуем с детьми о любимом городе Ленина, о родителях, но всячески стремимся вызвать у них спокойное отношение к разлуке с родными, изгнать тоску, заменить ее ненавистью к врагу, желанием мстить ему. Научить детей ненавидеть врага — наша первоочередная задача. Широко используются в воспитательных целях письма родителей, а также ответные письма, которые пишут дети. Переписываясь с родителями, мы просили некоторых из них описать в письмах к детям подвиги родных и знакомых по защите Ленинграда. В ответ на нашу просьбу мать детей Меркуловых пишет, что ее брат, «дядя Коля», один сражался со многими фашистами, что хотя он и ранен, но это не беда, он здорово отомстил врагам Родины. Из этих писем родителей мы составили книжку-самоделку, своего рода сборник рассказов о подвигах наших советских людей, часто читаем его детям, и каждый раз возникает живая беседа.

Практика работы в интернате выдвигает перед нами и многие другие серьезные педагогические проблемы: например, вопрос о разрешении конфликтов между детьми, о воспитании умения дружно жить в коллективе и вместе с тем отстаивать свои интересы и взгляды. Нам кажется, что над этими вопросами следует серьезно поработать, найти их разрешение, отыскать такие методы и приемы, которые помогут правильно воспитывать наших детей.

Приложение V-7

Тищенко Е. С.
Во время войны — директор детского дома № 34
Гаврилов-Ямского района Ульяновской области.
После войны — зав. детсадом № 36
Московского района Ленинграда

Моя работа в эвакуации

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4

Незабываемая зима 1941–1942 года стала великим испытанием для всего населения Ленинграда. Люди голодали, не имели топлива, чтобы обогреться, выбыли из строя электростанции, остановились трамваи, в квартирах не было света, а подчас и кружки воды. Люди гибли от вражеских пуль и бомб, от варварских артобстрелов. Более сильные выживали, более слабые стали гибнуть. Появилась смертность... В городе оказалось много сирот. Решением городского комитета партии и Ленсовета стали организовываться детские дома,

куда поступали больные, голодные, завшивленные дети.

Весной 1942 года началась эвакуация детей из Ленинграда через единственную дорогу — Ладожское озеро (ледовый путь). 31 марта 1942 года я получила назначение, мне была поручена большая и ответственная работа. Меня назначили директором сборного детского дома, направляемого в эвакуацию, которая была назначена на 4 апреля 1942 года. За трое суток надо было провести всю подготовку к эвакуации: получить инструктаж, скомплектовать штат, оформить эвакуационные документы, обеспечить детей минимальным оборудованием в дорогу и сдать дела детского сада № 9, которым я заведовала. Из всего коллектива, который я получила в дорогу, я знала только Чупрову М. В., которая уже 3 месяца работала со мной завхозом детского сада № 9. Остальные люди мне были незнакомы, да к тому же сами совершенно больные.

4/IV-1942 г. утром я принимала детей из девяти детских точек: семи детских садов и двух детских домов. Отправка проводилась из 22 детского дома, который находился на Цветочной улице, 13. Утро началось жутким, незабываемым для ленинградцев артобстрелом, который к вечеру окончился еще более жутким налетом авиации. С 9 до 12 часов утра принимала детей, по счету сдавала воспитателям, на ходу закрепляя за ними группы. Тут же врачи проводили осмотр детей. В 12 часов дня детей стали усаживать в автобусы и отправлять на Финляндский вокзал. Езда по Ленинграду, посадка в автобусы сопровождалась свистом снарядов, гулом взрывов. По-видимому, фашистские бандиты задались целью уничтожить спасаемых детей. Несмотря на их неистовства, эшелоны благополучно отправлялись в путь.

Переправа через Ладожское озеро показала нам огромную заботу, стойкость и мужество, умелое руководство нашей партии и правительства. В душе появилась твердая уверенность, что каждого из нас видит и спасает вся страна! Труден был путь... кончился он через 10 суток. Нас — четыре детских дома г. Ленинграда разных районов, принял на свое попечительство Гаврилов-Ямской район Ярославской области. Общественность, парторганизация РОНО встретили нас очень тепло и радушно. Первое время нас поселили в бывшей школе фабрично-заводского ученичества. Рабочие фабрики льнокомбината обеспечили детей кроватками, матрацами и подушками — правда, из соломы, но с чистыми наволочками, простынями и одеялами. Питание первое время получали из столовой, так как не было своей кухни и кухонного оборудования.

В первый же день приезда нас принял председатель райисполкома тов. Мазанов. Он познакомился с особенностями каждого детского дома, состоянием здоровья вверенных детей, материальными возможностями, состоянием обслуживания. И в дальнейшем налаживание жизни детского дома шло под личным его руководством. В первые же дни часть наиболее слабых детей была взята на стационарное лечение в местную детскую больницу. Большую помощь оказывал моему детскому дому председатель горсовета тов. Карамелев. В любое время по любым вопросам можно было пойти к этим руководителям, и директор детского дома всегда был принят, как бы эти товарищи ни были заняты, а работы им во время войны хватало! По решению райисполкома и райкома партии моему детскому дому был выделен шеф — строительный отдел фабрики льнокомбината — начальник отдела товарищ Дербенев. За два месяца по моему указанию приспособили, утеплили и отремонтировали здание в бывшем доме отдыха деревни Селище Стогинского сельсовета Гаврилов-Ямского района. За 15 км от района.

Постепенно были сделаны ими же топчаны, скамейки, прочее оборудование. В первые же дни жизни пришлось есть, сидя на полу, спать на полу, зато кругом была тишина, лес, поле, речка. До нашего приезда в этой усадьбе жили дети Литфонда и Худфонда, эвакуированные с «мамочками и нянюшками», крайне неорганизованные, все портившие и ломавшие. У директора дома отдыха сложилось впечатление, что все ленинградские дети такие. Когда он убедился, что наши дети воспитываются организованными, трудолюбивыми, не предоставляются сами себе, а находятся с воспитателями, добросовестно относящимися к своим обязанностям, он удовлетворил мою просьбу и дал в пользование по акту картины, портреты вождей, волосяные матрацы, перовые подушки, столы, стулья и пр. оборудование. Это помогло создать уют в наших комнатах. Снабжение промтоварами шло через ОБЛОНО г. Ярославля, продуктами питания — через Облпотребсоюз. Первые три месяца мы получали оздоровительные нормы питания. Райпотребсоюз отоваривал все своевременно. Дети поправились, окрепли. Появившиеся в большом количестве ягоды помогли изжить цингу.

Трудности с питанием в районе были большие, и у нас возник вопрос о своем подсобном хозяйстве, чтобы обеспечить детей добавочным питанием и облегчить району наше содержание. С этим вопросом я обратилась в райисполком. Было вынесено специальное решение о передаче земли в количестве 10 га детдому из колхоза «Новые восходы». Назначены были и шефы — колхозы, которым дано указание оказать помощь в организации обработки земли. Колхоз «Красный путиловец» Стогинского

сельсовета и колхозы Калининского сельсовета стали нашими опекунами.

Мне приходилось выходить на заседания исполкома сельского совета, рассказывать о героической борьбе ленинградцев, о наших детях, их матерях и отцах, защищающих нашу Родину. Снабжение к зиме 1943 года стало хуже, и только благодаря шефам-колхозам, которые помогли картофелем, капустой, мясом, молоком, овсом, нам удалось кормить детей удовлетворительно. Коллектив детского дома работал самоотверженно, не считаясь со временем, помогал колхозам в уборке урожая. За лето 1942 года заготовили 400 куб. метров дров на зиму, 350 пудов сена. Колхозы выделили детскому дому поросят, овец. Один из госпиталей, уезжающих из Гаврилов-Ямского района, передал детскому дому лошадь.

Весной 1943 года наши шефы обеспечили нас семенным картофелем. С их помощью, и мобилизуя своих работников, удалось засеять отпущенную нам землю картофелем и овсом, разбить огороды, где были посажены и посеяны морковь, редис, салат, помидоры, репка, лук. Работники детдома работали с утра до вечера. Половина штата в поле, другая — с детьми. Дети наши — дошкольники помогать не могли. Но они тоже учились работать на своих огородиках, где вели наблюдения. Когда созрели ягоды и грибы, то дети с воспитателями заготовили столько ягод и грибов, что в сухом, соленом и сушеном виде хватило на всю зиму. С особым удовольствием дети ели пироги с брусникой, вспоминая, как летом ее собирали, или картофельные котлеты с грибным соусом. Осенью дети помогали в колхозе собирать колосья ржи, чем оказывали посильную помощь колхозу. Собирали ребята и лекарственные травы, которые сдавали в аптеку.

Педагогический коллектив, выехавший в эвакуацию: Буркова Т. Н., Гордеева Т. П., Козлова Н. Я., Жур Е. П., Корбут З. А. Данного количества воспитателей на 115 человек детей было мало. Район кадров не имел. Возникла необходимость в выращивании своих кадров. Были приняты на работу ленинградцы: Бегма Е. К., Шухмахер К. С., Викторов Е. В. Как воспитатели, приехавшие с детдомом, так и вновь принятые специального образования не имели. Стаж дошкольной работы до 5 лет был у Бурковой, Гордеевой, Козловой. Пришлось усиленно с ними всеми заниматься. Посещала группы, проводила анализ занятий, давала показ. Ежедневно проводила консультации по вопросам организации жизни детей, создания уголков, планирования и учета, поделки игрушек-самоделок. Несмотря на отсутствие первое время покупных игрушек, дети не были их лишены. Во-первых, была организована связь с местными пионерами района, которые организовывали сбор игрушек для детей детдома, цветных и черных карандашей, красок, бумаги и пр. Во-вторых, воспитатели сделали куклы, мячи, настольные игры: лото, мозаику, кубики. Викторов (по образованию инженер-конструктор) изобретал интересные игры-забавы, сделал настольный строительный материал и пр. Воспитатель-мужчина в дошкольной практике — редкое явление. Когда он пришел в детский дом с направлением РОНО, я сомневалась, что он справится с нашей работой. В действительности оказалось, что как с детьми младшего, так и старшего дошкольного возраста он работал одинаково добросовестно и с любовью.

На педсоветах мы проработали вопросы физического воспитания по материалам Аркина, я проводила подвижные игры с разъяснением правил, практические занятия для воспитателей по развитию речи, о самообслуживании, о борьбе с капризами и упрямством и т. д. Музыкальные занятия проводились под патефон, под песню и, наконец, под баян, который мне передал в пользование директор дома отдыха. Играл на нем временный работник Большаков — фронтовик, находившийся на излечении, затем одна из воспитательниц. Песня вошла в быт детдома. Занятия с разными материалами проводились круглый год. Особенно любимыми были: лепка, работа с папье-маше и шитье.

Вначале воспитатели мне заявили, что они не умеют сами шить и вышивать. Я предложила научить их вышиванию. Обрезки материалов, так же как и цветные нитки, мне давала фабрика льнокомбината. После нескольких занятий вечерком успехи воспитателей стали хорошими и даже отличными. Мы решили вышить детям дорожки на столы, коврики, занавески и пр. Скоро у нас в группах стало уютно и нарядно. Дети тоже стали увлекаться рукоделием. У нас стали вышивать не только девочки, но и мальчики. Особенно рьяными вышивальщиками стали Игорь Суровин, Миша Бахвалов, Валя Коростышевский. Они освоили не только стебельчатый шов, но и гладь, японский шов, ришелье. Платья девочкам, рубашки русские и украинские были вышиты самими детьми. Затем старшие вышили малышам нагрудники, салфетки, рубашки, воспитатели — платья.

Работе по счету тоже уделяли внимание, сами готовили пособия и пользовались природным материалом. По родному языку приобрели картины для рассказывания по картинкам, боролись с дефектами произношения, проводили драматизации рассказов по картинкам, развивали память путем запоминания стихов, попутно добиваясь выразительности произношения. Особенно широко велась работа в природе, имелись и живые уголки. Материалы наши по всем разделам работы были

неоднократно на выставке при проведении областных конференций. Планы праздников, протоколы педагогических совещаний, работы по шитью посланы в Москву. Обследователи отмечали, что коллектив детей дружелюбен, особенно приветлив, представляет спаянную ласковую семью. За три с половиной года работы три воспитателя получили среднее дошкольное педагогическое образование, т. к. были включены мною в сеть заочного обучения в г. Рыбинске. Лучшими людьми были воспитатели: Корбут З. А., Гордеева Т. П., Бегма Е. К., Викторов, завхоз Чупрова М. В., воспитатель Шумахер К. С., техн. — Муханова П. С., Муханова А. П., няня Герасимова А. И.

Летом 1943 года построили мы свое овощехранилище, отремонтировали баню, сараи. К этому времени нам наши шефы дали трех дойных коров, рабочего быка, обзавелись мы и курами. Более слабые дети получали добавочное питание из подсобного хозяйства. С колхозниками у нас наладились дружеские отношения. В праздники Красного календаря они были самыми почетными гостями, так же как и наши дети у них. Я и воспитатели детдома были агитаторами, мы проводили литературные чтения, организовывали спектакли. По повышению идейно-политического уровня с работниками детского дома проводились регулярные читки газет. В райкоме партии был выделен докладчик т. Соколов, который раз в месяц читал доклады о текущих событиях.

В районе я была назначена общественным инспектором по детским садам фабрики льнокомбината (их было 6) и по детским домам (один местный, Калининской области, и один ленинградский). Штатного инспектора район не имел. Мы делились опытом, бывали друг у друга на занятиях, организовывали методические объединения, на которых ставились доклады воспитателей и директоров по вопросам воспитания и продвижения детей, методик и т. д. С отцами-фронтовиками вела регулярную переписку, всегда находила время для ответа, за это получала особенно теплые дружеские письма с благодарностями. При первой возможности сфотографировала детей и выслала фотокарточки на фронт. Это принесло большую радость отцам-фронтовикам.

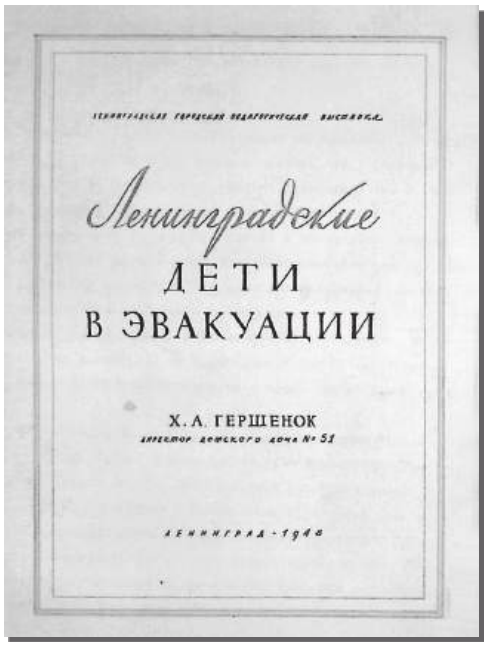
В настоящее время детский дом по-прежнему живет там же. Дети уже учатся в 5 классе. Меня любят, мне пишут, зовут в гости. С районом тоже имею связь.

Приложение V-8

Х. А. Гершенок.
Директор детского дома № 51. Ленинград. 1948 г.

Ленинградская городская педагогическая выставка «Ленинградские дети в эвакуации»

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4



В аннотации, составленной научным сотрудником ЛГИУУ писателем М. С. Паничем, говорится: «Надо отдать должное автору рукописи — очень сильно и вместе с тем экономно он показывает героизм взрослых и детей, чувство коллективизма, общности всех советских людей, их героическую готовность в любых тяжелых условиях прежде всего придти на помощь детям. Ценность рукописи Х. Гершенок — в умелом отборе фактов, действительно ярких, действительно убедительных, помогающих читателю лучше понять душу советского ребенка и силу советского воспитателя-педагога»...

Первые дни войны

«Подруги и сестры! Знаете ли вы, что сделали фашисты на подступах к Варшаве? Они казнили пять тысяч человек, в большинстве женщин

и детей. Они зарыли их трупы в канаву и провели на этом месте дорогу... Еще рыдают обезумевшие матери в Черткове. Раздетые, разутые, бродят осиротевшие дети по улицам Киева. Помните об этом, защищайте ваших детей, жизнь которых находится под угрозой». Эти слова были записаны в обращении, принятом на общегородском женском митинге 27/IX-1941 г. в Ленинграде.

С первых месяцев войны Ленинград стал городом-фронтом. Ленинградцы увидели перед собой звериное лицо врага, почувствовали его смрадное, смертоносное дыхание... Они отправили своих детей в глубокий тыл, оторвав их от материнского сердца. Заботу о наших дорогих ребятах взяли на себя и любовно осуществляли ленинградские педагоги под руководством партийных и советских организаций. Через семь дней после объявления войны начали вывозить детей из Ленинграда. Группа детей в количестве 136 человек, вверенных мне и моему коллективу работников, была вместе с другими коллективами вывезена в Боровичский район Ленинградской области. Эта эвакуация была как бы генеральной репетицией дальнейших мероприятий в отношении детей.

4 августа 1941 г. вместе с инспектором РОНО Смирновой Маргаритой Алексеевной мы возвращали детей обратно в Ленинград, спасая их от приближавшегося в Ленинградскую область врага. Первое боевое крещение было получено у станции Бабино — налет немецких самолетов на наш состав. Все дети были сняты с вагонов и «спрятаны» в растущей по сторонам железной дороги картошке. Эти первые переживания за сохранение жизни детей заставили настроиться на необходимость дальнейшей самоотверженной работы. С волнением ждали нас в Ленинграде родители и организации, зная об опасности дороги. К счастью, у нас не оказалось потерь, и мы с радостью и волнением передавали родителям румяных ребятишек, успевших хорошо поправиться в дачных условиях. А они весело рассказывали: «А мы сидели в картошке, когда немец летал». На это способны малыши с их непосредственностью, но мы, взрослые, ясно представляли себе, что это только начало фашистских «подвигов».

Наш 49-й детский сад снова зажил своей жизнью, снова стали приходить сюда детишки, но уже в конце августа в жизни детского сада появилось нечто новое, для нас необычное: осиротел Коля Сусанов, у которого убили папу. Прошло некоторое время, и за ним не пришла его мама. Колю оставили ночевать в детском саду. На следующий день Зоя Васильевна пошла узнать, что с Колиной мамой. Оказалось, и Колиной мамы не стало... Коля стал нашим. Также нашим стал и Вова Смирнов. Боец Иова привел своих дочь и сына. Где их мама, не было известно. Так росла семья осиротевших детей. Работники детского сада стали по очереди оставаться с детишками ночевать. Воздушные тревоги стали частым явлением для нас, но боевые действия происходили все же вдали. День 8 сентября останется для всех нас памятным, в этот день был первый большой налет на Ленинград. Я часто оставалась ночевать в детском саду, но в этот день я пошла домой. В 8 часов вечера началась тревога, отбой был через час. В 11 часов была снова тревога, снова отбой, а с часу ночи творилось уже что-то невообразимое: беспрестанный гул моторов немецких самолетов, бесперебойная стрельба наших зениток. Дом сотрясался до основания. Нас обязали спуститься на первый этаж. У меня не было ни телефонной связи с детским садом, не было у нас тогда и пропусков.

Мысль, что что-то может случаться с детьми — у нас их было уже 10 человек — заставляла душу холодеть... Я представляла, как они там напуганы, эти десять детишек, понимала, что волнение дежурных необычайно. Здание детского сада большое, в стороне, а я дома, не с ними. Ведь можно детям спуститься в полуподвальное помещение (кочегарку). Догадаются ли? Я не находила себе места. Когда же «это» кончится, когда кончится ночь? Дети и детский сад стояли у меня перед глазами. «Больше я уже не покину своего поста, — сказала я себе в эту ночь. — Как странно быть не вместе с детьми! Ведь мы теперь их единственные защитники и спасители!» Я дождалась отбоя, потом в 6 часов утра, добежав до детского сада, я увидела, что в нем все благополучно: дети спокойно спали, дежурные рассказывали о пережитых волнениях. В небо вздымались клубами тучи черного дыма, а под ними — языки огня. Этот тяжелый дым, зловещий, густой, был дымом горящего сахара, муки, масла. Горели Бадаевские склады, центральные кладовые Ленинграда.

Зимой 1941—1942 года. В осажденном Ленинграде

Жизнь Ленинграда осложнялась с каждым днем, осложнялась она и у нас. Мы перестроились на жизнь по-военному. Все шло по плану ПВО, быстро исполнялись все приказания, каждый четко знал свои обязанности по объекту во время тревог. При звуках сирены дети мгновенно уводились в бомбоубежище соседнего дома. Так как число детей, постоянно живущих в детском саду, росло, а ночью оставаться в своем доме стало опасным, мы договорились с ближайшим домоуправлением, что нам будут выделены два отсека для сна детей. Но не прошло и месяца, как мы убедились, что это нас не устраивает:

носить постели каждый день в убежище довольно сложно, оставлять их там невозможно, так как отсеки не были изолированы. Перед РОНО был поставлен вопрос об организации убежища для ночного пребывания детей. Скоро убежище было организовано для нескольких детских садов, в том числе и для нашего, в доме № 60 по Лесному проспекту.

Единственная сложность — путь от детского сада до убежища. Хотя это расстояние при нормальной жизни ничего не значило: одна трамвайная остановка, но в тяжелых условиях зимы 1941–1942 года это было крайне затруднительно. Случалось так, что пока мы шли из детского сада до убежища, по нескольку раз объявлялась воздушная тревога, и нам приходилось спасаться в убежищах, находившихся на пути. Самых маленьких мы возили на саночках. Сон в нашем убежище был организован вполне удовлетворительно. Там стояли наши кроватки-раскидушки, на которых регулярно менялось постельное белье. Время до сна использовалось для чтения, бесед, пели песни.

В бомбоубежище

Зав. РОНО Петров Михаил Михайлович, инспектор РОНО тов. Смирнова, представители райсовета, представитель Гороно Сасим Ольга Фадеевна периодически навещали нас в вечернее и ночное время, заботливо наблюдали за нашей жизнью и помогали в разрешении всех возникающих вопросов. Наше настроение было бодрое, все трудности переносились стойко, коллектив работников представлял одну тесно спаянную семью. Настроение, естественно, передавалось и детям. В один из мартовских дней, когда мы были в пути из убежища в детский сад, у детей завязался спор: когда мы победим — зимой или летом? Спорили старшие Геля Наина, Вова Смирнов, Эрик, Коля Сусанов. Голоса разделились: Геня и Коля говорили, что фашистов зимой лучше заморозить, а Вова и Эрик думали, что летом труднее фашистам ходить, и наши их побьют, а фашистские самолеты летом легче подстреливать. Но вот в спор неожиданно включилась Зиночка Федорова: «Все равно когда, все равно мы победим! Товарищ Сталин сказал, что дело наше правое, и мы победим. Правда, так сказал товарищ Сталин?» И ее личико повернулось к нам, взрослым, для подтверждения ее мысли. Да, она была права, потому что был прав товарищ Сталин!

Из общего количества 150 человек к 1 апреля наша семья осиротелых детей выросла до 32 чел. Мы незаметно для себя стали маленьким детским домом. 21 марта 1942 г. исполнительный комитет Ленгорсовета вынес решение об эвакуации детей в глубь страны. 14 детей нашего детского сада 4 апреля были отправлены в Ярославскую область. Мне была поручена организация детского дома и подготовка его к эвакуации. На базе 49-го детского сада был скомплектован коллектив работников, из состава детей нашего детского сада было взято 15 детей, 25 детей — из 51-го детского дома, остальные 67 из разных детских садов нашего района.

10 апреля 1942 года зав. РОНО Петров Михаил Михайлович вместе с представителями общественности проводил нас с Финляндского вокзала в дальний и сложный путь. Провожать нас через Ладожское озеро поехала зав. райздравотделом Выборгского района Попова Дина Наумовна и представители общественности. Детский дом стал называться «Детский дом № 51 Выборгского района». Вагон отошел. Мы повезли ценный «груз»... Ночь мы простояли в Ржевке, уже трудно узнаваемой — все разбито, а наутро были в Борисовой Гриве. Там нас ждала Евгения Тихоновна Федорова, секретарь райсовета, которая организовала нашу отправку дальше. 12/IV утром была отправлена машина с продуктами и вещами, сопровождала ее зав. хозяйством Сугер Анна Моисеевна. Ей было поручено принять вагон и сделать все необходимое для посадки детей. Во вторую половину дня были поданы 4 машины для детей. Вот уже все размещены, усажены. В каждой машине 3–4 взрослых, воспитатели и технические работники детского дома. Машина одна за другой с интервалами в 6–7 минут отправились на расстилающийся перед нами лед Ладожского озера. На озере много трасс: из Ленинграда увозили его жителей, в Ленинград везли продукты питания.

Переезд детей детского дома через Ладожское озеро

День был ясный, небольшой морозец, ласкающее солнышко, ослепительно белый снег, точно усыпанный блестками лед. Тихо. Зачем война? Так приятно смотреть на эту сказочную красоту природы, но в то же время как-то стыдно думать сейчас о красивом, когда все мысли, все внимание сосредоточены на детях. В моей машине, шедшей последней, усажены ребятишки, как грибки. Их 30. Это самые старшие. Они с интересом разглядывают снежно-ледяное поле и прозрачно-голубое небо. Лица у детишек бледненькие, взоры настороженные. Глядя на них, тревожит одна мысль: как бы благополучно проехать... Колеса машин погружаются в воду, местами по трассе проложен бревенчатый настил. Вот патруль проверил пропуск. В кабине рядом с шофером сидит еще один военный, они по очереди выглядывают из кабины, смотрят на

нас и с удовольствием фиксируют благополучие. Большинство ребятишек, убаюканные спокойным ходом машины, уснули. Стемнело. Машина быстро перешла на берег. Озеро осталось позади. Мы в Лаврово. Наша машина пришла первой. Вслед за ней пришла и вторая. Состав эшелона стоял наготове. Анна Матвеевна и товарищи ждали нас, и мы быстро усадили детей в вагон.

Но вот нет машин, которые отъехали раньше нас. Что бы это значило? Люди, прибывающие после нас, рассказывают, что впереди их обстреливались какие-то машины. Ужас охватывает меня и моих товарищей, ведь здесь только половина детей. Нет, между прочим, машины с самыми маленькими во главе с воспитательницей Борк Еленой Ивановной и машины с 6-летками во главе с воспитательницей Огневой Антониной Максимовной. Где они, что с ними? Ходим по берегу, с душевным трепетом встречаем подъезжающие машины, но все не те. Машины подходят с разных сторон, ведь трасс было несколько. Так прошло мучительных два часа. Вдруг мы услышали голоса: «Сюда, сюда, Хана Александровна, сюда!» Мы с тов. Поповой подбежали к идущей нам навстречу Елене Ивановне. Она кого-то держала на руках. Я приняла с ее усталых рук небольшое существо. Это оказался раненый Геня Аллеев. «Надо взять Ксаночку, она в машине, с ней тоже неблагополучно», — дрожащим голосом сказала Елена Ивановна. Мы двинулись к вагону. Тов. Попова пошла за Ксаночкой. Потом, уже спустя некоторое время, мы прочитали в дневнике Елены Ивановны следующее:

«12/IV. Лаврово. В машине дети от 3 до 5 лет, их 25, я, вторая воспитательница Татьяна Ивановна и няня тетя Надя. Дно машины укрыли матрацами, детей, кто был плохо одет, покрыли одеялами. Детских головок из кузова машины не было видно. Машина тронулась, при выезде на озеро остановил патруль. “Ваш пропуск? Что везете?”. Посмотрел в машину: “А, ребята, езжайте, счастливо”. “Как дорога”, — спросила я у шофера. “Проедем”, — был короткий ответ. С этого момента я почувствовала, что мы со своим драгоценным грузом расстались с родным Ленинградом, может быть, навсегда, в лучшем случае, надолго.

Вот машина накренилась сильно набок, так что дети все сдвинулись в одну сторону кузова. Проехали несколько минут в одном положении, машину наклонило в другую сторону. На личиках у детей испуг, держатся друг за друга, вскрикивают, а некоторые храбрятся: “Я не боюсь”. Многие молчат, сжав губенки, а некоторые просто плачут. Мы успокаивали, придерживали ребят, но они не выдерживают этой качки, бросания из стороны в сторону, и количество плачущих увеличивается. Мы еще не знаем, кого как зовут, хотя списки у нас на руках. Здесь мы начинаем с ними знакомиться. Люся Зверева совсем не боится, Галя кричит, Веня смотрит, широко раскрыв глаза. Но вот качка кончилась, и колеса пошли по ровному месту, шурша в воде, осколках льда и талом снеге. Дети успокоились, а наша тревога увеличилась, воды под колесами становилось все больше и больше, местами вода доходила до кузова. С шофером установился контакт. Он выглядывал иногда из кабины, узнавал, как чувствуют себя дети. Таков без изменений был путь до половины озера. Дети успокоились, некоторые начали дремать.

Вдруг машина остановилась. Спрашиваю у вышедшего из кабины шофера: “Что случилось?”. Показывает рукой влево на горизонт — летит, проклятый... В один миг вражеский самолет был над нами, послышались три очереди пулемета “р-раз, р-раз, р-раз”... над самыми головами, шум, треск, грохот. Столбами ледяной воды, снега забросало в кузове всех детей, ребята закричали, инстинктивно пригнулись ко дну машины. Откуда-то появился дым. За брызгами снега, льда и дыма ничего не было видно, но через минуту все рассеялось, стервятник скрылся из вида. Мы стали просматривать детей, все плакали и умоляюще смотрели нам в глаза, ища защиты. Мы стряхивали с них снег, успокаивали, ласкали. Лица детей все испуганные, бледные, но лицо Ксаночки Курчевской бросилось в глаза своей зеленоватой бледностью. “Детка, где болит, что болит?” “Животик”, — слабеньким голосом ответила девочка, показывая на грудь рукой. Я расстегнула пальто и платье, увидела капельки крови на белье, раны не было заметно. Я с ужасом поняла, что есть раненые дети. Геня Аллеев одновременно вскрикнул: “Ногу, ногу, больно”. Раскрыв пальто Гени, мы увидели рану на ноге. В коробке с медикаментами мы обнаружили широкий бинт, забинтовали ногу, но кровь просочилась через перевязку. Геню я взяла на руки и так всю дорогу держала его, смотрела в его лицо, чтобы понять, как он себя чувствует. Ксаночку положили на матрасик, чтобы лежала в спокойном состоянии. За ней следила тетя Надя. Татьяна Ивановна была занята здоровыми.

Большое опасение за жизнь этих детей охватило нас. У Гени глаза были закрыты, губки стали запекаться, дыхание стало неровным. Глотками воды, кусочками шоколада мы поддерживали силы Гени и Ксаны. У Вадика Ефимова заметили тлеющее место на пальто, осмотрели: тлели пальто и курточка на мальчике от простреленной пули, которая, к счастью, его не задела. Дети притихли. Машина подалась в сторону и пошла другой трассой. Вдали были слышны

зенитная стрельба и грохот орудий. Над нами голубой свод неба, чистый, без единого облачка. Кругом расстилались снежные просторы. И все думалось, а вдруг опять налетит стервятник? Скорей бы миновать озеро, скорей бы оказать помощь раненым. Геня и Ксана тихо лежали. Иногда были слышны их слабые стоны. Уже виден берег Лаврово. Последние 7–8 километров кажутся очень медленными. Наконец мы подъехали к берегу. Крутой подъем. Лед у берега рыхлый, подтаял, колеса нашей машины застряли в вязком иле. При всех попытках шофера мотор не мог взять завязшую машину, но, к нашему счастью, подъехали другие машины и на буксире вытащили нас на берег. По изрытой рытвинами дороге мы больше часа пробирались по берегу до нашего эшелона. Я стала искать своих. О нас уже, без сомнения, тревожились, ждали, искали. Я увидела Х. А., врача Попову».

Детей внесли в вагон. Тов. Попова оказала первую помощь раненым. Одновременно послали за врачом в санитарный вагон. Ранение Ксаночки было опасно для жизни, у Гени рана выше колена, много потерял крови. Пока оформляли Геню и Ксану для отправки в эвакогоспиталь, находящийся на ст. Лаврово, всех детей разместили в вагоне, дали сладкий чай и печенье. Успокоенные дети уснули. Наши тревоги продолжались: не было еще одной, четвертой машины с детьми. Уже совсем темно. Наступила ночь. Потрясенные ранением двух детей, мы переживали такое чувство, что в четвертой машине, вероятно, все ранены. Не спали всю ночь. Ходили к дежурным, ходили в санчасть, справлялись у всех прибывающих, не видели ли машины с детьми. Везде и от всех слышали одно: «Нет, не попадалась, не видали». Едва мы дождались рассвета. Работники были направлены по разным сторонам берега на поиски машины. Только в 10 часов утра наше волнение перешло в радость: подъехала наша четвертая машина. Все целы, здоровы. Веселые, улыбающиеся ребятки и усталые, взволнованные взрослые. Антонина Васильевна позднее записала о своем переезде через Ладожское озеро. Хочется мне передать.

«...В кабине нашей машины, кроме шофера, был еще лейтенант т. Колпаков. В машине было 25 детей старшей группы. Когда мы спустились с берега, при выезде на трассу патруль проверил наш пропуск, и мы поехали. Дорогу правильнее можно назвать уже не ледяной, а водяной — вода местами доходила до кузова машины. Дети притихли. Для них, и не только для них, но и для взрослых такая поездка через озеро на машинах по воде была необычайной. Так мы проехали половину пути. Вдруг лейтенант Колпаков стал на подножку и начал осматривать небо. Мне стало сразу тревожно. Я особенно остро почувствовала ответственность за сохранность жизни детей. Слышен был далекий гул моторов, а вскоре мы увидели и летящие самолеты. Машина прибавила скорость, и мы понеслись, разбрасывая вокруг себя брызги воды. Тов. Колпаков приказал разбудить задремавших детей, снял с себя шинель и бросил мне в кузов. Вдруг шофер резко затормозил. Два вражеских самолета на высоте метров пятидесяти пролетели над нашими головами. Раздался треск, грохот, поднялись фонтаном брызги льда и снега. Нас оглушило, забросало брызгами, но прошло несколько минут, и все рассеялось.

В машине спокойно, никто не кричит, значит, все обошлось благополучно. На нас посмотрели из кабины, и успокоенный шофер снова погнал машину. Только мы стали приходить в себя, как взлет самолетов над нами повторился. Опять свист, грохот, стрельба, снова фонтаны брызг, снова свист пуль. Дети опять спрятали головы под одеяла, помогла и шинель лейтенанта Колпакова. Среди детей все так же спокойно. Оказалось, что наши зенитки отогнали фашистов, и мы продолжали путь. Но вот кончается бензин, его ушло больше, так как машине пришлось маневрировать во время налетов. До Лаврово еще далеко. Наши водители решили ехать в Кабаны заправиться, а оттуда уже попасть в Лаврово. Но бензина все же не хватило и до Кабан. Шофер взял ведро и по воде пошел за бензином на базу. Стало смеркаться. Только через час он пришел с бензином и заправил машину.

Было совсем темно, когда мы добрались до Кабан. Лейтенант Колпаков доложил начальству, что он привез машину с ленинградскими детьми. Нас подвезли к какой-то избе, где нас встретили военные. Они бережно сняли детей с машины и на руках перенесли в избу. Хозяйка вскипятила самовар, но никто не дождался кипятка. Утомленные дети уснули на полу на своих пальтишках. Мы, взрослые, по очереди дремали, сидя на табуретках у стола — прилечь было негде. У нас, как и в каждой машине, был аварийный запас, коробка с медикаментами, наволочка с белым хлебом и несколько плиток шоколада. Вот эта “наволочка” и пригодилась нам утром. Рано-рано хозяйка вскипятила самовар, всех детей удалось накормить и напоить.

Не могу обойти молчанием о нашем неожиданном и очаровательном спутнике лейтенанте Колпакове. Он пришел к нам в 9 часов утра, у него был котелок с горячим супом (по-моему, это был его завтрак). Он попросил у меня разрешения угостить детей супом. Так Коля Папанин, Сережа Козлов, Геня Грязнов, Эрик оказались его гостями. Он шутил с детьми, расспрашивал, кого как зовут, ребята

оживились и, гордые, что с ними разговор ведет военный, наперебой рассказывали каждый про себя. Тут же выяснилось, что большинство из них не знало о вчерашнем налете на озере, не знали, что над ними кружились вражеские самолеты... “Я слышал, как стреляли и как снегом брызгало, одеяло все в снегу было, но ведь раньше так близко самолеты не спускались”, — рассуждал Шурик Никифоров. Он говорил о Ленинграде. Там он слышал только стрельбу, опускаться же вражеским самолетам в Ленинграде не довелось.

Подали машину, и тот же шофер Миша, я не знаю его фамилии, повез нас по военной дороге, по которой патрули то и дело спрашивали пропуск. На этот перегон у нас пропуска не было, но, видя наших пассажиров, нас пропускали беспрепятственно, желали счастливого пути, а навстречу нам нескончаемым потоком шли машины с мясными тушами, с мешками муки, ящиками масла, сахара. И дети говорили: “Это к нам в Ленинград везут, да как много всего!”

В газетах я много читала о героизме наших людей, работающих на трассе Ладожского озера. Героями были наш шофер Миша и лейтенант Колпаков, сумевшие сохранить жизнь наших детей на Ладоге. Сколько забот и нежности проявили они к детям! Наконец мы прибыли в Лаврово, все целые и невредимые. Нас уже ждали, нервничали, встречали. Я сдала директору группу в порядке. Только потом оказалось, что мои волосы претерпели некоторое изменение, они поседели»

Лаврово—Краснодар—Тимошевка

В полдень 13/IV наш эшелон из 3000 детей тронулся в путь. Вагон у нас большой, светлый. Все размещены. Ребятишки хорошо спали ночью, хорошо позавтракали, взгляды бодрые, знакомятся друг с другом. Обед был вкусный и сытный: суп со свининой, гречневая каша с маслом. В Лаврове мы получили много продуктов: белый хлеб, масло, печенье, шоколад, сахар, сыр, колбасу. Все это необычно для нашего глаза. Все продукты и вообще вся хозяйственная часть размещены в первом купе вагона. Вторая половина дня ушла на «усовершенствование» нашей жизни в новых условиях. В 5 часов вечера дали ребятишкам по кусочку шоколада, перед сном они ели белую булку с маслом и сахарным песком. «Пирожное, пирожное», — услышали мы с разных концов. Запивали уже остывшим кипятком, запас кипятка был сделан еще в Лаврово.

Так прошла часть дня у наших путешественников. После всех необходимых процедур дети погрузились в сон, одна только маленькая трехлетняя Галя Гурьева большую часть ночи плакала и все чего-то просила: «Дай», «дай», «дай», — только и слышалось в ее плаче-крике. Когда дети уснули, педагогический коллектив приступил к своей очередной работе, был назначен педагогический совет. Я считала, что установить твердый порядок необходимо с первого дня, условия жизни у нас необыкновенные, нужно сохранить жизнь детей с уже надломленным здоровьем и, значит, работу по оздоровлению начать сразу, не ожидая, когда мы приедем на место. Еще предстояло одно затруднение — прикрепленный к нам врач не мог уделять нам много времени из-за своей загруженности. Значит, мы должны будем сами выполнять все назначения, процедуры и вести наблюдения за здоровьем детей. Все это нужно было обсудить с коллективом.

Первый педсовет в вагоне

Повестка совещания была такая:

1) охрана жизни детей,

2) охрана здоровья детей,

3) организация детского коллектива,

4) о моральном облике работника детского дома.

Докладчиком по всем вопросам была я. После обсуждения первого вопроса пришли к выводу, что, несмотря на то что и Ленинград, и Ладожское озеро у нас позади, налеты на наш состав еще возможны. Нужно, таким образом, быть готовыми все время к изъятию детей из вагонов, к немедленной защите их, к оказанию медицинской помощи, нужно ни на одну минуту не теряться, не проявлять малодушия.

По второму вопросу постановили:

Тщательно следить за детьми, во время переодевания осматривать все тело каждого ребенка, каждый день проверять чистоту головки, просматривать белье, стараться не допускать принятия пищи, не помыв руки. О всех случаях заболевания немедленно доводить до сведения врача через директора; принимая во внимание загруженность врача, все виды ухода за больными детьми проводить самим.

Режим питания. Установить 4 приема пищи в день. Не давать больших порций сразу, зная, что чрезмерная нагрузка желудка на данном этапе может дать плохие результаты. Стараться брать кипяток на каждой станции; бидоны, чайники укутывать, чтобы сохранять теплую воду. Обеспечить на каждый день прием горячей пищи; если не будет супа, то горячий чай, хотя бы один раз в день. Стараться посуду мыть в горячей воде.

Сон. На ночь класть детей спать только в белье. Обязательно проводить дневной сон,

не раздевая верхней одежды. Каждое утро при свертывании постелей вытряхивать одеяла, простынки. В случае длительных остановок выводить детей погулять. Каждый день мыть полы в вагоне.

Постановление по 3-му вопросу повестки:

Учитывая, что почти весь состав детей новый, внимательно изучать каждого ребенка в процессе жизни его в коллективе, в беседах, индивидуальных разговорах узнать об их семьях, ознакомиться с их развитием. Проводить чтение имеющейся литературы, рассказывание. Обязательно петь с детьми песни. Старших, кто сможет, привлечь к раздаче пищи, к уходу за младшими детьми. Создать бодрое, веселое настроение у детей, по возможности вести записи об отдельных детях, об общем состоянии коллектива.

Постановление по 4-му вопросу:

Во всех случаях нашей жизни и работы в новых условиях помнить, что мы ленинградцы. Знамя Ленинграда мы должны держать высоко. Это важно не только в Ленинграде, но и в любом уголке нашего Союза. Отдавать работе столько времени, сколько нужно в интересах дела. Быть внимательными к товарищам по работе. Проявлять исключительную бережливость к имуществу, не допуская никакого вида нарушений. За детей, если понадобится, быть готовыми отдать жизнь. Решение педсовета довести до сведения всех работников.

13/IV опять, когда уснули дети, собрались теперь уже все работники на производственное совещание. Обсудили вопросы, принятые на педсовете. Закрепили за группами технических работников, установили очередность ночных дежурств. Я должна сознаться, что создалось хорошее настроение, скреплялся дружный коллектив. Это настроение и сплоченность не покидали нас все годы работы. Все принятые решения в первые дни эвакуации, в вагоне, были действенны также на всех этапах работы детского дома.

В эту ночь могли спать и все взрослые. С дежурными Сашей Алексеевой и Зиной Ивановой мы осмотрели всех спящих обитателей вагона; все отдыхали во сне. Можно было и мне спокойно спать, но сон мой был непродолжительный. Это было в час ночи, когда мы поднялись от грохота, гула, свиста вокруг нас и над нами. Поезд замедлил ход и остановился. Подняли взрослых. Всмотрелись в окна: состав стоял посредине моста, проезжали Волхов. Вслушиваемся. Узнаем шумы падающих бомб и гул орудий. Тревожно смотрим друг на друга, глазами спрашиваем: неужели что-либо случится? Как будем спасать детей? Под нами лед, вода. Кажется, слышно, как стучат наши сердца... Так прошло 30 минут. Начало стихать. Наконец мы услышали гудок паровоза, а за ним медленное движение колес.

Опять двинулись в путь. О, какие длинные были эти 30 минут! Как много было пережито в эти минуты! Увидев сидящего ребенка, я подошла. Это был Толя Борисов.

— Толенька, ты что не спишь?
— Разве и здесь стреляют?
— Уже кончили. Спи, мальчик.

Стали успокаиваться. Ночь продолжалась.

14/IV мы приехали в Тихвин. Первое, что мы услышали, выйдя на перрон, это извещение радио о выпуске Государственного военного займа 1942 года.

Пока руководители эшелона организовывали получение питания, мы собрали производственное совещание и провели подписку на заем. Все подписались. Послали телеграмму в Ленинград тов. Петрову: «Благополучно прибыли в Тихвин. Подписались на заем. Привет от детей, работников».

На всех больших станциях после Тихвина: Бабаеве, Череповце, Вологде, Ярославле, Орехове-Зуеве, Мичуринске, Поворине, Сталинграде, Котельникове, — мы получали горячее питание, мылись, дети гуляли. Мы посылали письма, телеграммы в родной Ленинград. Наше путешествие до места назначения длилось 22 дня. Этот период был напряженный, насыщенный впечатлениями. Дети стали крепнуть, постепенно оживлялись их лица, стал искриться блеск в глазах. Впрочем, некоторые поправлялись очень медленно. Алик Дымшиц сидел целыми днями неподвижно в углу и оживлялся только тогда, когда начинались приготовления к принятию пищи. Леня Кузьменко не давал никому до себя дотронуться, маленький Витя Григорьев, с большим животом и головой, с тоненькими ножками, с открытым процессом шейной железы, неподвижно сидел и жадно ел. Галя Гурьева в продолжении двух недель беспричинно кричала днем и ночью с требованием: «Дай!» «Дай!» «Дай!». Не поддавались лечению Вова Трукшан, Тоня Колосова, Нина Бажукова; всю дорогу болела самая маленькая путешественница Виктория Борк; она перенесла даже воспаление легких.

За все время пути из состава 107 детей больных было 59. Были установлены следующие болезни:

1. Остро-кишечные заболевания — 29 случаев.
2. Краснуха — 2.
3. Коклюш — 2.
4. Чесотка — 6.
5. Цинга — 16.
6. Засорение желудка — 1.
7. Ангина — 1.
8. Выпадение кишки — 7.
9. Воспаление членика — 1.
10. Опрелость — 3.
11. Конъюнктивит — 3.
12. Вялость — 1.
13. Диатез — 2.
14. Воспаление легких — 1.

Две болезни мы не могли определить, потом в Краснодаре выяснилось, что у двух девочек была дифтерия влагалища, у одного мальчика — нома. Я полагаю, что предпринятые нами меры по охране здоровья помогли сохранить нам детей и не дали возможности распространиться накожным и инфекционным болезням. Между тем наше путешествие близилось к концу. Приближались праздничные первомайские дни.

22/IV после отъезда из Мичуринска мы провели педсовещание, посвященное 1 Мая. Решили провести праздник 1 Мая и в вагоне: украсить вагон разноцветными и красными флажками (цветная бумага, нитки, иголки, красный материал, гвоздики, молоточек у нас были с собой), повесить портреты вождей, приготовить выступления детей, стихотворения, песни. Узнали, что у начальника эшелона есть подарки для детей. Он просил приготовить кулечки из бумаги для каждого из ребят. У нас оказались широкие бинты. У одной из нас нашлось много узеньких шелковых ленточек и тесьмы. Мы организовали старших девочек, и те, по секрету от остальных детей, вне купе шили с воспитательницами мешочки для подарков.

Мы уже готовились к приезду в указанное нам место, устали от дороги. Из больших станций нужно было проехать еще Котельниково, Тихорецкую, а там и Краснодар. Наступили теплые весенние дни. В этих местах, которые мы проезжали, весна была уже в полном расцвете. У детей за дорогу было много впечатлений. Они радовались и, будто никогда не видели, изумлялись расхаживающим по улицам селений курицам, петухам, пробегавшим собакам, кошкам, рассматривали их окраску. Дети оживали.

28/IV мы проехали Котельниково. **29/IV** прибыли в Тихорецкую. День был солнечный, тянуло на воздух. Дети заканчивали обед, после чего хотели выйти на перрон. Наш вагон был напротив самой станции. Но вдруг раздались со всех сторон гудки паровозов, такие резкие, сильные. Мы не успели оглянуться, как раздалось зловещее «бу-ух», «бух», пронеслись раскаты. Дети, сидевшие на верхних полках, полетели вниз, разлетелись по сторонам куски хлеба, селедки, расплескался чай. Со станции доносились крики и стоны... Это случилось так неожиданно. Был налет на станцию фашистских самолетов. Мы только поспевали поднимать детей, успокаивать, осматривать, нет ли ушибов. Дети плакали, они очень испугались, но никаких несчастий, к нашей радости, не случилось. Только 16 дней прошло, как мы «не слышали войну». После бомбежки моста через Волхов казалось, что это было последнее испытание. Но все в действительности оказалось только нашим благим желанием...

Через некоторое время мимо нас пронесли на носилках девочку, на других — воспитательницу одного из детских домов. Они были тяжело ранены. Поезд наконец отошел от этой «нехорошей станции». Мы двинулись к Краснодару. Праздник мы отмечали, как и в Ленинграде, 30 апреля. Ребятишек переодели, взрослые тоже оделись понаряднее, развесили нити флажков, прикрепили над вторыми полками портреты вождей, над окнами спустили красные флажки, два центральных купе освободили от постелей. С утра взрослые поздравили детей с праздником. Настроение у всех было необычайное, приподнятое, радостное. После обеда не спали, а организовали выступления, декламировали, пели, играл патефон. Даже малыши потоптались под аккомпанемент хлопков и напевы «тра-ля-ля». Это был отдел танцев. После развлечений каждому был вручен хорошенький беленький мешочек, перевязанный шелковой ленточкой. А в мешочке были вкусные вещи.

1 мая, в яркий, солнечный день мы прибыли в Краснодар. Нас приветливо встретили партийные, советские и общественные организации. После осмотра детей врачами 13 самых слабых были направлены в больницы. Вечером мы выехали в назначенный пункт, станицу Тимашевскую. В 2 часа ночи подъехали к станице. Была тихая теплая ночь. Чистенькая, уютная станция. Кругом много зелени. Как-то все нам показалось необычайным. Я вышла из вагона. Подошел начальник станции, поздоровались, пригласил к себе в кабинет. Там нас ждали представители райсовета и второй секретарь райкома партии тов. Силина. Вошли все в вагон. Решили до утра никого не трогать. Все, кроме дежурных, крепко спали. Утром нас перевезли в станицу.

Мы вступали в новый этап жизни.

В Тимашовке

Нас поместили в школе им. Шевченко. Несколько больших светлых комнат, кухня, кладовая, большой огороженный участок, во дворе колодец — вот и все приспособления и удобства. Только через три недели для нас сделали деревянные топчаны, а пока их не было, спали на полу. В первый же день была воздушная тревога, но как будто «невзаправдашняя», как говорят дети. Гудки паровозов, и через полчаса снова гудки. Местное население не обращало на это внимания, нам же это не нравилось. Мы начали организовывать жизнь. Первое событие, которое мы так необычно пережили, это мытье в бане. Давно каждый из нас не раздевался как следует, давно мы не ощущали на себе потоков воды. Это было для нас праздником. Мы не просто мылись, мы радовались и наслаждались. В бане просторно, много тазов. Мы сказали детям, что можно еще и самим помыться, можно и поплескаться, несмотря на то что каждый ребенок был тщательно вымыт. Мы не торопились. В бане было много смеха, радостного визга. С водой играли, ею наслаждались, она несла нам оздоровление.

11 мая я сделала запись в своем дневнике: «Тимашовка. Прошло только 9 дней, как мы спокойно ходим по земле. Позади Ленинград с его ужасами войны и блокады. Наш дорогой, родной Ленинград!.. Позади двадцатидвухдневная дорога с болезнями, с теснотой, с расчесами на теле. Вот мы и в станице. Успели вымыться, освободиться от “неприятных попутчиков”, ребятишки ходят по просторному школьному участку, сытые от белого хлеба, вкусного молока, свежей свиной колбасы. Желудки наполнены, а глаза все блуждают, не верится, что голод уже позади».

С первых же дней все внимание взрослых сконцентрировано на оздоровлении детей, на организации детского коллектива, на систематических занятиях с детьми. Сделала перестановку воспитателей в группах: четыре воспитательницы не имели опыта педагогической работы с детьми, но все были внимательны, чутки, самоотверженны. Хочется привести некоторые выдержки из дневника по анализу работы воспитателей:

«**13/IV.** Группа Я. Л. В учете — лаконичность констатируемых фактов. Неопытность и, естественно, нет еще умения учитывать работу. С детьми Я. Л. ласкова, очень внимательна, приятная девушка, нужно ей помочь.

18/IV. Группа О. Ф. и А. М. Обе не сталкивались до сих пор с планированием и учетом педагогической работы. Внимательно прислушиваются к указаниям. В их записях хорошо отражена жизнь коллектива и отдельных детей. На данном этапе это вполне удовлетворительно. Надо начать уже говорить об отдельных видах работы с детьми, но основа для всех остается прежняя — оздоровление, оздоровление.

23/ IV. Группа Н. А. Запись с момента отъезда. Хоть немного, но хорошо.

29/ IV. Группа З. В. Группа большая, организованная. Внутренняя жизнь мало отражена. Наброски сжатые. Дважды выражено недовольство Е. И. У той не устанавливается дружба с ребятами, но много уменья находить им работу. Ребята нехорошо приняли ее приход в группу, и ей трудно. З. В. по-наблюдательски фиксирует неудачи. Е. М. выразила мне недоумение: “Е. М. с высшим образованием, а ребята ее не слушают”. Я сказала, что это похоже на чванство: щеголять своими умениями и не вмешиваться, когда нужно. У Е. И. тоже есть чему поучиться. Сама все время за ними наблюдаю. На педсовете раскрою перед всеми задачу обмена опытом».

Сложностей у нас было много. Дети постепенно окрепли, свежели. «Ассортимент» болезней сократился, но увеличилось число цинготных больных. В вагоне их было зафиксировано 16, здесь цинга точно всплыла на поверхность жизни и обнаружилась почти у половины детей. Нина Булыгина, Шурик Никифоров, Алик Горюнов, Фимочка Иоффе, Зоинька Мохова были очень больны, их десны были в ужасном состоянии. Мы делали все, что от нас зависело: через день происходил осмотр врача, ежедневный уход и осмотр медицинской сестрой, выполнялись все медицинские указания. Всем детям давали в неограниченном количестве зеленый лук. Как только появилась вишня, дети стали ее получать. Ели свежую, сырую капусту, но у некоторых детей болезнь держалась стойко. Все же мы в конце концов победили — изгнали цингу. Очень долго болела Любочка Солдатенкова, у нее вся голова была в болячках, точно в шапку болячечную была одета эта очаровательная, беленькая, с черными глазками девочка. Кожа не поддавалась лечению мазями, одни болячки отпадали и тут же вырастали новые. Одна местная жительница увидела Любочку и сказала мне, что она научит меня, как вылечить ребенка. Она свела меня на край станицы, где на топком месте росла нужная нам трава. Эту траву нужно было сварить и воду пить, как чай. Этой же водой она рекомендовала мыть головку. Мы сделали, как она сказала, предварительно попив этого чайку своей компанией. Показали эту траву врачу в аптеке. Это оказалась череда, в сухом виде она имелась в продаже в аптеке. Через неделю произошла резкая перемена. Завершили мы лечение Любочкиной головки компрессами из

подсолнечного масла. Какие чудные волосики выросли потом у Любочки!

Много разных случаев имело место у нас, обо всех и не расскажешь. Твердый режим, тщательный уход, настоящая забота о детях всего коллектива полностью сказывались. Детям негде было купаться, только самым старшим разрешалось ходить к речке, а большинство получали «душ» на дворе. С вечера мы наполняли бочки и всю имеющуюся у нас посуду водой, ставили на дворе, к середине дня она нагревалась, и ею проводилось обливание. Это были радостные и приятные минуты у детворы. И так каждый день, кроме банных. 23 мая мы ввели зарядку. Очень много внимания мы уделяли питанию. Нам были уже известны случаи, когда дети погибали от неправильного питания — перекорма. Ослабленный организм не справлялся с нагрузкой, поэтому дневной паек ребенка был учтен в смысле калорийности и объема, особенно в первое время. Иногда дети говорили: «Еще хочу». А мы отвечали, что скоро будем снова есть. В день были 4 питания, в отдельных случаях дополнительно давали масло, сахар, молоко, яйца.

Интересный случай был с Аликом Дымшиц. Ему было 9 лет. Его нам «подсунули» едва живого перед самым отъездом. Он никогда не наедался, всегда ходил в стороне от всех и будто чего-то искал. Однажды после дневного сна его обнаружили на помойке, где он объедал выброшенные кости. Я строго поговорила с Аликом, предупредила, что накажу, если он будет так делать. К сожалению, его выходки повторялись, и он получил, наконец, последнее предупреждение. Один раз дети принесли с речки маленькую рыбку. Она прожила у нас два дня, и ее, мертвую, выбросили. И что же? Пришли дети и сказали, что Алик ее нашел и съел. Я поняла, что у Алика дело не в нормальной потребности поесть и что тут случай психической аномалии. Я решила оставить Алика без обеда. Этого он никак не ожидал, это было для него большим наказанием. Весь следующий день он был на глазах воспитателя, обеда ему не дали. Это было большим испытанием как для него, так и для нас, но произвело впечатление и дало положительный результат. Какого хорошего, красивого мальчика вручили мы его матери 15 сентября 1944 г., когда она за ним приехала.

Каждый день проходил у нас насыщенно. Были занятия по лепке и по рисованию, читали, рассказывали, ходили в кино, включились в общественную жизнь, ходили со старшими детьми помогать колхозу убирать хлеб. 15 июня был организован вечером концерт на дворе. Играл патефон, танцевали, пели, декламировали. Около забора собрались зрители, местная детвора, колхозницы. Некоторые, глядя на наших детишек, утирали непрошенные слезы.

Первая драка

18 июня у нас, взрослых, был радостный день — мы зафиксировали первую драку детей. Подрался Боря Павес с Колей Паниным. Мы выяснили причину драки, «сердились» на драчунов, а сами в душе были довольны. Сколько активности проявили ребята, особенно мальчуганы: одни защищали Борю, другие Колю. Как хорошо «анализировать» драки — признак окрепшего организма, как хорошо, когда дети веселы, бодры! Не веселили нас только вести с фронта. Враг приближался, участились тревоги. Прервалась связь с Ленинградом. В середине июля стало ясно, что нам придется уезжать из Тимашовки. Потихоньку, с волнением, по секрету обсуждали мы этот вопрос с коллективом, но 22 июля я поехала в КрайОНО и, сказав об этом вслух, просила поставить этот вопрос перед соответствующими организациями, связаться с Москвой. На меня накричали, обещали привлечь к ответственности за паникерство. Грустная, я вернулась домой, но 24 июля вечером все же отдала распоряжение готовиться «незаметно» к отъезду.

Трудно передать наши волнения за жизнь детей. Некоторые местные работники мало тревожились за нас, и когда наконец мы получили распоряжение КрайОНО готовиться к эвакуации, мы были готовы погрузиться в вагон немедленно. Это и спасло нас. С огромным трудом пришлось получить вагоны и добиться отправки. Получили в последние часы месячный запас продовольствия. Работали при этом все как квалифицированные грузчики. Откуда только силы взялись? Наконец все погрузили и двинулись в путь — мучительный, опасный и страшный, главное, неизвестно куда.

Из Тимашовки в Ереван

2 августа поздно вечером мы уезжали из Тимашовки. В вагоне тесно, душно. Ночью приехали на станцию Медведовская, там присоединились к нам еще детские дома, а днем 3 августа мы были уже на станции Мышастовка. Эта станция на половине пути от Тимофеевки до Краснодара. Четыре дня стояли мы здесь. Состояние удручающее... Нам навстречу тянутся бесконечные вереницы повозок с эвакуированными жителями из Краснодара, из совхозов гонят скот целыми партиями, а мы с детьми стоим... Нет никаких распоряжений у начальника станции, ничего не знаем мы сами, звонили по телефону, требовали. Наконец мы послали нашего представителя в Краснодар для ускорения отъезда. Ведь

было совершенно ясно, что в Краснодар ехать нельзя. Мы добились того, что нас повезли опять в Тимашовку, чтобы оттуда направиться на Новороссийск. Другого пути и выхода не было, кругом фронт, кругом неприятель... У старших детей очень много разговоров о том, что наши отступают. 7 августа утром мы опять оказались в Тимашовке, но теперь это проездом. На станции суматоха, беготня, отходят последние поезда, прицепляют наши вагоны.

Тревога. Раздается сильный, оглушающий взрыв. Полетели бомбы в завод, он взорван. А ведь около него наши ребятишки совсем недавно гуляли, купались. Фашистские самолеты кружатся над станцией, сбрасывают бомбы. Дети перепуганы, сидят на скамейках и между ними на вещах, на лицах испуг. Наконец поезд тронулся, помчавшись с большой скоростью. Вот клуб, вот парк, все знакомые нам места. «Дома горят, смотрите!» — кричат дети. Станица в огне, мечутся женщины с детьми, с узелками, те, которые не успели уехать. Ужас, негодование, ненависть волной охватывают нас... Опять становится страшно за наших детей...

А вот поля, целые горы собранного хлеба. Неужели это достанется гадам? Нет, не попользуются они нашим урожаем, вот мелькнуло пламя, охватило поле. Картина горящих стогов хлеба была потрясающая!.. Мы с грустью смотрели на покинутую нами станицу, такую красивую, которую так полюбили дети, в которой к ним возвратились силы, возвратилась жизнь. Станция Крымская. Стояли долго. Частые тревоги. Первую половину дня дети были в подсолнухах, в этом оригинальном «укрытии». Там умывались, завтракали, а потом перешли во фруктовый сад. Сбрасываются бомбы, стрельба из бронепоезда, стоящего на станции. Наши ребята напуганы, плачут, прижимаются к нам, но как только улетают самолеты и стихает стрельба, мы опять настраиваемся на мирный лад, отвлекаем детей от только что прошедших страшных минут, стараемся внешне быть спокойными, покупаем фрукты, веселим ребят.

9 августа мы приехали в Новороссийск. С необычайными трудностями мы добрались до пристани. В городе непрерывные тревоги, много пожаров. Детей ввели в тоннель, пробыли там целый день. В течение этого дня у водокачки постепенно вымыли всех детей зеленым мылом — там был кран с теплой водой. Мы выстирали все снятое белье, которое тут же высохло. Когда совсем стемнело, мы начали погружаться на большое транспортное судно «Березина». Погрузили вещи, потом ввели детей. Отъезжающих скопилось много. На пароходе оказалось несколько детских домов, всего было 700 детей. Нас поместили на кормовой палубе. Наше судно сопровождали 4 тральщика. Мы оказались на новом для нас виде транспорта, в новых условиях, с новой полосой тревог и переживаний... Посадка была очень неорганизованная, условия скверные. Дым и копоть непрерывно мучили детей. На подостланных мешках и брезенте усталые дети улеглись на палубе. Над нами была темная ночь, а утром — палящее солнце, от которого некуда спрятаться.

Подъезжаем к Туапсе. Сигнал воздушной тревоги. Над нашими головами бьют зенитки, установленные на корме. Снаряды вылетают с огнем по обнаруженным фашистским самолетам. Дети испугались близких выстрелов и огня, ведь орудия находились на расстоянии двух метров от детей. Больше других испугались Таня Задирака, Кира Филиппова. Маленький Витя со слезами кричал, глядя на зенитчиков: «Дяденька, миленький, не стреляй!» И вот кто-то из детей заметил, что один из фашистских стервятников начал гореть. Сначала показалась струя черного густого дыма, он стал «кувыркаться» и, наконец, камнем полетел на скалы. Куда и страх девался! Все дети вскочили, захлопали в ладоши, закричали «Ура!». Не успели смолкнуть крики, как за первым фашистом начал «кувыркаться» второй воздушный бандит и тоже грохнулся. Трудно передать, какое настроение поднялось у всех нас. И наши краснофлотцы, зенитчики, и мы, пассажиры, поздравляли друг друга с победой.

Ночью пошел сильный дождь. Абсолютная темнота, огни на палубе погашены, струи дождя текут под спящих детей. Верочка Балясникова проснулась и заплакала, начала извиняться, что нечаянно намочила. Под нее, оказывается, подтекла лужа дождя, а девочка приняла вину на себя. И вот вымокших до нитки детей мы повели наверх и разместили часть в каютах команды, часть в коридорах, бóльшую же часть в красном уголке. Все это происходило над машинным отделением, температура доходила до 25–30. Духота! Вспоминать эту ночь страшно! В темноте на ощупь выискивали мешки с бельем, еще не успевшие промокнуть, сняли с детей мокрое, одели сухое, а наутро все дети были грязные, потому что то, на чем дети спали, было непригодно для сна. Утром стирка, сушка, снова смена белья. Состояние детей очень напряженное. Они все время поглядывают на зенитчиков, и стоит тем приблизиться к орудиям, как дети группируются вокруг взрослых и прячут головы.

Состояние здоровья наших питомцев опять пошатнулось. Теперь нашим злом оказались накожные болезни. Появилась чесотка, это теснота, палуба и общение с разными пассажирами дали себя знать... Желудочные заболевания

были единичные, несмотря на то что горячего обеда для детей не было с 4 августа, воду пили в большинстве случаев сырую. Это говорило о том, что здоровье детей, несмотря на это, было уже лучше, чем до отъезда их из Ленинграда.

За дорогу у детей накопилось много новых впечатлений. Большие, красивые фруктовые сады. Поражала масса деревьев, обилие фруктов, главное, они видели, как фрукты растут на деревьях. Поели дети фруктов вдоволь, мы покупали фрукты самые крупные, самые красивые, сначала любовались ими, а потом принимались за их уничтожение. Любовались настоящими горами; «до неба», — говорили дети, ведь высокие горы им раньше не приходилось видеть. А Черное море! Эти дни оно было спокойно. Зеркальная гладь воды. Переливы. Солнечные блики купаются в ней, глаз не устает смотреть на воду. Это безбрежье... И опять гвоздит вопрос: зачем война? Как приятно любоваться этой сказочной красотой природы! Но, к сожалению, любованием мы сами наслаждались и концентрировали внимание детей на красоту только по «большим переменам», основное же время было занято тревогами и неприятностями...

Напряженность на море была особенная. Только и думалось, как бы скорее добраться до земли. На воде страшнее, ведь если что-либо случится, кого спасут эти катера? Нет, с нами, конечно, ничего не случится... На Черном море мы пробыли три ночи и три дня. Об этом времени мы никогда не забудем! Совершенно измученные и дети, и взрослые 12 августа были доставлены в Сухуми. Здесь дети получили горячую пищу: манную кашу и кипяченое молоко. Несколько дней, прожитых в Сухуми, принесли нам новые впечатления. Здесь войны и не чувствуется. Люди хорошо одетые, жадные до всяких разговоров; когда узнали, что мы ленинградцы, расспрашивали обо всем у каждого из нас.

Большим удовольствием, радостью и, конечно, новым событием было для ребят купанье в море. Малыши плескались у самого берега, другие заходили подальше. Плескались, играли в воде, почувствовали соленовато-горьковатый вкус воды, согнали усталость. Особенно интересно было в один из дней, когда была небольшая волна. Это было, конечно, необычно и переживалось очень ярко. Ребята подставляли себя волне и, затаив дыхание, наслаждались моментом, когда они были в пене волны. На берегу разбросано много красивых гладеньких камешков. Дети рады их набрать, но класть камешки некуда, хранить негде. Ими детям пришлось только полюбоваться. Насмотрелись дети на новые для них деревья — кипарисы, бамбук, пальмы. А сколько чудесных цветов! О набережной с цветущими олеандрами дети вспоминали все время.

Но вот мы уточнили, что наш дальнейший путь будет на Тбилиси. Начали готовиться к переходу с пристани на вокзал через весь город, не меньше трех километров. Нам предоставили машины только для вещей, детям пришлось идти пешком. Переход был мучительный. В городе темно. Дети устали, некоторые плакали. По очереди мы брали на руки маленьких, всячески бодрили их, наконец, обессиленные, все добрались до вокзала. На скамейках, большинство на полу, уснули дети. Это была для них последняя мучительная ночь. Надо сказать, что за время нашей эвакуации из Кубани ребята показали себя настоящими молодцами. Не было ни нытья, ни беспричинных слез, ни капризов. Они все переносили, как закаленные ленинградцы. О коллективе взрослых говорить не приходится — они показали всю свою стойкость, самообладание, героизм.

Утром была назначена отправка поезда на Тбилиси. Мы успели напоить детей горячим молоком и вдруг — воздушная тревога. Это первая для сухумских жителей и последняя для нас. Бомбы были сброшены далеко от вокзала, но люди начали метаться кто куда. Здесь народ еще ни к чему военному не привык, а наши ребятки быстро собрались в одно место, спокойно уселись. Еще раз вспомнили о вражеских налетах в Ленинграде и в пути. После отбоя мы быстро посадили в вагоны детей и покинули город. В Тбилиси стояли мы всего несколько часов и отправились к последнему пункту, в Ереван.

Дорога шла среди гор, много тоннелей, висячих мостов. Вдоль дороги вьются бурливые горные речки. Склоны гор иногда голые, каменистые, иногда поросшие густой зеленью. Ни мы, ни дети не отрывали глаз от окон вагонов. «Наконец-то мы увидели настоящий Кавказ», — говорили дети. Особенно старшие проявляли интерес, во все вглядывались, обо всем расспрашивали. Впервые увидели и поели кизил, ежевику, а подъезжая к самому городу, увидели вершину Арарата. Впереди нас ждала интересная жизнь.

Прибытие эшелона. Ереван

17 августа 1942 года будет памятным днем для всех нас. В этот день в Ереван пришел эшелон с детьми, эвакуированными из Краснодарского края, в том числе и наш детский дом. Измученные, усталые, грязные путешественники были тепло встречены и приняты представителями партийных и советских организаций Армении. Несмотря на то что наш приезд был неожиданный, мы сразу почувствовали внимание и заботу о себе.

Прямо с вокзала на машинах нас отвезли в баню... В этот же день была послана телеграмма в Ленинград тов. Петрову: «Прибыли в Ереван. Все дети сохранены. Шлем приветы. Подробности письмом». Мы знали, что о нас тревожатся в Ленинграде, ведь мы «потерялись»... 8–10 дней пошло у руководящих организаций на устройство всех детей на отдых и оздоровление. В эти дни мы жили еще в школе, в совершенно неприспособленных условиях, спали, ели, сидя на полу, но это были последние дни нашей неудобной жизни.

В Тимашовке количество детей увеличилось, сейчас их было 116. Из этого числа здоровых оказалось только 20 детей. 96 детей были больны накожными и кишечно-желудочными болезнями. Несмотря на все бытовые неудобства, благодаря исключительному вниманию Наркомздрава, лечащих врачей, консультанта-профессора, при помощи всего коллектива работников детского дома удалось в течение недели в основном избавиться от чесотки. Быстро поправлялись и больные желудочными заболеваниями.

Дети с интересом знакомились с новым окружением. Ходили гулять в ближайший садик по ул. Спандаряна. 26 августа произошла встреча двух незнакомых детских коллективов. Во время пребывания наших детей в садике пришла группа детей из армянского детского дома. Они пели армянские песни, исполняли физкультурные номера, танцевали. Наши ребята пели массовые русские песни. Разошлись по домам. Наши говорили об армянских детях, все было ново для них: мелодии, движения в танцах, «все черненькие». Видимо, так же толковали и армянские дети, рассказывая у себя о нас.

Ходили мы на прогулки к горному ручью. Туда нужно было идти по новому шоссе с постепенным подъемом в гору. Дети поражались быстрому течению ручья, каменистому дну, прозрачности воды, выжженным солнцем берегам. Вспоминали тимашовскую реку, широкую, где старшие купались. Новостью были и арыки, которые орошали здешние поля. Беспрестанным объектом нашего внимания была вершина Арарата. Смотреть на нее, любоваться можно было без конца. К нам было обращено множество вопросов: почему не тает снег? взбирался ли кто-нибудь на вершину? бывают ли обвалы? что растет на склонах гор? и т. д.

29 августа нас перевезли в пригород Еревана, в санаторий «Норк», расположенный на горе. На машинах перевезли наши вещи. Теперь наше имущество увеличилось за счет привезенных из Тимашовки продуктов. Мягкий инвентарь был незатейливый и малочисленный, но количество продуктов питания было солидно. Нам удалось все сохранить, несмотря на сложность нашего пути и погрузок. Так, мы привезли: муки 2026 кг, сахарного песка 19 кг, пшена 311 кг, меда 144 кг, риса 378 кг, масла растительного 5317 литров, сыра 83 кг, мыла хозяйственного 47 кг, мяса-солонины 1 бочку. Впервые за время отъезда из Ленинграда мы попали в культурную обстановку. Вся жизнь детей протекала на воздухе. Огромная веранда с колоннами. Здесь спали дети на кроватях с мягкими матрацами, укрывались одеялами с пододеяльниками. Вечером, когда после «трудов праведных» дети бывали уже готовы ко сну в новых условиях, какие довольные личики мы обнаруживали! Да, они заслужили этого отдыха...

Внизу — большая столовая. Ели в нормальной обстановке. Громадный красивый сад с беседками, с газонами цветов, с массой дорожек. Много воды, вечно бегущие журчащие ручейки, фонтанчики. Много фруктовых деревьев. Впервые увидели дети деревья с растущими грецкими орехами, увидели виноградник. А солнце! Сколько его, такого чудного и ласкающего!.. Вот в такой обстановке мы проводили начатое в Тимашовке и так прерванное оздоровление наших ребят. Эти природные условия были чудесным дополнением к ощущаемой нами заботе людей с большим сердцем и большой душой... Секретари ЦК партии, представители Верховного Совета, личное большое наблюдение за нами наркома просвещения т. Хачакян Арус Световны, ее заместителя Казахецяна Арама Мацаковича, Кулоян Анаиды Григорьевны, директора санатория Хачатуряна Мартироса Вартановича, — все они навсегда останутся в нашей благодарной памяти... С первых дней и до конца они не ослабили своего внимания ни на один час за все время пребывания ленинградских детей в Армении.

Дедушка одного нашего воспитанника Славика Перехода в ответ на мое описание жизни в «Норке» пишет: «Только Советская власть может оказать такое внимание и заботу о детях фронтовиков». Хочется добавить: только политика нашей партии, обеспечивающая понимание единых задач всех народностей, только сталинское понимание национального содружества народов Советского Союза может обеспечить ту заботу о детях, которую мы нашли здесь. 10 сентября мы получили телеграмму из Ленинграда от Михаила Михайловича Петрова: «Рады благополучному приезду, приветствуем детей, коллектив работников. Петров, Шарый». Сколько у нас было радости! Снова установилась связь с Ленинградом. Вскоре мы получили и письмо от Михаила Михайловича. Он писал, что у всех организаций была очень большая

тревога за нас. Они знали, что мы оказались в тяжелом положении, боялись, что мы попадем в лапы врага, благодарили и поздравляли нас.

Интересно отметить, что здесь, в «Норке», дети, отдохнув и придя в себя, стали вспоминать свой дом, свою семью. Перед нами встала серьезная задача — заменить детям по возможности отсутствующих близких, создать облагораживающую обстановку, радостное настроение, окончательно оздоровить и вырастить хороших детей. Шли дни. Почти два месяца прожили мы в «Норках». Постоянное нахождение на воздухе и днем и ночью становилось невозможным. Детские дома стали размещаться на «постоянное жительство». Мне было предложено ознакомиться с помещением школы в селении Санаин Алавердского района. После моей поездки в Санаин, где я увидела много предстоящих трудностей для коллектива работников, но прекрасные природные условия для детишек, Наркомпросом было принято решение о переводе туда детского дома № 51. 21 октября 1942 г. в пасмурный, дождливый вечер мы покинули наш чудесный санаторий «Норк». Мы переезжали в Санаин.

Приезд в Санаин

В 12 часов дня 22 октября мы приехали в Алаверды. День солнечный, прохладный. Накануне прошел сильный дождь — грязно. На станции нас встретили зав. РОНО т. Матевосян, учителя, ученики. Детей бережно принимали из вагона на руки. Народа собралось много. Ученики старших классов помогали нам подниматься в Санаин, а подниматься надо по крутой каменистой тропе в горы на расстояние не меньше километра. Потом шли широкой дорогой.

Поднимаемся на Санаинскую гору

Малышей ученики взяли на руки, а наши большие дети Вова Алексеев, Витя Буйкевич и пр. пошли вперед с новыми товарищами. Казалось, конца не будет нашему подъему, и когда мы одолели последний поворот и подъем, нашим взорам открылось громадное плато и селение. Огромная площадь табака, волы, везущие арбы, серая громада монастыря, красные черепичные крыши, а за селением еще горы, горы без конца. Дом наш, самый большой в селении, представлял безотрадную картину: выбитые стекла, незакрывающиеся двери, мусор и грязь во всех комнатах, сваленные в углу пыльные кровати. В большущей кухне печники закладывали плиту. Все селение пришло нас встречать. Вечером председатель с/совета Хечум Ерицян организовал ночлег детей у колхозников. Когда начало темнеть, люди стали приходить с фонариками и приглашать к себе по 2–3 детей на ночлег. В 10 часов вечера к нам поднялись вторично алавердские школьники и учителя и принесли одеяла и наматрасники.

Утром детей привели обратно: у кого в руках яблоко, у кого айва, у кого орехи. Детишки рассказывали, как их угощали вечером и утром. Это было первое знакомство. При дальнейших встречах дети тепло здоровались с колхозниками, узнавали их, называли: «это моя тетя, мой дядя». Сестра тов. Микояна Васкеяда Ивановна Симонян взяла к себе 3 девочек ночевать, она стала у наших детей «бабушка Микоян». Эта отеческая забота, ласка, внимание с первых моментов нашей жизни в Санаине сроднили два коллектива: приехавших больших и маленьких ленинградцев с жителями Санаина, прекрасными сердечными колхозниками Советской Армении.

Приглашать на наши праздники, заявляя: «Мы пойдем приглашать нашу бабушку, тетю, дядю», — стало традицией у наших детей. Без присутствия представителей местных организаций, председателей с/совета и колхоза, секретаря партийной организации и местного населения — мы не начинали ни одного нашего праздника. Первое время алавердские ребятишки приходили к нам группами и не хотели уходить. На наш вопрос: «А почему вы не в школе?» нас уверяли, что они учатся в другую смену. Но все же мы установили, что это уход с уроков из школы. Трогательно было то, что они хотели чем-то обрадовать наших ребят, несли незатейливые подарки: картинку, карандаш, платочек. Организованно пришла нас навещать та группа старших школьников, которые приходили к нам в первый день с учителями. Они принесли детям фрукты, конфеты, огромный букет белых астр и каждому маленький подарок. У детей появились свои знакомые. Витю Григорьева полюбил Роберт Л., ученик 9-го класса. Он приходил к нему, гулял с ним, носил его на руках. Вова Ильин подружился с Радиком Бахшиумяном, сыном врача, и его приглашали в их семью на выходной день.

Педсовет на кухне

26 октября состоялся наш первый педсовет в Санаине. В темной кухне, при свете топящейся плиты, сидя на дровах, на ящиках, мы распределяли помещение и обсуждали вопросы подготовки к ноябрьским праздникам. Самые светлые, солнечные комнаты были предоставлены малышам и старшим. Первая и вторая нулевки (наши 7–8-летки) получили по две комнаты на северной стороне. Выделили комнаты под изолятор и кладовую, определили будущую столовую и начали строить жизнь. Мы все знакомились с местностью, присматривались к людям,

вслушивались в язык. Большую сложность представляло общение с населением и сельскими руководящими работниками. Мы не знали армянского языка, они не владели русским языком. Началось взаимное обучение. Первые слова, которые мы узнали, были: «ахчи» — «девочка», «джур» — «вода», «баревдзес» — «здравствуйте», «ингер» — «товарищ» и др.

Наш первый обед в Санаине был армянский: отварной картофель с сыром. Мы раньше такого сыра не видели, он в толстом пучке, как бы из белых нитей, по вкусу напомнил нам брынзу. Мытье детей в первый раз мы проводили в группах. Пока не наладилась подвозка дров, мы ходили за ними сами, но, не зная местности, боялись далеко уходить, набирали веток. Все же основной сложностью оказалась теснота помещения, неприспособленность его к требованиям детского учреждения. Унывать, однако, было нельзя, и день за днем приносил нам что-то новое в организации нашей жизни. Вот готова наша кухня, вот и вода в дом проведена, а через некоторое время появился электрический свет, переделали кирпичные печи, а где их не было совершенно, поставили железные «времянки».

Наступил праздник 25-й годовщины Октябрьской революции. Как далеко мы от родного города, от оставшихся в живых близких и родных! Наш праздник все же оказался радостным и веселым. Мы не оказались одинокими. К нам на праздник приехали гости из Еревана: Сарден Карапетян, председатель ЦК союза дошкольных работников и детских домов, Роза Каракесян, зав. дошкольным сектором Наркомпроса, Анак, инспектор Гороно; пришли работники детских садов, колхозники, председатели с/совета и колхоза. Мы украсили помещение, нарядили детишек как могли. Праздник прошел на славу.

Организация жизни

Началась повседневная кропотливая работа по налаживанию жизни, по-своему спокойной, по-своему бурной. Как хорошо не слышать взрывов снарядов, стрельбы зениток, свиста пуль! В то же время как трудно доставать транспорт для перевозки инвентаря, продуктов, как трудно добиваться привоза топлива и всего того, что связано с потребностями жизни! И все-таки это проще и легче, чем линия фронта. На 8-й день жизни в Санаине наша семья увеличилась еще на 4 человека. Алавердский райсовет направил к нам четырех детей семей Погосян: двух девочек-близнецов, трехлеток Айкун и Марго, и двух братьев — Саркиса 6 лет и Калушу 9 лет. Их мать умерла, отец погиб на фронте. Это было очень неожиданно, и я, признаться, боялась, что и им, и нам будет очень трудно. Но ничего сложного на деле не оказалось. Наши дети радостно приняли их в свои коллективы-группы. Они быстро освоили русский язык, а Саркас и Калуша оказались нашими помощниками-переводчиками. В нашем коллективе были представители шести национальностей.

Жизнь детей пошла организованно и четко. Младшие группы работали по материалам детского сада, для 30 детей 8-леток достали буквари и задачники 1-го класса и начали обучение в домашних условиях, так как организовать русский класс в местной школе не удалось. 11 детей было 2-го и 3-го классов, для них тоже достали учебники и занимались индивидуально. Не было достаточно детской художественной литературы. Однако выходов из положения оказалось несколько: объединили все то, что привезли с собой, то, что в местных библиотеках, что приносили алавердские школьники. Восстановили связь с Ленинградом, с некоторыми родителями, нам присылали нужные книги в посылках, бандеролью. Так мы выискивали и находили книги для наших детей.

У нас не было музыкального инструмента. Это было очень чувствительно, ведь наши дети в Ленинграде привыкли к музыкальным занятиям. Думать о получении для детдома музыкального инструмента здесь казалось чем-то бессмысленным, но думать мы стали все-таки основательно. Именно здесь, вдали от близких, на высокой горе, для детей нужны были веселые звуки и красивые мелодии. Приближалось время елки, и это подталкивало нас искать инструмент. И вот обнаружен рояль. Иметь этот инструмент у себя в детдоме — эта мысль страшно радовала нас. Казалось, совершается какой-то подвиг. Тысячи на оплату были быстро найдены, но как доставить инструмент к нам из Алаверды? Я решила, что первый советчик и помощник в этом важном деле будет секретарь райкома. Я пришла к тов. Геворгяну, предупредив, что у меня к нему один, но серьезный вопрос. Рассказала, что приобретается рояль для детей, но найти деньги легче, чем доставить его к нам.

Тов. Геворгян был дельный секретарь, но, кроме того, он оказался прекрасным, чутким человеком. «Хорошо делаете, тов. Гершенок, — сказал он, — что покупаете инструмент. Детей нужно радовать, веселить. У меня есть маленький шестилетний сын, у него нет матери, и мы всей семьей его веселим, а вашим детям тем более нужно веселье. Оформляйте покупку. Проследим, чтобы рояль был доставлен вам». Трудно передать мое волнение. Я уже представляла будущее веселье детей и чувствовала благодарность, большую, сердечную, к тов. Геворгяну.

Не думайте, однако, что доставка рояля была делом простым. В течение недели мы, правление колхоза и, конечно, секретарь райкома занимались доставкой инструмента. Несколько раз спускались арбы, но все неудачно — инструмент не умещался. Наконец все приспособления закончены, и 29/XII-1942 г. в горное селение Санаин, на родину одного из наших руководителей партии и правительства Анастаса Ивановича Микояна, впервые за время существования селения был водворен музыкальный инструмент, который принес радость ленинградским детишкам, пережившим ужасы вражеской блокады, и местным жителям — санаинцам. В наш коллектив влился новый член — музыкальный работник Аракелова Евгения Абросимовна, чудная «тетя Женечка», как ее называли дети.

Елка прошла прекрасно. Школьники принесли нам красивое пушистое дерево «веллингтонию», его одели в блестящие игрушки. К нам пришло много гостей, среди них был и тов. Геворгян, и секретарь райкома комсомола Аник Алеханян, школьники и весь Санаин. А веселый Дед Мороз передал ребятишкам от пришедших гостей подарки: яблоки, орехи, сухие фрукты. Сколько радостного было в детских глазках, улыбках! Как много было веселья, смеха! Мы, взрослые, потихоньку всплакнули при воспоминании о Ленинграде и от радости за наших детей.

Шел день за днем. Дети занимались, а главное, оздоровлялись. С дорожными болезнями покончили, но дистрофия еще давала себя знать. Ждали весны, ждали горного солнышка. С питанием у нас было благополучно. Мы получали по нарядам торгующих организаций, были еще у нас завезенные тимашовские запасы. Решили создать подсобное хозяйство. Вот и конец капризной зимы. Говорят, что здесь в середине марта начинаются посевные и огородные работы. Для нас, северян, здесь все необычно. Нет у нас опыта организации подсобного хозяйства, а оно нам необходимо. Тревожно... Начинаются согласования вопросов о земле в Наркомпросе, в районных организациях, в колхозе. Постановлением президиума райсовета нам выделены 4 гектара земли, но в разных колхозах. Опять тревога — далеко. Как будем работать? Разыскиваем семена. Весна затянулась. Но все же наступает момент, когда мы идем на огород. С волнением приступаем к посадке кукурузы, потом овощей. Пользуемся указаниями колхозников, бригадиров. Обсуждаем, нервничаем: там, дома, все не так: и грядки не такие, и земля не такая. Но работа подвигается. В колхозе «Анкер» посеяны полба и ячмень, на Качевке — картошка, а в третьем месте кукуруза, просо и немного овощей, в общем, почти все 4 гектара земли освоены.

Много работы для коллектива, помогают и старшие дети.

Настало тепло. Наконец дети почувствовали прелесть чудного воздуха, теплоту солнечных лучей, красоту проснувшейся природы. Начались прогулки. Сколько радости у детей, когда они приходят из леса, приносят букеты цветов, каких у них до сих пор не было! А сколько разных букашек, ящериц! 10 апреля состоялся педсовет, посвященный годовщине нашего отъезда из Ленинграда. Мы вспомнили наш педсовет в вагоне год тому назад и радовались, что все страшное позади. Сейчас у нас были другие задачи. Были обсуждены следующие вопросы:

1) О закаливании детских организмов.

2) О подготовке к 1 Мая.

3) О подготовке к районной олимпиаде художественной самодеятельности.

Было решено максимум времени проводить на воздухе, спать с открытыми окнами днем и ночью, найти удобное место для купанья.

Наши прогулки и знакомство с окружающей местностью уже показали нам, что удобного места для купанья нет. Все же в конце июня нашли выход и установили место для купанья. В одном из мест широкого горного ручья, как бы на повороте потока, наши мальчики вместе с местными ребятами устроили запруду: так назвали мы созданную каменную стену-преграду. Камни были собраны и уложены детьми, дно здесь было песчаное, получилось маленькое озерко. Вокруг было много плоских и круглых камней, гладких-гладких, отполированных движением воды, на них можно было не только сидеть, но и лежать, спрыгивать в воду, с некоторых скатываться, как с ледяной горки.

Кругом горы, леса, по горам пасутся козы. Это был чудесный уголок. И маленькие, и большие с одинаковым удовольствием проводили здесь время. Сюда ходили все, кроме малышей, почти каждый день, а малыши здесь были на экскурсии несколько раз за лето. Обливание их проводили около дома ежедневно. Большую осторожность нужно было проявить к пользованию солнцем, оно ведь здесь особенное. Не разрешалось ребятам ходить с непокрытой головой, все дети были обеспечены уже сшитыми белыми панамами и разноцветными полосатыми тюбетейками. Вначале дети обязательно ходили в майках и только постепенно перешли к почти совсем обнаженному телу (только в трусиках). Этим мы избежали солнечных ожогов. А как хорошо загорели ребятишки! Ничего похожего на ленинградских дистрофиков к осени 1943 года не было.

Зимой В. И. Симонян поехала в Москву. Мы послали Анастасу Ивановичу письмо:

> Здравствуйте, дорогой Анастас Иванович! Все мы, дети и работники 51-го детского дома, шлем Вам горячий привет и желаем самого главного — здоровья. С 22 октября 1942 года мы живем в Вашем родном селении. Из Ленинграда мы выехали 10 апреля, прожили 3 месяца на Кубани и чуть-чуть не попали в лапы проклятых врагов, но все-таки удалось вырваться и, несмотря на то что мы видели много ужасов и много раз прощались с жизнью, все же дети сохранены, обслуживающий персонал тоже. В Армении нас приняли хорошо. Детей сейчас 120. Сначала нам было очень трудно, мешало незнание языка, мы не понимали армянского, санаинцы — русского. Но постепенно мы освоились. Очень хорошо осваивается русский язык. Многие не знали ни одного русского слова, а теперь неплохо объясняются с нами.
>
> Мы стараемся, чем можем, помочь населению. Детский коллектив вполне дисциплинирован, за время пребывания в Санаине мы не имеем ни одной жалобы на наших детей, ни одного замечания со стороны населения и организаций. 29 декабря мы поставили в нашем помещении рояль, 30 декабря проводили «елку», и тогда впервые в Санаине раздались звуки этого инструмента. Когда уедем в Ленинград, подарим рояль колхозу. Все наши праздники — это праздники всей санаинской детворы, а также и взрослых. Многие наши песни теперь освоены местной молодежью. Из Тимашовки мы приехали со своим врачом и обеспечиваем население необходимой медицинской помощью.
>
> Летом дети и взрослые помогли колхозу, собрав 1600 килограммов колоса. Создали мы свое подсобное хозяйство, собрали 1 тонну картофеля, больше тонны овощей, вырастили 4 свиней, теперь у нас есть 5 поросят, 17 кур, скоро будут 3 коровы. У нас много трудностей, но мы все делаем, чтобы детишкам в условиях военного времени было как можно лучше. Самое главное, секретари райкома т. т. Геворгян, Гурабян и Саркисян всегда помогают нам разрешать все вопросы. Весной на районной олимпиаде художественной самодеятельности мы заняли первое место и получили грамоты. Дети посылают Вам в подарок стихотворение, которое они составили про наш детский дом.

В ответ мы получили приветствие от Анастаса Ивановича. 2 июля 1944 г. в нашей районной газете появилась статья «У воспитанников детского дома»:

> Не успела я войти во двор, как меня окружили маленькие воспитанники детского дома. Они преподносят мне цветы и задают разные вопросы. Меня прежде всего интересует учебно-воспитательная работа. Я подхожу к директору тов. Гершенок Х. А., которая мне рассказывает, что 74 воспитанника детдома учились в школе, 35 из них в первом классе, 28 — во втором, а остальные — в третьем и четвертом классах. Она показывает мне их тетради. С первого взгляда на меня производят приятное впечатление их аккуратные и красивые письменные работы.
>
> Ученики второго класса Зоя Патесова, Славик Переход, Валя Трофимова, Игорь Алексеев и много других учеников написали диктант исключительно без ошибок, а задачи по арифметике 25 учеников решили отлично, а трое сделали по одной ошибке. Из пяти учеников третьего класса Шах Нелли, Нина Булыгина и Ида Бржзовская по всем

предметам учатся отлично, а Карлен Погосян и Вова Ильин — хорошо. Из шести учеников четвертого класса четыре ученика сдают экзамены исключительно отлично. Интересны тетради учеников I класса. Благодаря добросовестной работе учительницы Борк Елены Ивановны из 35 учеников 24 ученика пишут чисто и без ошибок, а остальные пишут с незначительными ошибками.

Директор детского дома Гершенок установила письменную связь с родными 35 воспитанников детского дома. Многие из родственников недавно узнали место нахождения своих детей и пишут им трогательные письма. Все воспитанники детского дома одеты чисто, постели у них чистые, общежитие обставлено культурно. Их родители в своих письмах благодарят партию и правительство за заботливое отношение к детям. Маленькие воспитанники пишут родным, что они чувствуют себя хорошо. Ждут окончательной нашей победы над врагом, чтобы снова увидеть своих родителей.

Праздники и развлечения

Праздники были большой и интересной частью нашей жизни. Мы отмечали не только даты революционных праздников, у нас были и внутренние семейные праздники: приезд гостей, так называемые наши «домашние концерты». Мне хочется рассказать о некоторых из них.

1 Мая 1943 года

Праздничное настроение чувствовалось уже 30 апреля. Все группы нарядно убраны, на стенах портреты вождей, живописно расположены флажки, вышитые дорожки, салфеточки, белоснежные занавески; на полу в каждой группе красивые ковры. Много полевых цветов. На вешалках приготовлены уже выглаженные платья, костюмчики, новые панамы. Девочки обвязали красивыми узорами носовые платочки не только себе, но и мальчикам. В день праздника все были нарядно одеты. Гости приглашены к 5 часам. Дети беспокоятся, придут ли все приглашенные гости, ведь они приготовили много песен, стихотворений. Они разучили уже песню о Красной Армии на армянском языке, уже исполняются армянские танцы.

Вот собрались и гости. Пришли из райкома партии и комсомола, зав. парткабинетом, из РОНО, из детских садов, т. Хечум, председатель колхоза Рубен Симонян и наши санаинцы. Гости осмотрели наше помещение, были очень довольны организацией жизни детей, говорили, что у нас уютно, а потом пошли в зал. Дети вошли под музыку группами и разместились по залу стройными рядами. Момент был волнующий. Я поздравила всех присутствующих с праздником, напомнила, что в прошлом году мы в этот день были в вагоне, больные, а сейчас мы поем и танцуем, все здоровы. Поблагодарила представителей организаций за заботу о нас. Исполнили «Интернационал», хорошо пели дети.

Гости были изумлены. В Санаине слышали гимн на русском языке. Аккомпанемент рояля придавал торжественность. Гости и хозяева слились в гимне в один поток, и казалось, что вот именно в этот момент подытоживается наша работа за прожитый период, что закрепляется дружба братских народов, что везде и вот здесь, у нас в Санаине в частности, роднятся два коллектива. Для детей вся эта обстановка и окружение — конкретная база для воспитания чувства интернационализма. А у всех взрослых общая задача — создать все условия, чтобы дети были здоровы, жизнерадостны. Широкой могучей волной охватило всех пение гимна. Потом начались выступления детей...

В программе художественной самодеятельности были и песни, и стихи, и танцы, и физкультурные выступления. С большим умилением гости выслушали песню о Красной Армии на армянском языке. Всем было приятно. Также с интересом были приняты и армянские танцы. Наши дети очень полюбили армянские мелодии и танцы и с удовольствием исполняли их. В этом нам много помогла Евгения Абросимовна. Праздник прошел очень организованно, всем было интересно. В конце праздника мы приняли подарки от шефской организации, серно-кислотного завода, от колхоза. Каждому ребенку был вручен пакет со сладостями.

Из зала дети пошли в группы, где их ждал вкусный ужин. Взрослые не расходились. Наши гости говорили, что такое организованное

и содержательное проведение праздника для них показательно, что многие работники школ и детских садов могут позаимствовать наш опыт. Весь вечер дети потом разговаривали о проведенном празднике: о гостях, о выступлениях, о подарках, о том, как хорошо они сегодня веселились. Лежа в постельках, они продолжали делиться впечатлениями. Будто подводя итог, Галя Грязнова в старшей группе вдруг заявила: «Эх, хорошо жить на белом свете!», а Сережа Козлов, услышав такое заключение, добавил: «И на красном свете тоже!»

19 августа 1944 г.

Этот день был особенный... У нас был необычный праздник. Мы решили отметить два года жизни в Армении и назвали день «Праздник здоровья». Мы хорошо подготовились к этому дню. Отремонтировали помещение, у всех детей опять были новые костюмы, галстуки, платьица. У всех девочек в волосах банты из шелковых лент, на ногах разноцветная изящная обувь — подарок женкомиссии из Еревана. Все дети хорошо прочувствовали значение праздника. Гостей было много. Из Еревана приехали представители Наркомпроса Колуян Анаида Григорьевна, композитор Манукян, директора детских домов, пришли представители районных организаций и, конечно, наши односельчане. Дети показывали гостям свои комнаты, гордились чистотой и убранством, девочки показывали свои работы по рукоделию, мальчики похвастали огородом тут же за домом.

В пять часов начали праздник. Со знаменами, флажками, с пучками зелени и букетами цветов, с песней «Моя Москва» в зал вошли дети, все в белых трусиках на лямках с разноцветной отделкой. Хорошо сшитая одежда оттеняла загар на плечах и ножках детей. В зале раздались звуки могучего гимна Советского Союза. Волнение охватило всех нас, гимн все шире и шире разливался и, казалось, поднимал всех, звал к новым делам, к новым достижениям... Последние слова гимна. Дети подняли флажки, зелень, цветы над головками. Как это было красиво, торжественно и сильно! Этот момент подтвердил, что этот день — наш праздник, праздник здоровья, организованности, красоты. Многие из присутствующих не выдержали наплыва волнения, плакали... Загремели аплодисменты. Нашими первыми словами были слова благодарности великому Сталину и армянскому народу за наше благополучие...

Пошли выступления детей. Пели песни «Ночь над Белградом», «Ленинград», «Северный городок». Игорь Алексеев читал свои стихи: «Мама» и «Русская зима».

Танцевали. Малыши показали своих «матрешек» и привели всех в умиление. «Калинка» произвела неизгладимое впечатление. Был танец татарских мальчиков, узбекский, армянский танцы с кувшинами, с платочками: «Ой Назан-им». Игорь танцевал лезгинку, Вера — шалахо. Закончилась самодеятельность красивым физкультурным выступлением с шелковыми платочками, флажками, обручами. В завершающих пирамидах были даны лозунги: «Да здравствует наша Мать-Родина!», «Да здравствует наш отец, товарищ Сталин!». Построились парами. Впереди Вова Алексеев и Калуша Погосян. Один — типичный русский с русыми волосами, светлыми глазами, второй — жгучий брюнет с красивой черной шевелюрой, с глазами-угольками. Они вместе дружно, нога в ногу шагали, несли одинаковые знамена, а за ними так же стройно шли остальные. В них, в этих двух, олицетворялось братство советских республик. Дети разошлись по своим группам. Вечером за ужином — румяные пирожки, шоколад.

Представители Наркомпроса, партийных и общественных организаций дали высокую оценку нашей работе, высказали мнение, что наш детский дом — один из лучших. Все мы чувствовали большую радость и удовлетворение от своей работы. Такого праздника у нас еще никогда не было. Мы прожили большой, замечательный день...

Приезд родителей

Необычайными были у нас те дни, когда к нам приезжали родители. Таких случаев было несколько. Приезжала мама Алика Дымшица, Веры Балясниковой, отец Бори Антаева и другие. Все они пробыли у нас не меньше недели, видели нашу повседневную жизнь, убеждались в хорошем состоянии здоровья детей, в том, что ребята обеспечены одеждой, обувью, что

у детей хорошее бодрое настроение. Один из характерных отзывов о детдоме помещен в газете «Советский Айастан» от 15 июня 1944 г. Написала мать Вити Буйневича Антонина Сергеевна.

«Мои впечатления о жизни детдома № 51 Выборгского района г. Ленинграда в селении Санаин Алавердского района Армянской ССР таковы. Приехала я в село Санаин 12 июня 1944 г. рано утром. Дети еще спали. Быстро разнеслось известие о моем приезде. Со сна, не веря себе, подбежал ко мне мой сын, большой, здоровый и загорелый. Слезы радости выступили на глазах. В момент встречи подошла и директор детдома Х. А. Гершенок, высыпали дети и работники детдома. Все выглядели здоровыми, бодрыми. Прогостила я в детском доме больше недели, наблюдала за всеми моментами жизни ребят и работников.

Живет детдом в живописном местечке, но добираться до него немалого стоит труда, так как это село находится на высокой горе, среди окружающих его гор. Наши отважные ленинградцы приспособились к местности, к ее жителям и условиям. Ходят свободно, как козы, по высоким горам, понимают армянской язык. Воспитатели детям передают много знаний. Дети настолько организованы, что жалоб со стороны односельчан директор не имеет. Учатся все очень хорошо. В детдом приезжали представители Наркомпроса из г. Еревана. Перед моим отъездом был устроен прощальный вечер. После вступительного слова директора детьми был исполнен гимн Советского Союза. Потом маленькие ленинградцы много пели и плясали. Очень хорошо исполняли армянские и другие национальные танцы. Своими собственными средствами и трудом приобретены костюмы для выступлений.

Мои воспоминания о жизни детдома останутся на всю жизнь. Уезжая в Ленинград, я от всей души благодарю директора и весь коллектив детского дома за хорошее и умелое воспитание детей и дружеский прием меня, матери воспитанника Буйневича Вити. Мои пожелания — быть всегда такими, тогда встреча с вами будет еще торжественнее. Еще раз благодарю за все-все. 20/VI 1944 г.».

Гостья из Москвы

Был ясный декабрьский день. Утром председатель колхоза т. Рубен сообщил нам, что у нас будет гость из Москвы. Кто именно, он не мог сказать. Но уже одно то, что кто-то будет у нас из Москвы, из самого сердца нашей Родины, наполнило нас всех, и маленьких, и больших, радостным ожиданием. В 2 часа мы увидели направляющуюся к нашему дому группу людей. Это были секретарь райкома т. Геворгян, председатель исполкома райсовета т. Анташан и невысокого роста полная пожилая женщина в меховой шубке. Кто же она? Это оказалась Мариэтта Сергеевна Шагинян, известная советская писательница. Встретила она нас такими словами: «Здравствуйте, дорогие мои, родные ленинградцы. Для меня было неожиданностью узнать, что вы здесь, и я захотела побывать у вас, посмотреть, как вы живете, рассказать о вас».

Ласковый, приветливый тон ее разговора, задушевность, искренность в обращении очаровали нас всех. Ребятишки обступали ее кругом, расспрашивали, сами рассказывали. Для всех у нее нашлось теплое слово. Все для нее в нашей жизни было неожиданностью: и что мы в Санаине, и что мы выборжцы, и что у нас уже ученики от 1 до 5 классов. Понравилось ей, что чисто и уютно у нас. Тов. Шагинян пробыла у нас больше двух часов. Она познакомилась с материалами и записями, которые имеются в детдоме. Попросила переписать для нее некоторые материалы. Много спрашивала у меня о детях, благодарила всех нас за заботу о них, оставила теплый, хороший отзыв о нашей работе.

Подали машину. Нужно уезжать. Всей гурьбой пошли мы ее провожать. Она жмет детишкам руки, треплет их волосы, гладит по щекам. Дети просят Мариэтту Сергеевну приехать еще к нам. Нас она дружески обняла и поцеловала. Автомобиль увез нашу дорогую гостью. А что было со всеми нами! Не хотелось расходиться. Вспоминалось каждое ее слово. Был такой подъем у всех, такое приподнятое настроение! Долго еще мы стояли на перекрестке и смотрели вслед удаляющейся машине. Приезд М. Шагинян был радостным и большим событием в нашей жизни. Вот что написала Мариэтта Сергеевна:

«Случайно приехав в Санаин (для сбора материала к будущей моей книге), неожиданно попала к ленинградцам в детдом № 51. По словам местных работников, два года назад детей несли сюда на руках. Они еще были слабы. Сейчас в чистом, залитом светом, солнечном помещении мы увидели чудесных, толстых и румяных ребят, увидели их воспитательниц, относящихся к своим питомцам с великой сердечностью и вниманием. В детдоме чисто, уютно, дети учатся, многие проявляют различные таланты. Так, Игорь Алексеев 10 лет пишет прекрасные для своих лет стихи. Желаю маленьким выборжцам большого счастья в будущем и возвращения в славный Ленинград, а воспитательницам их услышать спасибо от всего нашего советского народа. М. Шагинян. 5/XII 1944 г.».

Домашние концерты

Не все дети бывают активны и проявляют себя во время официальных праздников. У нас выявилась именно такая группа детей, особенно мальчиков, которые не хотели выступать, не хотели участвовать в танцах, декламации. В то же время мы знали, что в кругу своих товарищей они и весельчаки, и выдумщики. Однажды мы предложили нашим старшим устроить концерт, самим подготовить программу, подобрать исполнителей. Была подана мысль, а творчества нашлось сколько угодно. Организовывались в детдоме настоящие концерты. Кто-нибудь из нас (только один) как бы незаметно руководил этим мероприятием, а все выполняли сами дети, назначали ведущего, танцевали, пели, декламировали, но все это исполнялось новыми ребятами, а не только теми, кто выступал на празднике.

Мы, взрослые, были гости, зрители. Для нас ставились стулья, приносились билеты, и концерт не начинался по тех пор, пока не соберутся все взрослые. Таких концертов у нас было несколько. Мы приноравливали их ко времени каникул, а иногда просто, по желанию детей, они устраивались по субботам. Каждый раз было что-то новое. Сначала это были «простые» выступления, потом понадобились костюмы, и тогда уже доставалось тете Саше (кладовщице) и тете Настеньке, нашей портнихе. Нужно было подобрать, подшить, зашить, ушить. Однажды был организован костюмированный вечер. Тут уж понадобились атрибуты для всех нас: кто приходил за платком, кто за шляпой, кто за зонтиком, кто за домашним халатиком или длинной юбкой.

Сколько было разных импровизаций! Самое главное, во всех этих случаях выявлялись новые активисты, которые в официальные моменты жизни детского дома себя не проявляли. Вечно молчаливый со взрослыми Геля Грязнов, дававший нам лишь лаконичные ответы, здесь был неузнаваем. Он танцевал в «Калинке», пел, глазенки его горели. Мало разговорчивый Эрик Вирташа, застенчивый Валя Ланин, угловатый Боря Павес, стеснительная Рита Захарова и многие другие вдруг становились центральными фигурами вечера. Дети тут раскрывались, а потом мы уже их вовлекали в выступления. Ребята всегда были довольные, радостные, непосредственные.

Дни рождения

Были у нас домашние праздники, дни рождения детей и взрослых. Отметить день рождения ребенка мы считали очень нужным. Это его праздник, и сделать этот день не похожим на все дни года, сделать его праздничным, доставить ребенку радостные переживания, чтобы эти моменты сохранились у него в памяти на всю жизнь, мы считали делом очень важным. Мы не знали дат рождения многих детей и делали так: когда в группе отмечали какой-нибудь известный день рождения, к нему присоединяли еще 4—5 детей. Праздник получался большой, а главное, никто не оказывался забытым. Всем делались подарки, приготовлялось угощение, всегда все собирались на увеселение к «виновникам торжества».

Интересно провели день рождения Тамары В. и Веры Г. 30/V-1945 г. Настоящих «новорожденных» было две, но не отмечались еще дни рождения 13 девочек их группы. И вдруг наши «именинники» пришли с ходатайством устроить день рождения всем вместе. Правда, это было неожиданно для нас и трудновато: ведь нужно было думать о подарках для всех. Но мы согласились. Прибавилось еще одно обстоятельство. В Санаине в это лето жили тетя Наташа и Светлана и Зоя Ивановна, жена Артема Ивановича Микояна. Они часто ходили на прогулки с нашими детьми. Они тоже были приглашены на день рождения. Днем все 15 «новорожденных» были очень заняты. В их распоряжение была отдана моя комната, они ее мыли, прибирали, ставили букеты цветов, готовили винегрет, помогали тете Нюре печь пироги. Для них был устроен чай отдельно в 5 часов в моей комнате. Пришла тетя Женя, собрались воспитательницы, свободные от дежурств.

Пришла и Зоя Ивановна с девочками. Она была удивлена, откуда так много хлопотливых хозяек. Мы ей объяснили, что к двум «официальным» присоединены 13 «неофициальных». Зоя Ивановна заволновалась при мысли, что приготовила подарки только для двух. Она принесла две коробочки цветных карандашей и конфеты. Зоя Ивановна ушла, но быстро вернулась и принесла еще карандаши и конфеты и тут же распределили всем подарки. Уселись за стол. Каждой был вручен пакетик, в котором были оранжевые безрукавочки, тетради от нас, карандаши и конфеты от Зои Ивановны и ее девочек. За ужином наши «новорожденные» угощали всех детей пирожками, в изготовлении которых они сами принимали участие. Потом пели, танцевали. Так хорошо веселились все дети, а каждая из пятнадцати чувствовала, что праздник устроен для нее.

Отмечая дни рождения взрослых, мы старались показать детям одну из форм уважения взрослых, умение создать приятное для тех, кто сейчас является для них самыми близкими, кто в повседневной жизни осуществляет большую заботу о них. Хочется привести в пример отчет

воспитательницы старшей группы Н. А. о том, как они провели день рождения Антонины Максимовны: «Я сказала детям о том, что скоро будет день рождения А. М. Стали обсуждать, как же мы будем отмечать. Самый основной вопрос у всех был: что подарить ей? Я сказала, что куплю красивые открытки, напишем поздравления, сходим на прогулки, соберем подснежники, фиалки, сделаем букетики, и все это под секретом от Антонины Максимовны. Открытки я принесла, мы разделились на 6 группочек и от каждой писали поздравления. Мои ребята еще не пишут, так что писала я, а обсуждали пожелания все. Каких только пожеланий они не высказали! И чтобы А. М. была здорова, и чтобы долго жила, чтобы вернулась в Ленинград, чтобы нашелся сын, чтобы от него письмо пришло и много других пожеланий. Условились, кто будет говорить от каждой группы.

В этот день (11 марта) А. М. работала с двух часов. Утром мы убрали нашу комнату по-особенному, переживали необычайное состояние, как будто у нас должно было случиться что-то важное. После обеда ребята то и дело поглядывали в окна, не идет ли А. М. Вдруг кто-то сообщил: “Идет, идет!” Мы приготовились к встрече. Встали дети полукругом. А. М. открыла дверь и очень удивилась: “Здравствуйте, ребятки”. Все поздоровались, а Адик Амосов выдвинулся вперед и поздравил А. М. с днем рождения от имени своей пятерки, перечислил имена. Потом к ней подошла Люся Киселева, за ней Вова Стародубцев, потом Люся Семенова, Верочка, Сережа. Каждый поздравлял, подавал открытку и цветы. Она, удивленная и растроганная, всех обнимала и целовала, после всех поцеловала и меня. Мы действительно переживали необычайное настроение и состояние. О том, что сегодня день рождения у А. М., знали все, и ее поздравляли не только в своей группе, ей все сердечно выражали внимание».

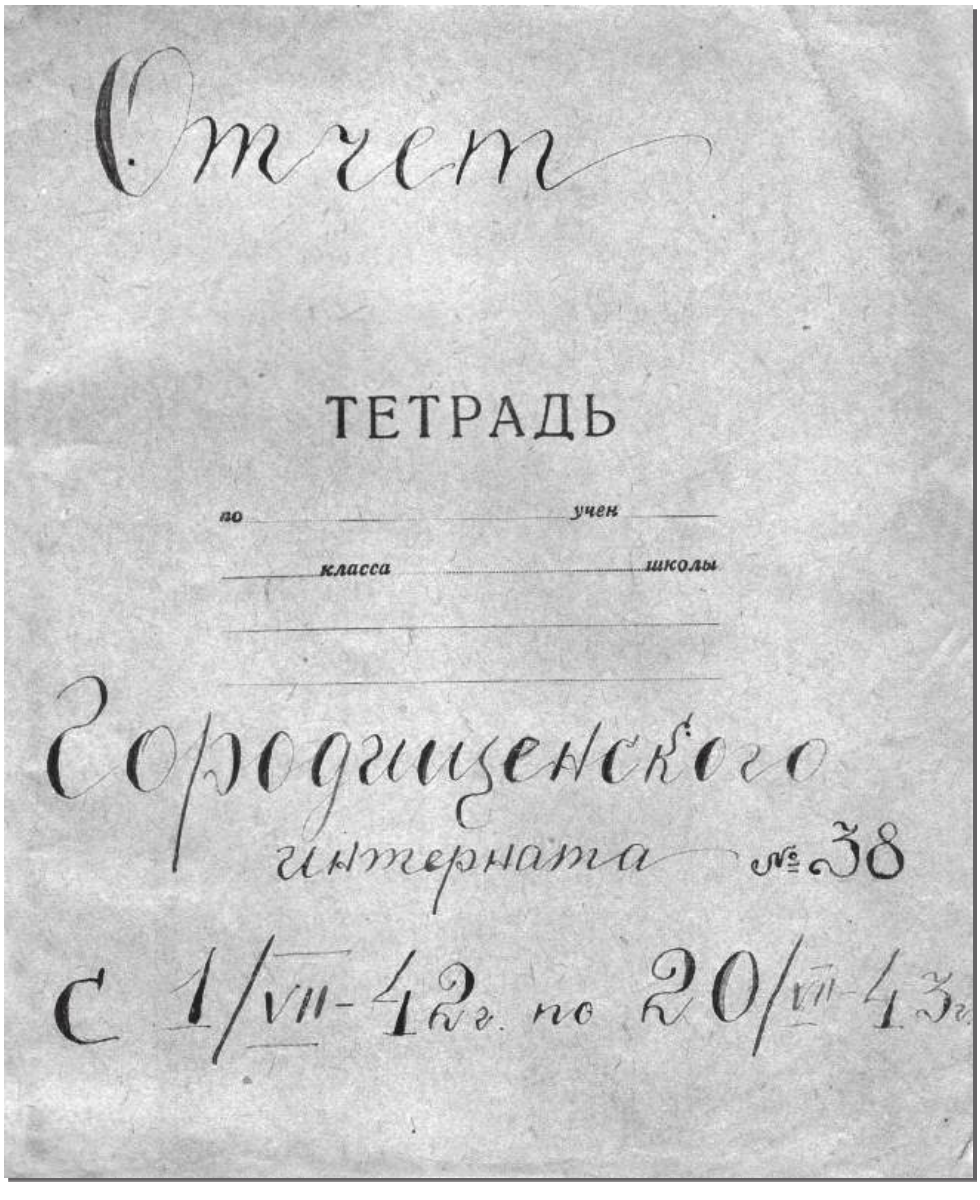
В июле мы отмечали день рождения Анны Матвеевны, нашей заведующей хозяйством. С утра она была занята внизу, в Алавердах. К ее приходу во всех группах были приготовлены букеты красных маков. Когда она пришла, ее самые большие попросили зайти к ним. Она, не зная, зачем она нужна в группе, вошла и увидела детей с букетами. Начались поздравления, пожелания, букеты в ее руках не поместились. Ее «потребовали» в каждую группу, и дело кончилось тем, что когда Анна Матвеевна пошла домой, вместе с ней пошла вереница детей. Ее комната превратилась в сплошной красный букет.

Так мы отмечали наши семейные праздники почти каждого члена коллектива: и большого, и маленького. Это украшало нашу жизнь и надолго оставалось хорошим воспоминанием у взрослых и у детей. Когда Зоя Ивановна Микоян уезжала в Москву, она написала в нашей тетрадочке с отзывами: «За время летних каникул, что мы живем в с. Санаине, я и мои дети полюбили коллектив детского дома. Нельзя без волнения смотреть на веселых, здоровых и стройных детей, познавших в 1942 году ужасы блокады и голода. Я испытала настоящее чувство гордости за воспитателей, сумевших поднять на ноги малышей, воспитать, привить им трудовые навыки и развить таланты детей. Видно, что воспитатели, техперсонал, руководимые Х. А. Гершенок, приложили максимум сил и способностей, чтобы вырастить таких чудесных ребят. Родители этих детей могут быть спокойны: их дети находятся в крепких, умелых руках. Детский дом № 51 — здоровый, сплоченный коллектив, может служить примером для других детских домов и заслуживает благодарности и большого внимания со стороны НКП...»

Группа сотрудников детского дома: Аракелова Е. А., муз. работник; Алексеева А. П., портниха; Ласт Н. С., воспитатель; Грушина З. П., воспитатель; Гершенок Х. А., директор; Гершенок Н. А., воспитатель; Огнева А. М., воспитатель. Ереван, июль 1944 г. Республиканская художественная олимпиада

Приложение V-9

Отчет Городищенского интерната № 38 о пребывании в эвакуации[98]


Отчет

ТЕТРАДЬ

по _____ учен _____

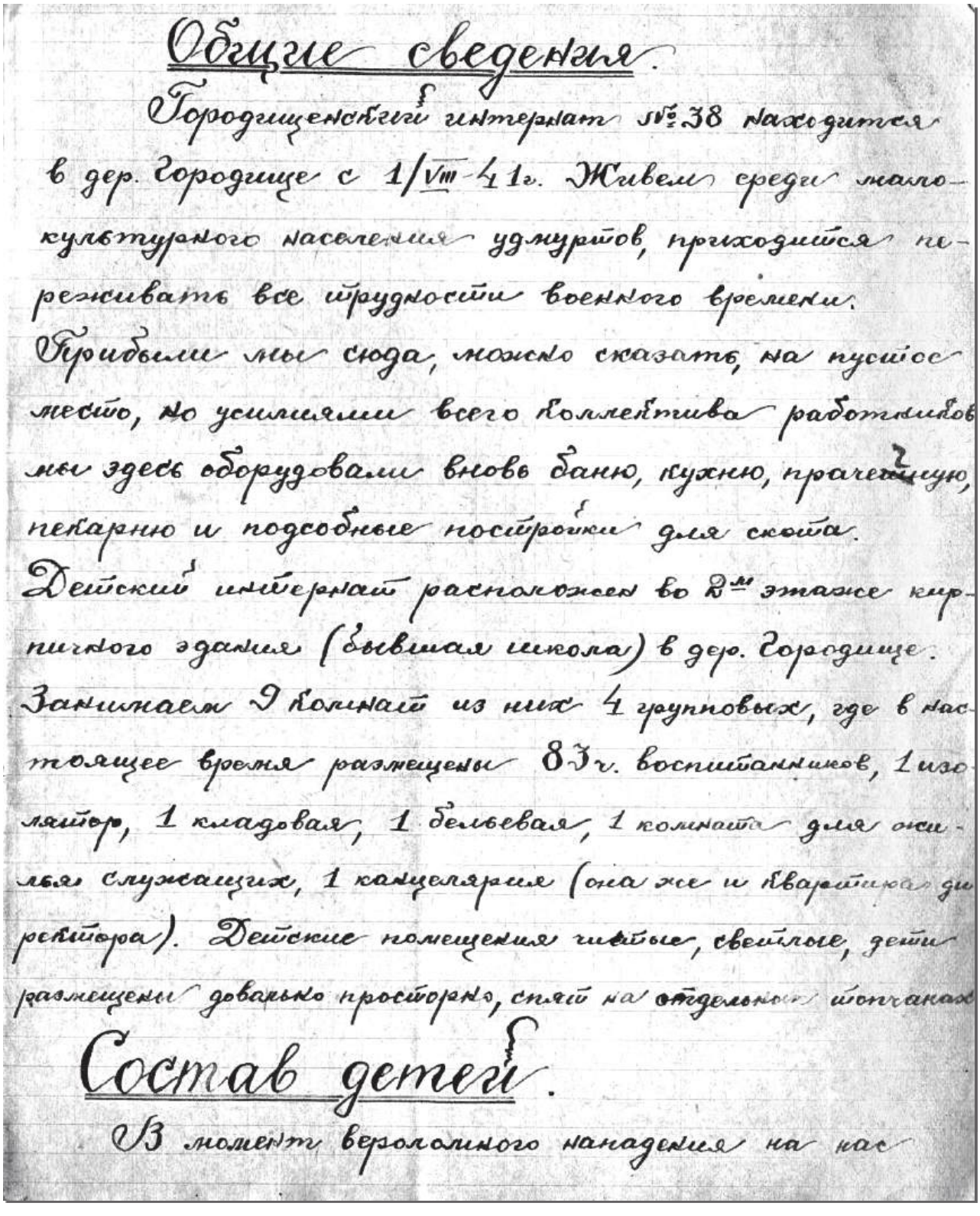
_____ класса _____ школы

Городищенского

интерната № 38

с 1/VII-42 г. по 20/VII-43 г.

[98] Этот рукописный отчет хранится в ПМ СПб АППО.



Общие сведения.

Городищенский интернат №38 находится в дер. Городище с 1/VIII-41 г. Живем среди малокультурного населения удмуртов, приходится переживать все трудности военного времени.

Прибыли мы сюда, можно сказать, на пустое место, но усилиями всего коллектива работников мы здесь оборудовали вновь баню, кухню, прачечную, пекарню и подсобные постройки для скота.

Детский интернат расположен во 2-м этаже кирпичного здания (бывшая школа) в дер. Городище. Занимаем 9 комнат из них 4 групповых, где в настоящее время размещены 83 ч. воспитанников, 1 изолятор, 1 кладовая, 1 бельевая, 1 комната для отдыха служащих, 1 канцелярия (она же и квартира директора). Детские помещения чистые, светлые, дети размещены довольно просторно, спят на отдельных кроватях

Состав детей.

В момент вероломного нападения на нас

гитлеровской Германии, мне было приказано вывезти детей – 150 ч. учеников 2-й школы Кировского района. Из Ленинграда 1/VII-41 г. выехало 150 г. В сентябре 41 года начался напыв родителей за детьми. Несмотря на большую работу политическую, которую провел коллектив рабочников с матерями воспитанников, 10 чел. было увезено в Ленинград, 5 чел. в другие города. Осталось 135 чел. Из них в течение 42 года мы отправили к родителям в г. Челябинск 20 чел. в Свердловск 5, в Молотов и Архангельск 10 чел. – Всего 35 человек. Итого на 1/IX-42 г. у нас осталось 100 чел. Так как у нас школа семилетка, то детей мы вынуждены передавать в соседние интернаты в 8 класс. Так мы в течение 42 уч. г. сдали в Мухинский интернат в 8 кл. 10 воспитанников, в Селезеникху 7 чел., в военно-воздушную спец. школу 2 мальчика, в школу юнгов 1. Всего выбыло в 8 кл. 17 человек. Осталось на 20/VII-43 г. 83 воспитанника.

Всего в Городищенском интернате 83 воспитанника и 14 служащих. Воспитателей 4, 1 помощ

вожатый, 1 мед. сестра, 1 прачка, 2 повара, 2 уборщицы, 1 ночная няня, 1 счетовод и директор. Среди педагогического и технического персонала строго распределены обязанности, выработаны свои правила внутреннего распорядка. Никто из работников нашего коллектива не считается со временем и здоровьем, работаем так, чтобы сохранить жизнь и здоровье наших воспитанников вывезенных из г. Ленинграда.

Мероприятия по охране здоровья

В 1942-43 году мы в течение всего учебного года не имели совершенно случаев инфекционных заболеваний детей. В момент обследования интерната врачами в марте месяце этого года изолятор был на замке. Летом 1942 года мы провели большую оздоровительную работу среди детей. Интернат был переведен на лагерный режим - утром проводили зарядку, купанье, мертвый час после обеда. Практиковали грибные и ягодные походы. Грибов было съедено около

тонны. Свежую землянику и малину дети ели
в достаточном количестве. Каждый воспитанник
обязан был принести для себя ягод на третье
блюдо. Проводили экскурсии и военные игры.
Мальчики ходили на рыбалку. Загорали на
солнце. Мы старались детей за лето закалить,
но наши дети не только культурно отдыхали,
но хорошо поработали в своем подсобном хо-
зяйстве, вначале маленьком, состоящем из агро-
участка в 3га. Работали наши воспитанни-
ки в колич. 20 чел. в колхозе, заработали 600 трудо-
дней, а осенью мы получили за их работу
дополнительно продуктов питания - 500 кг. муки,
00 кг. гороха, 2 кг. меду и грубые корма для скота.
Несмотря на неурожай картофеля, мы получи-
ли добавочно к нормированным продуктам
15 тонн разных овощей из своего подсобного хозяй-
ства. Дети и служащие впервые в жизни са-
ми заготовили 500 куб. м. дров для отопления
интерната. Выкосили 2га клевера для того, что-

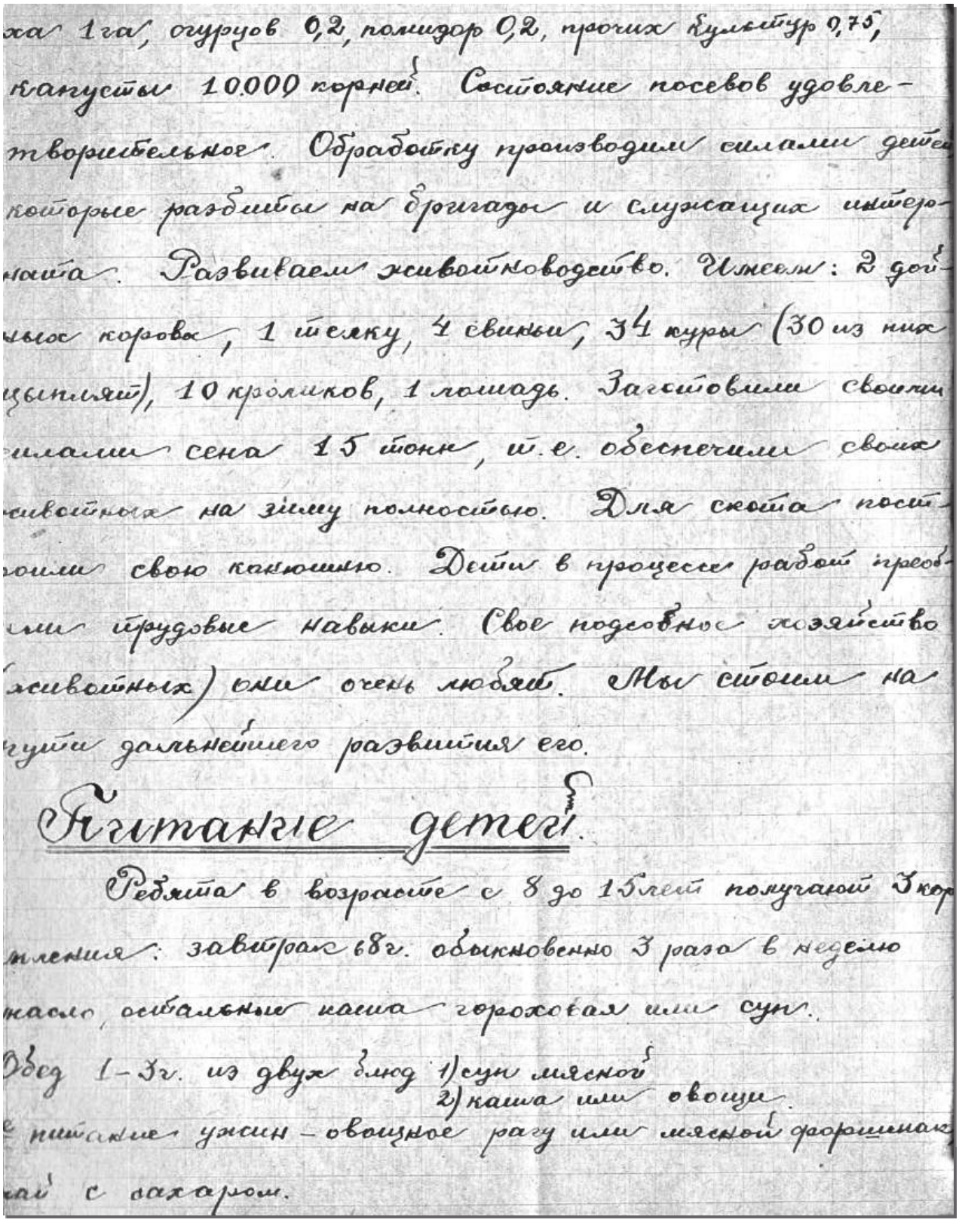
бы прокормить 1 корову, которую мы купили осенью 1942г. Насушили грибов, ягод малины и заготовили для интерната лекарственные травы, шиповник, хвою для получения витамина „С". Зимой дети пили витамин „С". Для укрепления здоровья, зимой проводили вылазки на лыжах, прогулки. Большое внимание мы обратили на санитарно-гигиенические условия воспитанников. Ежедневно проводили сан. осмотр детей, проветривали помещение, делали генеральную уборку в конце каждой недели. Воспитатели и медсестра следили за внешней чистотой воспитанников, регулярно через 10 дней проводили мытье в бане, со сменой нательного и постельного белья и верхней одежды. Часто стригли волосы. Ну, а главное внимание было уделено вопросу детского питания. Осенью, на хлопоты, мы принялись за самозаготовки. Засолили капусты и заготовили ее до 3 тонн. Засолили огурцов около тонны, помидоров тоже около тонны. Закупили мяса около 2,5 тонн и отоварили государственный картофель 12 тонн, получив вместо картофеля зерновые

культуры – горох, пшеницу и ячмень, все это мы высу-
шили, смололи на муку и крупу, полученные запасы
продуктов строго распланировали. Детей мы стара-
лись питать регулярно, давать обязательно горячие
завтраки. Обеды всегда состояли из двух блюд. На
ужин обычно была каша или винегрет или суп и
т. д. Перебоев с питанием зимой не было. Зи-
мой год отечественной войны мы прожили неплохо.
Состояние здоровья детей, по характеристике
врачей в марте месяце, хорошее. Дети средней
питанности, за исключением 10 ч-к, у которых признана
слабая упитанность. Для них мы до 1/VII 43 г. ввели 4-е
дополнительное питание. Дети получали 1 ст. моло-
ка или простокваши, или яйцо и т. д. С 1/VII-43 г. орга-
низовали согласно указания ОблОНО у себя санаторную
группу в 30 ч., куда включили 10 ч. с пониженным
питанием и др. детей младшего возраста. Дети
находятся под наблюдением медсестры. Каждый
день утром получают дополнительно 10 гр. масла.
В 4 ч. (утра) вечера – полдник. Дети получают 10 гр. мас-

ло, какао, омлет и т. д. После обеда 2 ч. отдыхают. Эти дети освобождены от тяжелой работы. Остальные дети после обеда отдыхают 1 час и вообще находятся на лагерном режиме. В настоящее время дети средней упитанности и все здоровы, кроме одного сердечника и 3-х слабеньких, которые болели дома. Дети охвачены прививками против оспы, дифтерии и брюшного тифа.

Подсобное хозяйство.

В целях улучшения питания детей, в первый же год существования интерната встал вопрос о развитии подсобного хозяйства. К настоящему времени подсобное хозяйство является основной базой питания детей. В вторую военную весну мы поставили себе задачу, как можно больше посеять зерновых и огородных культур и обеспечить за ними лучший уход за ними. При наличии лишь одной лошади, мы смогли засеять 8,25 га (имея областной план в 5 га), из них по культурам: овса 3 га, ячменя 0,5 га, картофеля 2,25 га, горо



ха 1га, огурцов 0,2, помидор 0,2, прочих культур 0,75,
капусты 10.000 корней. Состояние посевов удовле-
творительное. Обработку производим силами детей
которые разбиты на бригады и служащих интер-
ната. Развиваем животноводство. Имеем: 2 дой-
ных коровы, 1 телку, 4 свиньи, 34 куры (30 из них
цыплят), 10 кроликов, 1 лошадь. Заготовили своими
силами сена 15 тонн, т.е. обеспечили свою
живность на зиму полностью. Для скота посе-
яли свою кормушку. Дети в процессе работ приоб-
рели трудовые навыки. Свое подсобное хозяйство
(животных) они очень любят. Мы стоим на
пути дальнейшего развития его.

Питание детей.

Ребята в возрасте с 8 до 15 лет получают 3 кор
мления: завтрак 6 8г. обыкновенно 3 раза в неделю
масло, остальные каша горохова или суп.
Обед 1-3г. из двух блюд 1) суп мясной
2) каша или овощи.
Ужин - овощное рагу или мясной фарш
чай с сахаром.

Средняя калорийность без хлеба:

В январе – 610.
В феврале – 652.
В марте – 700.

А теперь летом калорийность выше, дети получают ежедневно масло, яйца, молоко. По заключению врачей дети выглядят удовлетворительно.

Учебно-воспитательная работа

Главным методом (в) нашей работы в условиях отечественной войны было соцсоревнование. Все служащие и дети были охвачены соцсоревнованием между собою и другими интернатами. Мы соревнуемся с Сунским интернатом по следующим пунктам:

1. Сохранить жизнь и здоровье детей для чего:
   а) В комнатах иметь образцовый порядок и абсолютную чистоту.
   б) Разнообразно и вкусно готовить пищу для детей.
   в) Добиться 100% успеваемости.
   г) Разнообразно обслужить досуг воспитанников: беседами читками играми и кружковой работой.
   е) Оказать помощь отстающим ученикам, и охватить детей военно-физкультурной работой.
   ж) Усилить политико-массовую работу среди детей обслуживающего персонала и местного колхозного населения.

Учебно-воспитательная работа шла

в плановом порядке. Работа воспитателями планировалась, как ежедневно, так и помесячно. Особенно мы следили за учебной работой детей. Воспитателями посещались уроки в школе. В режиме дня воспитанника главное внимание уделено было приготовлению уроков, уроки готовили одновременно по всему, в определенные часы – утренняя смена с 9–5 ч. вторая смена с 10–12 ч. Воспитатели были обязаны всех проверять, в особенности слабых учеников. В результате работы за 1942–43 уч. год мы добились 100% успеваемости. Из 76 школьников – 66 чел. имеют только отличные и хорошие отметки. Среди наших воспитанников 20 ч. круглые отличники. Среди воспитанников мы проводили большую военно-оборонную работу. Дети сдали нормы на значки ПВХО, БГТО, БГСО. Участвовали в лыжных кроссах, и военных играх. Прочитали и обсудили с детьми след. книги: „Детские годы В. И. Ленина," „Первый чекист", „Тимур и его команда", „Луганцы", „Капитан Гастелло" и др.

Работали кружки: физкультурный, кружок худож. самодеятельности. В работе кружков мы придерживались принципа массового охвата воспитанников. Провели шахматный и шашечный турниры. Регулярно проводили читки газет.

Трудовое обучение.

Трудовое воспитание дети получили в процессе всей жизни в интернате. Главным образом личным участием в подсобном хозяйстве. Дети проходят все виды труда на своем агро-участке - уход за растениями. Сами ухаживают за животными. Аня Орлова с большой любовью ухаживает за курами и цыплятами. За коровами и свиньями также ухаживают прикрепленные воспитанники. Дети решительно все делают сами. У нас есть свои косцы: Саша Зуйкарнаев, Галя Жмыкова, Нина Попова, Лина Егорова, Дмитриев Ваня, Рыжков, Махов, Фомин и др. С участием детей идет заготовка топлива, дежурство в интернате, в кухне, по столовой.

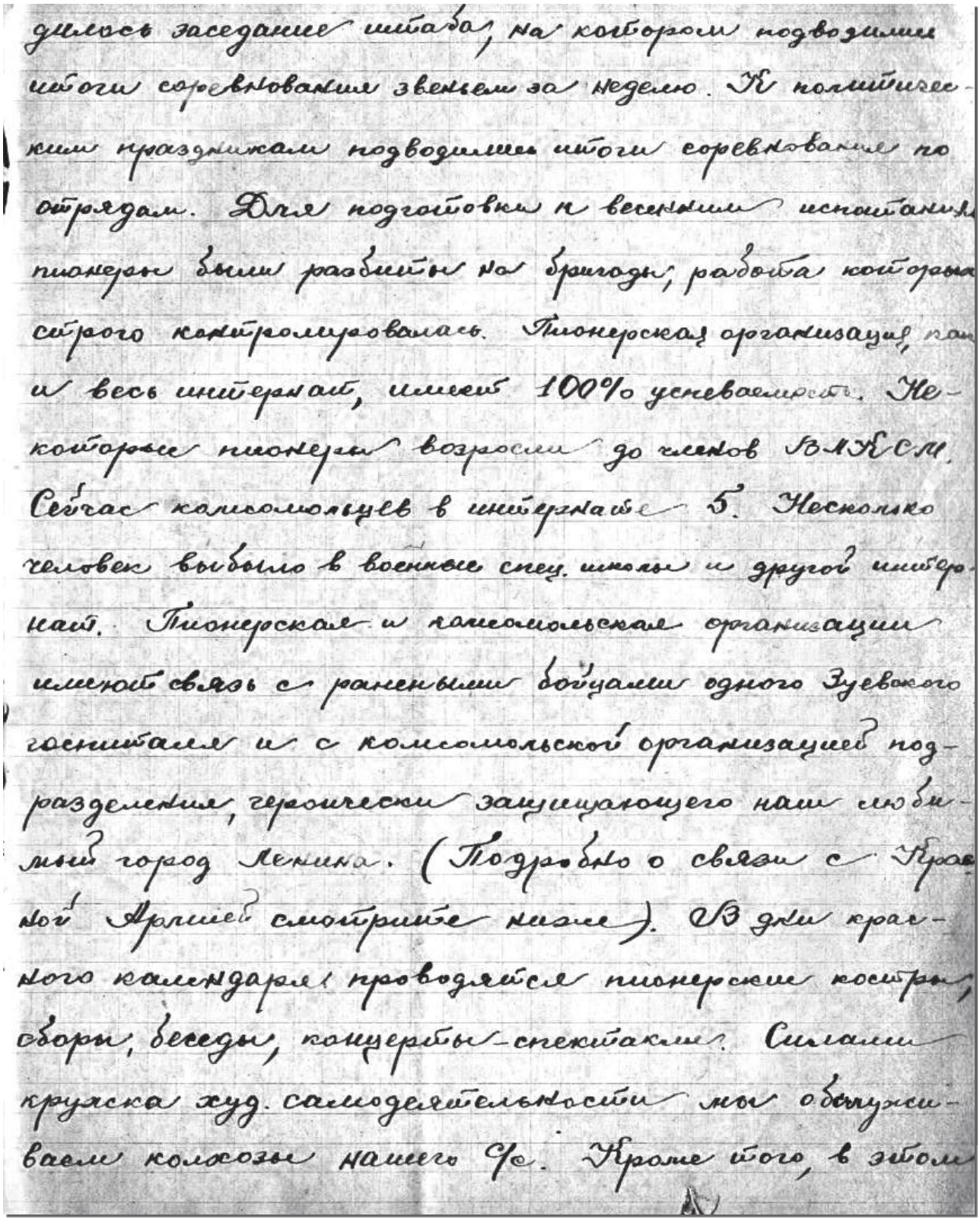
Дети сами чинят белье. Учет работы ведется по бригадам, подытоживается по субботам на линейках.

Самоуправление.

Детский совет состоит из 7 ч. Он участвует во всей работе интерната. На нем решаются все вопросы, касающиеся жизни, работы, учебы воспитанников. Например: 1) План проведения 25 годовщины В. К. К. А.
2) Годовая успеваемость
3) Подготовка к посевной и б. д.

Работа пионерской и комсомольской организации.

Все воспитанники интерната, подходящие по возрасту, являются членами пионерской организации. В ин-те прочный пионерский актив, который является ведущим во всех политических и культурно-массовых мероприятиях. Зимой, в дни школьных занятий, главное внимание членов штаба пионерской дружины и отрядов направлено на улучшение учебы. Каждую субботу прово-

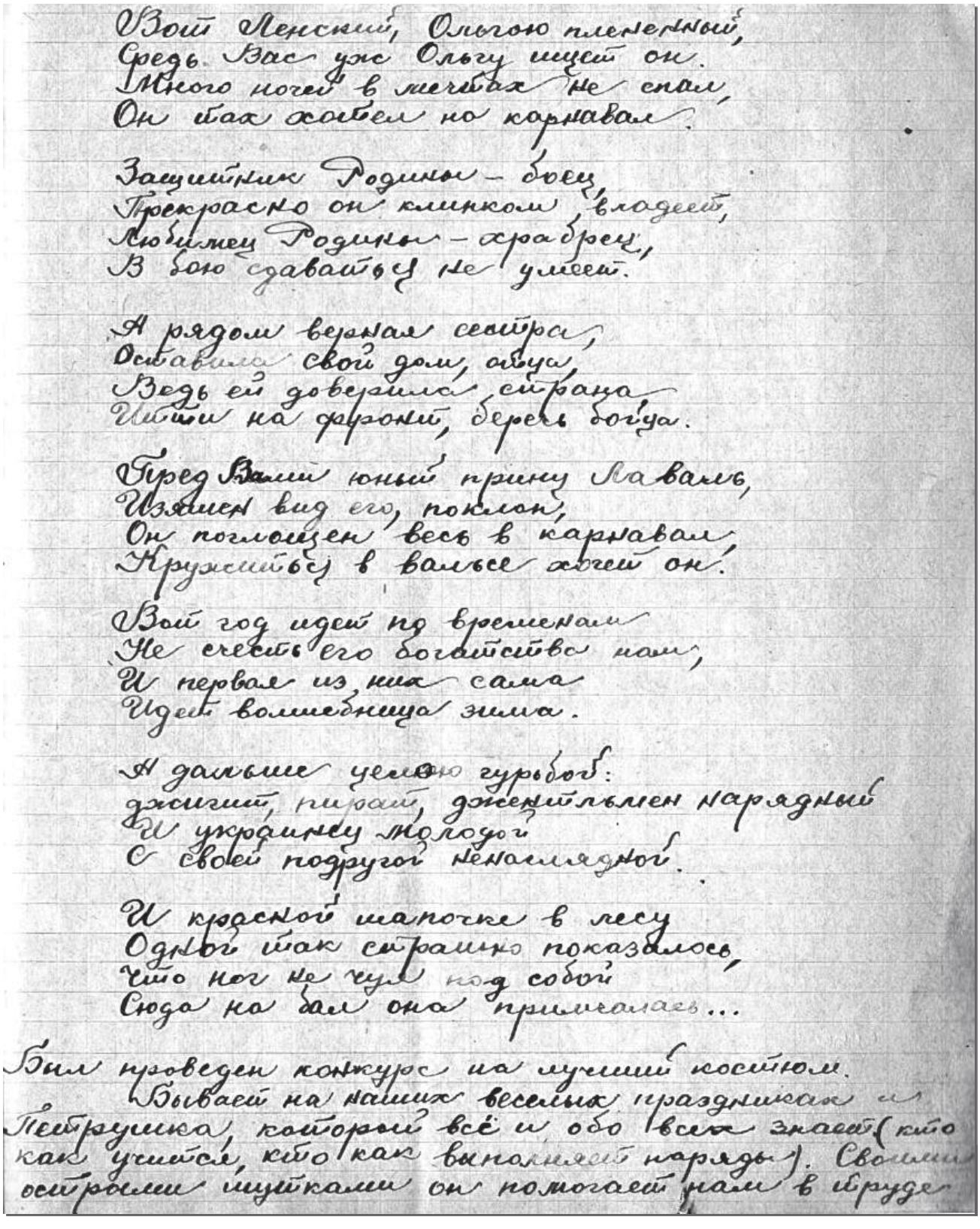


дилось заседание штаба, на котором подводились итоги соревнования звеньев за неделю. К политическим праздникам подводились итоги соревнования по отрядам. Для подготовки к весенним испытаниям пионеров были разбиты на бригады, работа которых строго контролировалась. Пионерская организация, как и весь интернат, имеет 100% успеваемость. Некоторые пионеры возросли до членов ВЛКСМ. Сейчас комсомольцев в интернате 5. Несколько человек выбыло в военное спец. школы и другой интернат. Пионерская и комсомольская организации имеют связь с раненными бойцами одного Зуевского госпиталя и с комсомольской организацией подразделения, героически защищающего наш любимый город Ленина. (Подробно о связи с Красной Армией смотрите ниже). В дни красного календаря проводятся пионерские костры, сборы, беседы, концерты-спектакли. Силами кружка худ. самодеятельности мы обслуживаем колхозы нашего с/с. Кроме того, в зимо

году, также, как и в прошлом, мы ездили на пионерский слет в Зуевку, где показывали свою самодеятельность. и заняли одно из 1-х мест. Мы были участниками 6 концертов (в железнодорожном клубе и в госпиталях). Главным номером нашей программы был, наш хор смонтированный, из произведений советских поэтов и композиторов, монтаж „Вперед Комсомольское племя", который мы посвятили комсомольцам Ленинграда, героически защищающим свой любимый город. Он имел заслуженный успех.

Часы досуга ребят мы старались заполнить содержательными и веселыми отдыхом. Так нами был проведен карнавал. При очень скромных возможностях, сооружались костюмы, на главных персонажей сшиты маски...

... Позвольте Вам гостей представить
И кое-что о них добавить,
А дальше догадайтесь сами,
Кто в этих масках перед Вами.



Вот Ленский, Ольгою пленённый,
Средь вас уж Ольгу ищет он.
Много ночей в мечтах не спал,
Он так хотел на карнавал.

Защитник Родины – боец,
Прекрасно он клинком владеет,
Любимец Родины – храбрец,
В бою сдаваться не умеет.

А рядом верная сестра,
Оставила свой дом, семью,
Ведь ей доверила страна
Идти на фронт, беречь бойца.

Перед вами юный принц Лаваль,
Изящен вид его, поклон,
Он погружен весь в карнавал,
Кружиться в вальсе хочет он.

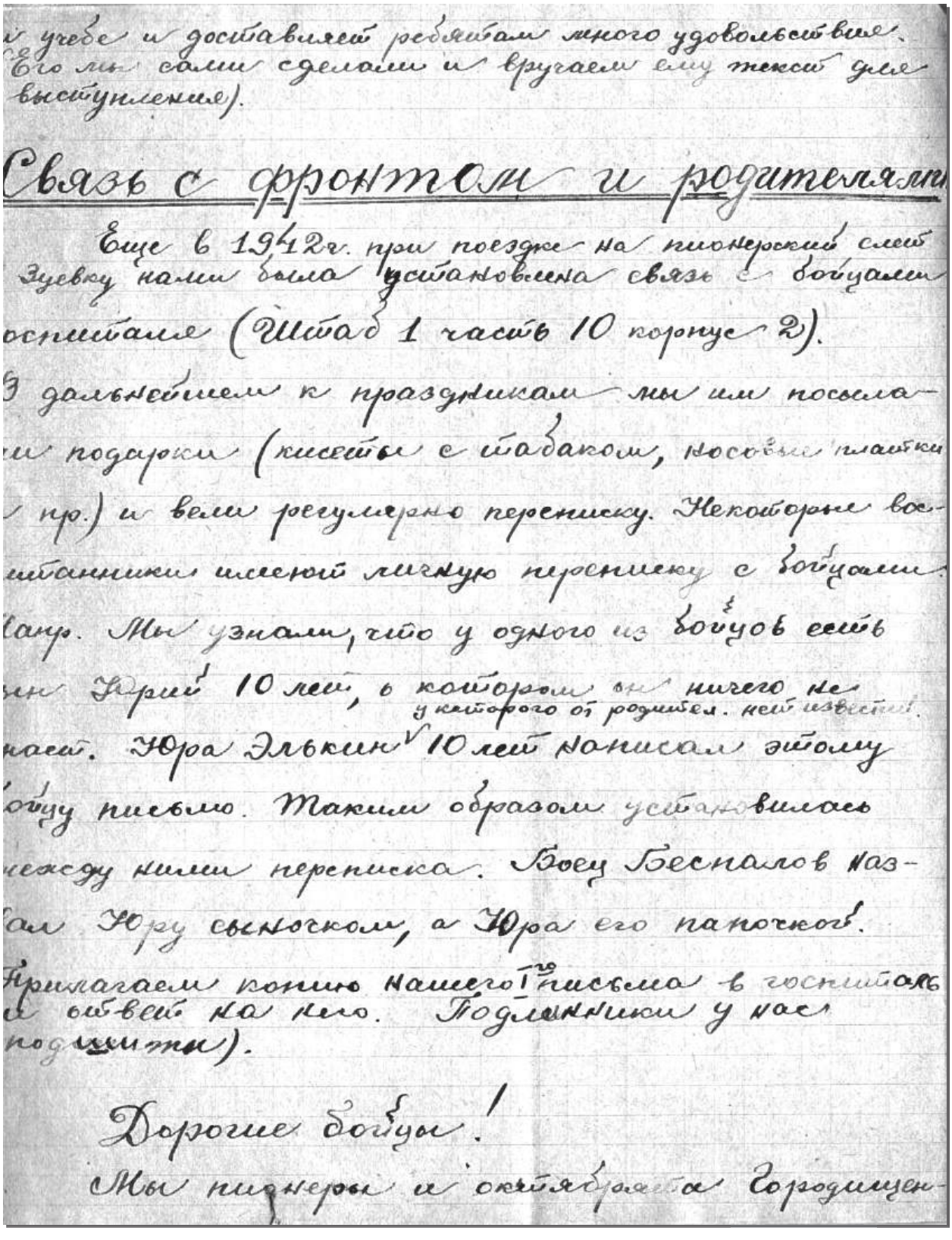
Вот год идет по временам
Не счесть его богатства нам,
И первая из них сама
Идет волшебница зима.

А дальше целою гурьбой:
джигит, пират, джентльмен нарядный
И украинку молодой
С своей подругой ненаглядной.

И красной шапочке в лесу
Один так страшно показалось,
Что ног не чуя под собой
Сюда на бал она примчалась...

Был проведен конкурс на лучший костюм.

Бывает на наших веселых праздниках и Петрушка, который всё и обо всех знает (кто как учится, кто как выполняет наряды). Своими острыми шутками он помогает нам в труде



в учебе и доставляет ребятам много удовольствия. Его мы сами сделали и вручаем ему текст для выступления).

Связь с фронтом и родителями

Еще в 1942г. при поездке на пионерский слет в Гудевку нами была установлена связь с бойцами госпиталя (Штаб 1 часть 10 корпус 2).

В дальнейшем к праздникам мы им посылали подарки (кисеты с табаком, носовые платки и пр.) и вели регулярно переписку. Некоторые воспитанники имеют личную переписку с бойцами. Вано. Мы узнали, что у одного из бойцов есть сын Юрий 10 лет, с которым он ничего не переписывается. Юра Элькин 10 лет написал этому бойцу письмо. Таким образом установилась между ними переписка. Боец Бесналов называет Юру сыночком, а Юра его папочкой.

Прилагаем копию нашего 1-го письма в госпиталь и ответ на него. Подлинники у нас (подлинники).

Дорогие бойцы!

Мы пионеры и октябрята Городищен-

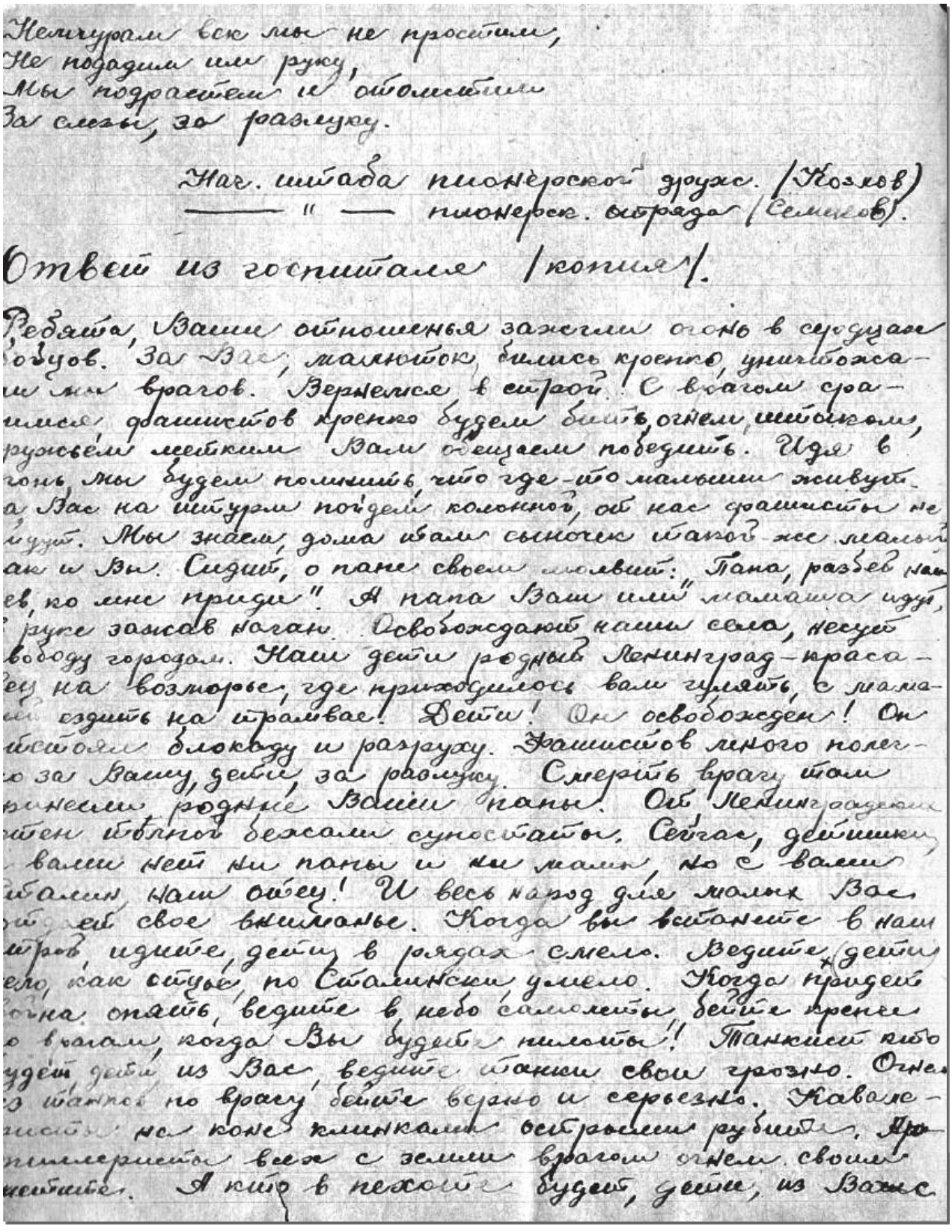
ского интерната № 38, горячо поздравляем Вас с XXV годовщиной Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Желаем Вам скорейшего и полного выздоровления.

Нас радуют блестящие успехи Красной Армии. Мы, забитые нарбаши и правительства, эвакуированные в глубокий тыл, живем хорошо, учимся, и как-то наши отцы и братья на фронте могут быть спокойны за нас и все свои силы и способности отдать Родине, драться с врагом до тех пор, пока фашистская мразь не будет полностью уничтожена. Чем скорее идет наша Красная Армия вперед, тем ближе час нашей встречи с родителями. Мы ненавидим фашистов и в день XXV годовщины РККА обещаем, что как только сумеем держать оружие в руках, пойдем в бой с врагом. Мы хотим быть такими же отважными, как Жуков, Василевский, Рокоссовский и др., победами которых мы восхищаемся.

Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия!

Да здравствует гениальный полководец и вождь нашей Армии и первый полководец т. Сталин!

....Из дому, в огне, в жарких боях,
Но с непреклонной волей,
Идешь вперед, скорей вперед,
В свои деревни, села...
Там город Ленина стоит
Объятый зимней дымкой,
Там наши матери в тоске
Ждут свою дочь, сына...
Пока мы здесь живем, но знаем,
Что близок час свидания,
Иди же скорей, скорей вперед, Армия родная!

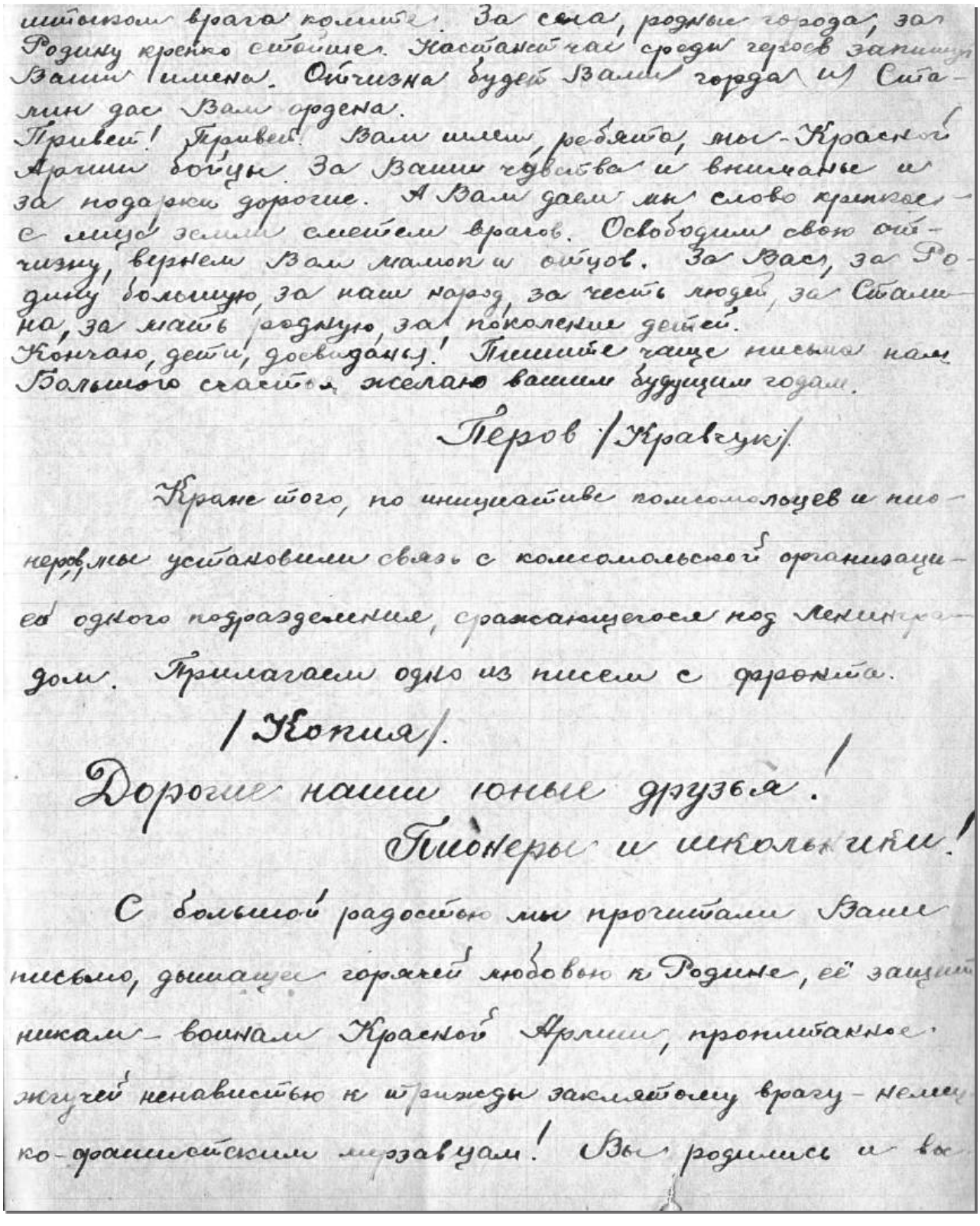


Немцурам всех мы не простим,
Не подадим им руку,
Мы подрастем и отомстим
За слезы, за разлуку.

Нач. штаба пионерской дружс. (Козлов)
——"—— пионерск. отряда (Семенов).

Ответ из госпиталя (копия).

Ребята, Ваши обращенья зажгли огонь в сердцах бойцов. За Вас, малышок, бились крепко, уничтожая мы врагов. Вернемся в строй. С врагом сражаться фашистов крепко будем бить огнем, штыком, оружьем метким Вам обещаем победить. Идя в бой, мы будем помнить, что где-то малыши живут. За Вас на штурм пойдем колонной, об нас фашисты не забудут. Мы знаем, дома у вам сынок такой же малый как и Вы. Сидит, о папе своем молвит: Папа, разбей на ев, ко мне приди". А папа Ваш или "мамаша идут, в руке зажав наган. Освобождают наши села, несут свободу городам. Наш дети родный Ленинград – краса – ец на возторье, где приходилось вам гулять, с мама – ми ездить на трамвае! Дети! Он освобожден! Он ибстоял блокаду и разруху. Фашистов много полег – ло за Вашу, дети, за разлуку. Смерть врагу там принесли, родные Ваши папы. Об Ленинградцах итлер бешеных бежали сносибатов. Сейчас, дети – ки, у вам нет ни папы и ни мамы, но с вами ибатюшки наш обоз! И весь народ для малых Вас ыл себ свое вниманье. Когда вы встанете в наш ирав, идите, дети, в рядах смело. Ведите, дети, ело, как отцы, по Сталински умело. Когда придет ойна опять, ведите в небо самолеты бейте крепко о врагам, когда Вы будете пилоты!! Танкисты либо удет дети из Вас, ведите танки свои грозно. Огне з шапок по врагу бейте верно и серьезно. Кавале – исты на коне клинками острыми рубите. Ар – иллеристы всех с земли врагом огнем своим ибейте. А кто в пехоте будет, дети, из Вас



нитским врага комите. За сына, родные города, за Родину крепко стойте. Настойчивай среди героев запишут Ваши имена. Отчизна будет Вами горда и Сталин даст Вам ордена.
Привет! Привет Вам шлем, ребята, мы - Красной Армии бойцы. За Ваши чувства и внимание и за подарки дорогие. А Вам даем мы слово крепкое - с лица земли стереть врагов. Освободим свою отчизну, вернем Вам мамок и отцов. За Вас, за Родину большую, за наш народ, за честь людей, за Сталина, за мать родную, за поколение детей.
Кончаю, дети, до свиданья! Пишите чаще писька нам. Большого счастья желаю вашим будущим годам.

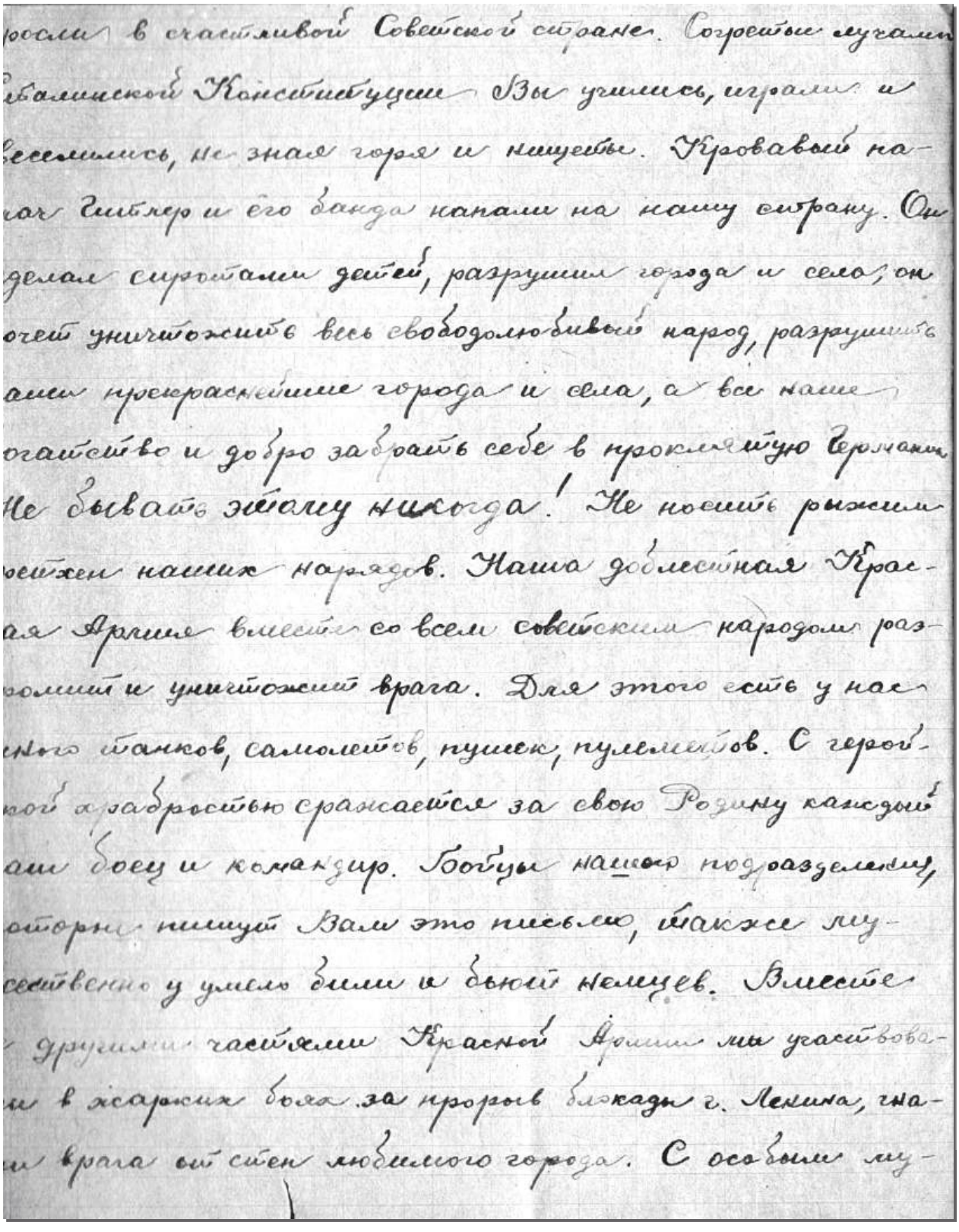
Герой /Кравчук/

Кранегого, по инициативе комсомольцев и пионеров, мы установили связь с комсомольской организацией одного подразделения, сражающегося под Ленинградом. Прилагаем одно из писем с фронта.

/Копия/.

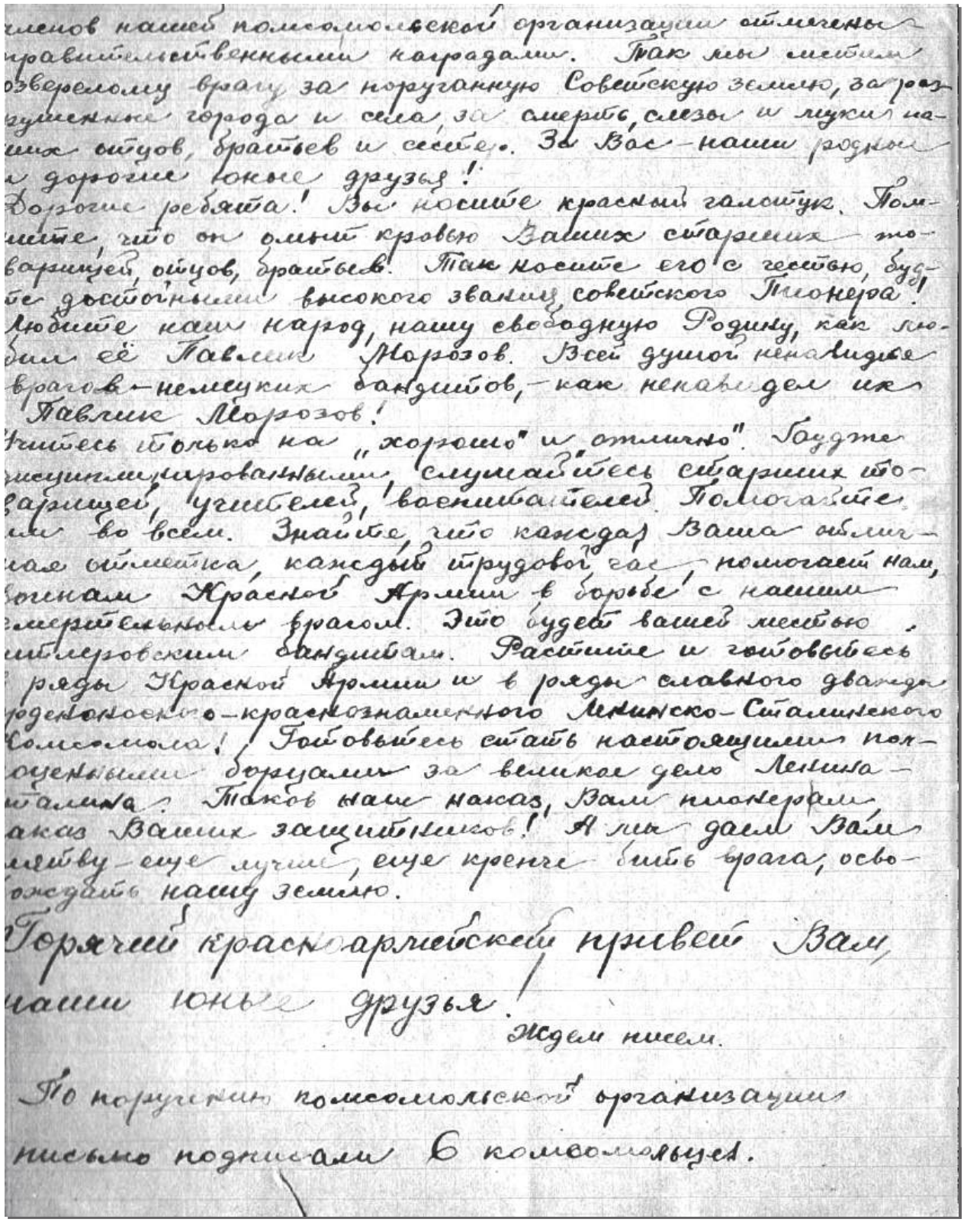
Дорогие наши юные друзья!
Пионеры и школьники!

С большой радостью мы прочитали Ваше письмо, дышащее горячей любовью к Родине, её защитникам - воинам Красной Армии, пропитанное жгучей ненавистью к изверженному заклятому врагу - немецко-фашистским мерзавцам! Вы родились и вы-



росли в счастливой Советской стране. Согретые лучами
Сталинской Конституции Вы учились, играли и
веселились, не зная горя и нищеты. Кровавый на-
лач Гитлер и его банда напали на нашу страну. Он
сделал сиротами детей, разрушил города и села; он
хочет уничтожить весь свободолюбивый народ, разрушить
наши прекраснейшие города и села, а все наше
богатство и добро забрать себе в проклятую Германию.
Не бывать этому никогда! Не носить рыжим
фашистам наших нарядов. Наша доблестная Крас-
ная Армия вместе со всем советским народом раз-
громит и уничтожит врага. Для этого есть у нас
много танков, самолетов, пушек, пулеметов. С геро-
ической отвагой сражается за свою Родину каждый
наш боец и командир. Бойцы нашего подразделения,
которым пишут Вам это письмо, также мужественно и умело бьют и бьют немцев. Вместе
с другими частями Красной Армии мы участвова-
ли в жарких боях за прорыв блокады г. Ленина, гна-
ли врага от стен любимого города. С особым му-

жестоким и отвагой громили и истребляли фашистов
наши молодые воины-комсомольцы. Не считаясь ни
с какими трудностями, не жалея своих сил, с ору-
жием в руках, которым снабдила нас Родина, борются
за освобождение нашей земли, вгоняют в могилу по-
ганую немчуру, а если требуется без сожаления отдают
жизнь, умирая геройской смертью. Комсомолец Колобов
заменил в бою, выбывшего из строя, командира, сме-
ло повел подразделение в атаку. Руководимые им бой-
цы опрокинули врага, захватили важный рубеж.
На поле боя осталось до 100 трупов вражеских
солдат и офицеров. В другом бою Колобов, рискуя
жизнью, спас жизнь командира, сам получил 2
ранения. Командование высоко оценило подвиги слав-
ного комсомольца, наградив его правительственной
наградой орденом „Красная звезда". Такую же
отвагу и храбрость проявили в боях комсомоль-
цы Бысиров, Баженов, Беляков, Реджин, Левкин,
Смирнов и многие др. Они также награждены
орденами и медалями. Около половины



членов нашей пионерской организации отмечены правительственными наградами. Так мы мстим озверелому врагу за поруганную Советскую землю, за разрушенные города и села, за смерть, слезы и муки наших отцов, братьев и сестер. За Вас — наши родные и дорогие юные друзья!

Дорогие ребята! Вы носите красный галстук. Помните, что он омыт кровью Ваших старших товарищей, отцов, братьев. Так носите его с честью, будьте достойными высокого звания советского Пионера! Любите наш народ, нашу свободную Родину, как любил её Павлик Морозов. Всей душой ненавидьте врагов — немецких бандитов, — как ненавидел их Павлик Морозов!

Учитесь только на „хорошо" и отлично". Будьте дисциплинированными, слушайтесь старших товарищей, учителей, воспитателей. Помогайте им во всем. Знайте, что каждая Ваша отличная отметка, каждый трудовой час — помогают нам, воинам Красной Армии в борьбе с нашим смертельным врагом. Это будет вашей местью фашистским бандитам. Растите и готовьтесь в ряды Красной Армии и в ряды славного дважды орденоносного-краснознаменного Ленинско-Сталинского Комсомола! Готовьтесь стать настоящими достойными борцами за великое дело Ленина — Сталина! Такой наш наказ, Вам пионерам, наказ Ваших защитников! А мы даем Вам клятву — еще лучше, еще крепче бить врага, освобождать нашу землю.

Горячий красноармейский привет Вам, наши юные друзья.

Ждем писем.

По поручению комсомольской организации письмо подписали 6 комсомольцев.

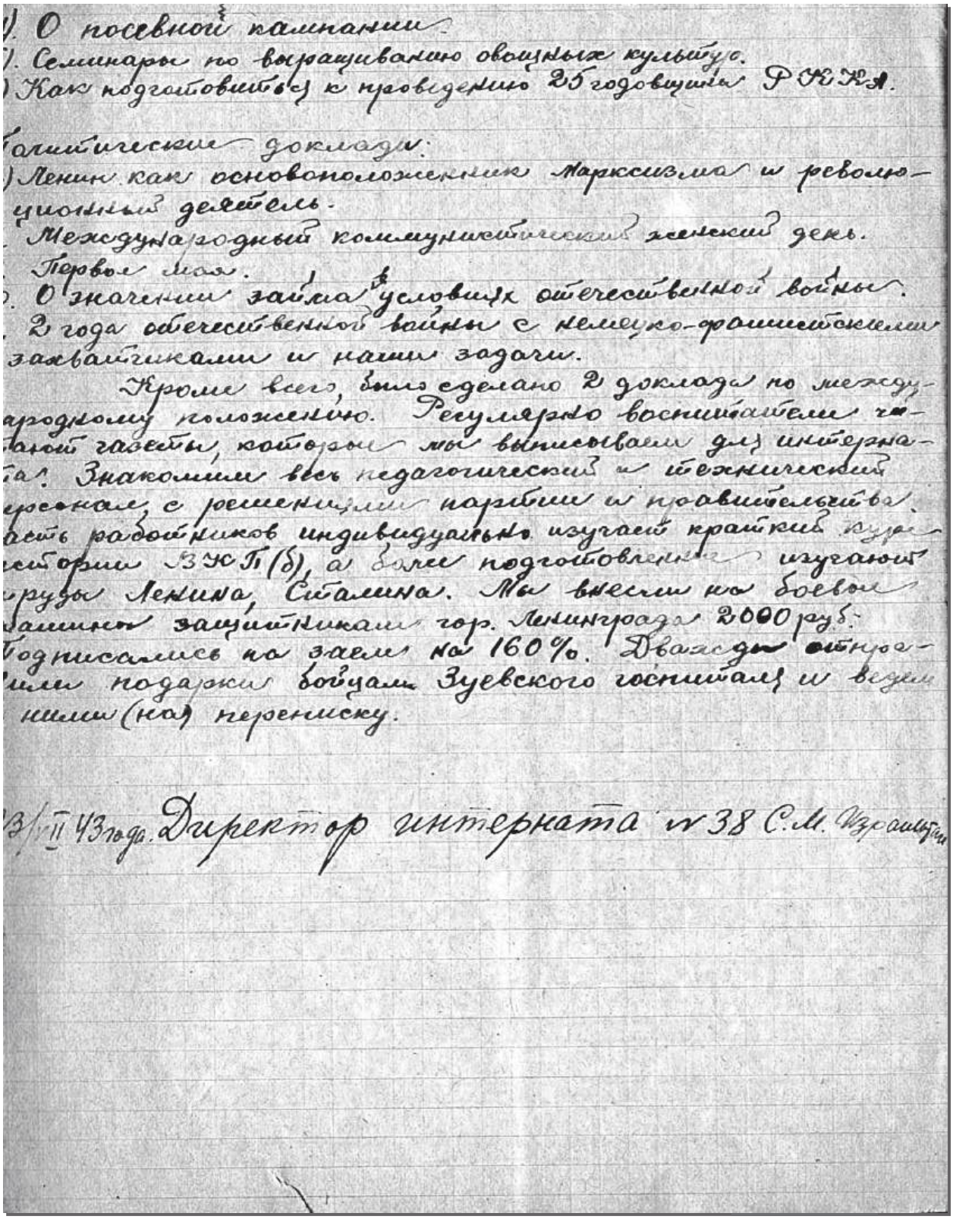
Городищенский интернат ведет большую переписку с родителями воспитанников, которые обращаются к нам с разными просьбами, из написать о здоровье детей, их учебе, в чем они нуждаются и т. д. Я имею всегда родителям пишу в каких условиях дети живут, как мы их кормим, как они обеспечены. (Письма родителей прилагаю).

Характеристика Кадров с точки зрения педагогической работы и интернате и обще-политической в Колхозе.

Всего в интернате 4 воспитателя, все педагоги. В высшим образованием 1, средним - 3. Имеют большие стажи педагогической работы. В интернате работа сложная она идет по линии учебной и воспитательной. С нею воспитатели справляются. Кроме того, большую работу Городищенский интернат проводит среди колхозного населения, помогает колхозам в проведении массовой агитационной работы. За год мы провели 20 политических докладов, 30 читок и бесед. Обслужили политическими кампаниями, художественными постановками: В Городище в Смуре - 4, в Поле 4. Зуевским госпиталям 3 концерта. В Яблан - 1. Всего за год дало 16 концертов, посвященных героям отечественной войны и молодежи Ленинуро

Работа с Кадрами в интернате

С воспитателями и техническими служащими регулярно проводится политическая и методическая работа. Всего за полода было проведено 12 совещаний. На методических совещаниях обсуждены следующие вопросы: 1) Методика приготовления домашних заданий. 2) Как готовить и проверять устные предметы. 3) Методика повторения и закрепления материала и подготовка к проверочным испытаниям.



). О посевной кампании.
). Семинары по выращиванию овощных культур.
) Как подготовиться к празднованию 25 годовщины РККА.

олитические доклады:
) Ленин как основоположник Марксизма и революционный деятель.
. Международный коммунистический женский день.
. Первое мая.
. О значении займа в условиях отечественной войны.
. 2 года отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками и наши задачи.

Кроме всего, было сделано 2 доклада по международному положению. Регулярно воспитатели читают газеты, которые мы выписываем для интерната. Знакомим весь педагогический и технический персонал с решениями партии и правительства. Часть рабочих индивидуально изучает краткий курс истории ВКП(б), а более подготовленные изучают труды Ленина, Сталина. Мы внесли на боевые машины защитниками гор. Ленинграда 2000 руб. Подписались на заем на 160%. Дважды отправили подарки бойцам Зуевского госпиталя и ведем шефскую переписку.

13/VII 43 года. Директор интерната № 38 С.М. Израильтян

Приложение V-10

Валерианова Н. Ф.,
воспитатель школьной группы 11-го детсада

Кукольный театр в 11-м интернате

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19

Организация мной кукольного театра в школьной группе нашего 11-го детского сада была вызвана необходимостью внести новую, свежую струю в жизнь наших детей, дать им яркие впечатления, новые эмоции. За полгода нашего пребывания в Бельтыре привезенный нами очень ограниченный ассортимент книг был уже неоднократно прочитан детям, немногочисленные книги успели уже надоесть. Детям, уже забывшим до некоторой степени все тяжелое, пережитое ими в Ленинграде, окрепшим, вернувшим прежнюю свою жизнерадостность, бодрость и стремление к деятельности, требовалось дать что-то новое и интересное, что могло бы захватить их, сплотить и организовать детский коллектив и наполнить жизнь новым содержанием.

Заманчивым маяком являлась для меня мысль о создании кукольного театра, представления которого так любят наши дети. Спектакли кукольного театра со сказочными героями, необыкновенными приключениями и чудесами всегда надолго остаются в памяти детей и являются темой их нескончаемых разговоров, полета детской фантазии, обмена впечатлений и творческих, интересных игр. Считая кукольный театр не только интересным зрелищем, но и расширяющим кругозор детей, их речь, словарный запас, вообще развивающим в совместном коллективном труде их творческие способности, активность, умение преодолевать трудности, умение непринужденно выступать перед аудиторией, решила я ввести в нашу жизнь эту интересную форму сотрудничества. Но как при наших скудных возможностях, при отсутствии бумаги, тряпок, красок претворить свою мечту в жизнь?

Технический вопрос приготовления кукол пугал больше всего. В наших условиях возможным было изготовление кукол-петрушек, простых по своему устройству, надевающихся на руку исполнителя, скрытого за сценой. Продумав основные вопросы подбора пьесы, разработав примерный план постановки, изготовление кукол, оформление спектакля, я остановилась на сказке «О рыбаке и рыбке», решив выделить ведущего, который по ходу действия будет говорить за автора. Еще не делясь с детьми своими мыслями о создании кукольного театра, я стала разучивать с ними сказку «О рыбаке и рыбке», вырабатывая четкость и выразительность передачи. Наша работа близилась к концу. Дети прекрасно знали роли, и время было уже приступить к изготовлению костюмов, декораций и бутафории. Однажды на прогулке я завела с детьми разговор о кукольном театре, который вызвал с их стороны живой, горячий интерес. Каждый начал рассказывать свои впечатления от посещения кукольного театра в Ленинграде. Казалось, будто снова видят они сказочных героев, вызвавших их сочувствие или возмущение. Они делились своими прежними восторгами, восхищаясь куклами, смеясь над ними.

— Ах, скорее бы опять в Ленинград! Скорее бы опять увидеть кукольный театр, — говорили дети.

— Ребята, а что если мы у себя устроим настоящий кукольный театр? — сказала я.

— Как это будет хорошо! Как интересно! Сделайте, пожалуйста, Наталия Федоровна, кукольный театр, — прыгали дети. Нашлись и скептики, утверждавшие, что это сделать невозможно.

— Мы поставим «Сказку о рыбаке и рыбке», которую уже так хорошо выучили, завтра начнем изготовлять кукол и учиться управлять ими.

Всем хотелось принять участие в спектакле, но роли уже были распределены и выучены, остальным детям было обещано участие в дальнейших спектаклях. Все были удовлетворены и довольны. Я рассказала детям о кукольном театре, сказала, что это большое искусство научиться изготовлять куклы, ими управлять и сделать свои пальцы настолько гибкими, чтобы они выполняли все жесты и движения куклы в соответствии с произносимыми словами. Рассказала о том, что кукольный театр — искусство очень древнее, встречающееся у разных народов в разные времена. И взрослые, и дети собирались на представление кукольного театра, устраиваемого на праздниках на площадях, и у каждого народа был свой любимый герой кукольного театра. У русских любимым героем был Петрушка — весельчак и балагур, шутки

которого задевали иногда представителей власти, угнетателей простого народа.

Своими мыслями о создании кукольного театра я поделилась с заведующей Анной Николаевной Баскаковой и встретила с ее стороны горячий отклик и желание мне помочь в моем начинании. Она выделила мне заветной бумаги для работы из папье-маше, дала шерсть для париков, обещала заказать настоящую маленькую сцену. Собрав имеющийся материал — лоскутки материи, бумагу, шерсть, краски, я приступила к изготовлению первой куклы у себя дома. Это должно было быть главное действующее лицо сказки — старик. Взяв маленькую мастиковую кукольную головку в половинном разрезе без затылочной части, я начала облеплять ее маленькими кусочками смазанными клеем бумаги, как в работе из папье-маше, увеличивая ее размер и придавая ей требуемый мне тип старика. Высушив головку, я ее легко сняла с формочки, раскрасила, пришила бороду, усы, волосы, и передо мной встало веселое, живое лицо старика. Это дало мне уверенность в возможности выполнения взятой на себя задачи. Теперь дело было за руками, которые должны были дать жизнь всей кукле, четко выполнять все ее движения.

Сначала я решила делать кисти рук из материала и набивать их опилками. Так изготовила я руки для первой куклы. Это было нецелесообразно и заняло много времени, необходимо было упростить процесс, и следующие руки я делала уже из вдвойне проклеенного картона, обтянутого трикотажем. Сделанные таким образом кисти рук пришила к картонным воронкообразным трубочкам для пальцев. Сшила старику рубашку, прикрепила к ней голову старика, в отверстия рукавов просунула и закрепила трубочки рук, всунула в них большой и средний пальцы, указательный — в отверстие головы, и передо мной был живой, кивающий и жестикулирующий старик.

Не было конца восторгу детей, когда я принесла им нашу первую куклу. Каждый хотел взять ее в руки, каждый засовывал свои пальчики в соответствующие отверстия, и каждому дед улыбался, забавно кивая и размахивая руками. Все игры временно отошли на второй план, все мы были поглощены новой интересной работой — изготовлением кукол, и каждая сделанная нами кукла была темой нескончаемых разговоров, веселого смеха и радости. Все, даже пассивные дети, включились в работу. Я часто поручала детям самостоятельно, под моим руководством, изготовить головку той или иной куклы, поощряя их в работе, приучая их обдумывать ее и совершенствовать, развивая критическое отношение к себе, указывая недостатки, предлагая сообща сделать лучше, стремясь развить в них художественный вкус, самостоятельность и сообразительность. В свободные от занятий часы наша групповая превращалась в лабораторию изготовления кукол. Одни вырезывали ручки, другие шили платья, третьи деятельно заготовляли разных размеров бумажки для работ из папье-маше...

...Так в течение января-февраля нами были изготовлены все действующие лица к сказке «О рыбаке и рыбке» в количестве 10 кукол. Попутно каждый участвовавший упражнялся в умении управлять куклой, четко и выразительно выполнять все ее движения в соответствии с произнесенными словами. Хорошо зная роли, дети быстро постигли премудрость управления куклой, и нужно было приступить к изготовлению декораций и бутафории, чтобы окончательно оформить наш спектакль. Работы из дерева и картона, раскраска декораций, украшенных примитивным орнаментом, составленным детьми, тоже были увлекательно интересны. Особенный восторг вызывал стол, уставленный золотой посудой — кувшином и чарками, и вазой печенья, искусно сделанного из папье-маше. Маленькая рыбка, сшитая из материи, набитая ватой и покрытая золотом, очень нравилась детям. Считая, что оформление спектакля не должно быть декоративно сложным и нагроможденным, чтоб дети могли легко воспринимать кукол, мы сделали море — кусок голубого полотна, — постоянно укрепленным в глубине сцены, из складок которого, изображающего волны, появляется золотая рыбка. Терем, изба, стол с яствами подавались по ходу действия. Спектакль вел. П. Гладштейн, ученик 1 класса, стоящий на глазах зрителей у сцены и говоривший ясно, выразительно, четко слова автора.

Готовя с 1, 2 и 3-м классами сказку «О рыбаке и рыбке», я решила попутно удовлетворить желание старших детей 4 и 6 классов и приготовить с ними сказку «Царевна Несмеяна», которую сами дети переделали в пьеску с пятью действующими лицами. Желая внести больший интерес, я ввела в спектакль конферансье, забавную куклу — дядю Степу, который, познакомившись с детьми и отрекомендовав себя, часто появлялся на сцене и объявлял о том, что дети увидят сейчас. Первый раз мы показали свою работу на празднике 1-го мая, что вызвало большой восторг со стороны нашей юной аудитории и одобрение со стороны представителей райкома партии. Наш кукольный театр был неожиданным подарком детей школьной группы малышам и средней группе.

После показа программы утренника мы быстро провели необходимые приготовления для кукольного театра. Пока я устанавливала на

столе красивую маленькую настольную сцену с занавесью, воспитатели подготовляли ребят и рассадили их полукругом перед сценой. «Ребятки, сидите спокойно, слушайте внимательно, сейчас вы увидите что-то очень интересное», — сказала Виктория Александровна, воспитатель младшей группы. Занавес раздвинулся, появился конферансье — забавная кукла дядя Степа со словами: «Здравствуйте, ребятки, меня зовут дядя Степа, а вас как зовут?» Ребята засмеялись и весело и непринужденно закричали свои имена. Слышались возгласы: «Это кукольный театр, такой же, как в Ленинграде». Дядя Степа сказал, что дети увидят сейчас интересную сказку «Царевна Несмеяна». Дети с неослабевающим интересом смотрели оба спектакля, весело реагировали, восхищались, смеялись. После спектакля не было конца их разговорам, рассказам друг другу, воспитателю, окружающим.

«Как дядя Сталин позаботился о нас, все у нас здесь так же, как в Ленинграде», — сказал Вова Лилянов, пятилетний мальчик. Воспитательница малышей Виктория Александровна много рассказывала мне, как дети долго находились под впечатлением увиденного. Через месяц мы снова повторили наши постановки, уже в разгаре лета, на открытом воздухе в чудесный летний день. И опять не было конца восторгу детей, они вели о куклах, о театре нескончаемые разговоры, проводили импровизированные игры, делая из платочков кукол и изображая особо понравившихся им кукол: старика, старуху, Иванушку, рыбку. В этих играх развивалась их творческая инициатива, фантазия, юмор, находчивость. Дети легко входили в свои роли, очень часто возвращались к разговорам о кукольном театре, спрашивая воспитателя, как сделать куклы? Кто за них разговаривает? И некоторые дети тут же узнавали, что рыбкой была Алла, Иванушкой — Катя, стариком — Мара и т. д., так как они узнали их по голосу.

Наши спектакли мы повторили в школе на вечере по случаю окончания учебы, и снова имели большой успех. К Ноябрьским праздникам мы приготовили новую постановку «Петрушка-иностранец» с 12-ю действующими лицами. Тщательно разучив роли и наметив план постановки, мы приступили к репетициям. Подготовка нашего третьего спектакля так же захватила детей, как и предыдущие, но, имея уже опыт первых спектаклей, нам было гораздо легче справиться с ним. Спектакль «Петрушка-иностранец» прошел очень хорошо, снова доставил нашим детям большое удовольствие и явился темой их многократных разговоров и творческих игр.

В данное время очень хочу поставить небольшую пьеску с огромным количеством действующих лиц, показывающих замечательные примеры героизма нашей доблестной армии, но отсутствие лоскутков материи, красок, бумаги, кисточек препятствует осуществлению задуманного мной. Считаю, что взятая мной задача себя оправдала, наш кукольный театр занял прочное место в нашей жизни, в интересном творческом труде, доставил нашим детям много приятных часов, дал им много навыков и способствовал их развитию.

30/XI — 1943 г.
с. Бельтыр

Приложение V-11

Тельнова З. И.,
директор школы-интерната № 1 для глухих детей
Май 1975 года

Первая городская школа-интернат для детей с расстройствами слуха и речи Ленинграда была эвакуирована 8 июля 1941 года в Ярославскую область, а затем в совхоз Троицкий Челябинской области, где находилась до окончания войны.

Рассказ о жизни учащихся школы-интерната № 1 в эвакуации, 1941—1945 гг.

(из материалов музея истории школы-интерната № 1 Выборгского района Санкт-Петербурга)

Когда началась война, школа уже не работала. Часть приходящих детей была отпущена домой. Тогда в школе учились дети со всего Советского Союза — 600 человек. В интернате было 250 человек. Дети были разные: от 7 до 17 лет. В школе было 52 класса. Те дети, которые жили в интернате, 21 июня были на даче в Сиверской. Ленинградский горсовет составил план эвакуации детей из Ленинграда. Мы должны были выехать 15 июля. Я выехала в Малую Вишеру и договорилась о привозе детей: приготовили кухню и койки. Но 6 июля директоров вызвали в Гороно и сообщили, что 8-го июля надо уехать. Учителя приходили каждый день

З. И. Тельнова

в школу, шили мешки, носили песок. Учителя пошли собирать детей для эвакуации. На дачу поехал Геннадий Васильевич Кичигин. Уехал рано утром 7 июля; и нет, и нет его. Ребят нет, телефон не работает, телеграмм не принимали. Они приехали в 12:00 ночи. Оказывается, они целый день пролежали в роще, спасаясь от немецких самолетов.

Утром подали автобусы, а всю ночь машины вывозили имущество для детей. В автобусы посадили только детей и 18 учителей и воспитателей, которые тоже поехали в эвакуацию. Детей увозили 500 человек, ехали два повара, кладовщица, кастелянша, две уборщицы. Нам сказали, что едем недалеко, примерно 120 км. Когда стали грузиться, то появились немецкие самолеты. Началась воздушная тревога. Все было оцеплено милицией, чтобы не было паники. В эшелоне было около 1000 детей. Едем-едем, а Малой Вишеры все нет. Места незнакомые. А в это время в Малой Вишере высадился немецкий десант. Эшелон ехал в объезд. К концу второго дня приехали на станцию Всполье Ярославской области. Лето. Тепло. Зелень. Нашу школу поместили в большом пионерском лагере в лесу. Ребят хорошо разместили, взрослые жили в двух небольших помещениях. Сразу приняли закон военного времени: ночные дежурства учителей и старших ребят. Жили рядом с железной дорогой, могли быть диверсанты, было тревожно, лес прочесывался специальными наблюдательными командами. Здесь прожили до 15 сентября. Сказали, что в Ленинград мы не возвратимся, что Ленинград окружен, что продукты выдают по карточкам, что запасы продовольствия сгорели.

15 сентября пошли дожди. Расселить столько людей было невозможно. Вместе с секретарем райкома партии Козловым ездили искать, куда вывезти ребят. Часть вывезли в Ярославский район, часть в деревню Курба. Мы ушли в деревни Дегтево и Лаптево. Там было старое имение, в котором помещалась сельхозная школа. Это здание отдали нам. Мы спали на полу на матрацах. Стали ремонтировать старую церковь для мастерских. Надо было учиться и работать, помогать фронту. Заложили окна, исправили печи, заготовили дрова. Младшие помогали колхозникам копать картофель, морковь. Ребята доставляли в город продукты для фронта. После морозов стали рубить и носить капусту, так как возить было не на чем. Не гуляли и не играли, не до этого было.

Но снова беда: немцы стали наступать на Москву. Бомбили места, где мы жили. Мы оказались в зоне наступления врага. 6 ноября во время сильной бомбежки нам приказали собраться и снова ехать дальше, туда, где нас примут, так как все места были уже заселены эвакуированными. Начали готовиться. Мы все хорошо понимали. 10 ноября начали перевозить детей в школу при фабрике «Красные ткачи». Но разъезд Космодемьянский, на котором надо было грузиться, бомбили. Часть детей жили в школе, часть на вокзале, в рабочей избушке. Пищу развозили всем детям в разные места. Спасибо нашим поварам, они были старые, но вовремя готовили столько много пищи, ведь дети регулярно получали трехразовое питание. Так жили до 9 декабря. Спали, не раздеваясь, на полу. Мимо шли войска на Москву. Солдаты валились с ног от усталости, даже не могли есть.

Вагоны прислала Москва, и мы выехали на Всполье. Мне сказали, что до Буя нас будет сопровождать эскадрилья самолетов. В наши вагоны посадили 9 солдат — охрану. На остановках наши вагоны осаждали эвакуированные, а вместе с ними могли быть диверсанты. Охрана доехала с нами до Ижевска. Вагоны были чистые, теплые, топились буржуйки. В вагоне устроили баню. Но снова беда: во время одной остановки отцепили вагон со старшими детьми. С ними остались Татьяна Даниловна Фроловская и Зинаида Николаевна Рокачевская. На ходу выбросили им крупу, сухари, хлеб и сгущенку. Искали мы их на каждой станции, но их не было. Только в Свердловске через 10—11 дней они догнали нас. Радости не было конца. Так мы ехали с 10 декабря до 29 декабря. Мы приехали в Троицк. Детский сад отправили в Миас. Была ночь. Нам предложили освободить вагоны, но я не согласилась, пока нам не дадут машин.

На следующий день поехали в деревню Нижняя Сонарка и совхоз Троицкий. Пустили один автобус. Метель. Автобус застрял. Тогда нас стали перевозить на грузовиках. Мороз 40 градусов, а у нас малыши. Мы настелили в грузовики матрасы, завернули каждого в одеяло, уложили и сверху снова положили матрасы. Колхоз встретил нас хорошо: вскипятили чай, наварили картошки, у нас было масло и сгущенка. Так мы встретили Новый год, а старшие сидели в вагонах. Договорились со столовой в Троицке и там встретили новый год 1942 года.

Жили трудно: овощи померзли, но выбросить было нельзя, нас очень много; варили щи из замороженных овощей, кашу, картошку. Мясо было, убивали скот, который шел через эти места (тех, кто не мог идти). Давали мясо без нормы. Но жили тесно: койки привезли, но поставить их было некуда. Нам дали два дома, потом отдали молельню. Там поместили малышей. Спали на двух полках по 6 человек. Старшие жили во временных бараках из камыша, обмазанных глиной. В них было холодно, дров не хватало. Местные жители топили кизяком, а мы его заготавливали. Уголь был плохой. В этих условиях школа работала, 10—12 января начались занятия. Классных досок не было, писали на стенах, выкрашенных масляной краской, черная печка тоже служила доской. Ребята говорили: «Ничего, в Ленинграде хуже». Писем не было, блокада. По радио сообщали об отступлении наших. Все трудности ребята переживали стойко: «На фронте трудно, а здесь еще хорошо».

16 старших ребят пошли на работу в мастерские МТС. Они знали слесарное дело, имели разряды, сдали экзамен. Девочки ходили в швейную мастерскую и шили для фронта белье и гимнастерки для солдат. В МТС наши ребята стали стахановцами, они требовали чертежи и разбирали их, чтобы не было брака. Сначала на них ворчали, но когда отремонтировали все трактора, то ребята наши получили благодарности и премии. Они отдали их в фонд интерната: махорку, водку, конфеты. За махорку лучше работали рабочие, водку использовали на компрессы, растирания. Печки топились плохо, мы сами чистили трубы, ребята гирями выбивали сажу сверху, а девочки внизу подбирали сажу.

Весной нам вспахали огород у реки. Разделывали аккуратно по веревке, посадили картошку, огурцы; поливали каждый день. Руководители посмотрели, как мы живем, и отдали нам большую школу. Вот здесь мы зажили настоящей школой: классы разделили занавесками, занимались в две смены, занимались и в столовой, и в коридоре.

Работники РОНО поражались чистоте, дисциплине и той работе, которую выполняли ребята. Летом ребята ходили на прополку пшеницы, ржи; выпалывали по 2,5 га. На трудодни мы получили от колхоза продукты: картошку, капусту, просо. Убирали ребята горох — 25 га. Договорились, что есть горох нельзя, он идет на фронт. Был закон: горох не есть. Ребята честно поработали и получили благодарность. В конце работы им давали стручки, а они несли горох в школу в общий котел, чтобы досталось всем. За это лето построили овощехранилище, вырыли подполье в школе. Весной 1942 года заключили договор: мы пропалываем пшеницу, рожь, собираем картофель, горох, а они нам пашут 4 га под картошку и 4 га засеют овсом и просом. В совхозе 2 га огорода обработали, посадили лук, огурцы, морковь, свеклу. Вокруг огорода ребята сделали ограду.

В конце 1942 года по распоряжению Совета министров старших мальчиков и девочек отправили на Челябинский тракторный завод. Жили они в общежитии. Вместе с ними была Фроловская. Эти ребята работали отлично и стали стахановцами. В 1943 году отправили 30 человек на завод им. Ленина в Златоуст. Мы издавали свою газету «За Родину!». Ее оформлял Лева Кормашев. Он сейчас инженер. Пионерская и комсомольская организации были примером во всем районе в учебе и дисциплине, в трудовых делах.

Из газет ребята узнали, что в январе 1944 года русские войска прорвали блокаду Ленинграда, город выстоял. Но до окончательной победы было еще далеко. Однажды на полдник были пряники. Как все обрадовались этому лакомству! Но ребята решили послать этот подарок на фронт. Коробка с пряниками была отправлена. Это был героический поступок, настоящий вклад в победу. Сколько добра, тепла, понимания было в этих детских сердцах, способных терпеть, любить и верить.

Весной 1944 года стали приходить первые письма от родных, но многие из них умерли, погибли. Я представляю, как ребята скучали по дому. Дети продолжали учиться и трудиться, веря в то, что скоро наступит победа и они смогут вернуться домой. 9 мая 1945 года по радио объявили, что закончилась война. 22 июня 1945 года мы выехали и 25 июня были в Ленинграде. Сирот оставили в Троицке и Магнитогорске. Так закончилась наша 4-хлетняя эвакуация. Все дети были живы и здоровы благодаря заботам учителей, воспитателей и сотрудников школы-интерната, а также нашего правительства, которое даже в тяжелые годы войны не забывало о глухих детях.

Приложение V-12

С.А. Никитина [99]

«Жизнь на ладони»

(Автобиография бабушки для внуков)

Отрывок из главы «Война. Эвакуация. Интернат. Коршик. Отрочество»

...Папа уговорил маму ехать с эшелоном с детьми сотрудников института в эвакуацию. В одном из последних эшелонов ехали дети родителей, работавших в ЦНИИ Лесосплава, вместе с немногими воспитателями. Это было в августе, числа самого отъезда не помню. Помню дорогу, как наш состав стоял в Бологое, где горели цистерны с бензином. Мы ждали, пока исправят пути. Ехали очень медленно, часто останавливались из-за пикирующих бомбардировщиков, тогда нам приходилось выбегать из вагонов и прятаться в канавах за железнодорожной насыпью, в лесу. Помню, говорили, что перед нами и после нас немцы бомбили и попадали в эшелоны с детьми, тогда мы снова стояли, надеясь, что наш эшелон проскочит. Нас чудом провезли сквозь этот ад... Спасибо тем безвестным людям, что нас спасали.

Страха опять не помню. Мне было 10 лет, брату Вове — 2 года, маме — 36 лет. Каким-то кружным путем, по-видимому через Череповец, нас привезли на восток в Кировскую область (Вятская губерния до революции), село Оричи, в деревню Коршик (в 30 км от Оричей и 50 км от города Кирова). Детей было около 100 человек в возрасте от 2 до 13 лет. Было несколько групп, старшие дети, девочки и мальчики, были в разных группах. Расселили нас по большим комнатам, превращенным в спальни, с раскладушками из дерева и брезента, который мы прошивали сами, в большом деревянном доме в виде буквы «П», по-видимому, бывшей дворянской усадьбе. Длинный коридор, куда выходили двери из комнат, служил столовой, в нем были большие окна. В левом крыле помещалась кухня. Воспитатели, кухарки, прачки — все женщины. Все, кроме директора, жили в деревне, дежурили по ночам по очереди, принимали участие в уборке, в том числе туалетов, что было очень тяжело, особенно зимой. Помню бедную маму, как она отмывала туалет. Директор, молодая энергичная женщина, обладала красивым голосом, иногда по вечерам пела по нашей просьбе. В интернате у большинства детей отцы были на фронте, матери остались в Ленинграде, наш папа тоже остался в осажденном городе (у него была «бронь» по состоянию здоровья), где он провел самую тяжелую блокадную зиму 41—42 годов, работал по защите города, участвовал в проектировании и рыл траншеи.

Мы жили в интернате с августа 1941 года до весны 1944. Одежды, особенно зимой и особенно в первый год, было мало, мы бегали в морозы в школу в ботиночках, а морозы там нередко бывали ниже 30 градусов. Позже появились валенки и вязаные из кроличьего пуха или из шерсти варежки и шапочки. Местные, называвшие всех нас «ковыренные», жалели нас, старались помочь. Мы, как умели, с помощью воспитателей на руках обшивали и обвязывали себя. Помню «форменные» серые платья из байки, сшитые взрослыми, и батистовые кофточки с нашей вышивкой. Среди воспитательниц были замечательные рукодельницы, научившие нас разным видам вышивки. Мы много рукодельничали, пользовались пяльцами, выполняли даже «филейную» вышивку с вытягиванием нити, вязали крючком. Мы делали вещи для солдат на фронт: шили и вышивали кисеты и платки, вязали варежки, писали письма — посылки отправляли из интерната все годы. Дети знали о событиях на фронте по скудным сообщениям из газет, кто-то привозил их в интернат с опозданием. Электричества, радио не было, не было в деревне и магазина, только церковь, молочная ферма, где делали из сыворотки казеин, он шел на изготовление пуговиц — так мне запомнилось.

Дети переживали за своих родителей, позже стали приходить сообщения о смерти отцов на фронте или смерти близких в блокадном городе. Дети и взрослые утешали тех, кому приходили эти сообщения. Был период во время войны, когда мы боялись оказаться в «рабстве», так как немцы стремительно продвигались на восток. Помню заметку о героической гибели Тани,

---

[99] *Светлана Антоновна Никитина* (*Цирулева*) — ленинградка, 1931 рождения; окончив в послевоенные годы химический факультет ЛГУ, всю жизнь проработала в Радиевом институте им. В. Г. Хлопина, колыбели российской атомной науки и техники. В середине 2010-х из записей, сделанных в разные годы, она составила для семейного пользования воспоминания о прожитых годах, в том числе в период войны и эвакуации.

позже мы узнали, что это была Зоя Космодемьянская. Заметку читали вместе, сопереживали, мы тоже были готовы к подвигу, как нам казалось. В нашем интернате жили два брата Спасских, Жора и Борис, который был в младшей маминой группе, Борис после войны стал чемпионом мира по шахматам...

Вокруг села Коршик было очень красиво. Березовые, осиновые, еловые леса с ягодами и грибами. Речки и заливные луга, поля ржи, пшеницы, овса, ячменя, льна. Мы убирали лен, помогая колхозникам, мне очень нравилось вязать снопики изо льна, перевязывая их жгутом, тоже льняным, и ставить их в небольшие стога. Я почувствовала красоту деревенской русской природы, полюбила многие полевые и луговые цветы, особенно мне полюбились желтые купальницы, которых я до тех пор не знала. Впервые в ту пору своего отрочества под влиянием красоты окружающего мира стала писать стихи, читала маме, они были грустные, но я их не запомнила.

В интернате все годы было голодно, ценился хлеб и все съестное. Весной ели хвощ, который собирали на полях корзинами, пока он еще не превращался в елочки, а торчал на полях твердыми пиками из земли, из него делали котлеты, а мы ели его и сырым. В лесах вокруг Коршика, почти таежных, было несметное количество грибов и ягод, особенно черники. В лес за грибами нас будили рано, часов в 5 утра, зато мы приносили полные корзины красивых подосиновиков, подберезовиков и реже белых. Зимой нас поили настоем из еловой хвои от цинги. Позже даже разводили кроликов, и тогда появилось «свое» мясо.

Нам с Вовой было легче, так как мама старалась нас подкормить молоком, яйцами, которые покупала у хозяйки, у которой жила рядом с интернатом, или приносила четверть (3 литра) молока из деревни, куда ходила за 3 км от Коршика. Какой вкусный хлеб из русской печи, когда он «дышит», остывая! Какая вкусная корочка! А сливки, а сметана, а зимой замороженное в алюминиевой миске молоко и взбитое потом до «мороженого» с блинами! А вяленые свекла и морковь из русской печи, как мармелад, а солод (пророщенный овес), сладкий, а квас; а шанежки с картошкой и драники из тертого сырого картофеля, а «селянка» — что-то вроде омлета, запеченного в русской печке, из молока, смешанного с яйцами в горшочке, а пенка с топленого молока! Нам иногда удавалось поесть и эту божественную снедь у маминой хозяйки, и это запомнилось на всю жизнь. Спасибо тебе, Россия, за это и за многое, что ты сделала для детей в то время.

В интернате я закончила 5-й класс, в 6-м классе училась вначале в городе Кирове, кончала его в Ленинграде. Прорыв блокады 18 января 1943 года, снятие блокады 27 января 1944 года позволили вернуться в Ленинград осенью 1944 года. Институт ЦНИИ Лесосплава и часть сотрудников и членов их семей находились во время войны в городе Кирове. По «Дороге жизни» вывезли несколько человек из института, переживших блокаду, в том числе и папу, они приехали сначала в село Оричи, куда мы с мамой ходили пешком по распутице, чтобы забрать его в Коршик. Был, наверное, апрель, снег на дорогах, а его там бывало много, растаял, дороги стали почти непроходимыми, реки вышли из берегов. Не знаю как, с большим трудом, мы с мамой преодолели дорогу. Почему-то мы шли с ней вдвоем, других людей не помню. В Оричах нас ждал папа. Это был совершенно изможденный человек, очень худой, «кожа да кости», он очень сильно кашлял, и нехорошо. Позже мы узнали, что у него туберкулез легких. Маме помогли организовать его перевозку на подводе в село Коршик, при этом дали папе американские продукты: яичный порошок, какао, бекон (было и целое ведро свежего мяса, которое нас пугало). С этими «дарами» мы приехали в Коршик, где наслаждались «заморским» напитком, разведенным горячим молоком. Папа понемногу окреп и уже летом смог уехать в Киров, где начал даже работать. К концу лета 1944 года и мы с мамой и Вовой покинули интернат, Коршик и приехали к папе в Киров, где поселились в одной из комнат в деревянном бараке, я начала учиться в 6 классе.

В Ленинград мы вернулись уже с папиным институтом из Кирова осенью 44-го года. Победу встречали в Ленинграде. Хорошо помню этот день, вечер, салют, на который ходила на Стрелку Васильевского острова, много счастливых людей, а я была одна. Папа уже был в больнице на острове Голодай, он потом часто там лежал, на Васильевском острове около Смоленского кладбища, я к нему ездила навещать.

В эвакуации я отвыкла от музыки по радио, прятала «тарелку» под подушку, сторонилась людей. У меня после возвращения была деревенская речь, характерная для вятской земли, в каждом предложении использовала оборот «я, чай, сама знаю», «ты, чай, давно не приходила». Слова «силя», «силенок» (курица, цыпленок), шаньги, шанежки (ватрушка с картошкой, творогом или другой начинкой). В школе надо мной первое время смеялись. Позднее, уже в 9—10 классах, когда я ездила к родителям в город Алатырь в Чувашию, во мне по разговору узнавали, что я из Ленинграда, я этим гордилась...

Приложение V-13

Воспоминания воспитателей и воспитанников интерната «Каменка»

Из книги «Страницы воспоминаний»
(Образовательный центр «Гармония», Санкт-Петербург, 2000 г.)

Из воспоминаний директора интерната «Каменка» Сары Григорьевны Нанкиной об организации коллектива

В 1940/41 учебном году я работала учителем истории 9 и 10 классов 185-й школы Дзержинского района города Ленинграда. На 9-й день войны, 30 июня 1941 года, по мобилизации РОНО я выехала со школьниками в эвакуацию эшелоном, начальником которого был директор 185 школы Андрей Сергеевич Шарков. Путь в Кировскую область был «окольным», трудным и мучительным. Начальник нашего эшелона проявил исключительную распорядительность, энергию и заботу о детях, благодаря которым наше длительное и тяжелое путешествие благополучно завершилось. По прибытии на место он же связался с районными организациями и колхозами, разместил детей по интернатам (учащиеся школы были по возрасту разбиты на три интерната) и руководил ими в сложный и трудный период их организации. В октябре 1941 г., в связи с уходом А. С. Шаркова на фронт, я была назначена директором интерната в Каменке.

К нашему приезду Каменка пустовала. Заняв находившиеся там 5 домиков, мы оказались ее единственными обитателями. На берегу протекавшего здесь ручья стояла баня, кругом был лес. Ближайшая деревня находилась в километре от Каменки. Обстановка помещений была наипростейшая: топчаны, деревянные столы, скамейки. Ели из алюминиевых мисок алюминиевыми и деревянными ложками. Отопление во всех домиках было печное, отсюда постоянная забота о дровах, которые по заданию сельсовета изредка доставляли колхозы. Вместе с колхозниками за дровами ездили и наши старшие ребята. Летом все собирали хворост и шишки в лесу. Электричества не было, освещались керосиновыми лампами и маленькими коптилками. Воду брали из колодца, находившегося возле нашего главного здания. Туалеты были холодные. Радио не было. Слушать последние известия, которыми все обитатели Каменки живо интересовались, бегали в сельсовет в Рыбаковщину, там забирали и корреспонденцию, приходящую в интернат.

Воспитанниками Каменского интерната были ученики средних и старших классов 185 школы, а также учащиеся других школ Дзержинского района. В интернате числилось примерно 100 детей. Все воспитанники были разбиты на четыре группы, называвшиеся у нас бригадами. Каменские дети учились в Рыбаковщине, в 10-летней школе «Красная заря» (по имени колхоза) вместе с местными ребятами. Здесь же учились и воспитанники Казанского интерната. Сотрудниками интерната были ленинградцы, приехавшие с детьми учителя и некоторые родители, оставшиеся здесь работать. Штат интерната был невелик: директор, завхоз, 3–4 воспитателя, 2 повара, прачка, медсестра. Основными работниками Каменки были учителя: Мария Алексеевна Карамазова, Сара Григорьевна Нанкина, Надежда Дмитриевна Румянцева и родители: Аполлинария Петровна Гречишкина, Надежда Анисимовна Воробьева, Мария Александровна Четверикова, Зоя Николаевна Крылова, Таисия Сергеевна Кузьмина, Антонина Ильинична Пензина, Кузьма Сергеевич Алпатов. Медсестрой в нашем изоляторе работала Маргарита Павловна Гомаш. М. А. Карамазова, С. Г. Нанкина и Н. Д. Румянцева были и учителями школы «Красная заря», в которой учились каменские дети. Эта школа с нашим приездом стала 10-летней.

Решать стоящие перед нами многочисленные и сложные задачи без самого активного участия воспитанников было невозможно, тем более при таком малом количестве сотрудников. Поэтому в организации детского самоуправления и самообслуживания мы видели свою важнейшую задачу, для успешного решения которой особенно много сил и напряженного труда пришлось затратить зимой 1941/42 гг. В вопросах организации детского коллектива и работы с ним работники интерната широко использовали метод и опыт А. С. Макаренко; конечно, применительно к нашим условиям и к нашему составу ребят. Макаренковские формулировки: «*Не пищать*», «*Чем больше уважения к человеку, тем больше требований к нему*», «*Ничто так не украшает человеческую жизнь, как перспектива впереди*» — прочно вошли в нашу жизнь и в сознание каменских детей. Работе в этом направлении способствовал

контакт, установившийся между сотрудниками и воспитанниками.

Со стороны всех работников ребята видели бескорыстную самоотверженную работу, полностью направленную на облегчение и улучшение их жизни. Отсюда у детей возникало чувство доверия, без которого не могло быть взаимопонимания и контакта.

Высшим органом самоуправления в Каменке был старостат. В него входили бригадиры четырех бригад и председатели пяти созданных в интернате комиссий: учебной, производственной, культмассовой, санитарной и хозяйственной. Возглавлял старостат председатель, техническую работу вел секретарь. Председатель и секретарь старостата и председатели комиссий избирались на общей линейке (так называлось собрание всех воспитанников).

Каждая бригада выбирала своего бригадира и своего представителя в каждую из пяти комиссий. Таким образом, все бригады были связаны со всеми комиссиями и старостатом. На собраниях старостата, как правило, присутствовал директор интерната, воспитатели и в случае необходимости — завхоз и медицинский работник. На собраниях мы совместно решали все вопросы интернатской жизни: устанавливали режим дня в зимнее и летнее время, организовывали помощь колхозам, решали вопросы организации и работы в своем подсобном хозяйстве, организации праздников в интернате и др. Здесь отчитывались бригадиры, председатели комиссии и с самоотчетом выступали отдельные воспитанники.

На собрания вызывались нарушители установленных нами норм поведения (если воздействия бригады было недостаточно). В лице старостата мы, опытные педагоги, имели надежных и верных младших товарищей, вносивших в работу свою инициативу, молодой задор и энергию. В ряде случаев члены старостата, действуя с нами в одном направлении, добивались лучших, чем мы, результатов. Будучи по возрасту ближе к ребятам, они больше знали о положении в бригадах, чувствовали настроение ребят. Права и ответственность старостата с течением времени возрастали. Обязанности ответственного дежурного по интернату поочередно несли все члены старостата вместо воспитателей. Отвечая за весь распорядок и ход дня в интернате, ответственный дежурный нес личную ответственность за точное распределение всех нормированных продуктов: вместе с дежурной бригадой он развешивал на порции хлеб, масло, сахар.

Старостат и воспитатели прилагали все усилия к тому, чтобы ребята добросовестно и хорошо учились. На учебу смотрели как на дело большой государственной важности. Одним из наших лозунгов был: «*Отличишься в учебе — победишь в бою!*» Окончание каждого учебного года мы отмечали праздниками с вручением отличникам грамот от старостата.

Летом много работали в колхозах и в своем подсобном хозяйстве. Работой руководила производственная комиссия. Уходили на поле сразу после завтрака, а возвращались вечером к ужину. На обед колхозники привозили в поле котел картошки и бидон молока. За работу колхоз начислял интернату трудодни, которые оплачивал продуктами наравне с колхозниками. Кроме того, в интернате был большой огород, где выращивали картошку, морковь, свеклу, лук, огурцы, капусту и др. Семена или рассаду выдавала производственная комиссия и завхоз.

Каждый обрабатывал свою грядку самостоятельно: вскапывал, удобрял, полол, поливал, окучивал и т. д. Время для этой работы каждый находил и выкраивал сам. Осенью все убирали свой урожай, взвешивали, фиксировали и складывали в овощехранилище. Метод соцсоревнования, широко применяемый на сельхозработах, давал прекрасный результат. По окончании полевых и огородных работ мы ежегодно проводили праздники труда. Председатель производственной комиссии на торжественной линейке сообщал количество заработанных трудодней и собранных с огорода овощей, отмечались отличники нашего трудового фронта. Наши овощи и полученные по трудодням продукты (мука, горох и др.) позволили значительно улучшить и разнообразить питание в интернате.

У нас было пять малышей, которым тяжело было работать на поле. Им тоже нашлась работа: они по два человека в день помогали пасти скот. Кроме того, они собирали для интерната на зиму щавель, грибы, ягоды, которых кругом было очень много. Ягодами лакомились все ребята, забегая в свободное время в лес на 10—15 мин. Зимой и летом после ужина собирались в столовой, обсуждали известия с фронта, читали вслух газеты, книги, рассказы, очерки, статьи Макаренко, Твардовского, Соболева, Эренбурга, Симонова и др.

В Каменке был свой хор, свои чтецы и декламаторы, своя стенгазета. Мы с ребятами ставили пьесы Чехова «Юбилей», «Предложение» и др. С концертами ребята выступали на праздниках: в интернате, в школе, в госпитале, в клубе на станции Свеча. Праздники в Каменке проводились часто. Их организацией ведала культкомиссия. В торжественные дни приглашали гостей:

учителей из Рыбаковщины, председателей колхозов, сельсоветов, представителей районных организаций. В конце 1943 года интернат получил в виде премии патефон, который доставлял ребятам так много радости в праздничные дни и в часы отдыха.

Дисциплинированность и организованность Каменского коллектива, хорошие показатели ребят в учебе и труде отмечали все. Какими путями и методами мы добивались таких результатов?.. Воспитанники Каменки были не пассивными объектами воспитания, а активными строителями своей жизни, сами воспитывали себя. Мы лишь поддерживали формирующиеся в них патриотизм и гражданственность, проявляющиеся в упорной учебе и добросовестном труде как активные составляющие участия в общей борьбе с ненавистным врагом. Большое внимание мы уделяли нравственному воспитанию ребят: воспитанию честности, правдивости, чуткости, дружбы, принципиальности и других моральных качеств. Видя заботу и внимание с нашей стороны, ребята привыкали заботиться друг о друге и о нас, взрослых.

Однако бывали и у нас различные эксцессы. Однажды летом Игорь Варновский (председатель старостата) поймал на поле двух наших ребят, вырывающих турнепс. Вечером собрался старостат, на который были приглашены виновники. Решено было просить правление колхоза вычесть из нашего общего заработка по одному трудодню за каждый вырванный турнепс. Решение было объявлено на линейке (общем собрании), доведено до правления колхоза и осуществлено. Больше таких случаев никогда не было.

Во время летних полевых работ старостат решил освободить от труда одного недовольного всем ворчуна, если он так тяготится работой. Два дня освобожденный «отдыхал» в то время, когда товарищи работали. На третий день воспитанник упрашивал допустить его к работе со всеми. Так познавалась радость победы над трудностями, гордость за свой коллектив, формировалось чувство долга, ответственности перед товарищами, человеческое достоинство.

Интернат просуществовал три года: с конца лета 1941 года по сентябрь 1944 года. За это время ребята выросли, окрепли. Болели мало, инфекционных болезней мы не знали. Было 2–3 случая воспаления легких, закончившихся полным выздоровлением. Не знали мы и серьезных желудочных заболеваний. Все редкие у нас болезни благодаря бдительности медсестры М. П. Гомаш и воспитателей быстро ликвидировались.

В феврале 1943 года военкомат призвал на военную службу трех старших ребят 1925 года рождения. Они были направлены в Львовское военно-пехотное училище и оттуда через шесть месяцев на фронт. В их числе был первый председатель нашего старостата Игорь Варновский, замечательный комсомолец, за полтора года много сделавший для укрепления органов интернатского самоуправления и воспитания каменского коллектива. 25-го июня 1944 года Игорь погиб в бою за Бугом, не успев получить свою первую воинскую награду, медаль «За отвагу», и не дожив до своих полных 19 лет.

Летом 1943 года некоторые воспитанники, окончившие 8-е и 10-е классы, разъехались в военные училища, техникумы и вузы. 17 человек уехали в ремесленные училища Ленинграда. К новому 1944 году мы отправили нашим ребятам на фронт и некоторым другим, особо нуждающимся, посылки с продуктами своего хозяйства. В январе 1944 года наш интернат принял около 20 новых воспитанников из ликвидированного интерната деревни Казань. Окончание последнего учебного года в Каменке было отмечено 14 июня особо торжественным вечером. А 28 июня 1944 года мы прощались с Каменкой, вспоминали прожитые годы, мечтали о близкой победе, о будущих встречах в Ленинграде.

Из воспоминаний воспитателя и учителя литературы Марии Алексеевны Карамазовой о жизни, работе и учебе в интернате «Каменка»

Все три года войны я проработала в интернате воспитательницей (одновременно я вела 5, 6 и 7 классы в школе в селе Рыбаковщина). Это был замечательный интернат. Организовал его Андрей Сергеевич Шарков, Макаренко 185 школы, как его называли. Добрый, умный человек с широким взглядом на жизнь, на людей, веселый, энергичный, глубоко переживающий за эвакуированных, обездоленных войной детей. Помню, в интернате однажды заболел воспалением легких воспитанник Игорь Варновский. Срочно нужен был сульфидин. К несчастью, поднялась сильная пурга, а до станции Свеча, где можно было достать лекарство, 7 километров!.. И Л. С. Шарков пошел на станцию, с великим трудом добрался до нее и затем, проделав такой же трудный путь обратно, доставил нужное лекарство. У меня в душе осталось очень яркое, доброе, благодарное чувство к нашему директору, Человеку и Воспитателю с большой буквы.

Когда А. С. Шаркова взяли на фронт, он нашел и оставил вместо себя достойную замену,

Сару Григорьевну Нанкину. Новый директор (историк по образованию) была человеком с волевым характером, с очень доброжелательным, но строгим отношением к детям, к работе. В основе глубоко продуманной «макаренковской» системы организации жизни интерната лежал принцип полной самостоятельности воспитанников, причем не на словах, а на деле.

Жизнью интерната управлял высший орган — «старостат», которым умело руководила Сара Григорьевна. На весь день выделялись дежурные. Они вставали вместе с поваром, подносили воду, дрова, накрывали стол для завтрака, резали хлеб, будили ребят, проверяли санитарно-гигиеническое состояние комнат, записывали в дневник особые события дня. У дежурных воспитывалось высокое чувство ответственности Они были совершенно самостоятельны, так как вставали раньше воспитателей, и от них требовались распорядительность, организаторские способности, доброжелательное отношение к людям. Это для ребят была «проба сил». Мне, например, поручили работать с группой пятиклассников. В группе было 30 человек, из них 19 второгодников. Успеваемость была очень низкая, особенно по математике. В нравственном отношении многие дети были, мягко говоря, «не на высоте», было в них много дикости, невоспитанности, какой-то отчужденности. Мы бились за эту группу всем интернатом: старостат, учителя, старшеклассники. Многим ребятам помогали индивидуально. Вскоре группу было не узнать. Не забыть нашего общего торжества в день сдачи экзаменов по математике. Многие ребята получили «пятерки» и «четверки», и никому не было сделано никакой поблажки. Это была победа. С тех пор пятиклассники стали иначе вести себя, у них появилась уверенность в себе, какая-то солидность. Они активно включились в общую жизнь интерната, особенно в нашу художественную самодеятельность.

Летом мы все работали в колхозе. Пололи, теребили лен, гребли и возили сено, копали картошку. Ребята отлично работали на полях, соревнуясь бригадами и внутри бригад. Для нас, ленинградцев, было совершенно необыкновенно вот так вдруг очутиться среди природы: чудных стройных сосен, елочек, узорчатого кустарника. Осенью и зимой мы просто застывали, очарованные волшебными восходами и закатами солнца. Все небо расцвечивалось такими замечательными красками: голубыми, розовыми! Было в этом что-то от яркого праздника, светлого, необычного... Зимой лес был сказочно красив: большие и маленькие деревья обступали нас кругом, всюду пушистые снежные лапы сосен — чарующее застывшее сверкающее царство, и только еле заметная тропинка вела к домам, к людям. Но, глядя на эту красоту, мы обычно только вздыхали, опускали глаза и говорили: «Если бы не война...»

Летом на опушках и пригорках было много земляники. От мала до велика все лакомились ею. Большой компанией, человек 30—40, ходили за грибами, километров за пять. Это было веселое занятие. А грибные блюда казались особенно вкусными.

Все наши дети и мы, взрослые, жили дружно, одной семьей. Например, однажды зимним утром дежурные сообщают, что снегу намело так много, что и в школу не пройти. Тогда старшие мальчики встают на лыжи и прокладывают лыжню, затем мальчики помладше протаптывают тропинку по лыжне, и замыкают шествие девочки, которые идут уже по достаточно твердой тропе. Иногда и обратно шли в пургу, тогда из школы отправлялись группами, был приказ никого не оставлять ни в школе, ни в поле. Все дни рождения обязательно отмечались пирогом, поздравлением от старостата, дружескими приветствиями и подарками-самоделками товарищей.

Каждые 10 дней все обязательно мылись в бане.

Интересно проводились праздники. На обед готовилось «торжественное» блюдо, а вечером выступали самодеятельные артисты. Большую роль в развитии художественной самодеятельности сыграла Лиля Лосева (Елизавета Петровна работала потом пионервожатой). До войны она пела в хоре Дворца пионеров. Руководил хором прославленный композитор И. Дунаевский. Лиля обладала приятным сильным голосом, знала много песен, любила веселье, была заводилой. Я составляла литературные монтажи, и мы их превращали в интересные, содержательные выступления. Однажды мы даже сумели поставить спектакль «Раскинулось море широко» и «гастролировали» с ним в клубе на станции Свеча.

Часто ребята выступали в госпитале. Вася Рубцов, лучший наш маленький певец и декламатор, особенно нравился бойцам. Один солдат подарил Васе ножичек на память, которым мальчик потом очень дорожил. Настроение у нас было самое высокое, патриотическое. Мы читали газеты, многие очерки были прочитаны вслух. К поэме Твардовского «Василий Теркин» ученик Леня Семенов нарисовал иллюстрации. Мы знали обо всех событиях на фронте, мы ими жили. В течение первого года из Ленинграда было получено особенно много извещений о гибели родителей наших воспитанников. Эти переживания накладывали

на детей свою страшную печать. Ребята сразу взрослели, становились мудрее, серьезнее. Невозможно забыть проводы на фронт старших мальчиков. Они получили повестки, не закончив 10-го класса. Собрание было торжественно-печальное, но в то же время и оптимистическое... Некоторые из мальчиков вернулись, но некоторым это не было суждено, они отдали свои жизни за Родину.

Мне кажется, все воспитанники с очень добрым, хорошим чувством вспоминают наш интернат в Каменке. В 1944 году воспитанник Петя Алпатов написал стихотворение, в котором выразил чувство любви и благодарности ребят к интернату: *«И никогда мы не забудем, родная Каменка, тебя»*. В Каменке старостат отмечал многих грамотами за отличную работу. Получила такую грамоту и я. На ней было два высказывания Макаренко: *«Ничто так не украшает человеческую жизнь, как перспектива впереди»*; *«Чем больше уважения к человеку, тем больше требований к нему»*. Сколько раз я повторяла эти слова мысленно и вслух в школе своим ученикам и воспитанникам. Когда я вспоминаю об этих таких трудных, таких насыщенных трех годах работы во время эвакуации в Кировской области, меня охватывают самые хорошие, самые высокие человеческие мысли и чувства.

Приложение V-14

Е.Л. Щукина

Из 2-го доклада в Музее истории Ленинграда 28.03.1962 «Работа с детьми в период блокады Ленинграда»

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9. Л. 8–18

...Согласно распоряжению Военного Совета Ленгорисполкома в марте 1942 года мы стали подготавливать первый эшелон из детей детских домов для отправки их на «большую землю». Это была тяжелая, ответственная задача. Холодная, голодная зима 1941—1942 годов тогда еще только кончилась. Жители Ленинграда, взрослые и дети, только еще отходили от трудностей пережитого периода. Надо было из большого количества ослабленных (на этом этапе) ребятишек отобрать наиболее здоровых, наиболее сильных. Надо было продумать организацию так, чтобы не разлучать братишек и сестренок. Надо было, наконец, собрать и оформить всю документацию, подобрать опытных, любящих детей воспитателей, полностью снабдить уезжающих всем необходимым инвентарем, создать у детей радостный, бодрый настрой. Совместно с инспектором райздравотдела, с помощью врача и 2-х директоров детских домов т. Фельдблюм и т. Сержантовой, мы отобрали первую партию 140 детей, годных по состоянию здоровья к отправке.

Одетые в хорошие новые костюмы и платья, с яркими бантами на голове или у воротничка, радостные, возбужденные дети прощались в ясное апрельское утро с детским домом, с остающимися в Ленинграде персоналом и детьми. Мы напоминали детям, чтобы они писали бы нам, чтобы нарисовали дачу, где они будут жить, морковку, которую будут кушать, цветы, которые будут собирать, и радостные от предвкушения будущего блаженства дачной жизни дети с веселой песней садились в поданный автобус, чтобы ехать на вокзал. Так мы снарядили и отправили с 13-ю эшелонами 1000 детей детских домов, а позднее и детских садов района. Эвакуация проходила в следующие области Советского Союза: Ярославскую, Омскую, Ивановскую, Свердловскую, Куйбышевскую, Горьковскую, в Алтайский и Новосибирский края.

Мы особенно заботливо снаряжали этих маленьких ленинградцев, стараясь создать им все условия для полноценной жизни в тылу. Мы хотели, чтобы дети ни на минуту не чувствовали бы себя несчастными от сознания, что они уезжают из любимого города. Когда началась отправка в тыл детей из детских садов, матери приходили в РОНО советоваться по вопросу отправки своих детей. Мы разъясняли им значение вывоза детей из блокированного в то время Ленинграда, где каждый день, каждый час дети подвергались огромным опасностям, связанным с происходящими в тот период артиллерийскими обстрелами. Мы зачитывали матерям отдельные письма ранее уехавших учреждений. Нам нужно было создать определенное настроение у матерей, отправляющих детей, и у самих детей. Нам нужно было создать определенное настроение и у уезжающих работников, зная, что они должны будут осуществлять материнскую заботу об отправленных детях... 39 лучших воспитателей были выделены для

сопровождения этих эшелонов... Лучшие технические работники были отправлены с ними... С первого же момента отъезда учреждений из Ленинграда у нас завязывается с ними самая тесная связь. Первую телеграмму мы получили после переезда детей через Ладожское озеро. Позднее приходили открытки с описанием самочувствия детей и взрослых, с описанием дорожных впечатлений, восторженных отзывов о питании и налаженном порядке в дороге. От станции к станции следовали мы по письмам за эшелонами с нашими детьми и, наконец, получили долгожданную телеграмму, что детский дом или детский сад прибыл на место. А затем приходили письма с подробным описанием встречи детей местными организациями. Мы из писем узнавали, что «детей встречали цветами», что «жители плакали, глядя на них» (д/сад № 35, Омская область), что «колхозники даже барана подарили детям» (д/дом, Краснодарский край).

Товарищи описывали в своих письмах местность, где располагался детский дом, рассказывали, как они своими руками налаживают все условия для нормальной жизни детей, как добывали одежду и делали запасы продуктов и дров для бесперебойного обеспечения учреждений всем необходимым. Мы узнавали из писем, сколько овец и поросят имело каждое учреждение, сколько гектаров земли выделили и вспахали, сколько кубометров дров им помогли заготовить, знали о состоянии питания в этих учреждениях. Мы получали регулярные письма с описанием здоровья детей, с описанием питания, вплоть до меню и раскладки продуктов на одного ребенка.

Часто товарищи присылали вырезки из областных газет, где упоминалось о работе наших учреждений, отмечались положительные моменты в обслуживании ими детей. «Пережив много трудностей в Ленинграде, малыши здесь быстро оправились, окрепли, и сейчас все они здоровы и жизнерадостны. Питание для ребят здесь хорошее», — пишет корреспондент Ивановской области. Товарищи подробно описывали здоровье, самочувствие детей, писали, кто и когда пошел в школу, и как они там занимаются, с кем из родителей удалось наладить переписку, кого из детей-сирот усыновили колхозники близлежащих деревень и как чувствуют себя в новой семье дети. «Наши дети служат здесь примером по поведению и развитию», — писала т. Кондратюк из Ярославской области, и об этом писали т. Кудимова, т. Баскова.

Позднее работники стали делиться с нами и своей производственной работой. Они рассказывали в своих письмах, как и чем они занимаются с детьми, какие пособия изготовили самостоятельно, какие игрушки-самоделки придумали. Мы из писем т. Баскаковой из Аскиза Омской области узнали, что Наталья Федоровна (воспитатель) организовала кукольный самодеятельный театр, и к 1 мая дети увидели первое его представление. А т. Веселова из Бельтыр писала нам, что «детский праздник 1 мая проходит у нас так же, как в Ленинграде, и готовимся мы к ним так же. Проходят они весело».

Стремясь лучше обеспечить жизнь детей, наладить воспитательную работу в новых условиях, товарищи часто присылали письменные запросы, как надо провести тот или иной педагогический процесс... И мы никогда не задерживали своих ответов. Мы вели переписку со всеми уехавшими из района дошкольными учреждениями, и изменение содержания их писем (от описаний хозяйственных условий жизни к постановке отдельных педагогических вопросов) бесконечно радовали нас и показывали, что путь нашей связи с эвакуированными учреждениями правильный.

Так, например, товарищи из 25 д/сада (заведующий т. Майдич), уехавшие в Ярославскую область, присылали нам для просмотра свои доклады на педагогических совещаниях, выписки из своих планов-учетов, детские рисунки, записи детских разговоров о войне. Так мы получили доклад т. Алексеевой «Работа на природе как средство развития наблюдательности у наших детей», доклад «О воспитании в детях самостоятельности и любви к труду» и, наконец, замечательный монографический очерк 2-летней жизни данного интерната в Ярославской области. В создании этого очерка участвовали все сотрудники (от заведующей до повара), рассказывая о том, как работали они, желая обеспечить наиболее благоприятные условия жизни вверенных им детей.

Такую же интересную переписку мы вели и с другими нашими эвакуированными товарищами: т. Стацевич, Кудимовой, Нерушь — Ярославская область, т. Кондратюк — Ивановская обл.; Клавцовой, уехавшей в г. Углич, т. Даниленок — Краснодарский край, т. Баскаковой — Омская область, т. т. Красневич, Козловой и другими. Товарищи писали нам о своих живностях и огородах, о дровах и об оснащении детей необходимой обувью и одеждой и наряду с этим описывали методическую работу своих учреждений: подробное описание детских праздников, оформление групп, свою работу с детьми. Они присылали нам загадки, придуманные детьми, их разговорные рисунки, детские стихотворения, снимки детей на праздниках, на занятиях,

на прогулке (детские интернаты т. т. Стацевич, Кондратюк).

Мы из писем т. Красневич (Ярославская область) узнавали, как ее учреждение готовилось к проведению показательных занятий для детских садов области, как готовилась она сама к выступлению на областной конференции. Она прислала нам тезисы этого своего доклада, а затем и положительный отзыв после его проведения. Мы из писем т. Клевцовой (г. Углич) знали, как она руководила методической работой в прикрепленных к ее детскому саду учреждениях, как и на какую тему проводила объединенные педагогические совещания, как анализировала разбираемые ею занятия, какие вопросы поднимала в своей работе. «У нас собралось здесь несколько ленинградских дошкольниц, — писала она в одном из писем, — и мы стараемся работать по-ленинградски».

Мы из писем т. Кудимовой узнавали, какие костюмы удалось ей сшить для выступления, какой сценарий праздника придумали работники детского интерната. Из писем т. Даниленок, жившей вместе с детьми детского дома шесть месяцев в эвакуации у немцев в Краснодарском крае, узнавали о страшных днях, пережитых товарищами и детьми в то время. Из писем узнавали мы об их взаимоотношениях с местными организациями, узнавали, как привлекают работников местные органы народного образования, об их участии в различных выставках, их выступлениях на различных городских и областных конференциях (дет. интернаты Ярославской области, Краснодарского края, д/сады г. Углича и другие). Узнавали, какую большую конкретную помощь оказали местные советские и партийные организации, как помогали колхозы и отдельные колхозники детским учреждениям Куйбышевского района во всех областях нашего Союза.

Например, мы сразу же узнавали, какую помощь оказали советские органы, когда питание детей в Аскизе вдруг резко снизилось, как была выделена специальная бригада, которая помогла детскому интернату, и в частности, его директору т. Баскаковой наладить правильное снабжение. «Вы спрашиваете, как мы питали детей, когда немцы были в станице? — писала нам 13/X 1943 г. т. Даниленок — Помогали колхозники. Они тайком приносили нам овощи и продукты для детей». И вот эту общую заботу о детях мы всегда чувствовали по письмам товарищей.

Всего за 1943 год мы получили 573 письма, причем количество писем от каждого учреждения колебалось от 4 до 66 штук. Это кроме писем, полученных за 1944 г. ... В своих ответных письмах мы не только старались дать исчерпывающие ответы на все интересующие товарищей вопросы, не только пытались провести необходимый анализ на присылаемые работы, конспекты, но и посылали различные методические разработки, рассказывали о жизни района в условиях блокады Ленинграда, давали некоторые определенные задания для проверки и проведения их в тыловых условиях. Например, собрать детские разговоры о войне, детские рисунки на военные темы, детские загадки и стихотворения, сценарии различных праздников, их годовые отчеты и т. д.

Наряду с этим, имея тесный контакт с матерями отправленных детей, мы часто по просьбе матери персонально запрашивали о состоянии здоровья и самочувствии того или иного ребенка и, получая ответ, передавали его матери. В наших письмах мы всегда старались персонально узнать о каждом из детей. Ведь многих из них мы хорошо знали за времяпровождение в д/садах Куйбышевского района в течение ряда лет.

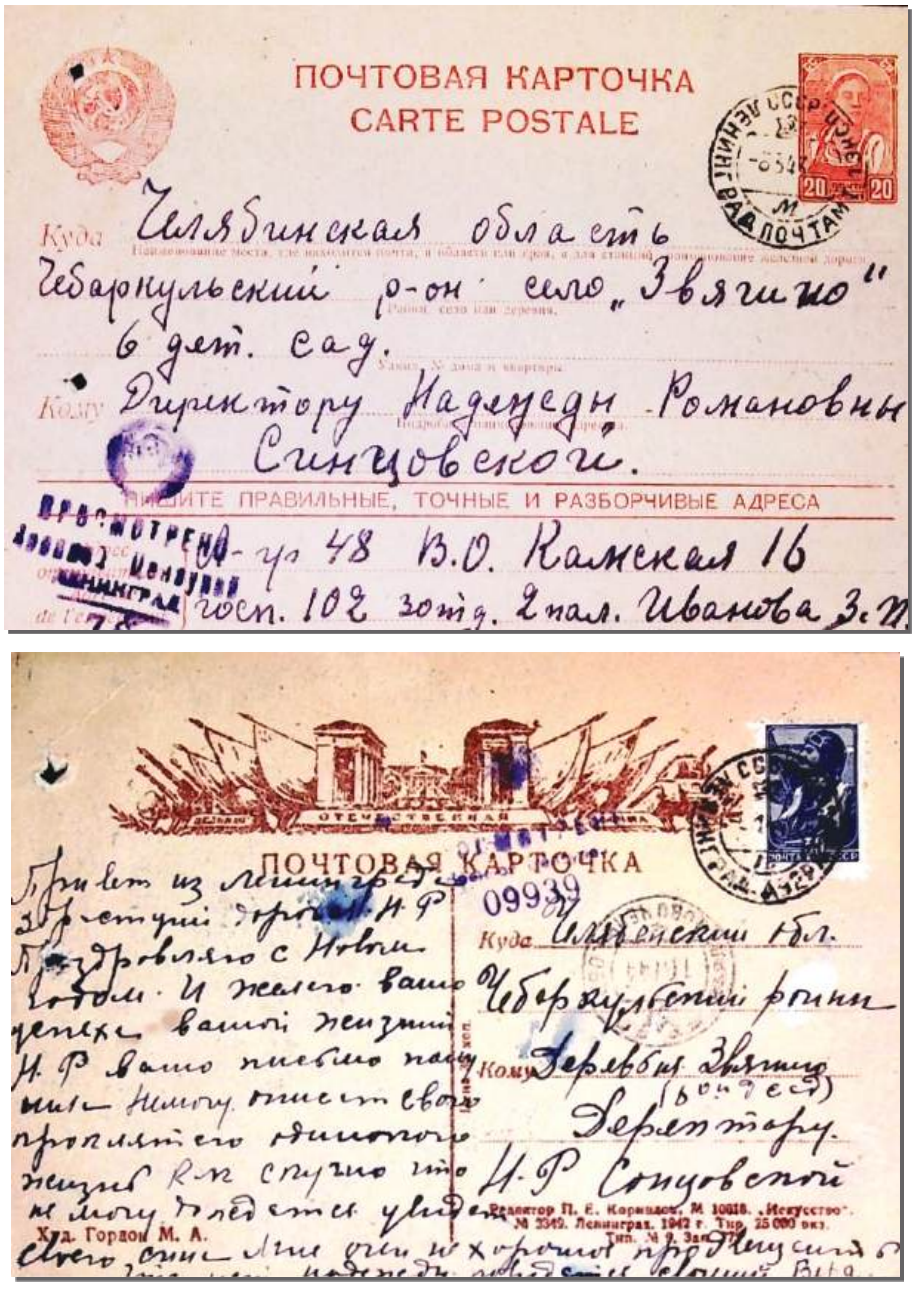
Мы запрашивали товарищей о Коте Вавер, который до войны посещал 8-й д/сад и всегда танцевал в 1-й паре. О Мише Неизвестном, которого мы нашли в ватном одеяле на окне в РОНО, и об Олечке, которая так привязалась к нам в бытность свою в детском доме. Об Алике, который так любил изюм, и т. д. Мы не только передавали матерям конкретные данные о жизни их ребят, но и старались ответить отцам-фронтовикам, запрашивающим нас о своих детях. «Я буду очень признателен, когда получу от Вас известие о моей Маринке. Думаю, что Вы доставите мне эту радость», — писал нам, например, т. Домогацкин, полевая почта № 28433, и, получив наш ответ, вновь писал нам: «Сегодня после большого боя я получил Ваше письмо. Я не мог не поделиться своей радостью с моими товарищами и рассказать им о внимании и чуткости РОНО к письмам фронтовиков. Ваше внимание и ответ дают нам много сил для борьбы...» И такие письма мы получали не одно.

Мы всегда помним, что мы как орган народного образования несли ответственность за все наши учреждения, отвечали за настрой в работе всех товарищей, откомандированных нами с детьми Ленинграда в глубокий тыл. Мы знали, что от их состояния и самочувствия в некоторой степени зависит благополучие детей, знали, что мы должны, как и прежде, быть всегда вместе с ними, поддерживать их хотя бы письменным словом, вселить в них новую энергию, силу в работе, вовремя поощрить, иногда дружески покритиковать. А главное, дать им почувствовать, что дошкольные работники Куйбышевского района, где бы они ни были, по-прежнему живут едиными интересами, единой жизнью. Поэтому мы

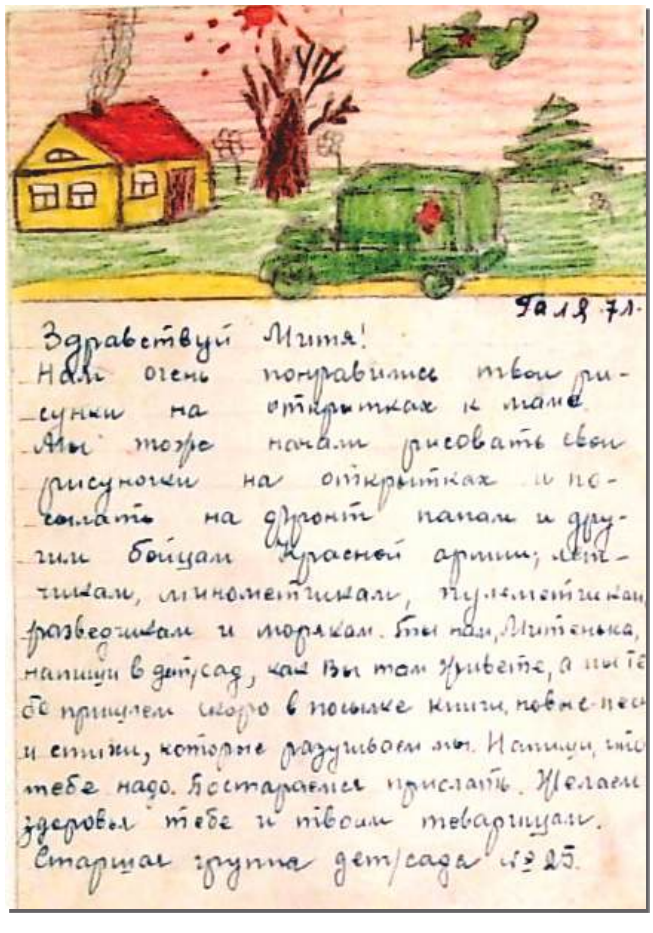
всегда старались широко огласить полученные письма на наших методических объединениях, использовали примеры из жизни и практики тыловых учреждений во время наших политзанятий. Всегда и везде мы были все вместе!

Работа эвакуированных детских учреждений из Ленинграда в глубоком тылу являлась большой политической задачей, и увязка наша с этими учреждениями рассматривалась нами как большая политическая задача, отвечающая требованиям, поставленным перед нами как перед руководителями детских советских учреждений. Так расцениваем мы эту нашу работу и до сих пор.

...Много лет прошло с тех пор... Вернулись в Ленинград и приступили к работе в ленинградских условиях дошкольные работники Куйбышевского р-на. Вернулось в Ленинград и большинство детей, которых с такой любовью опекали и воспитывали в трудных условиях войны наши работники. Жаль, что сегодня не смогли мы собрать хоть некоторых из них. Они бы, наверное, подтвердили все то, что я рассказала сегодня, рассказали бы нам обо всем том хорошем, что они видели и в детском саду Ленинграда, и в период эвакуации их вместе с детскими учреждениями в глубокий тыл. И, конечно бы, много добрых, теплых слов сказали бы нам они, эти бывшие дети, в адрес тех, кто заменил им тогда мать, семью, дом, кто обеспечил им правильное всестороннее развитие...



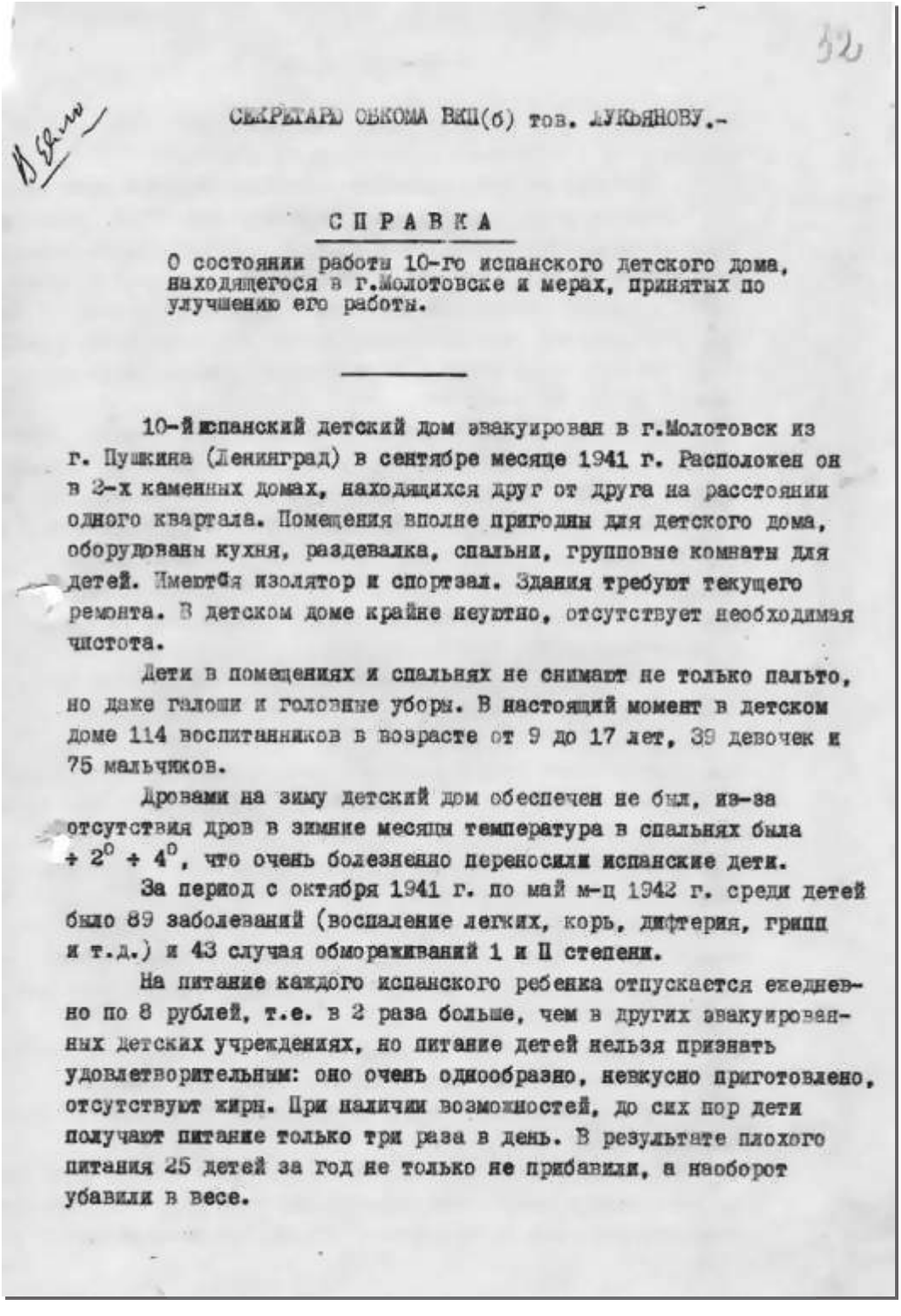
Поздравление с Новым 1944 г.
директору эвакуированного детсада № 6



Образцы военной переписки

Приложение V-15

Справка о состоянии работы 10-го испанского детского дома в Молотовске[100]



32

Вдало

СЕКРЕТАРЮ ОБКОМА ВКП(б) тов. ЛУКЬЯНОВУ.-

СПРАВКА

О состоянии работы 10-го испанского детского дома, находящегося в г.Молотовске и мерах, принятых по улучшению его работы.

10-й испанский детский дом эвакуирован в г.Молотовск из г. Пушкина (Ленинград) в сентябре месяце 1941 г. Расположен он в 3-х каменных домах, находящихся друг от друга на расстоянии одного квартала. Помещения вполне пригодны для детского дома, оборудованы кухня, раздевалка, спальни, групповые комнаты для детей. Имеются изолятор и спортзал. Здания требуют текущего ремонта. В детском доме крайне неуютно, отсутствует необходимая чистота.

Дети в помещениях и спальнях не снимают не только пальто, но даже галоши и головные уборы. В настоящий момент в детском доме 114 воспитанников в возрасте от 9 до 17 лет, 39 девочек и 75 мальчиков.

Дровами на зиму детский дом обеспечен не был, из-за отсутствия дров в зимние месяцы температура в спальнях была + 2^0 + 4^0, что очень болезненно переносили испанские дети.

За период с октября 1941 г. по май м-ц 1942 г. среди детей было 89 заболеваний (воспаление легких, корь, дифтерия, грипп и т.д.) и 43 случая обмораживаний 1 и II степени.

На питание каждого испанского ребенка отпускается ежедневно по 8 рублей, т.е. в 2 раза больше, чем в других эвакуированных детских учреждениях, но питание детей нельзя признать удовлетворительным: оно очень однообразно, невкусно приготовлено, отсутствуют жиры. При наличии возможностей, до сих пор дети получают питание только три раза в день. В результате плохого питания 25 детей за год не только не прибавили, а наоборот убавили в весе.

---

[100] Документ хранится в Государственном архиве социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Воспроизводится по: URL: https://twitter.com/HmuriyVangur/status/1129462095727222794/photo/4

- 2 -

Директором ничего не сделано по закупке децентрализованных продуктов и организации подсобного хозяйства.

Обращает на себя внимание чрезмерно большой штат работников детского дома, утвержденный Наркомпросом РСФСР. Только административно-управленческого и прочего обслуживающего персонала утверждено 44 чел., кроме 6 воспитателей, учителей и руководителей кружков. Фактически работает в настоящий момент 47 чел.

Директором детского дома, со дня его основания, работает Мацкевич М.И. член ВКП(б), образование среднее, стаж педагогической работы 24 года.

Из общего числа учителей и воспитателей - шесть человек испанцев, двое из которых, по их словам, члены Коммунистической партии Испании. Русских воспитателей четыре человека. Все за исключением одной (т.Фоминой) попали на работу в Испанский детский дом случайно, ранее в детских домах не работали. Большинство из них работает с декабря м-ца 1941 г. Воспитатели подобраны и приняты на работу директором, хотя по положению они направляются и утверждаются НКП РСФСР.

В 1-й группе с сентября м-ца сменилось 3 воспитателя
" 5-й " " " " 3 -"-
" 2-й " " " " 2 -"-

и только в одной группе воспитательница работает третий год.

Такая частая смена воспитателей отрицательно сказалась на воспитательной работе с детьми.

Административно-педагогический персонал в большинстве временный для детского дома. Так, в качестве завхоза работает быв.директор школы Кравчинский, имеющий высшее педагогическое образование и большой опыт педагогической работы. Эвакуирован из Московской области. На работу завхоза детского дома смотрит, как на временную.

Никто из русских работников детского дома не владеет испанским языком и за исключением завед.учебной частью т.Никитиной, никто его не изучает, т.к. свою работу с испанскими детьми считают временной.

В среде коллектива склоки, отсутствуют единые требования по отношению к детям, нет должной дисциплины среди работников и ответственности за порученную работу. Полит-массовая и

33

- 3 -

производственная работа среди сотрудников не налажена.

Учебно-воспитательная работа поставлена совершенно неудовлетворительно. В течение первого полугодия дети не изучали испанский язык, т.к. директор Мацкевич считала это ненужным. Общая успеваемость детей за 3-ю четверть 87%, а в 6-м классе успевают по всем предметам только 40%. Отсутствует дисциплина учащихся: имеют место массовые случаи отказов отвечать на вопросы учителей, непосещение школы и опоздания без уважительных причин, грубость по отношению к учителям и воспитателям.

Трудовое воспитание в детском доме отсутствует, чему в большой мере способствует чрезмерно большой штат обслуживающего персонала. Дети делают только то, что они хотят. В детском доме даже была проведена, кстати безуспешно, неделя борьбы со словом "не хочу". В результате такой системы воспитания быв.воспитанники детского дома трудоустроенные на предприятия Кирова самовольно ушли с производства обратно в детский дом.

Политическое воспитание детей ограничивается только проведением с детьми бесед на политические темы. Один из воспитателей испанцев Антонио Салуэнья заявил: "Мы много проводим политических бесед с детьми, это хорошо. Но практически мы воспитываем не коммунистов, а анархистов, дети что хотят то и делают, совсем не хотят работать. Им очень многое разрешается, но с них ничего не требуют". В общественной работе по организации жизни детского дома и тем более вне его дети участия не принимают. Детей комсомольского возраста 22 чел., из них комсомольцев только 3 человека.

Среди воспитанников имеются случаи воровства; тимуровское движение не развернуто, т.к. были 2 случая воровства на квартирах куда были направлены на работу тимуровцы.

Такое положение в испанском детском доме создалось в результате неправильного руководства директора Мацкевич, которая нарушение дисциплины детьми, их грубость по отношению к взрослым - оправдывает "испанским темпераментом", требует от учителей и воспитателей не вступать в конфликты с детьми.

- 4 -

Для улучшения работы детского дома проведены следующие мероприятия:

1. Отпущены дополнительные продукты питания и введено четвертое питание для детей.

2. Изменен режим для детского дома.

3. Создан некоторый уют в помещениях.

4. Дан подробный инструктаж по отдельным вопросам воспитательной работы и указания о мероприятиях необходимых для перестройки всей работы детского дома.

5. Организован кружок для сотрудников по изучению испанского языка.

6. Работнику РК ВКП(б) т.Евчук поручено систематически следить за работой детского дома и проверить выполнение данных указаний.

Для решительного улучшения работы детского дома требуется немедленная смена руководства детского дома, но НКП медлит с разрешением этого вопроса и зная о ненормальностях в детдоме мер к устранению их не принимал.

Инструктор Обкома ВКП(б) (ФОМЕНКО)

15/У-1942г.
2-см

Верно: Евчук

Приложение V-16

М.Ю. Поволоцкая

Воспоминания ленинградской учительницы. Глава III. Эвакуация в Новосибирск. Первомайский РК КПСС

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2

Я на пропагандистской работе

21 февраля 1942 года я с детьми и матерью по решению горсовета была эвакуирована из Ленинграда. За нами приехал грузовик, и мы отправились на Финляндский вокзал. Эшелон должен был отправиться в 12 часов дня. Мы очень боялись, что опоздали, т. к. приехали только в 16 часов. Действительно, если бы поезд отошел вовремя, мы неминуемо должны были опоздать на него. Почему-то его не торопились отправлять, и мы простояли на вокзале еще три дня. В вагонах была страшная скученность, духота и невероятная грязь. С трудом я усадила маму и детей, а сама трое суток не имела места. Наше положение было еще более трудным потому, что у младшего сына болел животик, да и у нас животы побаливали. 23 февраля, когда мы еще стояли на Финляндском вокзале, ленинградцам прибавили норму хлеба. Это сказалось и на нашем питании. Нам в дороге тоже стали выдавать хлеб по новым нормам, и обед был вполне съедобным, вкусным и вполне сытным. К сожалению, наши изголодавшиеся желудки, так же как и у многих эвакуированных, не могли переварить пищу, и это еще больше сказывалось на антисанитарном состоянии нашего пребывания в пути.

Как бы там ни было, наш эшелон тронулся в путь. Ехали мы долго. Стояли по многу часов. В вагоне было нечем дышать, люди ссорились из-за места. Дети плакали. Взрослые переругивались. Многие сидели, как каменные, стиснув зубы и закрыв глаза. Несмотря ни на что, доехали мы до Борисовой Гривы. Далее нас погрузили в автобус, и мы по льду Ладожского озера отправились по Дороге жизни на Кобону, а затем на Жихарево. В автобусе вместе с нами ехали дети из детского дома. Взрослых почти не было. Многие из ребят не вынесли пути и погибли. Мои дети и мама были совершенно обессилены. Я очень боялась, что потеряю их также. К счастью, у меня с собой было полбутылки кагора, которую я берегла как зеницу ока на «черный день». Этот день наступил. Я силой вливала в рот своим детям и маме по глотку вина, и, очевидно, именно это сохранило им жизнь.

В Жихареве нас выгрузили из машины. Интернатских детей забрала подъехавшая машина, а нам предложили самостоятельно добираться до эвакопункта. Это было ужасное путешествие, продолжавшееся несколько часов. Все, кто мог ходить, давно ушли вперед, а я с семьей и большим узлом с вещами бессильно стояла на обочине дороги и не знала, что делать. В конце концов, убедившись, что помощи ждать неоткуда, я начала по очереди перевозить свою семью и нашу незамысловатую кладь. Перебирались мы так: посадив маму на детские саночки, я везла ее вперед сколько могла, оставив мальчиков и вещи. Затем я перевозила узел с вещами, потом младшего сына, а старший ковылял рядом с нами. Добравшись до мамы, которая сидела просто на снегу, я повторяла эту операцию в том же порядке. Неудивительно, что, когда мы добрались до эвакопункта, наступила уже глубокая ночь. Нам никто не открывал двери. Мы стучали, кричали. У меня руки были отбиты до крови. Дети плакали истошными голосами. Я сама охрипла от своего крика. Очевидно, мы очень надоели тем, кто был внутри, неожиданно двери открылись, и мужской хриплый голос недружелюбно сказал: «Ну кто там еще людям спать не дает?» Я ринулась в проем двери, просунула туда детей, мать и вещи. Мы буквально с боем прорвались внутрь. Эвакопункт был переполнен. Люди сидели на полу, ступеньках лестницы, которая вела на второй этаж.

На наших глазах тихо умерла женщина. В руках у нее была высокая цилиндрическая банка с чаем, граммов на 200. Руки ее беспомощно разжались, и банка покатилась по ступенькам вниз, прямо к нам, т. к. мы расположились у самого выхода на полу. Я ловко подхватила эту банку и, не думая о том, красиво это или нет, этично или не этично, крепко прижала эту банку к себе и поскорее ее спрятала. Надо сказать, что эта банка, которая уже не нужна была покойнице, помогла нам в пути. Мы теперь могли пить не только кипяток, а чай, крепкий и вкусный.

То, что мы были внизу, на самом выходе, имело свои положительные стороны. Рядом был кипяток, и я смогла всех своих напоить чаем. Кроме того, на другой день мы оказались в первых рядах тех, кто пытался попасть в ж.-д. эшелон, отправлявшийся в Сибирь. Здесь меня выручил табак, который мне передал мой муж еще во время одного из моих посещений его

в госпитале. Муж не курил, а табак и махорку получал. Тогда, когда он передавал его мне, он сказал: «Возьми, может быть, пригодится». Я не хотела брать, но он настоял на своем и оказался прав. Эта пачка табака спасла нам жизнь, т. к. люди неделями не могли попасть на поезд. Я догадалась подойти к одному из красноармейцев, обслуживающих ж.-д. состав, и попросила его помочь нам сесть в эшелон. Я обещала дать пачку табаку. Он согласился помочь нам и сделал это. Станция была недалеко. Он перенес наши вещи, открыл один из вагонов теплушки, засунул нас, вернее, подсадил и втолкнул нас с нашими вещами в переполненный вагон и ушел. Встретили нас в теплушке как чужаков, не давали места, выталкивали из вагона, но, к счастью, эшелон тронулся, двери теплушки были наглухо закрыты, и мы отправились в дальнейший путь. В теплушке посредине топилась круглая железная печурка. Вокруг нее было пустое пространство. Люди расположились по ее сторонам.

В одной половине вагона скамейки, вернее, деревянные обструганные доски, были расположены поперек вагона, и над ними были построены широкие полати, на которых можно было лежать. Эта половина вагона была забита людьми. Во второй половине вдоль стен вагона буквой П были широкие скамейки, по две широких доски, сбитые вместе. Затем был проход, а оставшееся пространство было занято поперечными скамейками. Здесь тоже все места были заняты. Нам сесть было негде, и мы расположились прямо на полу у печки. Я, измученная дорогой, моментально уснула и чуть не сгорела, т. к. от искры топившейся печки на мне загорелся костюм. То, что на мне горит юбка, увидели пассажиры, меня растолкали, платье на мне потушили, облив меня водой. Так я и ехала в мокрой и прожженной в трех местах юбке. Этот эпизод помог нам получить в теплушке место. Люди подвинулись, и мы получили его на широкой скамейке у стенки вагона. Сесть смогли все, а затем, прикорнув друг к другу, могли и поспать немного.

Условия поездки были ужасны. Вши на людях ползали прямо сверх одежды. Никакой борьбы с ними не было, да и быть не могло, в дороге мы не раздевались и не мылись. Все были черные, грязные, топившаяся печка дымила, и мы постепенно покрывались слоем копоти и грязи. В вагоне люди умирали прямо на глазах, их трупы лежали тут же в вагоне. На больших остановках приходили дружинники или военные и забирали их. Обычно несколько человек поднимались в теплушку и задавали традиционный вопрос: «Мертвецы есть?» Получив утвердительный ответ, они убирали от нас покойников. Питание в пути было на больших станциях. Часто надо было перейти несколько ж.-д. путей. Я безумно боялась отстать от эшелона и, как правило, не успевала получить полностью обед и сухой паек (хлеб, консервы и т. п.); каждый раз у меня что-нибудь не было получено. Пока я была в силах ходить за едой сама, мы как-то существовали, но потом я заболела совсем, где-то потеряла котелок и бидон, в котором приносила суп, никак не могла найти наш состав. На счастье, один из эвакуированных, ехавший в нашем вагоне, привел меня в вагон. Тут я слегла окончательно. Вероятно, у меня был брюшной тиф. Во всяком случае, так мне сказали, когда я по приезде в Новосибирск попала в госпиталь. После того как я слегла, «бразды правления» взяла моя мать. Пойти она никуда не могла, но оказалась хорошим организатором. Ей удавалось каждый раз уговорить кого-нибудь из пассажиров захватить что-нибудь из еды нам. Она же догадалась расплачиваться с людьми частью нашего пайка.

Так, больные (у всех нас болели животы), невероятно грязные, мы приехали в Новосибирск... Больше месяца мы пролежали в больницах. Поправлялись медленно. О том, как выглядела я, могу судить по следующим фактам: мой вес был вместо 52 кг — 38 кг. Мне было 33 года, я была матерью двоих детей, рост у меня был 158 см; в моем присутствии в больнице на вопрос, заданный профессором студентам-практикантам: «Сколько лет этой больной, определите ее возраст?» — студенты-медики, смотря на меня, хором сказали: «Определить трудно, она очень старая...» Один из них заявил: «Может быть, ей 50, а может быть, и все 70...» Так я выглядела после блокады. Сидеть и ходить я не могла. Меня возили в полулежачем состоянии в кресле на колесиках. Блокада и эвакуация сделали свое дело. У всех у нас была острая форма дистрофии. После переливания крови я стала чувствовать себя лучше и потихоньку стала поправляться.

...На другой день после выписки из госпиталя я отправилась в городской комитет партии. Там посмотрели мои документы, отправили меня на работу на ст. Инская в РК КПСС, в отдел пропаганды и агитации. Моему приезду здесь обрадовались. Квалифицированные кадры были очень нужны. Административно Инская считалась Первомайским районом г. Новосибирска. Инская — большой ж.-д. узел Томской дороги. Состав населения в основном железнодорожники и их семьи. Во многих семьях отцы ушли на фронт, и на их место на железную дорогу и на заводы пошли женщины и подростки. Женщины заняли место мужчин даже в таких профессиях, которые испокон веков считались

исключительно мужскими, как, например, профессия башмачника. Она была нужной при сортировке поездов. Ж.-д. станция Инская имела свою механизированную топку, и сортировка составов здесь проводилась все время с горки. Башмачник при надобности останавливает вагон, идущий с большой скоростью с горки, он подкладывает под колеса специальную колодку — башмак. Вагон постепенно останавливается. Это труд тяжелый, рискованный, мужской, а во время войны башмачниками работали женщины наравне с мужчинами.

Транспорт работал напряженно, уголь нужен был для фронта так же, как многие другие грузы. Часто проводились на ж.д. узле боевые вахты. В эти дни РК КПСС работал круглосуточно. Работали все работники отдела агитации н пропаганды, парткабинет. Много делалось по линии развертывания наглядной агитации в паровозном депо, вагонном депо, на станции и других службах пути. Проводились беседы и лекции с машинистами, вагонниками, кондукторским резервом и т. п. К лекциям приходилось много готовиться, т. к. командный состав ж.д. был хорошо подготовлен и их интересовали многие вопросы.

Среди известных на всю страну машинистов на Инской работал Лунин; его последователи называли себя лунинцы. Лунинцы были водителями тяжеловозов. Вождение таких составов было боевой задачей. Например, 17 мая 1942 года на транспорте были боевые сутки. Транспорт выполнял сталинское задание: Томская ж.д. должна была погрузить и перевезти 2992 вагона с углем. Боевую вахту провели с честью, отправили свыше 4-х тысяч вагонов. Я тогда сутки напролет работала в агитпункте паровозного депо. Первый раз в жизни я близко познакомилась с машинистами-лунинцами. Какие это были замечательные люди, умные, смелые и энергичные. Боевые сутки показали, что наша страна действительно была единым боевым лагерем. Кроме железнодорожников, лекции читались в госпиталях, больницах, на обсервационном пункте и на строительстве огромного завода стрелочных переводов, эвакуированного из Днепропетровска.

Интерес к лекциям был исключительный. Так, на лекцию «Международный обзор», проводимую нашим агитпунктом, пришло 850 человек. Мы, работники парткабинета, вынуждены были пойти с людьми в сад, т. к. малый лекционный зал Дома культуры железнодорожников не вмещал такую массу людей, а в большом зале в это время проводился киносеанс, и там организовать лекцию было нельзя. Большой популярностью пользовались лекции лектора-международника из Новосибирска Михаила Ивановича Малова. Он регулярно выступал с обзорами событий на театре военных действий, о международных отношениях и т. п.

На моей лекции на тему «Военные и политические итоги года войны», проводимой для эвакуированных больных ленинградцев в обсервационном пункте, собрались не только больные, но все врачи, медсестры, санитарки, вплоть до буфетчицы. После лекции мне задали массу вопросов на международные темы: наши отношения с Японией, позиция Турции, события в Ливии, как дело обстоит со вторым фронтом и т. д. После лекции главврач от лица медперсонала и больных горячо благодарил меня за прочитанную лекцию. Приходилось также читать лекции на строительстве завода стрелочных переводов. Завод строился как предприятие-дублер, основной его массив был в Днепропетровске. На строительстве завода на Инской не были закончены еще цеха, а машины уже устанавливались и одновременно с возведением стен и крыши станки начинали выдавать первую продукцию. И здесь работало много женщин и подростков. Помогло мне в беседах с ними педагогическое мастерство, содержание бесед и лекций давалось с учетом особенностей аудитории.

Интересно проходили собеседования с добровольцами, идущими в Сибирскую дивизию народного ополчения. Среди них были передовые рабочие, представители интеллигенции: инженеры, учителя, врачи, партийные работники. Так, из аппарата нашего Первомайского РК добровольцем пошел секретарь райкома по кадрам тов. Банеев, замечательный коммунист и человек. Огромную агитационно-пропагандистскую работу проводил зав. отделом агитации и пропаганды тов. Кулагин и зав. парткабинетом Мария Александровна Солдатова, женщина умная, упорная в достижении цели, удивительно работоспособная. У меня сохранилось о ней самое доброе воспоминание. Она была коренной сибирячкой, по профессии — учительницей начальных классов.

Если говорить о недостатках нашей агитационной и пропагандистской работы, то прежде всего надо сказать о работе, которую нам приходилось вести среди узбеков. Узбеки были мобилизованы на строительство заводов, в частности, завода стрелочных переводов. Внешний вид узбеков производил жалкое впечатление. В своих национальных одеждах — халатах, тюбетейках и чувяках — они были не приспособлены к суровому сибирскому климату, зимнее платье: ватные штаны и телогрейки им выдали с опозданием. Использовали их на тяжелых земляных работах,

рытье котлованов. Кормили, как и всех рабочих, в заводской столовой, у местных рабочих были семьи, свои огороды, каждый, кроме заводской столовой, имел дополнительное питание дома, а у них ничего не было. Поэтому вечерами они разводили костры и варили в манерках картофель, подкопанный ими на чужих огородах. Русского языка они не знали.

Я всегда чувствовала себя скверно, когда мне приходилось читать им через переводчика лекции, а они сидели на полу и покачивались из стороны в сторону, закрыв глаза, и, очевидно, из последних сил ждали, когда им кончат говорить на непонятном языке и дадут им ужинать. Лекция читалась после 8-ми, а то и 12-ти часового рабочего дня. Каждый раз я уходила с горьким чувством неудовлетворенности, понимая, что с ними агитационно-пропагандистскую работу надо строить по-другому, но, к сожалению, я была слишком мелкой сошкой, чтобы изменить характер нашей работы. Мои замечания не принимались всерьез, и мне было сказано, что я сама многого не понимаю. Возможно, что это так и было, но я этого не понимаю до сих пор.

Если говорить о том, что приходилось еще делать по линии парткабинета, то необходимо сказать, что мне было поручено читать цикл лекций о международных отношениях и внешней политике СССР в школе усовершенствования командного состава Томской ж. д. (сокращенно ШУКС) для военизированной пожарной охраны дороги. Курс был мною прочитан. Подготовка к нему требовала огромных усилий, к счастью, в парткабинете была вся необходимая литература. Не знаю, откуда только брались силы, тем более что на моих плечах была семья.

Несколько слов о том, как мы устроились в эвакуации в бытовом отношении. Нужно сказать, что райком партии сделал все для того, чтобы помочь нам, эвакуированным ленинградцам, устроиться на новом месте. Меня с семьей поселили в трехкомнатной квартире, предоставив две комнаты 15,5 и 5,5 метров. В третьей комнате жила работница железнодорожного депо с тремя дочками. Муж ее был на фронте. Две девочки учились в школе, а третья работала на заводе. Соседка встретила нас приветливо. За недорогую плату, 70 рублей в месяц, она согласилась помочь нам в мытье полов, стирке белья и приносе воды из колонки. Зарплату в райкоме я получала 700 рублей (все цены приводятся мною в исчислении тех лет), так что эта цена была мне доступна. Нужно было обзаводиться вещами. Я купила 4 железных кровати с сеткой; стол и 6 стульев мне дали во временное пользование в Доме культуры железнодорожников (в этом здании находился наш парткабинет). Обзавелась я также хозяйственным инвентарем: купила 2 ведра, умывальник, чайник, 2 кастрюли, 4 кружки, 4 миски, 4 ложки и 2 ножа. Райком обеспечил меня углем и дровами. Моя свекровь достала мне кипятильник, который можно было опускать в любую посуду. С его помощью мы кипятили чай и даже варили картошку.

С питанием на первых порах мы устроились совсем хорошо. На два месяца нас как эвакуированных прикрепили к обсервационному пункту. Кроме того, лично я получала обед в столовой для комсостава ж. д., куда имели пропуска все работники райкома партии, и я в том числе. Кормили нас очень хорошо, вкусно и разнообразно. Эти блага были временно, т. к. в дальнейшем надо было вырастить свои овощи и по талонам в лавке получать продукты, а также покупать то, что нужно, на рынке. Рыночные цены были очень высокие: картошка 25 руб. кг, молоко 30 руб. литр, мясо 180 руб. кг. Естественно, что мы пользовались рынком только в самых исключительных случаях. Для того чтобы обеспечить семью, надо было серьезно заняться огородом.

Я получила около 9 соток земли, из них 3 сотки около дома и 6 соток в поле. Мне ее вспахали на лошади как жене фронтовика и эвакуированной из Ленинграда. Это была большая помощь, т. к. единственным моим помощником был мой девятилетний сын. Как бы там ни было, огород был вспахан. Деньги в сумме 300 рублей за 100 кг картошки мною были внесены в профком железнодорожников. На посадку у меня ушло 50 кг, а 50 осталось на еду. Кроме картошки, мне удалось посадить 125 шт. капустной рассады, грядку с репой, свеклой и морковью. Навыка к огородной работе у меня не было. Я была истая горожанка, но в беде всему научишься. Вспомнила я свое детство периода военной интервенции и Гражданской войны, когда моя бабушка сначала в Лигово, затем в Петрограде, около дома на Карповке, вскопала грядки и посадила огород. Я тогда у нее многому научилась, а теперь, через 20 с лишним лет, мне это пригодилось.

Работала я на огороде ежедневно с 6 часов до 9 часов утра, т. к. с 10 часов у меня начиналась работа в парткабинете. Огород нас сильно поддержал. Я сняла 11 мешков картошки. По местным понятиям это много меньше, чем можно было получить. Мне все говорили, что я должна была снять не менее 15 мешков, но надежды не оправдались. Я была счастлива, что вырастила свою картошку и обеспечила свою семью на зиму. Кроме того, у меня были свои овощи, а осенью через профком я закупила капусту и заквасила огромную бочку, на 18 ведер. Правда, она была заполнена только на 2/3. Это

было больше, чем достаточно, и первая суровая сибирская зима была полностью обеспечена.

...Мы уже знали, что такое сибирская зима, и серьезно готовились к ней. Неожиданно зимой 1943 года, в декабре, я получила вызов в Ленинград на восстановление школ. В вызове было написано следующее: «Предлагаю вам НЕМЕДЛЕННО произвести расчет с учреждением, в котором вы работаете, и выехать в Ленинград на работу по специальности. По приезде в Ленинград явитесь в сектор кадров Ленгороно»... Подписал вызов зав. Ленгороно. Одновременно было прислано разрешение за подписью председателя исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся на въезд в г. Ленинград и просьба о выдаче мне пропуска на въезд в Ленинград новосибирской облмилиции. Это событие всех нас взволновало. Вызов был только на меня. Это значило, что семью я должна была оставить на Инской и ехать в Ленинград одна.

Несколько дней мы обсуждали вопрос о моем отъезде. Но все мои — муж и даже дети сказали, что я должна ехать, т. к. пока это единственная возможность нашего возвращения в Ленинград. Если я буду там, то со временем сумею послать вызов на всех остальных. Из нашего учительского коллектива я была первой, кто получил вызов в Ленинград. Ленинграду нужны были кадры, а я была молодая и энергичная женщина. В Первомайском райкоме как-то растерялись, категоричность предписания о моем возвращении возымела свое действие, меня, паче чаяния, отпустили. В полученном письме от одного из членов нашего аппарата райкома я узнала, что они потом очень сожалели, что мне позволили взять расчет, а первый секретарь сказал прямо: «Нечего было ее отпускать». Его не было в тот период в райкоме. Скажем прямо, в этом мне повезло. Выехала я в Ленинград в январе 1944 г.

...Итак, для меня закончился период эвакуации, я снова в родном Ленинграде. Наступил новый период в моей трудовой, общественной и личной жизни. Период восстановления прежнего образа жизни, но на новой послевоенной основе.

Приложение V-17

Фотографии из альбома детсада № 20 Смольнинского р-на 1943—1944 гг.

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17

Обложка фотоальбома

Коллектив детсада № 20 Смольнинского р-на прядильно-ниточного комбината им. Кирова, эвакуированный в Тюменскую область (деревня Тураево, интернат №178)

Воспитанники младшей и средней групп детского сада

Дошкольные группы

Школьные группы

Выпуск семилетней школы в деревне Ембаево Тюменской области. Директор С.А. Лейко. 1944 г.

Участники школьной самодеятельности. Руководительница В. Марисова. Декабрь 1944 г.

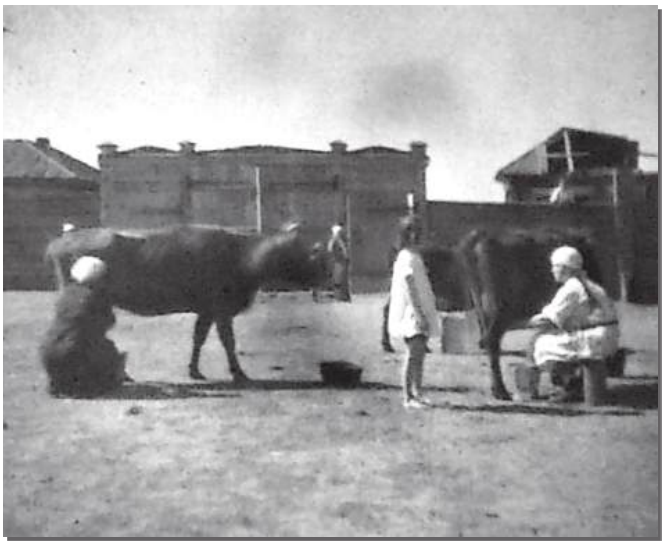
Ребята учатся играть в шахматы, вышивать

За чисткой картофеля

Старшая группа помогает заготавливать дрова

Воспитанники за ловлей и чисткой рыбы

На приусадебном участке. 1943 г.



Девочки помогают ухаживать за домашними животными в подсобном хозяйстве

Спальня в интернате

Воспитанницы детсада (слева направо):
Люся Вишнякова, Роза Парфенова, Зина Хохлова, Лена Парфенова.
Фото детей вместе с благодарностью работникам детсада было напечатано в газете прядильно-ниточного комбината «Трибуна Кировцев» 22 августа 1945 г.

★ ★ ★

Благодарю от всей души

Когда началась Отечественная война, нашему любимому Ленинграду угрожала большая опасность. К городу подходил проклятый враг. Этот момент нам, матерям, был очень тяжел. Приходилось расставаться с ребятами, которых увозили в глубокий тыл.

Прошло 4 года. Война окончилась, дети вернулись домой. Я скажу о своих дочурках Розочке и Леночке, которые уезжали совсем малышами. Одной было четыре года, второй шел третий. А приехали большие, здоровенькие, жизнерадостные, развитые, с большими косами.

Я очень и очень благодарна заведующей детсадом № 20 Ц. Б. Гринблат и дорогой «маме-воспитательнице» В. В. Марисовой. Эти люди отдали все для наших детей, чтобы сохранить их здоровье, и воспитали так, как подобает советским педагогам. Также благодарю администрацию комбината, которая уделяла большое внимание детсаду.

От всей души благодарю партию и правительство и лично дорогого товарища Сталина за наших детей.

В. ПАРФЕНОВА,
прядильщица фабрики № 2

М-03878

БЛОКАДНОЕ ТВОРЧЕСТВО ДЕТЕЙ И ПЕДАГОГОВ

Поднимем же перья и кисти!
Судьбой мы не зря спасены:
Листы еще многие чисты
Истории прошлой войны.

Олег Цакунов

Прочитайте! Еще долго будет трудиться душа!

Александр Конюшин[1]

В этом разделе представлены образцы стихотворений и рисунков, созданных в период блокады ленинградскими дошкольниками, учащимися школ, а также их учителями и воспитателями. Блокадное творчество тесно сопряжено с блокадной педагогикой, поскольку сквозь художественные образы яснее видится внутренний мир тех, кто в военную пору находился по обе стороны педагогического процесса.

Зарифмованные блокадные события и впечатления

Традиция самим сочинять стихи «к случаю» характерна для воспитателей детских садов, учителей начальной школы и продолжается до сего дня. С ней непосредственно связано понятие праздничного «монтажа». Для блокадных педагогов создание стихов и праздничных композиций стало одной из форм творческого существования в профессии и непосредственного общения со своими подопечными. Директор детского дома мог за ночь сочинить стихи про своих воспитанников, чтобы на следующий день, слушая чтение поэмы, дети радовались, узнавая себя[2]. Воспитательница детского сада среди голода и холода блокады находила время и силы для составления стихотворного отчета о своей работе за год.

Некоторые произведения школьников дошли до нас только благодаря тому, что сохранились в текстах воспоминаний учителей и в архивных альбомах. Если бы «душевная и мудрая классная дама Роза Менделеевна Сумецкая» не посоветовала Миле Аниной сделать копию ее дневника и спрятать в надежном месте, изумительные по своему трагизму стихи и рисунки ленинградской девочки, пережившей в войну недетские страдания, никогда не увидели бы свет. Как это, например, произошло с затерявшейся рукописной книгой воспитанников 22-го детского дома под названием «Наш счет Гитлеру». А. К. Кресин вспоминает, что в этом произведении, сочиненном в основном девочками, «были душераздирающие рассказы о пережитом как во время блокады, так и эпизоды о бегстве с насиженных мест при приближении немцев, поскольку многие попали в Ленинград в результате эвакуации с оккупированных территорий»[3].

На расстоянии лучше видится не только «большое», но и социально гипертрофированное. Тексты, предлагаемые именно в том виде, в каком они были созданы (без купюр), интересны, поскольку наглядно демонстрируют формы выражения советского патриотизма, принятые на тот момент не только среди педагогов и их воспитанников, но и среди профессиональных

[1] *А. Конюшин* — директор «Дома сотрудничества с ЮНЕСКО в Санкт-Петербурге и Ленинградской области».

[2] Об этом эпизоде из жизни детского дома, которым руководил А. Ф. Строгонов, рассказала Надежда Васильевна Строгонова, столетний ветеран, учитель блокадного Ленинграда. URL: https://mr-7.ru/articles/207700/

[3] *Кресин А. К.* Мы из блокады. Хроника одного блокадного детского дома. URL: https://proza.ru/2010/02/12/899

литераторов[4]. Частое ритуальное упоминание великого и горячо любимого друга-вождя, чей приказ «закон для каждого из нас»[5]; упование на силу сталинского гения, солнечного взгляда, голоса из Кремля, — все это исторические факты, которые не могли не оказать долгосрочного формирующего влияния на подрастающее поколение. Не случайно спустя многие десятилетия, в XXI веке, в списке великих людей России, всплыв из коллективного бессознательного, вновь зазвучало имя «вдохновителя всех побед»[6].

На фоне развала СССР и последующих событий на постсоветском пространстве примечательны стихотворные свидетельства дружбы народов, которые ранее вкладывались в уста детей с малых лет. Во всех театрализованных выступлениях, приуроченных к государственным праздникам военного периода, звучат голоса дружественных народов: грузин, татар, украинцев. В те времена это воспринималось органично и с энтузиазмом. Детсадовцы с увлечением воспроизводили в рисунках национальные орнаменты и узоры с гербов советских республик. В войну и долгое время после нее ни ребята, ни их воспитатели, как и все жители нашей страны, не сомневались, что «украинский (грузинский, татарский и др.) народ всех врагов разобьет, по-советски всегда будет жить».

Среди сохранившихся стихотворений преобладают патриотические, написанные как спонтанно, так и специально к официальным торжествам. Встречаются сатирические, отражающие личную реакцию по отношению к врагу. Слово «гитлер» некоторые авторы писали с маленькой буквы «в знак полного неуважения» («Хоть бы гитлер этот сдох»). Есть также сугубо лирические произведения. Стихи, порой наивные, но предельно искренние, содержатся в переписке детей с бойцами Красной Армии. Сквозь темы и сюжеты произведений разных жанров отчетливо проступает дух времени. Причем содержание любительских стихов порой впрямую перекликается с фактами из книг учета воспитателей детских садов и педагогических отчетов. Многие тексты и рисунки отсылают нас к конкретным моментам и ситуациям блокадного времени, свидетелями которых оказались их авторы.

Нетрудно заметить, что в своем творчестве и дети, и педагоги часто использовали близкие по смыслу образы. Неоднократно в текстах встречаются строки, хорошо знакомые советским людям того времени по хрестоматийным литературным произведениям, фильмам, песням: «травка зеленеет», «вольный ветер», «голубой платочек». Это в какой-то мере свидетельствует об общности социокультурного фона и героического настроя ленинградцев, в стихах подсознательно воспроизводивших фразы, которые постоянно были «на слуху», звучали по радио, использовались в плакатах. Также это может восприниматься как результат усиленной работы по военно-патриотическому воспитанию в детских садах, школах, детдомах. Или же свидетельствовать о естественном стремлении взрослых сделать стихотворные строки более доступными для ребят. Интересно, что даже привычные природные явления вызывали у педагогов-блокадников военные ассоциации, из которых рождались язык, ритм и рифмы, понятные детям: «Бегут на небе синем, толкаясь, облака. Бегут, бегут под ними немецкие войска...»

* * *

Стихотворения В. С. Майзель, воспитателя старшей группы д/с 28 Фрунзенского р-на, отличаются ярко выраженным патриотическим посылом и презрением к фашизму[7]. Советская женщина язвительно обращается к Гретхен как собирательному образу сестры и жены проклятого врага: «*Плачь, немка, плачь, считай потери*»[8]. У автора стихотворения нет сомнения в том, что месть настигнет «Фрицев и Гансов», поскольку «жив русский дух, и жив Суворов», а наших бойцов ведет сталинский гений[9].

Врага проклятого прижали,
Фашизму близится конец,
Хоть он еще язвит и жалит,
И шлет нам пламя и свинец.
Нам не страшны его угрозы —
Позор и гибель ждут не нас.
На щечках Гретхен блекнут розы,
И слезы падают из глаз.
«Где брат мой Ганс,
где Фриц мой милый? —

---

4 *Маршак С.* В ответ на эту речь // Известия. 1941. 4 июля. № 156; Джамбул. В час, когда зовет Сталин / Пер. Павла Кузнецова // Известия. 1941. 5 июля. № 157; *Сельвинский И.* Сталин у микрофона 3 июля 1941 года. URL: https://0gnev.livejournal.com/355227.html

5 Перефразированный текст известного плаката: «Приказ Сталина — приказ Родины».

6 Великие люди России из списка: 100 великих людей, изменивших мир. URL: http://obshe.net/posts/id1061.html

7 ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18.

8 Здесь возможно усмотреть отсылку к героине «Фауста» Гретхен, сестре солдата Валентина.

9 ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3. Стихи восп. ст. группы В. Майзель, д/сад 28 Фрунзенского района.

Я чувствую: их больше нет.
В чужой земле нашли могилы,
И снег замел кровавый след».
Плачь, немка, плачь, считай потери,
Твоим слезам причина есть.
Бегут и гибнут Гансы-звери,
Настигла Фрицев наша месть.

С лица земли убийц и воров
Сотрем, развеем в пух и прах;
Жив русский дух, и жив Суворов
В горящих пламенем сердцах.
И вечно ясен, вечно молод
Нас гений сталинский ведет.
Подняв как знамя серп и молот,
На бой, товарищи, вперед!

Некоторые стихи того же автора обращены непосредственно к воспитанникам. Так, 18 января 1943 года после прорыва блокады она говорила:

Итак, ребята Ленинграда,
Позвольте мне поздравить вас.
О том, что прорвана блокада,
Узнали мы «в последний час»[10].

Мы говорим тебе, наш Сталин,
Любовью к родине горя:
«Мы славный город отстояли,
Мы дожили до января».

Теперь для нас опять настанет
Свободы светлая пора.
Ребята, пусть же дружно грянет
Наше счастливое «ура».

Для выступления воспитанников детского сада перед ранеными бойцами в госпитале предназначалось «Поздравление» и ряд других патриотических стихов, сочиненных В. С. Майзель:

Поздравление

Товарищи бойцы,
Герои-удальцы!
Мы в этот светлый час
Пришли поздравить вас.
Скорей поправляйтесь,
На фронт возвращайтесь.
Выше держите знамя полков,
Крепче громите, бейте врагов.
Встретим весну,
Кончим войну.
Сталин ведет
Только вперед!

Ветерок

Ветерок-непоседа
Развевает флажок.
Скоро будет победа,
Говорит ветерок.

Ты бойцам, вольный ветер,
Передай наш салют.
Расскажи им, что дети
Их с победою ждут.

Наказ детей

Мы, маленькие ленинградцы,
Жалеем часто об одном:
Что нам еще нельзя сражаться,
Работать пулей и штыком.

Матросам, летчикам, солдатам
Без нас придется воевать.
Винтовкам, пушкам и гранатам —
Без нас врагов на части рвать.

Спешите, воины, не ждите,
Ведь дорог каждый день и час,
Скорей страну освободите —
Таков наш боевой наказ.

Скорей распутывайте сети,
Освобождайте от оков
Края, где изнывают дети,
Попавшие во власть врагов.

На Сиверской, где так красиво,
Где вьется змейкою река,
Они вас ждут нетерпеливо
И вас зовут издалека.

В зеленой и душистой Луге,
Где сосны стройные растут,
Они, протягивая руки,
От вас освобожденья ждут.

Спешите, воины, спешите,
Ведь дорог каждый день и час,
Скорей детей освободите,
Таков наш боевой наказ.

Врага сразите в схватке жаркой,
Пускай погибнет навсегда!
И загорится ярко-ярко
Красноармейская звезда.

[10] Сообщение Ю. Левитана о прорыве блокады Ленинграда 18.01.1943 начиналось со слов: «Говорит Москва! В последний час».

Ленинградские ребята

Пока фашисты шлют нам пламя,
Бомбят любимый Ленинград,
В руке мы крепко держим знамя
За ленинградский детский сад.

Пусть шум возни и песни детской
Не заглушает и война.
Для нашей детворы советской
Придет желанная весна.

Придет победа, грянет слава
Для наших воинов лихих.
Стряхнет родимая держава
С могучих плеч врагов своих.

Схватив захватчиков за ворот,
Блокаду сломит Ленинград.
Приветствуя любимый город,
Пойдут ребята на парад.

И вместе с ними, вместе с нами
Пойдут защитники страны,
Пойдут, сверкая орденами,
В лучах победы и весны.

Приказ вождя

Великий Сталин — твой приказ
Закон для каждого из нас.
Твои слова, в душе горя,
Как первомайская заря,
Рождают сталинскую мощь.
И за тобой, отец и вождь,
Идет на подвиги народ,
За славу родины, вперед!

И воины идут на бой,
Гордясь, что посланы тобой,
И бьют врага наверняка,
Чтоб никогда его рука
Не открывала нашу дверь,
Чтоб он погиб, немецкий зверь!
И стал свободным человек,
И о войне забыл навек.

Пилоты, соколы твои,
Ведут воздушные бои;
Тяжеловесный Мессершмитт,
Погибель чувствуя, дрожит.
«За родину», — кричит пилот,
И кончен вражеский полет.
«За Сталина!» — несется клич,
И немец падает навзничь.

«Твои слова в душе горят», —
Так партизаны говорят.
Удары вражеским тылам
Они наносят здесь и там,
Чтоб от нашествия зверей
Спасти отцов и матерей,
Чтоб в рабство братьев и сестер
Не уводил немецкий вор.

Так первомайский твой приказ —
Победы приближает час[11].
Встает на подвиг твой народ
И в бой за родину идет.
Мы отомстим, мы победим,
От немцев мир освободим.
И скажет голос из Кремля:
«Привет, свободная Земля!»

Вот стихотворение, написанное для ребят к Новому году:

Снегурочка

Меня Снегурочкой зовут,
Гуляю я зимой.
А дни весенние придут,
Я убегу домой.
Живу я в доме ледяном,
Где холодно всегда.
Играю снеговым мячом
и куклами из льда.
Игрушек много мастерит
мне дедушка Мороз.
Метель мне сказки говорит,
Смешит меня до слез.

Раскинув руки широко,
Танцую с ветром я.
Живет привольно и легко
Всегда моя семья.

Ребята, приходите к нам,
Ведь мы-то к вам пришли,
А я вам всем свой адрес дам,
Чтоб вы мой дом нашли.
Мороз велел вот этот ком
Отдать вам, а к чему?
Какая детям польза в нем? —
Никак я не пойму.

(*Выкатывает из-под елки ком и достает из него подарки*).

А вот еще одно, посвященное Первомаю, где в описание прихода весны вплетены военные ассоциации с грядущей победой:

1 мая 1944 года

Настал наш праздник светлый,
Веселый Первомай.
Подснежник нежный, где ты?
Скорее расцветай!

[11] Речь идет о Приказе народного комиссара обороны СССР 1 мая 1942 года № 130.

На праздник выползайте,
Колючие ежи.
На праздник прилетайте,
Щеглята и чижи.

Растаяли как свечки
Весенние снега.
Шумят и плещут речки,
Бегут на берега.

Бегут на небе синем,
Толкаясь, облака.
Бегут, бегут под ними
Немецкие войска.

Бегут, спешат напрасно,
Далёко не уйдут,
И в этот день прекрасный
Настанет им «капут».

Пришел наш светлый праздник,
С победами пришел.
Веселый май проказник
Весну с собой привел!

* * *

Впервые публикуется уникальный **стихотворный отчет о работе С. Ф. Комаровой**, воспитательницы детсада № 26 Смольнинского р-на, который она «*шутя, зовет поэмой*» (*Приложение VI-1*). Автор чередует разные стихотворные размеры, по-видимому, хорошо ей знакомые за счет чтения классиков и знания текстов советских песен. Где-то усматривается намек на онегинскую строфу и пушкинские сказки («*Море пенится, шумит, По волнам корабль летит*»). Где-то возникает стилистическая параллель с лермонтовским «Бородино» («*Добро же, бандиты, поборемся, ну-ка!*»); с революционной ритмикой А. Блока и В. Маяковского («*Звонче пой, стройней шагай, Краснознаменный встречаем май*»); душевным распевом А. Твардовского («*Детвора не унывала — замечательный народ*»). Оттого при чтении текста часто угадывается рифма. Прочитав начало строфы: «Над страною пел веселый ветер», так и хочется продолжить: «с каждым днем все радостнее жить».

Но чем дальше читаешь, тем больше этот *блокадный детсадовский эпос* в своей мудрой простоте напоминает «легкие солдатские стишки»[12] про Василия Теркина, где «все понятно, все на русском языке». Где в бесхитростный рассказ о повседневной блокадной жизни воспитателя, нелегкой и полной ежедневного преодоления, вплетены шутливые оговорки автора, которая, не считая себя поэтом, ставит перед собой иную, в данном случае, педагогическую задачу:

«Удачи были, неудачи,
О них хочу я рассказать
Возможно проще и полнее
(Боюсь, что вовсе не сумею)».

Поражает то, как органично С. Ф. Комарова облекает в стихотворную форму жизнь детского сада за два самых тяжелых блокадных года. Причем представленные в ее оригинальном лирическо-педагогическом произведении задачи и описание проделанной работы полностью соответствуют содержанию книги учета, которую она ежедневно вела как воспитатель[13]. То есть, это вполне достоверное и полное конкретной исторической информации блокадное свидетельство.

Из отчета-поэмы можно узнать множество подробностей из жизни блокадного детсада: об оформлении помещений, об игрушках и играх, о разнообразных занятиях и видах активности, которые предлагались ребятам, о методических приемах, о праздниках. Из бесхитростных строк слагаются трогательные портреты детишек в их уникальных личностных проявлениях. Галя, Алик, Жоржик, Леня, Вова, Тома, Боря, Слава, Эрик, Федя, Рая, Арик, Андрюша, Мила, Гуля. За каждым именем скрывается свой характер, своя семейная военная история, свои мечты. И в рассказе о каждом ребенке угадывается искренняя теплота и участие воспитателя.

Упоминая имена своих коллег, С. Ф. Комарова убедительно показывает: любое дело удается простым ленинградкам, работницам детсада, которые «*и за топку брались, и за колку брались, и за пилку*». И все у них в руках спорилось. В этом контексте вполне закономерно и афористично звучит вывод, которым заканчивается поэма: «*Только честная работа никогда не пропадет*».

При сопоставлении книги учета С. Комаровой с ее стихотворным отчетом становится понятно, что она писала стихи *для* детей и *вместе с ними*. Именно так, например, сочинялись тексты для песенок, которые исполнялись на праздниках. Судя по записям воспитателя, подобные совместные творения очень нравились ребятам. «*Галя Акр. говорит: “Это очень хорошие стихи. Они кажутся еще лучше, потому что мы выдумали сами*

[12] Высказывание А. Ахматовой о стилистике поэмы Твардовского.

[13] Эта книга учета воспитателя детского сада № 26 хранится в фондах Педагогического музея СПб АППО.

их, вместе с вами с С. Ф., ведь да?!". Боря Х.: "Ну конечно, всегда свои стихи кажутся интереснее". И с гордостью прибавляет: "Мы теперь поэты, а В. М. (музыкальный работник) — композитор"».

В стихотворной форме выполнено и «Документальное письмо» своим коллегам об эвакуации детей-сирот из Ленинграда на озеро Иссык-Куль. Его автор — воспитательница детского сада № 1 завода «Красный треугольник» Тамара Николаевна Дементьева (*Приложение VI-2*).

* * *

Клеопатра Ивановна Мешковская окончила педагогический институт и институт иностранных языков. Владела немецким и французским языками, писала стихи. Все ее родственники погибли в блокадном Ленинграде, дом был разрушен во время бомбежки. Пережив блокаду, не оправившись от дистрофии, Клеопатра Ивановна приехала в село Звягино Чебаркульского района к своей бывшей воспитаннице Лидии Александровне. Там она стала работать учителем истории и литературы в школе, потом — директором звягинского детского дома. По воспоминаниям ее учениц, эта удивительная женщина обладала «чарующим обаянием. Спокойная, выдержанная, она и голоса не повышала в разговоре с детьми и с подчиненными. Всех называла по имени ласково: "Шурочка, Клавочка, Зиночка"...»[14]

К. И. Мешковская[15]

Несмотря на военные времена, в образовательных учреждениях страны была чрезвычайно развита художественная самодеятельность. Клеопатра Ивановна писала сценарии к праздничным концертам. Ее стихи ребята читали на конкурсах. Маша Бедэч (Мария Ивановна Панькова) декламировала стихотворение, посвященное Ильменскому заповеднику, на областном конкурсе художественной самодеятельности. Исполнительнице и автору были вручены грамоты и призы. Текст сохранился.

Нам великим вождем завещано здесь
Охранять минералы, животных и лес.
Посети заповедник хоть раз:
В нем уральские недра раскрыты для глаз.
Отыщи под ногами руду, самоцвет,
Посмотри, в сентябре как нарядно одет
Спелый лес из лиственки, березы, сосны,
Как потянет тебя в заповедный лес!
На Урал, на Ильмень, в край богатств и чудес.
Здесь красавицы-козы с большими глазами,
Здесь могучие лоси с рогами-ветвями,
Горностаи, орлы и пятнистый олень,
Чей наряд — блики солнца в сияющий день.
На заре птичий хор ты послушать приди,
На зеркальные воды озер погляди,
Посмотри, как сияет бушующий май,
Как смеется весной древний сумрачный край.
Здесь в симфонию жизни в суровый свой век
Диссонанс разрушений не внес человек.
Полюби же тот край, ту страну, тот народ,
Где, как сказочный рай, заповедник цветет.
Где науки пытливый и пристальный взор
Изучает природу средь гор и озер[16].

Находясь вдали от родного города, Клеопатра Ивановна черпала материал для творчества из бесед с эвакуированными ленинградскими детьми. В рифмованных строчках она стремилась передать детские впечатления, переживания, чаяния. К сожалению, оставшаяся после ее смерти большая коробка, полная рукописей, не сохранилась. Осталось лишь несколько трогательных поэтических зарисовок, датированных 1944/45 годами. Многие написаны в жанре писем в Ленинград из эвакуации.

Подарок

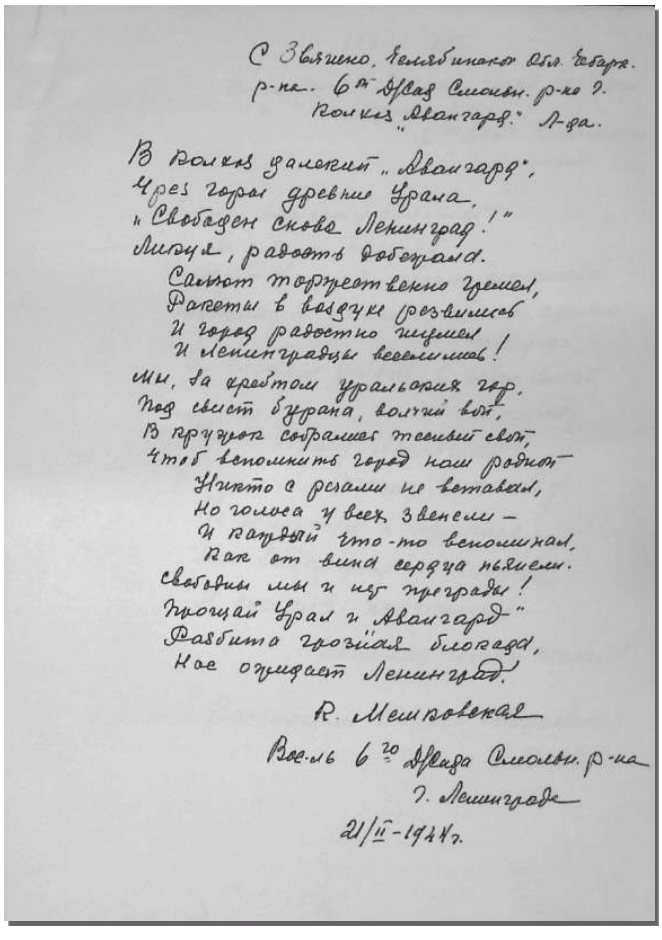
Когда вырасту большой,
за себя в награду
Подарю Уралу
Я тонну шоколаду.
Не обидьтесь и примите,
За задержку извините.
Я вначале подрастал,
Шоколад потом послал.

1944 г.

[14] Из воспоминаний жителей деревни Звягино, приведенных на сайте. URL: https://smolbattle.ru/threads/Детские-дома-для-ленинградских-детей.57855/

[15] Фото воспроизводится с того же сайта.

[16] Цит. по: URL: https://smolbattle. ru/threads/Детские-дома-для-ленинградских-детей.57855/



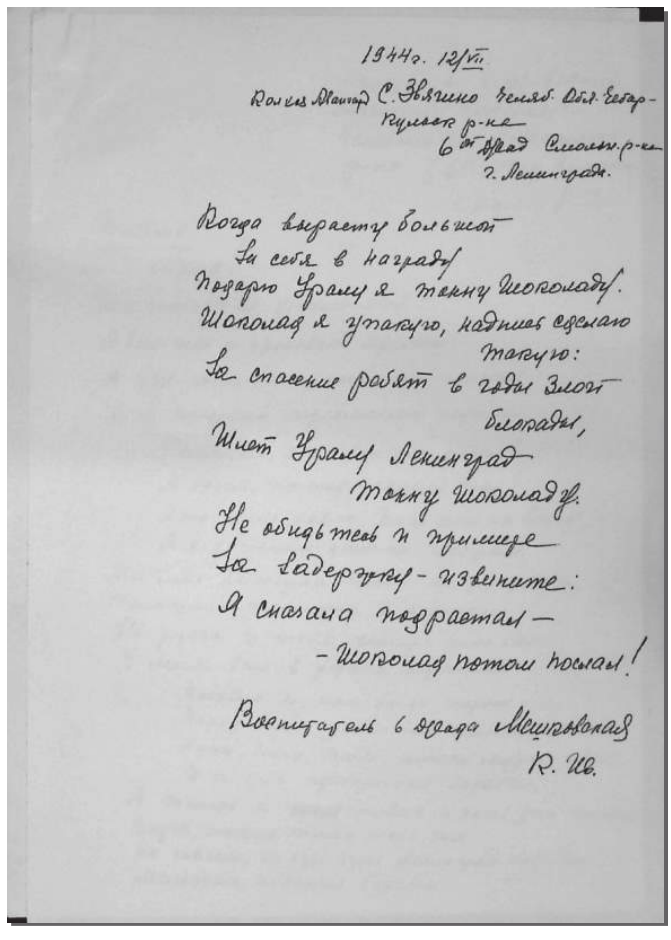
С Звягино, Челябинской обл. Кабарг. р-на. 6-й Отряд Смоленск. р-ка г. Ленинград. Волчья дивизия „Авангард". А-фа.

В волчью дивизию „Авангард",
Чрез горы древние Урала,
„Свободен снова Ленинград!"
Летит, радость добежала.
Салют торжественно гремел,
Ракеты в воздух разлетелись
И город радостно шумел
И ленинградцы веселились!
Мы, за хребтом уральских гор,
Под свист бурана, волчий вой,
В кружок собрались тесный свой,
Чтоб вспомнить город наш родной.
Никто с ресниц не вытавал,
Но голоса у всех звенели —
И каждый что-то вспоминал,
Как от вина сердца пьянели.
Свободны мы и нет преграды!
Прощай Урал и „Авангард"
Разбита грозная блокада,
Нас ожидает Ленинград.

Р. Мешковская

Воспитатель 6-го отряда Смоленск. р-на г. Ленинграда

21/II-1944 г.

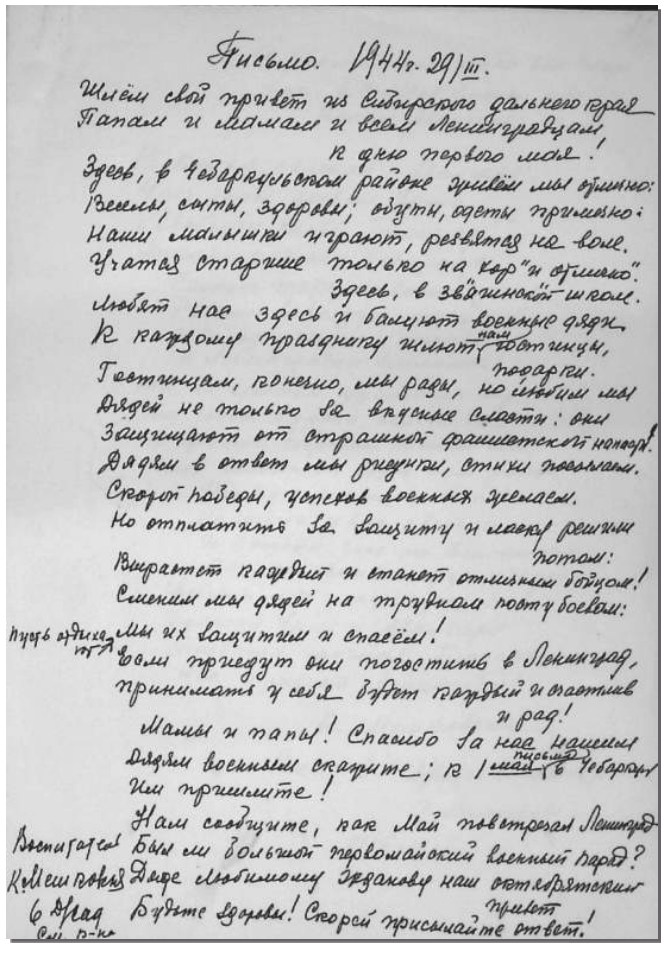


1944 г. 12/VI.

Волчья дивизия С. Звягино Челяб. Обл. Кабарг-кульск р-на 6-й отряд Смоленск. р-на г. Ленинграда.

Когда вырасту большой
Я себя в награду
Подарю Уралу я тяжку шоколаду.
Шоколад я упакую, надпись сделаю такую:
За спасение ребят в годы злого блокада,
Шлет Уралец Ленинграду тяжку шоколаду.
Не обидьтесь и примите
За задержку - извините:
Я сначала подрастал —
- Шоколад потом послал!

Воспитатель 6 отряда Мешковская Р. Ив.



Письмо. 1944 г. 29/III.

Шлем свой привет из сибирского дальнего края
Папам и мамам и всем ленинградцам,
К дню первого мая!
Здесь, в кабаргульском районе живем мы отлично:
Весело, сыты, здоровы; обуты, одеты прилично.
Наши малышки играют, резвятся на воле.
Учатся старшие только на „хор" и „отлично".
Здесь, в звягинской школе.
Любят нас здесь и балуют военные дяди.
К каждому празднику шлют наши гостинцы, подарки.
Гостинцам, конечно, мы рады, но больше мы
Дядей не только за вкусные сласти: они
Защищают от страшной фашистской напасти!
Дядям в ответ мы рисунки, стихи посылаем.
Скорой победы, успехов военных желаем.
Но отплатить за защиту и ласку решили потом:
Вырастет каждый и станет отличным бойцом!
Сменим мы дядей на трудных постах боевых:
Мы их защитим и спасем!
Когда приедут они погостить в Ленинград,
Принимать у себя будет каждый и счастлив и рад!
Мамы и папы! Спасибо за нас нашим
Дядям военным скажите; в письмах в Кабарги
Им пришлите!
Нам сообщите, как Май повстречал Ленинград
Были ли большой первомайский военный парад?
Нашей любимой Вере Федоровне наш отцветистый
6 отряд Будьте здоровы! Скорей присылайте привет ответ!
Смол. р-на

Письмо

Мама,
ты теперь не узнаешь меня:
Я большой и здоровый крепыш:
Я уж школьник, отличник притом,
А не прежний трехлетний глупыш.

Помнишь, я на вокзале ревел?
А зачем, почему — сам не знал!
Это было давно. Папа шел на войну,
Я с другими детьми уезжал.

Ты мне вытерла слезы, конфетку дала,
Положила платочек в карман.
На руках у тебя сестра Нина была,
У меня был в руках барабан.

Позабыл я, как было потом...
Перед сном долго вас вспоминал:
Папу, Нину, тебя, кошку Мурку и дом.
И к себе прижимал барабан.

А теперь я привык и здесь дом полюбил,
Вырос, письма пишу тебе сам.
Не совсем, но чуть-чуть Ленинград позабыл,
Малышам подарил барабан.

Говорят, скоро едем домой...
Рады все... Только жалко зимы.
Мы катаемся, мама, с горы.
И зимой здесь все носят пимы.

Еще степь мне уральскую жаль!
На ней много красивых цветов!
Перелет журавлей и гусей я видал
И весной встречал первый скворцов!

Я жалею, что нет тебя летом со мной:
Как клубники тут, мамочка, много!
Здесь по ягоды ходят с ведром.
Малыши идут к ближнему логу;

Мы же ходим на вырубки старые в бор,
Там особенно ягоды сочны.
Я боялся в лесу, но быть трусом — позор!
И храбрился я, мама, нарочно!

А теперь не боюсь ни в степях, ни в лесу;
Столько гнезд мы находим, яичек!
Раз видали косулю, встречали лису,
Узнавать научилися птичек!

В чистой речке купаемся два раза в день,
Загораем на желтом песочке.
Иногда отдыхать забираемся в тень,
Под березы в соседнем лесочке.

А по осени лес золотым станет весь,
И груздей в нем поспеет немало.
Если б ты была, мамочка, здесь,
Ты бы с нами грибы собирала!

У меня из уральских ребят
Есть чудесные, мама, друзья.
Очень жаль, что с собой в Ленинград
Увезти мне их будет нельзя!

Возвращаются все по домам...
Я вернуться домой тоже рад.
Но как маму узнать среди мам,
И какой из себя Ленинград?

30.03.1945

В качестве еще одного примера педагогического стихотворного творчества приведем **отрывки из монтажа**, который цитирует в воспоминаниях директор детского дома № 51 Х. А. Гершенок. Судя по всему, текст сочинен самими воспитателями по случаю празднования двухлетнего пребывания эвакуированных ленинградцев в Армении[17].

Сегодня торжественный праздник справляем,
Большой, замечательный день.
Все бодры, здоровы, красиво шагаем,
А были худые, как тень.
Нарывы, болячки, распухшие десны —
Все это теперь позади.
Я помню, как нас поднимали с Малеса,
Как трудно казалось дойти.
Теперь мы здоровы,
И сил у нас много.
Мы знаем, кто нас бережет:
Наш Сталин великий,
Наш доблестный маршал
И славный армянский народ.
И мы говорим вам большое спасибо
От близких, отцов, матерей,
От наших работников детского дома,
От нас, ленинградских детей.

Все дети северной столицы
Сегодня песни здесь поем.
У нас у всех восторг на лицах,
Мы очень весело живем,
И говорим мы все спасибо
Своей Армении родной,
За то, что мы живем счастливо,
Что мы нашли здесь дом родной.

Мы знали блокаду,
Мы горе видали,
Но все это стало теперь позади.
Мы солнцем согреты Армении нашей
И громко спасибо мы ей говорим.

[17] ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4.

Теперь мы большие.
Мы учимся в школах
И радости много мы знаем сейчас.
Нас ждут в Ленинграде,
Лелеют в Айастане...

Тебе спасибо говорим,
Наш брат родной, народ армянский,
За нашу жизнь, за Санаин,
За санаторий ереванский.
Мы знаем — друг у нас большой
Тов. Геворгян в райкоме,
Казахецян и Хачикян
Нам помогают жить в детдоме.
Мы за два года подросли,
Мы стали крепкие, большие,
И в праздник наш мы говорим:
«Спасибо вам, друзья родные!»

* * *

Воспитанниками детских садов (вероятно, не без помощи взрослых) в блокаду сочинялись стихи и загадки[18]. В публикуемой ниже подборке ребячьих сочинений, датированной 1942–1943 гг., присутствуют две основные содержательные линии. Прежде всего, это военно-героическая тематика, со всеми важными для детей персонажами, атрибутами, сюжетами: танками, самолетами, пушками, победными сражениями с врагом. Параллельно с этим сохранились нехитрые строчки, свидетельствующие о том, что война не в состоянии была заглушить живое детское восприятие окружающего мира, в котором сменяются времена года, продолжают существовать птички, зайчики, ежики, коты, коровы. И где живет надежда на возвращение с фронта отца.

Женя Б., 8 лет

Хочу быть героем

Сколько героев в Советской стране:
Летчики, танкисты.
Пулеметчики, артиллеристы.
Автоматчики, зенитчики.
Все они герои
Советской страны.
Отважные сыны.

Я хочу быть танкистом,
Я хочу быть артиллеристом,
Я хочу быть автоматчиком,
Пулеметчиком, зенитчиком
И героем советской страны.

9/VIII-1942 г.

Вот красные бросили штыки,
Неся знамена впереди.
Немцам от красных некуда деваться,
Как только в могилу зарываться.
Мы бьем врага и тут, и там,
Скоро Гитлеру будет капкан.

12/XI-1942

Враг

Крадется по лесу враг,
Он идет в Ленинград.
По кустам, по болотам идет,
Не вернется назад,
Его наша пуля найдет.

13/XI-1942 г.

Сидели мы ночью

Сидели в окопах мы ночью темной,
И пушки стреляли во мгле темноты,
И залпы гремели, и выстрелы краснели,
Самолеты гудели, танки гремели,
Врага разбивая во мгле.

13/XI-1942 г.

Корабли

По волнам плывет кораблик,
Он подходит к пристани.
Вдруг увидели враги,
Загремели выстрелы,
Застрочили пулеметы,
Закружились самолеты,
Крепко бьют врага.

8/XII-1942 г.

Мстим

Много горя, много бед
Нам наделал враг.
Разрушил дома,
Погубил людей
И сиротками оставил детей.
Враг поплатится за все:
И за горе, и за жилье.
Вместо развалин
Построит жилье,
Обновит дворцы,
Построит мосты.
Знай наши силы, зверь,
Мы разобьем тебя теперь.

Немцы испугались
Дом стоит,
Деревья стоят.
Советские пушки по немцам палят.
Немцы убегают,
Оружие оставляют.
Красные идут,
Оружие берут.
Вперед, полки!
Вперед, штыки!

9/I-1943 г.

[18] ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20.

Танки

Наши танки в бой идут,
Они пехоту за собой ведут.
Немцы боятся и злятся,
Что танков нет у них таких,
Танкистов славных, боевых.

3/II-1943 г.

Лариса К.

Зайчик и Лиса

Заяц встретился с Лисой,
И Лиса ему сказала:
— Ой, ой, беленький какой.
— Я из леса прибежал
И тебя здесь ожидал.
Угощу тебя морковкой,
Очень сладкая она.
Лиса рада, засмеялась,
Зайку в гости позвала.

14/I-1943 г.

Ежик

Комочек, комочек,
Иголки торчат.
Собаки боятся,
Кошки страшатся,
Крысы убегают,
А он их догоняет.

Кот сибирский

Кот сибирский
Белый, белый.
Хвост пушистый
Точно веер.
Усы длинные,
Глаза круглые.
Ходит важно,
Мяучит протяжно, мяу...
Мышей не хочет,
Молока не пьет,
А шоколадку берет.

Птичка

Птички летали,
Птички устали.
Сели на ветку,
Червячков поели
И завели «чирик-чирик».

Услыхала ворона,
Услыхала галка,
Услыхал петух.
Все запели, закричали
«Кукуреку, кар-кар-кар, чирик-чирик!»
Весна пришла!

Лето

Лето пришло,
Солнце припекло.
В огороде и в саду,
В поле и в саду.
Люди рады, что лето пришло,
Овощи и фрукты,
Хлеб, грибы и ягоды принесло.
В небе птички вьются,
Солнышком озарены,
За наше счастье бьются
Нашей Родины сыны.
Что будет осенью?
Летом цветы цветут.
Грибы растут,
Солнце греет,
И к осени все поспеет.

Тося Пургина, 6 лет

Столик накрывается,
папу ждет.
А папа сражается,
Фашистов бьет.

В сюжетах загадок, придуманных детьми, также переплетались впечатления сугубо военные и обычные житейские.

Женя Б.: Кто спасает советский народ? Кто спасает советскую землю?

Леня Б.: Кто такой: похож на человека, злой, как волк? (фашист)

Боря Р.: Кто не ест, а кашей брюхо набивает? (кастрюля)

Боря Х.: Беленький песочек во дворе блистает, а в комнате тает. (снег)

Иногда детские высказывания звучат афористично, как, например, строки, придуманные воспитанниками 40-го детского сада Дзержинского района:

* * *

До прихода Гитлера все цветет и зреет,
А с приходом Гитлера все горит, пустеет.

* * *

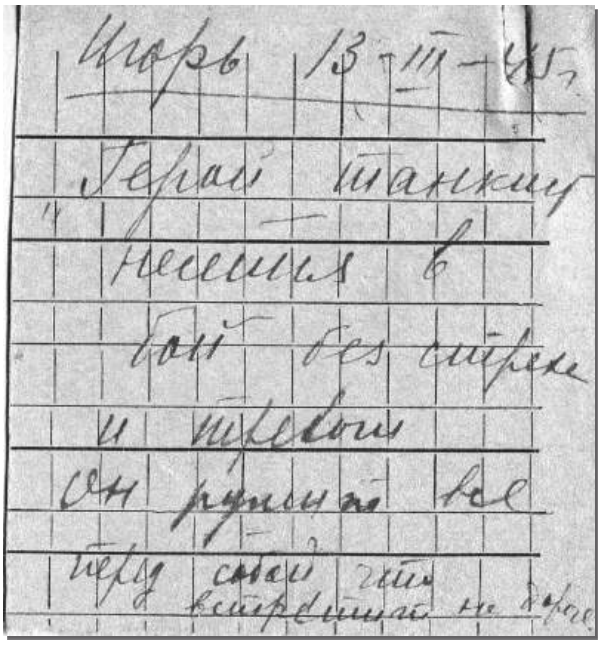
Если мы врага бомбим, не уходит враг живым.

* * *

Мы летаем высоко, мы летаем низко,
Мы летаем далеко, мы летаем близко,
И любого мы врага разобьем наверняка!

* * *

Мы летчики советские, всегда готовы к бою
И хитрости немецкие мы без труда раскроем.



* * *

Переписка детей с бойцами Красной Армии нередко также велась в стихах[19]. Так, командир Щукин рассказал детсадовцам в письме целую боевую историю:

Наши самолеты, танки и стрелки
Бьют фашистских гадов с неба и с реки.
Как-то раз фашисты в гости к нам пошли,
Пушки и танкисты с ними вместе шли.
Мы их пропустили, спрятавшись в горах,
Гады водку пили, прямо просто страх.
Командир фашистов, злой, как Бармалей,
Жег дома, деревни, убивал детей.
В это-то мгновенье прямо от реки
Полетели наши птички, ястребки.
А за ними грозно, всех страшнее гроз
Пролетел тяжелый флагман — бомбовоз,
А за ним другие вьются и жужжат,
И фашисты злые воют и дрожат.
Бьют их самолеты, танки и стрелки,
Падают фашисты, словно пятаки.
Много их явилось, все и полегли.
Вот что раз случилось с нами у реки.

А вот так, устами взрослых отвечали дети 21-го сада военкому 411-го лазарета т. Лебедеву:

Вчера был весел детский сад,
Узнали мы о том,
Что комиссар был очень рад,
Увидев наш альбом.
Мы были рады и тому,
Что он нам написал.
И каждый из ребят ему
Ответить пожелал.

Но чтобы много не писать,
Хотим мы видеть Вас.
Хотим словами рассказать,
Чего в письме не передать,
Большой-большой рассказ
О том, какая жизнь у нас,
Как в этот трудный год
Нас каждый день и каждый час
Сам Сталин бережет.
Увидев Вас, все скажем Вам,
С письмом же шлем привет,
И обещает каждый сам
Исполнить Ваш завет.
Мы будем слушаться, расти
И смело все вперед
Пойдем по твердому пути,
Как Сталин нас ведет.

* * *

В блокадном Ленинграде стихи писали многие школьники. Некоторые из ученических произведений приводит в своей рукописи Л. Е. Раскин.

Орлова Люся, 8 класс, 33 школа[20]

Ветер зло в окно стучится,
В классе холодно до слез.
Мерзнут руки в рукавицах,
Мерзнут ноги, мерзнет нос...

Так сидишь при тусклом свете,
Молча слушая урок.
И мечтают об обеде
Ученик и педагог.
Счету времени не знаешь,
Утекает как вода.
С благодарностью съедаешь
Суп холодный иногда...

Дома тоже дел хватает:
Нужно воду принести
И хоть руки замерзают,
Постирать и подмести.
Только сядешь за уроки —
Через несколько минут
То обстрелы, то тревоги
От занятий оторвут...

Но ни холод, ни лишенья
Не сломили силы в нас,
Мы не бросили ученья
И зимой ходили в класс.

[19] ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20.

[20] Тексты приводятся по рукописи Л. Е. Раскина, после войны заведующего кафедрой педагогики Ленинградского городского института усовершенствования учителей: Героические будни (Заметки о работе с детьми в Ленинграде в годы блокады 1941—1943). Л., 1949. С. 96—97.

Не дремала и работа:
Оставались на часок,
Убирали нечистоты,
На чердак несли песок,

Свитры, варежки вязали,
Собирали лом цветной,
Всем, чем можно, помогали
Нашей Армии родной.

Девятиклассник, уходивший в 1942 году на фронт, пишет матери:

Прощай, моя дорогая,
Не знаю, увидимся ль вновь...
Есть ли на свете иная,
Крепче нашей любовь.

Не плачь, дорогая мама,
Лучше утри глаза.
Но на ресницах упрямо —
Беспомощная слеза.

Я знаю — расстаться больно:
Что-то еще впереди.
Видишь, и я невольно
Прижался к твоей груди.

Как тебя, мама, люблю я,
Одна ты можешь понять.
В последней тоске поцелуя
Дай мне тебя обнять.

Вместе с тобой пережили мы
Холод, голод, зиму.
Вместе по жизни плыли,
Цель имели одну.

Я тебе жизнью обязан —
И этого мне не забыть.
Я нитью с тобою связан —
Любовью зовется та нить.

Коля Парийский, 6 класс 291 школы

Над Родиной нашей нависла беда –
Коричневых гадов тупая орда.
Рабами своими нас видит она,
Но мы не сдадимся им. Нет!.. Никогда!..
Советский народ наш силен и тверд;
Рабочий, колхозник, школьник, боец
Врагу готовят смертельный конец.
Привет вам, бойцы — любимцы страны!
Вам Родиной нашей силы даны,
Чтоб ненависть ваша могуча была,
Чтоб черная туча насилья и зла
Навеки разбита была.
Так бейте ж, герои, еще дружней,
Чтоб фрицам конец пришел скорей,
Чтоб снова народы нашей страны
Счастьем, свободой были полны.

Из дневника Зины Ворожейкиной, 1943[21]

Вот, отгремев, замолкла канонада,
И снова музыка, и звонкий смех ребят...
Пишу друзьям письмо из Ленинграда
И напишу друзьям про Ленинград,
Письмо пойдет, пути пересекая,
Найдет их в самых дальних уголках...
Друзья мои. Где бы ни были вы, я знаю —
Душой вы здесь, на невских берегах...
Бывает так, что грусть рассеять надо,
Накину я платочек голубой,
Пройду одна вдоль улиц Ленинграда,
Где прежде шли веселою гурьбой.
Вдоль площадей, садов и переулков
Дорогою знакомою пройду...
Друзья мои, давайте ваши руки,
Я вас по ней, как прежде, проведу.
Как, отгремев, замолкнет канонада,
Друзья мои, слетайтесь в край родной,
И мы пройдем вдоль улиц Ленинграда,
Как прежде шли веселою гурьбой.
И как нам будет радостно смеяться,
Сплотившись всем в единый дружный ряд,
Что все мы вновь, как были, ленинградцы,
А Ленинград — навеки Ленинград.

В музее истории Петришуле хранится стихотворение, написанное Лидой Изигкейт, выпускницей 222-й школы 1939 года, посвященное погибшей во время бомбежки подруге.

Памяти Тамары Дергачевой[22]

Помню осенний трагический вечер,
резкий бомбы свист.
По комнате будто пронесся ветер,
и край карниза повис.
Я тогда у стола читала
известный роман Гюго,
и случившееся дошло не сразу
до сознания моего.
На носилках у нашей парадной
на набережной Невы
лежала ты неподвижной и бледной
до синевы.

[21] Цитируемые строки взяты из дневника, представленного на городской олимпиаде детского творчества в 1943 году, который был положительно оценен В. Инбер.

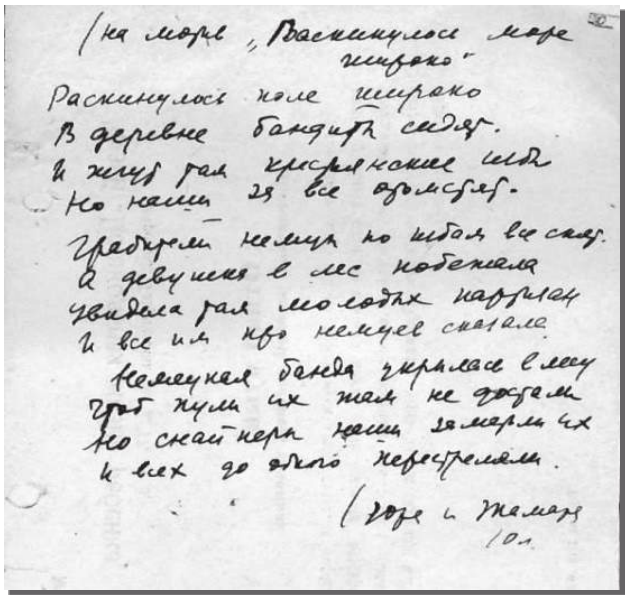
[22] Подруга-одноклассница Лиды, погибшая во время бомбежки 8 сентября 1942 года. Текст приводится по видеозаписи с сайта школы № 222.

Лицо твое было спокойно,
видно, что крепко спала
в минуту, когда так внезапно и страшно
ты в вечность ушла.

Я часто во сне тебя вижу
живой и веселой всегда.
Твоих убийц ненавижу,
простить не смогу никогда.

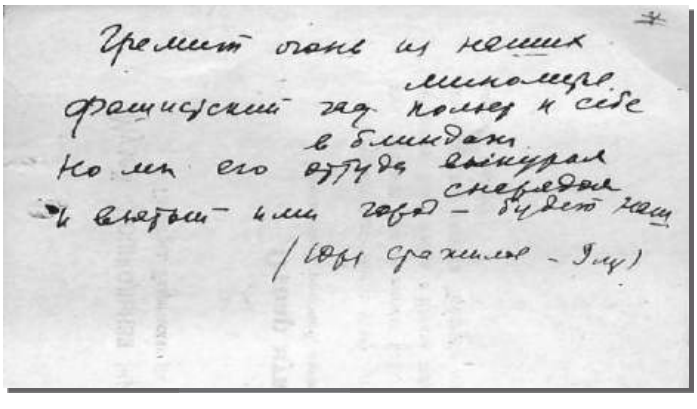
* * *

Одной из разновидностей ученического творчества было переделывание текста известных песен.



Юра и Тамара, 10 лет

Раскинулось поле широко.
В деревне бандиты сидят
И жгут там крестьянские избы,
Но наши за все отомстят.
Грабители немцы по избам все спят,
А девушка в лес побежала.
Увидела там молодых партизан
И все им про немцев сказала.
Немецкая банда укрылась в лесу,
Чтоб пули их там не достали,
Но снайперы наши заметили их
И всех до одного перестреляли...



Юра Стажилов, 9 лет

Гремит огонь из наших минометов,
Фашистский гад полез к себе в блиндаж,
Но мы его оттуда выкурим снарядом,
И взятый ими город — будет наш.

Семиклассник 222-й школы Забредин стал автором произведения, выполненного в жанре военной былины о легендарном ленинградском бойце Владимире Николаевиче Пчелинцеве, одном из зачинателей снайперского движения на Ленинградском фронте[23]. В данном случае интересно сочетание стилистики былинной формы как эпической песни об эпизоде из жизни русского бойца-богатыря («чисто поле, день-деньской, дружинушка») с откровенной, почти плакатной издевкой над врагом, который наделяется самыми нелицеприятными эпитетами.

Былина о Владимире Пчелинцеве

Вот пошел Владимир во чисто поле, во чисто
поле на передовую линию
с ружьецом новеньким, со снайперским.
Подошел, подполз да побежал.
Прыг, да и залег у речки под кустиком.
Да там, на том, на другом бережку находились
чистой породы гаденыши —
то немецкие арийцы вшивые.

[23] К январю 1943 года боевой счет В. Пчелинцева составлял сто пятьдесят два фашиста при ста пятидесяти четырех выстрелах. К концу войны эта цифра поднялась до четырехсот пятидесяти шести.

И стал тут Владимир истреблять гансов,
фрицев — чистокровных псов.
За день-деньской побил их Владимир уймище.
Дело под вечер подходит, а Владимир не уходит.
И вспомнил он своих товарищей,
как наказывали ему товарищи,
товарищи все ленинградские, бить гансам,
шульцам рожи да построже.
Вот и ганс идет с водой в блиндаж.
Выстрел щелкнул —
глядь
немец землю носом стал пахать
да водичкой поливать.
Вышел из траншеи худощавый обер-лейтенант,
но и он недолго устоял. «Раз» — и на землю упал.
Ну, пора и Владимиру домой
Отдохнуть, выспаться, покушать,
А завтра утречком дружинушку с собой взять
Да больше немцев пострелять.

* * *

Среди материалов, собранных К. Ползиковой-Рубец, есть **«Воспоминания из огородной жизни»** восьмиклассницы 239-й школы Октябрьского района Л. Тихмяновой. Эти бесхитростные стихи, несовершенные по форме, воспринимаются сегодня как свидетельство оптимизма и бодрости духа, которые сохраняли ленинградские ребята, призванные в блокадные годы на сельскохозяйственные работы.

Мы долго, долго ожидали
Машину, сидя у вещей,
И наконец ее дождались,
Помчались быстро мы на ней.

По улицам родного Ленинграда
Поехали мы скоро,
А потом пред нами лес, поля, озера
И, наконец, совхозный дом.

Войдя в него, мы испугались,
Такая грязь, что страшно вспоминать,
Но делать нечего. Все молча постояли,
И начали мы в доме убирать.

У мальчиков работа закипела,
И девочки от них не отстают:
Одни подносят с речки воду,
Другие крепко доски трут.

Обтерли пыль кругом,
Расставили кровати,
На стол поставили цветы,
И в доме все преобразилось:
Напрасны не были труды.

Закончили уборку уже поздно,
Устали сильно, спать легли,
Но очень долго нам не спалось,
Уснули только часа в три.

А утром рано мы проснулись,
И на поля скорей бегом.
Директор встретился, сказал он:
«Бороться надо с сорняком!»

Охотно с жаром за работу
Мы взялись дружно. Ну и что ж,
где тут трава, где свекла,
никак не разберешь.

И дергаем старательно
Всю свеклу мы подряд.
И думаем: директор,
Наверно, будет рад.

Но вот пришел директор
И «Как дела?» — спросил,
А мы ждем с нетерпеньем,
Чтоб нас он похвалил.

Директор ужаснулся,
Наверно, не был рад,
Когда заметил вскоре
Всю свеклу между гряд.

А нам смешно и стыдно,
Приходим мы домой.
Со смехом вспоминаем,
Как свеклу спутали с травой.

* * *

В Надежненском сельском поселении Отрадненского района Краснодарского края есть музей Ленинградского блокадного детского дома № 26, где среди других экспонатов хранится пожелтевший листочек с гимном детдомовцев. В его тексте ярко выражено отношение эвакуированных ребят к немцам, оккупировавшим станицу Надежную[24].

По Надежне фрицы шлялись, забирали молоко,
Брали хлеб и яйца брали, не боялись никого.
Фриц по улице гуляет, хочет показать себя
И хвастливо напевает: «Вы смотрите на меня».
Люди молча отходили от такого хвастуна
И тихонько говорили:
«Зря ведь хвалишь ты себя».
Но однажды темной ночью вся Надежна ожила,
В страхе немцы убегали от советского огня...

[24] *Путилина И.* Гимн ленинградских детдомовцев. Они осиротели, но чудом выжили. URL: https://kuban.aif.ru/culture/details/100605

В первом послевоенном номере журнала «Костер», опубликованном в мае 1945 года, была помещена подборка стихов школьников непобежденного Ленинграда, представленных на олимпиаду детского творчества (*Приложение VI-3)*.

* * *

Алевтина Чевокина[25], ученица 299-й школы, начала писать стихи в блокаду. Стихотворение «Письмо бойцу», в работе над которым девочке помогал поэт Леонид Хаустов, она вложила в подарок фронтовику, о чем рассказала, выступая по радио. Текст выступления, рукописный сборник блокадных стихов и ее ученический билет времен войны хранятся в Музее истории Ленинграда в Петропавловской крепости. Ниже приводится текст нескольких стихотворений 1943–1944 гг., начитанных Алевтиной Константиновной на диктофон в 2013 году и по ее просьбе переданных в Педагогический музей СПб АППО Игорем Ефимовым.

Месть фашистам

Когда мне было десять лет,
Хотел бойцом я стать.
Но вот напал вдруг людоед,
Он хочет всех сожрать.
Отец мой с братом пошли в бой
Фашистов злых громить.
Сестренка стала медсестрой,
Пошла их тоже бить.

Боевая ночь

(В честь Ленинграда)

Над городом светит луна,
Спит город тревожным сном,
Его освещает она
Холодным своим огнем.
Но вдруг крадется самолет —
Гул слышен далеко,
Разведку это злой враг шлет,
Но пролететь к нам нелегко.
Мы услыхали гул мотора,
И ястребки взвилися ввысь.
Да! Это злая вражья свора!
И наши бить их понеслись!

Март 1943

Письмо бойцам

Дорогие бойцы,
Я пишу вам письмо
И хочу сообщить
Об отце, о семье.
Жили мирно мы все,
Но вдруг изверг напал,
И спокойную жизнь
Он у всех нас отнял.
Но не сдалися мы,
Стали Русь защищать.
И отец мой пошел
На войну воевать.
Но погиб он в бою
Смертью храбрых бойцов,
Защищал Русь свою...

1944

Подборку этих блокадных стихов Алевтина Константиновна завершила такими строками:

«ХОЧУ СКАЗАТЬ...
Война, блокада, голод, свист
снарядов, разрывы бомб...
Разрушения, гибель людей,
утрата близких...
сиротство...
Утренний рассвет, добрые улыбки,
любимые занятия...
музыка, живопись, литература,
природа, путешествия,
дружба, любовь, дети...
ЛЮДИ, ЗАКЛИНАЮ:
живите в дружбе, умейте беречь
и понимать друг друга!»

---

[25] *Чевокина Алевтина Константиновна* (1929—2016), музыкант, воспитатель, член литературного объединения «Путь на моря» им. Вс. Азарова. Фотография размещена на сайте Дома писателей. URL: http://dompisatel.ru/?p=4170

Блокада в рисунках

Письма на фронт[26]

* * *

Еще на фронте танков было мало,
Мы этого не знали, малыши,
Но рисовали, чтоб их больше стало,
Для блеска послюнив карандаши.
Дышу на пальцы, хоть и жарко в схватке,
И вновь рисую танки — про запас.
Жаль, что бумаги не было в достатке —
Так много танков стало бы у нас!

Олег Цакунов[27]

Тем, что блокадные рисунки ленинградских дошкольников дошли до нас сквозь время, мы во многом обязаны: методисту Куйбышевского РОНО военных лет Елизавете Леонидовне Щукиной, воспитателям детских садов Василеостровского, Ленинского, Фрунзенского, Дзержинского и других районов города, врачу Марионилле Максимовне Кольцовой. Сегодня бережно собранные ими рисунки хранятся в нескольких собраниях: в Государственном музее истории Санкт-Петербурга, в Народном музее педагогического колледжа № 8, в Педагогическом музее Академии постдипломного педагогического образования. Впервые небольшая их часть была издана в 1969 году[28]. Спустя почти полвека, в январе 2016 года увидел свет альбом-каталог, подготовленный Государственным музеем истории Санкт-Петербурга при участии издательства и типографии «Дитон» и компании «Дубль В»[29]. В него вошли 273 блокадных рисунка ленинградских детей дошкольного и младшего школьного возраста. Но пока далеко не все произведения детского художественного творчества военных лет, хранящиеся в архивах, в том числе семейных, опубликованы.

В военные годы в работе детских садов практиковались различные виды рисования. Декоративное рисование по готовому контуру, составление картин из штампов и их раскраска; народные орнаменты, иллюстрация сказок, рисование по рассказу воспитателя (чаще всего о каком-нибудь военном подвиге); графическое творчество, свободное рисование. Кроме того, существовала такая форма развития речи, как развернутый рассказ ребенка о сюжете своего рисунка. Проводя занятия по изобразительному творчеству, воспитатели учитывали, что художественное развитие ребенка идет по двум направлениям. Первое связано с культурой детского восприятия и его насыщения образами; второе — с овладением способами выражения волнующего образа. Об этом, в частности, пишет в своих методических заметках воспитательница детского сада № 12 Типольт (*Приложение VI-4*).

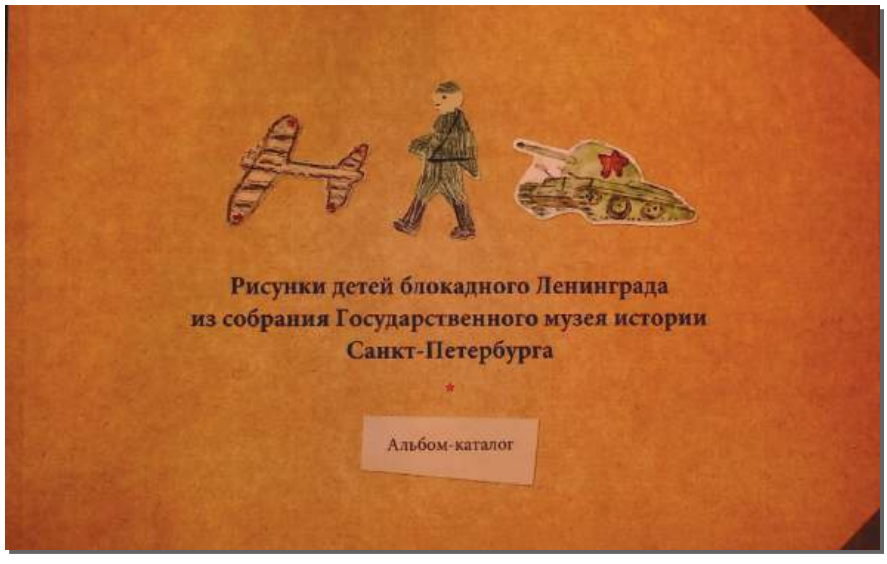
Педагогический анализ массива рисунков, созданных непосредственно в блокадное время,

[26] Письма на фронт. Набросок с натуры воспитательницы Ширшовой.

[27] Цит. по: URL: https://www.liveinternet.ru/users/4168247/post250765338/

[28] Рисуют дети блокаду. Л.: Аврора, 1969.

[29] Рисунки детей блокадного Ленинграда из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга: Альбом-каталог. Л., 2016.

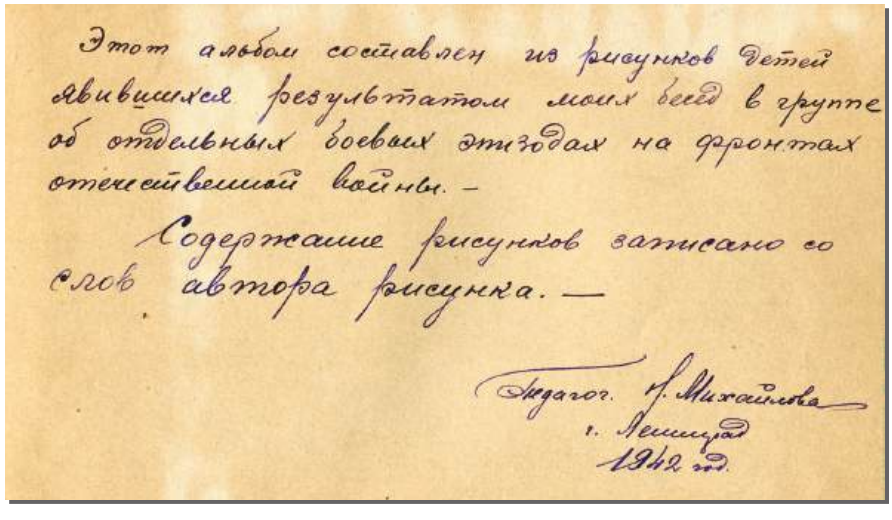


Обложка альбома-каталога

и комментариев к ним позволяет судить о том, что именно дети и подростки знали о войне и блокаде (из собственного опыта, из рассказов взрослых), как на это эмоционально реагировали, что чувствовали, чем интересовались в первую очередь. В коллекции Педагогического музея Академии постдипломного педагогического образования хранится свыше трех сотен блокадных детских рисунков. Прекрасная методическая традиция, предписывавшая воспитателю детского сада фиксировать на оборотной стороне рисунка его толкование самим ребенком, позволяет сегодня более точно воспринимать и педагогически интерпретировать те или иные сюжеты. Кроме того, почти всегда можно восстановить дату создания рисунка, имя и возраст его автора.

При подробном рассмотрении документальных свидетельств о войне, увиденной глазами ребенка, внимание привлекают несколько моментов. Прежде всего, это **тематика и основные сюжеты**, встречающиеся в рамках каждой темы. В детских дошкольных учреждениях практиковалось *рисование после рассказа воспитателя* о каких-то конкретных военных событиях и отдельных эпизодах сражений. Например, «Бой у горы Преображенской», «Восемь суток в танке», «Партизаны взорвали транспорт противника» и пр. Среди тематических подборок, хранящихся в блокадной коллекции СПб АППО (часто оформленных в отдельные альбомы, папки, блокноты), встречаются такие названия, как:

- Красная Армия громит немецких захватчиков.
- Освобожденная Украина.
- Москва. 1944.
- Прорыв блокады.
- Наш любимый город Ленинград.


Этот альбом составлен из рисунков детей явившихся результатом моих бесед в группе об отдельных боевых эпизодах на фронтах отечественной войны. –

Содержание рисунков записано со слов автора рисунка. —

Педагог. Н. Михайлова
г. Ленинград
1942 г.

Пояснение воспитателя к альбому рисунков воспитанников детского сада

- После посещения госпиталя.
- Эвакуация.
- Наша Победа над Германией.
- День Победы.

При этом в массиве рисунков, сделанных в детском саду, практически отсутствуют сюжеты, связанные с семьей и с изображением родителей. Можно предположить, что эта тема намеренно не затрагивалась воспитателями, чтобы не травмировать психику детей. Зато по сохранившимся рисункам и детским пояснениям можно достаточно подробно выстроить общую хронологию военных событий. Данные об авторах рисунков детализированы в соответствии с сохранившимися подписями на обороте, сделанными воспитателями.

Вот мальчик Эрнест рисует эвакуацию и бомбежку поезда. Вот дети изображают эпизоды из жизни блокадного Ленинграда: бомбежка, попадание в дом, уборка улиц в марте 1942.

Рисунок Эрнеста

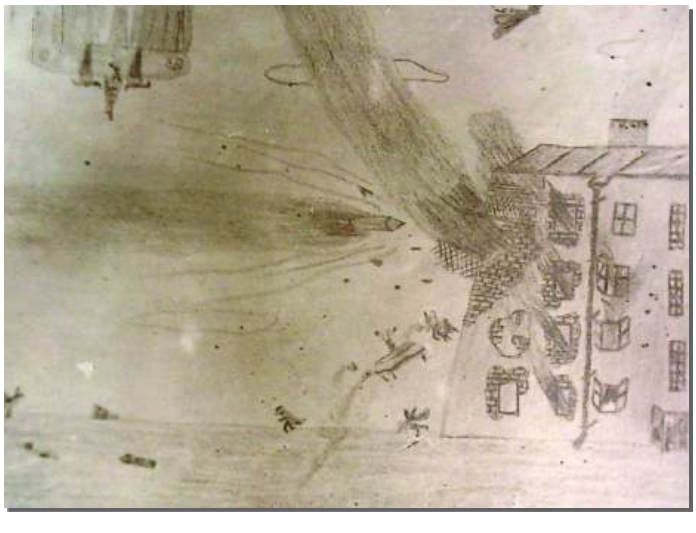


Рисунок Лорика Федосеева, 19-й детсад ст. гр., 04.12.1941

Рисунок Нюсика

Рисунок Риммы, март 1942

Юра С. рисует, как «бронепоезд едет на войну и в вагонах везет военных на фронт».

Рис. Юры С. «Бронепоезд едет на войну»

На рисунках Юры Шадрунова целая серия военных событий: войска с Красной площади уходят на фронт, Красная Армия идет в бой под Сталинградом, прорыв блокады.

Серия рисунков Юры Шадрунова (7 лет), 1941—1943 гг.

Тамара Ковалева рисует освобождение Украины и мечтает, что «она станет такой, как и была раньше. Советские люди ее восстановят, построят красивые домики, вырастят фруктовые сады».

Рисунок Тамары Ковалевой, 24.04.1944

На рисунке Эммы танки вместе с авиацией «мстят за наш Кавказ».

Рисунок Эммы Н., 24.04.1945

Валерий Диомидов изображает демонстрацию в Москве: «Победа Красной Армии. Взято много трофеев. Танки, самолеты и лошади».

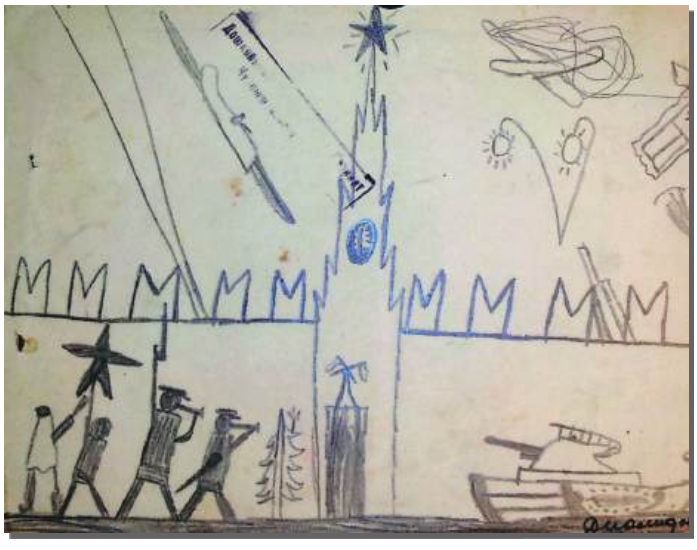


Рисунок В. Диомидова, 24.04.1944

Витя показывает, как «русские громят Берлин», поясняя: «Город не виден, одно наступление».

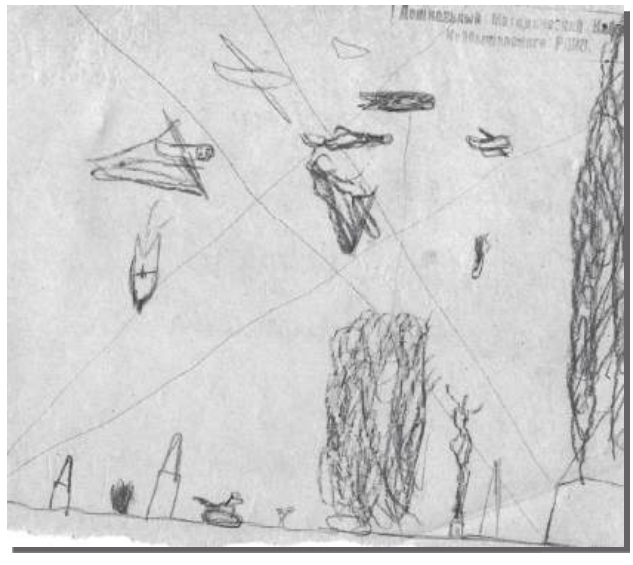


Рисунок Вити (7 лет), 12.02.1945

На рисунке Славика Холоднова «Берлин горит. Советские воины мстят за горе, что они сделали нашей стране».

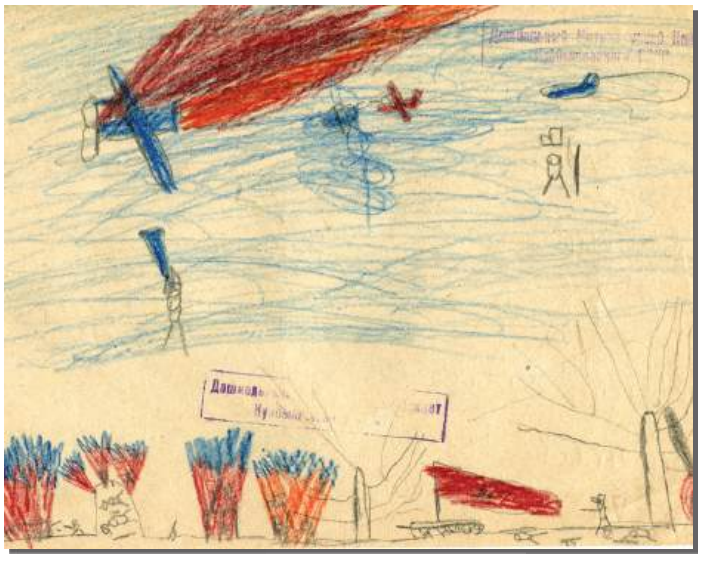


Рисунок Славы Холоднова (7 лет)

По-своему изображает «Бой на подступах к Берлину» Роберт Л. (19.05.45).

Рисунок Роберта Л., 19.05.1945

У Рустама в ходе боя под Берлином «немцы сдаются в плен».

Рисунок Рустама

Наконец наступает момент, когда (как на рисунках Иры Шиловой, семилетней Аллы Лосевой, пятилетней Лиды) по всей стране «салют, и огоньки разные». «Все люди сначала сидели дома, а потом они вышли и встречают Праздник Победы», в честь которого состоялся победный Парад.

Рисунок Иры Шиловой

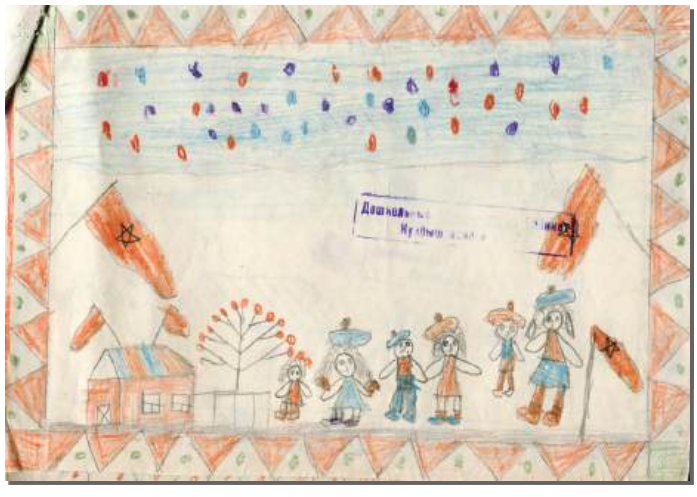


Рисунок Аллы Лосевой (7 лет), 16.05.1945

Рисунок Лиды (5 лет)

Настроение, общий колорит рисунков и содержание комментариев к ним заметно меняются в разные периоды войны. Вначале преобладают мотивы боевых столкновений, победных сражений, мести фашистам, которые всегда приобретают индивидуальное эмоциональное выражение.

Игорь рисует прорыв блокады в черно-белых тонах.

Рисунок Игоря

В представлении Алика война — это некое беспорядочное нагромождение пароходов, самолетов и неба.

Рая красочно изображает, как «русский самолет подбил немецкий самолет и танк. Дети кричат: “Ура”».

Рисунок Раи Щ.

Но с определенного момента ощущение опасности и тревоги пропадает. На рисунках «дети гуляют спокойно. Немцы больше не стреляют» (*Шилова Ира*).

Рисунок Иры Шиловой, 18.03.1944

Рисунок Алика, детсад № 28

В освобожденном Ленинграде снова видны трамваи на Невском проспекте. «Дети идут гулять с воспитателем в садик. Милиционер остановил движение, чтобы прошли дети» (*Рая Щекотихина, Люда К.*).

Рисунок Раи Щекотихиной

Рисунок Люды К. Невский проспект, едут трамваи, дети гуляют...

На рисунках Алика Громова, в первые годы войны увлекавшегося сюжетами морских сражений, в мае 1945 года «водная тема» развивается уже совсем по-другому. «*Набережная реки Невы. Катер. Пароход. Люди идут на работу. Утро*». Показательно, что на многих рисунках, связанных с победой или освобождением городов, присутствуют радостные дети. Именно в этих сюжетах они выписаны подробно, с точными деталями, в нарядных одеждах.

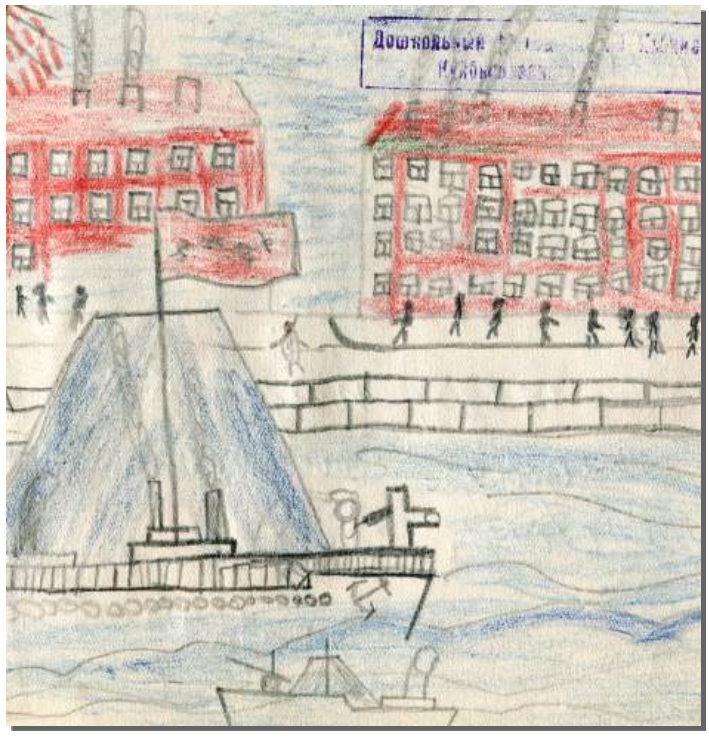


Рисунок Алика Громова

Природа в детском воображении в разные периоды предстает как в военных, так и в мирных образах. В зимнем лесу Иры Андреевой «*наши войска, они в белом и на снегу их враг не заметит. И собаки с ними тоже врага стерегут. Снег идет, зима холодная, а они ничего не боятся. Все равно всех немцев прогонят*».

Рисунок Андреевой И.

У Юры из 5-го детсада зимний пейзаж ассоциируется с загадкой про сосульку: «*Наверху под крышей белый гвоздь висит. Солнце взойдет. Гвоздь упадет*».

Рисунок Юры В., детсад № 5

На ярком рисунке Люси К., сделанном 10 мая 1945 года, на следующий день после объявления Победы, «*Аня и Ваня услышали, как поют птички хорошо*».

Рисунок Люси К., 10.05.1945

В детских рисунках военного времени поражает сюжетная сложность большинства композиций и «плотность» представленных на них образов. На одном альбомном листе умещаются целые развернутые повествования.

У Славика Калинина в ходе воздушного боя над морем «*8 вражеских самолетов хотели потопить наши транспорты. Но 2 наших истребителя их сбили*».

Рисунок Славика Калинина, 19.05.1945

Алик Громов изобразил, как «*наш танк подбил три немецких самолета. Немец побежал за танком (русским) и хотел убить русского танкиста. Но русский его толкнул под гусеницы, и немец погиб*». Он же рисует картину боя, развернувшегося в море.

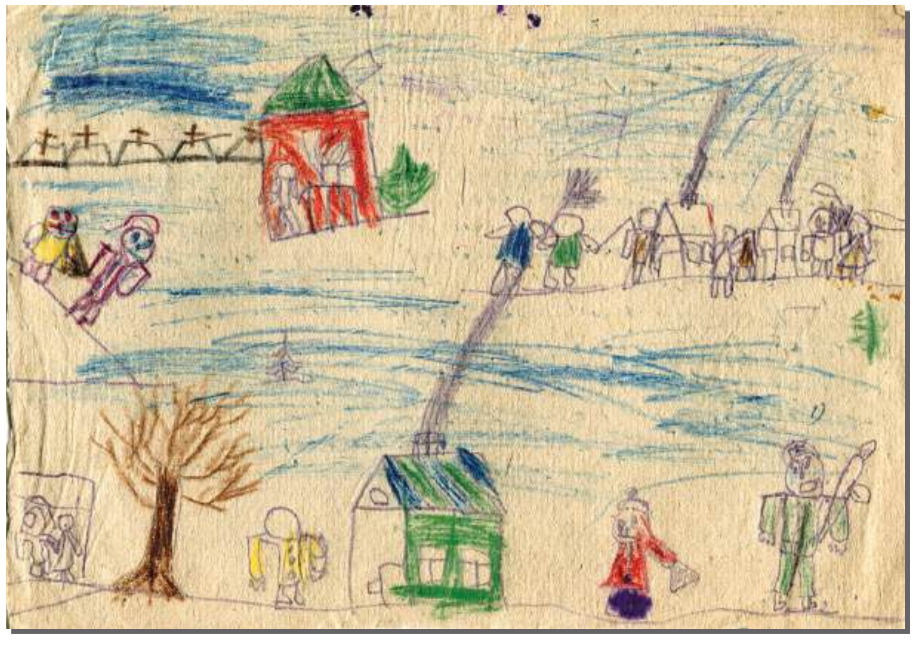
Рисунок Алика Громова, 12.04.1945

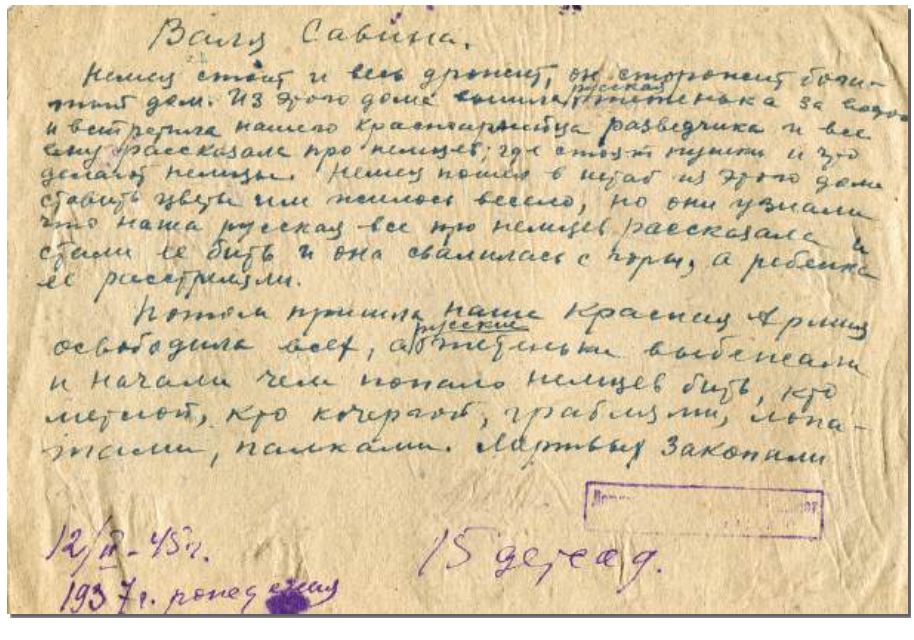
Рисунок Алика Громова, 19.05.1945

Люся К. нарисовала, как «*дети идут в бомбоубежище. На парашюте спускается летчица и тоже спешит в бомбоубежище*».

Рисунок Люси К.

Восьмилетняя Валя Савина сумела передать в своем рисунке целый развернутый рассказ о том, как население помогает Красной Армии бить немцев «*чем попало: кто метлой, кто кочергой, граблями, лопатами, палками*».




Валя Савина.

Немец стоит и весь дрожит, он строчит бомбит дом. Из этого дома русская девочка за водой и встретила нашего краснаармейца разведчика и все ему рассказала про немцев, где стоят пушки и что делают немцы. Немец пошел в наш из этого дома сбавить звуки что немцев весело, но они узнали что наша русская все про немцев рассказала и сделали ее бить и она обманулась с горы, а ребенка ее расстреляли.

Потом пришли наши русские Красную Армию освободила всех, а они стали выбегать и начали чем попало немцев бить, кто метлой, кто кочергой, граблями, лопатами, палками. Вот тут Закончили

12/III-45г. 15 дней.
1937г. понедельник

Рисунок Вали Савиной

Алик Шкляр придумывает и иллюстрирует героическую историю. «*Стоит домик, там живут фашисты. Фашист ведет девушку с завязанными глазами. Подъехал красный мотоцикл, шофер ушел в домик расправляться с фашистами*».

Рисунок Алика Шкляра

Не теряют своей повествовательности и послевоенные сюжеты. В некоторых из них уже появляются члены семьи. На рисунке семилетней Инны Ю. «*Кончилась война. Из машины вышли военные, они вошли в домик, и там увидела их мама. Когда они переоделись, то пошли в театр*».

Если говорить о тенденциях в наполнении пространства определенными реалиями, то на всех рисунках просматривается некий типовой набор знаков времени.

Знаками войны выступают:

- *предметы* (танки, корабли, самолеты, пушки, транспортные средства, разрушенные дома, бомбоубежища);
- *события* (бомбежки, уничтожение техники и солдат противника, сражения в воздухе, на земле, на воде);
- *люди* (бойцы из разных родов войск, раненые в госпитале, убегающие и прячущиеся в бомбоубежище дети).

Узнаваемы **знаки блокады**:

- *предметы* (бумажные кресты на окнах, сугробы, бомбы, падающие с неба, прожектора; маленький или, наоборот, очень большой кусок хлеба);
- *люди* (чаще всего это женщины и дети в валенках, закутанные в платки)

(При)знаками мира и жизни становятся:

- *природные явления* (солнце, деревья, цветы, грибы, птицы, бабочки, дождь, снег, стога сена);
- *предметы* (трамваи, троллейбусы, автомобили, жилые дома, скворечники, колодцы, флажки);
- *события* (прогулки, игры на воздухе, купание, сбор грибов, салют, парад);
- *люди* (гуляющие дети, пешеходы, идущие на работу, ученики, спешащие в школу, грибники).

Рисунок Инны Ю., 19.05.1945

Ряд таких знаков со временем превратился в узнаваемые каждым *символы*, такие, например, как танк Т-34 или кресты на блокадных окнах. Характерно, что в первую очередь именно они воспроизводятся современными ребятами в ходе рисования на блокадную тему.

Из некоторых рисунков явственно следует, что военные и мирные образы в детском сознании тесно переплетены. В мирную картину встроены знаки войны. На одном и том же листе бумаги могут быть совмещены самолеты и прилетевшие скворцы (*рис. Гали Б.*), самолеты и бабочки. Иногда почти одинаковые по величине, как на картинке Зины Е., где вышедшие гулять дети видят, что «*греет солнышко, поют птички и растут цветочки*».

Рис. Гали Б.

Рисунок Зины Е., 08.05.1945

И наоборот, — в панораму военного сражения могут быть «врезаны» сюжеты мирной жизни. На рисунке *Риты Кошкиной* «лето, солнышко светит ярко. Лодка выехала в море за рыбой, на лодке рыбаки и мальчик. Дети на даче, играют в мяч,

Рисунок Риты Кошкиной

скачут через скакалки. Вверху летит самолет. Он полетел в Германию бомбить немцев».

Люда Кристофович, красочно изображая бой в воздухе, на земле и на воде, в нижний уголок вставляет маленькую квадратную картинку, где девочка крутит скакалку. И в названии соединяет, казалось бы, несочетаемое: «*Бой. Корабли. Домик и девочка*».

Рисунок Люды Кристофович, 19.05.1945

Под влиянием рассказов взрослых о тех или иных ярких событиях в детском сознании происходил своего рода импринтинг, «социальное запечатление» знаков и образов военного времени, а также ценностного отношения к ним. Тем самым рисование приобретало воспитывающую функцию. Иногда на основании анализа предметного наполнения серии рисунков по заданной теме можно предположить: педагог явно «подсказывал» ребятам, что именно и как должно быть изображено.

В этом случае в детских рисунках обнаруживается много общего, как, например, в работах ребят старшей группы детсада № 42 по теме «Освобожденная Украина» (24.04.44).

Рисунок Гали Ребровой

Такого же рода повторения наблюдаются в серии рисунков: Москва, 1944 г. В центре композиции красный Кремль, по бокам — танки или какие-то орудия, в небе самолеты (*рис. Рис. Шурика Р.*). В данном случае рисование носило скорее обучающий характер.

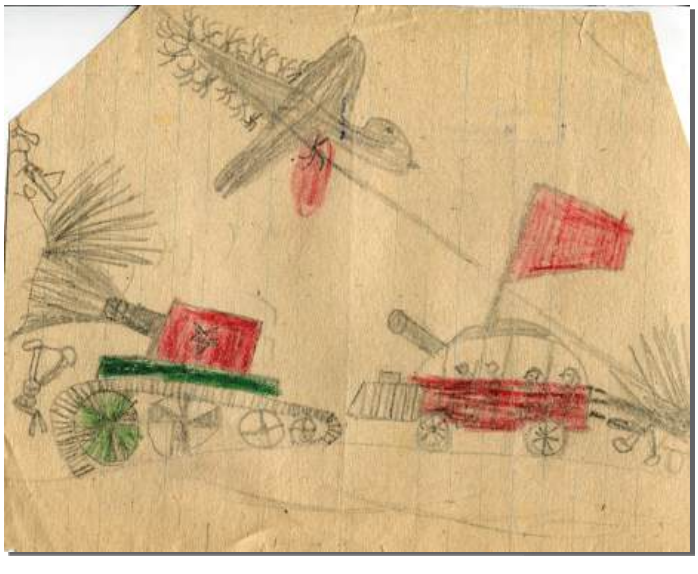


Рисунок Юры Зубкова (6 лет), детсад № 3, 20.12.1944

У Гали Ребровой нарисована белая хата, из трубы идет дым. Много птиц в небе, деревья (березы, на дереве яблоки), цветы, грибы, дети. На обороте написано: «*Красная Армия освободила Украину. Ее восстанавливают. Она опять станет такой же прекрасной, как раньше. Опять ребята гуляют свободно в садике. Косцы накосили стога сена*». Во многом аналогичная по построению картинка и комментарии у других детей: белые домики, деревья, птицы, цветы, грибы, стога...

Рисунок Шурика Р.

В воображении шестилетнего *Юры Зубкова* возникли необычные ассоциации: «Немецкая птица летела, а немецкий броневик ехал и думал, что это русская птица, и ее ранил, и у птицы перья полетели и кровь пошла».

Привлекает внимание комментарий, который сделал к своему рисунку Женя Шавров (1938 г. р. 15 д/сад, 10.02.45). «*Немцы и немки эвакуируются. Бегут пешком, а бежать некуда. Берлин горит. Они несут с собой маленьких детей и вещи, а их бомбят. Внизу несут нашего*

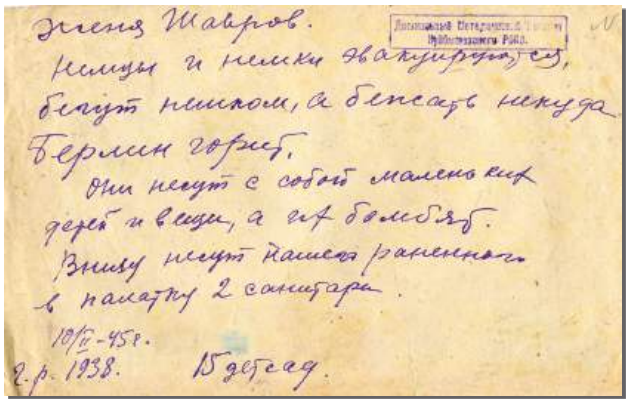


Рисунок Жени Шаврова, детсад № 15, 10.02.1945

раненого в палатку два санитара». Возникает ассоциация со сходным по смыслу сюжетом и объяснением Ляли Фишковой, связанным с блокадной бомбежкой пригородов Ленинграда. «*Самолеты прилетели на дачу и все разрушили. Тут бомба, здесь чемоданы, белье, вещи всякие*».

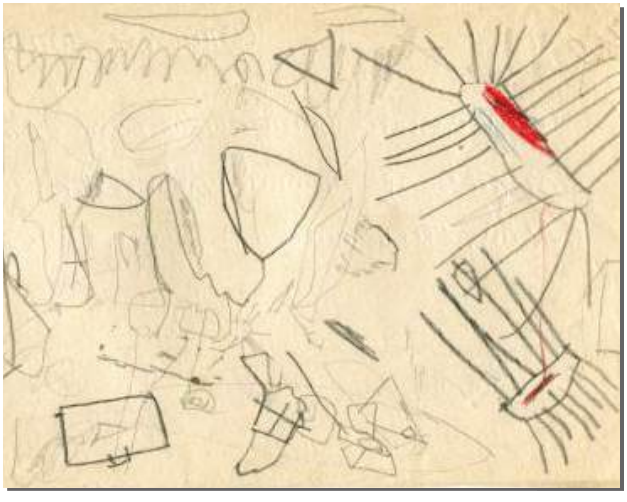


Рисунок Ляли Фишковой

В этих двух детских рисунках, стилистически разных и разнесенных во времени, невольно оказалось зафиксированным историческое «обо-рачивание ситуации»: хаос и ужасы бомбежки переживают семьи врагов, тех, кто ранее бомбил российские города. И кто знает, что выразили в 1945 году слова мальчика Жени *(...несут с собой маленьких детей, а их бомбят)*: только ли победное торжество или же неосознанный протест против страданий малышей, чьими бы детьми они ни были...

Но встречаются рисунки, где детская фантазия проявилась свободно и ярко. Например, четырехлетний *Толя Ш.* представил, как «наш корабль превратился в подводный корабль, чтобы немцы не увидели. Мы хитрые, а немцы прошли и не заметили наш корабль».

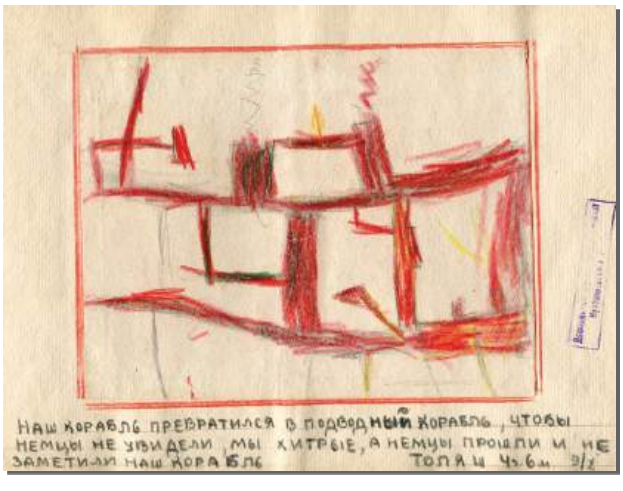


Рисунок Толи Ш. (4 года 6 месяцев), 09.10.1942

В архиве Педагогического музея СПб АППО есть папки, где собраны рисунки какого-то одного ребенка. Видимо, таким способом педагоги старались выделить работы детей, в которых они видели начальные крупицы способности к авторскому восприятию мира. Так, воспитатели детсада № 10 сохранили рисунки пятилетней Эллы Габельевой, выполненные с 16.09 по 15.12 1942 года. Несмотря на то что, судя по датам, они создавались в осенне-зимний период, девочка прекрасно сумела передать настроение природы в разные времена года.

Ее рисункам даны очень лаконичные и точные названия.

Домики и деревья. На листе бумаги размытые контуры, много темно-коричневых и черных тонов. Солнце в темных тонах.

Листья падают с деревьев. Нарисованы голые ветки, желтые листья, из труб идет дым. Одинокая скамейка под деревом.

Дети гуляют в саду. Видимо, осень, на дереве нет листьев. Общий колорит темный.

Снег идет. Зима. Зимняя стилистика полностью выдержана.

На даче. Лето. Цветы. Именно это и изображено.

Дождь идет. В огороде растут подсолнухи, огурцы, цветы. Очень интересный по колориту рисунок, немного импрессионистский. Много желтого цвета, передана перспектива.

Рисунок Эллы Габельевой (5 лет), 1942 г.

В войну ребят (не только мальчиков, но и девочек) привлекали героические сюжеты: танки, из стволов которых вылетают красные огоньки выстрелов, уничтожение вражеской техники, воздушные бои (*рис. Кати, Вовы П.*).

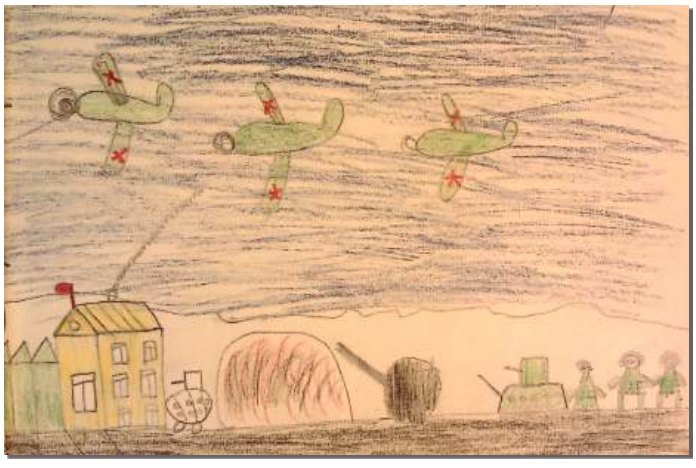


Рисунок Кати, детсад № 8, интернатская гр.

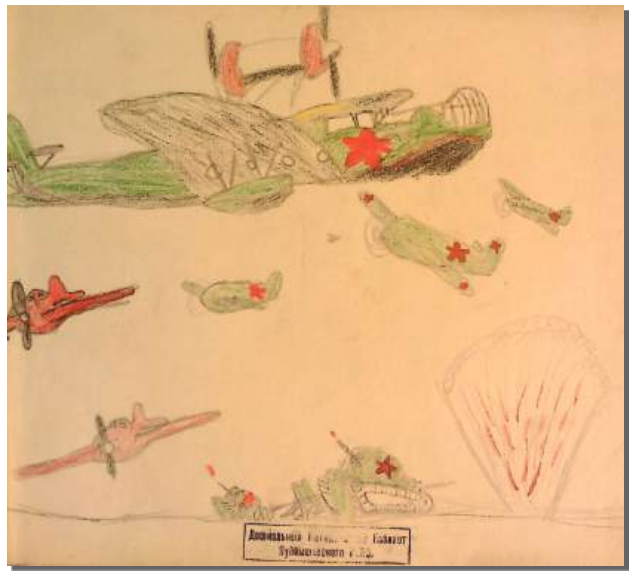


Рисунок Вовы П., детсад № 8, интернатская гр.

И если обратиться к оформлению книг для детского и подросткового чтения, изданных в годы блокады, можно заметить, что рисунки дошкольников в чем-то перекликаются с картинками на обложках. Возможно, воспитатели рассматривали их вместе с детьми, и запечатлевшиеся в сознании ребенка военные образы потом отразились в их творчестве...

Рисунок Юры К., 25.04.1942

Рисунок Юры Ю., 1942 г.

Рисунок Алика Лифшица, 1942 г.

Интерес представляет подборка рисунков, связанных с представлениями детей 6—7 лет о будущей профессии (*Приложение VI-5*). Здесь также обнаруживаются как военные, так и мирные линии. Мика Сулханянц хочет «*быть летчиком-инструктором. Учить летчиков, тренировать, чтоб знать летное дело*». Алик Шкляр мечтает: «*Буду моряком, поеду к пограничной заставе и возьму с собой собаку овчарку*». Галя Захарова думает, что, когда вырастет, станет «*сестрой в госпитале у родных бойцов*». А вот Инне Х. хочется «*быть балериной и танцевать снежинку*». Маргарите Принцевой — стать художницей. И совсем неожиданные и «не романтичные» планы у Люси Костыревой: «*Буду заведующей очагом, которая пишет платежные квитанции, и будут ко мне ребята ходить за квитанциями*».

Рисовали дети и в эвакуации. В *Приложении VI-6* приведена серия рисунков, сделанных в период пребывания в Алма-Ате воспитанниками детского сада № 58. Поражает, как красочно сумели дети передать национальные орнаменты. За этим, несомненно, скрыта большая работа воспитателей по знакомству с национальными культурами народов СССР, так гостеприимно встретивших ленинградских ребят, а также по развитию специфических навыков рисования.

Еще одна подборка относится к жанру рисования по предложенной теме. В данном случае это воспоминания об эвакуации. По детским комментариям к рисункам можно судить о географии эвакуации, о новом опыте и основных впечатлениях ребят, перенесенных на бумагу.

Тома: «Мы с мамой уезжали на дачу в Быково, мама там работала на заводе. У нас обстрелы были, а бомбить — не бомбили. А нарисовала я домик, где мы жили, а в саду у нас росло много-много малины».

Рисунок Томы. «В Быково»

Фаня: «А мы уезжали в Тихвин, у нас там тоже были обстрелы, мы в бомбоубежище прятались. А когда не было обстрелов, мы на речке гуляли и купались даже».

Рисунок Фани. «В Тихвине»

Игорь: «Я жил в Алма-Ате, а нарисовал речку Алма-Атинку. Там на дне много камней было, а в ней ребята купаются. А наверху наши самолеты летят».

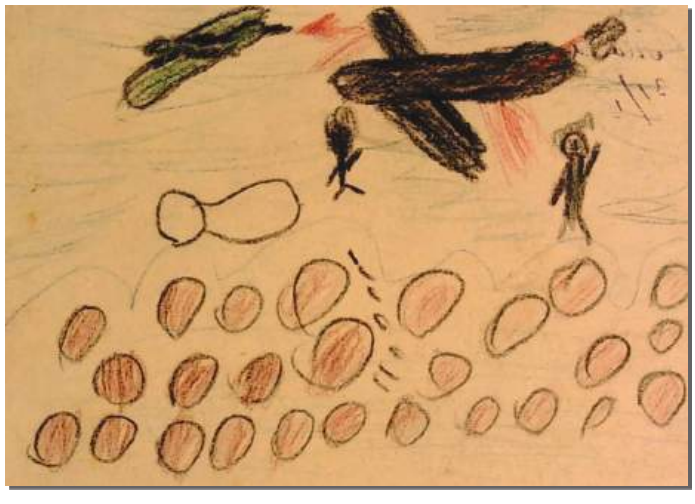


Рисунок Игоря. «Речка Алма-Атинка»

Кузнецова Валя: «Я нарисовала, как мама зерно молотит, а я тут рядом стою. Мы были в колхозе, а там были беседы, я только не нарисовала. А на беседе песни пели и плясали, только не так, как у нас, а по-другому. Один поет, а все пляшут.

Ах ты, силка-молотилка,
Сортировка, веялка.
А за трактором идет
Рядовая сеялка».

Мирон: «Когда в Ленинграде была бомбежка сильная, мы уехали с мамой в деревню, а потом переехали в Молотов, там мы прожили 3 месяца, а потом снова приехали в Ленинград».

Рисунок Мирона. «Театр в Молотове» (31.01.1945)

Ада: «Мы тоже с мамой уезжали в Молотов. Я нарисовала, как там мы купались».

Вова Колотухин: «Я был в Новосибирске. У нас была речка, только не знаю, как она называлась. Там ребята купались. А еще у нас были заводы, фабрики — они делали танки, пушки — для фронта все».

Рисунок Вовы Колотухина. «В Новосибирске»

Толя: «А я был в Челябинске, красный дом — это завод, где кирпичи делают».

Таня: «Я была на Кавказе — в Гаграх. Я нарисовала детский сад, в который я ходила. Там было много яблок, груш, винограда, слив».

Нона: «Это я нарисовала дом, где мы жили в Тифлисе, там вечером все немецкие самолеты летали, а мы все во 2 -й этаж прятались, только бомбежек не было у нас. У нас много арбузов было и винограда».

Вова Бондаренко: «Я жил в Ташкенте с мамой, бабушкой и сестрой. Нарисовал, как летали наши бомбардировщики, а еще нарисовал виноградник. У нас было очень много винограда в Ташкенте».

Валя: «А мы были в Москве, там тоже бомбежки были, а потом мы приехали в Ленинград».

Рисунок Вали. «В Москве» (31.01.1945)

Артур изобразил комбинат на Сясьстрое, выпускающий самолеты, и добавил: «*Однажды немецкий самолет хотел уничтожить наш комбинат, но наш ястребок сбил его. Это я сам с крыши видел*».

Рисунок Артура. «В Сясьстрое»

Женя Ш.: «Мы уезжали с мамой в Киргизию. Там были вишни, яблоки, груши, виноград. Заводов и фабрик там не было. Это была просто деревня. Там совсем войны не было. Там люди работали в колхозе, хлеб делали для наших людей, на фронт и рабочим».

Нина, нарисовав детский сад в Молотове, на словах пояснила: «У нас там был участок, а вот мальчик через забор лезет. У нас там ребята лазали через забор».

Рисунок Нины. «В Молотове»

Геня Г.: «Я жил на Всеволожской. На даче мы жили хорошо. У нас не было обстрелов и воздушных тревог, только самолеты летали, летали; у нас близко аэродром был».

Валя М.: «Я уезжал на дачу — там хорошо было, коров много было. Мы их кормили, а они нам молока давали. А немцы там и не стреляли».

Ира: «Мы жили в деревне, там немцев не было, только обстрелы были. Мы все прятались в дом, тот дом остался, его не разбили, только угла не было, бомба туда попала».

Лида Т.: «Я была в колхозе — там хлеб и овощи для фронта готовили».

На рисунках, выполненных после возвращения из эвакуации, конкретность воспоминаний отражена в деталях, которые были для детей вновь и потому особенно поразили. Здесь купание, камни на дне речки, фрукты на деревьях, малина в саду, виноградник, завод, где делают кирпичи, мама, работающая на молотилке.

Блокадное творчество школьников как преддверие поэтического и художественного мастерства

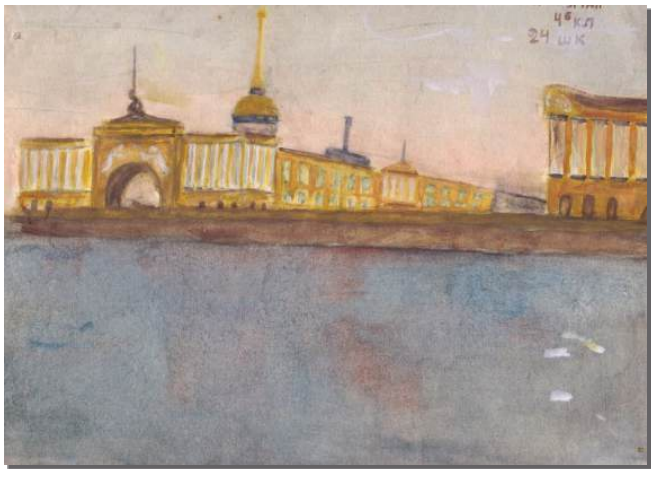
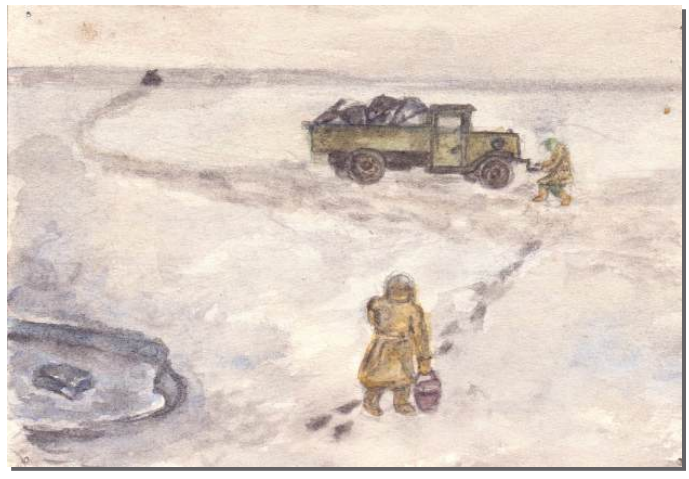
Некоторые блокадные рисунки и стихи представляют не только историческую, но социальную ценность как зафиксированное во времени преддверие будущего профессионального мастерства их авторов. В блокаду многие дети и подростки занимались рисованием дома. Как правило, это было спонтанное выражение очень личных ощущений и переживаний, связанных с конкретными событиями, свидетелями которых они оказались. Ярким примером служит блокадное творчество *Милы Аниной*, изображавшей «такие ненужные для семилетней девочки все атрибуты войны: танки, пушки, самолеты, бомбы, взрывы, разрушенные дома, — и вперемешку с ними цветы, много солнышек с лучиками, детей с папами и мамами, разное сказочное зверье, птиц и все то, на что была способна детская фантазия»[30].

Пережившая страшные военные лишения, шестнадцатилетняя Мила (впоследствии Людмила Пожедаева), сделав свои первые мемуарные записки в 1950 году, смогла откровенно выразить «детскую правду о войне, месте и положении в ней ребенка» в удивительном сочетании авторской прозы, стихов и рисунков.

Игорь Шургая, в будущем известный ленинградский историк и археолог[31], в блокаду жил на 2-й линии Васильевского острова, ходил в 24-ю школу. Умел играть на фортепиано, хорошо пел. Был в числе учащихся, приглашенных на блокадную елку в Аничков дворец. В дни войны, оставаясь с младшим братом в квартире, с увлечением читал книги из обширной домашней библиотеки, любил рисовать, срисовывал с открыток виды Ленинграда, рыцарские замки и доспехи. Погружение в романтику прошлых веков помогало подростку отвлечься от тягот окружающей действительности. Полученные в блокаду художественные навыки пригодились ему в мирной жизни для зарисовок во время проведения раскопок. Несколько рисунков, сделанных

[30] *Пожедаева Л. В.* Война, блокада, я и другие: Мемуары ребенка войны. СПб.: КАРО, 2017. С. 10.

[31] *Игорь Георгиевич Шургая* (1934–1982), выдающийся советский ученый-востоковед. Внес огромный вклад в историю археологических исследований на территории античного Боспора. Ребенком со своей семьей пережил все ужасы блокады, при обстреле дома был ранен осколком. По воспоминаниям коллег, всегда оставался человеком в высшей степени порядочным, чутким по отношению к другим людям, болезненно воспринимавшим любую несправедливость, готовым лечь «на амбразуру чужого горя».

Рисунки Игоря Шургая

в 1944 году, сохранились в семейном архиве Шургая и были любезно переданы Педагогическому музею СПб АППО.

Известным литератором стал ученик школы № 206 Игорь Западалов[32]. Мальчик воспитывался в патриархальной и верующей семье, а его крестным отцом был поэт Н. Клюев, расстрелянный в 1937 году. В блокаду отец, бабушка и близкие родственники мальчика умерли от голода. Из писем, полученных от отца перед самым началом войны, Игорь узнал об иконе, подаренной Н. Клюевым, о поэтах, писавших «фальшивые стихи о Папанине, Сталине». Эти письма он читал прямо на уроках, пряча под партой.

В четырнадцать лет Игорь уже знал произведения А. Блока, А. Белого, С. Есенина, покупая сборники стихов у букинистов. Стихи начал писать в 1940 году и вступил в секцию детского творчества Ленинградского Дворца пионеров. В 1943 году его поэма «21 месяц (Ленинград в блокаде)» была отмечена на городской олимпиаде детского творчества. В 1944 году, не окончив 9-й класс, семнадцатилетний юноша добровольцем вступил в армию, награжден медалью «За оборону Ленинграда». Воспоминания о жизненных уроках военного времени и блокады отражены во многих его стихах.

Война нас снова учит жить
По-новому и так, как надо.
Ничто не может так учить,
Как дни осады Ленинграда.
Не морщась, горький кубок дней
Не мы ль сполна, до дна испили.
И жизнь явилась нам ясней,
И вновь ее мы оценили[33].

Приятель Игоря Западалова Дмитрий Бучкин[34] посещал художественную школу при

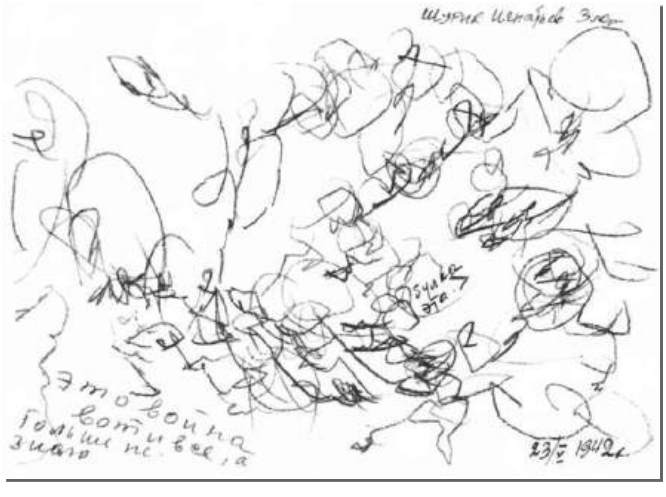
[32] *Западалов Игорь Борисович* (28.3.1927, Л-д — 21.12.2003, СПб.) — журналист, литератор, поэт. Редактор «Царскосельской газеты», известный петербургский журналист, создатель петербургского литературного альманаха «Рог Борея». https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/z/zapadalov-

[33] Игорь Западалов. Из поэмы «21 месяц (Ленинград в блокаде)» 1943.

[34] Ряд картин и рисунков Д. Бучкина находится в Музее обороны и блокады Ленинграда. Их можно найти и в книге: *Бучкин Д.* Картины

Академии художеств и вел иллюстрированный дневник, в котором фиксировал основные события, свидетелем которых он становился. Блокадные будни стали для подростков основной темой стихов и рисунков. Через много лет из набросков военных лет и вновь написанных стихов и картин родилась изо-поэма «Северный Илион», опубликованная в 1999 году в третьем номере альманаха «Рог Борея». В ней авторы, проводя параллель между осадами Трои и Ленинграда, преобразовали словосочетание «блокадный ад» в Блока́диаду. «*О новой мы Трое, что вынесла втрое, поболе, чем в “Илиаде”, расскажем в “Блокадиаде”*»[35].

Один из героев этой автобиографической изо-поэмы вспоминает, что в блокаду ему, школьнику, каждый день снился один и тот же сон: «*Прихожу в булочную и покупаю свежий, мягкий, теплый батон. Чтобы не забыть, как он выглядит, я его нарисовал*»...[36] Прослеживается параллель с многократно воспроизведенным в сети рисунком трехлетнего Шурика Игнатьева (детсад № 6, 23.05.1942). Лист, зарисованный черными каракулями, в середине — белый неровный кружочек булки. И детское пояснение: *«Это война, вот и все, а больше не знаю»*... И об этом же в стихах Милы Аниной: *«Я рисую Хлеб и Булку... ложка вышла больше рта... Я себя изображаю у накрытого стола...*



и воспоминания. СПб.: НП «Родные просторы»; Библиотека журнала «Невский альманах», 2006.

[35] См. текст литературно-музыкальной композиции по поэме: URL: https://iknigi.net/avtor-mariya-amfilohieva/89594-uroki-literatury-i-scenarii-literaturno-muzykalnyh-kompoziciy-kniga-dlya-uchitelya-mariya-amfilohieva/read/page-9.html

[36] Блокадный Ленинград в работах Д. П. Бучкина: URL: https://vk.com/album-308399_205267038

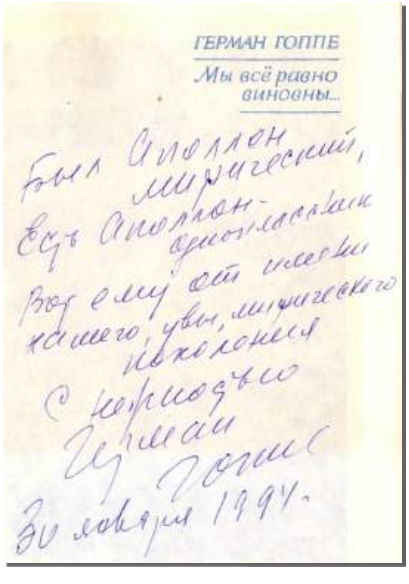
* * *

Блокадные школьники, став взрослыми литераторами, посвящали стихи своим учителям и школьным товарищам, ушедшим на фронт или погибшим в осажденном городе. В стихотворении И. Западалова памяти учителя географии 206-й школы есть такие строки:

...Черных! Черных! Любимый наш географ!
Мы и теперь, твои ученики,
Все помним, как легко вращал ты глобус
Уверенным движением руки.

. . . .

Ты вел нас по плато пустынным Гоби,
Звал штурмовать далекий Эверест,
И вдруг упал у школы, на сугробе,
Для смерти выбрав лучшее из мест:
Не в темной спальне, в стынувшей квартире,
Не на ступеньках в ледяной подвал, —
На высоте достойной самой в мире,
У школы, где с утра преподавал...[37]


ГЕРМАН ГОППЕ
Мы всё равно виновны...

Был Аполлон
лирический,
Есть Аполлон-
одноклассник
Вот ему от имени
нашего, увы, лирического
поколения
С нижайшим
поклоном
Герман Гоппе
30 ноября 1994.

Поэт Герман Гоппе[38], выпускник 209-й школы, писал, вспоминая призыв своих однокашников в армию:

Уже не одноклассники, зато ведь
Однополчане без пяти минут.
С утра стоим с вещами наготове.
А мимо нас все новые идут.
Кричат:
— Из пятой, кто здесь будет, братцы?
— Из сто двадцатой строиться пора! —
Как номера бригад, над гулким плацем
Всплывают школ знакомых номера.
Со мною рядом убеждает кто-то
Моими же словами старшину:
— Мы целым классом, нам в одну бы роту.
Мы обещали вместе всю войну...[39]

Христианские мотивы в блокадном творчестве

Е. Марттила. «Ленинградская мадонна». Январь 1942 г.

Особое место в блокадном творчестве занимают произведения, отражающие жертвенность и смирение, к которым пришли их авторы, приняв действительность как Волю Божию. Татьяна Кувшиновская (к началу блокады ей было около 2 лет) в стихотворении «Моя память о войне», датированном 29.10.83, вспоминает:

Мы с братом просили: «Бог, папу верни!»
Сводили нас в церковь соседи,
крестили в Никольском, и с нами они
молились о скорой победе[40].

---

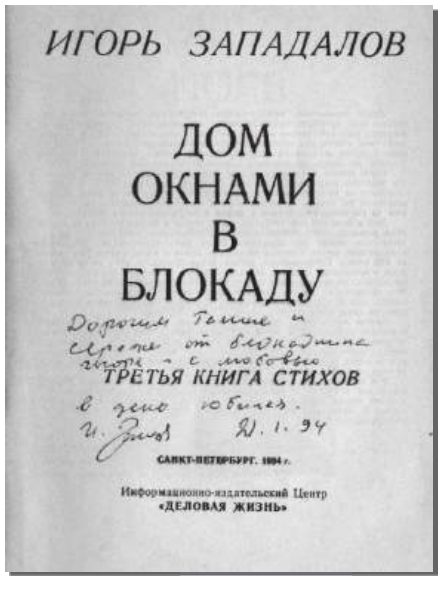
37 *Западалов И.* Учитель географии // Западалов И.Дом окнами в блокаду. СПб.: Информационно-изд. центр «Деловая жизнь», 1944.

38 *Гоппе Герман Борисович* (1926—1999) — советский поэт, участник Великой Отечественной войны. Отец — инженер-конструктор Борис Христианович Гоппе — арестован особой тройкой УНКВД Ленинградской области, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 2 ноября 1938 года. Реабилитирован посмертно (1957). Мать — Зинаида Константиновна Хохолькова — умерла в 1944 году в блокадном Ленинграде.

39 *Гоппе Г.* Первое ранение // Гоппе Г. Мы все равно виновны... М.: Советский писатель, 1991. С. 13. Дарственная надпись сделана автором на книге своему школьному другу Аполлону Лескову (из домашнего архива).

40 *Кувшиновская Т.* Моя память о войне. URL: https://www.litprichal.ru/work/24386/

Образный строй многих произведений как блокадного периода, так и более поздних послевоенных лет пронизан библейскими сюжетами и православной лексикой. Так, в стихотворениях Милы Аниной[41] из книги, которую можно назвать антологией детской скорби, упомянуты: «злой алтарь войны», город как «жертвенный крест», поставленный «на Голгофе войны и блокады». Тяжелый военный недетский Крест с распятой Душой. Голодное распятье и вера в святость Хлеба. «В углу у бабушки печальный Божий лик», к которому в своей «Блокадной молитве» девочка обращается с просьбой: «пошли терпенье и прощенье, благослови на жизнь меня»... И мучит автора-подростка скорбный вопрос: «Почему наши русские бабы не Мадонны? С детьми на руках?»



В стихотворении «Другу юности» Игорь Западалов, в блокаду школьник — командир отделения группы самозащиты дома 64 по набережной Фонтанки, вспоминает «дом фасадом в блокаду», который «от бед заколдован, в старинной купели крещен». В его восприятии там, где кружили «со свастикой черные черти», блокадная коптилка становилась для людей лампадой, а бункер-убежище — скитом, где «себя очищает в предчувствии Бога душа»...[42] В названиях художественных произведений, уже в наше время написанных блокадными жителями осажденного города, также нередко использованы религиозные аллюзии: «Мученики ленинградской блокады» (Е. Марттила, С. Магаева), «Крещеные крестами»

(Э. Кочергин), «Распятые за нас», «Возмущение Иова» (И. Западалов).

С рисунков Елены Марттила, выпускницы 12-й школы 1941 года[43], смотрят почти бестелесные лики мучеников. С начала блокады молоденькая девушка работала медсестрой в детской больнице им. Н. К. Крупской, помогала в эвакуации детей из блокадного Ленинграда. Даже в войну не оставляя своего увлечения рисованием, она в конце 1941 года поступила в Ленинградское художественное училище им. В. А. Серова. На рисунках Елены представлены образы изможденных детей и взрослых жителей города «перед эвакуацией», «на дежурстве», «в детской больнице», неоднократно повторяется изображение женщины-спасительницы/берегини. Рисунок, названный «Добегу», посвящен однокласснице Валентине Ермолаевой, погибшей в апреле 1942 г.[44] Долгое время молодой художнице взрослые коллеги настоятельно рекомендовали уничтожить рисунки на военную тему, убеждая: «Никакой блокады, голода и страданий не было, а была героическая защита города, вот это и рисуйте!»

О том, что блокада действительно *была*, хорошо знала Мила Анина, свои первые военные рисунки выполнявшая на стене блокадной

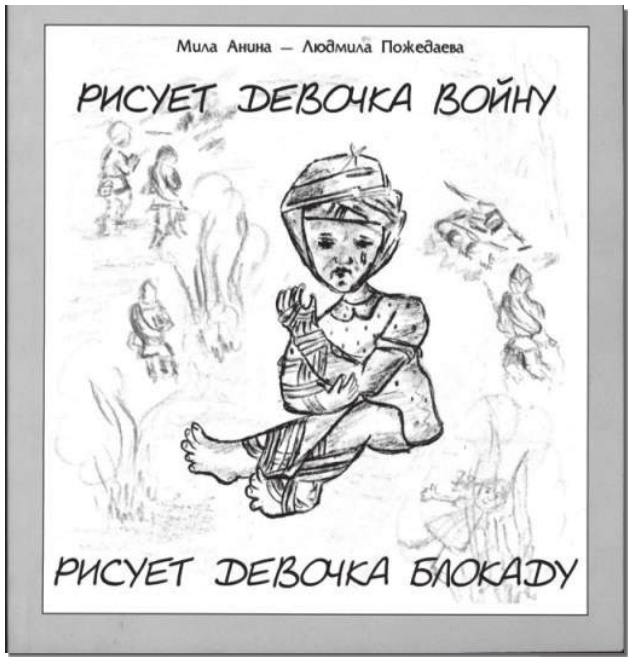
---

41 *Пожедаева Л. В.* Война, блокада, я и другие. Мемуары ребенка войны. СПб.: КАРО, 2013.

42 *Западалов И.* Другу юности // Западалов И. Дом окнами в блокаду. СПб., 1994. URL: https://vk.com/wall-126624890_232129?z=photo-126624890_457303730%2Fwall-126624890_232129

43 *Магаева С.* Елена Оскаровна Марттила, блокадница // Нева. 2006. № 1. URL: https://magazines.gorky.media/neva/2006/ 1/elena-oskarovna-marttilla-blokadnicza.html; Марттила Елена. Блокадные рисунки. URL: https://yandex.ru/images/search?text=Мартилла%20Елена%20блокадные%20рисунки&stype=image&lr=2&source=wiz

44 Блокадный Ленинград в графике Елены Марттила. URL: https://vk.com/album-308399_206080798



комнаты. Другие — в 1950 году уже по блокадным воспоминаниям. Поразительно, но первое изображение, приведенное в ее книге «*Рисует девочка войну. Рисует девочка блокаду*», эмоционально впрямую перекликается со знаменитой картиной норвежского художника Эдварда Мунка «Крик», ставшей воплощением темы одиночества, отчаяния и отчуждения. В данном случае ужаса ребенка, оказавшегося один на один с войной, как блокадная девочка Лидия Мелихова, которая с началом бомбежки пряталась с одеялом под кровать. «Боже мой!!! как я кричала», — вспоминает она. — Это не передать, чтоб поняли — это все надо пережить!» И спустя полвека детский блокадный крик продолжает звучать в памяти выживших. Людмила Пожедаева в 1996 году напишет: «Я просыпаюсь... Я кричу... — В меня опять стреляют пушки».

На рисунках Милы мелькает калейдоскоп военных образов. Огромные глаза с детской слезинкой. Ангел смерти с косой рядом с вражескими самолетами. Плащ-палатка советского солдата, раскинутая как защитные крылья. Солдат-спаситель. Трехголовый дракон: холод, голод, страх. Невнятная сумятица изображений трагедии в Лычково и непонятного для ребенка поезда, по-видимому, вывозящего из Ленинграда ссыльных. Блокадные символы: тарелка репродуктора, свеча, буржуйка, 125 грамм хлеба. Везде мерещится призрак еды: «луна как блин на сковородке, и словно скатерть белый снег, и облако, как хвост селедки». Тут же многократно повторяется образ Ангела Хранителя, в том числе слетающего со шпиля Адмиралтейства. И почти как святая Троица — женщины-соседки, которые помогли выжить: Даниловна, Ксения, Зоя.

Если всматриваться в череду этих изображений, возникает странная ассоциация. Общая стилистика рисованных историй, по сути, христиански-мученических, одновременно приближена к жанру комиксов, о котором ленинградская девочка тех лет не могла знать. Это сегодня все

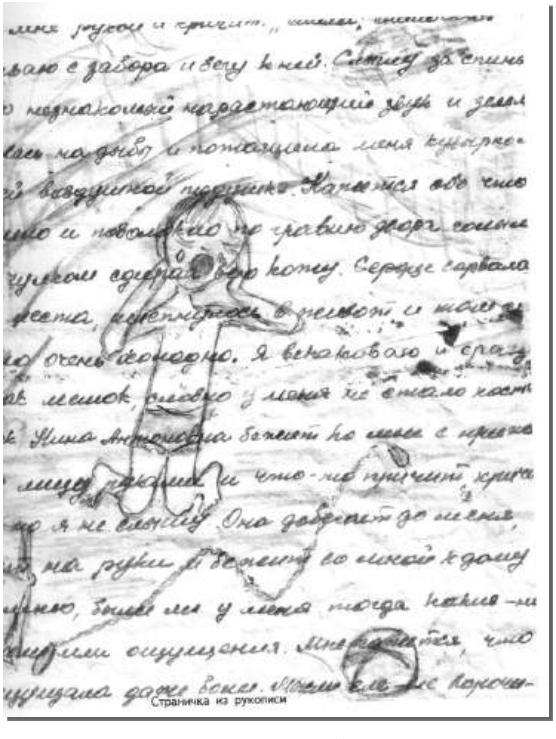

Страничка из рукописи

Рисунок Милы Аниной

Эдвард Мунк. «Крик»

более широкое распространение получают комиксы, рассказывающие об исторических событиях, просветительские комиксы и мультфильмы о войне[45]. Их авторы считают, что именно такая художественная форма может сделать доступной для современного ребенка информацию травмирующего характера о войне, геноциде, массовых страданиях. В современном книгоиздании не так давно появилось еще одно новое понятие — «Silent Book», «тихая книга», книга без слов, повествование на визуальном языке. Это прочтение той или иной истории через предлагаемые образы, в которых каждый может отыскать множество смыслов. В этом плане блокадные рисунки Милы Аниной и других детей сегодня, безусловно, будут понятны носителю любого языка.

* * *

В предлагаемой подборке стихотворений и рисунков представлен широкий смысловой диапазон блокадного творчества детей и педагогов: от пафосно-героического, оценочно-трагического до ироничного и лирического. Эмоциональная палитра восприятия блокады была противоречива, как Жизнь на грани Смерти. У каждого «помеченного войною», независимо от возраста, были «свои и память, и беда». Людмила Пожедаева, автор одного из самых щемящих и безжалостных стихотворно-художественных повествований о блокаде, создававшегося на протяжении более чем полувека (1950—1995 гг.), пишет: «Я убеждена, что ни “Мемуары”[46], ни последующие стихи не умаляют ни подвига города, ни стоического терпения горожан, ни беспрецедентного положения детей войны, а наоборот, подчеркивают, что вопреки всем сложностям — мы выстояли. Не все, но выстояли!»

* * *

С историко-педагогической и психологической точки зрения интересно сопоставить содержательный и эмоциональный контексты: а) военных рисунков, сделанных дошкольниками под руководством педагогов; б) детьми и подростками блокадного Ленинграда в ситуациях свободного рисования; в) зарисовки блокадных событий рукой будущих художников; г) работы современных ребят на тему блокады.

Анализ массива сохранившихся рисунков, которые ребенок выполнял, находясь в коллективе дошкольного учреждения, показывает, что в подавляющем большинстве в них заложен позитивный настрой и ориентация на победу. В значительной мере это можно отнести к результатам целенаправленной и последовательной работы воспитателей по сохранению «детской радости» и воспитанию патриотизма.

В блокадных зарисовках детей, сделанных в одиночку (для себя) дома или в больнице, напротив, превалирует образное выражение ужаса, страха, боли, психологического напряжения военного времени. Это ярко прослеживается в детском творчестве Милы Аниной, в рисунках, собранных врачом М. Кольцовой и представленных в книге «Опаленные блокадой». В чудом уцелевшем домашнем блокадном альбоме шестилетней Юли Луганской, умершей в 1942 году, есть такие «говорящие» названия: «Война 22 июня», «Наш стол пустой». «Папа ушел на войну». «Здравствуй дорогой папулька, нам выдали противогазы и хлебные карточки. Утром мне удалось съесть редиску». «Скоро зима. Окна заклеили. Цветок завял». «Красная Армия победит. Ура!»[47] Иногда в свободном выборе подростками сюжетов для домашнего рисования (равно как и домашнего чтения) сквозит стремление уйти от трагической действительности в прошлое, например, в овеянное романтизмом и героикой рыцарство, как в рисунках Игоря Шургая.

Блокадные наброски молодых авторов, впоследствии ставших профессиональными художниками, как правило, рождены творческим интересом и вниманием к настоящему моменту, к будням простых ленинградцев, вынужденных выживать в осажденном городе разными способами. По словам Д. П. Бучкина, когда началась война, он «был наблюдательным мальчишкой, следопытом... и стал все зарисовывать». Новую печку, сложенную дома из кирпичей, Кузнечный рынок, куда ходил менять вещи на еду, своих близких в разных ситуациях блокады, бомбоубежище на улице Рубинштейна, объявление у Пяти углов об обмене кошки на три плитки столярного клея... Елена Марттила, желая рассказать «о родных ее сердцу согражданах», в 1941—1942 годах по памяти писала лица блокадников, встреченных на пустынных улицах, у развалин, в госпитале, в бомбоубежище. Подобные рисунки правдивы, лишены героического пафоса и потому поучительны, ибо «жизнь учитель очень строгий» (М. Анина).

Несмотря на то что не все результаты детского блокадного творчества отличаются

---

[45] Комиксы военных лет в США. Японские комиксы на военную тематику. Мультфильм Михаила Сафронова «Ленинградская молитва». URL: https://www.ntv.ru/novosti/2174763/

[46] *Пожедаева Л. В.* Рисует девочка войну, рисует девочка блокаду. СПб.: Кентавр, 2011. С. 86.

[47] Альбом Юли Луганской. URL: https://ellisongross.livejournal.com/15935.html

художественной ценностью, они имеют непреходящую социально-психологическую и педагогическую ценность, поскольку многое могут поведать о состоянии внутреннего мира ленинградцев, взрослевших в блокадную пору. Прежде всего, о широчайшем диапазоне эмоций и чувств, порожденных лично пережитым трагическим опытом.

Как известно, характер детских и подростковых переживаний сугубо индивидуален, в значительной мере обусловлен культурными традициями семьи, мнением сверстников, педагогическим влиянием окружающих взрослых и социума. Но вот в XXI веке, совершенно в новом историческом контексте в образовательное пространство педагогами снова привносится сюжет «рисует девочка (или мальчик) войну, рисует девочка блокаду». Имеется в виду практика массового изображения детсадовцами и школьниками блокадных событий в рамках тематических уроков, выставок, конкурсов. Некоторые из таких рисунков даны в *Приложении VI-7*. Какая педагогическая цель при этом преследуется, какой результат ожидается и достигается ли он? Вопрос совсем не так прост, как кажется.

Вполне понятно и закономерно, что современный ребенок, подросток, старшеклассник не в состоянии почувствовать и воспроизвести атмосферу и реальный облик жителей блокадного Ленинграда. Рисование осуществляется на основе рассказов, услышанных от взрослых: очевидцев блокады, членов семьи, педагогов, сотрудников музея; по следам просмотренных фильмов, прочитанных книг, информации из Интернета. В итоге ребята добросовестно воспроизводят хорошо узнаваемые знаки войны, ставшие символами: танки, красные звезды, аэростаты, кресты на окнах, буржуйку. Повторяют ставшие хрестоматийными сюжеты: блокадная комната, укрытие памятников, тушение зажигалок, грузовики на Дороге жизни. Фактически все то, что рисовали их сверстники восемьдесят лет назад!

Но если приглядеться внимательно, эмоциональный посыл (энергетика рисунков современных детей) совсем иной. То, что *не* прожито, становится простым пересказом чужих образов, пусть даже хорошо выполненным. Далеко не всегда у ребят, получивших от взрослых информацию о блокаде, формируется к ней личностное отношение, окрашенное индивидуальными эмоциями и рождающее современное прочтение героико-трагической истории своего города. Для формирования собственного художественного ви́дения и оценки уникальной судьбы блокадного Ленинграда детсадовцу или школьнику необходимо *добровольно и эмоционально свободно* соприкоснуться с чем-то или кем-то исторически подлинным. Это может быть неформальный рассказ ветерана-блокадника, открытка с фронта в осажденный город, елочная игрушка, сохранившаяся в семье с блокадных времен, или что-то иное. И тогда в сознании ребенка возникает авторское преломление военных событий. Как, например, на рисунке Ксении Машура «Автопортрет в дедушкином шлеме».

Рисунок Ксении Машура (8 лет),
«Автопортрет в дедушкином шлеме»

Литература

1. *Белов К.* Изображение блокады в работах детей // Женщины Ленинграда в годы блокады: науч. конф. 10—11 марта 2005 г.: тез. докл. / Редкол.: А. Р. Дзенискевич (отв. ред.) и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 15—18.
2. Выставка рисунков детей Красносельского района Санкт-Петербурга в Школе искусств на тему: «70 лет со дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады». URL: http://rodn-i-k.narod.ru/risunki/blokada_len/70let_osv_len/70_let_osvobogdeniia_leningrada_ot_blokadi_1.html
3. *Голубева Э. И., Крестинский А. А.* Рисуют дети блокады. СПб.: Аврора, 1994.
4. *Дербилова Л. В.* Из блокадной коллекции Педагогического музея // Народное образование. 2020. № 4. С. 163—170.
5. *Кольцова М. М.* Опаленные блокадой. СПб.: Центр развития культур. инициатив; Немтинова, 2005; Мы в блокаде. Отражение блокады в детской речи и детских рисунках. URL: https://psy.su/feed/2228/16; *Снопченко И.* Образ блокады в рисунках тех лет. URL: https://www.fontanka.ru/2005/03/19/124070/
6. Рисунки детей блокадного Ленинграда из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга: Альбом-каталог / Сост. В. Е. Ловягина. СПб.: ГМИ СПб, 2016.

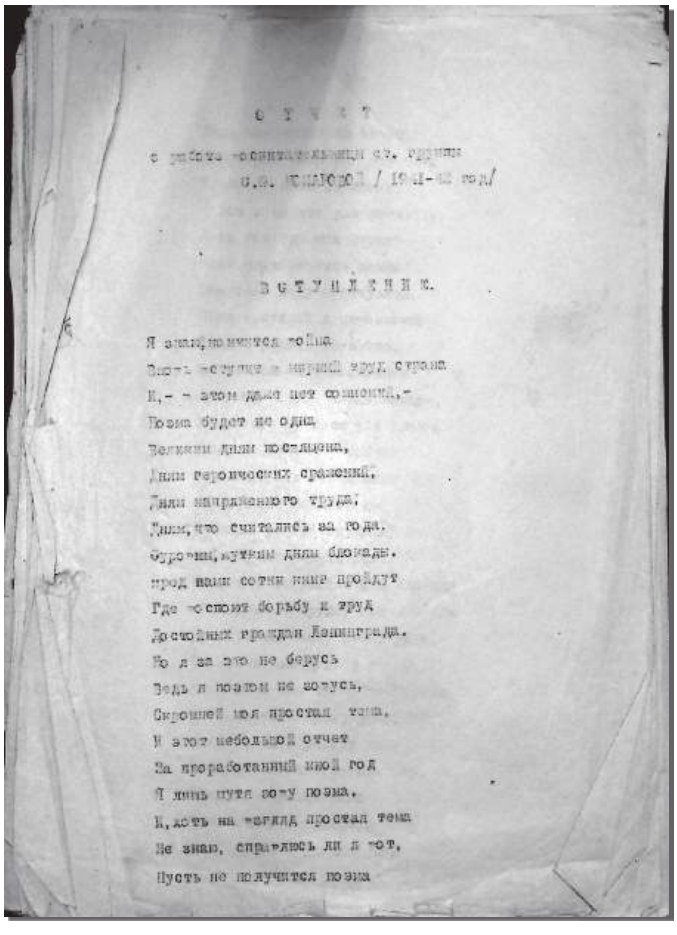
Доступ ко всем сетевым сноскам раздела проверен 19.10.2021

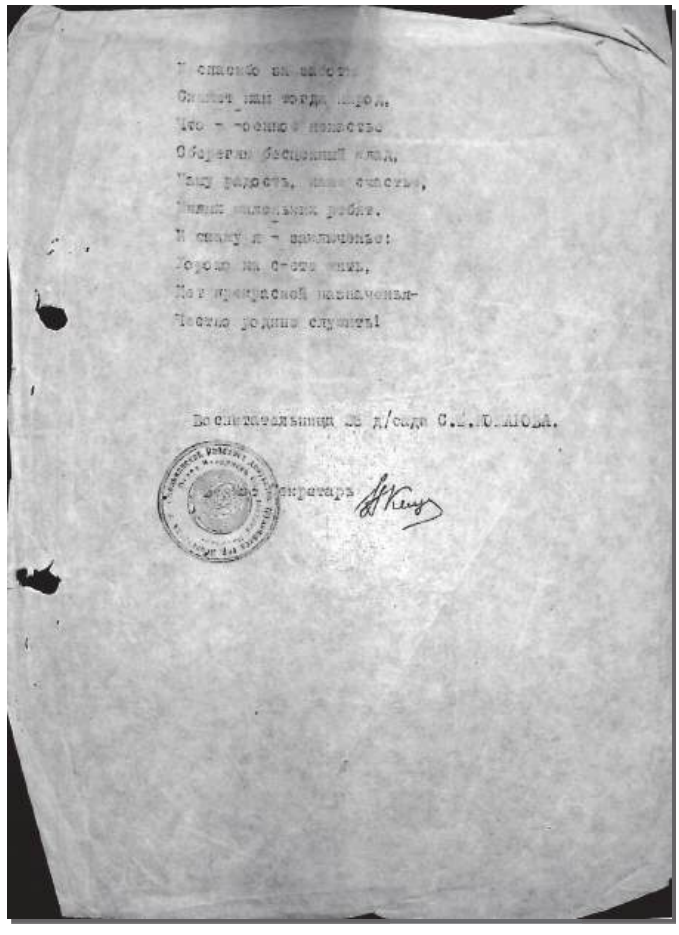
ПРИЛОЖЕНИЕ VI

Приложение VI-1

Отчет о работе воспитательницы старшей группы детского сада № 26 С. Ф. Комаровой (1941—1942 год)

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17





ВСТУПЛЕНИЕ

Я знаю, кончится война,
Вновь вступит в мирный труд страна
И — в этом даже нет сомнений, —
Поэма будет не одна
Великим дням посвящена,
Дням героических сражений,
Дням напряженного труда,
Дням, что считались за года,
Суровым, жутким дням блокады.
Пред нами сотни книг пройдут,
Где воспоют борьбу и труд
Достойных граждан Ленинграда.

Но я за это не берусь,
Ведь я поэтом не зовусь,
Скромней моя простая тема.
И этот небольшой отчет
За проработанный мной год
Я лишь шутя зову поэма.

И, хоть на взгляд простая тема,
Не знаю, справлюсь ли я вот.
Пусть не получится поэма,
Лишь получился бы отчет,
В котором было бы все ясно,
И чтобы были не плохи
(Вот я на что уже согласна)
Хоть кое-где мои стихи.
И, так оговорившись, можно
Смелее к делу приступить,
Хотя в стихах и невозможно
Вполне работу осветить.
Но невозможное возможным
Придется нам, — в конце концов, —
В простом ли деле или сложном
Учиться делать у бойцов.
Мы их делами часто жили
В суровые большие дни,
И так же родине служили,
Как служат родине они.
Прорвать старались все блокаду,
Мы здесь в труде, они — в бою,
Дрались за славу Ленинграда,
За жизнь, за родину свою.
Чтоб жить еще спокойней, краше,
Чтоб нанести врагу удар,
Вложили мы в работу нашу
Все знанья, опыт, сердца жар.
Была заведующая наша
И командир, и комиссар
И в трудовой упорный бой
Вела нас смело за собой.

Над страною пел веселый ветер
Песни радости и цвел веселый смех,
Потому что на земле-планете
Нам жилось счастливей, лучше всех...
Мы мира желали, но враг вероломный
Подкрался, напал ночью
бурной и темной
На мирную, светлую нашу страну
Внезапно обрушил как ливень войну.
Он думал нас сразу сломить —
просчитался,
Могучий народ наш весь
дружно поднялся
От старого деда до юного внука,
«Добро же, бандиты, поборемся, ну-ка!»

Великий Сталин нас зовет
На этот правый бой.
И Ворошилов нас ведет
Бесстрашно за собой.
От Черного моря до Белого,
Народного гнева полна,
Пошла на врага оголтелого
В едином порыве страна.
Пошли сыны, пошли отцы
И деды, старые бойцы,
Как шли в 20-й год,
А вместо сына встала мать,
Жене пришлось за мужа встать
К станку в родной завод.
Нарушен мирный был уклад:
На фронт и на завод все шли.
И многие к нам в детский сад
Ребят впервые привели.

Простясь, не плакали в те дни,
Не тратя много слов,
Делами поклялись они
Не пощадить врагов.
Я не забуду никогда
Тревожных этих дней,
Когда всеобщая беда
Всех сделала родней.
Наш Ленинград
Фашистский гад
Зажал в тиски блокады.
Но ленинградцев не сломать,
Но в Ленинграде не бывать,
С позором будут подыхать
У Ленинграда гады.
Суровы были дни блокады.
Чуть теплясь, жизнь не замерла.
Над осажденным Ленинградом
Нависли холод, голод, мгла.
Но тихо люди умирали,
Горды сознанием одним,
Что сколько б гады нас ни жали,
Наш Ленинград непобедим.
И дети маленькие жили,
Деля со взрослыми нужду,
И темы разговоров были
Лишь про тепло и про еду.
Они ослабли, похудели,
И даже кое-кто опух,
Уж не резвились, не шумели,
И смех как искорки потух.

Игра не клеилась, но все же,
Порою, вспомнив про отцов,
И глядя и взрослей, и строже,
Вдруг запевали про бойцов.
И лились песни так задорно,
Как вешних ручейков вода.
Ведь детство в радости упорно
И непосредственно всегда.

Совсем их резвость не сотрется,
Ведь многого им не понять.
Пускай поют, пока поется,
Их радость будем охранять.

Здоровье зорко мы хранили,
А жизнь их воины-отцы.
И дни блокады пережили,
Окрепли милые птенцы.
Мы все возможное давали,
Их любит родина не зря.
И все мы даты отмечали —
Дни красного календаря.
Но я отклонилась, вперед забежала,
Волнует меня прожитое опять,
А надо писать по порядку, сначала,
Чтоб было понятно и просто читать.

II

Почетней нашей нет работы
Беречь детей — бесценный клад,
Теплом, любовною заботой
Должны мы окружить ребят.
Здоровье зорко охранять
И осторожно закалять,
Выносливей чтоб дети были,
Нам нужно так их воспитать,
Чтобы стремился каждый стать
Героем, родину, как мать,
Ребята с детства чтоб любили,
Чтоб ненавидели врагов,
Чтоб каждый к школе был готов,
Чтобы желал и мог учиться,
Чтобы умел, любил мечтать,
Что вырастет, начнет трудиться
И нашу землю охранять.
Чтоб матерям, отцам помочь
Прогнать врагов скорее прочь,
Чтоб стала жизнь спокойной снова,
Чтоб знали — дети в детсаду
И ласку, и уют найдут
И будут бодры и здоровы.
Вот наши главные задачи,
Мы их стремились выполнять,
Удачи были, неудачи,
О них хочу я рассказать
Возможно проще и полнее
(Боюсь, что вовсе не сумею).

III

До войны, когда цветущим садом,
Богатея, родина жила,
Под народным зорким, теплым взглядом
Детвора любимая росла.
Дети песни звонко распевали
О любимом друге и вожде,
Веселились, пели и играли,
Матери о детях не вздыхали,
Видя счастье прочное везде.
И дома, и в детском саду
Ребята цвели, как цветы,
Учились, резвились, как рыбки в пруду,
Росли и в дела превращали мечты.
Шли в школу, а дальше работа ждала
На благо любимой страны.
И радостна жизнь и работа была,
Как дни лучезарной весны.
Страну охватила внезапно война,
Но в дни напряженные эти
Заботится вождь и родная страна
О милых советских детях.

IV

Скоро встречаем мы первых гостей
Нашего детского сада,
Группы оформить, как можно скорей
И поуютнее надо.
Зоя Ивановна трудится тут
Много, прилежно на диво.
Вмиг создала она в группе уют,
Весело, чисто, красиво.
Наша группа уже готова,
Все там радует наш взгляд.
Много игр настольных новых
Здесь на столике лежат.
Полка с книжками, в углу
Яркий коврик на полу.
На ковре стоят игрушки,
Куклы важные сидят,
Самолеты, крейсер, пушка
Дожидаются ребят,
Стол, плита, диван, кровать, —
Будет чем тут поиграть,
И посуда, и часы,
И корзина, и весы!
На окошках занавески тонкие простые,
На стенах висят картины,
солнцем залитые.

Солнце лезет к нам в окошко,
Подожди немножко!
Завтра соберутся дети,
Загляни тогда и ты.
На столах и на буфете
В светлых вазочках цветы,
А на том столе тетрадки,
Краски и карандаши.
Все разложено в порядке,
Поиграл — садись, пиши.
Сядь за стол, — возьми листочек,
Хочешь, посмотри альбом,
Патефон послушать хочешь?
Патефон мы заведем.

Вот построй высокий дом,
Жить пусть будет Мишка в нем.
Вот конструктор, обруч, мячик, —
Все на место положи.
Как уютно, чисто, значит,
Хорошо тут будет жить.
План наметили мы вместе
И старались выполнять,
Мы стремились интересней,
Проще игры подобрать.
Часто их чередовали,
То подвижные давали,
То спокойные опять.
Детям нравилось играть
В «карусель», «дуду» и «прятки»,
В «мышеловку», в «телефон»,
В «краски», в «тишину», в «лошадки»
И плясать под патефон,
Как бойцы маршировать
И задорно распевать:
«По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед».
Детвора не унывала —
Замечательный народ.
Приучали мы к порядку,
Развлекали мы ребят,
Чтобы с первых дней ребятки
Берегли, любили сад.

Много пришлось нам
работать, стараться,
Чтобы детей хорошо научить,
Быть аккуратней, любить заниматься,
Дружно играть, не кричать, не сорить.
Многие дети вначале скучали
(Раньше не все посещали детсад),
Плакали, дрались, часами молчали,
Помню, не спят, все вздыхают в постели
(С осени был в детсаду интернат).
Многие жили у нас всю неделю,
Мы, как могли, утешали ребят.
Каждому надо особый подход.
Галю укроешь — она и заснет,
Алика надо, «как мама обнять»,
Люсеньке ласково что-то сказать,
Каждого надо узнать и понять.
Жоржу помочь, Леню чем-то занять,
С Вовой играть, пошутить, почитать,
С Томой игрушки на место убрать,
Боре картинку, игру показать,
Выслушать сказку, самой рассказать.
Знать все желанья, капризы, проказы, —
Все это мы одолели не сразу,
Но понемногу привыкли детишки,
Стали беречь и игрушки, и книжки.
Стали стихи они четко читать,
Дружно играть, хорошо рисовать.

С каждым отдельно работать тут надо,
В группе всегда чистота и порядок,
Дети дежурили, все убирали,
Книжки чинили, на стол накрывали,
И помогали друг другу они —
Так потекли наши первые дни.
Дни же тревожные осенью были:
Часто «тревоги», обстрелы, пожары,
Быстро одеть и построить всех в пары.
В бомбоубежище мы выходили,
Дети сходили спокойно, без шума,
Были серьезны, отнюдь не угрюмы —
И не испуганы были они —
Бодрость хранили мы все эти дни.
Тучи над городом мглисты,
Мрачной завесой висят,
Коршуны злые — фашисты
Снова на город летят.
Вот уже близко гуденье,
Черный стервятник кружит,
С грохотом, воем, шипеньем
Смерть над домами парит.
Зданье трещит и трясется,
Дети притихли, молчат...
Близко разрыв раздается,
Но не сломить Ленинград!
В темные, в ясные ночи
Остервенело и зло
Коршун вдали застрекочет,
С свастикой гнусной крыло
Хищною тенью покроет
Наш заревой небосвод.
Соколы дружной семьею
Дружно стремятся вперед,
Наглую злобную свору
Гонят стремительно вспять.
Вот и отбой, нынче скоро,
В группу идем мы опять.
Если же долго «тревога»,
Мы подберем для детей
Книжек, игрушек немного
И немудреных затей,
Чтобы дети развлекались,
Не скучали, занимались,
Мы патефон, аллоскоп с собой брали,
— Книжки читали и рисовали.
(С осени был электрический свет,
Жаль, что теперь его все еще нет.)
Брали картон и фанеру — подкладки,
И рисовали, лепили ребятки.

Если же дни «нетревожные» были,
Рано во дворик гулять выходили:
Бегали, прыгали, листья сбирали,
Метили в цель, на песке рисовали, —

Так проходили спокойные дни,
Осенью редко бывали они...
Октябрь великий встретили,
Украсив детский сад,
Флажки, плакат повесили,
Устроили парад,
Выпускали бюллетень,
Дети пели, танцевали,
От бойца письмо читали,
Так прошел и этот день.
Группа на парад шагала,
Стройно, четко, как всегда:
И под музыку средь зала
Вмиг построилась звезда.
И песню подхватили все дети на лету,
И Боря Хаердинов прочел стихи-мечту:
«Если б я сегодня был большой,
В бой бы вместе с папой я пошел,
На врага отряд бы свой повел,
Крикнул бы товарищам:
Вперед, вперед, вперед!
За родину, за Сталина,
За наш родной народ!»
Тут все стихи читали и песни пели нам
И радостно кричали: ура!
привет бойцам.
Вместе с ленинградцами,
славными бойцами,
Встретили великий праздник Октября.
Над непобедимым гордым Ленинградом
Реяла, как знамя, алая заря.

V

Наступала зима. Беспощадной
природы блокада
И блокада врага город мертвым
сдавила кольцом
Голод, холод и тьма, и «тревоги»,
и гром канонады
Изменили бойца-Ленинграда лицо.
Как в провинции глухо,
Сугробы, безлюдье под вечер,
Не звенели трамваи, не цвел
электрический свет,
Только яростно бухал обстрел,
И на города мощные плечи
Навалилась немая, как призрак,
ужасная смерть.
Но работали люди и, веря
в нашу победу,
Шли пешком километры в промерзлый
безрадостный дом,
Пробираясь сквозь тьму и морозы
по вязкому следу,
Чтобы завтра опять стать на
вахту в бою трудовом.
Отработавши в группе с «буржуйкой»
При тусклой коптилке,
Мы с техничками воду носили, дрова
И за топку брались, и за колку
брались, и за пилку,
Помогли, как могли, не теряя
на ветер слова.

Когда был интернат, одевали ребят,
За бельем, и одеждой следили.
Помню я как сейчас, даже в бане не раз,
В изоляторе даже их мыли.
Аккуратные теперь ребята,
Ведь к порядку каждый уж привык:
Выглажены синие халаты,
Бант цветной и белый воротник.
С матерями крепко нас сдружила
Наша дорогая детвора.
Чистоты достигнуть трудно было
(Ведь была безводная пора).
Матери усталые с работы
Вечером приходят в детский сад,
Лица, истомленные заботой,
Равнодушен, тускл у многих взгляд.
И порой встречали нас с досадой:
Мудрено иной растолковать,
Что следить за чистотою надо
И теплей детишек одевать.
Терпеливо мы ведем беседы,
Помогаем, требуем подчас.
Не одну чудесную победу
Одержали за год и не раз.
Разные всегда тут были меры
(Обо всем в стихах не рассказать).
Много можно привести примеров
И имен не мало указать:
Бронзовы, Нефедов, Николаев,
Чистые, нарядные оне,
Матери следят, не забывают
(Вот с Качаловым трудненько мне).
В слаженной работе много помогает
Александра Павловна — наша медсестра,
На дому нередко у детей бывает
И осмотр проводит с нами каждый раз.
У нее работа и быстра и четка,
Острижет, успеет всюду проследить,
Эта не допустит вшивость,
грязь, чесотку,
Чтобы после охать да кой-как лечить.

VI

Мать Славы Петрова сказала мне как-то:
«Нет сладу с мальчишкой,
совсем измотал,
Кричит на меня, замахнулся
раз книжкой,
Обед мой поел весь и требовать стал:
“Еще! Ты меня, говорит, заморила!”

“Да где же возьму я? Ведь
нету же, милый”,
А он отвечает: ты мать, ты должна!
Вот папе на фронт я письмо напишу.
Что делать мне с ним, я не слажу одна,
Совета у вас я прошу.
Мой муж-то на фронте..
А тут еще горе...
Не жалуюсь я, но кому же сказать».
«Спасибо, мамаша, надеюсь, что вскоре
Вам Славушка будет во всем помогать».
Был лютый мороз, недалеко от печки
Пристроился Слава и тихо сказал:
«Теперь все замерзло: и поле, и речка»,
И слезы блеснули у Славы в глазах.
«Вдруг папа в разведке
в такую-то стужу...
В метель не увидишь свои сапоги...
У нас здесь тепло, вот и завтрак и ужин,
А там только снег да мороз, да враги...»
Внезапно закончил смущенно, но строго:
«Вот если бы был я сегодня большой,
У папы, конечно, товарищей много,
Но я бы на фронт вместе
с папой пошел».
«Мы тоже пошли бы», — ребята сказали,
И множество взглядов зажглось.
«А нужно, ребятки, чтоб вы помогали
Бойцам в Ленинграде, чтоб
лучше жилось
Всем мамам, чтоб лучше им
было работать».
«Я маму жалею», — мне Игорь сказал,
«Я ей помогаю», — ответил мне кто-то.
«А ты огорчаешь, — видать по глазам»,
Я Славе сказала, а папа, наверно,
Надеется: Слава ведь мне обещал
Во всем помогать ей, он
будет примерный.
А ты свое слово совсем не сдержал...
Глаза опустил он, молчал виновато:
«Я вижу, он маме поможет, ребята,
Он выметет пол и оправит кровать,
Он будет с работы ее поджидать,
Он скажет ей ласково сядь, отдохни.
Напишут письмо папе вместе они».

Как-то раз после этого вскоре
Слава сказал Хаердинову Боре:
«Лучше про это сейчас же сказать,
Все ведь узнает она по глазам».
И, подойдя, рассказали ребята,
В чем они были в тот день виноваты.
И Славина мать, улыбаясь, сказала:
«Спасибо, сынок-то хороший теперь,
Иду на работу, откроет мне двери,
И ссориться с ним я уже перестала,
Во всем помогает: накроет на стол,
Кровать уберет он и выметет пол
И все угощает: ты, мамочка, кушай,
И каждое слово стал Славочка слушать.
И все-то он бредит и бредит отцом,
Отец-то нам с фронта
прислал письмецо.
Так он уж от радости пел и плясал,
Письмо и конверт без конца целовал!»
Матерям мы в те дни помогали во всем,
Гладили платья, чулки зашивали,
Отправляли безродных детей
в детский дом
И нередко больных на дому навещали.

VII

Зимою кончились «тревоги».
Враги сидели, как в берлоге,
Весну они с тревогой ждали,
Нас на измор бандиты брали:
«Без хлеба им не продержаться!» —
Так думал бессердечный гад,
Не зная волю ленинградцев,
Не зная крепость — Ленинград.
Без света, без воды, без хлеба,
Без дров мы жили в дни блокады,
Но не надеялись на небо,
Как обовшивевшие гады
Фашистской гитлеровской марки,
Бандитской эссовской закалки.
(А впрочем, часто слышен «ох»,
Не помогает немцам бог.)
И сколько фрицы ни гадали
Устроить у дворца парад,
Клялись и сроки назначали,
Немало лбов поразбивали —
Свободен гордый Ленинград.
Ледовая трасса — дорога жизни
От сердца вождя в Ленинград пролегла,
Любовно ведома, большая отчизна
По этой дороге нам славу везла.
И мы, закаленные, верим в победу,
Нам дорог здесь каждый
проспект, каждый дом.
И враг никогда здесь не будет и не был,
Не вступит нечистым своим сапогом.
Со всеми вместе мы, сливаясь, жили
Одним дыханьем, думою одной.
Работали, свой Ленинград любили,
В работе закалили опыт свой.
При свете фитилька иль свечки,
Когда мороз был дико лют,
Топили мы времянки-печки
И в группах берегли уют.
Ребят учили, охраняли,
Игрой и песней забавляли,
Порой родных им заменяли...

Зою Ивановну мы проводили.
Все вспоминали их с Борей, грустили.
Вера Михайловна в группу пришла,
Музыкой, песнями нас заняла.
Я немного вперед забежала,
И придется вернуться назад.
Я еще ничего не сказала
О любимом занятье ребят.
Полно ребята наши жили,
Стихи слагали и учили,
Лепили, шили, рисовали
И чтенье слушали, считали,
Но не спускали с книги глаз,
Военный слушая рассказ.
Бойцы! Вы темою любимой,
Живым примером были нам,
Когда вы улицей шли мимо,
Когда мы письма слали вам.
Помню, в декабре, наверно
(Месяц укажу примерно),
Нас как-то посетил боец
Афонин, Алика отец.
В словах детишек много ласки,
Радушием светились глазки.
Все поудобнее сажали,
Стихи и сказки рассказали,
Пропели песни, поплясали,
Альбом на память подарили,
Рисунки в сумку положили.
А как все слушали, смотрели
Блокнот походный, шлем, шинель.
Прошло немало уж недель,
А дети гостя вспоминали
И писем долго ожидали.

VIII

Кончался сорок первый год,
Мы в новый год вступали.
Победа светлая придет,
Все ленинград переживет:
Мы знали, испытанье ждет
И грудью все встречали.
Этот год мы встречали
в суровой войне,
Не похож он на радостных тех,
Не до песен уже нашей гордой стране,
Но звучал детский радостный смех.
И на празднике елки шумит детвора,
Как весенние капли дождя.
Горячо и задорно несется «Ура!»
Всех при имени друга-вождя!
Красной Армии нашей великой привет
Детвора наша радостно шлет.
Здравствуй, сорок второй,
полный подвигов год,
Год великих и прочных побед.

Елку весело встречали,
Приходил к нам Дед Мороз.
Детворе гостинцы дали,
Посмеялись все до слез
Над морозкой мешковатым,
С бороды летела вата,
А шутил он и плясал.
С ним плясали все ребята,
И никто не уставал.
Пели песни елочке,
Нюхали иголочки,
Смотрели на игрушечки,
Гремели погремушечки.
Праздник елки проводили,
Дети пьеску сочинили
Про старика да про старушку,
Про снегурочку-резвушку.
И опять шли дни за днями,
Сев в кружочек вечерами,
Сказки слушали, читали,
Днем плели и рисовали,
Если был поярче свет.
Ну а если свету нет,
Мы загадки сочиняли
Да в игрушечки играли.
Слава с Борею поэты,
Игорь любит рисовать,
Коля строить (и при этом
Чтоб ему не помогать.
Он строителем быть хочет).
Леня любит пошалить.
Галя вышила платочек,
Хочет Люде подарить.
Федя часто письма пишет,
У него серьезный вид.
Эрик очень плохо слышит
И нечисто говорит.
Говорить его учила,
Говорит он плохо «эр»,
С «эр» слова я находила:
Трактористы, пионер,
Рая, Кирочка, корова, —
Стал он лучше говорить.
С «эр» стихи учила снова,
Чтобы мог он закрепить.
С Леней много мне заботы,
То скучает, то шалит.
«Подрасти скорей охота, —
Он серьезно говорит. —
А помочь-то делу просто,
Чтоб большим скорее быть,
Надо капли пить для роста.
Подрасту — пойду служить».
И не раз я объяснила:
«Ты с лекарством не шути,
Ты и так сумеешь, милый,
Очень быстро подрасти.

Если делом ты займешься,
Время быстро пролетит,
Не заметишь, призовешься
В армию служить и ты».
Но для Лени разговоры
Точно уточке вода,
Забывает все он скоро,
Мне же с ним одна беда.
Галя книжки очень любит
И картинки посмотреть,
Говорит: «Вот это люди,
А вот тут идет медведь».
Постепенно переходит и к рассказу,
Всех быстрее учит песни, сказки сразу.
Я даю заданье ей: «Ты загадочку
придумай».
Галя думает и вот
Уж придумала загадку
Про военный пароход:
«Плывет вперед — охраняет
советский народ».
А Максимова медленно движется в гору,
Ей все трудно: считать,
рисовать, танцевать,
Даже слушать не может.
Ох, очень не скоро
Будет Люся до трех даже верно считать.
С ней занятья ведутся отдельно:
Мы считаем по несколько раз
На конкретных предметах.
Игорек есть Широков у нас,
Этот дельный,
Пятилетка, а многое парень уж знает.
О школе давно Игорек наш мечтает.

Дружит Лидочка со всеми,
Рая вечно в стороне.
Подойти ко всем во время
И узнать всех надо мне:
Кто скучает, кто шалит,
Нездоровый кто на вид,
Кто мечтает, кто поет,
Кто картинки, книжки рвет.
Научить порядку надо,
Пошутить и поиграть,
Посмотреть «серьезным» взглядом,
Приласкать, помочь, обнять.
И привыкли ребятишки,
Полюбили детский сад,
Берегут игрушки, книжки,
Не дерутся, не кричат.
Хорошо стихи читают.
И дежурят, и играют.
Вот и февраль наступил, дни светлее,
Даже заметно, что стали длиннее.
Выглянут дети, бывало, в окно,
А за окошком не так уж темно.
Правда, гуляли мы мало зимою,
Щиплет за щеки сердитый мороз.
Дети идут, раскраснелись до слез.
И все же ребята подмечали
Все, что вокруг, и рассуждали:
«Снегу намели метели,
Все кусты заиндевели,
Иней точно крупица,
Вон — ворона кружится,
На Неве претолстый лед».
Мало люда — тишина,
Хоть бы кончилась война
Да скорей пришла весна.

IX

День Красной Армии мы отмечали,
Праздник торжественно дети встречали.
Вот как начался парад
В этот праздник ребят.
Трубит трубач военный сбор,
Вперед, всегда вперед.
Под марш проходят летчики,
Танкисты, пулеметчики,
Связисты, моряки,
Зенитчики, наводчики
И храбрые стрелки.
Будь родина спокойная,
Взрастет тебя достойная,
Родная детвора.
— То будущие воины,
Пока идет игра,
Но их придет пора,
И понесут за родину
Сквозь ливень пуль «ура!».
Поют частушки, песни, пляшут
На привале все бойцы,
А колхозницы им машут:
«Веселее, молодцы!»
Ты играй, играй, гармошка,
Веселее нам вдвоем.
Вы послушайте немножко,
Мы частушки вам споем.
«Дорогой товарищ Сталин,
Слово мы тебе дадим,
Подрастем, бойцами станем,
Всех фашистов победим.
Будет Боря наш пилотом,
Все мечтает полетать,
Мне ж танкистом быть охота
Или снайпером бы стать».
Размечтались генералы?
В СССР добра не мало,
Чтоб разграбить всю страну,
Немцы начали войну.
Разгорались вражьи взоры
На советский огород,
Победить хотели скоро,

Вышло все наоборот.
Воевать уж неохота,
Эх, попали мы в тиски,
Бьют танкисты, бьют пилоты,
Бьют советские стрелки.
Генерал сидит, моргает,
Разобиделся до слез.
Бить фашистов помогает
Даже дедушка мороз.
Наши папы, наши братья
Бьют врагов со всех концов.
Будем дружными, ребята,
Чтоб порадовать бойцов.
Ты играй, играй, гармошка,
Песнь, лети во все концы.
Попляшите-ка немножко,
Наши храбрые бойцы.
Стрелки, танкисты выступают,
Торжественно стихи читают,
Как будто митинг здесь идет,
И каждый клятву всем дает:

СТРЕЛОК: Я с винтовкою знаком,
С нею я повсюду.
Ворошиловским стрелком
Я, конечно, буду.

ТАНКИСТ: А я танкист веселый,
Петь целый день я рад.
Грохочет танк тяжелый,
И нет ему преград.
И грозной силой страшен
Он злобному врагу.
Родную землю нашу
Я крепко берегу.

ЛЕТЧИК: Скоро летчиком я буду
И куда хочу,
Всюду, всюду, всюду, всюду,
Всюду полечу.
Слава родины любимой
Всем нам дорога.
Буду я неутомимо
Истреблять врага.
Облечу летучки-тучки,
После — на Луну.
Буду зорче, буду лучше
Охранять страну.

МОРЯК: Капитан отважный я,
На корабле живу,
Узнаю скоро все моря,
Везде я проплыву.
Об отваге краснофлотцев
Клич во всех концах земли.
С вражьей силой храбро бьются
Боевые корабли.
Реет в море на просторе
Гордый красный флаг,
И в страну родную с моря
Не проскочит враг.

ПУЛЕМЕТЧИК: Я пулеметчик боевой,
Зовут меня Максим.
И пулемет зовут Максим,
Мы неразлучны с ним.
Мы с ним товарищи,
друзья,
Подкравшися за дот,
Прямой наводкой целюсь я,
А он фашистов бьет.

КАВАЛЕРИСТ: Здоров и бодр, и храбр
всегда,
Готов я в час любой:
На шапке красная звезда,
И сабля светлая остра.
И сыт мой конь — седлай,
сестра,
Я храбро ринусь в бой.
Мой конь горяч,
Несется вскачь,
Едва его держу.
Я сам веселый молодец,
Я коннице служу.

РАЗВЕДЧИК: Радист, телефонист, монтер,
Веселый молодец,
Настойчив, ловок, скор, хитер,
Разведчик я, боец.
Пусть ночь темна, в лесу ни зги,
Метель, как ведьма, злая,
Но все, что делают враги,
Что думают, узнаю.
Бесшумно проберусь в лесу,
Везде пройду, где надо,
В срок донесенье принесу
Для нашего отряда.
Но если б удалось врагу
Меня поймать случайно,
И жизнь отдам, но сберегу
Я свято наши тайны.

ПОВАР: Я теперь совсем большой,
Посмотрите, уж какой, —
В Красной Армии родной
Буду повар боевой.
Я для армии для нашей
Наварю борща и каши.
Чай, компот, товарищ, пей
Да врага покрепче бей.

ВОЕННЫЙ ВРАЧ: Я доктор военный,
На службу идешь,
Ко мне на осмотр
Непременно зайдешь.

Выносливым, сильным
Привет и почет.
Назначу вот этого
парня во флот.
Ты в летчики годен,
Высок и плечист.
Ты будешь, товарищ,
Отличный танкист.
От ран и болезней
Бойцов излечу.
Почетное дело
вручили врачу.

САНИТАРКА: Красной Армии и я
Тоже послужу,
Быстро раненых, друзья,
Всех перевяжу.
Маскируясь пнем, кустом,
Проберусь в лесу,
Под обстрелом, под огнем
В госпиталь снесу.

КОМИССАР: Стал комиссар я боевой,
Винтовка, шлем, звезда,
Вперед, товарищи, за мной.

БОЙЦЫ: Готовы мы всегда,
И с песней боевой в поход
Вся наша армия идет.
И повторяет комиссар:
«За Сталина вперед!»
И подхватила детвора:
«За родину, ура»!

X

Идет весна, длиннее дни,
Мороз не так уж лют.
На солнцепеке в полдень
Ручьи журчат, поют.
Дни быстрее полетели,
Мы запели про капели.
Отшумели, отшумели
Белые метели.
Зазвенели, зазвенели
Первые капели.
Все просыпается от сна,
Идет красавица весна!
Солнце ярче и теплее,
Радостней сияет,
Дни длиннее и светлее,
И снежок уж тает.
Все просыпается от сна,
Идет красавица-весна.
Доски с наших окон сняли,
Мы друг друга не видали
Из-за зимней темноты.
Дни желанные настали,
Мы друг друга увидали:
«Вот какой, приятель, ты!»
Наконец и печь убрали,
Мы, прощаясь, танцевали,
Провожали печку — пели,
Возвращаться не велели...
Ветки в вазах распустились,
Клейкие почки.
Зелены, душисты были
Первые листочки.
Группа солнышка полна,
Здравствуй, милая весна!
Улиц городских просторы
Тоже солнышком полны,
Первомайский праздник скоро,
Праздник дружбы и весны.
Мы готовимся недаром,
Наших песенок не счесть,
Мы стихи читаем с жаром,
Плясуны лихие есть.
И вот наступает первое мая,
Смотр боевой и страны, и весны.
В ярких костюмах мы выбегаем,
Наши улыбки, как солнце, ясны.
Перекличку мы читаем,
Песнь поем мы о вожде,
О бойцах, о первом мае,
О народах и труде.

«Ярче, солнышко, сияй,
Громче, музыка, играй,
Собирай ребят!
Выше флаги подымай,
Звонче песни запевай,
Все на наш парад».

ВЕДУЩИЙ:
Собрались дети в майский день
Со всех концов родной страны,
Из городов и деревень,
Как птицы — вестницы весны.

КОЛХОЗНИЦЫ: Мы из
русского колхоза,

УКРАИНЦЫ: Мы из теплой Украины.

ТАТАРЫ: Мы татарские ребята.

ГРУЗИНЫ: Мы веселые грузины.

ВСЕ:
Громче, музыка, играй,
Здравствуй, праздник ПЕРВОМАЙ.

ВЕДУЩИЙ:

Собралася детвора,
Будут пляски и игра.

ИГРА ЦВЕТОВ:
«Солнышко весеннее пригрело
И растаял беленький снежок.
Мы выходим тихо и несмело
На зеленый мокренький лужок.

Весело головки поднимая,
Ласковому солнцу шлем привет.
В радостное утро первомая
Собери нас, Маечка, в букет».

Слова к танцу «Дружбы»

Наши глазки, словно звездочки, горят,
Веселее вы не сыщете ребят.
Мы играем вместе дружно,
Ничего делить не нужно.
Все здесь общее и общий детский сад.
В детском садике мы весело живем,
Мы играем, мы смеемся, мы поем.
Мы платочками помашем,
Танец дружбы здесь propляшем,
Дружно, весело под музыку пройдем.

Первомайская песня

В праздничное утро Первомая
Мы идем с флажками на парад.
Ветер наши флаги развевает,
Наши песни радостно звенят.
Солнышко встречает ярким светом,
Веселее наших песен нет,
Сталин улыбается с портрета,
Будто шлет нам ласковый привет.
На бульварах травка зеленеет,
По дорожкам шествует весна.
Учит, сохраняет и лелеет
Нас, ребят, великая страна.
УКРАИНЦЫ: Мы с Украины
приехали, ребята,
Вместе с вами встретить Первый май.
Эй живей, живее, хлопцы и девчата,
Пляску начинай!
Песен наших ярких,
Плясок наших жарких
Никогда врагам нас не лишить,
Украинский народ всех врагов
Всех врагов разобьет,
По-советски всегда будет жить.
ГРУЗИНЫ: Мы из Грузии чудесной,
Мы из солнечного края,
Где цветут миндаль и розы
С милой родины вождя.
Пели мы дорогой песни,
Песни дружбы Первомая.
Догоняли поезд грозы
Сетью светлого дождя.
Наша родина богата,
Много в ней лесов и пашен,
Многоводны, рыбны реки,
Горы синие вдали.
Мы на праздник наш, ребята,
Из садов колхозных наших
В светлый день весны и дружбы
Чай и фрукты привезли.
ТАТАРЫ: Как у вас, друзья, красиво,
Всюду флаги и плакаты.
Здравствуй, здравствуй,
праздник дружбы,
Первомайский день.
Мы приехали к вам в гости,
Мы, татарские ребята,
Мы на праздник к вам собрались
Из колхозных деревень.
В круг живее все вставайте,
Пляску дружно начинайте
Ай, ай, ай!
Вы похлопайте в ладошки,
Веселей пляшите, ножки,
Здравствуй, Первый май!

Первомайский марш

Громче музыка и песни
Пусть по всей стране летят,
В первомайский день чудесный
Мы выходим на парад.

Припев: Звонче пой, стройней шагай,
Краснознаменный встречаем май.
Пусть ветер песни разнесет,
Пусть их подхватит весь народ.

Здесь бойцов проходят взводы
Под знаменами страны
В праздник дружбы всех народов,
В праздник света и весны.

Припев: Звонче пой, стройней шагай,
Краснознаменный встречаем май.
Пусть ветер песни разнесет,
Пусть их подхватит весь народ.

Частушки первомайские

В первомайский день погодный
Мы попляшем и споем.
Вместе с армией народной
Всех фашистов разобьем.
Крепнет дружба и победа
Всех народов с каждым днем.
Чтоб врагов прогнать бесследно,
Подписались на заем.
ПЕРЕКЛИЧКА:
Страну охватила внезапно война,
Но в дни напряженные эти
Заботится вождь и родная страна
О нас, о советских детях.

Припев: Мы травке и солнышку рады,
И песенки наши просты.
Под сталинским солнечным взглядом
Цветем, как весною цветы.

И будни чудесны, и праздник хорош,
Как песенка наша простая.
И радостней нас детворы не найдешь,
Хоть весь белый свет облетаешь.

Припев: Мы травке и солнышку рады,
И песенки наши просты.
Под сталинским солнечным взглядом
Цветем, как весною цветы.

Мы скачем сейчас на игрушке-коне,
Мы кукол со льдины снимаем.
Но годы пройду,т и в советской стране
О подвигах наших узнают.

Припев: Пока же мы солнышку рады,
И песенки наши просты.
Под сталинским солнечным взглядом
Цветем, как весною цветы.

За праздник весенний, за песни, за смех,
За то, что нужды не узнали,
От нас, детворы, за все и за всех
Спасибо, любимый наш Сталин!

XI

Уж и май прошел веселый,
Травка зеленеет,
Солнце нежит, греет.
Кое-кто уходит в школу,
Группа не пустеет.
Много новых ребят
К нам пришло в детский сад,
И еще веселее всем стало.
Все, как пчелки, жужжат,
Каждый солнышку рад.
Вот и лето нежданно настало.
Стали теплые дни,
Все длиннее они,
Все светлее, и солнце смеется.
И ожили жучки, паучки, червячки,
Мотылек над травинкою вьется.
Зелен наш уютный двор,
Хоть не дачный тут простор,
Все ж песок, а у ворот
Приютился огород.
Вытянулись грядки,
Точно на зарядке:
Тут редис, томаты, лук,
Огурцы рядком растут.
И полоть, и поливать
Будем огород,
Чтобы больше нам собрать
Овощей на год.

В день погожий на площадке
Целый день шумят ребятки
И играют, и поют,
Мяч ладошкой больно бьют.
Он не сердится, не плачет,
Высоко, задорно скачет.
Там играют в салочки,
Просят тут скакалочки.
Из песка тут строят город,
Горы, речки и мосты:
Расцветают очень скоро
Там бумажные цветы.
Чей это город? Как зовут?
Что за люди там живут?
Город сказочный — ответ —
Не был, был и снова нет.
Великан тут проходил,
Город-сказку раздавил.
И на месте той земли
Вышли в море корабли.
Море пенится, шумит,
По волнам корабль летит.
И чужие корабли
Где-то там плывут вдали,
Но строчат на берегу
Наши пушки по врагу.
Тра-та-та, тра-та-та,
Не уйдут бойцы с поста.
Ни в туманы, ни в пургу
Не пройти сюда врагу.
В играх мечты выражаются ярко:
Борис-комиссар в наступленье ведет.
Проходят бойцы, позади санитарки, —
Борис восклицает: «За мною, вперед!»
«За родину!» —
Крикнули дружно ребята,
Ура! и в атаку колонна идет.
Вот Алик Арзяен ведет самолет,
А Арик с Андрюшей несут пулемет,
Его маскируют в кустах за скамейкой,
Довольные делом, обходят кругом.
Вот девочки дружной шумливой семейкой
Готовят им ужин в саду за столом.
А Лидочка с Галей бойцам помогают,
Тому перевязка, того — в лазарет.
А Рая стирает, в дому помогает,
А Саша бесстрашно в разведку идет.
В дороге он ставит условные знаки,
Чтоб путь свой обратно скорее найти.
А Толя Качалов собак обучает.
«Пиль, фас, — он кричит, — за
поноской беги».
Намордники с номером им одевает
И снова кричит: «Пиль, дозорка — враги».
Вот Игорь Михеев, прицелясь, стреляет,
А Люсенька — доктор, серьезнейший вид!
Вот Милочка мячик-гранату кидает,
А Гуля по радио всем говорит:
«Алло, победили врагов, молодцы!»
И строятся храбрые наши бойцы.
Им Боря сказал: «Отдохнуть нам пора»...
Так жизнь отражает ребячья игра.

Наши дети в детсаду
В играх землю охраняют,
На учебу, в бой идут,
В играх учатся работать,
Побеждать, не отступать.

Водят танки, самолеты,
Но не вечно им играть.
Подрастут, пойдут учиться
И других начнут учить.
И быть может, так случится,
Будут летчики, врачи,
И поэты, и артисты,
Агрономы, моряки,
Слесаря и трактористы,
Инженеры и стрелки.
Нет, войны тогда не будет
(Скоро кончится она).
Зацветут, как розы, люди,
Зацветет, как сад, страна.
И про многое забудет
Навсегда тогда народ.
Только знаю, помнить будет
Ленинградец этот год
И военную блокаду,
И суровую зиму.
Честь и слава Ленинграда
Будет памятна ему.
Мы состаримся, конечно,
Тоже смена нам придет.
(На земле ничто не вечно,
Все меняется, течет).
Только честная работа
Никогда не пропадет.
И спасибо за заботу
Скажет нам тогда народ,
Что в военное ненастье
Сберегли бесценный клад,
Нашу радость, наше счастье,
Милых маленьких ребят.
И скажу я в заключенье:
Хорошо на свете жить,
Нет прекрасней назначенья
Честно родине служить!

Приложение VI-2

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПИСЬМО в детский сад № 1 завода «Красный треугольник» от воспитательницы Дементьевой Т. Н., командированной на эвакуацию детей, оставшихся сиротами, из детсада в детдом, 10 апреля 1942 г.

ПМ СПб АППО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17

Только сегодня узнала,
Где вы находитесь. Помню вас всех.
С доброю вестью к ребятам вбежала —
С радости слезы и смех.

Вас переправили в Белое озеро
Пензенской области. Вот-те и на!
Кто мог подумать, что в разные стороны
Нас разбросает война!

Из Ленинграда РОНО сообщило
Адрес ваш новый, и я,
Как мы доехали, что пережили —
Все опишу вам, друзья.

Стал Иссык-Куль голубей голубого,
Солнышко ярче, я будто во сне:
Знойные степи, Тянь-Шань, Ала-Тоо —
Все улыбается мне!

Мы в Чон-Сорое, на славной земле его
Вот уже прожили год.
Нас, ленинградцев, тепло и приветливо
Встретил киргизский народ.

С нами по-братски они поделились
Пищей, одеждой, жильем,
На берегу Иссык-Куля
Лучший нам отдали дом.

Здесь помещался до нас санаторий,
Теперь — ленинградский детдом.
Дети киргизские в гости приходят —
Мы с ними дружно живем.

Помню, как вы меня в сорок втором
В апреле командировали
С группой сирот из детсада — в детдом!..
Такое забудешь едва ли.

А через день эшелоны детдомов
На Ярославль отправляли.
Мы на Финляндском, сидя в вагонах,
Отправки до сумерек ждали.

Вдруг узнаем: в Ярославль путь закрыт.
На Кисловодск направленье сменили.
Поезд до Ладоги. Дальше по льду.
Машины в воде будто плыли...

Измученных обстрелами
и голодом, везли
Из Ленинграда нас отважные шоферы.
В убежище с детьми всю зиму провели
И вот, прощай, любимый город!

В воде по кузов двигались,
веером могучим
Влево, вправо брызги рассыпая.
Самолет фашистский вышел из-за тучи,
Жуткий гул все ближе, вот
уж настигает...

Ох, как опасна ты, Жизни дорога...
Шлепают пули по льду, по воде.
Слышим, зенитки забили — тревога!
А вокруг лед и снег — не
укрыться нигде.

Крики детей. По кабине ударило.
Что же мне делать? Как можно скорей,
Простыни вынув (в дорогу
что дали вы) —
Бросила их на детей.

Мигом схватили концы ребятишки,
Крепко держали. «Ну вот, —
Я им сказала, — не бойтесь, малышки,
Пуля теперь не убьет».

Ложью святою я их успокоила
(Дети поверили мне, как всегда).
Темною ночью в Лаврово приехали.
Наши зенитки отбили врага.

Мы обогрелись в Лаврове, поели.
Спать разместились в вагоне.
Сладко и мирно носами сопели
Сотни детей в эшелоне.

Так три недели по рельсам катили,
Весеннее солнышко в окна сияло,
И вот в Тихорецкой нас
снова бомбили...
В задних вагонах многих не стало.

Крепко тряхнуло тогда нас, подняло,
Шлепнуло снова на рельсы и вмиг —
Битые стекла, остатки обеда —
Все вперемежку — ужас и крик.

Нет, не могу я подробно об этом —
Вспомнив, сжимается сердце — потом,
Как только встретимся, боль заглушая,
Вам расскажу обо всем.

Не в Кисловодск уже, а к Краснодару
Грустные мы подъезжали.
Множество добрых, сердечных людей
Нас на вокзале встречали.

Люди простые, советские люди...
Местные власти прибыли,
В школе, что рядом с вокзалом,
Временно нас поместили.

Школьники, взрослые быстро, с любовью
Парты в столы превращали.
Горячим обедом и пончиками
Нас от души угощали.

Спать уложили в классах и зале.
(Где-то матрацы достали!)
Нас краснодарцы теплом окружили.
Майские праздники в школе мы жили.

Потом на автобусах через Кубань
В курортный поселок держали мы путь.
Чтобы могли ленинградские дети
Силы набрать, отдохнуть.

Нас в Горячем Ключе приютили.
Ожили дети, повеселели опять.
Горы Кавказа, розы и фрукты —
Вот-то была благодать!

В августе снова в далекие дали
Немец проклятый погнал,
Сидя в повозках, коней понукали,
Чтобы успеть на вокзал.

Дети молчали, прижавшись
друг к другу.
Знали — опасность близка.
Глядя на них, разрывалось сердце —
Слишком дорога прорыва узка...

Но ничего, все же мы проскочили
К станице Тверской на перрон.
Быстро мы вещи, детей погрузили.
Время отправки. Готов эшелон.

Вдруг самолет-«мессершмитт»
Вдоль эшелона летит...
Следом за ним показался второй.
Вот пулеметом строчит,
Мирных людей и детишек бомбит!

Гитлер кровавый, в сердцах у детей,
Проклятье ты вызвал у их матерей.
Время придет, уничтожат твой яд —
Оптом бойцы за детей
и матерей отомстят!

Ночью мы тронулись. В Гагры приехали.
Сочи и Гагры — мечта с детских лет...
Ветви магнолии грустно качались
И посылали прощальный привет.

Черное море шумело и пенилось,
Волны бросая навстречу врагам,
Море суровое, грозное море
Нежно ласкалось к детским ногам.

Мы пароходом в Сухуми попали,
Усталые в парке под лаврами спали,
Шли босиком по Тбилиси, Баку,
Спали на пристани, на берегу.

Снова погрузка и снова в путь.
Море Каспийское, стихни чуть-чуть,
Силу и грозность побереги
В случае, если нагрянут враги.

Вот Красноводск, Ашхабад и Ташкент.
Фрунзе, Рыбачье. И в данный момент
На Иссык-Куле мы, в Чон-Сарое живем.
Сводки читаем, картофель копаем,
Дружной работой победу куем!

Я привыкла с детьми все невзгоды,
Труд и радость и горе делить.
Этой жизни в военные годы
Никогда, видно, мне не забыть.

Определила детей я. Пора
Из командировки моей возвращаться.

Хорошо здесь живет детвора,
Нет причины о них волноваться.

Подрастут и окрепнут. Вернутся
В город наш Ленинград дорогой.
Будут твердой своею рукой
Восстанавливать город родной.

Я запомню все, что пережили,
Расскажу поколеньям детей,
Как мы Родину крепко любили,
Как в тяжелые дни помогали мы ей.

Как на крышах песком зажигалки тушили,
Доставали дрова для печей,
Под обстрелами воду из речки возили
И в убежище мыли детей.

Как умели последним делиться —
Крошкой хлеба в блокадные дни.
Разве может такое забыться?
Обо всем путь узнают они.

Воспитатель я. Честь и совесть свою
В этом звании я берегу,
У детей я любовь воспитаю к Отчизне,
Ненависть я воспитаю к врагу.

Вот на этом письмо к вам кончаю.
Принимайте привет мой сердечный!
Гибели скорой фашистам желаю,
А Советской стране — жизни вечной!

Приложение VI-3

Журнал «Костёр». Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия». 1945. № 5. С. 8

Стихи детей

К ОЛИМПИАДЕ ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

ПОБЕДНАЯ ВЕСНА

Наш Ленинград в знаменах и плакатах,
И музыка плывет над мостовой.
Дай руку, друг, и в день победной даты
Пойдем бродить по городу с тобой.

Ты помнишь год: все небо цвета стали,
Дождя и ветра яростный поток.
Отцы по морю уходили в Таллин,
А дети уезжали на восток.

Кто был постарше, посылал поклоны,
Кто был поменьше, плакал и кричал.
И разошлись большие эшелоны
За Волгу, за Оку и на Урал.

Но где б мы с вами ни были, ребята,
Мы научились в сумрачные дни
И ненавидеть так же, как солдаты,
И Родиной гордиться, как они!

Победный день! Как пахнет свежей краской!
Скрипенье блоков слышно без конца.
И в поредевших парках Петроградской
Сажают молодые деревца.

Наш Ленинград в знаменах и плакатах,
И музыка плывет над мостовой.
Дай руку, друг, и в день победной даты
Пойдем бродить по городу с тобой!

Владимир Торопыгин 9-й класс 206-й школы

„ПЕТЛЯКОВЫ"

Лощину широкую прячут туманы.
Крылатый металл распластав над травой,
Стоят „Петляковы", орлы-великаны,
Готовые к взлету, готовые в бой.

Команда звучит, запевает пропеллер,
Туман рассекая, сто вихрей гудят.
Моторы походную песню пропели,
И в темное небо взмывает отряд.

На запад ведет командир эскадрилью,
От рева моторов дрожат облака.
Идут „Петляковы", раскинувши крылья,
Обрушить удар огневой на врага.

В огне они видели землю родную, —
Так пусть же скорее свершается суд!
И, тучу крылом разрывая седую,
В пике красноозвездные птицы идут.

И огненный шторм заревел над пучиной,
В безжалостном пламени тонут суда,
И снова равнина морская пустынна,
И маслом, и дымом покрылась вода.

Ведет на восток командир эскадрилью
И путь их лежит по ночным облакам.
Идут „Петляковы", раскинувши крылья,
В Россию, к свободным родным берегам.

И снова в лощине, где стынут туманы,
Крылатый металл распластав над травой,
Стоят „Петляковы", орлы-великаны,
Готовые к взлету, готовые в бой.

Юрий Зархин 8-й класс 155-й школы

КОРАБЛИК

Под солнцем огнями
Сверкает река,
По синему небу
Плывут облака.
По берегу — поле,
И лес вдалеке.
Бумажный кораблик
Плывет по реке.
Плывет он, качаясь;
Волна набежит, —
И легкий кораблик
На гребень взлетит.
И вновь на него
Набегает волна,
И вновь поднимает

Кораблик она.
Но вдруг наклонился
Корабль на бочок,
И влез на кораблик
Зеленый жучок.
Он в воду упал,
Он ко дну бы пошел,
Но мимо бумажный
Кораблик прошел.
Жучок на кораблик
Залез и сидит.
„Вперед"! — капитан
Знаменитый кричит.
Вот берег. Кораблик
Застрял меж камней.

Жучок из кораблика
Вылез скорей.
Какой-то мальчонка,
Купаясь в реке,
Увидел: кораблик
Лежит на песке.
Веселый мальчонка
Кораблик схватил,
Жука посадил
И кораблик пустил.
И снова кораблик
На быстрой реке.
По берегу — поле
И лес вдалеке.

Сана Невская 7 класс 272-й школы

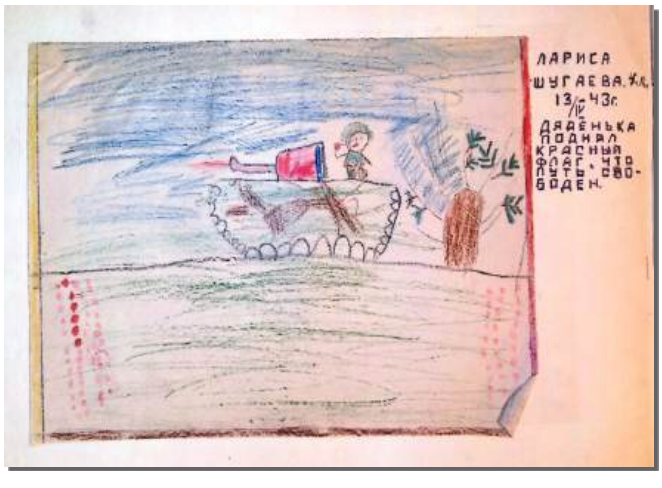
Приложение VI-4

Графическое творчество детей в дни Отечественной войны

Основа графического творчества — активность детей и конкретность мышления ребенка, последнее требует реальных представлений. Представления о Красной Армии конкретны для ребенка-ленинградца. Конкретнее, чем для ребенка, живущего далеко от фронта, так как все происходит перед его глазами. У него реальное представление о самолетах, танках, пушках, зенитных орудиях, не только зрительное, но и слуховое, что облегчает ему задачу передать полученный образ на бумаге. Эта тема отражается не только у мальчиков, но и у девочек.

Ребенок-дошкольник чрезвычайно отзывчив ко всему эмоциональному, яркому, интересному. В его мышлении элементы образного конкретного преобладают над элементами абстрактного отвлеченного. Ребенку интересно изображать самолет, танк. Он изображает пушку, танк в действии, всегда здесь имеется налицо огонь, взрыв.

Переживания, впечатления, полученные ребенком в детстве, запечатлеваются глубоко и надолго, могут сохраниться всю жизнь. Графическое творчество развивает личность ребенка, творческую инициативу, выдержку, сосредоточенность, умение довести творческий замысел до конца. В рисунке, благодаря трудности графического выражения, явно обнаруживается, как ребенок по-своему воспринимает действительность. Это своеобразие изобразительного творчества — путь, который ведет его к полноте реалистического изображения. Он передает, преобразует действительность по собственному

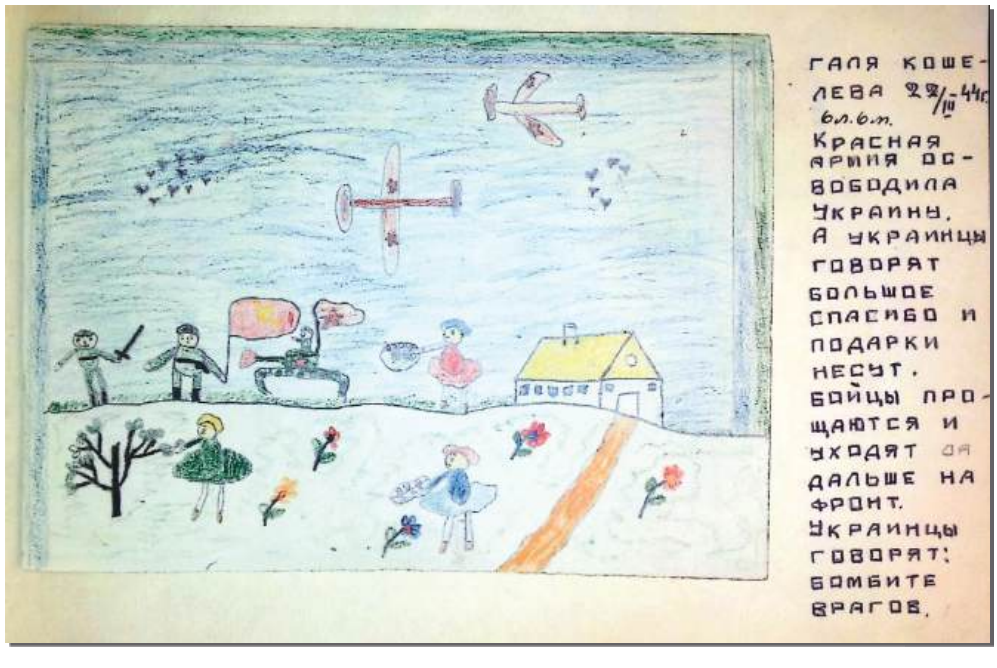


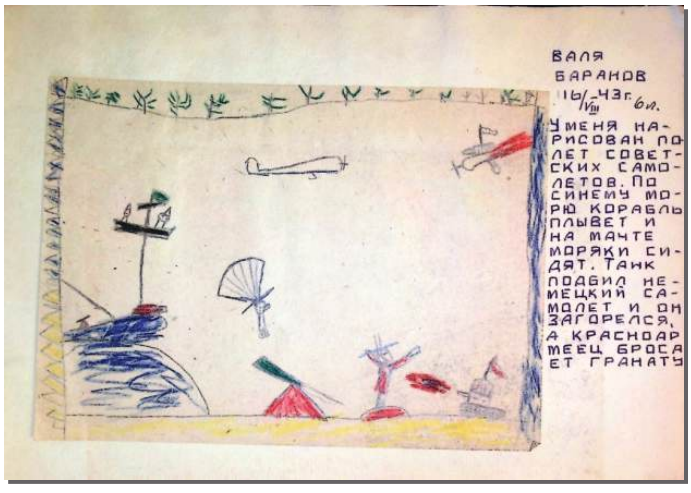
замыслу. Так Юра Брутылин, узнав, что взяли Красное Село, город, в котором до войны жила наша няня Наташа, отобразил взятие этого города нашими бойцами красным карандашом — «ведь взяли “Красное” село».

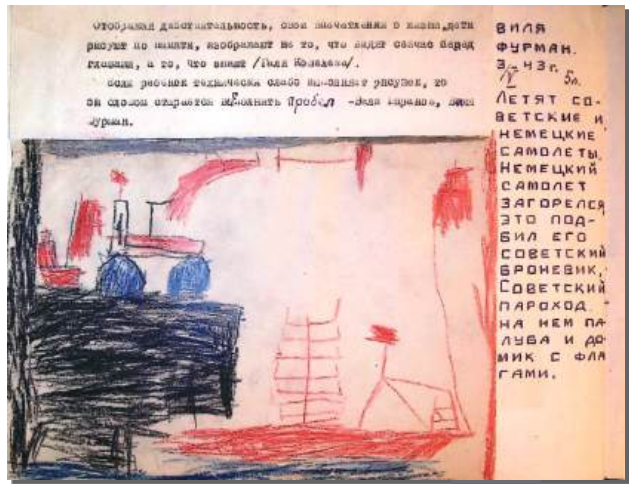
Галя Кошелева знает от меня, что освобождают Украину, захотела изобразить «победу Красной Армии на Украине», но не имеет реального представления об Украине, просила меня рассказать, как выглядят украинские дома. У нее осталось впечатление, как изображали украинцев на празднике, и потому они здесь нарядные, она изобразила в виде праздника.

Отображая действительность, свои впечатления о жизни, дети рисуют по памяти, изображают не то, что видят сейчас перед глазами, а то, что знают... Если ребенок технически слабо выполняет рисунок, то он словом старается восполнить пробел (Валя Баранов, Виля Фурман).

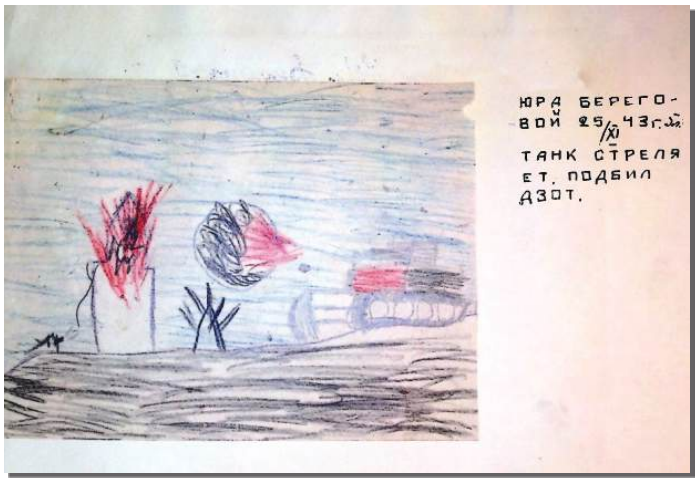
Важнейшей задачей в творческом развитии являются те усилия, которые он тратит на отыскание формы, выражающей желаемый образ. Взять пароходы, танки, как они меняют формы в связи со знакомством с предметом после



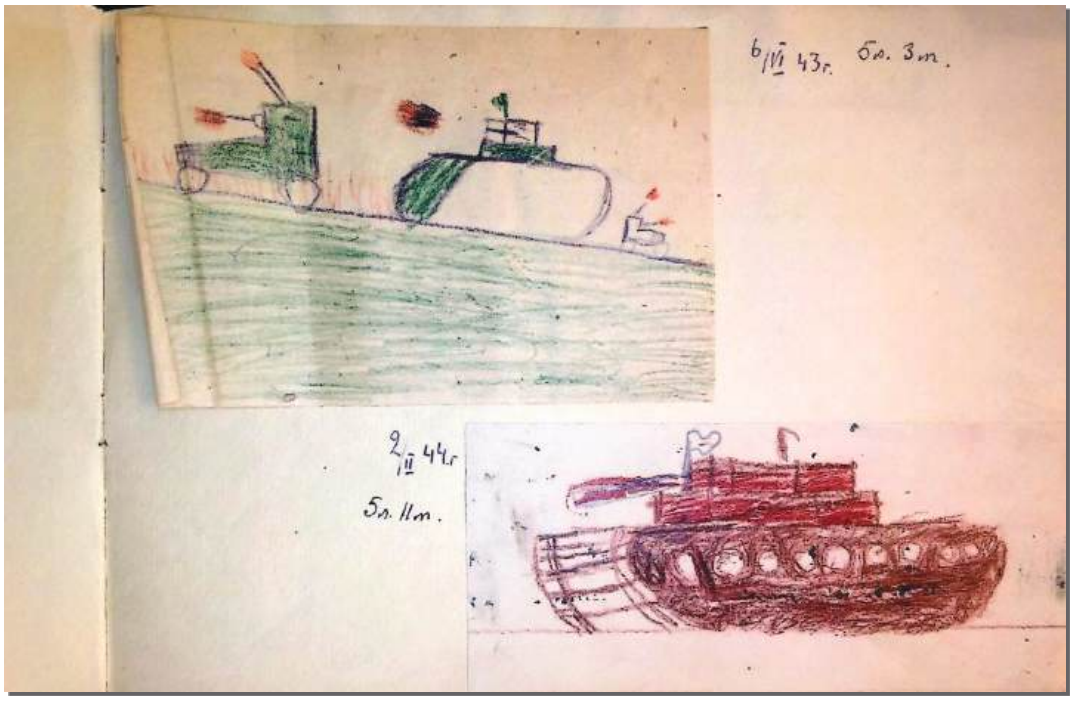




рассматривания картинки или наблюдения. Например, танк Юры Берегового до и после рассматривания альбома.

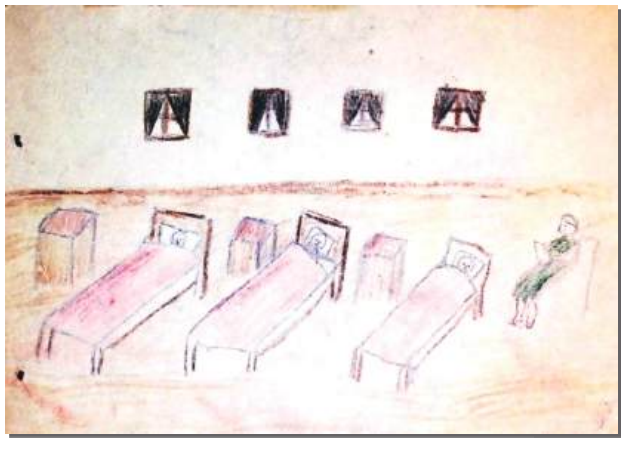


Так как развитие ИЗТ ребенка идет по двум направлениям, первое из них — культура детского восприятия, насыщение образами; второе — помощь ребенку в выражении волнующего его образа, то я и стараюсь. Во-первых, расширить кругозор ребенка, для чего подбирала литературу (сборники «Герои Отечественной войны), рассматривала с детьми газеты, поощряла, когда дети сами приносили вырезки из газет, открытки. Летом, насколько позволяли военные действия, рассматривали орудия, знакомились — как живут военные, давала возможность беседовать с ними. Во-вторых, старалась по мере возможности обеспечить ребенка всеми необходимыми материалами: бумагой, красками, карандашами, учитывая, что помимо того, что рисование является одним из любимейших занятий детей, в то же время, после игр, графическое изображение является одним из доступных средств воплощения образа. Советом, показом помогала передать образ.



Приложение VI-5

Дети о своих будущих профессиях



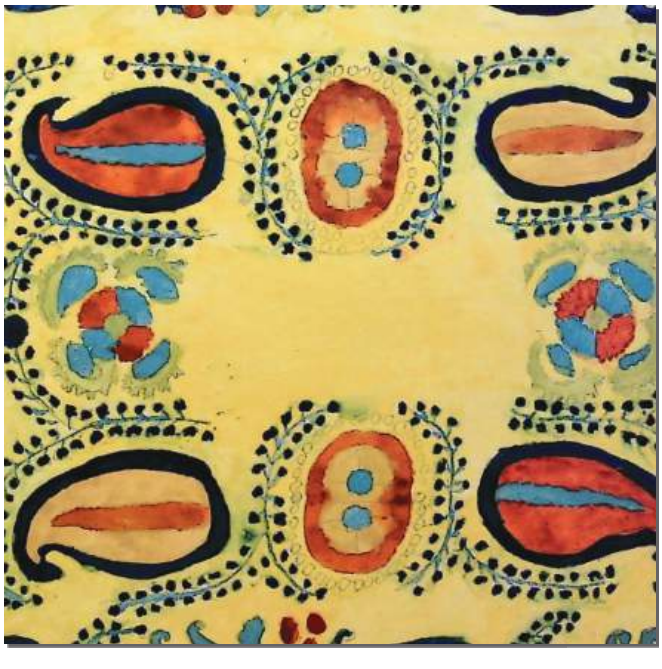
Захарова Галя. 24.03.45. Когда я вырасту, буду сестрой в госпитале у родных бойцов. Буду ухаживать за ними, кормить, градусники ставить каждый день буду. Чтобы они поправлялись скорее и немцев бы всех до одного перебили. А пока больные они, я им книжку почитаю, и газеты читать буду о наших победах.

Приложение VI-6

Декоративное рисование детей старшей группы детсада № 8 Московского района, 1—11 марта 1943 года

«Узбекский народный орнамент», Шурик Корнеев, 7 лет

«Украинский народный орнамент», Римма Бызина, 7,5 лет



«Азербайджанский народный орнамент», Люся Щукина, 7 лет

«Казахский ковер», Галя Богданова, 7,5 лет, д/с № 58 (в эвакуации)

Приложение VI-7

Рисунки учащихся гимназии № 63 Калининского района

«Блокадный Ленинград».
Екатерина Майорова, 9 лет

«Дети войны».
Мария Кириллова, 8 лет

«Комната. Блокадный Ленинград».
Елизавета Шегурова, 8 лет

Мария Мухаметшина, 9 лет

Валентина Павличенко, 9 лет

«После бомбежки».
Ксения Цыпкина, 8 лет

«Освобождение».
Артем Климов, 9 лет

БЛОКАДНАЯ ПЕДАГОГИКА КАК РЕСУРС СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Не все мы умрем, но все изменимся.
Апостол Павел

Блокадную педагогику в теоретическом плане можно определить как проверенную в условиях осажденного города-фронта систему воспитания и обучения, основанную на творческой адаптации педагогических традиций и достижений отечественного образования к условиям гуманитарной катастрофы, реализованную при оперативной государственно-административной и общественной поддержке.

Социально-политическими механизмами, определившими формирование этой педагогики в 1941–1945 годах, явились целевые установки, заложенные в партийных и правительственных документах СНК РСФСР, Наркомпроса РСФСР[1], в постановлениях и решениях Ленинградского горкома партии, Ленгорисполкома, Ленгороно. Об эффективности этих установок до сих пор спорят историки, но нельзя отрицать, что диапазон партийно-административного внимания и контроля по отношению к системе образования в военный период был широк. От масштабной организации эвакуации в глубь страны и борьбы с безнадзорностью детей до скрупулезно расписанного регламента организации новогодних елок; от создания Академии педагогических наук РСФСР до введения новой системы оценок успеваемости и регламентации правил поведения школьников. Все поступающие указания и нововведения неуклонно реализовывались в блокадном Ленинграде. Если внимательно вчитаться в массив нормативных документов, сохранившихся в архивах, с удивлением обнаруживаешь: они написаны таким языком, что даже через много лет понятно, какие задачи ставились перед конкретными категориями педагогических работников Ленинграда, какие именно результаты и в какие сроки ожидались, кто за что нес ответственность.

Научно-методические основы блокадной педагогики складывались по мере разработки содержания и методов деятельности дошкольных учреждений, различных типов школ, детских домов, Дворца пионеров, системы профессионального усовершенствования педагогических кадров, соответствовавших военному времени. *Специфические формы и приемы работы* в принципиально новых условиях (интернаты и детские дома для сирот, уроки в бомбоубежищах, сокращение времени на обучение, труд в эвакуации и пр.) рождались непосредственно в опыте военной повседневности, закрепляясь в записях и отчетах учителей, воспитателей, руководителей учреждений, в создании учебников, методических рекомендаций, наглядных пособий. Таким образом, можно говорить о наличии многоуровневой социально-педагогической структуры, ориентированной на максимально возможное вовлечение детского населения блокадного Ленинграда в систему организованного обучения и воспитания.

«Блокадная педагогика» как метафора имеет расширительный смысл. Это педагогика преодоления, стойкости, сохранения человеческого достоинства, противодействия смерти. Блокада Ленинграда как длительная экстремальная

[1] См.: Правовое регулирование образования в СССР во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. URL: https://pandia.ru/text/77/312/33660.php; *Россинский Ю. Г.* Система образования РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2 (23). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-obrazovaniya-rsfsr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny; Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: Сб. документов за 1917—1947 гг. Вып. 1. М.; Л., 1947.

ситуация стала беспрецедентным, чудовищным экспериментом «на выживание». Обеспечение выживания физического, социального, культурного, нравственного в этот период определяло основную педагогическую цель работы с детьми всех возрастов.

Учитель-гуманист Ш. А. Амонашвили суть деятельности педагога образно определил так: «Человек — созидатель Человека». Развивая эту мысль применительно к рассматриваемому периоду, можно сказать, что блокадную педагогику создавал «Человек — носитель, хранитель и спаситель Человеческого качества». Педагогика блокадного Ленинграда стала совершенно особым гуманитарным явлением, чье жизнеутверждающее, оберегающее жизнь начало можно рассматривать как в прямом, так и в переносном смысле. Дополнительное питание, которое предоставлялось в дошкольных и школьных учреждениях, стало реальным источником поддержания жизни многих юных ленинградцев в самые голодные и холодные месяцы блокады. Но были и другие «нематериальные» источники поддержки.

Во многих воспоминаниях говорится об учителях, дававших такие уроки, после которых «жить хотелось». О педагогах, общение с которыми и для детей, и для взрослых всегда оказывалось живительным. Матери приходили к сотрудницам детского сада, чтобы получить совет и поддержку в воспитании детей, поведение которых начинало тревожить. Когда любимый литератор на уроке в бомбоубежище увлеченно декламировал слова В. Маяковского «И жизнь хороша, и жить хорошо», школьникам хотелось ему верить, хотя это прямо противоречило окружающей обстановке. По словам учителей одной из школ, когда становилось особенно тяжело, они отправлялись «сил набраться» к своей коллеге на урок литературы.

Блокадная педагогика обладала целительным эффектом. Целительным было стремление учителей и воспитателей вернуть обездоленным блокадой детям радость жизни, подарить «кусочек счастья». Таким животворным «кусочком» в смертельно голодающем городе, где по известным причинам исчезли все птицы и домашние животные, могла оказаться живая елка, выступление дрессированной собачки, приведенной в детсад подвижником-артистом цирка. Наконец, — любое «нескушанное» живое существо или растение, о котором можно было заботиться. Создание в детских садах и школах «живых уголков» (уголков Жизни!) в этих условиях казалось чудом и приобретало особенный смысл. Не случайно через много десятилетий в памяти повзрослевших блокадных детей сохранились минога, плавающая в аквариуме в то время, «когда, казалось, съесть можно было все, что угодно», маленький кролик, которого можно было покормить с рук, и горькое сожаление о лягушке, убитой прямо в руках случайным осколком.

Деятельность педагогов блокадного города в своей основе имела систему непреложных нравственных ориентиров и источников поддержки, определивших устойчивость и эффективность воспитательных и учебных действий даже в немыслимо тяжелых условиях. Что же это были за ориентиры?

Коллективный образ Победы

Известная социологам теорема Томаса гласит: «Если человек определяет ситуацию как реальную, она — реальна по своим последствиям». Для жителей осажденного Ленинграда в 1941–1944 гг. общей неизбежной реальностью стало снятие блокады и возрождение города. Кто знает, в какой мере именно такое восприятие оказалось «самосбывающимся пророчеством» (К. Мертон), к исполнению которого 872 дня вели не только яростные сражения за город советских бойцов, но и совокупные, часто спонтанные действия простых жителей, в числе которых были педагоги и учащиеся. В коллективном образе «потребного будущего»[2] у подавляющего числа ленинградцев от мала до велика даже в самые тяжелые месяцы блокады *отсутствовало представление о том, что город может быть взят*. Напротив, существовало общее твердое убеждение в неизбежности победы, которое постоянно социально подкреплялось, в том числе блокадной системой обучения и воспитания.

Ориентация только на победу была заложена в государственных и партийных документах, определявших специфику целей и содержания всех видов обучения и воспитания, в героизме образовательной повседневности, в мотивах блокадного творчества детей и взрослых. Уверенность в победе, воля к победе звучит в подавляющем большинстве представленных в данном издании документальных свидетельств педагогов и их воспитанников. «*Дают силы только*

[2] Термин «потребное будущее» введен Н. Бернштейном. Коллективный образ «потребного будущего» рассматривается как мощный социально-психологический феномен, определяющий результат совокупных усилий того или иного сообщества. Структуру этого образа составляют аналогичные по смыслу и направленности цели, ожидания, мечты, идеалы, страхи. Подобный образ выполняет ценностно-ориентационную функцию, а также функцию поддержания позитивной социальной идентичности и адаптации к социальным изменениям.

надежда на прорыв блокады и уверенность в нашей победе», — была убеждена учительница. «*Да, я писала, я могла! Я крепко верила, что этим помогаю Родине, фронту*», — вспоминает ученица. У юноши-десятиклассника «*в самые тяжелые, трагические моменты была полная уверенность, что несмотря ни на что мы победим*».

Пережившая блокаду Р. М. Грановская, доктор психологических наук, говоря о факторах выживания, делает акцент не просто на необходимости в катастрофических ситуациях наличия общей и индивидуальной цели, но и на масштабе, величии этих целей[3]. У подавляющего большинства ленинградцев великой общей целью было — выстоять и победить. По словам журналистки Людмилы Овчинниковой, перу которой принадлежит серия очерков о войне и блокаде, «борьба с оккупантами шла не только в окопах, опоясавших Ленинград, но и на высшем, духовном уровне. В блокадных школах проходила такая же незримая полоса сопротивления»[4]. Многие ленинградцы именно в дни тяжких военных испытаний осознали, каким мощным рычагом в жизни человека может стать воля. В военные годы известный психолог Б. Г. Ананьев «увидел резервы, о которых мы обычно не подозреваем» и понял: «Нет более великой проблемы, чем проблема человеческих возможностей... человек может все...»[5]

В 1941–1944 годах нечеловеческие усилия жителей по противодействию блокадным лишениям подкреплялись во всех концах страны энергией стремления эвакуированных ленинградцев вернуться в родной город, освобожденный от осады. Учительница М. Ю. Поволоцкая пишет о том, как, находясь в Новосибирске, с волнением слушала по радио митинг бойцов Ленинградского фронта, где прозвучали слова неизвестного ей воина: «Без Ленинграда жить нельзя. За Ленинград — умереть можно...» Возникавшие на этом патриотическом фоне факты репрессий и случаи чудовищного одичания людей вытеснялись на периферию массового сознания, поскольку не они на тот момент определяли возможность города выстоять в общей беде и встретить Победу. Как сказано в воспоминаниях одного из свидетелей блокады, «грязи было много, но это ничто по сравнению с теми, кто выживал, работал, боролся»[6]. По наблюдениям учителей, в осажденном городе дети, собираясь вместе, редко и с поразительным чувством меры упоминали о блокадных ужасах. «Здоровая психика вытесняла из памяти эти страницы прошлого, не хотела делать их единственно незабываемыми»[7]. В некоторых случаях ребятами даже устанавливалось правило: в школе не говорить о еде и бомбежках.

Чувство долга

Во многом групповое сознание педагогов Ленинграда (как и всей страны) было сформировано жесткой государственной системой 1930–1940-х годов, требовавшей следовать определенным правилам социально-политической жизни, включавшим идею *долженствования*. Для педагогов как дореволюционной выучки, так и только что приступивших к работе, грамотное и честное исполнение учительских обязанностей в любых условиях оставалось безусловной нормой. Чувство профессионального долга побуждало работников образования в полуживом состоянии ежедневно приходить на рабочее место, осознавая важность возложенной на них миссии спасения юного поколения ленинградцев. По убеждению учительницы Н. В. Мансветовой, «самый человеческий, возбуждающий волю, напрягающий все то, что еще оставалось *вместо нас* (выделено *ред.*), был великий побудитель — НАДО!»[8] Следование человеческому и гражданскому долгу, в свою очередь, требовало от каждого приложения личных волевых и физических усилий. Индивидуальное принятие решений на основе коллективных норм американский социолог Джеффри Хасс, изучавший модели поведения людей в блокаду, определил как «парадигму героизма»[9]. В рамках именно такой парадигмы разворачивалась жизнь ленинградских дошкольных учреждений, школ

---

[3] Блокада Ленинграда — о чем и зачем лгут современные фильмы — Рада Грановская рассказывает. URL: https://youtu.be/qygBEfGHhRE

[4] *Овчинникова Л.* «Каждое утро мы с мамой прощались...»: Из воспоминаний детей, переживших ленинградскую блокаду. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/kazhdoje_utro_my_s_mamoj_proshhalis_2011—09–27.htm

[5] Цит. по: *Степанов С. С.* Век психологии: имена и судьбы. Б. Г. Ананьев. С. 69. URL: https://bookap.info/book/stepanov_vek_psihologii_imena_i_sudby/gl84.shtm

[6] *Митрий Хитрый.* Воспоминания о блокаде без цензуры. URL: https://proza.ru/2014/10/12/1717

[7] *Раскин Л. Е.* Советская учительница. Л., 1943. С. 27.

[8] *Рогова Н. Б.* Воспоминания учительницы Н. В. Мансветовой о блокаде Ленинграда / Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX веков. — СПб.: Нестор-История, 2006. С. 556.

[9] *Хасс Дж.* Выживание в годы войны и «история». Проблема самостоятельности выбора и различные модели человеческого поведения во время ленинградской блокады // Россия. Век двадцатый: Сб. статей к 95-летию доктора исторических наук В. М. Ковальчука. СПб., 2011. С. 107.

и детских домов. Ответственность за жизнь и здоровье детей были важными стимулами мобилизации всех (казалось, последних) сил педагогов при поиске в опустевших квартирах ребят, оставшихся без надзора, при выводе малышей и подростков в бомбоубежище. Учителя и воспитатели детских садов буквально заслоняли собой детей от осколков бомб и выбитых взрывами стекол...

Доктор биологических наук С. В. Магаева, школьницей пережившая блокаду, впоследствии, исследуя патологию нервной и иммунной систем, пришла к выводу, что главным в вопросе выживания оказывался психосоматический аспект, а именно — *наличие соответствующей мотивации*. По наблюдениям самих блокадников, оставался жить преимущественно тот, кто не прекращал делать нечто, имеющее смысл не только для себя, но для кого-то еще. Оглядываясь назад, блокадный школьник Леонард Поляк понял, что чаще выживали те, кто двигался. «Кто каждое утро заставлял себя встать, как-то умыться, пойти на работу, за водой, топливом, едой, <...> тот, кто имел обязанности»[10]. Для учащихся такой личной и гражданской обязанностью оставалась учеба. Для педагогов — забота о выживании, развитии, воспитании, обучении детей осажденного города.

Многообразие видов активности, в которую вынужденно были погружены ленинградские педагоги в период блокады, требовало постоянного движения, стремительно сменяющих друг друга действий, приобретения совершенно нового социального и практического опыта. Помимо преподавания, учителя работали на рытье окопов, в госпиталях, на эвакопунктах, в детских приемниках, в звеньях самозащиты; участвовали в сборе теплых вещей для красноармейцев, заготавливали дрова, вели агитационную пропаганду, обходили дома, выявляя детей, оставшихся без родителей. Как, например, учительница истории Александра Николаевна Миронова, которая за два с половиной месяца перенесла и перевезла на санках в детский дом около 140 разысканных ею и спасенных безнадзорных детей[11].

В сферу деятельности, направленной на продолжение жизни города, на заботу о ближних и слабых, педагоги вовлекали своих учеников, которые участвовали в оборонных работах, становились донорами, санитарами, даже воспитателями в детских садах. Массовым явлением в блокадном Ленинграде стало тимуровское движение. В 1941–1942 гг. в 753 тимуровских командах успешно работало 12 800 пионеров. За существенный вклад в выпуск оружия и боеприпасов на оборонных предприятиях, за активное участие в тушении пожаров и «зажигалок», расчистке улиц, выращивании овощей, уходе за ранеными свыше 15 тысяч школьников были награждены медалью «За оборону Ленинграда».

В ту пору ценилось не просто действие, но *действие ответственное*, продуктивное, приносящее общественную пользу и в силу этого подвергающееся постоянному социальному контролю. В архивах Санкт-Петербурга наряду с текстами блокадных приказов о поощрении педагогов и учащихся хранится немало отчетов и постановлений с критическими замечаниями по поводу недостатков в работе школ и детских дошкольных учреждений. Некоторые из них приведены в данном издании. Выдвигаемые вышестоящими инстанциями цели в сочетании с жестким контролем требовали от педагогов каждодневных профессиональных поисков и находок, порой немыслимых в мирное время организационных и педагогических «ухищрений», позволявших решать, казалось бы, неразрешимые задачи. Таким образом, из сочетания чувства долга с социальной и личной ответственностью произрастали творческие формы работы учителей, воспитателей, директоров детских учреждений. И в этом проявлялся «тихий героизм» педагогической повседневности.

Любовь и забота

У Л. Н. Кузнецовой, окончившей школу в июне 1941 года, осталось впечатление, что *выживали те, кого любили, и те, кто о ком-то заботился*[12]. Две этих составляющих — любовь и забота — во многом определили суть отношений, сложившихся в блокадном городе между работниками школ, детских домов, детских дошкольных учреждений и их подопечными. *Любовь к детям* для носителя педагогической профессии считается чем-то само собой разумеющимся и во все времена упоминается в перечне основных качеств учителя и дошкольного работника. В годы блокады смысл этого словосочетания для педагогов Ленинграда как никогда приблизился к древнерусскому понятию «жалеть» — «беречь, сохранять в бытии, жаловать жизнь». Любовь к своим подопечным рождалась у сотрудников детских садов, школ, детдомов прежде всего из жалости и сострадания. Многие факты и архивные материалы свидетельствуют об этом. Сколько нежности, заботы, тревоги

[10] Энергия жизни // Санкт-Петербургские ведомости. 2020. 5 нояб. № 201 (6799).

[11] *Раскин Л. Е.* Советская учительница. Л., 1943.

[12] Блокада. Трагедия Ленинграда / Авт.-сост. С. Б. Борзенко, А. О. Кожемякин. СПб.: Реконструкция; СПГУТД, 2014. С. 32.

сквозит в рабочих записях и личных воспоминаниях учителей и воспитателей. Чего стоит зафиксированное в протоколе педсовета совместное решение: для спасения детей «если надо, отдать свою жизнь». И это не было дежурной фразой, но отражало реальную внутреннюю готовность учителя, воспитателя к подвигу во имя защиты ребенка и его мирного будущего.

Многие руководители школ и детских садов, даже некоторые инспекторы не только знали всех своих подопечных в лицо, но судьба каждого ребенка была им известна. За этим знанием скрывались «слезы учителей, всегда все и всех понимающих, постоянно вбирающих в себя все беды и несчастья своих ребятишек и их родителей». По утверждению одной из творческих представительниц дошкольных работников В. Т. Ивановой, еще долго после блокадных лет «во всех ленинградских воспитателях сохранялась привычка особого внимания к каждому ребенку. Ведь тот, кто остался бы без личного внимания — скорее всего, не выжил бы»[13]. Именно такого внимания, судя по наполненным горечью мемуарам, не хватало маленькой девочке Миле Аниной, которой пришлось вести «диалог с войной тет-а-тет». В отсутствие постоянного поддерживающего взаимодействия с педагогами и детским коллективом ребятам, оставшимся в блокадном городе в одиночестве, «война гувернанткой была».

Подвиг — одно из выражений подвижничества, которое в определенные моменты может становиться единственным средством активного противостояния злу. Весь мир преклоняется перед нравственным подвигом польского педагога и врача Януша Корчака, показавшего, что значит «любить ребенка»[14], добровольно последовав за своими воспитанниками в газовую камеру концлагеря Треблинка. На предложение спастись он ответил: «Не бросишь же своего ребенка в несчастье, болезни, опасности. А тут двести детей. Как оставить их одних в газовой камере?»[15]

Ленинградские педагоги по мере сил старались не оставить в осажденном городе ни одного ребенка наедине с его бедами. По данным НКВД, на 22.06.1941 г. в Ленинграде проживало 591 603 детей[16]. К августу 1942 после суровой зимы и эвакуации осталось 144 977. Однако о каждодневном блокадном подвиге ленинградских учителей и воспитателей, в основе которого лежала любовь к детям, мировой общественности почти не известно. До сих пор до конца не установлены и не названы поименно работники дошкольных учреждений, что погибли, вынося малышей на руках под обстрелом в бомбоубежище; учителя, замертво упавшие от голода, не дойдя до дверей школы. Одна из целей данного издания — хотя бы частично восполнить этот пробел.

Вера

По убеждению блокадницы С. Магаевой, «можно выжить в самой тяжелой и, казалось бы, безнадежной ситуации, если верить, надеяться, не впадать в отчаяние — то есть следовать христианским заповедям». Религиозный аспект не мог присутствовать в официальных педагогических документах и методических материалах, которые дошли до нас из блокадных времен. Однако в архивах ленинградских храмов, работавших в блокаду, в воспоминаниях священнослужителей, в личных дневниках ленинградцев содержится немало примеров подспудного сохранения религиозных традиций среди детей и педагогов[17].

Утро Лиды Барышевой, ребенка из многодетной семьи, начиналось с того, что, став перед иконой Николая Чудотворца, дети молились о том, чтобы остаться в живых в течение наступившего дня. Первой блокадной весной Лидия с матерью и сестрами стала ходить в Никольский собор. В семье Ольги Сафаровой читали Библию с начала до последней страницы и тут же начинали с первой, пока были силы[18]. Протоиерей Борис Глебов, ребенок блокадного Ленинграда, вспоминает, что после того как мама нашла и забрала его из детского дома, они пошли в Князь-Владимирский собор. Храм, поразивший мальчика красотой и тихим величием, он полюбил сразу всем сердцем.

Воспитанники одного из детских домов, делая утром зарядку, следуя примеру своей воспитательницы, как молитву, повторяли: «Январь пережили, февраль переживем, а в марте запоем!» Во время бомбежек молитвенно

---

13 *Иванова В. Т.* О красоте профессии воспитателя, или Беседы обо всем на свете. М.: Образовательные проекты, 2016. URL: https://www.litmir.me/br/?b=693982&p=1

14 *Корчак Я.* Как любить ребенка. М.: Дом, 1990.

15 Писатель Игорь Неверли, один из помощников Я. Корчака, приводит эти его слова, прозвучавшие в ответ на предложение о личном спасении.

16 Юлия Кантор. «Все наше желание было — хлеб и Ленинград». Эвакуация из Ленинграда до и во время блокады // Звезда. 2019. № 1. URL: https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/1/vse-nashe-zhelanie-bylo-hleb-i-leningrad.html

17 См., например, фильм «Ленинградская молитва», 2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=cmzsJbtVD58

18 См. запись интервью с О. А. Сафаровой «Я не знала милосердия в блокаду». URL: https://www.miloserdie.ru/article/ya-ne-znala-miloserdiya-v-blokadu/

складывали руки и до сигнала отбоя воздушной тревоги приговаривали: «Снаряды, снаряды, вам падать не надо на наш Ленинград, на наших ребят». Они свято верили, что Кто-то Невидимый, Безымянный и Всемогущий их охраняет. Лидия Мелихова помнит, как из детского дома «У Пяти Углов» их возили в Никольскую церковь, красивейшую, двухэтажную, со специальным залом для отпевания погибших моряков. А когда однажды Лиду вызвали к директору, подруги, провожая девочку до его кабинета, перекрестили ее и повесили на шею трехстворчатую иконку[19].

Сотрудница библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии Александра Васильевна Аксенова объясняет пробуждение в ленинградцах религиозного чувства тем, что «в блокаду многие стали понимать, что такую войну нельзя пережить без помощи Божией». Религиозное чувство помогло выстоять многим блокадникам, в числе которых были и верующие учителя, и верующие ученые. Евангельским сюжетом веет от описания блокадной встречи девочки-школьницы Светы Магаевой и ученого с мировым именем А. А. Ухтомского, потомка князей Рюриковичей, советского академика, в 1921 году тайно принявшего монашество и в 1931 году рукоположенного во епископа Охтенского.

> Больной старик «достал узелок из глубокого кармана долгополого пальто. В носовом платке был завернут кусок хлеба. Алексей Алексеевич разломил его и протянул мне половину. Я отказывалась, ведь хлеб — это жизнь... Он улыбался и уверял, что академический паек вполне достаточен для жизни... Погладив меня по щеке и перекрестив, он медленно пошел в сторону набережной. Тогда я не поняла, что это было благословение епископа Алипия. Должно быть, благословляя меня, Алексей Алексеевич просил Бога помочь мне выдержать грядущие муки блокады и выжить...»[20]

Возникает вопрос: случайно ли в достаточно подробных педагогических отчетах и методических разработках блокадного периода практически не звучит атеистическая пропаганда? Разве что промелькнет в школьном дневнике ученицы 4-го класса на уровне записи темы урока: «Церковь против науки» (география). Или отзовется короткой фразой молодой воспитательницы детского сада, в работе которой *«антирелигиозное воспитание проводилось исключительно путем бесед с родителями»*.

[19] См.: Ленинградская девочка: URL: https://pikabu.ru/story/leningradskaya_devochka_1107185

[20] *Магаева С.* Оптимисты поневоле. М.: Наталис, 2005. С. 17.

Сила коллективизма

Среди важнейших отличительных особенностей российского общества традиционно называют «соборность», «общинность», «коллективизм»[21]. Общинность веками составляла неотъемлемую черту российского менталитета. Соборность, предполагая «единомыслие, единодушие, общность судьбы и жизни объединенного множества людей, возможность любви к соотечественникам, теплоту внутреннего родства и взаимопонимание с полуслова, <...> формируется в условиях жизни именно коллективистского общества»[22]. А, как известно, коллективистская психология была присуща советскому человеку. Все эти три составляющие в критические моменты жизни страны объединили народ в исполнении долга.

В разных текстах блокадного периода, вошедших в данное издание, слово «коллектив» неоднократно повторяется как одно из центральных педагогических понятий. По утверждению психологов, в кризисных ситуациях «прочность и стойкость коллектива исключает возможность образования паники, несмотря на переживаемые отдельными личностями состояния моральной неустойчивости и страха»[23]. Именно поэтому создание коллективных отношений во всех типах детских и школьных учреждений осажденного города, а также в условиях эвакуации стало важнейшей педагогической задачей, решение которой открывало дополнительный ресурс выживания. Блокадная педагогика, производная от человеческого и профессионального сотрудничества, помогала взрослым и детям обрести смысл жизни в дружбе, в заботе о ближнем.

Философ Л. П. Карсавин указывал на то, что «соборное действие, <...> совершаясь во всех, в каждом, совершается по-особому, соответственно его индивидуальности»[24]. Индивидуальные блокадные свидетельства в полной мере это подтверждают. Молодая художница Елена Марттила с началом войны внезапно почувствовала, что ее собственного «я» больше нет,

[21] *Антонов Д.* Соборность и общинность как важнейшие определения идентитета российского общества. URL: http://insight-community.ru/д-антонов-соборность-и-общинность/

[22] *Франк С. Л.* Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 60.

[23] *Ананьев Б. Г.* Из оборонного опыта советской психологии // Советская педагогика. 1943. № 2—3. Анализ психологической природы паники проделан Прангишвили. В основании паники лежит *реакция личности на разложение коллектива*.

[24] *Карсавин Л. П.* Сочинения. М.: Раритет, 1993. С. 209.

есть только «мы». Вера Михайловна Пахомова, вспоминая блокадное детство, утверждает, что выжили тогда потому, «что не остались в одиночестве, а стали частицей большой семьи под названием “детский сад”, где все помогали друг другу жить. Взрослые заботились о малышах, а малыши заставляли взрослых бороться за жизнь. Эта борьба за детей дала возможность людям остаться Людьми, хотя и очень большой ценой, но добиться победы»[25].

Завуч школы К. В. Ползикова-Рубец пишет: «Нам совершенно ясно: в коллективе детям легче переносить все лишения. Общение с товарищами, учителями отвлекает их от постоянного ощущения голода и холода. К сожалению, некоторые родители не понимают значения коллектива и осмысленного труда детей и удерживают их дома». Находясь вместе, ребята переставали бояться выполнять поручения, связанные с риском попасть под обстрел или бомбежку. Одну из ситуаций, подтверждающих этот факт, приводит Н. В. Мансветова. Классу дали задание: принести от Петропавловской крепости десять ведер песка на чердак. Когда школьники вернулись, выполнив поручение, то на вопрос: «А страшно было?» — ответили: «Нет! Мы построились парами и песни пели, — строем идти не страшно».

Горстка старшеклассниц школы-колонии «Красные зори», с риском для жизни, коллективными усилиями спасая выращенные своими руками сельскохозяйственные продукты, сделала все, чтобы ни один ребенок в детском доме № 6, куда их перевели из пригорода, не умер. Показателен опыт самоуправления интернатским бытом эвакуированных ленинградских ребят в селе Каменка, общий уклад жизни которых был основан на традициях коллективного труда А. С. Макаренко.

Сплочению педагогических коллективов способствовало сопереживание своим коллегам. Квартира сотрудницы ЛГИУУ М. Н. Эгерштром в ходе бомбежек пять раз подвергалась разрушениям. Когда взамен ей была предоставлена другая жилплощадь, сил перебраться туда в одиночку уже не хватало. На помощь пришли сослуживцы, тоже ослабевшие, но совместными усилиями сумевшие за три дня перенести все вещи[26]. Учитель словесности А. А. Бардовский, умирая от дистрофии, записывал в дневнике: «Человек живет в коллективе человечества — прошлого, настоящего и будущего. В этом смысл и оправдание жизни... Как хочется жить, приносить пользу, давать уроки, писать статьи... Я хотел бы жить, хоть инвалидом без рук и ног, но с мыслящей головой и горячим сердцем и возможностью хоть как-то проявить себя в мире»[27].

Причастность к культуре

В условиях, когда людям не хватало обычного хлеба, пища духовная не только не обесценивалась, но приобретала порой даже большее значение, чем в «сытые» времена. Предваряя текст воспоминаний учительницы начальных классов Н. В. Мансветовой, ее дочь упоминает о важности развития «*духовной вертикали детского самосознания*». В выстраивании такой вертикали, по убеждению Нины Васильевны, помогало изучение родного языка, отечественной истории и русской литературы, предметов, где «можно было найти и душевную ясность, и простоту, и достоинство». Она искренне считала, что чтение «Войны и мира» Л. Н. Толстого способствует повышению идеологического уровня. Такое достаточно смелое утверждение было ею высказано перед членами партийной комиссии в 1944 году[28].

Духовное развитие в светском (атеистическом) понимании у жителей Ленинграда всегда оставалось неразрывно связанным с понятием культуры. Именно поэтому так важно было не утратить в блокаду привычек культурной жизни, являвшихся отличительной чертой ленинградцев. Помимо чтения хорошей литературы культурным событием для детей становилось посещение ленинградских театров, оставшихся в городе. Не случайно блокадные елки, которые устраивались в театрах, сопровождались показом спектаклей. По словам руководителя старейшего детского театра России, ленинградского ТЮЗа, Александра Брянцева, «наш юный зритель в суровые дни войны обречен на тяжкие переживания, которые он сам еще не сознает и которые неизбежно омрачат его детство. Именно сейчас мы, как никогда, призваны сохранить чистоту детства и внести в него мужественную волю, сохранить радость детства и пропитать его верой в светлое будущее, сохранить пытливость детства и открыть перед ним мир подлинного героизма...»[29]

---

[25] *Пахомова В. М.* Детский сад в блокаду. URL: https://ljwanderer.livejournal.com/89514.html

[26] Этот случай зафиксирован в воспоминаниях сотрудницы ЛГИУУ Т. Шатуновой и дневнике В. Инбер, которые были лично знакомы с М. Н. Эгерштром.

[27] *Блок М.* Они слышат вас, учитель! // Ленинградская правда. 1982. Февр. № 43.

[28] *Рогова Н. Б.* Воспоминания учительницы Н. В. Мансветовой о блокаде Ленинграда. URL: https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/6537339add66207c2afecc902cf53fe4b406c3b3.pdf

[29] Искусство в блокадном Ленинграде. URL: https://vk.com/wall-98877741_7396

Исключая период лютых морозов декабря-января 1941—1942 годов, в блокаду продолжали работать ведущие кинотеатры, где демонстрировались художественные фильмы и документальная хроника и куда стремились попасть школьники. Вадим Брусянин, питерский журналист и киновед, на начало войны перешедший в 3-й класс, помнит, как в прокате появлялись новые советские картины: «Антон Иванович сердится», «Маскарад», «Жила-была девочка», а также полученные от союзников фильмы «Багдадский вор», «Бэмби», «Большой вальс». Киносеансы сравнивали с метрономом: кино крутят, значит, жизнь продолжается[30]. Даже в детских садах дошкольники в блокаду могли увидеть фильмы, вошедшие впоследствии в золотой фонд советского киноискусства. Театральные постановки и кинокартины военного времени вселяли оптимизм, давали надежду на скорое освобождение.

Блокадный город бережно сохранял культурные традиции детского творчества. Ленинградский Дворец пионеров, оставаясь объектом повышенного внимания немецких летчиков, тем не менее, уже в мае 1942 года возобновил занятия. В сентябре в отделе художественного воспитания заработали танцевальные, вокальные, фортепьянные кружки, кружок рукоделия, рисования, художественного слова. Здесь, невзирая на трагизм и убогость блокадных условий, детей продолжали приобщать к образцам высокого искусства, учили культуре слова, жеста, мысли. Под звуки зениток профессор Мария Васильевна Кастальская брала томик Гомера и просила прислушаться к музыке стиха. Розалия Абрамовна Варшавская, обучая девочек культуре движения, предлагала передать руками взмах лебединого крыла, представить, что они вдыхают аромат розы[31]. И в этом также проявлялась блокадная педагогика.

Информационно-культурная поддержка

В значимый ресурс поддержания культурной и духовной жизни осажденного города, а значит, и в педагогический ресурс, превратилось радио. К 1940 году ленинградцы имели в своих квартирах свыше четырехсот тысяч репродукторов и с наступлением блокады могли слушать радио, на тот момент оставшееся центральным средством массовой информации[32]. Помимо выполнения пропагандистской роли и оружия информационной войны, радиовещание давало жителям возможность постоянно слышать голоса лучших представителей ленинградской интеллигенции. Среди них были скульптор М. Манизер, академик И. Орбели, артист Н. Черкасов, композитор Д. Шостакович, поэтесса А. Ахматова и многие другие.

Учительница Андрианова писала диктору М. Г. Петровой: «Без радио страшно! А радио заставляет жить... Спасибо, что вы говорите с нами... Это так важно». Е. Васютина, ставшая после войны писательницей, отмечала в дневнике: «Репродуктор сейчас самое близкое живое существо. Он сообщает необходимые правила поведения в нашей сложной жизни. Он единственный питает меня рассказами, культурой»[33]. Через несколько лет после окончания войны шестнадцатилетняя Мила Анина посвятила артистке радио Петровой стихотворение, где были такие строки:

Мария Григорьевна, здравствуйте,
Заморыш блокадный ваш вырос.
Меня Вы, конечно, не знаете,
Но вы помогали мне выжить...

В начале войны по предложению Политуправления Ленинградского фронта детское вещание было прекращено. Передачи для дошкольников не велись, поскольку многие ребята были эвакуированы летом 1941 года, а потом — зимой и весной 1942 года по Дороге жизни. Но уже с февраля в эфире зазвучал «Костер» по радио», адресованный школьной пионерской аудитории[34]. По радио начали передавать рассказы о школьниках, продолжавших учебу зимой 1941–1942 годов; выступления ребят, призывавшие сверстников к совместным действиям. Одно из таких выступлений: «Сделаем Ленинград чистым и красивым», — прозвучало 30 марта 1942 года. В апреле 1942 года раздался радиопризыв к ребятам помочь разнести письма, накопившиеся за зиму. Несколько раз были организованы трансляции из госпиталей, где побывали школьники. 20 июля транслировался торжественный вечер выпускников ленинградских школ Смольнинского района. В июне 1942 года в эфире был передан текст телеграммы из приуральского села Монастырка: «Срочная, Ленинград, Фонтанка, 76, райком партии и отдел наробразования Фрунзенского района. Передайте

---

30 *Кравчук З.* Голливудский рай в блокадном аду. URL: https://rg.ru/2004/01/28/kino.html

31 *Овчинникова Л.* Фуэте на блокадной сцене. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/fuete_na_blokadnoj_scene_2010-04-27.htm

32 Эта цифра приводится в кн.: *Рубашкин А.* Голос Ленинграда. Ленинградское радио в дни блокады. Л.: Искусство, 1980. Цит. по: URL: https://www.litmir.me/br/?b=543864&p=1

33 Там же. С. 28.

34 Радио-«Костер»: из воспоминаний Н. Теребинской // Костер. 2005. № 7. URL: http://www.kostyor.ru/7-05/radio7-05.php

родителям, что все дети 26 интерната здоровы. Работайте спокойно, крепите оборону Ленинграда».

В июле-августе вышло двадцать выпусков детского радиожурнала «Юный патриот». По блокадному радио перед ребятами выступали герои Ленинградского фронта. Подросткам были адресованы очерки о подвигах бойцов и командиров. К ним обращались известные писатели, причем иногда от имени любимых книжных персонажей. Как, например, Вениамин Каверин, представившийся героем «Двух капитанов» Саней Григорьевым. В неспокойном блокадном городе, полном людских трагедий и противоречий, гуманистическим утверждением звучали слова из сказки Е. Шварца: «И как ты ни старайся — время не повернет обратно и человек не станет зверем».

На протяжении всей блокады специальные передачи велись для молодежи. 14 сентября 1941 года из Таврического дворца транслировался молодежный митинг. В конце января 1942 года в передачах «Комсомол в быту» передавались рассказы о помощи подростков и молодежи, сопровождавшиеся призывом: «Сделай то же и в своем доме!» Каждый выпуск молодежной программы включал материалы о лучших производственниках, молодых воинах, бойцах МПВО. В ноябре 1942 года руководство Радиовещания обсудило вопрос о содержании молодежных радиопередач, после чего из активистов города была сформирована редколлегия молодежного радиовещания.

В 1942 году из 5290 эфирных часов — 2830 заняли передачи политвещания. 2301 час (почти столько же!) составил объем художественного вещания. Передач для детей было сравнительно немного — 174 часа[35]. Рассказы о том, как ребята помогают Родине в трудные дни, заняли главное место в работе детской редакции в 1943 году. Об этом говорят такие названия передач, как: «Наши тимуровцы», «Чем ты поможешь фронту», «За наши дела пионерские спасибо нам Родина скажет». К микрофону нередко приглашались сами ребята. Так, в один из июньских дней в студию пришли школьники Петя Бабурин и Юра Артюхин, награжденные медалями «За оборону Ленинграда». Вера Инбер в «Ленинградском дневнике» (запись от 19.01.1943) упоминает доклад для школьников на тему «Голубь — военный фотограф», сделанный по радио ученицей 4-го класса 49-й школы, и рассказ Вовы Киселева из 52-й школы о воспитании санитарной собаки.

Голоса подростков, работавших на заводах, звучали и в передачах для взрослых. С «Трибуны бойцов бытовых отрядов» ребята могли по радио обратиться к своим родителям, воевавшим на фронте. Воспитанники блокадных детских садов и школ приглашались в радиостудию для художественных выступлений, которые могли услышать бойцы, защищавшие Ленинград. Например, Алевтина Чевокина прочитала свое стихотворное «Письмо бойцу», которое она вложила в одну из посылок на фронт. Поэт Олег Цакунов в одном из стихотворений вспоминает, как детсадовцем читал в Доме радио стихи для бойцов, защищавших город. Чудесным образом его услышал отец — сержант, служивший на военном аэродроме Ленинградского фронта.

С весны 1942 года в городе по несколько раз в день стали звучать музыкальные передачи. По радио школьники могли слушать произведения Бородина и Бетховена, Глинки и Гайдна, Даргомыжского и Дворжака, Мусоргского и Моцарта. Неудивительно, что дети военного поколения на всю жизнь запомнили арии из опер «Кармен», «Риголетто», «Севильский цирюльник» и др. В цикле передач «Чтение с продолжением» в исполнении актеров для них оживали страницы «Овода», «Капитанской дочки», «Педагогической поэмы».

После прорыва блокады увеличилась доля художественного вещания для всех возрастов. В «Театре у микрофона» «ставились» «Горе от ума», «Ревизор», «Гроза», «Новые похождения солдата Швейка», «Мертвые души». Осенью 1943 года ребята могли слушать радиопьесы по произведениям Г. Х. Андерсена и А. Конан Дойля. Учитывая все эти факты, радио по праву можно считать одним из важных факторов развития, просвещения, воспитания, психологической поддержки ленинградского блокадного поколения.

Методическое творчество

Сегодня, с учетом исторического знания о непростых страницах в судьбе нашего Отечества в предвоенный период, *важно разграничивать жестко заданное идеологическое начало,* которое сотрудники школ, дошкольных учреждений в обязательном порядке должны были вкладывать в содержание обучения/воспитания, *и собственно методику как объективированный механизм решения тех или иных педагогических задач.* При постоянном дефиците ресурсов ленинградские педагоги вынуждены были постоянно импровизировать, создавая необходимые пособия из подручного материала, творчески используя индивидуальный культурный багаж, хранящийся в памяти, осваивая новые формы отношений с детьми. Найденные во время блокады логика и формы работы с газетной публицистикой; методики написания сочинений, выполнения групповых заданий, изучения нового материала в сочетании с повторением; приемы формирования навыков культурного поведения и совместной

[35] Там же. С. 75.

трудовой деятельности вполне воспроизводимы в другие времена и в других условиях.

Если педагогические действия технологичны, то есть по своей природе способны устойчиво обеспечивать намеченные результаты, они так или иначе закрепляются в культурном опыте. Не случайно опытные учителя и воспитатели в военное время обращались к обширному зарубежному и отечественному научно-педагогическому, психологическому, социально-педагогическому наследию. Не случайно лучшие методические пособия, учебники, детские научно-популярные книги, созданные ленинградскими авторами в период блокады, неоднократно переиздавались после окончания войны. Не в этой ли причастности к вековой педагогической мудрости кроется причина того, что учителя, прошедшие войну, учителя-блокадники, преодолевая любые идеологические рамки, смогли воспитать свободолюбивое и творческое поколение ленинградских выпускников шестидесятых годов...

Историческая память

Писатель Илья Груздев в блокаду призывал: «Если у тебя есть уши, которые слышат, и глаза, которые видят, подумай о том, что вот ты, именно ты, можешь запечатлеть то, что ты видишь и слышишь, и ни один человек в мире не может тебя заменить»[36]. Неотъемлемую часть блокадной педагогики составляют рукописные, печатные, рисованные тексты воспоминаний, ставшие поучительными свидетельствами индивидуального Ученичества в Школе Жизни. Выпускникам этой школы было и есть что сказать всем последующим поколениям. Следы блокады, порой очень разные по своему настрою, запечатлены в записках, дневниках, рисунках, стихах, многие из которых еще лежат в архивах непрочитанными.

Зачем это делалось ленинградцами разных лет, когда и так не хватало сил? Что это было: способ выживания? Вид свободной активной деятельности в форме повествования или рисования? Форма выражения своего гнева, ненависти к происходящему и его виновникам? Ответы можно найти в дневниковых записях, которые их авторы расценивали:

- *Как свидетельство очевидца* (дневники, рисунки, стихи). Отец, живописец Петр Бучкин, подарил сыну-школьнику блокнот со словами: «Фиксируй все, что видишь. Кто, Димка, если не мы?»
- *Как обвинение для будущего суда над фашизмом*. Инспектор дошкольного методического кабинета Елизавета Леонидовна Щукина вела дневник для того, чтобы он мог послужить документальным подтверждением обвинений против гитлеровской Германии. Юная художница Елена Марттила хотела «оставить лица блокадников в людской памяти как обвинение фашизму».
- *Как исторически и политически важную миссию*. «Я пишу дневник потому, что выполняю одно из заданий райкома — пишу, чтобы помочь в будущем восстанавливать историю обороны Ленинграда» (школьный инспектор Л. К. Заболотская)[37].
- *Как послание в будущее, способствующее соприкосновению потомков с переживаниями блокадников*. «Может быть, впоследствии, если этот дневник не погибнет, он даст кое-какой материал для историка и для писателя, и для психолога... О, будущие поколенья! Знайте, что мы здесь переживаем» (учитель литературы А. А. Бардовский). «Чтобы люди последующих годов поняли, чем мы жили, чем дышали и на что надеялись» (ученик десятого класса школы № 28 Ленинского района Леонард Поляк).
- *Как память о себе*. «Мама мне говорит, что дневник сейчас не время вести. А я вести его буду. Не придется мне перечитывать его, перечитает кто-нибудь другой, узнает, что за человек такой был на свете» (школьник Юра Рябинкин). «...Мой дневник... от тебя прошу лишь одного: сохрани мою печальную историю на своих страницах, а потом, когда это будет нужно, расскажи обо всем моим родственникам, чтобы они все узнали, конечно, если они этого пожелают» (школьница Е. Мухина)[38].
- *Как обращение ко всем людям*. «Хотелось сказать людям что-нибудь такое, чтобы они стали бы сразу смелыми, честными, добросовестными и трудолюбивыми» (Таня Вассоевич).

Зададимся вопросом: чем, кроме благодарной памяти и восхищения мужеством жителей блокадного Ленинграда, способны люди XXI века откликнуться на эти обращенные в будущее героические свидетельства? Какие уроки может преподнести человечеству блокадная педагогика спустя 80 лет?

---

[36] *Рубашкин А.* Голос Ленинграда. Ленинградское радио в дни блокады. С. 53. Цит. по: URL: https://www.litmir.me/br/?b=543864&p=1

[37] Человек в блокаде. Новые свидетельства / Отв. ред. В. М. Ковальчук. СПб., 2008. С. 140.

[38] «Сохрани мою печальную историю...»: Блокадный дневник Лены Мухиной / Отв. ред. В. М. Ковальчук; сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков; вступ. статья С. В. Ярова. СПб., 2011. С. 259.

Памятник детям блокады в яблоневом саду на Васильевском острове[86]

Памятник блокадному учителю в Соляном переулке [87]

* * *

Блокадная педагогика составляет неотъемлемую часть ленинградской культуры, сумевшей в грозное для страны время противостоять тотальному Злу. Она сочетает в себе героизм и преданность родному городу, исторический оптимизм, человеколюбие, уважение к человеческому достоинству, чувство профессионального долга, чувство причастности к богатству образовательной культуры многих предыдущих лет. Эта педагогика была в чем-то романтична, социально доверчива, но одновременно и требовательна к достижению наивысшего профессионального результата в любых условиях.

Обращение к педагогическому опыту блокадного Ленинграда в наше непростое время в определенной мере символично. Блокадная педагогика и спустя 80 лет остается неиссякаемым ресурсом сохранения человечности. Возможно, права журналистка Людмила Овчинникова, предположив: так трудно нам живется сейчас и потому, что мы «утратили тайну мужества

[86] Мемориальный яблоневый сад в 1953 году посажен в память о детях, погибших в годы блокады, учительницей биологии Анфисой Семеновной Тян-Шанской со своими учениками. Памятник установлен в 2010 году. Фото И. Колесниковой, май 2021 г.

[87] Памятник установлен перед Музеем обороны и блокады Ленинграда, открыт 27 января 2022 года. Инициатором его создания стала Надежда Васильевна Строгонова, ветеран педагогического труда, всю блокаду проработавшая в школе и детском доме. Фото И. Колесниковой. 27.01.22.

и человеческого достоинства, которой владели жители блокадного Ленинграда». Однако у каждого остается шанс внутренне к этой тайне приобщиться. Но с историческим пониманием того, что патриотизм и мужество педагога в современном мире проявляется не в подготовке борцов *против* кого-то, не в воспитании ненависти, не в использовании всуе военной риторики и атрибутики. Это постоянно продолжающаяся и непростая борьба «ЗА»: сохранение в подрастающих поколениях Человеческого Начала, бережное воспитание у них осознанно гуманитарной, созидательной жизненной позиции, которая в перспективе может стать гарантией того, что ужасы войны и блокады не повторятся никогда...

Литература

1. *Белянова О.А., Роботова А.С.* Учитель и Победа // Вестник Герценовского университета. 2010. № 5 (79). С. 19–26. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchitel-i-pobeda
2. *Газиева Л.Л.* Документы женщин-педагогов о спасении детей в блокадном Ленинграде // Отечественные архивы. 2014. № 5. С. 41–48.
3. *Грановская Р.М.* Социально-психологические причины стойкости жителей блокадного Ленинграда (1941–1944 гг.) // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2013. № 1. С. 83–86.
4. *Козлов Н.Д.* Роль духовных сил населения в период блокады // Женщины Ленинграда в годы блокады: науч. конф. 10—11 марта 2005 г.: тез. докл. / Редкол.: А. Р. Дзенискевич (отв. ред.) и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 51–54.
5. *Колосова Е., Щеглов В.* Педагогический подвиг в годы блокады // Народное образование. 2005. № 4. С. 189–197.
6. *Кондратенко Е.В.* Сохраненная рукопись К. В. Ползиковой-Рубец: О дневниковых записях, сделанных в годы ленинградской блокады // Педагогика. 2007. № 9. 40–59.
7. *Крюков А.Н.* Ради спасения. Дети и музыка в осажденном Ленинграде. СПб.: Композитор-Санкт-Петербург: Союз композиторов Санкт-Петербурга, 2013.
8. *Лебедева Н.Б.* Блокадные дневники ленинградских педагогов и школьников // Вторая мировая война: взгляд через 50 лет: Материалы науч. конф. СПб., 1997. Ч. 2. С. 48–55.
9. Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования. СПб.: ГАЛАРТ, 2019.
10. *Локотникова И.Г.* Дворец пионеров в период Великой Отечественной войны.
11. *Магаева С.В., Тервонен Л.И.* Психологическая общность ленинградских блокадников. СПб.: Профи-Центр, 2010.
12. *Позина Л.Т.* Забота партии о подрастающем поколении в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ленинградской партийной организации): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.
13. *Седова Н.В.* Школа в годы войны // Женщина и война. О роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1944 гг.: Сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 98–111.
14. *Тарасова Я.* Книги и библиотеки в жизни детей и подростков блокадного Ленинграда / Руководитель работы: Т. М. Кашурникова; ГБОУ СОШ № 183 Санкт-Петербурга. URL: https://183spb.edusite.ru/uploads/files/books_and_libraries.pdf
15. *Щукина Г.И.* Урок длиною в четыре военных года: (Историко-публицистический очерк). СПб., 1991.

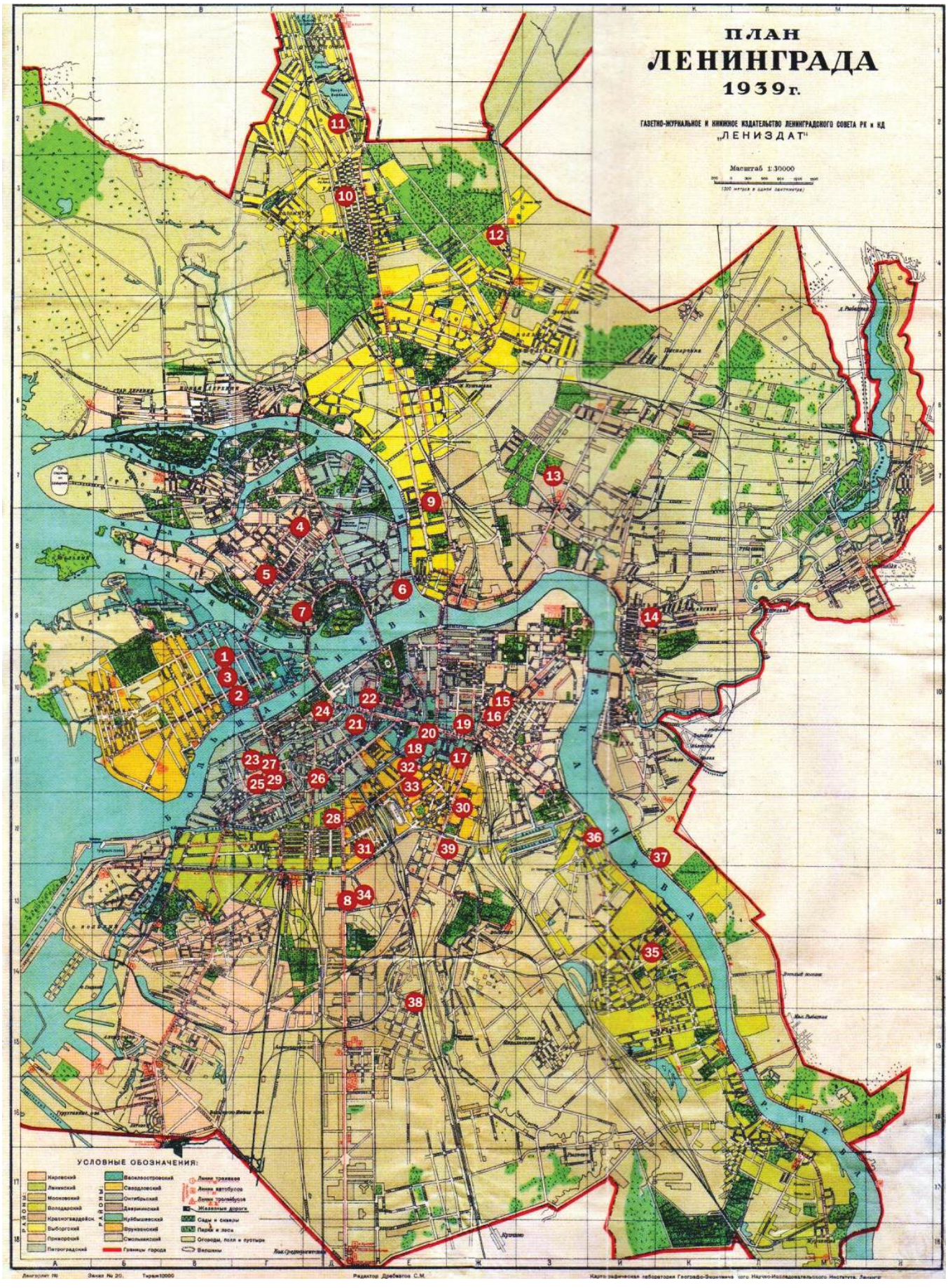
Доступ ко всем сетевым ссылкам проверен 20.10.2021

Топографическая справка

В период 1936–1946 гг. в черту Ленинграда входили 15 районов:

- Василеостровский,
- Свердловский (выделен из Василеостровского),
- Володарский,
- Выборгский,
- Красногвардейский (выделен из Выборгского),
- Кировский,
- Ленинский (выделен из Кировского),
- Московский,
- Октябрьский,
- Петроградский,
- Приморский (выделен из Петроградского),
- Смольнинский, Дзержинский, Куйбышевский (образованы из Центрального и части Смольнинского района),
- Фрунзенский.[1]

[1] По данным Путеводителя по фондам ЦГА СПб. История административно-территориального деления Петрограда – Ленинграда – Санкт-Петербурга (1917–2001). URL: https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cga/guide/187


ПЛАН
ЛЕНИНГРАДА
1939 г.
ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЕ И КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО СОВЕТА РК и КД
„ЛЕНИЗДАТ"
Масштаб 1:30000
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
РАЙОНЫ
Кировский
Ленинский
Московский
Володарский
Краногвардейск.
Выборгский
Приморский
Петроградский
Всеволожский
Свердловский
Октябрьский
Дзержинский
Куйбышевский
Фрунзенский
Смольнинский
Границы города
Линии трамваев
Линии автобусов
Линии троллейбусов
Железные дороги
Сады и скверы
Парки и леса
Огороды, поля и пустыри
Вешняки
Редактор Дребезгов С.М.

Благодарности

Авторы выражают сердечную благодарность Почетному меценату Санкт-Петербурга Грачье Мисаковичу Погосяну, при поддержке именного Фонда которого в 2022 году появилось первое издание «Блокадной педагогики». Сохранению памяти о героической жизни блокадного Ленинграда и его школ, поддержке ветеранов-блокадников отведено заметное место в многочисленных проектах, которые инициирует и финансирует этот удивительный человек, убежденный в том, что необходимо «создавать связь между прошлым, настоящим и будущим, чтобы потомки смогли увидеть и оценить наши дела и передать эстафету следующим поколениям».

Благотворительный фонд постоянно поддерживает общественные инициативы, направленные на воспитание патриотизма детей и молодежи. Некоторые из начинаний непосредственно связаны с блокадными событиями и военной историей школ, о которых упоминается на страницах этой книги. Идеям межнационального взаимодействия и согласия, которые много лет исповедует Г. М. Погосян, созвучны представленные в нашей книге материалы о встрече и обоюдном влиянии различных национальных культур в период эвакуации ленинградских детей и педагогов в регионы России.

На официальном сайте Фонда www. radichesti.ru размещена электронная версия первого издания «Блокадной педагогики».

За поддержку, оказанную авторскому коллективу на разных этапах работы над созданием и публикацией «Блокадной педагогики», искренне благодарим:

Петра Евгеньевича Тищенко, председателя Архивного комитета Санкт-Петербурга;

Степана Васильевича Жолована, заместителя директора Центра опережающей профессиональной подготовки Санкт-Петербурга, ректора СПб АППО в 2006–2020 гг.;

Елену Сергеевну Тихомирову, председателя Правления Санкт-Петербургской общественной организации «Жители блокадного Ленинграда».

Сергея Валентиновича Тарасова, ректора Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Содержание

От авторов **5**

ДЕТСКИЕ САДЫ И ДОШКОЛЬНЫЕ ДЕТСКИЕ ДОМА БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА **19**

Приложение I

I-1. Статистический отчет о детских садах по районам на 1 января 1940 года 56
I-2. Статистический отчет Ленгороно о детских садах на 1 января 1941 года 57
I-3. Приказ № 45 по Городскому отделу народного образования Исполкома Ленсовета депутатов трудящихся от 18 февраля 1942 г. 57
I-4. Сводные отчеты о контингенте детей в детских садах в период 15.01.1945–01.12.1945 г. 58
I-5. Приказы Исполкома Ленсовета по Городскому Отделу Народного Образования № 112 от 1 мая 1942 г. № 207 от 18 августа 1942 г. № 270 от 26.11.1942 г. 59

Приложение II

II-1. Из плана работы детсада № 38 Смольнинского р-на, декабрь 1941 г. и детсада № 20 Октябрьского р-на, 1942–1943 г. 60
II-2. Из отчета дошкольного детского дома № 60 Смольнинского р-на за время с 1 марта по 15 июля 1942 г. 63
II-3. Материалы из фотоальбома детского сада № 21/детинтерната № 43 Дзержинского района, ноябрь 1942 г. 65
II-4. О состоянии работы дошкольных детских домов г. Ленинграда на 15 мая 1942 г. 68
II-5. Отчет о состоянии дошкольной работы в Василеостровском р-не за год Отечественной войны с 22/VI 1941–22/VI — 1942 г. 71
II-6. План и дневник работы на февраль и март месяц 1942 г. 6-й группы детского дома № 13 Красногвардейского района. 77
II-7. Отчет воспитателя младшей группы детского сада № 29 Дзержинского района Е. Г. Мыльниковой. 78
II-8. Отчет заведующей детским садом № 29 трамвайного парка им. Володарского Володарского р-на О. Г. Шадурской 81
II-9. Самодельные пособия для развития конструктивной деятельности детей (из опыта Е. И. Ильичевой, воспитательницы детсада № 21 Выборгского района). 89
II-10. Праздник елки 1941–1942 гг. Воспоминания С. Л. Солодухо, музыкального работника детского сада № 7 Смольнинского района. 90
II-11. Сценарии праздников: к 25 годовщине Октября 1942 г. и «В летнем лесу» (детсад № 26 Смольнинского р-на) 92
II-12. Высказывания детей детского сада № 25 о войне 97
II-13. Игры в детском саду (по материалам детсада № 36 Куйбышевского района 1944–1945 гг.) 98
II-14. Воспоминания детей детского сада № 6 Куйбышевского р-на о пережитой блокаде 101
II-15. Переписка детских садов с фронтовиками 103
II-16. Доклад Е. Л. Щукиной «Нет, не забыть нам тех дней» в Музее истории Ленинграда 16.05.61 106

ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ **113**

Приложение III

III-1. Ленинград 1940: Адресно-справочная книга. Лениздат, 1940 г. 171
III-2. Список 39 школ, работавших в блокадную зиму 1941–1942 г. 172
III-3. Решение Ленгорисполкома об организации детских новогодних елок от 23 декабря 1941 г. ... 173
III-4. Отчеты школ о работе за 1941–1942 учебный год 174
III-5. Отчет школ Ленгороно о работе за 1941–1942 учебный год (с указанием периодов реальной работы) 178
III-6. Учебный план на 1942–1943 учебный год 178
III-7. План работы Ленгороно на 1942–1943 учебный год 179

III-8. Отчет Ленгороно о работе школ за 1942–1943 учебный год . . . 180
III-9. Планы восстановления школ Ленинграда на 1943 год . . . 183
III-10. Сводная ведомость о сельскохозяйственных лагерях на 25.06.1943 г. . . . 183
III-11. Отчеты школ о работе за 1943–1944 учебный год . . . 184
III-12. Решение Исполкома по школьным вопросам № 114-54 от 22 мая 1944 года. . . . 188
III-13. Итоги работы школ в 1943–1944 учебном году. Решение № 117–1-з Исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся от 13 июля 1944 года . . . 189
III-14. Дневник-отчет директора школы № 33 Василеостровского района Бочаровой (первый блокадный учебный год). . . . 190
III-15.1. Раскин Л. Е. Отрывок из книги «Героические будни». (Заметки о работе с детьми в Ленинграде в годы блокады — 1941–1943). Школа. Первый год блокады . . . 192
III-15.2. Ленинградская городская педагогическая выставка. Воспоминания учителей о работе в школах Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. . . . 213
III-15.3. Поволоцкая М. Ю. К 40-летию Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Воспоминания ленинградской учительницы. Глава 1. Школа и учителя накануне и в начале войны. Оборона Ленинграда . . . 239
III-15.4. Чухман А. А. История школы № 321 . . . 247
III-15.5. Школа Ленинграда в дни Великой Отечественной войны в воспоминаниях учащихся . . . 261
III-15.6. Интервью с Зинаидой Аркадьевной Федюшиной . . . 285
III-15.7. Нина Ивановна Высоковская. Моя жизнь в Ленинграде в период Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 года . . . 287
III-16. Предсмертное письмо библиотекаря Георгия Павловича Королькова директору 222-й школы от 8 января 1942 года. . . . 289
III-17. Страницы из альбома с самостоятельными работами учащихся 6-го класса школы № 367 292
III-18. Материалы школьного музея «ЛУч» . . . 294
III-19. Первый послевоенный выпуск журнала «Костёр» . . . 299

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ВКЛАД ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО ИНСТИТУТА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ В РАЗВИТИЕ БЛОКАДНОЙ ПЕДАГОГИКИ . . . 305

Приложение IV

IV-1. Из отчетов школ за 1941–1942 учебный год. Школа № 367, учительница Е. Н. Печанская. «О том, как были построены билеты для испытаний по русскому языку и литературному чтению в 7-м классе» . . . 324
IV-2. Сведения о работниках школ Фрунзенского района в 1943 году . . . 325
IV-3. Характеристика уровня образования и стажа директоров и завучей школ в 1944–1945 учебном году . . . 325
IV-4. Сотрудники Ленинградского городского института усовершенствования учителей в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. . . . 326
IV-5. Список трудов сотрудников Ленинградского городского института усовершенствования учителей (1941–2945 гг.) . . . 331
IV-6. Открытый урок Е. Ермоленко, учительницы биологии школы № 79 Петроградского района Ленинграда 28/X-43 г. Учет знаний по теме «Раздельнолепестковые растения» . . . 334
IV-7. Поволоцкая М. Ю. Глава V. Методическая работа с учителями накануне окончания войны и в послевоенный период восстановления народного хозяйства страны. Из авторской рукописи «К 40-летию Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Воспоминания ленинградской учительницы» . . . 335
IV-8. Последнее интервью профессора Наталии Ильиничны Элиасберг 16 апреля 2014 года . . . 344

ЖИЗНЬ ЛЕНИНГРАДСКИХ ДЕТЕЙ И ПЕДАГОГОВ В ЭВАКУАЦИИ . . . 345

Приложение V

V-1. Приказы по Городскому отделу народного образования Исполкома Ленсовета депутатов трудящихся от 21 марта 1942 г. и от 9 апреля 1942 г. об эвакуации детских домов . . . 379
V-2. Сметы и переписка по эвакуации детей, 1941–1942 гг. . . . 381

V-3. Раскин Л. Е. об организации эвакуации. Отрывок из книги «Героические будни». Заметки о работе с детьми в Ленинграде в годы блокады — 1941–1943 384
V-4. Поволоцкая М. Ю. Воспоминания ленинградской учительницы. Глава II. Эвакуация школьников в Боровичи. Реэвакуация 386
V-5. Сапожников Л. З. Спасенное поколение (отрывок из книги) 388
V-6. Авербух Д., воспитательница дошкольного интерната № 51 Кировской области. Моя работа с эвакуированными детьми 389
V-7. Тищенко Е. С., директор детского дома № 34 Гаврилов-Ямского района Ульяновской области. Моя работа в эвакуации 391
V-8. Гершенок Х. А., директор детского дома № 51. Ленинградские дети в эвакуации 394
V-9. Отчет Городищенского интерната № 38 о пребывании в эвакуации 416
V-10. Валерианова Н. Ф., воспитатель школьной группы 11-го детсада. Кукольный театр в 11-м интернате 441
V-11. Тельнова З. И., директор школы-интерната для глухих детей. Рассказ о жизни учащихся школы-интерната № 1 в эвакуации, 1941–1945 гг. 443
V-12. Никитина С. А. «Война. Эвакуация. Интернат. Коршик. Отрочество». Отрывок из книги «Жизнь на ладони» (Автобиография бабушки для внуков) 446
V-13. Воспоминания воспитателей и воспитанников интерната «Каменка». Из книги «Страницы воспоминаний». Образовательный центр «Гармония», Санкт-Петербург, 2000 ... 448
V-14. Щукина Е. Л. Из 2-го доклада в Музее истории Ленинграда 28.03.1962 «Работа с детьми в период блокады Ленинграда» 452
V-15. Справка о состоянии работы 10-го испанского детского дома в Молотовске 457
V-16. Поволоцкая М. Ю. Воспоминания ленинградской учительницы. Глава III. Эвакуация в Новосибирск. Первомайский РК КПСС 461
V-17. Фотографии из альбома детсада № 20 Смольнинского района 1943–1944 гг. 465

БЛОКАДНОЕ ТВОРЧЕСТВО ДЕТЕЙ И ПЕДАГОГОВ 473

Приложение VI

VI-1. Отчет о работе воспитательницы старшей группы детского сада № 26 С. Ф. Комаровой (1941–1942 год) 514
VI-2. Документальное письмо в детский сад № 1 завода «Красный треугольник» от воспитательницы Т. Н. Дементьевой, командированной на эвакуацию детей, оставшихся сиротами, из детсада в детдом. 10 апреля 1942 г. 526
VI-3. Стихи к олимпиаде детского творчества из журнала «Костёр»: Издательство ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1945, № 5 529
VI-4. Графическое творчество детей в дни Отечественной войны 530
VI-5. Дети о своих будущих профессиях 533
VI-6. Декоративное рисование детей старшей группы детсада № 8 Московского района, 1–11 марта 1943 года 534
VI-7. Рисунки о блокаде учащихся гимназии № 63 Калининского района 535

БЛОКАДНАЯ ПЕДАГОГИКА КАК РЕСУРС СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ 537

Топографическая справка 550
Благодарности 552

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», книга предназначена для детей старше 16 лет

Научное издание

Колесникова Ирина Аполлоновна
Груздева Наталья Владимировна
Дербилова Людмила Владимировна

БЛОКАДНАЯ ПЕДАГОГИКА

Монография

Второе издание, исправленное

Научный редактор: Колесникова И. А.
Корректор: Степанов С. В., Алмаметова С. С.
Оригинал-макет: Ганчурин А. В., Васильева Л. В.

Формат 60 × 90 $^{1}/_{8}$. Гарнитура Petersburg.
Подписано в печать 23.08.24 г.
Печ. л. 69,25. Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Бумага офсетная. Печать цифровая. Заказ № 266к

Издательство РГПУ им. А. И.Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

Отпечатано в РГПУ им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

ВОИН КРАСНОЙ АРМИИ,
СПАСИ!

Действующая
армия
Действующая
армия